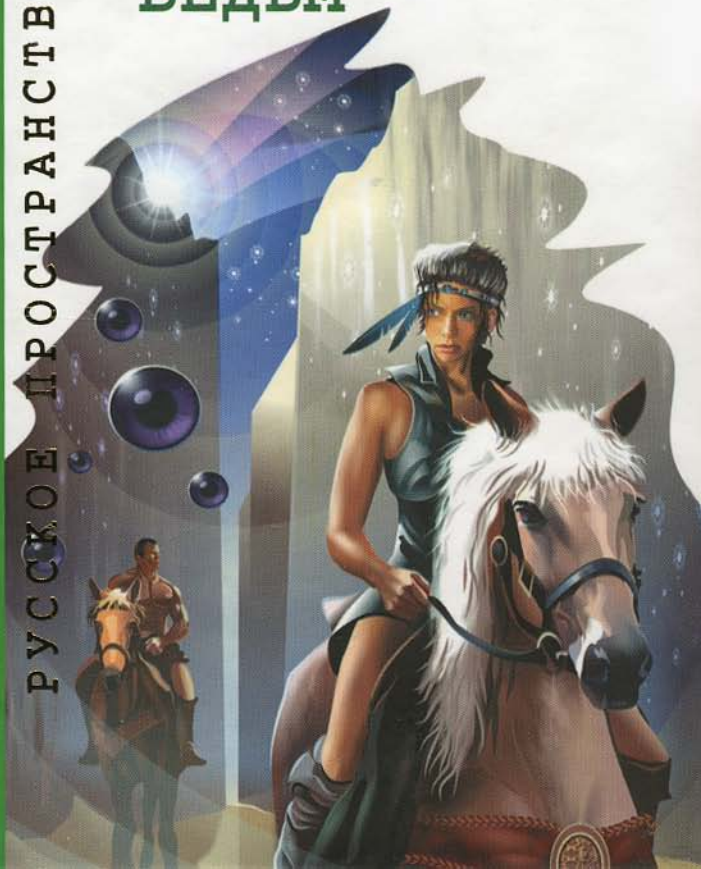
Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

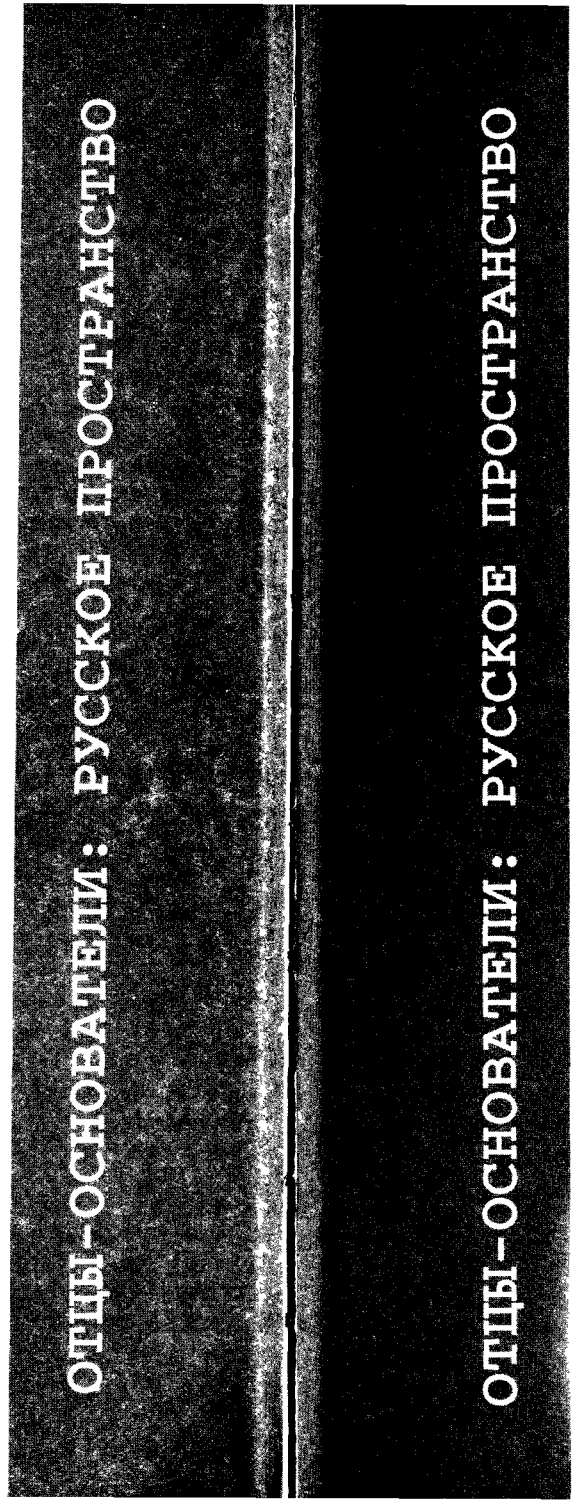
Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОДЗЕМЕЛЬЕ
ВЕДЬМ

Москва
ЭКСМО
2006

УДК 82-312 9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.
Б 90 Подземелье ведьм: Фантастические повести. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 1088 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство)

ISBN 5-699-12333-4

В данный том собрания сочинений Кира Булычева вошли два цикла произведений Первый — дилогия об агенте космического флота, бесстрашном космонавте Андрее Брюсе, который знаком любителям кинофантастики по фильму «Подземелье ведьм» Второи цикл объединяет повести, написанные на рубеже веков, они рассказывают о невероятных событиях, имевших место в городе Веревкине Тульской области Том дополняют совершенно различные по сюжету, стилю и интонациям повести «Ваня + Даша = любовь», «Тайна Урулгана» и роман «Любимец»

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-12333-4

© Булычев К., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

АГЕНТ КФ

Археолог Фотий ван Кун был счастлив. Ощущение счастья не зависит от масштабов события. Много лет ожидаемая победа, завершение бесконечного труда, окончание длительного путешествия могут вызвать усталость или даже разочарование. Неожиданная мелочь может переполнить человека счастьем.

Фотий ван Кун шел в гостиницу по улице Трех Свершений. За последние четыре дня этот путь, короткий и прямой, стал ему хорошо знаком и привычен. Десять минут неспешной ходьбы в тени домов, нависающих над пешеходом, как тыквы над муравьем. Генеральный консул Ольсен, маленький, толстый, вежливый эрудит, называл этот город огородом для великанов. «Этот тип жилища, — объяснил он Фотию ван Куну, — сложился здесь исторически. В период клановой вражды. Очень трудно штурмовать яйцо, поставленное на острый конец или поднятое на сваях. Поэтому и окна пробиты на высоте пяти метров, не ниже».

Раньше тыквы ярко раскрашивали в цвета клана, теперь в городах, где понятие клана отмирало, — согласно моде.

Высоко над головой тыквы почти соприкасались боками, и потому внизу, на мостовой, всегда были тень и прохлада. Когда ван Кун попадал на перекресток, солнечный жар ударял в лицо, и, подобно прочим пешеходам, Фотий ван Кун спешил в тень очередного дома. Он попал в город в самый жаркий период и после прохладной мрачности раскопок на Ар-А никак не мог привыкнуть к пыльной духоте. Особенно тяжко было в гостинице. Гостиница была построена в соответствии с требованиями времени и в расчете на туристов из иных миров. Она казалась чемоданом, забытым посреди арбузов. Кондиционирование в ней не работало, и если в традиционных домах двойные стены сохраняли тепло в холода и прохладу летом, то зеркальные плоскости гостиницы превращали ее в накопитель солнечного тепла. Лучший номер в гостинице, выделенный археологу, был одновременно и самым жарким местом в городе.

Возвращаясь в гостиницу, чтобы переодеться и принять душ перед лекцией, Фотий ван Кун с ужасом представлял себе, как он войдет в раскаленные анфилады залитых солнечным светом покоев, и в этот момент он увидел магазин.

В магазины, как и в дома, надо было забираться по крутой лестнице. Разглядывая вывеску, приходилось запрокидывать голову. И чтобы избавить покупателей от такого неудобства, торговцы выкладывали образцы товаров на мостовую, у основания лестницы. Разумеется, не самые ценные.

Фотий ван Кун уже несколько раз проходил мимо этой лавки. Но раньше он либо спешил, либо был окружен местными учеными, так что, видя образцы товаров, он их не замечал.

А сейчас остановился перед сделанной из папье-маше куклой в старинном костюме из птичьих перьев. Кукла глядела из ярко раскрашенной глиняной вазы. Фотий ван Кун догадался, что в этой лавке торгуют сувенирами. А так как археолог не был лишен любопытства, он поднялся по узкой лесенке, распахнул нависшую над ним плетенную из тростника дверь и ступил в круглое помещение.

При виде гостя хозяин лавки в знак почтения тут же натянул на голову серебряную шапочку и широким жестом сеятеля показал на большую таблицу-разговорник, прибитую к стене. Крайний правый столбец не очень грамотно изображал перевод нужных слов на космолингву.

Кивнув продавцу, ван Кун начал разглядывать товары на полках. Полный набор для охотника за сувенирами. Куклы, горшочки и вазы, игрушки из птичьих перьев, мраморные и аметистовые шарики для гадания, шерстяные циновки и коврики с узорами из бисера, шары, чтобы думать, старинные топорики с некогда ядовитыми шипами, золотые яйца черепах и шлемы из панцирей тех же черепах, шлепанцы для встречи гостей и сандалии для торжественных проводов, сумочки для любовных поэм, хрустальные с нефритовыми зрачками «глаза ласки», наборные посохи, семейка неизвестно как попавших сюда макетиков Эйфелевой башни, коллективные курильницы, схожие с дикобразами... Многое из этого ван Кун видел на базаре, куда его за день до того водил консул Ольсен, и, обладая хорошей памятью, запомнил функции этих предметов.

Ван Кун медленно шел вдоль полок, понимая, что раз он заглянул сюда, то должен что-то купить, чтобы не оскорбить продавца (это ему тоже объяснил Ольсен). Иначе продавцу придется делать подарок несостоявшемуся покупателю. Он искал глазами

что-нибудь не очень крупное, совершенно необычное и желательно полезное. Ван Кун был рациональным человеком.

И тут на нижней полке он увидел игрушечных солдатиков. И в этот момент Фотия ван Куна охватило ощущение счастья.

Улетая много лет назад с Земли, он оставил там большую, одну из лучших на Земле коллекцию игрушечных солдатиков. С тех пор ему не удавалось побывать дома, потому что жить приходилось в Галактическом центре, оттуда и летать в экспедиции — Земля слишком далека от Центра, и если ты избрал своим ремеслом космическую археологию, то на Землю ты, вернее всего, попадешь лишь к пенсии. Но страсть к собиранию солдатиков у ван Куна не проходила. К сожалению, искусство изготовления игрушечных солдатиков слабо развито в Галактике, и даже на весьма цивилизованных планетах о них и не подозревают. Ван Кун научился отливать их из олова и раскрашивать. Он проводил немало времени в музеях и на военных парадах, фотографируя и рисуя. Если на раскопках попадалось погребение воина, вызывали ван Куна. За двадцать лет его новая коллекция достигла тринадцати тысяч единиц, и если воссоединить ее с той, что осталась на Земле, то, безусловно, Фотий ван Кун стал бы обладателем самой представительной в Галактике коллекции солдатиков.

И вот, прилетев на несколько дней на Пэ-У с раскопок на Ар-А, планете в той же системе, будучи бесконечно занят, Фотий ван Кун заходит в лавку сувениров и видит на полке отлично исполненных солдатиков.

Скрывая душевный трепет, Фотий ван Кун подошел к таблице-разговорнику и провел пальцем от слов «Сколько стоит?» к соответствующей фразе на местном языке.

Продавец ответил длинной тирадой, из которой Фотий ван Кун не понял ни единого слова. Тогда ван Кун нагнулся, взял с полки солдатика и показал его продавцу. Продавец крайне удивился, словно никто из приезжих никогда не покупал солдатиков в его лавке, и, взяв с полки блестящий, переливчатый «шар, чтобы думать», протянул его ван Куну, полагая, что лучше покупателя знает, что тому нужно.

Ван Кун отыскал в таблице слово «нет».

Продавец с сожалением положил шар на место, подошел к таблице и показал на цифру в левом столбце. Ван Кун проследил глазами ее эквивалент в правом столбце и понял, что солдатик стоит дорого. Восемь элей. Столько же, сколько коврик из птичьих перьев или обед в приличном ресторане. Он очень удивился, но потом рассудил, что ценность вещи определяется сложностью ее изготовления. А солдатик был очень тщательно

сделан. Он был отлит из какого-то тяжелого сплава, а размером чуть превышал указательный палец. Его латы были изготовлены из кусочков медной фольги, плащ сшит из материи, а на маленьком личике и обнаженных руках тонкой кистью была наведена боевая татуировка. Ван Кун мысленно прикинул, сколько у него с собой денег. В конце концов, они ему не нужны. Завтра должен прилететь «Шквал» из Галактического центра с оборудованием и припасами для экспедиции. По крайней мере, мрачный представитель Космофлота Андрей Брюс твердо заверил, что корабль идет без опоздания. «Шквал» захватит с собой ван Куна и затем спустит его на катере на Ар-А. Неизвестно, побывает ли ван Кун вновь на Пэ-У. Вернее всего, никогда. А солдатики одеты в цвета кланов — это уже история, это уже забывается. Лишь в горных княжествах сохранились такие плащи. Да и традиционное оружие: духовые трубки, топоры с отравленными остриями, раздвоенные кинжалы — все это постепенно переходит в музеи. Или теряется, потому что мы всегда куда лучше бережем отдаленное прошлое, чем реалии вчерашнего дня.

Всего солдатиков на полке было штук шестьдесят. Все разные. Даже солдатики одного клана различались оружием и доспехами. Если взять все деньги, что хранятся в гостинице, то хватит.

Как настоящий коллекционер, привыкший не испытывать судьбу, ван Кун достал кошелек и выяснил, что с собой у него есть тридцать три эля. То есть можно было купить четырех солдатиков.

Ван Кун отобрал четырех солдатиков в наиболее характерной одежде, осторожно отнес их на прилавок и положил рядом тридцать два эля.

Тут он заметил, что продавец явно напуган.

— В чем дело? — спросил ван Кун. Времени у него уже было в обрез. Через полчаса его ждут в Школе Знаний.

Продавец ответил непонятной тирадой, отделил одного из солдатиков, затем взял восемь элей и остальные деньги отодвинул ван Куну.

— Ну уж нет, — сказал ван Кун, который был упорным человеком. — Это честные деньги, мне ничего лишнего не надо. Сейчас вернусь, возьму остальных. — И он показал жестом, что намерен забрать всех солдатиков.

Неизвестно, понял ли его продавец, но в конце концов он забрал деньги, достал коробочку, устланную птичьим пухом, положил туда солдатиков, закрыл сверху бумагой. Он спешил и старался не смотреть на покупателя.

Ван Кун отыскал в таблице слово «спасибо», произнес его и, осторожно неся коробочку, пошел к выходу. От тростниковой двери обернулся и увидел, что продавец уже снял серебряную шапочку и вытирает ею лоб.

— Скоро вернусь, — сообщил ему ван Кун.

* * *

Фотий ван Кун был счастлив.

Счастье коллекционера — совершенно особый вид радости, доступный далеко не всем. Чувство это в чистом виде бескорыстно, так как настоящий коллекционер с одинаковой интенсивностью будет радоваться приобретению грошового или бесценному — важна не стоимость, а факт обладания. Не так много нашлось бы в Галактике людей, способных разделить радость ван Куна. Но такие люди существовали, хоть и разделенные световыми годами пути. Ван Кун, не замечая пыли, висящей над городом, раскаленных пятен света, встречных прохожих, глядевших на него как на экзотическое существо, спешил к гостинице. Если бы разумный человек сказал ему, что солдатики, стоящие в магазине, никуда не убегут и их можно отлично купить вечером, а то и завтра, ван Кун бы даже не улыбнулся, и, несмотря на то, что он был нормальным, лишенным излишней мнительности человеком, он бы ускорил шаги, заподозрив вас в желании перекупить солдатиков.

Строя в воображении трагические картины, в которых безликий и безымянный конкурент уже входит в лавку, чтобы скупить солдатиков, ван Кун промчался по холлу гостиницы, пробежал два пролета лестницы наверх (лифт пока не работал), вспомнил, что не взял у портье ключ, вернулся обратно, снова вознесся по лестнице на четвертый этаж, задыхаясь, обливаясь потом, повернул ключ, вбежал в номер, осторожно положил на кровать коробку с солдатиками, начал быстро раздеваться, чтобы принять душ. При этом он продвигался к письменному столу, чтобы достать оттуда деньги.

Он выдвинул верхний ящик. И удивился. Кто-то основательно покопался в ящике письменного стола.

Будучи аккуратистом, Фотий ван Кун принадлежавшие ему вещи всегда раскладывал так, чтобы разделяющие их линии были строго вертикальны. Говорят, что однажды, на межзвездной археологической базе Афины-8, он упал в обморок, потому что на стене, вне пределов его досягаемости, криво висела репродукция с какой-то картины. Полчаса Фотий ван Кун глядел на нее, не

отрываясь, все более бледнея, а затем с ним приключился обморок.

Тренированному глазу Фотия ван Куна достаточно было мгновения, чтобы понять: в его бумагах рылись, и некто, складывая их обратно, не смог соблюсти прямых линий между папками и листами. Более того, преступник выкрал бумажник с деньгами и документами археолога. И, что было для Фотия самое неприятное, разворошил и рассыпал заветную коробку с лекарствами.

В иной ситуации Фотий ван Кун внимательно бы изучил, не исчезло ли что-либо еще, вызвал бы администратора гостиницы, позвонил бы по громоздкому синему, похожему на старинную швейную машинку телефону в генеральное консульство. Но в тот момент Фотия ван Куна огорчила лишь пропажа денег и, следственно, провал операции «Солдатики». Фотий ван Кун подумал, не оставил ли он бумажник в куртке, которую надевал вечером, когда было прохладно. Он раскрыл стенной шкаф. Куртка валялась на дне шкафа. Бумажника в ней не оказалось.

Ирреальная надежда найти деньги заставила археолога потерять еще несколько минут, ползая под кроватью, обыскивая ванную и прихожую. Везде он наталкивался на следы неумелого, неаккуратного, спешного, но дотошного обыска.

В конце концов Фотий ван Кун вынужден был отказаться от надежды найти бумажник. Он проклял эту планету, проклял свою страсть к солдатикам и понял, что до начала его заключительного выступления в Школе Знаний осталось всего семь минут.

Фотий ван Кун был пунктуальным человеком и не выносил опозданий. В течение шести минут ему надо было переодеться (о душе уже и речи не шло), добежать до Школы Знаний и желательно заскочить в магазин сувениров и объяснить продавцу, что завтра же он раздобудет денег и купит остальных солдатиков, так что, «пожалуйста, не продавайте их никому».

Переодевался Фотий ван Кун так быстро, что не осталось времени толком подумать. Правда, ван Кун предположил, что стал жертвой грабителей, которых, как он слышал, здесь немало. Государство лишь сравнительно недавно выбралось из темной эпохи враждующих кланов, а первые заводы, школы, первое централизованное правительство возникли чуть более века назад. Так что планета Пэ-У влетела в космическую эру, еще не успев пережить до конца свое социальное детство. В окружающих столицу горах, на островах в океане, в иных небольших государствах все еще царили обычаи варварства, и стихия первобытных отношений порой, как прибойная волна на излете, хлестала по новому

миру городов. Галактический центр отнес Пэ-У к мирам ограниченного контакта, и отношения с планетой должны были строиться крайне осторожно, без вмешательства в процесс ее естественного развития.

Правда, в истории Галактического центра уже не раз возникали сложные коллизии с этим ограниченным контактом. Но панацею на все случаи жизни отыскать нельзя.

Как нетрудно предположить, в сложном немирном организме Пэ-У возникли силы, желавшие добиться преимущества, опираясь на Галактический центр, на его громадные возможности, на достижения его науки и технологии. Этим силам хотелось куда большего участия Галактики в делах планеты. Уже одежды первых космонавтов, прибывших на Пэ-У, уже интерьеры их кораблей, приборы и машины, которыми пользовались пришельцы, давали достаточно пищи для рассуждения и, скажем, зависти. От этого возникала и обида. Когда-то у оставшихся в каменном веке папуасов Новой Гвинеи был странный обряд. Они, памятуя о том, сколько ценных и интересных вещей им удавалось отыскать на упавших во время войны самолетах, уже после нее строили самолеты из дерева и бамбука, надеясь таким образом подманить настоящий самолет.

Фотию ван Куну была известна история, происшедшая лет за тридцать до этого совсем на другой планете. Там местные жители захватили врасплох галактический корабль, перебили его команду и растащили содержимое. Сам же корабль был водружен на постамент в качестве космического божества.

Но чем активнее на планете типа Пэ-У становились сторонники контактов и заимствований, тем энергичнее действовали изоляционисты. Они утверждали, что присутствие людей из Галактического центра таит реальную и неотвратимую угрозу образу жизни, освященному столетиями. И полагали, что если удастся изгнать внешнюю угрозу, то жизнь вернется к законам золотого века. Забывая при этом, что до прилета корабля золотого века не было и что, даже если на планете не останется ни одного человека из Галактического центра, непоправимое уже свершилось: жизнь на планете никогда не будет такой, как прежде. А те, кто стремится к контакту, рано или поздно возьмут верх.

В то время, когда Фотий ван Кун прилетел на Пэ-У, там царило определенное равновесие, поддерживаемое не без влияния Галактического центра. На планете находилось генеральное консульство Центра, было представительство Космофлота и даже космодром. Студенты из Пэ-У учились вне планеты, группа медиков из Центра изучала эпидемические заболевания и обучала

коллег бороться с ними... в общем, «ограниченный контакт». В надежде на экспертов и туристов была сооружена громадная кубическая гостиница. Ее единственным жильцом, не считая редких местных туристов, для которых ночевка в гостинице была экзотическим приключением, и оказался археолог Фотий ван Кун. Гостиница была подобна бамбуковой копии самолета — вода в ней текла еле-еле, лифты не работали, из щелей дул горячий ветер, и генеральный консул, милейший Ольсен, предупреждал приезжих, чтобы ни в коем случае там не селились. Обычно его все слушались и останавливались либо в обычной старой гостинице, либо в консульстве. Но Фотий ван Кун был гостем Школы Знаний и личностью настолько видной, что пришлось отдать его на престижное растерзание.

Фотий ван Кун отлично знал, что в городе обитают не только мирные обыватели, но и воры, разбойники и убийцы, что по ночам у озерных причалов и в темных кварталах, перенаселенных беженцами с гор, сражаются банды и стражники туда не заглядывают. Так что, расстроившись из-за кражи, он не очень удивился и как разумный человек размышлял, у кого бы одолжить денег на солдатиков — у консула или у Брюса?

За две минуты он успел стащить с себя потную, пропылившуюся холщовую куртку, широкие, юбочкой, белые шорты — мода прошлого десятилетия, удобная на раскопках и в жарких местах, легкие золотистые сандалии, купленные на базаре в Паталипутре. Еще минута ушла на то, чтобы достать из шкафа сброшенный грабителем, чуть помятый, но вполне приличный фрак с пышными плечами, серые лосины, матовые черные туфли с чуть загнутыми носками, серебристого цвета сорочку с пышным жабо (официальная мода консервативна). Разумеется, Фотию ван Куну не пришло в голову тащить с собой на раскопки, а оттуда в Пэ-У вечерний наряд — консул Ольсен выдал ему этот набор вчера. У консула в специальной кладовой стояла длинная, костюмов на пятьдесят, стойка, отчего кладовая была похожа на старомодный магазин. Добрейший Ольсен был блюстителем этикета — не из каприза — в клановом обществе Пэ-У вопросы этикета занимали очень важное место. И профессор из Центра, читающий официальную лекцию в Школе Знаний, обязан соответственно одеваться.

Фотий ван Кун успел взглянуть в кривое, плохо отшлифованное зеркало и показался себе, несмотря на сдержанность тонов своего одеяния, похожим на экзотическую птицу.

Он уже готов был бежать, но вспомнил, что обещал консулу прикрепить к лацкану знак Археослужбы — золотые буквы

КАС на фоне серебряного Парфенона. Это заняло еще тридцать секунд. Поиски папки с планами раскопок, оказавшейся под столиком, — еще двадцать секунд. Папка была тоньше, чем утром, но Фотий ван Кун этого не заметил.

Бег вниз по лестнице — тридцать три секунды.

Поскользнулся на пахнущем керосином паркете — балансировал на грани падения — четыре секунды.

Влетел в дверь ресторана и размышлял, где же дверь на улицу, — двенадцать секунд.

Выскочил на улицу, задохнулся от ослепительной жары.

Оранжевое солнце уже садилось и било прямо в лицо, золотя и пронзая столбики пыли.

Фотий ван Кун понял, что забыл накинуть короткий плащ, имевший какое-то символическое значение в лабиринтах этикета, чуть было не кинулся обратно в гостиницу, но удержался. Хотел было остановить парного рикшу — муж крутил педали, жена бежала сзади, держа опахало, но вспомнил, что у него нет денег. Рикша остановился, глядя выжидательно на удивительное существо в черном одеянии, означающем в некоторых кланах смертную месть. Видно, вспомнив об этом, рикша нажал на педали, жена засеменила сзади. Впоследствии рикша внес свою долю путаницы в это дело, показав страже, что Фотий ван Кун был вооружен и совершал руками характерные для мстящего жесты ярости. В памяти рикши образ человека в черном дополнился недостающими, но обязательными деталями кровавого ритуала. Его жена могла бы точнее рассказать о Фотии ван Куне, но ее, разумеется, никто не спрашивал, так как показания простолюдинки юридической силы не имеют.

Разлучившись с рикшей, Фотий ван Кун побежал по улице, стараясь скорее достичь спасительной тени гигантских арбузов. Ему было очень жарко, и он задыхался в несколько разреженном по земным меркам воздухе Пэ-У. Шесть минут уже истекли, и он опаздывал.

Еще на секунду Фотий ван Кун задержался у магазина сувениров. Он разрывался между необходимостью спешить и желанием подняться по лестнице и уговорить продавца, чтобы тот не продавал солдатиков до завтра.

Продавец видел Фотия ван Куна сквозь щели в тростниковой двери, но не пригласил покупателя внутрь, потому что был напуган предыдущими действиями ван Куна. Теперь же, увидев его в черном костюме, он быстро отступил назад и спрятался за прилавок.

Поэтому он не увидел того, что мог бы увидеть, останься у двери.

В этот момент Фотий ван Кун находился в глубокой тени под нависшим боком дома-тыквы. Улица была пуста. Предзакатный час — самый жаркий и пыльный в городе, и прохожих на улице не было.

Фотий ван Кун ни о чем не догадался, потому что его ударили дубинкой сзади. Желтой костяной дубинкой, какими обычно вооружены горцы.

Удар был сильным, и Фотий ван Кун ничего не успел понять.

* * *

От агентства до космодрома было чуть больше часа езды. Более-менее пристойный космодром был сооружен лет двенадцать назад, но вот дорогу к нему, что должны были взять на себя городские власти, так и не сделали.

По сторонам, уменьшаясь к окраинам и редея, тянулись полосатые дома-дыни с маленькими треугольниками окошек — будто кто-то проверял, спелые ли дыни. Из окон торчали длинные шесты с развешанным на них бельем. Старый космофлотский фургончик подпрыгивал на кочках, рыжая пыль застилала окна. Торговцы, сидевшие вдоль дороги, были рыжими, и их товар тоже был рыжим.

Чистюля ПетриА задвинула окошко, стало еще жарче, но пыль все равно проникала внутрь и скрипела на зубах.

— Вы обещали вызвать мастера, чтобы починить кондиционер в фургоне, — сказал Андрей Брюс своему заместителю ВосеньУ. — Стыдно перед пассажирами.

— Пускай пришлют новый фургон, — ответил тот. Он сдул пыль с толстого портфеля, с которым никогда не расставался. — Наши мастера ничего не понимают в земных кондиционерах. И вообще в кондиционерах.

— Это неправда, — сказал Брюс, глядя в упор на ВосеньУ, что было по тамошним меркам не очень прилично. Но ВосеньУ всегда буравил Брюса фиолетовыми пятнышками своих зрачков. — В консульстве на той неделе починили кондиционер.

— А ты не спрашивал, — вмешалась ПетриА, чтобы переменить тему разговора. — Что в консульстве говорят о пропавшем археологе?

— Увидим консула на космодроме — спросим, — сказал Андрей. — Пока вроде бы ничего нового.

— Все в городе знают, — сказал ВосеньУ, — что археолог мстил клану Западных вершин.

— Чепуха, — сказал Андрей убежденно. — Археолог здесь четыре дня. Он не знает никаких кланов. Он все время проводил в Школе Знаний. Зачем ему кланы?

— Он продал им свои карты. Но ему не заплатили, — сказал ВосеньУ. — Он потерял честь.

ВосеньУ дунул себе на плечо, на золотое крылышко. Он сам придумал себе космофлотскую форму. Даже в этом мире ярких и разнообразных одежд он умудрился выделяться. Может, потому, что его клан был слаб, почти все мужчины погибли в сварах с Речным кланом, и клан отказался от мести, чтобы выжить, — подобно собаке, которая, проиграв схватку, ложится на спину, подставляя сопернику живот. И тот уходит. Если бы не было такого обычая в яростной борьбе кланов, в сложнейшей системе кодексов чести, жители планеты давно бы перебили друг друга.

Карты археолога пропали. Это было известно. ВараЮ, начальник городской стражи, сказал об этом консулу в тот же вечер. В номере археолога Фотия ван Куна кто-то все переворошил, перевернул, вряд ли это успел бы сделать сам жилец, который, по сведениям портье, был в номере несколько минут. И там не было папки с бумагами, которая исчезла вместе с археологом.

В номере были найдены четыре фигурки, четыре фигурки мести, правда, неразрезанные, но самые настоящие фигурки мести. Клановая вражда никогда не начинается неожиданно. Если ты намерен выйти на путь войны, то по законам чести ты обязан приобрести специальную фигурку мести — одетого в тряпочки солдатика, которые продаются в специальных лавках, — затем отрезать ему голову и в таком виде выслать или отнести представителю клана, на который ты намерен идти войной.

Самое удивительное в этой удивительной находке было то, что археолог зачем-то приобрел четыре фигурки мести, из трех различных кланов. В том числе одного солдатика из могучего клана Причалов, известного дурной репутацией и настолько сильного и бесстыжего, что даже западные горцы не смели его задеть. Так вот получается, что земной археолог вышел на путь войны сразу против трех кланов. Уму непостижимо. В этом было какое-то недоразумение, ошибка. Но зачем же еще можно покупать эти маленькие фигурки в военной одежде?

Может, просто из любопытства?

К сожалению, эта гипотеза опровергалась всеми остальными свидетельствами.

У археолога было полчаса свободного времени. Он спешил.

Ему надо было захватить планы раскопок и переодеться. Ему некогда было гулять по сувенирным лавкам. Да и не было еще в городе сувенирных лавочек, не доросли местные жители до этого. Сувениры — дело будущего, для сувениров нужны туристы...

ПетриА не выносила, когда у Андрея плохое настроение.

Здесь у женщин сильно развита интуиция, это уже не интуиция, а нечто среднее между интуицией и телепатией.

ПетриА положила кончики пальцев на руку Андрея.

— Не волнуйся, — сказала она — Может, он пошел в вертеп.

Андрей улыбнулся. Раньше, когда он здесь был новичком, такое предположение, тем более из уст молодой девушки, его бы удивило. Солидный археолог пропадает в вертепах. Но для ПетриА это предположение было естественным и никак не порочило мужчину. Еще лет сто назад девушек из хороших, но обедневших семей отдавали на год или больше в вертеп — их там учили танцевать, петь, ухаживать за гостями. И, естественно, общаться с мужчинами. Очевидно, это равнодушие происходило от запутанности родственных отношений, совершенно непонятных приезжему. Клан включал не только кровных родственников, но все в клане считались родственниками. Андрей и не старался разобраться в этой путанице — наверное, из всех землян это мог сделать лишь консул Ольсен, узнавший за двенадцать лет жизни здесь и язык, и обычаи лучше многих аборигенов. Правда, Андрея смущало — и с этим трудно было примириться, — что ПетриА была его дочерью, хотя родилась лет за двадцать до его появления на планете.

Ошибку совершил уже предшественник Андрея, Карлос Перес, который на обеде посадил недавно взятую на работу секретаршу представительства ПетриА между собой и второй (восточной) женой министра Сообщений, а министр Сообщений в то же время был вице-главой клана Западных Ву, что автоматически делало его жрецом святилища Каменного дракона. А так как на том злосчастном обеде присутствовал и отец (настоящий отец) ПетриА, то свидетельство удочерения было отныне нерушимо. Ни ПетриА (которая поняла, что происходит), ни Карлос Перес (который ничего не понял) не придали значения тому происшествию. Когда же Андрей Брюс сменил Переса, то он унаследовал не только контору, но и приемную дочь Переса. И, уж конечно, Андрей не подозревал о том, что вступил в родственные отношения с братом ПетриА, никчемным головотяпом и бездельником, и с мамой ПетриА, ленивой толстой дамой, на которую отныне теоретически распространялись супружеские права.

Все бы шло и дальше, очевидно для одних, незаметно для других, если бы ПетриА не влюбилась в представителя Космофлота Андрея Брюса, а сокращенно агента КФ ДрейЮ, а тот, по прошествии некоторого времени, не ответил бы взаимностью секретарше агентства — смуглой, маленькой, светлоглазой ПетриА.

ПетриА, как было принято в некоторых передовых семьях планеты, в возрасте пятнадцати лет была вместе с тридцатью другими детьми из высокопоставленных кланов отправлена на рейсовом корабле в Галактический центр, в школу для инопланетян, где проявила себя обыкновенной, не очень талантливой, но в меру умной ученицей. Она вернулась домой через три года, овладев несколькими языками, проглядев миллион фильмов и научившись худо-бедно вести конторское хозяйство — от диктофона до кабинетного компьютера — и оставив в Галактическом центре безутешного поклонника.

...Когда панспермия стала научным фактом, это не приблизило ученых к пониманию причин того, что разумная жизнь в пределах известной нам Галактики возникла на основе того же набора хромосом, что и на Земле. Разумеется, религиозные учения предлагают высший разум как носителя этого единства. Ведь мир неразумный, утверждают они, весьма различен во всех обитаемых мирах. Везде он движется к своей вершине — разуму, везде возникают и отмирают ветви великого дерева зоологии, и везде человек разумный появляется относительно сразу, неожиданно, а недостающего звена так нигде и не найдено. Следовательно, в эволюцию на каком-то этапе обязательно вмешается Провидение, которое осеменяет ту или иную планету согласно единому генетическому коду, и на планете начинает плодиться вид хомо сапиенс. Под влиянием различных условий существования он может быть черным, белым, зеленым, желтым, губастым, плосколицым, высоким, маленьким, курчавым или безволосым, но обязательно принадлежит к одному и тому же виду. От смешения земных и галактических рас возникают гибриды, плодя многообразие галактического человечества. Но при этом оно остается Человечеством.

Иначе рассуждают большинство биологов. Они утверждают, что в живой природе набор хромосомных вариантов ограничен, законы эволюции в определенных природных условиях действуют схоже, и разнообразие внешнее скрывает в себе удивительное внутреннее сходство. И не следует утверждать, что на лестнице эволюции до человека миры Галактики так уж разнообразны — мы можем обнаружить генетические закономерности среди существ, казалось бы, совершенно различных. Драконы с Крайи генетически родственники галапагосских черепах. Так что мож-

но говорить о возникновении жизни как таковой в каком-то едином центре Галактики с последующим распространением ее в виде спор по Вселенной. Но раз уж она утвердилась на планете — далее законы развития неизбежно приведут ее, если не будет губительного катаклизма, к появлению человека. И далее действуют законы конвергенции — подобного развития в подобных условиях. Человек же, отрываясь от природы, переходит под власть законов социальных.

В тот момент, когда Андрей Брюс наконец сообразил, что эта смуглая бесплотная девушка его любит, перед ним встала проблема: имеет ли он моральное право на взаимность? Не следует думать, что взаимности не было. И случись это пять лет назад, не лишенный самомнения бравый капитан Брюс не стал бы скрывать своих чувств. Иное дело, когда ты — жалкая тень самого себя. Обломок, из милости оставленный в Космофлоте, но не в летном составе, а получивший отдаленную синекуру — спокойный пост на полудикой планете. Впрочем, он сам этого хотел. Чем меньше он будет видеть старых знакомых, чем меньше будут сочувствовать или снисходительно посмеиваться за спиной — тем легче дотянуть до конца. Можно было, конечно, вернуться на Землю — маленькую планету в стороне от космических путей, родину его деда (сам Андрей, как и многие галактические земляне, родился на Земле-3, в центре Галактики, откуда Земля не видна даже в сильнейший из радиотелескопов). Вернуться, как возвращаются в старости многие земляне, вдруг ощутившие свою связь с родиной предков, как зверь, идущий умирать в родной лес. Но он был еще молод — сорок лет не возраст для отдыха. Склонности к литературному труду или писанию картин он не испытывал. И был все равно смертельно и до конца дней своих отравлен космосом. Место на этой планете было связано с несбыточной надеждой — может, когда-нибудь он вновь поднимется к звездам, пускай юнгой, третьим штурманом — кем угодно.

А пока он не выходит на улицу после захода солнца. Чтобы не видеть звезд.

Если твоя жизнь фактически завершена и надежды — совсем без надежд не бывает даже висельников — столь туманны, зыбки и неверны, что нельзя в них верить, ты не имеешь права приковывать к своей сломанной колеснице других людей.

Образ сломанной колесницы был литературен, навязчив и банален.

ПетриА сама ему все сказала. Разумно и рассудительно, как и положено девушке из хорошего городского клана.

Они провожали группу экспертов-строителей, которые проектировали плотину в горах, откуда в дождливый сезон на столицу обрушивались грязевые потоки. Эксперты с Фрациолы были длинными, худыми, темнолицыми, молчаливыми людьми. К тому же одинаково одеты — в синие тоги, в черные шляпы с клювом вытянутого вперед поля. Различать их было невозможно, говорить о чем-либо, кроме бетона, почти невозможно. Развлекать, когда они не выражают эмоций, очень трудно. К тому же из-за неполадок в посадочном устройстве корабль задержался с отлетом, и весь вечер пришлось провести на космодроме, вежливо беседуя о бетоне.

Устали в тот вечер они ужасно. И ПетриА, и Андрей. ВосеньУ, разумеется, ушел сразу после обеда, сославшись на хронический насморк.

По дороге с космодрома заехали в контору, чтобы оставить документы. Потом Андрей собирался подкинуть девушку до дома.

Шел теплый мелкий дождь. Андрей подогнал фургончик к самой двери.

Контора была пристроена снизу к дому-тыкве — он казался грибом-дождевиком на стеклянной ноге.

Стена дома нависала сверху, так что у дверей было сухо.

Витрина светилась еле-еле: ее выключали на ночь — очень дорого стоит электричество.

Андрей выскочил из фургончика, протянул руку ПетриА.

На деревьях, устраиваясь на ночь, громко кричали птицы.

ПетриА не выпустила руки Андрея. Она стояла рядом, крепко сжимая его ладонь.

— Ты устала? — спросил Андрей.

— Я тебя люблю, — сказала ПетриА. — Я весь день хотела тебе это сказать.

— Не говори так, — сказал Андрей. Он хотел сказать: «Не говори глупостей», но сдержался, потому что обидел бы ее.

— Я ничего не могу поделать. Я старалась не любить тебя. И это плохо.

— Плохо, — согласился Андрей, не зная еще, что ПетриА имеет в виду их родственные отношения. Он думал о себе. О том, что не имеет права любить ее.

Они вошли в контору.

ПетриА зажгла свет.

Андрей прошел за стойку и открыл дверь к себе в кабинет.

— Скажи, — спросила ПетриА из приемной, — а независимо от закона, если бы ты не боялся, ты бы мог меня полюбить?

— Я думал, что ты догадаешься, — сказал Андрей, отворяя сейф и кладя туда сумку.

Он запер сейф, вышел и остановился на пороге кабинета. ПетриА сидела на низком диванчике, поджав ноги в синих башмаках с длинными загнутыми по моде носками. Она крутила вокруг указательного пальца голубую прядь волос. Лишь это выдавало ее волнение. По обычаю, эмоции здесь отданы на откуп мужчинам. Женщине неприлично выдавать себя. А ПетриА была девушкой из очень знатной семьи.

— Я беру проклятие на себя, — сказала ПетриА. — Ты можешь быть спокоен.

Андрей сел рядом. Что-то было неправильно.

— Я не понимаю, — сказал он, — почему ты должна взять на себя проклятие?

— Я скажу тебе завтра. С твоей точки зрения, это чепуха.

— Мне проводить тебя?

— Я останусь у тебя этой ночью.

— А дома? — Андрей понял, что подчиняется девушке. Словно она знает настолько больше его и ее уверенность в том, что все должно случиться именно так, дает ей право решать.

— Дома знают, что я осталась на космодроме. Тебе неприятно думать, что я все предусмотрела заранее? Но я ведь чувствовала твое волнение. Много дней.

Лестница в комнаты Андрея вела из коридора за его кабинетом.

Больше в этой тыкве никто не жил. Андрей занимал лишь один этаж.

Верхний этаж был пуст, там гнездились сварливые птицы и по утрам громко топотали над головой, шумно выясняя отношения.

Птицы и разбудили их, когда начало светать.

— Ты сердишься? — спросила ПетриА. — Твои мысли тревожны.

— Ты обещала мне рассказать.

Луч восходящего солнца вонзился горизонтально в комнату, высветил на дальней, округлой стене треугольник окна, задел стол и заиграл золотыми блестками голубого парика ПетриА.

Под париком волосы оказались короткими и шелковыми. Почти черными.

Проследив за взглядом Андрея, девушка вскочила с постели и, подбежав к столу, схватила парик и надела его.

— Еще ни один мужчина не видел меня без парика, — сказала она. — Ты знаешь?

— Без парика ты лучше.

— Когда я буду приходить к тебе, я всегда буду снимать парик. Но жена так делает только наедине с мужем.

— Ты обещала рассказать.

ПетриА сидела на краю постели, закутавшись в халат Андрея, голубой парик казался светящимся нимбом. И она рассказала ему о нечаянном удочерении.

Андрей не стал смеяться и не сказал, что это чепуха. За время, проведенное здесь, он привык принимать незыблемость здешних табу.

— Этот обычай, как бы ты ни думал, как бы я над ним ни смеялась, выше нас. Я позавчера ездила к источнику Святого откровения. Но источник не дал мне знака. И я решила, что пускай будет проклятие.

— Но ты же сама отлично понимаешь, что не можешь быть моей родственницей, тем более по наследству от Переса, которого я в глаза не видел.

— Не надо больше говорить. Это ничего не изменит. Пойми только, что мы не можем никому сказать.

— Но я хочу, чтобы ты жила вместе со мной.

— Я буду приходить к тебе, когда можно.

— Я хочу, чтобы ты была моей женой. У меня нет никого на свете. Только ты. Неужели ничего нельзя сделать?

— Можно пойти к оракулу Перевернутой долины. Туда надо идти три месяца. Через горы. И там сейчас война.

— Тогда я увезу тебя.

— Может быть. Но я думаю, что добрый Ольсен не разрешит. Он ведь боится испортить мир. А наш клан оскорбить нельзя. Он третий клан столицы.

— Я знаю. И все же я тебя увезу.

— Наверное, если я тебе не надоем.

ПетриА вдруг улыбнулась, на мгновение коснулась его щеки ресницами. Она была так легка и бесплотна, что ее боязно было любить, но всегда хотелось опекать.

Месяца через два Андрей снова завел разговор с ней. Может, он пойдет к ее отцу?

— Если он догадается, тебе никогда меня не увезти, — сказала ПетриА твердо. — Меня спрячут в нашу крепость, в горах. Там тебе меня не отыскать, даже если на подмогу тебе прилетят все корабли Галактики. Все твои друзья.

— У меня не осталось друзей, — сказал Андрей.

— А тот капитан, который прилетал сюда на «Осаке»? Он был у тебя. Вы долго говорили. Я спросила его: ты хороший человек? Он сказал, что ты очень хороший человек. Значит, он твой друг?

— Нет, просто мы с ним когда-то летали. Сослуживцы. Космофлот велик.

— Я знаю. У нас есть все справочники.

— Мне нелегко, милая.

— Я тоже хочу жить с тобой. И хочу, чтобы у нас были дети. Только я умею ждать.

Этот разговор был совсем недавно. И после него Андрей решил просить о переводе на другую планету или в Центр. Он понимал, что его заявление кого-то удивит. Но его удовлетворят. Если будет место. Но послать это заявление означало еще раз признать свое поражение, еще раз не выполнить своего долга. А Андрея Брюса растили и воспитывали как человека долга.

* * *

Оставив ПетриА в единственном небольшом зале космопорта и отправив ВосеньУ на склад узнать, освободили ли место для грузов, Андрей Брюс поднялся на вышку, к диспетчерам.

В стеклянном колпаке диспетчерской было жарко. В открытое окно проникала рыжая пыль.

Оба диспетчера поднялись, здороваясь. Андрей поклонился им. Они были знакомы. Старший диспетчер год назад вернулся с Крионы, где стажировался.

Младший, загорелый, в клановой каске Восточных гор, похожей на шляпу мухомора, взял со стола листок бумаги.

— Корабль второго класса, серии Гр-1, «Шквар», порт приписки Земля, находится на планетарной орбите. Связь устойчивая. Посадка в пределах сорока минут.

«Шквал», — мысленно поправил диспетчера Андрей. В здешнем языке нет буквы «л» и шипящие звучат твердо. Вслух поправлять было нетактично. Тем более горца.

— Кто капитан? — спросил он.

— Якубаускас, — сказал старший диспетчер, включая экран. — Он ждет связи.

Длинные пальцы диспетчера пронеслись над пультом, на овальном экране возникло рубленое лицо Витаса.

— Андрей, — сказал Витас, — я рад тебя видеть.

— Здравствуй, — сказал Андрей. — Как полет?

— Лучшая игрушка за последнее столетие. Мне сказали, что ты здесь, и я ждал встречи.

— Через час увидимся.

Андрей Брюс спустился вниз. В зале ПетриА не было. Зал по-

казался пустым, хотя в нем сновали люди: прилет корабля всегда событие, привлекающее любопытных. Прилет корабля собирает больше зрителей, чем птичьи бои.

Некоторые узнавали агента Космофлота. Он раскланивался с ними.

Хорошо, что прилетел именно Якубаускас. Хоть он все знает, он не будет задавать вопросов и бередить раны.

— Скажите мне, — обратился к Андрею репортер одной из двух возникших по примеру цивилизованного мира газет, — вам приходилось летать на гравитолете?

— Нет, — ответил Андрей, не останавливаясь. Он шел к выходу на поле. — Гравитолеты появились только в последние годы.

— Это первый гравитолет в нашем секторе?

— Это первый гравитолет, который опустится на Пэ-У, — сказал Андрей.

В тени здания гудела толпа. Такого Андрей здесь еще не видел. Те, кому не хватило места в тени, расположились на солнце, маялись от жары, но не уходили. Впрочем, их можно было понять. Еще никогда на Пэ-У не опускался космический корабль. Здесь видели лишь посадочные катера и капсулы, внушительные сами по себе, но значительно уступающие кораблям. Сами лайнеры оставались на орбите. Они не приспособлены входить в атмосферу. Гравитолеты же могут опускаться где угодно.

Когда Андрей еще летал сам, они мечтали о гравитолетах. Тогда проводились испытания, и вскоре был заложен первый в серии корабль. Это было чуть больше десяти лет назад. Тогда они летали вместе с Якубаускасом. Он был вторым помощником на «Титане», а Брюс — старшим помощником.

Рыжая пыль ленивыми волнами ползла над полем. Зрители терпеливо ждали. Тускло поблескивали пыльные шлемы, покачивались модные шляпы-зонты. Пронзительно верещали продавцы шипучки, кудахтали торговцы фруктами, глаза ел дым жаровен. Господин Пруг, наследник витора Брендийского, самый экзотичный тип в городе, стоял на высокой подставке, похожей на шахматную ладью. Когда-то лицо его было обыкновенным, потом широко расплылось, и глаза, нос, рот затерялись в щеках. Его молодцы в голубых, с синим горохом накидках оттесняли зевак, чтобы те случайно не задели столь важную персону.

Наследник увидел Андрея, когда тот был в дверях, и зазвенел браслетами, высоко воздев толстые лапищи.

— ДрейЮ, сегодня у меня ужин! Ты приглашен вместе с капитаном!

Наследник престола хотел, чтобы весь город об этом узнал.

Андрей изобразил на лице светлую радость. Чертов боров, подумал он, сегодня наш с ПетриА вечер. А ты его отнимаешь. Но придется идти, чтобы Ольсен не расстраивался. Мы дипломаты. Мы терпим. Где же ПетриА?

Консула Ольсена Андрей отыскал за углом здания, куда заглянул в поисках ПетриА. Он оживленно беседовал с чином в черной накидке. Лицо чина было знакомо, но должности Брюс разобрать не смог — он так и не научился разбираться в значении кружков, вышитых на груди. Как-то ПетриА потратила целый вечер, терпеливо и вежливо обучая Андрея тому, что знает каждый мальчишка. Но тщетно.

Вдали, у грузовых ворот, стояла пустая платформа. На нее лезли стражники в высоких медных шлемах, рядом суетились грузчики в желтых робах их гильдии. Там же стояла и ПетриА. Каким-то образом она почувствовала взгляд Андрея и подняла тонкую обнаженную руку. Счастливая, подумал Андрей, ей никогда не бывает жарко. И кожа у нее всегда прохладная.

— Все в порядке? — деловито спросил консул. — Ты говорил с кораблем?

— Там капитаном Якубаускас, — сказал Брюс. — Мы с ним когда-то летали вместе.

— Наверное, придет приказ о моей смене, — сказал Ольсен, щурясь. Глаза его были воспалены: у него была аллергия на пыль. — Мы с Еленой Казимировной очень надеемся.

— Будет жалко, если вы улетите, — сказал Андрей. — Я к вам привык.

— Я тоже, я тоже, но ведь двенадцать лет! У меня три тонны заметок! Я должен писать. А я занимаюсь разговорами. Вместо меня прилетит настоящий, энергичный, молодой специалист. Вам с ним будет интересно.

— Во-первых, мне и с вами интересно, — сказал Андрей. — И сомневаюсь, что в Галактике можно отыскать специалиста лучше вас. Во-вторых, я сам собираюсь улетать.

— Ни в коем случае! Вы так мало здесь пробыли.

— Если вы все улетите, это будет значительная потеря для Пэ-У, — вежливо произнес чин в черной накидке.

— Но я же недостаточно инициативен, — сказал Ольсен горько.

Фраза о недостаточной инициативности была вставлена каким-то чиновником в последнее инструктивное письмо. Ольсен его всем показывал. Не будь этого письма, никуда бы он отсюда не улетел. Он был на Пэ-У своим. Даже умудрился получить бе-

лую мантию Высокого знания в школе Озерных братьев. При желании он мог бы расшить свой костюм таким количеством кружков и треугольников, что местные генералы лопнули бы от зависти. Все в городе его знали, и он знал всех, кто собой хоть что-нибудь представлял. Его можно было разбудить среди ночи и спросить, кто был Верховным в Интуре, за океаном, триста двадцать лет назад, и он тут же сообщил не только имя Верховного, но и его основные двенадцать титулов, а если нужно, он мог бы назвать и первый клан его главной наложницы.

— Что слышно об археологе? — спросил Андрей, глядя краем глаза, как платформа поползла к месту посадки.

— ВараЮ лучше меня скажет, — ответил консул.

И тут же Андрей вспомнил, кто этот чин, — начальник городской стражи, чей орлиный профиль он только вчера видел в газете.

— Если это простое ограбление, — сказал ВараЮ скучным голосом, чуть покачивая большой узкой головой, как птица, примеряющаяся клюнуть, — то мы его скоро найдем.

ВараЮ провел ладонью у лица, отпугивая злых духов, и добавил:

— Его труп, вернее всего, всплывет в озере.

* * *

Большое мелкое озеро начиналось на западных окраинах города. Кварталы рыбаков сползали в него с берега, и свайные дома уходили далеко в воду. Между кварталами были причалы. Озеро было грязным, заросло тростником и лишь в километре от берега становилось глубоким, и там в сильный ветер гуляли волны.

— Но откуда взяться грабителям в центре города днем? Разве это обычно?

— Это необычно, — согласился ВараЮ. — Но так проще для следствия.

Он помолчал немного, поглядел на небо, потом сказал:

— Я послал агента в клан Западных Ву. И на озеро, к причалам.

— Почему в клан? — спросил Андрей.

— Не исключено, что он шел мстить этому клану.

— Вы в это верите?

— Я не верю, я проверяю, — сказал ВараЮ. — Для меня это неприятное дело. Я не хочу, чтобы люди из Галактики прилетали сюда вмешиваться в наши дела.

— Он здесь четыре дня, никогда не был здесь раньше. Все вре-

мя он проводил в Школе Знаний. — Ольсен повторял аргументы Андрея. Ему было жарко. Он вынул платок и вытер лицо. Платок стал рыжим. Ольсен осторожно сложил платок, чтобы рыжие пятна оказались внутри, и спрятал в карман.

— Но он с Ар-А, — сказал стражник.

— Но это при чем? — сказал Андрей.

— Они нашли сокровища гигантов. А это опасно.

* * *

Третью планету (Пэ-У — вторая) археологи назвали Атлантидой.

Человеческая фантазия ограниченна и питается нешироким спектром легенд и общих мест. Известия о планете происходили в основном из легенд, собранных Ольсеном, который и был инициатором раскопок. Планета была пуста и потому загадочна. И если на Земле в свое время существовали атланты, погибшие при невыясненных обстоятельствах, то на Ар-А жили гиганты, погибшие в таинственной войне.

Ар-А обращается сравнительно недалеко от Пэ-У, она восходит на небе не звездой, а голубым кружком, и если у тебя острое зрение, можно угадать сквозь прорывы в облаках очертания континентов. Разумеется, в поисках ответов на вопросы бытия предки жителей Пэ-У обращали взоры к небу и к постоянному украшению его — планете-сестре, а их воображение населяло ее сказочными существами, гигантами и волшебниками.

Все на Пэ-У верили, что обитатели Ар-А с незапамятных времен прилетали на Пэ-У в железных кораблях. Именно они, светлоликие, научили людей строить дома и считать дни, они дали людям одежду и законы. Непокорных они поражали молниями.

Затем гиганты перессорились между собой, чему виной интриги богини Солнца УрО, не терпевшей конкуренции со стороны смертных. А так как гиганты были разделены на кланы, то началась страшная война, в которой гиганты перебили друг друга, к удовлетворению злобной богини.

В различных легендах, тщательно собранных неутомимым Ольсеном, описывались корабли гигантов, их облик, даже язык их был воспроизведен в древних заклинаниях.

Может, Ольсен ограничился бы записями и создал в конце концов свод легенд, но однажды он узнал, что в долине, за капищем Одноглазой девицы, есть священное место, именуемое «Небесный камень». И в Школе Знаний Ольсену рассказали, что

этот камень — вовсе не камень, а найденный лет двадцать назад охотниками глубоко ушедший в землю корабль гигантов.

Три месяца Ольсен осаждал Школу Знаний с просьбой послать с ним человека в долину, еще два месяца пережидал клановую войну, которая кипела в тех местах, затем сломил сопротивление Елены Казимировны и добрался до долины.

Когда же он увидел там разбитый планетарный корабль, то поверил в реальность цивилизации на Ар-А и добился посылки туда археологической экспедиции.

Археологи прилетели на Ар-А полгода назад. Некоторое время они не могли обнаружить ничего, так как умеренные широты и тропики планеты были покрыты густыми лесами. Затем они отыскали руины города. Затем пошли находки. Одна важнее другой.

По просьбе Ольсена на Пэ-У прилетел археолог Фотий ван Кун, чтобы доложить о находках в Школе Знаний. Три дня он беседовал с коллегами. Но последний, большой, подробный доклад — сенсация в масштабе планеты — не состоялся. Археолог исчез.

* * *

— Разумеется, — сказал ВараЮ, — не исключено, что мы имеем дело с фанатиками.

— Какого рода? — спросил Ольсен, умело обмахиваясь круглым опахалом из черепашьего панциря.

— Когда нельзя объяснить, я ищу необъяснимые версии, — сказал стражник. — Может, среди жрецов... Может, его кто-то счел осквернителем Ар-А. И это предупреждение. Но, вернее всего, виноваты грабители.

— Неужели никаких следов? — спросил Андрей.

— Рикша утверждает, что видел его бегущим по улице в одежде для смертной мести...

— В черном фраке? — вежливо спросил Ольсен. — Одежда для публичных выступлений среди почтенных ученых.

— Почтенный ученый не выступает без лиловой накидки, — сказал ВараЮ.

— А если спешил, не успел надеть? Или просто забыл, не придал значения?

— Не придал значения накидке? — ВараЮ был удивлен.

Даже для самого трезвого, объективного человека здесь отсутствие накидки кажется немыслимым. Фрак без накидки? Этого быть не может! Представьте, он приехал бы к нам и ему сказали

бы, что его соотечественник выбежал на улицу, забыв надеть штаны.

— Мы будем его искать, — сказал ВараЮ. Голос прозвучал неуверенно. — А он сам не мог быть маньяком?

— Почему? — Ольсен старался скрыть изумление.

— Продавец в ритуальной лавке утверждает, что ваш археолог изъявил желание купить фигурки всех кланов. Продавец решил, что он маньяк, желающий объявить месть всем кланам гор.

— Значит, — сказал Андрей, — ван Кун решил, что это не фигурки для мести. Что это сувениры.

— Немыслимо, — сказал ВараЮ.

Но, видно, эта версия при всей немыслимости его чем-то обрадовала.

— И есть такой обычай? — спросил он. — Покупать просто так?

— Есть, — уверенно сказал Ольсен. — На память. На память о вашей чудесной планете.

В небе, пробив яркой звездочкой пыльную мглу, возник «Шквал».

Андрей догадался об этом, услышав, как изменился гул толпы.

Все смотрели вверх. У некоторых в руках появились подзорные трубки.

Могучие лапы наследника Брендийского поднесли к глазам перламутровый театральный бинокль. Как он мог попасть на планету, в каком антикварном магазине он мог заваляться — необъяснимо.

Звездочка превратилась в сверкающий диск, и тот, падая, постепенно рос и замедлял движение.

Конечно, Андрей мог бы подняться в диспетчерскую. Но диспетчеры сейчас заняты, и им не стоит мешать. И капитан Якубаускас тоже занят. Посадка — дело престижное. Визитная карточка капитана. Тем более если на планету опускается первый гравитолет. Дело агента КФ подписывать протоколы и накладные, встречать, провожать, развлекать и улыбаться. К полетам он имеет лишь косвенное отношение.

Диск «Шквала» мягко опустился на поле, но в этой мягкости была такая мощь, что земля вздрогнула.

Платформа со стражниками и механиками покатила к кораблю. Андрей следил за голубым париком ПетриА.

Из-за угла здания выскочила вторая платформа, маленькая, оранжевая. Посреди нее в оранжевой же тоге и желтой короне стоял карантинный врач. Должность здесь новая, почетная, и на нее устроили шалопая из семьи министра Иностранных дел.

Андрей с Ольсеном прошли вперед, к легкому ограждению, вдоль которого стояли раскаленные под солнцем гвардейцы.

До корабля было меньше километра. Но настоящие размеры «Шквала» стали понятны, когда первая платформа приблизилась к его боку и оказалась ничтожно маленькой рядом со «Шквалом».

Навстречу муравьишкам, соскочившим с платформы, торжественно развернулся серебряный пандус; люк, возникший над ним, показался Андрею похожим на храмовые врата. Какого черта! Он мог бы командовать этой махиной, громадной, тяжелой и невесомой.

Толпа зрителей постепенно преодолела робость перед масштабом зрелища. Голоса зазвучали вновь.

Дальнейшее не представляло большого интереса.

Рейс был экспериментальным. Ни знаменитой видеозвезды, ни важного гостя на борту не было.

Правда, никто не расходился. За столь долгое ожидание следовало себя вознаградить. Обсудить, оглядеть, главное — показать себя.

К тому же даже рутина встречи, обычная и отработанная для каждой планеты и в то же время схожая, где бы ни приземлялись корабли Космофлота, была частью зрелища. И в этом зрелище Андрею Брюсу отводилась не последняя роль.

Оправив песочного цвета мундир — белый в этой пыли был бессмысленным, — Андрей оглянулся. ВараЮ остался стоять у стены, Ольсен шагнул к нему. Андрей увидел брата ПетриА. Этот бездельник трудился в газете. Вернее, трудился, когда возникало настроение. Сейчас настроение возникло, потому что его видели двести зевак. Кам ПетриУ изящно откинул голову, прищурился, набрасывая на белой доске, прикрепленной к груди, очертания гравитолета. Он числился иллюстратором.

Андрей шагнул вперед. Завтра в обеих газетах будут помещены отчеты о событии: «Корабль, как всегда, встречал агент Космофлота ДрейЮ, известный нашим читателям по странной привычке бегать по утрам вокруг своего дома. Он был одет в сшитый у мастера Крире-2 изящный форменный костюм песочного цвета с золотыми пуговицами...»

Низкая платформа, которой управлял напыщенный как индюк ВосеньУ, ловко подкатила к Андрею. Тот пропустил вперед Ольсена. Платформа торжественно выехала на раскаленное поле и поплыла к кораблю.

Андрею было видно, как пилоты вышли из люка и останови-

лись наверху пандуса. Андрею показалось, что сквозь густой от жары и пыли воздух до него доносятся слова кого-то из них:

— Ну и жарища...

* * *

Обратно с космодрома возвращались в новой машине консула.

Машина была удобной, чистой, на воздушной подушке, герметизация великолепная — на сиденьях совсем не было пыли.

Ольсен разложил на коленях мешок с почтой и просматривал ее. Андрей решил, что он ищет ответ на свое прошение об отставке.

Витас Якубаускас почти не изменился. У него всегда были светлые, почти белые волосы, и если он немного поседел, этого не заметишь.

Говорили о «Шквале». О перелете. О его ходовых качествах. До воспоминаний дело не дошло, да и не могло пока дойти. Витас был деликатен.

С появлением кораблей класса «Шквал» в жизни Космического флота наступил новый этап. Гравитационные роторы куда проще плазменных двигателей. Они не требуют защиты, совершенно безопасны. Если плазменный лайнер обречен родиться, жить и умереть в открытом космосе, то гравитолеты могут опускаться на любом поле. В худшем случае корабль примнет траву.

Предел скорости «Шквала» устанавливался не мощностью двигателя, а конструктивными возможностями самого корабля. Витас сказал, что сейчас строят кремниевую модель. И если человечеству будет суждено добиться мгновенного перемещения, то достичь этого можно лишь на гравитолете.

Наконец Ольсен сложил в мешок письма и кассеты, разочарованно и шумно вздохнул и спросил:

— Вы у нас первый раз, Витас?

— Да.

— Завтра поедем к водопадам, — сказал консул.

Он всегда возил гостей к водопадам.

— У нас всего два дня стоянки, — сказал Витас. — Боюсь, что я завтра буду занят.

Он показал на дыни домов, что пролетали за окнами:

— А из чего их строят?

— Раньше они были глинобитными на деревянном каркасе или каменными. Теперь — бетон, — ответил Ольсен. — Я так и знал, что письма не будет. Но со следующим кораблем прилетает комиссия. Я их не отпущу, пока они не подпишут мою отставку.

— Здесь трудно? — спросил Витас.

Витас умел задавать вопросы таким тоном, будто крайне заинтересован в ответе. Его серые глаза преисполнялись интересом к любому слову собеседника. Андрей раньше подозревал Витаса в лицемерии. Но когда привык, понял, что Витасу и в самом деле не очень интересны чужие дела. Он, как и Брюс, был одинок, замкнут и сдержан, но в отличие от Андрея никогда не позволял себе взорваться, натворить глупостей и даже повысить голос. Лишь в редчайших случаях его пальцы, лежащие сплетенными на коленях, сжимались до хруста.

Ольсен, тронутый интересом Витаса, пустился в длинный рассказ о сложностях консульской жизни на Пэ-У. Андрей рассеянно слушал, глядя в окно. Странно, зачем было археологу покупать эти фигурки мести? Может, он раньше бывал здесь? Надо спросить у Ольсена. Вдруг он не догадался заглянуть в списки приезжих за прошлые годы? ПетриА сказала, что вечером она свободна. Но тут, как назло, этот обед у наследника Брендийского. И отказаться нельзя. И он не успел сказать ей об этом. Конечно, она будет ждать. Она никогда не упрекает. И ждет. А Ольсен с забавным убеждением в том, что его собеседник обязан разбираться в тонкостях здешних интриг, в которых не всегда разбирался и сам ВараЮ, хотя любил их создавать, пытался доказать Якубаускасу, что в будущем году к власти в Китене обязательно придет Крунь КропУ, и потому брат премьера потеряет портфель министра Развлечений и будет вынужден пойти на союз с Его Могуществом.

Якубаускас слушал, словно всю жизнь мечтал узнать о кознях Круня КропУ.

Машина проезжала мимо базара, было людно, прохожие замирали, глядя на непривычную форму повозки. Группа рыбаков с Дальних протоков, видно, впервые попавших в город, гримасничала, глядя на машину, изображая ритуальные маски презрения. Презрение происходило от страха. И хоть в столице мало кто верил в то, что пришельцы — чудовища, но чем дальше от нее, тем пышнее расцветали слухи о людях со звезд.

В мире, где еще нет средств быстрой связи, обыденность пришельцев воспринимается с недоверием. В конце концов, думал Андрей, слушая, как Ольсен повествует о том, как наложница КропУ умудрилась отравить на званом обеде своих пасынков, когда-то на Земле также полагали, что Неведомое населено чудовищами, которых воображение складывало из кусочков существовавших на Земле зверей. То увеличивало до страшных размеров паука, то приделывало змеиную морду к туловищу медведя. Когда монстрам не осталось места на Земле, так как ее обследо-

вали настолько, что пришлось отказаться даже от морского змея и снежного человека, то воображение нашло себе новую пищу — иные миры. И как трудно было отказаться от чудес, даже когда первые экспедиции достигли звезд. Места обитания чудовищ лишь отодвигались от Земли все дальше, но не исчезали совсем. Всегда находились новые легенды, и не только земные, — галактическое человечество также склонно к чудесам, как их земные кузены. Как раз тот факт, что Галактика оказалась заселенной одним и тем же видом — хомо сапиенс, — и обусловил схожесть образа мышления. Во многом расы Галактики различались между собой, но в одном сходились — в буйной фантазии.

И точно так же, как необычный след облака будил в воображении жителя Швейцарии или Казахстана образ летающего блюдца, так и в воображении горца с Озерных протоков зеркальная, загадочной формы машина галактического консула населялась тут же коварными чудовищами.

Андрей поглядел на своих спутников. Ольсен в зеленом костюме с кружком Озерной школы на груди и вытянувший длинные ноги капитан Якубаускас в повседневном мундире Космофлота — очень обыкновенные люди очень обыкновенно рассуждали о совершенно необыкновенных вещах. А за тонкой стенкой машины мир продолжал упрямо тикать по своим неведомым законам. «А мы и есть, — думал Андрей, — та тонкая ниточка, что связывает Галактику с этой планетой, с этими горцами и торговцами, дети и внуки которых полетят к далеким звездам и будут строить гравитационные станции. И этот переход случится куда быстрее, чем на Земле, — нам ведь пришлось самим расти до космической эры. И неизвестно порой, что лучше. Ведь хотим мы того или нет, но само существование ниточки между планетой и Центром неотвратимо и даже жестоко разрушает ткань этой жизни, какими бы мы ни были порядочными, разумными и гуманными». Конфликт существует внутри людей. И если ВараЮ смог преодолеть его в себе, осознать неизбежность перемен и даже приветствовать их, то тот же ВосеньУ хоть и побывал в Центре, даже научился летать на планетарных машинах, но психика его определяется не столько знаниями и пониманием могущества будущего, сколько травмой, вызванной тем, что клан его мал, слаб и подвластен Брендийскому клану, — это унижение важнее, чем все корабли, прилетающие с неба. ВосеньУ придет домой, снимет попугайский мундир, совершит вечернее омовение и, если его очередь, омоет ноги дряхлой старухе — главе клана и провалится до следующего утра в паутину законов и правил, которыми определяется его маленькое существование, правда, чуть более высокое, чем ему принадлежит от рождения, так как он работает у пришельцев.

— Вы где будете ночевать? — услышал Андрей голос Ольсена. — В нашем доме для приезжих?

— Витас останется у меня, — сказал Андрей. — Тем более что нам с ним сегодня идти на прием.

— Куда? — удивился Витас.

— На ужин к наследнику Брендийскому.

— Кстати, он не является сыном Брендийской вдовы, — сказал Ольсен. — Любопытно отметить методу усыновления...

— Нильс, — сказал Андрей, — у нас всего три часа до ужина, а Витас устал. Если завтра вы повезете экипаж к водопадам, то Витасу, после того как он встретится с наследником, будет куда интереснее тебя слушать.

— Правильно, мальчики, — сдался Ольсен, — отдыхайте. А я помогу ПетриА разместить экипаж.

— Если она задержится, — сказал Андрей, — предупредите ее, пожалуйста, что я сегодня на ужине.

— Разумеется, — сказал Ольсен, открывая дверь машины. — Чудесная девушка. И очень интеллигентная.

Андрей и Витас вышли из машины. Ольсен сказал вслед:

— Тебе пора подумать о семье, Андрюша. Одному жить вредно. Елена Казимировна того же мнения.

— Спасибо, — сказал Андрей.

* * *

Умывшись и переодевшись, Витас улегся на диван, покрытый желтой шкурой гремы, надел видеоочки и принялся смотреть любительские фильмы, которые Андрей делал во время поездок по стране.

Андрей позвонил вниз, в агентство. Никого не было. Он позвонил на космодром. Там сказали, что ПетриА увезла в консульство экипаж корабля, а ВосеньУ заканчивает разгрузку.

— Знаешь, что приятно? — сказал он.

— Что?

— Что окно открыто, а в него ветер залетает.

— Тут жарко, — сказал Андрей. — Вот на водопадах воздух настоящий, хрустальный. Может, я сам с вами съезжу. Уговорю ПетриА и съезжу.

— Кто она? — спросил Витас.

— Моя помощница.

— Ольсен хочет тебя на ней женить?

— Ему бы работать свахой, — сказал Андрей с некоторым раздражением. — Он отлично знает, что я не могу на ней жениться.

Витас не стал расспрашивать почему. Он никогда не задавал лишних вопросов. А Андрею не хотелось объяснять. Витас может подумать, что Андрей благополучно прижился на этой планете и доволен тихой, болотной жизнью. А впрочем, если ему хочется так думать, пускай думает.

— На Землю не собираешься? — спросил Витас, поняв, что Андрей не хочет говорить о ПетриА.

— Пока нет. Ты голоден?

— Жарко, — сказал Витас. — Потом.

Андрей приготовил фруктовую смесь со льдом. Витасу смесь понравилась.

— А что там нашли на Ар-А? — спросил он.

— До Центра уже донеслось?

— Галактика невелика, — сказал Витас. — И событий не так много. А мы, пилоты, разносчики новостей.

— И сплетен, — сказал Андрей.

— Правда, что там жила раса гигантов?

— Хочется сенсации?

— Хочется.

— Планета мертва. Галактический патруль отнес ее к ненаселенным.

— Пустыня?

— Нет, там все есть, но нестабильная атмосфера, сильные климатические возмущения. Небогатая флора и фауна.

— Резерв колонизации?

— Резерв колонизации с перспективами заселения в пределах системы.

— А сейчас?

— Сейчас они откопали много всего интересного. И если бы не пропал Фотий ван Кун, у нас были шансы вчера вечером услышать много интересного из уст очевидца.

— Очевидца?

— Сюда прилетел один из археологов. Вчера вечером он должен был читать в Школе Знаний доклад о раскопках. Сенсация номер один. Вся знать обулась в сапоги и нацепила перья. Представь себе, что на Землю двадцатого века прилетает археолог с Марса с сообщением, что там открыты следы атлантов.

— И почему лекция не состоялась?

— Потому что Фотий ван Кун вышел на тропу мести.

— Андрюша, понятнее!

— Я сам ни черта не понимаю. Никто ни черта не понимает.

В любом случае археолог пропал без следа. В центре города, в двух шагах от Школы Знаний. И местные шерлоки холмсы убеждены, что он вместо Школы Знаний отправился воевать с каким-то местным кланом.

— А в самом деле?

— В самом деле его должны были охранять. В конце концов, если вы считаете себя цивилизованным государством, то надо как-то этому званию соответствовать. Его могли похитить для выкупа, могли убить, чтобы поживиться содержимым его карманов. Может быть, это какая-то акция изоляционистов. О них много говорят, но никто толком ни черта не знает.

— Ты говоришь, что могли ограбить. Или убить. Куда же делось тело?

— Не знаю. И надеюсь, что он жив. И завтра в консульство придет невинный молодой человек и оставит послание на палочке.

— Какое послание?

— По ритуалу, если совершено похищение, то похитители подкидывают родственникам красную палочку с зарубками — цифрами выкупа. Ты не представляешь, как здесь хорошо развита система безобразий.

— Ты раздражен?

— Мне хочется отсюда уехать. Здесь ничего нельзя! Даже жениться на любимой девушке я не могу, потому что она моя дочь по наследству! Я не буду объяснять — просто еще один идиотский ритуал.

— Может, тебе вернуться в Центр?

— Где каждый второй будет смотреть на меня и думать: ага, это тот самый Брюс?..

* * *

В шесть — как раз стемнело — Андрей с Витасом поехали на ужин к Пругу Второму, наследнику Брендийскому. Это был официальный прием, и не посетить его означало нарушить сложную систему этикета. Витас не скрывал, что ему интересно побывать на ужине. Андрей был раздосадован, что ПетриА все еще не вернулась из космопорта.

Пруг прибыл в город в прошлом году и поселился в пустовавшей дыне — клановом доме.

Все подъезды к дому были заняты экипажами знати, и пришлось поставить космофлотский фургончик за углом, в переулке.

Дом Пруга был окружен зеленой изгородью по грудь высотой, в ней напротив входа был широкий проем, по сторонам которого

стояли каменные колонны с гербами владения Брендийского на верхушках: человек, пронзенный копьем. Существовала старинная легенда о том, как много лет назад брендийский герой, пронзенный копьем насквозь, умудрился перебить сотню врагов и отстоять клановую твердыню. От колонн к лестнице тянулись в два ряда пятиножники с факелами. В смолу факелов был добавлен сок горных растений, и оттого они пылали зловещим фиолетовым пламенем. Горцы в коротких кольчугах и высоких шлемах, с копьями и автоматами в руках охраняли вход. У наследника Брендийского было немало врагов.

Они шли вдоль изгороди. Было почти темно. До освещенных колонн оставалось шагов пятьдесят, когда Андрей почуял что-то неладное. Жизнь в столице, где улицы ночью небезопасны, где с темнотой воцаряются законы мести, а наемные убийцы организованы в гильдию, не менее легальную и почтенную, чем гильдии ювелиров и астрологов, научила его осторожности. Конечно, как агент Космофлота, Андрей не имел клана и не подчинялся законам мести, но в темноте возможны недоразумения.

То ли черная тень шевельнулась за изгородью, то ли в воздухе вдруг воцарилась неестественная тишина, центром которой были Витас и Андрей, но Андрею вдруг стало холодно.

Неожиданно для самого себя он сделал быстрый шаг вперед, поставил ступню на пути Витаса, толкнул его и упал с ним рядом на булыжную мостовую.

Хотя Витас был моложе и тренированнее, он от неожиданности не успел среагировать на нападение.

— Что за черт! — Витас рванулся, отбросив Брюса. — Ты спятил?

— Извини, — произнес Андрей, тяжело поднимаясь. Он ушиб локоть.

Витас не услышал, а Андрей услышал, потому что прислушивался, как за изгородью пробегали быстрые шаги — мягкие кошачьи шаги человека, обутого в толстые вязаные сапоги. Витас не слышал, но Андрей услышал, как взвизгнула комаром в воздухе тонкая отравленная стрелка. И звякнула почти беззвучно о стекло стоявшей сзади машины.

Андрей помог Витасу подняться.

— Андрей, ты можешь объяснить...

— Погоди, — сказал Брюс.

Он вытащил из кармана фонарик и посветил в сторону машины. Светить за изгородь не было смысла — там пусто.

Стрелка лежала на камнях возле машины. Наконечник был разбит о стекло. По стеклу тянулась струйка яда, желтого и густо-

го, как мед. Стрелка была тоненькой и безвредной на вид. Андрей поднял ее. Витас молча наблюдал за ним. Он был сообразительным человеком. Как только понял, что странные действия Брюса имели смысл, он замолчал. Он ждал объяснений.

Андрей посветил на стрелку. Каждая стрелка имеет на древке клеймо. Такие стрелы — ими стреляют из духовых трубок — популярное оружие для сведения счетов в тайных войнах и при смертной мести. Но по законам чести нельзя стирать с древка клановый знак. Даже гильдия наемных убийц имеет свое клеймо.

Но на этой стрелке клеймо было соскоблено. Значит, покушение не имело отношения к кровной мести и не было делом чести.

— Пошли, — сказал Андрей.

Они дошли до колонны. Там стояли охранники Пруга. И стражник, который, конечно, ничего не заметил.

При свете факелов Андрей увидел, что его белый мундир испачкан. Мундир Витаса тоже пострадал.

— Ничего, — сказал Андрей. — Здесь это предусмотрено.

Он поднял руку, и к ним подбежал один из слуг. По движению руки — язык жестов здесь развит и даже изыскан — он понял, что нужно гостям. Он вытащил из ящика, висевшего через плечо, влажные щетки. Они впитывали рыжую пыль. Неподалеку с помощью другого слуги приводили себя в порядок две знатные дамы.

— Я не знаю, кто стрелял, — сказал тихо Андрей Витасу. — И не знаю даже, в кого из нас. И тем более не понимаю почему.

— У тебя отменная реакция. Я ничего не услышал.

Они вошли в вестибюль, к которому вела неширокая крутая лестница.

Вестибюль был круглым залом, занимавшим второй этаж тыквы. Из него наверх вели две винтовые лестницы. Там, на верхнем этаже, было приготовлено угощение.

Посреди вестибюля на троне с резной спинкой восседал Пруг Второй, наследник Брендийский, знатный изгнанник. Его рыхлое, грузное тело выплескивалось из пределов трона, обвисало по сторонам. Голову наследника украшал трехрогий колпак, символизирующий три самые высокие горы во владении Брендийском, тело было прикрыто несколькими разноцветными короткими плащами, и оттого он был похож на очень крупного младенца, одетого сразу в несколько распашонок. Каждый из плащей означал власть над тем или иным кланом. Сходство подчеркивалось тем, что толстые ноги наследника были обнажены и заканчивались золотыми башмаками.

За спиной Пруга стояли два телохранителя с ритуальными двойными копьями.

Гости подходили к хозяину и осведомлялись о здоровье.

Андрей с Витасом встали в очередь.

Впереди стоял министр Знаний с обеими супругами. Но пока гости не поздоровались с хозяином, этикет не позволял им узнавать друг друга.

Андрей оглянулся в поисках Ольсена. Тот стоял у стены и разговаривал с ВараЮ. Елена Казимировна на прием не пришла. Она не выносила необходимости подчиняться этикету.

Красочная толпа, медленно текшая по кругу, центром которого был трон — стоять на месте неприлично, — заслонила их от Андрея. Андрей провел ладонью по карману. Стрелка там.

— Я не ожидал такого счастья! — воскликнул с преувеличенной, как положено, радостью Пруг. — Покровители небесных кораблей почтили нашу жалкую хижину!

— Покровители небесных кораблей осчастливили нас! — громко повторил герольд, стоявший сбоку.

Андрею показалось, что толстяк чем-то встревожен. Его черные мышиные глазки суетились, убегали от взгляда, жирные пальцы дергались, перстни отбрасывали лучи.

— Как ваше драгоценное здоровье? — спросил Андрей.

— Я покорно приближаюсь к концу своего жалкого пути, — ответил Пруг, как того требовал этикет.

— Надеюсь, что смерть не придет за вами в ближайшее столетие, — ответил как положено Андрей.

— Моя единственная надежда — увидеть вас на моих похоронах, — сказал горец.

— Я не допускаю такой мысли, — сказал Андрей. — Умереть раньше — моя мечта.

Андрей встретил взгляд наследника Брендийского.

Непрозрачные глазки вонзились в его лицо.

«Случайности здесь быть не могло, — думал Андрей. — Спутать нас с кем-то немыслимо. Никто, кроме нас, не наденет мундир Космофлота. И нас ждали. У самого дома. И именно в нужный момент».

Конечно, оставалась и другая версия Кто-то из родственников ПетриА догадался, увидел, вычислил. И старается оградить честь семьи. Но даже беспутный брат никогда бы не упал до того, чтобы стереть клеймо на древке стрелы. «А может быть, ты, Андрей, — сказал себе агент КФ, — нажил себе врага, не догадавшись об этом?»

Витас тем временем также ответил на все вопросы. Из уважения к редкому гостю Пруг говорил на космолингве. Наследнику Брендийскому никто не посмел бы отказать в редком уме и редкой для этого мира образованности. Хотя, насколько было известно Андрею, толстяк никогда не покидал Пэ-У.

Дождавшись, когда Витас освободится, Андрей медленно повел его вокруг зала так, чтобы догнать Ольсена и ВараЮ. ВараЮ единственный в этом попугайном мире позволил себе прийти в дневной тоге. Если бы это сделал кто-то иной, это считалось бы смертельным оскорблением дому. Но ВараЮ показывал этим, что остается на службе. И если он обидел этим хозяина дома, то не дал ему формального повода обидеться. Знатные дамы перешептывались, щеголи морщились, но власть этого тихого, худощавого, очень спокойного человека была настолько весома, хоть и неочевидна, что вокруг него всегда образовывалось пустое пространство. Андрей знал, что ВараЮ незнатен и лишь силой незаметной настойчивости превратил столичную стражу в реальную, лишь ему подвластную силу.

Раскланявшись с полицейским и Ольсеном, пилоты пошли рядом. Они были центром внимания всего зала.

— Есть новые сведения, — сказал ВараЮ. — Наш осведомитель говорил с бродягой, который видел, как вчера вечером у Дальних причалов остановилась машина. Из нее вытащили завернутое в ткань тело. Тело сбросили с пирса в воду. Там глубоко, и на дне много коряг. Сейчас там мои водолазы.

— Почему вы думаете, что это связано с археологом? — спросил Ольсен.

— Клановой войны сейчас нет. Грабители не будут везти к озеру тело в машине. И не будут пользоваться стрелами.

— Чем?

— Отравленными стрелами. Это не оружие грабителей. А у стрелы, что нашли на пирсе, странная особенность...

— У нее стерто клеймо, — сказал неожиданно Андрей.

ВараЮ остановился. На него натолкнулся кузен премьера. В толпе произошла заминка. Пруг Брендийский резко обернулся.

— Простите, — сказал ВараЮ кузену премьера. — Я задумался

Они шли молча. Может, минуту. Главный стражник молчал. Потом тихо и настороженно спросил:

— Почему ты сказал о стрелке?

— Потому что такая стрелка, со стертым клеймом, лежит у меня в кармане. В нас стреляли. Здесь, рядом с домом наследника.

Андрей осторожно, скрывая движение от любопытных глаз, вытащил из кармана стрелку и вложил в протянутую ладонь

стражника. Стрелка тут же исчезла. Даже Ольсен этого не заметил.

— Почему они не попали? — спросил ВараЮ задумчиво.

Он был прав. Воины стреляли такими из духовых трубок без промаха. Этому учатся с детства.

— Я почувствовал, — сказал Андрей, — и упал.

ВараЮ кивнул. Он верил в интуицию.

— Ты упал? — услышал Ольсен. — Почему?

— Улицы плохо освещены, — сказал ВараЮ. — Очень плохо. Надо строго говорить в городском управлении.

— Да, — согласился Ольсен, — освещение никуда не годится.

ВараЮ пошел чуть быстрее, обгоняя Ольсена. И шепнул Андрею:

— Это была ошибка. Я уверен.

— Возможно, — сказал Андрей. — У меня нет врагов.

* * *

Пруг поднялся с трона. Мягко, но звучно шлепнул в ладоши.

— Мои слуги и жены, — произнес он, — приготовили недостойное гостей угощение. Мне вредно много есть, и я умоляю сжалиться надо мной и разделить со мной ужин.

В зале сразу стало шумно. Многие пришли сюда, чтобы полакомиться. Дом наследника Брендийского славился своими экзотическими блюдами.

Гости расступились, пропуская наследника.

Он резко повернулся, и в разрезах многочисленных распашонок сверкнула кольчуга. Случай невероятный — хозяин дома в кольчуге. Андрей взглянул на ВараЮ. Тот смотрел на наследника. Он тоже уловил блеск.

Появление столь знатного эмигранта добавило хлопот стражникам. Эмигранты с гор несли в город ярость клановых схваток, от которых за последние десятилетия в городе уже начали отвыкать.

Но и отделаться от Пруга было невозможно. Он принадлежал к одному из самых знатных семейств планеты, он происходил от расы гигантов, что прилетали в незапамятные времена с Ар-А. Он приходился племянником верховному жрецу богини УрО. Его следовало терпеть и ждать, пока он не падет жертвой очередного заговора или не вернет себе трон и благополучно отбудет бесчинствовать в горные долины.

Гости поднимались по лестницам, которые, кружа вдоль стен,

вели на верхний этаж, где был сервирован низкий кольцеобразный стол.

Гостей встречали многочисленные слуги и вели их к местам.

Андрей видел, как Пруг быстрыми движениями дирижера подгонял слуг.

Андрея посадили в стороне от остальных землян. Зачем-то Пругу так было нужно. Витас тоже оказался в окружении чужих людей.

Внутри, в круге стола, расположились музыканты и танцоры. Танцоры переодевались, причесывались, музыканты ели и настраивали инструменты.

Одна из танцовщиц подошла к столу и взяла из вазы голубоватое шершинское яблоко.

Она улыбнулась Андрею. Это была очень известная танцовщица, он видел ее на десятке приемов.

Хрустя яблоком, танцовщица спросила у Андрея, кто этот красивый офицер. Она имела в виду Витаса. Андрей сказал ей, что красивый офицер через два дня улетает. Танцовщица сказала, что двух дней бывает достаточно для любви.

Пруг сидел напротив Андрея. Его стул был выше других, и потому он казался гигантом. В ожидании, пока рассядутся гости, он чистил серебряным кинжальчиком ногти. Он чуть наклонил голову, чтобы танцовщица не мешала ему наблюдать за агентом Космофлота. Он легко улыбался Андрею. покачивая головой, как китайский болванчик. «Интересно, — думал Андрей, — кому же все-таки выгодно меня убить?» Ему не было страшно. В следующий раз нужно быть осторожнее. Может, изоляционисты решили перейти к действиям? Но что это изменит? Агентом Космофлота больше или меньше — на жизни Галактики это не отразится. Нельзя спрятаться от собственного будущего. Стрелка со стертым клеймом, отвергая версию о кровной мести, оставляла одну версию — политику. Политика обходится без кланов. Политика на этом уровне — аморальна. Срезать клеймо — аморально. Следовательно, стрелка — орудие политической борьбы. Жаль, что рядом нет ВараЮ, он бы оценил этот силлогизм.

Слуги внесли блюда с густой похлебкой из дичи. Всем известно, что лучшая в городе похлебка из дичи подается в доме наследника Брендийского.

На столе появились горящие курильницы с хмельными благовониями. Некоторые гости принялись прикладываться к ним, и голоса зазвучали громче.

Похлебка была, как всегда, чудесной, но от благовоний Анд-

рея мутило. Им овладевало ощущение неустойчивости. А Андрей не выносил неустойчивости.

Танцовщица начала медленно крутиться под рокот бубнов.

Она двигалась все быстрее.

ВараЮ сидел с каменным лицом. Видно, ждал, когда можно будет уйти. Его люди сейчас ныряют в озеро. Вода под светом керосиновых фонарей кажется черной и маслянистой.

Танцовщица закончила танец и остановилась, раскинув руки. Кисти рук чуть дрожали, колокольчиками звенели браслеты. Все тише и тише. И все тише рокотали барабаны.

Пруг глядел на Ольсена, который поднялся со своего места. Это было нарушением этикета. Никто не имел права вставать раньше хозяина, но Пруг промолчал, потому что признавал, что консул на службе и потому не подчиняется этикету. Тем более что Ольсен догадался обойти стол и, приблизившись к хозяину, в самых изысканных выражениях попросить прощения за уход, сославшись на приступ желудочной боли. Это был допустимый ход, и Пруг, широко улыбнувшись, пожелал консулу скорейшего выздоровления, не преминув, как и положено, пригласить его на собственные похороны. Затем он взял со стола кусок пирога и протянул консулу. Если у гостя несчастье и он вынужден покинуть пир, хозяин должен дать ему символическую пищу в дорогу.

Андрей вдруг понял, что единственная причина, могущая заставить Ольсена уйти, — это археолог. Значит, его нашли. Или нашли его тело.

И, конечно, в тот момент ни Андрей, ни Ольсен не знали, что, когда под светом переносных фонарей консул нагнется над телом человека, одетого во фрак и земные башмаки, он поймет, что этот человек — не археолог Фотий ван Кун, а неизвестный ему житель Пэ-У.

Но до того мгновения пройдет немало времени, потому что в пути неожиданно сломается автомобиль ВараЮ, затем улица, ведущая к причалам, окажется перегорожена большой повозкой, груженной мешками с зерном... Когда Ольсен вернется глубокой ночью, уже будет поздно.

Слуги разносили блюда со сладкими овощами, а Андрей думал о том, что археолога убили такой же стрелкой, что предназначалась и для него.

Андрей почувствовал взгляд. Как будто кто-то стучался ему в спину. Здесь развивается интуиция. Андрей оглянулся.

Сзади стоял один из воинов Пруга, могучий желтоволосый смуглый мужчина с узкими веселыми глазами. Поверх кольчуги

была накинута туника цветов Брендийского союза, за широким поясом три ножа. Он молча смотрел в затылок Андрею.

— Как твое имя, отважный воин? — спросил Андрей. Лицо его было ему знакомо.

— ДрокУ, мой господин, — ответил тот. — Прикажете что-либо, благородный господин со звезд?

— Я тебя раньше видел.

— Я всегда стою по правую руку знаменитого владетеля Пруга, — ответил воин, не отводя взгляда.

Андрей заставил себя жевать сладкие овощи.

Перед глазами снова крутились жонглеры с раскрашенными волосатыми лицами. Танцовщица сидела в центре круга, посасывая благовония из курильницы.

Витас не ел, он смотрел на танцоров. Он был напряжен.

Наследник Брендийский поднялся со своего места и сказал гостям, чтобы они ели, пили и наслаждались жизнью.

Пруг направился на третий этаж дома. Такой маневр был допустим и предусмотрен. Хозяин давал возможность гостям посудачить, не опасаясь его обидеть. Наступила минута злых языков.

Слуга дотронулся до плеча Андрея.

— Вас к телефону, звездный господин, — сказал он.

Андрей сразу поднялся из-за стола. Кто мог сюда позвонить? ПетриА вряд ли станет нарушать вечер. Если, конечно, не случилось чего-то особенного. Вернее всего, это Ольсен.

Слуга шел впереди. Они спустились по лестнице в холл, оттуда по другой, более узкой лестнице в основание тыквы, в подвал.

Там было полутемно. Богато украшенная инкрустациями трубка лежала на столике рядом с аппаратом, похожим на швейную машинку. Андрей взял трубку.

В трубке стрекотал кузнечик — линия разъединена.

— Не дождались? — спросил слуга.

— Откуда звонили? — спросил Андрей.

— Не знаю, властитель неба, — сказал тот.

Андрей не знал, что делать — то ли ждать, пока позвонят снова, то ли подняться наверх.

В мозгу, набирая силу, затикал сигнал тревоги. Осторожно, Андрей, опасность...

Андрей быстро оглянулся.

В подвале было немало людей, но сразу не разглядишь — кто-то спал на полу, другие сидели вдоль округлой стены. В каждом патриархальном доме ошивается немало челяди, родственников, приживальщиков. Андрей был в центре внимания. Это хорошо, что не один. Хотя свидетелей, конечно, не будет...

Андрей быстро вынул из кармана золотой шарик. Слуга, судя по всему, не был горцем. Вернее всего, его позвали из ресторана. Так делают, когда много гостей, а твои собственные подданные полагают ниже своего достоинства прислуживать за столом.

— Кто звонил? — спросил Андрей тихо, чтобы голос его не долетал до стен.

Слуга провел рукой над ладонью Андрея, и монета пропала.

— Женщина, — сказал он одними губами. — Молодая женщина. Она очень волновалась.

Тут же слуга отвернулся и отошел.

Андрей снял трубку и начал крутить ручку вызова. Мягкая, пышная, тяжелая ладонь легла на рычаг.

— В момент веселья, — сказал наследник Брендийский, — нельзя отвлекаться. Не забывайте об обычаях дома.

Пруг улыбнулся, но глаза были мутными — он накурился. Распашонки его распахнулись, и кольчуга поблескивала в полутьме.

— Ты останешься с нами до конца, — сказал Пруг, — танцовщицы ждут тебя на верхнем этаже, повелитель неба.

— Гость дома может не бояться угроз, — сказал Андрей.

Пруг оттеснил его от телефона.

— Андрей, ты здесь? — На лестнице стоял Витас Якубаускас.

Космофлот никогда не оставит в опасности.

— Мы уходим, — сказал Андрей. — Нам пора уходить, дома у нас больные.

— Мы не выпустим вас, гости, — сказал Пруг. — Праздник еще не кончился.

Андрей понял, что теперь можно обойтись без этикета. Неожиданно для Пруга он бросился к лестнице.

Андрей был убежден, что Пруг сделает все, чтобы они не вышли из дома. Почему-то Пругу нужно, чтобы он остался здесь. И он был почти убежден, что звонила ПетриА.

Андрей успел подняться до середины лестницы, прежде чем наследник Брендийский крикнул:

— Остановите его!

Люди, жавшиеся к стенам, вскочили. Кто-то побежал к лестнице.

Путаясь в распашонках, Пруг начал вытаскивать метательный нож.

— С дороги! — рычал он.

Но Андрей с Витасом уже были в нижнем, ярко освещенном, полном гостей зале...

Гости уже начали расходиться.

У выхода стоял министр Жреческих забот с худой злой женой.

— Почему вы уходите так рано? — спросил он, улыбаясь тонкими губами. — Нет ли несчастья в вашем доме?

— Есть болезнь! — почти крикнул Андрей, отстраняя министра.

— Они плохо воспитаны, — услышал он голос жены министра.

— Вам понравился вечер? — крикнул вслед им министр, который предпочел ничего не заметить, так как был известным в столице блюстителем этикета.

* * *

Они пробежали между колонн — дальше была темнота, они нырнули в нее как в воду, и Андрей потянул Витаса в сторону, подальше от изгороди.

Через две минуты, повернув за угол, они добежали до фургончика. Погони не было. В тихом ночном воздухе далеко разносились оживленные голоса хмельных гостей.

Фургончик стоял, чуть покосившись. Андрей зажег фонарик. Правое переднее колесо было сорвано с оси. Железный лом — орудие бесчинства — валялся на мостовой. Кто-то очень хотел, чтобы Андрей не уезжал.

Сразу выключив фонарик, который мог привлечь нежеланных ночных бабочек, Андрей отступил в темноту.

Он вел Витаса в обход, глухими переулочками. Засада, вероятнее всего, будет ждать на кратчайшем пути. Андрею сослужила хорошую службу любовь к одиноким прогулкам. За последние месяцы он исходил центр города и узкие закоулки плато — зажиточного спокойного района.

Минут через десять они остановились, чтобы передохнуть, на углу освещенной улицы Благополучного Правления. Как раз напротив тепло светилась витрина небольшой курильни. Там должен быть телефон.

В курильне было пусто, лишь на дальних диванчиках дремали последние клиенты. Андрей подошел к стойке. Витас остался у входа. Андрей положил шарик на деревянную блестящую доску между глиняных незажженных курильниц. Он попросил у хозяина разрешения позвонить.

Хозяин курильни долго вертел шарик, будто сомневался в его подлинности, потом спросил, откуда пришли гости и хорошо ли себя чувствуют. Андрей понял, что своей поспешной прямотой он нарушил этикет и хозяин пытается вернуть отношения в правильное русло.

— Простите, — сказал Андрей, — но моя дочь больна, и потому я позволил себе нетактичность.

— Разумеется, я сочувствую, — с облегчением сказал хозяин, снимая кожаный фартук и ведя Андрея за стойку, где стоял телефон.

Андрей позвонил в агентство. Телефон звонил долго. Никто не подходил. Может, ложная тревога? Может, ПетриА звонила из его дома? Андрей бросил трубку.

— Спасибо.

Он побежал к выходу.

Завтра хозяин курильни будет рассказывать знакомым, какие все-таки варвары эти пришельцы со звезд!

* * *

В агентстве горел свет, и отсвет падал на нависающие круглые бока дома, оттого дом казался грибом на светящейся ножке. В витрине на тонких нитях висела модель лайнера на фоне звезд.

Андрей рванул дверь. Она была открыта.

В зале для посетителей было пусто.

— ПетриА! — окликнул он почему-то тихо, будто боясь спугнуть девушку. — Ушла, — сказал Андрей, успокаивая самого себя. Он уже знал, что надо сделать два шага дальше, за высокую стойку, где стоял ее стол и телефон.

Витас понял, что страх остановил Андрея и не дает ему сделать эти последние шаги. Он первым подошел к стойке, открыл в ней деревянную дверку и шагнул внутрь. Андрей, недвижный, видел, как Витас наклонился, что-то увидев на полу.

Андрей знал, что он трус. И понимал, что, наверное, любой человек в Космофлоте знает, что он трус. За что он и был исключен из списков летного состава Космофлота.

Голова Витаса исчезла за высокой стойкой.

Андрей слышал, как Витас отодвинул стул.

— Иди сюда, — сказал он.

Андрей покорно зашел за стойку.

ПетриА лежала на полу, возле стола, свернувшись калачиком, как ребенок, который почему-то решил заснуть в таком неудобном месте.

Витас осторожно приподнял ее голову. Голубой парик соскользнул с черных волос, будто не хотел служить неживой хозяйке.

Андрей стоял, опустив руки, смотрел на темное пятно на ее

груди и мысленно умолял Витаса сказать, что ПетриА жива, что она потеряла сознание.

— Она умерла, — сказал Витас.

— Нет, — сказал Андрей, который знал, что она умерла, с того момента, как они вошли в агентство. — Она звонила, она просила приехать. Сколько времени прошло, а мы все не ехали.

Витас бережно, словно боялся разбудить, положил голову ПетриА на пол. Мягкие волосы покорно рассыпались по плиткам пола. Витас поднялся, шагнул к столу, к пишущей машинке.

Движение его удивило Андрея. Он тупо смотрел, как Витас пытается вытащить из машинки нижнюю половину листа, грубо и неровно оборванного сверху.

— Как это делается? — спросил Витас.

Андрей подошел к нему, освободил держатель.

Лист бумаги выскочил из машинки. Это была машинка с местным шрифтом.

— Здесь нет «Скорой помощи», — сказал он, протягивая лист Витасу.

— Поздно, — сказал Витас. — И на Земле бы ничего не смогли сделать. Погляди, что здесь. Это она печатала, когда они пришли.

— Они?

— Прочти. Возьми себя в руки!

— «Оставляю на ваше усмотрение отправку этих контейнеров. Остаюсь преданный вам ДрейЮ Брюс, агент КФ».

— Что это значит? — поинтересовался Витас.

— Ничего не значит. Она писала письма нашим заказчикам. Обычные письма.

— Здесь ничего обычного, — сказал Витас. — Стреляли в тебя тоже обычно?

— Я ничего не понимаю, честное слово.

— Кому надо сообщить? Кому здесь сообщают?

— В стражу нельзя, — сказал Андрей. — О смерти имеют право сообщать только близкие родственники. Иначе бесчестье.

— Ты лучше знаешь.

— Я позвоню ее брату. Он художник.

Витас ничего не ответил. Он присел на корточки за столом, там, где лежал упавший стул. Витас медленно двигался вдоль стены, разглядывая пол.

Андрей повернул ручку телефона.

Он вызвал дом ПетриА.

Подошел ее отец. Андрей извинился за поздний звонок и сказал старику, что ему надо поговорить с братом. Он побоялся ска-

зать старику, что случилось. Старик удивился и спросил, почему задержалась ПетриА. «Извините, — сказал Андрей, и это было невежливо, — я очень спешу». Старик пошел звать сына. Андрей ждал, пока подойдет брат, и смотрел на ПетриА. У нее были очень мягкие волосы. Они всегда были теплыми и пахли горной травой. Она их мыла настойкой из горных трав.

Голос Кам ПетриУ был сонным. И раздраженным. Из всей спесивой знатной семьи, косо смотревшей на то, что богатая наследница занимается не подходящим для такой девушки делом, он был лояльней других к Андрею. Он сам собирался улететь в Галактический центр.

— Здравствуй, — сказал Андрей. — С ПетриА несчастье. Я не сказал твоему отцу. Ты можешь сразу приехать в агентство?

— Сейчас. — К счастью, брат не задал ни одного вопроса.

Положив трубку, Андрей стал на колени рядом с ПетриА, поднял ее холодную кисть. Он старался уловить пульс.

— А что там? — услышал Андрей голос Витаса.

Тот стоял перед закрытой дверью.

— Мой кабинет, — сказал Андрей. — Там заперто.

Витас толкнул дверь.

Дверь открылась.

— Замок взломан, — сказал Витас.

Внутри тоже горел свет. Андрей, не поднимаясь, увидал, что шкаф, стоявший напротив двери, раскрыт. И пуст. Но не сразу сообразил, что же там должно быть. Потом сообразил и удивился: в шкафу висел его повседневный мундир песочного цвета!

— Что было в шкафу? — спросил Витас.

— Ничего интересного, — ответил Андрей. — Повседневный мундир.

— Кому-то это было интересно, — сказал Витас. — И взломан стол. Что было в столе?

— Ничего интересного, — повторил Андрей. Все это не имело никакого отношения к нему. И к ПетриА.

Он смотрел на руку девушки. Ее пальцы покорно лежали на его ладони. Он вдруг понял, что два ее ногтя обломаны. И под ними белое. ПетриА — такая аккуратистка.

Андрей заинтересованно, будто это могло помочь девушке, поглядел вокруг. И понял — краска на стене. ПетриА старалась выцарапать что-то на стене. У нее не было сил подняться, но она старалась что-то сделать.

«Шква...» — было выцарапано у самого пола... От последней буквы шла полоса вниз, к плинтусу.

Это было важно. Почему-то это было важно. Она уже умира-

ла, она не смогла подняться, но считала важнее всего написать это странное слово «Шква...».

Витас, выйдя из кабинета, увидел, что Андрей держит ПетриА за руку, и сказал:

— Не надо, Андрей. Мы ей не поможем.

— Ну что ты меня уговариваешь! — вдруг взорвался Андрей. — Я знаю! Я все знаю!

Входная дверь распахнулась от удара. Вбежал брат ПетриА.

Он налетел на стойку грудью, как на барьер, который собирался преодолеть, но в последний момент не решился. Перегнувшись, он увидел ПетриА.

— Кто это сделал? Ты? Кто?

— Не знаю. — Андрей осторожно отпустил руку девушки и поднялся. Ему было неловко перед Кам ПетриУ.

— Почему она лежит здесь? Почему?

Он обежал стойку.

Витас попытался остановить его.

— Нельзя трогать, — сказал он. — Приедет полиция, они узнают, кто это сделал.

— Плевал я на вашу полицию!

Кам ПетриУ подхватил девушку на руки и понес ее в кабинет. Там положил на диван.

И сразу успокоился.

Мертвый не должен лежать на земле, вспомнил Андрей. Злые духи войдут в него.

— У нас нет кровников, — сказал брат. — Никто не хотел ее крови. Я знаю. Это твои кровники.

— У меня нет кровников, — сказал Андрей. — Ты знаешь. Я здесь чужой, у меня даже нет клана.

Короткая тога Кам ПетриУ была подпоясана плетеным ремнем, на нем висел двойной нож. Разговаривая, брат держал ладонь на рукоятке ножа. Он был неплохим, но беспутным, ленивым парнем, рисовал в газете, делал вид, что страшно прогрессивен и завтра улетит в Галактический центр, где все оценят его таланты. Безвредный парень. Но сейчас он не думал о Галактическом центре. Наверное, и не помнил о его существовании. Он не столько был потрясен смертью сестры, сколько обстоятельствами ее. Сестра могла погибнуть — в этом мире погибнуть нетрудно. Но всегда находится объяснение смерти.

— Может, это были грабители, — сказал Витас. — Они взломали кабинет и унесли вещи.

— Это кто? — спросил брат Кам ПетриУ. — Что он говорит?

— Мой друг говорит, что это могли быть грабители.

— Грабители? Зачем они стали бы убивать сестру? — удивился Кам ПетриУ. — Они дождались бы, пока она уйдет. — Он был прав. — А он? Я его видел. Он прилетел со звезд?

— Он прилетел сегодня. На «Шквале».

И, произнося это слово, Андрей понял, что ПетриА старалась выскрести на стене.

Он молча вышел из кабинета и еще раз прочел слово. Конечно же, ПетриА хотела сказать про «Шквал». И на космолингве. Значит, для Андрея.

Витас вышел из кабинета следом за Андреем.

— Смотри, — сказал Андрей тихо и показал на надпись.

— «Шквал»? — сразу догадался Витас.

— Да. Она хотела нам сказать.

— Ты можешь позвонить в диспетчерскую?

Андрей снял трубку телефона. Там не отвечали.

В дверях стоял Кам ПетриУ. Модная прическа — гребнем — сдвинулась набок. Тога расстегнута. Глаза красные.

— ДрейЮ, — сказал он, — мою сестру убили. Ножом в спину. Как слизняки, которые жалят ночью. Ее кровь — моя кровь.

Слезы текли по щекам. На Пэ-У мужчины не стесняются эмоций, сдержанность — долг женщины.

— Ее кровь — моя кровь, — повторил Кам ПетриУ, поднимая руку ладонью вперед.

Это были слова смертной мести. Брат брал месть на себя. Если бы он считал ДрейЮ близким человеком, он бы сказал иначе: «Ее кровь — наша кровь», приглашая тем самым Андрея к кровной мести и связывая его этой местью.

Андрей был здесь чужим. И мир этот был ему чужд. И, уж конечно, чужда месть, которая отныне будет править делами и мыслями клана Кам Петри.

— Я не знаю убийцу. Я могу подозревать всех, — сказал Кам ПетриУ. — Могу подозревать тебя, звездный господин. И твоего друга.

— Не надо, — сказал Андрей.

Андрей смотрел через плечо Кам ПетриУ. ПетриА лежала на диване.

Андрей прошел в кабинет, отстранив молодого человека. Тот покорно подчинился. Андрей остановился у дивана. ПетриА лежала, чуть склонив голову набок, ее рука свисала вниз, касаясь длинными пальцами пола.

Так стоять было нельзя. Надо было что-то делать. Она написала о «Шквале». Надо ехать на космодром.

Андрей был совсем один. Снова совсем один. Как человек,

который проваливается в черную бездну космоса, чтобы никогда не встретить в своем падении ничего, кроме пустоты.

Андрей услышал собственный голос. И удивился, услышав, какой он хриплый.

— Твоя кровь, — сказал он, — моя кровь.

Это было очень древнее заклятие. Он брал месть на себя. Как самый близкий человек. Как человек, имеющий право на монополию мести.

Очень цивилизованный и мирный человек, представитель гражданской космической авиации на планете Пэ-У, объявлял о мести. Это было немыслимо. Если бы кто-нибудь сказал об этом Андрею день назад, он бы засмеялся.

— Я подчиняюсь, отец, — сказал Кам ПетриУ.

Оказывается, он помнит об их родственных отношениях. Андрей сказал:

— Кам ПетриУ, ты вызовешь стражников и все расскажешь. Мы едем на космодром. Нашему кораблю может угрожать опасность. Мы возьмем твою машину.

Он сказал это голосом человека, который имеет право распоряжаться.

— Я все сделаю, — сказал Кам ПетриУ.

Витас не понял этого разговора. Они говорили на языке Пэ-У. И уж тем более он не знал о законах мести.

Андрей склонился и поцеловал ПетриА в висок. Кожа еще сохраняла остатки теплоты.

* * *

Маленькая машина Кам ПетриУ ехала медленно. Паровой двигатель вздыхал, ухал, в нем что-то потрескивало, и Витас, не знавший, насколько такие монстры надежны, беспокоился, доберутся ли они до места. Они, как ни странно, долго разговаривали об этих машинах, может, потому, что Андрею было легче говорить о паровых котлах, чем о том, что случилось.

Надо было позвонить Ольсену, старик знал ПетриА, и они были дружны с девушкой, но Ольсен уехал куда-то с ВараЮ.

Интуитивно Андрей ощущал какую-то связь между покушением у Пруга и смертью ПетриА, но, разумеется, никаких оснований для выводов не было. Просто совпадение по времени.

— С такой скоростью мы доберемся до космодрома к утру, — сказал Витас.

Темные редкие дыни выплывали из темноты, освещенные

фонарем машины прятались в столбах дыма, поднимавшихся из их труб, и уплывали назад, солидно и беззвучно.

...Машина ухнула в очередную выбоину, и ее окутало пылью. Когда она выбралась из желтого, подсвеченного фарой облака, впереди возникли огни космодрома. Тусклые дежурные фонари. И люлька диспетчерской на башне.

Ворота на поле были распахнуты, охранника рядом не видно.

Андрей развернул машину и затормозил у башни.

Вокруг было очень тихо. Далеко-далеко за полем выли лисы. Стайка летучих крыс пролетела низко над головами, и по коже прошел холодок от крысиного ультразвукового пения.

Витас ничего не спрашивал. Он молча следовал за Андреем.

Они взбежали по лестнице.

Диспетчерская была ярко освещена.

Дежурный диспетчер завалился набок в кресле, голова склонялась к пульту. Он был недвижен.

Андрей приподнял веко диспетчера, пощупал пульс.

— Он жив.

Диспетчер тихо застонал.

Витас прошел к экрану и включил его. Корабль возник на экране. Он был темен и тих. Витас дал увеличение. Люк был открыт, пандус спущен.

— Где вызов? — спросил Витас отрывисто.

Андрей уже вызывал корабль. Корабль не отвечал.

— На мостике никого, — сказал он. Экран связи был пустым.

— Этого не может быть, — сказал Витас.

Андрей обернулся. В открытых воротах космодрома вспыхнул белый круг прожектора. На поле выползла большая военная машина. Из коротких труб белыми столбами рвался пар. Стальной округлый лоб блестел под фонарем. Машина пошла полем к кораблю.

— Что за черт!

Андрей бросился к выходу. Витас за ним. Они залезли в машину Кам ПетриУ. Паровой котел был горячим, и машина почти сразу взяла с места и покатила к кораблю. Они видели, как тормозит боевая машина. Наверху пандуса в открытом люке возникла фигура.

— Кто это? — крикнул Андрей, перекрывая рев парового двигателя.

— Это ты! — закричал в ответ Витас.

Человек редко видит самого себя издали, да и не ожидал Андрей увидеть агента КФ встречающим боевую машину. Но Витас

был прав. Человек, стоявший у люка, был одет в песочный мундир Андрея, который исчез из кабинета.

Люки боевой машины раскрылись, и оттуда выскочили воины в черных коротких туниках поверх кольчуг. С копьями, некоторые с автоматами. Затем вылез грузный человек, тоже закованный в латы. Андрей узнал Пруга, наследника Брендийского.

Пруг обернулся, услышал клокотание двигателя. Он крикнул что-то воинам и быстро побежал наверх к люку. Человек в мундире Андрея Брюса поспешил за ним. Воины кинулись обратно, прячась за броней боевой машины. Короткая пушка начала разворачиваться в сторону паровичка.

Оставалось еще пятьдесят метров открытого пространства. Андрей понял, что в минуту их разнесут в клочья. Он видел на маневрах эффект от выстрела взрывчатой картечью. Именно из такой пушки.

Андрей резко развернул паровичок и бросил его в сторону, чтобы вырваться из круга света от прожектора боевой машины. Поворачивая, он успел увидеть, как из ближайшего к «Шквалу» люка боевой машины два воина выволакивают еще одного человека, обнаженного и бессильного.

Выстрелила пушка боевой машины. Картечь, взрываясь синими огоньками, фейерверком праздничных шутих высветила небо.

Теперь надо было скрыться за кораблем. В этом было единственное спасение. Башня боевой машины разворачивалась, и Андрей всей шкурой чувствовал, как широкое дуло поймало их машину и ведет ее. Он резко затормозил. Неуклюжий паровичок словно сообразил, что ему грозит, сразу послушался. Витас ударился головой в лобовое стекло.

— Прости, — сказал Андрей.

Струя сверкающих взрывов пролетела перед самым носом паровичка. Полминуты на заряжение пушки. На поле стало светло как днем. Свет прошел сзади. И также пропал, перейдя в грохот. Андрей, оглянувшись, понял, что это взорвалась диспетчерская.

Отравленные стрелы били по боковым стеклам, оставляя на них желтые потеки. Прожектор боевой машины рыскал по полю.

Во всю силу врубился могучий прожектор «Шквала». Поле стало светлым и маленьким — спасительная стена корабля, нависающая над полем, была рядом. Но они не успели достичь ее. Их накрыло следующим выстрелом.

Ударяясь о машину, картечь вспыхивала ослепительно и радостно. Андрею показалось, что он ослеп. Зазвенело разбитое

стекло. Ожгло руку. Андрей цеплялся за рычаги управления, стараясь удержать машину, но ее завертело и понесло...

Потом неожиданно наступила тишина. Андрей почувствовал, что тело ему не подчиняется. И прошла секунда, прежде чем искры в глазах погасли и он понял, что на него навалилось тело Витаса. Машина стояла.

— Витас! — крикнул Андрей. — Ты что?

Витас молчал. Дышать было трудно. Кабина наполнялась дымом. От картечи вспыхнула фанерная обшивка паровичка.

Андрей смог открыть дверь. Он понимал, что все неправильно и нереально. Этого не может быть. Он — агент КФ, он занимается полетами, размещением гостей, он сидит в тихом месте на тихой работе. У него нет врагов. Он сейчас вернется и расскажет ПетриА об этом диком сне. Она сидит на диванчике в его доме и ждет.

И еще он понимал, что Витас оказался со стороны выстрела. Андрей вывалился из машины, волоча Витаса. Рука была обожжена, и он на мгновение потерял сознание от боли, но не отпустил Витаса и вытащил его за собой, вцепившись в него, как бульдог. Опять был удар боли, когда рука ударилась о бетон, и сверху мешком свалился Витас.

Дым был ужасен, ни черта не видно, кроме огоньков, пламя разгоралось, чтобы сожрать паровичок. Андрей полз или, вернее, ему казалось, что он ползет, чтобы скорее спрятаться в спасительную тень под кораблем, как будто там его никто не найдет...

* * *

Андрей пришел в себя на корабле. В каюте. Это было странное пробуждение. Ощущение безмятежного детского счастья. Когда нет никаких забот, кроме желания еще понежиться в постели, потому что все на свете замечательно. Просыпаясь, но еще не вернувшись к реальности, Андрей понимал, что возвратился на свой корабль. Сейчас тихий зуммер вызовет его на вахту...

Андрей сделал движение, чтобы откинуть одеяло, но даже самое начало этого движения вернуло все на свои места и отогнало сладкие иллюзии.

Рука, запеленутая и тяжелая, не подчинилась ему, и звонок тревоги в мозгу начал безжалостно будить клетку за клеткой, и, пробудившись окончательно, Андрей замер от масштабов тревоги, а затем — горя.

Не было ни детства, ни вахты. Была смерть ПетриА. Ночной космодром. Звезды картечи. Ослепительный взрыв паровичка.

И Андрей не пытался больше подняться. Он замер. Он тщательно и почти спокойно прокручивал в голове ленту событий, вчерашних — или, может быть, уже давних? Сколько он провел времени в беспамятстве? Где он? На корабле.

Корабль был в полете.

Ни один звук, ни одно движение не выдавало этого, но Андрей — на то человеку и дается космический опыт — отлично знал, что корабль в полете: микроскопические вибрации и неуловимые шумы, неразличимые и непонятные для непосвященного, сразу рассказали ему обо всем.

Это был гравитационный корабль, на котором ему не приходилось еще бывать. Явно гравитационный, потому что не хватало глубокого и почти беззвучного шипения плазменных двигателей.

Значит, мы на «Шквале». Далее, есть две возможности. «Шквал» удалось отстоять, и Андрея, тяжело раненного, взяли на корабль, чтобы доставить в Центр. Или Пруг захватил корабль, и тогда Андрей — пленник. Но кто-то забинтовал ему руку. Значит, на корабле врач.

Следующий шаг надо сделать обдуманно. Сначала выясним, как сильно нас покалечило. Рука повреждена, обожжена. А что еще? Андрей подвигал ногами. Ноги были послушны. Теперь правая рука. Правая рука откинула одеяло и поднялась в воздух. Андрей поглядел на нее, как на живое существо, ему не принадлежащее.

Он легко сел на кровати. Голова закружилась. Ноги сделали привычное движение — так они делали уже много лет, — чтобы надеть шлепанцы. Пятки скользнули по полу. Андрей сосчитал до двадцати, голова перестала кружиться. Он поднялся. Рука в упругой эластичной повязке легла вдоль бока. Было больно. Интересно, чем же кончилась эта история с нападением?.. А Витас?

Именно беспокойство за Витаса заставило Андрея стряхнуть оцепенение. Андрей дотронулся до кнопки двери. Дверь должна была отойти в сторону. Дверь не шелохнулась. Сначала ему даже не пришло в голову, что дверь может быть закрыта. За годы жизни на кораблях Андрей еще не сталкивался с такой ситуацией — двери не должны запираться. За исключением одного случая — если нарушена герметичность.

Андрей шагнул обратно, к койке, нажал на столике вызов интеркома. Слава богу, хоть вызов работает. Экран как бы нехотя

ожил, пошел зелеными полосами. Вспыхнул белым. Андрей вызвал отсек управления.

На экране был ВосеньУ. Не просто ВосеньУ. Его не узнаешь с первого взгляда. Костюм ВосеньУ был ему велик. Разумеется, велик, потому что Андрей выше его и шире в плечах.

Значит, это ВосеньУ надо было, чтобы его приняли за Андрея. Зачем? Чтобы захватить корабль. И за мгновение, прежде чем он увидел знакомую ухмылку ВосеньУ, Андрей уже все понял. «Значит, — подумал холодно Андрей, утопая в ненависти, — значит, это ты, мой скромный помощник, убил ПетриА. Она помешала тебе, и ты ее убил».

— Ее кровь — моя кровь, — сказал Андрей, глядя на ВосеньУ.

— Что? — ВосеньУ ожидал все, что угодно, только не этих слов, сказанных на языке города.

Но он был сообразительным. И сообразил.

— Это неправда, — сказал он. — Я ее не убивал. Клянусь богиней УрО. Я никого не убивал.

— Где Витас Якубаускас? — спросил Андрей. Он был совершенно спокоен.

— Болеет.

— Кто у вас главный?

— Нас ведет Пруг Брендийский.

— Вызови его.

— Я не знаю, захочет ли он с тобой говорить.

На экране возник Пруг Брендийский. Он, видно, не знал, как переключается связь, и потому попросту оттолкнул ВосеньУ.

Наследник Брендийский был в боевом наряде и высоком шлеме. Полосы боевой краски на надутых щеках, подсиненные, заплетенные в косички усы. И настороженные черные глаза.

— Ты хотел говорить со мной? — сказал он. — Говори.

— Что произошло?

— Ты сам пришел к нам, — сказал Пруг. — Мы тебя не звали.

Он смеялся. Добрые лучики веером разбежались от уголков глаз, крепкие желтые зубы открылись за лиловыми губами.

— Я требую... — Голос звучал неубедительно. И Андрей оборвал фразу.

— Понял? — спросил Пруг. — Не надо требовать. Надо благодарить. Теперь ты нам совсем не нужен. Даю тебе слово. А мы тебя не бросили. Мы тебя подобрали, пожалели.

— Зачем все это нужно?

— Приведите его ко мне, — приказал Пруг.

* * *

Ситуация была неординарной, тревожной и грозила дальнейшими бедами. Очевидно, корабль оказался в руках людей, которым не положено командовать космическими кораблями. Корабль движется в неизвестном направлении с неизвестной целью. Однако цель эта должна быть достаточно серьезной для тех, кто захватил «Шквал». Нападение — не наскок под влиянием момента, а запланированная акция. Наследник Брендийский решился сам подняться в космос. Не Галактический же центр они намерены завоевать.

Андрей ждал. Дверь отъехала в сторону. ВосеньУ стоял напряженно, будто готов был в любой момент отпрыгнуть в сторону. Но сделать это было бы нелегко, так как два горца в кольчугах, с ножами в руках стояли вплотную за ним.

Андрей понял, что ВосеньУ очень боится его, даже раненого, но и боится выглядеть смешным. И потому кажется смешным. Чужой костюм сидел на нем криво.

Андрей понял, что, привыкнув к ВосеньУ, он никогда к нему не приглядывался. А теперь вдруг увидел: худой человек ниже среднего роста, нестарый еще, узколобый, с тщательно проведенным пробором, прямой нос кажется продолжением пробора, а остальное несущественно.

Андрей сделал шаг к нему, не отпуская взглядом зрачков.

ВосеньУ отпрянул. Натолкнулся спиной на воинов. Те не шевельнулись. Воины были похожи, один постарше. Наверное, братья — одинаковая клановая татуировка на щеках.

Андрей спросил:

— Куда идти?

— Направо, — сказал ВосеньУ с облегчением.

И пошел по коридору первым, склонив голову набок и вывернув назад, чтобы не выпускать Андрея из поля зрения.

— Я тебя убью, — повторял Андрей, глядя ему в спину. — Я тебя убью, подонок.

Пруг Брендийский ждал в кают-компании. Он занимал половину дивана.

— Рука, — спросил Пруг, — не болит?

— Я хочу видеть капитана Якубаускаса, — сказал Андрей.

— Я думал, — сказал Пруг и снял парик: голова под париком была совсем лысой, — ты будешь спрашивать о более важных вещах...

Пруг не скрывал, что у него отличное настроение.

Рука ныла, как будто в нее воткнули гвоздь и медленно пово-

рачивали. Даже подташнивало от боли. Еще не хватало упасть перед ним в обморок.

Андрей опустился в кресло напротив Пруга. Тот приподнял кустистую бровь. Охранник, вошедший за Андреем, хотел было помешать тому, но Пруг поднял руку:

— Пускай сидит. Он слаб. Люди неба хороши, пока вокруг них много приборов и штучек. Когда они голые, в них нет силы.

— Где Витас? — сказал Андрей упрямо. Не будет же он спорить сейчас с горным князьком, в лапы которому попал новейший звездолет Галактики.

— Я отвечу, — сказал Пруг, — твой Витас жив. И не нужен мне, как не нужен ты. Но жив. Где доктор?

— Сейчас, — сказал ВосеньУ.

Стараясь не проходить рядом с Андреем, ВосеньУ добрался до экрана у рояля. В кают-компании был рояль. На корабле Андрея не было рояля. За роялем молча стоял ДрокУ. Желтоволосый воин, которого Андрей видел в доме Пруга.

— Медотсек слушает, — раздался голос. Голос возник чуть раньше, чем изображение доктора. Интересно, сколько человек оставалось на «Шквале»?

— Скажи ему о капитане, — произнес Пруг на космолингве.

Доктор смотрел на Андрея.

— Как ваша рука? — спросил он. — Я хотел бы, чтобы вы зашли ко мне. Вам надо сменить кокон и сделать обезболивание.

— Я тебе задал другой вопрос, — сказал Пруг. — На мои вопросы надо отвечать сразу.

Доктор пожал плечами. Он был уже немолод, худ, сутуловат. И растерян, хоть и пытался это скрыть.

— *Не надо пугать меня, — сказал доктор. — Я не играю в разбойников.* Капитан Якубаускас в тяжелом состоянии. Я поместил его в ожоговую камеру. Он спит. Прямой опасности для жизни нет, но требуется покой и длительное лечение...

Андрей смежил веки. Тошнило от боли.

— Почему ты не задаешь вопросов? — спросил наследник Брендийский. — Я рад тебе ответить. Ты мой гость в этом большом доме.

— Зачем вы это сделали? — спросил Андрей. — Вы же понимаете, что вас обязательно поймают.

— Я могу ответить, — сказал наследник Брендийский. — В этом теперь нет тайны. Мы летим на Ар-А.

— Зачем? — Андрей был удивлен, но не поражен этим известием. Это объяснение, по крайней мере, имело хоть какой-то смысл.

— Мы летим на родину моих предков, — сказал Пруг. — На родину гигантов.

— Посетить любимые могилы? — вдруг не удержался Андрей. Ирония здесь улавливалась лишь теми, кто знал местные обычаи. Посещение любимых могил некогда было торжественным обрядом — долгим путешествием к легендарному кладбищу на плато Любимых. Там, по слухам, лежали останки героев, павших в битве на Краю пустыни. Со временем это долгое путешествие, которое кончалось грандиозными пирами и смертоубийством, было запрещено, но, разумеется, не пресечено.

— Ты не зря прожил у нас столько времени, ДрейЮ, — сказал Пруг беззлобно. — Но ты не прав. Я не из тех, кто проводит жизнь в пирах и забавах. И я хочу, чтобы ты это понял и запомнил. Я очень просто устроен. Мне нужна власть и слава. Как и каждому благородному воину. Я был предательски лишен власти, которая причитается мне по праву. Я был изгнан и вынужден жить среди слизняков вонючего города. Многие думали, почему же столь славный и великий вождь живет столь пусто, как человек, отказавшийся от борьбы? Но у меня давно была мысль вернуться к себе победителем. И не только победителем. Великим победителем, о котором давно мечтал мой народ и все народы.

Пруг Брендийский перестал улыбаться.

— Ты чужой, ничего не понимаешь. А если понимаешь, то думаешь просто. Все люди думают так, как их учили. Только великие люди умеют думать так, как хотят. А я думаю выше, чем вы, обыкновенные люди. Я думаю о том, как поднять честь. Я лечу на Ар-А! Побуждения мои благородны, цель высока, и я не хочу никому зла. Поэтому ты жив, и твой капитан жив. И те, кто был на корабле, тоже живы. Мне не нужна кровь и месть. Мне нужна лишь справедливость.

— А ПетриА? — спросил Андрей. — Она погибла.

— ПетриА из клана Кам Петри? Где погибла она? Почему мне никто не сказал?

— Спроси у своего сообщника, — сказал Андрей.

— ВосеньУ, что знаешь ты скрытое от меня? — спросил Пруг.

— Кто-то убил ПетриА, — сказал ВосеньУ. — Когда я был в агентстве, чтобы взять полетные документы и его одежду, я увидел ее мертвой. Вернее всего, это совершил ДрейЮ. У них была связь, и он боялся, что о ней узнают.

— Если ты прав, ВосеньУ, — сказал Пруг, — мы будем вынуждены жестоко наказать ДрейЮ. Ибо никто не смеет поднимать руку на девушек наших славных кланов. Кто же взял на себя месть?

— Ее кровь — моя кровь, — сказал Андрей.

— Ты не можешь это сделать, ты чужой. И ты болен. Отведите его к доктору. Я не люблю мучить людей, а наш гость ДрейЮ ранен и обожжен. Прежде чем он выйдет на тропу мести, ему надо окрепнуть. — Пруг рассмеялся.

* * *

Воин толкнул Андрея в спину. Тот с трудом удержался на ногах. Дверь сзади затворилась. Охранники остались в коридоре.

Медицинский отсек был ярко освещен. Обычный медицинский отсек. Амбулатория и белая дверь в госпиталь.

Доктор поднялся навстречу.

— Здравствуйте, — сказал он. — Меня зовут Мишель Геза. С вами я немного знаком. По крайней мере, вы со вчерашней ночи мой пациент.

— Витас спит?

— Спит. Ложитесь. Сначала займемся вами. К сожалению, поврежден мой компьютер... — Доктор смущенно улыбнулся. — Когда они ворвались, у меня с ними получился... буквально конфликт.

Он показал в угол. Там лежала сметенная груда осколков стекла, мелких деталей, словно кто-то дотошно выпотрошил «живую куклу». Несколько лет назад была мода на «живых кукол» — они были фантастически умелы: ходили, бегали, пели, капризничали, просыпались ночью, плакали и просились на горшок... И дети разламывали этих кукол, обязательно разламывали. И оставалась куча мелких деталей: куклы были буквально напичканы этими деталями.

— Простите за беспорядок, — сказал доктор. — Мне некогда было убраться. Рука болит?

Он быстро обработал раны. Боль возникла, заставила сжать зубы, но тут же отпустила.

— Расскажите, — сказал Андрей, — что у вас произошло.

— Я думал, вы больше меня знаете, — сказал доктор.

— Считайте, что мы оба мало знаем.

— Я не поехал в город, — сказал доктор. — Полежите немного, сейчас пройдет. Я немного простудился и думал, что выйду на второй день, потом. На корабле нас осталось двое. Я и второй пилот Висконти. Мы занимались своими делами. Потом поужинали... Висконти был на мостике. Потом он включился и сказал, что приехал агент Космофлота, что-то случилось. Мы ничего не подозревали. И когда Висконти пошел к люку, я тоже пошел: от-

чего-то встревожился. Может, несчастный случай, я понадоблюсь. Было темно. Я увидел служебную платформу, а на ней стояли вы.

— Как вы меня узнали?

— Форма. Форма представителя Космофлота.

— Это был мой помощник ВосеньУ.

— Там был еще один, водитель. Вы подняли руку. Висконти открыл люк. Они подошли поближе. А мы не знали вас в лицо. И впустили в корабль. Но поймите, мы же на цивилизованной планете...

— Вас никто не винит.

— Дальше все было неожиданно. Мы не успели сообразить. Они оба вошли и приказали нам лечь. Висконти спохватился первым. Он вахтенный, он был вооружен. Он пытался достать пистолет...

— И что?

— Они закололи его. Понимаете, все произошло очень быстро. Я буквально опешил. Висконти вдруг упал. А меня свалил первый. Остальные, наверное, скрывались у корабля. Или лежали на платформе. Я услышал шаги, голоса. Они ворвались на корабль. Меня буквально перетащили в кают-компанию. Там их было несколько человек. Мне сказали, что корабль переходит во владение какого-то Берендея. Человек в вашей одежде хорошо говорил на космолингве.

— Да, — сказал Андрей. — У него диплом штурмана. Но он предпочел работать у меня в агентстве.

— Он сказал, что я должен выполнять приказания, иначе меня убьют, как Висконти. И я понял, что он не шутит.

Доктор подошел к столу, стал перебирать на нем какие-то бумажки. Руки его чуть дрожали.

— Простите, — сказал он, — я до сих пор не могу пережить...

— Я бы тоже испугался, — постарался успокоить его Андрей.

— Вы не понимаете, я не могу пережить унижения. Это унизительно. Отвратительно. Буквально у меня на глазах убивают человека. Я смотрю на эти лица — совершенно спокойные лица... Я не могу сказать, что не рассуждал. Я рассудил: на корабль напали грабители. Если мы сейчас бросимся на этих людей, они нас убьют. Может, им даже удобнее нас убить. Я надеялся, что буквально через минуту поднимется тревога, и все кончится. Даже когда этот ВосеньУ сказал, что «Шквал» должен готовиться к отлету. Я чуть не улыбнулся. Я вспомнил давние времена самолетов, может, помните, если вы учили историю, когда-то водились террористы, которые захватывали самолеты? В воздухе.

— Помню. Читал.

— И я старался говорить с ними мягко, ну как с сумасшедшими. Я стал его уговаривать одуматься. А он смеялся, а потом меня ударил. Буквально ударил по лицу. Вы можете поверить?

— Могу.

— Остальное вам известно. А я буквально в тупике. Ведь мы летим? Но куда летим? И совершенно нечего есть. Как вы думаете, они нас накормят?

— Не знаю, — сказал Андрей. — Они утверждают, что летят на Ар-А.

— Простите, я не знаю, что это такое.

— Другая планета в той же системе.

— Это еще зачем? Она населена?

— Нет. Там только археологическая экспедиция.

Беседуя с доктором, Андрей представлял себе примерно, каким образом было осуществлено нападение на корабль. События, которые казались еще недавно не связанными между собой, случайными и даже загадочными, обретали простые объяснения. Кому и почему надо было покушаться на Андрея и Витаса? Кому они мешали? Мешали они Пругу, мешали потому, что, оставаясь на свободе, они были опасным фактором, они могли сорвать захват корабля. Их надо было убрать со сцены. Просто и понятно. Даже понятно, почему Пруг не был настойчив в попытках убить их. Он действовал по старинной поговорке: «Лучше живой враг, чем мститель за мертвого». Вот они с Витасом и живы. Пруг опасался, что убийство капитана и агента Космофлота заставит Галактический центр вступить на путь смертной мести. Если можно этого избежать, тем лучше. Пока покушения на Андрея и Витаса производились на темной улице убийцей со стертым клеймом на стреле, Пруг мог откреститься от участия в этом. На корабле же иначе...

Но путешествие к предкам, желание приобщиться к величию гигантов... уж очень несовременная причина для такого вполне трезвого политика, как Пруг.

Ответ на этот вопрос материализовался в образе долговязой, растерзанной, полуголой фигуры, влетевшей в неожиданно раскрывшуюся дверь.

— Фотий ван Кун, археолог, — произнесла фигура, почти церемонно кланяясь. — У меня страшно болит зуб.

— Археолог? Это вы пропали позавчера?

— Никуда я не пропадал. Меня похитили. Где у вас обезболивающее?

— Спокойно, — сказал доктор. — Садитесь сюда, и давайте поглядим, что у вас произошло.

— Только попрошу без этих «спокойно» и «садитесь». Я этого достаточно наслушался в вашем бандитском логове, — заявил Фотий ван Кун. — Я не намерен разговаривать ни с кем из вашей банды, и можете катиться ко всем чертям. Мне ясны ваши замыслы и махинации, и вы еще даже не представляете, что я с вами сделаю.

Во время этого бешеного по скорости и напряжению монолога Андрей успел разглядеть археолога. Очевидно, в нормальном состоянии он был обыкновенным человеком, его не различишь в толпе. Но сейчас его редкие волосы стояли дыбом, лицо было перемазано, от одежды оставались лишь странные и неполные детали нижнего белья. Как часто бывает у рыжих, у него было мучнисто-белое лицо, усыпанное веснушками. Зеленые глаза лихорадочно блестели.

— Я убежден, что вы заблуждаетесь, — сказал доктор. — Мы не имеем буквально никакого отношения к тем людям, которых вы именуете бандитами.

— Нет никаких оснований вам доверять, — ответил археолог. — Меня тут уже обманывали.

— Тогда сядьте и откройте рот.

— Ничего подобного. Вы не знаете о моих болезнях, а я знаю. Я простужен. Понимаете, я зверски простужен, и простуда у меня всегда выражается в зубной боли. Если бы вас держали часами на сквозняке, вы бы не рассуждали так спокойно.

— Доктор, — сказал Андрей, — я полагаю, что нам следует подчиниться. Дайте ему обезболивающее, а осмотрите его в следующий раз.

— Наконец-то разумный человек. Я вспомнил! Вы агент Космофлота! Я вас видел у консула. Значит, вы, вернее всего, не бандит.

Фотий ван Кун залез в аптечку, вытащил оттуда тюбик с обезболивающим, выдавил себе на щеку, растер, затем стал вытаскивать другие лекарства и пытался рассовать их по несуществующим карманам. Лекарства сыпались на пол.

— Это грабеж, — заметил доктор.

— Нет, это не грабеж. При моем состоянии здоровья я вообще никогда не выхожу из дома без аптечки. И совершенно неизвестно, когда в следующий раз я смогу ее пополнить. Дайте мне коробку!

Доктор растерянно поглядел на Андрея. Тот пожал плечами.

Доктор достал из стола пластиковый пакет. Фотий ван Кун

сердито ссыпал туда конфискованные лекарства. И, видно, это его примирило с доктором и Андреем.

— Вас тоже похитили?

— Да.

— А вы-то им зачем?

— Мы еще не знаем.

— Чепуха, — заявил Фотий ван Кун. — Вы отлично знаете Им нужен корабль. Чтобы добраться до сокровищ Ар-А. Ясно как день.

— Сокровища Ар-А? — спросил Андрей. — Это что-то новое. И, наверное, это может нам самим многое объяснить. Что вы имеете в виду?

— Я бы мог вам дать тезисы моего сообщения... — Фотий ван Кун потер лоб. — Но они утащили все мои записи и схемы. Все утащили.

— Тогда мы имеем право узнать об этом из ваших уст, — сказал Андрей, — раз мы лишены возможности прослушать вашу лекцию.

— Работа еще не завершена, есть только самые предварительные результаты. Там масса интересного для археолога. Но для бандита — куда меньше. Да, там есть пушки и всякие пулеметы. Но они же ржавые!

Дверь открылась, и ВосеньУ, не рискуя войти внутрь, сказал:

— Уважаемый ван Кун, вы просили ужин. Ужин готов.

— Не нужен мне ваш ужин. У меня и без вашего ужина начинается гастрит.

И с этими словами археолог направился к двери.

Дверь закрылась.

— Еще один кусочек мозаики, — сказал Андрей. — Можно я зайду к Витасу?

— Заходите, — сказал доктор. — Странный тип этот ван Кун.

— Его похитили за день до нас. Все думали, что его убили. Они инсценировали ограбление и даже убедили стражу, что грабители утопили его в озере.

Доктор открыл дверь в госпиталь. Там в ванне с физиологическим раствором лежал Витас.

Андрей подумал, как меняется человек, когда он находится в неестественном состоянии. Ты смотришь на него и понимаешь, что это должен быть Витас Якубаускас. А видишь куклу, муляж, потому что мышцы лица расслаблены, чего не бывает даже в глубоком сне, от этого лицо становится неживым.

— Что ж, — сказал Андрей, — надо отдать им должное. Они провели свою операцию безукоризненно.

— Что же делать? — спросил доктор. Они стояли рядом с Витасом, словно приглашая его участвовать в разговоре.

* * *

Наследник Брендийский, в ближайшем будущем также господин планеты Ар-А, потомок гигантов, пригласил к обеду агента КФ Андрея Брюса.

Кают-компанию переоборудовали. Предусмотрительный наследник притащил с собой любимые вещи. Например, кресло. Может, не то, что стояло в его доме, но достаточно солидное кресло, чтобы вместить тушу наследника.

Стол был накрыт скатертью цветов клана. Никакой уважающий себя властитель не будет жрать на какой-нибудь тряпке.

Два воина в парадных туниках и шлемах стояли по обе стороны кресла, сверкая обнаженными клинками. В косицы усов были вплетены цветные ленточки.

— Мне тут нравится, — сказал Пруг. — Садись и поешь со мной. Не считай себя моим кровником. Это заблуждение. Смерть уважаемой ПетриА была следствием ошибки. Мы ее не убивали. Даю слово горца. Так что отведай моего скромного угощения.

Вдруг Пруг Брендийский засмеялся:

— Второй день подряд у меня в гостях! Этой чести позавидовал бы любой министр. Да садись же! Мы с тобой вожди двух кланов. Ваш клан побежден, но в честном бою.

Воины внесли блюда с настоящей горской пищей. Значит, и об этом Пруг позаботился.

— Доктор голоден, — сказал Андрей

— Я уже распорядился. Ему понесли пищу.

Андрей не мог отделаться от ощущения, что напротив него за столом сидит очень хитрый и хищный кот. Теперь многое зависело от того, что удастся узнать о намерениях и возможностях врага.

«Странно, — подумал Андрей. — За всю мою не очень удачную жизнь мне не приходилось еще сталкиваться с человеком, которого я мысленно называю врагом. А этому я враг»

— Я не считаю тебя врагом, — сказал Пруг, перегибаясь вперед и накладывая с подноса мешанку в миску Андрея. — Мне ничего от тебя не надо. Я своего уже добился. Дикий горец захватил корабль. Почему? Потому что вы избалованные люди. Вас защи-

щает не ваше истинное могущество, а страх других перед вашим могуществом. Это и есть ваша слабость. Могущество рождает самоуверенность. И вот результат: мы летим, куда я хочу. И вы мне помогаете и будете помогать.

— Что вы этим хотите сказать?

— Да очень просто. Горец, дикий человек, слабый перед природой и господами, никогда бы не сел за один стол с убийцей. Он бы умер от голода. Он бы бросился на нож. А ты такой могущественный, что не считаешь для себя унизительным сидеть со мной. Ты думаешь, что перехитришь меня. А ведь человеку трудно перехитрить гиену, хоть он и умнее, и сильнее. Гиена — первобытное существо. Даже твой неверный помощник ВосеньУ — первобытное существо. Вы его научили летать в космосе, считать на компьютере, показали ему, как вы живете, вызвали в нем постоянную зависть и озлобление против вас. Внутри он остался таким же диким, как и до встречи с вами. Ты когда-нибудь был у него дома? Ты знаешь, с каким упрямством и почтением он выполняет все ритуалы первобытной жизни? Я это сразу проверил, как только замыслил великое дело. Я знал, что должен использовать вашу слабость — ваше могущество. Я стал следить за ВосеньУ и, узнав, что он внутри остался первобытным, начал прикармливать его.

Пруг Брендийский извлек толстыми пальцами кусок мяса со дна миски и подержал в воздухе, будто намереваясь положить его в тарелку Андрея. Однако, видно, решил, что честь слишком велика, и вместо этого отправил кусок себе в рот. Андрей подумал, что неправильность лица Прута именно во рте. Рот слишком мал и тонкогуб, будто снят с другого, маленького личика.

— Признай, что в моих словах есть истина.

— Есть, — согласился Андрей. — Мы были доверчивы. В результате убита ПетриА, убит пилот Висконти, тяжело ранен капитан корабля. И боюсь, что это не последние жертвы.

— Желания убивать у меня нет, — сказал Пруг Брендийский. — Не превращай меня в убийцу. Кстати, ты забыл сказать о себе, ты тоже ранен, и о неизвестном человеке, которого пришлось убить вместо археолога. Я понимаю, что тебе смерть неприятна. Ты чураешься ее оскаленной морды. Но если бы ты начал проповедовать миролюбие среди моих людей, тебя бы не поняли. Ты не знаешь войн, а мы живем войной. Мы с вами на войне, и я награждаю тех моих воинов, которые убили врага. Этим они спасли и славу клана.

Принесли пирог с ягодами, кислый, свежий, остро пахнущий лесом и смолой. Пруг отломил кусок и положил Андрею.

— Мы никогда не были вашими врагами, — сказал Андрей. — Даже по вашим законам нельзя нападать, не объявив об этом заранее и не бросив вызов. Это считается подлостью.

— Не учи меня, что подло, а что хорошо. Ты здесь чужой. Мир подл. Другого я не знаю. Старые законы заржавели. Как только я решу действовать, как положено благородному вождю, правительство вышлет меня из города или подстроит мою нечаянную смерть. Можно ли сочетать правила благородной чести и городскую стражу с радиопередатчиками? Я стараюсь сохранить благородство в главном. Я должен возвратить себе престол в горах. Это благо для моих подданных. Ради этого блага я позволю себе презреть некоторые устаревшие правила благородства. А как только вы встали на моем пути к великой благородной цели, вы стали моими врагами, хотите вы того или нет.

Вошел ДрокУ. Он нес серебряный таз для омовения рук. Простому воину такая честь не дозволена.

Пруг Брендийский вымыл пальцы в тазу. Потом ДрокУ поставил таз перед Андреем.

— Я не согласен с вами, — сказал Андрей Пругу.

— Меньше всего я нуждаюсь в твоем согласии. Я пригласил тебя не для того, чтобы оправдываться.

— Зачем же тогда?

— Чтобы объяснить то, чего ты не понимаешь. Тебе нет смысла сопротивляться. И не замышляй каких-нибудь фокусов. Потому что эти фокусы приведут к твоей смерти.

ДрокУ поставил на пол таз и хлопнул в ладоши. Слуги убрали со стола и принесли курильницы.

— Я мог бы схитрить, — сказал Андрей, поднимаясь. — Я мог бы притвориться покорным и в тишине планировать, как освободиться от вас. Но мои собственные понятия чести не позволяют мне этого сделать. Вы были правы, говоря, что нам дорога любая жизнь. Убийство и честь несовместимы. Я буду бороться с тобой, Пруг Брендийский, пока ты не будешь обезврежен.

— Для этого тебе придется меня убить, а убивать ты не хочешь. Так что ты бессилен, господин неба. И твой галактический клан бессилен. Когда мне нужно убить, я убиваю, а ты рассуждаешь. Иди рассуждай, я тебя не боюсь. Ты даже не сможешь отомстить за свою женщину. Я в презрении плюю на тебя. Уходи.

По кают-компании раскатился громкий, утрированный смех Пруга.

— Я отведу его? — спросил ДрокУ.

— Нет, мне надо с тобой поговорить, пускай его отведет КрайЮ.

Пожилой одноглазый горец с седыми косами усов, свисающими на грудь, вывел Андрея в коридор.

* * *

Андрей понял, что его ведут в каюту. Это его совсем не устраивало. В каюте он был бы изолирован.

Он сморщился, схватился за руку. Прислонился к стене, изображая крайнюю степень страдания. КрайЮ подтолкнул его в спину, и Андрей издал громкий стон.

— Больно, — сказал он, — надо к доктору.

— Слизняк, — заметил презрительно горец. Это было оскорблением. Андрей стоял у стены, полузакрыв глаза. КрайЮ сплюнул, потом подошел к нише, в которой таился экран интеркома, и нажал на кнопку. Поглядел на Андрея не без гордости — Андрей понял его. Любопытно, подумал Андрей, как воины Пруга освоились на корабле. Может быть, они тоньше организованы, корабль скорее подавил бы их, изумил, испугал. Воины Пруга восприняли корабль как захваченную крепость. Концепции космоса, вакуума, бездонного пространства были для них абстракциями. И если при нажатии кнопки на экране появилось лицо вождя — значит, так надо.

Пруг Брендийский сидел за столом, разложив перед собой какие-то бумаги. Рядом стоял ДрокУ. Когда раздался сигнал вызова, он почему-то накрыл эти бумаги лапами.

— Господин неба говорит, что ему больно. Он хочет к доктору.

— Пускай идет, — сказал Пруг. — Только смотри за ним. И как только доктор даст ему лекарство, пускай идет к себе в каюту. Запомни: они должны быть поодиночке.

«Что ж, в отличие от нас, его не обвинишь в легкомыслии», — подумал Андрей.

* * *

Андрей не знал, как отделаться от КрайЮ, но тот сам не пошел в кабинет. Медпункт был неприятным местом. Любой доктор — колдун. Чужой доктор — опасный колдун.

— Времени у меня немного, — сказал Андрей. — Я разговаривал с Пругом, и он показался мне серьезным противником.

— Я это понял раньше вас, — проворчал доктор.

Перед ним стояла миска с недоеденной похлебкой.

— Уговаривать его и учить гуманизму бессмысленно.

Но в этот момент экран загудел и включился. На экране был Пруг Брендийский. Он вновь улыбался. Висячие усы шевелились как змеи.

— ДрейЮ, — сказал он, — я хотел проверить, не провел ли ты меня. Ты осторожен и потому опасен.

— Вы для этого меня вызывали?

— Я хотел сказать тебе другое — опасайся ВосеньУ. Он маленький человек, и ты его напугал. И твоя жизнь ему совсем не нужна. Понимаешь, совсем не нужна. А такие маленькие люди очень опасны. Ты меня понял?

— Понял.

— Тогда лечись. Тебе может пригодиться твоя рука.

И, не переставая смеяться, Пруг Брендийский отключился. А его смех, грудной и глубокий, еще некоторое время звучал в медпункте.

— Это буквально чудовище, — сказал доктор.

— Детище своей планеты, своего времени, своей эпохи. К сожалению, неглуп. Употреби он свои таланты на иное, цены бы ему не было.

— Нелогично, — сказал доктор. — Если он, как вы говорите, детище своей эпохи, то он не мог употребить таланты на другое. Это же очевидно. А чего вы ищете?

— Хочу использовать ваши инструменты не по назначению и переделать интерком. А вы на всякий случай говорите о моих болячках и звените склянками. Наш охранник может подслушивать.

— Зачем вам интерком?

— Мне нужны глаза. Возможность подглядывать в другие помещения, подслушивать. Что главное в войне, если у противника превосходящие силы? Разведка.

— Малая война, — сказал доктор.

— Вопрос не в терминах. В эту войну непосредственно вовлечены лишь несколько человек, косвенно ею задеты многие и многие люди. И даже планеты.

— Вряд ли стоит преувеличивать. Кто знает о наших делах?

Прошло всего несколько часов.

* * *

Если «Шквал» идет к Ар-А, то само путешествие займет около двух суток. Желательно за это время захватить корабль, что малореально. Археологи примут меры.

Андрей строил в воображении картины того, как известия о малой войне распространяются по Галактике. Но на самом деле эти картины были далеки от реальности. Пруг оказался предусмотрительным.

Археологи на Ар-А, ожидая прилета «Шквала» и возвращения Фотия ван Куна, с утра попытались связаться с космодромом Пэ-У, но космодром не отвечал, потому что была взорвана диспетчерская. Они решили, что на планете что-то случилось со связью, и продолжали безуспешно вызывать ее.

Когда утром не вышел на связь «Шквал», в Галактическом центре дежурный сообщил об этом в Космофлот, присовокупив к этому свое нелестное мнение о новых гравипередатчиках. Но так как было известно, что «Шквал» благополучно приземлился на Пэ-У, дежурный по управлению не особенно встревожился и, уходя обедать, попросил вызвать планету. Во время обеда ему сообщили, что планета также не отвечает, и потому он, так и не допив компот, поднялся в центральную обсерваторию, чтобы узнать, какого рода помехи могли возникнуть на линии. Ему сообщили, что из-за вспышки новой ненадежна связь во всем секторе.

Поняв, что во всем виновата новая, дежурный все же вызвал два корабля, которые находились в том секторе. Связь с «Титаном» и «Вациусом» — кораблями в том секторе — была нормальной.

* * *

Андрею в каюту позвонил доктор. Доктора тоже томило безделье.

— Это безделье кролика, — сказал доктор, печально уткнув длинный нос в экран. — Сейчас откроется дверь, и ваш Гаргантюа скажет: пожалуйте, будем вас кушать.

— Ничего странного, — ответил Андрей, которому не хотелось шутить, — ритуальное людоедство зафиксировано у некоторых горных племен. Я думаю, вам интересно будет поговорить об этом с нашим консулом Ольсеном. Большой специалист по части обычаев.

— Лучше я останусь необразованным.

— Как Витас?

— По-прежнему. Дайте мне какое-нибудь задание.

— Почему я?

— Не могу объяснить. Законы, по которым стая выбирает вожака, порой необъяснимы. У вас запах лидера.

— Мне нужно выбраться из каюты.

Андрей понял, что застоялся. В нем всегда тикал какой-то бес движения. Он не мог заснуть, не пробежав перед сном несколько километров. Поэтому он начал ходить по каюте. Четыре шага туда, четыре обратно... Дверь отворилась, и вошел доктор.

— Как вы вышли? — удивился Андрей.

— Они забыли запереть дверь.

— Возвращайтесь к себе.

— А вы?

— Я загляну в отсек связи.

Андрей быстро пошел по коридору. У закругления коридора он замер, прислушиваясь. Потом обернулся. Доктор все еще смотрел вслед. Андрей энергично махнул рукой — уходите!

* * *

Андрей никогда не был раньше на «Шквале», но законы расположения помещений на корабле консервативны. Дорогу к сектору связи Андрей мог бы найти с закрытыми глазами. Он не очень опасался кого-нибудь встретить, полагая, что горцы предпочитают не ходить по кораблю без нужды — все-таки он хоть и завоеванная, но чужая крепость, в которой живут враждебные духи.

Дверь в отсек связи была открыта. Андрей включил свет. Потом включил настройку. Над пультом загорелись два зеленых огонька. Теперь надо найти волну и позывные Центра. Когда-то Андрей знал их наизусть, но прошло несколько лет... К тому же они, вернее всего, изменились. Он включил экран-справочник. Время шло...

Дверь сзади поехала в сторону. Беззвучно, осторожно. Андрей понял, что она открывается, лишь по внезапному движению воздуха. Он обернулся. ВосеньУ держал в руке пистолет.

— Тебя опасно оставлять в живых, — сказал он Андрею.

«Опасайся ВосеньУ. Он маленький человек».

Глаза ВосеньУ казались черными бездонными дырками, как отверстия в белой маске, за которой нет лица. «Такие маленькие люди очень опасны».

Андрей бросился на пол, стараясь дотянуться до ног ВосеньУ. Луч ударил в пульт, расплавив экран. Андрей успел подумать: вот сейчас перед моим взором должны пронестись картины детства... а где они? ВосеньУ уже от двери снова поднял бластер, рука его тряслась.

«Дурак, — трезво и спокойно подумал Андрей, — он не поставил его на подзарядку. Выпустил весь заряд... теперь у меня есть

три секунды». И он вскочил и шагнул к ВосеньУ так, чтобы за эти три секунды дойти и убить. Он очень хотел убить этого человека. И ВосеньУ понял это и отпрянул в коридор, забыв о том, что через три секунды бластер будет подзаряжен и готов убивать вновь. Но и Андрей не успел дойти до ВосеньУ, потому что за спиной того уже громоздился слоновьей тушей Пруг Брендийский. Далее ДрокУ... а за ним доктор. И доктор кричал:

— Убийца!

Андрей увидел, как поднимается — быстро и резко — ладонь Пруга и опускается на затылок ВосеньУ, и Андрей пожалел, что не успел к ВосеньУ первым.

ВосеньУ охнул и тихо сел на пол. Бластер отлетел в сторону, и доктор хотел поднять его, но Пруг заметил это движение и отбросил бластер ногой к стене. ДрокУ нагнулся и подхватил оружие.

— Я же предупреждал, — сказал Пруг. — Он очень опасен.

* * *

— Я согласен, что трусливый человек опасен не только для врагов, но и для друзей, — сказал Пруг Андрею.

Они снова сидели в кают-компании.

— Во всем виноваты вы, — сказал Андрей. — Он пешка.

— Нет, я не могу быть виноват. Я выше этого. — Пруг сказал это с глубоким убеждением в своей правоте. — И я предупреждал, чтобы ты был осторожен. ВосеньУ надо убрать. Тем более что он принадлежит к такому ничтожному клану, что его можно вообще считать человеком без клана. Но я не могу этого позволить. Это грустно, но приходится отступать в мелочах, чтобы победить в главном.

— Опять притворяетесь, князь.

— В твоих глазах я делаю неправильные вещи, я плох. В моих глазах я велик и справедлив. И если моя справедливость кажется тебе жестокой, это потому, что у тебя нет своей справедливости.

— На пути к своей справедливости ты уже многих убил, Пруг.

— Может, придется убивать и еще. Может, придется убить тебя. Но славить потом в песнях будут меня, потому что я полетел к гигантам и взял их оружие. Песни поют о великих завоевателях. В песнях нет места тем, кто стоял на пути великих завоевателей. Я вернусь на Пэ-У победителем. Это мой долг.

— Поймите же, все это выдумка. Нет никаких предков, нет никаких арсеналов. Это легенда, которая очень дорого обходится.

— Легенда? Ты мне не веришь? Тогда, может, ты поверишь другому?

— Кого вы имеете в виду?

— Позови гробокопателя, — сказал Пруг воину.

Пока воин отлучился, Пруг сидел почти неподвижно, молчал, он вытащил из стеганой кобуры бластер и положил на ляжку, словно играл в шпионов и разбойников. Андрею казалось, что кают-компания, привыкшая к голосам пилотов и механиков, еще два дня назад уютная и чистая, насторожилась, замкнулась и ее стены, ее вещи смотрят с опаской и недоверием на чужаков — кресло, скатерть, курильницу, лохань, притащенные с Пэ-У. Да и что может быть нелепее, чем толстый человек в латах под рыжей в синих цветах туникой, который обвис в кресле, лишь пальцы настороженно шевелятся, постукивая по рукоятке бластера.

Археолог Фотий ван Кун удивил Андрея. Он уже привык за первую встречу с ним к его агрессивности, громкому бунту и настороженности мальчика, которого обижают одноклассники.

Археолог вошел медленно, прихрамывая, остановился в дверях.

Охранник подтолкнул его в спину.

— Простите, — сказал археолог.

Они с ним поработали так, как и не снилось интеллигентному человеку, подумал Андрей. А археолог к этому не привык.

— Пришел, вот и спасибо, — сказал добродушно Пруг Брендийский. — Ты садись, не стесняйся.

Он говорил на космолингве с акцентом, мягким, даже приятным. Но по-книжному. Видно, прошел гипнопедические сеансы.

Кровоподтек на скуле, синяк под глазом, вроде бы оцарапано ухо. Рука на боку — вернее всего, археолога били по почкам.

Фотий ван Кун сел бочком, осторожно, садиться ему было больно, но отказаться он не посмел.

— Как себя чувствуешь, не болит?

— Все хорошо, спасибо.

— Такая незадача, — сказал Пруг, не переставая сочувственно улыбаться. — Наш друг не поладил с одним из моих горцев. Оба оказались такими невоздержанными .. От горцев всего можно ожидать. Но чтобы такой возвышенный, ученый человек так себя вел! Стыдно, почтенный ван Кун.

— Перестаньте... пожалуйста, — сказал ван Кун.

— Вот тут повелитель неба агент ДрейЮ, мой большой друг, интересуется, на что мы можем рассчитывать на Ар-А. Объясни ему, что вы нашли, не спеши, никто тебя не торопит.

— Мне надо к доктору, — сказал Фотий ван Кун. — Расскажите своему другу сами.

Андрей не видел, где у Пруга спрятан хлыст. Он знал о таких

хлыстах — бичах справедливости, — но видеть не приходилось. Хлыст был тонкий, из хвоста морской рыбы, с колючим шариком на конце.

Хлыст вылетел откуда-то из кресла, взвизгнул в воздухе.

Археолог сжался.

Хлыст, описав круг, снова исчез. Пруг остановил жестом рванувшегося было вперед Андрея.

— Не надо, — сказал он. — Я только напоминаю. Господин ван Кун недостоин вашей заботы. Он очень боится.

Фотий ван Кун глядел в пол.

Дикая ситуация. Мы забываем о том, что прошлое имеет когти и хлысты, что прошлое безжалостно и ни в грош не ставит человеческую жизнь. Да и нас можно понять — когда и как столкнешься с таким Пругом? Он представил себе негодование, растерянность и боль археолога, когда Пруг и его молодцы решили поговорить с ним на своем языке. Хоть он проштудировал массу исторических сочинений и все знает о Чингисхане или Иди Амине, все это осталось за пределами его практического опыта — ну как человек может предположить, что столкнется с бронтозавром, если бронтозавры вымерли и это научный факт? Или человек остается один на один с бешеной собакой. А как разговаривать с бешеной собакой, его не учили. Он только знает, что, если где-то появилась бешеная собака, на это есть специалисты, которых учили, как отлавливать бешеных собак и изолировать их, чтобы не искусали окружающих. Более того, он уверен, что те специалисты проявят гуманность к бешеной собаке и постараются ее вылечить. Бедняга. Его, наверно, с детства никто не бил, да и в детстве он не лез в драки.

— Возьмите себя в руки, ван Кун, — сказал Андрей. — Все это скоро кончится. Мы их посадим в клетку.

Пруг понял. Пругу это не понравилось. Пруг перестал улыбаться. Пруг решил принять меры.

Андрей был почти готов к этому. Психология Пруга, если с ним немного общался, не представляла глубокой тайны. Андрей прыгнул с кресла в тот момент, когда хлыст взвизгнул, разрезая воздух. Разумеется, он опустился на больную руку, и боль была страшная.

Он со злостью на себя подумал: вот ты, голубчик, и потерял форму. Раньше ты бы успел отпрыгнуть.

Но, к счастью, злость и боль не замутили сознания. Здоровой рукой он успел схватить за конец хлыста и вырвать его. Он тут же отпустил хлыст, потому что колючий шарик распорол ладонь —

этого еще не хватало, но и Пруг потерял равновесие, тяжело вывалился из кресла вперед.

Воин выхватил нож. Андрей замер. К счастью, Пруг быстро соображал.

Он отмахнулся от воина, сам подтянулся сильными ручищами, втащил себя в кресло и сказал:

— Молодец.

Но смотрел при этом на археолога. Археолог глядел в пол.

Ему сейчас кажется, что все это дурной сон, подумал Андрей. Ничего, было бы желание проснуться.

— Если вы еще раз поднимете хлыст на равного, то вам придется убить меня, — сказал Андрей. — Честь не терпит скотства.

— Ну ладно, ладно, — сказал Пруг, — я пошутил, и обиды нет.

— Кнутом не шутят.

Андрей говорил на языке Пруга. Он знал, что Пруг перешел грань дозволенного в отношениях между свободными людьми. Перешел ее не случайно. Успех с археологом, которого удалось сломить, дал надежду, что это же пройдет и с Андреем. Археолог был чужаком. Андрей же, которого Пруг принимал в своем доме, был благородным. Иначе терял лицо Пруг — кого же он приглашал и кормил? Раба, которого можно хлестать?

— Я погорячился, — сказал Пруг.

Андрей больной рукой достал платок, прижал его к ладони. Он не хотел показать, что ему больно.

— У вас идет кровь, — вдруг сказал брезгливо археолог, как будто все это его совершенно не касалось.

— Ничего, — засмеялся Пруг. Он предпочел забыть о маленьком поражении. — Ты лучше повтори то, что рассказал. О планете Ар-А. О ее арсенале. Ты рассказывай своему ДрейЮ, я уже все знаю. Только не лги.

— Я излагал суть открытий в сообщении в Школе Знаний, — тихо сказал археолог. — Вы можете ознакомиться. Бумаги у вас.

— Вот, — обрадовался Пруг. — В Школе Знаний был ДрокУ. Мы давно ждали приезда гробокопателя.

— А что это за история с фигурками мести? — спросил Андрей.

— Что? Какой мести?

— Вы перед самым похищением купили в магазине четыре фигурки воинов. Помните?

— Солдатиков? — спросил ван Кун, неожиданно оживая. — Да, я купил. А остальных не успел.

— Точно, — сказал Пруг. — Я его спрашивал, но не понял ответа. Я думал, в этом какой-то смысл. А он мне говорил чепуху.

— Это были солдатики, — сказал археолог. — Неужели вы не можете понять простой вещи? Я собираю солдатиков. Всех стран и народов. У меня коллекция! Понимаете, коллекция!

— Как все бывает просто! — улыбнулся Андрей. — Коллекция. Конечно же, марки, открытки, солдатики...

— Ты понимаешь? — спросил Пруг.

— Некоторые люди собирают много одинаковых вещей — им интересно.

— Ладно, — отмахнулся Пруг. — Ты говори об арсеналах.

— Там была война, — сказал археолог. — Им удалось фактически кончить жизнь самоубийством. Джинн из бутылки.

— Понятнее говори, — проворчал Пруг.

— И без этого понятно, — сказал ван Кун. Он глядел на Андрея, и глаза его были загнанными, усталыми. — Они многого достигли. Даже вышли в космос. По крайней мере, они могли достигать планеты Пэ-У. Технологическая цивилизация. Но они воевали. Убивали друг друга. Отчаянно воевали. И долго. Пока мы можем только предполагать. У них было бактериологическое оружие. Оно нарушало генетический код. Они не смогли найти противодействия. Очевидно, оружие разрабатывалось в условиях войны и казалось панацеей — одним ударом, как атомной бомбой. А остановить они уже не смогли.

— Ясно, — сказал Андрей. — И не осталось никого?

— Хуже. Когда они поняли, что гибнут, — они в подземельях прятались, они искали противоядие, война уже прекратилась, но они еще старались спастись... Некоторые остались живы, но на ином уровне... У меня с собой были материалы, но их вы украли.

— Ты говори, — ответил Пруг. — Ты скажи об арсеналах.

— Неточное слово. Условность. Это больше чем арсеналы. Они прятали все. Они уже были последними, но сидели в норах и боялись. Может, если бы они объединились, они могли бы выжить.

— Не рассуждай, — сказал Пруг. — Ты говори, что нашли.

— Дикари не учатся на исторических ошибках. Я намерен был подробно рассказать в вашей Школе Знаний. Я думал, что это предупреждение. А это соблазн. Соблазн начать все сначала. Им мало одной планеты!

— Мы все поняли, мой дорогой. Жаль, что ты упрямился. Пришлось тебя наказать. Если люди дружат и помогают друг другу, то нет нужды в наказаниях.

— Меня нельзя было бить, — сказал археолог тусклым голосом.

— Ты стоял на пути благородного дела освобождения моей

страны от власти корыстолюбивых и гнусных тварей. Ты стоял на пути освободительных сил, ты стоял на пути моего величия. И ты был наказан. Как и каждый, кто посмеет мне помешать!

— Ему надо к врачу, — сказал Андрей.

— Что? — Пруг не сразу переключился на обыденность. — К доктору? Ну, веди его к доктору. Пускай доктор его лечит. И пускай тебя лечит тоже. Что, болит рука? — Пруг засмеялся. — Я в детстве тоже схватился за хлыст. Меня хотели наказать. Я был гордый, я схватился за хлыст. Скажи доктору, что от шарика получаются занозы, они нарывают. Не смотри на меня, ДрейЮ, я не дам тебе меня убить. Я убью тебя сам. Не сейчас, а когда мне это будет нужно.

Андрей поднялся и сказал археологу:

— Пошли в медпункт, ван Кун.

«Умение убивать... — думал он. — Мне не приходилось убивать человека... Но зачем ему об этом знать? Наверное, если очень рассердить кролика, он тоже убьет человека».

* * *

— Вы не представляете, — повторял археолог, пока доктор готовил успокаивающие средства, — что это за существа. Им доставляет наслаждение бить. Я сначала этого не понял и довольно резко им отвечал. Скажите, неужели каждого человека можно избить так, что он потеряет человеческий облик?

— А на Ар-А остались люди? — спросил Андрей, чтобы переменить тему разговора.

— Люди? Я же сказал, что их оружие изменяло генетическую структуру. Не только убивало взрослых, но и тех, кто еще не родился, а иногда хуже чем убивало. Знаете, они отняли у меня лекарство, которое вы мне дали. Были люди — стали амляки.

— Разденьтесь, — сказал доктор Геза. — Но сначала выпейте вот это.

— Сейчас, сейчас. — Археолог начал быстро раздеваться, словно боялся ослушаться. Доктор поглядел на Андрея.

Фотий ван Кун залпом выпил лекарство, поперхнулся. Поморщился, хотел что-то сказать, но не сказал. Обнаженный Фотий ван Кун оказался очень худ и весь изрисован синяками и ссадинами.

— Ну и обработали они вас, — сказал доктор. — Придется поработать.

Археолог лежал на смотровой койке. Веки его смежились, он дремал. Видно, доктор накачал его транквилизаторами.

С Андреем доктор Геза возился долго. Оказалось, что и в самом деле ладонь набита маленькими занозами. Каждую пришлось вытаскивать отдельно. Андрей был рад, что археолог заснул, он не слышал, как Андрей стонет.

* * *

К этому времени в Центре знали, что планета Пэ-У не отвечает. Знали, что молчит и «Шквал». В том, что случилось бедствие, уже никто не сомневался. В этом секторе было два корабля: «Титан» и «Вациус». Оба на плазменных двигателях, обоим следовало резко изменить курс и идти к системе, по крайней мере, несколько дней.

После короткого совещания в управлении Космофлота «Вациус» получил приказ идти к Пэ-У. В тот же вечер с орбиты у Сириуса стартовал к Пэ-У патрульный крейсер «Гром» класса «Инвинсибл». Он шел на гравитационных двигателях, но расстояние было очень велико. Он придет позже, чем «Вациус». Такова была ситуация, когда Андрей пошел спать.

* * *

Капитан «Вациуса», милостивый Йнвуке, почти двухметровый сутулый уроженец Криоиы, обвел маленькими, в густых белых ресницах глазами собравшихся в салоне пассажиров и членов экипажа.

— У меня серьезное сообщение, и потому прошу всех молчать и слушать внимательно.

В салоне собралось человек шестьдесят. В основном это были соотечественники капитана, с Криоиы была и вся команда. Рейс к нескольким звездным системам должен был занять около полугода. В этом секторе звезды собраны куда компактнее, чем там, на окраине витка Галактики, где расположена Солнечная система, так что космические путешествия обычны и будничны.

Капитан оправил парадную форму Космофлота, не очень удобную для него, так как крионцы предпочитают свободные мягкие одежды.

— Гравитолет «Шквал» не выходит на связь, — сказал капитан. — Он в рейсе на планете Пэ-У.

— Милостивый капитан, — поклонился, приподнимаясь, второй штурман, — а что говорит станция планеты Пэ-У?

— С планетой Пэ-У тоже нет связи, — сказал капитан, чуть кланяясь второму штурману.

— Осмелюсь не понять вашу милость, — сказал второй штурман. Он говорил то, что хотели бы сказать и другие члены экипажа, но не имели права, так как только второй штурман, он же сын капитана корабля, имел право спросить. — Как может прекратиться связь и с кораблем, и с планетой, если на них установлены совершенно автономные, галактического типа станции связи?

— Я не могу ответить на ваш вопрос, — сказал капитан. — Это вся информация, которой я располагаю.

— Однако такого не случалось.

Капитан Йнвуке мысленно отметил, что второй штурман заслужил наказание за открытое сомнение в словах своего капитана, но не сказал об этом вслух, чтобы не компрометировать второго штурмана.

— Если один корабль Космофлота попал в беду, а мы не можем предположить, что две станции случайно перестали работать, то все корабли Космофлота, которые находятся в секторе, идут к нему на помощь. Мы находимся ближе всех к планете Пэ-У.

По салону прошло движение.

— Каково отклонение от нашей цели? — спросил один из пассажиров. Он был землянином и не знал, что ему не положено задавать вопросы. Но капитан, понимая, что обстоятельства сложились исключительные, ответил ему:

— Сегодня же мы меняем курс и идем к цели на максимальной скорости, которая непереносима для некоторых пассажиров. Поэтому мы предлагаем всем пассажирам перейти на планетарный посадочный катер. Там будет тесно и не очень удобно. Катер пойдет следом. Как только мы закончим нашу миссию, мы вернемся на прежний курс и возьмем на борт планетарный катер. Общая задержка рейса составит примерно двенадцать галактических суток. В случае, если обстоятельства изменятся, то и больше.

Некоторые из пассажиров начали протестовать, так как у них были срочные дела, но с ними капитан даже не стал спорить.

— Что же вы предполагаете? — спросил настойчиво второй штурман.

— Я ничего не предполагаю, — ответил капитан. — Но планета Пэ-У относится к разряду развивающихся планет, еще не готовых к галактическому содружеству. Социальные условия там нестабильны.

Так как Криона была крайне цивилизованной планетой, гордой своим соучастием в основании Галактической лиги, капитан никогда не мог изгнать из своего голоса некоторой снисходительности к иным отсталым цивилизациям.

— Корабль и станция могли погибнуть? — спросил второй штурман.

Капитан вздохнул. Он почти ненавидел второго штурмана, который вел себя как последний пассажир.

— Но почему мы? — спросил пассажир с Земли. — Ведь есть специальные патрульные крейсеры. Это их дело, а не Космофлота.

— Космофлот никогда не оставлял в беде своих товарищей, — сказал капитан, глядя на второго штурмана. — Мы будем там на три дня раньше патрульного крейсера.

— Но ведь мы не вооружены!

— Поэтому я и приказываю всем пассажирам покинуть корабль. А также могут покинуть корабль все те члены экипажа, которые считают, что дальнейшее пребывание на корабле может представить для них опасность.

Первым улыбнулся второй штурман. Улыбнулись и остальные члены экипажа, которые принадлежали к гордой и древней расе планеты Криона.

* * *

Консул Ольсен и начальник стражи ВараЮ приехали на космодром.

Само здание почти не пострадало. Взрыв, нарушивший диспетчерскую, лишь выбил стекла и сорвал крышу.

В тени здания, еле различимые за тучей рыжей пыли и сами рыжие, сидели рядком три мрачных инженера из команды «Шквала».

Ольсен поздоровался. Они поднялись. Они уже близко познакомились с консулом за вчерашний день.

— Что-нибудь слышно? — спросил первый инженер Салиандри. Он провел ладонью по плотной курчавой шевелюре, и в рыжей шапке образовалась черная просека.

— Нет, — ответил Ольсен печально.

— Странно.

Салиандри был упрям и отказывался мириться с плохими новостями. Он последним из всего экипажа поверил в то, что двенадцать пилотов и инженеров новейшего гравитолета «Шквал» остались без работы на далекой чужой планете и даже не знают, что же случилось с их кораблем и капитаном.

С ВараЮ, начальником стражи, пилоты были знакомы. Вчера он пытался выяснить, не было ли на борту маньяка из числа экипажа, который мог бы угнать корабль. Может, он сам не верил в такую версию, но держался за нее несколько часов. Уже было известно, что исчез Пруг Брендийский, что убита ПетриА, что Андрей Брюс с капитаном позапрошлой ночью поехали на космодром. Даже был найден паровичок, на котором они приехали. Паровичок был сожжен и изрешечен картечью. Были обнаружены и следы гусениц боевой машины. Все это указывало на то, что похищение корабля — дело рук Пруга, наследника Брендийского, а начальник стражи продолжал надеяться на то, что исчезновение корабля связано лишь с галактическими делами. Сама грандиозность преступления, невероятность его, а главное — ненужность не умещались в сознании.

Глава города, он же предводитель могущественного клана Синей реки, сразу же задал ВараЮ первый и главный вопрос:

— Какого черта? (В вольном переводе.)

Потом последовали остальные вопросы: а куда ты глядел? Твои стражники куда глядели? Как мы теперь будем все это расхлебывать? А что, если Галактический центр объявит о смертной вражде?

Последний вопрос не был абстрактным. Даже весьма просвещенные властители планеты не исключали такой мысли. Мы не можем не судить о других со своей колокольни. Разумеется, все владетели знаменитых кланов знали, читали, слышали, что Галактический центр не знает смертной мести. Но они-то еще не полностью отделались от ее власти.

В тот первый, сумасшедший день, когда на рассвете города достигла весть о взрыве на космодроме, когда многие видели, как темной, окруженной голубым сиянием тенью взмыл космический корабль, ВараЮ старался отрицать очевидное.

Он был трезвым человеком, отлично знавшим, что никому на планете не нужен космический корабль. А если какие-нибудь бандиты и позарились бы на его содержимое, они никогда бы не решились поднять корабль в небо. Да и самые бесшабашные бандиты не осмелились бы приблизиться к кораблю, потому что он был Великой тайной.

К вечеру удалось задержать нескольких членов клана, которые участвовали в подготовке захвата корабля. Все арестованные молчали. К тому же сказывались дурные отношения стражи с армией. Командующий отказался допустить агентов ВараЮ в казармы боевых машин, заявив на Совете власти, что сам отыщет виновных.

На космодроме Ольсен обратился к инженерам со «Шквала», которые старались разобраться в остатках диспетчерской:

— Есть надежда?

В глубине души он надеялся, что Салиандри скажет: через

день связь будет. В глазах филолога Ольсена инженеры с гравитолета обладали фантастической способностью подчинять себе машины.

— Надежды мало, — ответил Салиандри.

Разрозненные части рации и других приборов, извлеченные из-под развалин диспетчерской, лежали в тени рядом с инженерами. Частей было много. Но это ничего не доказывало.

— Ничего, — успокоил себя Ольсен. — В Центре уже знают. Вот-вот прилетит патрульный крейсер.

Он поглядел на белесое, иссушенное небо, будто крейсер мог возникнуть там в любой момент.

— Лететь далеко, — сказал помощник капитана, имени которого Ольсен не помнил. Он держал на ладони золотистый кристалл с отбитым верхом. Кристалл был жизненно важной деталью рации. Ольсен этого не знал.

Ольсен вытер рыжим платком рыжий лоб.

Вернулся ВараЮ. За ним брел потный стражник.

— Поехали в больницу, — сказал ВараЮ. — Надо поговорить с диспетчером. Если вы не устали.

Ольсен безумно устал, но, конечно, не отказался от поездки. Тем более его машина была самой быстрой в городе.

В больнице были через полчаса.

Они быстро поднялись по лестнице в круглый зал нижнего вестибюля. Там царила суматоха. Стражник и санитар держали за руки мрачного человека в зеленой врачебной тоге. Оказалось, что этот человек десять минут назад проник в палату диспетчера, который пришел в себя, и пронзил его стрелкой без клейма. У Пруга Брендийского остались в городе верные слуги.

А пока ВараЮ с Ольсеном были в палате, где врачи без особой надежды, скорее в страхе перед ВараЮ, старались оживить диспетчера, убийца успел, хоть его и держали крепко, принять яд.

* * *

Пустота планеты Ар-А была условной. На ней существовали животные и даже потомки людей — амляки. Именно потомки, потому что лучшего слова не придумаешь.

Это были бессловесные твари, жившие небольшими стаями, почти беззащитные перед крупными хищниками и в то же время сохранявшие какие-то остатки интеллекта, что позволяло им выжить в этом чужом и жестоком мире.

Амляки (а название возникло из-за звукоподражания — существа все время что-то бормотали: ам-ляк-ам-ляк-ам-ляк) не

ощущали никакой связи с развалинами городов, но в то же время какие-то инстинкты тянули их к кладовым. Больше того, по скоплениям стай амляков можно было отыскивать кладовые.

Видно, гибель человечества на Ар-А, хоть и была относительно быстрой и необратимой, случилась не мгновенно. Последние разумные жители планеты — вернее, наименее пораженного среднего континента — не только успели спрятать в пещерах наиболее ценные, с их точки зрения, вещи и оружие (никто из них так до конца и не осознал, что они последние свидетели самоубийства целой планеты), но и вели до последнего момента записи, фиксировали события. И ждали. Ждали, когда все это кончится, и, как ни странно, представляли себе окончание смертей и бедствий как победу над врагом. Обе стороны. Возможно, жертвы, принесенные всеми в той бессмысленной войне, были столь велики и непостижимы, что тщетность их оскорбляла сознание более, чем страх всеобщей смерти.

Всеобщая смерть слишком абстрактна. Она даже более абстрактна, чем собственная смерть. Могут погибнуть многие, но не я, могут погибнуть многие, но не все. Так уж устроен человек, в какой части Галактики он бы ни жил.

Средства генетической войны предусматривали полное уничтожение врага. Именно врага. И как всегда бывает на войне, когда средства нападения обгоняют средства защиты, с противоядиями просчитались. Чтобы сделать их эффективными, потребовалось бы еще несколько лет работы. Но ученые и стратеги так спешили уничтожать, что и сами погибли раньше, чем можно было найти спасение. По-настоящему работы над поисками противоядия начали, когда уже было поздно. И какими бы отчаянными ни были эти попытки, они были обречены на неудачу хотя бы потому, что средств на постановку эксперимента не было, да и людей уже не хватало. И с каждым днем ручьи усилий по борьбе с джинном, вырвавшимся из бутылки, становились все слабее. И тогда начали лететь головы тех, кто не мог найти противоядия, ибо генералы подозревали тающую армию ученых в нежелании работать и даже в том, что те уже знают о противоядии, но скрывают его.

В документах, найденных археологами, были отражены эти последние вспышки активности, последние погромы, лишь ускорившие всеобщую гибель.

Те, кто выжил, лишились рассудка и превратились в человекообразных тварей и сами уже забыли, что когда-то были гигантами.

Это был великолепный пример торжества изобретений, при-

ведших к гибели изобретателей и системы, породившей изобретателей. Очевидно, в том была определенная высшая справедливость, ибо изобретение было сделано с целью убивать людей. Убивать «чужих». Но как всегда бывает на войне — не хватило времени для того, чтобы как следует подумать. И убили всех.

* * *

Начальник археологической экспедиции Тимофей Браун был, разумеется, обеспокоен отсутствием связи, но серьезных оснований для тревоги не было, потому что «Шквал», как им сообщили раньше, должен был прибыть еще только через два дня. Поэтому в тот день работали как обычно. С утра начали обследовать подземелье в мертвом городе, которое, судя по всему, обещало интересные находки. Во время последней войны там находился штаб фронта и арсенал.

К обеду археологи вернулись к себе в купол. Эльза, жена Тимофея, принялась готовить обед, а механик Львин решил наконец починить археоробота Гермеса, который в своей восьмой экспедиции что-то начал барахлить. Сам Тимофей принялся разбирать бумаги, привезенные из подземелья. Именно в это время в трех километрах от купола и опустился «Шквал». Опустился беззвучно, мягко, словно подкрался. Браун ощутил, как вздрогнула земля, и решил, что это толчок землетрясения. Он не удивился, потому что эта область была сейсмичной.

— Ты слышал, Тима? — спросила Эльза из камбуза. — У меня чуть чашка не упала.

— Здесь нам ничто не грозит, — отозвался Тимофей.

* * *

Пруг не хотел терять время даром. Как только «Шквал» опустился на поляну, где всегда опускались посадочные катера, и локаторы определили, что их никто не встречает, он приказал выкатить вездеход, взять на него Фотия ван Куна и десять воинов. Вездеход должен был первым делом захватить жилище археологов, а затем, не теряя времени, направиться к арсеналам. Командовать экспедицией он решил сам.

И все прошло бы, как того хотел Пруг, если бы не неожиданный поступок Фотия ван Куна. Его вывели к открытому люку. Воины стояли у входа, тихо переговариваясь. Тишина, владевшая миром, приказывала им быть осторожными, как охотникам

в незнакомом лесу. Пустошь, покрытая редкой травой, уходила к низкому серому лесу, за которым поднимались тоже серые, голубоватые холмы. Странная тишина, безветрие, низкие облака, сгущавшиеся перед дождем, — все это наполняло пейзаж тревогой.

Фотий ван Кун стоял в стороне, в полутьме, на расстоянии вытянутой руки от крайнего воина. Он тоже смотрел наружу, но видел совсем иное. Он видел знакомую уже поляну, за которой будет пригорок, поросший корявыми колючими деревьями, затем, если обогнуть пригорок узкой дорожкой, будет другая поляна у скал. Там купол и служебные помещения экспедиции, где домовитая Эльза Браун, неразговорчивый Тимофей ждут его, где Львин сейчас напевает неразборчивую для европейского уха бирманскую песню и что-нибудь, как всегда, мастерит и не подозревает, что корабль, которого ждут с таким нетерпением, — оборотень, таящий внутри себя смертоносные микробы вражды. И эти существа, которые вполголоса разговаривают рядом, через минуту могут обернуться жестокими чудовищами...

Один из воинов вдруг сказал что-то громче. Остальные после паузы засмеялись. Фотий ван Кун глядел на их босые ноги. Смех показался ему зловещим. Он неправильно понял причину смеха.

ДрокУ, старший воин, из благородных, желтоволосый исполин с тщательно завитыми и смазанными жиром усами, сказал, что хорошо бы было, если бы гиганты вымерли, но их женщины остались. Над этой шуткой и засмеялись воины.

Разумеется, если писать о представителе великой и мудрой галактической цивилизации, то приятнее полагать, что такого человека не могут сломить побои и пытки. Что истинная интеллигентность воспитывает внутреннее презрение к боли и мучениям. Разумеется, этот идеал вряд ли достижим. Фотий ван Кун был напуган, унижение и боль жили в его теле. Но в то же время в нем росла ненависть к тем, кого он предпочитал называть существами, так как был приучен с детства к определенным правилам, признакам, отличающим людей от иных неразумных существ. Ненависть была бесплодной, она питалась озлобленными мечтами выпоротого мальчика. Планы мести были грандиозны и невыполнимы. Фотий ван Кун старался верить, что наступит момент, когда он властно заговорит с мучителями, раскидает их, беспомощных и испуганных, в разные стороны...

А пока что его использовали как приманку, и все произошло так быстро, и вот, никому не нужный, он стоит за спинами здоровенных горцев, которые смеются над ним.

Он понимал, что три археолога — последние свободные люди на планете. В ван Куне росло нетерпение, обязательность действия. Неизвестно, как остановить пиратов, но и бездеятельность была невыносима.

Начался мелкий занудный дождик. Капли взбивали пыль на пандусе и затягивали туманной сеткой недалекий лес и холмы. Вездеход стоял совсем близко от пандуса, в нескольких метрах. Фотий ван Кун смотрел на вездеход и удивлялся: как же они не сообразили, что вездеход нужно охранять? Ведь кто-нибудь может добежать до него, влезть внутрь и умчаться в лагерь. И тут же он спохватился: а кто сможет это сделать? Пилоты заперты по каютам. И тогда он понял, что когда рассуждает о «ком-то», то имеет в виду себя самого. Это он может добежать до вездехода, прыгнуть в открытый боковой люк и помчаться к лагерю...

Он мысленно добежал до вездехода, пригибаясь и виляя по полю, чтобы в него не могли попасть из духовых трубок, прыгнул внутрь и даже мысленно закрыл люк. Он вздохнул с облегчением и только тогда понял, что на самом деле он никуда не бежал, а по-прежнему стоит рядом с воинами.

За спиной археолога в глубине коридора послышались голоса — к выходу спешили горцы, чтобы отправиться в лагерь экспедиции. И этот шум как бы ударил Фотия ван Куна в спину. Он отчаянно оттолкнул ДрокУ, чуть не свалил с ног другого воина и кинулся вниз по пандусу. Он забыл о том, что надо вилять и пригибаться, потому что оказалось, что до вездехода куда дальше, чем казалось. И все силы ван Куна ушли на то, чтобы добежать.

От неожиданности воины не сразу начали стрелять. И не сразу погнались за археологом.

Ван Кун уже карабкался в открытый люк, когда одна из стрел настигла его, но, к счастью, лишь пронзила рукав. Фотию показалось, что кто-то держит его, и он закричал, вырываясь, и рванулся так отчаянно, что разорвал крепкую ткань и упал внутрь машины, расцарапав щеку. Через несколько секунд Фотий ван Кун настолько пришел в себя, что закрыл и задраил люк. Тут же по люку ударил боевой топор ДрокУ.

Фотий ван Кун перебрался на сиденье водителя и включил двигатель. Стрела влетела в приоткрытое окно вездехода, ударилась о стенку над головой ван Куна и упала рядом с ним. Пригнувшись, ван Кун рванул машину вперед, вездеход подпрыгнул. Он не был приучен к такому обращению. Но вездеход был прочной машиной. Он выпрямился и шустро пополз, отбрасывая гусеницами траву и прибитую начавшимся дождем пыль.

ДрокУ пробежал несколько шагов за вездеходом, потрясая

кулаком, затем уже бесцельно пустил стрелу вслед и остановился. Вездеход мчался к деревьям. Еще через две минуты он скрылся в чаще.

* * *

ВосеньУ включил интерком и сказал Пругу Брендийскому, что археолог убежал. Он говорил быстро, повторив несколько раз, что это случилось до того, как он подошел к выходу.

— Я тебя убью, — сказал Пруг. — Как его догнать?

— Я выведу второй вездеход с корабля.

— Я сам поеду.

Пругом Брендийским владело холодное бешенство, которое не мешало ему трезво думать. То, что случилось, могло провалить все как раз в тот момент, когда он был близок к цели. Обратного пути нет. Он поставил на карту все, и проигрыш означал смерть и бесчестье. Бешенство поддерживалось еще и сознанием того, что его помощники ненадежны. ВосеньУ, хоть и привязан к нему общей судьбой, принадлежит к другому клану. Он всегда докажет, что был жертвой... хотя и трудно будет доказать, если у него такой кровник, как агент Космофлота ДрейЮ. Это хорошо, что ДрейЮ кровник ВосеньУ. Это хорошо... ДрокУ, старший над воинами, хоть и надежнее, чем ВосеньУ, потому что он горец, тоже опасен. Где он был эти годы? В городе. Что делал? Кому служил?

Стена транспортного отсека медленно сдвинулась с места и отъехала в сторону. ВосеньУ добился своего.

— Садись, повелитель, — сказал ВосеньУ хрипло.

Как он меня ненавидит, подумал Пруг. Лучше не поворачиваться к нему спиной.

— Прости меня, ВосеньУ, — сказал Пруг, хотя и не должен был так говорить с низким человеком. — Сейчас решается все. Если мы не успеем. мы с тобой погибли. Если мы возьмем их, то мы с тобой господа всей Пэ-У.

— Слушаюсь, господин, — сказал ВосеньУ, открывая люк вездехода.

* * *

Тимофей, выглянув в окно, увидел, как к станции несется вездеход. Вездеход был незнакомый, взяться ему было неоткуда.

— Львин, Эльза, — сказал Тимофей. — У нас гости.

Он отложил пленку и быстро направился к двери.

— Как же мы не увидели корабль? — всполошилась Эльза. — А у меня обед не готов. Фотий, наверно, голодный.

Они выбежали наружу, когда откинулся боковой люк и из вездехода вывалился Фотий ван Кун. Он был странно одет. Без куртки, в рваной фуфайке, босиком. Лицо его было в крови.

Поняв, что Фотий один, Тимофей подбежал к нему. За ним Львин. Эльза, которая тоже успела к дверям, увидела, как они подхватили Фотия ван Куна и тот начал быстро и невнятно бормотать:

— Скорее, они за мной... скорей же, я говорю! Чего же вы, да отпустите меня...

Тимофей и Львин повели Фотия к станции. Эльза подбежала к вездеходу и заглянула внутрь — ей показалось, что там кто-то остался. Там никого не было. Когда она догнала мужчин, те уже втащили потерявшего силы Фотия внутрь. Тот был почти невменяем.

— Что с тобой? — ахнула Эльза.

— Скорее, — пробормотал ван Кун, потянулся к столу, схватил пышку с блюда и начал жадно жевать.

— Они совсем не кормили... — сказал он. — Чего же вы сидите? Они сейчас будут здесь!

— Его надо перевязать.

Фотий вскочил, он говорил из последних сил:

— Через две минуты они будут здесь! Забрать карты и схемы — больше ничего! И оружие. И на вездеходе в лес, потом будем промывать раны. Корабль захвачен бандитами. Все в плену...

И тут он, поняв, что его слова дошли до остальных, мягкой куклой осел на руках у археологов.

— Что он говорил? Что он говорил? — спросила Эльза. — Он бредил?

— Эльза, немедленно собирай схемы раскопок, все ленты с данными — и в вездеход, — сказал Тимофей. — Львин, на тебе аптечка и припасы...

Львина уже не было рядом. А Эльза все не отходила. Как и другие участники этой истории, она не могла поверить в то, что происходит нечто вне ее опыта, вне ее понимания.

— Что случилось? — спросила она. — Он болен? На него напали?

— Разберемся потом. Если тебя не будет через две минуты на борту вездехода — уходим без тебя.

Но Эльза и тут не ушла. Потому что она знала своего мужа ровно двенадцать лет, она знала его и в добрые моменты, и в беде. Но никогда не слышала этого голоса.

— Тимофей, я умоляю!

Но Тимофей словно перестал ее замечать. Он потащил Фотия ван Куна наружу, к машине.

— Нельзя так! — крикнула Эльза. — Он истекает кровью. Его надо перевязать.

Эльзе ни разу в жизни не приходилось попадать в ситуации, значения которых понять было нельзя. Она была гордой женщиной. Она не умела кланяться. Ни Львин, ни Тимофей не сталкивались с пиратством в космосе. Но Тимофей Браун провел полгода на планете, где песчаные ураганы налетали неожиданно и страшно, и видел, как его близкий друг, не поверивший в то, что надо бежать, прятаться, опоздал и погиб. Львин был альпинистом, тихим, упорным, отчаянным, который ради победы научился отступать и не видел в этом ущерба своей гордости. То есть у них был жизненный опыт, опыт встреч с настоящей опасностью. И они поверили Фотию, хотя никогда не слышали о Пруге, наследнике Брендийском, и его правах на престол.

Тимофей втащил Фотия в открытый люк и положил на пол кабины. Он тащил его один, спешил и потому задел ногой о приступок. Фотий вскрикнул, не приходя в сознание.

Тут же Тимофей метнулся обратно к люку и еле успел отпрыгнуть — Львин швырнул в люк контейнер с медикаментами.

— Где Эльза? — крикнул Тимофей.

Львин бросился к двери, подхватил там второй контейнер — с аварийным запасом продовольствия.

— Она идет, — ответил он.

К счастью, Эльза не заставила себя ждать. Она выбежала с охапкой лент и блокнотов — документацией экспедиции, листки и ленты падали на землю. Тимофей побежал навстречу ей, чтобы помочь. Львин тащил к люку контейнер с продуктами. И в этот момент сквозь громкий стук собственных сердец они услышали шум двигателя — к станции шел другой вездеход. Внезапно шум двигателя оборвался.

Они замерли на секунду, затем, помогая друг другу, полезли в люк, захлопнули его, и тут же Тимофей включил двигатель. И если бы они могли слышать, то услышали бы, как через полминуты зашумел двигатель и второго вездехода. Все объяснялось просто: ВосеньУ, который вел вездеход по следам первой машины, потерял след на каменной осыпи, но, когда он услышал, как заревел, срываясь с места, вездеход археологов, он уже уверенно бросил свою машину вдогонку.

Вездеход трясло. Эльза села на пол и положила голову Фотия себе на колени. Львин раскрыл аптечку и обработал рану на его щеке.

Браун повернул машину направо, въехал в неглубокую быструю речку и пошел вверх по течению, хотя понимал, что это вряд ли собьет преследователей со следа.

«Черт возьми, — думал он, стараясь обходить крупные камни, чтобы машина меньше дергалась. — Кто они? Взбунтовался экипаж? Невероятно. Космические пираты? Достояние приключенческой литературы... Может, что-то случилось на Пэ-У?» Он где-то читал, что там есть изоляционисты. И тут он понял, куда ведет машину. Он вел ее туда с самого начала, но подсознательно. К новому раскопу в мертвом городе.

Старые раскопы, с так называемыми кладовыми, были ближе, и до них он бы добрался уже минут через десять, чтобы скрыться в хорошо знакомых лабиринтах. Но от этого его остановили два соображения. Во-первых, слова Фотия о том, что надо взять с собой все схемы и материалы раскопок. У ван Куна были с собой данные по разным раскопкам. Если они попали в руки тех, кто за ними сейчас гонится, значит, они знают план лабиринтов не хуже самого Брауна.

Поэтому метров через двести Браун свернул в известное ему русло заросшего канала. Машина сразу погрузилась до половины в воду. Дно канала когда-то было выложено плитами, на которые наплыл толстый слой ила. Гусеницы пробуксовывали, нижняя половина иллюминаторов стала зеленой...

Они катили по бывшей улице. Кое-где в зелени виднелись фундаменты, а то и стены небольших строений. Затем была большая воронка с оплывшими краями, на дне ее зеленела вода. На краю воды сидели три амляка, сидели сурками, ничего не делали. Один из них поднял голову на шум машины и проводил ее равнодушным взглядом.

Въезд в подземелье — бывшее убежище или подземный завод — был как раз за скелетом какого-то громоздкого строения, схожего со скелетом ископаемого динозавра. Они еще не знали, насколько глубоко оно тянется. Браун рассудил, что это лучшее укрытие — масса металла вокруг скроет вездеход надежнее, чем любая крепость.

* * *

Пруг потерял след археологов в мертвом городе. Груды развалин, переплетение ржавых металлических конструкций, полузасыпанные воронки... в этом лабиринте не мог помочь ни один локатор. И все же из упрямства, из надежды на чудо, на везение Пруг заставлял ВосеньУ крутиться по бесконечным улицам. Воины сидели молча, они оробели. Такого города они никогда не

видели. Им уже казалось, что отсюда никогда не выбраться. Наконец, когда вездеход в третий раз оказался на площади с громадной затопленной воронкой посредине, Пруг приказал остановиться.

Пруг вылез из вездехода и долго стоял, принюхиваясь. На большом холме, образовавшемся от разрушенного холма, успокоенные тишиной, появились амляки. Пруг знал об амляках от Фотия ван Куна, он знал, что они неопасны, что они — жалкие выродки, потомки гигантов. Поэтому, чтобы успокоиться, Пруг выпустил по ним заряд из автомата. С вершины холма донесся писк — так плачет маленький ребенок.

Пруг усмехнулся.

— Все равно мы победим, — сказал он. — Богиня УрО не оставит нас.

— Богиня не оставит, — нестройно поддержали его воины.

ВосеньУ молчал. Больше всего на свете он хотел бы вернуться на неделю назад. Хотя бы на неделю, в тихий дом Космофлота. И никогда бы не встречать Пруга Брендийского.

— КрайЮ, пойди сюда, — сказал Пруг.

Старый могучий воин, лучший следопыт гор, выбрался из вездехода.

— Ты останешься здесь, — сказал Пруг. — Ты будешь моими глазами и ушами. Возьми оружие и рацию. Ты понял? Как только услышишь подозрительный шум, как только увидишь их, сразу сообщи мне.

— Я понял, вождь, — сказал старый воин.

— Ты не боишься?

— КрайЮ не боится.

Воину было страшно. Но худшим, чем смерть, позором было признаться перед своим вождем в страхе.

— Господин, — из вездехода высунулся младший брат КрайЮ, — можно я останусь тоже?

— Нет, — сказал Пруг. — Ты будешь нужен.

Вездеход медленно уполз. КрайЮ осторожно взобрался на развалины. Он ждал. Он слушал.

На обратном пути Пруг приказал остановиться на старых раскопках. Он знал о них по фотографиям и планам, отнятым у Фотия ван Куна. Когда-то бомба попала здесь в подземные склады, и перекрытия рухнули. Археологи вскрыли подземелья. Там было много интересного именно для археологов, но то, что интересовало Пруга, оказалось в весьма плачевном виде. В разбитых ящиках, сплавившись в слитки металла, лежали пули, ржавые

изогнутые стволы пушек торчали из земли, бесформенные куски металла когда-то были боевыми машинами.

Гнев Пруга сменился усталостью. Когда Фотий ван Кун говорил ему, что оружие из арсеналов Ар-А бесполезно, Пруг относил эти слова за счет хитрости археолога. Теперь он убедился в том, что археолог прав.

— Но это ничего не значит, — сказал он, трогая носком золотого башмака изогнутый ржавый ствол.

— *Простите, господин? — не понял его* ВосеньУ.

— Здесь плохое оружие. В другом месте хорошее оружие.

Пруг показал в сторону мертвого города.

— Мы возвращаемся? — спросил ВосеньУ.

— Воины! — воскликнул Пруг, который любил, чтобы все знали, что он блюдет древние обычаи. — Завтра мы найдем большие богатства. А сегодня вы можете взять все, что вам нравится в этом доме.

И широким жестом он направил воспрянувших духом воинов к куполу археологов.

* * *

— Что им здесь нужно? — спросил Львин, стоя у входа в подземелье и глядя, как мелкий дождик стучит по неровным плитам и мостовой. — Чего прискакали?

— Они верят в арсеналы Ар-А, — сказал Фотий ван Кун.

Эльза принесла им по куску пирога.

— Я правильно сделала, что взяла пирог, — сказала она. — По крайней мере, поедите как люди. Ты говоришь, что они дикие?

— Относительно, — сказал Фотий ван Кун. — Ведут себя как варвары. А знаете, я там, на Пэ-У, нашел солдатиков. Боюсь, что они их потеряют.

— А, солдатиков! — понимающе откликнулся Львин.

— Ну что же мы стоим! — вдруг взорвался Фотий. — Я же повторяю: они варвары! Они на все способны!

Несмотря на то что он побывал в руках у горцев, за часы, проведенные на воле, он как бы забыл о собственном ужасе и унижении. Сейчас он горел желанием немедленно отомстить Пругу.

— А что ты предлагаешь? — спросил Тимофей Браун.

Он аккуратно доел кусок пирога, собрал крошки на ладонь и высыпал их в рот.

— Я? — Ван Кун уже знал, что надо делать. — Мы сейчас едем к кораблю. Как только стемнеет, берем его штурмом. Снимаем охрану и освобождаем наших. Это так очевидно!

— Корабль стоит на открытом месте, — сказал Браун. — Вход только один. Разбойники вооружены.

— А что? Стоять и ждать? Да? Стоять и ждать? А они там избивают их! А тебе все равно? — разбушевался ван Кун.

— Спокойнее, Фотий, — сказала Эльза. — Ты же знаешь, какой Тимофей разумный. Он обязательно что-нибудь придумает.

Но Браун ничего не мог придумать. Кроме того, что отсиживаться глупо. Но, наверное, сначала надо вернуться на базу, поглядеть, уехали ли они с нее, а там запастись всем необходимым. Они бежали так быстро, что многое забыли.

— Так поехали, — сказал Тимофей. — Выводи вездеход, и поехали.

— Пожалуй, Эльзе лучше остаться здесь, — сказал Тимофей. — И одному из нас.

— Я бы поехала с вами, — сказала Эльза.

— Нет, дорогая. — Браун был тверд, и Эльза кивнула. Она привыкла ему подчиняться, потому что была той счастливой женщиной, которая уже двенадцать лет убеждена, что ее муж — самый разумный и серьезный человек в Галактике. Если это и было не так, то Эльзу с ее позиции не смог бы сбить никто.

— Кто останется с Эльзой?

Он посмотрел на Львина. Маленький бирманец отрицательно покачал головой.

— Я не хотел бы оставаться, — сказал он.

Львин знал, что Браун умен и рассудителен. Но в отличие от Эльзы он мог ставить под сомнение окончательность его решений.

Браун хотел было сказать, что он сильнее Львина, что он лучше его обращается с оружием и водит машину. Но эти аргументы были условны и неубедительны. Просто Браун не представлял себе, как он останется здесь и будет в бездействии ждать. Ему было страшно оставлять Эльзу. Но куда опаснее брать ее с собой. Они уже знали, что живут с Пругом и его спутниками по разным законам. Настолько разным, что даже нет точек взаимопонимания. В мире без войн, в мире установленных законов Пруг был вызовом не только галактическому обществу вообще, но и комплексу морали каждого из тех, кто с ним сталкивался. Одно дело — Галактический центр. Ему приходилось иметь дело с существами и ситуациями куда более драматическими и опасными, чем Пруг — в общем, мелким явлением даже в масштабах его собственной планеты. Требовалось сочетание экстраординарных обстоятельств, чтобы из воробьиного яйца вылупился коршун. Но уж раз коршун вылупился, обращаться с ним можно было

лишь как с хищником. И всем участникам этой драмы пришлось внутренне перестроиться, хотели они того или нет. Если можно сравнивать, а любое сравнение приблизительно, археологи были, скорее всего, жителями города, в котором прорвало дамбу и приходится вставать ночью, идти к реке и таскать мешки с песком, потому что стихию нельзя уговорить или умолить. И именно серьезность того, что происходило, заставила Тимофея Брауна оставить Эльзу в подземелье, что было нарушением всех инструкций. Но Браун знал, что волки в подземелья не заходят и по-настоящему опасные хищники находятся на корабле. В то же время Браун понимал, что не имеет достаточной власти над археологами, чтобы оставить здесь кого-либо из них.

— Я прошу тебя, — Браун старался говорить сухо и буднично, словно отправлялся на раскоп, — далеко от укрытия не отходить.

— Может, все же разрешишь...

Эльза криво улыбнулась. Ей не страшно было оставаться, об этом она в тот момент не думала, она очень боялась за Тимофея.

— Я приготовлю ужин к вашему возвращению, — сказала она.

И все согласились, что это очень правильное решение.

* * *

Они довольно долго, спрятав вездеход за деревьями, наблюдали за станцией, чтобы выяснить, не оставлена ли на ней охрана. В конце концов ожидание стало невыносимым, и Львин перебежками добрался до купола. Остальные следили за ним, готовые бежать ему на помощь.

Львин подбежал, пригибаясь, к окну станции и заглянул в него. Затем поднялся во весь рост и уже смело пошел к двери. Дверь была приоткрыта. Он исчез внутри, через минуту вышел вновь на порог и крикнул:

— Идите. Только не пугайтесь.

Когда Фотий и Браун подошли к станции, Львин сказал:

— Какое счастье, что Эльзы нет. Она бы умерла от горя.

Тимофей, знавший, какой чистюлей была его жена, согласился с Львином. Мало того, что на станции все было перевернуто и разбито, словно там веселилось стадо слонов, но создавалось впечатление, будто налетчики нарочно гадили там, запугивая ее обитателей. Особенно досталось кухне. Жалкие остатки праздничного обеда, который так изобретательно и тщательно готовила Эльза, были разбрызганы по комнате, а затем кастрюлями кто-то играл в футбол...

— Что ж, — сказал Браун, — теперь к кораблю. Уже темнеет, и лучше нам подобраться поближе, пока не стало совсем темно.

Они вернулись к вездеходу и поехали к посадочной площадке, но не прямым путем, а по длинной, похожей на ятаган ложбине, которая должна была вывести к кораблю с фланга, где их вряд ли ждали.

Наступил теплый вечер. Из тех сказочных, мирных вечеров, что бывают на Ар-А в конце лета. Небо, темно-синее над головой, алело к закатному солнцу, а облака, которые слоями плыли в той стороне, были зелеными, с очень светлыми, оранжевыми краями. Пэ-У уже поднялась в небо, как большая луна, она была желтой, и видно было, как по лицу ее океанов завиваются вихри циклонов. Редкие птицы — генетическая война сильно разрядила и их мир — кружились над осторожно ползущим вездеходом, потому что, разбуженные его гусеницами, взлетали перепуганные жуки и бабочки.

* * *

Старый КрайЮ, лучший охотник Брендийского клана, который попадал из духовой трубки в глаз птице, летящей под облаками, и мог выследить горного медведя по следу, оставленному три дня назад, услышал, как по улице ползет вездеход. Он не видел, откуда вездеход выбрался, и не смог найти по следам подземелье, потому что вездеход не оставлял следов на каменных оползнях и мостовых, но смог перебраться к подземелью ближе, чем те развалины, в которых его оставили. Оттуда он и сообщил на корабль, что археологи что-то замышляют.

— Хорошо, — сказал ВосеньУ, — я доложу князю.

— Хорошо, — сказал Пруг, узнав об этом. — Мы пойдем кушать. Когда они будут близко, сообщи.

* * *

Вездеход археологов запеленговали в километре от корабля.

Возвращаясь после неудачной охоты на археологов, Пруг был удивлен, что смог подъехать к самому пандусу «Шквала» и никто его не заметил. Поэтому он приказал ДрокУ включить на темное время прожекторы и пеленгаторы и посадить на пульте управления ВосеньУ — на всю ночь. А рядом воина позлее, чтобы не дал ВосеньУ заснуть.

Сам наследник Брендийский в это время как раз откушал в обществе ДрокУ, и настроение его куда как улучшилось. Его

сладко тянуло в сон, и он дал бы волю этому благородному желанию, если бы не остались еще дела.

Отодвинув плошки и курильницу, Пруг склонился над картой археологических раскопок, чтобы определить дела на завтра. В этот момент и вызвал его ВосеньУ.

— Вождь, — сказал он, — мы видим машину, которая медленно едет к кораблю.

— Далеко? — спросил Пруг.

— Они сейчас примерно в тысяче шагов. Едут не прямо, а лесом, стараются не выходить на открытое место.

— С какой стороны едут?

— С той же, куда ездили вы, господин.

— Все правильно. — Пруг улыбнулся, и улыбка утонула в толстых щеках. — Они думают просто. Их действия обычны. Хорошо, что мы дали убежать этому сумасшедшему. Он сказал им, что мы — дикие люди, совсем дикие, почти как звери. Что мы не знаем, как управлять кораблем. Мы не знаем, как смотреть из корабля наружу. Они приедут и возьмут нас спящими. Какие молодцы! А ну, выключить лампы! Пускай будет темно! Открыть дверь, убрать часовых...

Пруг даже захлопал в ладоши от возбуждения. ДрокУ согласно кивнул.

— Вы правы, вождь, — сказал он. — Но есть одна опасность.

— Говори.

— А вдруг они взяли оружие гигантов?

— Я и это предусмотрел, — сказал Пруг. — Поэтому я и приказал потушить лампы. Когда враг видит, что крепость готова к бою, он готовится к штурму и настраивает катапульты. Когда враг видит, что крепость спит и защитники ее глупы, он смело входит внутрь. В темном коридоре оружие гигантов не поможет.

* * *

Издали Тимофей увидел зарево над кораблем.

— Плохо, — сказал он. — Они нас ждут.

— Пускай ждут, — ответил Фотий ван Кун. — Мы подождем, пока они лягут спать. Лес подходит к самому кораблю. Мы подползем к люку и ворвемся внутрь.

Львин молчал.

— Нас только трое, — сказал Тимофей Браун.

— Мы освободим пленных, — упрямо сказал Фотий ван Кун.

Вездеход подполз к опушке. Тимофей снизил скорость до минимума. И в этот момент свет погас. Корабль, угадываемый ранее лишь по цепочке огней, вдруг стал виден — верхний абрис чечевицы чернел над деревьями.

Тимофей резко затормозил.

— Видишь, — сказал Фотий ван Кун, не скрывая сарказма. — Дикари легли спать.

— Оставайтесь здесь, — сказал Тимофей, быстро открывая люк и выскакивая наружу. Пригибаясь, он пробежал к краю кустарника и остановился, вглядываясь в темноту. Он успел вовремя.

Глаза уже привыкли к темноте, и Тимофей различил, как двинулся в сторону, открываясь, главный люк, как, словно приглашая в гости, выкатился, разворачиваясь, серебристый пандус. Какая-то фигура тенью мелькнула в отверстии люка и исчезла.

Корабль молчал. Он ждал гостей.

Тимофей Браун вернулся к вездеходу. Захлопнул люк. Фотий ван Кун выжидающе смотрел на него.

— Нас ждут, — сказал Браун. — Капкан готов. Можно заходить.

— Откуда они могут знать? — возмутился ван Кун.

— У них есть локаторы, — ответил Львин. — Это логично.

— Вы их не видели! — нервно засмеялся Фотий ван Кун. — Это же гориллы. Они не представляют, как их включить. Они же босые!

— Прожектора горели, — тихо сказал Львин. — Прожектора потухли.

— Они открыли люк и спустили пандус, — добавил Тимофей.

— Я думаю, что нам пора возвращаться, — сказал Львин.

— Ни за что! — воскликнул Фотий. — Я остаюсь. Я один пройду внутрь! Дайте мне пистолет.

Тимофей сидел, положив руки на рычаги управления.

— Идет война, — сказал он, будто не слыша криков Фотия. — В войне нужно оружие.

— У нас нет оружия, — сказал Львин.

— У нас есть оружие, — ответил Тимофей. — В подземелье. Просто нам не приходило в голову, что оно когда-нибудь вновь сможет убивать.

— По крайней мере, оно не должно попасть им в лапы, — сказал Львин.

— И мы так все оставим? — спросил Фотий, уже сдаваясь.

— Мы ничего так не оставим, — сказал Браун. — Но сейчас мы возвращаемся в город.

* * *

Пруг наблюдал за тем, как зеленая точка вездехода на экране локатора, постояв несколько минут неподалеку от корабля, медленно поползла вдаль.

— Догадались, — сказал он разочарованно. — Не надо было сразу выключать лампы. Вызови КрайЮ.

ДрокУ включил связь.

— Ты не спишь, КрайЮ? — спросил он.

— Я не сплю, — ответил далекий голос.

— Эти люди на машине сейчас возвращаются в город. Ты услышишь их. Они едут медленно. Ты должен понять, где они прячутся. Ты понял?

— Я понял.

— А теперь спать, — сказал Пруг Брендийский. — Всем спать, кроме тебя, ВосеньУ. И закрыть вход в корабль. Если кто-то из них остался рядом, я не хотел бы, чтобы он залез внутрь. Завтра большой день.

Через час КрайЮ сообщил на корабль, что выследил, как машина археологов спряталась в большую черную дыру.

* * *

Корабль Космофлота «Вациус», изменив курс, шел к планете Пэ-У.

Связи с планетой все еще не было, но капитан «Вациуса» знал, что через день или два они войдут в сферу действия планетарной связи. А такая станция была в консульстве Галактического центра. И если консульство цело, то они получат необходимую информацию.

* * *

Эльза смотрела, как вездеход переваливает через пригорок и скрывается среди скелетов зданий. Даже когда он совсем исчез и стало очень тихо, она продолжала стоять у входа в подземелье и смотреть в ту сторону

Ей еще никогда не приходилось оставаться здесь одной. Совсем одной. Нет, бывало, конечно, что она оставалась одна на станции, если дежурила по кухне или накапливалось много камеральной работы. Но это было иначе. Она была дома. Она могла закрыть за собой дверь и, если нужно, связаться с Тимофеем. А тут еще так глупо получилось: все были одеты по-домашнему, никто не надел рацию — браслеты тяжелые, граммов по двести —

кто их будет носить дома? А когда бежали со станции, попросту забыли о них. Некогда было думать...

Когда вездеход отъехал далеко, мир разрушенного города, испуганный вторжением людей, стал постепенно оживать, будто не хотел замечать, что Эльза осталась здесь.

По мостовой, изрытой дождями и ветрами, среди травы, пробивающейся между плит, пробежали вереницей серые зверьки — целая семейка, мал мала меньше, летучие крысы тяжело поднимались из-за огрызков стены, наступало их время — сумерки, они беззвучно кружили над Эльзой, словно разминаясь после дневного сна. На обвалившейся каменной башне возник силуэт волка, и Эльза вздрогнула, отступила в тень входа в туннель.

Но этот короткий страх, хоть и быстро миновал, родил в Эльзе настороженность, осознание того, что ее некому защищать и что она должна стать такой же осторожной и тихой в движениях, как остальные обитатели города.

Самое разумное было заняться делом — готовить ужин к возвращению археологов и забыть, что те поехали к врагам. Именно к врагам, а это означало, что есть люди, которые могли избивать милейшего и нервного Фотия ван Куна, которым нужны какие-то арсеналы или сокровища... Можно провести всю жизнь на раскопках, вскрыть множество погребений или раскопать несколько умерших городов, но так и не осознать, что эти предметы могут иметь какую-то иную, кроме научной, ценность. Даже видя их в музее, под стеклом, мягко освещенные, на бархате, вспоминаешь лишь хмельное чувство удачи, которое пронзает, если вдруг из серой спекшейся земли, из черных прогнивших стволов, из каменного крошева блеснет точкой обещание чуда, камень или обломок металла, появится горлышко амфоры или стеклянного сосуда...

Археология, выйдя в космос, неизбежно изменилась. Если на Земле ее объектом был древний мир, ну в крайнем случае Средневековье, то космоархеологам пришлось столкнуться с иными площадками. Раскапывали не только древности на обитаемых планетах, хоть это и оставалось основной работой, но и следы цивилизаций, достигших достаточно больших высот технологического развития, столицы государств, погибших в войнах, когда в братских могилах находили пулеметы. Еще удивительнее было раскопать жалкие и величественные останки музея, в которых когда-то другие археологи, столетия назад, свозили, тщательно реставрировали и выставляли под стеклом на бархате при мягком освещении сокровища их древнего мира.

Археология, хоть и с некоторым запозданием, обзавелась техникой и приборами, которые позволяли ускорить поиск и сам процесс раскопок и датировки. Даже небольшая экспедиция имела локаторы на дерево, металл, кость и камень с проникающей способностью до тридцати метров. Были в экспедиции и два археоробота — машины, приученные работать не только лопатой, но и кистью, конечности которых не повредили бы и пушинку и в обширном чреве которых таились консервационные лаборатории. Цены этим роботам не было. Один из них, Гермес, был испытан, надежен, но стар и ленив, а второй — Ксилофат, чудо современной техники, страшно капризен. Эльза не знала, что Гермес лежит поверженный и разбитый камнями, которые метали в него горцы, а чудо современной техники валяется под обрывом в ложе пересохшего ручья.

Небо, которое вначале показалось Эльзе таким красивым, постепенно темнело и теряло краски заката. Из-за развалин потянуло сырым холодком. Эльза мысленно ехала вместе с мужем. Сейчас они уже у станции. Они осторожны, они должны быть крайне осторожны, у них ведь всего один пистолет. Что же они будут делать — штурмовать корабль? А если их заметят и пристрелят? Мысль эта была неожиданна и даже для нее самой прозвучала дико.

Эльза поежилась и отмахнулась от летучей крысы, которая пролетела так близко, что от ветерка шевельнулись волосы на голове. В городе могли таиться неизвестные твари — археологи почти никогда не выходили в темноте и мало знали ночную планету. Эльза решила вернуться в подземелье, зажечь фонарь, там все же стены, спокойнее.

Эльза вошла в широкий туннель, повернула направо, миновала открытые двери. Здесь у стены они и сложили добро, взятое со станции. Здесь лежали коробка с документами раскопок, аптечка, неприкосновенный запас еды, канистра с водой, два одеяла, фонарь.

Эльза ощупью нашла сваленные вещи, нащупала фонарь, зажгла его. Туннель уходил дальше, полого углубляясь вниз. Так были устроены здесь все подземные убежища.

Просто так сидеть было тяжко. Сразу начинаешь мысленно следовать за вездеходом и воображать, а воображение пугает. Все как в дурном сне, и все время ждешь — скоро ли можно проснуться. И не просыпаешься.

Эльза поднялась и решила пройти в глубь подземелья. И тут она услышала далекий человеческий плач.

* * *

— Нас не было два часа, — сказал Тимофей Браун, когда вездеход выбрался на дорогу и покатил к станции. — Как там Эльза?

— Странно, — подумал вслух Львин. — В масштабах Галактики, в масштабах нашего времени это такой маленький эпизодик, что о нем даже в новостях сообщать неинтересно. Какой-то князек с какой-то отдаленной планеты захватил корабль, чтобы поживиться сокровищами, которыми якобы владеет какая-то маленькая археологическая экспедиция. Через три дня прилетел патрульный крейсер, и этого князька связали... Вот и все.

— Ты не прав, — сказал Браун. — Они уже убили нескольких человек и готовы убивать еще. А если им удастся в самом деле получить современное оружие, они убьют много людей. И это будет уже не мелкий случай и не отдельный эпизод. Мы сейчас единственная плотина между маленькими преступниками и большим преступлением.

— Но он же должен понимать, что в этом нет смысла! — возразил Львин. — Это дело дней. Никто ему не позволит...

— А что, если к тому времени, когда ему не позволят, мы уже будем мертвыми? И другие люди погибнут. Со стороны все это мелкий эпизод. А для нас это и есть жизнь. Так что нам придется и дальше принимать решения, к которым мы не готовы.

Львин прибавил скорость, вездеход покатил по улице. Скоро подземелье. Дорога была ярко освещена Пэ-У, сверкавшей в небе. Выбоины казались черными пропастями, сверху экзотическими занавесями свисали метровые тонкие листья.

Вездеход мягко перевалил через груду камней и оказался в широком туннеле, ведущем в подземелье.

Браун помигал прожектором. Выключил двигатель. Откинул люк. Было очень тихо.

— Эльза, — позвал он.

Только отдаленное эхо откликнулось на голос. Браун выскочил из вездехода и пошел вперед. Львин сказал:

— Мы посмотрим снаружи.

— Только осторожнее, — сказал Браун. — Там волки.

Через несколько шагов он миновал сложенные у стены вещи. Видно было, что Эльза распаковала их, собиралась готовить ужин. Но что-то ее отвлекло.

Браун, стараясь ступать тихо, пошел дальше, в глубь туннеля.

* * *

В то время как ночь в мертвом городе на Ар-А начала клониться к рассвету, «Вациус», первый из кораблей гражданского флота, спешивший к Пэ-У, приблизился настолько, что его сигналы уловила несильная планетарная станция связи в консульстве Галактического центра.

Консул Ольсен только что заснул. Он спал у себя в кабинете, не раздеваясь, чтобы быть готовым к любым неожиданностям.

В то время спали и космонавты, которые до двух часов старались привести в порядок станцию на космодроме, спал и господин ВараЮ, начальник стражи. Не спали лишь в доме ПетриА. До того момента, пока тело погибшей насильственным путем не будет предано очищающему огню, в доме должны бодрствовать, чтобы злые духи, привлеченные несчастьем, не захватили душу девушки. Семья сидела в той же комнате, и под руководством сонного жреца все бормотали заклинания.

Сигнал прошел слабо, но явственно и включил зуммер в кабинете консула. Тот вскочил с дивана, не сразу сообразив, что происходит. Затем бросился в соседнюю комнату, где работала рация.

Через минуту прибежала и жена консула, суетливая и говорливая Елена Казимировна, которая исполняла обязанности связиста, когда уходили домой местные сотрудники консульства. Нильс суетился у аппарата, никак не мог настроить его на передачу.

— Нильс, — сказала Елена Казимировна, отстраняя мужа, — это не мужское дело.

— А что мужское? — искренне удивился Ольсен, с радостью уступая место жене.

— Политика, — ответила Елена Казимировна. — Высокие материи. В этом можно натворить куда больше, чем в связи или домашнем хозяйстве.

— Пожалуй, ты права, кисочка, — согласился консул. — Но, правда, чудесно, что это теперь кончится.

— Чудесно, если на связи Космофлот или патрульный крейсер. Хуже, если это сообщники твоих бандитов.

— Ну, откуда же им быть... — Консул потер виски. Он готов был поверить во что угодно.

— «Вациус», — раздался голос в приемнике. — Говорит корабль Космофлота «Вациус». — Дальше шел код корабля, его позывные.

Елена Казимировна уверенно включила информаторий. Зеленые огоньки подтвердили источник связи.

— Вот теперь, мой дорогой, ты можешь поговорить о политике, — сказала Елена Казимировна. — К нам на помощь летит Космофлот.

* * *

Чем глубже заходила Эльза в подземелье, тем очевиднее был упадок, который свидетельствовал о последних месяцах или днях жизни арсенала. Таясь все глубже, солдаты и офицеры старались закрыться от заразы, от разбуженного демона так же наивно и безрезультатно, как в четырнадцатом веке в годы «черной смерти» французы отгоняли чуму молитвами и шествиями. Все грязнее были коридоры — свидетельство того, как падала дисциплина и опускались руки. А вот и последняя, наспех сделанная баррикада, за ней они окончательно замкнулись от мира — они уже никому и не были нужны. Оружие, которое они так тщательно хранили, тоже никому не требовалось. Хотя нет... вот следы боя: разбитая дверь, пулевые выбоины в стенах — кто-то пытался пробиться внутрь, может быть, последний отчаянный командир нуждался в снарядах и бомбах и послал за ними вездеход — разбитая боевая машина проникла глубоко за баррикады и была подожжена уже здесь, неподалеку от сердца арсенала.

А вот и следы последних трагедий подземелья. Груда костей, оружия, тряпок у высохшего питьевого крана. У них стало плохо с водой. Они дрались за воду. Вот еще одна схватка, бой у небольшого зала, где находился пульт связи. Эльза подобрала с пола яркую металлическую брошь. Может, это был орден, может, знак различия. Но уже никто не узнает, зачем и почему так отчаянно они сражались между собой. Здесь не выжил никто — никто не вышел. Те, чьи потомки стали амляками, оставались где-то в иных местах, снаружи.

Археология в принципе своем оптимистическая наука. Даже если она ищет следы погибших цивилизаций, то это не означает, что эти цивилизации погибли без следа. Они успели слиться с иными культурами, генетически они продолжились в человечестве.

Здесь все было куда трагичнее, хотя вряд ли многие тогда осознавали окончательность гибели, ту окончательность, которую можно создать лишь собственными руками, которую приносит стремление к взаимному уничтожению и чего не достичь никакой эпидемии, никакому стихийному бедствию, потому что за смертью планеты стояли ее собственные лучшие умы, которые хотели всего-навсего уничтожить половину населения Ар-А, убежденные в том, что именно тогда второй половине будет жить не

в пример лучше, что смерть одних может стать источником счастья и благосостояния остальных. Именно это убеждение, лежащее в основе каждой войны, и стало причиной смерти и тех, на кого напали, и самих нападавших.

Эльза отыскала коридор, ведущий в сторону от жилых ловушек, от подземных казематов смерти, ей пришлось пройти мимо складов, давным-давно никому не нужных, но столь тщательно создававшихся и столь отчаянно охраняемых. Она заглядывала в гулкие залы, где на стеллажах лежали рядами снаряды и бомбы, в комнаты, набитые ящиками с патронами и другими, длинными ящиками с винтовками и пулеметами. Россыпями, как зерно в элеваторе, громоздились патроны — кое-что угадывалось по аналогии, предназначение других средств убийства было загадочно. Хотя, впрочем, фантазия человека достаточно элементарна. Нужно придумать средство, чтобы оно могло выбросить на расстояние смерть. В виде пули, ампулы, стрелы, газа — только выбросить, докинуть до врага, чтобы он умер, а ты остался жив. И оттого, что он умер, тебе станет лучше.

Эльза ощущала усталое озлобление против невероятности масштабов этого хранилища смерти. Очевидно, на планете накопилось оружия достаточно, чтобы уничтожить всех раза три. Но ученые продолжали изобретать новые средства убийства, а заводы — их производить, а бритые подростки — испытывать и изучать в действии, а мудрые политики — подсчитывать баланс сил, убежденные, что только увеличение и усложнение орудий смерти сможет сохранить их власть над прочими человечками, о которых куда проще говорить, оперируя взводами, полками и военными округами.

И тут Эльза услышала шорох. Шорох донесся спереди. Эльза почувствовала, что за ней следят.

Ее чувства были настолько напряжены, что она уловила страх и настороженность и поняла, что встреча не случайна. Что здесь есть глаза — нет, не глаза летучей крысы или какой-нибудь другой подземной нечисти — в страхе было сознание. Разум.

Эльза замерла. Тот, кто следил за ней, тоже замер. Нужно было какое-то движение, шум, возглас, чтобы неподвижность взорвалась движением. И Эльза резко повернула фонарь в сторону того, кто следил за ней. Луч ослепил амляка. Отразился в глубоких бессмысленных глазах. Слабые руки дернулись к глазам, чтобы закрыть их. Амляк пятился, робко и беззвучно, прежде чем сообразил, что может убежать... Его шаги гулко и мягко застучали по коридору.

Эльза шла осторожно, сдерживая дыхание. Они близко. Они

смотрят на нее и ждут, что она сделает. Эльза повернула луч фонаря, и он осветил глубокую нишу в стене. Даже не видя амляков, их присутствие можно было угадать по запаху — пряному, мускусному запаху. Они жались в этой нише, они не могли отступить дальше. Их было несколько особей — наверное, большая семья. Впереди тот самец, который первым увидел Эльзу. Он старался закрыть их собой и скалился по-звериному, но оскал не получался — у амляка был слишком человеческий рот, маленькие и ровные зубы.

За его спиной были остальные — десять, пятнадцать — не разберешь, так перепутались их ноги и руки. Зрелище было странным и скорее неприятным. И Эльза даже поняла почему. Они вели себя как животные и были, в сущности, животными. А внешне — люди. Без шерсти, голые голубоватые тела, длинные спутанные волосы, человеческие лица. Но глаза мертвые, бессмысленные, телячьи глаза.

Женщины прижимали к себе детей, дети постарше выглядывали в ужасе из сплетения рук и ног.

— Господи, — сказала неожиданно для себя Эльза вслух. — Ну до чего же вы себя довели!

В ответ было шуршание, шевеление, детский писк. Мужчина постарался зарычать — получился хрип. Потом кляканье: а-мляк-а-мляк, а-мляк...

Младенец заплакал. Только тогда Эльза сообразила, что некоторые из амляков в крови. А у ребенка, который плачет, грудь и рука в крови. Эльза не знала, что ребенка ранил Пруг. Она решила, что на амляков напали волки.

— И вы тоже воюете? — спросила Эльза с удивлением. — Что же это такое?..

Она чуть отвела луч фонаря кверху, чтобы он не слепил амляков, потом сделала еще шаг вперед, подняла руку, как бы останавливая встречное движение самца, и присела на корточки. Развела руками.

— Вот видите, — сказала она тихо и ласково, — вот видите, ничего у меня нет. Я только хочу вам помочь... не вам, глупые, а вот этому ребенку, ведь он у вас умрет, если я не помогу, понимаете, он умрет, и все тут...

Шевеление затихло. Амляки внимательно слушали ее.

Продолжая говорить, Эльза достала пакет первой помощи, вытащила из него пластырь, распылитель коллодия, дезинфектант.

— Главное, чтобы вы мне не мешали, — сказала она.

Она была в десяти шагах от них, и теперь надо было сделать

так, чтобы они не испугались, когда она приблизится. Она еще некоторое время говорила, стараясь вложить в тон убежденность в своем праве подойти к ним и помочь. И, не прекращая говорить, она медленно поднялась и пошла.

Это был самый критический момент. Эльза понимала, что ей надо быть наготове, если они бросятся на нее, но в то же время она не могла думать об этом, потому что амляки, скорее всего, интуитивны и ее опасение сразу передастся им. Надо было думать только о том, как она им поможет.

Мужчина сделал неловкое и осторожное движение в сторону, пропуская Эльзу. Она наклонилась над младенцем. И тут увидела, что мать тоже ранена. Младенец и мать смотрели на нее одинаковыми умоляющими глазами слабых зверенышей.

Может, к лучшему, что мать ранена тоже. Она сначала сможет доказать ей, что может принести пользу. Эльза подняла анестезирующий распылитель, и легкое облачко эмульсии дотронулось холодком до рассеченной щеки женщины. Та отпрянула, заверещали дети. Мужчина угрожающе двинулся к Эльзе. Но тут же эмульсия дала эффект. Женщина замерла, чуть подняла свободную руку, дотронулась до щеки. В ней шел тугой, медленный, но понятный мыслительный процесс. Все же они не совсем превратились в зверей. Женщина вдруг протянула плачущего младенца к Эльзе.

...Эльза занималась уже третьим пациентом, когда она услышала в коридоре шаги.

Их услышали и амляки. Испугались, зашипели, снова сбиваясь в кучу.

Эльза по шагам узнала Тимофея и даже поняла, насколько он устал и взволнован.

— Тим, — позвала она негромко, зная, что звуки в пещере разносятся далеко. — Не спеши. Ты всех перепугаешь. Подходи медленно, а потом остановись шагах в десяти от меня. Понял?

— Понял, — сказал Браун.

* * *

Нильс Ольсен, узнав, что корабль «Вациус» приближается к системе, решился разбудить ВараЮ, понимая, каким облегчением будет для него эта весть.

Телефон долго наигрывал мелодию вызова, Ольсен хотел было положить трубку на место, когда наконец подошел кто-то сонный и злой и сказал, что господин начальник стражи пребывает во сне.

— Я очень прошу, в виде исключения, разбудить господина начальника стражи. Сообщите ему, что его осмелился беспокоить консул Галактического центра.

— Я очень сожалею, — последовал ответ, — но господин начальник стражи не велел его будить, даже если будет землетрясение, — ответил сонный голос.

— Тогда передайте ему, как только он проснется, что консул Галактического центра сообщает, что корабль «Вациус» находится на подходе к системе и что я поддерживаю с ним связь.

Без ответа говоривший положил трубку.

Консул вернулся в комнату связи, где Елена Казимировна вела беседу с радистом корабля, чтобы не упустить частоту. Разумеется, это лучше сделали бы приборы, но попробуйте сообщить эту истину настоящему радисту — он сочтет себя глубоко уязвленным. Люди, работа которых насыщена автоматикой, любят подчеркивать ненадежность этой автоматики, хотя сами без этой автоматики работать не согласятся.

— Ну и что вы решили, консул? — На связи был капитан «Вациуса».

— Я пытался связаться с начальником стражи, — ответил Ольсен, — однако он спит. Здесь нельзя будить. Я и так нарушил этикет.

— Этикет! — Пренебрежение к этикету и крайняя деловитость — известное всей Галактике свойство и гордыня кланов. — Поднимайте кого нужно. Речь идет о людях.

— Разумеется, я с вами согласен, — сказал консул. — И все же есть местные правила...

— Куда ушел «Шквал»?

— Вернее всего, к планете нашей же системы Ар-А. Это название должно быть в атласе. Однако это только предположение.

— Нет возможности уточнить?

— Завтра начальник стражи будет допрашивать подозреваемых.

— Значит, связь завтра? Время?

— Полдень по местному времени вас устроит?

— Меня устроит любое время, потому что я спешу на помощь кораблю, попавшему в беду. Даже если я буду спать, можете взять на себя смелость разбудить меня.

— Вашу иронию оценили, — мрачно сказала Елена Казимировна, хотя в присутствии консула радист не должен вмешиваться в разговор. Но Елена Казимировна берегла репутацию доверчивого и порой наивного Ольсена и не терпела, если кто-либо собирался его обидеть.

— До связи, — сказал Ольсен. — Надеюсь, на борту у вас все в порядке?

— Пассажиров мы высадили. Они ждут нас на планетарном катере. Вряд ли там комфортабельно, но наверняка безопасно. До связи.

Выйдя из пункта связи, Нильс сказал жене:

— Кисочка, я съезжу к космонавтам. Они наверняка очень волнуются.

— Ты можешь им позвонить. Сейчас глубокая ночь.

— Но ведь они с радостью проснутся, — сказал Ольсен.

Он был возбужден и одержим жаждой деятельности.

— Не советую, — сказала Елена Казимировна.

— Но тут же совсем рядом, — сказал консул. — Буквально два шага.

— Тогда надень куртку, сейчас дует с гор. Жена премьера говорила мне, что от этого ветра бывают жуткие эпидемии простуды.

— Это сказки, кисочка, — сказал Ольсен.

Но куртку надел, чтобы не волновать Елену Казимировну.

Он вышел на улицу. Космонавтов он разместил в обыкновенном доме, который консульство откупило специально для подобных случаев, чтобы не терзать приезжих престижной, но неудобной жизнью в новой гостинице. Дом стоял в том же квартале, метрах в двухстах от консульства.

Улица была совершенно пуста. Далеко прогрохотала телега. Донесся звон бубенчиков — сторож отпугивал воров от большого магазина на соседней улице.

Ольсен шел, глядя под ноги, чтобы не угодить в лужу или помои, которые порой еще выливали из окон прямо на улицу, хоть за это и полагался большой штраф.

Вот и дом для приезжих. Над входом звездочка — символ Галактического центра. Ольсен запрокинул голову — в одном из треугольных окон горел свет. Он толкнул дверь. Стражник, нанятый консулом, мирно спал, сидя на полу и прислонившись к стене.

Он поднялся по витой лестнице этажом выше. Из круглого холла шли двери — в комнаты, где спали космонавты.

Ольсен остановился в некоторой растерянности. Потом негромко спросил:

— Кто-нибудь не спит, простите?

Почти сразу открылись две двери, словно обитатели комнат ждали его визита.

— Что? — спросил молодой космонавт, одетый, будто и не ложился. — Есть новости?

— Корабль «Вациус» вышел на связь, — сообщил Ольсен в ве-

ликом облегчении, потому что правильно сделал, что пришел, — его ждали.

— «Вациус»? Там команда с Крионы, — сказал Салиандри, вышедший из третьей двери.

— А когда «Вациус» будет здесь? Нам лучше перейти на него.

— Я ничего еще не знаю, — сказал Ольсен. — Честное слово.

— Так что же мы стоим? — сказал первый инженер. — Заходите к нам.

Ольсен вошел в комнату. Оказалось, что там сидят еще пять человек. Несмотря на усталость и на то, что они весь день возились на космодроме, стараясь привести в порядок станцию, спать экипажу, потерявшему корабль, не хотелось.

— А уже известно, где «Шквал»? — спросил второй помощник.

— Завтра узнаем, — сказал Ольсен. — Завтра ВараЮ начнет с утра допрос задержанных. Он толковый человек, и его полностью поддерживает здешнее правительство.

В этот момент раздался глухой удар, так что дом пошатнулся и стаканы на столе зазвенели.

Такое Ольсен здесь уже пережил — когда было землетрясение. Но он знал, что местные дома отлично приспособлены для таких случаев. В долине, на севере. ему пришлось побывать в городе после сильного землетрясения. Некоторые дома-тыквы валялись на боку, но ни один дом не разрушился.

Салиандри подошел к окну.

— Это совсем рядом, — сказал он. Он высунулся наружу, стараясь увидеть место, откуда донесся грохот. Потом он обернулся и сказал: — По-моему, там огонь. Пожар. Совсем недалеко. Поглядите.

Ольсен подбежал к окну. Горел его дом. Дом выглядел странно, словно яйцо, из которого вылупился птенец, проклевав верхнюю часть скорлупы. И из широкого отверстия валил дым и вырывались языки пламени.

* * *

Елена Казимировна, к счастью, почти не пострадала. Когда Ольсен ушел, ее охватило беспокойство: как он там, один на ночной улице? При его-то рассеянности. Ей представилось, что Нильс заблудился и на него напали грабители... И Елена Казимировна, накинув плащ, кинулась из дома, выбежала на улицу и направилась к дому для приезжих. «Я только спрошу у вахтера внизу, приходил ли он, — уговаривала она себя. — и тут же вер-

нусь». То, что она сама ночью вышла на улицу, ее не тревожило. За много лет совместной жизни она привыкла к тому, что с ней ничего не случается, — все неприятности и неожиданности происходят с Нильсом.

Она была в пятидесяти шагах от дома, когда раздался взрыв.

Ударом воздушной волны Елену Казимировну бросило на мостовую, и так как падение было неожиданным и болезненным, Елена Казимировна не поняла, что произошло, — ей показалось, что на нее напали бандиты, как на того несчастного археолога, и ударили по голове. И, упав, она закрыла голову руками, спасаясь от следующего удара.

Ничего не произошло. Грохот утих, и затем она услышала, как сзади, нарастая в силе, слышится треск, будто кто-то быстро ломает маленькие палочки — тысячи палочек.

Елена Казимировна села и обернулась. Горел ее дом.

Верхняя часть дома куда-то исчезла, и из яйца вырывались клубы дыма, в которых чертенятами проскакивали языки пламени.

— Боже мой! — сказала она вслух. — Какое счастье, что Нильс ушел к пилотам.

Она поднялась, потерла ушибленное колено. Окна в соседних домах открывались, высовывались сонные головы. Дом горел быстро, он был стар, деревянные конструкции тыквы высохли. Куски штукатурки отваливались и падали на мостовую, и казалось, что гигантское яйцо на глазах уменьшается.

Елена Казимировна не пошла к дому, а поспешила дальше, к пилотам, — что ей было делать одной у пожарища? И через несколько шагов она встретила мужа и пилотов, которые бежали навстречу.

— Лена! — закричал издали Ольсен. — Ты успела! Спасибо...

Он плакал и обнимал ее, а пилоты побежали дальше, они хотели тушить пожар, но это было немыслимо, и даже пожарные, колесница которых приехала довольно быстро, ничего поделать не могли. Пожарники ждали, пока дом догорит, чтобы залить груду тлеющих бревен и штукатурки.

Вскоре приехали и различные городские чины. Событие было настолько необычным, что пришлось нарушить этикет. Его Могущество командующий войсками показался в сопровождении группы офицеров. Командующий был встревожен и даже зол. В последние дни он потерял лицо, потому что похищение корабля было совершено с помощью его боевой машины и он до сих пор не мог разыскать экипаж машины, который как в воду канул. Он приказал арестовать все начальство парка боевых машин, но это, разумеется, не помогло, хотя под пытками — а пытки пока

что обычный метод допроса на Пэ-У — они готовы были сознаться в чем угодно.

ВараЮ, несмотря на ранний час и срочность, с которой он приехал, был одет в полную форму — видно, он понимал, что на пожаре окажутся высокие чины. Следом за ним явились охранники, человек пятьдесят, и ВараЮ приказал им оцепить квартал и никого не допускать к сгоревшему дому. Его эксперты тут же начали растаскивать еще тлеющие бревна, потому что ВараЮ был убежден, что взрыв и пожар — не случайность, сделано это теми сообщниками Пруга Брендийского, которые не хотели, чтобы работала рация и поддерживалась связь с «Вациусом». Он принес свои извинения за то, что не откликнулся на первый звонок Ольсена, и сказал, что накажет своего секретаря. Но это ничего не меняло, и Ольсен сказал ему об этом.

От дома ничего не осталось, и Ольсену было очень жалко этнографические коллекции, которые он собирал здесь много лет, а также свои рукописи. Этого он уже никогда не восстановит. И в гибели того, что он делал, было глубокое оскорбление разуму, потому что те, кто устроил взрыв, менее всего думали о таких абстрактных мелочах, как разум или рукописи консула Ольсена.

Елена Казимировна вела себя как королева, и по ее лицу можно было предположить, что речь идет о сущей безделице — потерянной булавке. Ей пришлось дважды отвечать на вопросы. Сначала ее долго расспрашивал ВараЮ, которого интересовало, не проникал ли кто-нибудь в дом, ведь заряд надо пронести, установить и спрятать. Потом те же вопросы задавал пышно одетый генерал из свиты Его Могущества. Отношения между Его Могуществом и начальником стражи оставляли желать лучшего, и это было понятно — второй серьезный инцидент за три дня, даже третий, если приплюсовать исчезновение археолога. И преступники чувствуют себя в городе совершенно спокойно, словно пользуются покровительством в очень высоких сферах. Соответственно Его Могущество предполагал, что у горцев есть свои люди в страже, что снимало с него ответственность за события, а ВараЮ винил армию.

В общем, пришли к выводу, что бомба была подложена или под дно дома, или на нижнем этаже, куда мог проникнуть любой; консул и Елена Казимировна ночью оставались одни, и никто не охранял дом. А, уходя из дому, консул мог и не запереть дверь — он был рассеян. Между его уходом и уходом Елены Казимировны прошло минут пятнадцать — достаточный срок для поджога.

— Меня беспокоит другое, — сказал ВараЮ, наклонив к консулу свой острый нос и глядя ему на грудь по законам этикета. —

Уж очень точно они выбрали время. Как раз после того, как вы связались с кораблем. Кому вы говорили об этом, кроме моего секретаря?

— Никому.

— Секретаря я задержал, и сейчас его допрашивают. Но ведь вы сказали пилотам?

— Нет, исключено, — ответил Ольсен. — Между моментом, когда я сказал им, и началом пожара прошло минут пять, не больше.

— Остается телефонная станция, — сказал ВараЮ задумчиво. — Я вынужден буду вас покинуть...

Он повернулся и, не попрощавшись с Его Могуществом, поспешил к своей машине.

Начинался рассвет. Поднятые ретивыми охранниками черные хлопья сажи лениво кружились в воздухе. Полуодетые и напуганные соседи, что стояли, тихо переговариваясь, за линией ограждения, начали расходиться по домам. Пожарные колесницы, разукрашенные желтыми драконами, разводили котлы, чтобы покинуть пожарище. Его Могущество еще раз выразил Ольсену и его супруге сочувствие в горе, постигшем их, и сообщил, что сегодня же премьер узнает о событии и обязательно компенсирует расходы господина консула. Консул вежливо поблагодарил за внимание — его расходы уже никто не компенсирует.

* * *

Старый воин КрайЮ, оставшийся по приказанию Пруга, провел неудобную, холодную и мрачную ночь. Он устроился на втором этаже здания, от которого остался угол, десятиметровым зубом возвышавшийся над площадкой. Оттуда черным пятном был виден вход в подземелье. До него было далеко, тысяча шагов, но ближе надежного укрытия не нашлось.

Ему было холодно, к тому же внизу несколько раз проходила стая волков. Это были крупные, сильные звери. КрайЮ не хотел, чтобы они его заметили.

Когда утром он увидел, что археологи выбрались из подземелья, он сразу сообщил об этом на корабль. ДрокУ ответил, что воины уже выехали.

* * *

Ночь археологи провели в компании амляков.

С рассветом новые знакомые покинули туннель.

— Человечество не одиноко, — сказал Львин, глядя, как амляки, осторожно озираясь, вылезают из туннеля и бредут к развалинам. — Мы обрастаем родственниками.

Фотий ван Кун взглянул в небо в надежде увидеть звездочку корабля, но ничего не увидел. Он поглядел на младенца с забинтованной и заклеенной пластырем ручкой и даже протянул к нему руку, помахал пальцами, сказал «гу-гу!», полагая, что все младенцы любят, когда Фотий ван Кун делает им «гу-гу». Младенец заверещал, его мать возмущенно забормотала.

Они вышли на открытое место, здесь амляки начали настойчиво объяснять Брауну, которого считали за вождя племени, что им пора идти по каким-то своим делам.

— Осторожно с ним, — сказала Эльза матери младенца. — Хорошо бы ты завтра принесла его ко мне.

Эльза стала показывать знаками, что младенца надо приносить на перевязки, мать ничего, конечно, не поняла и потащила обоих своих детей к купе деревьев, разросшихся на холме посреди города. Остальные, не оглядываясь, побежали за ней.

— Мы должны взять на себя заботу о них, — сказал Фотий. — Это наш долг.

— Фотий, давай отложим благотворительность на лучшие времена, — сказал Тимофей серьезно. — Неси ящики с патронами.

Они грузили в вездеход оружие, найденное и опробованное ночью в подземелье. Оружие на редкость хорошо сохранилось, потому что те, кто скрывался в подземелье, имели обыкновение очень бережно обращаться с ним.

Это не означает, что археологи намеревались убивать воинов Пруга. У них был другой план — успеть к «Шквалу», прежде чем бандиты отправятся на поиски арсенала, и устроить такой шум, чтобы те не смогли выйти из корабля.

Надолго ли они планировали эту осаду, они не могли бы сказать и сами, но рассчитывали задержать врагов до тех пор, пока не появится помощь. В любом случае это должно быть делом часов, в крайнем случае дней.

Они погрузились в вездеход как раз тогда, когда вездеход ВосеньУ уже отправился к подземелью. И если бы они задержались еще на десять минут, то наверняка события приняли бы совсем иной оборот.

Если кто-нибудь мог бы поглядеть на город с птичьего полета, он увидел бы, как один из вездеходов медленно пробирается прочь от подземелья, в то время как другой приближается к нему.

* * *

Пока на Ар-А длилось это утро, в столице Пэ-У оно уже превратилось в день.

Бесконечно усталый Ольсен поехал с пилотами в Школу Знаний. В Школе Знаний, на отделении электроники, им обещали передать приборы, которые можно использовать для восстановления связи.

— Ну ладно, — говорил Ольсен, споря с самим собой, — допустим, они знали, что у меня в консульстве есть станция. И Пруг, предусмотрительный донельзя, приказал подложить заряд... Возможно?

— Возможно, — ответил Салиандри, — но почему тогда они не взорвали вас с самого начала? Откуда им знать, в какой момент ваша станция выйдет на связь с космосом? Нет, ваш ВараЮ прав — искать надо на телефонной станции. Времени у них было мало, но достаточно. Город небольшой.

Школа Знаний была тыквой вдвое больше прочих. От нее тянулись низкие бетонные корпуса лабораторий.

Профессора Школы Знаний в синих тогах с зубчатым знаком Высокого Знания уже ждали их под боком тыквы. Профессорам при этой церемонии делать было нечего, но сам факт обращения Космофлота к Школе Знаний за помощью был символическим актом. Школа Знаний была одним из наиболее твердых союзников Галактического центра. Не будучи кланом, она ощущала себя кланом нового типа — кланом без родственных связей, и для Школы Знаний исчезновение археолога, который был ее гостем, было глубоким оскорблением.

— Что это? — спросил один из пилотов. — У нас нет времени для торжественных собраний.

— Нет, — сказал Ольсен, который лучше всех понимал, что происходит. — Но если мы будем терпеливы, то получим все, что нам надо.

Повелитель Школы Знаний, седые завитые усы которого, к вящему изумлению пилотов, лишь чуть не доставали до пола, старый друг Ольсена, встретил его с распростертыми объятиями. Он рыдал и не скрывал слез. Он был настоящим мужчиной — лишь женщины скрывают слезы. Ольсен тут же прослезился. Как он потом объяснил пилотам, сделал он это лишь для соблюдения этикета, но на самом деле это было большим облегчением — что можно поплакать на плече человека, который понимает глубину твоего горя и разделяет это горе.

Затем всей процессией, очень напоминавшей похороны, только без покойника, они проследовали в лаборатории.

Пилоты немало удивились, увидев богатства, что хранились без действия, в расчете на будущие открытия и будущих местных Ньютонов. Даже Ольсен не знал, что удалось накопить ученым мужам на складах. И пока Ольсен в окружении стенающих профессоров рассказывал о масштабах бедствия для него лично и местной филологии и этнографии, пилоты, как мальчишки в магазине игрушек, отчаянно и со всевозрастающим оптимизмом копошились в гостеприимно открытых складах.

Когда часа через три перегруженная машина Ольсена, сопровождаемая школьной колымагой, плелась к космодрому, торжествующий Писаренко, второй помощник, сообщил консулу:

— Починим ли? Да мы из этого добра соорудим три рации.

* * *

Капитан «Вациуса» Йнвуке высох еще более за последние часы. Связь с Пэ-У прервалась, и все попытки вызвать планету ни к чему не приводили. Он собрал на мостике своих помощников и штурманов корабля.

— У консула Галактического центра, с которым я успел поговорить, есть подозрение, что корабль «Шквал» уведен похитителями к планете Ар-А в той же системе. Окончательной уверенности у него нет. После этого сообщения связь прервалась по неизвестной причине.

Помощники капитана и штурманы сидели неподвижно, вытянувшись на низких стульях. Несмотря на то что крионцы любят повторять, что они презирают условности и чужды этикету, в обыденной жизни ими руководят строжайшие правила поведения, которых они попросту не замечают и даже отрицают их существование. Поэтому ни один из штурманов (за исключением второго) и помощников никогда не откроет рта, пока капитан корабля не разрешит ему это сделать.

Они сидели неподвижно, как статуи, в своих одинаковых серых мундирах со знаками Космофлота, вышитыми их женами, они сидели под портретами великих капитанов планеты, одинаково худых, серьезных и даже мрачных.

— У нас есть два пути: изменить курс и следовать к планете Ар-А либо продолжать движение к планете Пэ-У. Я полагаю, что нам следует в этих обстоятельствах продолжать движение к планете Пэ-У, стараясь вновь добиться с ней связи. Увод корабля к планете Ар-А является на настоящий момент лишь допущением, причем неподтвержденным. Выход же из строя второй рации за столь короткое время говорит о злом умысле на самой планете

Пэ-У. Следовательно, там существует угроза жизни нашим товарищам. Так что я предлагаю пока держать курс к планете Пэ-У. Надеюсь, я высказался кратко и просто, а если у кого-нибудь есть возражения, и я надеюсь на возражения и споры, то попрошу их высказать со всей резкостью, свойственной нам. Решение тем более серьезно, потому что, возможно, нам, гражданскому кораблю, придется... воевать.

Капитан замолчал и молчал ровно три минуты, потому что, разумеется, никому не пришло в голову возражать капитану. Все они были истинными демократами и презирали этикет и условности, и потому без условностей и экивоков они были согласны со своим капитаном. В ином случае им пришлось бы немедленно его разжаловать.

Через три минуты собравшиеся одновременно поднялись, поклонились капитану, поклонились портретам великих капитанов и покинули капитанский мостик.

* * *

Андрей проснулся, вскочил, умылся, напился воды из маленького крана, что был в каюте. Есть хотелось страшно.

Он бы сейчас с наслаждением поднял страшный скандал на весь корабль, но отлично понимал, что никто этого скандала не услышит.

И вообще, помимо прочего, эта история ему порядком надоела.

Она могла бы показаться детской игрой, если бы от этого не умирали. А ведь Пругу все это кажется совершенно справедливой игрой — он не ощущает себя преступником или убийцей. Когда мы говорим о детстве цивилизаций, то оно видно не только в экономических и социальных законах, но и в психологии каждого отдельного человека. Каждый человек каменного века остается ребенком, сколько бы лет ему ни было. И реакции у него детские. Это же надо — посвятить жизнь желанию стать царем! А потом? Помереть на престоле? Разве это удобнее, чем в кресле без короны?

А ведь так, сказал он себе, нетрудно оправдать любого первобытного злодея. Нет, сказал он себе, — объяснить. Оправдывать или нет — не наша задача. Наше дело объяснить, а объяснив, ликвидировать опасность. Хотя, пожалуй, за исключением одного прискорбного случая, который стоил Андрею изгнания из летного состава, ему еще не приводилось попадать в ситуации, в которых он был бы столь бессилен.

И вот именно в этот печальный момент рассуждений голодного Андрея замок щелкнул и вошел ДрокУ. Как к себе в каюту. Спокойно и уверенно.

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал он на космолингве.

— Откуда вы знаете галактический язык? — спросил Андрей.

— Я выучил, — сказал ДрокУ.

— Вы бывали в Галактическом центре?

— На стажировке, на курсах административного управления, — сказал ДрокУ, — но, честно говоря, очень давно не приходилось говорить. Четыре года я провел в горах и последний год рядом с Пругом в столице. Практически одичал.

— Вы странный человек. Кто вы?

— Вы должны мне поверить. Мне ведь тоже пришлось скрываться, пока я не убедился, что с вами можно иметь дело. Мое положение куда более опасно, чем ваше. Если узнают, что я здесь говорю с вами, Пруг убьет меня немедленно. Это я вам гарантирую.

— Так кто же вы?

— Я заместитель уважаемого ВараЮ, начальника городской столичной стражи. Мое имя вам ничего не скажет, так что можете продолжать звать меня ДрокУ.

— Что вы делали у Пруга?

— Вот видите, как соблазнительно допрашивать, — улыбнулся ДрокУ. В его движениях, в облике присутствовала некая лень, но происходило это от избытка силы, от умения быстро собраться и превратиться в комок мышц. — Не прошло и трех минут, как вы стали следователем. Отвечаю на ваш вопрос: Пруг давно смущал нас. Он — наиболее яркая и энергичная фигура в горах. Мы решили внедрить нашего человека, чтобы он всегда был рядом с Пругом. Мне и пришлось стать таким человеком.

— И вы хотите сказать, что не заметили, как он планирует захват корабля?

— Мы не всесильны. Он оказался хитрее. На этот раз. Но его торжество недолго. Вы это знаете лучше меня.

— Мне трудно поверить, — сказал Андрей. ДрокУ поднялся:

— Я не могу быть вам всегда полезен. Мне тоже хочется жить. Но, пожалуй, завтра мы что-нибудь придумаем. Главное, чтобы они не успели забраться в арсенал. Как вы думаете, скоро придет корабль нам на помощь?

— Спросите что-нибудь полегче, — сказал Андрей.

— Спокойной ночи. Думаю, что Пругу я скоро понадоблюсь.

— Минутку, — сказал Андрей. — Если вы в самом деле тот, за кого себя выдаете, почему вы не обезвредите Пруга?

— Я не могу его убить, мне это запрещено.

— Я не говорю об убийстве. Очевидно, есть другие пути.

— Что вы теперь намерены делать?

— Пользоваться вашими советами. И не спешить. Я полагаю, что главное сейчас — не допустить, чтобы он убил кого-нибудь из археологов. А что касается арсенала — пускай забирает что хочет. Он не успеет ничем воспользоваться.

ДрокУ улыбнулся. Зубы у него были подпилены, как положено горцу.

— Ваших археологов выследили. Они дали себя провести, как цыплята. Пруг оставил в городе охотника, и археологи привели его к арсеналу. Сейчас ВосеньУ умчался туда зарабатывать себе славу и жизнь.

— И жизнь?

— Разумеется. Он нужен Пругу только по Пэ-У, а потом... потом его нечаянно утопят. Он чужой. И может проговориться, чтобы спасти свою шкуру.

«Мне его не жалко, — подумал Андрей. — Я должен быть гуманистом, мне положено всех любить — в этом великая мудрость Галактики — ценность и святость человеческой жизни. Но мне хочется, чтобы ВосеньУ умер».

— Вам его не жалко, — утвердительно сказал ДрокУ. — Вы думаете, что он убил вашу женщину.

— А разве это не так?

— Я не был при этом. Может, это сделал кто-либо еще из людей Пруга. Я пошел, коллега. Пруг проснулся. Он плох. Он накурился. Нервы шалят. Я запру дверь, потому что кто-нибудь мог видеть, как я сюда заходил.

ДрокУ легко поднялся.

— Погодите, — сказал Андрей, — я не знаю, какой вид смерти легче, но я должен сказать, что все ваши пленники находятся в грустном состоянии. Сужу по себе.

— А что случилось?

— Нас за вчерашний день никто не догадался покормить. И сегодня вроде бы не собирается тоже.

— С ума сойти! — воскликнул ДрокУ. Он был искренне удивлен. Он тоже забыл о том, что людям надо время от времени есть.

— Пошли, — сказал он. — Идите вперед.

Они вышли в коридор, и ДрокУ быстро повел Андрея к камбузу.

В камбузе было пусто.

— Берите, что вам нужно, — сказал ДрокУ, — и немедленно к

себе в каюту. Если вас поймают, отвечать придется мне. А я не могу больше задерживаться.

И он быстро ушел.

Андрей подождал, пока шаги нежданного союзника утихнут. Потом осторожно положил свою добычу на место. От голода он не умрет.

Теперь ему нужно было незаметно попасть в библиотеку. Он надеялся, что это помещение корабля не представляет жгучего интереса для представителей клана Брендийского.

Вход в библиотеку из коридора, но там есть вторая дверь, соединяющая ее с кают-компанией. Дверью той ни разу не пользовались, и она, как заметил Андрей, была заставлена диваном, который отодвинули, чтобы освободить место для Пруга.

Путешествие до библиотеки прошло благополучно. Андрей на цыпочках пересек комнату и прижал ухо к двери.

Появление союзника показалось ему слишком неожиданным, и ему очень хотелось узнать, о чем ДрокУ будет говорить с Пругом. Хотелось доверять ДрокУ — всегда хочется быть доверчивым, если у тебя не хватает союзников. Но доверчивость могла дорого обойтись.

Андрей успел в библиотеку вовремя. ДрокУ разговаривал с наследником Брендийским. И разговор был неожиданным.

* * *

Выгружая аппаратуру из машины и перетаскивая ее к диспетчерской, пилоты галдели, как мальчишки, и Ольсен подумал, что они в самом деле страшно молоды — вдвое моложе его. Им бы в футбол сейчас погонять в перерыве между рейсами. Они были уверены, что запустят станцию в ближайшие часы, и эта задача заслонила от них все прочие проблемы, от которых сам Ольсен отвернуться не мог.

На колымаге из Школы Знаний приехали и местные техники, так что Ольсену приходилось непрерывно разговаривать, так как пилотам требовалась помощь техников и он все время переводил.

Пилоты использовали поврежденный корпус разбитой рации и некоторые сохранившиеся детали и начали монтаж новой установки. Они утверждали, что рация будет работать не хуже, чем погибшая рация консула.

На космодроме время от времени появлялись гости.

Сначала приехал Премудрейший глава Школы Знаний. Он хотел убедиться в том, что работа идет нормально и его техники приносят пользу, к тому же ему хотелось еще раз выразить свое

сочувствие Ольсену. Не успел он уехать, как появилась полевая кухня, самая настоящая полевая армейская кухня, похожая на старинный катафалк, только разукрашенный цветами. Ритуал принятия пищи в местной армии был весьма сложным, и присутствие походной кухни в виде катафалка в цветочках было обязательной частью ритуала. Повара, приехавшие на катафалке, были весьма огорчены тем, что пилоты поглотили все изысканные офицерские блюда, не соблюдая ритуалов. Ольсен старался за всех, но, конечно, он не мог спасти положения, и в памяти армейских поваров пилоты Космофлота остались людьми крайне невоспитанными.

Затем пожаловал и сам Его Могущество. Он приехал в бронированной машине, коротко поклонился и обошел полуразрушенную башню диспетчерской. Затем так же неожиданно уехал, оставив пятерых солдат, вооруженных винтовками. Солдаты встали по периметру площадки, где шел монтаж, и замерли. Ольсен поглядывал на них с некоторой опаской, и его опасения лишь усугубил ВараЮ, который приехал последним.

— Зачем это? — спросил он Ольсена. — Мне это не нравится. Сказать почему?

Он был похож на большую клювастую птицу, которая увидела лису, крадущуюся к гнезду, и очень удручена ее низким поведением.

— Почему? — спросил Ольсен.

— Потому что у Пруга была боевая машина. А все боевые машины принадлежат армии. Я бы хотел поймать и допросить того, кто дал Пругу боевую машину.

— Что нового? Узнали что-нибудь на телефонном узле?

— Я их арестовал. Всю ночную смену, — просто ответил ВараЮ. — Мои люди сейчас с ними разговаривают. Я думаю, что скоро все будет известно.

— А как другие подозреваемые? Мы можем точно сказать, куда улетел корабль?

— Вернее всего, это Ар-А, — сказал задумчиво ВараЮ. — Вернее всего. Хотя я не исключаю и другие варианты.

— Они есть?

ВараЮ пожал плечами.

— Есть какая-нибудь надежда починить станцию? — спросил ВараЮ, глядя на пилотов. Их фигуры мелькали в развалинах второго этажа диспетчерской.

— Они обещают это сделать скоро, — сказал Ольсен. — Нам дали очень важные детали в Школе Знаний.

— У них они были?

— Они собирались строить собственный центр галактической связи, но не афишировали своих намерений.

— А я ничего не знал, — сказал ВараЮ и развел руками. — Значит, я плохо работаю. Меня пора гнать.

— Вы должны радоваться, — сказал Ольсен. — Вы же всегда были сторонником нового.

— Но за новым надо следить. Больше, чем за старым.

— Сейчас у нас неприятности из-за старого.

— Завтра будут из-за нового, — сказал ВараЮ убежденно. — Новое у нас появляется слишком быстро. Вы поглядите на них, — ВараЮ показал на неподвижно стоявших солдат. — У них новое оружие. Наши Могущества очень спешат использовать оружие, которое изобретено не здесь. А что они будут делать с этим оружием завтра? А может, они уже сейчас его используют не так, как надо. Почему боевая машина была у корабля? Кому нужнее всего арсеналы? Его Могуществу. Каждая организация — это живое тело, каждое хочет занять как можно больше места.

— Разве у армии есть соперники?

— Хотя бы я, — сказал ВараЮ. — Я беспокоюсь о безопасности государства. И если опасность исходит от армии, я буду спорить с армией.

— Значит, вам тоже нужно новое оружие?

— Мне хватит того, что есть, — ответил ВараЮ. — Давайте посмотрим, как дела у ваших пилотов.

Они поднялись к пилотам. Те встретили их весело.

— Смотрите, — сказал Салиандри, — должно же когда-то повезти.

Станция приобрела деловой вид. Она казалась запутанной и даже неопрятной. Удивительно, как пилоты могли разобраться в этом лабиринте.

— И будет работать? — спросил ВараЮ недоверчиво.

— Приезжайте через два часа, — ответил Салиандри уверенно.

* * *

Каждый мальчик из благородной семьи в возрасте пятнадцати лет проходит церемонию инициации. Он не может считаться истинно благородным мужчиной, если не знает наизусть священных текстов, тех текстов, которые в незапамятные времена принесли с собой титаны с Ар-А и оставили предкам людей с Пэ-У. Если на Земле воспоминания о пришельцах так и остались в области мифологии и ничем не доказаны, а вернее всего, они лишь проявление мечты о существовании во Вселенной братьев

по разуму или даже Высшей силы, то для жителя Пэ-У это часть истории. И знание их языка, перешедшее со временем в сферу магических ритуалов, не пустой звук. Именно в этих текстах, над которыми теперь корпят умные головы в Школе Знаний и которым посвятил большую, к сожалению, погибшую при пожаре в консульстве статью Нильс Ольсен, сохранились в зашифрованном виде многие знания, которые затем легли в основу здешней цивилизации.

Разумеется, горцы проходили другую церемонию инициации, нежели благородные жители долины. И не читали ни на каком языке. Но ВосеньУ знал язык гигантов. И его не удивило то, что надписи в подземелье ему понятны. Его скорее удивило то, что далеко не все он может прочесть.

ВосеньУ уверенно шел к складам, зная, что у него две задачи. Задача первая — найти Бомбу. То великое оружие, о котором знали предки и которое могло погубить целый город. И найти ручное оружие, для себя. И еще неизвестно, что было нужнее. А может, одежду из легкого и не пробиваемого пулями металла — об этом тоже говорится в легендах.

ВосеньУ спешил, он шел на несколько шагов впереди, и луч его фонаря метался по стенам, замирая на белых и желтых надписях, разыскивая двери и повороты, заглядывая в комнаты и быстро шаря по ним. Воинам, шедшим следом, казалось, что слуга небесного господина отплясывает колдовской танец, призывая духов, живущих под землей, — им хотелось бы уйти оттуда, но это было бы большим ослушанием, так как они должны были забрать в темнице великое оружие и великую власть.

«Особая секретность» — было написано над дверью, замыкавшей коридор. Но дверь была приоткрыта. Прямо за ней, как будто хотел выйти, лежал скелет человека в остатках одежды. Скелет рассыпался от дуновения воздуха, когда ВосеньУ рванул на себя дверь. Воины отпрянули — в неверном и путаном свете фонарей им показалось, что скелет пытался убежать от них.

Здесь, в святая святых арсенала, хранились бомбы.

* * *

Андрей слушал разговор ДрокУ с Пругом Брендийским. Разговор не соответствовал табели о рангах.

Пруг сидел нахохлившись на своем троне, как сонная жаба. Казалось, что ему плевать на все, что происходит вокруг.

ДрокУ мерно ходил по кают-компании, совершая сложные, но повторяющиеся движения — вокруг шахматного столика, к

роялю, вокруг рояля, вдоль кресел, сзади трона, вокруг трона... И, не останавливаясь, говорил:

— Ты забываешь, что не сделал бы ничего, если бы не наша помощь. Ты бы остался живым претендентом. И, наверное, тебя давно бы уже нашли убийцы. Ты существуешь только потому, что ты нам нужен. И это тебе выгодно. В первую очередь тебе. Не забывай об этом.

— Без меня вы бы тоже ничего не сделали.

— Это еще неизвестно. В худшем случае мы бы нашли другого. Жадного до власти и славы вождя.

— Другого такого нет.

— Думай как знаешь.

— А что нужно вам? Та же власть и та же слава.

— Нет. Нам нужна другая власть и другая слава. Настоящая, без барабанов. Барабаны, троны и шумиху мы оставляем тебе. Пользуйся. Пускай дикие певцы исполняют в честь тебя бравые песни. Хватит разговоров. Я буду говорить с господином ВараЮ. Я скажу ему, что арсенал найден. Времени в обрез. Ты должен быть всегда трезвым, всегда сильным и готовым к бою. Не думай, что все так просто.

ВараЮ, повторил про себя Андрей, влиятельный человек, начальник государственной стражи. Как интересно бывает в истории — всегда находится фигура для первого плана. И она шумит и машет оружием. А за ее спиной стоят те, кто не любит вылезать наружу...

ДрокУ вышел из кают-компании. Пруг Брендийский последовал было за ним, но остановился и задумался, постукивая сильными пальцами по крышке рояля.

* * *

Желая выбраться из города коротким путем, Браун ошибся улицей и попал в тупик. Минут десять он упрямо вел машину по развалинам, но был вынужден повернуть обратно. А тут, как назло, амляк.

Амляк стоял на пути вездехода. Упрямо, как самоубийца.

Тимофей затормозил. Высунулся из люка.

— Отойди, — сказал он.

Амляк нудно и монотонно заговорил, повторяя одинаковые сочетания звуков: а-ля-мля-мля...

Эльза подбежала к нему. Она не понимала, что амляку хотелось довести до сведения этой богини, что пришли другие люди, которые вошли внутрь подземного дома. И эти люди пугают ам-

ляков своим запахом, своими угрожающими злыми мыслями. И амлякам страшно.

Амляк хотел, чтобы богиня вернулась в подземный дом и выгнала тех людей. Для этого он совершал странные движения, пританцовывал, отбегал, возвращался вновь.

— Он куда-то зовет? — спросил Браун.

Фотий подошел поближе, но остановился, потому что Эльза предупредительно подняла руку.

— Они чувствуют, — сказала она. — Они чувствуют эмоции.

Амляк отпрянул от Фотия. Постоянное беспокойство Фотия его испугало. Он старался как-то донести до Эльзы, что за люди пришли в подземный дом, но у него не было слов и было слишком мало мыслей. Он и так совершил подвиг разумности — пришел к этим людям.

Амляк понял, что они не хотят идти за ним. И тогда он сообразил, что надо сделать. Там, в развалинах, совсем рядом сидел один из тех, тревожных людей. Он прятался там давно, и амляки знали, что он не имеет отношения к их богине и ее людям. И амляк сообразил, что надо показать того человека, который давно сидит в развалинах и смотрит на богиню, и тогда люди поймут и пойдут в подземный дом. И он, не переставая верещать, быстро побежал к руинам дома, где на остатках площадки второго этажа сидел КрайЮ. Он бежал быстро, забыв об осторожности, потому что только хотел показать и не желал ничего дурного. Он почти добежал до развалин, когда вдруг до него докатилась волна страха, ненависти.

КрайЮ увидел амляка, голого, худого, маленького, и понял, что этот маленький его выследил и сейчас выдаст его врагам. Он был не из тех, что отступает и бежит. Ему приходилось рубиться в десятках сражений и стычек, из всей его семьи остался лишь один младший брат, который прилетел сюда вместе с ним. И, мысленно пересчитав врагов, он поднялся во весь рост, и от машины его было хорошо видно. Он держал в руке боевой топор, в другой — духовую трубку. Он готов был к последнему бою и мысленно попрощался с младшим братом, призвав того к мести.

Амляк остановился, натолкнувшись на гнев и бешенство, как на стену. Он стоял, запрокинув голову, длинные редкие волосы дергал поднявшийся ветер. Он был как бы загипнотизирован, потому что знал о желании существа убить его, но не понимал, почему двуногое существо должно его убивать. Только что он убедился в том, что двуногие не убивают.

КрайЮ издал боевой клич клана; это был очень громкий и особенный клич — его сразу отличишь от кликов других кланов.

Клич пронесся над жужжащим воздухом города и долетел до выхода из подземелья, где воины осторожно грузили в вездеход бомбы и оружие. Он был слабым, этот крик, но младший брат КрайЮ узнал голос. Он схватил нож и кинулся было на помощь брату. Но ВосеньУ сказал ему:

— Стой.

— Я должен идти, — сказал младший брат. — Там бой.

— У твоего брата свое дело, у тебя свое дело.

— Я не буду слушаться тебя, слуга, — сказал младший брат.

— Погоди. — ВосеньУ был очень осторожен, и он хотел жить. Он включил браслет связи — на маленьком экранчике появилось лицо Пруга. Пруг был насторожен.

— Что случилось? — Голос его из динамика звучал тихо и тонко.

— Господин Пруг, — сказал ВосеньУ, — мы нашли оружие. Надо срочно грузить его и везти, но младший КрайЮ слышит, как его старший брат, оставленный сторожить археологов, зовет на бой. И он бросает все и хочет бежать к брату.

— Если он посмеет сделать это, — сказал Пруг медленно и зло, — ты убьешь его сам. Есть большое дело и есть долг. Ни один из воинов моего клана не посмеет нарушить долг.

— Ты слышал? — спросил ВосеньУ смиренно. — Так сказал твой вождь.

Боевой клич КрайЮ донесся снова. Издалека.

— Стреляй в него, — приказал ВосеньУ ближайшему воину. Тот сделал вид, что не слышит.

— Ну что вы? — пищал тонкий голосок Пруга из браслета.

ВосеньУ поднял пистолет, найденный в подземелье. Его как раз можно было испытать.

И ВосеньУ выстрелил младшему брату КрайЮ в спину.

Новый пистолет действовал отменно. Словно не прошло столетий. Он был отлично смазан и отлично сохранился. Смерть могла поджидать свою жертву семьсот лет и догнать ее.

От удара пули младший брат КрайЮ полетел вперед, будто его сильно и резко ударили по спине. Он упал и лежал неподвижно, и по развороченной выстрелом спине разливалось кровавое пятно.

— Я исполнил твой приказ, господин, — смиренно сказал ВосеньУ.

— Тогда скорее, скорее! — крикнул Пруг. — Каждая минута дорога.

— Скорее! — сказал воинам ВосеньУ, и они побежали внутрь, в хранилище, чтобы притащить еще одну бомбу.

А у вездехода археологов все происходило как в замедленном фильме.

КрайЮ поднес к губам духовую трубку.

— Это смерть! — закричал Фотий ван Кун. — Я знаю. Браун, стреляй!

Пистолет был у Брауна, и Браун не выстрелил. Он не был готов к тому, чтобы выстрелить в человека. И Фотий ван Кун, поняв это, бросился к Брауну, чтобы отнять у него пистолет, но в этот момент КрайЮ выстрелил из духовой трубки, и амляк сложился, медленно опускаясь на землю, — яд действовал быстро.

Фотий вырвал у Брауна пистолет и начал стрелять по горцу, но до КрайЮ было больше ста метров, а Фотий никогда раньше не стрелял и потому промахнулся.

КрайЮ понял, что он убил врага. Теперь он может отступить, потому что в него стреляют, а отступление в бою — это не бегство. Воинский этикет горцев был строгим, но гибким.

Пригнувшись, КрайЮ отпрянул назад, скрылся с глаз археологов и спрыгнул вниз. Он не знал, гонятся ли они за ним, но побежал прочь, подальше от них, виляя между грудами камней, и потом, увидев кущу деревьев, за которой начинался пологий спуск в овраг, он нырнул туда.

Кусты хлестали его по лицу, но КрайЮ был доволен. Он расскажет брату о том, как сразил голого дикаря и как в него стреляли люди неба. Надо лишь немного переждать, затаиться, пока не уляжется погоня.

И КрайЮ присел среди камней за кустами и стал слушать.

Браун отнял пистолет у Фотия ван Куна.

— Успокойся, Фотий, — сказал он. — Мы не можем убивать.

— Каждое живое существо может убивать зверя, если он нападает на человека.

Амляк, чуть вздрагивая, лежал в пыли, лицом вниз, скорчившись, как заснувший ребенок. Браун смотрел на него и молчал.

В двух километрах к западу, у входа в подземелье, где воины торопливо грузили оружие на вездеход, лежал младший брат КрайЮ. Он тоже лежал лицом вниз, но вытянувшись.

Перед отъездом остальные воины подошли к телу КрайЮ, и каждый высыпал ему на спину пригоршню земли. Большего они сделать для него не могли. ВосеньУ тоже высыпал на него пригоршню земли, так как он не был убийцей, а выполнял приказ повелителя. Но когда он протянул руки с землей, все воины отвернулись от него и отошли.

Возвращаясь к вездеходу, ВосеньУ старался идти так, чтобы не оставлять воина за спиной. Он не доверял горцам.

Один из них взял духовую трубку и топорик КрайЮ-младшего, чтобы отдать его брату.

ВосеньУ сел за руль вездехода и повел машину из города к кораблю. Он чувствовал враждебные взгляды горцев. Но знал, что сейчас никто из них не посмеет его тронуть.

* * *

— Но как же это могло быть? Я еще понимаю, что в авантюры влезает горный князь. Дикий человек. Но этот ВараЮ — он же ответственное лицо, у него все есть, — удивился доктор, к которому Андрей пришел из библиотеки.

— В табели о рангах он далеко не первая фигура, — сказал Андрей. — И по происхождению семей сто в нашем городе куда знатнее его. Он выскочка, он добился поста с помощью своих способностей. Еще лет пятьдесят назад он не мог бы и мечтать о такой власти. Но власть его не очевидна, и ему часто указывают на место. В то же время он проникает в святая святых общества. Он сам по себе — порождение новой эры, раньше в таком не было нужды. И он понял, что его власть далеко не предел. И неплохо придумал — сделать все руками горного князя. Гордого, но беспомощного.

— Но на что он рассчитывает?

— Точно сказать нельзя, но можно предположить. Появляется корабль. Наш корабль. Вооруженный достаточно, чтобы уничтожить столицу. Я уже давно понял, что в планы Пруга входит не только его горное княжество, которое и на карте не отыщешь. И для второго действия драмы обязательно нужен человек в столице, который мог бы воспользоваться паникой. В ином случае, даже запугав правительство, Пруг все равно теряет все преимущества своего положения, как только опускается. Его уже будут ждать. Не будет же он таскать с собой бомбу. В лучшем случае он подорвется на ней. А вот если с ним есть человек или организация, способная захватить власть, пользуясь суматохой и паникой... и не исключено, что ВараЮ до конца будет выказывать себя убежденным противником анархии и попытается взять власть не как союзник Пруга, а как единственная сила, способная ему противостоять. Может, я и не прав. К тому же мы не знаем, насколько Пруг послушен ВараЮ.

* * *

ДрокУ вошел в узел связи. Он был не новичком в узле связи и знал, что делать. Он запер за собой дверь, подошел к креслам связистов, кинул в соседнее топорик, с которым не расставался, как и положено горцу, включил аппаратуру, проверил ее. Задал программу. Пока станция настраивалась, он включил приемник. И почти сразу пошел вызов с «Вациуса». Вызов был автоматическим — вызов, когда откликнулась Пэ-У.

— Начинаю сеанс, — сказал ДрокУ. — Это ты, ВараЮ?

— Ты опоздал на три минуты, — сказал ВараЮ. — Что случилось?

— Хорошие новости, — сказал ДрокУ. — Нашли.

— Когда сможете стартовать?

— Как только они будут здесь.

— Поторопитесь.

— У вас что-то изменилось?

— Они восстанавливают станцию связи. На подходе корабль Космофлота «Вациус». Пока они не знают, где вы. Но армия уже знает. Если восстановят связь, вас перехватят. Армия послала солдат охранять космодром.

— Они подозревают?

— Они всегда меня подозревают. Они выследили моего человека, который организовал угон боевой машины. И он, конечно, сознается.

— Его нельзя убить?

— Они его охраняют. Но я попытаюсь.

— Мы стартуем, как только они будут на борту. Ты должен сделать так, чтобы Космофлот не успел нас перехватить. Иначе все зря.

— Знаю лучше тебя, — сказал ВараЮ.

— Он вооружен?

— Это Космофлот. Они не вооружены. Может, лишь пистолеты у команды.

— В крайнем случае, будем сражаться, — сказал ДрокУ. — Может, тебе тоже пора действовать?

— Если ты уверен, что вы вылетаете сразу, я рискну. Ты знаешь, как это опасно. Все зависит от тебя, ДрокУ.

— И от Пруга.

— Поэтому я послал тебя. Остальные в порядке?

— Я им сказал, что я твой агент и их друг.

— Поверили?

— Почему не поверить тем, кто цепляется за любую возможность выжить? Они боятся умереть.

— Многие умерли?

— Некоторые умерли.

— Я жду тебя, ДрокУ.

— Я буду спешить.

* * *

Капитан корабля «Вациус» был в радиорубке. Пришла пора принимать решение — идти дальше к Пэ-У или менять курс.

Капитан был фаталистом и верил, что ему должно повезти. Он был убежден, что в космосе никто по доброй воле не останется без связи. И если было решено похитить космический корабль, то люди, которые пошли на такой шаг, должны были предусмотреть связь. И рано или поздно воспользоваться ею. Время шло.

«Вациус» продолжал идти к Пэ-У, с каждой секундой удаляясь от Ар-А.

Но капитан Йнвуке упрямо ждал.

И когда заработала станция «Шквала», разговор ДрокУ был запеленгован.

— Первая станция на планете Пэ-У, — сказал связист капитану.

— Где находится «Шквал»? — спросил капитан.

После минутного размышления компьютер дал координаты Ар-А.

Капитан вызвал подвахтенных штурманов и сообщил по интеркому, что «Вациус» меняет курс.

Капитан был фаталистом и даже несколько гордился этим. Но он был доволен тем, что его не подвела логика.

К сожалению, компьютер на «Вациусе» не имел лингвистической приставки, и содержание разговора осталось в тайне. И капитан жалел об этом, ибо полагал, что связь означала то, что противник принял решение.

* * *

Экипаж «Шквала», пообедав на скорую руку, вернулся к монтажу станции.

В городе пошла вторая половина дня, было жарко и пыльно Солдаты, которые охраняли поле, казались рыжими столбиками.

Ольсен сидел у полевого телефона. Два раза звонили от Его Могущества, потом звонил Мудрейший из Школы Знаний. Три раза звонил ВараЮ. Всех интересовало одно — когда будет связь.

События на космодроме уже стали достоянием самых отда-

ленных городов планеты и вызвали различную реакцию. Были те, кто опасался мести Галактического центра и того, что люди из Центра уйдут. Были такие, кто гордился подвигом Пруга Брендийского. Хоть официального сообщения и не было, царила убежденность в том, что Пруг отправился именно на Ар-А, к великим гигантам. Куда еще мог полететь столь знатный вождь?

Ольсен каждому звонившему терпеливо объяснял, что работы завершаются, потом поднимался на второй этаж. Разбитые окна были затянуты листами пластика, там было душно, но снять листы было нельзя, потому что тут же ветер намел бы тучи пыли.

Пилоты устали — они не спали ночью и работали отчаянно. Но они понимали, что Ольсену хуже, чем другим, и они успокаивали его и говорили, что осталось совсем немного.

* * *

Офицер, который еще три дня назад командовал отрядом боевых машин и исчез сразу после захвата «Шквала», был задержан в долине за озером ночью. Он молчал все утро. Днем с ним стал говорить сам Его Могущество. Он обещал ему жизнь и жизнь его клану. В противном случае погибнет весь клан. И Его Могущество не шутил.

Офицер попросил воды. Он устал и хотел спать. Он сказал, что все скажет. Он сделал это от страха за жизнь клана.

Его Могущество покинул помещение, велев своим помощникам продолжать. Ему было достаточно одного имени, которое сказал офицер, — ВараЮ.

Теперь требовались доказательства. Офицера надо, как только он расскажет о заговоре, отвезти во дворец правительства.

Солдат принес воды и поставил стакан на стол. Офицер жадно отхлебнул из стакана и почти мгновенно умер. Генерал еще не успел покинуть помещение казармы, где проходил допрос. Тут же был схвачен солдат, который принес воду. Он сказал, что воду ему дал дежурный в коридоре. Дежурный был мертв. Зная, чем все это кончится, он высыпал остатки яда в другой стакан и выпил сам.

* * *

Ольсен еще сидел у телефона. Не желая того, он задремал, сидя на низком стуле. И ему начал сниться приятный сон — мозг хотел утешить себя хотя бы во сне. Ему приснилось, что пожарные разгребают пепелище и там находят его рукописи, целые и даже не смятые.

— Ольсен! — позвал его, откинув угол пластиковой шторы, помощник Салиандри. — Можете подниматься к нам. Через несколько минут мы будем испытывать нашего монстра.

— Бегу, — вскочил Ольсен.

И в этот момент снова зазвонил телефон.

— Это ВараЮ. Что нового?

— Я должен вас обрадовать, — сказал консул. — Связь есть. В это трудно поверить, я сам боялся поверить, но они обещают, что через несколько минут связь будет налажена.

— Поздравляю, — сказал ВараЮ. — Я, к сожалению, не смогу к вам приехать, очень занят, тут обнаружились новые данные... но надеюсь, что вы справитесь без меня?

— Разумеется. Счастливо. Мы все сделаем.

ВараЮ говорил не из города. Его машина с телефоном стояла в сухом лесу в двух километрах от космодрома. Деревья стучали длинными сухими иголками под ветром, казалось, что множество маленьких барабанчиков возвещает начало боя.

ВараЮ позволил себе еще минуту расслабиться. Он думал. Расчет времени должен быть совершенно точен. Чем позже он начнет отчаянную акцию, тем меньше останется времени до возвращения «Шквала».

ВараЮ очень хотел жить. И очень хотел победить. Он был игроком. Игроком с холодной головой и крепкими нервами. Он побеждал во всех играх и во всех спорах еще со школы. Его никогда не любили — тоже со школы, так как никто не любит людей, которые побеждают в любом споре и уклоняются от драки на кулаках, предпочитая, чтобы кто-нибудь дрался за них. Его не любили и в службе охраны, которая как раз переживала решительную перестройку в тот год, когда молодой незнатный ВараЮ пришел туда рядовым охранником.

Стража, которая должна была противостоять отрядам кланов, ненадежным и буйным, и заменить собой городских охранников, которых содержали торговцы, перестраивалась солидно. И нуждалась в специалистах. ВараЮ был очень способным молодым человеком и имел склонность к систематическому мышлению. И поэтому неудивительно, что когда в Галактический центр на стажировку посылали стажеров из различных ведомств, от стражи помимо четырех знатных офицеров попал и один незнатный — ВараЮ.

Когда он вернулся через три года, изменившийся, серьезный, даже солидный, его назначили заместителем к одному из его коллег по звездной поездке. Тот был родственником самого премьера. Начальник не любил ВараЮ, но вынужден был признать его

способности. Постепенно в отряде стражи, которым фактически руководил ВараЮ, привыкли обращаться по всем вопросам к заместителю. Начальник же отряда купил большой дом и задавал вечера. А когда он вскоре перешел на более почетную службу, то как-то получилось, что в борьбе за место начальника другие кандидаты так перегрызлись, что ничего не оставалось, как назначить незнатного ВараЮ.

Он медленно продвигался вверх. Его карьеру тормозили происхождение и тот прискорбный факт, что ВараЮ недолюбливали начальники и не любили подчиненные. Но той же карьере способствовали досье, которые ВараЮ, изучивший историю секретных служб, завел на власть имущих города и всей страны.

К сорока годам он стал начальником столичной стражи, и это было пределом его возможностей, даже учитывая деловые качества и досье. Предков можно было бы купить, но все равно люди, от которых зависела его судьба, отлично знали о его происхождении. И, кроме того, его не любили. Хотя ВараЮ никогда и не стремился к тому, чтобы его любили.

У нас любят тебя, только если ты мертв и никому не страшен, говорил ВараЮ, который порой придумывал афоризмы и записывал их в секретную тетрадь, которую не показывал даже самым близким людям, потому что близкие люди тоже его не любили.

Дальнейшая карьера ВараЮ зависела только от его собственной энергии. Никакое его трудолюбие не помогло бы ему войти в узкий круг благородных, которые и правили планетой. Пруг слишком высоко ценил свою исключительность. Значит, следовало свергнуть круг, разорвать его. Для этого был лишь один путь — путь насилия.

Поднять войну ВараЮ был не в силах. Армия бы его не поддержала. Горные кланы, хоть и недовольные городским правительством, — тоже. Путь к власти открыла идея, которую подсказал ДрокУ — единственный по-настоящему близкий человек к ВараЮ. Их связывало чувство взаимного уважения. И взаимного страха. Они познакомились в Галактическом центре, молодыми честолюбивыми провинциалами.

Именно ДрокУ обратил внимание ВараЮ на то, что на Ар-А прилетела археологическая экспедиция. Казалось бы, ничего не было более далекого от дел и вожделений двух офицеров стражи. Археологическая экспедиция на соседней планете.

Но ведь для всех жителей их планеты Ар-А была не просто космическим телом, луной в небе. Ее жизнь определила зарю жизни на Пэ-У, а смерть ее цивилизации была столь недавней, и костры пожаров и взрывов на ее лице были ярки и очевидны.

Мощь и мудрость гигантов были реальностью. Но нужно было иметь трезвую и в то же время авантюрную голову ДрокУ, чтобы связать эти события к своей выгоде.

В то время ДрокУ был при дворе Пруга Брендийского, наследника престола. Он нанялся к нему на службу, пользуясь отдаленными родственными связями, потому что надеялся использовать этого человека в качестве амбициозного союзника.

Но захват престола не удался. Пришлось Пругу бежать в столицу. Пруг отошел в резерв, но формально ДрокУ не оставил службы у горного князя.

Два фактора — существование амбициозного, готового на все и легкого на подъем князя и археологические работы на Ар-А — соединились в уме ДрокУ еще до прилета Фотия ван Куна, так как первые известия об успехах археологов достигли Пэ-У за несколько недель до прилета ван Куна. Именно ДрокУ принадлежала инициатива двух следующих шагов. Первый заключался в том, чтобы внедрить в голову Пруга Брендийского идею о том, что следовало бы отправиться на Ар-А и завладеть сокровищами, которые иначе попадут в лапы Галактического центра, имеющего на них меньше прав, чем законный наследник. Второй шаг заключался в том, что ДрокУ стал искать знакомства с не удовлетворенным жизнью ВосеньУ.

Прилет Фотия ван Куна ускорил события. С ним были карты раскопок, он сам был источником точной информации. Сам по себе он еще ничего не решал. Нужен был корабль. Кораблем оказался «Шквал». Дальнейшее было просто.

Ван Куна выследили и похитили люди Пруга. Затем включился в игру ВараЮ. Ему надо было обезвредить Андрея Брюса и капитана корабля, убедить всех, что археолога утопили в озере грабители.

Стрелял в Андрея агент ВараЮ. Только у агентов ВараЮ были стрелки со стертым клеймом. Стража нового времени не нуждается в старинных правилах чести...

За минуту, проведенную во внешнем бездействии, ВараЮ мысленно пробежал по всей цепочке событий и попытался заглянуть в будущее. Если «Шквал» стартует сейчас с Ар-А, завтра он будет здесь.

Хоть офицер, который мог дать на него показания военным, ликвидирован, все равно в ближайшие часы или минуты армия вмешается в события. Следует оттянуть выступление армии до завтрашнего утра, а если не удастся этого сделать, то хотя бы сохранить силы. А корабль «Вациус» не должен знать, где «Шквал». Пускай он идет сюда. Все вычислено. У ВараЮ тоже есть помощ-

ники, которые умеют считать. «Вациус» достигнет космодрома завтра в полдень. Он опоздает. Но если он пойдет к Ар-А, то окажется там уже к утру — так судьба расположила планеты на орбитах в тот день. Удачно расположила для того, кто выигрывает. Плохо для проигравшего. И все же — рискнем.

— Рискнем, — сказал ВараЮ и нажал на кнопку на пульте машины. — Готовы? — спросил он.

— Готовы, — ответили ему.

— Вперед, — сказал ВараЮ и велел водителю вести машину наверх, на холм Бесподобного Чуда, откуда был виден космодром.

* * *

— Он сейчас придет сюда, — сказал доктор.

— Я тоже так думаю, — согласился Андрей. — Он волнуется, он ждет возвращения вездехода. Он не знает, чем все кончится. Если провал, ему лучше, чтобы мы ни о чем не подозревали. Если трудно, лучше знать, что мы замышляем. Или даже...

— Что?

Андрей улыбнулся:

— Или даже помочь нам, толкнуть нас на отважные действия. Как друг и союзник.

— Не понял.

— Чего мы от него ждем?

— Подлости.

— Вы не правы, мой любезный доктор. Мы ждем от него помощи. Мы не подозреваем, кто он на самом деле и какова его роль в этой истории. Значит, мы сейчас с вами мечемся в неизвестности и нетерпении. Терзаемся, к чему бы приложить руки, как бы вернуть Космофлоту похищенный корабль, как бы остаться живыми.

— Но сейчас его постигнет горькое разочарование, — сказал доктор, предвкушая разоблачение предателя. — Если позволите, я сам ему все выскажу.

— Не позволю, — мягко возразил Андрей.

— Вы не скажете ему?

— Знание — самое ценное добро во Вселенной. Знание тайное — одна из основных ценностей войны, мой дорогой доктор. Чем меньше он знает, чем больше мы с вами знаем, тем выгоднее наша позиция.

— Я не согласен с вами, — сказал доктор возмущенно. — И я полагаю, что ниже нашего достоинства играть в прятки с этими существами. С убийцами. Наше человеческое достоинство мы

можем поддержать, лишь будучи совершенно искренними. В ином случае мы опускаемся на их уровень. И перестаем быть самими собой.

— Я, простите, на службе, — ответил Андрей. — Мне нужно сохранить имущество Космофлота и жизнь людей. Если мне для этого придется пойти на временный союз с чертом, я, к сожалению, пойду на него. Ведь я в отличие от вас не герой.

Доктору в словах Андрея почудилась насмешка. Никто не любит, чтобы над ними посмеивались.

— Я не люблю цинизма, — сказал доктор.

— Я не могу вам приказать, — сказал Андрей. — Но я обращаюсь к вашему разуму. Может быть, мой, позорный в ваших глазах, союз с ДрокУ поможет нам обрести некоторую свободу передвижений по кораблю. Мне это очень важно. Мне бы очень не хотелось сидеть взаперти в каюте, как принципиальному индюку, обреченному быть украшением на чужом обеде...

И, увидев, что доктор покраснел от обиды, Андрей быстро добавил:

— Не обижайтесь. Я не имел вас в виду. Я хочу добавить для вашего сведения, что намеревался жениться на девушке по имени ПетриА. Она уроженка Пэ-У. В день нашего вынужденного отлета ее убили. Вот эти люди.

— Кто? — спросил доктор.

— А я взял на себя смертную месть. От имени ее семьи. Есть такой дикий первобытный обычай...

— Кто ее убил? Пруг?

— Нет, Пруг был у себя... и это сейчас неважно.

ДрокУ вошел, по-мальчишески улыбаясь.

— Друзья, — сказал он, осторожно прикрывая дверь за собой и начиная играть роль тайного друга, — обстановка тревожная, но не безнадежная.

* * *

Бродяги лежали по краям поля, лежали уже давно, подползали все новые, и когда они поднялись и побежали, казалось, что из желтой стены пыли поднимаются сонмы оборванных, грязных, дико ревущих фигур.

В этой толпе большинство были и в самом деле бродягами, могильщиками, ворами, нищими, которых купили даровой выпивкой, несколькими монетами. Однако организовывали толпу, вели ее и несли взрывчатку агенты стражи. Но одеты все были по-настоящему — в рубища, обшитые ракушками у бродяг, кос-

точками у помойщиков, камешками у могильщиков, осколками стекол у воров и обломками лезвий кинжалов у грабителей.

Солдаты, утомленные бесконечным стоянием на солнце, обалдевшие от зноя, растерялись и опоздали открыть огонь. Один из них упал, застреленный из толпы, остальные побежали к зданию диспетчерской.

С холма ВараЮ было плохо видно, что происходит. Дул ветер. поднятая ветром и сотнями босых ног пыль кружилась над полем.

Ольсену все было видно куда лучше. Он после ночного пожара был почти убежден, что кто-то постарается обязательно уничтожить и эту радиостанцию. Более того, он был уверен, что этот человек — один из тех, кто звонил и сочувственно интересовался, как идет ремонт связи.

Ветер оторвал пластиковый занавес, и сверху были видны быстро приближающиеся фигурки. Солдаты, отстреливаясь, уже подбегали к диспетчерской.

— Врубай аппаратуру! — крикнул Салиандри связисту, который еще что-то подпаивал в схеме.

— Две минуты! — крикнул тот. — Жан, помоги.

Штурман бросился к нему.

Выглянув, Ольсен увидел, как двое солдат встали на колени перед входом в диспетчерскую и прицелились в толпу. Может, кто-то и упал от их выстрелов, глухо прозвучавших над полем и утонувших в воплях бродяг, но это не замедлило общего бега толпы.

Один из пилотов приоткрыл пластиковый занавес с другой стороны.

— Они уже близко! — крикнул он.

— Наверх! — закричал сверху Ольсен солдатам. — Идите сюда.

Солдаты услышали. Они поняли, что Ольсен прав. Они поднялись и побежали к лестнице. Один из них упал. Потом он приподнялся и пополз ко входу. Ольсен метнулся было ниже, чтобы помочь ему, но его удержал Салиандри:

— Не успеете.

Салиандри был прав — толпа уже настигла и поглотила солдата. Остальные солдаты бежали вверх по лестнице.

Салиандри крикнул Жану, который все еще не включил рацию:

— Передашь связь консулу! Я буду на лестнице.

За Салиандри побежали еще трое пилотов. Четвертый остался с Жаном, помогая начать связь.

Рев толпы приблизился и стал так громок, что трудно было

говорить. Ольсен еще раз выглянул в окно и не успел увернуться — у самого уха просвистела пуля; стрелял кто-то из задних рядов. Камень, брошенный рыжим вором в серой рубахе, увешанной остриями кинжалов, попал Ольсену в висок, и он, схватившись руками за голову, начал оседать на пол. Но никто не заметил этого.

В общем грохоте и суматохе каждый старался заниматься своим делом, если можно было считать делом то, что Салиандри подхватил ружье у упавшего на лестнице солдата и стрелял вместе с оставшимися в живых, целясь по ногам. Солдаты не раздумывали о том, куда целиться, — они были напуганы, но понимали, что, если они сдадутся, их тут же растерзают.

Гул нарастал — нападающие распаляли себя проклятиями в адрес трусливых крыс, но движение застопорилось, тем более что солдаты пришли в себя и их выстрелы стали куда точнее. Да и на узкой лестнице превосходство в числе пропало.

С холма ВараЮ видел, как кольцо людей стягивалось к диспетчерской. Вот оно слилось с башней и начало втягиваться вглубь. Он успокоился. Все шло по плану. Главное, не только разрушить связь, но и убедить всех, что нападение — дело городских преступных кланов. Пускай кое-кто и заподозрит, что именно он стоял за этим нападением, но нужны более веские обвинения, чем подозрения в связях с преступниками.

ВараЮ ждал взрыва. Он не спешил. Если не удастся со взрывом, бродяги должны разнести в щепки аппаратуру. Земных пилотов он не приказывал убивать. Но и не приказывал щадить их. Ему было все равно.

— Есть связь! — закричал Жан, отрываясь от передатчика. Ему хотелось, чтобы Ольсен скорее связался с «Вациусом», потому что он опоздал к первому бою и боялся пропустить второй.

И тут Жан увидел, что толстенький пожилой консул, у которого ночью сгорел дом, лежит на полу скорчившись, прижав к голове руки, а сквозь пальцы льется кровь.

— Держи связь! — крикнул Жан своему помощнику и бросился к консулу.

Он постарался оторвать его пальцы от головы, но тот сопротивлялся.

— Вы живы? Да отвечайте же, вы живы?

— Скажи ему... — Ольсену казалось, что он кричит, а он говорил чуть слышно. — Скажи ему — планета Ар-А. «Шквал» на Ар-А. Он поймет...

Жан понял, чего хочет консул. Он метнулся обратно к рации.

— Работает! — крикнул ему напарник.

Жан схватил микрофон.

— «Вациус», вы меня слышите? Дайте подтверждение связи!

Он услышал шум схватки у самой двери — головы отступающих пилотов показались на лестнице. Ему некогда было ждать подтверждения связи. Он закричал в микрофон, как будто от силы голоса зависело, поймут ли его:

— «Шквал» на планете Ар-А. «Шквал» на планете Ар-А!

И он повторял эту фразу до тех пор, пока его не сразил выстрел из духовой трубки.

* * *

Капитан «Вациуса» получил от радиста короткую радиограмму, пришедшую с Пэ-У. Он прочел ее и спросил:

— Связь оборвалась на этой фразе?

— Больше они ничего не передавали.

— Спасибо. Мы идем правильно. Вызовите ко мне инженеров, я хочу увеличить скорость.

Скорость было нельзя увеличивать, корабль шел на пределе. Дальнейший разгон не предусматривался строгими инструкциями Космофлота. Через час скорость была увеличена еще на тысячу километров в секунду.

* * *

— У меня мало времени, — сказал ДрокУ. — Вернулся вездеход с оружием. Но я могу помочь в одном, хоть это может стоить мне головы, — я могу помочь всем вам бежать с корабля.

— Зачем? — спросил Андрей, улыбаясь не менее дружелюбно, чем ДрокУ, к великому возмущению доктора, который, чтобы не выдать себя, ушел во внутренний отсек проверить приборы анабиотической ванны, в которой лежал Витас Якубаускас.

— По очень простой причине. Я убежден, что Пруг вас всех убьет до того, как корабль поднимется вверх.

— Почему вы так решили?

— Я его лучше знаю. — ДрокУ стал серьезен. — На его совести немало смертей, и если мы его не остановим, то трагедия может принять громадные размеры.

— Как мы его остановим, уйдя с корабля?

— Ни мне, ни вам это не под силу. Мы ничего не сделаем против двух десятков преданных ему охотников. У нас нет шансов. Пруга ждут на Пэ-У. Туда сейчас подходит корабль «Вациус». Охрана и армия мобилизованы. Он будет обезврежен на подлете к планете.

— Откуда у вас такая информация?

— Я слышал переговоры кораблей с Пэ-У.

Это было неправдой, и ДрокУ настороженно взглянул на Андрея, проверяя, пройдет ли ложь. Андрей сделал вид, что пропустил эти слова мимо ушей. Вряд ли Пруг захочет терять ценных заложников. Но ДрокУ не хочет оставлять на корабле свидетелей, но и не смеет их убить. Уведя с корабля пленников, ДрокУ подстраховывается на случай провала. Он только спасал. Он никого не убивал.

— Глупости, — сказал доктор из-за перегородки. — Брюс может уходить. Я член экипажа. У меня на руках больной.

Он показал на внутреннюю дверь.

— Когда вас убьют, — сказал ДрокУ, — больному будет все равно. Его тоже вряд ли оставят в живых.

— Я все сказал, — отрезал доктор и быстро ушел в госпиталь.

ДрокУ развел руками.

— Я сделал все, что мог, — сказал он с искренней печалью в голосе. — Вы тоже остаетесь?

— У каждого свое понимание долга, — ответил Андрей. — Я пойду к себе в каюту.

Они вышли вместе.

ДрокУ был так занят своими мыслями, что даже не обернулся, чтобы проверить, куда идет Андрей.

У двери своей каюты Андрей задержался. Он подождал, пока ДрокУ отойдет подальше, а потом пошел следом. Он поддался непростительному, но непреодолимому любопытству. Ему хотелось поглядеть на добычу Пруга.

* * *

ВараЮ первым увидел пылевую тучу — к космодрому шли боевые машины. Он лишь кинул взгляд в ту сторону. Большая часть его наемного войска уже скрылась в диспетчерской башне, и, значит, бой там кончается. Боевым машинам не успеть. В любом случае бродяги с удовольствием выполнят главную задачу — разнесут вдребезги эту проклятую станцию.

Больше ему здесь нечего делать. И чем дальше он окажется от космодрома, когда им овладеют солдаты, тем спокойнее. Тем более что формально в данный момент ВараЮ играет в мяч в доме высокопоставленного торговца, человека выше подозрений.

Двойник ВараЮ, замещавший его на время отсутствия, был подобран достаточно точно, чтобы обмануть случайного наблюдателя.

ВараЮ приказал водителю ехать к городу. Но машина еще не успела тронуться, как ВараЮ, оглянувшись, замер. Этого он не ожидал. Три вертолета подлетали на бреющем полете к диспетчерской. Это были армейские машины. Во-первых, ВараЮ не ожидал, что их перегонят с армейской базы в трехстах километрах от столицы. И если Его Могущество приказал поднять машины еще утром, значит, он догадывался или даже знал о нападении на диспетчерскую.

Машина уже съехала с холма, отделившего ее от космодрома, и ВараЮ не видел, как десантники спрыгивали на крышу диспетчерской и перекрывали выходы из нее.

ВараЮ велел гнать к своему убежищу. Алиби с мячом в этой ситуации могло оказаться наивным.

* * *

Десантники успели ворваться в диспетчерскую как раз в тот момент, когда толпа бродяг одолевала последних защитников и бросилась с буйным возбуждением громить станцию. Это, возможно, и спасло пилотов и солдат, по крайней мере, отсрочило их гибель настолько, что десантники могли достичь диспетчерской и отвлечь бродяг и агентов ВараЮ.

Ольсен, сжавшийся в углу и пытавшийся стереть с глаз кровь, лившуюся из разрезанного лба, воспринял это как продолжение кошмара. Десантники были одеты в ярко-оранжевые камзолы, синие короткие юбки и высокие белые сапоги. Поверх камзолов были натянуты золотые кирасы, а остроконечные каски имели небольшие забрала, закрывающие лишь лоб и глаза. И когда они чертями, рыцарями, шутами полезли одновременно со всех сторон, Ольсен, забыв о том, что к груди его буквально приставлен нож грабителя, закричал:

— Слава клану РасеньЮ, приходящему на помощь тем, кто терпит притеснение! — что было точной цитатой из старинного сказания «РасеньЮ и демоны жадности».

Понятие плена еще не привилось на планете Пэ-У. Об этом отлично знали и бродяги, которые значительно превосходили числом десантников. И отчаянно дрались, хотя и понимали свою обреченность. Более сообразительными были агенты ВараЮ, которые в суматохе постарались скрыться, но в большинстве

скрыться не смогли, потому что, выбегая из диспетчерской, они попадали под огонь боевых машин.

Станция была вновь разрушена. Двое пилотов ранены, причем Салиандри тяжело. Рана Ольсена оказалась легкой. И Елена Казимировна сама, не доверяя местным врачам, ее промыла и обработала.

* * *

Андрей остановился в воротах грузового отсека, где разгружали большой вездеход. Он почти не таился — было не до него. Наступил миг свершения. Оружие гигантов, с помощью которого можно достичь славы и власти, было не только найдено, но и захвачено.

Пруг пришел туда как раз перед Андреем. Он подошел к самой машине, к распахнутому грузовому люку. Воины вытащили оттуда первую бомбу. Из черного металла короткий кургузый цилиндр на низкой тележке. Воины вытаскивали сокровища осторожно, причем Андрей внутренне улыбнулся, обратив внимание на то, как произошло естественное деление на причастных и случайных. Те, кто остался на корабле и не участвовал в походе к арсеналу, как бы отступили на второй план. Им даже не дали помочь в выгрузке, словно новое таинственное Знание принадлежало лишь участникам похода. Даже ВосеньУ, который никогда прежде не отличался смелостью в присутствии Пруга, на этот раз громче обычного распоряжался, подгоняя воинов, и был похож на торговца, который прибыл из дальних краев.

Андрей и сам, не отрываясь, глядел, как на пол перед вездеходом выкладываются трофеи. Там было две бомбы. Три пулемета либо схожих с пулеметами предмета. Большая труба — возможно, миномет. Несколько ящиков с патронами. Пистолеты, ружья. Две кассеты со снарядами, но неизвестно, каким образом эти снаряды пускать в действие. И еще множество вещей, явно военного, но непонятного назначения.

Победители стояли широким полукругом, обозревая сокровище, которое даст им власть над планетой. Горцы показались вдруг похожими на стаю обезьян, ограбивших библиотеку.

Андрей незаметно ушел. И пока готовились к отлету, сломал замок своей каюты. Он надеялся, что в суматохе отлета никто не вспомнит о нем. Но не хотел рисковать.

* * *

Археологи потеряли много времени, потому что амляк был жив, но тяжело ранен. Эльза отказалась оставить его на верную смерть, а мужчины не могли бросить ее без охраны, раз рядом таился убийца.

Пока Эльза с помощью Фотия пыталась спасти амляка, Браун и Львин поднялись на развалины, но никаких следов убийцы не нашли.

Потом из развалин вылезли другие амляки. Они сели в кружок и тихо скулили. Они знали, что их сородич умрет.

Амляк умер. Эльза ничем не смогла ему помочь.

Именно поэтому, когда археологи подъезжали к кораблю, он вдруг начал медленно расти, как гриб, поднимающийся из земли. Движение его ускорилось. Он взлетал.

— Что же теперь делать? — спросил Фотий ван Кун. — Мы же хотели их задержать.

— Сначала, — сказал рассудительный Львин, — надо будет привести в порядок нашу станцию. А это нелегко сделать.

— А потом, — добавил Тимофей, — мы будем работать, как обычно, и ждать вестей.

Они стояли, глядя в небо. Корабль был красив, он был воплощением человеческого умения и таланта. Но летел он для того, чтобы убивать.

Где-то далеко завыли волки. Они вышли на вечернюю охоту.

* * *

КрайЮ вылез из кустов, когда убедился, что археологи ушли. Он был уверен, что его младший брат обязательно придет за ним, чтобы позвать обратно на корабль, но, когда надвинулся вечер, у него появилось подозрение, что о нем забыли. Он всей шкурой ощущал, что его забыли. Он несколько раз вызывал корабль, но ему не отвечали.

Предвечерний город был настороженно тих. КрайЮ хорошо ориентировался и представлял себе, в какой стороне корабль. И он пошел туда быстрыми мерными шагами охотника. Он шел так, чтобы оставить в стороне станцию археологов, и из-за этого ему пришлось переплыть реку и потом углубиться в лес. Там его и почуяли волки, которые проснулись и собирались в стаю для ночной охоты.

КрайЮ заметил их, когда пробирался сквозь лес. Он побежал. На поляне он оглянулся и понял, что если не успеет добежать до

корабля, то они его растерзают. Это были сильные звери, таких не было на Пэ-У.

Волки настигли его у опушки леса, и КрайЮ убил одного из них кинжалом. Пока волки терзали мертвого собрата, он снова оторвался от них. Они настигли его снова в полукилометре от корабля. Когда он истратил последнюю стрелку, он увидел, как корабль поднимается в небо. И он понял, что остался совершенно один и ему придется скоро умереть. Но он еще сражался. Он был живуч и крепок.

Он повернулся к станции археологов, надеясь укрыться там.

Он бежал, проклиная корабль, Пруга, ВосеньУ — всех, кто оставил его. Он проклинал даже своего любимого брата, который не вернулся за ним, совершив тем страшное преступление против кровного единства. Он не знал, что его младший брат мертв.

Волки настигли его вновь, и он убил еще одного. Но был ранен и стал слабеть.

Наконец волки накинулись на него всей стаей. КрайЮ дрался с ними руками, зубами, он сражался, даже когда любой другой человек упал бы от ран и умер. И он закричал только перед самой смертью, когда они повалили его на землю.

* * *

Подъем совершался на пределе возможностей «Шквала» — по максимальной программе. В какой-то момент Андрей даже подумал, как глупо будет погибнуть из-за того, что ВосеньУ плохо учился.

Андрей выбрался в коридор и достиг узла связи именно в тот момент, когда силы окончательно оставили его. Он чуть не рассчитал и вышел слишком рано.

Добравшись до кресла, он опустился в него и стал считать до ста, чтобы восстановить способность думать. Он надеялся, что никто еще не пришел в себя настолько, чтобы ему помешать. Медленное движение руки, чтобы включить передатчик. Второе — приемник. Стало куда легче. Первая стадия разгона завершена. «Шквал» корректирует орбиту. ДрокУ занят на мостике. Пруг еще недееспособен. ВосеньУ нечего делать в узле связи... Андрей утешал себя. От успеха его начинания сейчас могло очень многое зависеть.

Включилась автоматика вызова.

— «Шквал», — твердил «Вациус», — «Шквал», вас вызывает «Вациус».

Автомат повторял эти слова уже третий день.

Теперь настройка. Он не помнил позывных «Вациуса». Когда-то он знал наизусть все частоты грависвязи, все позывные кораблей Космофлота. Позывные меняли редко... Пальцы его сами выбрали код. Включили передатчик. Теперь приемник. Нет, он настроен на чужую станцию — только статика. Может, это станция ВараЮ, но сейчас он нас не интересует.

Первым ожил приемник. Механическим голосом автоматического вызова:

— Корабль Космофлота «Шквал». Вас вызывает «Вациус». Корабль Космофлота...

Затем с запозданием на полторы секунды загорелся индикатор передатчика.

Мгновенность распространения гравитационных волн во Вселенной не безусловна. Запоздания в распространении связаны с кривизной пространства, и на значительных расстояниях эта связь может стать ненадежной. Но «Вациус» был очень близко, даже не в галактических масштабах.

— «Вациус», — заговорил Андрей, склонившись к сетке микрофона, — вызывает «Шквал». Вы меня слышите?

— Я вас отлично слышу! — раздался голос, и в тот же момент спиной Андрей почувствовал движение воздуха — кто-то входил в рубку.

— Запомните! — Андрей почти крикнул, потому что всей спиной, всем телом напрягся в ожидании удара кинжалом. — Не высаживайтесь на «Шквал»!

Крепкая, вся в кольцах рука ДрокУ нажала на клавишу, прервав связь.

ДрокУ был бледен — видно, перегрузки ему тоже обошлись нелегко. Он рванул на себя кресло, и то повернулось так, что Андрей оказался спиной к пульту и лицом к ДрокУ.

— Почему вы оборвали связь? — Андрей постарался подняться, но у ДрокУ было преимущество — он стоял. Коротким ударом по плечу он заставил Андрея остаться в кресле.

— Мы же договорились, — сказал он, — что согласовываем наши действия. Вы можете все погубить.

— Я не уверен, что мы с вами союзники.

— Если бы я был врагом, я бы убил вас минуту назад. Никто бы вас не пожалел. Достаточно мне сказать Пругу, что вы старались связаться с «Вациусом», — и вас не существует.

«Хорошо, — подумал Андрей, — мы не хотим разоблачения, хоть и подозреваем неладное».

— Тогда объясните.

— Вы вышли из каюты без разрешения, пользуясь моим по-

кровительством, — сказал ДрокУ. — И решили поставить под угрозу все предприятие. Я же говорил вам — на Пэ-У нас ждут. Ничего не выйдет у Пруга. Ничего. Ваше дело сидеть и молчать, а не вызывать смерть на себя. Ваше счастье, что появился я, а не Пруг.

Андрей чуть отклонился назад, чтобы прыгнуть. Но в последний момент его взгляд упал на приоткрытую дверь — в ней стоял воин, недвусмысленно направив на Андрея духовую трубку. Воин не понимал разговора, но знал свое дело.

— Что вы успели сказать «Вациусу»? — спросил ДрокУ.

— Вы же слышали — ничего. Вы не дали...

— Когда я вошел, вы были на связи и успели сказать несколько слов на непонятном языке.

— На их языке, — сказал Андрей. — Я сказал, что выхожу на связь — жест вежливости. Я стажировался на их корабле.

— Хорошо, — сказал ДрокУ. Он явно спешил. — Постараюсь поверить, что вы не успели ничего напортить. И прошу в будущем не мешать — это наша задача обезвредить преступников. Ясно? Если я увижу вас еще за тайными интригами, я вас не пожалею. И клянусь, что всегда смогу объяснить вашу смерть случайными причинами.

Андрей ушел без спора. И настолько быстро пошел по коридору, хоть перегрузки еще были двойными, что воин не смог за ним поспеть и прикрикнул, чтобы он не убегал.

Андрей спокойно открыл дверь в медпункт и вошел туда так, словно он там и живет. Его расчет был правильным — воины уже запутались, куда надо загонять этих беспокойных пленников.

Доктор уже поднялся с кресла и возился в заднем помещении, проверял, все ли в порядке у Витаса.

— Что нового? — спросил доктор. — Вы были у Пруга?

— Я пытался связаться с «Вациусом», — сказал Андрей, включая интерком. ДрокУ сидел в кресле, вызывая Пэ-У, но ему не отвечали.

— Зачем? — спросил доктор.

— Чтобы предупредить их. Чтобы они не сближались с нами.

— Мне ваше поведение иногда кажется буквально загадочным, — сказал доктор.

— Вы забыли о том, что отлично знаете. «Вациус» — невооруженный гражданский лайнер. Команда его — совершенно штатский народ, никогда не принимавший участия в племенных войнах. Вы хотите, чтобы их просто перебили? ДрокУ и Пругу этого очень хочется. Еще бы, захватить сразу два корабля гражданской авиации — это больше чем успех.

— Но если их не остановить... там бомбы и другое оружие...

— Давайте не думать о бомбах в грузовом отсеке. Мне кажется, что главную опасность они представляют для нас с вами. Планета Пэ-У не пострадает.

* * *

На «Вациусе» приняли две гравиграммы, которые кое-что прояснили, а кое-что запутали. А капитан «Вациуса» не выносил неясности.

Одна гравиграмма пришла с космодрома на Пэ-У. Прием был ненадежный, напряжение поля все время колебалось, словно станция была плохо настроена.

Гравиграмма сообщала лишь о том, что «Шквал» ушел к Ар-А. После этого связь оборвалась. Но так как эта гравиграмма только подтверждала то, о чем догадался сам капитан, то он отложил ее в сторону.

Вторая гравиграмма пришла вскоре после первой. Она была куда более загадочной. Ее источником оказался корабль «Шквал», находящийся, как известно, в руках пиратов. Она почему-то предупреждала, причем, что самое фантастическое, на языке капитана, чтобы он ни в коем случае не высаживался на «Шквале».

Но для целей капитана «Вациуса» вторая гравиграмма была куда более интересной и многообещающей. Она позволила запеленговать «Шквал» и убедиться в том, что корабль поднялся с планеты Ар-А и взял курс на Пэ-У. Если цель его — как можно скорее добраться до Пэ-У, а шел он по оптимальной траектории и на пределе скорости, то можно высчитать с точностью до секунды, где и когда можно будет его перехватить. Эта точка была высчитана компьютером и сообщена капитану через шестнадцать секунд после связи Андрея с кораблем. И капитан смог сообщить по интеркому своему экипажу, который в нетерпении ждал вестей, что через час двадцать минут плененный корабль «Шквал» будет в пределах прямой видимости.

Капитан «Вациуса» объявил на корабле тревогу. Он никак не мог понять, кто и почему хотел связаться с ним со «Шквала». Те, кто захватил корабль, хранили молчание и на постоянный вызов не отвечали. Поэтому вернее предположить, что в радиорубку проник кто-то из экипажа, а если так, то обрыв связи означал, что его застали в рубке. Поэтому он предпринял следующие действия:

приказал развернуть лазарет и направил к доктору корабля двух помощников;

приказал на камбузе приготовить диетический обед на двенадцать человек — во столько он оценивал число членов экипажа «Шквала»;

велел — он был предусмотрителен — очистить две большие каюты и соорудить на них внешние запоры, чтобы использовать их для изоляции бандитов, захвативших корабль;

собрал своих помощников, чтобы выяснить, что делать — на случай, если бандиты будут сопротивляться.

Гражданские пилоты Вселенной — народ бродячий, и их работа не только связана с постоянными длительными отлучками, но и с постоянной опасностью, которая не очевидна для пассажиров или случайных людей. Но, поднимаясь в космос, каждый пилот знает, что его корабль не более чем маковое зернышко в океане.

Вот эта оторванность от остального человечества, оторванность чисто физическая, рождает ощущение тесного братства между пилотами. Вряд ли найдется в Галактике категория людей, столь внимательно следящая за прочими членами содружества. Не так уж много лайнеров в Космофлоте, но все же их более ста. Многие космонавты знакомы между собой, у них излюбленные точки рандеву, свой фольклор и даже свои сплетни. И очень трудно проникнуть в этот мир пришельцу со стороны — сначала он должен пройти не один рейс звездными трассами.

Зато если кто-то из пилотов Космофлота попадает в беду, то на помощь ему сразу же придут все его собратья — все, кто в состоянии это сделать. Далеко не всегда это возможно — катастрофы в космосе чаще всего мгновенны и никого не оставляют в живых. Но бывают и исключения.

Ведь когда четыре года назад такая беда случилась с кораблем капитана Андрея Брюса, то он остался жив только потому, что корабль «Восток» под командой Витаса Якубаускаса, приняв сигнал бедствия, смог прийти тогда ровно за два часа до того срока, который был рассчитан компьютером, и за двадцать минут до того, когда было бы поздно.

Неудивительно, что в минуты, когда «Вациус» подходил к точке рандеву со «Шквалом», радиоотсек буквально гремел вопросами, советами и предложениями помощи. Тем более что на «Шквале» оказалось сразу два известных всем капитана — Брюс и Якубаускас.

* * *

ДрокУ сидел в кресле пилота. ВосеньУ в соседнем кресле. Они молчали. Потом ВосеньУ спросил:

— Можно я задам вам вопрос?

— Да.

— Если мы прилетим и все будет в порядке, как мы кинем бомбу?

— Откроем люк и кинем, — ответил ДрокУ быстро.

— А если она не взорвется?

— Важно, чтобы все знали, что у нас бомба.

— А если не взорвется?

— Значит, кинем вторую, — сказал ДрокУ.

Они снова замолчали.

* * *

Боль возникла вдруг — боль от образа: ПетриА лежит на диване, и ее волосы касаются пола. Он так явственно увидел это, что зажмурился от боли и от стыда перед ПетриА, потому что он мог забыть о ней.

На корабле ее убийца. И не так важно, кто из них убил. Просто для них это убийство — маленький эпизод, о котором они завтра не вспомнят, если не будут бояться мести. И погибли другие люди, которые ни в чем не провинились перед ними, но невольно им помешали.

Власть — это убийство людей ради того, чтобы получить безнаказанную возможность убивать дальше. Власть ради власти. Потому что никто из них не съест больше трех обедов и не наденет на себя больше трех одежд. Пруг лишь игрушка в руках спокойного, улыбчивого ДрокУ...

Неожиданно зазвучал зуммер. Включился экран интеркома. На нем было лицо ДрокУ.

— Если вам интересно, — сказал он, — то в пределах видимости появился корабль Космофлота. Каталог Сомова информирует, что корабль именуется «Вациус».

— Значит, все кончено?

— Сидите и ждите... Я сообщу.

* * *

Пруг пришел на мостик через три минуты.

Выглядел он плохо — видно, не оправился от перегрузок. А может, после вчерашних эскапад.

Он долго смотрел на экран. Потом спросил:

— А что за корабль? Патрульный крейсер?

— Нет, — сказал ДрокУ. — Это корабль Космофлота, называется «Вациус», гражданский лайнер. Скорость его ниже нашей.

— Мы можем уйти?

— Да, если сейчас изменим курс, то придем к Пэ-У раньше его. Компьютер уже рассчитывает новый курс.

Зажужжал компьютер, сообщая данные о новом курсе.

— На нем нет вооружения, — сказал Пруг. — Он лезет нам в руки.

— Да, — согласился ДрокУ.

— Глупцы, — усмехнулся Пруг. — Они не знают, с кем имеют дело.

— Снижаем скорость, — сказал ДрокУ, — и передаем сигнал бедствия. Хорошо, что мы готовы к такой возможности.

— В коридорах мы сильнее. И учти, Пруг Брендийский еще никогда ни от кого не бегал... ВосеньУ, ты останешься здесь подавать сигнал и следи очень внимательно, как они будут с нами сближаться. Как только они спустят с борта свой маленький корабль, сообщишь мне. Я буду готовить встречу. ДрокУ пойдет со мной. Как только все будет готово, я вернусь сюда.

Пруг был великолепен. Он широко двигал руками, и золотая тесьма на плаще сверкала под лампами мостика. Щеки его покраснели. Он помолодел. Он был воином, коварным, но отважным. И он шел в бой.

Пруг подтолкнул ДрокУ вперед, и тот первым вышел в коридор.

— Да, — сказал Пруг, вспомнив, — а где ДрейЮ?

— В каюте, — сказал ДрокУ. — Я проверял.

— Пошли воина, чтобы его привели ко мне, когда корабль будет совсем близко. Если на «Вациусе» будут сомневаться, заставим ДрейЮ позвать их на помощь.

* * *

Андрей остановился у небольшой двери в скафандровую. Некоторое время он стоял неподвижно, разглядывая скафандры и пытаясь себя уговорить, что это только скафандры, самые обыкновенные скафандры, и ничего более, что это не палачи — не то страшное, до чего он никогда в жизни не сможет дотронуться.

А там, снаружи, уже снижает скорость «Вациус», и его капитан уже приказал спустить планетарный катер.

И пилоты — среди них может быть кто-нибудь из его знакомых — уже готовятся к переходу на «Шквал».

Они, вернее всего, осторожны, но ни один из них не сталкивался с первобытными охотниками из Брендийского клана и не встречал наследника Брендийского весом в сто двадцать килограммов с нутром дикого кабана.

Андрей выбрал скафандр по росту и автоматически проверил, все ли на месте. Он пытался убедить себя в том, что надевает скафандр на всякий случай, на минутку, а потом снимет снова.

Скафандр привычно раскрылся, впуская в себя Андрея. Как гусеница в коконе. Теперь можно сделать шаг. Андрей не мог себя заставить сделать этот шаг, знал, что за первым шагом он обязательно сделает следующий. Никуда тут не деться.

Ему показалось, что до него донесся стук, — может, кто-то заметил, как он входил в скафандровую? Времени на размышления и переживания не осталось. В конце концов сотни космонавтов выходили наружу...

Андрей опустил забрало шлема, проверил, как поступает воздух. Затем быстро поднялся по трапу, прикрепленному к стене. Откинул служебный люк. И оказался в узком пространстве между оболочками корабля. Сюда нельзя по инструкции выходить без скафандра, так как, хоть контролирующие приборы сразу же подняли бы трезвон, здесь может быть утечка воздуха.

Пока Андрей, согнувшись, шел между оболочками, он все еще мог себя утешать, что и не собирается выйти наружу. До тех пор, пока не дошел до внешнего люка.

Люк скрывался за небольшим переходником. Им можно пользоваться лишь в экстренных случаях — для внешних ремонтов.

Андрей втиснулся в переходник. Переходник был знаком. Он ему снился уже четыре года.

Андрей закрыл за собой внутренний люк и замер. И понял, что ни за что на свете не сможет открыть внешний люк...

* * *

Четыре года и четыре месяца назад Андрей Брюс, один из самых молодых и известных капитанов Космофлота, на «Орионе» крейсировал возле планетки со странным прозвищем Кастрюля. Кто-то так назвал ее, вот и прижилось. Кастрюля была скопищем вулканов — плюющих, льющих, фыркающих... На орбитальной станции работали вулканологи и спускались оттуда для наблюдений и промеров.

Орбита была рассчитана верно, ничего не могло случиться, но случилось. Выброс газов с планеты достиг станции, потому что втрое превзошел допустимые величины, повредил двигатели станции, несколько человек из работавших на планете погибли — в общем, случилась беда.

«Орион» изменил курс, чтобы снять со станции вулканологов. Эвакуация прошла трудно, но закончилась благополучно. Правда, повредило внешние антенны.

В полете пришлось ремонтировать внешнюю обшивку и антенны. Капитану можно этим не заниматься, и никто от него не ждет такой работы, но народу на борту было немного, все были заняты вулканологами, среди которых было немало раненых и обожженных. Так что нет ничего удивительного, что ремонтом занимался и капитан.

Он работал вместе с механиком Браком. Они были снаружи примерно час. А потом механик Брак начал подавать сигналы бедствия. Сигналы проходили плохо, их не сразу приняли. Брак сообщил, что страховочный трос капитана лопнул по неизвестной причине и того выбросило в бездну.

Если бы Брак был внимательнее, ничего бы страшного не произошло — человек превратился бы в спутник корабля и далеко бы не отлетел. Ну, напугался бы, а потом бы его вернули домой.

На этот раз получилось так, что, когда трос лопнул, Андрея отбросило от корабля и он приобрел собственную скорость. Брак же потерял его из виду, даже не помнил направления движения капитана.

Корабль погасил скорость и начал маневрировать, стараясь найти капитана. Но размеры человеческого тела настолько ничтожно малы, что уже за несколько тысяч километров человек не регистрируется даже самыми чуткими приборами. А Андрей падал в бездну.

Он падал в бездну шестьдесят три часа. Он несколько раз умер, он пролетел невероятное количество километров и миров.

Шесть кораблей Космофлота и патрульный крейсер — к счастью, это случилось на оживленной трассе — искали его все эти шестьдесят три часа. И нашел его Витас Якубаускас.

Это была и счастливая случайность, и результат умения работать с компьютерами.

Когда Андрея подняли на борт, он был без сознания, он пришел в себя лишь на базе, через много дней, и долго не верил, что жив. Потому что слишком медленно и наверняка умирал.

После его выздоровления медики поняли, что травма на-

столько глубока, что Андрей уже никогда не сможет выйти в открытый космос. Даже на Земле он избегал выходить ночью, когда светили звезды.

Психически неполноценный человек не имеет права командовать кораблем и отвечать за жизнь других людей. Андрею предложили наземную работу. Он предпочел уехать из Галактического центра: ему не хотелось встречать бывших коллег, потому что он осуждал себя за этот синдром, считал его чем-то постыдным.

Именно поэтому, уже надев скафандр, потому что не мог его не надеть, он замер в переходнике, всем своим существом понимая, что не сможет заставить себя выйти наружу.

Он сосчитал до пятидесяти, потом еще до пятидесяти. Потом он подумал: «Если я сейчас выйду туда, где только звезды и пустота, я умру от страха. От позорного, липкого страха, который неведом ни одному человеку в Галактике, потому что никто, как я, не умирал в ней. Но если я не выйду, то из-за меня погибнут другие люди. И это хуже, чем смерть. Потому у меня нет выхода».

И он открыл люк онемевшей рукой, как будто нажимал на курок пистолета, поднесенного к виску. Потом крепко схватился за скобы на корпусе корабля и по пояс выбрался наружу. Он не смотрел вверх, а только вперед, на покатую китовую спину корабля.

Ему предстоял длинный путь. Ему надо было добраться по скобам до внешней антенны, которая контролировала подходы к кораблю и пространство вокруг люка, а затем и до люка, причем на втором участке скоб не было.

Андрей — автоматизм, глубоко укоренившийся в мозгу, не отказал — прикрепил к краю люка страховочный конец, которого должно было хватить, и пополз по скобе, не отпуская руки, пока не схватился за следующую скобу. Близко, у самых глаз, плыл металл корпуса.

Его никто не видел, потому что Пруг, который готовил засаду, еще не вернулся на мостик. ДрокУ был с ним, а ВосеньУ не включал внешний обзор. Он смотрел только на главный экран, на котором медленно вырастал «Вациус». Он увидел, прежде чем вернулся Пруг, как в боку корабля открылся люк и из него медленно выполз планетарный катер. До корабля было более тридцати километров, но на экране казалось, что это происходит совсем рядом.

Поэтому Андрей незамеченным добрался до антенны — небольшой выпуклости в корпусе корабля, прикрытой сверху прозрачной керамической крышкой. Он свинтил крышку и молотком, который был приторочен к ремонтному скафандру, одним сильным ударом разбил принимающее устройство.

Как раз в это мгновение вошедший обратно на мостик ДрокУ обругал зачарованно глядевшего на катер ВосеньУ и включил антенну ближнего вида. На секунду на экране сверкнули звезды, и тут же экран погас.

— Этого еще не хватало! — сказал ДрокУ.

Он нажимал на клавиши, стараясь понять, что случилось, потом запросил компьютер, и компьютер сообщил, что антенна разбита.

А в эти секунды Андрей уже полз к входному люку. Здесь скоб не было, и Андрей понимал, что в любой момент его может отнести от корабля, особенно если они решат совершить маневр. На полпути к люку он замер, потому что сердце колотилось со скоростью двести ударов в минуту, и Андрей понял, что он — первый трус во Вселенной. В наказание он заставил себя поднять голову. И, к собственному удивлению, увидел плывущий неподалеку, царственно могучий и сверкающий точками прожекторов, которые включили, чтобы осветить «Шквал», корабль Космофлота «Вациус». В лучах прожекторов к входному люку медленно спускался планетарный катер.

Планетарный катер был уже буквально в нескольких десятках метров от «Шквала», и Андрей поспешил к нему, чтобы успеть предупредить пилотов о том, что им грозит.

Резкое движение оторвало его от обшивки и понесло вверх. И все началось снова... вся смерть... все шестьдесят три часа...

В этот момент его заметили с катера, и капитан «Вациуса», еще не зная, что означает появление человека на обшивке «Шквала», приказал двум пилотам встретить этого человека.

Что-то дернуло Андрея. И он пришел в себя. И даже понял, что это страховочный трос.

Открытый люк планетарного катера был совсем близко, и оттуда вылетали люди в скафандрах высокой защиты с реактивными двигателями. Двое из них полетели к Андрею.

Один из них, штурман «Вациуса», сразу узнал Андрея. И сначала даже не удивился, потому что забыл в этой суматохе, почему Андрея списали с корабля.

Андрей тоже узнал его. Он включил микрофон и сказал:

— Подождите входить. Там засада.

Он говорил совершенно спокойным голосом, как будто встречал гостей на обшивке корабля.

Капитан «Вациуса», следивший из катера, тоже узнал Андрея.

— Андрей Брюс? Ты почему здесь?

— Они подготовили засаду, — сказал Андрей.

Он непроизвольно держался рукой за рукав скафандра штурмана с «Вациуса». Он снова начал бояться. Нельзя было глядеть на звезды, надо смотреть вниз, на твердую и надежную поверхность корабля.

— Какая засада?

— Они не видят нас, я сбил внешнюю антенну близкого обзора, но они ждут. За переходником, чтобы перебить поодиночке, когда будете входить. У них топоры и бластеры.

— А как остальные? Где остальные? — спросил капитан. — Раненых нет?

— Здесь еще доктор Геза и Витас Якубаускас. Он ранен. Тяжело.

— А остальные?

— Некоторые остались на Пэ-У. Висконти погиб.

— Его убили? — Андрей не узнал голоса. Спрашивал кто-то из тех, кто был в планетарном катере. Все слушали этот разговор.

— И хотят убить вас. Вы не понимаете, что это за существа. Это другой мир.

— Тогда не будем терять времени даром. Я начинаю высадку, — сказал капитан «Вациуса».

— Вы меня не поняли?

— Андрей, — сказал капитан, — мой десант в кремниевых скафандрах высокой защиты. Мы тоже думали. Никто не снимет скафандров. Понял? Ты пробовал выстрелить в него из бластера? Или ударить топором?

— А у вас есть оружие? — спросил Андрей.

— С оружием все в порядке, — сказал капитан. — У нас на борту была группа охотников. Туристы. Мы конфисковали анестезирующие пистолеты. Валят дракона. Переходи к нам на борт, Андрей, — сказал капитан. — Будем проситься в гости.

Андрей перешел на планетарный катер.

Штурман «Вациуса», его старый знакомый, крепко взял его под руку. Второй космонавт отстегнул страховочный трос. Они резко подхватили Андрея, и он в мгновение оказался в открытом люке планетарного катера. Только потом, восстановив в памяти события того часа, он понял, что все помнили о его болезни. И штурман, и капитан, который вышел к люку, чтобы подхватить его.

И когда люк был закрыт, Андрей поздоровался с десантом с «Вациуса» — они сидели в креслах одинаковые, словно статуи, в тяжелых скафандрах. Одинаковые шлемы повернулись к нему. Капитан указал на пустое кресло рядом со своим.

Через пять минут катер двинулся вновь и, коснувшись корабля, дал сигнал прибытия.

Откроют ли? Или испугались?

Люк отошел в сторону, и магнитные захваты втянули планетарный катер внутрь «Шквала».

Шлюзовая была пуста.

— Приготовиться, — сказал капитан, следя за приборами. В шлюзовую поступал воздух. Давление уравновесилось.

Рядом стоял катер со «Шквала».

— Где же они? — спросил капитан.

— Я думаю, они ждут в коридоре за выходом. Так им кажется удобнее — они хотят вас встретить в узком месте.

Люк катера раскрылся, и капитан первым выскочил в зал.

— Принимайте гостей, — сказал он.

Тишина.

Один за другим пилоты с «Вациуса» выпрыгивали на упругий пол.

Капитан первым пошел к двери, ведущей внутрь корабля. Дверь открылась навстречу ему. Он вошел, держа в руке анестезатор.

И в этот момент по скафандру ударили сразу пять или шесть отравленных стрел. Они ломались и оставляли на скафандре темные пятна яда. Сверкнул луч бластера.

Капитан продолжал идти вперед. Теперь он видел воинов.

Выпустив стрелы и разрядив бластеры, они схватились за боевые топоры и с криками бросились на капитана. Пруг бежал в толпе воинов, размахивая своим самым большим на планете топором по имени костедробитель.

Десантники успели дать залп из анестезаторов, первые воины упали, но остальные успели навалиться, ударяя топорами по шлемам и пластику скафандров.

Схватка была неравной — повредить скафандр топор не может.

Суматоха, скопище тел, рычание, крики, грохот заполнили узкий коридор.

Пилоты обладали большими спортивными навыками, чем воины, привыкшие рассчитывать лишь на свое оружие, а анестезаторы действовали безотказно. Число воинов все уменьшалось, а люди в скафандрах медленно теснили их редеющую толпу к кают-компании.

Пруг отчаянно махал топором, ему удалось то ли силой удара, то ли массой своего тела свалить с ног двух или трех космонавтов, но в его тушу уже вонзились три анестезирующие иглы, а он

продолжал сражаться, и ему казалось, что десантники поддаются его напору.

И рухнул он неожиданно. Во весь рост.

Оставшиеся воины еще продолжали сопротивляться, но в коридоре стало настолько свободнее, что Андрей смог пробиться сквозь схватку и броситься по коридору.

Один из воинов, раскрашенный, как и прочие, боевыми узорами, бежал перед ним. Видно, падение Пруга отняло у него желание сражаться. Спина воина была знакома. Андрей не гнался за ним — он спешил к медпункту. Убегавший воин обернулся, и Андрей узнал ВосеньУ. Тот тоже узнал Андрея. Сзади утихал шум боя.

ВосеньУ вдруг потерял силы. Он прислонился к стене и смотрел, как Андрей идет к нему. Он вжимался в стену, занеся топорик, как заносит камень слабый мальчик, когда к нему приближается известный во всей школе силач.

Андрей подошел к нему почти вплотную. ВосеньУ ударил его по груди топором. Топор скользнул по пластику скафандра.

— Я хотел спросить тебя, ВосеньУ, — сказал Андрей, — почему ты убил ПетриА?

ВосеньУ начал сползать по стене — как будто хотел влиться в нее, исчезнуть.

— Я клянусь небом, — заговорил он, — я клянусь жизнью матери, я клянусь самыми страшными муками в черном царстве — я не убивал ПетриА. Я чуть не убил его, когда увидел, что он сделал.

— Кто это был?

ВосеньУ сполз на пол и скорчился у ног Андрея.

— Это был ДрокУ, — сказал ВосеньУ, — это был он. Мы пришли за одеждой, и мы должны были взять с собой справочники. А она пришла и увидела нас. И услышала, как мы говорим. Я сказал ДрокУ: пришла ПетриА, поздоровайся, она у нас работает. Я боялся, что он ее убьет... А он засмеялся и сказал...

Кинжал просвистел в воздухе и вонзился в шею ВосеньУ. Тот захрипел, сползая на пол.

За спиной Андрея стоял ДрокУ. Он подошел совсем близко и улыбнулся. Обычной своей мальчишеской добродушной улыбкой.

— Вот мы и победили, — сказал он. — И ВосеньУ тоже получил по заслугам.

— Зачем ты убил его, ДрокУ? — спросил Андрей. — Чего ты боишься?

— Мой звездный друг, — сказал ДрокУ, — ты можешь сколько угодно говорить о мести. Но так уж вы устроены, что ваши естественные чувства: ненависть, любовь, месть — все это подавлено вашим воспитанием. Ты бы до конца жизни мучился ненавистью к ВосеньУ, но убить вот так своими руками, убить живого человека ты не можешь. Поэтому кто-то должен был тебе помочь.

— Я должен тебя задержать, — сказал Андрей.

— Ты — меня? После всего, что я сделал?

— Ты сделал больше, чем говоришь. Ты в самом деле был движущей силой за спиной Пруга. Я знаю об этом и знал раньше. О тебе и твоем покровителе ВараЮ.

ДрокУ совсем не удивился.

— Логично, — сказал он. — Ты должен был догадаться. Или проговорился ВосеньУ. Или ты подслушал...

Говоря так, ДрокУ медленно продвигался вдоль стены, чтобы миновать Андрея.

— Убей меня, — сказал ДрокУ, также глядя в глаза Андрею. — Ты думаешь сейчас, что ВосеньУ, этот слизняк, ни в чем не виноват... — Движение вдоль стены продолжалось. Осталось уже немного, и можно бежать...

Интересно, куда он хочет бежать? Этот коридор сворачивает к складам. Оттуда можно попасть и к ангару, и к хранилищу, где они сложили эти бессмысленные тысячелетние бомбы. Можно спрятаться на складе среди боеприпасов и, запершись там, шантажировать остальных, покупая себе жизнь. Можно попытаться вывести планетарный катер и полететь на нем в надежде добраться до укромного места на Пэ-У... Черт знает, что у него в голове.

— Даже если я убил, — говорил ДрокУ, — даже если я. Кто ты такой, чтобы брать на себя правосудие? Ты сейчас отпустишь меня и побежишь за своими... ты переложишь на них решение моей проблемы. А знаешь ли ты, звездный пришелец, что наша игра еще не закончена? «Шквал» летит к Пэ-У. ВараЮ ждет нас. Он — а не ты — будет править планетой.

ДрокУ рванулся по коридору. Он был куда легче Андрея, он был без скафандра, и, может быть, он успел бы убежать. Но Андрей был готов к этому рывку. Он прыгнул вслед за ДрокУ, схватил на лету его за ноги и повалил. Инерция движения потянула их вдоль коридора еще метра два. ДрокУ отчаянно сопротивлялся, что было бесполезно, так как повредить скафандр он не мог.

Заломив ДрокУ руку за спину и заставив его подняться и стоять согнувшись, Андрей, делая вид, что не слышит проклятий, которыми осыпал его ДрокУ, сказал:

— Пошел. Пошел вперед.

— Куда? — ДрокУ попытался повернуть голову, и Андрей дал ему подзатыльника тяжелой перчаткой.

— Ну! — сказал он.

Его голос изменил тембр в микрофоне шлема и прозвучал глухо.

ДрокУ пошел вперед.

— Послушай, — сказал он, — что ты хочешь делать?

Андрей не отвечал. Они прошли еще немного по коридору. Из-за поворота вышел капитан «Вациуса». За ним доктор.

— Андрей, я так рад, что вы живы! — сказал доктор.

— Он не имеет права так со мной обращаться! Я знаю законы Галактики. Жизнь и свобода каждого человека неприкосновенны, — сказал ДрокУ.

— Не слушайте его, — сказал доктор капитану.

— Я представитель развивающейся цивилизации и требую права на невмешательство. Я нахожусь под охраной закона о невмешательстве.

— Я его не слушаю, — сообщил капитан Андрею. — Но любопытно, что ты намерен с ним сделать?

— Открою люк, — сказал Андрей, — и выкину его в пространство.

— Наверное, ты прав, — сказал капитан. — Ты лучше меня знаешь, что это такое. В скафандре или без скафандра?

— Без скафандра, — сказал Андрей.

— Потом приходи в кают-компанию, — сказал капитан. — Пошли, доктор, осмотрите раненых.

— Стойте! — кричал ДрокУ, извиваясь в железной руке Андрея. — Я умоляю вас именем гуманности! Это ВараЮ приказал мне убить ПетриА. Чтобы подозрение пало на Пруга. Но я отказался!

Голос его стих и оборвался.

Капитан и доктор, не оборачиваясь, скрылись за поворотом коридора.

— Сначала, — сказал Андрей, — ты пройдешь со мной в рубку связи. И поговоришь с ВараЮ.

— Конечно, — быстро ответил ДрокУ, — немедленно, я не спорю. Я скажу все, что надо сказать.

— Ты скажешь ему правду.

В рубке связи Андрей отпустил руку ДрокУ, и тот начал растирать ее другой рукой.

Андрей стоял за его спиной. Он вытащил у него из колчана на плече отравленные стрелы. Клейма на них были стерты.

— Вызывай станцию ВараЮ, — сказал он. — И учти, что у меня в руках твоя собственная стрела. Я в любой момент могу оцарапать тебе шею.

— Я согласен на все, понимаешь, на все, — сказал ДрокУ. — Я и не пытаюсь...

Он набрал позывные убежища.

Голос ВараЮ послышался сразу.

— Что у вас? — спросил он. — Я отчаялся. Вы скоро? Вы захватили второй корабль?

— За моей спиной, — сказал ДрокУ, — стоит ДрейЮ, звездный агент. Он приказал мне выйти на связь с тобой, господин.

Наступила длинная пауза. Очень длинная.

— Я понял, — наконец сказал ВараЮ. — Я никогда не верил тебе, ДрокУ. Я знал, что при первой опасности ты перебежишь к сильному.

— Мы сражались, — сказал ДрокУ. — Но они были в скафандрах. ДрейЮ предупредил их.

— Идиоты, — сказал ВараЮ устало. — Не могли уследить за одним человеком.

— Он вышел в космос.

— Вранье, — сказал ВараЮ, — ты, как всегда, врешь, ДрокУ. Я проверял в информатории Галактического центра. ДрейЮ лишен права командовать кораблями, потому что у него болезнь — он не может выйти в космос.

— Он вышел, — сказал ДрокУ.

— Я не буду тратить на тебя слов. Что с Пругом?

ДрокУ обернулся к Андрею.

— Пруг у нас в руках, — сказал Андрей. — Мы привезем его на Пэ-У. Наверное, он расскажет много интересного.

— Расскажет, — ответил ВараЮ. — Ты хочешь у меня что-нибудь спросить, звездный агент?

— Кто убил ПетриА? — спросил Андрей.

— ДрокУ, — ответил ВараЮ.

— По твоему приказанию! — закричал ДрокУ. — Я не хотел!

— Я даже не знал об этом, — ответил ВараЮ. — Он сказал мне об этом потом. Разве это важно?

Андрей не ответил.

— Я кончаю связь, — сказал ВараЮ. — Мое убежище окружено. Я думал, что продержусь до рассвета, но теперь мне не надо этого делать. Мы встретимся с тобой, ДрейЮ, на полях изобилия.

Поля изобилия означали потусторонний мир.

Щелкнула связь. ВараЮ прервал ее.

— Он прав, — сказал ДрокУ. — Дай мне дар сделать это своими руками, как ВараЮ.

Андрей понял, что смертельно устал. Он вывел ДрокУ из рубки связи, открыл дверь в пустую каюту радиста. ДрокУ покорно вошел туда. Андрей кинул на столик отравленную стрелу. Без клейма.

Он поступил совершенно неверно. Наверное, у него не нормально с психикой. Человек галактического века никогда не отнимет жизнь у другого человека, как бы плох он ни был.

Андрей запер дверь и пошел вниз, к кают-компании. В кают-компании на диване лежала громадная туша Пруга. Он безмятежно спал, сраженный иглой анестезирующего пистолета. Доктор расстегнул ему куртку. Доктор вдруг вспомнил, где, при каких обстоятельствах он видел в последний раз Андрея.

— А где этот, ДрокУ? Надеюсь, вы не выполнили своей угрозы?

— Почти выполнил, — сказал Андрей.

* * *

На космодроме на Пэ-У их встречали экипаж «Шквала», Ольсен, Его Могущество и много высоких чинов. Ольсен первым делом сказал, что ВараЮ покончил с собой в убежище.

Армейские боевые машины подъехали близко к «Шквалу». Пруг Брендийский первым спустился к машине, и солдаты помогли ему забраться внутрь. Он очень ослаб. Как будто из него выпустили воздух.

На космодроме была и госпожа правительница Брендийская. Она с утра требовала у правительства выдачи ей пасынка. Но ей пока в этом отказали.

Затем в медицинскую повозку перенесли Витаса Якубаускаса. Елена Казимировна и доктор Геза поехали с ним в госпиталь, где их ждали врачи. Там было оборудование, привезенное из Галактического центра.

Вместе с воинами вывели и ДрокУ. Когда после спуска открыли каюту радиста, он спал. Стрелка была изломана на мелкие кусочки.

Андрей поехал вместе с Ольсеном в дом для приезжих. Ему не хотелось ехать в собственный дом. Там бы все напоминало о ПетриА.

Ночью ему захотелось испытать себя. Впервые за много лет он вышел один и посмотрел на звездное небо. Небо было глубоким, зовущим, но не пугающим. Андрей уже знал, что он вернется в космос.

А утром Нильс Ольсен сказал ему, что ДрокУ убит в тюрьме. Убийцу задержали. Он оказался из клана Кам Петри — двоюродным братом ПетриА. Андрею никогда не приходилось его видеть.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ

Поздно вечером с корабля «Гранат», который находился на орбите, заметили большой пожар. Пожар бушевал в степи, где располагалась исследовательская станция. В тот момент на станции было семь сотрудников и один гость — Андрей Брюс. Брюс отправился на планету на корабельном катере, чтобы отвезти почту и оборудование для станции, забрать образцы и заболевшего сотрудника. Было договорено, что Андрей Брюс останется на станции до утра.

На «Гранате» не нашлось никого, кто бывал на планете, и представление о ней оказалось самое общее. Известно лишь, что обитатели степи — дикие кочевники — постоянно воюют между собой.

Пожар, замеченный с «Граната», был не первым. За этот вечер на пункте связи зарегистрировали, по крайней мере, четыре пожара. Один большой — горела степь, три малых — результаты набегов и стычек.

Станция была надежно защищена от нападения дикарей, и поначалу пожар никого не встревожил. На всякий случай дежурный радист вызвал станцию, чтобы спросить, не требуется ли помощь.

Станция не отвечала. Радист доложил об этом вахтенному. Вахтенный приказал выпустить «глаз» — спутник наблюдения и остался в узле связи, тогда как радист продолжал вызывать станцию.

«Глаз» спустился к поверхности планеты и передал видеоинформацию. Станция горела.

Пылали конусообразные, схожие с шатрами кочевников здания. Огонь охватил даже планетарный катер, который стоял метрах в пятидесяти от шатров. Можно было угадать какие-то фигурки, что метались среди факелов. Дым, черный, густой и жирный, скрывая пожарище, тянулся на несколько километров.

Вахтенный разбудил капитана и распорядился готовить к вы-

лету второй планетарный катер. На лайнере по штатному расписанию положено иметь два катера, один из которых в оперативной готовности. Но он-то и горел сейчас внизу, поэтому несколько лишних минут ушло на подготовку второго.

Капитан подтвердил распоряжения вахтенного. На катере отправились врач, второй штурман Гришин и два инженера.

Пока готовили катер, выдавали оружие и грузили медикаменты, на мостике шла оживленная дискуссия: что же могло случиться? Даже если случайно в каком-то из шатров возник пожар, его должны быстро загасить пожарные автоматы. Да и вряд ли можно ожидать настолько внезапного пожара, чтобы он помешал станции выйти на связь с «Гранатом». Возможно, на станцию кто-то напал и это нападение застало врасплох даже опытного начальника станции Конрада Жмуду и капитана Космофлота Андрея Брюса, который после нескольких лет службы агентом Космофлота на планете Пэ-У летел в Центр, чтобы получить корабль.

Андрей был человеком энергичным, вынужденное безделье на борту «Граната», который неспешно передвигался от планеты к планете, снабжая их экспедиции и сменяя ученых, его томило. Когда он предложил отправиться на планету, подменив штурмана, капитан «Граната» был рад оказать Андрею такую услугу. Теперь же получалось, что эта услуга могла обернуться для Андрея бедой.

Планетарный катер спустился рядом со станцией примерно через полтора часа после того, как на «Гранате» впервые заметили пожар.

Пожар уже кончался — пламя сожрало все, что было ему подвластно. От шатров станции остались лишь черные остовы, катер выгорел даже изнутри.

Среди углей и пепла удалось отыскать четыре трупа. В одном опознали Конрада Жмуду, три других были в таком состоянии, что опознать их можно будет лишь в Галактическом центре. Несколько в стороне от сгоревших шатров была найдена Ингрид Хан, сотрудница станции, геолог. Она была в тяжелом состоянии.

Пока врач старался оказать на месте первую помощь, а один из инженеров снимал фильм, чтобы потом на корабле установить истину, штурман со вторым инженером пошли к заросшей кустарником лощине. В этой лощине «глаз» обнаружил несколько небольших, обтянутых шкурами шатров — там обитали кочевники.

Штурман и его спутник осторожно подошли к шатрам. Возле шатров их встретили обитатели этих жилищ — грязные, первобытные, почти обнаженные люди, которые знаками отрицали

свою причастность к гибели станции, повторяя слова «Октин Хаш». Тем не менее подозрение с дикарей не было снято, потому что штурман заметил в становище некоторые предметы со станции. Лица и руки большинства дикарей были измазаны сажей. Ясно, что они побывали на пожарище.

«Глаз» тем временем обследовал окрестности станции. Удалось увидеть и сфотографировать несколько трупов кочевников. Среди них не было ни одного из трех исчезнувших сотрудников станции. Не исключалось, правда, что они тоже погибли в пожаре.

Недалеко от станции было обнаружено логово хищных ящеров, именуемых тираннозаврами. Возникло предположение, что станция погибла от их нападения, тем более что у самой границы станции были замечены следы такого ящера, каждый след около метра в поперечнике.

Дальнейшие поиски пришлось прервать, так как врачу не удалось привести в сознание Ингрид Хан и она могла в любой момент умереть. Решено было срочно вернуть катер на корабль, а с рассветом возобновить поиски. «Глаз» же продолжал находиться над степью, регистрируя передвижения кочевников.

Всю ночь на мостике расшифровывались и изучались снимки, сделанные «глазом». Однако в группах всадников и на становищах не удалось увидеть ни одного из землян.

Утром катер вновь отправился на планету. Он опустился возле большого становища, километрах в тридцати от станции. Становище готовилось к перекочевке, и люди с корабля были встречены враждебно. Искать землян в скопище людей, которые запрягали повозки, складывали кибитки, собирали утварь, готовили пищу, было нелегкой задачей. Ни людей, ни предметов со станции найти там не удалось.

«Гранат» оставался на орбите. Ждали, когда очнется Ингрид Хан. Наблюдения за степью продолжались, но никого, кроме аборигенов и удивительных животных, словно сошедших со страниц палеонтологического атласа, найти не удалось. Так прошел второй день и наступил третий.

С каждым часом надежда найти Андрея Брюса и двух сотрудников станции становилась все более эфемерной...

* * *

Андрей Брюс был благодарен капитану, который разрешил ему отвезти на планету катер и остаться там до утра.

Катер опустился на зеленой лужайке возле группы конусов — шатров станции. Встречать его вышли все семь сотрудников.

Когда ты впервые видишь людей и знаешь, что через день расстанешься с ними навсегда, твое внимание выделяет одно-два лица.

Андрей был знаком с Конрадом Жмудой, начальником станции. Тот за прошедшие годы раздался, постарел и полысел, но не потерял могучей энергии и уверенности очень сильного и здорового человека.

Станция была на планете уже полгода, и ее сотрудники стосковались по новым лицам. Конрад долго тискал Андрея в объятиях, словно обрел потерянного брата. Затем Андрея представили другим ученым, и взгляд его выделил красивую худощавую женщину в шортах и безрукавке, которая оказалась геологом Ингрид Хан.

Перед тем как войти в шатер станции, Андрей огляделся. Стоял жаркий безветренный день. Шатры расположились на пологом склоне, что вел к озерку, окруженному зарослями тростника. Выше начиналась степь. Кое-где над ней поднимались холмы, поросшие кущами деревьев. Трещали кузнечики, оглушительно щебетали птицы. Степь уже отцветала, но трава еще не пожелтела и источала влажные, тяжелые запахи.

В отдалении, возле деревьев, стояли люди. От текучего густого воздуха фигуры их колебались, словно плыли.

— А это кто? — спросил Андрей.

— Наши соседи, — сказал Конрад. — Беженцы. Я потом расскажу.

Они прошли внутрь конуса. Там было чуть прохладнее.

— Мы не включаем кондиционеры, — сказал Конрад, — так здоровее. А то насморки, простуды. Но ночью здесь прохладно. Ты отдыхай. Сейчас разгрузимся и будем обедать. Вечером предстоит зрелище.

— Какое?

— Ничего не скрою.

Вбежал маленький чернявый человек с трагически сошедшимися к переносице бровями, бросил мешок с почтой и выхватил из-за пояса пистолет.

— Они как чуют! — крикнул он и кинулся к выходу.

— Что случилось?

Конрад открыл стенной шкаф, вынул оттуда другой бластер.

— Хочешь — погляди, — сказал он. — Только от шатра не отдаляйся. Они зубастые.

Андрей привык следовать советам опытных людей. К середине жизни понимаешь, что любопытство в самом деле порок, особенно в незнакомом месте.

От двери шатра он увидел, что над поляной кругами, быстро и суетливо, как летучие мыши, вьются темные, гадкого вида метровые создания с длинными острозубыми рылами, перепончатыми крыльями и короткими заостренными хвостами. Это были птеродактили. Порой кто-нибудь из них пикировал вниз, норовя вцепиться зубами в человека или в один из ящиков, сложенных возле катера. Конраду удалось подстрелить ящера, и тот рухнул на землю. Остальные, забыв о людях, кинулись на собрата.

Засмотревшись, Брюс не заметил, как птеродактиль выбрал объектом нападения его голову. Он так рванул Андрея за волосы, что у того из глаз посыпались слезы. Чернявый человек обернулся и выстрелил. Птеродактиль, испуская отвратительную вонь, упал на Брюса и сшиб его с ног.

Конрад подбежал к Брюсу и сказал, помогая ему встать на ноги:

— Я же просил тебя не вылезать.

— Ну и развели вы гадов, — сказал Брюс, приложив ладонь к затылку. Ладони стало тепло и мокро.

— Как воронье, — сказал Конрад. — Их тут много. Приспособились к помойкам. У каждого становища вьются.

Он поглядел на птеродактилей. Они торопились, доедали товарища.

— Теперь они нажрутся и улетят, — сказал Конрад. — Как бы только соседи не заметили... — И тут же добавил: — Заметили.

К ним бежали дикари, которые волокли по траве большую редкую сеть.

— А этим что надо? — спросил Брюс, разглядывая ладонь. Ладонь была в крови.

— Ты промой рану, может быть заражение, — сказал Конрад.

— Обязательно, — сказал Брюс.

Дикари были невысоки, тонконоги, вся одежда — короткая кожаная юбка и ожерелье из зубов и камней. И странные прически: небольшой гребень поперек бритой головы. Они кричали и смеялись, белые зубы сверкали на смуглых лицах.

Ингрид вытащила из катера пластиковое полотно и с помощью чернявого мужчины начала покрывать им ящики и контейнеры, лежавшие на траве Теплая струйка крови потекла по шее Брюса, и он вытер ее. Надо в самом деле привести себя в порядок. Но кто здесь доктор?

Дикари с сетью добежали до шевелящейся кучи птеродактилей, накинули на них сеть, и когда птеродактили сообразили, что, увлекшись обедом, потеряли свободу, было поздно. Они бились под сетью, стараясь взлететь, а мужчины дротиками и каменными топорами глушили их. Стоял страшный гомон.

— Эй! — крикнул Брюс. — Ты куда?

Один из дикарей, пользуясь суматохой, подбежал к вещам на траве, откинул угол полога и потащил к себе серебряный плоский ящик. Ингрид увидела и стала тянуть ящик на себя. Ей на помощь пришел Конрад. Худой высокий мужчина в белых шортах громко увещевал грабителей. Язык, на котором он говорил, был цокающим, быстрым, отрывистым, словно стрекотание лесной птицы.

Увещевания, а главное, неудача внезапного нападения утихомирили охотников. Еще через три минуты они удалялись, волоча сеть, полную битых птеродактилей, и с хохотом рассказывая друг другу о своих подвигах.

— Брюс, — сказал Конрад возмущенно, — я уже сказал тебе, что надо промыть рану.

* * *

Доктором оказалась Ингрид.

Она выбрила Андрею волосы на затылке и обработала рану, потом залила ее пластиком. Придется походить денек с этой заплатой. Но если Брюс хочет, ему можно сделать прическу как у кочевника. Жан тоже собирается...

— Зачем ему?

— Он гениальный филолог. Вы бы послушали, какие беседы он ведет со степняками. Его приняли в стаю. Теперь испортят они нашего Жана. У них нет принципов — что хорошо, а что плохо. Готовы всю станцию ограбить. Белогурочка, милейшее создание, я ее очень люблю, украла зеркало. И повесила на юбку, спереди, представляете? От их хохота мы всю ночь не спали. Вот и все. Можете идти. А то у птеродактилей на зубах бывает трупный яд.

— Я думал, что они крупнее.

— Они бывают куда крупнее. К счастью, сюда не залетают.

Пришел Конрад.

— Не жарко? — спросил он. — А то включим кондиционер.

— Нет, спасибо. А почему вы пускаете аборигенов на станцию?

— Нет, — сказала Ингрид, — в помещения мы их не пускаем.

— Дежурный на пульте всегда может включить силовое поле, — сказал Конрад. — А ночью обязательно включает.

— Конрад их жалеет, — сказала Ингрид. — Это его стая.

— А ты их не жалеешь?

— Жалею, — сказала Ингрид, — но мы ничем не можем помочь.

— Что с ними случилось? — спросил Андрей. Пластик стягивал кожу, и хотелось его содрать.

— Сегодня увидишь, — сказал Конрад. — К нам пожалует сам Октин Хаш.

— Я думаю, — сказала Ингрид, — что он пришлет своего палача.

— Приедет, — сказал Конрад. — Я с ним говорил. Он любопытен.

Андрей Брюс попросил воды, выпил маленькими глотками. Вода была свежей, родниковой.

— Наши соседи, по-здешнему — стая Белого волка, — сказала Ингрид, — кочевали раньше километрах в двухстах отсюда. Мы основали станцию в безлюдном месте. Даже вместо куполов поставили шатры, чтобы не выделяться.

— Они о нас все знали, — сказал Конрад. — Охотники сотню километров проходят в день. А верховой и еще больше.

— Они к нам приходили, — сказала Ингрид. — Мы для них другая стая. И очень богатая. Мы с ними наладили отношения — они к нам привыкли, но приезжали нечасто. Обокрасть нас трудно, а железа мы не даем. Но потом пришел Октин Хаш.

— Кто он такой? — спросил Андрей.

— Аттила, местный Аттила, — сказал Конрад. — Он пришел со своей ордой с юга. Так нам говорили. Другие считают, что он всегда кочевал у Зеленой реки, а года два назад стал сильным.

— Ведьмы помогли, — заметила Ингрид, складывая инструменты и закрывая шкафчик. — Наша стая так считает.

— Ведьмы или организационные способности, — сказал Конрад, — но суть в том, что он сумел подчинить себе все стаи этой степи и собирается в большой поход к морю. А войны здесь простые — смерть или рабство. Стая Белого волка тоже была разбита, и остатки ее бежали к нам под крыло. Октину Хашу это не нравится, он не хочет делить с нами степь, но и не смеет напасть.

— Как же называется ваша стая? — спросил Андрей.

— Стая Железной птицы, — ответил Конрад. — Только не воображай, что нам все это нравится. Если бы не уникальная фауна, не миллион загадок, мы бы отсюда улетели.

— Соблазн велик?

— Знаешь, как кличут нашу планету в Управлении Исследований? Эвур. Эв-ур — Эволюционный урод. Здесь все сразу — триас и мезозой, кайнозой и хомо сапиенс. Новые виды здесь появлялись, а старые не вымирали. Этого не может быть, но это случилось. Ради того, чтобы здесь поработать, можно пойти на переговоры даже с Октином Хашем.

Филолог Жан заглянул в медпункт.

— Там Белогурочка, — сказал он. — Ее отец заболел.

— Что с ним? — спросила Ингрид.

— Был на охоте. Больше она не говорит. Табу.

— Я пойду, — сказала Ингрид. — Скажи Медее, что пирог в духовке.

— Я сам посмотрю, — сказал Конрад. — Возьми с собой нашего раненого. Ему интересно.

— Спасибо, — сказал Андрей. — Я пойду.

— Вернетесь — будем обедать, — сказал Конрад.

* * *

Перед выходом Конрад выдал Андрею пояс с бластером.

— Здесь много неожиданных гадов, — сказал он. — Правда, сюда они редко суются — шумно, боятся, запахи чужие. И все же залетают.

Они пошли втроем. До шатров было метров триста. Впереди шагал Жан. Он нес через плечо сумку Ингрид с медицинскими инструментами. Затем Ингрид — рука на поясе. Андрей замыкал шествие.

Спутники Андрея выглядели опереточно — легкие рубашки и шорты, широкие пояса с пистолетами на боку, высокие сапоги — типичные покорители звездных трасс из детских фильмов.

Они шли по широкой тропе. Трава была сочной, зеленой. Гудели пчелы, огромный, в пядь, зеленый кузнечик выскочил на тропинку, присел и сиганул метров на десять. Вереницей пересекали тропинку большие желтые муравьи, мелкие розовые бабочки густой стайкой вились над белыми шапками соцветий. Андрей отмахнулся от шмеля размером с кулак. Тот обиженно взревел, но отлетел.

— Они не кусаются? — спросил Андрей.

— Вылечим, — ответила Ингрид обнадеживающе.

— Все же здесь надо быть осторожнее, — сказал, обернувшись, Жан. — Вылечить она вылечит, но будет больно.

— А в озере вы купаетесь? — спросил Андрей.

— Ни в коем случае, — сказала Ингрид, — на это даже моего оптимизма не хватит.

— Оптимизм ни при чем, — сказал Жан. — Один раз на берег выползла такая гадина, что Конрад забрался на шатер — совершенно гладкая поверхность, а забрался на верхушку. Я думал, что умру от смеха.

По скучному тону Жана трудно было представить, чтобы он умирал от смеха.

— Аксель Акопян его застрелил, — сказала Ингрид. — Шкура в столовой висит. Посмотрите.

— Нет, — сказал Жан. — Мы ее уже запаковали.

Шатры стаи Белого волка вблизи оказались жалкими поделками. Несколько жердей связаны сверху, оплетены ветками и кое-как прикрыты облезлыми шкурами.

Площадка вокруг чумов была утоптана. Удручающе воняло. Более всего от тушек птеродактилей — женщины разделывали их на открытом воздухе. Тучи синих мух реяли над ними. Женщины прекратили работу, глазели. Их заинтересовал Андрей. Незнакомый человек. И одет иначе. Синие рейтузы, серебристые башмаки и белая безрукавка.

Голые детишки, все с косточками, которые они обсасывали, — в становище было много мяса, — сбежались, чтобы потрогать гостей. Одна из женщин поднялась и отогнала их хворостиной.

Верхом появился парень в меховой юбке. Он спрыгнул с коня, шлепнул его по морде.

— Хе ка-ва сей, — гортанно сказал он.

Жан ответил длинной фразой.

Из самого большого чума через низкое отверстие выполз толстый старик. Сидя на корточках, принялся хлопать себя по щекам.

— Это брат вождя, — сказала Ингрид. — Показывает, какое большое горе.

Андрею хотелось убежать от тоскливой, всепроникающей вони. Мухи перелетели к гостям и густо жужжали у самых глаз. Рыжая хромая собака с окровавленной мордой зарычала, осев на задние лапы.

— Пошли в шатер, — сказала Ингрид. — Там мух нет.

В шатре было прохладнее. Глаза быстро привыкли к зеленоватой полутьме; внутри шатер оказался просторнее, чем выглядел снаружи. Пахло терпко и остро — в середине дымил костер, лежала охапка травы. У костра на корточках сидела девушка. Она кинула в дым связку травы и поднялась. На темном лице светились белки глаз и зубы

— Ты пришла. — Она легонько, на мгновение прижалась лбом к плечу Ингрид.

Куча тряпок и шкур за костром зашевелилась. Оттуда послышался низкий голос. Зацокал, заурчал. Жан ответил.

— Вождь был на охоте, — сказал Жан — Его догнал лев.

Ингрид прошла к ложу раненого. Жан переводил ей.

Андрей понимал, что он здесь лишний, но выходить наружу, в жару и вонь, не хотелось.

Рядом с костром в землю было вкопано бревно с сучьями. На сучьях висело оружие. Андрей подошел, разглядывая короткие копья с широкими каменными лезвиями, прямой зазубренный меч.

Девушка стояла к нему спиной, наблюдая за тем, что делает Ингрид. Наряд девушки ограничивался короткой юбкой, ладно сшитой из конской шкуры. Прическа странная — на висках волосы сбриты, на макушке торчат ежиком.

— Так можно и ногу потерять, — сказала Ингрид.

В ответ что-то спросил раненый, потом ответил Жан. Девушка почувствовала взгляд Андрея и обернулась. Куда быстрее, чем оборачиваются городские девушки, которые не чувствуют чужих взглядов и не привыкли их бояться.

Глаза были светлые, внимательные. Андрей улыбнулся. Девушка после секундной паузы улыбнулась в ответ.

— Тебя я не видела, — сказала она. — Ты новый. Ты с неба?

— С неба, — сказал Брюс. — Ты откуда знаешь наш язык?

— Жан меня учит, — сказала девушка. — Никто не знает язык людей неба. Я знаю. Я умная. Я — дочь вождя.

— Как тебя зовут?

— Биллегури, а твои люди зовут меня Белогурочка. Почему?

— Им лучше знать. Это хорошее имя.

В Белогурочке было что-то птичье — в посадке головы, настойчивом взгляде, тонкости костей. От плеча до небольшой груди шел светлый шрам. Белогурочка перехватила взгляд Андрея и сказала:

— Меня ударил врар, я упала с горы. И прямо на сук.

— Ты знаешь много слов, — сказал Андрей. — Кто такой врар?

— Это пещерный медведь, — сказал Жан. — Их здесь не бывает, они живут к северу, где раньше кочевала стая.

— Мы раньше жили у леса, — сказала Белогурочка. — Потом пришел Октин Хаш и убил многих мужчин. И взял женщин. А мы убежали. Он хотел и меня взять. Вы будете с нами есть?

— Нет, — сказала Ингрид. — Мы будем есть дома.

— Жан боится нашей пищи, — сказала Белогурочка. — Он боится, что у него будет болеть живот от микробов.

В чум заползла женщина. Спросила что-то. Ей ответил Жан.

Только сейчас, когда прощались, Андрей увидел отца Белогурочки. Тот лежал на спине с закрытыми глазами. Ингрид дала ему наркоз, и теперь он отдыхал от боли.

Белогурочка выпорхнула за ними на площадку. Андрею стало дурно от вони. Разделка птеродактилей подходила к концу. Дети гоняли собак, чтобы те не растащили мясо.

Подскакали два воина. Они подняли копья, приветствуя гостей. Один из них, одноглазый, засмеявшись, прощебетал длинную фразу. Жан ответил. Ингрид поняла и сказала Андрею:

— Он жалеет, что не смог утащить у нас блестящую коробку. Они страшные воришки. Если покопаться в шатрах, найдешь все, что пропало у нас за полгода.

Жан тоже смеялся. Белогурочка сказала:

— Брать чужое плохо.

Она посмотрела на Андрея снизу вверх. Она была на голову ниже его.

— Плохо, — согласился Андрей.

— У тебя на голове блестит. Это рана?

— Как ты догадалась?

— Ингрид всегда мажет раны жидкой мазью, которая потом твердая. Кто на тебя напал?

— Птеродактиль, — сказал Андрей. — Знаешь?

— Знаю. Это корпы. Вон лежат. Мы из них делаем одежду, когда холодно. И еще едим. У нас теперь много мяса. Хочешь, я тебе дам?

— Пошли, — сказала Ингрид. — А то тебе обедать не захочется.

Белогурочка смотрела им вслед. Она увидела, что Андрей обернулся, и крикнула:

— Ты красивый!

— Ну вот и поклонница, — сказала Ингрид. — Почему во всей Вселенной капитаны Космофлота пользуются такой популярностью у девушек?

— Не представляю. Раньше это говорили о гусарах.

— У них форма красивая, — сказал Жан. — Смотри под ноги. Змея!

Змея скользнула молнией и скрылась в траве.

* * *

Андрей принял душ. Ему казалось, что он пропитан запахами становища.

За обедом Конрад сказал:

— Тебе повезло.

— Я рад, что побывал там, — сказал Андрей. — Это очень интересно. Только воняет.

— Я не об этом. К нам в гости сам Октин Хаш.

— Аттила?

— Он умный человек, — сказал Конрад. — Я с ним разговаривал. Он сознает свою историческую задачу.

— Если историческая задача — грабить и убивать, — сказала Ингрид возмущенно, — то осознать ее несложно. Вам нравится суп?

— Необычно, — сказал Андрей.

— Мы здесь многому научились, — сказала Ингрид. — Знаем, какие травы полезны, а какие есть нельзя.

— Спасибо Белогурочке? — спросил Андрей.

— Она вам понравилась? Правда, замечательный ребенок?

— Сколько ей лет?

— Не знаю. Жан, сколько лет твоей Белогурочке?

— Здесь год немного длиннее нашего, — сказал Жан. — И потом, в первобытном обществе другие мерки. Девиц отдают в соседний род, когда исполняется тринадцать-четырнадцать.

— А почему не отдали Белогурочку?

— Она была предназначена парню из стаи Динозавров. Но та стая полностью истреблена. Белогурочка — девушка-вдова. Это недостаток.

— Еще налить супа? — спросила Ингрид.

Пришел чернявый, ртутный, яростный Аксель Акопян. Присел за стол и принялся работать ложкой так, словно соревновался на скорость.

— Видели, какой дым? — сказал он.

— Мне говорили, что орда Октина Хаша захватила кибитки стаи Серой акулы и был бой, — сказал Жан.

— Господи, когда это кончится! — сказала Ингрид.

— Я тупею от этих запахов, — сказал Конрад. — Здесь все пахнет.

Пышная добрая Медея, которая дежурила на кухне, принесла миску с тушеным мясом.

— Угадай, что это такое, — сказал Конрад.

— Лучше и не пытайтесь, — возразила Ингрид. — Я стараюсь не думать. Хорошо, что у нас запас консервов.

— Ничего особенного, — сказал Жан. — Это оленина. Я покажу вам его рога. Два метра в размахе.

— Почему все так нелогично? — спросил Андрей. — Законы эволюции постоянны. Одно отмирает и уступает место другому.

— Здесь не уступило, — сказал Конрад.

— Сюда нужно экспедицию человек в сто, — сказал Аксель. — Я написал отчет, а в Центре никак не раскачаются. Эта планета набита тайнами. Ты смотришь направо — так быть не может! Ты смотришь налево — такого не бывает, а оно есть. Вы меня понимаете?

— Нет, — сказал Андрей. — Я здесь всего два часа.

— Завтра сядете со мной в вездеход, и я повезу вас по кинжальному каньону.

— Покажи ему туннель-эдельвейс, — сказала Медея, — он раскроет рот, так и останется.

— Я завтра утром улетаю, — сказал Андрей.

— Ничего, — сказал Конрад. — На этот раз мы отправим в Центр столько материалов, что они вынуждены будут пошевеливаться. Есть вещи, которые случайностью не объяснишь.

— А когда они посмотрят, что дал радиоуглеродный анализ, они за головы схватятся! — с торжеством заявил Аксель.

— Нет, Андрею надо что-то показать. До темноты еще часа два, — сказал Жан. — Давайте я покатаю его на флаере.

— Спасибо, — сказал Андрей. Ему было стыдно признаться в том, как сильно его тянет в сон. Впрочем, проницательная Ингрид угадала, что с ним творится.

— Никуда он не полетит, — сказала она. — Зачем спать во флаере, когда можно поспать в шатре? Человек впервые попал к нам. Вспомните, как вы здесь спали первые дни. Конрад, уступишь Андрею койку?

— А компот? — удивился Аксель Акопян.

— Пускай идет, — сказала Ингрид. — Через два часа мы его разбудим.

— Через час, — сказал Андрей.

* * *

Конрад разбудил Брюса через два с половиной часа.

— Ты не простишь, если я дам тебе спать до утра, — сказал он.

В руке он держал чашку кофе. За окном было сине, почти совсем стемнело.

— Я себе не прощу, — сказал Андрей. — Спасибо, что разбудил. Со мной такого еще не бывало.

— Мы засекли со спутника, — сказал Конрад, — что Октин Хаш уже выехал. Хочешь посмотреть?

— Мне никто ничего не рассказывает, — сказал Андрей, отбирая чашку у Конрада. Кофе был горячий и очень крепкий. Конрад постарался.

Каюта Конрада была заставлена планшетами. Конрад считал себя художником. К счастью, он не стал художником, а стал хорошим биологом. Это были пейзажи. Очень яркие, в основном с закатами.

— А чего он к вам едет?

— Как соседняя держава. С визитом, — сказал Конрад. —

Считается, что мы взяли под свою руку стаю Белого волка и можем претендовать на их бывшие земли. Политика сложная.

— А что вы ему предложите?

— Законы контакта условны. Люди здесь столь первобытны, что наше присутствие не нарушает их жизни. Они доисторичны. Мы не можем войти в их историю. О нас планета забудет раньше, чем достигнет цивилизации.

— Вы взяли под свое покровительство стаю?

— Иначе бы их перебили люди Октина Хаша. Ты этого хочешь?

— Конрад, ты сердишься, значит, ты не прав.

— Просто замечательно, если ты сидишь в Галактическом центре и за тебя думает компьютер. А ты видел Белогурочку? А ты ее младших братишек видел? Они хотят жить, понимаешь?

— И вы решили встретиться с Октином Хашем?

— Это он решил с нами встретиться.

— Он вас считает богами?

— Религия их первобытна. Они одушевляют силы природы. Они еще не додумались до концепции бога в человеческом обличье. Поэтому мы не можем быть богами. У нашего племени много оружия и богатств. Покорить нас невозможно. Ему совершенно непонятно, чего же мы хотим. А любопытство — одно из первых человеческих качеств.

— А что тебе нужно от этой встречи?

— Только чтобы нас оставили в покое. Чтобы перестали нападать на наши партии. Степь велика. Пускай идут дальше. Эта земля, — Конрад сделал широкий жест рукой, — от озера до холмов — наша.

— Вождь стаи Железных птиц...

— Не могу же я объяснить Октину Хашу, что мы прилетели из Галактического центра для проведения комплексных исследований. С сумасшедшими здесь разговор короткий — дротик под сердце.

В дверь заглянула Ингрид.

— Едут, — сказала она. — Пошли в узел связи, поглядим.

* * *

Спутник связи завис над лагерем кочевников. Если бы сам великий Октин Хаш, повелитель северной степи, поднял голову, он мог бы заметить искорку — не более того.

На большом экране узла связи был виден клуб серой пыли, куда более светлой, чем трава и синий воздух. Октин Хаш уже не-

сколько недель стоял на берегу небольшой степной речки. Люди и кони истоптали траву. Слабый ветерок оттягивал пыльное облако в сторону — из пыли, как из тумана, поднимались горбы кибиток, совсем иных, чем чумы у стаи Белого волка. Бивни мастодонтов были обтянуты кожей динозавров. Кибитки расходились радиально от центра лагеря, где стоял шатер вождя. Лагерь был огражден повозками, за которыми далеко тянулись хибары и навесы. Там жили рабы и слуги, а далее оказалась свалка: кости животных, навоз, ломаные телеги, ямы, куда кидали мертвых, — Октин Хаш любил порядок в лагере, но не интересовался тем, что творилось за его пределами.

Перед шатром Октина Хаша стояли высокие шесты с разноцветными тряпками, у входа горели два костра, наполнявшие пыльное облако оранжевым сиянием. Всадники в костяных шлемах, накидках из крыльев птеродактилей — высушенные когти торчат над плечами, как эполеты, — с небольшими блестящими щитами из акульей кожи горячили босыми пятками мохнатых лошадок, размахивали копьями, ожидая выхода вождя.

Два телохранителя, закованные в латы из панцирей игуанодонов, вышли первыми из шатра. Потянули, раздвигая полог, и тогда, скрытый по колени в пыли, вышел сам Октин Хаш. Он был мал ростом, на голову ниже людей, что следовали за ним. Корона из красных перьев лишь подчеркивала его малый рост. Одет он был скудно — лишь короткая юбка из тигровой шкуры. Вместо коня обнаженные рабы вели громадного ящера.

— Стегозавр, — сказала Ингрид. — Я покажу снимки — на них возят грузы в пустыне — целые караваны. Они тупы и послушны. А везет как грузовик. Машина неприхотливая — поел травки, снова в путь.

Между вертикальными метровыми пластинами на хребте ящера было устроено сиденье из шкур. Второе, спереди, для погонщика.

Подчиняясь удару копья, ящер покорно подогнул толстые ноги и коснулся брюхом земли. Два воина наклонились, чтобы вождь мог ступить на их спины. Оттуда — на спину ящера. Стегозавр поднялся и замер.

Всадники бешено закрутились вокруг, затем понеслись вперед, к проходу между повозок. Ящер, не спеша переступая по пыли, двинулся вслед, как линкор за торпедными катерами.

— Это только кажется, что он идет медленно, — сказал Конрад.

— Они далеко отсюда?

— Часа через полтора будут. Надо готовиться. Жан, ты предупредил стаю?

— Сейчас схожу, — сказал филолог.

Конрад обернулся к Андрею:

— Логика порой не срабатывает. Он едет к нам установить мир. Казалось бы, замечательно. Но с ним скачут молодцы, которые могут вырезать всю деревню нашей стаи. Потому надо предупредить.

— Вы их будете прятать здесь?

— Они уйдут в лес. Так уговорено.

— Вы его впустите на станцию?

— Разумеется, — сказала Ингрид. — Он пускал Конрада к себе в шатер. Оскорбление — не пустить в дом.

— А соблазн не слишком велик?

— Разумеется, мы примем меры.

Андрей поглядел на экран. Спутник не выпускал из поля зрения посольство, которое шло к станции.

Впереди носились всадники. Как пчелы, отрывающиеся от роя, они сновали в разные стороны и возвращались к громаде стегозавра. Колдуны и старейшины ехали спокойно, держась за хвостом ящера. Маленьким красным пятнышком покачивалась перьевая корона Октина Хаша между пластинами на спине стегозавра.

— Медея, — сказал Конрад, — проверьте со Стахом силовое поле. В станцию пропускаем только Октина и его советников. У вас час на то, чтобы решить, как это лучше сделать.

Андрей вышел наружу.

Громко стрекотали цикады. Недалекий лай собаки пробился сквозь этот звук и затих. Звезды были яркими и незнакомыми. Маленькая луна быстро шла по небу, закрывая звезды. Там, где зашло солнце, небо было зеленым, расчерченным черными облаками. Быстрая тень беззвучно пронеслась над головой, и Андрей отпрянул к двери.

Два черных силуэта возникли у цепочки зеленых огоньков — границы силовой защиты. Огоньки у их ног на секунду погасли, затем загорелись ярким белым светом — в поле образовался проход.

Жан и Белогурочка подошли к Андрею.

— Вам цикады не надоедают? — спросил Андрей.

— Я привык, — сказал Жан, — я их не слышу, как старые часы в комнате. Белогурочка решила побыть у нас.

— А остальные?

— Остальные отошли в лес.

— Почему ты не ушла со всеми? — спросил Андрей.

— Я хотела увидеть тебя, — сказала Белогурочка.

Жан сдержанно улыбнулся.

— Вы еще не привыкли к простоте чувств и отношений, — сказал он. — Белогурочка всегда говорит то, что думает.

— Твой друг — Андрей? Почему он должен улететь?

— У меня дела далеко отсюда, — сказал Андрей.

— Ты охотник?

— Я караванщик.

Белогурочка обернулась к Жану, ожидая, чтобы он объяснил.

— Андрей хочет сказать, что он ведет повозки с товаром.

— Лучше, если бы ты был воином, — сказала Белогурочка.

Они вернулись на станцию. Там, при свете, Андрей смог разглядеть девушку. Она приоделась. На ней был короткий плащ из серых и черных перьев и несколько нитей бус из оранжевых острых зубов, из каких-то сушеных ягод. К сожалению, Белогурочка намазала брови сажей и на щеках нарисовала зеленые узоры.

— Красиво? — спросила она, перехватив взгляд Андрея.

— Не знаю, — сказал Андрей. — Я здесь первый день.

— Странно говоришь, — обиделась Белогурочка. — Один день, два дня, много дней — или красиво, или некрасиво.

— А это обязательно рисовать? — спросил Андрей.

— Обязательно. Это наш знак. Погляди.

Белогурочка протянула Андрею руку, на которой были вытатуированы такие же узоры.

— Когда я стану женщиной, — сказала она, — мне наколют на щеках такие рисунки. Я дочь вождя.

Они стояли в общей комнате станции. Еще днем там был беспорядок — здесь складывали образцы и грузы, полученные с «Граната». Сейчас все это убрали и комнату пропылесосили. Два кресла — самые красивые, их притащили из кают-компании — стояли рядом у стены.

Белогурочка быстро прошла к креслам и села в одно из них.

— Ты садись рядом, — сказала она. — Ты будешь Конрад. А я буду Октин Хаш.

Андрей подчинился.

— Только Октин Хаш не сядет сюда, — сообщила Белогурочка. — Мы сидим на полу.

— А ты?

— Я привыкла. Мне здесь нравится. Жан сказал, что, когда вы будете улетать, меня возьмут с собой. Мне с вами совсем не страшно.

— А когда тебе страшно?

— Ты когда-нибудь бегал?

Андрей не понял.

— Бегал, чтобы тебя не убили? Других убили, а ты бежишь. И ждешь, чтобы убили. Октин Хаш убил моего друга. И потом убил мою мать. Она лежала мертвая, а мы бежали и не смогли положить ее в землю. Это очень плохо.

— Это плохо, — согласился Андрей

— Мой друг хотел вернуться. Мой друг сказал — я пришел в твой род. Это честь твоего рода. Я найду твою мать. Октин Хаш оставил своих людей. Он очень хитрый. Они подкараулили моего друга. Они привезли его голову и кинули. Я закопала ее в землю.

Белогурочка подобрала ноги, усаживаясь поудобнее в кресле. Ноги были исцарапаны, на коленке белый шрам.

— Они не найдут наших в лесу, — сказала Белогурочка. — Они боятся ходить в лес ночью. А где твой нож?

— Мне не нужно.

— У твоих есть ножи, которые бьют издалека. Ты знаешь?

— Знаю.

— Октин Хаш хочет взять меня. Чтобы я жила с ним, варила ему мясо и родила ему детей.

— А он тебя видел?

— Он к нам приезжал, чтобы говорить о мире. Они сидели с отцом, и я приносила мясо. И он сказал отцу: отдай дочь — будем одна стая. А отец сказал, что я обещана. Октин Хаш смеялся и сказал, что он все равно возьмет меня. Он очень веселый, этот Октин Хаш.

Белогурочка постаралась улыбнуться, но у нее ничего не вышло.

— Он всегда приходит говорить о мире, когда хочет убить. Я сказала Жану. Он идет вас убить. Жан сказал, что не боится.

Конрад вошел в комнату. Он был доволен.

— Зал для аудиенции готов. Жалко, что кресла не золотые, — сказал он. — Андрей, загляни в столовую. Жан сменит тебе заряд в бластере.

— Зачем?

— На усыпляющий. Если что случится, я не хочу, чтобы кто-нибудь погиб.

— Все же опасаешься?

— Октин Хаш — завоеватель. Хоть первобытный, но завоеватель. А завоеватели сами изобретают себе мораль. — Конрад обернулся к Белогурочке. — Пойди на кухню. У Медеи найдется для тебя что-нибудь вкусное.

— Ты боишься, что Октин Хаш увидит меня? — спросила Белогурочка, легко вскакивая с кресла.

— А ты хочешь его видеть?

— Пускай Октин Хаш знает, что у меня есть большие друзья. А потом мы пойдем в поход и убьем его, правда?

— Иди на кухню!

Белогурочка скользнула из комнаты.

Конрад нервничал. Он-то не был завоевателем.

* * *

Уже совсем стемнело, когда Октин Хаш подъехал к станции.

Конрад с Жаном вышли встречать. Конрад позвал с собой Андрея, потому что у того были серебряные башмаки и куртка с золотыми знаками. На станции ни у кого не нашлось более впечатляющего облачения.

Они стояли возле огоньков силового поля. Небо с частыми яркими дырками звезд, куда более яркое, чем над Землей, было зеленым там, где село солнце. Сквозь стрекотание цикад доносился заунывный вой.

— Волки вышли на охоту. — сказал Конрад.

Посольство показалось Андрею продолжением неба — у горизонта возникла цепочка оранжевых звездочек. Звездочки мерцали, перемещались и становились все ярче — всадники Октина Хаша держали в руках факелы. Отблески огня играли на блестящих боках стегозавра, который черной горой выдвинулся из тьмы. Погонщик крикнул, и стегозавр замер. Его маленькие глазки красными огоньками отражали свет факелов и оттого казались злобными. Стегозавр медленно поводил огромной головой, словно принюхивался к добыче.

При виде встречавших всадники завопили, размахивая дротиками и факелами. Стегозавр медленно опустился на брюхо

— Приветствую тебя, Октин Хаш, великий вождь и мой брат, — сказал Конрад. Жан переводил.

Несколько всадников спешились, двое подбежали к стегозавру и встали на четвереньки, подставляя спины вождю.

Конрад счел момент удачным для подготовленного сюрприза. Он поднял руку, и по этому знаку со станции включили летающую лампу. Прожектор, зависший над головами, вспыхнул неожиданно и ослепляюще. Андрей зажмурился.

За эту секунду все вокруг изменилось. Стегозавр взметнулся на массивные задние лапы, когти передних дрожали над головами всадников. Погонщик, не удержавшись, полетел вниз, нелов-

ко свалившись на самого вождя, и они покатились под копыта коней. Вопли, рев стегозавра, проклятия Конрада, стук копыт, звон оружия создали всеобщий яростный грохот, словно рядом кипела битва. И уже в следующее мгновение, придя в себя, всадники ринулись вперед, построив заслон между вождем и людьми, и острый зазубренный наконечник копья закачался перед лицом Андрея. Жан, бросившийся было на помощь Октину Хашу, налетел на воина, и тот одним ударом сшиб его с ног. Резким клекотом послышался голос вождя. Жан поднялся, стоял подобравшийся, черный и прямой.

Копья опустились. Жан произнес длинную фразу, прося прощения у гостей. Потом была пауза. Жан обернулся к Конраду.

— Я объяснил, — сказал он тихо, — что мы не желали зла. Что мы хотели только достойно осветить место встречи...

Тут заговорил Октин Хаш.

— Меня нельзя испугать, — переводил Жан. — Я ничего не боюсь, но вы напугали наших животных. Так не принимают высоких гостей.

Очень толстая женщина с раздувшимся от жира лицом — глазки щелками, — облаченная в громоздкую меховую шубу, с трудом нагнулась, подобрала с земли помятую корону из красных перьев, расправила и нахлобучила на лысую голову Октина Хаша.

— Мы уезжаем, — закончил перевод Жан. — И между нами будет война.

— Какая еще война! — не выдержал Конрад. — Мы будем говорить. Мы не сделали ничего дурного. Андрей, ну подействуй на них! Нам работать нужно. С ума сойти!

— Скажи ему, Жан, — Андрей не поверил в гнев вождя, — что мы не допускали мысли, что такой смелый вождь, как Октин Хаш, изменит свое решение из-за того, что над его головой зажегся свет.

Пока Андрей говорил, он не сводил взгляда с вождя. Ему показалось, что тонкие губы Октина Хаша изогнулись в усмешке.

Октин Хаш ответил Андрею.

— Великий вождь, — с явным облегчением в голосе перевел Жан, — соизволил принять объяснения вождя Железных птиц и будет с ними разговаривать. Куда надо идти?

Проход в силовом поле был раскрыт, и Октин Хаш смело пошел вперед. За ним ринулись толпой старейшины и воины.

— Погодите! — крикнул Конрад. — Жан, скажи ему, чтобы остальные ждали здесь.

Жан не успел перевести, потому что Ингрид, которая следила

за этой сценой с пульта управления, включила вновь силовое поле, и оставшиеся снаружи воины бились о воздушную стену.

Октин Хаш остановился.

— Почему они остались там? — спросил он.

— Здесь тесно, — ответил Конрад.

— Ночь холодна, и мои воины голодны. Кто их накормит?

— Этого еще не хватало! — вырвалось у Конрада.

— Он прав. Мы нарушаем закон степи, — сказал Жан.

— Скажите им, что пищу вынесут на поляну. Там свободно. Пускай они подождут немного. Пища скоро будет готова.

Когда Жан перевел, Октин Хаш, подумав несколько секунд, кивнул и приказал воинам ждать и не беспокоиться.

— Пускай откроют консервы, — сказал Конрад, зная, что каждое его слово слышно внутри станции. — И учтите, что там человек двадцать, не меньше.

Он первым пошел к дому, ворча:

— Разорение, сущее разорение.

— Хорошо, что свита невелика, — сказал Андрей.

Они вошли в комнату. Октин Хаш сразу увидел два кресла. Он смотрел, как Конрад прошел к одному из них.

Октин Хаш отлично владел собой, Андрей отдавал ему должное. Ведь дикарь никогда не был внутри станции. Белые стены, белый пол, яркий свет, мебель — все это должно было его смутить. Спутники вождя были куда более взволнованы. Они уселись на корточки у входа, не смея ступить в глубь комнаты.

Конрад уселся в кресле, показав гостю на второе. Тот остался стоять. Они же не сидят на стульях, вспомнил Андрей.

Вдруг быстрым обезьяньим движением Октин Хаш подпрыгнул и опустился в кресло, поджав ноги. Его спутники громкими возгласами встретили это достижение.

— Мы рады, — произнес Конрад, стараясь не улыбнуться, — что великий сосед пожаловал к нам с миром.

— Я тоже люблю мир, — ответил вождь. Глаза у него были черные, мышиные, острые. — Все, кто послушен мне, будут есть много мяса...

— Хо! Хо! — поддержали вождя его спутники.

— Октин Хаш предлагает вам отдать ему этот дом и все вещи. За это вы всегда будете сыты и довольны. Он знает, что у вас много мужчин и мало женщин. Он даст вам хороших женщин.

— Жан, передай нашему гостю, — сказал Конрад, — что мы не будем жить здесь долго. Мы не хотим власти над другими стаями. Мы хотим покоя. Нам нужно, чтобы воины Октина Хаша не нападали на наших людей.

— Он обвиняет тебя во лжи, — перевел Жан. — Он говорит, что мы взяли в рабство стаю Белого волка, которая убежала от Октина Хаша.

— Они не рабы нам, — сказал Конрад. — Они пришли по доброй воле.

— А ты дашь мне дочь их вождя по имени Биллегури. Мой благосклонный взгляд упал на нее.

— А *она согласна*?

— Ты спрашиваешь желания маленькой женщины?

— Так у нас принято.

Когда Жан перевел слова Конрада, степняки, сидевшие кучкой у дверей, возмущенно заворчали.

Октин Хаш улыбнулся — рот тонкой полоской протянулся до ушей.

— Белые волки трусливо убежали от меня. Они недостойны твоей заботы, брат.

Конрад обернулся к Андрею. Он был в тупике.

— Как его убедить?

— Стой на своем, — сказал Андрей. — Он же тебя испытывает. Как только отступишь в чем-то, он сразу сделает шаг вперед.

Октин Хаш смотрел на Андрея.

— Он просит меня перевести ваши слова, — сказал Жан Андрею.

— Переведите, ничего страшного.

Жан перевел.

Октин Хаш по-лягушачьи растянул губы, пожевал ими задумчиво.

— На моем совете, — сказал он, — младшие не смеют давать советов вождю. Или ты больший вождь, чем Конрад?

Андрей не успел ответить, потому что в зал заглянул Теймур и спросил, как давать пищу воинам. Удобно ли в пластиковых контейнерах? И как будут обедать вожди? Накрывать в столовой?

— Что он говорит? — Октин Хаш был насторожен и подозрителен.

Жан объяснил, что проблема в том, как кормить его воинов.

— Пища готова? — Октин Хаш спросил это по-хозяйски уверенно. — *Тогда я пошлю моего колдуна с вашими людьми*, которые понесут пищу. Он должен очистить ее, потому что ваши люди могли ее испортить.

— Еще чего не хватало! — Конрад был искренне возмущен. — Зачем мы будем портить пищу? Мы же сами ее едим.

— Мы не знаем мыслей нашего уважаемого брата, — ответил

Октин Хаш. — Может быть, смерть моих воинов доставит ему радость.

Конрад растерянно поглядел на Андрея.

Андрей понимал его. Конрад был уверен, что встреча с Октином Хашем должна быть своего рода научным развлечением. Кладом для этнографов и антропологов. Непосредственная беседа со степным завоевателем — скрытые камеры трудятся, чтобы не упустить ни мгновения. Подарки заготовлены, угощение для вождя стынет в столовой. Пораженный могуществом людей, Октин Хаш смиренно обещает более не нападать на полевые группы, не безобразничать, и в степи наступает блаженный мир. А Октин Хаш, оказывается, настолько первобытен, что на него не действуют элегантные интерьеры станции и могущество Конрада, который умеет зажигать солнце над головой. И вообще он не хочет преклоняться перед Конрадом. Он видит в Конраде степного вождя, столь же коварного и мелкого, как сам Октин Хаш. И вместо того, чтобы выслушивать разумные предложения Конрада, он сам чего-то требует.

Не найдя поддержки у Андрея, Конрад сказал Акселю:

— Голубчик, пускай этот колдун-кастрат идет и пробует что хочет. А ты, Жан, скажи нашему гостю, что мы сейчас перейдем в столовую, где будет приготовлен скромный ужин.

— Я не буду говорить — скромный, — возразил Жан. — Так не принято говорить.

— Ну, скажи — королевский, сказочный, удивительный!

Жан сказал.

Андрей смотрел на тонкие руки Октина Хаша, которые плетьми высовывались из-под тигровой накидки. Руки были густо татуированы. Левую обвивал синий змей, хвост которого скрывался под тигровой накидкой, а голова лежала на тыльной стороне ладони. Другая рука была украшена узорами, среди которых угадывались зубастые рыбы.

— Мы недовольны, — услышал он голос Жана, который снова переводил. — Вы не отдали нам стаю Белого волка, вы не хотите мира. Значит, будет война. Мы сами отберем у тебя твоих рабов, а ты с веревкой на шее будешь идти за моей повозкой.

Говоря так, Октин Хаш не двинулся с места. Пока Жан переводил, он заинтересовался креслом, поковырял ногтем обшивку, затем принялся задумчиво чесать большой палец на ноге, став похожим на умную обезьяну.

— Мы не хотим войны, — сказал Конрад. — Мы могучие люди. Мы сильнее всех твоих армий, и ты об этом знаешь.

— Я об этом не знаю, — возразил Октин Хаш, — потому что мы еще не воевали. Но думаю, что мои воины сильнее.

— Что ему нужно? — спросил Конрад у Андрея. — Я ни черта не понимаю. Он в самом деле хочет с нами воевать?

— Вряд ли, — сказал Андрей. — Он даже не удосужился изобразить гнев. Спроси его, хочет ли он меняться с нами или торговать.

Октин Хаш кинул на Андрея острый взгляд. Жан перевел.

— Что вы мне дадите? — Октин Хаш рассматривал палец ноги.

— У нас есть пища, украшения, у нас есть котлы, чтобы варить еду. — Конрад задумался... Чем бы еще пожертвовать? Хорошо было капитану Куку. Он специально вез бусы для туземцев.

— Мы сами добудем себе пищу, — сказал Октин Хаш. — И у нас есть из чего ее хлебать. Нам нужно оружие. Железное.

«У их копий железные наконечники, — подумал Андрей. — Надо проверить. Выйти к воинам и проверить».

Но Конрада это не удивило. Он думал о другом.

— Мы не можем дать вам оружие и железо, — сказал он твердо, — потому что ты будешь убивать им других людей.

Вот зачем приехал Октин Хаш, понял Андрей. Все остальное — камуфляж.

— А зачем еще нужно железо? — удивился Октин Хаш.

— Железо нужно, чтобы строить и добывать руду, пахать поля и делать нужные вещи, — наставительно сказал Конрад, и его слова канули в пустоту.

— Железо нужно, чтобы завоевывать, — не менее наставительно произнес Октин Хаш, и старейшины, сидевшие на полу, закивали головами, поражаясь мудрости вождя.

Октин Хаш откинул полу своей накидки — у пояса висели два ножа в кожаных ножнах. Он не спеша вытащил один и протянул его Андрею, которого считал более важным вождем, чем Конрад.

Андрей взял нож. Нож был из стали. Одного взгляда было достаточно, чтобы это понять. Но даже не это более всего заинтересовало Андрея. Он понял, что основой для лезвия послужила прокатанная на заводе полоса стали, которую потом разрезали на куски и заточили. Разумеется, здесь никто еще не умеет выплавлять железо и тем более сталь. Но откуда-то в лапы Октина Хаша попала настоящая сталь...

— Это хороший нож, — сказал Андрей и вернул его Октину Хашу. — Из чего сделана такая красивая рукоять?

Октин Хаш дождался перевода и не смог сдержать удивления.

— Рукоять сделана из зуба акулы, — перевел Жан и добавил от себя: — Это в самом деле сталь?

— Да, — сказал Андрей. — Но поговорим позже.

Из-под потолка прозвучал голос Теймура — тот включил внутреннюю связь:

— Пища для воинов готова. Белогурочка говорит, что им должно понравиться. Мы понесли ее к ограде. Где их контролер?

Октин Хаш даже не взглянул на потолок. Он не выпускал из руки ножа, все еще раздумывая над словами Андрея.

Конрад сказал:

— Октин Хаш просил, чтобы его колдун проверил пищу. Пускай он пойдет и проверит.

Октин Хаш выслушал перевод и кинул два слова толстой бабе в меховой шубе. Та захихикала и с трудом поднялась с пола.

— Андрей, — устало попросил Конрад, — ты не проводишь его? И скорее возвращайся.

Андрей пошел к двери. Колдун за ним. Снаружи у дверей станции уже стоял Теймур. Рядом на тележке закрытый котел и в ящике — груда лепешек.

Белогурочка стояла у самой стены, не решаясь выйти на свет, потому что совсем близко, за невидимой преградой, столпились воины. При виде пищи они зашумели — видно, в самом деле проголодались.

Колдун заковылял к тележке.

— Он что, пробу будет снимать? — спросил Теймур.

Колдун открыл крышку котла, и оттуда повалил мясной пар, при виде которого воины за оградой еще более оживились. Колдун ткнул толстым пальцем в Теймура и заверещал.

Теймур понял. Он зачерпнул поварешкой из котла и отхлебнул. Воины, повинуясь знаку Теймура, чуть отошли от входа. Теймур покатил тележку вперед.

— Вам помочь? — спросил Андрей.

— Нет, не тяжело. Подстрахуйте меня.

— Я подожду, — сказал Андрей.

Он держал руку на бластере.

— Медея! — крикнул Теймур. — Открывай проход. Обед везем.

Зеленые огоньки в проходе погасли. Затем загорелись красным светом.

Теймур лихо вкатил тележку в проход, и воины сдвинулись, галдя, отталкивая его и протягивая лапы к лепешкам.

Андрей увидел, что колдун, видно, удовлетворенный, повернулся и вразвалку побрел внутрь станции.

Андрей решил не уходить, пока силовое поле не будет восстановлено. А где Белогурочка? Андрей поглядел вдоль стены. Именно в этот момент все и началось. Когда Андрей снова по-

глядел на ограду, Теймура не было. Толпа воинов, лязгая оружием, уже вливалась в проход в силовом поле.

— Закройте! — крикнул Андрей. — Закройте!

* * *

Стало зябко, цикады замолкли, и слышались лишь завывание ветра и треск огня — горела станция. Оранжевые языки пламени вырывались из круглых окон и дверей — зрелище было праздничным и даже веселым. Пламя искажало лица, играло на них, и потому Андрею казалось, что все вокруг смеются и гримасничают.

Воины и в самом деле веселились. Они тащили из пылающей станции вещи, назначение которых было неважно, — из любой можно извлечь выгоду. Даже в смутном состоянии ума Андрей все же отметил, что у воинов в изобилии мешки, которые они приторачивали к седлам. Значит, вся эта операция заранее подготовлена, может, даже требование накормить воинов — изобретение военного гения вождя. Странно, старался понять Андрей, почему они уверены, что победят?

Только тут он вдруг догадался, что его ведут, вернее, тащат, что его руки обмотаны веревкой. И когда воин, который вел его, дернул за веревку, в голове так отдалось болью, что Андрей взвыл.

И тут же сквозь треск пламени, крики солдат и вой ветра он услышал высокий знакомый голос Октина Хаша. Воин, который тащил Андрея, откликнулся. И веревка ослабла.

Андрей перевел дух. Боль уходила медленно. Где же остальные? Андрей оглядывался, стараясь понять, что же происходит? Вокруг мелькали лишь фигуры воинов.

Воин подергал за веревку, прикрикнул на Андрея. Андрей, чтобы не возвратилась боль, пошел вперед.

И тут он увидел Теймура. Глаза его были полуоткрыты и тускло отражали свет пожара. Он был мертв. Возле него у опрокинутой тележки лежал на боку котел, куски вареного мяса валялись в траве. Еще сохранился запах похлебки. Воин, который тащил Андрея, наклонился и подобрал из травы кусок мяса, лепешку и сунул в сумку у пояса.

Андрей оглянулся — станция пылала. Неужели он остался один?

— Эй! — закричал Андрей. Он думал крикнуть громко, но голос сорвался. — Эй, кто здесь есть живой, отзовитесь!

Воин окрысился, рванул за веревку, и опять накатилась жутка боль. Но Андрей все же услышал, как недалеко кто-то откликнулся. Вроде бы голос был мужской.

Чем дальше они отходили от пожарища, тем темнее становилось. Андрей понимал, что находится в сердце потока, который медленно стремится прочь от станции.

Рядом шла мохнатая лошадь, нагруженная мешками с добычей. Соседство Андрея ее смущало, она храпела и косила на него влажным глазом. Перекликались воины, где-то рядом, заслоняя звезды, черной горой покачивался стегозавр, и от его шагов чуть вздрагивала земля.

Вдруг по колонне прошло движение. Спереди донеслись крики. Издали им ответили другие. Воин, который тащил Андрея, остановился.

Рядом возник еле видный в темноте всадник. Андрей почувствовал — Октин Хаш. Он сказал что-то и ткнул Андрея в висок рукоятью нагайки. Засмеялся и растворился в ночи.

Воин снова потащил Андрея. Через несколько метров Андрей понял куда. Их ждали повозки, запряженные быками. Туда переваливали мешки. Воин забрался на повозку, втащив затем Андрея. Андрей оперся о мешок и поглядел в небо. Ему показалось, что одна из звездочек движется. Может, уже спускается планетарный катер? Сколько прошло с момента нападения?

Повозка дернулась и резко покатилась по ровной степи. Высокие колеса не боялись кочек. Но трясло ужасно. Андрея вырвало. Страшно хотелось пить, хотя бы прополоскать рот, ныла голова. За день ей досталось дважды.

Воин вынул флягу — сушеную тыкву с водой. Вытащил зубами деревянную пробку и поднес ко рту Андрея. В жизни еще Андрей не получал лучшего подарка. Вода была теплой, тухловатой, но это была настоящая вода. Когда Андрей напился, воин рассмеялся. Совсем молодой парень, волосы — гребнем поперек головы, шлем он держал на коленях — умаялся, волоча пленника. В темноте поблескивал панцирь.

Ах, какой предусмотрительный и умный дикарь Октин Хаш, думал Андрей. Он даже приказал повозкам подъехать ближе к станции, чтобы сподручнее увозить добро! А мы не удосужились понаблюдать за степью, когда к нам прибыли гости. Впрочем, если бы даже и наблюдали, вряд ли встревожились бы. Ну, едут по степи повозки — значит, так надо. Чем могут угрожать повозки великой несокрушимой станции?

Андрей стал слушать: вдруг в звуках этой процессии можно будет различить голоса других пленников?

Процессия была шумная — немилосердно скрипели высокие

деревянные сплошные колеса повозок, перекликались воины, свистел ветер, словно вот-вот начнется буря, ухали, тяжело вздыхали быки, хлопали бичи, которыми их погоняли.

Что дикари делают с пленниками? Приносят в жертву своим богам? Заставляют трудиться по хозяйству? А может, меняют на железо? Они сообразительные дикари. У них кинжалы из стальных полос. Откуда на этой планете могут быть кинжалы из стальных полос?..

По небу чиркнула светлая полоса — все ближе и ближе. Она стала настолько яркой, что осветила всю процессию, как молния близкой грозы. Под волнами дурноты мозг Андрея работал лениво, вяло. Это идет катер с «Граната». Вот он и прилетел. Сейчас рядом окажутся спокойные парни, они велят этим дикарям отойти в сторону, и врач даст Андрею обезболивающее... И будет только стыдно, как он позволил одурачить себя.

Вокруг засуетились люди, крики усилились — даже не зная, что происходит, воины встревожились. Завопили погонщики, подгоняя быков, замельтешили всадники вокруг. Но светлая полоса скрылась за невысоким холмом, там, где слабым розовым заревом осталась станция.

Все правильно, понял Андрей. Они сначала должны опуститься на станцию. Они же не знают, что случилось. Они должны увидеть пожарище, они будут искать людей...

Над шумом поднялся пронзительный голос. Он отдавал команды. И тут же все стихло. Только скрипели колеса и ухали быки.

Караван повернул направо. Теперь все шли еще быстрее, зная, где можно спрятаться. Ну куда же вы спрячетесь? Вы же не можете скрыть своих следов.

— Хэ! — сказал негромко воин, трогая Андрея за плечо.

Впереди горели костры. Их пламя освещало круглые кибитки большого становища.

* * *

Посреди кибитки горел глиняный светильник. Воин, который привел Андрея, не опускал копья.

— Не надейся, наши и сюда заглянут, — сказал ему Андрей.

Воин ответил что-то и ухмыльнулся.

В кибитке дурно пахло. В углу были свалены кучей шкуры.

Полог откинулся, и в кибитку, нагнувшись, вошел Жан. Лоб его рассечен, и полоса засохшей крови пересекала щеку. Его руки тоже были связаны.

— Жан! — Андрей обрадовался тому, что он не один. — Ты жив!

— Я тебе кричал, — сказал Жан. — Только ты не услышал. А Конрада убили... И Теймурика.

— Ничего, — сказал Андрей. — Успокойся.

Он сделал шаг к Жану, но воин ткнул его в грудь копьем. И тут же в кибитку втолкнули Акселя Акопяна. Тот молча отбивался. Глаз подбит, на щеке синяк.

— Вот нас и трое, — сказал Андрей. — Может, еще кто остался?

— Нет, — сказал Аксель. — Не надейся. Жан, ты здесь?

— Конрада убили, — сказал Жан.

— Наши прилетят — мы их разгоним.

— Они уже прилетели, — сказал Андрей.

— Я видел, — сказал Аксель. — Они нас ищут.

Вошел пузатый кастрат в шубе. Радостно улыбаясь, он уселся на шкуры.

— Объясни ему нашу позицию, — потребовал Аксель.

Но колдун заговорил раньше.

— Он велит нам раздеться, — перевел Жан.

— Это еще почему? — спросил Аксель. — Ты спроси: почему?

— Рабы ходят раздетыми, — перевел Жан.

— Какие мы, к черту, рабы! — возмутился Аксель. — Пускай он не надеется, что это ему сойдет с рук.

Но толстому колдуну все сошло с рук.

Через несколько минут пленники были раздеты догола. Жан и Андрей разделись добровольно и безболезненно, Аксель приобрел еще несколько синяков.

Жрец, глядя на эту процедуру, радостно хихикал, ковыряя в носу. Потом в кибитке появился еще один персонаж — голый горбатый мальчишка. Он притащил ворох грязных шкур. В это надо было облачиться. И кувшин с водой. Пленники напились, но не спешили одеваться.

Колдун сказал, что рабам не положено другой одежды. Эта одежда не хуже другой. Шкуры были грязными и кишели блохами.

Андрей встряхнул шкуру, которую взял из вороха. Поднялась пыль. Воины засмеялись. Колдун заверещал фальцетом, отмахиваясь от пыли. Андрей понял, что очень устал. Нервная реакция, глаза закрываются. Он присел прямо на земляной пол. На минуту. И больше ничего не помнил.

Колдун знал травы. Он знал, от какой травы болит живот, а какая затягивает раны. В воде, которую принес горбатый мальчик, был сок сонного корня.

Андрей все проспал. Он не видел, как горбатый мальчишка притащил серой грязи, и этой грязью пленникам измазали лица и голые ноги. Пришел еще один человек, с острыми тонкими но-

жами. Он смазал им головы жидкой глиной и соскреб волосы, оставив лишь валики, подобно петушиным гребням, отчего лица пленников изменились. Колдун сам нарисовал черной краской узоры татуировки на плечах и руках спящих пленников и остался доволен своими трудами. Он позвал Октина Хаша, который тоже смотрел на пленников и сказал, что колдун все сделал правильно.

Пленных перенесли в большую кибитку, в которой держали рабов. Их уложили среди рабов — и они растворились в человеческом месиве: даже вглядываясь в лица, не угадаешь, кто раб, а кто профессор филологии или капитан Космофлота.

Добро же, награбленное на станции, было спрятано в выгребных ямах и колодцах, вырытых под некоторыми кибитками. Предусмотрительные степняки успели вовремя. Над становищем появился планетарный катер.

Его встретили враждебно — десятки всадников мельтешили перед ним, угрожая копьями, кричали и плевали в штурмана. Тот был рад, что он в скафандре высокой защиты.

Штурмана отвели в кибитку, где на возвышении, покрытом шкурами, сидел маленький лысый человек с упрямым подбородком и узкими сжатыми губами, над которыми нависал тонкий нос. Штурман пытался показать знаками, что хочет осмотреть становище. Маленький человек ел мясо, захватывая его с подноса длинными кривыми пальцами. Кости он кидал в угол. Там сидела старая женщина, которая хватала их на лету и ела. Штурман не знал, что это мать Октина Хаша, которую тот кормил из милости.

Наконец маленький вождь поднялся и повел штурмана по становищу. Их сопровождала большая толпа дикарей. Штурман был очень упорным человеком. Он заглядывал во все кибитки, в том числе и в те, где жили рабы. Он видел спящих землян, но ни он, ни люди с «Граната» не отличили их от сотен других рабов. Убедившись, что в лагере нет пленников и ничто не связывает становище с гибелью станции, штурман доложил на «Гранат», что возвращается.

* * *

Страшно болела голова. Эта боль и разбудила Андрея. Еще не очнувшись толком, он попытался сжать себе виски и тут понял, что его голова изменилась. На ощупь она была иной. Андрей решил было, что ему снится настойчивый кошмар. В кибитке было полутемно, мутило от тяжелого запаха жилья и плохо выделанных шкур. Рядом кто-то застонал. Андрей приподнял голову — человек, который лежал там, был очень похож на кого-то. Он

был грязен, голова уродски острижена, руки татуированы. Человек открыл глаза, и Андрей понял, что это Жан.

Акселя они отыскали в другой стороне кибитки. Он еще спал.

— Зачем им это нужно? — спросил Андрей.

— Они считают нас рабами, — сказал Жан, — и хотят, чтобы мы выглядели как рабы. В мире должен царить порядок...

— Выглядели как рабы... — повторил Андрей. — А может, они умнее? Может, они боялись, что нас будут искать?

— Не переоценивай их способности, — возразил Жан. — Я тут уже скоро полгода и убежден, что подобные мысли им в голову не могут прийти. Иной уровень развития. Будь они смышленее, они бы никогда на нас не напали. Это же безумие?

— Безумие!

Завозился, просыпаясь, Аксель. Андрей сказал ему:

— Нас превратили в рабов. Даже головы побрили. Так что не удивляйтесь.

— Что за черт! — Аксель ощупывал голову. — Зачем им это нужно?

— С первобытных времен мозг человека не изменился, — сказал Андрей. — Разница лишь в характере внешней информации. Октин Хаш знает, как называются травы, умеет ездить на стегозавре и метать дротик. Мы знаем, как работать с дисплеем и включать свет.

— Он не глупее, — возразил Жан. — Он иначе устроен. Он не в состоянии предвидеть последствия своих поступков.

— Интересно, кто же тогда нас одурачил?

— Чего мы сидим? — Аксель подошел к двери кибитки и осторожно отодвинул полог.

Сквозь дверь пробивался сумеречный свет. Сколько же они проспали? Почти сутки?

— С ума сойти, — сказал Жан, словно угадал мысли Андрея.

— Уже вечер. Они нас опоили. Надо бежать.

— Куда? — спросил Андрей.

— В степь, к станции.

— Чтобы нас через десять минут догнали?

— Насколько я знаю эту местность, — сказал Жан, — здесь вокруг степь на много километров. В ней полно всяких тварей.

— Так что же, будем сидеть и ждать, пока нас поджарят?

— Я бы предпочел не спешить, — сказал Андрей. — Вернее всего, пока мы спали, здесь побывал катер.

— Так что же они нас не нашли? — обиженно спросил Аксель.

— Я бы сам не отличил вас от рабов.

— Это только предположение, — сказал Жан.

— Надо бежать, — повторил Аксель. — Дождемся ночи и уйдем.

Пришли два воина, принесли котел с вонючей теплой похлебкой. Они поставили котел у входа.

Ели Жан и Андрей. Ели с отвращением, и со стороны их попытки выловить из супа что-либо съедобное выглядели курьезно. Воины покатывались со смеху. Аксель категорически отказался есть.

— Быть гордым почетно, — сказал Андрей, — но полезнее остаться живым.

— Ценой унижения?

— У меня была тетя, — сказал вдруг Жан. Он отыскал деревянную плошку, вытер ее рукавом и зачерпнул жижи из котла. — Она очень смешно воевала с моей дочерью. На равных. Дочери было пять, а тетке пятьдесят шесть. Понимаешь, они ссорились на равных.

— Я тебя не понял.

— Ты меня не хочешь понять, иначе вся твоя гордость полетит к чертовой бабушке.

Аксель отвернулся к стене.

— Если вы не хотите, я убегу один, — сказал он после паузы.

— Знаете, кого вы мне напоминаете? — спросил Андрей. И сам ответил: — Отважного разведчика из старинного романа приключений. Он попадает в плен к врагам и гордо отказывается от угощений и попыток его подкупить.

— Я согласен с таким сравнением, — сказал Аксель.

— А они нам не враги, — сказал Андрей.

— Брюс, — произнес Аксель печально и горько, — вы здесь чужой. Для вас Конрад, Теймур, Медея, Ингрид — лишь имена. Для меня они родные люди. А эти подонки их убили.

— Мы с ними существуем в разных мирах, которые не соприкасаются. А вы стараетесь навязать им свою собственную психологию.

Квалифицированный генетик, надежда факультета вдруг оказался рабом какого-то дикого племени — эта перемена в статусе оказалась для Акселя невыносимой, и Андрей Брюс понимал, что за парнем надо присматривать — он может наломать дров.

— Черт знает что! — Аксель метался по кибитке, заложив руки за спину. — Мне бы бластер. Я бы уничтожил этого Октина Хаша. Если его не остановить, он убьет еще тысячи людей.

— Не родился бы он, родился бы другой, — сказал Жан. — Без этого истории не обойтись. Со временем и здесь додумаются до гуманизма.

— Мы, как старшие братья, обязаны вмешаться.

— И наказывать, если они будут себя неправильно вести?

— Наказывать и поощрять.

— Ты, как выяснилось, гуманный дрессировщик, — заметил Андрей, вытягиваясь на жестких шкурах. Укусила блоха.

— Это старый спор, — сказал Жан. Он сидел на земле и чесался. Видно, тоже одолели блохи. — В Центре уже давно доказали, что естественное развитие цивилизаций благотворнее, так как не создает дуализма в сознании, не готовом к восприятию идеалов.

— Чепуха. Если отнять у них детей и вырастить в нормальных условиях, они будут такими же, как наши дети. Сами же говорите, что мозг человека не изменился, — возразил Аксель.

— Значит, гуманная дрессировка с питомниками для детей. А стоит ли возиться? Может, взрослых ликвидировать?

— Зачем шутишь? Разве время шутить?

— Всегда время шутить, — сказал Андрей.

Он поднялся — заели блохи.

За стенкой кибитки послышались крики, свист, хохот — происходило что-то очень интересное.

Андрей подошел к пологу, приоткрыл его. Часовых у входа не было. В плечо дышал Аксель.

Зрелище было и в самом деле внушительным. Несколько коней, словно лилипуты Гулливера, тащили по лагерю тушу динозавра. Туша была метров пятнадцать в длину, и толстый у основания хвост тянулся по пыли еще метров на десять. Вокруг туши прыгали ребятишки и суетились женщины. Тушу бросили на площади посреди становища. Появился жирный колдун. Его помощник нес за ним короткий широкий меч. Толпа загомонила в предвкушении зрелища.

Колдун взял меч и остановился у брюха динозавра. Он стоял так довольно долго, и толпа криками подбадривала его.

Затем он сделал резкое колющее движение мечом, и меч вошел по рукоять в тушу динозавра. Взявшись за рукоять обеими руками, колдун старался распороть грудь чудовища. Ему было трудно — надутое лицо стало мокрым от пота.

Отбросив меч, колдун сунул обе руки в тушу и резким движением вырвал сердце динозавра. Сердце было большим, тяжелым, оно обвисло в руках жреца. Толпа завопила от восторга.

— Трудно привыкнуть, — сказал Жан за спиной Андрея.

— Зачем привыкать?

— Не хочется доживать век рабом Октина Хаша.

С двух сторон к старому колдуну подскочили воины и подхва-

тили тяжелое сердце Подняв его на руки — кровь капала им на лица и плечи, — они понесли его Октину Хашу.

Тот вытащил кинжал, склонился, отрезал полоску мяса и поднес ко рту. Он жевал, а толпа прыгала от радости.

— С ними ты собираешься воевать? — спросил Андрей, оборачиваясь к Акселю.

Аксель исчез.

— Жан, где он? — спросил Андрей.

Жан откинул полог и заглянул в кибитку.

— Там его нет, — сказал он.

— Так я и думал. Он сбежал!

Прямо над головой раздался резкий крик. Октин Хаш подъехал незаметно. Его рот был измазан кровью.

Жан тихо ответил.

— Что он спросил?

— Он спросил, где третий. Я сказал, что скоро вернется. У него болит живот, а он не хочет гадить в кибитке.

Октина Хаша ответ не удовлетворил. Он громко свистнул. Тут же все в лагере позабыли о динозавре. Поднялась суета, словно в муравейник капнули кипятком. Воины затолкали пленников в кибитку.

— Идиот! — Жан ударил кулаком по центральному шесту кибитки. — Мальчишка!

Неожиданно, как будто остановились часы, суматоха улеглась. Один из воинов, что стояли в проеме кибитки, сказал что-то.

— Он говорит — поймали, — сказал Жан.

Октин Хаш вошел в кибитку.

— Плохой раб не нужен хозяину, — сказал он, глядя на Андрея и чуть улыбаясь. — Ты понимаешь, вождь.

Жан добавил от себя:

— Я боюсь, что его убили.

— Я тоже, — сказал Андрей.

Октин Хаш спокойно слушал, как разговаривают пленники. Когда он решил, что пленники поговорили достаточно, он сказал длинную фразу, которая привела в смущение Жана. Тот начал спорить. Октин Хаш почти игриво погрозил ему нагайкой и ушел.

— Что еще он придумал?

— Он сказал, что ты поедешь с колдуном к святилищу ведьм. Ты вождь. Тебя ждут ведьмы. А я останусь здесь. Я ему сказал, что мы не хотим разлучаться.

— Что это за святилище?

— Я там не был. Это где-то в горах. Судя по съемкам, там ничего интересного.

Смеркалось, в кибитке был полумрак, у входа чернели неподвижные силуэты воинов. Андрею почудилось, что в дальней стороне кибитки стоит Аксель. Но это была лишь память об Акселе. Андрею хотелось верить, что Аксель жив — только отделен от них. И потому они с Жаном не говорили о нем.

— У тебя есть план? — спросил Жан.

У Жана была странная привычка — разговаривая, он потирал руки, словно готовился рассказать очень смешной анекдот.

— Дождемся ночи. Я думаю, они все будут спать. Нам надо добраться до лошадей. Без них нас сразу догонят.

— Я никогда не ездил на лошади, — сказал Жан виновато.

— Другого выхода нет. Мы должны рассчитывать на то, что за планетой наблюдают с корабля.

— А как мы дадим о себе знать?

Андрей пожал плечами.

Полог откинулся, показав зеленое вечернее небо. Громоздкий силуэт колдуна закрыл небо. Визгливый голос наполнил кибитку.

— Он говорит, — в голосе Жана было отчаяние, — чтобы ты выходил.

— Значит, планы несколько изменились, — сказал Андрей, стараясь, чтобы голос его звучал бодро. — Ты жди меня. Все кончится хорошо.

Жан подошел к Андрею. Его глаза в полутьме казались черными колодцами. Жану было страшно. Он никогда в жизни не оставался один среди тех, кому все равно — жив ты или нет.

Жан протянул руку — холодную и влажную. Они обнялись. Колдун покачивался в проеме. Жан дошел с Андреем до выхода. Дальше его не пустил воин.

Группа всадников ждала на пыльной площадке. Андрею и колдуну подвели коней. Ноги Андрею связали под животом коня. Рядом ехали воины.

Обернувшись, Андрей увидел, что в становище царит оживление. С некоторых кибиток стянули шкуры — остались лишь громадные клыки мастодонтов. Пыль от конских копыт завилась смерчем.

На «Гранате» тоже видели этот клуб пыли — серое пятно на темной равнине. Дежурный дал максимальное увеличение — отряд состоял из степняков, их можно было угадать по одежде и странным прическам. Дежурный понял, что из становища отпра-

вились разведчики, может, охотники. И отметил этот факт в журнале наблюдений.

Отметил он также и то, что, едва стемнело, другие всадники отправились из лагеря, в котором укрывались остатки стаи Белого волка. Приблизившись к становищу Октина Хаша, они замедлили движение, поднялись на пологий холм невдалеке от становища и там спешились.

Дежурный с интересом наблюдал за этими перемещениями. Как странно, думал он, я вижу этих людей с немыслимой для них высоты. Для меня они — точки, муравьишки в темной бескрайности степи. А каждый из них — особый мир. У кого-то из всадников болит зуб. А другой думает о своих детях, оставшихся в становище. Или проклинает вождя, который послал его, на ночь глядя, в дорогу. Эти дороги в степи могут привести к смертельной стычке. Будут свистеть стрелы, а я их не услышу. И кто-то из всадников будет корчиться в траве, обливаясь кровью, и встретится, не зная об этом, последним взглядом со мной.

* * *

Через полчаса отряд перешел на шаг. Степь казалась огромной чашей, наполненной парным зеленым воздухом и ароматом теплых трав. Здесь, на открытом пространстве, цикад было куда меньше, и их пение не заглушало иные звуки — далекий рев и уханье какого-то зверя, возникший из ничего и угасший вдали топот множества копыт, визг настигнутого совой грызуна... Спереди загорелись фонариками зеленые глаза.

— Йиййй-хо! — завопил воин, что ехал рядом с Андреем, ударил пятками в бока коню. Тот рванулся вперед. Воин метнул копье, раздалось рычание. Огоньки исчезли.

Толстый колдун, оседлавший коня, заговорил тонко и быстро. Он склонил голову, чтобы заглянуть Андрею в глаза, словно не мог допустить мысли, что на свете есть люди, не понимающие его.

— Что ж тебе сказать? — ответил Андрей по-русски. — Меня тоже интересует, куда мы едем на ночь глядя? Наверное, вы торопитесь, если не легли спать, как положено людям.

— Хо! — сказал колдун, словно был удовлетворен ответом.

Потом ехали молча. Воины не разговаривали. Они настороженно прислушивались к звукам ночной степи, непонятным для Андрея.

Впереди показалось темное пятно — воины увидели его раньше, чем Андрей. Заговорили. Воин вытянул нагайкой коня, на котором ехал Андрей, чтобы тот не отставал.

Через несколько минут отряд приблизился к куще деревьев. Они окружали низину, в которой, журча по камешкам, бил родник.

Зашелестела листва — в воздух поднялись испуганные летучие мыши. От деревьев в степь ринулись маленькие антилопы. Несколько воинов поскакали за ними, стреляя из луков. Большая змея, приминая траву, скользнула у самых ног коня, тот встал на дыбы, захрапел, и воин еле успел поддержать Андрея.

Воины спешивались. Видно, решили остановиться на ночь. Андрей был несказанно рад — связанные ноги затекли, и все тело ломило — на коне он не ездил лет десять, без седла — никогда. Когда ему развязали ноги, он упал, и воины долго смеялись.

Колдун достал кремень, трут и стал выжигать огонь. Воины притащили сухие ветки. Скоро разгорелся костер.

«Странно, — подумал Андрей, — какого черта они выехали вечером и через три часа остановились на ночевку? Почему бы не отправиться в путь с утра?»

Где-то шумела речка — ночью звуки разносятся далеко. Воины развязывали мешки, что висели у них на поясах, доставали еду. Никто не подумал накормить Андрея. Ему хотелось одного — вытянуться во весь рост и утихомирить боль в ногах и спине.

Не спалось. Усталые мысли крутились вокруг возможности убежать.

«Они меня не связали. Может, забыли. Или не считают нужным. От становища ехали степью, ровно, без ориентиров. Проехали километров тридцать. Если даже с корабля сканируют поверхность планеты, меня не заметили. Да и как заметишь — я не отличаюсь от прочих степняков. Надежда одна — дать знак на орбиту. Все это благие мечтания в духе романтиков.

Допустим, я увел коня, допустим, мне удалось ускакать. Как я укроюсь от погони, если они знают каждый уголок степи?»

Воины сидели у костра и тихонько завывали. Толстый колдун хлопал в ладоши и порой взвизгивал.

Андрей пошевелил пальцами ног — вроде бы ноги отошли. Он не спеша поднялся, как поднимается дрессировщик в обществе еще не укрощенных тигров: главное — не спугнуть.

Колдун посмотрел на него, что-то спросил. Андрей выразительно показал, что ему надо по нужде. Колдун кивнул — понял. Один из воинов поднялся, подобрал с земли копье и пошел следом за Андреем, не спуская с него глаз.

Когда Андрей вернулся, колдун протянул ему баклагу с водой. Воин связал ему ноги и руки. Они не хотели рисковать.

Хорошо герою приключенческого романа. Он обязательно перетрет узы о кстати попавшийся корень и на быстром коне умчится навстречу ветру, где его ждут друзья. Андрей подвигал руками. Веревка была обмотана надежно.

Костер догорал. Один из воинов улегся рядом с Андреем. Колдун сидел у затухающего костра, как нахохлившийся пушистый птенец. О чем он думает? Может, о смысле жизни? Андрей устроился поудобнее. Какое-то насекомое пробежало по руке. Воин поднялся и пошел к краю леса, в дозор. Шумела речка. Что-то прошуршало в траве. Вот ты и путешествуешь по экзотической планете, капитан Брюс. Несколько неожиданным образом. Андрей беспрестанно шевелил кистями рук, чтобы ослабить веревку. Не потому, что надеялся чего-то этим достичь, — тело требовало действий... «Пропал без вести», — напишут обо мне.

* * *

Когда все тело насторожено, мозг оставляет бодрствовать малый свой участок, и от любого прикосновения, от звука ты просыпаешься, но остаешься недвижен. Ты среди врагов...

Андрей проснулся, но не открыл глаз. Он ждал. Чья-то рука ощупала его лицо. Пальцы были жесткими. Потом к уху прикоснулись теплые губы, и, как дуновение ветра, послышался шепот:

— Андрей.

Андрей открыл глаза и очень осторожно повернул голову. Начинался рассвет, воздух был синим. Он увидел рядом чью-то голову, блестят, отражая свет звезд, глаза.

— Тихо-тихо, — прошептала Белогурочка.

Андрей заметил, как блеснуло лезвие ножа. Нож врезался в веревку. Он быстро и легко пилил ее. Веревка лопнула, лезвие соскочило и полоснуло по руке. Было почти не больно, но сразу пошла кровь. Андрей прошептал:

— Ноги тоже.

Тень заслонила звезды — Белогурочка склонилась к ногам.

— Ползи за мной, — сказала она, выпрямляясь.

Белогурочка держала его за руку и тянула за собой. Андрей медленно приподнялся, колено натолкнулось на руку воина, спавшего рядом. Он еле подавил крик, метнувшись в сторону.

— Не бойся, — шепнула Белогурочка. — Он не живой.

Вот и край леса. Степь была серебряной от света луны. Прямо перед ним стоял всадник, слишком большой на фоне неба.

— Это мой брат, — сказала Белогурочка.

Всадник держал на поводу двух коней.

«Только не верхом!» — чуть не вырвалось у Андрея.

Без стремени забираться на коня было неудобно. Андрей сорвался. Конь переступил копытами и вдруг заржал. Брат Белогурочки рванул Андрея за локоть, помогая взобраться на коня. Получилось шумно. В то же мгновение сзади из рощи раздался крик.

— Скорее! — крикнула Белогурочка. И что-то еще, отрывисто, брату.

— Ийиех! — крикнул тот. — Ийиех!

Его крик потонул во взрыве конского топота и оглушительных воплях. Из степи неслись навстречу всадники. Конь Андрея закрутился на месте. Белогурочка, которая уже твердо сидела верхом, вцепилась в гриву коня и повлекла его за собой, навстречу всадникам, которые пролетели совсем рядом, стремясь к роще. Андрей и Белогурочка поскакали прочь.

— Это мои! — крикнула Белогурочка.

Сзади неслись вопли, звон клинков, визг, ржание коней. Белогурочка скакала впереди. Андрей за ней. Его конь сам знал, что ему делать. Андрею надо было лишь удержаться на нем.

Степь пошла под уклон. Внизу было неровное море тумана, и Белогурочка постепенно проваливалась в него. Туман подступал к брюху коней, затем невесомой мутью скрыл Белогурочку по пояс, по грудь, по шею — с головой. И она пропала в тумане. А потом ничего не было видно. Только стук копыт спереди и крики сзади.

— Осторожно! — крикнула Белогурочка из тумана. — Будет вода!

Конь слушался плохо, словно понимал, что его всадник неуверен.

Вода журчала рядом. Сквозь журчание прорвался всплеск, покатился камень. Туман отнесло ветром, и Андрей увидел, что впереди широкая неспокойная полоса воды, сквозь неглубокий слой которой видны обкатанные камни. Конь ступал осторожно, камешки расползались под копытами. Быстрая вода бурунами вскипала у ног.

— Эй! — негромко окликнула его Белогурочка. — Ты живой?

— Все в порядке, — сказал Андрей.

Переправа через речку, оказавшуюся хоть мелкой, но очень широкой, заняла много времени. Потом берег полого пошел вверх, и еще через несколько минут они выбрались из тумана.

Звезды потускнели, у горизонта тянулась розовая полоса —

собиралось взойти солнце. Было такое ощущение, словно поднялся над облаками — ватный покров тумана скрывал землю и съедал звуки.

Белогурочка прислушалась. Андрею казалось, что ни один звук не вырывается из-под белой ваты. Но она все же услышала. Сказала:

— Можно немного отдыхать.

— Как ты меня нашла? — спросил Андрей.

— Наш человек смотрел за вами.

Быстро светало. Словно отдохнув за ночь, в мир возвращались краски. Лоб Белогурочки был перетянут металлическим обручем, украшенным аметистами, за обруч заткнуто большое синее перо, словно Белогурочка играла в индейцев. Она походила на мальчишку. Волосы острижены коротко, торчат бобриком, тонкий нос с горбинкой, раздутые ноздри, впалые щеки, глаза внимательные, настороженные. На Белогурочке была черная кожаная куртка с нашитыми на нее костяными пластинами, короткая юбка доставала до середины бедер. Руки обнажены, за широким поясом два ножа.

— Они за нами гонятся? — спросил Андрей.

— Не сейчас. Позже. Но они не успеют.

— Объясни, — сказал Андрей. Ему очень хотелось сойти с коня — он все-таки не создан для верховых прогулок. Но перед девушкой было неловко признаваться в этом. Она казалась девицей-кентавром — одно целое с конем.

— У нас мало воинов, — сказала Белогурочка. — Совсем мало. Сколько пальцев на руках. Понимаешь?

— Десять.

— Десять. И еще два. И отец мой больной. Отец сказал: Октин Хаш нарушил мир. Октин Хаш враг. Враг наш и наших друзей. Ты понимаешь? Он убил господина Конрада. Он убил Медею. Он увел в плен троих мужчин.

— Акселя убили?

— Акселя убили. А мы не могли убить Октина Хаша. У него много людей. Они смотрят. Потом мой брат прискакал и говорит: того, кто прилетел вчера, повезли к святилищу ведьм. С ним две руки воинов и колдун, который не мужчина. Тогда я сказала: мужчина, который прилетел вчера, — великий вождь Андрей. Отец болен. Нам нужен новый вождь. Ты будешь мой мужчина. Ты понимаешь?

— Почти все, — сказал Андрей, сдерживая улыбку. Он и не подозревал, что его судьбой намерен распоряжаться не только Октин Хаш.

Белогурочка угадала улыбку в его глазах.

— Не смейся! — Она ударила коленями коня, и тот взвился на дыбы. — Ты будешь смеяться — я тебя убью. Нельзя смеяться надо мной. Духи увидят, что смеются над дочерью вождя, и будет позор нашей стае.

— Я не смеюсь, — сказал Андрей. — Рассказывай дальше.

— Мы догнали вас у маленького леса, где надо спать.

— Почему мы выехали вечером, — спросил Андрей, — а потом остановились?

— Это ясно, — сказала Белогурочка. Почему-то она полагала, что ясное ей должно быть ясно и Андрею.

Она замолчала, прислушиваясь. Последние звезды погасли, где-то в тумане у воды глухо запела птица.

— Все, — сказала Белогурочка. — Катурадж.

— Что?

— Катурадж — это значит «прощай», — сказала девушка.

— С кем ты прощаешься?

— С братом, — сказала Белогурочка. — Его больше нет.

— Он умер?

— Он ушел туда. — Белогурочка показала вверх, к редким перистым облакам.

Лицо ее было спокойным. Непонятно было, горевала она или смирилась с неизбежным.

— Это все я придумала. Как я тебя разбужу и выведу. Один человек рядом с тобой проснулся. Я его убила. Я тебя вывела. И мои братья напали на колдуна и его людей. А потом поскакали в другую сторону. Колдун думает, что ты вместе с ними. И они скачут за моими братьями. А мы перешли реку.

— Они догнали братьев?

— Они догнали одного брата... другие ускакали.

— Ты так далеко слышишь?

— Я слышу тут, — она показала себе на грудь. — А тут, — она показала на ухо, — слышу, как колдун и его люди вернулись в маленький лес и теперь ищут наши следы. Скоро они поскачут сюда.

— Нам надо спешить?

— Подожди. — Белогурочка соскочила на землю. К куску кожи, который заменял ей седло, была приторочена сумка. Она достала оттуда два куска вяленого мяса. — Мы будем есть.

Андрей подчинился. Он не понимал, почему сначала они так спешили, а теперь должны ждать.

— Нас не догонят? — спросил он.

— Немного не догонят, — сказала Белогурочка.

Она уселась, скрестив ноги, на покрытую росой траву и принялась отхватывать куски мяса белыми крепкими зубами.

— Ешь, — сказала она, заметив, что Андрей держит мясо и прислушивается. — Ты мужчина, тебе не должно быть страшно.

— Согласен, — сказал Андрей. — А зачем меня повезли в это... святилище?

— В святилище ведьм? Ведьмы тебя ждут. Ты особенный. Ведьмы будут довольны. Они помогут Октину Хашу.

— Очень приятно, — сказал Андрей.

— Это неприятно. — Белогурочка не шутила. — Потом тебя отдадут великой рыбе. Катурадж.

— Ты не хотела, чтобы меня отдали ведьмам?

— Зачем нам мертвый вождь? — удивилась Белогурочка.

— Ты права, — согласился Андрей.

Туман уполз, словно втянутый рекой. Открылся дальний берег — он полого поднимался, переходя в ровную степь, и далеко, у самого горизонта, Андрей различил темное пятно — рощу, где он ночевал. У того берега, погрузившись по колени в воду, стоял небольшой ящер и лениво поводил головой, словно раздумывал, то ли ему окунуться, то ли лучше погреться на солнце, край которого уже показался над горизонтом.

Вдруг ящер резко поднял маленькую изящную змеиную голову. Андрей поглядел вдаль и увидел, что от рощи по реке скачут маленькие всадники.

— Смотри, Белогурочка! — сказал Андрей. Он отбросил недоеденный кусок мяса и сделал шаг к коню. Конь тоже насторожился. Его ноздри трепетали.

— Я слышу, — сказала Белогурочка. Она подобрала с земли кусок мяса и спросила: — Ты не будешь есть?

— Нет.

— Не кидай мясо — это пища. Его надо класть в сумку, если не доел. — Она говорила голосом старшей сестры, которая вынуждена втолковывать простые вещи неразумному братцу.

— Ты почему стоишь?

— Сюда не достанет, — сказала Белогурочка.

Ящер побежал от воды, навстречу всадникам. И тут Андрей услышал нарастающий шум — глухой и непонятный, в нем была такая грозная настойчивость, что Андрей замер, глядя туда, где в остатках тумана нечто огромное и несокрушимое двигалось вверх по течению. Он даже непроизвольно отступил на несколько шагов вверх по склону, но остановился. Белогурочка не двинулась с места.

Всадники заметили беглецов. Они стали осаживать коней. Один из них поднял лук и выстрелил через реку.

Стрела не долетела до Белогурочки. Тогда самый отчаянный из воинов ударил коня хлыстом, тот подчинился хозяину и помчался.

Словно разворачивали гигантский сверкающий ковер, округлым валом поднималась волна, выталкивая пеной мирно журчавший слой воды.

Всадник, который столь неосмотрительно подскакал к воде, разворачивался. Конь перепугался, крутился на месте, когда вал был уже близко, он сбросил всадника, их обоих подхватила вода, закрутила... Андрею почудилось на секунду, что голова лошади показалась в пене, — но вал уже промчался дальше, и вода успокаивалась. Река стала вдвое шире. Угасающий грохот волны дополнился звонким смехом Белогурочки.

— Ты что? — спросил Андрей, все еще потрясенный.

— Ты видел, как смешно? — сказала она, вытирая слезы. — Иеех! И нет его.

— Не знаю, — сказал Андрей. — По-моему, это не смешно.

— Он был враг, — пояснила Белогурочка.

— Скажи, — спросил Андрей, — а далеко отсюда море?

— Море?

— Большая вода. Очень большое озеро, которому конца не видно.

— Большая вода — полдня пешком.

— Волна приходит каждый день?

— Каждый день. На рассвете.

— Значит, каждый день на рассвете по реке проходит приливная волна. И все об этом знают. Поэтому колдун выехал вечером, чтобы до утра успеть перейти реку. И ты не боялась, что они нас догонят.

— Конечно, — сказала Белогурочка равнодушно. — Если ты знаешь, зачем спрашиваешь?

— Что же дальше?

— Дальше мы пойдем к месту, где гора разрезана кинжалом, — сказала Белогурочка. — Там будут ждать мои братья. Пора.

Она показала на тот берег. Воины Октина Хаша сошли с коней и собрались в круг. Над ними поднялась тонкая струйка черного дыма. Она становилась гуще и поднималась все выше. Потом колдун что-то кинул в костер, и дым стал оранжевым.

— Что они делают? — спросил Андрей.

— Это знак, — сказала Белогурочка. — Они дают знак своим людям на этом берегу. Они видят знак и спешат нас схватить.

— Понял, — сказал Андрей.

На этот раз он с первого раза вскочил на коня. И конь, видно, привык уже к нему.

Вскоре преследователи скрылись из глаз, но столбы черного и оранжевого дыма виднелись еще долго.

* * *

Кони трусили довольно резво, утро было прохладным и влажным. Травы щедро делились с воздухом своим ароматом. Яркие бабочки и громадные стрекозы реяли над травой. Одна из стрекоз, крылья в полметра, лениво уходила от археоптерикса, который раз за разом промахивался, обманутый неспешностью стрекозиного полета. Белогурочка направлялась не прямо к холмам, а держалась недалеко от реки. Андрей поравнялся с ней, и они поехали рядом.

— Я не хочу прямо, — сказала она. — Они думают, что мы поедем прямо. Они там ждут.

Она показала в сторону холмов.

— Нам долго ехать? — спросил Андрей.

— Долго. Только не очень Твоя стая погибла, — сказала Белогурочка. — Теперь ты в стае Белых волков. Мой отец умирает, ты будешь наш вождь. Хорошо?

— Я думаю, что моя стая не погибла, — сказал Андрей. — За нами прилетят.

— Это хорошо, — сказала Белогурочка. — Они придут, и мы вместе убьем Октина Хаша.

Не было смысла ее разубеждать.

— У Октина Хаша остался Жан, — сказал Андрей. — Мне надо его освободить.

— Его, наверное, не убьют, — сказала Белогурочка. — Октин Хаш его будет держать. Жан знает язык. Он колдун.

Андрей поверил Белогурочке. Это было разумно — переводчик пригодится Октину Хашу, предусмотрительность которого порой поражала. Но тут же Белогурочка разрушила иллюзию.

— Только теперь он, пожалуй, отдаст Жана ведьмам, — сказала она задумчиво.

— Почему?

— Ты — большой вождь. Тебя хотят ведьмы. А если тебя нет, кого им отдать? Надо взять другого. Очень просто.

— Жана принесут в жертву вместо меня?

— Больше у него нет людей из твоей стаи, — сказала Белогурочка. — Очень жалко Жана. Он хороший. Он меня учил.

— Мы можем его освободить?

— Я не знаю, — сказала Белогурочка. — У нас нет людей. Совсем мало моих братьев. Они согласились освободить тебя, потому что я сказала, что ты мой мужчина и великий вождь.

— Жан тоже будет мужчина в нашей, в вашей стае.

— Ты не умный. — Белогурочка нахмурилась. — Чтобы освободить Жана, надо, чтобы погибли все мои братья.

— Но почему они должны погибнуть?

— Потому что Октин Хаш сам повезет Жана к святилищу. Он не хочет два раза ошибиться. Нельзя сердить ведьм.

— Когда Октин Хаш поедет к этому святилищу?

— Он идет медленно. Много повозок, много людей — идут медленно. А тебя послали вперед, чтобы быстро. Надо понимать!

Белогурочка ударила пятками по бокам коня, и тот поскакал быстрее. Конь Андрея припустил за ним.

Дикая, тупиковая ситуация. Оказывается, своим освобождением он ставит под угрозу жизнь Жана. Черт бы побрал эту планету!

— Скорей! — крикнула Белогурочка. Она гнала коня к небольшому крутому холму, который, как темя ушедшего в землю великана, поднимался над степью.

В голосе ее чувствовалась тревога. У Белогурочки была замечательно организованная нервная система — она переживала ровно столько, сколько необходимо Ни секунды более. Дополнительные тревоги, которые с помощью воображения взваливает на себя цивилизованный человек, ее не мучили.

Кони, быстро дыша, внесли их на холм.

— Смотри, — сказала Белогурочка.

Андрей ничего не видел.

— Ты как старый слепой старик, — сказала Белогурочка. — Как ты стал вождем, если ты такой глупый?

И тут Андрей увидел. По степи, раздвигая высокую траву, плыла бурая туша.

— Сколько мяса! — произнесла Белогурочка. — Сколько хорошего мяса. Его трудно поймать.

Огромный мастодонт — туша на толстых ногах, хобот вытянут вперед, трехметровые бивни торчат кверху — приближался к холму. И только тогда Андрей увидел преследователей. Сначала ему показалось, что это большие обезьяны, рыжие и серые. Они бежали, порой становясь на четвереньки, а порой выпрямляясь и передвигаясь на двух ногах. Бежали они молча, и степь, столь оглушительно певшая, замолкла и пережидала погоню.

Когда мастодонт приблизился, Андрей понял, что эти суще-

ства слишком велики и слишком легко передвигаются на двух ногах, чтобы быть обезьянами.

— Ууууш, — прошептала Белогурочка. — Очень плохие.

Мастодонт выдыхался, лишь ужас гнал его вперед. Один из преследователей обогнал его и, подпрыгнув, ухватился за бивень. Мастодонт задрал голову вверх, и преследователь взлетел высоко над землей, но не ослабил хватки. Как бы повинуясь этому сигналу, остальные кинулись на мастодонта, хватая его за ноги, взбираясь на спину, и тот, как жук, облепленный муравьями, волочил врагов вперед, и в этом была безнадежность жертвы, которая почуяла близость смерти.

Андрей заметил, что у одного из охотников, который вцепился в загривок мастодонта, в руке большой острый камень и он быстро и яростно долбит этим камнем основание шеи мастодонта. Оттуда фонтаном брызнула густая, почти черная кровь. Мастодонт как-то сразу ослаб, перешел на шаг и упал метрах в двухстах от холмика, на котором стояли люди.

— Скорей, — прошептала Белогурочка, — пока они заняты.

Они начали спускаться так, чтобы холм остался между ними и обезьянами. Андрей обернулся и увидел морду, вернее, лицо обезьяны — одна из них услышала стук копыт и поглядела им вслед.

Это была не обезьяна. Но и не человек.

— Питекантроп, — произнес вслух Андрей.

— Они очень плохие, — сказала Белогурочка, оборачиваясь и торопя коня. — Хорошо, что они заняты. Они бегают как кони. Если им попадается человек, они убивают и едят.

— А вы их убиваете? — спросил Андрей.

— Конечно, убиваем, — сказала Белогурочка. — Они же плохие. Когда наша стая была большая и сильная, мы один раз делали большую охоту. Я пять стрел пустила в одного, а он все равно хотел меня убить. Это была большая охота, йех!.. Только мясо у них совсем невкусное.

Андрей еще раз обернулся. Холм скрыл от них питекантропов.

Степь снова оживала, наполняясь гулом и пением насекомых и птиц. И казалась пустынной, лишь далеко, у самого горизонта, паслись какие-то крупные животные.

— Андрей, — сказала Белогурочка, — возьми.

Она передала ему нож. Нож был железный.

— Откуда вы их берете? — спросил Андрей. — Разве вы умеете делать такие ножи?

— Нет, — сказала Белогурочка. — Мы их меняем на разные вещи.

— У кого?

— Раньше, когда не было Октина Хаша, мы посылали людей к святилищу ведьм. Ведьмы давали нам ножи и другие железные вещи. А теперь мы не можем туда идти. Только Октин Хаш ходит туда. У нас осталось мало стрел и ножей.

— А откуда железо у ведьм?

— Разве кто знает? Ведьмы делают его, правильно?

— Вот это меня и интересует, — сказал Андрей.

— Мы туда не пойдем, — сказала Белогурочка твердо.

— Но нам надо освободить Жана.

— Я могла спасти тебя, потому что у колдуна было мало людей. А Жана спасти нельзя. Как ты будешь воевать со всеми воинами Октина Хаша? Они тебя убьют. У них столько стрел, что тебя превратят в большого ежа. Вот сколько будет из тебя торчать стрел.

Они ехали без происшествий еще часа три. Стало жарко. Ветер утих, небо стало белым и горячим. Кони плелись еле-еле.

— Они пить хотят, — сказала Белогурочка.

— Мне тоже хочется, — сказал Андрей.

— Скоро будет вода. Надо ждать. Ты как маленький. Разве мужчина говорит, что хочет спать и есть?

— А женщины говорят?

— Только рабыни, — сказала Белогурочка, и по ее тону было ясно, что она не рабыня.

Горы приблизились и постепенно потеряли прозрачность голубизны. Они оказались палевыми, выцветшими.

— Мы там будем ждать, — сказала Белогурочка. — Туда придут братья. Теперь уже недалеко.

Копыта коней зацокали по твердому. Перемена в звуке была столь неожиданна, что Андрей вздрогнул. Оказалось, что они выехали на дорогу. Дорога была старой, в трещинах бетона проросла трава.

— Погоди, — сказал Андрей, останавливая коня и спрыгивая на бетон.

— Нам надо спешить, — сказала Белогурочка. — Зачем ты слез?

— Мне надо поглядеть, — сказал Андрей. — Эта дорога куда идет?

— Я не знаю.

— Она здесь давно?

— Глупый, это старая дорога. Она здесь всегда.

Андрей отколупнул кусочек бетона. Бетон был стар и крошился.

Андрей посмотрел вперед — дорога пропадала в высокой, в рост человека, траве. Он обернулся — дорога терялась в зелени.

— Это очень интересно, — сказал он, взбираясь на коня. — А другие дороги здесь есть?

— Такие дороги? Есть. А что?

— И вы никогда не задумывались, кто их проложил?

— Мы знаем. Это старые люди. Те, что жили здесь до нас.

— А куда они делись?

— Я же сказала — старые люди. Они умерли. Это все знают.

Они поехали дальше по дороге. Порой она совсем пропадала в траве и в кустах, порой попадался сохранившийся отрезок. В одном месте дорога пересекла рощицу, раскидистое дерево росло посреди бетона. Дереву было лет сто, не меньше.

Белогурочка дорогой не интересовалась, она была настороже, поглядывала по сторонам.

— Ты чего боишься? — спросил Андрей. — Зверей?

— Я ничего не боюсь, — сказала Белогурочка. — Но нас ищут. Вся степь знает, что я тебя украла.

— Скажи, а ты никогда не видела домов? Не таких, как твой дом, а домов, сделанных из камня.

— А зачем дом из камня? — удивилась Белогурочка. — Как ты его сложишь, когда хочешь откочевать?

— А может, старые люди не кочевали? Ведь мы не кочуем.

— Вы не кочуете? А зимой, когда звери уходят на юг в теплые места? Когда снег? Что вы будете кушать? Надо откочевать.

— Значит, не видела?

— Поехали скорей, — сказала Белогурочка. — Мне не нравится.

— Что тебе не нравится?

— Не нравится, и все тут! — Белогурочка поскакала вперед, ударяя голыми пятками в бока своего коня, и Андрей хотел было последовать за ней, но тут увидел на дороге в широкой трещине нечто блестящее.

— Погоди! — крикнул он Белогурочке. — Одну секунду!

Соскочив с коня, он побежал назад.

Так и есть: он вытащил из трещины несколько небольших, как горошины, металлических шариков. Их поверхность была совершенно гладкой, коррозия их не тронула. Даже самый умелый кузнец не смог бы выковать или отлить такой шарик. Теперь у него не оставалось сомнений, что на этой планете раньше жили иные люди. Святилище ведьм приобретало особый интерес. Мо-

жет, оно связано с памятью о пришельцах. Может быть, именно там и можно будет придумать, как дать о себе знать.

Белогурочки не было видно — высокая, в человеческий рост, трава скрыла ее. Конь, не дожидаясь Андрея, пошел вслед за Белогурочкой, и Андрею пришлось бежать за ним, на бегу придумывая, куда бы спрятать шарики, — карманов на шкуре не было. Конь подпустил Андрея на несколько шагов, но тут же передумал и потрусил прочь. Запихав шарики за щеку и невнятно мыча, Андрей помчался следом.

— Эй! — крикнул он, и голос его угас, заглушенный травой и размытый густым жарким воздухом.

Ему показалось, что спереди донесся крик. Трава стояла неподвижная и густая, жужжали мухи, у ног скользнула ящерица с громадной головой. Под ногами была жесткая земля. И вдруг он понял, что, если Белогурочки нет, он навсегда останется в этом травяном лесу. И Андрей испугался. Испугавшись, он остановился и постарался думать трезво.

Просчитав до ста и ничего не услышав, Андрей двинулся вперед. Он постарался представить себе направление, в котором они двигались. Солнце должно быть градусах в тридцати слева по направлению движения. Там холмы. Там ждут братья. Дорога должна быть рядом, дорога очень важна.

Заржал конь. Его конь? Совсем близко. Стучат копыта. Глухо, все ближе.

Андрей обернулся и увидел, что к нему медленно едет всадник. Кожаная черная куртка, короткая меховая юбка, волосы гребнем, как и у Андрея, на шее ожерелье из желтых зубов, в руке копье.

Кто он? Воин Октина Хаша или родственник Белогурочки? Андрей подавил в себе мгновенное желание нырнуть в траву и скрыться. Он понял, что с коня он будет виден. Потому стоял, положив ладонь на рукоять кинжала.

— Фррре, — радостно сказал воин. Словно встретил старого друга.

Он поднял копье. Значит, это не брат Белогурочки. Тот не стал бы угрожать копьем.

Андрей стоял неподвижно, напрягшись, и ждал. Надо вести себя не так, как хочет того воин.

Воин прокричал снова. Конец копья был в полуметре от головы Андрея. Воин перестал улыбаться.

— Ы! — крикнул он и ткнул копьем в Андрея.

Перед ним был раб. Беглый раб. И он презирал его.

Этого не следовало делать гордому степняку.

Андрей рассчитывал на то, что степняк не выпустит копье. Потому он схватился за основание наконечника и дернул дважды с промежутком в полсекунды. Первый раз, чтобы воин посильнее схватился за копье, опасаясь, что копье вырвут из руки. Второй раз Андрей дернул изо всей силы. И был прав. Легкий маленький воин, сидевший на коне без седла, описал в воздухе широкую дугу, и Андрею пришлось отскочить, чтобы воин его не задел.

Падая, воин выпустил копье и, тяжело ударившись о землю, все же нашел в себе силы вскочить. И кинулся на Андрея. Но тут уж они были равны. Андрей ударил противника в скулу. Воин послушно лег у его ног. Нокаут был глубоким.

Андрей снял с воина широкий пояс с кармашками — мечту путешественника, надел. Потом выплюнул на ладонь шарики и спрятал в карман пояса.

Подобрал с земли копье. Все это заняло меньше минуты.

Конь воина стоял в двух шагах и не делал попыток убежать. Андрей вскочил на него. И когда выпрямился, глаза его оказались на метр выше травы.

Белогурочка была совсем недалеко, метрах в двухстах. Правда, Андрей не сразу сообразил, что это она, потому что Белогурочка лежала поперек конского крупа. Голова ее свисала вниз. А воин, который ее пленил или убил, ехал навстречу Андрею, крутя головой, потому что потерял из виду своего товарища. Он увидел Андрея. Но смотрел он против солнца, потому не сразу сообразил, что вместо товарища видит врага. Он крикнул радостно и стегнул коня, чтобы скорее встретиться с Андреем.

Андрей поскакал ему навстречу. Новый конь был крупнее и сильнее старого. Копье Андрей держал в поднятой руке. Воин сообразил, что ошибся, и растерялся. Ускакать он не мог — для этого надо было сбросить Белогурочку. Потому он решил принять бой. Правда, с опозданием. Андрей уже подскакал к нему, угрожающе крича и свистя. Он входил в роль странствующего рыцаря.

Андрей уклонился от направленного ему в грудь копья и плашмя ударил воина наконечником по голове. Тот охнул и свалился в траву. Конь его пробежал несколько шагов и остановился.

— Андрей! — закричала Белогурочка.

Он догнал коня, разрезал ножом веревки. Девушка скользнула на землю. Она стояла, опираясь о бок коня.

— Ты настоящий воин, — сказала она удовлетворенно.

В траве послышался шорох — поверженный воин убегал. Глазищи Белогурочки загорелись желтым кошачьим огнем. Белогурочка взлетела на коня, успев выхватить у Андрея копье, и помчалась в погоню.

— Стой, Белогурочка! — крикнул ей вслед Андрей. — Пусть бежит. На что он тебе?

Тонкая смуглая рука Белогурочки взлетела вверх. Сверкнул наконечник копья. И тут же — короткий звериный вопль. Белогурочка нагнулась, сорвала пук травы и вытерла окровавленный наконечник копья. Она оглянулась.

— А тот, второй, где он?

— Там лежит, — не стал уточнять Андрей.

— Ты настоящий воин. Я горда, что у меня такой мужчина, — сказала девушка. Из глубокого разреза на ее бедре сочилась кровь.

— Тебя ранили? — спросил Андрей.

— Не больно, — сказала Белогурочка. — Поехали дальше, у нас мало времени.

* * *

Еще через час, когда уже сил не было ехать, добрались до редкого кустарника. Тонкие длинные листья почти не давали тени.

— Сюда, — сказала Белогурочка, поворачивая в чащу.

Андрей поехал было следом, но отшатнулся — на ветвях сидели, тупо уставившись на пришельцев, огромные скорпионы. Белогурочка, не оборачиваясь, поняла, что испугало Андрея.

— Не бойся, — сказала она, — они только весной кусают.

Один из скорпионов сорвался с ветки и упал на голое колено. Андрей паническим движением смахнул его и сжался — ему показалось, что эти твари сейчас начнут сыпаться на спину.

В кустах была поляна. Посреди нее — ровное каменное кольцо диаметром около метра. Белогурочка легко соскочила с коня, взяла пустую сушеную тыкву, что валялась рядом, и опустила ее на веревке внутрь кольца. Послышался плеск.

Андрей тоже сошел с коня. В колодце чернела вода.

— Хорошая вода, — сказала Белогурочка, вытаскивая тыкву.

Андрей попытался проглотить слюну, но слюны не было. Главное — вытерпеть, пока девушка напьется, не показать виду, что ты готов вырвать у нее из рук эту тыкву.

Белогурочка отошла в сторону, где лежал большой плоский камень с углублением в центре. Она вылила туда воду.

— Ты что делаешь? — хрипло спросил Андрей.

Но ответа уже не требовалось. Оба коня тянули морды к воде. Прошла вечность, прежде чем кони напились. Только потом Белогурочка протянула тыкву Андрею. Он покачал головой.

— Пей.

— Ты мужчина.

— Пей же!

— Не сердись, — сказала Белогурочка, внимательно глядя на него. — Ты странный. Ты нарушаешь закон. Всегда поят по порядку. Сначала коней — они не могут сами достать воду. Потом мужчин — они не умеют терпеть. Потом женщин.

Но Андрей упрямо отвернулся, и Белогурочка сделала глоток.

Капельки пота выступили на смуглом лбу. Белогурочка спросила:

— Я твоя женщина, да? Ты добрый ко мне.

— У нас такой обычай.

Белогурочка смотрела, как Андрей пьет, и улыбалась.

Он бы сейчас улегся на землю, но помнил о скорпионах. Хоть они и не кусаются, но какой скорпион вытерпит, если на него лечь?

Андрей присел у колодца. Он постучал костяшкой пальца по каменному кольцу. Керамика. Как это сделано? Кто это сделал?

— Ты отдохнул? — спросила Белогурочка. — Мы поедем дальше?

Мысль о том, что надо вновь взбираться на коня, была ужасна. Андрей подумал: какое счастье, что здесь скорпионы, иначе бы меня не сдвинуть с места.

— Поехали, — сказал он.

— Уже немного осталось, — сказала Белогурочка. — Ты знаешь, я очень устала. Просто очень. Я даже удивляюсь, какой ты сильный.

И Андрею было приятно это признание. Белогурочка поехала впереди, не выпуская из руки копье.

* * *

Холмы были уже близко, степь понижалась. Копыта коней мягко вдавливались в землю, трава стала ниже, но гуще, начались пышные кусты, и еще через несколько сотен метров путники въехали в заросли гигантских папоротников. Папоротники смыкались над головами, стало сыро и душно. Снова захотелось пить. И спать. Андрей устал удивляться, он держался за гриву коня и пытался не задремать.

Под копытами коня проминался и рвался мох — оттуда брызгала черная вода. Впереди, освобождая путь, отползали черные саламандры, схожие с метровыми пиявками. Папоротники скрыли небо, и стало полутемно. Пахло прелью, падалью, дурной стоячей водой.

— Сейчас снова будет дорога, — сказала Белогурочка. Но сначала было болото, настолько глубокое, что конь отказывался идти дальше. Белогурочка смело спрыгнула в воду. Она повела коня вперед. Андрей последовал ее примеру. Вода была теплая, черная, воняло от нее мерзко, по голым ногам скользнуло что-то холодное. Вокруг, насколько глаз мог проникнуть между стволами папоротников, стояла такая же черная вода. И тут Андрей увидел диплодока. Он дремал в болоте, вытянувшись во весь рост, и сначала Андрей даже не понял, что это ящер. Сообразив, что это животное, Андрей даже остановился в изумлении перед расточительностью природы.

При виде людей динозавр лениво приподнял маленькую изящную голову и укоризненно поглядел на тварей, посмевших нарушить его послеобеденный отдых.

Белогурочка обернулась и сказала:

— Не бойся. Он ест только траву. Он умный.

— Вы на них охотитесь? — спросил Андрей.

— Сюда наши не ходят. Это плохое место. Если не знаешь дорогу, то утонешь. И тут змеи, которые убивают.

Андрей все оглядывался, пока диплодок не скрылся из глаз.

— Много их здесь? — спросил он.

— Их совсем мало.

Они прошли еще, стало чуть глубже. Андрей боялся, что Белогурочка может провалиться в яму.

— Хе! — сказала Белогурочка. — Дорога! Я боялась, что промахнусь.

Андрей нащупал пяткой твердую поверхность. Повеселели кони, поверившие, что путешествие по болоту скоро кончится.

Дно поднималось полого, лишь метров через двести Белогурочка выбралась на сухое. Когда Андрей догнал ее, он увидел, что Белогурочка стоит на широкой бетонной дороге, такой же, как и та, что была в степи.

— Зачем старым людям дорога в болото? — спросил Андрей.

— Разве можно знать желания старых людей? — удивилась Белогурочка. Она обирала водоросли с коня. Потом подозвала Андрея и показала ему черную пиявку, повисшую на шкуре коня. Белогурочка ловко подцепила ее и отбросила. — Погляди, — сказала она, — на твоем коне тоже.

Андрей осмотрел своего коня. Тот стоял недвижно, словно понимал, что человек ему хочет помочь. Андрей отыскал десяток пиявок. Белогурочка подошла к нему и спросила:

— Все собрал?

— Вроде бы все.

— А вот и не все! — Она весело рассмеялась, наклонилась и сбила вздувшуюся пиявку с ноги Андрея.

— Если заснешь в мокром лесу, — сказала Белогурочка, — то не проснешься. Они всю кровь выпьют. Правда, смешно?

Белогурочка сорвала несколько толстых, сочных листьев, приложила к разрезу на бедре, протянула Андрею волокно лианы и приказала:

— Привяжи.

Андрей осторожно примотал лианой листья.

— У тебя руки, как у ребенка, — улыбнулась Белогурочка, — совсем мягкие. — Она провела ладонью по щеке Андрея. Ее ладонь была жесткой.

Дорога медленно поднималась в гору. Папоротники уступили место странным деревьям, которых Андрей не знал. Впрочем, понятно — аналоги с земными ящерами угадывались легко, Андрею не раз приходилось видеть их реконструкции. Растения редко удостаиваются такой чести. Они не поражают воображения.

Дорога шла в туннеле листвы, духота не спадала. Впереди была чернота. Словно черный занавес. Белогурочка смело ехала туда.

* * *

Дорога вошла в ущелье. Ущелье было прорезано в отвесной стене, но сама стена скрывалась за листвой, и потому Андрей увидел только вход. Шириной ущелье было метров шесть, не более, и потому вертикальные стены как бы сходились наверху и между ними виднелась лишь узкая щель.

Ущелье подавляло мрачностью и каким-то адским совершенством. Словно громадный меч прорубил его. Плоское дно было усеяно обкатанными камешками.

Громадный меч... Далеко впереди дрожал вертикальный столб света. Значит, ущелье было идеально прямым — даже маленькая неточность, без которой не может обойтись природа, не дала бы возможности увидеть его дальний конец.

Андрей протянул руку и дотронулся до мокрой стены. Рука скользнула по базальту, словно он был отполирован. Лишь метров через пять пальцы встретили углубление — в этом месте на стене неслась водопадом струйка воды. Андрей остановил коня и, сложив ладоши лодочкой, напился.

— Откуда это ущелье? — спросил Андрей, и голос его прозвучал гулко, ускользая вверх.

— Старые люди сделали, — сказала Белогурочка.

Этого и следовало ожидать. Значит, она тоже думает, что ущелье сделано. А я вот не знаю, каким образом это можно сделать.

Сверху упала холодная капля, еще одна. Андрей поднял голову. Небо в щели потемнело — начался дождь. Капли били все чаще.

— Дождь пошел, — сообщила Белогурочка.

— Я слышу.

Ущелье повторяло их слова.

— Если там наверху сильный дождь, — крикнула Белогурочка, — вода пойдет сюда!

Андрей понял — ущелье поднималось вверх и служило дренажом для долины.

Дальше они скакали молча. Если можно сказать — скакали. Несмотря на понукания, усталые кони еле-еле плелись.

Дождь усилился, холодные капли секли по плечам. Навстречу тек тонкий ручей. Конь Белогурочки остановился, и Андрей еле успел удержать своего, чтобы не столкнуться. Только тут он разглядел, что дорогу преграждает туша какого-то зверя. Туша была полуобглодана. Черными тенями поднялись с нее и полетели прочь птеродактили.

Пришлось спешиваться и, прижимаясь к стене, протаскивать упрямившихся коней через это препятствие. К тому времени, когда они оказались по ту сторону туши, вода уже поднялась высоко и бурлила, ударяясь о тушу. А белая щель была все еще далеко впереди.

Последние метры пути по ущелью они шли пешком и тащили за собой коней, которые в панике рвались назад.

— Бросай коня! — крикнула Белогурочка, перекрывая рев воды.

Андрей понял, что она права. Но ему было жалко коня. Они с ним весь день пробыли вместе, если его отпустить, глупая скотина помчится назад и погибнет.

Белогурочка отпустила своего коня, и он тут же скрылся в черноте ущелья. Андрей еще продолжал упрямо тянуть своего, но тут легкая Белогурочка не удержалась на ногах, и ее повлекло назад. Андрей кинулся к ней — о коне он забыл, — подхватил ее, и они шли обнявшись, очень медленно, после каждого шага их сносило обратно. Из последних сил Андрей вцепился в край ущелья. Вода разжимала пальцы, стараясь вырвать Белогурочку...

* * *

Они стояли, прижавшись спиной к каменному обрыву. У ног кипела вода, стараясь найти вход в расщелину. Шел дождь, обильный, но мирный.

Там, в темноте, захлебываются кони, подумал Андрей. И ему было стыдно, что он не смог им помочь.

— Коней жалко, — сказала Белогурочка. — У нас в стае совсем коней не осталось.

Они шли вдоль отвесной скалы.

— Может, отдохнем? — сказал Андрей. Ноги не держали.

— Скоро, — сказала маленькая девушка. — Совсем скоро.

Ее шатало. Андрей пошел рядом, обняв ее за плечи.

Капли дождя попадали в глаза, и приходилось свободной рукой все время их вытирать. Вокруг был лес, обыкновенный лиственный лес, деревья скрывались за пеленой дождя. Меж больших камней, сорвавшихся со скал, росла мягкая трава.

Андрей старался считать шаги, но все время сбивался. И вдруг услышал:

— Вот и все. Мы пришли.

Белогурочка скинула с плеча его руку и раздвинула копьем кусты. За кустами было темно.

— Там сухо, — сказала она. — Братьев еще нет.

— Они должны ждать здесь? — спросил Андрей.

— Да. Они отстали. Или их убили, — сказала Белогурочка. — Но мы все равно подождем. Сейчас им не пройти сквозь щель.

— Йееп! — крикнула Белогурочка в темноту. Сделала шаг вперед. Остановилась, прислушиваясь, потом с силой метнула в пещеру копье. Копье прозвенело о камни. Наступила тишина. — Никого нет, — сказала она. — Бывает, что сюда приходит зверь. Я не знаю, как по-вашему. Мы его зовем грих.

Белогурочка первой вошла в пещеру. Ее шаги прозвучали в глубине. Потом зашуршало.

— Тут есть сухая трава, — сказала она. — Иди сюда. Можно лечь. Если я не лягу, я умру.

— Я тоже, — признался Андрей.

— Мужчины не умеют терпеть. Правда, ты лучше других.

У стены была охапка сена. Не очень пышная, но все же на ней мягче, чем на камне. Он вытянулся — тело было напряжено, оно не могло расслабиться. Ноги гудели и ныли. И Андрей понял, что не сможет заснуть.

Он видел серый круг входа и слышал стук капель по листьям.

Белогурочка устроилась рядом, ее легкая жесткая ладонь легла ему на грудь. Потом Белогурочка повернулась, устраиваясь поудобнее, и положила голову ему на плечо. Голова была мокрой, теплой и колючей.

— Йеех, — сказала она сонно, — вся еда с конями пропала.

И тут же начала дышать редко и легко — заснула. Андрею хотелось повернуться, но он боялся потревожить девушку. Во сне она забормотала, засучила ногами и теснее прижалась к Андрею. А ему казалось, что он никогда не заснет... и заснул.

Раза два-три Андрей просыпался от холода. Он теснее прижимался к горячей Белогурочке, но спине было еще холоднее, и тонкий слой сена не спасал от вечной стужи камня. Все же усталость оказалась сильнее холода, и Андрей снова проваливался в сон, и ему казалось, что он, раздетый, замерзающий, падает в бесконечную пустоту космоса, а впереди лишь маленькие холодные звездочки, до которых никогда не долететь... Потом он вернулся на планету Пэ-У, и рядом была ПетриА, хотя Андрей отлично знал, что она давно уже умерла и, наверное, поэтому не смогла спасти его от вечного холода...

* * *

Хотя Андрей обычно, просыпаясь, мгновенно понимал, где он, на этот раз мозг его был столь заморочен вчерашними событиями, что он несколько секунд оставался в блаженной уверенности, что находится на Земле, — может, потому, что увидел, открыв глаза, зеленую мирную листву, пронизанную косыми солнечными лучами.

Было раннее утро, и солнце, вставшее напротив входа, пробило листву кустов и, еще не грея, высветило пещеру обещанием тепла.

Андрей протянул руку — Белогурочки рядом не было. Он приподнялся на локте — девушка сидела чуть поодаль, подтянув коленки к груди, обхватив их руками, глядела на Андрея. Белогурочка была обнажена, и он не сразу понял почему. Лишь когда сам сел, увидел, что она сняла с себя куртку и меховую юбку, чтобы накрыть Андрея.

— Глупости, — сказал Андрей вместо приветствия. — Зачем ты это сделала? Ты же простудишься.

— Мне не холодно, — сказала она. — Женщины терпеливые.

— Одевайся, — Андрей протянул ей одежду.

Белогурочка надела юбку. Она совершенно не стыдилась своей наготы, и потому наготы не было, как нет наготы у лани.

— Сколько тебе лет? — спросил Андрей.

— Не знаю, — сказала Белогурочка. — Вы, люди небесной стаи, всегда хотите знать, сколько минут, часов, дней, — зачем?

— Трудно объяснить. Мы привыкли.

— Там, если пойдешь вглубь, — сказала Белогурочка, — есть вода. Только иди осторожно, потому что потолок низкий.

— Братья не пришли?

— Зачем спрашивать? Если бы пришли, ты бы их увидел.

Андрей поднялся, выглянул наружу. Близко к пещере подходил светлый лиственный лес. Белка скользнула по стволу липы, поглядела на Андрея и скрылась за стволом. Закуковала кукушка, будто ее нарочно привезли за тридевять парсеков, чтобы утешить Андрея.

Андрей вернулся в пещеру и пошел вглубь. Потолок стал ниже. Свет сюда уже не проникал. Андрей двигался медленно, касаясь стены и часто поднимая руку, чтобы проверить, где потолок. С каждым шагом тишина становилась глубже, непроницаемей. Исчезли звуки леса. Вместо них послышалось нежное журчание воды. Ручей выбивался из-под стены.

Андрей умылся, привел себя в порядок. Вода была очень холодной, даже зубы заломило. Андрей провел ладонью по голове и отдернул руку — забыл, что он острижен по здешним меркам. Каково будет появиться в Центре в таком виде? Впрочем, в Галактике столько модных обычаев, что вряд ли кто удивится.

Когда Андрей возвратился ко входу в пещеру, Белогурочки не было. Он вышел из пещеры. Жутко болели ноги, и ломило спину. Веселый лес оглушил гомоном и деловитой суетой. Андрей поднял лицо к солнцу — лучи мягко и нежно грели лоб и щеки. Он блаженно зажмурился и понял, как зверски голоден.

Он хотел позвать Белогурочку, но поостерегся: он здесь чужой, и неизвестно, где можно кричать, а где следует таиться.

Сейчас бы посмотреться в зеркало — набедренная повязка, перетянутая широким ремнем, снятым с поверженного врага, ножи за поясом — вот и вся одежда. Хорош ты, капитан Андрей Брюс!

Листва раздалась, и появилась Белогурочка. И вдруг Андрей увидел ее такой, какой не видел раньше. Солнце светило ей в спину, окутывая ореолом смешной бобрик волос на голове и рисуя золотом контур стройного и гибкого силуэта девичьей фигуры. Она была феей этого веселого леса.

Белогурочка несла в ладонях горсть диких груш и яблок.

— Больше ничего не нашла, — сказала она. — Но лучше, когда в животе что-то лежит, правда? Ты чего так на меня смотришь? Я не убегу. Я твоя женщина. — И она весело рассмеялась.

Они сели на камни у входа в пещеру. Яблоки оказались кислыми, груши Андрею понравились. Они были твердыми, вязали рот, но в них ощущалась свежая сладость.

— Хорошо, что мы с тобой убежали летом, — сказала Белогурочка. — Весной плохо с едой. А зимой...

Белогурочка стянула меховую безрукавку, расстелила ее на камне и легла, нежась на солнце. Андрей любовался ею.

— А почему мы пошли сюда? — спросил он.

— А где еще тебя спрятать? — удивилась Белогурочка. Она всегда удивлялась недогадливости Андрея — брови уходили вверх, лицо принимало страдальческое выражение.

— Может, в твоей стае?

— Октин Хаш сразу послал людей к моей стае, — сказала она.

— Я думал, что твоя стая скрылась.

— В степи не скроешься. Люди Октина Хаша знают, где искать. Если тебя нет и меня нет, они уйдут, а если ты там, они всех убьют. Это же ясно.

— А почему они вас не тронут, если меня нет?

— Они тронут. — Белогурочка говорила спокойно, как о само собой разумеющемся. — Они будут бить. Потому что сначала не поверят. Но потом поверят. И уйдут. Зачем просто так убивать? Стая Железной птицы побеждена, нас никто не защитит. Октин Хаш знает. Теперь мы будем платить ему шкурами и рабами. У нас не осталось воинов... Почему мои братья не пришли?

— Они знают дорогу сюда?

— Конечно. Только наша стая знает эту пещеру.

Большая стрекоза с оранжевыми прозрачными крыльями уселась на маленькую грудь Белогурочки. Той стало щекотно, и она смахнула стрекозу. Стрекоза лениво перелетела к Андрею.

— Она тебе понесла привет от моего сердца, — сказала Белогурочка. — Хороший привет?

— Хороший. Спасибо.

— Я боюсь, — сказала Белогурочка. — Тут совсем близко святилище ведьм.

— Где святилище ведьм?

— Там, — Белогурочка махнула рукой, показывая в сторону леса.

— Далеко?

— Не очень. Если придут мои братья, они принесут мяса. Здесь нельзя охотиться.

— Почему?

— Нельзя, — сказала Белогурочка раздраженно. — Если моих братьев убили, то я пойду на охоту за большую щель, в болото.

— А Октин Хаш со своими людьми идет в святилище той же дорогой, что и мы?

— Ну как же ему пройти через болото со всеми повозками? — Белогурочка с трудом терпела вопиющую глупость Андрея. — Он идет хорошей дорогой. Он не прячется. Он главный в степи.

— Главнее, чем ведьмы?

— Ведьмы здесь, он — там. — Белогурочка села, потянулась. — Он им дает большие подарки.

— А они?

— Они тоже дают подарки. Я вспомнила. Тут должны быть ореховые кусты. Пойдем.

— Пойдем, — согласился Андрей. Безделье было невыносимо. — А когда Октин Хаш придет в святилище?

— Наверное, сегодня. Вот он запрыгает от злости, когда узнает, что тебя нет! Он думает, что ведьмы тебя уже подготовили, а тебя нет!

— Ты думаешь, он до сих пор не знает?

— Знает, — вздохнула Белогурочка. — Конечно, знает. Но веселее думать, что он еще не знает и будет злиться...

Белогурочка вскочила на ноги, подобрала с земли копье, проверила, легко ли выходит из ножен кинжал. И сразу подобралась, ступая по-звериному, пошла в чащу, настороженная и жестокая охотница — часть этого леса.

«В сущности, все случилось из-за меня, — думал Андрей. — Из-за нас. Спасая меня, она поставила под угрозу жизнь своей стаи. Легко объяснить это, предложив ей нашу мораль и нашу логику поведения. По этой логике — мы с Жаном свои, друзья, которых надо спасать. Благородно жертвуя жизнью. Но сама Белогурочка на такой версии не настаивает, говорит, что я ее мужчина. Что стоит за этим? Неожиданная безумная любовь? Не похоже. Обряд? Меня избрали женихом дочери вождя, не спросив согласия? Или порыв — неожиданное решение дикарей, разум которых действует по иным законам?» Понимая, что нельзя судить Белогурочку по земным меркам, Андрей все же старался найти всему рациональное объяснение.

Случись это в иной обстановке, ситуация была бы забавной. И, разумеется, Андрей постарался бы тактично и мягко объяснить этой первобытной девице, что он не готов стать ее мужчиной и скакать за ней по степям, гоняясь за мастодонтами или сражаясь с коварными воинами из чужой стаи. А что делать теперь? Если тебя спасли из плена и, может, от смерти? Если ты уже вторые сутки скрываешься в степи и в лесу, сражаясь с воинами Октина Хаша? И если, наконец, ты уже привык к этому существу, абсолютно непонятному и, как ни странно, единственному родному на этой планете.

Орешник начинался недалеко от пещеры. Кусты зашуршали, расступаясь, — темное крупное животное поспешило уступить место людям.

— Кто это? — насторожился Андрей.

— Это... забыла слово... мохнатый, любит орехи, а зимой спит.

— Медведь?

— Медведь. Он сытый, ты не бойся.

Белогурочка быстро рвала орехи и ловко раскусывала.

— Ты щелкунчик, — сказал Андрей.

— Я не знаю такого.

— Это маленький колдун, который щелкает орехи.

— Не называй меня колдуном, — сказала Белогурочка строго. — Так нельзя.

— Слушаюсь, — сказал Андрей.

Орехи были еще мягкие, сочные. Когда он в последний раз ел лесные орехи? Тысячу лет назад? Да и не в лесу — они были запакованы в прозрачный пакетик...

Андрей потянул к себе ветвь орешника, набрал целую горсть. А где Белогурочка? Она отошла за куст. И тут Андрей услышал плач. Кто мог плакать? Белогурочка — никогда. Она не знает, что такое слезы. Уж в этом Андрей был совершенно убежден.

Плакала Белогурочка. Она сидела на корточках, отбросив копье и закрыв ладонями глаза. Плечи тряслись от горя.

— Ты что? — Андрей наклонился к ней. — Что случилось?

Белогурочка дернула плечом, чтобы сбросить ладонь Андрея. Андрей огляделся. Лес был тих и спокоен. Что же могло расстроить Белогурочку?

И тут он увидел: поломаны ветви лещины, примята трава, но в одном месте на ней бурое пятно — кровь.

— Скажи, что случилось?

Белогурочка подняла голову.

— Это все ты, ты! — сказала она зло. — Зачем ты к нам прилетел?

— Что-нибудь случилось с твоими братьями?

— Я хочу тебя убить! И моего отца с его глупыми старухами! — Она глядела на Андрея снизу вверх, прижав кулачки к горлу, словно ей трудно было говорить. — Ах, найди этого вождя с неба! Он такой сильный! Его друзья прилетят за ним! Они дадут подарки нашей стае, если ты спасешь его от Октина Хаша! Кому теперь твои друзья дадут вещи и кинжалы? Моих братьев нет, нет! Уйди!

Андрей отступил на несколько шагов под напором этого гнева.

Белогурочка вскочила. Руки взметнулись над головой. И бессильно упали. Она не смотрела на Андрея. А он вдруг понял, что ему горько, потому что его обманули. Все так просто — слабой стае нужно покровительство сильной стаи. И если для этого надо

пожертвовать девушкой и последними воинами — пожалуйста, мудрый дикарь пойдет на такие жертвы. Он верит в силу друзей Андрея. И этот звереныш с гребешком на макушке тоже хитрил... А впрочем, какое тебе дело, капитан Брюс? Тебя спасли, ради тебя рисковали жизнью. На что ты в обиде?

— Почему ты решила, что твои братья погибли? — спросил Андрей, стараясь говорить спокойно, словно не было гневных слов Белогурочки.

— Вот, — она обвела рукой поляну, полагая, что следы на ней говорят Андрею не меньше, чем ей.

— Я плохо читаю следы, — сказал Андрей. — Скажи, что увидела.

— Пришел один брат, — покорно сказала Белогурочка. — Другие уже не пришли. Их убили в степи.

— Брат пришел сюда...

— Он пришел сюда ночью, когда мы спали. За ним гнались. Он знал. Видишь? — Белогурочка показала в прогалину между кустами. Андрей ничего не увидел, но поверил. — Он не хотел вести их к пещере. Он побежал в другую сторону. А они его догнали. И потом убили.

— Почему ты думаешь, что убили?

— Кровь.

— Понятно, — сказал Андрей. — Скажи мне тогда... — Он старался смотреть на Белогурочку глазами чужого человека, отрешиться от того образа, который стал привычен за вчерашний день. Невысокая, по плечо ему, худая и довольно грязная степнячка со злыми прищуренными глазами, некрасивая, замученная, истощенная... И тут он оборвал себя. Белогурочка истощена и замучена, потому что вторые сутки тянет его на себе. А это выше ее сил. То, что она делает это не ради его прекрасных глаз, а ради своего племени, отца и женщин, которых завтра может убить Октин Хаш, не умаляет ее отваги и самоотверженности. — Скажи мне, — повторил Андрей. — Когда в степи убивают, что делают с телом? С мертвым человеком?

— Как что? Убили, и пускай лежит.

— Тогда скажи: где твой брат? Где он лежит?

Белогурочка оглянулась, словно надеялась увидеть тело. Она сделала несколько шагов в одну сторону, потом остановилась. Повернулась под прямым углом, пошла снова по следу. Андрею даже показалось, что у нее раздулись ноздри, как у собаки, которая ищет след. Она прошла шагов пятьдесят, и Андрей почти потерял ее из виду за кустами. Он стоял неподвижно. Белогурочка бежала обратно.

— Андрей! — сказала она торжествующе. — Они его тащили! Ты же видишь! — Она показала на следы. — Они его тащили, а он не хотел идти. Ты умный. Я глупая.

Она подбежала к нему и схватила за руку.

— Ты мой мужчина, — сказала она радостно. — Ты самый умный.

Андрей осторожно освободил руку.

— Что же теперь будем делать? Кто схватил твоего брата?

— Мы пойдем и узнаем, — сказала Белогурочка. — Ты сердишься?

— Пошли, — сказал Андрей.

Он предпочел бы сейчас пойти к святилищу ведьм, потому что там Жан. Но сначала надо вернуть долг. Всегда надо возвращать долги.

Белогурочка подобрала с травы копье.

* * *

Белогурочка читала следы. Андрей шел сзади, поглядывая по сторонам. Он чувствовал себя здесь старожилом, а может, лес был не столь чужд, как вчера. Белогурочка часто оборачивалась, в глазах была нерешительность, словно она хотела сказать что-то, но не смела. Или Андрею это показалось.

Следы вывели их на открытое пространство. Они постояли несколько минут на краю леса, приглядываясь. Равнина полого поднималась, замкнутая голубыми горами. Антилопа, похожая на окапи, паслась невдалеке, она взглянула на них, потом не спеша потрусила прочь.

— Она не боится, — сказала Белогурочка, — значит, никого нет.

Андрей согласился с ней.

Белогурочка показала на пятно примятой травы.

— Здесь они отдыхали, — сказала она. — Три воина. И брат. Там он сидел. А один воин хромой, видишь?

— Нет.

— Где у тебя глаза! — проворчала Белогурочка прежним голосом. Отвернулась. Потом сказала сама себе: — Так нельзя говорить с чужим.

Андрей понял, но ничего не ответил. Это были ее проблемы, и Андрея они не касались.

— Куда они повели его? — спросил Андрей.

— К святилищу.

— Почему?

— Если перейти это поле, будут скалы. Ты видишь их?
— Вижу.
— А потом святилище внизу, отсюда не видно.
— И туда приедет Октин Хаш?
— Он уже там.
— Они повели твоего брата к Октину Хашу?
— Или к ведьмам.
— У ведьм есть свои воины?
— Им не нужно. Их все боятся.
— Почему они не убили брата?
— Я думаю — они ищут нас, они думают — мой брат отправился к нам. Они будут его спрашивать. Идем?

Они быстро шли через поле. Дул свежий ветер. За серыми скалами, что виднелись впереди, поднималась стена голубых гор.

Белогурочка обогнала Андрея, она шагала быстро, порой сбиваясь на трусцу. Андрей тоже чувствовал себя беззащитным на этом поле. Если их ищут, то могут следить. Правда, справа мирно паслось стадо небольших слонов с короткими хоботами и длинными прямыми бивнями.

Белогурочка сорвалась на бег — не выдержала. Андрей помчался за ней. Бежать было больно — ноги и без того болели, а острые камни ранили ступни.

У скал, которые поднимались словно редкий лес на краю долины, камни были застелены разноцветным лишайником. Пестрая змея скользнула в сторону.

Белогурочка добежала до скалы, прижалась к ней, раскинув руки. Запыхалась. Потом обернулась, глядя, как подходит Андрей.

— Я бегу, — сказала она, — а они смотрят.
— Кто смотрит?
— Не знаю. Старые люди. Их нет, а они смотрят.
— Мне тоже так казалось, — сказал Андрей.
— Тише, — прошипела Белогурочка.

Андрей услышал голоса. Несколько человек, переговариваясь, приближались к ним. Сзади была открытая долина — никуда не денешься. Спереди чужие люди. Андрей посмотрел наверх. Скала была слишком крутой, чтобы залезть на нее. А соседняя?

Андрей схватил Белогурочку за руку и потащил к той скале. На ней, метрах в пяти от земли, росло дерево, кривое, цепкое, упрямое. Андрей полез наверх, цепляясь за выступы в скале. Через два метра была небольшая площадка. Андрей остановился, протянул руку, чтобы помочь Белогурочке, но она уже была рядом. Она все поняла. Конец корня висел на расстоянии вытянутой руки. Андрей схватился за него и добрался до комля. Ствол был толст и узловат. Андрей обогнул его — между стволом и скалой была щель.

Они втиснулись в нее, стараясь дышать как можно тише. Андрей прижал к себе Белогурочку. Ее сердце билось часто и звонко. Белогурочка подняла глаза и посмотрела на Андрея в упор, как будто спрашивала. Андрей нахмурился: молчи. Белогурочка медленно закрыла глаза и положила голову на грудь Андрею. Андрей только сейчас заметил, какие у нее длинные ресницы.

Из-за скалы вышли несколько воинов. Они остановились, глядя на долину. «Как мы успели, — подумал Андрей. — Минутой позже они бы застигли нас. Но и сейчас — стоит им поднять голову...»

Но воины не смотрели наверх. Они рассыпались цепочкой и пошли через долину к пещере.

«Всерьез за нас взялись», — подумал Андрей. Когда воины удалились шагов на сто, Андрей наклонился к Белогурочке и прошептал ей на ухо:

— Погоди. Могут прийти другие.
— Я знаю, — сказала Белогурочка. — Они уже идут.

Так они и стояли довольно долго, потому что из-за скал показались еще две группы воинов. Они спешили за первыми.

— А где их кони? — спросил Андрей.
— Там на конях не пройдешь, — сказала Белогурочка.

Вдруг Андрей заметил, что в стволе дерева, в метре над его головой что-то блестит. Как будто в скалу врезан большой стеклянный глаз. Это могло быть натеком смолы, обкатанным кристаллом хрусталя, вросшего в породу.

— Подними голову, — прошептал Андрей. — Ты такое видела?
— Это глаз, — сказала Белогурочка. — Я видела. Это глаз старых людей. Мне говорил отец. Они есть в других местах.
— Дай-ка я до него доберусь, — сказал Андрей.
— Нет, нельзя! — прокричала шепотом Белогурочка. Она была смертельно испугана. — Нет!
— Почему?
— Нельзя. Кто это тронет, сразу умрет. Нельзя!
— Откуда ты знаешь?
— Это знают все, — сказала Белогурочка. — Я тебя прошу.

Андрей подчинился. Загадкой больше, загадкой меньше...

— Ты не устала?
— Но ведь ты меня держишь.

Белогурочка подняла тонкую руку и приложила ладонь к его щеке. Андрей чуть отвел голову в сторону — обида вдруг вернулась.

— Я тебя не обманывала, — прошептала Белогурочка. — Я никогда никого не обманываю. Я хотела, чтобы ты был мой мужчина.

— Не надо, — прошептал Андрей.

— А ты мне не веришь, — сказала Белогурочка.

— Чего мы ждем? Они же дойдут до пещеры и вернутся.

— Мне нравится так стоять.

Сказав это, Белогурочка скользнула вниз, держась за висящий корень дерева. Как обезьяна. Через две секунды она уже стояла внизу. Андрей спускался куда дольше.

Белогурочка вела его молча, чтобы уйти подальше от тропы, по которой двигались воины Октина Хаша. Они прошли в сторону. Здесь было труднее — между скал высилась каменная мешанина. Андрей разбил ступни в кровь. Белогурочка скакала по камням легко, чуть касаясь их.

Они оказались на плато, заросшем кактусами. Некоторые из них цвели пышными оранжевыми соцветиями, и оранжевые пятнистые бабочки лениво парили между ними.

Солнце начало поджаривать. Белогурочка замедлила шаг. Потом остановилась и присела на корточки.

Когда Андрей, ковыляя по камням, добрался до нее, он увидел, что цель рядом. Перед ними была обширная котловина, посреди которой лежало длинное голубое озеро. По ту сторону озера горы круто поднимались вверх. Справа горы расступались, открывая проход в котловину, через который вдоль ручья, вытекавшего из озера, вела широкая дорога. По дороге тянулись повозки.

Казалось, все становище Октина Хаша переехало сюда — сотни повозок толпились на ближнем берегу, дальше на склоне пасся табун лошадей, рабы устанавливали кибитки. В тростниках у самого берега бродил стегозавр.

— Святилище ведьм, — сказала Белогурочка.

— Где оно? — спросил Андрей.

— Гляди за озеро.

Дальний берег озера был пуст. Лишь посреди широкой поляны стояли три кибитки. Они были схожи с кибитками Октина Хаша, но превосходили их высотой и были темнее. Пологи кибиток были закрыты.

— А где ведьмы? — спросил Андрей.

— Они спят.

Андрей вглядывался в суету у озера. Если даже Жан и был там, узнать его на таком расстоянии немыслимо.

Брата Белогурочки они увидели потому, что сначала узнали Октина Хаша. Тот был верхом, в красной короне. Он гарцевал у загона, сделанного из высоких кольев. В загоне держали коз. Но

не только коз. Там на земле сидел человек. Октин Хаш хлестнул по ограде нагайкой. Человек поднялся.

— Мой брат, — сказала Белогурочка. — Как хорошо, что он живой.

— А Жана ты нигде не видишь?

— Наверно, он в кибитке, — сказала Белогурочка. — Или его уже отвели к ведьмам.

Белогурочка задумалась, глядя вниз. Октин Хаш отъехал от загона. Ее брат снова сел на землю. Козы жались в другой стороне.

— Я пойду туда, — сказала Белогурочка.

— Тебя же узнают и схватят.

— Я не глупая, — сказала Белогурочка. — Там много рабынь. Никто не смотрит — рабыни общие. Рабыни из моей стаи тоже. Они видят меня и молчат. А я все узнаю и тебе расскажу. А ты жди.

Белогурочка протянула ему заткнутую пробкой тыкву. В ней булькала вода.

— Ты жди под деревом. А то будет очень жарко. У тебя и так все лицо обгорело.

И Белогурочка отбежала в сторону, где склон был не столь крутым. Там росли кусты, которые скроют ее, когда она будет спускаться.

Андрей понимал, что Белогурочка права. Ему идти с ней нелепо — сразу узнают. Но ждать — самое бессмысленное занятие на свете. Тем более ждать на жаре.

Андрей улегся на краю обрыва, обшаривая взглядом склон, который, постепенно становясь все более пологим, тянулся к кибиткам. По склону были разбросаны деревья и кусты.

* * *

Андрей пролежал несколько минут, тщетно отыскивая девушку. Наконец, уже отчаявшись, увидел, как что-то темное шевельнулось в кустах на середине склона. На четвереньках Белогурочка перебежала через прогалину до следующих кустов. И снова затаилась. От крайней кибитки ее отделяла сотня шагов. Около кибитки, сбившись в кружок, сидели женщины. Высоко взмахивая руками, они толкли толстыми длинными пестами зерно в каменной ступе. Поодаль стоял воин. Андрей понял, что Белогурочка ждет, пока воин уйдет. Воин побрел прочь. Белогурочка спокойно вышла из-за дерева. На ее плече была вязанка хвороста. Когда Белогурочка проходила мимо кибитки, одна из женщин заметила ее, подняла голову, что-то спросила. Затем спо-

койно вернулась к своему делу. Белогурочка положила вязанку в огромную кучу хвороста между кибиток и смешалась с толпой. Еще минуту Андрей угадывал ее силуэт. Потом потерял.

Андрей огляделся в поисках ориентира. Отыскал метрах в ста корявое дерево с обломанной верхушкой.

Андрей решил пройти по краю котловины на ту ее сторону, где обрыв подходил ближе к озеру, чтобы получше разглядеть кибитки ведьм. Шел он осторожно, стараясь не маячить на открытых местах, — воины, что обшаривали заросли у пещеры, могли вернуться в любой момент. К тому же следовало опасаться зверей. В детстве Андрей читал роман, герои которого попадают в обширную полость у Северного полюса и, опускаясь в нее, проходят последовательно все эпохи в истории Земли. Роман написал знаменитый геолог, который хотел рассказать подросткам о палеонтологии. Правда, здесь все было иначе, чем в фантастической книге. Словно кто-то открыл ворота музея и выпустил на волю существ, разделенных миллионами лет. Стегозавр служил верховным животным для степного вождя, птеродактили реяли над мастодонтами, питекантропы охотились на ящеров. Законы эволюции были нарушены. Те, кому положено было вымереть много миллионов лет назад, этого не сделали и продолжали размножаться. Пожалуй, это была главная загадка планеты — от нее тянулись ниточки к остальным тайнам.

Задумавшись, Андрей чуть не налетел на носорога, который мирно дремал, склонив к земле тяжелую морду, украшенную четырьмя устрашающего размера рогами. Андрей осторожно отступил за камень, рассчитывая на то, что носороги плохо видят. Отступая, он напоролся на острый сучок. Доскакав на одной ноге до тенистого местечка под скалой, он, чертыхаясь, сел и понял, что путешествие придется прервать.

Вернувшись на прежнее место, Андрей отщепил от сухого, но толстого сука планку, обрезал ее так, чтобы получились подошвы, потом примотал их лианами к ногам. Он был так поглощен этой работой, что не замечал, как бежит время.

Солнце поднялось высоко. Откуда-то прилетели слепни и назойливо кружились, норовя вцепиться в обожженные солнцем красные плечи Андрея. Сейчас бы сбежать к озеру и нырнуть в него... Андрей приторочил подошвы к ступням, попробовал пройтись. Подошвы держались, но лианы врезались в икры ног.

Изменилось ли что-нибудь за последний час? Почти ничего. Брат Белогурочки все так же сидит в загоне, он скорчился, закрыл голову руками и кажется сверху темным комочком. Кибиток стало куда больше, им даже тесно на этом берегу озера. А народу между ними меньше — жарко, слепни кусаются. У ручья, что вытекает из озера, сидят в ряд женщины, стирают. Полог в кибитку Октина Хаша откинут, возле входа лежат в тени несколько воинов. Перед кибиткой шест с лошадиным хвостом. Кибитки ведьм на дальнем берегу озера мертвы и тихи, как прежде. Белогурочке пора возвращаться. Но склон пуст.

Совсем рядом раздались голоса. Андрей догадался: возвращается партия, посланная на его поиски. Воины прошли левее и ниже — там была неглубокая промоина. Было слышно, как изредка они перебрасываются ленивыми словами. Стало тихо. Лишь жужжали слепни. Андрей переполз вслед за тенью. Он отпил два глотка из тыквы. Хорошо бы Белогурочка принесла еды. Надо же кормить своего мужчину.

Прошло уже часа три, как Белогурочка отправилась в становище. Что могло ее задержать?

* * *

Отмахиваясь от слепней, Андрей отчаянно боролся с желанием спуститься вниз. Даже под ложечкой сосало от желания действовать. Хотя ясно было: ни черта он внизу не сделает, хотя бы потому, что не знает, как поступить.

Тут его внимание привлекли события, разыгравшиеся у кибитки Октина Хаша.

Оттуда выскочили два воина, видно, те, что безуспешно искали Андрея. За ними вылетел сам Октин Хаш. Даже на таком расстоянии было ясно, что вождь взбешен. Он хлестал воинов нагайкой, пинал ногами.

За ним из кибитки выплыл толстый колдун. Из соседних кибиток вылезали зрители — вскоре площадка перед кибиткой вождя была окружена толпой любопытных.

Затем Октин Хаш принял решение. Незадачливые охотники отползли в сторону, а вождь взмахнул нагайкой, отдавая приказание. Колдун медленно побрел к озеру, держа в руке длинный белый предмет. За ним увязались детишки и собаки. Процессия дошла до берега озера и остановилась. Андрей догадался, что колдун несет рог. Он поднес его к губам. Звук до Андрея не долетел.

Гудел колдун довольно долго, больше минуты, прежде чем на том берегу откинулся полог черной кибитки и на солнце вышла закутанная в длинное темное одеяние фигура. Фигура подняла руку, что удовлетворило колдуна, и он пошел обратно, размахивая рогом, как палкой.

Тем временем — Андрей, наблюдая за колдуном, упустил момент — из кибитки, что стояла рядом с кибиткой Октина Хаша, вывели Жана. Андрей узнал его сразу — Жан был на голову выше своих стражей. И шел он иначе — прямо, не раскачиваясь. Жан был пешеходом.

Андрей испытал облегчение — по крайней мере, Жан жив и здоров.

Октин Хаш мирно разговаривал с ним, пока не вернулся колдун.

Если Жана привели сразу, как только выяснилось, что Андрея не нашли, то, вернее всего, Жан должен заменить Андрея.

Внизу составилась солидная процессия. Сам Октин Хаш верхом на коне возглавил ее. За ним вели Жана, затем толпой шли воины. Они остановились у козлиного загона, где к процессии присоединился брат Белогурочки. Затем эта процессия в сопровождении собак и зевак направилась в неспешное путешествие вокруг озера.

Пленники шли рядом, но поодаль друг от друга, и сзади полукольцом следовала толпа, не приближаясь к ним, словно опасаясь заразы.

Шествию надлежало пройти больше километра. Судя по цвету воды, озеро было глубже в той стороне, где жили ведьмы, а со стороны становища у берега рос тростник.

Куда запропастилась Белогурочка? В шествии ее не видно.

Прошло полчаса, а процессия еще не достигла кибиток ведьм. Солнце стояло над головой. Голод мучил страшно. Андрей срывал травинки и жевал их. Горькие выплевывал. Слепни все не отставали.

Презрев осторожность, Андрей поднялся, чтобы размять затекшие ноги. Боль пронзила так, что он рухнул на камни. Надо привыкать, говорил он себе, все равно пойдешь вниз — не сидеть же здесь вечно.

Процессия остановилась, не дойдя метров ста до кибиток. Из кибитки вышли сразу три ведьмы. Они были в длинных черных балахонах, на головах капюшоны.

Даже издали Андрей понял, насколько страшны ведьмы для степняков, — толпа отшатнулась, когда они приблизились к пленникам. Лишь Октин Хаш и колдун остались на месте. Колдун помахивал рогом. Октин Хаш слез с коня и стоял, держа его на поводу.

Ведьмы шли медленно, словно плыли. Когда ведьмам осталось идти шагов десять, брат Белогурочки вдруг кинулся в сторону. Он бежал, странно закинув за спину связанные руки. Воины

бросились за ним, рассыпаясь веером. У брата оставался лишь один путь — к воде.

Ведьмы стояли неподвижно, словно это их не касалось. Жан сделал какое-то неуверенное движение, будто бегство дикаря увлекло его, но остановился, понимая, что далеко не уйти.

Брат Белогурочки прыгнул в воду. Дно круто шло вниз, следующий шаг заставил его погрузиться по бедра. Еще один — и он по пояс в воде. Парень, видно, умел плавать: подняв столб брызг, он рванулся вперед, отчаянно работая ногами. Все остальные стояли неподвижно, будто ждали чего-то. Ни один человек не последовал за беглецом в озеро. Андрей понял, что у брата есть шанс убежать, — на той стороне, у кибиток Октина Хаша, не осталось мужчин, только несколько женщин стояли у воды, глядя на пловца. Озеро было нешироким — метров двести, и даже если воины побегут вокруг, им не перехватить беглеца.

Вдруг рассуждения Андрея были прерваны. Рядом с пловцом вода бурно вскипела — из глубины озера поднялась темная тень. Андрей сверху мог угадать ее очертания: гигантская рыба стремилась к человеку. На обоих берегах люди замахали руками, закричали, то ли предупреждая парня, то ли ужасаясь тому, что должно произойти, и общий крик был так громок, что отзвуки его донеслись до Андрея, но не сразу. Прежде он увидел, как из воды на мгновение показалась острая голова акулы, зубы, как сабли, сверкнули в воздухе, и в то же мгновение акула ушла в воду, переворачиваясь на спину: сквозь взбаламученную воду Андрей увидел ее белое брюхо.

Беглец понял, что ему грозит опасность, и постарался плыть быстрее... но уже в следующую секунду он пошел вглубь, словно его потянула могучая рука. Вот тогда до Андрея долетел крик людей. А еще через несколько секунд на успокаивающейся поверхности воды расплылось кровавое пятно. Дикари пали ниц. Только три ведьмы стояли неподвижно.

Потом они подошли к Жану и стали по бокам. И Жан побрел вместе с ними к черной кибитке. Третья ведьма замыкала шествие.

* * *

Когда Андрей, никем не замеченный, достиг дна котловины, сумерки внизу уже сгустились и возле кибиток загорелись костры. Сюда не долетал ветер, и воздух хранил влажное тепло.

Самодельные подошвы разлетелись на полпути, и дальше Андрей ковылял босиком. Обоняние Андрея обострилось от голода. В дыме костров он угадывал аромат жареного мяса, в голосах, что

доносились все ближе и четче, была невнятность жующих людей. Ему казалось, что все в становище едят, жрут, насыщаются.

Первым обитателем становища, с которым Андрей встретился, была худая облезлая собака, которая отбежала подальше от кибиток, чтобы спокойно обгрызть кость. В Андрее она почуяла соперника и угрожающе зарычала, придавив кость лапой.

Андрей остановился — спорить с собакой он не хотел. Собака ждала, что он сделает дальше. Потом схватила кость и побежала прочь.

Еще наверху Андрей придумал такой план: он огибает озеро и добирается до кибиток, где живут ведьмы, — там Жан. Вряд ли ведьм много. Значит, шансы отыскать и даже выручить Жана вполне реальны. А как только они будут вдвоем с Жаном, тот станет переводчиком и проводником. Тогда можно будет отыскать Белогурочку.

План был разумен, но по мере того как Андрей спускался по крутому склону в котловину, воображение все ярче рисовало ему картины бедствий, угрожающих Белогурочке. Разум отступал перед опасениями. Пускай она тысячу раз доказала, что она ловчее, смелее и даже живучее, чем Андрей, — для него она оставалась девушкой.

Приблизившись к становищу, Андрей подошел к крайней кибитке и остановился перед ее тонкой кожаной стенкой, прислушиваясь к голосам изнутри. Голоса переплетались, гудели, поднимались и гасли — в кибитке было несколько человек. Голоса Белогурочки Андрей не услышал. Перед кибиткой горел большой костер. У костра сидели несколько мужчин, они передавали друг другу деревянную чашу с каким-то напитком и лениво переговаривались. Из кибитки вышла женщина, вынесла вторую чашу и осталась сидеть рядом с мужчинами. Один из них сказал, видимо, что-то смешное — они долго хохотали. Сразу несколько комаров впились в шею и голые ноги Андрея. Пока ты идешь, они не трогают, но стоит остановиться — они слетаются со всех сторон.

Кто-то тронул Андрея за руку — он отскочил. Это был мальчишка лет пяти, совершенно голый. Ребенок тоже испугался. Сейчас поднимет вопль. Андрей быстро пошел в сторону, стараясь держаться в тени. Вслед несся отчаянный плач.

Андрей быстро миновал несколько кибиток, столкнулся с мужчиной, вышедшим за кибитку по нужде, тот выругался... Вокруг были кибитки, кибитки, кибитки, как в дурном сне, — и никакого выхода.

Андрей прошел рядом с костром и оказался на небольшой

площадке, посреди которой стоял шест с лошадиным хвостом. Он понял, куда попал, — это была кибитка Октина Хаша. Перед ней сидел на корточках воин. Опершись о копье, он дремал.

Можно было пройти мимо, но Андрея одолело любопытство. Октин Хаш был главной опасностью. А к опасности всегда тянет.

Андрей обошел кибитку, чтобы не попасться на глаза часовому. Большие шкуры, которыми была покрыта кибитка, были положены с захлестом и кое-где скреплены острыми колышками. Андрей отыскал край шкуры и осторожно отогнул ее.

Андрей глядел в шатер вождя. Посреди него горел небольшой костер, и дым улетал в отверстие наверху. В дальнем конце было возвышение, покрытое шкурами, на котором сидели несколько человек. Возле него горели два факела, укрепленные на железных треножниках. Свет был неверным и тревожным. Потом он увидел Белогурочку. Среди прочих.

Сцена была мирной, домашней, и именно эта будничность потрясла Андрея. Он был готов к тому, что увидит Белогурочку связанной, что ее готовятся убить, а она старается разорвать узы, он был готов ринуться к ней на помощь. Всего этого не требовалось.

Посреди кибитки стояла большая бадья с темной жидкостью. Время от времени кто-нибудь поднимался и, зачерпнув оттуда своей чашкой, возвращался на место и пил. Андрей увидел, как поднимается Белогурочка и тоже зачерпывает из бадьи. Он мог даже окликнуть ее, но удержался. Зачем?

Октин Хаш сказал что-то Белогурочке, та ответила. Тучный кастрат захихикал. Им было весело.

Черт возьми, а я сидел голодный и ждал ее! Я бы успел тысячу раз спуститься и помочь Жану, а я ей поверил. Почему я решил, что она должна жить по тем же законам, что и я? Между нами тысячи лет и миллиарды километров. Ей было выгодно спасать меня. Теперь выгоднее пировать с Октином Хашем.

Андрей почувствовал, что к нему кто-то подходит. Он отскочил от кибитки — и вовремя. Это часовой, проснувшись, пошел вокруг кибитки. Андрей ринулся прочь. Часовой закричал вслед.

Андрей зигзагами бежал между темных кибиток, потом скатился вниз по откосу и забился в высокие заросли тростника. Только тогда вспомнил, что в озере живет чудовище — пресноводная акула. Мелькнула мысль: разве на Земле водились гигантские пресноводные акулы? Когда вернусь, надо будет проверить.

Среди кибиток продолжалась суетня, но к берегу никто не выбежал. Видно, ночью степняки боялись подходить к озеру. Андрей утешал себя тем, что акула не выберется на мелководье. Во-

да была теплой, тростники шевелились, сквозь них виднелась дорожка луны.

Когда все в становище успокоилось, Андрей пошел дальше. Через полчаса он уже обогнул озеро и оказался на площадке у святилища — пыльной и голой каменной плеши среди травяной долины. Луна висела низко над зубцами скал. Ноги онемели и уже не болели — Андрей провел ладонью от голени вниз, — щиколотки и ступни распухли и почти потеряли чувствительность. Так даже лучше.

Впереди тремя черными куполами поднимались кибитки ведьм — немые, настороженные и зловещие. На том берегу озера тускнеющими пятнышками алели костры, иногда доносился недалекий голос. Заплакал ребенок, залаяла собака...

* * *

Андрей подошел к средней кибитке, куда отвели Жана. Кибитка была плотно закрыта, и покров ее был скреплен куда надежнее, чем в становище. Если швы и были, то в темноте Андрей не смог их отыскать.

Он простоял минуты две, прижав ухо к обшивке, потом осторожно откинул полог. Темно. Черт возьми, хотя бы спичку...

— Жан! — шепотом позвал Андрей.

Никто не ответил. Чем дольше Андрей стоял, держа откинутым край полога, тем более он убеждался, что кибитка пуста. Ни вздоха, ни шороха, которым выдают себя даже глубоко спящие люди.

Андрей вошел в кибитку, опустил полог и замер, представив себе, как зажигается свет и пришпиливает его к стене. Но свет не зажегся. Андрей присел ни корточки и пощупал пол. Камень.

Андрей пошел вдоль стены, водя перед собой руками и волоча ноги. Ни одного предмета не встретилось ему. Обойдя кибитку, он затем пересек ее напрямик. В кибитке никто не жил. Она была лишь пустой оболочкой.

Надо было уходить, осмотреть другие кибитки, но Андрей был уже почти убежден, что они такие же фантомы, как и первая. И это открытие не давало ему уйти. Кибитка была для чего-то сделана. Она что-то скрывала.

И раз не могли ничего скрыть ее стены, следовало поглядеть, что под ней.

Следующие несколько минут Андрей ползал по полу, простукивая его костяшками пальцев. Тук-тук... звук другой. Внизу пустое пространство. Андрей так надеялся на это, что не поверил, когда услышал. Пустота простукивалась в круге диаметром около метра.

Андрей принялся водить кончиками пальцем по границе круга, отыскивая щель. Ведьмы живут под землей, но они выходят.

Если бы он, Андрей Брюс, хотел скрыть вход в свое подземелье, он бы сделал его так, чтобы не отличить от остального пола. Так сделали и ведьмы. Затем он бы придумал простое устройство, чтобы можно было люк открыть или закрыть. И замаскировал бы его так, чтобы простодушные степняки его не нашли.

Ключ где-то рядом с люком, чтобы при нужде можно было быстро уйти вниз.

Андрей начал водить рукой вокруг люка, ползая по расширяющимся кругам, пока не отыскал на полу небольшой плоский камень, округлый и почти незаметный. Андрей повозился с камнем минуты три, прежде чем тот послушно сдвинулся, обнаружив углубление. И как только Андрей нажал на это углубление, раздался шорох, плита поднялась вертикально, и снизу пробился слабый свет.

Андрей заглянул в люк — там была неглубокая шахта со скобами в стенке. Колодец был выдолблен в скальном массиве — умение вовремя исчезнуть весьма повышает авторитет волшебников.

Андрей наступил на скобу — спуск был прост. Скобы кончились. Андрей стоял в туннеле, слабо освещенном желтым светом факела, укрепленного в стене. Дуновение воздуха скользнуло по щеке. Андрей отшатнулся — черной маленькой тенью пролетела летучая мышь.

Никакого плана у Андрея не было. Он знал лишь одно — надо быть осторожным. И чем позже его заметят, тем больше шансов чего-нибудь достичь.

Он шел медленно, гладкий пол приятно холодил разбитые ступни. Впереди туннель пересекался другим.

И тут гулко застучали шаги. Андрей успел лишь прижаться спиной к стене.

Старуха прошла близко, она несла в руке какой-то металлический предмет — Андрей уловил лишь тусклый отблеск, не осознав формы. Из-под капюшона виднелся острый профиль — как у старой крысы. Нижняя часть лица была скошена и стремилась, как и лоб, к кончику носа, чуть повисшего от старости. Шаги старухи раздавались часто и дробно — будто у нее четыре ноги. Даже хотелось приглядеться — нет ли хвоста? Черное одеяние волочилось по земле — наружу лишь белые пальцы рук и лицо.

Было что-то зловещее в деловитости ведьмы. Она прошла по

коридору, перпендикулярному туннелю, где стоял Андрей. Когда ее шаги затихли, Андрей добежал до слияния туннелей и осторожно выглянул. Он успел увидеть, как старуха остановилась у гладкой стены и провела по ней рукой. В стене обнаружилась черная дыра, в которой ведьма и скрылась.

Андрей стоял за поворотом туннеля, поглядывал на неровный и тусклый огонь факела, на черную дыру в стене и мысленно уговаривал старуху: ну выходи же, спать пора, чего ты ночью разгуливаешь?

Гробовая тишина пещеры стала невыносимой, Андрей уже сделал было шаг вперед, но тут в проходе показалась старуха. Она провела ладонью по стене, отверстие затворилось.

Старуха просеменила мимо. Сейчас остановится и скажет: «Здесь человечьим духом пахнет...» Что за чепуха лезет в голову! Три дня назад Андрей и не подозревал, что его жизнь будет зависеть от ведьмы.

Шаги затихли. Андрей просчитал до ста. Будем надеяться, что ведьмы отправились спать.

Тишина. Лишь в сложном ритме падают с потолка капли. Андрей вышел в большой туннель. Он был естественным, стены неровные, кое-где свисали сталактиты.

Андрей долго водил по стене ладонью, прежде чем нащупал нужную выпуклость. Натужно загудев, плита пошла в сторону. Андрей ступил в густую бархатную черноту помещения, плита сзади поехала, закрывая проход. Приключения ему смертельно надоели... И тут загорелся тусклый свет. Андрей стоял в обширном зале. Кровля его была укреплена каменными столбами, вытесанными умело и ровно. Зал был музейным, правда, со следами некоторого небрежения смотрителей — прямо перед Андреем с потолка натекла большая лужа, поодаль на полу валялись какие-то тряпки. Среди колонн угадывались шкафы и витрины.

Андрей прислушался. Только привычный стук капель.

Шкафы у стен были одинаковыми, сделанными из тусклого металла. В некоторых виднелись иллюминаторы. Андрей подошел к шкафу и заглянул внутрь — там было темно, можно было лишь предположить, что шкаф заполнен водой.

Центр зала заставлен витринами — они были столь многочисленны и стояли такими тесными рядами, что нетрудно заблудиться. Нет, это не музей, а запасник.

Протискиваясь между витринами, Андрей разглядывал экспонаты. Это были животные и растения, некоторые Андрей уже знал. В расположении предметов ощущалась определенная система — в отличие от поверхности планеты, где животные и растения разных геологических эпох были безнадежно перепутаны, в музейном зале они располагались в хронологической последовательности. В ближайших ко входу витринах лежали трилобиты, рыбы, водяные растения, громадные раковины и панцирные животные, примитивно громоздкие и неуклюжие, членистые бесконечные черви, морские звезды с размахом лучей в два метра... Лишь пройдя сто метров, Андрей попал в другую эпоху. Он увидел земноводных, кистеперых рыб, выползающих на сушу, примитивных ящеров. И чем дальше он шел, тем крупнее и разнообразнее становились ящеры. И наконец он увидел витрину, в которой стоял зверек, покрытый шерстью. Андрей не мог разглядывать музей подробно — число витрин и их разнообразие были невероятны, а размеры увеличивались до гигантских — в витрине умещался диплодок, а далее — сорокаметровая акула. Андрей отдавал хозяевам музея должное — они умели хранить экспонаты в таком первозданном виде, что сберегли все до жилки на листке, до пушинки, до перышка. Звери казались живыми.

Менее всего Андрей ожидал найти в обиталище ведьм такой музей, и это раздражало, потому что не укладывалось в концепцию. Некто всесильный, кто мог пронзить горы мечом, послал сюда экспедицию с целью собрать образцы флоры и фауны. Затем что-то приключилось — сбор экспонатов был прерван, они остались в подземном складе. А сами собиратели улетели. В покинутый музей пробрались ведьмы, которые сообразили, что музей как нельзя лучше подходит для их тайных мистерий. И обитают они здесь, как крысы в покинутом городе, не понимая смысла предметов, которые их окружают...

Размышляя, Андрей продолжал идти по залам. Им не было конца.

В четвертом зале Андрей увидел человекообразных. Сначала небольших сутулых обезьян, затем питекантропа. Витрины, где стояли эти существа, соседствовали с чучелами пещерного медведя, гигантского лося, саблезубого тигра.

Странно, думал Андрей, почему создатели музея решили расположить экспонаты по эволюционной лестнице? Их тоже смущала нелогичность этой планеты?

И тут Андрей увидел человека. Было мгновение — Андрею показалось, что человек жив и лишь поднялся в витрину, чтобы его испугать. Вернее всего, сработало убеждение, что в музее ставят чучела животных, но не чучела людей. Тем более это было не чучело, а самый настоящий первобытный человек, грудь и спина его густо поросли рыжей шерстью, длинные спутанные волосы, челюсть скошена и лоб покат — но это был человек, и он смотрел

на Андрея остановившимися глазами. И лишь неподвижность взгляда, сначала испугавшая, заставляла поверить в то, что человек «заспиртован». У ног дикаря лежали кремневые скребки и костяные иглы.

Это сделали не люди, решил Андрей, переходя к следующей витрине, из которой на него в упор глядела девочка лет десяти. Возможно, их эволюция шла настолько иным путем, что они не ощущают разницы между заспиртованным человеком и заспиртованным ящером.

Людей в том зале оказалось немало — более сотни. Андрей медленно и с неохотой совершал путешествие между тесно составленными витринами — аквариумами для людей. Каждый из них был застигнут смертью в момент, когда ее не ожидал, — лица были спокойны.

Андрей, не в силах более идти по этой выставке, свернул налево, надеясь обогнуть витрины вдоль стены, но там он оказался у длинного стеклянного шкафа, поделенного на прозрачные секции, в которых рядами покоились сотни человеческих сердец, почек, мозгов...

Андрей пошел быстрее, стараясь не смотреть по сторонам, и наконец добрался до конца выставки — далее были лишь пустые, подготовленные для заполнения витрины.

Андрей вздохнул с облегчением и взглянул на последнюю витрину. На него смотрел Жан Жвирблис, худой, высокий, нескладный, обнаженный и глупо постриженный — поперек головы гребень черных волос. Глаза его были открыты — карие умные глаза смотрели сквозь Андрея, потому что никуда не смотрели...

Хозяева музея не улетали с этой планеты. Они продолжали пополнять его, то ли таясь глубоко в подземельях, то ли изображая из себя ведьм. Вот почему ведьмы требовали человеческих жертв — им нужны экспонаты.

И все путешествие потеряло смысл для Андрея. Несколько часов назад у него было на этой планете два друга — Жан и Белогурочка. Теперь не осталось ни одного.

* * *

Зачем-то Андрей старался разбить витрину и освободить Жана. Занятие оказалось бессмысленным: даже если бы Андрей витрину разбил, он ничем не смог бы помочь другу.

Смерть Жана была горем, положение его — в банке, напоказ — унизительным. Нагота Жана — нагота мало занимающегося спортом, очень цивилизованного человека — была нескромной.

Потом Андрей спохватился — нет ничего глупей, чем пустая трата времени. Кончится тем, что сам угодишь в банку. И он пошел прочь, не оглядываясь. Распухшие пятки глухо стучали по камню.

Он должен вырваться отсюда, уйти из этой проклятой котловины и вернуться к людям. Октин Хаш лишь жалкая марионетка в руках ведьм. Какие они, к черту, ведьмы! Это замаскированные, спрятанные под темными тогами, холодные и расчетливые вивисекторы, умы далекие, пришлые здесь... Если бы найти ответы на все вопросы, Галактика стала бы проста и благодушна. Ты достигаешь понимания на одном уровне, ты бьешься за него только затем, чтобы за следующим поворотом увидеть человека, стоящего на голове. Почему вы стоите на голове? — спрашиваешь ты невинно. Ведь у тебя дома люди не стоят на голове. Этот же человек, не меняя позы, выпускает в тебя смертельный луч, потому что ты оскорбил его своим вопросом. Это лишь модель непонимания — практика его, главного врага человечества, настолько сложна, что ни один компьютер в Галактике не даст ответа на вопросы, которые нельзя сформулировать.

За музеем, в котором стояла витрина с Жаном, начинался длинный широкий коридор. Вместо стен в нем тянулись металлические шкафы пятиметровой высоты. Освещен коридор был паршиво — редкие пятна света горели в потолке. Андрей поймал себя на том, что бежит трусцой, устало и мелко. Дыхание его, сбитое, порывистое, слишком громко летит по коридору. Он заставил себя идти медленнее, потом остановился, прислушиваясь. И тогда услышал шаги. Неуверенные, осторожные. Андрей вжался в стену шкафа, готовый метнуться обратно.

Из коридора вышла человеческая фигура. Человек был гол, судя по прическе, он принадлежал к стае Октина Хаша.

Напасть первым?

Человек увидел Андрея и пошел быстрее. Тогда Андрей побежал назад. Бежать было трудно — распухшие ноги скользили по каменному полу. К тому же Андрей не мог заставить себя испугаться. Им овладела апатия, рухнувшая на него, когда он увидел то, что осталось от Жана. Андрей обернулся. Голый дикарь бежал за ним. Андрей свернул обратно в зал музея — там можно скрыться среди витрин. Впереди поднялась витрина с телом Жана...

— Андрей! — услышал он. — Андрей, это же вы, я вас узнал!

Слова относились к нему, и произнести их было некому, кроме человека, что преследовал его.

Андрей остановился.

— Андрей, вы меня не узнаете? Это я, Жан!

* * *

Андрея охватил ужас. Один Жан, мертвый, стоял совсем близко. Второй, живой и запыхавшийся, подбегал сзади.

— Да вы что! — закричал на него Андрей.

От злобного тона Андрея Жан остановился.

— Я не понимаю, — сказал он. — Что-нибудь еще произошло? Я что-то не так сделал?

— Вопрос не о том, что вы сделали, — сказал Андрей, не двигаясь с места. — Вопрос в том, что с вами сделали?

— Пока ничего, — сказал Жан.

— А это кто? — Андрей показал на тело Жана в витрине.

Жан подошел ближе. Андрей сделал шаг назад.

— Ну и глупо я выгляжу, — сказал Жан. — У вас нет какой-нибудь тряпки прикрыть чресла? Очень неприлично, а понимаешь только со стороны. — Собственное раздвоение Жана не удивило.

— Да я не об этом! Это ваше тело?

— Это отличная голограмма, — сказал Жан. — Если бы я не знал, что я здесь, решил бы, что я — там.

— Понимаю. Но зачем им снимать с вас голограмму и выставлять здесь? Они же имеют вас во плоти.

— Я вам скажу, Андрей, это удивительное достижение. Когда они делали, я любовался. Вы думаете, это просто голограмма? Это кочан капусты — миллион голограмм по слоям моего тела, — оно все закодировано там, до последней клетки. Это совершенный памятник мне. Завтра утром меня отдадут колдуну, и его воины кинут меня акуле. Вы видели, какая тут в озере живет акула?

— Видел.

— Я погибну, а у них останется точная моя копия.

— Пойдемте отсюда, — сказал Андрей. — Поговорим там, снаружи. Они могут в любой момент хватиться.

Уже прошел двойной шок — от встречи с мертвым Жаном и от перехода к Жану живому. Надо было действовать.

— Они не хватятся, — сказал Жан. — Они спят.

Все же они пошли прочь из музейного зала — соседство с копией Жана было неприятно обоим.

— Кто эти ведьмы?

— Не знаю, — сказал Жан.

— Вы с ними не говорили?

— Говорил. И немало. Но с невнятными результатами.

Они вновь вышли в коридор.

— Есть другой путь наверх? Или надо возвращаться через этот проклятый музей?

— Меня через музей не проводили.

— Вы так и не сказали, зачем они это делают?

— Андрей, вы задаете слишком много вопросов, — улыбнулся Жан. — Я сам многого не знаю. Делают они это... потому что так положено. Это ответ, который я сам получил. Им дают жертву, то есть пленника, лишь на время, на одну ночь. Считается, что они готовят ее к смерти. Но эта жертва — не их, она принадлежит стае. Они ее должны вернуть. Таков обычай.

— Это ничего не объясняет.

— Они меня привели в свою лабораторию.

— У ведьм лаборатория?

— Когда они меня туда привели, у меня как камень с души свалился. Значит, я не у дикарей, которые не знают пощады. Значит, здесь есть цивилизованные существа. Я гляжу на эти грязные старческие рожи и говорю им: поймите, тут недоразумение. Я попал сюда по ошибке. Но они так и не поверили, что я не дикарь...

Жан замедлил шаги.

— Хотите посмотреть на лабораторию?

— Вы уверены, что они не спохватятся?

— Загляните.

Жан открыл дверь в стене. Он тоже понял, каким образом открываются здесь двери. Каменная плита утонула в полу.

— Осторожнее, не ушибите макушку. Здесь у них неполадки с энергией, — сказал Жан. — Я спрашивал, чем они питаются. Они поняли меня буквально — будто я спрашивал о бутербродах.

— И что же ответили? — с интересом спросил Андрей.

— Что им не надо питаться. Они выше этого. Они ведьмы.

— Логично, — сказал Андрей, ступая в большое сводчатое помещение, тесно уставленное приборами, назначения которых не угадаешь. — Они сами со всем этим управлялись?

— Вполне профессионально.

— Вы не сопротивлялись?

— Я на своем опыте понял, что ведьмы сильны, как медведи.

Андрей подошел к операционному столу, с него свисали пластиковые ремни. Он толкнул стол — тот поехал.

— Я сначала решил, что они меня разрежут. Очень испугался.

Они шли за столом, который катился в угол комнаты.

— Одна из ведьм уговаривала меня, что мне не будет больно, что мне не причинят вреда.

— Ты можешь уловить акцент, когда они здесь говорят? — Андрей незаметно для себя перешел на «ты».

— Я способен к языкам. Я их чувствую. Это был их язык. Но говорил лишь рот. Лицо в этом не участвовало. Это ненормально.

— И дальше?

— Дальше они начали меня исследовать. Они не только сняли с меня голограмму, они брали образцы крови, кожи, волос. Порой это было неприятно. Они были жутко деловиты.

— Между собой говорили?

— Нет. Но я, как успокоился, начал задавать вопросы. И они отвечали. Они сказали, что меня исследуют, чтобы оставить обо мне память. А самого меня отдадут акуле — так велит закон. Мне было бы понятнее, если бы они плясали вокруг меня, колдовали, шаманствовали. А они проводили физиологическое обследование. А потом я увидел, как в стеклянном цилиндре проявляется моя копия — сначала это был скелет, потом он стал обрастать сосудами, внутренностями. Зрелище интереснейшее. Когда появилась кожа, я думаю: кто это такой знакомый? А это я, собственной персоной.

— А как ты от них сбежал?

— Эти гуманисты заперли меня в пустой камере. Но я подсмотрел, как здесь открываются двери.

— Гуманисты?

— Разумеется. Они удобно устроились. Они никого не убивают. Они настоящие ученые, экспериментаторы, они собирают музей, никому не вредя. Они берут напрокат лишь тех, кому по законам степи положено погибнуть. Помнишь, как делала инквизиция? Преступник передается в руки светских властей...

— Я удивлялся, — сказал Андрей, — откуда у Октина Хаша столько железа?

Жан остановился у очередной двери.

— Ведьмы здесь. Я искал выход и наткнулся на них.

В небольшом помещении с несколькими погасшими экранами, над пультом, протянувшимся вдоль одной из стен, стояли неподвижно, темными привидениями, шесть ведьм. Шесть одинаковых черных фигур, закутанных в темные тоги. Они были одного роста, одного сложения, они стояли строго в ряд, как манекены. И это окончательно укрепило Андрея в его предположениях.

Жан остался у входа.

Лица ведьм были одинаковы. Глаза открыты и пусты. Андрей внимательно осмотрел первую из старух. Он приподнял холодную тяжелую руку.

— Осторожно, — испуганно шепнул Жан.

— Помолчи, Жан, — сказал Андрей. — Ты замечательно умеешь разбираться в языках, я умею собирать и разбирать часы.

— Часы?

— Чтобы посмотреть, где там сидит жучок. Если часы с обманом.

Говоря, Андрей отыскал тонкий шов на тоге ведьмы — черную «молнию». Тога распахнулась. Жан, должно быть, ожидал увидеть внутри старческое белое тело и собирался отвернуться. Но увидел панель. Пальцы Андрея работали быстро, но осторожно, он был похож на сапера, который обезвреживает мину, прислушиваясь, не начнет ли она отсчитывать секунды перед взрывом.

Щелкнуло. Панель откинулась. Андрей грубо рванул на себя какую-то планку. На пол, зазвенев тонко и жалко, посыпались микроскопические детальки.

— Вечного тебе покоя, бабушка, — сказал Андрей, переходя к следующей ведьме.

* * *

Когда они выбрались из черной кибитки, снаружи было светлее. Луна поднялась высоко, ее свет полосой разрезал гладкое озеро и высвечивал камешки, которыми была усеяна площадка между черными кибитками — площадь жертвоприношений. Андрей подобрал несколько камешков, они были обкатаны и полупрозрачны, — если посмотреть сквозь камешек на луну, он загорался туманно и загадочно.

Становище на том берегу спало. Лишь в одном месте алым пятном догорал костер. Под луной кибитки казались горстками земли, выкинутыми кротом на зеленую лужайку. Было так тихо, что, когда далеко на склоне заржала лошадь, показалось, что звук родился рядом.

— Здесь нет цикад, — сказал Андрей тихо.

— Красота какая, — сказал Жан. — Я и не предполагал, что буду снова любоваться звездами.

— К счастью, память избирательна.

— Ингрид очень любила ночь. Больше чем день. Странно?

Андрей не ответил. Он смотрел на вторую черную кибитку. Потом сказал:

— Я загляну туда. Время еще есть.

— Вот этого мы и не знаем, — сказал Жан. Но пошел вслед за Андреем.

Андрей включил факел, который снял со стены в подземелье ведьм. Светильник был ловко сделан под факел — хозяева ведьм не хотели, чтобы попавший внутрь дикарь почуял неладное. На

конце факела вспыхнуло пламя — неровное, мятущееся и похожее на настоящее.

Андрей откинул полог. Пересекая кибитку, тянулся невысокий длинный стол. На нем были разбросаны белые кости. Андрей подошел поближе.

— Осторожнее! — предупредил Жан.

Андрей чуть не наступил на череп. Человеческий череп. Кости на столе тоже были человеческими. В глубоком кресле сидел скелет. Остатки блестящей гладкой одежды свисали странной бахромой. Андрей понял, почему скелет не рассыпался и не упал с кресла — он был пришпилен к спинке тремя короткими копьями.

Неровное пламя факела заставляло скелет в кресле дергаться. Андрей обошел стол. На полу лежал еще один скелет, на кисти руки, перехваченной металлическим браслетом, поблескивал какой-то прибор. Одежда была разодрана в клочья. Андрей понял, что до трупов добрались грызуны или муравьи. Череп человека, лежавшего на полу, был раскроен топором.

Андрей прошел за стол и опустился на корточки, шаря рукой по полу. По аналогии с кибиткой ведьм здесь должен быть ход вниз.

— Кто они? — спросил Жан из темноты. Он не отходил от входа.

— Хозяева ведьм, — сказал Андрей.

— Кто их убил?

— Ты задаешь вопросы, на которые знаешь ответы.

— Степняки, — сказал Жан, — трепещут перед ведьмами. Они никогда бы не подняли на них руку.

— Удивительное убеждение. — Андрей нашел наконец нужный камень, и плита в полу сдвинулась. — Конрад верил в нечто подобное до последней секунды жизни. Степняки еще слишком первобытны, чтобы трепетать. Как только среди них родился сообразительный вождь, он смог сделать выводы. Выгодные для себя. Представь себе такую картину...

Голос Андрея стал звучать глуше. Жан увидел, как пламя факела спускалось к полу, освещая круг шахты, и затем скрылось в ней.

— Ты куда?

— Надо же поглядеть, что внутри.

— Слушай, Андрей, сюда прилетит экспедиция, они не спеша все обследуют. Здесь... неприятно.

Жан все же отошел от входа и остановился над шахтой.

— Ну вот, я так и думал, — сказал Андрей. Факел осветил скелет, лежавший на ее дне. Скелет был одет в зеленый свободный

костюм — в подземелье не добрались хищники. — Он успел закрыть люк, и Октин Хаш остался ни с чем.

— Ты уверен, что это дела Октина Хаша?

— Да, — ответил Андрей. — На сто процентов.

Он говорил, закинув голову, и пламя факела искажало его черты.

— Все это был эксперимент. Когда наши прилетят, они обследуют подземелье и подтвердят. Это был великолепный, грандиозный эксперимент. Даже нам такой не по плечу. Они взяли планету, на которой жизнь делала лишь первые шаги. И начали гнать эволюцию скоростными темпами. Они создали для эволюции оптимальные условия, они подгоняли генетику, они втискивали миллионы лет в годы.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что это единственное объяснение тому, что рядом здесь живут динозавры и питекантропы. Я никак не мог сообразить, почему не вымерли динозавры? Почему птицы не вытеснили птеродактилей? А ответ оказался относительно прост: они не успели вымереть. Эволюция здесь шла под контролем генетиков и генных инженеров.

— Но все равно это должно занять много лет.

— Тысячи лет, несколько тысяч.

— Но зачем, зачем? Кому это нужно?

— Я тебе назову множество экспериментов, которые ставила и ставит земная наука и которые могут показаться бессмысленными профану. Когда-то эксперименты генетиков с мухой дрозофилой осмеивались как пустые... А знаешь, чем занимался мой дед, уважаемый профессор? Он со своими учениками изготавливал орудия каменного века и рубил деревья каменными топорами, путешествовал в долбленых лодках и пахал землю деревянным плугом. Он хотел воссоздать технологию каменного века. Эксперименты, на которые идет наука, тем грандиознее, чем больше возможности ученых. Я могу поклясться, что, когда биологи и палеонтологи на Земле узнают об этом эксперименте, они взвоют от зависти. Воспроизвести эволюцию на целой планете — это же грандиозно!

— Но эксперимент затянулся на множество поколений...

— Этого мы не знаем, — сказал Андрей. Он опустил голову, глядя на скелет, лежавший у его ног. Свет факела вырвал из темноты остатки седых волос, обрамлявших череп. — Мы не знаем, сколько лет они жили. Может быть, они достигли бессмертия? Может, они жили по тысяче лет? Что мы знаем, брат Жан?

— Даже если это так, они потерпели поражение, — сказал Жан.

— Ты прав. Они могли разрубить горный хребет, чтобы осушить долину или соорудить болото для диплодоков. Они добились главного — создания разумного человека. Им пришлось приспосабливаться к тому, что они сами создали. Они сделали ведьм, чтобы поторопить людей и воспользоваться их верой в высшие силы. Люди сами стали приводить к ним... — Андрей искал нужное слово.

— Экземпляры, — подсказал Жан.

— Они продолжали торопить эволюцию, полагая, что прогресс социальный можно ускорить так же, как генетический. Вместо того чтобы ждать тысячелетия, прежде чем люди сами додумаются до того, как плавить металлы, они стали выдавать им металлы. Причем в уже готовой форме — в форме оружия. Эксперимент дал результат.

— Он был бесчеловечным.

— Боюсь, что эта категория была ими упущена.

— На чем бы они остановились?

— Не представляю. Но их остановил Октин Хаш. Он отлично понял, откуда приходят наконечники стрел и кинжалы. Для того чтобы стать властелином степи, ему нужно было больше железных ножей, чем он получал. Очевидно, они отказались удовлетворить его ненасытные стремления, и он решил взять эволюцию в свои руки.

— И застал их врасплох.

— Они слишком хорошо знали эту планету, они были уверены, что все здесь — создание их разума. Включая Октина Хаша...

— Чудовище Франкенштейна сожрало своего создателя?

— Хуже другое: Октин Хаш набрался опыта общения с пришельцами с неба. Он вкусил их крови. И это погубило наших с тобой товарищей. Опасно быть богом...

— Опасно полагать себя богом, — поправил Андрея Жан.

— Я пройду по этому коридору.

— Только недалеко, — сказал Жан.

У стен стояли бесконечные стеллажи. На них — контейнеры.

Андрей открыл наугад один из них.

Он был наполнен наконечниками для стрел. Железными, хорошо заточенными наконечниками. Они лежали аккуратными рядами, каждый в пластиковом пакетике. Они были штампованы, но штамп тщательно имитировал неровность ручной ковки.

— Как ты думаешь, — донесся до него голос Жана, — почему не прилетели новые? Почему остались только роботы?

— Я не знаю, — откликнулся Андрей.

Стеллажи, стеллажи... орудия, которые предназначались для степняков. И орудия, которые им еще предстояло получить. Ящик со стременами... контейнер со стальными мечами... пакеты с семенным зерном, железные гарпуны, стальные иглы... Коридор уходил далеко вперед, и для того чтобы понять, где рубеж опеки, надо было потратить еще немало времени.

На несколько секунд Андрей задержался у широкой арки, что вела в еле освещенный зал, где длинными рядами стояли агрегаты, накрытые одинаковыми серебряными кожухами. Контроль над планетой требовал невероятной изобретательности и сказочных ресурсов... Но все это не спасло богов.

— Эй! — донесся далекий крик Жана.

— Иду! — Андрей выбрался из шахты.

— Что там? — спросил Жан, глядя на железный меч, который Андрей захватил с собой.

— Склады. Склады бус и других подарков для дикарей. Для общего образования.

Андрей пошел к выходу.

— Грустно, — сказал Жан, аккуратно опуская полог, словно боялся нарушить покой тех, кто там остался. — Какие усилия — и все впустую.

— Не совсем впустую. Все те люди существуют. — Андрей обернулся к спящему становищу.

— Кто такой Октин Хаш? Дикий мальчишка. Ему протянули конфетку, и он оттяпал руку дающую. Теперь ему придется надеяться лишь на себя.

Справа над горами небо начало светлеть. Прохладный ветерок зарябил темное озеро. В центре оно взбурлило, и волны разбежались, раскачивая тростник у дальнего берега. Акула проголодалась. Акула ждала жертвы.

— Не дождешься, — сказал ей Андрей, запахивая черную тогу, позаимствованную у выключенной ведьмы.

Жан не понял и спросил:

— Ты кому грозишь?

— Не знаю, — сказал Андрей рассеянно.

— Лучше бежать туда, через горы, — сказал Жан.

— И куда же мы побежим?

— Сначала надо уйти как можно дальше, — сказал Жан. — Потом мы найдем способ связаться с нашими.

— И далеко мы уйдем с тобой по степи пешком? В лучшем случае нас догонят через несколько часов, в худшем — нами позавтракает первый же тираннозавр.

— Так что же, сдаваться Октину Хашу?

— Это вариант, — серьезно сказал Андрей.

— Мы выберемся отсюда, потом разожжем большой костер, — сказал Жан. — И нас увидят сверху.

— При нескольких условиях, — возразил Андрей. — Во-первых, надо быть уверенными, что наши все еще наблюдают за планетой. А большого смысла я в этом не вижу.

— Но ведь они должны нас отыскать!

— Судя по их информации — нас нет. Мы погибли на станции. Но даже если корабль все еще на орбите, как ты зажжешь костер? Трением? Или ты спрятал в ухе зажигалку?

— Это не означает, что мы должны сдаваться!

— Я тебя к этому не призываю. И если бы я любил сдаваться, то не стал бы тебя искать.

— Но ведь ты сюда добрался! Сам!

— Не сам. Я бы и часа не выжил в степи, если бы не Белогурочка.

— Белогурочка?

И когда это имя было произнесено рядом, другим человеком — вернулась и Белогурочка. Ее только что не было — она была изгнана из памяти. Белогурочка, которая спит, доверчиво спрятав голову у него на груди, Белогурочка с бешеными от злости глазами, несущаяся за воином Октина Хаша, Белогурочка, плачущая в лесу...

— Она меня выручила из плена, — сказал Андрей. — Иначе как бы я смог оказаться здесь?

— Правильно. Я думал все время: куда тебя спрятали? Ведь ты должен был оказаться в святилище раньше меня... Ее послал отец?

— Как-нибудь расскажу.

Они шли вдоль озера. Было видно, как просыпается становище. Раздался плач ребенка, откинулся полог одной из кибиток, и женщина спустилась к тростнику за водой. Громкий голос доносился от табуна, что пасся на склоне.

— Странно, — сказал Жан. — А почему она оказалась в становище?

— Ты ее видел?

— Да, еще вчера. Она была в становище, разве ты не знаешь?

— Знаю. Она хотела выручить своего брата, но опоздала.

Андрей не хотел говорить Жану, что видел Белогурочку в кибитке Октина Хаша. Как будто говорить об этом было стыдно.

— Конечно, — сказал Жан. — Ее схватили раньше, чем она до него добралась. Октин Хаш знал, что она придет.

Андрей кивнул — разумеется, ведь воины искали их у пещеры.

— И он сделал просто. — Жан рассказывал обыкновенно, с сочувствием к Белогурочке, но не более. — Он загнал в кибитку, где сидел и я, рабынь из ее стаи. Он знал, что она будет их искать. А за кибиткой спрятал воинов. Так просто... Она только вошла — ее и схватили.

— Постой! — Андрей остановился. — Но я видел ее в кибитке Октина Хаша! Ночью. Она была свободна. Она с ним разговаривала.

— Она же дочь вождя, — сказал Жан.

И Андрей вдруг уловил в его голосе интонацию Белогурочки, как будто сейчас Жан скажет: «Какой ты глупый! Это же само собой разумеется!» Ничего для Андрея не разумелось.

— А что будет?

— Он возьмет ее себе в жены.

Андрей хотел возразить. Но не было правильных слов. И пока он их искал, на том берегу озера раздался тонкий крик. Андрей взглянул туда. В тростниках стояла женщина, которая показывала в их сторону и что-то кричала.

— Что случилось? — Андрей остановился.

— Она кричит, что видит ведьм, — сказал Жан.

— Ну конечно же!

Они оба были облачены в черные тоги, снятые с роботов. Андрей опустил на глаза капюшон.

— Может, попробуем подняться здесь? — Жан показал на крутой склон, который начинался за кибитками ведьм.

— Нет, — сказал Андрей. — Мы пойдем с тобой к Октину Хашу.

* * *

В кибитке Октина Хаша горел свет. Он пробивался теплыми в рассветной синеве лучами сквозь швы шкур, которыми она была покрыта. Часовой сладко спал, свернувшись калачиком у входа.

Андрей заглянул в щель. Внутри кибитки было два человека. Октин Хаш сидел на шкурах, скрестив ноги, держа в руке чашу и отхлебывая из нее. Толстый колдун развалился на полу вялой грудой жира, казалось, что он тает, растекается. Между ними на железном треножнике горел факел. Андрей боялся увидеть Октина Хаша с Белогурочкой. Вдвоем. Он не хотел в этом сознаться даже самому себе.

Белогурочки не было.

Андрей кивнул Жану, чтобы тот следовал за ним, и откинул полог уверенным движением хозяина. Октин Хаш рванул голову

вверх — взгляд на звук шагов, на резкий шорох полога. Две ведьмы — в черных до полу тогах, капюшоны на глаза, высокие и худые — вышли на середину кибитки, как призраки мести.

Андрей был убежден, что Октин Хаш испугается. Он не может не испугаться. На этом и строился весь расчет.

Октин Хаш поднял голову. Тонкие губы были растянуты в улыбке. Толстый колдун хихикал, словно кашлял. Черные ведьмы остановились у входа.

— Мы недовольны тобой, Октин Хаш, — сказала одна из них.

Октин Хаш смотрел на босые, израненные ноги ведьм. Колдун задыхался от смеха.

— Ведьмы никогда не приходят сюда, — сказал Октин Хаш. — Мы ходим к ним. Но если кто-то надел на себя черную одежду ведьм, он будет нашим гостем.

— Что он говорит? — спросил Андрей.

— Он догадался, что мы не ведьмы.

— Мы смотрели, как вы шли вокруг озера, — сообщил Октин Хаш. — Вы убили ведьм? Мне не жалко. Ведьмы давно уже нам ничего не дают. Вы правильно сделали, что убили ведьм. Садитесь. Будем вместе пить и говорить.

Он засмеялся удовлетворенно — приятно быть умнее противника, а Октин Хаш опять был умнее пришельцев. Он заговорил.

Андрей откинул капюшон, Жан переводил:

— Когда поймали Белогурочку, он сразу понял, что ты близко. Ты настоящий вождь, а вождь не сидит в кустах. Он думал, что ты нападешь на него. Но ты пошел к ведьмам. И это правильно — что жизнь женщины, когда есть мужчина из своей стаи?

Андрей не знал, издевается Октин Хаш или говорит серьезно. Обвиняет ли его в предательстве или отдает должное его мудрости.

— Мы смотрели, — слышал Андрей ровный голос Жана, — мы знали, что вождь небесной стаи пошел к ведьмам, чтобы освободить Жана, который говорит на нашем языке. И мы ждали, вернешься ли ты или ведьмы тебя убьют.

— Ведьм больше нет, — сказал Андрей.

— Их слуги, старые люди, давали нам оружие, — сказал Октин Хаш. — Они давали нам много наконечников для стрел и копий, они давали нам ножи. — Октин Хаш загибал пальцы, как капиталист, перечисляющий свои заводы. — Они давали нам хорошие листы железа, они учили нас стрелять из лука. Но они давали мало. А нам надо было готовиться к большой войне. Мы пошли, чтобы взять все.

Октин Хаш обернулся к Андрею и замолчал, почесывая переносицу. Потом заговорил.

— Я могу позвать моих воинов, — сказал он, — вас принесут в жертву великой рыбе озера...

— Пускай он скажет, чего хочет, — перебил Жана Андрей.

— Йаххх, — заворковал Октин Хаш, довольный поворотом разговора. Он вскочил со шкур и принялся, наклонив голову, как петух, ходить вдоль стены. — Я не хотел никого убивать. Я не хотел убивать твоих людей. Но мне нужно оружие. Я наказал стаю старых людей, я думал, что ведьмы дадут оружие, но они не давали. Я наказал твою стаю и взял железо. Но мне мало! Я отпущу вас, чтобы вы приносили мне железо. Много железа. Я дам вам место для охоты и буду защищать вас. Я не хотел тебя убивать и Жана не хотел убивать! Я бы не кинул вас рыбе! — Октин Хаш хихикнул. — Я бы попугал вас. А потом сказал бы: идите к себе и принесите много железа великому вождю Октину Хашу.

Колдун мелко кивал, подтверждая мудрость Октина Хаша.

— Скажи ему, — произнес Андрей, — что мы подумаем.

— Хватит с него оружия. Он же бандит, — сказал Жан.

— Мудрость твоя заставляет преклоняться перед тобой, — сказал Андрей. — Ты хочешь, чтобы акула тобой позавтракала? Я не хочу. У нас полная свобода выбора.

— Я понимаю, — сказал Жан. — Но все равно противно.

— Тогда переведи, что мы подумаем. Если он сделает нам дурное, он ничего не получит.

Октин Хаш не скрывал торжества.

— Ты мой друг, — сказал он Андрею. — Мы будем скакать рядом по степи.

— Он даст нам коней и Белогурочку, — сказал Андрей.

Октин Хаш удовлетворенно захлопал ладонями по бедрам.

— Он говорит, что сам будет приказывать нам, сколько дать железа. И мы дадим ему луки, которые стреляют огнем.

— Обещай ему атомную бомбу, — сказал Андрей. — А что он говорит о Белогурочке?

— Он говорит, чтобы ты сам ее искал. Она ему не нужна.

— Где она? — почти закричал Андрей.

— Катурадж, — развел руками Октин Хаш.

Андрей помнил это слово.

— Они ее убили?

Заговорил колдун. Жан выслушал его, и Андрей с ужасом ждал, что Жан сейчас скажет: ее убили. Он даже поднял руку, словно хотел заставить его замолчать.

— Белогурочки здесь нет, — сказал Жан. — Она убежала. Она дикая, как зверь. Она им не нужна. По-моему, они не врут.

Октин Хаш хлопнул в ладоши. Вошел часовой. Вождь отдал приказание.

Андрей чувствовал великую, бездонную пустоту.

— Он говорит, чтобы мы не спешили. У него есть суп. Он хочет накормить нас. Он знает, что мы голодные.

— Если хочешь, поешь, — вдруг ожил Андрей, — а мне надо сделать еще одно дело.

И он, не оборачиваясь, вышел из шатра.

— Ты думаешь, они не отравят суп? — спросил вслед Жан. — Жрать хочется смертельно.

— Не отравят. Ему нужно железо. Он очень горд собой. Победители не травят побежденных. Они просто пляшут на их костях.

Снаружи уже накатился рассвет. Он был голубой, туманный, зыбкий. Пахло дымом.

— Ты далеко? — Жан выглянул из кибитки.

— Когда поешь, жди меня с конями к востоку от становища.

— Где здесь восток?

— Восток везде там, где встает солнце, — сказал Андрей.

* * *

Андрей быстро прошел мимо крайних кибиток. Там начинался подъем на обрыв. Кусты были мокрыми от росы. Андрей както забыл за всеми событиями о странностях этой планеты, и, когда на него спикировал небольшой птерозавр, он от неожиданности упал. Птерозавр клацнул пастью над самым ухом Андрея и сразу взмыл кверху.

С половины склона Андрей обернулся. Озеро затянулось туманом. Черные кибитки поднимались над ним, как затылки погрузившихся в воду купальщиков. Слышно было, как топочут в загоне лошади. Какого черта я не сказал Жану, чтобы он захватил для меня супа. Полцарства за глоток горячего супа!

Андрей подобрал полы черной тоги и начал карабкаться по крутому склону. Затея его пуста, но отказаться от нее нельзя. Он вышел на плато в стороне от того места, где провел вчерашний день. Но сразу увидел дерево с обломанной вершиной. Белогурочка сидела под ним, сжавшись в комочек. Ей было холодно. Видно, она дремала и услышала приближение Андрея, когда он был уже в нескольких шагах. Она широко раскинула длинные смуглые руки и побежала к нему.

— Ты убил черную ведьму! — Голос ее звенел, дрожал от возбуждения и сладкого ужаса. — А я думала, что они тебя убили!

Она с разбегу прыгнула в открытые объятия Андрея, обхватила его руками и ногами, как обезьяна. Она была горячей и мокрой от росы.

Она повторяла как во сне:

— Я все равно тебя ждала. Я убежала от них и ждала. Я бы тебя до конца ждала. Пока не умру. Ты веришь?

— Верю, Белогурочка, — отвечал Андрей. — Поэтому я и пришел сюда. Октин Хаш сказал, что ты убежала. И я сразу пошел сюда.

— Ты зачем говорил с Октином Хашем? Ему нельзя верить.

— Я знаю. Он нас не тронет. Он даже дал нам лошадей.

— Хээх! — воскликнула Белогурочка. — Ему нужно железо? Он убил старых людей, он убил твоих людей, он убил моих братьев — а железа не хватает. Я правильно говорю?

Белогурочка соскользнула на землю и стояла, тесно прижавшись к Андрею, как замерзший странник прижимается к печке. Голова ее была запрокинута, и в глазах отражалось голубое утреннее небо.

— Жан с лошадьми ждет нас у загона.

— Тогда пошли скорее, потому что Октин Хаш может передумать. Он решит: лучше пускай они сидят у меня, а я буду менять их на железо... Ты согласился давать им железо?

— Я согласился бы на что угодно, чтобы нам уйти отсюда.

— Правильно, — обрадовалась Белогурочка. — Ты будешь давать железо моей стае, и мы перебьем всех воинов Октина Хаша!

Они начали спускаться вниз по осыпи и по мокрой траве. Потом Белогурочка остановилась, велела Андрею подождать, стрелой взлетела обратно, вернулась с кожаной сумкой, оттуда достала кусок вяленого мяса.

— Я утащила у них, — сказала она. — Я думала, если Андрей живой, значит, он голодный.

— Светлая мысль, — согласился Андрей, вгрызаясь в жилистое мясо. Он никогда в жизни не ел такого вкусного мяса. Белогурочка спускалась рядом и радовалась тому, что оказалась предусмотрительной.

— Ты ешь, — повторяла она. — Тебе надо есть, ты большой мужчина. А я уже поела, пока тебя ждала. Я думала, если ты мертвый, то я потом доем, а если ты живой, то обязательно голодный. А как ты убил ведьму? Это очень страшно? Ты был у них в кибитке?

— Угу.

— А другие ведьмы? Они будут мстить?

— Нет, мы с Жаном всех ведьм убили.

— Мой мужчина — самый сильный в степи, — сообщила Белогурочка.

Туман рассеялся, и они издали увидели, что Жан ждет у загона, рядом с ним три лошади. Несколько пастухов стоят поодаль, робко поглядывая на черную тогу ведьмы, в которую облачен Жан.

Их никто не преследовал, лишь у выхода из котловины их догнал всадник от Октина Хаша и дал им копья — Октин Хаш хотел, чтобы они добрались до цели невредимыми.

* * *

Они выбрались из котловины той дорогой, какой пришел Октин Хаш. Тропа была широкой, пыль прибита росой. Жан все время оглядывался — ему казалось, что вот-вот сзади раздастся топот погони. Белогурочка переливалась ртутью, ей досталась бодрая кобылка — этот кентавр никак не мог успокоиться, он исчезал в высокой траве, чтобы вылететь оттуда с воинственным воплем. И вот уже Белогурочка несется на Андрея, рот раскрыт в крике, смуглая рука с копьем занесена для удара, глаза сверкают, так что больно смотреть.

— Спасайся! — кричит Белогурочка. — Я чудовище из глубин земли, я разрежу тебя в клочья своими зубищами!

Солнце грело доверчиво и мягко.

— Господи, — сказал Жан, когда Белогурочка снова умчалась вперед, — разве так бывает? Я должен сейчас скорбеть о моих товарищах, беспокоиться о том, удастся ли нам вернуться обратно к людям. А я просто счастлив.

— Хэ! Глядите! — крикнула Белогурочка.

На берегу небольшого озерка, еще не высохшего от летней жары, в грязи, перемешанной копытами и лапами животных, приходящих сюда на водопой, неуклюже топтался десятиметровый трицератопс — бронированное сооружение, придуманное больным гением Босха. Треть громоздкого тела занимала голова, лобовой панцирь которого уходил веером назад, ложась на широкую спину, расширяясь и заканчиваясь метровыми костяными пальцами. Короткий хвост не доставал до земли — природа воплотила в ящере идеал обороны.

Вокруг чудовища вились, подпрыгивая, мешая друг другу, ящеры, похожие на страусов, — громадные задние лапы, длинный, вытянутый назад, напряженный от охотничьей страсти хвост, змеиные головы, усеянные рядами треугольных зубов, передние лапы — ручки — невелики, но увенчаны острыми ножами когтей. Подскакивая к трицератопсу, они высоко взлетали и вонзали в панцирные бока ящера полуметровые кинжалы когтей. Когти скользили по панцирю, трицератопс лениво поворачивал маленькую голову, всем своим видом давая понять: «Ну что еще за несчастье, я пришел напиться, никому не мешал, а эти злобные твари меня беспокоят».

Андрей поймал себя на том, что смотрит на это действо с заинтересованностью зрителя.

— Им его не одолеть, — сказал Жан, который тоже придержал коня. — Жадность их погубит.

— Зря они нападать не будут, — сказал Андрей. — Это не люди, чтобы тратить время впустую.

Белогурочка подскакала к ним.

— Сейчас он устанет, — сказала она. — И они его повалят. Это очень интересно. Я думала, что его больше нет, всех съели. Один великий воин сделал себе щит из его шеи. Два человека не могли поднять этот щит. Очень красиво.

Высокая трава скрыла озерко, и ветер унес шум сражения.

— Тебя не удивляет, как она свободно говорит? — спросил Жан.

— Я потрясен.

— Это мой метод, — сказал Жан. — Ну и, конечно, ее способности.

— Я очень умная, — сказала Белогурочка. — Я дочь великого вождя и жена великого вождя.

— Кто же твой муж? — спросил Жан.

— Мой муж — Андрей, — сказала Белогурочка, подъезжая к Андрею и кладя руку на его колено.

— Это новость, — сказал Жан. — Почему же вы раньше мне не сказали?

— А как же тебе скажешь, — удивилась Белогурочка, — если ты сидишь в плену у ведьм?

— Это в самом деле так? — спросил Жан смущенно, словно о чем-то слишком уж деликатном.

— А я откуда знаю? — вдруг озлился Андрей. — Ты думаешь, меня на этой планете кто-нибудь о чем-нибудь спрашивает? Сначала меня объявили женихом и даже спасли из плена, затем мне было сказано, что все это чистой воды дипломатия, а на самом деле превыше всего интересы стаи. Затем Белогурочка чуть не вышла замуж за Октина Хаша...

Белогурочка зло, с оттяжкой, хлестнула его кожаной нагай-

кой по плечу. Конь рванул в сторону. Андрей еле удержался на нем.

— Ты что? — крикнул он. — Что я сказал?

— Ты ничего не сказал. — Белогурочка ударила коня пятками в бока и поскакала вперед.

— Дикие нравы, — сказал Андрей, почесывая плечо, на котором вздулась полоса ожога.

— Не возбуждай в девушках тщетных надежд, господин кавалер, — сказал Жан. — Очередное столкновение цивилизации и дикости закончилось в пользу дикости.

— Я мечтаю о той светлой минуте, — искренне сказал Андрей, — когда ступлю на палубу самого обыкновенного космического корабля и забуду о дикарях и их покровителях.

— А я, пожалуй, останусь здесь, — сказал Жан. — Если станцию не закроют, я останусь. Удивительная ситуация, уникальная.

Трава стояла редкая, с проплешинами, под ногами бегали небольшие ящерицы вроде варанов, но очень кургузые. Они шустро увертывались из-под копыт.

Кони шарахались и ржали, Белогурочка ускакала далеко вперед, конь вынес ее на пологий холм, где она и остановилась.

По небу прошла белая полоса. Черная точка мелькнула и пронеслась в сторону святилища.

— Андрей! — закричал Жан. — Это наши!

— Все-таки они не улетели, — сказал Андрей.

* * *

Планетарный катер опустился рядом с ними примерно через час после того, как они увидели его в первый раз.

Штурман сказал Андрею, что Ингрид пришла в сознание ночью, и тогда капитан «Граната» узнал, что виновниками нападения на станцию были люди Октина Хаша. Поэтому катер сразу был отправлен к святилищу ведьм.

Они были готовы к поискам, к сложным переговорам с дикарями, но все оказалось просто. Октин Хаш сам вышел к опустившемуся катеру. Он вынес с собой часы Андрея — он был спокоен и не боялся мести людей. Он знаками показал, что Андрей и Жан уехали. Штурман связался с кораблем, и оттуда с помощью «глаза» прочесали степь. В тридцати километрах от становища обнаружили троих всадников...

Катер стоял на берегу реки. Река была еще широка, хотя приливная волна давно уже прошла по ней.

Андрей поговорил с капитаном и вкратце объяснил ему, что произошло за последние два дня. Разговаривая с кораблем, Андрей пил кофе и ел бутерброды, не замечая, что ест. А потом, когда связь кончилась, он спохватился, что Белогурочка голодная, а он совсем о ней забыл. Стало неловко. Вокруг Жана хлопотал врач — Жан с удовольствием отдался в его руки, он как-то сразу осел, обмяк, его знобило.

Андрей, держа в руке большой бутерброд с сыром, вылез из планетарного катера. Он сразу увидел Белогурочку. Она повела коней к реке поить. Кони стояли по колено в воде, а Белогурочка сидела на берегу и глядела перед собой.

Андрей подошел к ней. Белогурочка не обернулась.

— Поешь, — сказал Андрей. — Это вкусно.

Не оборачиваясь, Белогурочка подняла руку ладонью кверху. Андрей положил бутерброд на ладонь. Белогурочка принялась жевать. Потом положила бутерброд рядом с собой на траву. По реке, выставив змеиную голову на длинной шее, быстро проплыл плезиозавр.

— Не понравилось? — спросил Андрей. Он подумал, с каким удовольствием он сейчас примет на борту ванну. А затем в мягкую чистую постель — и спать целые сутки!

— Ты улетаешь? — спросила Белогурочка.

— Конечно, — сказал Андрей. — Меня ждут.

— А я остаюсь?

Андрей кивнул, хоть она и не могла увидеть этого ответа.

Стало жарко. Между лопатками Белогурочки блестел пот.

— Тогда улетай, — сказала Белогурочка. — Зачем стоишь?

— Я думаю, — сказал Андрей.

— Брюс! — закричали от катера. — Мы поднимаемся?

— Давай мы довезем тебя до твоего становища, — сказал Андрей слишком бодрым голосом. — Пускай они удивятся.

— Кто там удивится? — сказала Белогурочка. — Воинов нет, а про меня думают, что я уже убита.

— Тебе лучше лететь с нами, чем ехать одной по степи.

— А как же лошади? — спросила Белогурочка.

— При чем тут лошади? Они чужие.

— Я всегда говорила, что ты глупый! — Белогурочка вскочила и обернулась к Андрею. — Как я могу бросить в степи трех коней? Ты знаешь, что у нас в стае совсем не осталось коней? Ты знаешь, что конь дороже, чем ребенок или даже женщина? Ты ничего не знаешь, а ходишь по нашей степи и обещаешь.

— Что я обещал?

— Ты обещал нам оружие, много оружия, ты обещал нам лук,

который стреляет огнем. Ты обещал нам железный дом, на который не сможет забраться Октин Хаш, ты обещал нам много железных воинов...

— Белогурочка, что ты несешь! Это же неправда.

— Это правда, потому что без этой правды Октин Хаш возьмет в рабство всю нашу стаю. И ты это знаешь. И хочешь отнять у нас последних коней! Ты ничего нам не даешь, а все хочешь отнять. Ты очень плохой человек, и лучше бы тебя съели ведьмы!

Андрей вздохнул, пережидая вспышку гнева. Белогурочка замолчала. Она посмотрела на Андрея в упор, и глаза ее были злыми.

— И что ты будешь делать? — спросил Андрей.

— Я подожду, пока спадет вода, и поеду домой. Но с конями. Все будут рады, что есть кони.

— А когда спадет вода?

— Когда солнце будет вон там, — она показала довольно низко над горизонтом.

— Хорошо, — сказал Андрей.

Он вернулся к катеру. Штурман ждал его у люка.

— Ну что, попрощались? Это ваша проводница? Неплохо сложена, правда?

— Отлично сложена, — сказал Андрей, входя в катер. Он оглянулся. Белогурочка стояла на берегу и смотрела ему вслед.

Андрей включил микрофон и сказал капитану «Граната»:

— Слушай, Федор, я останусь здесь еще на пять часов. Вы заберете меня от нашей прежней станции.

— А что случилось?

— Я не хочу оставлять девушку, которая была с нами.

— Так пускай ее подбросят на катере.

— У нее три коня. Это большая ценность в степи. Надо подождать, пока спадет вода в реке.

— Может, дать вам кого-нибудь еще?

— Зачем? Мы же будем под наблюдением «глаза». Надеюсь, что вы больше нас не потеряете.

— Это рискованно, — сказал капитан.

— Это не более рискованно, чем было вчера и сегодня ночью, когда вы не знали, где я нахожусь и жив ли. Люди Октина Хаша меня не тронут. А от зверей мы как-нибудь убежим.

— Это необходимо? — В голосе капитана было сомнение.

— Да, — сказал Андрей. — До связи.

Жан слышал этот разговор.

— Может, я тоже останусь с вами? — сказал он. Он лежал на откинутом пассажирском кресле, доктор массировал ему живот. Жан с наслаждением страдал.

— Не надо, ты же знаешь — тут недалеко.

— Ты прав, — с готовностью согласился Жан. — Недалеко.

Андрей не стал переодеваться. Так и вышел из катера в черной тоге ведьмы. Правда, перетянул тогу серебряным ремнем с бластером на боку, с аптечкой и передатчиком. Теперь Андрей был сильнее любого обитателя планеты... Хотя, впрочем, это не спасло Конрада.

Андрей отошел от катера и поднял руку, прощаясь.

Катер беззвучно и плавно взмыл к редким облакам. Сразу стало слышно, как стрекочут кузнечики и поют в траве птицы. Кони вышли на сушу и паслись недалеко от берега. Андрей спустился к Белогурочке.

— Все улетели, а ты остался, — сказала Белогурочка равнодушно.

— Я провожу тебя, — сказал Андрей. — Вдвоем лучше.

Он протянул ей большое яблоко.

Степь вновь была бесконечно первобытной и пустой — даже они, сами дикари, были чужими в ней.

— Сладкое яблоко, — сказала Белогурочка.

Андрей снял тогу, постелил на траву и лег. Почему я не взял у кого-нибудь башмаки? — подумал Андрей. Бластер за поясом, передатчик на запястье, а сам босой.

— Я бы и без тебя отвела коней, — сказала Белогурочка.

— Катер прилетит за мной к становищу, — сказал Андрей.

— Может, тебе места не хватило в той машине?

— Может быть.

— А я думала, что ты боишься за меня.

— На провокационные вопросы не отвечаем, — сказал Андрей.

— Я тебя не поняла. Говори со мной понятно.

— Ты хочешь учиться?

— Я уже все знаю, — сказала Белогурочка.

— Когда сюда прилетит следующая экспедиция, тебя могут послать в Галактический центр.

— Слишком много незнакомых слов. Они мне не нужны.

Она поднялась, закрыв собой солнце. Черный силуэт очертила золотая кайма света. Было жарко, и вода журчала, мирно перекатывая мелкие камешки.

Белогурочка зашла в воду по пояс. Присела, серебряные брызги поднялись веером. Она провела ладошкой по воде, и фонтан водяных искр долетел до Андрея.

Андрей приподнялся на локте.

— Белогурочка, — спросил он, — ты умеешь плавать?

— Нет! — крикнула Белогурочка. — В воде бывают злые рыбы.

Глаза слипались. Засыпая, Андрей подумал, что он бесчувственный чурбан. Он скоро расстанется с этой девушкой и, наверное, навсегда, словно лишь мельком взглянул на нее в толпе. Он не должен спать, он должен беречь каждое мгновение...

Когда Андрей проснулся, солнце уже сошло с зенита. Жара стала томной и неподвижной. Он был весь мокрый от пота. Кожа горела.

Белогурочка сидела на корточках в нескольких шагах и смотрела на него.

— Ты не спала? — лениво спросил Андрей.

— Нет, — сказала Белогурочка.

Андрей поднялся — все тело ломило и ноги не держали. Андрей доковылял до воды, вода была приятно зябкой, мальки бросились во все стороны. Тень водяной змеи скользнула в глубину.

Андрей не решился плыть по реке. Не хватало еще нарваться на какую-нибудь ядовитую гадину. Он вошел по колени, наклонился и умыл горячее щетинистое лицо.

— Можно идти дальше? — спросил он.

— Можно, — сказала Белогурочка.

Они нашли лошадей, переехали через реку, миновали рощу, где Белогурочка освободила Андрея.

— Если ты возьмешь меня, — сказала Белогурочка, — я буду очень послушная. Я буду варить тебе мясо и охотиться.

— Где охотиться? — не понял Андрей.

— У тебя дома.

— Ценная мысль, — сказал Андрей и улыбнулся, представив себе эту дикую девочку с луком в руке на перекрестке центральных магистралей Космограда.

— Не смейся, — сказала Белогурочка строго.

— Я сам могу охотиться, — сказал Андрей. — У себя дома я знаю, как охотиться. Это только в степи я не все знаю.

— А если ты останешься, ты будешь здесь охотиться.

Андрей не ответил. Они ехали по степной тропе. Пыль поднималась из-под копыт.

— Если ты не хочешь жить со мной, — сказала Белогурочка, — ты можешь жить с моей сестрой. Она тоже красивая. Она будет рада.

— Ты хочешь этого?

— Я хочу, чтобы ты остался.

— А что ты сделаешь, если я соглашусь?

— Я буду рада, — сказала Белогурочка. — А потом я убью мою сестру.

Она была беспредельно откровенна.

— Белогурочка, я не могу остаться здесь — у меня есть мое дело, моя стая, моя охота. Я не могу взять тебя с собой. Там все слишком чужое. Давай больше не говорить об этом.

* * *

Они миновали руины сгоревшей станции. В руинах возились ребятишки из стаи Белогурочки. Ребятишки узнали Белогурочку и побежали вперед, к становищу.

Становище было там же, в заросшей кустами лощине.

Белогурочка оказалась в кольце женщин, которые расспрашивали ее, потом одна из них зарыдала. Из шатра вышел старый вождь.

Андрей стоял в стороне, возле лошадей. Два подростка, почти воины, взяли лошадей и повели их в кусты. Андрей почувствовал, как беззвучной тенью опускается катер. Катер улегся на траву за его спиной. Оттуда вышел штурман.

— У вас все в порядке? — спросил он.

— Все в порядке, — сказал Андрей.

Надо было что-то сделать. Белогурочка смотрела на него. Рядом стояли ее отец и другие люди ее стаи. Они смотрели на катер и на Андрея.

— Мы вернемся, — сказал Андрей.

Белогурочка перевела его слова отцу.

— Полетели, — сказал Андрей. Он заставил себя пойти к катеру. Что делать Белогурочке в городе? Ее место здесь. Рыбу тоже нельзя вытаскивать из воды, даже если можешь подарить ей отдельный дом на суше.

Андрей оглянулся, помахал Белогурочке рукой, как перед короткой разлукой. Белогурочка сделала шаг к нему и крикнула:

— Андрей!

— До свидания! — сказал Андрей и забрался в катер.

Штурман закрыл люк.

— Грустно расставаться с друзьями? — спросил он. — Мне Жан рассказывал, что она объявила тебя своим мужем. Смешно.

— Смешно, — сказал Андрей, глядя в иллюминатор. Те, кто остался снаружи, были отрезаны непоправимо и навсегда — как в кино. Кусты смыкались вокруг кучки шатров. Катер прижался к земле, прежде чем ринуться в небо. Белогурочка побежала к катеру, но он взмыл вверх, и фигурка ее с поднятой рукой стала быстро уменьшаться. А вокруг расстилалась бесконечная степь, которая подстерегает Белогурочку, которая ждет ее смерти и жаждет

ее крови. И завтра Белогурочка пойдет на охоту или столкнется с воинами чужой стаи... И он, Андрей, будет завтра мысленно ехать рядом с Белогурочкой и ждать, когда разойдутся кусты и на нее прыгнет саблезубый тигр или поднимет дубину мрачный питекантроп. И он не будет знать, вернулась ли Белогурочка к своему шатру... Не зная, он послезавтра снова мысленно выйдет с ней в степь, и каждый день образ ящера, прыгающего на нее из кустов, будет тягостной реальностью, отделяющей Андрея от всех остальных людей.

— Обратно, — сказал он сухо штурману.

— Ты что? — удивился тот. — Что-нибудь забыл?

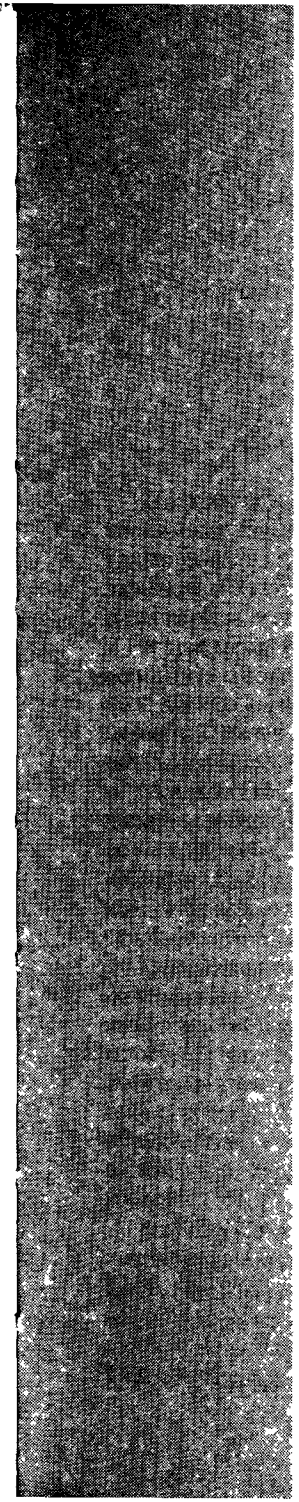
— Обратно, — повторил Андрей, потому что, скажи он еще хоть слово, пришлось бы объяснять, а объяснить было невозможно

Катер упал с неба к становищу. Андрей видел сквозь иллюминатор, что все люди становища уже разошлись по шатрам. Здесь быстро забываются события и трагедии.

Только Белогурочка стояла на поляне и смотрела вверх.

Белогурочка не двинулась с места, пока катер опускался. Потом, увидев в люке Андрея и все угадав по его лицу, она пошла к нему, сначала очень медленно, словно с трудом, потом отбросила в сторону копье и побежала.

Сама, как будто не впервые, она вошла в катер, села в кресло. Она была спокойна, потому что рядом сидел ее мужчина. Но потом, когда катер поднялся, Белогурочка оробела, отыскала пальцы Андрея и больно сжала их. И не отпускала до самого корабля.

ЛЮБИМЕЦ

ПРОЛОГ

По редкому, почти невероятному совпадению первый космический корабль пришельцев, которых впоследствии было принято именовать спонсорами, опустился на берегу Волги между Калязином и Угличем в тот момент, когда Сергей Семенов и Клара разговаривали о летающих тарелочках.

В том месте берег полого и торжественно снисходит к реке от вершины холма, где стоит реставрированная усадьба Полонецких, а рядом с ней остренькой свечкой колокольня усадебной церкви. Ниже и правее протянулись дома деревни Белое Городище, за ней начинается лес.

Усадьба Полонецких долгие годы разрушалась, отданная сначала под детский дом, потом под мастерские, пока лет пять назад ее не взял себе под дом отдыха-профилакторий угличский завод «Красный воин». Сергей Семенов работал там физкультурником, а Клара отдыхала и была рада, что на нее обратил внимание столь значительный в масштабе дома отдыха человек.

Они сидели на лавочке, стоявшей возле самой воды, там, где начинались мостки на дебаркадер — пристань «Белое Городище». Вечер был светлый, прозрачный, гулкий от невероятного простора и редких, неслышных днем речных звуков. Издалека доносился плеск рыбы, с того берега — звон цепи в колодце, а сзади, сверху, — музыка из дискотеки. Но эти звуки, хоть и явственные, были столь отдаленными, будто и не существовали на самом деле. Звон комара, поднявшегося от воды, был реальнее и громче.

Сергею Семенову хотелось произвести на Клару положительное впечатление, потому что он, несмотря на свою стать и должность, был неуверенным в себе молодым человеком, что заставляло его старательно, до изнурения поддерживать репутацию местного донжуана. Но, несмотря на все свои краткие победы, Сергей обладал странным свойством характера — каждый роман

начинать и вести так, словно раньше с женщинами он вообще не был знаком.

— Я неоднократно видел летающие тарелочки, — сказал Сергей. — Здесь большой простор и открытая местность, а я на рассвете выхожу на пробежку. Держу себя в форме. Вот посмотрите.

Сергей согнул руку в локте, взяв другой рукой послушные пальцы мелко завитой Клары, и положил их на свой бицепс. Потом, накрыв их ладонью, прижал к мышце. Клара молчала и не спешила отнимать пальцы.

— Вы чувствуете? — спросил Сергей.

— Да, очень, — хрипло ответила Клара.

— Я вам потом покажу мышцы брюшного пресса, — добавил Сергей. — Ни грамма жира.

Тут же он смутился, решив, что Клара может ложно истолковать его слова. Поэтому добавил:

— Будем завтра купаться, посмотрите.

— Жалко, что я купальник не взяла, — сказала Клара, — раз уж все равно спустились.

— Некоторые отдыхающие у нас купались в обнаженном виде, — сказал Сергей. — Пришлось выписать.

— Нет, что вы, я не это имела в виду, — сказала Клара и зарделась. Но так как все предметы уже потеряли цвета и в ранних сумерках приняли разнообразные оттенки серого цвета, то Сергею показалось, что ее лицо неожиданно потемнело.

Возникла неловкая пауза, и Клара решила разрядить ее, спросив:

— А какие они, тарелочки?

— Я бы не сказал, что они тарелочки. — Тут Сергей вспомнил, что все еще прижимает к своему бицепсу тонкие пальцы Клары, и отпустил их. После секундного колебания девушка с легким вздохом убрала руку.

— А как? — спросила она, очевидно, имея в виду тарелочки.

— Смотрите вверх, — сказал Сергей.

Клара послушно подняла к небу острый носик — над головой и в той стороне, куда зашло солнце, небо было бесцветным, но на противоположной стороне неба, на синеве, уже высыпали звезды, а редкие светлые облака хранили отблеск красок заката.

Сергей обнял Клару за плечи, и она послушно прижалась к нему.

— Любое облако, — сказал он, — если хочешь, может показаться тарелочкой. Вон видишь — маленькое, светленькое?

— Это звезда?

— А ты представь, что это корабль — тогда он постепенно увеличится и сядет перед нами.

— Ой, как бы я хотела! — сказала Клара, кладя голову на плечо Сергею. Ее пышные, мелко завитые волосы щекотали ему щеку и нос, но он не убирал их, потому что волосы были теплыми и пахли травой и речной водой.

— Ты хочешь, чтобы они прилетели?

— Я давно мечтаю, — сказала Клара. — Мне так надоело ждать.

— А зачем?

— Они спустятся и скажут нам: зачем вы строите заводы и отравляете речки? Как вам не стыдно? Зачем вы воюете между собой? Сейчас же прекратите!

Последнюю фразу Клара сказала слишком громко, смутившись, замолкла.

— А если они как роботы-завоеватели? — спросил Сергей, проводя широкой ладонью по узкой горячей спине Клары. Клара обгорела на солнце, и спину щипало. От ласки Сергея ее прохватил озноб.

— Глупости! — сказала Клара. — Зачем лететь через звезды, чтобы нас завоевывать? Если цивилизация достигла таких невиданных высот, то она уже стала гуманной и будет оказывать нам помощь.

— Я не знаю, — сказал Сергей. — Мне бы лучше, чтобы они не спешили.

— Почему? Ты боишься?

— А вдруг они будут наводить порядок и скажут: вы почему, Семенов Сергей, целуетесь на берегу Волги с отдыхающей Кларой Тумановой?

— А ты еще не целовался, — сказала Клара, откровенно толкая Сергея к выполнению угрозы.

Сергей наклонился и поцеловал Клару в тонкую и такую нежную шею. Клара запрокинула голову, чтобы он мог целовать и дальше, и увидела, как одна из звезд все увеличивается и увеличивается. Сначала она подумала, что ей так кажется от сладкой слабости, охватившей все ее тело, но звезда уже стала сверкающим диском.

— Тарелочка! — сказала Клара.

— Бог с ней, — сказал Сергей, ища губами губы девушки.

— Ты не понимаешь! — закричала Клара, вырываясь. — Это же они! Братья по разуму.

Сергей тоже посмотрел наверх и увидел диск.

— Жалко, — сказал он.

— Ты что, не понимаешь?

— Когда теперь удастся поцеловаться?

— Чокнутый какой-то! — возмутилась Клара. — Ведь сбывается вековая мечта человечества!

Сергей не стал больше спорить. Ему было не по себе. И даже странно, что Клара не испытывает ничего, кроме радостного возбуждения.

Когда на твоих обыкновенных глазах происходит Событие, ты, вернее всего, будешь стоять и смотреть, потому что неизвестно, что делать, если этого События раньше не случалось.

Они стояли и смотрели, как, все замедляя движение, громадный, более ста метров в поперечнике, диск вдавился в землю в стороне от них, по ту сторону дебаркадера, где к реке спускалось оставленное под паром поле.

Диск был так тяжел, что земля вздрогнула и воздух вжался в уши, так что удивленные и перепуганные крики, возникшие наверху в хрустальной тишине дома отдыха, откуда тоже увидели диск, сразу прервались.

— Я пойду, — сказала Клара. — Надо их предупредить...

Сергей схватил ее за руку и не пускал.

— Они, может, ждут, они боятся, — сказала Клара.

— Лучше уйдем, — сказал Сергей.

Он хотел уйти, он всей шкурой хотел уйти, убежать, спрятаться, но Клара об этом и не помышляла. Ею владело громогласное тщеславие, собственный радостный крик, шумевший в голове: «Я нашла! Я первая!»

— Пойдем, — повторил Сергей, рассчитывая, как бы получше обхватить Клару, чтобы унести ее. Ведь он не мог ее бросить одну...

Но пока он размышлял, по окружности диска открылось множество небольших отверстий, словно маленькие иллюминаторы. Это было очень красиво, и Клара успела сказать:

— Смотри!

Из этих отверстий под сильным напором, распространяясь по всему берегу выше к дому отдыха, в сторону реки и даже к тому берегу, к деревне, где замолчали забрехавшие было собаки, и к дебаркадеру, и к Сергею с Кларой, хлынула волна раскаленного до трех тысяч градусов дезинфицирующего газа, который должен был обеспечить полную стерильность и безопасность места высадки, а также нейтрализовать и уничтожить всю возможную враждебную и агрессивную среду, потому что из опыта высадок спонсоров на других мирах они вынесли убеждение: прежде чем

разговаривать и исследовать, надо стерилизовать. Что и было сделано.

Сергей и Клара успели увидеть, как к ним несется ослепительно белая волна газа, но даже не успели побежать или закрыть лица... Их испепелило.

Вспыхнул и в несколько минут исчез деревянный дебаркадер, заполыхали дома в Белом Городище, усадьба Половецких и церковь — и даже деревья, старые липы, зеленые и могучие, занялись факелами. Пылали избы на том берегу Волги...

Посадка была произведена в соответствии с правилами и закончилась удачно.

Прошло почти сто лет.

Глава 1

ЛЮБИМЕЦ ВЛЮБИЛСЯ

Я точно помню, что увидел ее впервые в пятницу шестого мая сразу после обеда.

Я решил позагорать у бассейна — купаться еще холодно, но если лежишь рядом с водой и солнце уже обжигает, можно вообразить, что наступило лето.

Я лежал так, чтобы поглядывать на соседний участок — с утра туда переехали новые соседи вместо Злобницы, улетевшей к мужу на Марс.

Я закрыл глаза и задремал, но вдруг проснулся, хотя ничего не мог услышать, — по газону шла рыжеволосая девушка.

Их бассейн начинается сразу за невысокой живой оградой, разделяющей наши участки. Она уселась на край бассейна, окунула в него пятку и сразу поджала ногу — не ожидала, видно, что вода такая холодная! Откуда она приехала, если не знает, что у нас в начале мая еще не купаются?

Думая так, я разглядывал ее, и девушка это заметила, кинула в мою сторону острый быстрый взгляд и отвернулась, словно только что смотрела не на меня, а на муху.

— Привет! — сказал я. — С приездом.

— Ах! — тихонько воскликнула она. И подняла левый локоть, чтобы скрыть от меня очертания полной груди.

— Вы надолго сюда? — спросил я, делая вид, что не заметил жеста.

— Мы здесь будем жить. — Ее тяжелые волосы падали на белые плечи.

— Меня Тимом зовут, — сказал я, поднимаясь. Мне хотелось, чтобы она увидела, как я сложен. Недаром я пробегаю стометровку за двенадцать секунд.

— Очень приятно, — ответила она с улыбкой, но не назвала себя.

Но тут же — о, ирония судьбы! — от дома послышался голос:

— Инна! Инночка, ты где? Скорей беги ко мне.

— Вот видишь, — сказала Инна, — мы и познакомились.

Она грациозно выпрямилась и побежала к дому. Мне очень понравились ее спина и ноги — у нее были длинные, прямые ноги с крепкими округлыми икрами.

На бегу она обернулась и помахала мне рукой.

Знакомство состоялось.

Я рассказал о ней Вику — цинику двадцати с лишним несчитаных лет, кудрявому, голубоглазому, породистому.

Вик — корыстный, наглый парень, я знаю ему цену, но дружу с детства.

— Да видел я ее, — отмахнулся Вик в ответ на мои похвалы в адрес Инны. — Ты редко бываешь в свете, сидишь сиднем дома, ни на выставке тебя не увидишь, ни в парке. Так что первое же смазливое личико в пределах твоего зоркого взгляда — и ты готов!

— Я мечтаю о ней, — сказал я хрипло, чем вызвал вспышку хохота у моего друга.

— Ромео! — повторял он. — Ромео с голым задом!

Я хотел было врезать ему за слова, которые болью отозвались в моем оцарапанном сердце, но Вик увернулся. Я с трудом догнал его у самых ворот, повалил на траву и заломил руку за спину.

— Сдавайся! — прорычал я. — Не то растерзаю!

Тут, как назло, домой вернулась госпожа Яйблочко.

— Как дети! — закричала она, вываливаясь из флаера. — Сейчас же прекратите, уши оторву! Земля же холодная!

Она кинулась за нами, но куда ей догнать двух молодых людей.

— Ну ладно, ладно, — крикнула она нам вслед. — Я пошла готовить ужин, слышишь, Тимошка?

Она отлично знает, что я ненавижу это собачье имя. Я сделал вид, что не слышу.

Мы отбежали с Виком к старой трансформаторной будке.

Когда-то еще мальчишкой я любил прятаться здесь и воображать, что я подкрадываюсь к неуязвимому дракону в джунглях

Эвридики... Я вырос, джунгли вырубили, дракона держат в зоопарке, а трансформаторная будка так и стоит, сто лет никому не нужная...

— Сегодня третью серию будут показывать, — сказал Вик.

— Если у нее есть сестра, — сказал я, — ты с ней тоже можешь познакомиться.

— Больно ты шустрый, — ухмыльнулся мой друг. — Ты уверен, что тебе разрешат с ней общаться?

— Я никого не намерен спрашивать.

— Ай-ай-ай, какие мы смелые!

— Тимофей! Тимоша! — Яйблочко звала меня самым ласковым из своего набора голосов. — Кушать, кушаньки, беги сюда, мой мальчик!

— С ума сойти! — засмеялся Вик. — Она намерена кормить тебя грудью до тридцати лет.

Тут я стукнул его кулаком по затылку, чуть голова не отвалилась. Он ахнул и примолк.

А я пошел домой вовсе не потому, что послушался Яйблочку, а боялся, что, если уж очень разозлю ее, она не допустит меня вечером к телевизору.

— Ноги вытер? — спросила Яйблочко, когда я вошел в дом.

Я не стал отвечать, а продолжил путь на кухню.

Яйблочко восседала за столом, перед ней стояла емкость с пойлом — ей доктор прописал. На моей тарелке лежал кусок трески, посыпанный зеленью. Редкое по нашим временам лакомство.

Прежде чем приняться за обед, я подошел к окну и поглядел в него — окно выходило к дому Инны. Но самой девушки не было видно.

После обеда мы отдыхали, а потом Яйблочко повела меня гулять.

Я не люблю эти почти ритуальные прогулки — Яйблочко не та спутница, которую человек выбирает по доброй воле. Но я ее не выбирал.

В тот день, идя рядом с ней, я впервые глубоко задумался о несправедливости судьбы. Ведь каждый из нас таков, каким он родился, каким его воспитали. Я предпочел бы иную судьбу, пускай не такую надежную и сытую, пускай полную лишений и опасностей, как у бродяг и охотников. Впрочем, я их никогда не видел.

Чем ближе к центру городка, тем больше встречалось парочек, подобных нашей. Яйблочко раскланивалась с ними, приседала, покачивала бедрами, звенела нитями железных бус, а когда

она наклоняла вперед бюст, мне все казалось, что сейчас она угодит этими бусами мне по темечку — и я замертво рухну на мостовую.

Я понял, что Яйблочко направляется в бар «Олимпия» при торговом центре. Там она будет сосать неудобоваримые напитки с себе подобными дамами, а я побуду с людьми.

Мы подошли к бару, и Яйблочко, добрая жаба, заявила:

— Тимоша, если ты побудешь в общей комнате, мы потом в кино сходим, хорошо?

Я отвернулся. Она должна думать, что я расстроен больше, чем на самом деле. А я не имел ничего против того, чтобы поболтать со старыми приятелями, пока ты, голубушка, вкушаешь свое вонючее зелье.

Так что я молча посмотрел на нее красивыми, выразительными серыми глазами.

Но Яйблочко выдержала мой укоризненный взгляд и вытащила из сумки намордник. Я побледнел, но Яйблочко показала на объявление над входом в комнату:

ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ДОМАШНИХ ЛЮБИМЦЕВ
ВХОД БЕЗ НАМОРДНИКОВ ВОСПРЕЩЕН

Объявление мне было знакомо и унизительно. Но я не стал спорить и капризничать — не то настроение.

Я сам подставил лицо, и Яйблочко не грубо, я бы сказал, с неуклюжей нежностью приспособила мне на лицо намордник, который прикрывал нижнюю часть лица. Я вполне допускаю, что когда-то, по недоразумению, кто-то из домашних любимцев укусил другого человека. Но кто и почему дал право возвести этот случай в ранг правила? С чего они решили, что мы обязательно должны бросаться друг на друга и кусаться?

В большой комнате, где хозяева оставляют домашних любимцев, пока пьют кофе, болтают в кафе или выбирают что-нибудь в магазине, было человек тридцать, не меньше. Все в намордниках, но если у меня он был простой, почти невидимый, — мы с Яйблочкой старались свести унижение к минимуму, то у других людей на физиономиях порой красовались нелепейшие защитные сооружения: у кого из кованой проволоки, у кого в виде керамического цветника.

Я сразу увидел Вика, который сидел перед телеэкраном, на нем был розовый намордник, имитирующий хоккейную маску вратаря Хризабудкина — мне было бы стыдно появиться в обществе в таком виде. Я обвел присутствующих взглядом, надеясь, что среди них есть Курт, который обещал мне жвачку. Мерзавец

Вик неправильно истолковал мой ищущий взор и, поправив завитую гриву волос, ехидно заметил:

— Сюда самочек не заводят. Может плохо кончиться!

— Я Курта ищу.

Я и без него знал, что девушке здесь не место. Среди домашних любимцев встречаются скоты.

— Нет здесь Курта, — сказал Вик.

— А что по телеку показывают?

Вик не ответил. Показывали исторический фильм о первой высадке спонсоров на Землю.

...Толпа поселян в уродливых одеждах радостно гоготала при виде того, как из открытого люка корабля не спеша выходят три спонсора. Они массивны, они куда крупнее и тяжелее человека, некоторые достигают четырех метров. Из скафандров высовываются чешуйчатые зеленые лапы с длинными, цепкими, словно без костей, пальцами. Зеленые, блестящие, словно смазанные жиром головы покрыты чешуйками. Пришельцы здороваются с поселянами.

— Сегодня юбилей! — произнес вдруг сидевший рядом со мной средних лет мужчина в какой-то глупой попонке. — Столетие! Столетие первого счастливого контакта!

— Выпить бы, — произнес какой-то жалкий замарашка. Порой в комнату для отдыха домашних любимцев проникают с улицы бродячие люди. Затерявшись среди нас, они могут рассчитывать на стакан лимонада или на горсть орешков. — Выпить бы, я сказал! По случаю счастливого юбилея!

Он смотрел на меня в упор, словно я сейчас вытащу из-под мышки бутылку самогона.

Чтобы не встречаться с его наглым взглядом, я обратился к экрану. Странная мысль посетила меня: как изменилась жизнь на Земле за прошедшие сто лет! Хоть меня тогда еще не было на свете, я знаю по старым пленкам и журналам о мире насилия, неуверенности, ранней смерти и нищеты, о мире, в котором господствовало право сильного, где люди, будто стремясь к самоубийству, уничтожали реки и отравляли воздух... Страшно подумать, что было бы без Визита!

Замарашка уже приставал к Вику, и я слышал его занудный голос:

— Ну глоток достань, ну достань, братишка, ты же можешь, ты же гладкий!

Я с радостью смотрел, как на экране спокойно, с чувством собственного достоинства двигаются спонсоры, вбирая лучащимися добротой глазами окружающую действительность. Инте-

ресно, какие мысли проносились в тот момент под этими высокими зелеными лбами! Яйблочко как-то, поглаживая меня по спинке, рассказывала мне о ее отце — одном из первых спонсоров. Она уверяла, что спонсоры были огорчены тем, что увидели на Земле.

— Ай! — Отчаянный крик разорвал мирный шумок комнаты отдыха.

Я вскочил. Все вскочили. Так я и думал: Вик, элегантный, милый, казалось бы, генетически лишенный агрессивности, как дикий пес набросился на замарашку, и они катались по полу, пытаясь вцепиться зубами в горло друг другу. Остальные вскочили со своих мест, окружили спорщиков кольцом и аплодисментами и криками подбадривали их. Такое поведение моих товарищей меня возмутило.

— Как вы себя ведете! — закричал я. — Постыдитесь! Вы забыли о том, что наши спонсоры не жалеют времени и сил, чтобы научить нас высокому пониманию добра! Мы не имеем права падать до элементарной драки. В любую минуту нас могут увидеть!

Но, как назло, никто не слышал меня. Зато на шум ворвались два магазинных милиционера с электродубинками. Они вели себя так, словно мы все были преступниками и хулиганами — колотили дубинками, валили на пол, топтали ногами. Мы были вынуждены забиться в углы комнаты, но и там нас доставали эти садисты.

Меня всегда возмущали те люди, которые не видят границы между любовью к нашим спонсорам, сотрудничеством с ними и услужением им за счет своих соплеменников. Как говорится, «служить бы рад, прислуживаться тошно!» Вот это — мое кредо.

Но кредо не могло защитить меня от ударов, меня, пальцем никого не задевшего и не принимавшего участия в этой постыдной драке, спровоцированной, как я честно признался Яйблочке, когда она взяла меня из комнаты отдыха, проходимцем-замарашкой, возможно, агентом деструктивных сил, выступающих под ложным лозунгом: «Земля для людей!»

— Где бы они сейчас были, — проворчала в ответ Яйблочко, натягивая поводок, на котором вела меня домой и предназначенный (в моем конкретном случае) только для того, чтобы защитить меня в случае неожиданной опасности. — Если бы не наша экспансия, они бы вымерли от собственных нечистот.

Разумеется, я полностью согласен с моей милой, добродушной Яйблочкой, четырехметровой неуклюжей лягушатиной!

Я решил воспользоваться ее тревожным настроением и сказал:

— Госпожа, я тут видел трехцветный электронный ошейник.

— Зачем тебе? У тебя совсем еще новый.

— В него вживлена система предупреждения. Если меня захотят украсть, то он сразу даст сигнал.

— Небось бешеных денег стоит, — проворчала моя хозяйка.

И я понял, что ее постоянный страх потерять меня, лишиться ее лапушки, псеночка-котеночка, дорогого моего человечка, которого она искренне почитала членом семьи, заставит раскошелиться. Такой триколер уже купили Вику, вся наша улица с ума посходила от зависти.

Мы повернули к дому. Скоро должен был вернуться со службы сам спонсор Яйблочко, и мы с госпожой всегда с трепетом ждали этого момента.

— Пока ты дрался в зверинце, — продолжала Яйблочко (я попытался было возразить, но она не слушала меня, она думала вслух), — мы с дамами как раз обсуждали новости из Симферополя. Это же надо — ограбить курортный автобус! Я не сторонница жестокого обращения, но всякому терпению есть предел. И этот нелепый лозунг...

— «Земля для людей!» — сказал я, и получилось чуть более вызывающе, чем мне того хотелось.

И тут же Яйблочко перетянула меня по голой спине плетью, которую всегда носила с собой, чтобы отгонять от меня поклонниц.

Это меня глубоко оскорбило. Если ты больше и сильней, это не означает, что можно пускать в ход плетки. Я лег на голый пыльный асфальт. В знак протеста я решил тут же умереть!

Яйблочко дернула меня за поводок. Я не сопротивлялся. Она потянула сильнее и буквально поволокла меня, не думая о том, что я могу оцарапаться и у меня начнется нагноение, откуда всего шаг до гангрены!

Я поднялся на ноги. Ведь не ей мучиться перед смертью — тупой скотине! Если они захватили Землю, потому что у них есть одуряющие газы, лазерные пушки и черт знает еще какое оружие, это не означает, что люди — рабы. Нет, мы не сказали еще последнего слова! Мы тоже цивилизованные люди!

Яйблочко, видно, почувствовала гнев, исходящий от представителя порабощенного, но не сдавшегося народа, потому что перестала тянуть за поводок и сказала виноватым голосом:

— Отряхнись, Тимоша. Нельзя же так себя вести — люди смотрят.

— Пускай смотрят, — сказал я, но все же подчинился. Я человек добрый и отходчивый.

Мы продолжали наше движение к дому.

Порой нам встречались другие спонсоры и спонсорши, совершавшие послеполуденную прогулку с домашними любимцами. Спонсоры раскланивались и перекидывались фразами на своем языке, и это давало возможность и нам, любимцам, также обменяться приветствиями и новостями.

— Слышал, Тим, — спросил меня Иван Алексеевич из хозяйства Плийбочико, — у Сени чесотка. Его на живодерню отвезли.

— Не может быть!

— Ты с ним не общался?

Иван Алексеевич мне неприятен. Всю жизнь он служит своим спонсорам за пределами разумного. Он даже бегает для хозяйки в магазин и качает их ребенка. Нельзя же так унижаться!

— Наверное, это преувеличение, — сказал я, а у самого сердце сжалось от жалости к Сене, вежливому, воспитанному человеку.

Яйблочко неожиданно потянула меня дальше, и ошейник впился в горло. Хорошо еще, что она не услышала о Сене. А то бы потащила к ветеринару!

Зрелище, открывшееся моим несчастным глазам, отвлекло меня от физических страданий.

Навстречу нам по бульвару шел жабеныш и вел на золотой цепочке мою возлюбленную!

Нет, я никогда не спутаю ее ни с кем на свете! Ее светлый образ запечатлелся в моем мозгу до конца дней.

— Ты куда? — закричала Яйблочко и так дернула меня назад, что я потерял равновесие и, чтобы не упасть на землю, был вынужден встать на четвереньки.

Девица, которая улыбнулась было мне как старому знакомому, при виде моего несчастья рассмеялась — мелодично, звонко и обидно. Ее спонсоренок остановился и тоже принялся смеяться, как смеются они все — хрюкая и выпячивая живот.

— За что? — только и спросил я, поднимаясь и стараясь сохранить чувство собственного достоинства. — Неужели тот факт, что сто лет назад вам удалось покорить Землю, дает вам основания так обидно и горько унижать ее население?

Видно, в сердце этой туши что-то шевельнулось, потому что Яйблочко строгим голосом приказала жабенку-спонсоренку прекратить смех. У них с дисциплиной строго.

Жабеныш замолчал и потащил мою возлюбленную на боковую дорожку. Она так элегантно и легко бежала рядом с ним, чуть подпрыгивая на бегу, линия ног столь плавно переходила в круглый задик, рыжие кудри так нежно и игриво струились по узкой спине, что у меня перехватило дух. И все попытки и потуги

Яйблочко оторвать меня от этого волнующего зрелища были тщетны. Ей пришлось подхватить меня на лапы и, прижимая к жесткой грудной чешуе, отнести домой.

* * *

Мы больше не разговаривали с Яйблочкой. Она не скрывала своего недовольства, я — обиды.

В хорошие дни меня кормят вместе со спонсорами, в гостиной, но тут Яйблочко поставила мне миску на кухне в углу. Я взял ее, сел на подоконник, чтобы похлебать, глядя в окно в надежде, что моя возлюбленная вернулась с прогулки, но Яйблочко заглянула на кухню, дала мне подзатыльник и согнала с подоконника. Я готов был отомстить ей и отказаться от ужина, но страшно хотелось кушать, и я отложил месть на следующий раз.

На этом мои несчастья не закончились. Ни с того ни с сего моя жабина устроила уборку в чулане и отыскала там книжку комиксов про супермена Иванова, которую я выменял у Вика за старую монету. И когда домой заявился со службы мрачный спонсор Яйблочко, она еще до обеда подсунула ему свой трофей.

Голодный и потому особо опасный для человечества пришелец Яйблочко вытащил меня из-под дивана, куда я пытался забиться, и безжалостно избил электрическим хлыстом. Его желтые глазки при этом горели яростным садистским огнем, но при том он беседовал со мной, словно не причинял мне немыслимую боль, а распивал чай.

— Неужели ты до сих пор не усвоил, хомо сервилиус, что чтение — прерогатива разумных существ? Сегодня ты начал читать...

— Но это же только комикс! Ой, больно!

— Будет еще больнее... Сегодня ты читаешь комикс, а завтра ты выйдешь на улицу с пластиковой бомбой!

— Никогда я не посмею поднять руку на своего кормильца!

— Ты не поднимешь, пока ты нас боишься, но как только исчезнет страх, ты станешь опасен.

Рассуждая, спонсор Яйблочко продолжал меня колотить.

Я уже захлебывался от слез и боли и был близок к тому, чтобы потерять сознание, когда госпожа Яйблочко вырвала меня из рук супруга и отнесла на подстилку.

Они говорили за дверью на своем зверском языке, который я знал как собственный. Любопытно, что ни один спонсор не верит, что человек может выучить их язык — это как бы за пределами наших умственных возможностей. Хотя практически все домашние любимцы, кроме уж самых тупых, понимают разговоры

спонсоров. А как иначе? Они решат отправить тебя на живодерню, а ты будешь хлопать глазами?

— Пожалуй, ты был с ним излишне жесток, мой повелитель, — сказала госпожа Яйблочко.

Ее муж что-то прохрюкал в ответ.

— Ведь он же нам не чужой.

Опять неразборчиво.

Я подполз к двери, волоча за собой подстилку. Идиотский запрет людям одеваться, который свел в могилу уже много тысяч человек, особенно ужасен, когда тебя побьют. Тебя знобит, а накрыться нечем

Кое-как натянув подстилку на синяки и царапины, я улегся у двери в их комнату.

— Но мы взяли его малышом! Помнишь, какой он был забавный!

— Он уже не забавный. Надо думать, что делать с ним дальше.

— Он безобидный.

— Ты не думаешь о животном! У него тоже свои потребности, — рассудительно и размеренно говорил спонсор. Но почему надо называть меня животным, если давно уже доказано, что люди разумны?

— Какие потребности у Тимоши?

— Потребности взрослого кобеля!

— Ну уж!

Затем последовала пауза. Видно, спонсор доканчивал ужин, а его супруга размышляла. Она размышляет со скоростью улитки.

— Ты прав, — услышал я ее голос. — Я сегодня уже об этом думала.

— А что случилось?

— При виде одной... особи женского пола он чуть было поводок не оборвал.

— Я же говорил! Отвезем его в клинику. Пять минут — и больше не будет проблем.

— Нет! — почти закричала госпожа спонсорша. — Только не это!

— Почему? Миллионы людей проходят через эту операцию Она сразу снижает уровень агрессивности, улучшает характер животного. Если операцию вовремя не сделать, это может кончиться трагедией. Ты же знаешь, сколько молодых самцов убегало из домов, попадало под машины, в облавы, на живодерню!

— Только не это! Я не переживу. Я не знаю, как мне жить без моего Тимошеньки!

— Не раскисай. Он тебе будет только благодарен.

За дверью наступила зловещая страшная тишина. Я физически ощущал, как тяжело думает моя спонсорша. Она всерьез обдумывает проблему: не уничтожить ли во мне мужчину? Она — существо, с которым мы вместе живем уже около двадцати лет, она, которая вставала ко мне ночью, когда у меня была скарлатина, которой я приношу ночные туфли и подогретый бульон, если у нее бессонница... Неужели госпожа Яйблочко согласна на то, чтобы я, самое близкое к ней существо, подвергся страшной операции? О нет!

— Ну ладно, — услышал я голос госпожи, — ложимся спать. Завтра еще раз обсудим.

Дверь открылась, госпожа велела мне идти наверх в спальню, ложиться на коврик у их постели. Я с трудом подчинился. Все тело ломило. Ужас сковывал мои члены.

Господа заснули быстро, но я, разумеется, не спал. Они занесли топор над самым важным даром природы — над моим естеством! Я знаю этих несчастных рабов, этих домашних любимцев, лишенных мужского достоинства. Это ничтожные счастливые тени людей, которые доживают свой растительный век, не оставив следа на Земле.

Я бесшумно поднялся и подошел к окну.

Отсюда, со второго этажа, был виден газон, разделяющий наш дом и дом, где живет Инна. И тут я увидел в ночной полутьме, как она, легкая, душистая, вышла на этот газон, легла на спину и потянулась. Вот вся она — нега, ожидание любви, томление, счастье!

Хлопнула дверь, высунулся ее жабенок. Позвал спать. Моя возлюбленная лениво поднялась и вернулась в дом. А я был готов умереть...

На следующее утро никто не вспоминал о вчерашних бурных событиях. И я, проснувшись в ужасе от кошмара, который мне приснился, тут же пришел в себя, услышав ласковый голос спонсорши:

— Тимоша, скорей мыться и за завтрак! Я тебе кашку сварила!

Она погладила меня по голове и сказала, что поведет на завивку, а я ждал только момента, чтобы меня выпустили погулять в садик, и я там увижу...

Как назло, она долго не отпускала меня. Сначала ей пришло в голову сделать мне педикюр, потом ей показалось, что у меня жар, и она заставила меня поставить градусник. А я старался не глядеть в окно, чтобы не вызвать у нее подозрений.

— А на господина Яйблочко ты не сердись, — говорила спонсорша, перебирая мои кудри, — он бывает груб, но он всегда справедлив. Ты же знаешь, у него в части много организационных проблем, и он не может позволить себе расслабиться. С вами, людьми, все время жди подвоха. Вы как испорченные дети.

— Почему испорченные?

— Потому что норовите сделать гадость исподтишка, потому что не помните добра, потому что лживы... потому что... миллион причин! А ты чего на меня уставился? Наелся — иди погуляй. Но за забор — ни шагу.

Я послушно поклонился Яйблочке и подождал, пока ее зеленая чешуйчатая туша уплывет из кухни. И тут же кинулся в сад. Сердце подсказывало мне, что Инна ждет меня там или выглядывает из своего окошка, чтобы выйти, как только я появлюсь.

Я прошел через газон, присел у бассейна, пощупал ступней воду. Вода была холодной. Я прошел к кустам, что разрослись у изгороди и надежно скрыли бы тех, кто пожелал уединиться от любопытных глаз.

Там было пусто. И пустота эта была насыщена звоном насекомых, щебетом птах и подобными мирными, совсем не городскими звуками. Старшие говорят, что раньше на Земле было не так тихо и красиво, но спонсоры запретили вонючие двигатели и разрушили вредные заводы. Сами они не нуждаются во многих вещах, производимых людьми, и люди тоже быстро отвыкли от таких предметов, как ботинки или печки, даже от одежды, отчего теперь, как мне рассказывали, люди живут только в теплых местах нашей планеты.

— Тим, — сказала Инна, заглядывая в кусты, — я так и знала, что найду тебя здесь.

— А я специально сюда пришел, — сказал я. Я был счастлив. Но не мог объяснить мое чувство. Оно не было тем чувством, в котором меня так подозревали хозяева. Мне хотелось смотреть на Инну и если дотронуться до нее — то только кончиками пальцев.

— Тебя били? — спросила Инна.

— Вчера, — сказал я. — Из-за тебя.

— Из-за меня? — Глаза у нее были синие, ласковые.

— Они решили, что я слишком... слишком несдержанно себя веду. Что пришло время меня... — И тут язык у меня не повернулся сказать, в чем дело, хотя в этом не было тайны или чего-нибудь необычного — больше трех четвертей мужчин после двадцати лет подвергались ампутации этих органов для их собственного блага и в интересах демографии.

— Не может быть! — догадалась Инна. — Только не это!

— Почему? — вырвалось у меня. Мне хотелось услышать приятный для меня ответ.

Инна отвернулась. Вопрос ей не понравился. Видно, показался циничным.

— Прости, — сказал я. Я почувствовал себя виноватым перед этой девушкой. Я любовался ее профилем — у Инны был короткий нос, который чуть подтягивал к себе верхнюю губу и приоткрывал белые зубки. — Прости, зайчонок.

— Ты — дурак, — сказала Инна. — У тебя, наверное, никогда девушки не было.

— Откуда? — согласился я. — Меня ведь щенком взяли, из питомника. Так и живу домашним любимцем. Я другой жизни и не знаю.

— А я помню мою маму! — сказала Инна.

— Не может быть!

Это было так удивительно. Никто не должен знать родителей. Это преступление. Это аморально. Любимец принадлежит тому спонсору, который первым сделал на него заявление.

— Она сама созналась, — прошептала Инна. — Рассказать?

— Конечно, расскажи.

Инна подсела ко мне поближе, так, что наши плечи касались. Я положил ладонь ей на коленку, и она не сердилась. Почему, подумал я, она упрекнула меня тем, что у меня не было девушки? Значит, у нее кто-то уже был?

Эта мысль несла в себе горечь, какой мне никогда еще не приходилось испытывать.

— У нас в доме была еще одна любимица, старше меня, — сказала Инна. — Она меня многому научила. И она мне рассказывала о людях, которые живут на воле.

— Ты об этом не знала?

— Я только знала, что плохо жить не в доме.

В этот момент совсем близко затрещали сучья, затопали тяжелые шаги. Я даже не успел отскочить — отвратительный жабеныш, сынок спонсора Инны, навалился на меня и стал заламывать мне руки.

— Вот чем ты занимаешься! — рычал он.

Я успел увидеть, как он наподдал ножищей в бок Инне, и она отлетела в сторону. Но я был бессилен помочь ей — жабеныш уже тащил меня из кустов, выворачивая руку, и я вопил от боли.

На мой вопль выскочила госпожа Яйблочко.

Она возмущенно заверещала:

— Как ты смеешь! Это не твой любимец! Сейчас же перестань мучить Тимошку!

А жабеныш, не отпуская меня, верещал в ответ:

— А вы посмотрите, вы посмотрите, чем он в кустах занимался! Она у нас еще девочка, она еще невинная, насильник проклятый! Ты от меня живым не уйдешь.

Он наступил мне на живот, и я понял, что еще мгновение, и я погибну — видно, это почувствовала и моя Яйблочко. И несмотря на пресловутую сдержанность и рассудочность спонсоров, мысль о возможной потере любимца настолько ее разгневала, что она кинулась на жабеныша и принялась безжалостно молотить его зелеными чешуйчатыми лапами. Тот сопротивлялся, но был всего детенышем, да еще детенышем, посмевшим на чужой территории драться с хозяйкой дома, — так что я был спасен, и через несколько минут, подвывающий от боли и унижения, наш сосед удалился в свой садик и принялся оттуда ворчать:

— Где эта мерзавка, где эта тварь развратная? Я ей покажу... Мама-а-а-а, меня госпожа Яйблочко избила...

— Вот видишь, — сказала моя спонсорша, помогая мне подняться и дойти до дома, чего без ее помощи я бы совершить никак не смог. — Мы были совершенно правы: если тебе не сделать операцию, то ты и дальше будешь попадать в неприятные истории. И не надо отворачиваться и плакать, не надо слезок, мой дорогой. Это так быстро и под наркозом. Ты проснешься счастливым, а я тебе испеку пирожок. Ты давно просил у меня пирожок с капустой.

Я молчал, борясь со слезами. Она ведь была, в сущности, доброй спонсоршей. У других людей хозяева бывают куда более жестокие и грубые. Иной бы даже и говорить ничего не стал — отвезли куда надо, сделали что надо — и ходи счастливый!

Я лежал на подстилке в своем углу, и странные, несвязные мысли медленно кружились в голове. Вдруг я подумал, что у меня, наверное, никогда не будет разноцветного электронного ошейника, как у Вика. Ведь спонсоры мной недовольны. И тут же мысль перескочила на мое собственное преступление, и я понял, что преступления не было. Я даже хотел было вскочить и пойти к хозяйке и сказать ей, что я и не пытался обидеть Инну, то есть напасть на нее, и, в конце концов, это наше дело, дело людей, как нам обращаться друг с другом! Я не собираюсь целовать спонсоршу Яйблочко! Тут я неожиданно для себя хихикнул, но, к счастью, она меня не услышала. Она уже уселась за вышивание

флага для полка спонсора Яйблочко, потому что старый истрепался на бесконечных маневрах и парадах.

Я повернулся на спину, но спина болела — что-то мне этот зеленый жабеныш повредил. Пришлось лежать на боку... Я понимал, что обречен, и хотя мой опыт в любви был умозрительным и за те девятнадцать лет, что я прожил на свете, мне не приходилось быть близким с женщиной, другие любимцы показывали мне картинки и рассказывали — чего только не наслушаешься в комнате отдыха для домашних любимцев! Раньше я не знал, что теряю в случае операции, которой должен покориться, да и не задумывался об этом... Но теперь я встретил Инну и все изменилось — мысль об операции для меня ужасна... но почему? Ведь не стал мне отвратительней дантист после того, как заболел зуб? Глупо и наивно... Какое мне дело до продолжения какого-то рода? Нас, домашних любимцев, это не касается. Хотя как-то в комнате отдыха рассказывали, что у одних спонсоров жили вместе и спали на одной подстилке домашний любимец и домашняя любимица, хоть это и строго запрещено. И когда они подросли, то стали... В результате у любимицы родился маленький ребеночек. Его хотели утопить, чтобы скрыть преступление, его кинули в речку, а он не утонул, его подобрали, а потом один умный следователь разгадал эту тайну... Впрочем, не помню, врать не буду.

Так я и заснул... потому что был избит и морально подавлен.

Я несколько раз просыпался за тот день. Сначала от шума, потому что пришли соседи — спонсорша и ее жабеныш, который нажаловался на мою хозяйку. Был большой скандал, причем обе зеленые дамы угрожали друг дружке своими мужьями, и это было курьезно. Потом соседка начала кричать, что меня надо обследовать на случай, если у меня заразная болезнь, на что моя хозяйка сказала, что это у Инны заразная болезнь... В общем, жабы развлекались, а я прятался на всякий случай за плитой, потому что не исключал, что меня побьют.

Обошлось. Соседи ушли, а хозяйка пришла на кухню, встала у плиты и, заглядывая сверху в щель, прочла мне нотацию о том, что бывают неблагодарные твари, в которых вкладываешь силы, нервы, время, а они не отвечают взаимностью. Я догадался, кто эта тварь, и огорчился. Значит, они все же повезут меня на операцию.

Вечером я получил подтверждение своим страхам — хозяева, как всегда убежденные в том, что ни один домашний любимец не выучит их паршивый язык, — спокойно обсуждали мою судьбу.

— Я убеждена, что наш Тимошка и пальцем ее не тронул, — говорила госпожа. — Она сама его заманила в кусты с известными намерениями. Ты же знаешь, как быстро развиваются их самочки.

— Но соседский детеныш тоже хорош!

— Я виню себя в несдержанности.

— Он напал на тебя на нашей территории.

— Но он еще слабый и глупый...

Я дремал, вполуха слушая этот неспешный разговор.

И вдруг проснулся.

— Ты завтра позвонишь ветеринару? — спросила хозяйка.

Еще ничего не было сказано, а в мое сердце вонзилась игла.

— А почему ты сама не сможешь?

— У него наверняка очередь месяца на два — сколько приходится проводить операций!

— Это точно, я все-таки сторонник гуманной точки зрения, — бурчал мой спонсор, — лишних надо топить. Топить и топить. И тогда не будет проблем с ветеринарами.

— Ты хотел бы, чтобы Тимошу утопили?

Хозяин понял, что хватил через край, и отступил:

— Тимоша исключение, — сказал он. — Он как бы часть дома, он мне близок, как этот стул...

Сравнение было сомнительное. По крайней мере для меня оно прозвучало угрожающе. Старые стулья бросают в огонь.

— Ладно, — сказал спонсор, — я сам позвоню и договорюсь. А ты напиши официальное примирительное письмо соседям. Я его отнесу. Нам с ними жить, а он второй адъютант гарнизона.

Мне было грустно, что мои хозяева — не самые сильные на свете. Мне хотелось бы, чтобы они были всесильны и не боялись каких-то паршивых жабенышей... Потом я стал уговаривать себя, что ветеринар так занят, что не сможет сделать операцию еще целый год, а к тому времени мы что-нибудь придумаем и, может, даже убежим вместе с Инной, или мои спонсоры сжалятся над моими чувствами и купят Инну у наших соседей. Мы с ней будем жить здесь и спать на моей подстилке, а нам купят с ней одинаковые трехцветные ошейники... С такими счастливыми мыслями я заснул.

Но, проснувшись, я понял, что радоваться нечему. Каждый телефонный звонок я воспринимал как звон погребального колокола, каждый пролетающий флаер мне казался вестником злой судьбы. Но судьба молчала до шести вечера. Именно тогда позвонил хозяин. Его зеленая морда занимала весь экран телефона, и я, стоя за спиной хозяйки, слышал каждое слово.

— Все в порядке, — сказал спонсор, словно разговор шел о том, чтобы купить мне на зиму новую попонку, — я нажал на него, сказал, что Тимофей представляет опасность для окружающих ввиду его чрезвычайной агрессивности, но нам бы не хотелось его усыплять, потому что моя жена к нему привязана... в общем, он согласен.

— Когда же? — спросила госпожа Яйблочко.

— Сегодня в двадцать один тридцать!

— Ты с ума сошел! У меня в двадцать двадцать массаж.

— Придется поступиться своими интересами, — сказал спонсор, — ради интересов домашнего любимца.

— Это ужасно! Я даже не успею приготовить тебе ужин!

— Как хочешь, — рявкнул спонсор. — Я не буду снова унижаться перед ветеринаром!

— Хорошо, хорошо...

Госпожа обернулась ко мне — она догадалась, что я стою за ее спиной.

— Вот все и обошлось, — сказала она, как будто операция уже прошла. — Мы с тобой это сделаем и уже завтра обо всем забудем. Не печалься, выше голову, мой человечек! — Хозяйка погладила меня, и я был готов укусить ее за чешуйчатую ладонь, но удержался. Человек я, в конце концов, или нет! — Иди в садик, погуляй пока, — сказала она. — Я ужин приготовлю и пойдем. Тут недалеко.

Просить, умолять — бессмысленно. Спонсорам чужды наши человеческие чувства. Они живут в рациональном мире, и даже странно, что в свое время, в дни Великого покорения, они не истребили всех людей. Может быть, именно наша эмоциональность, наши чувства, наши слабости вызвали в ком-то из спонсоров ответные чувства? Ведь недаром их психологи так рекомендуют держать человека в доме, в котором есть жабеныш, простите — детеныш.

Наступил зябкий, вялый весенний вечер. Я вышел в сад. Конечно же, Инны не было видно — ее спрятали за семью замками. Но, может, она глядит сейчас в окно?

Я сорвал цветок ромашки и стал его нюхать, показывая всем своим видом, насколько я удручен и опечален. Если она смотрит, то тоже плачет. Что же делать, думал я, если бы было место на Земле или вне ее, хоть какое-нибудь место, чтоб там мог спрятаться и прожить оскорбленный и униженный человек — представитель гордой расы людей. Но я не желаю стать бродячим псом, который будет рыться на свалке и ждать того момента, когда его поймают и отвезут на живодерню! Нет, уж лучше смерть, лучше операция... Я видел этих замарашек, я видел, как их везут через город в фуре с решеткой и они скалятся на прохожих, потому что им ничего больше не остается, как скалиться. Нет, чело-

век — это звучит гордо! Пускай я буду оскоплен, но я не склоню головы!

Рассуждая так, я отбросил ромашку и ходил по газону, заложив руки за спину и порой отмахиваясь от навозных мух, которые норовили сесть на мое гладкое, нежное тело.

— Эй, Тимоша! — услышал я насмешливый голос.

Мой друг Вик перепрыгнул через изгородь и оказался рядом со мной.

— Как только тебя пускают одного гулять по городу! — удивился я.

— Ты же знаешь — моя старая жаба не в состоянии за мной уследить. Да и не стал бы я слушаться.

— Вик, — сказал я, — у меня горе!

И я поведал ему о том, что скоро меня поведут к ветеринару.

— Честно сказать, — произнес Вик, выслушав мой короткий рассказ, — если бы такое произошло со мной, я бы убежал или повесился. К счастью, меня отобрали в производители, и мне пока ничего не грозит.

— Но почему тебе так повезло? Почему?

— Я из очень хорошей породы. Меня еще в детстве измеряли и исследовали. Целый месяц держали в евгеническом центре.

— Где?

— Там, где проверяют породы и выводят новые.

— А мне нельзя в этот центр?

— Поздно, мой друг, поздно, — сказал Вик. — Да и работа эта не по тебе. Все время ты должен заниматься спортом, соблюдать диету, быть готовым работать в любое время дня и ночи.

— А почему твоя спонсорша на это согласилась?

— Тщеславие, тщеславие, — вздохнул Вик. — Таких, как я, очень мало, а породистого детеныша хотят многие семьи. Не уличного, не случайного — именно породистого. Кстати, я и здесь не случайно. В двенадцать мне — в этот дом. На работу.

— Что? — Меня как током ударило. — Что ты имеешь в виду?

— Инна, которая здесь живет, ну, которая тебе понравилась!

— И ты... ты что?

— Сегодня с утра ее хозяйка позвонила моей и просит: мне срочно нужен ваш самец! Наша девица, говорит она, созрела, и вокруг нее уже вьются ухажеры... Тим, Тимка, ты что? На тебе лица нет.

Он отступил передо мной...

— Я как раз подумал, — продолжал он говорить, отступая, потому что был большой дурак и не мог замолчать, пока не выскажет все, что в нем накопилось. — Вот смешно, ты к ветеринару, а я к ней. Правда, смешно?

Тут я и врезал ему в морду. Между глаз, изо всей силы.

Он был крупнее меня, он был сильней, но он не ожидал, что я могу его ударить. Домашние любимцы, особенно породистые, из хороших семей, никогда не дерутся. Спонсоры будут недовольны! Он вырвался и побежал прочь, но я догнал его и повалил на газон. Он пытался оторвать мои пальцы от горла, он хрипел и дергался, он бил меня ногами, и уже со всех сторон бежали люди и спонсоры. Моя хозяйка стала отрывать меня, а жабеныш бил меня когтистыми ножищами — он ненавидел меня и хотел убить. За открытым окном мелькнуло лицо Инны, искаженное страхом, я отбивался, царапался, кусался — я был диким зверем, которого надо убить. И если бы меня убили в тот момент, я бы не удивился и не считал это неправильным — такому, как я, не было места в нашем хорошо организованном цивилизованном мире.

Меня оттащили, Вик бессильно лежал на газоне, непонятно — живой или мертвый. Что-то кричали... А я существовал на уровне животных инстинктов. Мною правил инстинкт самосохранения.

Я рванулся и покатился по траве.

— Ты куда? — кричала госпожа Яйблочко.

А я уже перескочил через ограду и побежал прыжками, пригибаясь, виляя по мостовой — ожидая в любой момент пули или лазерного луча в спину, я несся куда-нибудь, меня вел инстинкт самосохранения — за город, в лес, на старую свалку... Я знал, что меня поймают, как всегда ловили всех беглецов и даже показывали эти операции по телевизору, чтобы другим неповадно было убегать. Но я все равно бежал...

Глава 2

ЛЮБИМЕЦ НА СВАЛКЕ

Я никогда еще не покидал нашего городка, который казался мне центром Вселенной, но я имел представление об окружающем мире. В нашем доме был телек, и господа Яйблочки позволяли мне смотреть его вместе с ними. Но телек работал не для домашних любимцев или других людей — он был зрелищем для спонсоров.

Я знал, что наша Земля — большая планета, на которой есть материки и океаны. Земля входит в великое содружество свобод-

ных миров, и господа спонсоры в этом содружестве занимают почетное место. Они несут свет правды и справедливости мирам, не знающим истинного учения. До того, как они прилетели к нам, мы, люди, тоже не знали истинного учения. А теперь мы многое уже знаем, но многое еще нам предстоит узнать.

Раньше на Земле жило очень много людей, это называлось перенаселением, людям доставалось мало пищи, они нервничали и нападали друг на друга. Сильные убивали слабых, погибали целые государства.

Когда спонсоры прилетели на Землю, неся с собой свет знания, среди людей были отдельные лица, которые не понимали истинных целей спонсоров и старались им помешать. С этими людьми, вооруженными танками и другими средствами массового уничтожения, пришлось обращаться со всей беспощадностью справедливости. Мне приходилось видеть исторические телевизионные фильмы, в которых мелкие, но страшно злобные люди старались взорвать военные и идеологические объекты спонсоров, и тем, в принципе добрым и доверчивым, пришлось принести тяжелые неоправданные жертвы, прежде чем они победили. Я помню, как с негодованием смотрел эти фильмы, всей душой будучи с господами Яйблочками, и даже стыдился того, что мне пришлось родиться в шкуре человека.

По телевизору я смотрел и некоторые видовые фильмы. Они показывали природу и животных. Когда людей было слишком много, природа оказалась на краю гибели. Теперь же, когда людей стало меньше, природа снова стала чудесной. Спонсоры любили смотреть долгие, многосерийные, видовые фильмы — «В джунглях Амазонки», «В пустынях Антарктиды» и другие, поэтому я неплохо знал обычаи и повадки пингвинов и змеи-анаконды, хотя не имел представления, какие люди живут в тех краях. И живут ли.

Приходилось мне видеть и ленты о жизни тех миров, откуда к нам прилетели спонсоры. Но, честно говоря, я ничего в тех фильмах не понимал, потому что был глуп и плохо образован. А если я спрашивал о чем-нибудь госпожу Яйблочко, она всегда отвечала: «Тебе, глупенький, не понять».

Впрочем, в те минуты, когда я бежал из родного дома в неизвестность, я не размышлял о Земле или Галактике, меня мучила мысль, где можно спрятаться, где можно переждать погоню. Я знал, что погоня будет обязательно, я был свидетелем таких погонь, и, судя по рассказам спонсоров и любимцев, собиравшихся около универмага, такие погони обязательно заканчивались по-

имкой и жестоким наказанием человека, посмевшего обмануть доверие спонсоров.

Направо от дома широкая бетонная дорога вела к базе спонсоров, где трудился мой хозяин, туда бежать — все равно что добровольно отправиться на живодерню. Налево, к центру, магазинам и местам коллективного отдыха спонсоров, также нельзя. Оставался путь через задние дворы, по пустырю, к городской свалке, месту таинственному, отвратительному, которое руководители базы давно собираются ликвидировать и сделать там трек для гонок на бронетранспортерах, да вот никак не соберутся, за что их неоднократно критиковал в домашних беседах господин Яйблочко. Оттуда, со стороны свалки, порой доносятся волнами гадкие запахи, и тогда все у нас в городке закрывают окна и включают кондиционеры. На свалке, как я слышал, скрываются бандиты и бродяги. Порой там устраивают облавы и пойманных бродяг отвозят на живодерню, а если убежит любимец или произойдет кража, то на свалку обрушивается справедливый гнев спонсоров.

И все же я побежал именно на свалку — иного места, чтобы спрятаться, я не знал. Тем более что за свалкой, как мне рассказывали другие любимцы, начинается Великий лес, который идет до самой Австралии, то есть очень далеко. А в лесу растут ягоды и плоды, так что можно стать робинзоном и даже построить хижину — один забулдыга, который пробрался в прошлом году в комнату отдыха для любимцев, за хлеб рассказывал нам различные древние истории. Тогда я над ним смеялся, а теперь, видите, пригодилось!

Меня уже хватились: далеко-далеко заревела сирена, это значит «Человек сбежал!», «Опасность!»; потом по вечернему небу пробежал и погас длинный луч прожектора. До моего слуха донесся шум вертолетного мотора...

Им понадобится несколько минут, чтобы меня поймать, притащить обратно и примерно наказать. Вернее всего, меня отправят «на мыло», как шутила госпожа Яйблочко, но, может быть, мои хозяева возьмут меня на поруки — все же не чужой! Тогда меня оскопят и будут держать на цепи.

Только не это!

«Что за странный бунт я поднял?» — задавал вопрос я себе, убегая все дальше от дома и краем глаза отмечая, как зажигаются окна в домах спонсоров, как они собираются на большую охоту: сбежал человек!

Свалка лежала на месте некогда существовавшего в наших краях человеческого города Тарусы, стоявшего на берегу реки.

Город был грязен, река была переполнена химическими отходами — все это угрожало планете. Так что после прилета инопланетян было решено город как источник заразы закрыть, а людей переместить.

Свалку продезинфицировали, рядом построили базу и городок для спонсоров, и постепенно свалка ожила — ведь надо куда-то девать отбросы спонсоров!

Свалка занимала громадный пологий откос, что вел от окраины базы к реке.

Когда я, задыхаясь, подбежал к свалке, ее бесформенные холмы в сумерках казались бесконечными.

Я остановился.

Пока я бежал, у меня была цель: добежать до свалки, а там станет понятно, что делать дальше.

Вот я добежал до свалки и не знал, а что же дальше? Зайти вглубь, откуда долетал неясный тяжелый запах тления, найти там яму или укрытие... и умереть?

А может быть, сейчас, пользуясь темнотой, поспешить к бесконечному лесу и стать его обитателем?

Находясь в нерешительности, я все же пошел к свалке, стараясь углядеть какую-нибудь тропинку.

Я ступил в мир, где громоздились кучи консервных банок, костей, сломанных предметов, битой посуды, компьютерных карт, сухой каши — я мало что мог разглядеть в темноте, но, конечно же, мое живое воображение видело эти кучи, как днем.

Все мое чистое, вымытое существо противилось необходимости приблизиться к помойным кучам — тем более что, будучи бос, я сначала наступил на что-то скользкое, затем въехал пяткой в теплую податливую кучу и почти тут же напоролся на край консервной банки.

Зачем я сюда попал? Не лучше ли вернуться домой и покаяться? Согласиться на операцию? Но тут же я понял, что теперь операцией не отделаешься. Сбежавший любимец — источник микробов и заразы, психически нестабильный и опасный дикарь, и путь ему один — на живодерню!

Холмистый склон к реке был нем и насторожен — мне казалось, что я на нем не один, хотя ни шороха, ни движения я не ощутил.

Я замер, размышляя, что мне делать дальше, и неизвестно, сколько бы я рассуждал, но тут послышался приближающийся треск вертолета — его прожектор шарил по земле, и я понял — вот-вот он меня настигнет.

В ужасе я побежал по свалке, не обращая внимания, как больно моим подошвам. Я стремился к груде кирпичей, из которой поднимался обломок стены — я прижался к нему спиной, надеясь, что он оградит меня от прожектора.

Треск вертолета раздался над самой головой — черной рыбой он показался надо мной, и прожектор опустил перед моими глазами сверкающую стену. Луч его поворачивался, намереваясь проверить, не таится ли кто за обломком стены. Я хотел уж кинуться на землю в надежде зарыться в мусор, как увидел, что у самой стены, в двух шагах от меня, — черное отверстие. Я бы и не увидел его, но в тот момент из дыры выглянула человеческая голова и спряталась вновь — это движение и привлекло меня.

В такой момент трудно запомнить детали собственного поведения. Я не запомнил своих движений, но оказался в черной дыре, я провалился, ударяясь о металлические скобы, плюхнулся в вонючую жижу, выпрямился, чтобы не потонуть в ней, и ударился затылком о свод подземного хода; на несколько секунд я потерял сознание, потом открыл глаза — в них бил яркий свет — и закричал:

— Убери, убери! Глаза вытекут!

Рядом кто-то засмеялся. Подло засмеялся, некультурно.

— Пускай вытекут, — сказал голос.

Я постарался сесть, собраться в комок — когти наружу — хоть Яйблочко и стригла мои ногти, даже маникюрила, потому что заботилась о своем любимце и собиралась вести меня на выставку. Хоть некоторые говорят, что я не очень породистый, но это еще надо решить, кто породистый, а кто плебей!.. Я выставил ногти наружу и оскалился — пускай меня боятся.

Они смеялись.

Тогда я легонько зарычал — чтобы они знали, с кем имеют дело!

— Слушай, дай ему между глаз, — сказал женский голос. — Пускай очухается, щенок вонючий!

Тут я не выдержал и кинулся вперед на голоса, хоть и не видел их владельцев. Я готов был их растерзать, а ведь госпожа Яйблочко всегда учила меня сначала подумать, а уж потом делать и не раз шлепала и даже порола меня, когда я совершал неосмотрительные поступки.

Поступок мой был неосмотрительным: я с кем-то дрался, но не видел с кем, и если я смог в первую секунду получить некоторое преимущество, потому что напал внезапно, то уже через минуту мне пришлось из последних сил защищать свою жизнь, отбиваясь от вонючих острых зубов и когтей — непонятно, человечьих или звериных.

— А ну, хватит! — приказал низкий женский голос. Приказал

негромко, но в мою голову эти слова влетели, будто вкрученные отверткой. Полузадушенный, исцарапанный и избитый, вжавшийся спиной в холодную мокрую стену, я, наверное, и на человека не был похож...

Свет уже не только бил мне в лицо — второй фонарь загорелся сзади, — так что мне видно было, что я сражался с одноглазым, без уха, бородатым бродягой. Его волосатое, отвратительное на вид тело было испещрено множеством ссадин и шрамов. Бродяга тяжело дышал, из носа у него текла кровь.

— Я тебя, — говорил он тупо, — вот я сейчас тебя... с дерьмом скушаю...

Мне вдруг стало смешно. Все — и мое бегство, и мой ужас на свалке под лучом прожектора, и страшная схватка в темноте — все это кончилось глупыми словами какого-то ублюдка.

— Успеешь, — продолжал женский голос, и я, обернувшись, увидел странное существо.

Представьте себе женскую голову — с четкими, будто вырезанными из мрамора чертами белого, молочного лица. Глаза этой женщины были велики и казались светлыми, но при том освещении я не смог угадать их цвета. Зато волосы были черные — пышной гривой они окутывали лицо и тяжелыми волнами стекали к плечам. Но мои глаза напрасно искали эти плечи— голова той женщины существовала как бы сама по себе, потому что тело, должное поддерживать ее, принадлежало горбатой карлице, так что, даже выпрямившись, та женщина не достала бы мне до пояса.

Смена чувств — от восторга до глубокого разочарования — несомненно, отразилась на моем лице, и женщина почувствовала это. Глаза ее тут же сузились от ненависти ко мне, и маленькие сухие кулачки поднялись к груди, прикрытой грязной мешковиной.

— Не понравилась? — сказала она, вернее, прошипела, как змея.

Волосы зашевелились на ее голове, словно сплетение змей.

— Говори, не понравилась?

— А мне что, — сказал я, — мне все равно.

— Он не будет жить! — произнесла карлица приговор.

— Он не будет жить! — подхватили ее друзья, собравшиеся в подземном туннеле.

— В колодец его, — крикнула лохматая беззубая женщина.

— Нет, в болото, в болото, пускай его засосет! — кричал длинноносый старичок в высоком красном колпачке.

— Я его сам в отстойник отнесу! — заверещал одноглазый. — Пусть воняет.

По туннелю прокатился разноголосый смех, будто там было немало людей или каких-то других страшных существ, которые слышали наш разговор и радостно приветствовали приговор, произнесенный горбуньей.

— А я возьму! — Неожиданно одноглазый бродяга протянул вперед руку и рванул на себя мой ошейник. Мою единственную драгоценность, мое единственное имущество! Разумеется, мой ошейник не такой драгоценный и трижды электронный, как у Вика или других богатых любимцев, но все равно он сделан из колечек титанового сплава, отчего под солнцем он приятно переливается, на нем прикреплена моя Справка: пол, возраст, имя, владелец — ну, все как полагается!

Я зарычал, сопротивляясь. Я считал, что лучше пускай меня задушат, но я не превращусь в скотину без имени и хозяина!

Я бы дорого отдал свою жизнь, но тут меня так долбанули по затылку, что я выключился — будто умер.

Но я не умер, оказывается, я только потерял сознание. Потому что я очнулся... Было темно и пусто. Ни одной живой души. Но голоса и шум звучали вдали, в глубине.

Я ощупал затылок — он был горячий и мокрый. Они пробили мне голову!

Шум и голоса приближались. Какие-то люди шли по туннелю.

Пух! Пух! Пух! — мыльными пузырями лопались выстрелы.

Я на четвереньках пополз в сторону от выстрелов, под коленями и под ладонями была жижа... Найти бы выход из этой дыры! Пускай меня поймают, пускай убьют, но я не могу больше мучиться!

Выстрелы и крики были все ближе.

Я почувствовал дуновение холодного воздуха, вот он коснулся разбитой головы... Я поднял голову — надо мной было круглое отверстие, в нем мерцали звезды.

Это было нежданное спасение.

Впрочем, если подумать, ничего нежданного в нем не было — через эту дыру я и попал в подземелье.

Я нащупал в темноте скользкие железные скобы и начал взбираться наверх — голова моя болела так, словно готова была отвалиться.

Воздух стал чище — можно было уже вдохнуть полной грудью и не потерять сознание.

Снизу, совсем близко, были слышны крики и выстрелы. Я пополз наверх быстрее.

— Давай лапу! — добродушно сказал кто-то сверху.

Я протянул руку, и человек помог мне выбраться на поверхность.

Пока я был в кромешной тьме, глаза мои привыкли к ней настолько, что я, встав рядом с человеком, который мне помог, сразу увидел, что он одет в черный мундир, в руках у него короткий автомат, а на голове похожая на ракушку каска милиционера.

От ужаса я хотел было прыгнуть обратно в дыру, но милиционер разгадал мое желание, коротко и быстро ударил меня по шее ребром ладони. Я еле удержался на ногах.

— Стоять, пакость! — зарычал он. — Хочешь живым остаться, стой, мерзость болотная!

Он сердился, но я понял, что он не будет меня убивать. Его голос был не смертельным.

— На корточки!

Я присел на корточки у его ног.

Вдали замелькали два фонарика — они приближались, соединяясь друг с другом.

Это шли другие милиционеры в черных мундирах и гнали перед собой несколько свалочных замарашек — смотреть было противно на эти несчастные, в нарывах рожи, на всклокоченные патлы, тупые тусклые глаза. Подонки попискивали, ныли и вели себя как жалкие животные, и я с некоторым злорадством подумал: то-то вам — одно дело нападать на безоружного и бесправного любимца, другое — поговорить с настоящими милиционерами, верными друзьями порядка, о которых даже Яйблочко говорила, что они достойны лучшей участи, чем родиться людьми.

Меня подтолкнули в спину, и я попал в группу подонков, но мои попытки обратить на себя внимание, чтобы сказать о моей принадлежности к цивилизованной части человечества, результата не возымели. Милиционерам было не до меня — они продолжали прочесывать свалку. Порой издали или из-под земли доносились крики или серии выстрелов. Порой мимо меня проносились стремительные тени, и я догадывался по виденным мною фильмам, что это милиционеры с реактивными ранцами за спиной. Неподалеку тяжело опустился большой вертолет.

Именно к вертолету нас всех и погнали.

Его люк велик, так что в него мог проехать небольшой танк, а внутри обнаружилось помещение размером с универмаг — наверное, вертолет делался для спонсоров, а они передали его милиции.

Внутри вертолета было очень светло — так что сначала я зажмурился. Вид моих спутников по заключению при свете был еще более отвратительным, и мне было удивительно, почему же

милиционеры не видят, насколько я отличаюсь от диких подонков. Я готов был выбежать вперед, чтобы объяснить и рассказать правду, но в то же время нечто подобное ужасу меня останавливало: ведь не исключено, что вся облава была начата из-за меня...

Милиционеры были деловиты и молчаливы. Время от времени в чрево вертолета вталкивали новую порцию бродяг — скоро нас было уже более тридцати, и я оказался далеко не в первом ряду.

В этой обстановке я не потерял любопытства и крутил головой, надеясь увидеть столь удивившую меня карлицу, но ее не было — может быть, ее убили?

— Вдоль стены, вдоль стены! — закричал сержант милиции. — В один ряд!

В один ряд выстроиться было трудно, но милиционеров это не волновало. Пинками и тычками они начали разгонять нас вдоль стены. Испуганные, потные, вонючие подонки дрожали от страха. Я не дрожал, хоть мне тоже было страшно. Но я знал, что в крайнем случае признаюсь, что я не паршивый бродяга, а настоящий любимец из хорошей семьи.

Высокий, широкоплечий милиционер, пилотка надвинута на нос, начал осмотр с крайнего бродяги — поднял его голову за подбородок, нажал на углы рта, чтобы рот раскрылся, посмотрел на зубы.

— Закрой! — сказал он. — Гниль вонючая!

Он перешел к следующему, старичку в красном колпаке.

Возле него он даже не стал задерживаться, ткнул его палкой в грудь и сделал шаг дальше... У меня разболелась голова, и я не задумывался, кого разыскивает помощник.

Он миновал таким образом пятерых или шестерых бродяг и приблизился ко мне, как от дверей раздался крик:

— Эй! Нашел!

Милиционеры вташили отчаянно сопротивлявшегося одноглазого бродягу, совсем голого, если не считать моего драгоценного ошейника. Так вот он, мой грабитель!

Я рванулся к нему, чтобы отобрать подло похищенную вещь, но меня опередил милиционер, который проверял пленников.

Он обернулся к пришедшим, сделал два шага к одноглазому и залаял. Честное слово, музыка его речи больше всего напоминала собачий лай:

— Этот гаденыш обокрал своих хозяев, совершил подлый поступок и думал, что сможет избежать справедливой кары!

Одноглазый, видно, догадался, что причиной немилости милиционера стал отнятый у меня ошейник. Он вцепился в ошейник, стараясь его сорвать, он хрипел:

— Это не я... это не мой!

«Это мой!» — мысленно кричал я, но, к счастью, лишь мысленно.

Неуловимым ловким движением милиционер поднял пистолет, и голубой луч провел угольно-черную полосу по груди бродяги.

Тот свалился грудой мяса и костей на пол. Никто и звука не издал.

По знаку сержанта кто-то подошел к мертвому бродяге, носком сапога откинул его голову и брезгливо отстегнул мой ошейник. Передал его сержанту.

— Вот так, — сказал тот, — будет с каждым, кто посмеет нарушить доверие, которое оказывают ему наши спонсоры.

После этого он обернулся к нам, и я впервые смог разглядеть его лицо, как будто до того оно излучало какой-то смертоносный свет, мешавший увидеть его черты.

Это было обыкновенное лицо, я бы даже не сказал, что мужественное, — у него был убегающий скошенный подбородок, крупный нос и пухлые, в красных жилках щеки. Лицо как лицо. Может, лишь усы, необычные, с подусниками, уходящие вниз к углам скул, отличали его от подчиненных.

— А вас, рванье, мы отвезем потрудиться, — пролаял он, — хватит бездельничать.

В толпе пленников поднялся вой. Отдельные вопли вырывались наружу и складывались в слова, мольбу, стенания...

Старичок в красном колпаке неожиданно кинулся к двери. Он даже успел ее достичь, но в дверях его настиг луч пистолета. Продолжая бежать, старичок исчез внизу.

— Еще есть желающие? — спросил сержант.

Никто, конечно же, не ответил.

Тогда сержант жестом приказал убрать тело одноглазого, погибшего, как я уже понял, только потому, что его приняли за меня. Затем нам всем приказано было сесть на пол, сбившись в толпу.

Мне казалось, что я потеряю сознание от зловония, но понимал, что теперь мне не остается ничего иного, как терпеть и ничем не выделяться из толпы. В конце концов это кончится и я смоюсь!

Закрыли люк. Вертолет плавно и быстро поднялся вверх. В кабине было тихо — шум мотора сюда почти не проникал. Мне очень хотелось подняться и посмотреть на землю сверху, но я не решился.

— Сиди, сиди, — прошептал курносый бродяга, сидевший ря-

дом со мной, — видно, уловил мое желание встать. — Сам погибнешь и других подведешь, щенок.

— Я тебе не щенок!

Курносый отклонился, увидев то, что я увидеть опоздал, — конец тонкого бича пронесся через вертолет и оставил на моем плече сразу вздувшийся красный след.

— За что? — крикнул я.

Милиционер засмеялся и вновь занес бич. Я спрятал голову в колени.

Рядом кто-то засмеялся. Тупость этих бродяг была сверхъестественной. Им были смешны даже мучения соседа.

Путешествие заняло немного времени.

Очень болело плечо, словно конец бича был пропитан ядом.

Все пленники молчали, я тоже молчал, у меня было тупое состояние. Меня можно было бить, а мне все равно. Да и не хотелось мне глядеть на морды бродяг.

Конечно, я мог подняться и сказать, что произошла ошибка. Но человека убили только за то, что он был в моем ошейнике. А если бы у меня не отобрали ошейник? Тогда бы мой труп валялся на свалке! Неужели ничего нельзя поделать? Я убежден, что наблюдаю произвол милиционеров, которых раньше считал верными друзьями порядка. А что, если это не произвол, если существует где-то указ, по которому любимец, обманувший надежды спонсоров, подлежит уничтожению?

И не у кого спросить, некому признаться, не на кого опереться. Если бы я знал раньше, клянусь великим спонсором, я бы никогда не убежал. Да отрежьте мне хоть обе руки и ноги, только оставьте меня возле миски с вкусной пищей, у мирно журчащего телевизора, на моей мягкой подстилке! О, где ты, моя хозяйка? Я не желаю быть отщепенцем!

Я чувствовал, как горячие слезы текут по моим исцарапанным щекам, я старался плакать так, чтобы не привлекать к себе внимания... впрочем, никому до меня и не было дела.

Из глубокой задумчивости меня вывел чувствительный толчок в бок.

— Что еще? — спросил я.

— Ты парень хороший, — сказала худющая беззубая женщина непонятного возраста, грязная настолько, что нельзя было понять, одета она или нет. Голос у нее был хриплый, надтреснутый, почти неразличимый. — Ты парень красивый, — повторила она и подмигнула мне.

Нельзя сказать, что ее слова и действия меня обрадовали. Да-

же в такой отчаянный момент я бы предпочел быть рядом с обыкновенным чистым любимцем.

Но я даже отодвинуться не мог.

— Сейчас нас разбирать будут, понял?

— Как так разбирать?

— Сопляк ты недорезанный, — беззлобно сказала женщина. — Им облавы по помойкам да по лесам зачем нужны? Трудяг у них дефицит. Некому помирать на каторге. Если будешь себя умно вести, останешься живой и попадешь на легкое вкалывание, может, протянешь годик-два, а там и в бега уйдешь.

— Как умно себя вести?

— Если они решат, что ты сильный, — попадешь на урановые рудники. Или на уголь — это конец в две недели.

— А как я покажу, что я не сильный?

Хоть эту женщину я и видел впервые в жизни, я доверял ее словам. Может быть, потому, что иного выхода у меня не было.

— Хромай, ногу волочи, горбаться, мордой дергай — ну что, не придумаешь, что ли?

— А если не рудники?

— Тогда, может, в уборщики или канализацию, а то и на склад или самое лучшее — на кондитерскую!

— Это лучше! — Я подумал, что мне предлагают унизительный труд. Ни один любимец не станет убирать комнаты или чистить нужники — лучше смерть!

Возможно, на моем лице отразилось негодование, и женщина беззубо улыбнулась.

— Откуда ты такой взялся, любимец беглый, что ли?

У меня хватило сообразительности отрицательно покачать головой.

— Живи как хочешь, — сказала женщина, — мало ли народа по миру бродит.

Бродит... Это слово не могло относиться ко мне. Я не брожу — я домашний!

Вертолет опустился, нас из него выгнали на огороженное колючей проволокой поле, где мы и просидели до утра. Просидели — неточное слово. Я, например, пропрыгал все это время, стараясь согреться и мучаясь от жестокого холода. Если бы я был иначе воспитан, я бы отнял тряпку у кого-нибудь из старых людей — так, я видел, делали молодые и наглые.

Несколько человек сбились в кучу и грели друг дружку — в той группе сидела и женщина, учившая меня изображать из себя

инвалида. Она позвала меня, и я сел с ней рядом — мне стало немного теплее.

— У меня один знакомый был, — рассказывала она мне, как старому приятелю, — мы с ним в Москве жили. Ты в Москве был?

— Нет, — сказал я.

Ветерок, который днем был прохладным, сейчас обжигал холодом.

— Ну хоть слышал?

— Слышал, — сказал я. — По телеку иногда показывали.

— А ты где телек видел? — спросила женщина с подозрением. — Нам ведь не положено.

За моей спиной сидел невидимый мне человек, по голосу старый, ему было теплее — его со всех сторон окружали люди. И он сказал:

— А ты не приставай, Ирка, он же беглый любимец.

— Нет, — сказала Ирка, — я спрашивала.

— Любимец он, любимец, у него же ошейник был. Кривой у него ошейник в вонючке отобрал, помнишь?

— Я не видела, я спала.

— А я видел, госпожа Маркиза хотела его попугать, а тут милиционеры накинулись.

Мои соседи разговаривали так, словно меня не было рядом. Мне было обидно, но я молчал. Если молчишь, то на тебя не так сердятся. Если оправдываешься, то тебя обязательно выпорют, это первый закон домашнего любимца.

— А чего он тогда молчал? — спросила женщина. — Ведь из-за него Кривого убили, а нас всех забрали.

— Правильно сделал, что молчал, — сказал голос. — Кто просил Кривого ошейник у него отбирать? Каждый жить хочет, только жить надо, чтобы других не обижать. Кривой обидел, и нет Кривого — это закон.

Женщина ничего не ответила. А кто-то третий, из нашей же кучки, сказал:

— Тебе хорошо, Рак. Ты в бога веришь.

— Я и вам не мешаю, — сказал старик, которого назвали Раком.

Потом я задремал, хоть груди и ногам было холодно, зато сзади и сбоку меня грели другие люди, и было сносно.

Проснулся я потому, что стало еще холодней. Мы сбились в такую тесную кучу, что мои конечности затекли и я не знал, где мои ноги, а где чужие.

В загоне, который был нашей тюрьмой, по земле стлался хо-

лодный туман, и люди, вошедшие туда, казались безногими. Они медленно плыли в нашу сторону, и моему воображению, одурманенному холодом и стремительными событиями последних суток, казалось, что вокруг меня происходит черно-белый или, вернее, серо-белый телевизионный танец.

— Вставать, вставать, вставать! — кричал толстый темнолицый милиционер в каске-раковине, надвинутой так низко, что она оттопыривала уши и закрывала лоб. — Стройся по одному!

Мне показалось, что сейчас все мы возмутимся, потому что обращение с нами было бесчеловечным, так не обращаются даже с комарами. Сейчас мы потребуем еды или хотя бы возможности умыться и оправиться. Но, к своему удивлению, я увидел, как все, включая меня, покорно поднимаются на ноги и, дрожа, растирая затекшие ноги, матерясь сквозь зубы, выстраиваются в неровную линию.

Я понимал, что отличаюсь от этих существ как ростом и сложением, так и гладкой светлой кожей, умными чертами лица и чистотой тела. Но я уже понимал, что не всеми советами подонков следует пренебрегать. Что-то говорило мне, что беззубая женщина дала разумный совет, так что, встав в ряд, я тут же согнулся и начал дрожать, тем более что сделать это легко, если у тебя онемели ноги и ты промерз до мозга костей.

Наступила пауза, кого-то ждали. Но если один из нас пытался заговорить, сразу следовал окрик. Какой-то бродяга, не удержавшись, помочился прямо в строю. Милиционеры увидели, стали смеяться, потом пинками выгнали его из строя и стали бить дубинками. Ему стало больно, он подпрыгивал, а милиционеры требовали в неприличной форме, чтобы он продолжал мочиться, и, что самое удивительное, многие в строю начали смеяться, даже хохотать вместе с ними.

Но тут от входа в изгородь послышались крики. Незаметно подъехало несколько машин. Из них вышли люди и приблизились к нам. Раньше я думал, что всем людям, кроме милиции, запрещено одеваться, потому что одежда — это прерогатива разумных спонсоров, а мы, неразвитые, еще не доросли до одежды. Но люди, которые приехали в машинах, были одеты в разного вида одежду, и на ногах у них были ботинки или сапоги, как у милиционеров. Они громко разговаривали и даже смеялись — и я был так удивлен одеждой, что не смог рассмотреть лиц.

Эти люди вышли на середину вытоптанного плаца, и один из них сказал сержанту:

— Ну и экземпляры!

Был тот человек странного для меня вида: его борода лежала

веером на синей длинной одежде, а черные с проседью волосы были пострижены и завиты.

— Вечно с ними морока, — сказал сержант. — Ну чистые скоты.

— Мы из них сделаем людей, — сказала толстая женщина, тоже в теплой одежде. У нее были красные щеки, будто от мороза — наверное, эта женщина много ела.

Все вместе они пошли вдоль строя. Первым выступал мужчина с большой бородой. Он останавливался перед людьми, порой приказывал открыть рот, отводил веко — словно на выставке любимцев, на которую меня как-то давно брали хозяева. Первые два или три человека ему не понравились, третьего, похожего на обезьяну волосатого брюнета, он вытащил из строя и показал пальцем, где тому стоять. И в его движениях была такая уверенность, что мужчина покорно сделал шаг в сторону, а бородатый, не оглядываясь, чтобы убедиться, исполнено ли его приказание, уже следовал дальше. Так он приближался ко мне, вытащив человек десять, и я не знал, хорошо или плохо попасть к нему, и обернулся в поисках беззубой женщины, но не сразу нашел ее — она стояла человек за пять от меня. Женщина заметила мой взгляд и догадалась, что я хочу узнать. Она отрицательно покачала головой и согнулась, показывая, словно больна. Я тут же последовал ее примеру — я согнулся так, что пальцы левой руки достали до земли, сгорбился и даже скособочил лицо.

— Ты всех возьмешь, Пронин, — сказала толстая женщина в меховой одежде, — нам же тоже рабсила нужна.

— Лишнего не возьму, Марья Кузьминична, — сказал Пронин голосом сытого человека.

Он как раз дошел до меня и внимательно посмотрел.

От страха разоблачения меня шатнуло.

— Ну и рожа, — сказал Пронин, скривившись от отвращения. Мне бы в тот момент возликовать, что он меня не разоблачил, но почему-то слова его, а тем более тон, которым они были произнесены, настолько возмутили меня, что я выпрямился и принял было гордую позу, но на мое счастье Пронин уже проследовал дальше. Зато мое движение не укрылось от толстой Марии Кузьминичны, и она быстро сказала:

— Этот — мне.

Я снова перекосился: женщина потянула меня за локоть, а один из милиционеров, желая оказать женщине содействие, так дернул меня за руку, что я вылетел из ряда и отбежал, ковыляя, в сторону.

Процедура отбора людей прошла так быстро, что я не успел опомниться, как все мы стояли тремя кучками. Наибольшая, со-

стоявшая из молодых мужчин и здоровых людей иного возраста, была отобрана Прониным, была еще одна группа — в нее попали я и беззубая женщина, мы стали собственностью женщины Марии Кузьминичны.

Третья группа, состоявшая из инвалидов и стариков, осталась как бы невостребованной, но именно эти люди покинули загон раньше всех — черная машина въехала внутрь, милиционеры помогали инвалидам и старикам забираться в нее, потом сзади поднялась решетка, и последнее, что я увидел, — белые пальцы, вцепившиеся в прутья и исполосованные решетками лица.

— Их куда? — спросил я беззубую женщину. Я хотел спросить о нас, о себе, но не посмел, поэтому спросил о стариках, как бы идя от противного.

— Им кранты, — сказала беззубая женщина. Лицо ее от века до подбородка прорезал узкий шрам.

— Что это значит?

— А это значит, что на мыло.

Меня покоробил такой цинизм, но тем не менее я понимал, что судьба этих существ незавидна.

Мария Кузьминична подошла к нам и оглядела наше воинство, которое радости у нее не вызвало.

— И где же вас таких изготовляют, — сказала она печально. — Пользы от вас — кот наплакал.

— Не годятся, не брала бы, — сказал стоявший рядом с ней наглого вида лысый, несмотря на молодость, человек.

— На дармовщинку почему не взять.

После некоторой паузы она сказала мне:

— Можешь выпрямиться, ты уже мой.

Я понял, что мой наивный обман разоблачен, но сержант и бородач стояли еще так близко, что я не посмел распрямиться.

Так как я колебался, лысый помощник Марии Кузьминичны незаметно подобрался ко мне и так ударил по согнутой ноге, что я подпрыгнул от боли и, конечно же, вынужден был выпрямиться.

Мария Кузьминична захохотала, уперев сильные руки в бока, а за ней стали смеяться и все остальные. К тому же я вместо того, чтобы стоять прямо, продолжал упорно сгибаться, как инвалид, а Лысый, к вящему удовольствию зрителей, продолжал меня пихать. Тут я потерял над собой контроль и, размахнувшись, ударил Лысого по плечу. Тот отлетел метров на десять и с таким звуком шлепнулся на пыльную землю, что все, включая меня, решили, что если он не погиб, то, по крайней мере, переломал себе все руки и ноги.

К счастью. Лысый остался жив и даже здоров, зато позор, пережитый из-за того, что его при всех ударил подонок со свалки, был для него непереносим, и я нажил врага.

— Вот это правильно, — сказала Мария Кузьминична. — Не зря я сразу на тебя глаз положила! Только бы, думаю, Пронин его не раскусил.

И она весело рассмеялась — она была веселой женщиной.

Глава 3

ЛЮБИМЕЦ НА ФАБРИКЕ

Грузовик, который вез новых работников Марии Кузьминичны, был открытым, стареньким, и на подъемах его двигатель страдал, пыхтел, отказывался трудиться. Лысый сидел в грузовике с бродягами, хотя пока никто не собирался убегать — все были голодны и замерзли. На людской лотерее, через которую, как я понял, некоторым пришлось пройти уже не раз, нам всем повезло. И работа, на которую везли, была сносная, да и директор Мария Кузьминична, по слухам, была не вредная. На ее фабрике тоже умирали от болезней, а кто не помирал, сбегали, но так, чтобы помереть от голода или чтобы тебя замучили — такого не бывало.

— Ты Лысого бойся. Лысого, — предупредила беззубая женщина, которая как бы взяла надо мной опеку, и я не возражал — по крайней мере, пока она мне помогала. — Он подлый и ревнивый.

— С чего ревнивый? — не понял я.

— Он с мадамкой живет, а она все ищет из трудящихся себе нового друга. Он же сам трудящимся был. На свалке вырос, на помойке помирать не желает.

— Ирка, заткнись! — крикнул Лысый. — Я тебя узнал, халява!

Женщина понизила голос, но говорить не перестала:

— Мы с тобой отлежимся, откормимся — и в лес!

— Зачем? — спросил я.

— За свободой, — ответила Ирка.

Она провела кончиками пальцев по тыльной стороне моей руки и добавила:

— Нежненький... Любимец.

— Я обыкновенный.

Грузовик трясло, и время от времени нам приходилось хвататься друг за друга, чтобы не упасть.

— А что это за место? — спросил я, чтобы переменить тему разговора. — Место, куда нас везут?

— А я тебе разве не сказала? Кондитерская фабрика.

— Там конфеты делают?

— Конфет я не пробовала за всю жизнь, — сказала Ирка, — и если это конфеты — то не для нас с тобой.

— А для кого?

— Темный ты! Как хоть зовут тебя?

— Тим.

— Тимошка?

— Лучше Тим.

— Как хочешь.

— А для кого конфеты?

— Это не совсем конфеты, — сказала Ирка. — Это конфеты для жаб.

— Для спонсоров?

— Ты точно с другой планеты — вот в чем дело!

Машина катила по неширокой дороге, которую давно не чинили, поэтому грузовику то и дело приходилось тормозить или объезжать ямы и трещины в асфальте. Я смотрел через борт, и мой глаз искал привычные пейзажи: серые кубы — дома спонсоров; сизые, врытые в землю купола — их базы.

Две башни наблюдения все время маячили на горизонте, но что касается других примет нашего мира — их не было видно. Местность вокруг была пустынной: кое-где из-под травяного покрова или из зарослей орешника поднимались металлические конструкции или валялись бетонные плиты. Я понимал, что это следы той великой и трагической эпохи, когда спонсоры, чтобы спасти Землю, были вынуждены закрыть и ликвидировать все ее вредные заводы и комбинаты, и люди получили возможность свободно дышать, а дети — рождаться здоровыми. Мне было известно, что по договоренности между спонсорами и теми людьми, которые предпочли самостоятельное, полное невзгод и случайностей существование, было заключено соглашение, что люди вывезут мусор и закопают его. Но люди, в силу свойственного им легкомыслия и неумения подолгу сконцентрироваться на одной мысли, забывали выполнить свой долг — теперь же, когда время упущено и природа сама залечила свои раны, уборка потеряла смысл. Да и диких людей почти не осталось.

Фабрика, на которую нас привезли, была окружена изгородью с высокой сеткой в три ряда, а над сеткой тянулись провода — я сразу понял, что по проводам пропущен электрический ток, я видел нечто подобное по телеку — там вредители лезли на проволоку и обугливались.

Наш грузовик прерывисто загудел, и через некоторое время к

воротам лениво вышел человек в одежде. Госпожа Мария Кузьминична выскочила из кабины грузовика и принялась его бранить. А я смотрел на этих людей и думал: неужели власть спонсоров не так безгранична? Ведь сколько раз они повторяли и показывали по телеку — одеваться людям нельзя! И дело здесь не столько в нашем низком духовном и умственном развитии, сколько в гигиене. В одежде людей скрывалась масса паразитов и заразных грибков. До прилета спонсоров почти все люди были больны и вымирали — в частности, из-за того, что носили одежду. Как только спонсоры приказали людям раздеться и выкинуть одежду, все эти болезни как рукой сняло.

Для того чтобы человек успешно продвигался по пути совершенствования и превращения в разумное существо, он должен закаляться, заниматься гимнастикой и следить за чистотой своего тела.

Миновав ворота, грузовик остановился на пыльной площадке перед длинными строениями из красного кирпича. Окованная железными полосами дверь открылась, и изнутри вышел еще один одетый человек! Я представил себе, какое количество микробов развелось на этих людях, и мне чуть не стало дурно.

— Новых привезли? — спросил он.

— А ты как думал? Арбузы? — огрызнулся Лысый.

— Лучше бы арбузы. А то вы таких немощных возите, что от них пользы никакой.

— Дурак ты, Хенрик, — сказал Лысый, — пока живы, из них всегда можно пользу выколотить.

— Мальчики, мальчики, без ссор! — окликнула их Мария Кузьминична. — В какой барак мы их определим?

— Во втором почти пусто, — сказал Хенрик.

Пока они разговаривали, я осматривался. С трех сторон двор был окружен красными строениями, над одним поднималась высокая труба, из нее валил дым — он рвался в небо столбом, словно внутри работали мехи, которые гнали его наверх.

Одно из зданий пониже и поновее других явно было складским — вдоль него тянулась крытая галерея, приподнятая на метр. Возле нее стояло несколько трейлеров, из открытых дверей склада люди вытаскивали алюминиевые контейнеры и заносили их в кузова машин.

Ирка заметила среди рабочих своего знакомого, помахала ему и закричала:

— Ты живой еще, хромой черт?

— Тебе самой на живодерню пора! — радостно закричал человек из галереи.

— А ты мне поговори, поговори! — рявкнул Лысый. — А ну, пошли!

Он погнал нас к низкой двери строения, что было прямо перед нами, и никто не спорил — все замерзли на ветру и хотели поскорее в тепло.

По грязным скользким ступенькам мы спустились в подвал. Там было влажно, сыро, воняло человеческими нечистотами, единственная лампа, висевшая под сводчатым потолком, тускло освещала этот приют. По обе стороны прохода тянулись деревянные скамьи в два этажа, кое-как покрытые грязными тряпками. Вскоре я узнал, что они называются нарами.

При нашем появлении над одной из нар поднялась голова — все остальные нары были пустыми.

— Ты чего прохлаждаешься? — крикнул Лысый.

— Больной я, староста разрешил, — сказал человек и закашлялся.

— Ох и распустились без меня! — крикнул Лысый. — Чтобы завтра был на работе!

Потом Лысый поглядел на нас, покачал сокрушенно головой и сказал:

— А вы до обеда здесь, а после обеда — на трудовых постах, а то запорю.

— Зверь, — сказала Ирка, стоявшая рядом со мной. — Истинный зверь, если сказал запорет, значит, запорет.

Мне показалось, что она улыбнулась.

Хлопнув дверью, Лысый ушел, а тот человек, что был простужен, стал, не вставая, показывать нам, какие нары пустые, а какие заняты, чтобы мы не поссорились с их хозяевами.

Окошки были забраны решетками и тянулись под самым потолком — видно, раньше в этом подвале что-то хранили, вряд ли его могли с самого начала замыслить как жилище. Хотя, впрочем, этому зданию куда больше ста лет — оно еще доспонсорское, а тогда люди жили плохо, грязно, безыдейно.

Ирка выбрала себе нары в самом углу, подальше от двери и вонючего ведра, а мне велела устраиваться над ней — она уже распоряжалась моими действиями, как добрая приятельница или даже родственница. Впрочем, так оно и было — сейчас мне на всем свете не найти человека ближе, чем эта бродяжка, которая почему-то прониклась ко мне сочувствием и взяла надо мной опеку. И хоть она была страшно грязная и передних зубов у нее нет, шрам через лицо, а вместо волос — космы, у меня не было к ней отвращения и презрения. Мне она помогала.

— Жрать охота? — спросила она, став рядом с нарами и проверяя, удобно ли я устроился. — Здесь кормят. В других местах не кормят, ждут, когда мы копыта откинем, а здесь даже пожрать дают. А это потому, что Машка-мадамка вовсе не злая. Даже непонятно, как в директорах держится, у них установка — истребление генетического фонда, смекаешь?

Я ничего не смекал, я половину ее слов не понял, но кивал головой, не спорил. Я улегся во всю длину на нарах— они были мне коротки, и пятки высовывались наружу. Ирка стояла возле, уткнув подбородок в край нар. Вокруг стоял негромкий гул голосов и шум, производимый людьми, которые обустраивали свой нищенский быт. Я подумал, хорошо бы сейчас рассказать этой Ирке, как может жить цивилизованный человек, рассказать ей о моей чистой и мягкой подстилке, о ковре, на котором я лежал и смотрел телевизор, о том, что у меня было по крайней мере три различные миски, и хозяйка их сама мыла, потому что не доверяла моей аккуратности.

Но выполнить своего намерения я не успел, потому что Ирка вдруг наклонила голову и, прищурившись, заявила:

— В баню бы тебя!

— Меня?

— А то кого же! Я еще такого грязного мужика и не встречала.

Я сначала не понял, шутка это или издевка надо мной, но все мое расположение к этой бродяжке как рукой сняло.

— Уйди! — сказал я. — А то я тебе скажу, на кого ты похожа.

— На кого похожа, на того и похожа, — ответила, нахмурившись, Ирка.

— На бабу-ягу беззубую из помойки! — сказал я.

— Ну и мерзкая ты вонючка, — сказала Ирка.

Я думал, что она взбеленится, а она так печально сказала...

Если бы она этим ограничилась, я бы не стал сердиться. Но она сложила лицо в какую-то дулю и сильно плюнула в меня.

В меня еще никто никогда не плевал.

Я вскочил, сильно ударился головой о свод потолка, свалился кулем с нар и кинулся за ней, чтобы убить. Я не преувеличиваю — я знаю, что любой любимец имеет право убить бродягу или преступника, и ничего ему за это не будет, потому что он проявляет верность спонсору.

Я бежал за Иркой, не понимая, что я уже давно не любимец.

Все в нашей спальне сообразили, что происходит, но мне никто не сочувствовал и не помогал. Некоторые подставляли мне подножки, пихались, ругались, даже били меня.

Ирка обернулась на бегу, и, могу поклясться Всемогущим спонсором, она улыбалась!

Ее щербатая улыбка придала мне сил, и я кинулся за ней к дверям.

Но, как назло, именно в этот момент в дверь въезжала тележка, на которой стоял котел с похлебкой для всех пленников. Тот мужчина, что толкал перед собой тележку, конечно же, не ожидал, что на него кинется разъяренный молодец.

На мое счастье, похлебка была не очень горячей. Так что, когда котел опрокинулся, мы с поваром почти не обожглись, но грохот стоял невероятный — ведь котел покатился между нар, выплескивая на ходу похлебку с капустой и свеклой. В этом широком, но мелком потоке плыл, вернее, ехал на заду я сам, за мной катился котел, а держась за край котла в безнадежной попытке удержать его, скользил повар.

Я убежден, что со стороны зрелище было комическим, но смеяться было некому — сначала все перепугались, но скоро догадались, что по моей милости они остались без обеда. И еще не успел я завершить свое движение в потоке похлебки, как на меня со всех сторон кинулись разъяренные рабы — они рвали меня когтями, пинали, старались удушить, растоптать, оторвать мне руки и выцарапать глаза! Наверное, никогда в моей жизни я не был так близок к гибели, как в тот момент, я пытался спасти глаза и наиболее уязвимые части тела, но у меня не хватало рук, чтобы спасти все, и я катался по скользкому полу, стараясь избегнуть гибели.

Сколько это мучение продолжалось, я не знаю. Да и как я мог узнать об этом! Сквозь шум истязания до меня донесся крик:

— А ну, прекратить! А ну, по нарам! Я кому сказал!

Хватка рабов ослабла, меня отпустили, я смог открыть глаза и увидел, что Лысый разгоняет плетью рабов по нарам и что ему помогает Ирка, которая также старалась меня спасти.

Лысому не потребовалось много времени, чтобы понять, что же произошло. И тогда он совершил поступок, который еще больше унизил мое человеческое достоинство и еще более усилил мою ненависть к этому порождению зла.

С наглой ухмылкой на лице он подошел ко мне и очень больно — вы не представляете, как больно! — огрел меня своим бичом. И снова. И снова! Бич свистел в воздухе столь грозно, что я думал, что каждый удар будет для меня последним, и все вокруг притихли, ожидая того же, только Ирка вдруг завопила:

— Не надо! Ему уже хватит! Он не нарочно.

Лысый как будто послушался ее и сказал:

— Только у меня для вас второго обеда не будет. Обходитесь как знаете.

Вокруг поднялся угрожающий гул. Я сжался.

— А работать вы будете как миленькие, — добавил Лысый.

И ушел.

Я поднялся и пошел к своим нарам. Но забираться на нары не хотелось — такой я был измазанный. Некоторые, кто самый голодный, стали ползать по полу и собирать гущу из похлебки, а другим повар смог набрать со дна котла. Я стоял в углу между стеной и нарами и никуда не смотрел. Я ненавидел эту проклятую Ирку, которая была во всем виновата, из-за нее я ударился о котел. Вот бы сейчас она подошла, я бы ее задушил.

Ирка пришла позже. Я был рад ее задушить, даже руки дрожали от боли и ненависти. Но я ее не задушил, потому что она принесла мне свою миску, а в ней на дне — похлебка.

— Жри, чучело, — сказала она мне.

Я хотел выплеснуть похлебку ей в рожу и посмотреть, как она запрыгает, и она, видно, угадала это желание в моем взгляде, потому что отпрянула. Но потом голод взял свое, и я выхлебал похлебку и даже облизал миску языком.

Мы помолчали. Потом Ирка сказала:

— Давай сюда миску, чучело, мне ее отдавать надо.

Я отдал миску, хоть совершенно не наелся. Я все еще хотел избить эту дрянь, но если ты съел из рук, то ты признал хозяйку, хотя, конечно, Ирка не имела ничего общего со спонсорами.

— Где бы помыться? — спросил я.

— А я думаю, что вас вот-вот в баню погонят, — сказала Ирка. — Только ты поосторожнее, люди на тебя злые, голодные, они тебя задушить могут.

И на самом деле нас вскоре погнали в баню, только Ирку и еще одну женщину задержали, чтобы подмыть пол. Меня это расстроило, мне было страшно одному идти в баню.

Мое живое воображение строило картины, как они накидываются на меня и душат. Я шел последним и обратил внимание, что, сворачивая к двери в баню, все на секунду или две останавливаются перед какой-то дверью. И только поравнявшись с ней, я догадался, что это не дверь, а зеркало. Когда я в него заглянул, то вместо себя увидел страшное, черное, пятнистое, окровавленное существо, порождение дурного сна или грязного зверинца. И лишь когда я в ужасе отшатнулся и существо отшатнулось тоже, я догадался, что это и есть я — самый красивый любимец на нашей улице! Неудивительно, что они меня бьют и ненавидят. Такого урода и я бы возненавидел! Поможет ли мне баня?

Баня была невелика и так наполнена паром, что в двух шагах не разглядишь человека. Там было жарко и душно. Дома я мылся

в тазу, который ставили в ванной комнате, а еще мне разрешали плавать в бассейне, я всегда был чистый и без блох.

На полке возле входа стояли алюминиевые тазы. Я сначала не знал, что они называются шайками и в них наливают воду, когда моются. Поэтому я стоял посреди бани, не представляя, как мне набрать воду из котлов, вмазанных в пол, — один с ледяной водой, второй с кипятком. Другие смешивали воду в шайках и потом мылись.

Я увидел пустую шайку — возле нее никого, решил последовать примеру других людей и в тот момент шкурой почувствовал опасность. Чувство было настолько острым — такое чувство развивается чаще всего у любимцев, а у людей обыкновенных его не бывает, — что я отпрянул в сторону, и тут же на место, где я только что стоял, обрушилась шайка крутого кипятка.

Брызги разлетелись во все стороны — обожгло и меня, и других людей, которые стали чертыхаться, и кто-то из женщин завопил:

— Опять он!

— Это не я! Это меня хотели убить! Обварить!

И что странно — они сразу поверили и отвернулись к своим шайкам, будто согласились оставить меня наедине со смертью.

На мое счастье, тут пришла Ирка, она сразу подтащила свою шайку ко мне поближе и спросила удивленно:

— Ты живой, что ли?

При этом она опять нагло улыбалась. С каким бы удовольствием я сунул ее головой в кипяток! Но удержался и только отвернулся от нее.

— А ты гладкий, — сказала она и провела рукой по моей спине.

— Отстань, — сказал я.

Она ударила меня кулачком по лопатке и сказала:

— Нужен ты мне очень!

Все были голодные и злые и, кто мог, норовили толкнуть меня или обругать, но я ведь тоже был голодный и тоже терпел. На пинки я не отвечал, не хотел, чтобы опять они навалились на меня скопом, ведь рабы — они как животные, они не знают правил и чести. Так я и не узнал, кто хотел меня ошпарить кипятком.

Когда мы вышли из бани в холодный мокрый предбанник, там стояли два раба из тех, что жили здесь раньше. Перед первым возвышалась куча застиранных тряпок — каждому из нас досталось по тряпке, а второй вытаскивал из кучи и протягивал серую мешковину.

Это обрадовало бродяг, и они начали вытирать себя тряпками как полотенцами, а мешковина, оказывается, была сшита, как

штаны. Мы сразу стали неуклюжими, но когда пар рассеялся, я с удивлением понял, что не узнаю спутников по загону и подземельям — горячая вода и мыло совершили с людьми волшебные превращения, и я с трудом угадывал тех, кто меня колотил или хотел убить.

Вошел еще один раб, он принес большую корзину с ломтями серого, дурно пропеченного хлеба. Он вынимал ломти и раздавал — люди бросились к нему.

— Давайте жрите! — сказал раб. — Лысый велел, сказал, а то помрете в цехе.

Многие засмеялись. Люди были рады.

Но когда я подошел за куском, сразу воцарилась тишина.

— А тебе, длинный, — сказал раб, — не положено. Ты людей без шамовки оставил, а хозяину сделал большой убыток. Вали отсюда!

И я отошел, хотя был на две головы выше раба и мог бы свалить его одним ударом.

Одетые и вытертые, мы вышли из бани и пошли обратно к себе в спальню. Люди на ходу жевали хлеб и уже забыли о своих невзгодах. «Удивительно, до чего легкомысленны эти особи!» — думал я. Не зря спонсоры неоднократно обращали мое внимание на то, что люди могут бунтовать, бороться, подняться на войну — но только покажи им кусочек хлеба, они забудут о принципах! Таким суждено быть рабами! И я был согласен с господами спонсорами.

Молодая женщина в неловко и грубо сшитых из мешковины штанах обогнала меня. Мокрые волосы этой женщины завивались в кольца, и казалось, что вместо головы у нее солнце с лучами — такого ослепительно рыжего цвета были эти кудри.

Будто почувствовав мой взгляд, женщина обернулась. У нее было треугольное лукавое лицо, большие зеленые глаза и множество веснушек на белых щеках. Правую щеку пересекал шрам. Я любовался этой женщиной, а она вдруг сказала:

— Чего уставился, красавчик?

И тогда я сообразил, что это всего-навсего моя подруга Ирка.

— Тебя не узнаешь, — сказал я.

— А тебя что, узнаешь, что ли? — Она рассмеялась, и я увидел, что у нее нет передних зубов.

— А где зубы? — спросил я.

— А выщибли. Били и выщибли.

Мы дошли до нашей комнаты, положили полотенца на свои нары, и тут же вошел надсмотрщик Хенрик и велел выходить к двери. Отмытые, мы ему понравились.

— На людей похожи, — сказал он. — Я уж не надеялся, что людей увижу! — Он расхохотался тонким голосом, и мы все засмеялись. Глядя друг на друга, мы понимали, что он имел в виду.

— Кто здесь уже был? — спросил Хенрик. — Не бойтесь, шаг вперед. Я драться не буду. Я и без вас знаю, что вы все беглые.

Ирка и еще человек пять шагнули вперед.

— Вы работу знаете, — сказал он. — Вам и быть бригадирами. А потом разберемся. У нас сейчас работы много, не управляемся. Кто норму сделает, получит лишнюю пайку, мы не жадные. Кто будет волынить, пеняйте на себя. Поголодаете... как сегодня! — Он засмеялся вновь, видно, уже знал, что у нас приключилось.

Когда мы проходили мимо него, он легонько дернул бичом, ожег меня по ноге и спросил:

— Это ты, красавчик, котлы опрокидываешь?

Он спросил без злобы, и во мне тоже не было зла, и я сказал:

— Я нечаянно.

— Ты у меня в бригаде будешь, — сказала рыжая Ирка. — Нас, я думаю, на перегрузке будут держать. На забой не возьмут — слишком сложная работа, понял?

— Нет.

— Я так и думала, что нет.

Мы спустились еще на этаж ниже. Под потолком горели яркие лампы, но от этого подвал был еще более неприглядным. Стены его были до половины испачканы бурыми пятнами и полосами, пол был покрыт бурой жижей. Через весь сводчатый зал тянулся широкий транспортер, грязный, старый, даже порванный и неаккуратно скрепленный в некоторых местах. В тот момент, когда мы, числом с полдюжины, вошли в зал, навстречу нам поднимались люди из предыдущей смены. Они были также измазаны, как и все в том зале, их шатало от усталости, а одного из сменщиков, невысокого молодого человека, одетого, как и все мы, в мешковину, вдруг вырвало чуть ли не нам под ноги. Он корчился, отвернувшись к стене, но никто не обращал внимания, а когда пришедший с нами жирный раскоряка с одутловатым лицом начал было материться, Ирка прикрикнула на него:

— Заткнись, не знаешь — не лезь.

В подвале царил тяжкий запах страха и смерти — я не мог объяснить, из чего он складывался...

Транспортер уходил в соседнее, не видное мне помещение, отделенное от нашего подвала резиновой занавеской. Оттуда доносился глухой шум— редкие удары, тонкий крик, ругань, возня, снова удары... будто там кипел бой.

По обе стороны транспортера стояли два могучих мужика,

единственной одеждой которых были кожаные, вымазанные чем-то бурым передники, а в руках они держали металлические дубинки.

Вся эта обстановка подействовала на меня удручающе. Лишь одно желание руководило мной — удрать. Я с трудом проглотил слюну и спросил Ирку:

— Что здесь?

— Увидишь, — коротко сказала она, подходя к груде резиновых фартуков, лежавших на столе у транспортера, беря и завязывая его сзади.

— Мне тоже? Он же грязный.

— А ты думал, теперь всегда чистым будешь?

Мне показалось, что Ирка тоже боится, но не смеет признаться мне в своей слабости. Она же бригадир и старожил к тому же.

— Что надо делать?

— Фартук надень, а то себя не узнаешь.

Я подчинился ей, как уже привыкал подчиняться. Она завязала мне фартук на спине — запах смерти и мучений был теперь близок, я как бы закутался в смерть.

По виду других моих спутников я понял, что они испытывали такие же, как я, отвратительные чувства.

И вдруг транспортер дернулся и со скрипом двинулся в нашу сторону. Мужики у резинового занавеса подняли дубинки — они были наготове...

И тут... неожиданно!

Раздвинув своим весом занавес, на транспортере закрутился серый метровый червяк — ничего подобного мне видеть еще не приходилось. Он был страшен и, наверное, ядовит. Я не знал, как он попал в наш подвал, и рванулся было бежать, но тут увидел, что мужики ждали его появления, потому что один из них, примерившись, ловко ударил металлической дубинкой червяка по голове, и он, дернувшись, замер.

Пока червяк медленно плыл на транспортере, я успел разглядеть его.

Убитое существо более всего напоминало громадную метровую гусеницу, покрытую серой шерстью и снабженную сотнями маленьких ножек. Некоторые из ножек еще дергались. Голова гусеницы была относительно велика, глаза — выпученные, как у стрекозы... Я бы и далее с отвращением рассматривал это животное, но тут резиновый занавес раздался снова, и появилось сразу несколько таких существ, на этот раз мертвых.

Как только гусеница доехала до конца транспортера, Ирка приказала:

— Хватай! Тимка — за голову. Жирный — за хвост, а ну!

Сама она толкнула широкую плоскую тележку на низких колесах таким образом, чтобы она оказалась у конца транспортера. И тогда, частично от собственного веса, а частично от наших с Жирным усилий, тело гусеницы кулем свалилось на тележку.

Так как к концу транспортера уже подъезжали сразу несколько наваленных друг на дружку гусениц, то в дело пришлось вступить и другим членам Иркиной бригады. Гусеницы оказались страшно тяжелыми— по пуду, не меньше, и уже через полчаса я вымотался.

В наши обязанности входило грузить битых гусениц на тележки и выкатывать их в боковой зал, где за длинными оцинкованными столами со сливами, ведущими в эмалированные ванны под ними, стояли подобные нам бродяги, которые взваливали гусениц на столы и свежевали их.

Если какая-нибудь из гусениц оказывалась недобитой, мужики у начала транспортера должны были ее уничтожить. Почти всегда это им удавалось, но одна из гусениц, которую я подхватил было, чтобы перевалить на тележку, приоткрыла стрекозиные глаза, как будто зевнула, показав острые, длинные, как у хищной рыбы, зубы. Я испугался и отпрыгнул в сторону — а вдруг она ядовитая? На мой крик подскочил мужик с дубинкой и добил гусеницу.

Так мы бегали, сваливали, грузили, отвозили гусениц часа два-три — точно не скажу. Я только знаю, что сначала я смертельно устал, руки отваливались и все время мутило от запаха крови гусениц — из них вытекало много крови. Но потом я постепенно вошел в тупой ритм работы и даже научился отдыхать — ведь транспортер нередко ломался, да и гусеницы шли неровным потоком.

Один раз транспортер сломался, и после всяких криков и ругани пришел человек с чемоданчиком — он достал инструменты и принялся чинить транспортер. Мы смогли отдохнуть.

— Лучше помереть, чем такая работа, — сказал я, прислоняясь спиной к транспортеру.

Ирка достала из волос сигарету. Жирный чиркнул спичкой и сказал:

— Оставишь затянуться?

— Вы курите? — удивился я.

— Нет, выпиваем, — сказала Ирка. — Еще вопросы будут?

— Зачем мы это делаем? — спросил я.

— Так это же ползуны!

— Конечно, ползуны, — вторил ей Жирный, глядя на сигарету. — А ты, Ирка, почаще затягивайся, чтобы зазря не горело.

— Откуда они?

— Спонсоры их с собой привезли, из икры разводят, откармливают, а потом, когда они в тело войдут, их убивают.

— Спонсоры не едят мяса!

— Ах ты, любимчик! — Ирка усмехнулась.

— Спонсоры — вегетарианцы.

— Спонсоры едят пруст. Едят?

— Но это печенье.

— Что в лоб, что по лбу, — сообщила мне Ирка. — Но делается это самое печенье из ползунов. Неужели они тебя ни разу не угостили?

И тут меня вырвало, и я постарался убежать в угол, а надо мной многие засмеялись. Конечно же, я ел пруст — круглые такие лепешки. Бывают сладкие, бывают соленые.

Я еще не пришел в себя, как заявилась мадамка в сером ворсистом платье. Она была встревожена поломкой транспортера.

— Дурачье! — кричала она на механика. — У меня разделочные сейчас встанут! Ты хочешь, чтобы меня вместо этих тварей в расход пустили? А ну, поторапливайся. А вы что расселись?

Мы уже не расселись, мы стояли смущенные оттого, что не работаем, хотя делать нам было нечего.

— А ну, в тот зал, помогайте свежевать!

Мысль о том, что я должен буду резать этих отвратительных гусениц, была столь ужасна, что я предпочел бы сам умереть, но тут, к счастью, транспортер двинулся вновь, и я был рад, что занимаюсь хоть и трудным, но относительно чистым трудом. А потом, от усталости, радость испарилась...

Дальнейшее я помню урывками — я даже о голоде забыл, и тут Ирка хрипло закричала:

— А ну, шабаш работе, пошли в казарму!

Я не сразу сообразил, что это относится и ко мне. У меня даже не было времени осмыслить удивительный факт, с которым я столкнулся: Яйблочки и их телевизор учили меня, что спонсоры вегетарианцы, к чему они всегда призывали и нас, людей.

Мы с трудом сбросили намокшие фартуки и потянулись к лестнице.

Каждый шаг давался мне со страшным трудом. Я помню, как мылся в душе, чтобы отделаться от зловония. Но как мне удалось взобраться на верхние нары — загадка. И я сразу заснул. Ирка, как она потом сказала, даже не смогла меня растолкать, когда привезли ужин и раздавали хлеб.

Я просыпался, представляя себе, что нежусь на мягкой подстилке у кухонных дверей и госпожа Яйблочко мирно возится у плиты, готовя завтрак из концентратов для себя и мужа — спонсорам наша пища, как правило, непригодна, и они питаются консервами... Вот с этим чувством жалости к моей госпоже я проснулся и в то же время почувствовал что-то неладное — запах! Звуки! Холод! Духота!

И тут же весь ужас моего положения обрушился на меня, как лавина.

Я уже не любимец — я раб, я изгой, которому суждено погибнуть на бойне, таская туши вонючих гусениц, я скоро умру, и ни одна живая душа не подумает обо мне... Одиночество — вот самая страшная беда на свете, как же я не думал об этом раньше? Неужели жизнь моя возле спонсоров была столь согрета лаской, что я не чувствовал одиночества? Чушь! Я никогда их не любил, но до встречи с соседской любимицей не подозревал, что нуждаюсь в других людях. Основное качество домашнего животного, подумал я сквозь сон, — это естественность одиночества, ненужность других... Я сам удивился тому, как красиво складываются мои мысли, — раньше я никогда так не думал.

— Подвинься, — услышал я шепот. — Разлегся, тоже мне!

Я не испугался и не удивился — это Ирка лезла ко мне на верхние нары.

— Так и помереть можно от холода, — шептала она.

Она притащила с собой на второй этаж старый мешок, которым накрывалась. Вместе с моим мешком у нас получалось настоящее одеяло, а Иркино тело было горячим, как грелка, которую я когда-то наполнял для ног госпожи Яйблочки.

— Ты только меня не столкни, — сказала Ирка.

— Нет, я не ворочаюсь, — сказал я, прижимаясь к ней, чтобы не свалиться с нар.

Я хотел поговорить с ней, и мне даже мерещилось, что я говорю, но на самом деле я уже спал — согревшийся и оттого почти счастливый.

Утром загудела сирена — всем вставать!

Я проснулся от воя сирены и от того, что обитатели нашего подвала начали шевелиться и чертыхаться, а Ирка скользнула вниз на свои нары, утащив с собой мешок. Сразу стало холодно, и я после нескольких бесплодных попыток скорчиться так, чтобы сохранить ночное тепло, вынужден был соскочить с нар.

Ирка уже побежала в коридор и крикнула мне по пути:

— Скорей, красавчик! Я очередь к параше займу, а ты к умывальнику!

Она была опять права — хоть я провел всего сутки в этом мире, но уже понял, что без Ирки я бы пропал.

Она еще не успела скрыться в дверях, как целая толпа обитателей подвала понеслась в сортир и к умывальне. Оба помещения были невелики, в одном — три крана, в другом — три очка. А нас в подвале полсотни. И всем надо.

Я побежал следом за Иркой. Она уже стояла в начале большой очереди — к параше. Очередь в умывалку была меньше, но я знал, что она увеличится, потому что люди будут переходить в нашу очередь. За мной, к счастью, оказался старый знакомец — Жирный из нашей бригады. Когда подошла Иркина очередь войти в сортир, я сказал ему, что мы с Иркой сейчас вернемся. И побежал к ней. В очереди сразу начали кричать: «Он здесь не стоял! Он еще откуда взялся?» А Ирка начала визжать: «Я предупреждала! Где твои уши были, старый козел?»

Завязалась перебранка, но она не помешала мне воспользоваться сортиром и благополучно вернуться в очередь к умывалкам. Ирка была веселая, а я расстроен — что же, думал я, теперь мне доживать свои дни в этой вони и холоде? Я же рожден благородным и красивым домашним животным! Я не желаю превращаться в грязного раба!

— Ты что? Тебе плохо? — спрашивала Ирка. Глаза у нее были добрые. Я вырвал руку — ну что объяснишь этому примитивному созданию, которое, может, никогда в жизни не видело телевизора или кофемолки?

— Ты как хочешь, я тебе не навязывалась, — сказала Ирка. — Я хотела, как лучше.

— Знаю, — сказал я. Я уже не сердился на нее — я сердился на свою судьбу. Вновь так остро я ощущал запах смерти, и все во мне сжималось от отвращения, что сегодня придется заниматься тем же, чем и вчера.

Совершив утренний туалет, мы вернулись в наш подвал, куда два раба вкатили бак с желтоватой водой, которую именовали чаем, и второй бак — с кашей. Каждому дали по миске и по ложке — потом их надо было вернуть.

Ирка облизала ложку, потом отвалила мне в миску каши из своей миски.

— Ты что? Зачем?

— Мне много, а ты не наешься!

Я, наверное, должен был отказаться, но был голоден.

Ирка смотрела на меня с интересом, глаза у нее зеленые, через щеку от века до подбородка — тонкий шрам.

— Ешь, — сказал я ей, — а то остынет.

— Я холодное люблю, — сказала она.

Каша была безвкусная, скользкая и недосоленная.

— А ты как сюда попала? — спросил я у Ирки, прихлебывая теплый чай.

— Как и ты, — сказала она, — со свалки.

— А на свалку?

— Я бродячая, — ответила Ирка. — Как наших сократили, я тогда девчонкой была, я по свалкам пошла.

— Кого сократили? — спросил я. — И как сократили?

— Учи тебя, учи, — сказала Ирка удивленно. — Я еще такого не видала! Простых вещей не понимает. Мы в поселке жили, в агросекторе. А по программе поселок шел под девственную местность — вот нас и разломали. Мужчин ликвидировали, а женщин — в резерв. Мы с сестрой в Москву убежали. Нам говорили, что в Москве жизнь клевая. А врали... Ты в Москве не был?

— Москва — это тоже свалка?

— Москва — это такая свалка, что никто ее конца не видел — охренеешь, какая свалка!

В дверях подвала появился Лысый, он прошел внутрь и стоял, похлопывая себя по ногам плетью, — я в жизни еще не видел такого злобного существа, как он.

Он молчал, а все, кто сидел за столом, замерли, даже есть перестали. Лысый ждал. Вошла мадамка. Веселая улыбка во всю широкую физиономию, тридцать золотых зубов!

— Ну и как, мои цыпляточки? — гаркнула она с порога.

— Спасибо... спасибо, — откликнулись работники.

— Плохо работаете, — заявила мадамка. — На мыло захотелось? Я вас быстренько туда спроважу. Нормы не выполняете — жабы голодные сидят!

Я поежился — даже в мыслях нельзя было именовать спонсоров жабами, хотя про себя все их так называли.

— Сегодня конвейер потянет быстрее. Так что держитесь, мазурики. Но если не подохнете, к обеду будет картошка, поняли?

Все стали благодарить эту наглую квадратную женщину. Мне она совсем не нравилась.

Машка-мадамка ушла в следующий подвал — она по утрам часто проходила по подвалам, смотрела, как живут ее рабы, даже разговаривала с ними. Ирка обернулась ко мне:

— Смотри, что я сейчас у одной тетки за полкуска выменяла!

Она показала мне обломок гребенки.

И тут же за столом принялась причесывать свои пышные рыжие волосы.

— Я тебе ползунов покажу. Их из яиц выводят, а откуда яйца — не знаю, наверное, инкубатор есть.

— Они противные, — сказал я. — Меня от их вида воротит.

— А я в простых местах выросла, — сказала Ирка, — там, где деревья, трава и лес. Большая гусеница — разве это плохо?.

Меня всего передернуло от этих слов. Эти стрекозиные умершие глаза и короткая серая шерсть... Я понял, из чего сшита шубка госпожи Яйблочко, я понял также, из чего сделано платье Машки-мадамки, и я понял, что раньше был ничего не ведающим сосунком, и если бы не беда, так бы и остался сосунком до старости, подобно всем прочим домашним любимцам.

Но, может, это ошибка? Может быть, моих дорогих спонсоров кто-то оболгал? Их, убежденных вегетарианцев, их, выше всего ставящих жизнь на нашей планете, облили грязью подозрения... А кто тогда убил одноглазого? Одноглазого убили милиционеры, которые всего-навсего люди. А кто убивает гусениц-ползунов? Их убивают бродяги и подонки, такие, как мы. А когда из них делают печенье, мои спонсоры и не подозревают, что им приходится вкушать. Надо срочно сообщить об этом, раскрыть заговор, надо бежать к спонсорам...

— Ты что? — спросила Ирка. — Глаза выпучил, губа отвисла, слюни текут...

Я замахнулся на нее — она отпрыгнула, чуть не свалилась на пол и зло сказала:

— Поосторожнее. Я и ответить могу!

Тут загудела сирена, и мы пошли надевать грязные фартуки. Все послушно, лишь я один — с ненавистью и надеждой вырваться отсюда.

Второй рабочий день с самого начала был тяжелее вчерашнего. Машка-мадамка выполнила свою угрозу — транспортер катился быстрее, чем вчера, но, правда, разницу в скорости до какой-то степени съедали частые поломки и остановки транспортера. Выросло число недобитых гусениц — мужикам у занавески пришлось потрудиться до седьмого пота. Я помню, как один ползун оказался страшно живучим, он очнулся, когда Жирный уже хотел подхватить его, чтобы кинуть на тележку. Тут-то он подпрыгнул и решил убежать. Мужики чуть с хохоту не померли, пока Жирный его добивал — он за ним с дубиной, а гусеница под транспортер! Второй мужик тоже под транспортер!

Но добили в конце концов. Все-таки двое разумных на одну тварь, лишенную разума.

Через час или около того я начал выдыхаться, и, как назло,

транспортер больше не ломался — руки онемели от тяжелой ноши... И тут вошли два спонсора.

Когда вошли спонсоры, я от усталости сразу и не сообразил, что это именно спонсоры. Я только удивился, откуда здесь взялись две огромные туши, которым приходится нагибаться, чтобы пройти в высокую и широкую подвальную дверь. Оба спонсора были в их цивильной одежде, но в колпачках с поднятыми гребнями — значит, они при исполнении обязанностей.

Вряд ли кто в подвале кроме меня понимал все эти условные знаки и обычаи спонсоров — мне же сам бог велел это знать, а то спутаешь гостя с инспектором лояльности — выпорют обязательно. Я еще щенком, мне лет десять было, полез на колени к одному спонсору, который был при исполнении, — до сих пор помню, как он наподдал мне! А когда я заплакал, мне еще добавил сам господин Яйблочко...

Спонсоры были при исполнении. Машка-мадамка это понимала — шла на шаг сзади и готова была ответить на любой вопрос. Она была бледней обычного, руки чуть дрожали.

Они остановились в дверях. Впереди — два спонсора в позе внимания и презрения, на шаг сзади — Машка-мадамка, еще позади — Лысый и надсмотрщик Хенрик. Мужики с дубинками стали по стойке «смирно», ели глазами высоких гостей. Какого черта они сюда приперлись — проверить, не жестоки ли мы к гусеницам?

Резиновая занавеска дернулась, и транспортер, придя в движение, вывез из-за нее груду дохлых гусениц.

Первый спонсор завопил на плохом русском языке:

— Он живой, он есть живой! Бей его!

В его голосе звучал ужас — словно гусеница могла броситься на него.

Одна из гусениц на транспортере дернулась — практически она была уже дохлой, она бы и без дополнительного удара сдохла. Но мужики с дубинками так перепугались, что принялись колотить с двух сторон эту гусеницу, превращая ее в месиво.

— Идиот, — громко сказал по-русски второй спонсор.

Спонсоры всегда говорили с людьми по-русски. Это объяснялось не только их глубоким убеждением, что мы, аборигены, не способны к языкам, но и соображениями безопасности. Тот, кто выучивает чужой язык, вторгается в мир существ, которые общаются на этом языке, он нападает. Я об этом догадался давно, но не давал себе труда выразить это в мыслях даже для себя. Зачем? Мне было тепло, сытно и уютно. Человек начинает думать, когда ему плохо и холодно.

— Скоты, — сказал первый, и оба, повернувшись, пошли прочь из подвала. А я, потеряв на минуту способность думать, забыв, где нахожусь, вдруг ужаснулся, что сейчас спонсоры уйдут и я навсегда останусь в вонючем подвале, во власти грубых, жестоких людей. Уход спонсоров был как бы разрывом последней нити, которая соединяла меня с цивилизацией.

Все смотрели вслед спонсорам, и никто не успел меня остановить, хоть все в подвале видели, куда я побежал. Лишь Ирка крикнула:

— Тимошка, Тима, ты себя погубишь! Что ты делаешь, дурак?

Остальные рабы тупо смотрели, ожидая, когда вновь двинется транспортер и начнется работа.

Выбежав следом за спонсорами из подвала, я оказался в широком и высоком коридоре. Шедшие впереди спонсоры почти доставали головами до потолка. Машка-мадамка семенила рядом как любимица, а Лысый шел чуть сзади.

Они не оборачивались и не видели меня.

Я находился в неуверенности. Казалось бы, сейчас лучший момент, чтобы криком обратить на себя внимание. Но что, если спонсоры мне не поверят? И оставят меня в руках людей? Лысый меня убьет, как гусеницу!

Они дошли до двери. По очереди наклонившись, чтобы не задеть за притолоку, спонсоры вышли во двор кондитерской фабрики. Я прижался к косяку двери. День был теплым, солнечным, свежим. Гладкие и такие скользкие — я помню, как в детстве это меня завораживало, мундиры спонсоров, в покрое и деталях которых лишь опытный глаз, подобный моему, мог различить чин и положение, блестели на солнце, отражая его лучи. Мой взгляд, натренированный за много лет на гостях господина Яйблочко, безошибочно сообщил мне, что спонсоры, нагнавшие такой страх на наш цех, относятся к низшему эшелону их власти — это простые исполнители. Эти спонсоры и не были военными — они были снабженцами, то есть существами, не пользующимися большим доверием и уважением в гарнизонах. В дом Яйблочков их бы и не пригласили.

Для жителей Земли все спонсоры равны и тем непобедимы. Каждый из них, как боевой муравей, несет свою службу. Все одинаковы: безжалостны и непобедимы. На самом деле это совсем не так, но человеку об этом не догадаться — ведь человек судит по выражению лица, по нормам поведения, которые у людей и спонсоров совсем разные. Ну что будешь делать, если у спонсора лицо лишено мышц и не может выражать эмоций, зато длинные средние пальцы рук беспрестанно движутся и очень выразитель-

ны. Зачастую они могут сказать о настроении, намерениях и чувствах (да-да, и спонсоры способны на чувства!) спонсора куда больше, чем слова.

— Сколько у вас работает эта партия? — спросил Машку-мадамку старший спонсор.

— Только второй день.

— Плохо работают, плохо, — сказал второй спонсор.

— А где взять лучше? Я была на распределении, — пожаловалась мадамка. — Пронин всех крепких взял на рудники.

— Люди везде нужны, — сказал спонсор.

— Это вы решайте, — сказала мадамка, и я понял, что она не испытывает трепета перед спонсорами. И если бы я не знал, что люди — не более как отсталые дикари, которых спонсорам приходится учить и опекать, я бы подумал, что идет деловая беседа между равными.

— Но у вас легкая работа. А в шахте трудно. Они там быстро отмирают, — сказал первый спонсор.

— Тут только еда, — сказал строго второй спонсор, и в голосе его я услышал фон — жужжание — это означало, что он начал сердиться, но я не знал, уловила ли мадамка эту угрожающую нотку. — Мы готовы жертвовать собственными интересами и даже питанием для большой жертвы — для продукции, которая нужна всему обществу, всей галактике. Мы готовы на жертвы, а вы? Где ваши жертвы?

— Люди работают не покладая рук.

— Ползунов переращиваем, — сказала мадамка. — Их на неделю раньше забивать надо, тогда мясо нежнее и концентрат лучше. Вы это лучше меня знаете. А вам вес подавай!

— Нам нужен вес. Гарнизоны растут.

— Есть опасность — они уже кричат.

— Эту опасность нельзя допускать.

— Так что же делать? — спросила мадамка.

— Если будете плохо делать, мы отрываем вашу прекрасную голову. — Спонсор постучал концом среднего пальца по своей шее — это было признаком веселья. Не знаю, догадалась ли о том мадамка, которая была занята своими невеселыми мыслями.

— Если оторвете мою прекрасную голову, — сказала она, — вам придется искать другого директора фабрики.

— Найдем, — сказал второй спонсор.

— Ищите, — сказала мадамка.

— Не будем спорить, — сказал первый спонсор. — Мы довольны. Вы хорошо работаете. Мы пришлем новых людей. Эти

должны работать не больше пяти недель. Затем прошу подготовить их к ликвидации.

— Вы с ума сошли! — воскликнула мадамка. — У меня не проходной двор. Только человек научился работать, а вы его на живодерню. Это неумно.

— Не надо спорить!

— Вы боитесь, что кто-то проговорится? Кому проговорится? Тростнику?

— Не надо разговоров, — сказал спонсор. — Знающие тайну не живут.

— Я сегодня принимала яйца, — сказала мадамка. — Семь тысяч ящиков.

— Вас мы тоже убьем, — сказал спонсор, — немного потом. Это шутка.

— Знаем, какие с вами шутки, — сказала Машка-мадамка.

Спонсоры мерно покачивались от смеха.

Они двинулись дальше от двери к ожидавшему их военному вертолету, мадамка с Лысым, не сказавшим ни слова, пошли за ними. С каждым шагом мне труднее было слышать и труднее бороться с желанием выбежать вслед за ними...

— ...Я говорю с вами откровенно, — донесся до меня голос спонсора, — вы наш человек. Есть случай бегства домашнего любимца от одного нашего специалиста.

— Мне говорили, его вчера утром убили.

— Его по ошейнику опознали, — добавил Лысый.

— Так все думают. Пускай думают. Мы послали его фотографии на опознание хозяевам. Хозяева сказали — не тот. Тот молодой, высокого роста. Чистый, без следов на теле и без болезней. Он из хорошего дома.

— А зачем вы это нам говорите?

— Если он попал к вам, вы легче его найдете.

— Зачем?

— Немедленно сообщите нам. Он не должен жить.

— Почему? Что он сделал?

Мне совсем трудно было улавливать их слова. Они отошли к самому вертолету, по двору проезжали машины с какими-то ящиками и сосудами, винт начал медленно поворачиваться, я готов был высунуться на двор.

— Сообщите нам, а если есть подозрения — убейте его сразу! Убейте! — Спонсор старался перекричать шум мотора. — Мы будем проверять!

— Поняла! — кричала в ответ мадамка. — Лучше ищите его на шахте! У меня все старики и инвалиды.

И только тогда, с роковым опозданием, я понял, что разговор шел именно обо мне. Они уже знают, что спасшая меня случайность — лишь отсрочка! А здесь, на фабрике, я и не думал притворяться — я не хромаю и не изгибаюсь... Мадамка и Лысый почти наверное могут сложить два и два и догадаться, кто из нас — беглый любимец.

Но почему такая ненависть? Почему надо убивать меня? Урок другим любимцам?

Я понял, что не побегу за ними, я пошел назад по коридору.

...Ноги были как ватные. Надо было торопиться, а я медленно и обреченно брел обратно к цеху, потому что там был единственный близкий мне человек — бродяжка Ирка. Но что ей сказать?

В дверях меня встретил надсмотрщик Хенрик:

— Ты где шатался?

Жирный заворчал на меня:

— Я что, один их переваливать должен?

Ирка сказала:

— А я испугалась, что ты пропал, — бежать хотела.

Она помогала Жирному вместо меня.

Я взялся за хвост ползуна — шерсть его была теплой, тело мягким. Он все выскальзывал из рук.

— Они знают, что Кривой не любимец, — сказал я, повернувшись к Ирке.

Я ведь ни разу не признался, что я — бывший любимец. Она и без меня догадалась. Ей ничего не надо было объяснять.

— Теперь тебя ищут?

— Они сказали мадамке, что я должен быть здесь, на фабрике.

— Найдут, — сказала Ирка. — Уходить надо.

— Они и вас хотят убить.

— Когда?

— Через пять недель.

— Почему?

— Чтобы не рассказывали, где побывали, что кушали.

Мужики с дубинками снова устроили гонки за недобитой гусеницей — ползун свалился на пол, и началась такая суматоха, что мы могли с Иркой говорить спокойно, не опасаясь, что нас подслушают.

— Давай убежим, — сказал я.

— Обязательно убежим! Только погодим. У меня тут дела есть.

— Дела?

— А что, разве у человека не бывает дел?

— Они за мной придут!

— Пускай приходят, — сказала Ирка равнодушно. — Да не

суетись ты, как господская собачонка. Важно не когда приходят, а кто приходит. Подумай ты, голова садовая, зачем мадамке тебя спонсорам сдавать. Она что-нибудь лучше придумает.

— Они ее не будут допрашивать?

— Ты жизни не знаешь. И уж Машкиной жизни тем более.

Транспортер поехал вновь, выплевывая трупы гусениц, и я был вынужден включиться в работу.

Человек ко всему привыкает. К жизни на кондитерской фабрике тоже можно привыкнуть. К концу смены я уже не валился с ног от усталости, а сохранил в себе достаточно сил, чтобы пойти по фабричным дворам и закоулкам, разыскивая место, где можно убежать.

За фабричными корпусами тянулась изгородь из колючей проволоки. За ней были бетонные корпуса, низкие, приземистые; там таились инкубаторы и теплицы, где из яиц выводили гусениц, а потом подземными коридорами подросших насекомых перевозили к нам в цех, на убой, оттуда — на разделку и переработку, фабрика у нас была не маленькая!

Я пошел вдоль изгороди. Все здесь было пропитано застарелым запахом падали.

Изгородь кончалась у ворот. По ту сторону шел красный кирпичный забор. Он был старый, кое-где верхние кирпичи выпали, и если бы отыскать лестницу или хотя бы большой ящик, то можно будет перелезть через забор. Я не задумывался над тем, что я буду делать, когда убегу с фабрики, — я находился во власти страха. Мне казалось, что спонсоры вот-вот вернутся, чтобы забрать меня с собой или пристрелить на месте.

Рассуждая так и крутя головой в поисках лестницы, я зашел в узкий проход между забором и складом и тут услышал впереди голоса.

Я остановился.

— Ты с ней поговорил? — произнес женский голос.

Собеседники были отделены от меня высокой кучей ржавого металлолома.

— Она согласна отправить его к Маркизе. А что ты ей обещала?

— Мое дело.

— Она не обманет?

— Я ей достаточно пообещала.

Тут я узнал голос Ирки. Конечно, это голос Ирки! Я не узнал его сразу только потому, что слова, произнесенные этим голо-

сом, не могли принадлежать жалкой бродяжке. Это были слова уверенной в себе особы. А кто же второй?

Я подошел поближе и постарался заглянуть в щель между грудой железа и кирпичной стеной.

Мужчина стоял ко мне спиной. В руке у него был хлыст, и он постукивал им себя по ноге. Хлысты есть у надсмотрщиков и Лысого. Нет, это был не Лысый. Для Лысого он слишком худ и мал ростом.

— Надо спешить, — сказала Ирка.

Я мог хорошо разглядеть ее. Ирка была серьезна. Она не стояла на месте, а медленно ходила, как зверь, загнанный в клетку, — два шага вправо, два шага влево.

— Завтра утром, — сказал мужчина с хлыстом. Он оглянулся, и я узнал Хенрика — нашего надсмотрщика.

— Кто его повезет? — спросила Ирка.

— Лысый. Кто же еще?

— А нельзя, чтобы ты?

— Нет, мадамка не согласится. Она только Лысому доверяет.

— Тут уж ничего не поделаешь. Мы не можем мадамке приказывать. Просить можем, а приказывать — нет.

Они говорят обо мне! Как же я сразу не догадался! Они договорились с Машкой-мадамкой, чтобы меня отсюда увезти.

Великое облегчение и благодарность к Ирке и Хенрику охватили меня. И мне вовсе не было страшно, что везти меня к новому месту жительства должен был Лысый. Как-нибудь справимся...

К Хенрику и Ирке спешил по проходу громоздкий мужчина, в котором я узнал одного из мужиков, добивавших гусениц.

— Ну сколько тебя ждать! — накинулся на него Хенрик. Они сразу забыли обо мне.

— Все в порядке. — Мужик тяжело дышал, будто бежал издалека.

— Говори.

— Ящики разгружали у первого блока. Сначала хорошо считали, а потом господа спонсоры ушли обедать...

— Короче, где ящик?

— Жан тащит.

В дальнем конце прохода появился второй мужик, который прижимал к животу большой плоский ящик.

Хенрик пошел к нему навстречу.

— Тебя никто не видел?

— Вроде не видел.

— Они считать не будут?

— Чего считать, мы их сами складывали. Где деньги?

— Ирка, отдай ему, — сказал Хенрик.

Ирка протянула первому мужику заранее отсчитанную и стянутую резинкой пачку денег.

— Считать не надо, — сказала она.

И тут я совершил глупый поступок. Желая получше видеть, я неловко оперся о ржавую трубу, и вся куча железа начала угрожающе крениться.

— Беги! — закричал Хенрик.

Я пытался за что-нибудь зацепиться, удержаться и, конечно же, лишь делал себе хуже — мне казалось, что я лечу с горы в лавине, состоящей из гвоздей и гирь... Сколько это продолжалось, не знаю, но закончилось мое падение на земле. Я не двигался, стараясь сообразить, что у меня сломано.

Потом я осторожно пошевелил правой рукой, в кулаке у меня было зажато что-то острое. Я приоткрыл глаза и увидел, что, как букет цветов, сжимаю пук колючей проволоки.

Я хотел было продолжать осмотр своих ран, но тут услышал голос:

— И как нам нравится лежать?

Я испугался и постарался сесть. Сел я на железный костыль, подскочил и с жуткой болью, исцарапанный и сочащийся кровью вырвался из ржавого плена.

Оказалось, что я стою перед надсмотрщиком Хенриком.

Узколицый, почти лысый, с короткими усами и бородкой, он раскачивался на ступнях — вперед-назад, постукивая себя по штанине хлыстом.

— Простите, — сказал я. — Я нечаянно.

— Врешь, — спокойно возразил Хенрик. — Подслушивал. А ну, к стенке!

— Больно, — пожаловался я.

— Не послушаешься — будет больнее.

Я отступил к стене.

— И что же ты услышал?

— Ничего!

Глаза Хенрика, маленькие, светлые и настойчивые, буквально пронзали меня. Я боялся сознаться.

— А что видел? — спросил Хенрик.

— Я случайно здесь шел, — заныл я. Из собственного опыта я знал, что перед спонсором или сильным любимцем надо показать себя слабым, несчастным, совершенно безвредным. — Я случайно шел...

— Зачем? Здесь никто не ходит.

— Я шел... потому что я хотел убежать!

— Ты хотел убежать? Не отходи от стены! Ты куда хотел убежать?

— Через забор.

— Почему?

— Потому что я никому не верю. И вам тоже не верю!

— Правильно. Никому верить нельзя. Ну продолжай, продолжай. Значит, ты шел здесь и думал: как бы мне убежать? А тут перед тобой куча железа — ты сразу в нее носом...

— Я задумался!

— Врешь! — Хенрик замахнулся хлыстом.

Я бы никогда не напал на начальника, но я очень испугался, что мне будет больно. Я оскалился, прыгнул на него, вырвал хлыст и сломал его рукоятку о колено. Хенрик пытался мне помешать, но я отбросил его, потом кинул ему в лицо хлыст.

Хенрик поймал хлыст и сказал почему-то:

— Хороший кнут был. Дурак ты, любимчик!

И тут я понял, как я виноват. Я начал отступать, прижимаясь спиной к кирпичной стене. Хенрик не нападал на меня. Он рассматривал хлыст.

А я, почувствовав, что отошел от него на достаточное расстояние, кинулся бежать.

Я раскаивался в том, что не сдержался и напал на Хенрика. Он мне теперь отомстит. Мне еще одного врага не хватало!

Подавленный, я вернулся в наш подвал. Люди уже возвращались со смены. Было душно и воняло потом и всякой гадостью. Некоторые спали на нарах, другие сидели за длинным столом посреди подвала — разговаривали, играли в кости... На меня никто и не посмотрел.

Я прошел к нарам. Нижние — Иркины — были пусты. Ирка еще не вернулась. И это хорошо. Она уже знает, что я сломал хлыст Хенрику. Они не захотят меня спасти. И отдадут спонсорам. А спонсоры пустят меня на мыло...

Я так погрузился в свои мысли, что не заметил, как последние остатки дневного света покинули подвал, и лишь коптилка, стоявшая на столе, странно и неровно освещала лица сидевших за столом. Что ж, уже достаточно темно. Надо встать и пойти в сортир, оттуда выскочить во двор и бежать к кирпичному забору.

Опасно пропустить момент — я уже знал, что дверь нашего корпуса на ночь запирали.

Я поднялся и сделал первый шаг к двери...

Навстречу мне быстро шла маленькая фигурка — даже в темноте я узнал Ирку. Она тоже меня узнала.

Я отступил назад, к нарам. Как мне не хотелось бы, чтобы она была моим врагом!

— Тим? — спросила она шепотом.

— Здравствуй, — сказал я, будто еще не виделся с ней.

Ирка взяла меня за руку и потащила к нарам.

— Садись!

Я послушно сел. Мне хотелось как-то оправдаться перед ней, и я сказал:

— Я могу ему починить хлыст. Я умею. Меня госпожа Яйблочко учила плести из кожи.

— Какой еще хлыст?

— А он тебе не сказал?

— А ты дикий...

— Я испугался. Он строго со мной говорил.

— Ты куда шел? — прошептала Ирка.

— Я хотел убежать.

— Не надо, — сказала Ирка. — Тебя завтра увезут к Маркизе.

— Я думал, что вы теперь не захотите мне помогать.

— Я верю. А что ты видел?

— Я мужиков видел. С коробкой.

— А что в коробке?

— Я не знаю. Она закрытая была.

— Ты не бойся, любимчик, — сказала Ирка и хихикнула. — Тебя никто не обидит. Тебя завтра увезут, как и договаривались.

— А если они тебя не послушаются? Ты ведь кто?

— Я — никто, — сказала Ирка. — Но Хенрика они обязательно послушаются.

— Давай я ему кнут починю?

— Успеешь. А теперь давай будем спать.

Когда все заснули, Ирка забралась ко мне на нары. Я уже ждал ее — мне без нее было холодно. Она прижалась ко мне, сначала дрожала, а потом согрелась. Я сказал:

— Не могу с ползунами. Один на меня как человек глядел.

— Нет, — сказала Ирка твердо. — Они не соображают. Ты, видно, убивать не любишь и не умеешь. Все убивать умеют, жизнь такая, что надо убивать, а ты не умеешь — тебя кто-нибудь пришьет, а ты и не заметишь.

Она теснее прижалась ко мне.

— Ты теплый, — сообщила она шепотом.

Вокруг на нарах спали или не спали люди. Запах в подвале был тяжелый — мылись-то мы кое-как, без мыла. Но было совсем темно, и можно вообразить, что ты один или в настоящем доме.

— Мне их жалко, — сказал я.

— Вы бы потише! — зашипел человек с соседних нар — я даже лица его не знал. — Вы тише, вы людям спать мешаете, вы свое делайте... а людям не мешайте.

Ирка его шепотом отругала словами, которых я и не знал, но точно понимал, что это неприличные слова, просто страшно подумать, что они значат. Потом снова стало тихо — только храп и дыхание людей.

— Может, я уйду? — спросила Ирка.

— Нет, не уходи, — сказал я. — Ты не уходи, а то нам поодиночке холодно.

— Боюсь я за тебя, — сказала Ирка. От ее маленького горячего тела во мне начало подниматься непонятное сладкое, тягучее чувство, странное желание обхватить Ирку руками — но не для тепла, а для того, чтобы целовать и прижиматься сильнее.

Я повернулся к ней и не чувствовал больше вони и тяжелого воздуха.

Я нашел губами ее губы, и мы начали целоваться так, что совсем перехватило дыхание, но мы не могли остановиться — я чувствовал, что от желания теряю сознание.

И тут Ирка вдруг сильно оттолкнулась от меня коленками и одним махом спрыгнула вниз с нар, только слышно было, как сильно ударились ее пятки о цементный пол.

— Ты что? — Я чуть было не кинулся за ней следом. Но рядом кто-то выругался.

Ирка подошла к нарам, встала на цыпочки, я увидел ее лицо над краем нар.

— Не надо, — сказала она. — Мы же люди с тобой, правда?

— Люди? Конечно, люди, — не понял я.

— И если что будет, то по-людски, хорошо, любимчик?

— Да, — согласился я и все равно в ту ночь не понял, что она хотела сказать.

Мы помолчали. Она погладила меня жесткой узкой ладошкой по лицу, и я поцеловал ее ладонь.

— Возьми мешок, — сказал я. — Замерзнешь.

Она взяла мешок, и я скоро заснул. Было очень холодно, я бы мог спуститься к ней на нары, но я понимал, что она этого не хочет. Лучше она будет мерзнуть... Была ли у меня на нее обида? Пожалуй, если и была, то маленькая, потому что я, не понимая, в чем она права, соглашался с ее правотой.

Ночью мне снилась чистенькая, завитая любимица из соседнего дома. С ней я тоже целовался, но как только мы начинали

целоваться сильно, откуда-то выбегал спонсорский жабеныш и приходилось убегать.

Утром, когда я проснулся от сирены, Ирки уже не было — она убежала занимать для нас очередь в сортир и в умывальню. И я поспешил, чтобы ей помочь. И понимал, как хорошо, что у меня есть Ирка. Я сейчас увижу ее и обрадуюсь.

Но я ее не увидел, потому что в сортире и в умывальне ее не было, а когда я пошел обратно в подвал, чтобы позавтракать, там меня уже ждал Хенрик. Он был без хлыста.

Я хотел пройти мимо, не глядя на него, но Хенрик сам подошел ко мне, и он не сильно сердился.

— Пошли, — сказал он.

— Я голодный, — сказал я.

— Нельзя задерживаться, — сказал Хенрик.

Он взял со стола горбушку хлеба и отдал мне. Кто-то из сидевших за столом огрызнулся, сказал, что такой кусок — на троих. Хенрик велел ему молчать и повел меня прочь.

Мне было страшно, но я старался утешать себя тем, что Ирка обещала, что все хорошо кончится. А она знает. Хенрик с ней разговаривает как с равной.

Во дворе стоял старенький грузовичок. За рулем уже сидел Лысый.

— Сколько вас ждать! — зло оскалился он. — Вот-вот патрули поедут.

— Садись! — приказал мне Хенрик.

Он подсадил меня в кузов. Потом впрыгнул за мной.

— Вы тоже поедете? — спросил я.

— Прокачусь немного, — ответил Хенрик.

Машка-мадамка подошла к открытому окну конторы на втором этаже. Помахала Хенрику. Он помахал в ответ.

— Осторожнее, — крикнула она. — Вечером жду!

Эти слова были для Хенрика, а может, для Лысого. Но не для меня.

Машина подъехала к воротам. Охранник, стоявший там, сначала подошел к грузовичку, заглянул в кузов и в кабину. Только потом пропустил.

— А чего он ищет? — спросил я.

— Черт его знает, — ответил Хенрик.

Грузовик выехал из ворот и затрясся по колдобинам дороги.

Через несколько метров дорога повернула в сторону, и с обеих сторон к ней сбежался еловый лес.

Мы ехали по этой дороге совсем недолго — над деревьями еще видна была дымившая труба кондитерской фабрики. Вдруг

Хенрик наклонился вперед и постучал в заднюю стену кабинки. Грузовичок затормозил.

Хенрик подошел к борту грузовика и посмотрел в сторону кустов.

Хлопнула дверца кабины — значит, следом на дорогу выбрался Лысый.

Тут же кусты раздались, и оттуда вышел мужик с картонным ящиком — тем самым, который я видел вечером на фабрике.

За мужиком шла Ирка. Она была одета в мужские штаны и сапоги. Рыжие волосы были убраны под платок.

— Осторожнее! — прикрикнула она на мужика, когда тот передавал ящик Хенрику. Хенрик наклонился, мужик поднял ящик на вытянутых руках, и Хенрик принял ящик, который был, как я понимал, не очень тяжелым.

Ирка легко прыгнула в кузов и предупредила Хенрика:

— На пол не ставь. Сядь и держи на коленях.

Хенрик послушно сел, а Ирка села рядом, чтобы поддерживать ящик.

— Я пошел? — спросил мужик. Его физиономия показалась над бортом грузовика.

— Иди, — сказал Хенрик.

Лысый все стоял на дороге.

— А тебе что, отдельное приглашение? — спросил Хенрик.

— Поезжай осторожнее, пожалуйста, — попросила Лысого Ирка.

Грузовик поехал дальше. Дорога была такой плохой, что ничто не могло помочь. Ирка и Хенрик старались оградить ящик от ударов, я им помогал. Они сначала гнали меня, но потом перестали.

Грузовик ехал медленно, но я не мог смотреть по сторонам — мне было интереснее смотреть на Ирку и на ящик. В конце концов я не выдержал:

— А что там? — спросил я.

— Не важно, — сказал Хенрик.

Время от времени Ирка поднималась и смотрела вперед, будто боялась какой-то преграды или опасности.

Но дорога, хоть и разбитая, была совершенно пустынна, и стены леса по обе стороны ее создавали впечатление узкого темного ущелья.

Так мы ехали довольно долго. Все молчали. Мне о многом хотелось спросить, но я понимал, что вряд ли получу ответ.

Возможно, через полчаса или несколько более того я первым

увидел, как далеко впереди из леса вышел человек и встал посреди дороги.

— Стой! — крикнула Ирка.

Но Лысый уже замедлял ход грузовика, и, не доезжая до незнакомца несколько метров, грузовик встал.

Человек пошел к машине.

— Ты уходишь? — спросил я Ирку.

Только тут она вспомнила о моем существовании.

— Не беспокойся. Послезавтра я уже буду у Маркизы, — сказала она. — И тебя увижу.

— А что в ящике? — спросил я.

— Ты упрямый.

— Посмотрим, все ли там в порядке, — сказал Хенрик.

Не дожидаясь ответа, он открыл крышку ящика, откинул слой мягкой материи, и я увидел, что внутри ящика одинаковые углубления, в каждом из которых помещается белый шар размером с кулак.

Ирка наклонилась к шарам.

— Все в порядке, — сказала она. Мужчина подошел к грузовику и сказал:

— Давайте быстрее! Здесь уже пролетал вертолет.

— Что это? — На этот раз я спросил только у Ирки, тихо.

Она поглядела на меня, глаза у нее были грустные.

— До свидания, любимчик, — сказала она. — Веди себя хорошо. Я буду скучать по тебе.

— Я тоже.

— А в ящике яйца, — сказала она.

— Какие же это яйца!

— Помолчи! — оборвал меня Хенрик, обернулся к Ирке и сказал: — Ты чего заговорила? Чем он меньше знает, тем спокойнее. И нам, и ему.

Мужчина на дороге принял ящик с яйцами — и зачем мы везли ящик с яйцами? — и пошел в сторону.

Затем выскочил из грузовика Хенрик и помог выбраться Ирке.

Мне не хотелось оставаться одному. Я тоже выпрыгнул из грузовика. Но Ирка сказала:

— Садись в кабинку, к Лысому.

Тот открыл дверь мне навстречу.

— Не скучай, — сказала Ирка.

Лысый перегнулся через меня, захлопнул дверь и сказал мрачно:

— Я позабочусь, чтобы не соскучился.

Мы с ним смотрели, как остальные скрылись в кустах, унося ящик с «яйцами».

День был серый, хоть без ветра и дождя. По обе стороны дороги тянулся редкий еловый лес. Порой к дороге подходило болотце, и из бурой воды поднимались тонкие стволы осин и берез. Земля еще не просохла.

Раза два я видел у дороги строения. Одно большое, в несколько этажей. Они были оставлены людьми. Окна разбиты, пусты, двери вышиблены, ступеньки заросли крапивой... В одном месте направо отходила асфальтовая дорожка и терялась в зарослях, но я успел увидеть проржавевший и как будто обугленный остов какой-то машины.

— Плохо мы убираем нашу родину, — сказал я Лысому.

Тот не понял и сказал:

— Поясни.

— Сколько господа спонсоры нас учили, чтобы мы навели порядок на планете, чтобы мы все собрали и обезвредили — у них же рук не хватает!

— А на что хватает?

Я вдруг подумал, что не знаю ответа на этот вопрос и мне самому не приходило в голову его задать. Хотя бы себе самому.

— Чтобы кормить нас и охранять, — сказал я неуверенно.

Лес перешел в кустарник, чаще попадались развалины домов, а в одном месте до самого неба торчала бетонная труба. Я вдруг увидел, что в развалинах у подножия трубы что-то шевелится.

— Смотри!

Лысый повернул голову и тут же нагнулся к самому рулю и до отказа вывернул газ. Грузовик буквально прыгнул вперед. Я успел заметить, что в развалинах стоял человек, который выстрелил в нас из лука. Я обернулся — стальная стрела упала на асфальт.

— Он стрелял! — крикнул я, испытывая неожиданное возбуждение.

— Помолчи!

Потом нам пришлось спешиться. Мост через реку был разрушен, и из нее торчали только опоры и углы ушедших в воду бетонных плит. К счастью, справа был брод, к которому вели накатанные колеи. Когда мы уже спустились к воде, Лысый крикнул:

— Замри! — И сам уронил голову на руль. Я тоже замер. Оказывается, слух Лысого не подвел — невысоко и медленно летел большой вертолет спонсоров.

Нас они не заметили или не сочли целью, достойной внимания.

— Это хорошо, что не заметили, — сказал Лысый, снова заводя двигатель, — а то они стреляют без предупреждения.

Мы поехали дальше. Благополучно миновали брод, поднялись на противоположный берег. Там между двух бетонных столбов было натянуто вылинявшее алое полотно с большими белыми буквами:

«Порадуем спонсоров достижениями в труде и отдыхе!»

Неожиданно мы увидели, как навстречу нам катит какой-то экипаж, запряженный лошадью. Мы не стали прятаться, да и те люди в экипаже — телеге с высокими бортами — не желали нам вреда.

Потом встретились пешие люди — они-то при звуке нашего кашляющего мотора нырнули было в кювет, но Лысый закричал гортанно и непонятно, и люди, кто голый, а кто и одетый, стали вылезать из кювета.

— Скоро будем на месте. Там я тебя оставлю. Будешь ждать человека от Маркизы, — сказал Лысый и неприятно улыбнулся. Слова его звучали лживо. Словно человек — это не человек, а «якобы человек», и Маркиза всего лишь «так называемая маркиза».

На покосившемся и выцветшем от бесчисленных лет металлическом указателе я прочел странное и непонятное слово «Мытищи». Туда и свернули. Дорога шла лесом, в котором я видел отдельные дома, большей частью разрушенные. Затем мы съехали на еще более узкую и запущенную дорожку, грузовик подпрыгивал так, словно хотел нас выкинуть из кабины.

Наконец под сенью раскидистых деревьев мы остановились.

— Пронесло, — сказал Лысый. — Говорил я мадамке, что надо было затемно выезжать — а ей что люди? Ей технику жалко — в яму влетишь, и не будет мотора!

Он передразнил свою хозяйку. Точно так, как мы, любимцы, передразниваем своих спонсоров.

К нам уже шел человек в кожаных штанах, с резиновой дубинкой на перевязи. Он был широк, приземист и горбат.

— Привет, — сказал он.

— Тебе тоже, — сказал Лысый.

— Привез? — спросил человек с дубинкой.

Лысый приказал мне:

— Вылезай. Вот видишь, — сказал он горбуну. — И как?

— Ничего, нормально, — ответил горбун, осматривая меня, как поросенка на рынке.

Мы подошли к дому, сложенному из толстых бревен. Окна в нем были маленькие. Внутри, за прихожей, в которой стояли пустые кадки и ящики и пахло гнилой картошкой, была большая

комната с низким потолком. У стены был камин. Такие, только побольше, делали в домах спонсоров. Возле камина на полу лежали звериные шкуры и шкурки ползунов. На них сидели люди — человек пять. Они встретили нас невнятными приветствиями. Лысый был здесь свой.

— Привез? — спросил человек с черной курчавой шевелюрой и очень черными глазами, близко посаженными к тонкому горбатому носу.

— Посмотри. — Лысый показал на меня.

Курчавый подошел ко мне, но я на него не смотрел, потому что меня поразила его одежда. Этот человек не только осмелился покрыть свою наготу, но сшил себе костюм, поражающий воображение. Материя, из которого он был сделан, поблескивала и переливалась радугой, по ней тянулись узоры из серебряного и золотого шитья, а узкие, в обтяжку, штаны были заправлены в особый род обуви, такой высокой и неудобной, что я не удержался и невпопад спросил:

— А это как называется?

— Это называется ботфорты, сапоги такие, — сказал курчавый. — А ты не видал?

— Нет, не видал.

— Ты в лесу жил, да?

— Нет, не в лесу.

Человек этот мне не нравился, он был недобрый. Как у всякого домашнего животного, зависящего от милости сильных, у меня был нюх на людей и спонсоров. Ведь спонсоры тоже разные бывают.

— Ну что ж, тогда с благополучным прибытием, — сказал курчавый. Неожиданно он крепко сжал мое предплечье, и я инстинктивно отбросил его руку.

— Правильно, — сказал курчавый, отходя от меня. — Реакция отменная. И мышцы нормальные. А то теперь все больше уроды попадаются. Мутанты корявые!

Я не знал, зачем ему моя реакция.

— Угостите парня, — сказал курчавый.

На небольшом возвышении перед теми людьми стояли какие-то глиняные сосуды и лежала еда. Я подумал сразу, что так и не успел позавтракать.

— Чего хочешь? — спросил курчавый.

— Я голодный, — сказал я.

— Я знаю, что голодный. У мадамки не нажрешься.

Остальные засмеялись, и Лысый вторил им.

Курчавый отломил ногу вареной курицы (такое я пробовал

только тайком — утащил из соседской кухни), и я вгрызся в нее, а горбун взял со стола картофелину и кинул мне. Я с благодарностью поймал картофелину и стал ее есть.

— Он что, из этих, баптистов? — спросил вдруг курчавый Лысого.

— Нет, псих немного, дикий, а так нормальный, не баптист. Натренируешь, меня благодарить будешь. Я ж его за гроши отдаю.

Они отошли от меня и продолжали говорить. Они спорили. И я даже понимал, что разговор идет обо мне и почему-то Лысый хочет получить за меня деньги. Наверное, подумал я, за то, что он потратил столько времени, чтобы довезти меня сюда. Курчавый достал кошелек, стал вытаскивать оттуда монеты, потом перехватил мой взгляд и сказал одному из сидевших у стола:

— Налей ему — дорога трудная.

Тот — фигура мрачная, неприятная, разбойничьего вида, лба вообще не видно, глаза утоплены в глазницах — налил мне в глиняный стакан прозрачной жидкости из кувшина, и я был ему благодарен, потому что после картофелины захотел пить.

— Спасибо, — сказал я и сделал большой глоток.

...И тут понял, что помираю!

Я знал, что бывает водка, и знал со слов спонсоров, какое ужасное влияние алкоголизм оказывал на людей, но я не подозревал, что в наше цивилизованное время кто-то осмеливается изготавливать водку.

Впрочем, в тот момент я так не думал — я кашлял, задыхался, скорчившись пополам.

— Дай ему воды запить! — крикнул курчавый.

Мне протянули другой стакан, в нем была вода, я глотнул, стало легче.

— А теперь допивай, — приказал курчавый.

Я не знал, что мне допивать — воду или водку, но спросить не посмел.

Меня обожгло, мне хотелось умереть от отвращения к себе...

Я сел в угол, скорчился там и решил дождаться смерти. Как сквозь сон я слышал, как прощается с остальными и уходит Лысый.

— Прощай, любимец корявый, — сказал он мне. — Надеюсь, тебя быстро здесь поломают.

И я понял, что он полон ненависти ко мне.

Неожиданно он больно ударил меня носком башмака в бок, и я хотел возразить, но голова кружилась, и я решил, что, если останусь жив, я его тоже ударю. Он ушел, какие-то люди входили и

выходили. Настроение у меня постепенно улучшилось, и я даже смог встать на ноги, хотя меня тут же повело в сторону и мне пришлось искать стену, чтобы за нее держаться.

Вошел курчавый, вернее, он появился в поле моего зрения. Его глаза были близко от моих.

— Живой? — спросил он.

— Даже очень живой. — Я глупо ухмылялся.

— Вот и отлично, — сказал он. — Пошли, я тебя устрою.

— Она скоро придет? — спросил я.

— Кто?

— Госпожа Маркиза, кто же еще, меня хозяйка-мадамка к ней направила.

— Скоро, скоро, — сказал курчавый лживым голосом, как говорят с маленькими, чтобы от них отвязаться.

Я пошел за курчавым наружу, а ноги не слушались. Было смешно.

Грузовик Лысого уехал. В кустах я увидел черную крытую повозку.

— Залезай, — сказал курчавый, — и спи.

— Простите, — возразил я. — Мы друг другу не представлены.

Я протянул ему руку и представился:

— Тимофей. Кислых щей!

— А ты меня теперь до самой смерти будешь звать хозяином, — сказал курчавый. — Или господином Ахметом.

Он что-то делал с моими руками — щелкнул замок, мои руки оказались в железных браслетах, скрепленных короткой цепью.

— Вы что, — спросил я, — с ума здесь все посходили?

— Чтобы быть спокойным, что не сбежишь, — а ну иди, ложись!

Продолжая смеяться, я попытался влезть в повозку, но руки мешали. Господин Ахмет подсадил меня. Внутри было сено. Я лег и сказал, что буду спать.

Глава 4

ЛЮБИМЕЦ СРЕДИ ГЛАДИАТОРОВ

Очнулся я в темной комнате с небольшим окошком, забранным решеткой. Словно снова попал на кондитерскую фабрику. Только лежал я не на нарах, а на каменном полу — пол был холодным, бок у меня окоченел, руки затекли. Память сразу вернула мне последнюю сцену в комнате с камином. Я понял, что меня напоили дурманящим напитком, чтобы перевезти в другое место.

Я сел. Судя по цвету воздуха за окном, уже вечерело. Я попытался подняться, но это получилось далеко не сразу. Я растирал руку и бок и тут увидел на запястье ссадины — я не сразу догадался, что это следы браслетов, в которых меня везли. Уж лучше бы я остался на кондитерской фабрике, уж лучше бы таскал трупы гусениц... Удивительно, как все на свете относительно! Сейчас мне, полузамерзшему и голодному, жизнь на фабрике казалась раем. И я еще, как назло, представил себе, что горячая, переливающаяся, как ртуть, Ирка забирается ко мне на нары и греет меня...

От злости я все же поднялся и, чтобы не упасть, добежал до стены и оперся о нее. Я сделал некоторые движения руками — гимнастику, по выражению госпожи Яйблочко. Каждое утро мы с ней занимались гимнастикой. Мы вытягивали вперед руки и поднимали ноги, разные по форме и размеру, — но действия были схожи. Потом мы с ней бегали кругами по газону — конечно, она бежала куда тяжелее и медленнее меня, но я и не спешил. Хотя каждый ее шаг — метра два, не меньше...

Минуты через две-три кровь начала двигаться по моим несчастным жилам, и я хотел пойти к двери, чтобы выломать решетку, но тут мое внимание привлекло движение за окном.

Окно моей камеры располагалось на втором этаже и выходило на пыльную площадку, окруженную невысокими сараями и складами, а кое-где соединенными кирпичной стеной. На площадке находилось несколько человек, занимавшихся странным на первый взгляд делом. Они были вооружены мечами и топорами на длинных рукоятках. Эти люди сражались, а приземистый горбун с головой, вросшей в широкие плечи, держа в руке длинную палку, направлял ею и криками действия сражающихся. Невдалеке стоял господин Ахмет в преувеличенно ярком костюме, желающий всем доказать, что имеет право или смелость нарушать все законы спонсоров.

Я хотел окликнуть его, но бой продолжался, и громкие крики потных бойцов заглушили бы мой зов.

Когда я подошел к двери, я уже понял, что попал на студию, где снимаются фильмы для телевизора, а бойцы — это актеры, которые разучивают старинную войну.

Я толкнул дверь. Она не открылась.

Я даже удивился — зачем меня запирать? Я же ничего плохого не замышляю.

Дверь была замкнута.

Тогда я в нее постучал. Но это тоже не помогло. Я начал колотить в дверь кулаками, и тогда снаружи откликнулись.

Издавая грязные ругательства, в дверях показался похожий на злую обезьяну человек с пистолетом в руке.

— Чего тебе?

— Я хочу наружу, — сказал я. — Я уже проснулся!

— Он проснулся? — искренне удивилась обезьяна. — Проснулся?

Стражник никак не мог осознать значения моих слов. По-моему, он решил тут же меня пристрелить, потому что, когда в его глазах появилось осмысленное выражение, оно сопровождалось движением дула пистолета. Дуло поднималось, пока не уткнулось мне в грудь.

К моему счастью, в коридоре раздались быстрые шаги.

— Что тут происходит? — спросил господин Ахмет.

— А он шумит, — поморщился стражник.

— Потерпишь, — сказал Ахмет. — А вам, сэр, что понадобилось?

— Я выйти хочу, — сказал я.

— Ты как себя чувствуешь? — спросил Ахмет.

— Ничего.

Я не стал жаловаться. У него были такие колючие черные глаза, что жаловаться было бессмысленно. Даже при моем скудном жизненном опыте мне было ясно, что этот человек не умел жалеть. У нас в подсобке для любимцев был один с такими глазами. Он искусал хозяина, задушил их жабеныша, и его потом затравили с вертолетов...

— Я доволен.

— Я боялся, что ты окажешься хлипким, — сказал хозяин.

— Я нехлипкий. А зачем вы меня сюда привезли? Где госпожа Маркиза?

— Я не знаю никаких маркиз, баронесс и графинь!

— Но Лысый обещал...

— Какой Лысый?

— Он меня привез!

— И продал тебя мне за сто двадцать марок.

— Меня? Продал? Зачем?

— Видно, ему деньги понадобились.

— Но разве можно человека продать?

— Если найдется покупатель.

Он не смеялся, он был серьезен, он стоял в дверях камеры и спокойно, терпеливо объяснял. Ахмет вообще никогда не суетился — в его опасном деле суетиться нельзя. Но это я узнал позже.

Лицо у него было как бы сдавлено с боков, так что нос выдавался слишком далеко вперед, и его лицо загорело настолько, что кожа была темнее зубов и белков глаз. И еще у него были усы — я никогда раньше не видел у людей таких усов. Это были черные, свисавшие на концах усы. Он был похож на черного сома. Но очень скользкого, верткого и подвижного.

— А зачем вы меня купили? — спросил я.

— Чтобы ты стал таким, как они. — Ахмет показал на окно, не сомневаясь, что я в него уже выглядывал. — Храбрым и сильным. Иди за ним. — Он показал на стражника. — Он тебе покажет, где умыться и так далее. Потом придешь во двор. Ясно?

— Ясно, — сказал я. — Но ведь Лысый не должен был меня вам продавать?

— Не знаю, чего он должен, а чего нет. Я его второй раз в жизни вижу.

— Он нечестный человек! Ему велели отвезти меня к Маркизе!

— А что такое честность? — удивился Ахмет, а стражник засмеялся, заухал грудным смехом. И мне показалось, что он сейчас начнет бить себя в грудь волосатыми кулаками.

Ахмет обнял меня за плечи и повел к выходу из камеры.

— Не обращай внимания на мелочи жизни, — говорил он, и его золотые зубы отражали свет ламп в коридоре. — Тебе повезло, что ты оказался у меня. Или тебе нравилось вкалывать на кондитерской фабрике?

— Нет, не нравилось, — сказал я.

— Видишь, как хорошо. Я, например, не выношу, как воняют зарезанные ползуны.

— Я с вами совершенно согласен, — сказал я. — Там дышать невозможно. Я раньше и не думал, что спонсоры едят плоть.

— Проще, мой милый, проще. Жабы жрут себе подобных, а нам вешают лапшу на уши, будто они чистенькие вегетарианцы.

Я невольно оглянулся — не слышит ли кто-нибудь. Ахмет заметил мое движение, усмехнулся, пропустил меня первым в дверь.

Вечерело. Синева залила двор, схожий со двором крепости, правда, стены ее были невысоки, а ворота были решетчатыми, и потому сквозь них был виден луг, потом лес, над которым виднелся клочок зеленого закатного неба.

Люди, которых я условно называл артистами, прекратили бой и стояли, глядя на нас.

— Мальчики, — сказал Ахмет, — я вам новенького привел. Хотите — ласкайте, хотите — бейте, только чтобы костей не ло-

мать, поняли, гады? Он — мои деньги. А то я вас знаю: утром проснулись — нет Петра Петровича. А где он?

Воины заржали, они пополам сгибались от хохота, а Ахмет продолжал выкрикивать — в нем тоже было что-то актерское:

— А Петра Петровича, отвечают мои мальчики, скушали мышки!

От грубого хохота воинов мне стало не по себе. Я понимал, что все это, к сожалению, имеет отношение ко мне.

Мои худшие опасения начали сбываться через несколько минут.

Клоун Ахмет молча наблюдал за тем, как воины сдавали оружие квадратному горбуну, в громадных пальцах которого мечи и копья казались булавками. Горбун осматривал оружие и передавал двум обнаженным рабам, которые стояли за его спиной. Воины уже забыли о моем присутствии, они переговаривались, смеялись, некоторые побрели в душ, другие сначала очищали себя от пота и пыли специальными скребками.

— Прупис, — сказал Ахмет, — ты распорядишься по части новенького?

— А куда его? — спросил приземистый горбун.

— Положи на койку Армянина, — сказал клоун Ахмет. На улице было видно, что лицо его раскрашено — подведены глаза, подрисованы брови, нарумянены щеки. Неужели ему все можно?

— Не стоит, — сказал квадратный Прупис, — ребята будут недовольны. Недели не прошло, как Армянин погиб.

— Объясни, что другой свободной койки у нас нет.

— А они его прибьют.

— Прибьют — мне такой не нужен.

Я понимал, что речь идет обо мне, и в то же время понять это было немыслимо. Что плохого я сделал этим людям?

Я стоял, опустив руки и ожидая развития событий.

— Мыться пойдешь? — спросил Прупис.

— А можно?

— Если ты не заразный.

— Что вы, меня доктор смотрел!

— Доктор? — тут уж Прупис удивился. — Где он тебя нашел?

— Дома, — сказал я.

— Чудеса, да и только, — сказал Прупис. — Что за дом такой?

— Я убежал, — сказал я. — А потом меня сюда привезли.

— Ага, слышал, — согласился Прупис.

Вперевалку, чуть не касаясь земли пальцами могучих рук, он направился к душу. Я зашел туда следом.

Мне хотелось верить в доброту и справедливость Пруписа. Человек должен надеяться. Я так часто за последние дни лишался надежды, что смертельно устал и готов был пойти на край света за любым человеком, который хотя бы сказал: «Я не буду тебя бить!»

Душевая была разделена на кабинки без дверей — Прупис показал мне на крайнюю. Вода была горячая, на деревянной полочке, прибитой к стене, лежал кусок мыла — я давно уже не видел мыла. Я хорошо вымылся.

Прупис дожидался меня. Когда я вышел, он сказал:

— Ты долго.

Он протянул мне чистую тряпку, чтобы вытереться.

— Я грязный был. После кондитерской фабрики.

Но Прупис не знал, что такое кондитерская фабрика.

— Потом расскажешь, — отмахнулся он.

Он повел меня к одноэтажному зданию — чем-то жилье воинов было похоже на подвал, в котором мы с Иркой провели два дня, но здесь стояли не нары, а койки. И они были застелены серыми одеялами. У каждой койки была тумбочка, а стены в изголовье кое-где были разрисованы. Там были изображены воины или голые женщины — что выдавало вкусы моих сожителей.

Я знал, что убегу отсюда — и как можно скорее. Мне хотелось увидеть Ирку, меня тревожил новый подвал — в нем пахло жестокостью. Я точно ощущал: дом и двор — все вокруг было пронизано злобой и насилием.

Прупис провел меня по длинному залу, мимо коек. Кое-кто из воинов уже вернулся в свою комнату — один что-то зашивал, сидя на кровати, несколько человек уселись вдоль длинного стола, стоявшего между рядами кроватей...

Прупис подвел меня к кровати у стены и сказал:

— Здесь будешь спать.

Потом поглядел на меня, пощупал мои штаны, сшитые из куска мешковины, и спросил:

— Ты настоящую одежду раньше носил?

Жилистый худой смуглый человек, сидевший на соседней койке, сказал:

— Он дикий, лесной. На что ему штаны в лесу?

Сам засмеялся, и кто-то за столом поддержал его смех. Из-за стола поднялся грузный усатый человек со лбом, изуродованным бугристым шрамом, и сказал:

— Мастер, мы не хотим, чтобы он спал на койке Армянина.

— Господин Ахмет велел, — сказал Прупис, который был смущен словами усатого. — Я ему сказал — недели не прошло, а он приказал.

— Пять дней, — сказал жилистый смуглый сосед. У него были раскосые черные глаза.

— Мое дело подневольное, — сказал Прупис. — А вы как хотите.

Потом он обернулся ко мне:

— Завтра напомни, я тебе настоящие штаны дам.

Он пошел прочь, а я поглядел на остальных жильцов комнаты. После душа они переоделись — и что удивительно, оказалось, что у них не только есть штаны, у некоторых широкие, свободные, а у других узкие, из кожи, но еще и рубашки или куртки — здесь никто не обращал внимания на запреты спонсоров. Разумеется, надо было спросить об этом у соседей, но я понимал, что чем меньше они обращают на меня внимания, тем мне лучше.

Я прошел к койке, она была теперь моя. «Какой Армянин? — думал я. — Куда он уехал? Или умер?»

На койке лежало серое одеяло, в головах подушка, набитая сеном. Мне койка понравилась — у меня никогда в жизни не было своей койки. Я сел, чтобы попробовать, мягкая ли она.

— Ты чего расселся? — раздался голос.

Я поднял голову: усач со шрамом возвышался надо мной.

— А ну, долой с койки!

Я поднялся.

— Простите, — сказал я, — но господин Прупис сказал, что я тут буду спать.

— Ах, господин Прупис ему сказали! — с издевкой в голосе повторил усач. Шрам на его лбу стал багровым. Быстрым, резким движением он ударил меня кулаком в щеку, и я, не ожидая такого нападения, упал на койку.

Никто не остановил усача, а все начали смеяться, словно увидели забавное зрелище.

— За что? — выкрикнул я.

— А вот за это! — Усач размахнулся, поднял ногу в башмаке и ударил меня по ноге носком башмака. Я взвыл от боли.

— А ну, на пол! — зарычал усач, который уже распалил себя так, что мог меня убить.

Я сполз с койки на пол и постарался забраться под нее, но черный башмак доставал меня, загонял глубже, в пыль, в темноту — было больно и страшно. Но я же ни в чем не виноват! Когда наказывают любимца, всегда известно, почему! То ли ты разбил чашку, то ли украл пищу. Но здесь? За что?

— Брось его, Добрыня, — сказал мой смуглый сосед, который сидел на соседней койке и не участвовал в моем избиении. — Он же не знал, что Армянин был твоим корешом. Он дикий.

— Ладно, — сказал усач, — не буду на него время тратить. Только ты, мозгляк, учти! Если посмеешь лечь на койку Армянина, убью!

— А что мне делать? — спросил я, выбираясь из-под койки, пыльный и покрытый паутиной. Вид у меня, конечно же, был жалкий. И воины, вставшие из-за стола и подошедшие поближе, чтобы полюбоваться избиением, засмеялись. А я готов был заплакать!

— Будешь спать на полу, — усмехнулся усатый Добрыня.

Я поднялся и только тут увидел, что я с Добрыней одного роста.

Но он был страшный, а я — я никому не страшен.

— А теперь, — сказал он, и ухмылка не исчезла с его наглой рожи, — ты поцелуешь мне руку. На!

Он протянул ко мне кисть руки и, чтобы всем было смешнее, изогнул ее по-женски. Рука подползла к моему лицу — ногти были обломаны, под ними черная грязь.

— Ну!

И тогда я укусил его за тыльную сторону кисти. Я сделал это инстинктивно. Я сам испугался — понял, что теперь мне пощады не будет.

И тут же раздался отчаянный вопль Добрыни:

— Он мне руку прокусил! Он ядовитый, да? Ах ты, сволочь!

Он накинулся на меня, как ураган, но теперь я уже понимал, что меня ничто не спасет — и под койкой от него не укрыться. И я стал отбиваться.

Сначала я отбивался неразумно, бестолково, стараясь лишь избежать ударов, но боль и обида заставили меня отскочить, и постепенно я стал соображать, что к чему. Более того, мне удалось уклониться от прямого зубодробительного удара Добрыни и, уклонившись, как следует врезать ему в подбородок, так что тот замычал и на секунду прекратил меня бить, потому что схватился за челюсть.

А я уже озверел — я сам перешел в нападение.

Конечно, я не имел такого опыта, и все мои драки были драками с иными любимцами, и нас обычно быстро растаскивали хозяева, но все же я в драках не совсем новичок и, кроме того, был куда моложе и подвижнее Добрыни.

Я боялся, что остальные воины накинутся на меня и задушат, но они окружили нас широким кольцом и наблюдали нашу драку, как драку двух петухов — с криками, сочувственными возгла-

сами. У меня вскоре обнаружились свои болельщики, о чем я догадывался по крикам, следовавшим за каждым моим удачным ударом.

Я пришел в себя и убедился, что успеваю отскочить или уклониться от удара, к чему Добрыня оказался совершенно неспособен. Несколько раз я таким образом наносил ему чувствительные удары, тогда как его молоты не достигали цели.

У него был разбит нос и сочилась кровью губа. Я попал ему в глаз и не без злорадства подумал, что глаз у него затечет.

Добрыня все более терял присутствие духа. Видно, он привык к слабым противникам либо счел меня не стоящим внимания и потому не собрался вовремя с силами, но теперь я его уже теснил и знал без сомнения, что через минуту он будет у моих ног.

По гулу толпы зрителей, удивленному и, как мне казалось, угрожающему, я понимал, что мне надо спешить, прежде чем кто-нибудь кинется ему на помощь.

Но тут события приняли непредвиденный для меня оборот: Добрыня отскочил от меня и почему-то побежал вдоль ряда кроватей. Ничего не понимая, я стоял, пытаясь перевести дух и вытирая кровь из рассеченной брови, которая заливала глаз.

— Эй! — крикнул кто-то.

И я увидел, что Добрыня несется ко мне, высоко закинув за голову небольшой боевой топорик. Его лицо было залито кровью, и я подозреваю, что в бешенстве он не соображал, куда он несется.

От смерти меня отделяли секунды, и потому я сразу перепрыгнул через койку, а зрители раздались, пропуская меня.

Добрыня перепрыгнуть через койку не сумел: зацепившись башмаком, он упал поперек нее и захрипел, дергая ногами, словно продолжал бежать.

Именно в этот момент в спальню вошел Ахмет в сопровождении квадратного Пруписа.

Они сразу увидели беспорядок, и Ахмет, умевший делать вид, что ничего особенного не произошло, даже если произошло землетрясение, спросил негромко:

— Что здесь за бардак?

Наступила тишина.

— Он... на меня подло напал... — произнес Добрыня, стараясь подняться, но ноги его не держали.

Топор выпал из его руки и громко ударился об пол.

— А ты что скажешь? — Этот вопрос относился не ко мне — со мной никто не собирался разговаривать. Вопрос был обращен к моему чернявому соседу.

— Добрыня его учил, — сказал чернявый.

— Я до этого подлеца... я до него... ему здесь не жить... — хрипел Добрыня.

— Топором учил? — спросил Ахмет.

Чернявый улыбнулся, оценив шутку хозяина.

— Он бы на танке учил... Он сначала новенького измордовал, — сказал он, — а потом велел руку целовать.

— А новенький руки не целует? — заинтересованно спросил Ахмет.

— Не любит.

Кто-то засмеялся.

Я так устал, словно весь день таскал тяжести, — вот-вот упаду.

— А ты садись на койку, — сказал Прупис. — В ногах правды нет.

Я с благодарностью сел на койку. Чернявый кинул мне тряпку. Я поймал ее — тряпка была влажная.

— Вытрись, — сказал он.

Добрыне помогли подняться, и тот, бормоча угрозы, ушел в другой конец помещения, где над его койкой висело несколько плакатов, изображавших обнаженных женщин в соблазнительных позах.

Я вытер лицо.

— Он подло не делал? — спросил Прупис у чернявого.

— Нет, только укусил Добрыню за руку.

— Ладно, сойдет.

Господин Ахмет вышел на середину комнаты, подошел к краю стола и, опершись пальцами о него, сказал со значением:

— Я молчал — я думал, пускай новенький сам себя показывает. Если кто его забьет — сам виноват.

— Правильно, — крикнул кто-то. Весело, со смешком.

— Я Добрыню на него не натравлял. И никто не натравлял.

— Он из-за койки, — сказал чернявый. — Армянин на ней спал, его кореш.

— Я знаю это лучше тебя, — сказал Ахмет. — Но я Добрыню не натравлял. Никто не натравлял. Сам полез. Я думаю, новенький нам подходит, а?

Возгласы были скорее ободряющие, чем злые.

— Тогда разрешите представить, Тимофей... Как тебя по фамилии?

— Хозяевами были Яйблочко, — сказал я.

— Дурак, — сказал Ахмет. — Вот ты сейчас всем ребятам сказал, что был любимцем у жаб, они же над тобой теперь смеяться будут, прохода не дадут.

Но я уже тоже был не тот, как час назад.

— Пускай попробуют, — сказал я.

— Не зазнавайся. Ты еще и не подозреваешь, сколько есть способов научить человека уму-разуму.

Господин Ахмет почесал в затылке.

— Какую мы ему фамилию дадим? — спросил он.

— Чапаев! — крикнул кто-то издали. — У нас Чапаева убили.

— Нет, Чапаева заслужить надо, это знаменитый богатырь...

— Пускай будет Ланселот, — сказал чернявый. — Ланселота у нас давно убили.

— Добро, — сказал Ахмет. — Так и запишем. Тимофей Ланселот. Славный рыцарь, защитник слабых, отважный парень! Фамилия ответственная. Оправдаешь?

— Оправдаю, — сказал я, хотя никогда раньше не слышал о Ланселоте. И не мечтал, что у меня когда-нибудь будет фамилия. Мне говорила когда-то Яйблочко, что у некоторых, самых почетных людей бывают фамилии, но, честно говоря, я даже не очень представлял, что такое фамилия. А теперь у меня есть. И красивая.

Я про себя повторял: Ланселот, Ланселот, Ланселот... будто конфетку перекатывал во рту языком. Тимофей Ланселот.

— И на афише будет неплохо звучать, — сказал Ахмет. — Тимофей Ланселот.

В первую ночь я спал плохо. Я боялся, что Добрыня, которого заклеили пластырем и забинтовали, поднимется и зарежет меня.

Когда кто-то из моих соседей — а их в комнате было более двадцати — просыпался, чтобы выйти по нужде, я начинал всматриваться в темноту, воображая, что ко мне приближается убийца. В руке я сжимал подобранный перед сном на дворе большой железный костыль. Но шаги удалялись, скрипела дверь — пронесло! Лишь к рассвету я догадался, что Добрыня решил меня не убивать.

Остальным до меня и дела не было.

Утром нас поднял гонг. Все было схоже с утром на кондитерской фабрике, лишь совсем иной была скорость и энергичность движений, разговора, мытья, завтрака — здесь, в отличие от фабрики, собрались сильные молодые люди, которым хотелось двигаться. Потягиваясь на кровати, которая оказалась куда мягче, чем можно было ожидать, я понял вдруг, что так и не знаю, в чем же заключается занятие этих молодых воинов, одним из которых, очевидно, я должен стать. И было неизвестно, лучше ли убежать или покорно ждать решений судьбы.

— Проснулся? — спросил смуглый чернявый сосед, который был на моей стороне во время драки с Добрыней. — Как спалось?

— Отлично, — сказал я.

Сосед легко соскочил с постели и принялся отжиматься от пола.

— Ты из любимцев, да? — спросил он. Я на всякий случай не ответил. А краем глаза смотрел, как поднимается весь в пластырях Добрыня. Со мной он не встречался взглядом.

— Не хочешь, не говори — не все ли равно, под какой легендой помирать, а, Ланселот?

— Меня зовут Тимофеем, — сказал я. — Тимом.

— Странное имя. Никогда не слышал.

— Меня машина в инкубаторе так назвала. Ей все равно. А госпожа Яйблочко сказала, что так называли крестьянских детей.

— Крестьянские дети? — Он не знал, что это значит. Я тоже не знал. — Значит, из инкубатора, — сказал сосед. — Значит, любимец. Или из идеальчика. Ну, признавайся?

Я увидел, что на спинке моей кровати висят новые штаны и куртка. Я знал, что среди одетых лучше быть одетым, потому оделся. Одежда была тесной.

Чернявый смотрел на меня с улыбкой.

— А меня зовут Батыем. Это такой покоритель был. Он полмира покорил. И всю Россию.

— Россию покорили спонсоры, — сказал я.

— Зови меня Батыем, — сказал мой сосед. — А вообще-то я — Вова. Вова Батый, добро?

— А почему у нас имена какие-то дикие?

— Потому что мы рыцари, а рыцарям нельзя без рыцарских имен.

— Значит, мы рыцари? А что это значит?

Вова Батый провел меня в умывальню — очередей тут не было.

В столовой был накрыт белой скатертью длинный стол, на котором стояли блюда с кашей и мясом. Со мной некоторые здоровались, но никто не потешался. Я сел рядом с Батыем. Добрыня издали показал мне увесистый кулак, и я удивился, как же я вчера его одолел. Потом понял, что он не ожидал сопротивления от такого щенка, как я.

Мы только начали есть, как вошел господин Ахмет, за ним квадратный Прупис с нагайкой в руке. Оба были одеты в обле-

гающие кожаные костюмы. Они сели во главе стола. И ели ту же пищу, что и мы.

После завтрака господин Ахмет ушел, а мы последовали за Пруписом во двор. Солнце поднялось невысоко, двор был в синей тени, там было прохладно.

Рабы принесли оружие — кипы мечей и копий. Мы все по очереди подходили к куче оружия, и Прупис выдавал каждому по мечу или копью. И мне выдал тоже, будто я здесь всегда. Меч был очень тяжелый. Тяжелее копья.

Мы сели на длинную скамью, я поближе к смуглому Батыю — я его уже выбрал себе в приятели. Неизвестно было, согласится ли он быть моим приятелем?

Но Батый не возразил, когда я сел рядом. Он бруском точил свой меч.

— Что мы здесь делаем? — спросил я.

— Ничего, отдыхаем, — сказал Батый.

— Что мы должны будем делать?

— Сегодня?

— Сегодня и потом.

— Сегодня будем тренироваться. А потом — драться.

Он говорил со мной тихо, спокойно, но поглядывал на освещенную солнцем середину двора, где стояли Ахмет с Пруписом.

— Мальчики! — крикнул Прупис. — Подтягивайтесь ко мне поближе.

Воины не спеша окружили Пруписа. Здесь не было обычного для меня страха, ведь человек должен всегда бояться — дрессировщика, спонсора, сильного. На кондитерской фабрике тоже был страх. А здесь — нет. И в этом был особый внутренний страх, более глубокий, чем обычный. Если там, где царствует простой страх, ты боишься боли, то здесь ты ощущаешь смерть. Наверное, так, подумал я, чувствуют себя гусеницы-ползуны, когда их привозят на кондитерскую фабрику. Они, неразумные, не знают, что с ними сделают, но трепещут каждой ворсинкой.

— Сегодня, — сказал Прупис, видя, что все его слушают, — мы отрабатываем индивидуальный бой. Для новичков и юниоров тренировка обязательна. Для ветеранов — по желанию.

Добрыня засмеялся. Мне было страшно видеть наклейки на его лице. Такие, как он, не прощают обид.

— Увольнения будут? — спросил он.

— У тебя не будет, — сказал Прупис. — Посиди в казарме.

— За что такая немилость, господин?

— За то, что плохо учил новенького.

Тут все обернулись ко мне.

— Честно сказать, этот мерзавец меня застал врасплох. — Добрыня недобро улыбнулся. — Но я вам обещаю, господин, что я его с грязью по полу размажу. А вот когда —это большая тайна, хочу, чтобы он ждал. Хуже ждать порку, чем когда тебя порют.

Эта сентенция развеселила воинов.

— А я думаю, — сказал Батый, — что ты боишься прибавить себе пластырей.

Добрыня обернулся ко мне и подмигнул:

— Да я хоть сейчас!

Я внутренне сжался, но понимал при том, что, если я покажу испуг, мне никогда уже не жить спокойно. Пускай он меня бьет, пускай будет больно, но главное — не бояться. Даже странно, что я тогда так подумал, — ведь я привык подчиняться хозяевам.

— А я доволен, — сказал молчавший до того квадратный Прупис. — Новенький мне понравился. Если бы он дал себя исколотить — я бы его выгнал или сделал рабом. А у парня есть характер. Значит, господин Ахмет не зря за него платил. Теперь ты, Добрыня, с Тимом товарищи. Вам с ним рядом биться. Пошевели своими серыми мозгами и сообрази — лучше жить нормально, чем устраивать свары. Ты ведь многим надоел — хочешь случайно спиной на копье напороться?

Добрыня продолжал улыбаться, и улыбка у него была нехорошая. Он ничего не ответил, хотя губы его чуть заметно шевелились, как у человека, который произносит про себя ругательства.

— Вот и отлично, — сказал Прупис. — Начинаем!

Ветераны — а их оказалось среди нас человек семь-восемь— медленно побрели прочь, а оставшиеся, в том числе и я, взяли тяжелые мечи и выстроились в две шеренги лицом друг к другу.

Я не задавал вопросов. Я уже понял — чем меньше вопросов, тем дольше проживешь.

Рукоять меча была удобной, видно, кто-то не раз держал его в руках — даже обмотана изоляционной лентой, чтобы надежнее.

Против меня стоял плотный длинноволосый брюнет. Ноги он поставил широко, а меч направил концом к земле. Он был куда ниже меня, и ему не приходилось для этого нагибаться.

Прупис подошел ко мне и встал рядом.

— Гурген, — сказал он брюнету, — смотри не задень новичка.

— Пускай защищается, — сказал тот без улыбки.

— Вспомни, каким ты в первый день был.

— Ладно, шучу, — сказал Гурген.

— Ты когда-нибудь меч в руках держал? — спросил Прупис.

Глаза у него были желтые, кошачьи, наверное, они страшны, если этот человек тебе враг.

— Только деревянный, — сказал я, неловко улыбнувшись, будто был виновен в том, что в век компьютеров и космических кораблей мне не пришлось держать меча. — Когда в питомнике был.

— Научишься, — сказал Прупис. — Ты сначала повторяй движения Гургена.

— Я в кино видел! — вспомнил я.

— Первым делом забудь обо всем, что видел в кино, — сказал Прупис.

Прупис прошел между двумя шеренгами, остановился в конце их и поднял громадную руку без двух пальцев, похожую на манипулятор промышленного робота.

Гурген поднял меч. Я тоже поднял меч.

Гурген взмахнул мечом и попытался ударить меня, я тут же отмахнулся мечом — лезвие моего меча с неприятным скрежетом ударилось о меч Гургена.

— Ты что? — спросил Гурген. — Меч разбить хочешь?

— Я защищался, — сказал я.

— Эй, Ланселот! — закричал Прупис. — Погоди драться. Смотри, как другие делают! Гурген, подожди!

И тут я понял, что мои соседи не дрались на мечах, а совершали ими некие законченные и округлые, почти танцевальные движения, лишь чуть дотрагиваясь мечами, все время меняясь ролями: то один делал выпад и второй отражал его, то другой...

Посмотрев на эти действия несколько минут и послушав, как Прупис распекает учеников, которые были недостаточно точны и аккуратны в движениях, я крикнул Прупису:

— Можно я попробую?

— Давай, только не спеши.

Я понимал уже, в чем смысл этих движений. Главное — научиться останавливать свою руку в миллиметре от цели, а это труднее, чем рубануть по противнику.

Я немного освоил эти движения, но вскоре понял, что с непривычки моя рука с мечом так устала, что я вот-вот выроню меч. Я опустил руку с мечом, и Гурген, не ожидавший этого, чуть было не располосовал мне грудь.

— Ты что? — спросил он.

— Устал.

Прупис услышал мой ответ, и это взбеленило его. Не обращая внимания на мечи, он кинулся сквозь строй учеников, поднял руку с хлыстом.

— Кто тебе разрешил останавливаться? — кричал он. — Я тебе покажу, как останавливаться без команды!

Я в страхе отступил назад, и когда он, добежав до меня, хотел стегнуть меня хлыстом, я отбил удар мечом, нечаянно задел острием хлыст, и его конец, как разрубленная змея, упал в пыль.

Все замерли от неожиданности и ждали, что он сделает со мной.

Прупис долго молчал — наверное, целую минуту. И все молчали.

Потом сказал:

— Дурак! За такой хлыст троих, как ты, дают.

— Простите, — сказал я. — Я не люблю, когда меня бьют.

— Втрое дурак, — сказал Прупис, — я в жизни ни одного человека хлыстом не ударил. Замахнуться я могу, изматерить — тоже. Но человека, настоящего, никогда...

— Я же не знал, — сказал я.

Все повторялось как в заколдованном сне: ведь только вчера я сломал хлыст Хенрику, который был главнее меня. И вот — снова такое же преступление!

Прупис нагнулся, поднял конец хлыста и стал приставлять его, словно надеялся, что тот прирастет. Он был искренне расстроен.

— Я починю, — сказал я.

Прупис посмотрел на меня, как будто что-то в моей интонации его удивило и заинтересовало. Он был ниже меня на голову, и ладонь левой беспалой руки была расщеплена так, что получалась клешня.

— И как же ты намерен это сделать? — спросил он.

— Если мне дадут кожу, я нарежу полосок, — сказал я, — я раньше умел плести из кожи.

Я не лгал. И хоть любимцам строго запрещено что-нибудь изготовлять и таким образом уподоблять себя спонсорам, госпожа Яйблочко сама меня научила — она обожала плести. У нас дома было много плетеных вещей, особенно она любила таким образом утилизировать вышедшие из обихода предметы — сапоги господина Яйблочко, собственную сумку, старые шапки (теперь-то я знал, что они сшиты из шкур гусениц).

— Ладно, разберемся, — сказал Прупис. — А ну, по местам! Работать, мальчики, работать.

Мы разошлись по парам, и сначала я фехтовал с Гургеном, стараясь не задеть его меч, а потом нас переставили и моим соперником стал Вова Батый. Батый в отличие от Гургена подсказывал мне некоторые приемы и не издевался над моей неловкостью и неумением. Гурген тоже не издевался, но молчал с каким-то немым осуждением.

Я несколько раз уставал так, что опускал меч, но заметил, что и другие тоже устали. Часа через два Прупис велел всем разойтись и отдыхать. Мы уселись в тень стены, потому что стало припекать. И тут я впервые увидел, как люди открыто курят. Мне об этом рассказывали в комнате отдыха любимцев, и Вик даже уверял, что сам пробовал, но одно дело слышать, а другое — увидеть, как у человека изо рта валит вонючий дым, а он совершенно спокойно продолжает разговаривать и не умирает, и никто не кричит от страха и возмущения, так как человек этот нарушил самый страшный экологический запрет.

— Чего уставился? — спросил Батый, который сидел рядом со мной, вытянув ноги. — Сам-то не курил никогда?

— Нет, — сказал я, и, видно, на моем лице отразилось такое отвращение, что Батый хмыкнул и сказал:

— Ну и правильно — только здоровье свое губить.

Как будто речь шла только о здоровье! Нарушался великий принцип: самое страшное преступление — это преступление перед природой. Оно ужаснее даже преступления против спонсора. Курение относится к страшным преступлениям. А Батый делал вид, что ему это неизвестно.

Мне было трудно. Во мне накапливались сведения, наблюдения и события, немыслимые для моей старой жизни. И случилось это всего за три дня. Как будто я прожил всю жизнь, ни разу не увидев воды, а тут неожиданно мне пришлось нырнуть в воду и остаться под ее поверхностью навсегда.

Я узнал, что некоторые люди ходят в одежде, и более того — я сам уже начал ее носить. Я видел грамотных людей и людей вооруженных, я видел, как люди работают на фабриках, курят и даже обманывают спонсоров... Мир с такой скоростью рушился вокруг, словно все, что было раньше, оказалось сном. А может быть, и я сейчас проснусь на своей подстилке?

— Я и сам не курю, — сказал Батый. — Мне нужно в форме быть.

— Зачем? — спросил я.

— Живым остаться подольше, — сказал Батый. — Может, стану мастером, как Прупис, или даже хозяином, как господин Ахмет, — я жить хочу, такое у меня настроение.

Я тоже хотел жить и потому воспользовался моментом, чтобы порасспросить расположенного ко мне Батыя.

— А зачем мы тренируемся? — спросил я.

Батый лениво скосил на меня черный глаз и ответил вопросом:

— А ты как думаешь?

— Не знаю, ты сказал — рыцари, но не сказал, что они делают.

— Ты в самом деле так думаешь?

— А что бы ты на моем месте подумал?

— Откуда ты такой взялся! — в сердцах воскликнул Батый.

Гурген, сидевший неподалеку, обернулся к нам и улыбнулся. Перехватив мой взгляд, он отвел глаза и принялся не спеша перематывать изоляционную ленту на рукояти меча.

— Откуда все, — сказал я. — Из питомника.

— Ты меня не понимаешь, Тим, — сказал Батый. — Я тебя обидеть не хочу. Я тебя понять хочу. Ты хороший парень и Добрыню не испугался. Но какой-то ты странный. Некоторые ребята даже думают, что ты, может, и не человек?

— А кто же?

— Жабы много опытов делали над людьми — это точно известно. И говорят, они специальных людей вывели, чтобы они были послушные, чистые и без всяких недостатков.

— А зачем? — спросил я. — Им что, нас мало?

— А нас, отсталых, они тогда ликвидируют. Были — и не стало.

— Но зачем, зачем? — настаивал я, словно на самом деле был искусственным человеком и старался понять, зачем я нужен.

— Чтобы им не беспокоиться, чтобы мы им не мешали, чтобы они наконец вздохнули спокойно!

Мне было непонятно, жалеет он спонсоров или издевается.

— Но ты же видел, из меня кровь текла, когда я с Добрыней дрался, — сказал я.

— Это, считай, тебя и спасло — а то бы мы тебя обязательно ночью развинтили, чтобы посмотреть, как ты тикаешь.

Я не сразу ответил ему — то, о чем он говорил, мне было непонятно, но непонятность была многослойной и тревожной, словно луковица: ты снимаешь слой, а там другой, похожий, но другой.

— Ты прости, — сказал я, решив, что лучше показаться глупым, чем рисковать жизнью. — Но мне не все понятно. Ведь спонсоры прилетели к нам, чтобы навести порядок. Раньше мы жили отвратительно: мы губили нашу природу, не осталось чистой воды и воздуха, люди воевали друг с другом, голодали, болели СПИДом и холерой. Мы были обречены на гибель, но тут, на наше счастье, к нам прилетели спонсоры, которые нас спасли.

— От чего? — спросил Батый.

— От гибели.

— Я это уже слышал, — сказал Батый. — Знаешь, где? В колонии, куда угодил мальчишкой. Там у нас был такой Проводник,

он нас учил про спонсоров. Только никто ему не верил — мы все уже успели пожить и знали этим жабам цену.

— В колонии? Что это такое?

— Это тюрьма, тебя держат там, пока ты подрастешь, а потом распределяют — кого на фабрику, кого на живодерню, а меня вот — на шахту.

— Я всегда думал, что живодерня — это шутка. Это шутка?

Батый рассмеялся, показывая неровные зубы.

— Попадешь — узнаешь, какая шутка.

— Ты рассказывай, — попросил я. — Про колонию.

— Про колонию я забыл, — сказал Батый. — Про колонию нечего рассказывать.

— Расскажи про господ спонсоров. Ведь правда, что они наши братья по разуму?

— Ты и это выучил?

— Нет, ты скажи! Мне это очень важно знать!

— Это только пустая фраза! Братья по классу, братья по духу, братья по разуму. Я думаю, им у себя тесно, вот они к нам и забрались.

— Скажи, зачем они прилетели?

— Для искусственного человека ты слишком настырный, — сказал Батый и поднялся. На площадку вышел Прупис и сказал:

— На позицию! Сейчас будем отрабатывать выпад с последующим колющим ударом в печень. Встали! Ланселот, ты что отстаешь? Я этого не люблю.

Вечером Прупис пришел к нам в комнату, сел на край кровати, на которой я лежал, вымотанный тренировкой так, что мог шевелить только языком, да и то с трудом.

Он протянул мне несколько разной формы кусков кожи.

— Такие подойдут? — спросил он.

Я сразу понял, что это значит, и стал рассматривать куски. Два вернул ему обратно, а про остальные сказал:

— Подойдут. Мне еще будет нужен острый нож.

— Сам наточишь, — сказал Прупис и добавил, обращаясь к лежавшему на соседней койке Батыю: — Покажешь ему, где взять нож.

Громко топая и разговаривая, в комнату вошли человек пять ветеранов, которые куда-то ходили, пока мы тренировались.

— Не так громко, — сказал Прупис. — И не надо песен.

Ветераны покорно замолкли и стали громко шептаться. Один из них упал, остальные шикали друг на друга.

— Напились, как скоты, — сказал Прупис. — Но я их не осуждаю — такая уж у нас сволочная жизнь. Никогда не знаешь, сколько тебе осталось.

Батый закрыл глаза и сделал вид, что спит. Но я чувствовал, что он не спит, ему интересно, о чем мы будем разговаривать. А я тоже понимал, что мы будем разговаривать, иначе бы Прупис не присаживался на кровать — дал бы мне кожу, и дело с концом.

— Мне Лысый намекнул, — сказал Прупис негромко, — что ты — любимец.

От этого слова Батый открыл глаза.

— Что в этом страшного? — спросил я. — То меня обвиняют, что я искусственный, и грозятся разобрать на винтики, то вы говорите, что я любимец. Я ничего не понимаю.

— Я тебе задал простой вопрос, и мне нужен на него простой ответ. Ты любимец?

— Да, — сказал я не без колебаний. — А чего в этом плохого? Разве я виноват?

— Никто не виноват в том, что с нами делают жабы, — сказал тихо Прупис. — Но все-таки лучше, когда люди не знают, что ты любимец. Любимцев мало кто видел, про любимцев думают, что все они — жабьи собаки. Им нельзя верить, они... ну, как животные. Не люди, а животные, только домашние. Собак жабы потравили, и вместо них любимцы.

— Это все вранье! — сказал я громче, чем надо было, кто-то еще обернулся в нашу сторону. — Любимцы тоже разные бывают.

— А кто знает? — сказал Прупис. — Мы все живем по своим углам и не знаем. Теперь я гляжу на тебя и вижу, что ты — как человек. А почему ты сбежал?

— Надоело, — соврал я. — Надоело быть любимцем. Хочу, чтобы меня не любили.

— Шутишь, — сказал Прупис. — Ну шути, шути. Ты мне нравишься, но все же будь осторожен.

Он поднялся и ушел. Вова Батый повернулся ко мне и сказал:

— А мне говорили, что любимцев выводят в специальных лабораториях и мозги у них вынимают.

— Я сейчас у тебя мозги выну, — мрачно сказал я. Мне спорить не хотелось.

— Я думал, что любимцы хорошо живут, — продолжал Батый, не обратив внимания на мое предупреждение, — что у них жрать — от пуза! И чистые они.

— Жрать от пуза, — сказал я. — Сколько хозяйка даст, столько и съешь.

— И дом, и чисто, — сказал Батый с непонятной мне завистью.

— А ты что, хотел бы?

— Кто не захочет? — спросил Батый. — Каждый человек хочет жрать и спать.

— А я бы ни за что туда не вернулся.

— Почему?

— Потому что жратва — не главное. Тебя любят — ты сытый, тебя разлюбили— то побьют плеткой, а то и отправят на живодерню.

— И ты с ними в одном доме жил? — спросил Батый, глядя в потолок.

— Конечно. В одной комнате.

— А правда, что у них когти ядовитые?

— Ну и глупый ты, Батый! Хозяйка же меня гладила! И мы с ней гуляли.

— А на каком вы языке разговаривали? — спросил Батый, и я понял: он не поверил ни единому моему слову. Видно, то, что было для меня обыкновенно, в его небогатое воображение просто не вписывалось.

— На нашем, на русском.

— И она тебя не придавила? — спросил Батый наконец.

— Ну зачем же меня давить, если она меня любила?

— Лю-би-ла! — Он повторил иначе: — Лю-би-ла... Нет, я трехнусь от него! Лучший друг жабы!

Я отошел к столу и стал резать кожу на тонкие полоски. Я работал допоздна. Некоторые подходили ко мне, смотрели, но не мешали. Я думал, что Батый никогда не видел спонсоров вблизи — это странно, но, наверное, возможно — не могут же господа спонсоры находиться везде и наблюдать за всеми людьми. И для человека, близко не видавшего спонсора, он кажется холодным чудовищем. Какое горькое заблуждение!

Прошло два дня в непрестанных тренировках, я уставал, как будто из меня к концу дня выпускали воздух. Но кое-чему я научился. Это легко объяснить: ведь я был выше ростом многих из воинов нашей школы и быстрее других двигался и думал. Меня хорошо кормили в детстве.

Господин Ахмет два раза при всех меня похвалил. А Прупис, хоть и не хвалил, сказал мне спасибо, когда я отдал ему аккуратно и крепко сплетенный хлыст. Ко мне стали обращаться другие

воины, я не отказывал — я люблю мастерить: шить, вырезать, плести...

Если бы не постоянная усталость, я был бы счастлив. Мне жилось не хуже, чем у Яйблочков. Нас хорошо кормили, и я спал на настоящей мягкой койке. Правда, я побаивался Добрыню, который помнил о нашей встрече и не давал забыть о грядущей мести.

Я больше не пытался выяснить, к чему нас так тщательно готовят. Потерплю — узнаю.

Я выбрал себе хозяином Пруписа. Я же был вчерашним любимцем. А любимец с детства приучен жить при хозяине. Может, другие обитатели нашей школы и не нуждались в хозяине, а мне было тяжко без существа, которому я мог бы подчиняться. Понимая это, я думал тогда, что являюсь исключением среди людей, но потом-то я догадался, что подчинение — обязательное свойство человеческой натуры. Все люди ищут себе спонсора, и если нет настоящего, то находят ему заменитель. Я тогда еще не бывал в других странах и на других континентах, но что касается России, то она, оказалось, всегда была послушной — то начальнику, то революционеру, который этого начальника убил, то следующему начальнику.

Мое терпение было вознаграждено довольно скоро. Дней через пять, когда мы отдыхали после отвратительного упражнения — долгого бега вокруг нашей школы с мешком песка за плечами, — мрачный Гурген сказал:

— Кому это нужно? Судьба и без этого разберется.

— Ей помогать надо, — сказал Батый. Мы смотрели, как Добрыня направлял оселком свой меч.

— Как девушку гладит, — сказал Гурген.

— Сколько раз он ему жизнь спасал, — заметил Батый.

Я навострил уши.

— Все это показуха, — сказал Гурген. — Ты же знаешь, откуда кровь берется.

— Молчи, — сказал Батый. — Ты здесь только третий месяц, а я уже скоро год. Если все будет нормально, через два месяца перейду в ветераны. А сколько со мной начинали и гикнулись?

— Ничего, завтра встреча товарищеская, — сказал Гурген.

Собеседники замолчали, и тогда я понял, что могу кое-что узнать.

— А что такое товарищеская встреча? — спросил я у Гургена.

— Когда договариваемся, — ответил за него Батый. — Встречи бывают товарищеские, от которых ничего не зависит. На них придумывают всякие трюки — как в цирке. Там по-настоящему

обычно не убивают. У нас завтра товарищеская встреча с «Черными Тиграми». Попросись, Прупис тебя возьмет — тебе же надо присматриваться.

Раз уж разговор начался и никто на меня не кричит, можно было спрашивать и дальше:

— А когда нетоварищеская?

— Когда календарная? Или на кубок? Тогда судьи строго смотрят — там труднее. Там погибают. Только кто? Зеленые салаги вроде тебя. Ветераны решат, кому помереть, — обязательно помрешь.

— Как помрешь?

— Ланселот не совсем понимает, зачем он здесь живет, — сказал Гурген. — Он думает, что мы — спортивная команда. А мы гладиаторы..

— Гладиаторы? А Батый говорил — рыцари!

Я вспомнил старый фильм, который показывали по телеку, и спонсоры разрешили мне смотреть его, потому что было не очень поздно. Дело происходило в древней империи, которую, кажется, называли Римской. Там на стадионе сражались люди. Один из них был тяжело вооружен и снабжен сетью, которую он все норовил накинуть на голого юношу с коротким мечом. Тот крутился, прыгал вокруг и в конце концов победил неповоротливого тяжелого воина — госпожа Яйблочко расстроилась, что мне показали такое жестокое зрелище, а сам Яйблочко стал смеяться и говорил, что это такое же ископаемое, как животное мамонт. Помню, он сказал, что такие кровавые зрелища ушли в позорное прошлое.

— Это же запрещено! — сказал я. — Это же ушло в позорное прошлое, как мамонт и Римская империя.

Когда мои соседи отсмеялись, Батый спросил:

— Кто же это тебе рассказал? Может, ты в школе учился?

— Спонсор, — сказал я.

— Именно его и надо было слушаться, — сказал Батый, и в голосе его прозвучала ирония. — Они в этом понимают.

— А я ничего не понимаю! — взмолился я. — Честное слово — я как в лесу! Если есть гладиаторы, значит, кто-то должен на них смотреть и даже получать удовольствие от такого дикого зрелища. Но ведь не в подвале вы устраиваете так называемые «товарищеские встречи»?

— Нет. — Гурген редко улыбался, но за тот день он выполнил три годовые нормы по смеху. — Мы это делаем на больших стадионах. В Москве, в Люберцах, в Серпухове... Где мы еще были, Вова?

— Везде были, где стоит жабий гарнизон, — сказал Батый.

— И они вас не арестовали? Не разогнали? Как вам удается от них скрываться?

— Поймешь ты наконец или нет, ископаемый ты человек, что твои любимые спонсоры жить не могут без наших зрелищ, потому что получают на них разрядку.

— Что?

— А то, что им очень трудно, очень нервно править нашей планетой. Они ужасно устают, и им надо развлекаться. И чтобы каждый из них поодиночке не носился по улицам и не рвал на части прохожих, для них придумали милый интеллигентный отдых.

— Это аморально! — сказал я. — И, вернее всего, вы клевещете на спонсоров.

— Никому не нужны твои любимые жабы! — Батый рассердился на меня. — Если они уберутся обратно, мы будем только счастливы...

Я даже отвернулся, чтобы не слушать, но продолжал слушать.

Возмущаясь, я уже понимал, что не прав. Их слова укладывались в узор окружающего мира. И как ни трудно признаться себе в чем-то отвратительном, нарушающем принципы, в которых ты взращен, иногда приходится смириться даже с самым худшим!

И я покорно слушал моих новых товарищей.

Разумеется, я оставлял за собой право на сомнение — я же не какой-нибудь бродяга или свалочник, я из хорошего дома! Батый, рассказывая мне, все время повторял: «Можешь проверить», я и рассчитывал проверить. Но это не мешало мне выслушать неправдоподобную версию нашего существования.

Если верить Батыю и поддакивавшему ему Гургену, в России существует, по крайней мере, два десятка гладиаторских школ, подобных нашей. Причем наша далеко не самая большая и богатая.

Возникли эти школы по той простой причине, что большинство спонсоров, обосновавшихся на Земле, были военнослужащими. Их трудно назвать солдатами, потому что они не пользовались оружием и никого никогда не убивали, но они дежурили на ракетных базах и сидели у экранов сетей всеобщего наблюдения — поддерживали порядок.

Спонсоры склонны к жестоким, даже кровавым зрелищам. Мои собеседники не знали, как и кому пришла в голову мысль удовлетворить страсть тоскующих в дальнем гарнизоне спонсоров человеческими боями...

— Я-то думаю, — сказал Батый, — это кто-то из людей приду-

мал. Я так думаю, что все человеческие подлости за спонсоров придумывают люди.

— Зачем? — спросил я. — Кому это нужно?

— А тем нужно, кому выгодно, — туманно ответил Батый, а Гурген согласно кивнул головой, как человек, слушающий уже знакомый урок.

Есть спрос — появится и предложение. Спонсоры разрешили готовить специальных бойцов, бои гладиаторов превратились в регулярные соревнования, ибо нет более организованных и склонных к порядку существ, чем спонсоры.

Создался слой населения, так или иначе связанный с гладиаторами. Это были оружейники и изготовители различных приспособлений для бойцов, кожевенники и портные, массажисты и тренеры...

Принадлежность к миру гладиаторов давала массу преимуществ. К примеру, наиболее сильным бойцам позволено было размножаться, чтобы выводить породы бойцовых гладиаторов. Они могли быть уверены, что при очередной кампании ликвидации они останутся живы.

Тут мне пришлось прервать Батыя и попросить пояснений.

— Ну как тебе сказать... — Батый не сразу нашел нужные слова. — На Земле живут сто миллионов человек. Может, больше, может, немного меньше. А когда-то было в десять или в сто раз больше. Тогда пришли «добрые» спонсоры и начали лишних людей понемножку ликвидировать...

И тут наш отдых кончился, из тени вышел Прупис, который, допивая из кувшина пиво, крикнул:

— Мальчики, на тренировку!

На следующий день наши ехали на товарищеские соревнования, и Прупис спросил меня:

— Поедешь с нами?

Как будто у меня был выбор.

Я был рад наконец увидеть, чем мы занимаемся.

Я ехал со всеми в общем автобусе. Сзади были сложены мечи, копья, доспехи — настоящие рыцарские доспехи. Я видел, как ветераны на тренировках сражались в этих доспехах — они показались мне неуклюжими.

Я сидел на приставной скамеечке, напротив меня фельдшер и раб, который должен был помогать нашим спортсменам одеваться. Трясло ужасно, потому что дорога давным-давно не ремонтировалась, да и автобус дышал на ладан.

— Новый автобус достать — надо выиграть кубок России! — сказал фельдшер, когда нас подбросило к самому потолку. Он был пожилым добрым человеком, он щурился, потому что был близоруким.

Гладиаторы сидели спереди в креслах со спинками и всю дорогу дремали или обсуждали житейские проблемы.

За последние дни мне удалось узнать многое об их жизни и внезапной смерти, я даже побывал в дальнем конце нашего хозяйства, в госпитале, который в те дни, к счастью, пустовал, но в любой момент мог пополниться. Там стояло шесть коек, застеленных белыми простынями, а еще была комната, в которой стоял стол, обитый оцинкованным железом, — я догадался, что на нем делают операции.

В то же время узнанное мною заставило меня с удвоенной энергией заниматься фехтованием и метанием камней из пращи — я понял, что лишь собственная сила и ловкость могут защитить меня. Ветераны в школах гладиаторов заботятся друг о друге, их берегут и в опасные моменты стараются ими не жертвовать. Но порой смерть не щадит и их. В большинстве случаев погибают новички.

Наслушавшись неуважительных, а то и непристойных рассказов о спонсорах, я решил, что мои дорогие господа Яйблочки не подозревали о том, что творится в некоторых дальних гарнизонах. Ведь в моем присутствии они неоднократно подчеркивали свой гуманизм, и мне не хотелось заподозрить их в лицемерии.

Может быть, я и дальше предавался бы горьким размышлениям, но зрелище за окном — совершенно невероятное — заставило меня на время забыть о спонсорах.

Мы приближались к городу Москве!

Город возникал постепенно, по мере того как мы в него углублялись. Некогда он был метрополией, то есть центром всех пороков и безобразий Российской державы. Именно отсюда исходили страшные приказы об отравлении рек и вырубке лесов. Именно в этом городе находились страшные монополии, названия некоторых из них я помнил с детства: «Гипроводхоз», «Главохота», «Главирригация», «Кремль»... Москва — это скопище сил, целью которых было уничтожение разумной жизни на Земле. Именно в Москве и в бункерах, окружавших город, скрывались и сражались до последнего отчаянные враги человечества. Это были трагические дни для всей планеты — спонсоры должны были принять суровое решение: поднять руку на разумных существ, которые оказались вовсе неразумными и стали врагами собственной планеты.

С тяжелым чувством, скрепя сердце, спонсоры приняли тогда решение, продиктованное заботой о людях: они начали уничтожать этих врагов, как диких крыс, беспощадно и окончательно, как свойственно существам с большим и щедрым сердцем. Спонсоры понимали, что человечеству не открыть дороги к счастью до тех пор, пока на пути к нему существует такое препятствие.

Сколько раз в детстве, свернувшись калачиком на круглых коленях госпожи Яйблочко, я слушал удивительные истории о героях-спонсорах, выходивших один на один против сотен коварных врагов, о том, как жертвовали собой лучшие из них, для того чтобы обеспечить людям в будущем достойное существование. Почему-то на мое детское воображение особенно подействовала картинка из старой видеокнижки — зеленый, закованный в сверкающую боевую форму спонсор из последних сил, припав на колено, отбивается лазерным штыком от орды человечков. Они — все как один оскаленные, злобные и длинноносые. Я даже помнил имя этого спонсора — Выйчуко. Он пал смертью героя, освобождая Москву от ее жителей. И то, что жители Москвы, эти злобные силы, которые мешали светлому будущему, были, как и я, людьми, меня вовсе не смущало. И мне казался прекрасным умирающий за правое дело спонсор Выйчуко и были гадки черноглазенькие, носатенькие, когтистые человечки.

Я помнил, что, когда спонсорам, несмотря на всю их отвагу, не удалось полностью ликвидировать население Москвы, им пришлось употребить в дело сонный газ — благородное и гуманное средство, умерщвляющее безболезненно и мгновенно. И даже, говорят, после этого, пользуясь таинственной поддержкой зарубежных сил и международных организаций, в подвалах Москвы остались недобитки. И с тех пор для того, чтобы не заражать окружающую местность, Москва стала как бы заповедником, куда не ходят люди, над которым не пролетают птицы и насекомые — удручающая тишина царит над этим памятником человеческому варварству...

Я это помнил и потому, что, когда сидевший напротив меня раб сказал обыкновенно: «Мытищи проехали, скоро Москва», у меня внутри все напряглось. Зачем мы едем через Москву? Как мы осмелились? У нас ведь даже нет антирадиационных костюмов.

— Нельзя! — воскликнул я.

Все в автобусе обернулись в мою сторону.

— В Москву нельзя! Там радиация. Туда запрещено! Даже одинокая птица не пролетит над центром Москвы!

Кто-то засмеялся. В школе гладиаторов уже привыкали к моим чудачествам.

— Помолчи! — крикнул Прупис. — Тебя высадить, что ли?

— Как одинокую курицу! — откликнулся Добрыня.

— Ты меньше бы слушал жабьи бредни, — сказал Батый, который сидел на одном из последних мест, рядом с Гургеном.

Я заставил себя смотреть в окно. Еще один бастион, выстроенный воспитанием и жизнью у спонсоров, рушился. Я достаточно умен, чтобы понимать, что гладиаторы не поехали бы так спокойно через радиоактивный город. Значит, лгали Яйблочки. Наверно, они лгали невинно, сами будучи введены в заблуждение плохими спонсорами.

Из леса и зарослей кустарника, что поднимался по обе стороны разбитой дороги, все чаще высовывались дома, некоторые совсем разрушенные — просто громадные груды кирпича или бетонных плит. Другие стояли, поднимаясь на несколько этажей. Меня поразил мост, под которым не было реки, а протекали какие-то полузаросшие дороги, затем справа показалась поднимающаяся над лесом странная металлическая, проржавевшая, но тем не менее величавая скульптура, которая изображала мужчину и женщину в странных нарядах, которые одновременно сделали большой шаг вперед и вскинули над головами некие предметы. Предмет в руке мужчины напоминал большой молоток, но что держала женщина, я не догадался. Далее дорога провела нас мимо обрушившейся арки, за которой в глубине виднелись какие-то крупные здания.

Я крутил головой, стараясь увидеть как можно больше. Удивительно, что я прожил до двадцати лет в довольстве и неге, полагая, что весь мир ограничивается нашим городком, универмагом, стоянкой, комнатой отдыха для любимцев, несколькими залитыми бетоном улицами и серыми куполами наблюдательной базы спонсоров на горизонте.

Уже несколько дней внутри меня все кипело, голова раскалывалась от постоянного удивления. Но главное заключалось даже не в количестве и многообразии вопросов, а в том, что почти каждый шаг ставил под сомнение мою безграничную веру в спонсоров, преклонение перед ними — черту, свойственную всем без исключения домашним любимцам.

Улицы Москвы были почти пусты, сквозь трещины асфальта росли трава и кусты, порой глубокая колея огибала дерево, выросшее на мостовой, порой и асфальта не было — впереди оказывалась яма, и ее приходилось преодолевать по непрочному дере-

вянному мосту.. Но мосты существовали — значит, кто-то по городу ездил.

Но как пешеходы, так и машины встречались очень редко. Сначала у арки я увидел собранную из частей старых машин колымагу, в которой сидел курчавый голый человек и громко пел. Колымага была нагружена досками и бревнами. Потом, уже в той части города, где лес был реже, а дома выше, я увидел патрульную машину спонсоров. Это зрелище мне было знакомо — точно такие зеркальные машины обязательно ездили вечером и ночью и по нашему городку. Помню, в детстве они меня поражали тем, что снаружи были отшлифованы до зеркального блеска. Когда такая машина едет по городу, в своих округлых боках она отражает все: и небо, и окружающие деревья, и дома. Но все в ней кажется искаженным, кривым; только поэтому и можно рассмотреть машину и угадать ее форму. Когда-то на мой детский вопрос, зачем они так делают, госпожа Яйблочко ответила, что, когда злые люди хотят стрелять в такую машину, они обязательно промахнутся.

Навстречу нам, чуть приподнимаясь над ямами в асфальте и оттого не шатаясь и не трясясь, медленно и даже торжественно пролетел патрульный мобиль спонсоров. Боковые окна были опущены, как они всегда делают в местах, где не ожидают опасности, и за ними были видны равнодушные, но не страшные на расстоянии морды спонсоров. Спонсор увидел наш древний автобус, но ничем не показал, что удивлен или заинтересован нашим появлением, как будто один кот встретил на улице другого — и разошлись.

И тут же в моем мозгу вспыхнуло очередное запрещение: людям, ради их блага, запрещается пользоваться любыми скоростными средствами транспорта, потому что они могут попасть в аварию и пострадать, а также представить опасность для других транспортных средств...

— А они разрешают? — спросил я.

— А почему не разрешать? — удивился раб.

— Но мы едем!

— Пешком мы бы до стадиона долго не дошли.

Автобус наш свернул направо, и мы оказались на площади, очищенной от кустов и деревьев, кое-где даже асфальт был подновлен — в ямы засыпана земля.

За этой площадкой располагалось здание, которое было более всего похоже на римский Колизей — так назывался древний театр в Италии, где когда-то были представления и бои гладиаторов. Он был построен так крепко, что не разрушился за две тысячи лет, прошедшие между Римской империей и счастливым прилетом спонсоров.

Огромное здание, к которому подъехал наш автобус, было в плачевном состоянии: крыша его давно обрушилась, так же как и верхняя часть стен, но и в таком виде оно являло собой внушительное зрелище.

Перед ним площадь неожиданно для глаз была оживлена. По ней передвигались как тележки со спонсорами, пешие спонсоры, так и люди, которые жались к краям площади, но тем не менее вели себя спокойно, словно имели право здесь находиться

Спонсоры были в мирной одежде — они отдыхали Может быть, неопытному взгляду все спонсоры кажутся одинаковыми и одежды их представляются схожими — ничего подобного! Спонсоры придают громадное значение тому, как одеваться, как подкрашивать морду и как двигать конечностями — это сложный и понятный лишь для своих язык, куда более выразительный и откровенный, чем слова, которые спонсоры произносят вслух. Как я уже понял, практически никто из людей в этом внутреннем потайном языке не разбирался — даже далеко не все любимцы его понимали. Но те из любимцев, кто хотел извлечь пользу из знаний хозяев, отлично чувствовали все мелкие детали поведения и настроения своего спонсора.

Глядя на спонсоров на площади, я видел, что они были несколько взбудоражены, но без озлобления, потому что готовились к лицезрению интересного зрелища.

Люди, которых я увидел, были в большинстве своем одеты в различные, порой даже вызывающе яркие одежды, и, что удивительно, спонсоры на это не реагировали. Встречались среди людей и обнаженные, но это были рабы низкого уровня — носильщики паланкинов, водители повозок, уборщики, подметальщики и продавцы воды. Зато я увидел нескольких персонажей, схожих вызывающей клоунской одеждой с моим господином Ахметом.

Как много я еще не знал и не понимал! «Сколь много мне предстоит узнать, — думал я, — и как осторожно я должен двигаться по этому пути, чтобы меня не наказали».

При виде спонсоров мне захотелось спрятаться в автобусе, но проницательный Прупис, заметив мои колебания, сказал:

— Если ты боишься, что тебя узнают, забудь об этом! Жабы вообще людей если и различают, то только по цвету одежды. Потому наши власти так разряжаются. А ты любимец, раб, животное. Как только ты оделся, сразу перестал для них существовать. Понял?

— Понял, — неуверенно сказал я.

Прупис улыбнулся и хлопнул меня по спине — от этого хлопка я вылетел на мостовую. Отдышавшись, я стал принимать у раба оружие и доспехи, мы носили их в комнату под стадионом, которая была выделена для нашей школы.

Затем туда прошли наши ветераны, за ними — тесной толпой — первогодки. Батый подмигнул мне, Гурген только скользнул черным взглядом.

— Время есть, — сказал Прупис. — Одевайтесь не спеша. Сейчас придет господин Ахмет и изложит диспозицию.

От волнения я пожелал отлить и спросил раба, знает ли он, где здесь сортир. Тот объяснил, что надо пройти по коридору до поворота налево, а там спуститься в полуподвал.

В сортире было нечисто и плохо пахло.

Когда я выходил из сортира, то, подходя к углу, услышал голоса и остановился. Не потому, что хотел подслушать, а наоборот — не желал попадаться на глаза неизвестно кому.

— Почему я должен отдавать тебе десять процентов? — спросил голос пониже, басовитее. — И не мечтай! Кто победит?

— Слушай, Жань, — ответил высокий, знакомый мне голос, — мои люди, если бы захотели, сделали из твоих котлету. Но уговор есть уговор: тебе надо набирать очки, а у меня и без того репутация высокая. Так что забудь о раскладе — пополам! А то я прикажу заняться тобой всерьез.

— Испугал! Видели мы одного такого пугальщика, — обиделся обладатель баса. — Я иду тебе навстречу только из уважения к нашей старой дружбе.

— Вот и уважай, — ответил голос Ахмета.

Продолжая говорить, они пошли прочь, и я осторожно выглянул из-за угла, а потом добежал до нашей комнаты.

Значит, они сговаривались о цене? О цене чего?

Ответ на этот вопрос я получил довольно быстро. Когда я вошел в комнату, господин Ахмет в своем клоунском наряде стоял посреди комнаты, окруженный ветеранами в доспехах и несколькими юниорами в звериных шкурах с обтянутыми толстой кожей овальными щитами в руках.

Среди юниоров я увидел и Батыя с Гургеном. Батый поднял руку, приветствуя, господин Ахмет заметил этот жест и крикнул:

— Тим, не отвлекай людей, голову оторву!

Я отступил назад.

— Значит, так, — продолжал Ахмет речь, прерванную моим появлением, — среди ветеранов будет двое раненых и один убитый. Муромец, ты встретишь сегодня почетную смерть.

Вперед после некоторой паузы шагнул Илья Муромец. Я его знал только в лицо.

— Слушаюсь, господин, — мрачно произнес он.

У меня кровь застыла в жилах.

— Тебе, Добрыня... — Ахмет был деловит и краток, — придется пролить кровь.

— Меня в прошлый раз уже ранили, — сказал Добрыня, на котором остановился взгляд Ахмета, — еще не зажило толком.

Все почему-то засмеялись.

— Ничего, потерпишь, — сказал Ахмет. — И еще ранят Соловья.

Рыцарь по прозвищу Соловей молча склонил голову. Все трое выглядели удрученными, и мне понятна была их грусть. С особенным вниманием я наблюдал за Муромцем. Мне хотелось увидеть на его лице отблеск приближающейся смерти, но увидеть это было трудно, потому что рыцарь неожиданно резко, со звоном опустил забрало.

Но откуда мог знать об этом господин Ахмет? Это умение заглянуть в будущее или сговор с противником?

В низком помещении, стены которого, видно, уж сто лет никто не удосужился покрасить, стояла гнетущая тишина. Было лишь слышно тяжелое дыхание двух десятков человек, которые, как я теперь понимал, готовились выйти на смертный бой. Я знал, мне еще Батый говорил, что в гладиаторском деле есть немало хитростей и сговоров. Но где граница между театром и трагедией жизни? Мир, в котором я оказался, был жесток, и те, кто в нем прожил много лет, этого не замечали. Мне же, в сущности гостю, жестокость и несуразность мира были очевидны.

Над нашей головой где-то в утробе громадного здания ударил гонг.

— Ну, ребята, собирайтесь, — сказал Ахмет. — Желаю счастья.

Мы с рабом, имени которого я так и не узнал, взяли по ведру с водой, а фельдшер — стопку тряпок и длинный рулон ситца, чтобы бойцам можно было умыться, напиться и, если надо, перевязать раны.

Затем раб, уже знавший дорогу, провел меня длинным коридором к выходу на арену.

Арена была велика, не менее ста шагов в ширину и вдвое больше в длину, засеяна травой. Но трава во многих местах была вытоптана.

Разумеется, мое внимание привлекло не столько поле, сколько трибуны стадиона. Они поднимались амфитеатром, окружая

его. Правда, одна из трибун обвалилась, и на ней никто не сидел, зато та, под которой мы вышли к полю, и противоположная были заполнены народом.

Зрелище, представшее моим глазам, было настолько непривычным и необыкновенным, что я запомнил его в деталях.

Первый ряд трибун был заполнен людьми в одинаковых темно-синих одеждах. На головах у них были странного рода шапки с медным позолоченным украшением спереди, в руках — резиновые дубинки. Это были милиционеры особого назначения в парадной форме — так мне объяснил фельдшер. За ними ряда два или три занимали люди, одетые ярко и вызывающе, подобно господину Ахмету. Затем, за широким проходом, по которому прогуливались милиционеры с дубинками, начинались ложи. Ложи были рассчитаны на существ, во много раз превышающих людей. В этих ложах одинаковые для человеческого глаза, зеленые, в зеленых же обтягивающих костюмах, в окулярах, предохраняющих глаза от яркого для спонсоров дневного света, сидели наши покровители — хозяева Земли.

Должен признаться, что первым моим желанием было убежать в глубь стадиона, спрятаться, затаиться — мне казалось, что своим острым взглядом, преодолев зеленое поле, кто-либо из спонсоров увидит меня, узнает и прикажет меня поймать и передать хозяевам для примерного наказания.

В то же время мой разум пытался бороться со страхом. Я понимал, что вряд ли кто-нибудь на этом стадионе увидит и узнает меня среди рабов и помощников гладиаторов, одетых, как я, кое-как постриженных и небритых.

Спонсоры сидели в два ряда — два ряда лож, два ряда зеленых чудовищ. Раньше я не задумывался о том, чудовища спонсоры или красавцы.

Сейчас я увидел их другими глазами. Они и на самом деле более всего были похожи на зеленых жаб ростом с бегемота. Рты у них узкие и большие: как откроет, может положить арбуз, как вишенку, — я сам видел. А глаза маленькие, спрятанные в мягкой складчатой ткани век. Почти все спонсоры были в темных очках, ничтожных на лице, но придающих ему еще большую неподвижность.

Выше лож никто уже не сидел — только под самым верхом маячили, широко расставив ноги, особые милиционеры.

В центре трибуны, которая была с нашей стороны, располагался оркестр, состоящий из людей. Как раз когда мы вышли, оркестр начал играть. Играл он громко, но не очень стройно, стараясь изобразить популярную в последние месяцы среди спонсоров песню «Сдвоим ряды!», которую всегда мурлыкала на кухне госпожа Яйблочко, приготовляя нам с мужем ужин. При этом воспоминании у меня вздрогнуло сердце и на глаза навернулась слеза. Где же вы — тихие мирные времена всеобщей любви и, главное, — надежности! Скажите, зачем человеку свобода, если взамен он теряет ежедневный кусок домашней колбасы?

Спонсоры зашевелились в своих ложах, некоторые стали подпевать оркестру, другие переговаривались, а так как голоса у спонсоров куда громче и резче, чем у людей, до меня доносились их слова, хоть я далеко не все мог разобрать.

— Чего они там тянут?

— Если они не начнут, я самого советника выгоню на поле!

— Всегдашняя их бестолковость!

— А что сегодня будет на вечернем разводе?

— Я ему ответил: не суйся в мои дела, я тебе не младший патрульный...

— Ты чего к нам не заходишь? Я скучаю...

Слова эти были обыкновенными, и я впитывал голоса со странной смесью неприязни и любви — язык спонсоров, родной для меня, казался благозвучным и мелодичным, хотя мне приходилось видеть людей, которые готовы были заткнуть уши при звуке их голосов.

На середину поля выехал небольшой открытый автокар, на платформе которого стоял человек с микрофоном. Человек был одет в полосатый, прилегающий к телу костюм, поверх которого — металлический жилет, на голове кольчужная шапочка,

— Начинаем! — закричал человек, поднося микрофон ко рту. — Начинаем товарищескую встречу между «Черными Тиграми» из Сокольников и «Богатырями» из Мытищ!

Зрители в первых рядах начали кричать и хлопать в ладоши, будто им объявили какую-то интересную новость, а спонсоры замолчали и замерли.

В проходе справа от нас открылись деревянные ворота, и оттуда выехали мои новые товарищи — рыцари во главе с Муромцем. Их латы сверкали под ярким солнцем, копья были подняты к небу.

Следом за рыцарями на арену вышли пешие воины с мечами и щитами. Я узнал среди них Батыя и Гургена. Кто же их противники?

И как бы в ответ на мой немой вопрос отворились ворота на другой стороне стадиона и оттуда появились совсем другие рыцари.

Как я жалел в тот момент, что не захотел читать старую книгу с картинками, которую мы с Виком отыскали вместе с другими

сокровищами в подвале разрушенного дома на окраине нашего городка! Я отлично помнил картинки в той книге. Они изображали рыцарей, несколько похожих на тех, что составляли войско господина Ахмета. А вот те, другие, были одеты совсем уж странно. На их головах красовались ведра с рогами. То есть предметы, заменявшие им шлемы, более всего походили на ведра. Впереди в ведрах были сделаны прорези для глаз. Их кольчуги прикрывались плащами, белыми и длинными, на которых были нашиты кресты, но из-под плащей высовывались ноги, обутые в железные чулки. Вот эти чудовища и вышли на состязание с моими товарищами, которые мне казались куда более красивыми — шлемы на них были коническими, и лишь вертикальная железная полоса, предохраняющая нос, закрывала часть лица, тело было покрыто кольчужной рубашкой, и на груди к ней были прикреплены небольшие щитки. Плащи у наших были короткими, красными, я готов был любоваться нашими рыцарями.

Оба маленьких войска остановились, не доходя друг до друга, словно изучая противника.

С трибун донеслись крики — люди, собравшиеся там, приветствовали рыцарей.

Судья уверенно стоял на своей платформе, а ее водитель, видно, опытный в делах такого рода, вывел машину в центр поля. Судья поднял руку, дал свисток, и его автокар быстро попятился.

Но никто из противников не сделал и шага вперед. Они начали осыпать друг друга проклятиями и угрозами.

— Ты чего пришел? — кричал кому-то Добрыня. — Вали отсюда, пока цел!

— Поешь дерьма собачьего! — кричал в ответ человек в ведре с рогами.

Голос его из-под ведра доносился глухо. Его сосед, у которого тоже на голове было ведро, но вместо бычьих рогов возвышался один — лосиный, бил железными ногами по бокам тяжелого коня и монотонно вопил:

— Забью, заколю, затопчу!

В перебранку вмешались пешие воины.

— Берегись, сокольничья шваль! — кричал Батый.

— Молчи, желтопузый! — откликнулся вражеский рыцарь, одетый похуже прочих, на ведро которого не хватило рогов, и потому он украсил шлем граблями. — А то заткну тебе халяву.

— Что? Желтопузый? — Возмущенный Батый кинулся на обидчика, хоть имел лишь щит и копье, тогда как противник был вооружен мечом и закован в латы.

Остальные участники боя в дело пока не вступали, ждали,

видно, исхода поединка и подбадривали участников его, присоединив свои крики к воплям, что неслись с трибун. Даже спонсоры, которые известны мне как крайне сдержанные существа, начали колотить жесткими слоновьими лапами по стальным загородкам своих лож.

Батый делал короткие выпады копьем и быстро отпрыгивал назад; более тяжелый его противник топал за ним, рассчитывая поразить мечом, и если это даже ему удавалось, Батый успевал подставить щит. Мне уже казалось, что наш Батый сейчас вонзит копье в тело врага — и, что удивительно, мне уже этого хотелось, как из толпы врагов выбежал еще один воин в круглом, похожем на ночной горшок шлеме и ударил Батыя сзади. Батыю пришел бы конец, если бы Гурген не заметил этого выпада, — а он, как я понимаю, ждал от врагов подобного коварства.

Гурген отбил удар, и стадион взревел — одни от радости, другие — от огорчения.

В то время я еще не знал, что под трибунами есть кассы тотализатора, и зрители делали ставки на всю команду или на некоторых ее воинов. Люди ходили туда сами или посылали своих слуг, а спонсоры, которые, оказывается, также участвовали в игре, но не могли ни по своему положению, ни по размеру отправиться к кассе, обслуживались специальными гонцами, которые дежурили за их ложами и по знаку того или иного спонсора бросались к нему за указаниями. Я видел этих людей, но не мог понять их функций — я принял их за консультантов, которые объясняют доверчивым и наивным спонсорам смысл происходящего на поле.

Теперь уже на помощь к вражескому воину кинулись все его товарищи. Лишь самые рослые и тяжеловооруженные всадники оставались на месте, следя за происходящим и ожидая того момента, когда в бой вступят наши ветераны.

Вдруг я увидел, как конец меча коснулся обнаженной руки Батыя, и в это же мгновение, будто воздух из воздушного шарика, из руки полилась кровь. Батый выронил меч и пошатнулся. Один из рыцарей в ведре с орлиным когтем кинулся к нему, чтобы нанести удар, но в бой ворвался Добрыня, отвел удар и сам стал сражаться с рыцарем. Оба тяжело дышали, и звон их мечей долетал до нашего укрытия.

— Сюда! — закричал фельдшер, выбегая на край поля и размахивая тряпкой, чтобы привлечь внимание Батыя. Тот сообразил и побежал к нам. За ним кинулся было чужой воин, но Батый был резвее, а Гурген, увидев это, тоже вырвался из схватки и догнал воина, который был вынужден остановиться и защищаться.

Прерывисто дыша, Батый добежал до нас и скрылся за деревянным щитом.

Предплечье было в крови, Батый морщился.

— Черт, — повторял он, — больно!

Фельдшер велел мне налить воды в таз, а сам намочил чистую тряпку и начал вытирать кровь — к счастью, рана была длинная, но неглубокая, раб натер ее квасцами и намочил йодом — Батый взвыл и чуть было не избил нас здоровой рукой. Фельдшер перевязал руку.

— Теперь меч не смогу держать! — Батый ругался, фельдшер насильно посадил его на скамейку, откуда-то появился Прупис, спросил:

— Ты как?

Ответил раб:

— Ничего не задето. Через неделю заживет.

Прупис больше ничего не сказал и поспешил вокруг поля туда, куда переместился центр боя.

Отвлекшись на раненого Батыя, я упустил тот момент, когда все воины столпились, и затем каждый, найдя себе партнера, стал с ним сражаться. Стадион ревел, спонсоры колотили по барьерам, агенты по ставкам носились туда и сюда, а если прибавить к этому голоса продавцов мороженого и пива, которые сновали по стадиону — угощали людей пивом, вы представляете, пивом! — то можно представить, какой бедлам царил на стадионе.

Прозвучал свисток судьи.

Нехотя, с трудом переводя дух, бойцы прекратили бой. Оказалось, сцепившись мечами, нанесли друг другу раны Добрыня и рыцарь с орлиной лапой на шлеме. Обливаясь кровью, они упали друг на друга, будто сплелись в любовном объятии, и когда судья остановил бой, он позволил фельдшеру и Прупису осмотреть рану. С другой стороны к рыцарю с орлиной лапой, потерявшему шлем и оказавшемуся ярко-рыжим человеком, спешил врач или тренер.

Прупис выпрямился и закричал, чтобы принесли носилки. Я был свободен, так что подхватил носилки и побежал через поле.

Над полем висела тонкая светлая пыль. Мне пришлось пробегать совсем рядом с врагами, и я услышал, как тяжело они дышат. Они совсем не разговаривали ни о победе, ни о раненых. Они ждали, когда можно будет продолжать бой, и надеялись, что пауза будет достаточно длинной, чтобы отдохнуть.

Добрыня, видно, потерял сознание — он лежал в луже крови, и кровь продолжала течь. Судья на своем автокаре подъехал

близко и смотрел на нас сверху. Прупис поднял голову и сказал судье:

— Не жилец!

Добрыня странно, тонко, по-детски простонал.

Я смотрел на его белое лицо и думал: тебе ведь была предсказана рана. Что это — умение заглянуть в будущее или принесение в жертву?

— Что стоишь? — прикрикнул на меня Прупис. — Каждая секунда на счету!

Я тут же развернул носилки и поставил на землю.

— На мой взгляд, его рана не смертельная, — сказал подъехавший судья.

— Я тоже так думаю, — согласился Прупис.

— Тогда убирайте скорее вашего рыцаря, — сказал судья. — Пора продолжать. Время идет.

— Ничего, продлите время.

— Публика сердится.

Только в этот момент я вновь услышал гул стадиона — он был иной: раздраженный, нетерпеливый.

Квадратный, невероятно сильный Прупис подхватил Добрыню под мышки. Голова его бессильно склонилась. Я взял Добрыню за ноги. Ноги были холодными. Мы положили его на носилки.

Нести носилки было тяжело.

Я видел, что рыцаря, сраженного Добрыней, тоже унесли на носилках.

Мы еще не успели скрыться за деревянной стенкой, как на поле вновь начался бой. Задрожала земля от тяжелой поступи рыцарей, взвыл стадион. Добрыня приоткрыл один глаз.

— Как наши? — спросил он слабым голосом.

— Не вертись, — сказал Прупис. — И так тяжело тебя тащить.

— Уж тебе-то тяжело! — проворчал Добрыня, но закрыл глаза и замолчал.

Мы втащили Добрыню за деревянную загородку. Батый сидел там на земле, прислонившись к бетонной стенке, и пил из кувшина, который раб держал у его рта.

Поставив носилки на пол, Прупис тут же повернулся к полю, его куда более интересовала судьба боя, чем жизнь Добрыни и Батыя, и мне было неприятно, что он так бессердечен.

Но, проследив за его взглядом, я невольно вперился в картину боя — да и как же иначе, если ты видишь, что твоих товарищей прижали к краю поля и теснят эти ничтожные рыцари в ведрах.

Прупис выбежал на край поля и побежал по кромке, не смея ступить на газон, потому что судья внимательно следил за таки-

ми нарушениями. Прупис кричал, давал советы, и неизвестно, чем бы закончился этот бой, вернее всего, позорным поражением и полным избиением наших «Черными Тиграми», если бы Илья Муромец не услышал Пруписа и не рванулся вперед, в самую гущу вражеских рыцарей.

Ужасные удары обрушились на него с двух сторон, он пытался уклоняться от них, но некоторые все же достигали цели. Он обливался кровью, но продолжал отчаянно махать мечом, и, воодушевленные его примером, остальные рыцари тоже двинулись вперед, и вскоре битва уже кипела в центре поля.

Но Муромец не увидел конца этой схватки. Пораженный неисчислимым количеством ударов, он наконец упал и остался недвижим.

— Как там? — слабым голосом спросил сзади Добрыня.

— Муромца ранили, — сказал я, не в силах скрыть печаль.

— Не ранили — убили, — сказал Добрыня.

В этот момент раздался долгий прерывистый свист.

Подчиняясь ему, уставшие, запыхавшиеся воины с обеих сторон расходились, словно сразу забыв о существовании противника, а судья выехал на центр поля и в микрофон объявил ничью.

Объявление судьи, не вызвавшее у меня возражений, вызвало почему-то дополнительную суету посредников и слуг, которые бегали к кассам и разносили выигрыши.

— А чего они? — спросил я Батыя, который уже подошел ко мне и вместе со мной наблюдал за завершением боя. Рука у него была перевязана, но в остальном, как я понял, рана его не беспокоила.

— Выигрыши и проигрыши. Люди и жабы ставят не только на победу — нашу или их. Тут важно, сколько убитых и раненых. Все в счет идет.

— Рука не болит? — спросил я.

— Ночью будет болеть, — сказал Батый.

С поля кричал Прупис, чтобы принесли носилки забрать Муромца.

Мы с рабом понесли их туда. Бойцы уже расходились, тащили за собой оружие, словно косари уже ненужные косы. Носилки были измараны кровью Добрыни, и мне вдруг показалось, что я снова на кондитерской фабрике, и это не люди, а гусеницы, а носилки — это транспортер, который выплевывает ползунов.

Я с трудом отогнал от себя воспоминания о запахе их крови.

Прупис помог нам положить Муромца. Тот был недвижим. Когда мы шли, его рука волочилась по пыли, Прупис обогнал носилки, поднял руку и положил ее на грудь погибшему воину.

С трибун доносились крики.

— Нами недовольны, — сказал Прупис, — кто-то проиграл... — И после паузы он добавил: — А кто-то выиграл.

— Может, его в больницу? — спросил я.

— Откуда здесь больница, мы же не жабы, — сказал Прупис.

Наше возвращение к автобусу было медленным и печальным. Добрыне помогли добраться до него товарищи. Хотя мне показалось жестоким заставлять его идти после таких ран. Муромца мы отнесли на носилках.

За нами наблюдала толпа зрителей, которые не расходились — им интересно было увидеть раненых и убитых. Из толпы кто-то крикнул:

— А вы их бросьте, чего падаль таскать!

— Заткнись, — зарычал Прупис.

Мы отнесли Муромца в автобус.

Меня удивило, что среди толпы пьяных от запаха крови зрителей я увидел двух или трех спонсоров — они стояли чуть сзади и пожирали глазами нашу скорбную процессию.

В автобусе сзади открывались двери, и я догадался, что специально для таких случаев. Мы поставили носилки, забрались в автобус.

Зрители расходились.

— Все на месте? — спросил Прупис.

— Господина Ахмета нет, — сказал я.

— И не будет, — ответил Прупис, — он делит бабки.

Раздался смех — прямо у меня из-под ног.

Я вздрогнул и чуть не свалился со стула — мертвый Муромец поднялся и сел на носилках.

— У кого-нибудь найдется закурить? — спросил он. — Я думал — подохну без курева.

Все стали смеяться, но больше не над словами Муромца, а глядя на мою пораженную физиономию. Добрыня достал серебряный портсигар и раскрыл его. Муромец оторвал кусок бумаги от старой книжки, лежавшей на полу, и свернул самокрутку. Потом закурил от бензиновой зажигалки.

Я понял, что все, кроме Батыя, здоровы и невредимы.

— Как же так? — спросил я.

— А встреча же была товарищеская, — смеялся Прупис.

— Главное, — сказал Добрыня, — чтобы зритель видел, что все без обмана.

— Я всегда боюсь людей, — сказал Прупис. — Жабы доверчивые. Для них бой — всегда бой. И смерть — всегда смерть. Они

как древние викинги — над смертью не смеются, с ней не шутят. Им даже в голову не приходит, что люди такие лживые.

Все засмеялись. Приятно было думать, что мы лживые. Нет, не вообще лживые, а лживые специально, чтобы провести этих жаб.

— Сколько мы заработали? — спросил, глядя в потолок автобуса, Муромец.

— Сколько дадут, столько и получишь.

— Ты, мастер, давно не выходишь на поле, — сказал Муромец, — ты думаешь, как в старые времена. Наверное, твой кладенец затупился.

Опять все засмеялись. И опять я понял, насколько я здесь чужой.

— Не затупился, — сказал Прупис. Он тоже улыбался.

Оказывается, ветераны получали свою долю с денег, заработанных школой. Школы сговаривались заранее, каким будет бой, сколько будет раненых и убитых. Причем на эти роли брали только ветеранов, профессионалов — их бой и их смерть должны были быть убедительными. Бывали случаи, что жульничество раскрывалось, но это плохо кончалось для школы и гладиаторов. В автобусе я узнал, что обреченные жертвы привязывали к себе грелки с краской, и умение нападающего заключалось в том, чтобы распороть копьем или мечом эту грелку, не поранив противника, но и тот должен был подставить нужное место — а в горячке боя это нелегко сделать. А вот юниоры — такие, как Батый или Гурген, которым пока не положено было настоящего вооружения и которые первыми заводили бой, — рисковали куда больше. Тут уж ничего не предугадаешь — можно было получить синяк, а то и копье под ребро. Путь к мастерству был нелегким, и никто не намеревался тебе его облегчать.

Вечером у Батыя рана разболелась — у него поднялась температура. Он стонал, ветераны спали, не обращая на него внимания, но Прупис пришел, привел с собой фельдшера. Батыю дали аспирину, вкатили успокаивающий укол, и тот вскоре заснул. Фельдшер и Прупис тихо разговаривали. Прупис сказал, чтобы фельдшер взял какие-то лекарства, но я не знал их названий — у нас дома были другие лекарства.

Я быстро привык к жизни в школе гладиаторов. Потому что всегда был занят. Беглый любимец спонсоров, домашнее животное пришельцев — мог ли я убежать? Конечно, мог бы. Но я уже понимал, что слишком мало знаю об окружающем мире, да и

могла ли быть у меня цель? Если она и была, то я сам ее не осознавал. Я должен был попасть к Маркизе. Зачем? Может быть, мне повезло, что Лысый продал меня в школу гладиаторов? И здесь я буду жить дальше и стану таким же сильным и умелым бойцом, как Муромец? Или Добрыня?

Мне хотелось бы наладить добрые отношения с Добрыней, может быть, даже подружиться с ним, но он держал меня на расстоянии. Наверное, не мог простить мне нечаянного унижения, а может быть, я просто ему не нравился.

Зато с другими бойцами, даже ветеранами, я сблизился. Не сразу, конечно, но я никому не делал подлостей, не воровал, не подлизывался к Прупису, всегда готов был помочь, если надо что-нибудь зашить или починить. К тому же я оказался хорошим фехтовальщиком — я мог вышибить меч у настоящего мастера и мог защитить товарища, если тому пришлось плохо.

Я доказал это в первом же бою, когда меня в числе других юниоров поставили в основной состав. Встреча была договорная, народу на маленьком стадионе в Люберцах было немного, спонсоров всего трое — там поблизости нет баз, а спонсоры не любят далеко отъезжать от своих городков.

Против нас выступали татары — «Пантеры Пресни», команда слабая, но опасная, потому что у них были острые кинжалы и кривые сабли, которыми можно исполосовать человека.

В разгар боя человек пять навалились на Гургена, наверное бы, зарезали, если бы не мешали друг другу и не спешили —дикие люди! Я первым успел на помощь. Я бил их плашмя широким лезвием меча и старался вышибить сабли из рук.

Троих я, кажется, обезоружил. Но помнил все время, что нельзя убивать и даже ранить в договорном матче — иначе будут большие неприятности и тебе, и школе.

Но татары, видно, в борьбе забыли, что дерутся не по-настоящему.

Один из них успел все же распороть мне щеку, я даже боль почувствовал не сразу — таким острым был его кинжал, а второй вонзил кинжал под лопатку Гургену.

Тут на помощь пришли наши ветераны — они конями оттеснили взбесившихся татар на край арены и били их плетьми.

Фельдшер выбежал прямо на поле и кинул мне белый платок.

— Прижми! — крикнул он. — Прижми и терпи.

А сам он бросился к лежавшему на земле Гургену.

Я еще не чувствовал боли и тоже поспешил к Гургену, чтобы помочь вытащить его с арены — ведь время матча еще не истекло, и татарская кавалерия, пришедшая на защиту пехотинцев, еще сражалась с нашими всадниками.

Гурген лежал скорчившись, словно замерз. Глаза его были чуть приоткрыты, фельдшер стал переворачивать его на грудь.

Спина была залита кровью, и кровь лилась обильно из разреза на кожаной куртке.

Я смотрел на него, прижимая к щеке платок, и не очень переживал, потому что полагал, что у Гургена на спине была грелка или пузырь с куриной кровью. Но тело Гургена повернулось так послушно и расслабленно, что в мое сердце закралась тревога.

— Все, — сказал фельдшер.

Раб с Пруписом притащили носилки.

Прупис хотел спросить, но фельдшер сам повторил:

— Все.

Прупис выругался, и мы все вместе положили Гургена на носилки.

Я все еще не понимал, что Гурген умер — я никогда еще не видел мертвых людей, тем более тех, кого я знал и с кем только что разговаривал.

Когда мы оттащили тяжелые носилки в раздевалку под трибуной и Гургена положили на широкую скамью, фельдшер велел мне раздеть Гургена.

Я подчинился, но забылся и отнял платок от щеки. Моя кровь начала быстро капать на Гургена, и Прупис, увидев это, закричал:

— Еще чего не хватало! Что, кроме Ланселота, некому покойника раздеть?

Слово «покойник» прозвучало отвратительно и лживо. Кто покойник? Гурген? Прупис шутит? Ведь наверняка это был договор. Гурген, такой рассудительный, тихий, сейчас откроет глаза и подмигнет мне... Но в то же время я уже знал, что Гурген умер и никогда не откроет глаз.

Я начал плакать и отошел к стене. Кровь лилась из разрезанной щеки, и вся правая сторона куртки была мокрой и липкой. Прупис подошел ко мне, взяв за плечи, повернул к себе лицом и сказал:

— Придется зашивать. Фельдшер, иди сюда. Гургену теперь некуда спешить.

Щека болела, голова болела, тошнило... Раб принес мне стакан водки. Прупис велел мне пить до дна.

— Да глотай ты! А то через порез наружу выльется.

Кто-то глупо засмеялся. Я поспешил проглотить жгучий напиток, потому что в самом деле испугался, что он польется из меня.

Потом мне велели лечь на скамью, и фельдшер, промыв мне щеку водкой, стал ее сшивать.

Добрыня подошел ко мне — в глазах у меня было мутно, и я не сразу узнал его.

— Так и надо, — сказал он. — Не суйся, салага.

— Он Гургена спасал, — сказал Батый, который стоял рядом и, когда я хотел вырваться, держал меня за руки.

— Лучше бы подождали, пока мы придем.

Добрыня был надут от сознания собственной исключительности. Почти все ветераны такие.

— Пока вы шли, — сказал Прупис, — всех юниоров у меня бы перебили. Вы хороши, когда вас вдвое больше, а так — отсиживаетесь.

— Мы? Отсиживаемся?

— Пошел отсюда, — сказал Прупис, и Добрыня ворча ушел.

На следующий день щека моя распухла, фельдшер даже боялся, что я помру от заражения крови, но заражения не случилось, хотя поднялась температура, я не спал ночь, мне было совсем плохо. И на похороны Гургена я не попал. Да и что такое похороны юниора? Закопают в землю, начальник школы или тренер скажет, чтобы земля была ему пухом, а потом всей школой выпьют водки на его могиле. Вот и все дела.

Когда делили имущество Гургена, ветераны не вмешивались — все досталось новичкам и юниорам. Мне дали его нож. Небольшой нож, ножны кожаные, потертые, клинок от долгой заточки стал маленьким, в две ладони длиной. Я носил его под курткой, за поясом, на всякий случай, и был благодарен Гургену за такой хороший подарок.

Нож Гургена мне пригодился в бою, в настоящем, календарном бою, который оказался для меня последним боем в нашей школе.

Было это осенью, началось официальное первенство Москвы, а наша школа оказалась в невыгодном положении — у нас пало три коня, в том числе любимый боевой конь Добрыни. Коней кто-то отравил, и неизвестно — то ли соперники, то ли букмекеры, которые ставили чужие деньги на команды.

Боевого коня сразу не выучишь. Таких коней отбирают жеребятами. Специально выкармливают, тренируют. Когда наши кони пали, на носу была календарная встреча. У господина Ахмета, не говоря уж о ветеранах, настроение испортилось. Проигрывать — значит скатиться вниз таблицы, а может, даже вылететь из первой лиги. А из второй лиги редко кто возвращается в первую — желающих много, а набрать денег и людей на команду высокого класса во второй лиге без спонсоров невозможно. Но спонсоры не ставят на неудачников.

Добрыня был сам не свой, лучше к нему не подходить. Он был уверен, что коней отравили наши противники «Белые Негры» с Пушкинской. Для меня все эти слова ничего не значили — я не знал, кто такие негры и почему они белые, не знал, что такое Пушкинская. А когда спросил у Пруписа, тот пожал плечами — тоже не задумывался. Только фельдшер сказал мне, что Пушкин был поэтом, он жил давно и писал стихи. У спонсоров тоже есть поэты и стихи, хотя в это трудно поверить. Поэты сидят на какой-то горе не на нашей планете и хором воют про погоду и курчавые облака. Господин Яйблочко в таких случаях хохочет до слез, а госпожа Яйблочко любит их слушать и включает, когда супруга нет дома.

В тот день я выступал вместе с юниорами. Так же, как они, я был в куртке из толстой бычьей кожи, в круглой железной каске, у меня был меч и нож Гургена. Батый и другие юниоры были одеты схоже со мной. Добрыне, Соловью и Микуле, лишившимся коней, достали подмену — только новые кони, взятые из плохих конюшен, мало на что годились.

Но ставки были велики, выиграем — сможем купить целую конюшню, проиграем — и конец школе. Так что в автобусе, который вез нас на стадион, расположенный совсем в другом конце города, на излучине широкой реки, все молчали, каждый как мог готовился к бою.

В раздевалку к нам господин Ахмет привел колдуна, чтобы он нас заколдовал. Битва предстояла настоящая, без договоренностей: если судьям или букмекерам станет известно о сговоре, нас вышибут из первой лиги.

Колдун был в черном костюме, оранжевом жилете и в синем цилиндре.

Мне его одежда показалась некрасивой — наверное, так ходили люди еще до спонсоров, но я не люблю слишком ярких красок и диких сочетаний цветов, хотя другие гладиаторы об этом не задумываются.

Колдун вытащил из перевязанного веревкой портфеля графин и несколько небольших стаканчиков. В графине была розовая жидкость. Колдун сначала прыгал вокруг графина, выкрикивая колдовские слова, а потом, когда господин Ахмет велел ему закругляться, потому что нам пора выходить, он разлил розовую жидкость по стаканчикам, и ветераны выпили, а потом недопитое оставили нам. Это был спирт, но в него было что-то добавлено.

— Надеюсь, не допинг? — спросил Прупис, пригубливая.

— Я знаю, чем рискую, — сказал колдун.

У него было длинное желтое лицо и выщипанные в ниточку брови.

Он собрал стаканчики в портфель, Ахмет дал ему двенадцать рублей, и колдун, пересчитав деньги, сказал, что мы обязательно победим.

Выйдя перед началом боя в коридор, я увидел колдуна снова — он шел рядом с другим колдуном. Они мирно разговаривали, и фельдшер, который был со мной рядом, сказал:

— А второй был у негров. Они братья.

— Интересно, что он сказал неграм? — сказал я.

— Почему ты спрашиваешь?

— А то ведь наш нам сказал, что мы победим. Значит, второй сказал неграм, что они не победят?

Мои рассуждения развеселили фельдшера.

— Чего смеешься? — спросил я.

— Кто бы ему заплатил деньги за плохое предсказание?

Я подумал немного и сообразил, что фельдшер прав, и это меня расстроило.

— А я ему поверил, — сказал я.

— Ну и продолжай верить, — сказал фельдшер. Тут мы расстались — он пошел с тренерами и рабами к кромке поля, чтобы наблюдать за боем из-за деревянного барьера, а я поспешил за гладиаторами.

Мы выстроились у широкого прохода под трибунами. Впереди, как положено для торжественного выхода, стояли конные ветераны — в латах, кольчугах, с красными щитами и копьями, затем мы — пехота.

Шум стадиона давил на барабанные перепонки. Я никогда еще не видел столько народа сразу. Может быть, здесь было тысяч пятьдесят. Как и везде, спонсоры занимали два ряда лож, опоясывающих стадион. Ниже сидели милиционеры, выше, за широким проходом, по которому носились букмекеры и агенты, шумела разноцветная человеческая публика.

Я понял, что за прошедшие месяцы я уже привык к подобным, правда, не столь масштабным зрелищам. Более того, по манерам и уверенности в себе некоторых богатых и знатных людей я заподозрил даже, что на самом-то деле правят нашей планетой не спонсоры, как полагают все любимцы, а эти вот разноцветные господа.

Впрочем, именно в этот день мне предстояло глубоко разочароваться в собственной наблюдательности и поставить под сомнение рассказы, которыми меня потчевали в школе как сами гладиаторы, так и господин Прупис.

...Судья в полосатом костюме выехал на автокаре в центр поля, и над стадионом пронесся удар гонга.

— С богом! — крикнул Прупис, поднятой рукой провожая нас на бой.

Первыми двинулись тяжелые всадники, я чуть было не замешкался, все еще подавленный шумом стадиона, но меня дернул за рукав Батый. Мы зашагали следом за всадниками.

Выйдя на поле, наше маленькое войско остановилось у его края и стало поджидать противников.

Когда они появились, я чуть было не убежал от страха — ничего подобного я в жизни не видел.

Это называлось слон.

Слон был покрыт красной попоной, к его спине была прикреплена небольшая платформа, на которой сидели три или четыре лучника.

Еще один человек сидел спереди прямо за ушами слона и управлял им, постукивая тростью по голове.

За слоном и по обе его стороны выезжали всадники в железных наплечниках и открытых шлемах. Сами всадники и их кони были обмазаны белой краской, так что алые губы и черные кружки зрачков ярко выделялись и словно были нарисованы на белой бумаге. Вся одежда всадников состояла из черных набедренных повязок. Всадники потрясали короткими копьями с плоскими широкими лезвиями, похожими на рыбин, и нестройно вопили.

В ответ на их вопли стадион также завопил — та команда была очень популярна, и за нее болели многие спонсоры. А где спонсоры, там и богачи — об этом мне уже не раз рассказывали в школе. Некоторые люди смогли стать настолько полезными спонсорам, что тем трудно было без них обойтись. Они пользовались тем, что спонсоры не могли залезть в щель или войти в дом, и им приходилось полагаться на верных людей. Было не важно, знали об этом спонсоры, или догадывались, или были настолько тупыми и наивными, что верили в бескорыстие людей. Но именно этим людям разрешалось одеваться и жить в городе, даже иметь свои машины или коней. Официально такие люди были объявлены экологически безвредными, пропагандистами чистого образа жизни, охраны природы и любви к спонсорам.

...Слон меня испугал. Арена была не столь велика, и если это чудовище быстро бегает, то оно может затоптать любого из нас.

— А чем его убивают? — спросил я.

Стоявший рядом Батый ответил:

— Его не трогают. Он — талисман, чтобы пугать таких, как ты, недоумков.

— А те, кто на нем сидит?

— Они слезут, когда надо, — сказал Батый. — Судья им оттуда стрелять не разрешит.

Мне все равно было страшновато. Может быть, Батый ошибается, может, его обманули, и это чудовище сейчас кинется на нас и вонзит в меня свои гигантские клыки?

Слон простоял на арене недолго. Наши воины кричали на него, презрительно называли свиньей рогатой, белые негры ругались в ответ, но когда раздался свисток судьи, лучники, выпустив стрелы в небо, спрыгнули со слона, и тот, потоптавшись, опустился на колени, обернув голову в сторону ложи, в которой сидели два крупных спонсора в дорогих одеждах начальников баз. Те обрадовались, застучали кулачищами о железную балюстраду, и весь стадион принялся топать, кричать, стучать кулаками и бить в ладоши. Все хотели нашего поражения. Слон покинул арену и ушел на беговую дорожку.

Потом начался бой.

Он начался обыкновенно. Мы, юниоры, выходили вперед и ругали противника, смеялись над ним, наши шутки или ругательства подхватывались висевшими над полем микрофонами и многократно усиливались, к радости зрителей. И чем скабрезней и грязней было ругательство, тем веселее вел себя стадион. За исключением, конечно, спонсоров, которые тем временем делали ставки и договаривались с букмекерами — занимались делом.

Мы сцепились с пехотой белых негров, и мне достался для схватки несильный противник: он был молод, может, даже моложе меня, мышцы у него еще не окрепли, ноги были, как палки, а плечи узкие, как у девушки. Он отчаянно махал саблей, старался пронзить меня своим копьем, но мне хватило двух минут, чтобы перебить мечом древко его копья, а затем вышибить из его руки кинжал, который он выхватил из-за пояса.

Белый негр испугался. Мне показалось даже, что известка на его щеках и лбу стала белее, чем прежде, зрачки его метались в орбитах, словно он хотел перепрыгнуть через меня. Но бежать ему было некуда. И я занес меч над его головой.

Мой противник увидел свою смерть в моих глазах и избрал единственный разумный выход — упал на колени и сдался мне в плен.

Не надо думать, будто календарные встречи гладиаторов — это сплошные убийства. Это хоть и кровавая, но игра, имеющая свои правила. На то и судья на поле. Если ты потерпел поражение в схватке, но даже не ранен, ты всегда имеешь право сдаться — только брось оружие и стань на колени. И тебя нельзя тро-

гать, как нельзя трогать раненого. Правда, для твоей команды это потеря очков, а для тех, кто ставил на тебя или команду, — потеря денег. Но правила нарушать не следует — могут дисквалифицировать всю школу. Среди гладиаторов куда выше ценится умение обезоружить и пленить врага, чем ранить. А убивать мало кто любит, смерть чаще всего бывает случайной.

Я убийцей не был, так что вывел пленного за кромку поля, и к нему подбежал помощник судьи, а я вернулся в бой, чувствуя гордость за то, что помог моей команде, и радость, что получу полсотни премию.

Правда, больше мне сражаться не пришлось, потому что стычка юниоров закончилась и в дело вступили всадники. Поднялась пыль, слышны были крики, ржание коней и стоны, звенели мечи и ударялись о щиты копья. Я знал уже, что ярость боя и стремительность движений — свидетельство лишь хорошей подготовки команд. Вернее всего, в первом тайме убит никто не будет. А во втором тайме, в общем бою, затопчут или искалечат кого-нибудь из нас, юниоров. Так что я даже кинул исподтишка завистливый взгляд на плененного мной белого негра — тот сидел на корточках на беговой дорожке, и вид у него был расстроенный. Еще бы, подумал я, в школе тебя жестоко накажут — не подводи команду!

Для него этот бой кончился.

Я тогда вдруг понял то, о чем ранее не задумывался, — оказывается, я не люблю сражаться, махать мечом и убивать других людей. Глупое, звериное занятие! Никогда мне не стать настоящим гладиатором и ветераном — как бы я ни старался. С каждым днем мне все отвратительнее срубать на учениях мечом соломенные головы чучел или часами фехтовать «с тенью».

Но долго раздумывать мне не пришлось, потому что прибежал фельдшер с ведром воды, надо было напоить воинов — я должен был прикрывать безоружного фельдшера от случайного удара.

Увидев нас, ветераны выходили из боя, протягивали, не вылезая из седла, руки — фельдшер наливал в кружку воды с солью, всадники пили, я же смотрел, чтобы на них кто-нибудь неожиданно не напал.

Обошлось. Белым неграм тоже хотелось пить, и получился, как это часто бывает в трудном бою, незапланированный таймаут. Никто из зрителей не рассердился — там, на трибунах, тоже разносили квас, а также напитки для спонсоров.

До перерыва бой шел с переменным успехом. Добрыне удалось ранить негритянского вождя, и того унесли на носилках, зато, к сожалению, в плен попал Соловей. Два противника повалили его с коня и прижали к горлу копье. Никто не успел к нему на помощь, и Соловей сдался. Это было тяжелым ударом для школы. Ведь сдавшийся в плен должен месяц отработать на конюшне у противника, и лишь потом его можно выкупить. Но бывает, что школа и не пожелает выкупать пленного — тогда он становится рабом. Но Соловья мы выкупим, это я знал. Соловей — один из главных ветеранов школы.

Основные события должны были развернуться во втором тайме. Пока что встреча шла с небольшим перевесом в пользу наших соперников, но, как я понимал, они тоже выдохлись, и если бы не слабые лошади у наших ветеранов, мы бы сломили негров и раньше. А так исход встречи был неясен.

Начался дождь. Трибуны разукрасились разноцветными зонтиками, раскрылись тенты и над ложами спонсоров. Нам же предстояло мокнуть и биться на скользкой траве по колено в грязи. Сражение обученных бойцов могло превратиться в обыкновенную отвратительную свалку.

Слон стоял неподалеку от меня, ему тоже было холодно и неуютно. Он мерно раскачивал головой, словно напевал про себя, приподнимал и опускал хобот... Его погонщик спустился на землю и присел, прячась от дождя, под брюхом слона.

Я не пошел в раздевалку, потому что знал, что там Прупис предложит всем по чарке разведенного спирта. Я же не любил этого, не успел полюбить. Мне лучше было мокнуть под дождем, чем пить эту жидкость, да и ощущение после нее мне не нравилось. Я предпочитал мерзнуть, но сохранить мозги свежими.

Может быть, в иной раз надо мной снова стали бы смеяться, как смеялись всегда, но сегодня всем было не до меня, да и пленного-то взял я, а не Муромец или Добрыня.

...Мой взгляд упал на трибуну в той стороне, где стоял слон.

Бывает так — ты еще не понял, что видишь, а в тебе уже все напряглось.

Я, может, и не заметил бы мадамку с кондитерской фабрики, если бы в тот самый момент она не поднялась и не пошла в сопровождении Лысого к выходу.

Оба были одеты ярко, в золотистых плащах с вышитыми на них черными и красными цветами. Такой плащ должен был стоить целое состояние — я уже разбирался в одеждах.

Мадамка остановилась у выхода и обернулась. Она встретилась со мной взглядом. Хоть нас разделяло не менее ста метров, я был уверен, что мадамка меня узнала. Узнав — равнодушно отвернулась. И я понял: Лысый, нарушив договоренность с Хенри-

ком, продал меня в гладиаторы с согласия своей хозяйки. Возможно, и деньги ей пошли.

Подошел наш добрый фельдшер и принес мне кружку горячего мятного чая. Я не успел допить ее, как раздалась сирена и пришлось снова выходить на мокрое поле строиться. Мне вдруг стало странно, что люди готовятся убивать друг друга. Оделись специально для этого, заточили оружие и вышли на поле, чтобы убивать. Это была почти война — только война, на которую ходят любоваться. А ведь госпожа Яйблочко сколько раз говорила мне, что любая война — экологическое бедствие, и именно поэтому первое, что сделали спонсоры, прибыв на Землю, это запретили все войны. Конечно же, война, которую мы ведем, — не совсем настоящая, и, наверное, к экологическому бедствию ее не приравняешь. И все же в нашей игре была неправильность, нарушение каких-то принципов. Мы убиваем друг друга, а остальные люди и спонсоры на стадионе делают ставки на наши жизни. А ведь над трибунами натянуты привычные лозунги: «Чистым помыслам — чистые реки!», «Хрустальный воздух — легким!», «Помни — Земля одна, так береги ее, не пей до дна!»

Эти лозунги с рождения сопровождали меня. Они были протянуты поперек улиц, по крышам домов, они составлялись из матерчатых, металлических, голографических букв; я знал их наизусть и никогда не замечал.

В таком удрученном состоянии я вышел на мокрую арену. На этот раз должно было начаться сражение ветеранов, и только когда оно закончится, в общую схватку должны вступить юниоры.

Я помню, что долго не мог сосредоточиться на суете боя — мысли убегали в сторону, глаза отыскивали в ложах спонсоров, которые переживали за события на арене, и мне неприятны были их лапы, что находились в беспрестанном движении. Желтые когти то прятались под кожей, то вылезали наружу, цепляясь в барьеры. Я понимал уже, что, если даже госпожа Яйблочко соскочит, узнав меня, с трибуны и побежит, размахивая поводком или миской с мясом, ко мне через всю арену, чтобы вернуть меня на привычную кухонную подстилку, я на это не соглашусь. Месяцы, проведенные вне дома, в значительной степени разрушили ореол, которым были окружены в моих глазах спонсоры.

Звенели, сталкиваясь, мечи, щиты тупым звоном отзывались на удары, эти звуки были мне уже привычны.

И вдруг что-то нарушилось в этой симфонии — вмешался крик проклятия... Чужая лошадь, выданная Добрыне, неудачно ринулась в сторону, упала на колени, и белый негр, сражавшийся с Добрыней, тут же вонзил копье в спину рыцаря.

Этот удар послужил как бы сигналом к нашему поражению — наши всадники попытались прикрыть Добрыню, пока Прупис с фельдшером, рискуя быть растоптанными, бежали к нему; судья свистел, стараясь вклиниться своим автокаром между сражавшимися, но белые негры, ощутив приближение победы, ничего не слышали и рвались к лежащему на земле Добрыне.

Но они не успели — Добрыню не так легко было убить. Он поднялся, сжимая в руке меч. На секунду он повернулся ко мне спиной, и я увидел, что его спина была красной — кровь лилась из глубокой дыры в кольчуге.

С радостным воплем победителя белый негр вновь занес копье — казалось, что положение Добрыни безнадежно. На стадионе наступила неожиданная тишина. Это был уже настоящий бой!

Добрыня, хоть и был оглушен ударом, смог уклониться от копья белого негра и, рванув копье за древко, дернул его к себе так, что не догадавшийся выпустить копье из рук белый негр вылетел из седла и тяжело упал на землю, застряв ногой в стремени. Другие белые негры бросились на выручку своему рыцарю, слон, подняв хобот, громко затрубил, но на пути их встал Илья Муромец, который принял на себя натиск полдюжины всадников и задержал их на секунду или две — этого было достаточно Добрыне, чтобы взмахнуть мечом и опустить его на шею белому негру.

И тут я увидел — а увидев, не поверил, как отлетает от тела человеческая голова, отлетает и катится по траве, становясь темной и бесформенной.

Добрыня, обессиленный, опустился на землю рядом с обезглавленным врагом, судья уже был рядом — он пытался разъединить своим автокаром воинов. Наши старались прикрыть раненого Добрыню, пока не подоспеют носилки. Это им удавалось с трудом, потому что белые негры были взбешены гибелью — и такой страшной — своего товарища.

И тут затихнувший было стадион разразился единым криком. Поглядев на трибуны, я увидел, как один из спонсоров перебирается через барьер. Спонсор ревел так, что перекрывал шум всех остальных зрителей. Но никто из людей, кроме меня, не понимал, что же он кричит.

— Разорил! — кричал спонсор. — Обесчестил! Все мои деньги! Такого рыцаря убил! Тебе не жить!

Я не могу точно поручиться, что я правильно перевел все его слова, тем более что он так яростно дышал и хрипел, выкрикивал свои угрозы на столь примитивном и грубом диалекте, но было ясно: этот спонсор поставил свои деньги именно на убитого не-

гра и теперь намеревался навести справедливость, как считал нужным.

Никто из людей не понял намерений спонсора, все стояли как вкопанные и смотрели на гигантское чудовище. Другие спонсоры и не старались его остановить — наоборот, независимо от того, на какую команду они ставили, спонсоры колотили по барьерам кулаками, выпускали когти и издавали радостный рев, словно все происходящее им доставляло удовольствие.

Я закричал:

— Добрыня, беги!

Я не думал, что мой крик долетит до ветерана, и поэтому сделал шаг в его сторону, потом еще шаг. Что-то удерживало меня от того, чтобы кинуться вперед. Впрочем, я и не смог бы этого сделать сразу, потому что был отделен от Добрыни белыми неграми, которые тоже остановились, глядя на бешеного спонсора и не понимая, что ему нужно.

Добрыня был единственным, кто услышал мой крик. Может, и не сам крик, он уловил мое отчаяние и страх за него.

Он постарался подняться и даже успел сделать несколько шагов в сторону носилок, которые несли Прупис и фельдшер, но в это время спонсор уже ворвался на поле и, разбрасывая в разные стороны мощными лапами встречавшихся на пути людей, кинулся к Добрыне.

Добрыня попытался уклониться, но не посмел поднять меч на спонсора — их абсолютное превосходство было впитано всеми людьми с молоком матери. Добрыня мог только отступать, выставив перед собой меч.

Под восторженный гул стадиона спонсор настиг Добрыню и несколько секунд они боролись, потому что спонсор пытался выкрутить руку Добрыни, чтобы отнять меч, но рыцарь отчаянно вцепился в его рукоять.

Никто из наших не посмел прийти к нему на помощь — все словно превратились в камни.

Еще секунда — и Добрыня был вынужден расстаться с мечом; отбросив его в сторону, спонсор вцепился когтями в шею Добрыни.

Я не знаю, почему я оказался рядом — видно, я бежал к ним все время, пока продолжалась короткая схватка за меч, не замечая, что бегу. Только так я мог оказаться рядом с ними... И все равно опоздал — Добрыня далеко откинулся назад, словно стараясь оторвать от горла когти, но когти вошли в его плоть, и из шеи уже хлестала кровь, а спонсор валил Добрыню на землю, и тот упал на спину, а спонсор рухнул на него, полностью перекрыв

своей тушей его фигуру. Я видел лишь, как пальцы рук Добрыни конвульсивно и бессильно сжимаются и разжимаются...

И в этот момент я всадил свой меч в спину спонсору.

Возможно, я хотел отрубить ему голову, а может быть, хотел лишь отогнать его — я сам не знаю, чего я хотел, потому что я не соображал — иначе бы никогда этого не сделал. Ведь Добрыню я уже не мог спасти...

Спонсор почувствовал мой удар — хоть он был и не столь силен, как я того хотел. Мой меч глубоко вонзился в его покатое плечо, и, обливаясь такой же красной, как у людей, кровью, спонсор тяжело поднялся, не понимая, что же случилось.

Я успел увидеть, что Добрыня лежит плашмя, неловко и неестественно отклонив расплющенную голову — он был мертв и похож на детскую куклу, попавшую под автомобиль.

Я не слышал шума стадиона, но думаю, что еще никогда здесь так не кричали... но только до того мгновения, когда я ударил мечом спонсора.

А после этого наступила зловещая тишина, до звона в ушах, словно люди увидели, как небо падает на землю.

Я видел, как лапа спонсора медленно опустилась к поясу (на поясе у спонсора всегда есть пистолет — господин Яйблочко только в доме его снимал). Я увидел, как спонсор вынимает пистолет — и в этот момент никто на стадионе не сомневался, что я сейчас буду убит, и, пожалуй, для всех, кроме меня, это был бы лучший выход. Был хулиган, который посмел поднять руку на благородного спонсора, был хулиган, но господин спонсор испепелил его собственной рукой.

Но среди многих тысяч, желавших такого финала этой истории и убежденных, что иного и быть не может, было исключение — я.

И потому, увидев, как спонсор выхватил пистолет и как пистолет поднимается, чтобы я успел перед смертью заглянуть в его дуло, я коротко поднял меч и быстрым, отработанным на тренировках ударом рубанул спонсора по шее — я знал, что грудь, прикрытую бронежилетом, мне не проткнуть, но место, где голова спонсора переходит в плечо, самое уязвимое. Только так можно убить спонсора.

А в тот момент я хотел одного — я хотел убить спонсора, потому что в ином случае он убил бы меня.

Спонсор икнул, медленно опрокинулся назад и упал на несчастного Добрыню.

Я стоял и смотрел на него, и в голове вяло крутилась мысль: как бы сдвинуть его с Добрыни, чтобы поглядеть, а вдруг Добры-

ня живой? Так я простоял несколько секунд, а потом раздался спасший мне жизнь крик:

— Беги! Беги, Ланселот!

Потом уж, вспоминая это мгновение, я сообразил, что кричал наш тренер Прупис — они с фельдшером были недалеко от меня, прибежали с носилками, но опоздали.

Крик Пруписа вернул меня к жизни и в одно мгновение превратил меня снова в животное — домашнего любимца, который удирает от преследующих его таких же драчунов!

Я кинулся бежать к проходу, туда, где стоял, загораживая мне дорогу, трубящий слон.

И мое бегство как бы разбудило весь стадион.

Волнами, все яростнее поднимался шум и подгонял меня.

Уже выскочив с поля и стремясь к темному квадрату выхода, я увидел бегущих мне навстречу милиционеров с дубинками в руках. На мое счастье, рядовые милиционеры на стадионе не были вооружены ничем более внушительным, чем резиновые дубинки.

Не опуская меча, я пронесся сквозь цепочку милиционеров, и они прыснули в стороны.

Слон стоял неподвижно, я миновал его и на мгновение скрылся за его тушей от взглядов спонсоров, а когда я уже был в проходе под трибунами, то обернулся и увидел, как слон, прикрывший меня, медленно падает на бок, а с противоположной трибуны в мою сторону тянутся зеленые лучи — спонсоры открыли стрельбу.

Выскочив из-под трибун, я оказался в зарослях, близко подступавших к стадиону. Это были кусты лещины, на которых уже созрели орехи. Ветви стегали меня по лицу и рукам, я не выпускал меча и уже понимал, что погоня за мной, конечно же, бросится в кусты и множество милиционеров, чьи нестройные крики догоняли меня, скоро меня отыщут.

Я пробился сквозь кущу орешника и оказался на пустом пространстве — справа и слева возвышались развалины, мимо них протянулась широкая дорога, что вела от стадиона.

Я остановился. Мне было все равно куда бежать — опасность подстерегала меня со всех сторон.

И тут справа от меня в руинах я увидел человеческую фигурку, фигурка стояла в расщелине и манила меня.

Я привык доверяться жестам. Впрочем, у меня не было выбора.

Я побежал к руинам, до которых было метров сто, не больше.

Я вбежал в расщелину. После яркого дневного света глаза ничего не видели.

Я замер. Знакомый женский голос произнес:

— Иди за мной, только осторожно — здесь камней насыпано. Дай руку.

— А ты где?

— Здесь, здесь, иди!

За спиной, приглушенные стеной, перекликались голоса.

Я протянул вперед руку и встретил тонкие пальцы. Ирка влекла меня в глубь гулкого помещения.

— Сейчас будет лестница, — сказала Ирка. — Иди, не бойся.

— Погоди, — сказал я, — я меч пристегну, а то мешает.

— Да брось его!

— Нельзя, — сказал я. — Это хороший меч.

Ирка не стала спорить.

Она не отпускала мою руку, мы спустились по лестнице. Я не помню подробностей этого долгого путешествия по каким-то туннелям, трубам, железным лестницам. Мы увязали в грязи, проваливаясь в ямы с вонючей жижей, и распугивали крыс.

Ирка была рождена в таких подземельях. Она ничего там не боялась и могла передвигаться в полной темноте.

В те минуты, когда мы шли по широким туннелям и Ирка была уверена, что я не врежусь головой в какую-нибудь балку, она говорила. Ее монолог был сбивчив, но очень интересен.

— Я под Москвой каждый туннель знаю, — говорила она. Голос ее мне был так приятен, что я готов был расцеловать эту маленькую девушку. Но я был гладиатором, я убил спонсора и отомстил за смерть Добрыни.

В тот момент я еще не понимал, чего я натворил, и думал, что мой проступок обойдется — хотя, конечно же, на спонсора нельзя поднимать руку. У меня было оправдание — по крайней мере, убедительное для меня: я только защищался. И если бы еще секунду промедлил, спонсор испепелил бы меня. Может быть, от неосознания масштабов моего преступления я ничего не сказал о бое Ирке. Я не сомневался, что она все знает. На самом же деле Ирка увидела меня лишь в тот момент, когда я выбежал из кустов. На стадионе она не была и моих подвигов не видела.

— Я же выросла тут — какая облава или уничтожение, мы туннелями уходили. Даже когда нас газами травили, спасались в метро.

— Где?

— Скоро увидишь, — сказала Ирка.

— Я ничего не увижу.

— У меня фонарик есть, — сказала Ирка.

— Так зажги его!

— Опасно — мало ли кто может быть под землей?

— Но спонсору сюда не пролезть.

— У спонсоров есть друзья.

Я почувствовал, что мы вышли в обширный зал. Голос Ирки зазвучал иначе, как бы раскатился по пустому пространству. В лицо потянуло свежим холодным воздухом.

— Мы тебя не сразу хватились, — говорила Ирка. — Думали, что ты уже у Маркизы. Как договаривались. Я приехала к ней через два дня — где мой любимец? Нет любимца. Мы послали человека к Машке-мадамке, а она говорит: «По докладу Лысого, любимец сбежал по дороге в лесу».

— И вы поверили?

— Нет, конечно, но где тебя найдешь?

— Я погибнуть мог, пока искали!

— Но ведь не погиб? — Ирка засмеялась, эхо подхватило ее смех.

— А теперь фонарик можно зажечь? — спросил я.

— Хочешь посмотреть? — Ирка включила фонарь и повела его лучом по стенам и потолку зала, в который мы попали. Может быть, на иного человека, который видел много дворцов, этот зал не произвел бы впечатления, но я даже рот раскрыл от удивления — длинный зал подземного дворца был обшит белым и светлым мрамором, там стояли колонны, на стенах и потолке была пышная лепнина.

— Почему здесь жили? — спросил я. — От кого прятались?

— Глупый, — сказала Ирка, — это станция метро. Сюда приходил поезд, люди садились в него и ехали до следующей станции.

— Подземный поезд?

— Неужели тебе твои жабы не рассказывали? — Ирка выключила фонарик, и только тут я сообразил, что не успел взглянуть на нее.

— Ничего мне не рассказывали! А почему под землей?

— Потому что на земле было много машин и они ездили медленно.

В голосе Ирки я уловил раздражение учителя, возникающее от глупых вопросов тупого ученика. Поэтому замолчал.

Ирка снова включила фонарик. Выключила. Как будто давала сигнал.

— Спускайся сюда, — сказала Ирка. — Осторожно, ногу не сломай. Дай-ка я тебе снова посвечу.

Внизу вдоль платформы тянулись рельсы. Я прыгнул, выронил меч, и он звонко ударился о рельс.

— Потише, — сказала Ирка.

Она направила луч фонарика в темный круг туннеля. Мигнула — раз, два. Выключила фонарик.

— Нет их пока, — сказала она.

— Кого?

— Наших. Они должны за нами приехать.

Она насторожилась. Вскочила. Где-то наверху послышался скребущий звук. Далеко-далеко хлопнуло, словно ветром закрыло дверь.

— Спускаются, — сказала Ирка.

— Кто?

— Менты. Видно, ты им насолил? Насолил, что ли?

— А может, случайно? — спросил я. — Кто-нибудь случайно идет.

Удивительно, но в тот момент я не вспомнил об убитом спонсоре.

Шум сверху приближался.

— Им легче, — сказала Ирка. — Они через главный вход.

Отсвет фонаря ударил в стену над нами. Слышны были голоса.

— Побежали, — сказала Ирка.

Наши преследователи появились в противоположном от нас конце платформы. Пригибаясь, мы побежали прочь.

— Стой! — раскатился по туннелю крик. — Стой, стрелять буду!

Ирка теперь бежала, светя вперед фонариком. Было трудно бежать по шпалам — если не видишь, сломаешь ногу. Мой длинный меч порой путался в ногах, норовя повалить меня. Сзади слышался шум погони: голоса, какие-то металлические удары, постукивания.

— Плохо, — сказала Ирка, остановившись перевести дух. — Они дрезину заводят — в две минуты догонят! А наших все нет!

Мы побежали по шпалам. Туннель бесконечно уходил вперед. Дыхание у меня срывалось. Сзади слышался мерный шум работающего станка.

В стене туннеля Ирка углядела нишу.

— Сюда! — приказала она.

Ниша была неглубокой, около метра, к ней вели ступеньки, внутри была запертая дверь.

— Теперь молчи.

Мы вжались в нишу, надеясь, что нас не увидят. Дрезина с преследователями приближалась. Я не знал, что такое дрезина,

но мог догадаться, что это какой-то автомобиль для поездок под землей.

Яркий свет прожектора конусом тянулся вперед, освещая туннель, ржавые рельсы, шпалы, скрытые водой, скользкие стены, потеки воды, тонкие струйки, льющиеся кое-где сверху...

— Заметят, черт возьми! — прошептала Ирка. — Они эти туннели не хуже нас знают. И наши опоздали!

Как бы в ответ на ее жалобу с противоположной стороны туннеля тоже донесся постук колес, и встречный прожектор, не такой, правда, яркий, добавил света в туннеле. Лучи прожекторов столкнулись, и обе дрезины начали тормозить — визг тормозов был так ужасен, что я постарался еще глубже забраться в нишу. Ирка высунула нос наружу и тихо ругалась. Я даже не подозревал, что девушка может знать такие слова.

Я понимал, что пассажиры обеих дрезин были ослеплены встречными прожекторами и обе стороны не готовы к стычке.

Дрезины столкнулись, так и не успев окончательно затормозить.

Практически перед самой нишей.

Раздались крики, ругательства, зазвенели мечи, раздался выстрел, еще один — вспышки выстрелов на мгновения освещали туннель, столкнувшиеся платформы, которые, оказывается, и звались дрезинами, и людей, прятавшихся за дрезины от пуль.

— Эх, пушки нет! — сказала Ирка.

— Я пойду? — сказал я. Хотя и не представлял, что могу сделать в мокром туннеле.

— Дурак, — сказала Ирка. — Тебя сразу пристрелят. Это же не бой гладиаторов. Без тебя обойдутся.

Бой у наших ног продолжался — порой пули ударялись в край ниши, и тогда я пытался затащить Ирку поглубже. Она была права — человек с мечом, оказавшийся между двух огней, будет подстрелен, как индюк.

Выстрелы гулко звучали в туннеле. Кого-то ранило, и он принялся завывать, кто-то охнул, слышно было, как, расплескав воду, скопившуюся между рельсами, туда рухнуло тело. Все это заняло секунды — пули стучали по металлу дрезин...

И неожиданно для меня от дрезины с ментами послышался голос:

— Хватит! Расходимся.

— Добро, — ответил человек от другой дрезины. — Откатывай назад.

— А стрелять не будете?

— А вы не будете?

— Мы не будем.

— Ну, смотрите!

— Давай, давай, поспешай.

Стрельба прекратилась. В свете прожекторов было видно, как обе враждующие группы взбираются на свои дрезины.

Заревели моторы дрезин, и обе, все еще соединенные лучами прожекторов, покатились назад. Казалось, они старались разделиться, оборвать светящуюся нить.

— Ну вот и обошлось, — сказала Ирка. — А я думала, что не обойдется. Счастливый ты, Тим.

Я удивился — меня давно уже никто не звал Тимом.

Я был Ланселотом.

— Меня Ланселотом в школе зовут, — сказал я. — Я под этим именем в боях выступал.

— Ланселот?

— Это был древний отважный рыцарь, — сказал я. — Он защищал обиженных и боролся со злыми волшебниками.

— Хорошо, пускай будет Ланселот, — согласилась Ирка.

Стук колес обеих дрезин затихал в глубине.

— Подождем, — сказала Ирка. — Сейчас наши вернутся. Чего менты тебя искали?

— Наверное, потому, что я убил спонсора.

Ирка ответила не сразу. Видно, решила, что ослышалась.

— Ты? Жабу убил?

— Он раздавил моего товарища, — сказал я, оправдываясь.

— А о других ты подумал?

— Так я виноват, а не другие.

— Не знаю, — сказала Ирка, спрыгивая на рельсы, — спонсоры жутко злые. Они могут заложников взять. Был такой случай, еще до тебя одного спонсора нашли мертвым. Это не в Москве было, а в Твери. Тогда они набрали заложников — человек двести — и всех расстреляли.

— Он хотел меня убить, — сказал я. — Что же было делать?

— Бежать, — сказала Ирка. — Мы должны бежать и прятаться. Мы пока слабые, и нас мало.

— Я не люблю бегать, — сказал я.

— Но пока что только этим и занимаешься! — Ирка безжалостно засмеялась.

Стук колес приближался.

За нами возвращалась дрезина.

Глава 5

ЛЮБИМЕЦ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Путешествие на дрезине показалось мне очень долгим. Может, потому, что меня подавляла и удручала бесконечность этих туннелей, страшная гулкая темнота редких, едва освещенных мраморных станций и сознание того, что все виденное мной — лишь малая часть подземного города, частично затопленного, частично разрушенного, но в большей своей части сохранившегося.

Этого я, конечно, тогда не знал, но масштабы подземного города мог ощутить, не подозревая еще, что эти подземелья не раз еще дадут мне приют.

У дрезины был бензиновый мотор, но так как с топливом было плохо, большую часть пути мы ехали, пользуясь мускульной силой, качая рычаги, соединенные с колесами, — как бы тащили сами себя за уши.

В основном в этой части подземного мира рельсы сохранились прилично — только в одном месте пришлось остановиться перед уходящим вперед озером, на краю которого рельсы обрывались. Два человека спрыгнули с дрезины и вытащили из воды отрезок рельса — оказывается, его нарочно убирали, чтобы остановить милиционеров, ловивших жителей подземелья.

Разговаривали на дрезине мало — спешили доставить раненого к своим. Ирка кое-как перевязала его в темноте, на ходу, но рана, видно, была серьезной, и раненый стонал.

От темноты и однообразной тряски я задремал. Меня растолкала Ирка.

— Пора, — сказала она. — Приехали.

Замедляя ход, дрезина выехала из туннеля в невероятных размеров дворец, освещенный слабо и таинственно.

Непонятным для меня образом туда поступало электричество.

Дрезина затормозила у платформы, раненого понесли на руках к низкой двери у начала платформы, а я вышел в зал, о подобном которому мог лишь мечтать какой-нибудь древний король. Могучие, но легкие колонны, расширяясь, вливались в своды потолка, и они были подобны могучим дубам в лесу — лишь вместо неба я увидел мозаичные картины, очевидно, изображавшие исторические сцены.

В одном конце зала начиналась и вела наверх широкая дворцовая лестница — по ней Ирка и повела меня. Через тридцать

ступеней мы оказались в другом зале меньшего размера. Здесь Ирка оставила меня, велев ее дожидаться.

Я присел на корточки у стены и положил свой меч на каменный отшлифованный пол, стараясь не шуметь — такая торжественная тишина царила в том дворце.

Ждал я недолго. Нельзя сказать, что дворец был совершенно пустынным. Я слышал, как подъехала еще одна дрезина и по лестнице взбежали три тепло одетых человека, не обратившие на меня внимания. Затем по крутой узкой тройной лестнице вниз сбежал милиционер без фуражки, прижимавший ко лбу окровавленный платок.

Меня клонило в сон, но, как назло, стоило мне смежить веки, как сразу перед глазами вставала громада спонсора, достающего пистолет, чтобы меня убить. Я снова кидался на него с мечом и просыпался...

Я не знаю, сколько прошло времени, прежде чем меня растолкала перепуганная Ирка.

— Вставай! — закричала она. — Ты что, с ума сошел? Ты что наделал?

— Я? Я ничего...

— Ты столько людей подставил!

— Да ты скажи толком!

— Сейчас скажу, сейчас скажу, сейчас узнаешь! — Голос ее звучал угрожающе.

Она втащила меня в дверь, за которой был белый коридор. В конце его стоял вооруженный автоматом человек в кожаном костюме. Ирка не стала отвечать на его вопрос, оттолкнула его, и мы оказались в комнате.

В креслах вокруг низкого овального стола, на котором стояли бутылки и стаканы, расположились Маркиза, надсмотрщик Хенрик и незнакомый мне клоун, похожий на Ахмета. Ирка остановилась в дверях, не отпуская моей руки.

— Он ничего не понимает, — сказала она решительно. — Он совершенный и законченный идиот.

— Погоди, не все сразу. — Маркиза, не вставая с кресла — в кресле она была куда больше похожа на красивую женщину, — протянула мне руку с очень длинными пальцами. — Положи на пол свой меч. Садись, любимец. И расскажи сначала, что ты натворил на стадионе.

— Все же видели, — сказал я. — Это был честный бой. Он раздавил Добрыню и хотел меня убить. А я не люблю, когда меня убивают.

— Как ты заговорил, — ухмыльнулась Маркиза. — Еще недавно был щенок щенком.

— Прошло почти полгода, госпожа, — сказал я, — полгода, как я — гладиатор.

— И ты убил спонсора?

— Я защищался.

— А потом?

— Он убежал, а я его увидела, — сказала Ирка.

— Значит, ты не знаешь, что было дальше на стадионе? — спросила Маркиза.

— А что?

— К счастью, я сидел у самого выхода, — сказал Хенрик. — Иначе бы не уйти. Спонсоры приказали милиции оцепить стадион, чтобы никто не убежал.

— Значит, вы видели, как они по мне стреляли! И слона убили!

— Мента перевязали? —спросила Маркиза.

Хенрик открыл дверь во внутреннее помещение. Вошел виденный мною милиционер, голова его была обмотана бинтом.

— Где кассета? — спросила Маркиза.

— Кассета здесь.

Он вытащил из-за пазухи кассету и протянул поднявшемуся Хенрику.

— Болит голова? — спросила Маркиза.

— Плохо, — сказал человек.

— Тебя не засекли?

— Им было не до меня.

Хенрик подошел к телевизору с большим экраном, стоявшему в углу. Вложил кассету в плеер. Все молчали.

Хоть никто об этом не говорил, я уже понял, что каким-то образом эти люди записали то, что произошло на стадионе.

Хенрик включил телевизор.

Мы смотрели на стадион сверху.

— Мы включили только в конце, раньше не было нужды, — сказал милиционер.

— Вижу, — сказала Маркиза.

Камера быстро спускалась вниз. И я увидел лежащего на земле мертвого спонсора. И себя — только маленького. И слона, стоявшего у кромки.

Звука не было, только чуть-чуть шуршала пленка.

Я увидел себя: вот я бегу с поля; спонсоры рвутся с трибун, вытаскивая пистолеты. Я увидел, как зеленые нити протянулись от пистолетов на трибунах к разбегающимся с арены гладиаторам.

Некоторые падали. Мне показалось, что я вижу, как упал Батый.

Несколько лучей вонзились в слона. Слон покачнулся и упал на колени, он старался поднять хобот, но тот его не слушался. Слон медленно лег на бок и замер. В комнате все молчали, не отрывая взгляда от экрана. Видно было, как зрители — ярко одетые люди, — пригибаясь, бегут к выходам, толпятся там, но милиционеры не пускают их, блокируя выходы. Ворота с арены и выходы медленно закрываются толстыми решетками.

— Чего они хотят? — спросила вслух Маркиза.

Никто ей не ответил.

Люди на стадионе устремились к решеткам; видно было, как они размахивают какими-то книжками и пропусками, видно, подтверждающими их особый статус или высокую должность. Милиционеры также остались внутри стадиона, и некоторые из них, сообразив, что попались в ловушку, приготовленную для зрителей, также принялись трясти решетки.

Выходы были открыты лишь в ярусе лож, где сидели спонсоры.

По сигналу они как один поднялись и направились к выходам. Некоторые наиболее сообразительные из людей, перелезая через барьеры, устремились к ложам, но спонсоры были к этому готовы. У каждого из выходов до последнего момента оставался один из них, который хладнокровно расстреливал тех, кто приближался к барьеру. Тех, кто все же смог достичь лож, спонсоры добивали кулаками.

Немота картины никак не уменьшала ужас, овладевший нами, когда мы видели, как люди давили друг друга об решетку.

— Но зачем, зачем? — крикнула Ирка.

— Молчи, — сказал Хенрик.

Одна за другой опустились решетки на ярусе лож.

Теперь на стадионе оставались только люди.

Они еще старались выбраться — кто-то взобрался на самый последний ряд, но прыжок оттуда означал безусловную смерть — пятьдесят метров до асфальта.

И тут я увидел небольшой вертолет странного лилового цвета с яркой желтой полосой вдоль фюзеляжа.

Он опустился над стадионом.

Из-под него к земле устремились конусы какого-то пара или газа, пар был бесцветен, но не совсем прозрачен, и через минуту вся чаша стадиона была уже заполнена белесым киселем.

Кисель медленно оседал, как будто превращался в жидкость, и по мере того, как обнажались ярусы стадиона, мы видели неподвижные тела людей — какие разноцветные одежды!

Потом газ собрался в лужицы на зеленой траве арены. И там лежал слон, рядом — его погонщик, далее лежали все мои товарищи по школе гладиаторов: и добрый фельдшер, и Прупис, и раб, который приносил напиться холодной воды. И там же лежали тела белых негров. И на всем стадионе не осталось ни одного живого существа...

Мы молчали.

Потом Хенрик сказал мне:

— Сколько же ты людей погубил!

— Я никого не убивал!

— Достаточно было одного спонсора.

— Они мстили за него? — Я только в тот момент связал свой поступок с трагедией на стадионе. Как ни странно — я раньше об этом не подумал.

— Нет, дурачок, — сказала Маркиза. — Они никому никогда не мстят.

— Тогда я не понимаю!

— Ни один живой свидетель не должен знать и даже подозревать, что человек может, имеет право и возможность убить спонсора. Никому они не мстили. Они без всяких особых чувств, без ненависти и коварства, расчетливо и спокойно ликвидировали всех свидетелей до последнего, — сказала Ирка.

— Теперь они будут искать тебя, пока не перероют всю землю, — сказал Хенрик.

— Пленку надо будет размножить, — сказала Маркиза, — и разослать по всем ячейкам.

— Не спеши, — сказала Ирка. — Мы подумаем, как сделать лучше. Пусти еще раз пленку. Я боюсь, что среди них были знакомые.

— Сейчас, только перемотаю назад, — сказал раненый милиционер.

— Какие сволочи! — сказала Ирка. — Я бы их всех своими руками растерзала!

— Успеешь, — сказал Хенрик, — всему свое время.

— Пусти пленку вдвое медленней, — попросила Маркиза.

Загорелся экран.

— Тим, — сказала мне Маркиза, — подвинь мое кресло к экрану.

Я подчинился. Кресло было тяжелое, но на колесиках. Как только я его сдвинул с места, оно рыскнуло в сторону. Маркиза схватила меня за руку длинными холодными пальцами.

— Не так шустро!

Она смотрела на меня смеющимися глазами, а я старался не видеть ее маленького туловища и ссохшихся ножек.

Маркиза отвернулась от меня и словно забыла.

Мы снова смотрели, как люди стараются убежать со стадиона, как они бьются о решетки.

— Стой! — приказал Хенрик. — Останови изображение.

Картинка на экране замерла.

— Видишь? — спросил он.

— Это Шептицкие, — сказала Маркиза. — Они с собой взяли на стадион девочку.

Маркиза дотронулась длинным пальцем до экрана.

— А кто справа? Это Ванда Ли?

— Не может быть!

— Конечно же, Ванда, у нее помолвка в декабре.

— Не будет помолвки.

— Сволочи! — повторила Ирка. Она стояла рядом со мной. А я так устал, что смотрел на дергающееся изображение на экране, уже не понимая, что там происходит. У меня глаза смыкались. И если бы не голод, я бы уселся здесь в уголке и заснул.

Вдруг Маркиза резко обернулась ко мне.

— Уведи его, — приказала она Ирке. — И ты тоже поспи. На тебе, Ирка, лица нет.

— Пошли, — сказала Ирка.

Я был благодарен Маркизе. Я сказал:

— Спасибо.

Но меня никто не слышал, потому что Хенрик вдруг воскликнул:

— Смотрите, смотрите!

— Не может быть! — ахнула Маркиза.

Они столпились у экрана, увидев кого-то близкого им.

Ирка потянула меня за руку.

Мы вышли из двери и прошли по коридору. Ирка толкнула дверь слева, и за ней обнаружилась небольшая комната, в которой стояло несколько коек, покрытых серыми одеялами.

— Здесь отдыхает караул, — сказала Ирка. — Но сейчас их нет. Выбирай любую постель.

Я не стал выбирать. Я положил меч на пол возле ближайшей койки, рухнул на нее, закрыл глаза и вместо того, чтобы заснуть, начал вновь мысленно прокручивать перед глазами сцену моего боя со спонсором. Я слышал, как Ирка присела на соседнюю койку.

— Ты спи, — сказала она, — не ворочайся. Ты лучше посчитай до ста. Ты считать умеешь? А то я тебе посчитаю.

— Я умею.

— Тогда считай.

— Не хочу.

— Надо обязательно поспать. Мы же не знаем, когда будем спать в следующий раз.

— Как ты меня нашла?

— Искала, вот и нашла! Спи!

— А что ты на кондитерской фабрике делала?

— Воровала.

— А что воровала?

— Много будешь знать, скоро состаришься.

— Дай руку, — сказал я.

Не открывая глаз, я протянул в ее сторону руку ладонью кверху, и она положила на ладонь свои пальцы. Я знал, что у Ирки обломанные короткие ногти, и руки все в ссадинах и царапинах, а мизинца на левой руке нет.

— Спи, — сказала Ирка.

— Жалко спать.

— Хочешь, я тебя поцелую? — спросила Ирка.

— Хочу.

Я открыл глаза. Ее глаза были совсем близко от моего лица. Она склонилась, и я, подняв другую руку, схватил пальцами ее горячий затылок, чтобы сильнее ее поцеловать.

Ирка вырвалась, она сделала вид, что рассердилась.

— Раздавить меня хотел, да? Нельзя так сильно, — сказала она. — Это не любовь, а больно. Тоже мне, любимец!

— А что любимец?

— Я раньше думала, что любимцы все такие нежные, завитые, мытые, у меня была подруга, ты ее не знаешь, она была знакома с одним любимцем, не здесь, а на болшевской базе спонсоров. Она с ним встречалась. Она говорила, что он такой нежный, она так переживала, когда хозяева его увезли.

Сон подкрадывался ко мне. Мне было уютно и тепло. Ирка была такая глупая, но очень хорошая. Она погладила меня по голове.

— Ты не завитой, — сказала она.

Мне хотелось спросить, был ли у нее кто-нибудь раньше, до меня. И мне даже показалось, что я спрашиваю. Но на самом деле я уже спал. Правда, догадался я об этом, только когда Ирка начала расталкивать меня, тормошить:

— Просыпайся, надо идти. Ты слышишь, что надо идти?

Маркиза ждала нас в длинном роскошном зале подземного дворца — станции метро. И люди когда-то ходили по этому дворцу, не замечая окружающей роскоши. «Кто же правил нашей страной, если только для того, чтобы проехать на поезде, воздвигались такие дворцы?» — спрашивал я себя.

Маркиза сидела в кресле на колесиках.

Пока мы спускались к ней в зал, я успел спросить Ирку:

— А почему она не ходит?

— У нее ноги слабенькие, — сказала Ирка.

Еще один перегон по черному туннелю — он показался мне бесконечно долгим, и дрезина остановилась у перрона следующей станции. Она была так же скудно освещена, как и предыдущая. Не помню, как она выглядела, — в любом случае скромнее и меньше первых из увиденных мной дворцов, — но название ее я запомнил — по стенке туннеля напротив платформы были выложены буквы, которые складывались в слово «Сокольники». Из этих мест, наверное, происходила команда гладиаторов, с которой сражались мои богатыри! И тут мне стало грустно, так, что заныло в груди: я никогда больше не увижу своих товарищей, не буду опасаться грубого Добрыню, не смогу поговорить со скромным, тихим Батыем, не сделаю новой плетки Прупису...

— Не задерживайтесь, — обернулась к нам с Иркой Маркиза, ее коляску уже выкатили на платформу, подкатили к лестнице, охранники подхватили кресло с двух сторон и быстро стали подниматься. Я был налегке, не считая меча, и то с трудом догнал этих здоровяков.

Когда я совсем запыхался, впереди показался дневной свет. Мы быстро прошли еще одним коридором, затем — два пролета лестницы — и сразу оказались наверху.

Я за последние часы так отвык от дневного света, что пришлось зажмуриться.

Потом я открыл глаза и осмотрелся.

Мы стояли на широкой площади, по сторонам которой возвышались руины некогда высоких строений. Слева была видна почти целая церковь, а впереди — густая зелень больших деревьев. Туда вела частично расчищенная прямая дорожка.

Вокруг — ни души.

Охранники покатили кресло с Маркизой по дорожке к высоким деревьям. Мы шли сзади. Я больше не задавал вопросов. Придет время, мне ответят. Ирка протянула мне руку, она не понимала, почему я отстаю. А мне интересно.

Я ведь никогда в жизни не ходил по Москве. Прупис не отпускал в город юниоров, а на соревнования нас возили на автобусе.

Я понимал, что Москва когда-то была гигантским городом —

ты едешь по ней целый час или больше, и из зарослей все так же вылезают зубы многоэтажных домов...

В кустах справа от нас что-то зашевелилось.

Охранники тут же отпустили поручни кресла и схватились за пистолеты. Темное тело ломилось сквозь кусты.

— Не стрелять! — приказала Маркиза. — Нельзя привлекать внимание.

— Уйдет, — с сожалением произнес Хенрик.

— А кто там? — спросил я.

Мне никто не успел ответить, потому что из кустов на открытое пространство вывалился облезший, вовсе нестрашный на вид небольшой бурый медведь. Чем-то он был разозлен, потому что не побежал прочь, а остановился на нашем пути— и заурчал, медленно поводя головой.

Все замерли — медведь перекрывал дорогу. А стрелять охранники не смели.

— Черт возьми, был бы я помоложе, — сказал Хенрик у моего плеча.

— Тим! — ахнула Ирка. — Ты куда? Стой!

Но я уже шел вперед, потому что кроме меня некому было прогнать медведя. И у меня был настоящий боевой меч, которым я свалил спонсора. Мне было не страшно, и я не чувствовал себя героем — медведь был невелик, а я неплохо владею мечом.

Медведь словно ждал боя — он вызывал меня на поединок. При моем приближении он поднялся на задние лапы и страшно зарычал.

Я пошел медленно вперед, приподняв меч и отыскивая глазом место на груди медведя, куда следовало вонзить конец меча, — его сердце. Сердце мое билось спокойно — я ощущал холодное счастье охотника, который идет против достойного соперника.

Я чувствовал, как замерли, стараются не дышать люди сзади меня.

Вот оно, место — под левой лапой!

Мы сближались — сейчас надо будет сделать выпад, не ожидая, пока медведь бросится первым...

Но тут медведь повел себя совсем не так, как следовало вести себя могучему хищнику.

Он снова опустился на передние лапы, но шустро повернулся и, подбрасывая облезлый зад, кинулся в чащу.

Я с сожалением опустил меч. Словно это я струсил, а не медведь.

Мне показалось, что я выгляжу смешно.

Сзади зашевелились, заговорили.

— Спасибо, Ланселот, — сказала Маркиза.

Я обернулся и пошел к креслу.

— Славно ты его шуганул, — сказал Хенрик.

При свете дня было видно, какое у него бледное, нездоровое лицо, все изборожденное тонкими морщинками. И волосы редкие, серые. Здесь, при безжалостном блеске дня, все выглядело иначе, чем в подземелье при неярком свете ламп. Не изменилась лишь Ирка — ее-то я уже видел и днем, и ночью. Она была бледной, через веко по щеке шрам, губы разошлись, и видно, что выбиты передние зубы... Но Ирка мне нравилась такой, и перемен в ней не было. А вот Маркиза, королева полумрака, многое потеряла при свете дня. Кожа ее была землистой, губы потрескались, словно она их искусала, под глазами темные пятна, а на висках — голубые жилки.

Только глаза не изменились — они так же смеялись, хоть я мог дать голову на отсечение, что Маркиза прочла в моих глазах разочарование, и это ей было неприятно.

— Подойди ко мне! — приказала Маркиза.

Я подошел, волоча за собой меч.

— Ты мой герой, — сказала Маркиза. — Я благодарна тебе. Наклонись.

Я наклонился.

— Еще ниже! — В голосе прозвенел металл. — На колено!

Она схватила тонкими пальцами мою голову, привлекла к себе и поцеловала меня в лоб.

— Ты молодец, — сказал Хенрик, когда я поднялся с колен. — Если бы я был помоложе, я бы тоже постарался.

— Не выдумывай! Ты бы сбежал, — сказала Маркиза.

— У меня был боевой меч, — сказал я, чтобы защитить Хенрика. Он мне нравился, а Маркиза несправедливо обижала его.

Ирка молчала.

— А теперь быстро вперед! — приказала Маркиза. — Мы опаздываем.

Мы без приключений добрались до больших деревьев.

— Это парк «Сокольники», — сказал Хенрик, будто я спросил у него, куда мы пришли.

— Парк? — спросил я.

— Это место, куда ходили гулять.

Я с трудом сдержал улыбку — представьте себе человека, который добровольно пойдет гулять в темный лес, где таятся звери, русалки, вампиры и всякая нечисть!

Справа была открытая площадка, и я увидел на ней малый

спонсорский вертолет. На таких спонсоры отправляются по делам.

Мы прошли мимо вертолета и оказались под высоким, коегде обрушившимся навесом. Со всех сторон к нему подходили деревья, потому под навесом было полутемно, и я не сразу увидел, что нас ждет спонсор.

* * *

Я замер от мгновенно охватившего меня ужаса. Событие, случившееся на стадионе, уже полностью выветрилось из моей головы — ведь там я действовал в горячке боя, в страхе за себя и в гневе за Добрыню. Сейчас же все вернулось на круги своя, и я сразу вновь почувствовал себя любимцем, которого можно наказать или оставить без обеда. Я остановился раньше, чем кресло Маркизы. И мне страшно хотелось, чтобы спонсор не увидел меня, а увидев, не узнал. И мне захотелось выкинуть меч, как страшную улику.

«Они сейчас выдадут меня! — возникло во мне страшное понимание. — Я попал в ловушку! Они выдадут меня, и спонсор меня растерзает, а их за это наградят».

Я стоял рядом с Иркой. У меня ослабли колени.

Хенрик шагнул вперед.

— За нами не было слежки, — сказал он.

— Я верю, — сказал спонсор. — Сегодня плохой день.

— Куда уж хуже, — сказала Маркиза.

Спонсор медленно вел головой, рассматривая нас.

Как и все спонсоры, вне дома он был в маленьких черных очках, и это выглядело комично.

Это был высокопоставленный спонсор. С тремя полосами на лбу и оранжевым кругом на груди. С двумя полосами я видел один раз — он приезжал в гости к соседу, и все спонсоры говорили об этом несколько дней. А с тремя полосами — таких не бывает! Это все равно что увидеть младенца с двумя головами. Оранжевый круг указывал на то, что спонсор принадлежит к Управлению экологической защиты. Госпожа Яйблочко много раз мечтала вслух, чтобы господина Яйблочко перевели в Управление. Там совершенно другие условия!

— Сийнико, кто приказал убить людей? — спросила Маркиза резко, словно имела право спрашивать. Маленький человек, говорящий таким тоном со спонсором, казался мне щенком, лающим на тигра. Щенок глуп, а Маркиза умная. Но вопрос ее был нагл, невыносим, недопустим, потому что все мы знали, что убить людей приказали спонсоры. И вопрос об этом был задан

спонсору. Я невольно схватился за рукоять меча, ожидая, что спонсор растерзает Маркизу. Но спонсор был совершенно спокоен. Более того, прежде чем ответить, он медленно осел на землю, так что теперь его голова была на одном уровне с моей, и Маркизе не надо было так закидывать голову, говоря с ним. Если вы никогда не встречали спонсора, вы можете удивиться, глядя на такое поведение. Но я знаю, что для спонсоров не существуют такие понятия, как «стыд», «неловкость». Спонсор не может сказать: «Так не принято». Принято все, что удобно.

— Ты догадываешься, — сказал спонсор.

— Неужели нельзя было остановить?

— Меня не было там. И никого из моих людей там не было. Удар был неожиданным, формально они правы: закон превыше всего. Спонсора убить нельзя. Если кто-то видел это — он наказывается смертью. Для блага других. Потому что, если люди увидят, как убили спонсора, они захотят убить других спонсоров.

— И ты в это веришь? — спросила Маркиза.

— Разумеется. Любое господство может держаться только на законе. С другой стороны, я отлично понимаю, что произошла роковая ошибка. Погибли не те люди. Поэтому будем надеяться, что никто об этом не узнает.

— А как ты это себе представляешь? Люди ушли из дома на стадион. А со стадиона приносят их трупы. Как ты себе это представляешь?

— Несчастный случай, — сказал спонсор. — Никто не знает причины.

— Ты так наивен?

— Ни один свидетель нападения на спонсора не ушел.

— И ты в это веришь?

— Да, — твердо ответил спонсор, но очки его уперлись в меня, и по тому, как вздрагивает вена на шее у спонсора, я понимал, насколько он взволнован и неуверен в себе. Интересно, понимают ли это мои спутники?

По знаку Маркизы Хенрик сделал два шага вперед и протянул спонсору видеокассету.

Тот взял кассету, и она исчезла в его лапе.

— Что это? — спросил он.

— На этой кассете записано все — с первого до последнего момента.

— Вы запустили летающий глаз? Почему? И его не заметили?

— Твоим друзьям было не до того. Ты знаешь, что заодно уничтожена половина московской милиции?

— Это ужасно, — сказал спонсор. Он приоткрыл кулак и поглядел на кассету.

— Как ты понимаешь, это не последняя копия, — сказала Маркиза.

— Понимаю, — сказал спонсор. Он был удручен. Под навесом воцарилось молчание. Все ждали, что еще скажет спонсор.

— Как ты понимаешь, — сказал он наконец, обращаясь к Маркизе, — те, кто сделал это, — сделали это сознательно, потому что они враги нашего сближения с людьми.

— Знаю, — сказала Маркиза. — И была удивлена тем, что ты защищаешь их.

— Я один из них. — Спонсор Сийнико улыбнулся — кожа на лбу собралась в ком. — Мои интеллектуальные соображения, мой разум, моя убежденность в том, что мы сможем удержать Землю, только если будем сотрудничать с лояльными людьми, — все это отступает на второй план, если возникла угроза моей расе.

Под навесом воцарилось молчание. Его нарушила Маркиза.

— Мне важно знать, — сказала она, — было ли это действием взбешенного идиота или бессердечного законника? А может, за этим стоит Айлетико, то есть это сознательная акция и отныне ваша политика изменилась?

— Я не могу ответить на этот вопрос, — сказал спонсор Сийнико. — У меня нет доказательств.

— Ты должен узнать. В зависимости от решения этой задачи мы будем вести себя различно.

— Не спешите.

— В наших руках есть козыри.

— Ты уверена, что это козыри?

— Вы хотели, чтобы погибли все, кто видел смерть спонсора. Вы пошли даже на то, чтобы отравить половину московской милиции....

— Ты знаешь, что я не имею к этому отношения!

— Но несешь ответственность!

— У нас разные принципы морали, — сказал спонсор, — поэтому нам трудно разговаривать.

— Случившееся невыгодно для вас, независимо от ваших принципов. Существует пленка с записью преступления.

— Продолжай. — Сийнико насторожился.

— У нас есть и другой аргумент.

— Знаю. — Спонсор Сийнико погладил лапой гребень, он был доволен своей сообразительностью. — Знаю, что за твоей спиной стоит гладиатор, который и совершил преступление. К моему удивлению, тебе удалось его заполучить. Поэтому у меня есть подозрение, что все произошедшее на стадионе задумано и исполнено тобой, Маркиза!

— Не говори глупостей, Сийнико.

Меня буквально поражал тон, в котором шла беседа. Собеседники разговаривали словно приятели. Я никак не мог понять, каковы же в действительности отношения между немощной Маркизой и гигантским спонсором. По крайней мере я был уверен в том, что Маркиза его не боится или умело делает вид, что не боится.

— Гладиатор, подойди ко мне, — сказал господин Сийнико.

Я взглянул на Маркизу.

— Иди, не бойся, — сказала она.

— Я не боюсь, — сказал я, но я боялся, потому что был любимцем и знал, что, когда хозяин зовет тебя, ты должен покорно идти, даже если тебе предстоит трепка.

— Скажи мне, — сказал спонсор, упершись мне в глаза непрозрачными черными очками, — ты знал Маркизу раньше, до того, как стал гладиатором?

— Я видел ее, — признался я.

— Ты сделал все по ее приказу? — Черные очки скрывали глаза. Это было неприятно. Я не мог удержаться от ответа, хотя и не хотел ему отвечать.

— У меня не было приказа. Я защищал Добрыню.

— Прекрати допрос, Сийнико, — услышал я голос Маркизы. — Мы ничего от тебя не скрывали. Ланселот может стать главным козырем в игре.

— Я понимаю, — согласился спонсор, — но я бы на твоем месте не стал его укрывать.

— Почему?

— Он как горячая картошка. Схватишь — обожжешься. Его сейчас ищет вся милиция.

— То, что от нее осталось?

— Не надо недооценивать. Его фотографии есть у всех милиционеров и тайных агентов. Подозревают, что он укрылся в метро.

— Успели!

— Я тебе советую — расстанься с Ланселотом.

— А ты думаешь, почему я взяла его с собой?

— Чтобы показать мне. Может быть, чтобы шантажировать меня.

— Глупый. — Маркиза улыбалась ему. — Я хотела, чтобы ты взял Ланселота с собой и скрыл его. Пока.

— Ты с ума сошла! Это преступление!

— Не первое и не последнее преступление. За дружбу со мной надо платить. Мы с тобой в одной лодке, спонсор.

— Но мне некуда его деть!

— Именно ты можешь это сделать. Ты знаешь, кем был Ланселот до того, как попал в гладиаторы?

— Как я могу знать, если он не из хорошей семьи?

— Он совсем не из семьи.

— Из питомника? — Спонсор сразу насторожился.

— Он сбежавший любимец.

— Полгода назад? — Спонсор повернул ко мне черные очки. — Ты был любимцем у господина Яйблочко?

— Да, — сказал я. — В Пушкино.

— Странный молодой человек, — сказал спонсор, склонив голову набок. — Мне хотелось бы разобрать тебя на винтики и поглядеть, что же отличает тебя от остальных людей. Знаешь ли ты, что ты — первый удачно сбежавший любимец за всю историю нашей дружбы?

— Это не важно, — сказал я.

— А потом стал гладиатором... и даже убил господина! Я обязательно просмотрю твою генетическую карту.

— Вот именно, — сказала Маркиза. — В своем питомнике.

— Это опасно!

— Это самое безопасное место!

— Я не могу так рисковать.

— Кому придет в голову искать любимца в питомнике любимцев? — сказал давно молчавший Хенрик.

— А когда суматоха уляжется, я возьму его к себе, — сказала Маркиза, — мне он тоже пригодится.

— Может быть, в твоем предложении что-то есть.

— Это не предложение. Это просьба, в которой ты не можешь мне отказать... А теперь за дело.

— С глазу на глаз!

— Согласна, — сказала Маркиза. — Хенрик, посмотри, чтобы мои мальчики и Ланселот отошли подальше от навеса. Потом вернешься.

Хенрик поманил меня за собой. Мы с Иркой вышли из-под навеса. За мной шли охранники в кожаных костюмах, которые возили кресло Маркизы.

— Я позову вас, — сказал Хенрик. — Никуда не отходите.

Последние слова относились к охранникам.

Я был взволнован, я боялся. Я опасался подвоха, ловушки. Если я покажусь им опасным, они меня убьют, это было понятно. Но непонятно, насколько я им нужен сегодня.

— Питомник? Это смешно, — произнесла Ирка. — Ты оттуда вышел. И туда вернешься. Ты помнишь питомник любимцев?

— Нет. Я был маленький, мне было два года, когда меня оттуда взяли. А что я там буду делать?

— Тебя будут снова учить на любимца, — засмеялась Ирка.

— А кто этот спонсор? Я знаю, что он из Управления экологической защиты. Он большой начальник.

— Я знаю то же самое. И знаю еще, что он тесно связан с Маркизой. У них общие дела.

— Какие дела?

— Не будем об этом разговаривать.

— А надолго меня... в питомник?

— Пока не пройдет суматоха.

— Я не хочу туда.

— Хочешь, я к тебе приеду?

— А тебе можно?

— Я не последний человек в подземельях, — сказала Ирка не без гордости.

— Тогда бы ты не вкалывала на кондитерской фабрике, — сказал я.

— Я делаю то, что нужно. Ты думаешь, нам легко?

— Кому нам?

— Тем, кто хочет, чтобы спонсоров больше не было.

— Разве это возможно?

— Не сегодня, но в конце концов мы их выгоним.

— Смешно!

— Маркиза торгуется с Сийнико. Есть спонсоры, которые понимают, что без людей им на Земле не обойтись.

— А есть другие?

— Ты задаешь вопрос, на который уже знаешь ответ. Конечно, есть. И они хотят, чтобы людей вообще не осталось. Только они боятся Галактического центра.

Так я впервые услышал это слово. И сразу подумал, что существует сила, перед которой склоняются спонсоры.

Ирка поглядывала в сторону навеса. Переговоры там затягивались. Охранники сидели на траве. Ирка была бледной. Я посмотрел на нее.

— Мы редко бываем наверху, — сказала Ирка. — Совсем солнца не видим.

— А почему?

— Если поймают, увезут на рудники.

Я уже понял, что не всегда имеет смысл расспрашивать. Если

я чего не понимаю, то объяснения также непонятны. Разбираться надо самому.

Солнце пробивалось сквозь густую желтеющую листву старых деревьев.

— А что спонсоры здесь делают?

— Они спасают, — сказала Ирка.

— Что спасают?

— Спасают природу. Это их знамя.

— И убивают людей? — спросил я.

— Для них природа важнее, чем враги природы. Тебе этого не понять.

— Я об этом слышал каждый день. Спонсоры идут от планеты к планете, спасая природу от варваров!

— Вот именно. — Ирка криво усмехнулась. — Спасают от нас.

Ирка улеглась на траву и смотрела в синее яркое сентябрьское небо.

— А может, мы с Маркизой полетим к спонсорам, — сказала она. — Сийнико обещал.

— Зачем?

— Там Маркизе сделают новое тело... меня тоже починят.

— Зачем тебе это? — спросил я.

— Тогда ты меня не узнаешь. Закачаешься от моей красоты.

Ирка рассмеялась. Оттого, что передние зубы у нее были выбиты, она была похожа на молоденькую старуху.

— Эй! — закричала из-под навеса Маркиза. — Мальчики, возьмите меня!

Охранники вскочили и побежали под навес.

Первым вышел спонсор, за ним охранники катили коляску, рядом с которой шел Хенрик — худенький, прямой и упрямый.

— Тим, подойди ко мне, — сказала Маркиза.

Я подошел. Она взяла меня за руку.

— Я надеюсь на тебя, — сказала она. — И буду ждать. Как только опасность пройдет, ты придешь ко мне. Хорошо?

— Хорошо, — сказал я.

— Тебе будет нелегко — ты будешь совсем один. Но помни, что мы тебя ждем.

— Я привык быть один, — сказал я.

Хенрик пожал мне руку. Ирка вдруг шмыгнула носом.

— Не влюбись в Ланселота, — сказала Маркиза, смеясь одними глазами.

— Еще чего не хватало! — отмахнулась Ирка.

Спонсор легонько щелкнул меня по затылку указательным

пальцем. Он показывал этим, что разговоры кончились и пора идти.

Я пошел к его вертолету.

Неожиданно спонсор выхватил из моей руки меч и кинул его охранникам.

— Вы что!

— Сохраните его до возвращения вашего любимца, — сказал Сийнико.

Он первым влез в вертолет и отодвинул толстые колени, чтобы я мог уместиться у его ног. И мы взлетели.

Глава 6

ЛЮБИМЕЦ В ПИТОМНИКЕ

Мне не приходилось еще летать в личных вертолетах спонсоров. Со стороны видел, но не летал. Я разместился в узком пространстве между ногой господина Сийнико и дверцей. Нога периодически приходила в движение, нажимая на педали, и мне приходилось прижиматься к двери, чтобы меня не придавило. К тому же я не переставал опасаться, что дверца откроется и тогда я кулем вывалюсь наружу.

Нижний край бокового окна находился на уровне моих глаз, так что, чуть приподнимаясь, я мог посмотреть вниз. Впрочем, ничего особенно интересного там я не увидел — под нами тянулся густой лес, из которого кое-где высовывались руины зданий. Потом лес кончился, и на широком открытом пространстве я увидел серые купола базы пришельцев. Далее начинался их поселок, правильно устроенный, отмеренный по линейке и залитый бетоном. Мне показалось, что я узнаю свой дом, но, конечно же, мы пролетали над другой базой и другим поселком — мало ли их на Земле?

От тела спонсора исходил особый, присущий лишь спонсорам острый запах, вызывающий у некоторых людей отвращение, но для меня привычный и обыкновенный, как запах лимона или перца.

— Как тебя зовут, любимец? — спросил спонсор.

Голос его прозвучал над головой, как гром надвигающейся грозы.

— Когда я был любимцем, меня называли Тимом, — сказал я. — А когда я стал гладиатором, меня называли Ланселотом.

— Ланселот — это некий исторический персонаж? — спросил спонсор.

— Ланселот — это смелый рыцарь, — сказал я. — Он защищал бедных и убивал негодяев.

— Ты сильно изменился в школе гладиаторов.

Скорее это был не вопрос, а утверждение. Так что я мог не отвечать.

— Любопытно, — продолжал спонсор, не глядя на меня — съежившееся у его ног существо в рваной рубашке и коротких кожаных штанах. — Тебя следует изучить как феномен. Ведь столько сил и времени было потрачено на то, чтобы сделать из тебя достойное и цивилизованное существо, представителя наиболее приближенной к нам разновидности людей — любимца. И все — как корова языком слизала! Я правильно произнес пословицу?

— Правильно, — сказал я. — Еще можно сказать — как коту под хвост.

Спонсор обдумал мои слова, потом заухал — засмеялся — и сообщил мне:

— Так говорить нельзя, это неприлично.

Спонсор наклонил вертолет, и я увидел в окно большое открытое пространство на берегу реки. Посреди него возвышался старинный каменный дом с колоннами, вокруг тянулись рядами современные бетонные кубики жилищ.

— Здесь ты будешь жить, — сказал спонсор. — Никому не говори, что ты — гладиатор.

— А кто я?

— Если будут сильно спрашивать, ты — любимец, которого по просьбе хозяев взяли на проверку. Тебя надо лечить, но сначала тебя будут исследовать. Лично я буду тебя исследовать.

— А вы кто?

— Помимо всего прочего, я руковожу этим комплексом — питомником любимцев. Это очень интересное место. Раньше я полагал, что именно здесь будет создана порода будущих жителей Земли, но теперь я в этом сомневаюсь.

— Люди не хотят? — спросил я.

— Людей мы, молодой человек, не спрашиваем.

Я заметил, что спонсор господин Сийнико говорит по-русски куда богаче, образней, чем другие знакомые мне спонсоры. И вообще он мне понравился. Наверное, из-за того, что я сейчас полностью зависел от него. Он мог меня убить, он мог отдать меня на живодерню — и, наверное, никто бы за меня не смог вступиться. Ведь если Маркиза спросит, он скажет, что я умер от простуды.

Как докажешь, что меня били? Во мне вновь ожил любимец, и мне так хотелось прижаться щекой к жесткой, покрытой чешуей ноге спонсора, и пускай он почешет меня за ушами!

Я поймал в себе такое желание и постарался его задушить — для этого оказалось достаточным вспомнить, как смотрел на меня взбесившийся спонсор на стадионе. Которого я убил.

Я убил и потому никогда уже не стану снова любимцем.

Спонсор Сийнико как будто угадал мои мысли.

— Любимцем ты больше не станешь, — сказал он. — Потому что ты убийца. И умрешь как убийца.

Я не понял, что он хотел сказать, но промолчал, чтобы он не открыл дверцу и не выкинул меня из вертолета. Для него это просто.

Из вертолета он меня не выкинул, но, когда мы садились, так сильно прижал меня ногой к дверце, что я думал — раздавит. Не знаю, нечаянно или нарочно.

Вертолет опустился на бетонной площадке между серыми корпусами.

— Выходи, — приказал Сийнико, — и сразу иди в правый дом. Дверь туда открыта. Не задерживайся.

Я подчинился спонсору. Как только дверца отошла в сторону, я выпрыгнул из вертолета и быстро пошел к открытой двери в сером кубе спонсорского жилища.

Я вошел внутрь. Я знал, как расположены комнаты в спонсорском доме — все спонсорские дома похожи.

Правда, кое в чем дом спонсора Сийнико отличался от дома спонсоров Яйблочко. В нашем доме был лишь большой экран телека и ковры, которые вязала госпожа. И всяческие мелочи — сувениры из поездок или прошлой жизни, которые служащие спонсоры возят с собой из городка в городок. В доме же Сийнико господствовали книги: и маленькие — человеческие, и гигантские, иногда неподъемные, — спонсорские. Впрочем, они не были книгами в нашем понимании — это были книжки-гармошки. Я знал по своей прошлой жизни, что такие книги теперь спонсоры не делают — обходятся кассетами.

Сийнико догадался, о чем я подумал.

— Я люблю старину, — сказал он. — Мне специально привозят старые книги из дома.

Он задумчиво взял одну из книг, развернул ее в длинную полосу. Это была видовая книга — изображение на ней двигалось: волны набегали на берег, поросший похожими на кувшины деревьями. Все это мелькнуло и исчезло. Сийнико собрал книгу и захлопнул.

— Я бы оставил тебя жить в моем доме, — сказал он. — Ты мне интересен. Но могут возникнуть сплетни и подозрения. Никто не застрахован от них. Тем более здесь.

Я ждал.

— Я отведу тебя в помещение, где ты будешь один. Как особо ценное существо. Но если ты себя выдашь и этим представишь для меня опасность, я буду вынужден тебя ликвидировать.

Спонсор подошел к коммуникатору. На экране возникло лицо женщины. Она была в белой шапочке.

— Людмила, — сказал спонсор, — зайди ко мне, возьми молодого человека.

— Молодого человека?

— Я потом объясню. — Спонсор отключил связь и сказал мне: — Раздевайся, рыцарь Ланселот.

— Не понял.

— Снимай с себя одежду. Ты вернулся в первоначальное положение и снова стал любимцем. А любимцам, как тебе известно, одежды не положено.

— Это невозможно!

— У тебя нет выбора. Сейчас придет сотрудница питомника, и я не хочу, чтобы она увидела гладиатора Ланселота в питомнике для любимцев.

Сийнико снял черные очки. Черные глазки, как мне казалось, издевались надо мной.

Я разделся. Но ощущение было дикое — оказывается, я так привык к одежде, что без нее чувствовал себя беззащитным. К тому же мне было жалко моего ножика. Вошла молодая женщина в белом халате.

— Это несправедливо! — вырвалось у меня.

Спонсор на меня не смотрел.

— Поместите объект в восьмой бокс. Никого к нему не подселять. Я сам буду им заниматься.

У девушки было скуластое мужское лицо, очень светлые глаза и тонкие губы. Волосы причесаны на прямой пробор и стянуты назад. Я подумал, что она не умеет улыбаться.

— Он не кусается? — спросила Людмила.

Серьезный вопрос развеселил спонсора.

— Ты не будешь кусаться, Тим? — спросил он, и его голос дрогнул от смеха. Его маленькие медвежьи глазки сверкнули.

— Я насильник, — сообщил я девушке.

Я заметил, что спонсор, как бы спохватившись, прячет за спину мою одежду.

— И не мечтайте. — сообщила мне девушка. — Я вооружена.

— У вас есть чувство юмора? — спросил я.

Девушка посмотрела на меня как на сумасшедшего. Чувство юмора, которое бывает даже у спонсоров, здесь не котировалось.

Людмила повела меня через широкий асфальтовый двор, на котором в порядке, столь любимом спонсорами, были расставлены качели, турники и прочие приспособления, предназначенные для укрепления тела будущих любимцев. Я шел рядом с ней, стараясь чуть отставать, потому что меня смущала собственная нагота, которой Людмила вовсе не замечала. Людмила время от времени быстро и как бы мельком оглядывалась, проверяя, не намерен ли я совершить на нее нападение. Я скалился в ответ, и в глазах ее вспыхивал страх.

С облегчением она провела меня в бетонный дом, открыла дверь в комнату, не спуская с меня настороженного взгляда, зажгла под потолком тусклую лампу. На полу лежал тонкий матрас.

— Тут будешь жить, — сказала она.

— А где постель? — спросил я, хотя отлично знал, что любимцам, к каковым я теперь вновь принадлежал, постели не положено.

— Обойдешься, — сказала Людмила, отступая от меня.

— Я привык на ночь читать.

— Заходи внутрь! Мне некогда! — Ее рука потянулась к поясу. Я знал, что ее пистолет не убьет, но парализует. Этого мне тоже не хотелось. И подчинился. Дверь за мной со стуком закрылась, в ней повернулся ключ. Надо было понимать это как пожелание спокойной ночи.

Ночь я провел беспокойно. Матрас был жестким, и я чувствовал сквозь него бетонный холод пола. Узкое окно было приоткрыто, и к утру стало так холодно, что я постарался завернуться в матрас, но из этого ничего не вышло.

Остаток ночи я провел, сидя на матрасе. В восемь питомник стал просыпаться — я услышал снаружи детские голоса, плач, кто-то пробежал по коридору. Я подошел к двери и попробовал ее открыть. Дверь была заперта. Я постучал. Никто не думал меня выпускать. Я начал прыгать, чтобы согреться, потом сто раз отжался от пола. За этим занятием меня и застала Людмила, приоткрывшая дверь.

— Пошли, — сказала она, вместо того чтобы поздороваться, — я покажу, где ты будешь есть.

— Надеюсь, у собачьей будки, — сказал я.

Людмила пожала плечами. Я понял, что она считает меня

психически неустойчивым животным и не понимает, почему я попал сюда, а не на живодерню.

Преодолев в очередной раз стыд от собственной наготы, я последовал за Людмилой.

Перейдя снова двор, мы оказались перед широкой лестницей, которая вела к особняку с колоннами. Поднявшись по лестнице и войдя в широкие двери, мы попали в холл, из которого две лестницы полукольцами вели на второй этаж. Но мы туда не пошли, а повернули направо, к двери, из-за которой доносились гул голосов и звон посуды.

Войдя туда, мы оказались в столовой — обширной комнате, облицованной темными деревянными панелями и залитой утренним солнцем, вливающимся в многочисленные высокие окна. Там стояло десятка три столов и столиков, за которыми и сидели обитатели питомника.

Ближе к окнам стояли столики для малышей. Несколько женщин, одетых в белые халаты подобно Людмиле, ходили между столиками и при необходимости помогали малышам управляться с ложками и хлебом. Чем дальше от окон, тем выше становились столы и стулья. Неподалеку от дверей за столами сидели любимцы восьми-десяти лет, явные переростки. Как потом оказалось, это были невостребованные любимцы. Если на них еще некоторое время не будет заявок, их, вернее всего, отправят на какие-нибудь работы.

Но большинство столиков было занято любимцами в возрасте от трех до пяти лет, именно таких обычно и разбирали по семьям.

Я не успел как следует рассмотреть эту галдящую толпу, потому что Людмила отвела меня в угол, возле раздачи, за взрослый стол, за которым сидел мрачного вида усатый брюнет в белом халате, видно, из местных работников. Она велела мне сидеть, а сама принесла из-за загородки две миски с кашей, а мрачный мужчина указал мне на нарезанный хлеб в миске посреди стола, как будто сомневался в моей способности догадаться о назначении хлеба.

Я молча взял ложку и принялся за кашу. Каша была недосолена. Я спросил Людмилу:

— А где у вас соль?

Людмила переглянулась с мрачным типом в халате.

Тот сказал:

— Соль в каше уже есть.

— Вот именно, — сказала Людмила. — Мне нравится.

— Я не спрашивал вашего мнения, — сказал я.

Я поднялся и пошел за загородку. Там была кухня. На раздаче

стояла толстая женщина в некогда белом, а теперь засаленном халате.

— Дайте соль, — сказал я.

— А ты кто будешь? — спросила она.

— Я контролер, — сказал я.

— Господи! — воскликнула женщина. — А мне не сказали!

— Дайте соль наконец! — рассердился я.

Толстая повариха принесла тарелку соли и протянула мне.

Я вернулся к столу с тарелкой соли, чем вызвал недоуменные взгляды моих соседей, которые, видимо, ожидали, что я начну черпать соль ложкой. Оба прекратили есть и уставились на меня.

Я же посолил кашу и принялся есть ее так быстро, что она в мгновение ока исчезла из миски.

— Что еще будет? — спросил я.

— Чай, — сказала Людмила послушно. Гонора в ней чуть поубавилось.

Как бы услышав это слово, из-за загородки появилась засаленная повариха, которая принесла для меня большую кружку с чаем. Соседям же моим пришлось ходить за чаем самим.

— Вы с какой целью? — спросил мрачный усач, отпивая чай, который вовсе не был чаем, а лишь унаследовал название у настоящего напитка.

— Проездом, — сказал я нагло. — Должен все осмотреть, а потом поеду дальше.

— Можете рассчитывать на мою помощь, — сообщил мрачный усач и представился: — Автандил Церетели.

Желая, видно, произвести на меня благоприятное впечатление, он продолжал:

— Я заведую лабораторией.

— А я генетик-воспитатель, — сообщила Людмила. — Готовлю детенышей к будущей жизни.

— Понятно, — сказал я. Хоть еще несколько часов назад я ничего не помнил о своем детстве в питомнике, в котором я провел первые два года жизни. Теперь память начала постепенно возвращать мне воспоминания о нем.

Не дожидаясь, пока мои соседи закончат завтрак и Людмила сообщит, куда мне отправиться, я встал из-за стола и поднялся на второй этаж особняка, потому что мне представилась длинная комната, в которой в два ряда стоят детские кроватки и крайняя в дальнем ряду — моя.

Лестница, коридор и сама спальня были пусты — все еще завтракали.

Под ногами была вытертая тысячами шагов ковровая дорож-

ка, я толкнул высокую дверь. Дверь знакомо заскрипела. Вот и комната — я мгновенно узнал ее и направился к моей кровати.

Я стоял над кроватью и не узнавал ее — вернее всего, моя кроватка уже развалилась, и они поставили там новую, но зато я мог себе представить, что лежу там и смотрю, как передвигается тень от листвы могучего дерева, растущего за высоким узким окном...

— Здравствуй, — произнес детский голос. У моих ног стоял малыш лет трех-четырех, курчавое рыжее существо с веселыми озорными глазками.

Малыш протянул мне ручку.

Я пожал ее. Мои пальцы ощутили что-то странное, я приглядел: пальцы мальчика были соединены перепонками, на босых ногах — то же самое. И сами пальцы на ногах куда длиннее, чем у меня.

— Я здесь сплю, — сообщил мне малыш.

— А я здесь спал раньше, — сказал я. — Только это было очень давно.

— А я испугался, — сказал малыш. — Мне сказали, что приехал злой дядя, который проверяет, как застелены постельки. А моя застелена плохо.

— Не бойся, — сказал я. — Твоя постелька отлично застелена.

Но малыш не слышал меня — он старательно разглаживал одеяльце.

Когда он нагнулся над кроваткой, я увидел на его спине два глубоких разреза, в которых пульсировала темная плоть.

Мне хотелось спросить у малыша, что это такое, но я испугался его обидеть.

— А теперь? — спросил малыш.

— Теперь совсем замечательно.

— А вы и есть злой дядя?

— Я добрый дядя, — сказал я. — Если хочешь, я буду с тобой дружить.

— Хочу, — сказал малыш. Он снова протянул мне ручку и представился: — Арсений! А можно звать меня Сеней.

Я пошел вниз, Сеня за мной. Он обогнал меня на лестнице, на бегу разрезы на спине разошлись.

Людмила ждала меня внизу лестницы.

— Я не знала, куда вы пошли, — сказала она.

— Я хотел познакомиться с домом, — ответил я.

— Это уникальное предприятие, — сказала Людмила, глядя на меня в упор светлыми глазами, словно хотела проникнуть мне в сердце и выведать мои мысли. — Мы поставляем любимцев на всю Россию. У нас сотни заявок.

Малыш отошел на шаг — он ее остерегался.

— А ты чего здесь стоишь? — удивилась Людмила. — А ну немедленно на процедуры!

Арсений не смог скрыть разочарованного вздоха и побрел прочь. Сначала я хотел остановить его, но тут же вспомнил, что у меня есть вопрос, который я не хотел задавать при малыше.

— Почему у него перепонки? — спросил я.

— У Арсения? — По крайней мере она знает их по именам. — Такой заказ.

— Извините, я вас не понял. Какой заказ?

— Мы выпускаем из нашего питомника любимцев различного рода, — сказала Людмила. Мы с ней стояли неподалеку от входа в особняк, и мимо нас пробегали малыши, которые уже позавтракали. Некоторые спешили к гимнастическим снарядам, стоявшим на обширной лужайке, другие расходились по бетонным домам. — Обычно от нас не требуется ничего особенного — мы должны гарантировать, что малыш здоров, лишен генетических изъянов, что он знает, как себя вести в доме спонсора, не будет там гадить или шалить. Так что когда приезжает заказчик, он берет себе детеныша из основной группы.

— Но перепонки?

— Это специальный заказ. Семья, которая заказала нам любимца, работает на морской станции в Черном море. Муж и жена. Они проводят в основном подводные исследования. Им удобнее иметь двоякодышащего любимца. Вы, надеюсь, заметили, что на спине у него жабры?

— Бедный мальчик, — сказал я.

— Ничего подобного. Это очень перспективное направление исследований. Под руководством спонсора господина Сийнико мы разрабатываем сейчас программу «Нужные дети». Вы, может быть, не знаете, но в связи с трудностями материального характера спрос на обыкновенных любимцев падает. Мы должны соблазнить заказчика чем-то особенным. Мы должны пойти навстречу вкусам — потребитель решает все!

Мне было неприятно слушать Людмилу, потому что она говорила, словно внутри нее лежала страница квартального отчета и она считывала ее абзац за абзацем. В школе гладиаторов Прупис рассказывал мне, что раньше человеческие дети учились в школах. Тогда все умели читать. Картина невероятная, трудно поверить, но у меня не было оснований не доверять Прупису. А когда были школы для людей, в них были отличники. Такие вот, как Людмила.

— Вы умеете читать? — спросил я.

— Что?

— Вы умеете читать буквы и слова?

Людмила вдруг покраснела, и я догадался, что она умеет читать, но боится в этом признаться.

— У меня хорошая память, — сказала она после паузы.

Я стал внимательно присматриваться к малышам.

Людмила уловила мой ищущий взгляд и сказала, чуть улыбнувшись одними губами:

— Спецдетей у нас немного, и большей частью они в лабораториях под наблюдением. Но есть забавные... Ксюша, Ксюшенька, подойди к нам!

Маленькая девочка лет трех подбежала к нам.

И только тогда я сообразил, что вместо волос на голове у ребенка мягкая шерсть, которая переходит на спину.

— Погладьте девочку, — сказала Людмила.

— Погладить?

— Это незабываемое наслаждение, — сказала Людмила. — Я должна признаться, что, если бы у меня была возможность, я сама взяла бы себе такую любимицу.

Но мне не хотелось гладить пушистую девочку, которая не испытывала никакого неудобства от своего уродства, да и не считала себя уродливой.

— Теперь, когда спонсоры знают, что мы можем изменить любимчика по заказу, к нам приходят такие забавные заказы, вы будете смеяться! Но, конечно же, это стоит громадных денег, и лишь самые высокопоставленные спонсоры могут себе это позволить.

Людмила направилась к группе детей, игравших на траве, и сказала, подходя к ним:

— А вот наше новейшее последнее достижение. И мы с господином Сийнико почти убеждены, что эта модель завоюет рынок.

Когда мы подошли к качелям и малыш, который раскачивал их, повернулся к нам, я еле удержался от непроизвольного вскрика. И в самом деле, экспериментаторы придумали необычное существо: это был обыкновенный земной ребенок, однако его головка и руки принадлежали махонькому спонсору, как бы спонсорской куколке. Я не мог оторваться от маленького чудовища — на меня смотрела зеленая жабья морда с маленькими медвежьими глазками, но грудь этого существа была розовенькой, и пухлые ножки ничем не отличались от ножек иных детишек.

— И много вы их... сделали?

— Секрет фирмы. — Людмила растянула в улыбке тонкие губы. — Вы можете спросить у господина Сийнико. Он вам, наверно, не откажется ответить.

Уродец подошел к нам и сказал, шлепая жабьим ртом:

— Конфетка есть?

— Нет, — сказал я.

— Он жутко избалованный, — сказала Людмила. — Когда к нам приезжает какая-нибудь группа или проверка, все спонсоры бегут смотреть на наших креольчиков. Их буквально закармливают сластями... И знаете, даже случился инцидент: двое обыкновенных любимцев как-то накинулись на креольчика — еле мы его отбили.

— А тех? — спросил я. — Тех пришлось пристрелить?

— Ах, как жестоко вы говорите! — расстроилась Людмила. — Их только выпороли. Как положено.

Мы стояли на газоне, и я все смотрел по сторонам, надеясь угадать, какую еще форму приняли генетические и пластические упражнения под руководством моего покровителя Сийнико. И как бы в ответ на мои мысли Людмила спросила:

— Вы не хотите заглянуть в проектную?

У меня не было оснований отказываться.

Мы ушли с газона и по длинной дорожке достигли бетонного куба.

Вросший в землю серый куб лаборатории был внутри куда просторнее, чем казался снаружи. Высокий коридор, способный вместить спонсора, разделял лабораторию пополам. Слева, как я увидел, располагались экспериментальные инкубаторы (основные располагались в другом здании), справа — собственно лаборатория, где по заказам и пожеланиям спонсоров, а то и по инициативе самих ученых конструировались перспективные варианты любимцев. Спонсоров постоянно здесь было двое — сам господин Сийнико, который осуществлял общее руководство питомником, и неизвестная мне спонсорша по имени Фуйке, которая умудрилась как раз в те дни заболеть и попала в госпиталь. Спонсорша занималась снабжением питомника, денежными делами и общением с заказчиками, потому что для спонсора с военной экологической базы контакт с людьми почти немыслим и по крайней мере неприятен.

Все остальное в питомнике делали люди с помощью приборов, которые привезли с собой, установили и разработали спонсоры. Люди не должны были изобретать.

Свыкнувшись уже с тем, что я не просто залетный гость в питомнике, а выполняю здесь некое задание тайного свойства, Людмила изменила ко мне отношение и стала откровенной.

Я даже подумал, что ей не с кем здесь поговорить, что, несмотря на суровую внешность, она весьма ранимый и одинокий человек, одолеваемый сомнениями. Ведь ей ни в коем случае не разрешалось покидать территорию питомника, и, вернее всего, она была здесь узницей до конца своих дней. Никогда для нее не откроются ворота и никогда Людмила не увидит других городов и других людей.

— Когда я вас увидела, — призналась она, — то решила, что вы — производитель. К нам иногда привозят производителей для улучшения семенного фонда.

— Почему вы так решили?

— Потому что вы... потому что обнаженный.

Теперь, признав во мне равного ей или вышестоящего мужчину, она ощущала рядом со мной чувство стыда — производителя или любимца она за мужчину не считала.

— К сожалению, — сказал я, — мне пришлось оставить одежду в доме господина Сийнико. Иначе бы на меня стали обращать внимание.

— Правильно, — сказала Людмила с облегчением. Наличие одежды, пускай даже не рядом, примиряло ее со мной... В большой светлой комнате слева от коридора мы застали Автандила Церетели и еще одного доктора.

На стенах проектной лаборатории висели двух- и трехмерные изображения младенцев — желательный конечный результат эксперимента. Путь к нему разрабатывали компьютеры, что стояли в помещении, а затем генные инженеры (они располагались в соседних комнатах по ту сторону коридора) создавали тела по заказу.

Картинки будущих изысканных любимцев впечатляли, но в то же время в них была нежизненность, и они куда меньше ужасали и впечатляли, чем менее изуродованные, но живые малыши.

Автандил с удовольствием объяснял мне особенности зародышей и их предназначение. Оказывается, здесь создавали не только любимцев, но и тайно — людей будущего, нужных в той или иной области хозяйства. Так, на картинках я увидел крылатых младенцев, покрытых белым пухом. Их, как объяснил Автандил, можно использовать двояко: и как любимцев — некоторым спонсорам любопытно было обзавестись крылатым малышом, и как разведчиков-спасателей, могущих проникнуть, и быстро, туда, куда трудно забраться человеку, не говоря уже о спонсоре.

Затем Автандил с гордостью провел меня в комнату по ту сторону коридора, где в ваннах с питательным раствором, уже готовые родиться, формировались люди-черви. Вряд ли они годились в любимцы, но для горных работ они были бы незаменимы.

Через час оживленных рассказов моих новых знакомых я понял, что во мне поднимается тошнота. То, что казалось биологам ужасно интересным и достойным похвалы, во мне вызывало все растущее отвращение.

За месяцы, прошедшие со дня бегства от господ Яйблочко, я все более убеждался в том, что я — раб в своем собственном доме. И все вокруг рабы, которых можно продать, купить и убить и, как я сегодня узнал, лишить детства и человеческого облика потому, что это нужно зеленым жабам с блестящими медвежьими глазками. И я не знаю, почему царит такая несправедливость, и никто не смог мне пока ответить на этот вопрос, потому что людей, лишенных знаний, лишили и памяти о своем прошлом.

Но, слушая восторженную речь Автандила о том, что они приступили к созданию аммиакодышащего человека, я понял, что постараюсь как можно больше узнать правды от Сийнико. Правда, для этого надо, чтобы он захотел что-то рассказать. Но я подозревал, что он мне расскажет больше, чем любому другому человеку, потому что я отличаюсь от прочих людей. Я убил спонсора! И я знал язык спонсоров...

Я сказал, что мне нужно погулять, и покинул лабораторию. Меня не задерживали. Я вышел на газон и стал медленно прогуливаться по дорожкам, поглядывая на многочисленных детей, которые в большинстве были самыми обыкновенными здоровыми малышами, правда, как мне уже сказала Людмила, в последние годы в них стали имплантировать парализующее устройство: если такой любимец вдруг взбесится и набросится на хозяина, тот может его немедленно обезвредить.

К счастью, когда я покидал питомник, эта идея еще не пришла в умную рабскую голову какого-нибудь Автандила или Людмилы.

Арсений увидел меня издали и, бросив возиться в песочнице, побежал ко мне.

— Дядя! — кричал он. — Дядя! Что я вам скажу!

Когда он подбежал ко мне, я сказал:

— Меня зовут Ланселотом, рыцарем Ланселотом.

— Лотом, — сказал мальчик. Ему, видно, трудно было запомнить такое длинное имя.

— Ну и что ты хотел мне рассказать?

— Я слышал, дядя Лот, как поварихи на кухне говорили, что ты ревизор. Что ты можешь кого хочешь ликвидировать или отправить на живодерню. Это так?

Я решил не развеивать слухов, выгодных в первую очередь мне самому.

— Ну, поварихи, конечно, преувеличивают...

Арсений неожиданно зарыдал.

— Что с тобой? — Я присел перед ним на корточки.

Он закрыл лицо перепончатыми ручками, как двумя маленькими веерами.

— Ты меня отправишь на живодерню? — спросил он сквозь рыдания.

— С чего ты решил?

— Мне уже говорили — я переросток!

— Ты? А сколько тебе лет?

— Мне девять лет, — сказал Арсений.

— Не может быть! — Я видел перед собой трехлетнего малыша.

— Меня придумали, — сказал он. — Меня придумали, чтобы я не менялся. Но госпожа Ливийко сказала, что ей не нужен вечный младенец. Она хотела, чтобы я рос и нырял... как настоящий!

Он еще долго говорил, стараясь донести до моего разумения, что он не виноват, что он хороший, что он сам хотел бы расти, но ничего не получается, даже когда он много кушает. И вот теперь, когда выяснилось, что его никто не хочет брать, Сеня решил, что не сегодня завтра его уберут. Как убирали других уродцев, которые никому не пригодились.

Я погладил его по мягким волосам и постарался утешить, уверить в том, что никаких злобных умыслов я против него не таю и буду с ним дружить.

Успокоившись, малыш убежал, я отправился в свою конуру. Я понял, что намерен одеться и что одежда станет для меня знаменем независимости. Если спонсор захочет меня убить — он волен это сделать. Но я умру одетым. И как ни смешно и наивно это выглядит, я утешился таким решением.

Но одеться мне не удалось, потому что перед дверью в тени меня поджидали две поварихи. Одну я уже встречал — это была толстая засаленная женщина, вторая, худая и малахольная, была мне незнакома.

— Мы вам хотим сказать, — драматическим шепотом сообщила засаленная повариха, — что закладку мяса производит завпроизводством. Так что если выход заниженный, то с него и спрашивайте.

— Какое еще мясо?

Перебивая друг дружку, они начали сбивчиво и трусливо обвинять в воровстве своего начальника, надеясь с моей помощью

восстановить справедливость. Я потерял еще минут десять, прежде чем отделался от визитеров, сохранив в них убеждение в моей тайной значимости.

Когда поварихи с их пустыми жалобами громко ушли, я понял, что не знаю, как войти в дом Сийнико. Для любимца, разумеется, не бывает ключей и закрытых дверей. Он входит куда хочет и когда хочет. Если хозяину это не нравится, он волен выпороть любимца. Но любимец в отличие от человека никогда ничего не украдет хотя бы потому, что он голый.

Дверь в дом спонсора была заперта. Мне не оставалось ничего, как ждать его возвращения. По старой любимцевой привычке я свернулся колечком на половике у двери и задремал. И никого этим в питомнике не удивил — любимцы всегда спят где хотят и когда хотят. Так что, засыпая, я понял, как приятно вернуться в шкуру домашнего животного — не звучит сирена, не звенит колокольчик, никто не зовет тебя строиться, соревноваться, биться на мечах или разгружать ползунов.

Я спал, но, как положено, держал одно ухо востро, чтобы на меня не наступили. Поэтому, когда нечто крупное закрыло свет солнца, я решил, что вернулся спонсор, и вскочил. Но это был не спонсор. Это был мальчик Арсений, но на этот раз он стоял не один — он держал за руку странное существо — обнаженную девушку ростом под два метра, коротко остриженную и, если бы не преувеличенные размеры и страшная худоба, привлекательную.

— Мы тебя разбудили, — сказал Арсений, констатируя факт, но не чувствуя в том вины. — Ты вставай. Я Леонору привел.

Громадная девица поклонилась мне — видно, Сеня уже наговорил ей с три короба о моей значимости.

— Очень рад, — сказал я раздраженно, потому что не люблю, когда меня будят. — Что у вас случилось?

— Ланселот, — сказал Сеня, — надо помочь Леоноре. Она скоро помрет.

— Помру, — согласилась Леонора. — Наверное, скоро.

— На живодерню грозятся отправить? — спросил я.

Я сразу догадался, что она — плод неудачного эксперимента господ проектантов. Теперь, когда она выросла и оказалась никому не нужна...

— Зачем на живодерню? — удивился Арсений. — Она еще пригодится. Только кормят ее по общим нормам, а Леонора растет. Вот и голодает. Я ей вчера половину своей каши отдал.

— Так скажите, попросите добавки, — сказал я.

Девица покраснела. Я не осмеливался подняться, потому что,

когда разговариваешь с гигантом лежа, остается надежда, что и ты немного гигант. Как только встанешь — иллюзии развеются.

— Они не дают. Они все себе берут, — пожаловалась она. — И они сказали, что, если я пожалуюсь госпоже Людмиле или господину спонсору, меня вообще кормить перестанут.

— Но здесь же есть воспитатели, врачи...

— Они тоже воруют, — сообщил Арсений. — Тут все воруют. Но нам, маленьким, не страшно, а некоторым страшно. А Леоноре совсем плохо. Ты пригрози им, чтобы давали кушать.

— Поговорю, — сказал я.

Леонора ушла первой. У нее была такая худая спина, что лопатки норовили продрать кожу.

Я вышел на лужайку и поглядел на солнце. Пятый час.

— Эй! — крикнул я вслед Арсению. — А когда обед?

— Позвонят, — сказал Арсений.

Я уселся на лужайку — никого близко не было, над питомником царили мир и благодать. Тишина нарушалась лишь курлыканьем улетающих к югу журавлей, порывом ветра, закачавшим вершины старых дубов, да отдаленным детским смехом.

Я понимал, что ничего не знаю. Пока я был любимцем, это меня не беспокоило — рядом существовала госпожа Яйблочко, которая все знала и за себя, и за меня. Когда я убежал, судьба моя двигалась такими зигзагами, что мне некогда было задуматься — только бы выжить. А задумываться я начал в школе гладиаторов, хотя и там я был очень занят. Когда добирался до койки, сразу засыпал, да и собеседники мои были не очень умными людьми и мало знали о том, что происходит за пределами комнаты, школы или стадиона. Все они принимали существующий порядок вещей как обязательный, и никто не намеревается его изменить. «А каков этот порядок?» — размышлял я.

Наш мир управляется мудрыми и всесильными спонсорами. Они пришли когда-то, видно, очень давно, сюда, к нам, чтобы спасти Землю от экологического бедствия.

Спонсорам пришлось очищать наш воздух и воду, восстанавливать планету в первозданное состояние. И когда эта грандиозная задача будет выполнена, спонсоры улетят обратно, потому что им тоже несладко жить так далеко от дома.

Это объяснение вполне удовлетворяло меня, пока я был любимцем. Очевидно, в него верила и добрая госпожа Яйблочко.

В это объяснение не вписывались бродяжки, дикие любимцы, подонки со свалки, но госпожа Яйблочко объясняла мне, что это — несчастные существа, не имеющие крова и постоянной пищи, что их периодически отлавливают и отвозят на перевоспитание. Но ведь Земля так велика, а спонсоров так немного — руки до всего не доходят.

В поразившем меня городе Москве я видел многих людей. Почти все они нарушали главное правило жизни — не одеваться!

Кстати, а почему нельзя одеваться? Такого вопроса раньше я бы себе не задал — понятно: гигиена. А теперь задал, и ответ показался мне очевидным, хоть и неожиданным: чтобы нельзя было утаить что-нибудь от спонсора. Чтобы нельзя было иметь при себе оружие.

А почему в городе можно одеваться? На это ответила Маркиза: потому что на самом деле спонсоры не могут обходиться без людей. Они согласны даже позволить людям многое из того, что категорически запрещено. Если им, спонсорам, это выгодно.

Оказалось, что пищу для спонсоров на кондитерской фабрике готовят люди, что развлекают спонсоров тоже люди и даже охраняют порядок милиционеры-люди. Без людей обойтись нельзя. А без спонсоров?

«Уж без них-то точно обойдемся», — сказал я себе, но эта моя уверенность, к сожалению, ничего не меняла. Потому что, несмотря ни на что, господами оставались спонсоры. И я был свидетелем того, как они, не моргнув глазом, убили несколько сотен, если не тысяч, очевидно, нужных и полезных себе людей.

«Я ненавижу спонсоров?» — спросил я сам себя.

«Я ненавижу спонсоров», — ответил я сам себе. Они убили Добрыню, Батыя и Пруписа. Они превращают детей в животных. И я правильно сделал, что убил.

Эта мысль мне понравилась. Я хотел было повторить ее вслух, но мимо прошел Автандил, который нес какой-то большой сосуд с человеческим зародышем внутри. Так что я промолчал. Меня посетила странная мысль: а встречал ли я человека, который хотел бы, чтобы спонсоры исчезли, погибли, ушли навсегда? И вдруг понял, что я не встречал такого человека. Люди не знают иной жизни, как жизнь под началом спонсоров, они не хотят иной жизни. Они все удовлетворены и довольны. Любимцы — за то, что их кормят и ласкают, гладиаторы гордятся своей силой и умением и рады показать его спонсорам. Маркиза, повелительница подземелий, также до последнего момента была вполне довольна жизнью... Неужели я остался один? А что, если спонсоры не лгут? А что, если они на самом деле спасли Землю от гибели? А что, если люди готовы были окончательно вымереть? А разве спасителям не прощается многое? Ведь они живут среди нас, далеко от дома, им скучно трудиться, им нужны развлечения...

Но тут я вспомнил глазки получеловека-полужабы... и опять не поверил спонсорам.

Пребывая в таком странном состоянии, я увидел, как на поляну опускается вертолет спонсора Сийнико. Тот тяжело вывалился из машины и устало побрел к дому.

Мне захотелось завилять хвостом. Но я стоял прямо, чуть наклонив голову, как принято стоять у гладиаторов, когда они выстраиваются перед боем.

Сийнико как будто меня не заметил. Лишь входя в дверь, повернулся ко мне и спросил:

— Ты уже обедал?

— Еще не было сигнала к обеду, — сказал я.

Сийнико поправил на плече коммуникатор и сказал:

— Говорит спонсор Сийнико. Принесите обед ко мне в комнату. Мне и любимцу Ланселоту.

Не ожидая ответа, он выключил коммуникатор.

— Если любимец, то Тим, — сказал я. — А если гладиатор, рыцарь, то Ланселот.

— Вот уж не намерен спрашивать о том, как тебя величать, — буркнул спонсор.

Я прошел за ним в кабинет. И сразу увидел мою одежду, что валялась в углу.

— Тяжелый день, — сказал спонсор. — И все из-за тебя.

— Из-за меня?

— Из-за вчерашнего инцидента. Только что кончилась большая облава в метро. Искали тебя.

— Нашли?

— Пока нет, — сказал спонсор. — Но обязательно найдут.

Он подошел к окну и посмотрел на лужайку, по которой бегали малыши.

— Маркизу с Хенриком я успел предупредить, — сказал наконец спонсор. — Они ушли. Но многие погибли.

— А Ирка? — вырвалось у меня.

— Какая еще Ирка? — удивился спонсор. Не знал он никакой Ирки. Да и если бы знал — какое ему дело? — Мы рубим сук, на котором сидим, — сказал спонсор.

Я понимал, что он разговаривает со мной только потому, что других собеседников у него не было. Он мог бы говорить и со стулом.

В дверь без стука вошла повариха и принесла миску с похлебкой для меня и большую кастрюлю для спонсора.

Тот отпустил повариху, достал из ниши в стене ложку — такой

я так и не научился управляться. А спонсоры только такими и едят.

Мне ложки не досталось — как всегда, забыли, но я не стал просить. В конце концов, в любимцах я научился хлебать из миски.

— А если будет инспекция? С чего вы решили, что инспекция будет дружественная? У Федерации давнишний зуб на наши методы.

То, что он говорил, уплетая свой суп, куда более вкусный, чем похлебка, которой они здесь кормят любимцев, было для меня полной абракадаброй. Я не знал, что такое инспекция и почему она может быть недружественной.

— Эгоизм, а тем более групповой эгоизм, — поучал меня спонсор, — может роковым образом сказаться на развитии всей цивилизации. Нельзя же только брать и ничего не давать взамен. И я неоднократно уже поднимал этот вопрос на региональном совете. Тот факт, что Рейкино находится в плачевном положении и требует отселения... еще не аргумент для ликвидации иной расы. Ты согласен?

Вопрос застал меня врасплох. Но я счел за лучшее согласиться и задать вопрос, чтобы показать, как хорошо и внимательно я слушал господина спонсора:

— А что такое Рейкино?

— Рейкино — это мой дом, — сказал спонсор. — Это планета, которая старается отделаться от своих сыновей.

— Понимаю, — сказал я.

— К счастью, ты ничего не понимаешь и поэтому пока остаешься в живых.

— Скажите, пожалуйста, — я решил показать, что тоже неглуп, — а что было на Земле, пока вы не прилетели?

— Наверное, тебе еще вдалбливали, что мы — братья по разуму?

— Вы опустились на тарелочках и помогли нам очистить реки и воздух. Иначе бы мы все погубили.

— Кто вас знает, — сказал спонсор рассеянно, — может, и выжили бы. Вы слишком живучие.

— Значит, вы не братья по разуму?

— Братья, братья, — сказал спонсор. — Но от этого никому не легче. Когда сталкиваются два вида живых существ, которым положено разделить между собой экологическую нишу, один из видов обречен на уничтожение. Не потому, что он хуже, а потому, что слабее. Ласковый бред о помощи и заботе — это, прости, пустые слова для простаков вроде тебя.

— Значит, вы прилетели не для того, чтобы нас спасать?

— Официально, для Федерации, мы вам помогаем. Но сомне-

ваюсь, что хоть кого-нибудь мы обманули. У кого есть глаза, тот может увидеть, что мы живем здесь, потому что наша планета перенаселена и нам нужно жизненное пространство. Сами низведя свой дом до ничтожества, мы нуждаемся в ваших полезных ископаемых и иных товарах — не для того, чтобы делиться с вами, а чтобы их увезти. И чем больше мы укрепляемся здесь, тем меньше вы нам нужны.

— А почему вы нас с самого начала не убили?

— Разумный вопрос. — Спонсор отодвинул кастрюлю с похлебкой и откинулся в своем кресле. — Но для того, чтобы заняться всерьез поголовным уничтожением людей, нам пришлось бы слишком очевидно и натужно охотиться за вами, как за тараканами. Вы же страшно живучие. У нас для этого не было ни сил, ни возможностей. Разумнее позволить вам вымереть самим по себе.

— И вы об этом так спокойно говорите? —Я рассердился на эту бесчувственную тушу.

— А почему я должен переживать? Когда вы строите в лесу дом, вас не волнует судьба птиц, которые жили на ветвях срубленных деревьев, или жучков, которые питались их листьями.

— Разве можно сравнивать? Мы же разумные!

— Где начинается разум? У нас больше вашего опыт общения с существами различных миров. И я утверждаю: граница между разумом и неразумностью еще не определена. Вы же, люди, скорее всего неразумны. У нас бытует такое мнение. — Он был весь — знак улыбки.

— А если я не соглашусь?

— Кто будет тебя спрашивать, любимец?

— Я убил одного из вас!

— Ах ты, мерзавец! — Тяжелая лапа опустилась мне на голову, и спонсор резко, чуть не оторвав ее, поднял меня за волосы. От боли из глаз у меня полились слезы. Но спонсор не думал о том, что мне больно. — Ты противен и кажешься опасным, — продолжал он. — Лишь любопытство заставляет меня продлевать твою ничтожную жизнь.

Он отбросил меня, я упал, ударившись головой о ножку стула.

— После тебя надо руки мыть, — сказал он с искренним презрением. — Ты воняешь, как и все люди!

— Я уйду отсюда, — сказал я, поднимаясь с пола.

— Никуда ты не уйдешь, — сказал спонсор. — Мы с биоинженерами решим, что сделать с тобой, чтобы ты мог здесь пригодиться. Иди к себе, ты мне надоел.

Почесав голову — корни волос все еще болели, я наклонился, собирая с пола мою одежду.

— Это еще что такое? — спросил спонсор.

— Я буду ходить одетым, — сказал я.

— Кто тебе разрешил?

— Я всегда хожу одетым. А здесь мне неудобно ходить голым. Если бы я был ребенком, то я бы пережил. А я уже взрослый мужчина.

— Какой ты мужчина!

Сийнико приподнял свою слоновью ногу и толкнул меня. Я вылетел из комнаты, открыв спиной дверь. Но своей одежды не выпустил из рук.

Дверь в кабинет Сийнико закрылась.

Я отдышался, натянул штаны из грубой кожи, в которых я выходил на бой с «Белыми Неграми». Рубаха моя была разорвана. Я оторвал рукава и надел ее. Главная радость ждала меня, когда я провел по боку — узкие потайные ножны сохранили в себе тонкий нож, доставшийся мне от Гургена. По крайней мере, если они захотят со мной что-то сделать, я смогу отбиваться и нанести болезненную рану даже самому большому спонсору.

Одевшись и почувствовав себя человеком, я вышел на газон.

День был прохладным, но мы, любимцы, привыкли к холодам. Дул ветер, который нес в себе подвальную сырость. С дубов слетали желтые листья.

По лестнице из особняка сбегали малыши. Только что кончился обед. Я не пошел к главному корпусу. Я решил выяснить, легко ли убежать отсюда.

Я вошел в дубраву, деревья там были старые, стояли они вольно, как колонны в громадном зале. Земля под дубами была устлана рыжими и бурыми листьями.

Вдруг я увидел странную паучью фигуру — когда я подошел ближе, то угадал Леонору. При звуке моих шагов она испуганно выпрямилась и прижала к маленькой обнаженной груди горстку желудей.

— Кушать хочется? — спросил я как можно мягче.

— Очень хочется, — призналась девушка. — Только нельзя, не разрешают.

— Я никому не скажу, — пообещал я. — Ешь. А на кухне я поговорю.

Девушка вдруг застеснялась — или не поверила мне, но она поспешила прочь из дубравы, зажав желуди в кулаках.

Я прошел рощу и очутился у высокой проволочной ограды.

Конечно, я мог бы с помощью моего ножа разрезать проволоку, но я не знал, не пропущен ли сквозь проволоку ток. Надо будет узнать.

Господин Сийнико позвал меня гулять, когда солнце уже село за деревья.

— Только не думай убежать, — сказал он. — Ничего у тебя не выйдет. В проволоке ток.

Мы дошли до особняка.

— Ты хочешь посмотреть на новое поколение малышей? — спросил он.

— Я уже видел.

— Кто тебе разрешил?

— Меня приняли за вашего тайного агента и все показали.

— Идиоты! Надо убрать всех людей и поставить вместо них спонсоров!

— А почему бы и нет?

— Потому что у нас не хватает рук и ног, потому что никакой спонсор не снизойдет до того, чтобы подтирать попку человеческому младенцу. Он знает, сколько в нем микробов и всякой дряни.

— Госпожа Яйблочко заботилась обо мне, даже когда я болел.

— Ты был ее, ее собственный, единственный любимец. Вместо ребенка. Мы плохо размножаемся на Земле. Любимцы заменяют нам детей.

— Вы завоевали нашу планету, сосете из нее соки и еще уничтожаете ее жителей!

— Чепуха! Ничего подобного. Ты спроси любого человека, недоволен ли он жизнью, страдает ли он? И окажется, что люди счастливы.

— Потому что ничего не знают?

— Потому что знают, что им положено. Мы им говорим, что они живут лучше, чем раньше, и лучше, чем всегда. И говорим это с утра до вечера. Мы говорим, как плохо жили люди раньше, пока мы не пришли и не научили их всему. И они верят. И если ты сейчас придешь и начнешь кричать этим людям, что они живут плохо, что мы их угнетаем и даже уничтожаем, они тебя растерзают. Никому не нужна правда. Всем нужна еда.

— А как же Маркиза и Хенрик? — спросил я. — Они тоже слепые?

— Им выгодно, что Земля принадлежит нам. Они отлично устроились. Они сорняки. А сорняки полезно иногда пропалывать.

— Вы им разрешаете носить одежду?

— Разумеется. Мы им многое разрешаем. Чтобы им казалось, что они что-то значат. Мы им уступили вонючие подземелья и непроходимые леса, шахты и теплицы, мы им дали кондитерские и металлические фабрики. Мы им даем эксплуатировать своих же людей, с которых они дерут три шкуры. И трепещут перед нами. Разве не удобная для всех модель?

— Маркиза на вас рассердилась.

— Ничего подобного. Твоя Маркиза испугалась. Она поняла, что в один прекрасный день ее тоже могут ликвидировать. Но при этом она рада — погибли некоторые из ее конкурентов. К тому же у меня есть возможность ее утешить.

— Какая?

— Я давно обещал отправить ее в Галактический центр, где исправят ее тело. За это она нам будет еще вернее.

Мы вернулись к бетонным домам. Подбежал Арсений и стал тереться о ногу спонсора — его уже обучили любви к спонсорам. Ко всем спонсорам. В меня ее вложили недостаточно.

Сийнико потрепал Арсенчика по головке.

— Я их не различаю, — сказал он. — Но будущее Земли за ними. Люди не должны размножаться как придется. Любой ребенок должен быть запрограммирован, чтобы быть нам полезным. Поэтому я лично возражаю против насильственных действий. Зачем убивать? Через несколько десятилетий Земля будет идеальной, гармоничной планетой. И залогом тому наши питомники.

Спонсор удивительно говорил по-русски, с прибаутками, поговорками и без акцента, свойственного всем спонсорам.

Я пошел вверх по ступенькам, в особняк.

— Что такое? Ты куда? — крикнул мне вслед спонсор.

— Мне сказать два слова на кухне, — откликнулся я.

Спонсор оказался в дурацком положении — он же не мог войти в дом. Так бывало со всеми спонсорами — им кажется, что они правят, но они не могут войти ни в дом, ни в шахту, ни зачастую на фабрику. Пока люди не истреблены и не все на Земле переделано под четырехметровых жаб, люди будут жить своей жизнью. Прощай, мой господин!

Я прошел на кухню и приказал поварихам, которые еще мыли посуду, чтобы Леоноре выдавали отныне по двойной порции. Поварихи принялись что-то нести о жулике — заведующем производством, об указаниях господина спонсора, но я не стал с ними спорить, а лишь добавил, что завтра проверю.

К моему удивлению, Сийнико ждал меня у лестницы.

— Какая такая Леонора? — спросил он ворчливо.

Спонсор держал в лапе коммуникатор. Разумеется, он слышал все, что я говорил, — коммуникаторы слышат сквозь стены. Я опять оказался слишком самонадеян.

— Сами вывели чудовище, — сказал я, — а кормить забываете.

— Какое из чудовищ ты имеешь в виду?

— Двухметровую девицу. И не понимаю, зачем она вам нужна?

— Зачем? Отвечу. Дело в том, что мы, как ты имел несчастье заметить, очень эмоциональны. Нам необходимо выплескивать энергию. Любое соревнование, особенно с элементом борьбы, нам интересно. Предприимчивые люди помимо боев гладиаторов возрождают, и не без успеха, борьбу, бокс и баскетбол. А так как кандидаток мало, я решил, не вывести ли мне собственную баскетбольную команду? Там, — он показал на второй этаж, — в инкубаторах, у меня лежат два десятка переростков. Не все же людям получать прибыль — пора брать все в свои руки. Через десять лет мои баскетболистки покорят мир и принесут мне миллионы.

— А сколько лет Леоноре? — спросил я.

— Двадцать. Она у нас самая старая, — сказал спонсор. — Хорошо, что ты следишь, чтобы повара не воровали. Вы, люди, ужасно вороваты. Для вас нет ничего святого. Все тащите... — Спонсор сжал губы. Ему было противно.

Больше таких откровенных бесед между мной и Сийнико не было.

Спонсор был занят в городе, прилетал поздно. С утра обходил лаборатории и проектные мастерские. Однажды прилетела на вертолете чета спонсоров, отобрала и увезла с собой гибрида. К тому времени уже вернулась надзирательница госпожа Фуйке, меня она игнорировала — и к лучшему, по крайней мере, я мог тоже не обращать на нее внимание.

За время, проведенное в питомнике для любимцев, я отдохнул, отъелся — ведь поварихи меня побаивались, а я их не разубеждал.

У Сийнико была неплохая библиотека. Он разрешил мне смотреть картинки в книгах в его кабинете. Я понял, что при всем своем уме Сийнико подвержен той же слабости, как и все спонсоры, — он не мог допустить и мысли, что любимец может читать, причем не только по-русски, но и на языке спонсоров.

Так что я не только рассматривал картинки, но и читал. Правда, из спонсорских книг многого не узнаешь — как правило, это книжки-гармошки про войны на неизвестных мне планетах, в которых некий господин Куйбивко обязательно поражает множество драконов или другой нечисти. Госпожа Яйблочко обожала раскладушки про одинокую и несчастную спонсоршу, которая скрывает свою красоту в ожидании достойного жениха, который в конце концов прилетает со звезд.

Когда я был любимцем, я читал эти книги, полагая, что все это — правда, и даже переживал за несчастную невесту. Теперь же я отбрасывал все эти книги в сторону, а искал на полках исторические труды или книги, говорившие о нас, людях.

Но о людях ничего не было. Словно и планеты такой — Земля — не существовало. И не было страны Россия, как и других стран, пейзажи которых я видел по телевизору, когда жил у хозяев.

Я привык к жизни в питомнике, а питомник привык ко мне. Сначала спонсор думал, что я буду помогать Автандилу, но меня генетика не увлекала. Зато я любил возиться с малышами, мы с ними играли в разные игры, я стал преподавать им физкультуру, стрельбу из лука и фехтование. Думаю, что я был популярной фигурой в питомнике.

Спонсор тоже привык ко мне. Как возвращался из города, часто звал меня, мы вместе ужинали, а потом он пускался в рассуждения и монологи, а я покорно слушал их. Впрочем, я узнавал от него не так уж много нового. Я знал, что у спонсоров были большие неприятности с милицией, которая не могла примириться со смертью милиционеров на стадионе, а без милиции спонсоры обойтись пока не могли. Пришлось увеличить жалованье милиционерам и выделять для них специальные пайки. А с продовольствием было и без того плохо. Трудности. Как бы не пришлось забраться в стратегические запасы!

Порой Сийнико не замечал меня. Я забирался в его библиотеку, которая располагалась за кабинетом, читал или рассматривал картинки. Сийнико ел, спал, отдыхал, писал письма, отдавал распоряжения, зная, что я нахожусь рядом, и не обращая на то внимания.

Зима в том году выдалась мягкой, но снежной.

Все, кто мог, надевали на себя теплые вещи таким образом, чтобы этого не заметила наша главная мучительница госпожа Фуйке. Людмила, которая ко мне привыкла и даже кидала на меня долгие призывные взгляды, связала мне безрукавку, которая отлично грела и была не видна из-под халата. Это спонсоры придумали легенду, что любимцы не чувствительны к холоду. К холоду не чувствительны сами спонсоры. А люди лишь учатся его терпеть. Мне было жалко малышей, которых в зимние дни выгоняли босиком на снег. В спальнях не топили, поэтому многие из них болели и умирали, но госпожа Фуйке объявляла эти смерти закономерным отбросом.

Когда заболел мой друг Арсений, я совсем уж разъярился и сказал спонсору:

— Вы похожи на курицу, которая бьет ногами собственные яйца. Вы сами себе враги.

Такое обращение удивило Сийнико, и он оторвался от телевизора, чтобы выслушать меня.

— За зиму, как я узнал, умирает до трети малышей. Каждый малыш стоит денег. Мертвый малыш — это деньги, которые вы не получили.

Спонсор выслушал меня и, кивнув, вновь обратился к телевизору.

— Вы не ответили, господин спонсор, — сказал я.

— Мы обязаны представить покупателю добротный продукт, — сказал наконец Сийнико. — Зачем нам рекламации? Пускай любимцы проходят суровую школу, зато мы выпускаем в свет отличный материал.

— Чепуха, — сказал я. — К холоду человек не может привыкнуть. Он может научиться терпеть его. Не более.

— Откуда ты это узнал?

— Сам придумал. Я семнадцать лет прожил в любимцах. Вы что же думаете, дом, в котором я жил, не отапливался? Вы что, не знаете, что моя подстилка лежала на кухне, где всегда тепло?

— Нельзя, — сказал Сийнико. — Мы рекламируем наших любимцев как морозоустойчивых.

— Они не морозоустойчивы. Они страдают.

— Я удивлен, — сказал Сийнико. — Я обязательно все это проверю.

Он ничего не сделал, и малыши продолжали болеть и умирать. Правда, Арсения я взял к себе в бокс, который, как и все помещения для спонсоров и лаборатории, отлично отапливался. Я отдал Арсению свое одеяло, а пищу носил ему из столовой. Арсений громко кашлял, у него воспалились жабры, я выпросил у биоинженеров таблетки от кашля и от жара. Через два дня мне пришлось еще более потесниться — тяжело заболела Леонора.

Но Леонора пришла не одна — она принесла простуженную девочку. Так что у меня образовался лазарет, который продержался до весны. Как оказалось, поварихи, уборщицы и воспитательницы тоже порой брали к себе в дома больных детей. И никому об этом не рассказывали. Госпожа Фуйке не удивлялась несовпадению списочного состава питомника с наличными малышами. Она наверняка знала о том, что происходит, но спонсору Сийнико об этом не рассказывала. Он бы навел порядок.

Спонсор. Сийнико не был жестоким существом, не был садистом. Но порой я видел в нем страшного убийцу. Происходило это оттого, что ему было все равно, что случится с человечеством, если это не затрагивало его интересов. Он противился массовым ликвидациям людей, потому что полагал, что спонсорам выгоднее, чтобы люди им облегчали жизнь. Но если бы его кто-то убедил, что спонсорам будет удобнее жить, если завтра люди умрут, я убежден, что он первым бы начал травить нас газом или закидывать бомбами. То, что он выделял меня из числа людей, ни о чем не говорило. Я отдавал себе отчет в том, что со мной он расстанется так же спокойно, как с разбитой лампочкой. Но пока сотрудничество с людьми ему было выгоднее их смерти.

Особенно очевидным это стало, когда в начале мая к нам в питомник вдруг опустилось несколько вертолетов, на которых прилетели незнакомые мне высокопоставленные спонсоры. Среди них были носители оранжевых кругов Управления экологической защиты, синих гребней Охраны порядка, красных кругов Ведомства пропаганды.

Я был в библиотеке за кабинетом Сийнико и хотел было уйти, но опоздал — спонсоры один за другим входили в кабинет. Кресел для всех не было, так что двое, Сийнико и большой чин из Охраны порядка, сели, остальные стояли. Впрочем, спонсоры не любят сидеть, им удобнее стоять. Идею кресла они позаимствовали у людей, и Сийнико говорил мне, что до сих пор среди консервативных спонсоров к креслам существует стойкое отвращение, как к предмету моральной деградации.

Чудовища были видны мне сквозь щель в неплотно прикрытой двери. Я затаился. Я был уверен, что подведу своего покровителя, если выйду из библиотеки и пройду через кабинет.

Спонсоры были убеждены, что их никто не подслушивает, потому говорили громко, не стесняясь в выражениях, я же слышал и понимал все до последнего слова.

— Мы все очень заняты, — сказал Сийнико. — И не любим терять времени даром. Я начинаю сразу с информации, которую получил от Высшего совета.

— Правильно, — откликнулся спонсор с красным кругом Ведомства пропаганды. — Переходите к делу.

— На Высшем совете обсуждался вопрос о нехватке продовольствия и иных продуктов, которые производят люди.

— Не в первый раз, — отметил другой спонсор.

— Но на этот разрешено принять меры. В соответствии с проектом двенадцать. Вы помните его?

Два согласных мычания — потом голос:

— Я не в курсе дела.

— Напоминаю: в прошлом году обсуждался и был отклонен проект, который объясняет деградацию экономики и падение производства тем, что работники-люди все более наглеют и все большую часть продуктов оставляют себе. Это позволяет им благоденствовать и плодиться, тогда как мы, спонсоры, оказываемся в невыгодном положении, так как космические поставки затруднены, а контроль Федерации ожесточился. Проект двенадцать предусматривал ликвидировать половину населения Земли.

— Зачем? — послышался удивленный голос спонсора из Управления экологической защиты.

— Идея проекта заключается в том, чтобы вдвое уменьшить число едоков-людей и таким образом освободить массу продуктов для потребления нами.

— Чепуха! — зарычал невидимый мне голос. — Что они, не понимают, что каждый едок является и производителем?

— Не считайте Высший совет глупее, чем он есть на самом деле, — мягко возразил Сийнико. — Там отлично это понимают. Но и понимают, что в существовании людей заинтересована лишь часть спонсоров — те, кто наладил с ними деловые и личные связи. Вот именно это и кажется руководителям совета очень опасным. Они опасаются размывания нашей идеологии.

— Это плохо, — сказал спонсор из Ведомства пропаганды. — Значит, с продовольствием и товарами станет намного хуже.

— Намного, — согласился Сийнико.

— Однако наши дорогие консерваторы сделают еще один шаг к идеалу, к образцовой планете с одним образцовым городом для инспекций и комиссий. Мы же лишимся всего.

— К сожалению, эта точка зрения взяла верх, — сказал Сийнико. — И боюсь, что отменить ее не удастся.

— Что же делать?

— Ликвидация половины населения Земли — задача нелегкая. Даже самые решительные в совете понимают это. Раньше августа эта операция не будет предпринята. Значит, у каждого из нас есть время подготовиться, предупредить нужных людей, спрятать то, что можно спрятать...

— А списки на ликвидацию, конкретные списки где, сколько, каким образом?..

— Их будут составлять по департаментам.

— Самоубийцы, — сказал пропагандист.

— Надо срочно писать в Галактический центр, — сказал кто-то.

— Я не рискну этого сделать, — сказал Сийнико. — Кое-кто здесь только и ждет, что я ошибусь. А голова у меня одна.

Они еще долго обсуждали, что им делать, и разошлись поздно вечером. Я слушал и все более ужасался. Ни один из этих спонсоров не сказал, что ему жалко людей. Ну хоть немного жаль. Им жалко своих благ и своих доходов.

Я был так взволнован и удручен, что совершил роковую ошибку.

Когда спонсоры улетели на своих вертолетах, я вышел из библиотеки и подождал возвращения Сийнико в кабинете. Тот удивился, увидев меня.

— Ты зачем пришел? — спросил он.

— Неужели вам не жалко людей, которых вы убьете? — спросил я, отходя к двери.

— Каких людей? — удивился спонсор.

— Которые погибнут по проекту двенадцать.

— Откуда ты знаешь?

— Я был в библиотеке!

— Ты понял?

Спонсор неподвижно навис надо мной.

— Ты знаешь наш язык?

— Немного, — сказал я. Чувство близкой опасности заставило меня съежиться. — Совсем немного.

Я произносил эти слова так, будто слабое знание языка меня спасет.

— Тебя учили?

— Я жил в семье и слушал.

— Ты слушал? И все?

— Я смотрел телевизор.

— А дома знали, что ты понимаешь наш язык?

— Вряд ли. Вы, спонсоры, думаете, что мы слишком тупые, чтобы выучить ваш язык.

— Это исключено! — воскликнул спонсор. — Этого еще не было.

— Наверное, я не один такой. Есть же любимцы и поумнее меня.

Спонсор уселся в свое кресло, он смотрел как-то мимо меня, в угол комнаты, словно побаивался меня.

— Опасность, исходящая от тебя, — сказал он наконец, — представляется мне большей, чем твоя ценность как свидетеля.

— Вы обещали Маркизе! — напомнил я. У меня все внутри дрожало.

— Я?

— Вы дали слово!

— Я его дал, я и возьму обратно.

— Вы изумительно говорите по-русски, — сказал я спонсору.

Тот не смог сдержать знак улыбки.

— Не бойся, — сказал он. — Я тебя ликвидирую так, что ты этого не заметишь. И никто этого не заметит. Так что не беспокойся.

— А нельзя обойтись без таких мер? — спросил я.

— Иди спать, — отмахнулся от меня спонсор. — Я страшно устал и недоволен. Может быть, правы те, кто выступает за полную ликвидацию человеческой расы.

— А есть и такие?

— Разумеется. Это гигиенично, это решает все экологические проблемы на Земле.

— Зачем? Чтобы жить на Земле вместо нас?

— В конечном итоге всегда побеждает сильнейший.

— Неужели некому за нас заступиться?

— Заступиться? Откуда ты слышал о заступниках?

— Я не слышал.

— Люди лживы. Ты — один из самых изощренных лжецов вашей породы. Вы недостойны того, чтобы коптить небо.

— Вы сердитесь? Вы испугались меня?

— Что?.. Уходи — не то разорву тебя своими руками.

Я ушел. Он, конечно, не станет меня убивать собственными руками, но в голосе его звучала смертельная для меня угроза. Спонсор был рационален. Я стал опасен, потому что подслушал их секретный разговор и имел глупость в этом признаться. Теперь спонсор должен опасаться, что я сообщу об этом разговоре.

С такими горькими мыслями я отправился к себе в бокс.

Темнело. Но небо было уже весенним, ожившим, по нему текли облака. От леса несло холодом, там, в чаще, еще скрывались лепешки снега. Первые звезды уже разгорались на восточной стороне неба. Я остановился и стал смотреть на небо, охваченный неожиданным и непонятным самому себе ощущением счастья, слияния с этим миром. И от этого наваждения звуки питомника, доносившиеся до меня, показались мне звуками настоящей Земли. Голоса уродцев, созданных на потеху спонсоров, — веселой музыкой обыкновенных детских игр, клокотание вентилятора вытяжки из лаборатории генных инженеров — перестуком колес далекого поезда, низкие звуки голоса спонсорши Фуйке, отчитывающей повариху за неучтенную тарелку, — криком совы в густой чаще, карканье ворон... впрочем, это было именно карканье ворон, и ничем иным оно показаться не могло.

Я огляделся. Далеко сзади появился квадрат света — в нем обозначился силуэт спонсора Сийнико, который потопал к генетикам — как всегда, вечером он проверяет, что они сделали за день. Поэтому-то лаборатория так велика — она построена по масштабу спонсоров, чтобы проверяющий всегда мог нагрянуть и проверить, чем занимаются там люди.

Вспыхнули прожектора на вышках вокруг питомника — они зажигались автоматически, когда темнело. Я знал, что на вышках дежурят милиционеры. И вдруг со злорадством подумал: ведь и вас, голубчики, ликвидируют. И, может, раньше других. Вспомните стадион. Тот, где я убил спонсора...

Честное слово, я не жестокое существо и даже никогда не таскал кошек за хвосты. Я столько лет прожил в покорном мире, которым правили спонсоры, не подозревая, что они вовсе не благодетели, а грабители и убийцы! Но даже когда я увидел правду, во мне не возникло желание убивать. Ну как можно убить просвещенного и разумного господина Сийнико, который, многим рискуя, скрывает меня в питомнике!

Мне стало холодно. Я пошел к себе в бокс. Мои больные, которым стало лучше, днем уже вылезали погреться на солнышке, сидели, накрывшись одним одеялом, и что-то пели. При виде меня они смутились и замолчали.

Я знал, что петь запрещено, но сказал:

— Вы пойте, не обращайте на меня внимания.

Но они уже не стали петь.

Я сказал им, что мне не холодно, и уселся рядом с ними. Странное счастливое чувство, овладевшее мною на улице, так и не покинуло меня. И я с умилением глядел на мой госпиталь. Вот Арсений, подводный мальчик, кареглазый, всегда веселый, он привязался ко мне, как к старшему брату, и я видел, как он оскалился, когда мне что-то стала выговаривать госпожа Фуйке. Рядом с ним, сложившись втрое или вчетверо, сидит Леонора — невероятно длинная девица, основное качество которой — стеснительность. Она стесняется своего роста, своей худобы, своих глаз, своих рук, она стесняется жить на свете. Иногда малыши дразнят ее. Она терпит. Ее жизнь — наказание, и я не думаю, что она протянет здесь долго, если ее не отправят в баскетбольную команду, где вокруг нее будут такие же жерди. Третье существо — самое милое и самое изуродованное из троих — Маруся-птичка. Ее изготовляли по спецзаказу какой-то знатной семьи, у которой раньше жил попугай. Поэтому голову Маруси покрывают не волосы, а белые перья, а тельце покрыто пухом. Есть у Маруси и крылышки — но они маленькие, и она не умеет летать.

— Скоро будет лето? — спросила Маруся.

— Через месяц, — сказал я.

— Скорей бы прошел этот проклятый месяц, — сказала Маруся.

Несмотря на то что ей всего четыре года, Маруся умница и порой выдает многозначительные и не совсем понятные для окружающих сентенции.

Еще на прошлой неделе, когда все трое лежали у меня в жару, кашляя и чихая, я обещал им, что, как только наступит лето, я уговорю спонсоршу Фуйке отпустить нас в лес. Мы пойдем далеко-далеко и будем собирать цветы и ягоды. Теперь мои подопечные жили ожиданием праздника. Я смотрел на них с радостью и не видел их уродства. И в то же время я знал, что они обречены быть игрушками существ, не имеющих ни права, ни совести калечить людей. И самое ужасное то, что они калечат и убивают не от злости, не от садизма натуры, а потому, что так положено, так выгодно, так удобно, подобно тому, как мы, люди, выводили породы собак... Недавно я разговаривал с Людмилой, с которой мы постепенно сблизились и стали доверять друг другу, и спросил ее, насколько в силах современная биотехника вернуть малышей в нормальное состояние. Людмила развела руками и ответила, что шансов очень мало. Для того чтобы заложить в клетки определенные изменения, достаточно земных лабораторий. Но переменить облик и внутреннее строение существ, уже созданных и выросших... для этого нужна технология, о которой мы не можем мечтать. «А спонсоры?» — спросил я. «Вряд ли, — сказала Людмила. — Спонсоры используют чужие достижения — и не только земные».

«Ничего, — сказал я сам себе, — мы выгоним этих спонсоров и тогда починим вас, ребятишки».

Именно тот момент я могу воссоздать в памяти: и тишину в боксе, и дыхание детей, и собственное состояние. Тогда я и понял, что в моей жизни есть цель — выгнать с Земли этих спонсоров. Потому что, если я этого не сделаю, они постепенно уничтожат всех людей, а если даже не уничтожат, то превратят в любимцев и рабов.

Я не знал, как это сделать. Но я был уверен, что судьба выбрала для этой цели именно меня. Я был уверен по оговоркам и намекам спонсоров, что на Земле уже возникали восстания и заговоры против спонсоров. Но все они проваливались по двум причинам: или спонсоры успевали задушить восстание, или находился предатель. Второе случалось куда чаще — за столетие господства братьев по разуму люди научились продаваться и блаженно существовать, как свиньи на бойне — их сейчас поведут резать, а они спешат насытиться или свести счеты. Мы счастливые свиньи на счастливой бойне!

Дверь чуть приоткрылась, и я услышал голос:

— Тим.

— Кто там? — Я вскочил.

— Выйди сюда.

Ребятишки обеспокоенно вертели головами, перешептывались.

Я вышел в коридор.

Там, еле освещенная единственной тусклой лампочкой, стояла Людмила.

Она потянула меня за руку в глубь коридора, к затянутому решеткой окну.

— Тим, я так боюсь, — прошептала она.

— Говори.

— Спонсор Сийнико приходил к нам. Он разговаривал с Автандилом и профессором. Меня выгнали из лаборатории. Мне это не понравилось, и я стала подслушивать. Я не все слышала, но они говорили о тебе.

— И что? — Я старался выглядеть обыкновенно — мало ли зачем они говорят обо мне.

— Спонсор хочет тебя убить.

— Как же?

— Они тебя отравят, они тебя отравят так, чтобы все думали, что это случайно, потому что наш спонсор гуманист. Он будет ни при чем.

— Спасибо, Людмила, — сказал я. — Но, наверное, ты немного преувеличиваешь. Зачем спонсору меня убивать?

— Значит, ты ему мешаешь. Я тебе должна сказать, что уже был один случай. Почему-то спонсору не понравился доктор Герц. Он стал непокорным, он хотел уйти из лаборатории. А потом доктора нашли мертвым. И сказали, что он объелся ядовитых грибов.

— Я не буду есть грибов, — сказал я и взял Людмилу за руку. — Я тебе обещаю.

— Они могут придумать что-нибудь еще.

— Я буду осторожен.

— Ты не представляешь, какие они хитрые!

Людмила была расстроена, ей казалось, что я не понимаю грозящей мне опасности. Но я понимал.

— Иди, — сказал я ей, — иди, пока тебя не заметили. Завтра поговорим.

— Но они могут прийти к тебе уже этой ночью.

— Пускай приходят.

Я проводил Людмилу до двери — она скользнула вдоль стены.

Я надеялся, что ее никто не заметил. Теперь мне следовало подумать.

Я стоял в пустом холодном коридоре.

Что они придумают? Неужели на самом деле спонсор решил меня отравить? А когда? Вернее всего, завтра утром. Но все может случиться...

Я выглянул наружу и посмотрел на звезды. Было около десяти часов вечера. Питомник уже спал, угомонились будущие любимцы; прожектора, светившие с вышек, лишь подчеркивали пустоту и тишину.

Ждать было нельзя. Надо действовать.

Я вернулся к себе в бокс. Мои малыши, конечно же, не спали — они были встревожены и ждали меня.

— Ничего страшного, — улыбнулся я им. — Не беспокойтесь. Тетя Люда сказала мне, что воспитатели сердятся, что вы так давно живете у меня. Они хотят нас за это наказать.

— Я не хочу в корпус! — воскликнул Сеня.

Они жили у меня тише мышей, трепеща перед необходимостью вернуться в особняк и надеясь, что сегодня этого не случится.

— Если они на нас рассердятся, — сказала умненькая птичка Маруся, — они нас запрут в карцере. И мы не сможем ходить к Тиму.

— Может быть, завтра? — спросила Леонора.

— Нет, — сказал я твердо. — Вернуться в корпус надо сегодня. Поверьте мне.

Они не стали плакать и просить меня.

— А мы пойдем в лес летом? Ты обещал, — сказала Маруся.

— Я помню. И обещаю, что пойдем.

Мне надо было решить сложную задачу: Арсений с Леонорой жили в особняке, в общих спальнях, Маруся в боксе за лабораторией, потому что процесс ее метаморфозы еще не кончился. А это совсем в другой стороне. Пустить их на улицу одних я не мог — ночью в питомнике спускали собак. Собаки могли испугать малышей.

— Подожди меня, Маруся, — сказал я птичке. — Я отведу Сеню с Леонорой, а ты никого не пускай, сиди тихо.

— Я всегда сижу тихо, — сказала Маруся.

Я взял Арсения на руки, а Леонора шла рядом со мной.

Мы пошли не напрямик через газон, который просвечивался прожекторами, а ближе к изгороди, по кустам. Нам никто не встретился. Только возле дорожки, ведущей к особняку, из кустов выскочила собака, хотела было залаять, но я велел ей молчать, и собака побежала рядом. Леонора ее боялась и крепко держала меня за руку длинными пальцами.

Мы обошли особняк. Сзади был ход на кухню — там разгружали продукты. Я знал, как открыть крючок — я туда уже не раз так проникал, потому что воровал для малышей еду: раз они болели у меня в боксе, им довольствия не полагалось.

— Тише, — прошептал я.

На кухне обычно не было сторожа, но порой поварихи или прачки тоже пробирались туда и воровали еду. Ведь все жили впроголодь. А в последние дни по радио начали твердить о том, что людей развелось столько, что они отнимают пищу у своих собратьев. Я знал, что означала вся эта подготовка.

Мы прошли через кухню, и у лестницы в спальни я попрощался с Леонорой и Сеней. Я обещал им, что завтра навещу и мы обо всем договоримся.

Я вышел из особняка тем же путем, закрыл за собой дверь и, не торопясь, главное — не вызвать тревоги, пошел обратно к своему боксу.

Мне показалось, что за мной кто-то идет, я даже несколько раз останавливался, прижимался к стволам дубов, но никого не видел. Только чувствовал. Я знал, что меня хотят убить, но не могу сказать, что боялся нападения. Я боялся только, что им удастся убить меня так, что я этого не почувствую.

Чтобы выманить преследователя, я ускорил шаги, надеясь, что оторвался от него, и резко прыгнул за ствол дуба. Я внимательно посмотрел назад. Да, что-то темное, какая-то тень мелькнула сзади. Но не более. Конечно, они могут и выстрелить, в конце концов все равно они докажут, что я умер естественной смертью. И все же, вернее всего, это будет не выстрел, а что-то более чистое. Они убьют меня так, что завтра можно будет выставить мой труп на всеобщее обозрение и никто не заподозрит неладного...

Я пошел быстрее, потом побежал, чтобы оторваться от темной тени. Одна из сторожевых собак припустила за мной, но не залаяла, потому что узнала меня — я нередко ее подкармливал. Так она и бежала рядом со мной, подпрыгивая и полагая, что мы с ней играем.

Перед линией боксов я остановился. Что-то было неладно.

Потом я сообразил — в темноте ярко горели два больших окна. Одно в боксе Сийнико. Значит, спонсор не спит. Хотя в это время он всегда спит. И еще одно окно в лаборатории. И там не спят.

Они готовятся.

А я ни черта не знаю — что они замыслили?

Я нащупал узкий нож в шве кожаных штанов. И тут же спохватился, что я совершаю перебежки по питомнику, облаченный в белый халат — меня можно увидеть за версту. Какое счастье, что они решили не стрелять в меня — лучшей мишени и не придумаешь!

Я скинул халат и скатал его. Передо мной лежало открытое пространство, периодически освещенное вертящимся прожектором на вышке. Я подождал, пока луч прожектора начнет движение прочь от лужайки, и кинулся к моему боксу. Я успел подумать: хорошо, что у спонсора и в лаборатории горит яркий свет. По крайней мере они за мной не следят. Вот и мой бокс.

«Стой!» — сказал я себе. Внутри меня звенел сигнал тревоги. В чем дело? Я плотно прикрыл за собой дверь, когда уходил. Я это отлично помнил. Кто-то был здесь после меня. Но где он сейчас? Поджидает меня в темном коридоре?

Я был в невыгодном положении — между мной и вышкой не было никакого здания, и я понимал, что через минуту луч прожектора меня накроет.

Я спиной чувствовал, как полоса света крадется ко мне. И тут мною овладело бешеное желание действовать — нестись, сокрушая все. Такое чувство я испытал на стадионе, когда убил спонсора. Если мне нельзя стоять и ждать смерти, то лучше я встречу ее лицом к лицу. Главное — стремительность!

Я в два прыжка был у двери, мгновенно ударом распахнул ее и влетел в коридор. Я ожидал удара, выстрела — но не встретил никакого препятствия. Я ударился о стену с окошком, перекрывавшую коридор, и замер. Было тихо-тихо, зажужжал ранний комар. Далеко-далеко закаркала вспугнутая чем-то ворона.

В боксе никого не было.

Ни дыхания, ни стона, ни движения.

Я перевел дух. Постарался успокоиться. Дверь могло открыть ветром. Маловероятно, но могло. А может быть, засада ожидает меня в моей комнате? Но теперь я был в себе уверен более. Я мог не спешить, за спиной у меня была бетонная стена, сам коридор узок — здесь враги не имеют преимуществ.

Опершись спиной о стену, я сильным ударом ноги распахнул дверь в мою комнату.

Тихо. Пусто. Мертво. Только неприятный, утекающий в сквозняке запах... медицинский, мертвый...

Он промчался мимо меня, высосанный сквозняком в коридор и наружу, оставив тяжесть в голове и мгновенный приступ тошноты.

Я вошел в комнату. Она была пуста. А где моя птичка, где Маруся?

На полу, на моем матрасе, лежало одеяло, под ним угадывалось тельце девочки. Она заснула.

Запах еще жил в боксе и был отвратителен.

Когда я наклонился, чтобы разбудить птичку и отнести ее в лабораторный бокс, запах показался мне более сильным. Я потрогал Марусю за плечо. Она не отозвалась — плечо поддалось руке.

Я откинул одеяло. Маруся лежала на боку, и при свете фонаря, проникавшем в окно, было ясно, что она уже никогда не проснется. Маруся была мертва.

Я взял ее на руки и пошел к выходу.

Маруся была легкой, будто у нее были птичьи кости. Ее голова запрокинулась. Лицо, обрамленное белыми перышками, было спокойным.

Этот запах — неприятный, удушающий запах — откуда он знаком мне?

Следы его были в лаборатории. Там была склянка... Что же сказал Автандил? Он сказал: «Мы не можем ограничиваться исследованиями. Мы должны выводить любимцев, выращивать их и уничтожать, если они оказались нежизнеспособными». — «Это редко бывает», — перебила его тогда Людмила. «А если бывает, у нас есть гуманные способы. Любимец и не догадается, что умер...»

Автандил!

Тот взял с полки стойку с рядом ампул. В одной из них была мутная белая жидкость...

Теперь я знал, какую смерть придумал для меня господин спонсор: Автандил или кто-то иной из послушных ученых проник в бокс, разбил в моей комнате ампулу, а может быть, нажал на гашетку пульверизатора... Они были убеждены, что я сплю — куда мне еще деваться? Пустив газ, он закрыл дверь и ушел из бокса. Распыленный яд подействовал, я думаю, мгновенно — и Маруся ничего не почувствовала.

Зато я почувствовал — и свою смерть, и смерть девочки.

Я шел к выходу и думал: как хорошо, что я увел отсюда Леонору с Арсением. Иначе бы мы все погибли.

Я подошел к входной двери и замер.

У меня не было плана, что делать дальше.

Отнести тело девочки к спонсору? Обвинить его в убийстве? И что же? Сила их заключалась в том, что смерть кого бы то ни

было из людей не могла быть причиной боли или хотя бы стыда. Чем меньше останется людей, тем свободней.

Я принесу ему девочку, а он убьет меня сам, потому что теперь я знаю, как они убивают. Он меня все равно убьет.

Отправиться в лабораторию и обвинить ученых? Они не чувствуют и не почувствуют раскаяния, потому что они исполнили приказ и сделали все правильно.

Я держал на руках легкое тело птицы и понимал, что теперь у меня есть в жизни только один путь — путь вражды и ненависти к спонсорам. И не потому, что они жестокие и бессердечные, среди них были разные, а потому, что, как оказалось, впереди есть лишь два пути — либо на Земле остаются люди, либо на Земле будут жить спонсоры со своими любимцами.

А раз так, то отныне я не принадлежу себе. Я должен найти союзников, потому что не может быть, чтобы я был на этой планете совсем одинок. Должны быть у меня друзья и соратники! Но, наверное, не Маркиза с Хенриком, которые замечательно устроились, а какие-то иные, мне еще незнакомые люди.

...Я спохватился, что стою у закрытой двери и держу тело Маруси, завернутое в одеяло.

Я вернулся в свой бокс, осторожно положил Марусю на матрас, попросил у нее прощения за то, что ухожу от нее. Потом взял одеяло и раза два сильно встряхнул его, чтобы изгнать из него остатки газа, свернул в скатку и обмотал себя. Так было лучше, чем держать одеяло в руке или под мышкой. Потом я взял несколько сухарей, недоеденных моими питомцами, и рассовал по карманам штанов. Белый халат я тоже взял — он может пригодиться.

Я должен был сейчас же, пока они не пришли проверять, хорошо ли убили меня, пока не начало светать, уйти из питомника.

Я приблизительно представлял, как это можно сделать, потому что за прошедшие недели не раз мысленно убегал отсюда.

В дубраве, в самой гуще кустарника, под колючей проволокой, которая всегда находилась под током, был прорыт собаками ход. Наверное, это случилось еще до того, как по проволоке пустили ток — по крайней мере, с собаками ничего не случалось. Я сам видел, гуляя в дубраве, как собака осторожно, будто чуяла ток, пролезла под проволокой и умчалась в лес, наверное, на свидание. Иного выхода у меня не было. Луна зашла, и я потратил несколько минут, прежде чем нашел в темноте этот подземный ход. Я улегся возле него и стал его углублять, потому что для меня он был узок.

Я выкидывал землю из хода, сам постепенно углубляясь в него.

Внезапно сзади над моим боксом загорелся свет. Затем зазвенела колокольная дробь. Я догадался, что спонсор пришел ко

мне в бокс поглядеть на мой труп, ибо он был основательным ученым и привык проверять действия людей, которым никогда не доверял.

Кто-то пробежал по поляне, сзывая собак.

Заметались, путаясь в густых ветвях дубов, лучи прожекторов. Я понял, что сейчас они будут искать меня и у них хватит челяди, чтобы действовать сразу везде: и в особняке, и в боксах, и вдоль ограды.

Я начал рвать ногтями и отбрасывать назад землю.

Голоса приближались — охранники шли вдоль ограды.

Дольше копать я не мог — надо рискнуть! Я закинул на ту сторону одеяло и халат. Потом медленно, головой вперед пополз в яму — главное, чтобы прошел живот. Я отталкивался руками, и провисшая проволока была всего в сантиметре от моего лица.

Голоса были почти рядом.

Но они опоздали — я уже на свободе!

Я сделал было шаг, поднялся, отряхнулся.

И тут понял, что я не один. Кто-то молча, стараясь не дышать, проползал в тот же лаз.

Это было невероятно. Неужели меня выследили?

Нет — это был кто-то маленький.

Собака?

— Кто здесь? — тихо спросил я.

— Это я, — ответил Арсений. — Потяни меня за ноги, а то я слишком медленно ползу.

Я потянул мальчика на себя.

Я ничего не спрашивал у него — потому что в нескольких шагах от нас засверкали лучи ручных фонарей.

Послышались голоса.

Я подхватил под одну руку одеяло, под другую малыша и побежал в чащу. Я спиной чувствовал, что они нашли проход в заграждении и громко переговариваются — потому что, прежде чем лезть по моим стопам, они наверняка выключат электричество. Значит, у меня пять минут форы...

Глава 7

ЛЮБИМЕЦ В ЛЕСУ

Они гнались за нами несколько километров. Им было лучше, чем нам, — у них были фонари. Но мы успевали залечь, затаиться в чаще, главное — быть неподвижными. Если ты неподвижен, с

вертолета тебя не разглядеть. Я устал нести малыша. Хоть он был маленьким, но оказался очень плотным и тяжелым. Он почувствовал, как мне тяжело, и сказал:

— Я сам побегу. Я хорошо бегаю.

Я опустил Сеню на землю. Он был бос, а земля холодная, мокрая.

— Ничего, — сказал он, — я больше не простужусь. Ведь когда бегаешь, то тепло, правда?

Нам надо было отыскать какое-нибудь место, чтобы затаиться. Но я не знал, конечно, окрестностей питомника, к тому же нас гнали, как охотники гонят дичь.

Мы вышли к небольшой речке, над которой нависали ивы, уже выпустившие сережки. Я скорее догадывался, чем видел. Месяц был узок и давал слишком мало света. Я все время боялся, что малыш ушибет или порежет ногу, мне-то было лучше — на мне были башмаки, еще старые, гладиаторские.

Чуть ниже по течению речка разливалась широко и негромко журчала по камням — там был брод.

— Давай я тебя перенесу, — сказал я.

Сеня засмеялся.

— Я люблю воду, — сказал он. — Ты иди там, а мне лучше перебраться здесь.

И прыгнул в речку в глубоком месте — и пропал с глаз, лишь круги по воде.

Я сначала испугался, потом вспомнил: ведь мой малыш — рыбка.

Я снял башмаки и пошел вброд. Камни попадали под ступни, они были острыми, и было больно. У того берега неожиданно стало глубже — я провалился по пояс, и пришлось поднять над головой мои пожитки. Сене, который уже перебрался на другой берег, это показалось очень смешным.

— Тише! —прикрикнул я на него. — Ты что, выдать нас захотел?

Мой тон обидел мальчика, и он замолчал. Так мы и шли дальше молча. Мне бы попросить у Сени прощения, но за эту ночь я страшно устал и перенервничал. И все видел голубое под лунным светом лицо Маруси.

Тот, дальний, берег реки был высоким, но пологим. От брода вверх вела широкая, заросшая травой и кустами дорога.

Начало светать. Воздух стал синим и морозным. Сеня бегал вокруг меня, подпрыгивал, чтобы согреться, — он вовсе не устал.

Я понял, что погоня отстала —вот уже полчаса, как не слышно треска вертолетов и криков охотников.

Дорога, по которой мы шли, через полчаса привела нас в заброшенное человеческое поселение. В тот день я еще не знал, что такие поселения назывались деревнями.

Деревня состояла из одной широкой улицы, по которой раньше текла дорога, а теперь все заросло кустами и даже солидными, в обхват, березами и елями. Деревянные дома, окруженные невысокими заборами, попрятались в заросли, а ограды давно упали и исчезли в траве. У некоторых домов провалились крыши, другие покосились и даже рассыпались. Но один из них, сложенный из толстых бревен, показался мне еще крепким. Хотя стекла в окнах были выбиты.

— Давай здесь поспим, — сказал я Сене.

Сеня покрутил головой, принюхался — обоняние у него дьявольское.

— Можно, — сказал он. — Здесь никто не живет, кроме маленьких животных, которые разбежались.

Мы пробрались сквозь кусты к дому. Дверь была приоткрыта — так и вросла в сгнившие доски крыльца. Но внутри сохранился даже пол.

Окна в доме были маленькие и к тому же разделенные на дольки. В одной из долек правого окошка сохранилось стекло.

Меня удивило странное, некогда белое сооружение, стоявшее в комнате. С одной стороны в нем была ниша, в которой лежал проржавевший лист железа. Во второй нише под ней сохранился серый пепел.

— Я думаю, что это была плита, — сообщил мне Сеня. — Внизу клали топливо, а сверху — кастрюли.

Я сунул руку в глубь ниши и натолкнулся пальцами на округлый предмет. Я вытащил его, оказалось — это металлический горшок. Целый чугунный горшок!

— Давай спать, — сказал Сеня. — Здесь хорошее место.

Я вытащил два сухаря и протянул один малышу.

— Завтра, — сказал он. — Проснемся и поедим. Мы будем ужасно голодные. А сейчас больше хочется спать.

Сеня был прав.

Ноги болели, голова раскалывалась. Надо было бы пойти наружу и нарвать травы и листьев, чтобы сделать нам подушки. Но сил на это не было. Мы постелили на пол халат, обнялись и накрылись моим одеялом, чтобы было теплее, и сразу заснули.

Я проснулся от того, что на меня кто-то смотрел.

Я лишь приоткрыл глаза — но не вскочил, ничем не показал, что я очнулся.

На полу, в метре от меня, сидело небольшое пушистое животное. У него были короткие треугольные уши, большие зеленые глаза, серая спина и голова, но белая грудь и белые лапы. Я вспомнил, что видел изображение этого животного в атласе в библиотеке Сийнико. Этот зверь был некогда домашним и назывался кошкой. С ликвидацией сельских поселений и организацией людей на новом уровне кошки были объявлены экологически неприемлемыми и подлежали уничтожению.

А здесь кошка выжила и даже пришла посмотреть на людей.

Я вовсе не испугался этого животного — оно и не собиралось на нас нападать, да и зубы у него были маленькими. Оно мне даже показалось красивым.

Я осторожно толкнул Сеню, который спал, прижавшись ко мне. Тот сразу проснулся, открыл глаза и обрадовался, увидев кошку.

Он поднялся. Кошка смотрела на него с удивлением, настороженно.

Она подпустила крадущегося Сеню на два шага, а потом легко отступила назад. Она не хотела, чтобы ее трогали.

Сеня остановился. Кошка вспрыгнула на подоконник и внимательно смотрела на нас.

— Не трогай ее, — сказал я. — Не пугай.

— Я знаю, — сказал Арсений, — она здесь живет, и мы будем теперь жить вместе.

Кошка сидела в окне, подсвеченная утренним солнцем. Солнце пробивалось сквозь раскрывающиеся листочки деревьев, и тени их были ажурными, как кружева, которые вязала по вечерам госпожа Яйблочко.

Было тепло, а днем станет еще теплее. Я порадовался, что мы убежали в теплое время. Зимой мы бы замерзли или нас нашли бы по следам.

Сеня подбежал к окну. Кошка спрыгнула с окна в заросли.

— Очень большое солнце! — сообщил Сеня. — Ты не представляешь, какой я голодный.

Тут я сообразил, что я тоже голодный.

— А у нас нет ни спичек, ни зажигалки, — сказал Сеня. — Значит, мы теперь будем есть все только холодное.

— Да, — вынужден был согласиться я. — Я так спешил, что почти не взял еды.

— Доставай сухари! — сказал Арсений. — А я принесу воды.

Он взял чугунный горшок и направился к двери.

— Я с тобой, — сказал я. — Далеко не убегай.

— Здесь вода близко, — откликнулся он. — Я воду чую.

Он убежал. Я вышел следом за ним. Я следил, как мальчик побежал вниз по улице — там, оказывается, протекал ручеек.

Я посмотрел вдоль деревни в другую сторону — вершину холма занимало двойное каменное здание. Низкая половина была похожа на большой дом, а высокая на башню. Вершина башни обрушилась, но над низким домом была башенка с украшением сверху, похожим на луковицу, из которой криво вырастал крест.

Наверное, в этом доме жил начальник деревни, подумал я. Надо будет сходить туда.

Погони вроде бы не было — я ее не ощущал. Арсений, который возвращался от родника, прижимая к груди горшок с водой, также был спокоен. Кошка шла за ним в отдалении, как будто решала для себя сложную задачу — признать в нем друга или игнорировать.

Я стоял на пороге дома, смотрел, как поднимается мальчик с чугунком, и понимал, что я не представляю, как себя вести дальше. Даже если будет тепло, нам не выдержать здесь больше чем несколько дней — я не представлял, что мы будем есть. Да и зачем жить в этой деревне?

Надо уходить к городу, к людям.

А надо ли? Где мне найти людей, которые думают, как я, которые тоже хотят выгнать спонсоров и тех, кто помогает им править нами? А может быть, я один такой на всей Земле? Может быть, все довольны?

Так ничего и не решив, я взял у Сени чугунок и попробовал на вкус воду — вода была хрустальная, холодная. Потом Сеня полил мне на руки, и я ополоснулся. У нас было четыре сухаря. Два мы съели за завтраком, а два оставили на вечер. Мы положили сухари на полку, потому что не знали, что ест кошка, — если она ест сухари, то лучше их держать от нее подальше.

Потом мы с Сеней пошли наверх, к каменному дому с крестом, но не дошли до дома, как Сеня углядел, что речка, которую мы переходили ночью, сливается с другой — широкой. Он сказал, что сбегает, поглядит. Он обещал быть осторожным.

Я вошел в каменный дом.

В нем было холодно. Через провал в крыше намело сугроб снега, который так и не растаял. На стенах дома были нарисованы картины, изображающие людей, одетых в простыни. Я попытался понять смысл в картинах, которые рассказывали какую-то историю, но не смог. Там же было еще несколько картин, нари-

сованных на деревянных досках. На них тоже были изображены древние люди. На двух или трех — женщина в платке, державшая на руках маленького ребенка.

Я злился, потому что не мог понять, зачем людям нужен такой дом.

Внутри было очень тихо, шум весеннего леса доносился сюда, как комариный звон. Я услышал, как треснул сучок под ногой человека. Человек шел медленно. Это был не Сеня. Я сделал шаг к стене и замер. Шаги были слишком слабыми и вялыми, чтобы принадлежать моим преследователям, но все же в незнакомом месте нужно быть осторожным. Я вытащил до половины нож...

Темная согбенная фигура с палкой появилась в дверном проеме. Сразу было ясно, что это старый человек.

Я не стал окликать его. Пускай делает что хочет. А то еще испугается.

Старик прошел в центр зала и остановился словно в нерешительности.

Лица его мне было не видно, потому что его черная ветхая одежда заканчивалась наверху капюшоном, в котором оно пряталось. Лишь серая борода висела, не касаясь впалой груди.

Глядя на картину, изображавшую женщину с ребенком, он принялся невнятно и быстро бормотать. Я различал отдельные слова, но не мог понять общего смысла его монолога. Старик говорил и говорил... и тут снаружи раздался детский крик:

— Тим, где ты? Дядя Ланселот...

Я невольно пошевелился, и старик резко обернулся ко мне.

Я видел, что он испугался, — он был такой слабый и старый.

— Не бойтесь, — сказал я. — Я не желаю вам зла. Мы здесь вдвоем с мальчиком.

— Храни вас господь, — сказал старик. — Я уже никого не боюсь.

Солнечные лучи пробивались сквозь высокие окна, и когда старик обернулся ко мне, я увидел, что у него изможденное, мятое, желтое лицо, на котором ярко видны черные глаза. Рука, лежавшая на набалдашнике трости, раздулась в суставах и, как лицо, была покрыта морщинами.

— Здравствуйте, — сказал я. — Меня зовут Тим. Или рыцарь Ланселот. Мы с мальчиком Арсением бежали из питомника и прячемся здесь. Мы не знали, что вы здесь живете.

— А я не здесь — я в лесу живу, — сказал старик. — В церкви жить опасно — место высокое, открытое, сюда эти заваливаются.

— Кто такие — эти?

— Милиционеры, — сказал старик. — На рыбалку прилетают на своих вертолетах.

— Люди? — спросил я. — Не спонсоры?

— А жабам здесь чего делать? — сказал старик. — Жабы наших лесов не любят.

— А мы с Сеней здесь ночевали, — сказал я.

Видно, услышав наш разговор, в дом вошел Сеня и вовсе не испугался незнакомого старика. Он подбежал ко мне:

— Смотри! — Двумя руками он прижимал к груди чугунок, полный небольшими рыбками. Некоторые еще шевелились.

— Это еще откуда? — Только тут я заметил, что мальчишка совершенно мокрый.

— Там большая река! — торжествующе объявил Арсений. — Я в нее нырнул — ты же знаешь, что я могу. Мне в воде даже лучше. Я их догнал, теперь у нас есть еда.

Он ждал похвалы. Он был горд собой.

— Молодец, — сказал я.

Мальчик поправил упавшую на лоб мокрую прядь волос. Старик со страхом смотрел на его перепончатую руку.

Он провел крест-накрест рукой перед своим лицом.

— Вы меня боитесь? — удивился малыш.

— Господь с тобой, — сказал старик. — Никого я не боюсь. Молитвой оберегу себя.

Но было ясно, что он боялся.

— Дай мне нож, — сказал Сеня.

— Зачем?

— Я почищу рыбу, сниму с нее чешую, выпотрошу. Мы же не дикие!

— Мы же не дикие, — улыбнулся я и отдал малышу нож.

Сеня помчался прочь из дома, который старик назвал церковью.

— А вы где живете? — спросил я.

— У меня землянка есть, в самой чаще. Меня не найдешь.

— Вас могут обидеть? — спросил я.

Старик даже не понял меня. Потом вдруг улыбнулся — а не улыбался он давно, и, по-моему, его морщинам стало больно.

— Меня и звери, и птицы не опасаются, — сказал он. — Из рук моих едят. Я же здесь почти всю жизнь прожил.

— Как же так?

— Я в эти места пришел, чтобы приход принять, — сказал он, поведя рукой вокруг себя. — Батюшка помер, а люди здесь еще жили и в лесу многие прятались. Потом кто умер, а кого вытрави-

ли, как крыс. И в деревне уже жить стало нельзя. Я в схимники ушел. Приду в храм, помолюсь и снова в лес.

— Храм, — повторил я, — помолюсь.

Старик наклонил голову.

— Молодой человек, а ты хоть знаешь, где стоишь?

— В храме, в церкви, — сказал я. — Вы же сказали.

— А что есть храм?

— Вот этот дом. Дом с картинами, — сказал я.

— А о боге знаешь? — Старик стал строг.

Я почувствовал свою вину.

— Не знаю, — ответил я.

— Темная, значит, душа, — сказал старик.

Я не стал спорить. Я сказал:

— Пойдемте в наш дом, там Сеня уже, наверно, почистил рыбу.

— Я мяса не ем, — сказал старик. — Уж лет пятьдесят как не ем.

— А что же вы едите?

— Что лес даст, что на грядке выращу, чем пчелы поделятся, — сказал старик.

Все же я уговорил старика пойти со мной. И я понял, что старик хоть и относится к нам не только с недоверием, но и с некоторой неприязнью, особенно к Сене из-за его пальцев, страшно стосковался по людям. И он пошел с нами.

Когда мы пришли, Сеня еще чистил рыбу — он не очень умел управляться с ножом. Я отобрал у него нож и сам принялся чистить и потрошить добычу. А осмелевший старик, которого звали Николаем, тем временем выпытал у нас, кто мы такие, отчего бежим и скрываемся.

Я почистил рыбу и еще раз спросил старика, не хочет ли он присоединиться к нам.

Сеня был горд собой — все же добытчик! Он взял одну рыбку и впился в нее зубами. Я же не посмел следовать его примеру, потому что раньше не ел сырой рыбы. К тому же стеснялся старика.

Дед Николай ахнул, глядя на Сеню.

— Что ж ты делаешь, чертяка! — закричал он.

— А что? Я голодный, — сказал Арсений.

— Сырую, да без соли! Что же, лень пожарить или сварить? Может, ты и не человек вовсе?

— Такой же, как мы с вами, — сказал я. — Только над ним делали операции.

— И очень хорошие! — с вызовом заявил мальчишка. — Если бы не я, кто бы рыбу поймал? А я еще и завтра поймаю.

— Рыбу есть сырую грех, — твердо заявил старик.

— У нас нет спичек, нет огня, — сказал я. — Мы не можем варить и жарить.

Старик надолго задумался.

Малыш схрупал три рыбины и сказал:

— Соли нету. Безобразие, надо было с собой захватить.

Неожиданно старик заговорил:

— Сейчас пойдем ко мне. В землянке у меня переночуем. Там у меня огонь есть, и поесть что — будет.

— Нет, спасибо, — сказал я. — Мы вас стесним.

— Пускай он сам живет, — сказал Сеня. — А мы сами.

Старик ему не нравился, потому что тот не мог скрыть своей неприязни к рукам и ногам мальчика.

Мы молчали. Я размышлял. И не знаю, что бы придумал, но тут далеко-далеко послышался звук летящего вертолета. Первым его услышал Сеня — вскочил.

— Летят, — сказал старик. — Они, конечно, здесь вас искать будут. Деревня для них — место известное. Они и решат, что вы здесь таитесь. Идемте, только быстро.

Я подхватил одеяло и прочие мои вещи, Сеня, все поняв, взял чугунок с остатками рыбы.

Отец Николай первым резво выскочил из дома и, стуча палкой по земле, затрусил к лесу, стараясь не выбегать на открытое место. Мы бежали следом.

Мы спешили не наверх к церкви, а взяли ниже, к берегу большой реки, под защиту тесно стоявших вековых елей. От опушки леса я обернулся и увидел, что вертолет опустился возле храма, из него выпрыгивали милиционеры и белые халаты — люди спонсора.

— Идем, идем, — торопил меня старец. — До моей землянки верст пять, да через болото.

Когда, проваливаясь в грязь, прыгая с кочки на кочку, мы пробирались через обширное, поросшее редкими осинами болото, я спросил отца Николая, зачем он спрятался в таких сырых местах.

А он сказал:

— Они с собаками облавы устраивали, тех, кто из деревни недалеко ушел, на сухом месте скрывался, — всех выследили и перетравили. А через болото не сунулись — оно же бескрайнее.

Через час мы выбрались на сухое место — на небольшой остров среди болота.

Остров был песчаным и покрыт шапкой могучих сосен.

Там и скрывалась землянка отца Николая — сухая, довольно большая, полная запасов, оставшихся еще с зимы.

Сеня не любил сидеть в землянке. Он шастал по болотам, по лесу, нырял в бездонные черные озера в еловых борах, ловил рыбу и раков. Его не интересовали бесконечные рассказы отца Николая, впервые за тридцать лет обретшего внимательного слушателя.

А я слушал. Рассказы старика были большим и многоцветным куском в мозаике, именуемой История Земли. Старик-отшельник, настоятель храма, в котором полвека никто не молился, рассказывал мне ее вечер за вечером, то сидя у очага, то работая на маленьких делянках, разбросанных по лесу так, чтобы не вызвать подозрений у дежурного вертолета.

Я узнал о боге и храмах, о людях, которые ему служили. Но я был поражен тем, что до прилета спонсоров у людей был не один бог, а много. Некоторые верили, что есть всемогущий бог Христос, а другие называли бога Магометом, а третьи — Буддой и страшно между собой ссорились и даже воевали, чтобы выяснить, какой из богов главнее. А еще у людей были антибоги, их называли дьяволами. Отец Николай был глубоко убежден, что спонсоры — порождение дьявола, а может быть, и сами дьяволы, которые присланы на Землю для наказания людям за то, что они вели себя неразумно, воевали между собой, не радели о своей Земле и совершали преступления.

Отец Николай весь находился в прошлом, в том времени, которое кончилось с прилетом спонсоров. Сам он того времени не застал, ему было примерно семьдесят лет — он делал зарубки на палочке, которую хранил в землянке, но потом эту палочку потерял. Но он помнил еще с детства времена, когда людей на Земле было много, когда в деревнях жили люди. О прилете спонсоров ему рассказывал отец, но сами спонсоры в эту деревню не прилетали. Оказывается, завоевание Земли прошло не в одночасье, как я себе представлял, а постепенно. Вначале была видимость сотрудничества, а если были конфликты, то их как-то улаживали. В течение многих лет спонсоры хоть и присутствовали на Земле и занимались спасением ее природы, но продолжали чего-то опасаться. Лишь постепенно, год за годом они набирали силу и решительность.

Истребление «лишних» людей, которые своим существованием угрожали природе, спонсоры вели руками милиции. В один несчастный день на деревню или село опускалось несколько вертолетов с милицией, которая забирала мужиков — говорили, на работы по контракту, на год, на два. И больше этих мужиков никто не видел. А на следующий год или через несколько месяцев то же случалось в другой деревне. Великая идея спасения Земли

проводилась спонсорами последовательно, спокойно и неотвратимо. Жизнь наступила бедная и скудная, потому что нельзя было ездить в город, поезда больше не ходили, машины тоже — ездить разрешалось лишь милиции и верным друзьям спонсоров, тем, кто помогал им. И неизвестно было — есть иные города и страны или кончились. Осенью по деревням пролетали милиционеры и отбирали урожаи. Мало кто убегал в лес — в деревне одни бабы, у них дети. Все ждали, когда вернутся мужчины, хоть и сами уже не верили, что вернутся. Милиционеры и пропагандисты проводили занятия. Бабы и дети научились петь возвышенные песни и читать стихи о Великом друге — спонсоре, о том, что пора спасать Мать-родину.

Отец Николай оставался в пустеющей деревне до последней возможности. В соседних деревнях, где еще оставались люди, он тоже исполнял службы — кого крестить, кого хоронить. Венчать было некого. А потом случилось, что он был на Выселках, в двадцати километрах от Поленова, где и стоял храм, вернулся к себе — а в деревне ни одного живого человека. Будто всех корова языком слизала. Вывезли. Он кинулся в Серпухов. Но пройти туда не смог. Побывал там только через два года — когда Серпухов был уже пустой и зарос травой.

За последние полвека он людей-то видел раз или два. Но люди это были дикие, как звери. Он их боялся и прятался посреди болота.

В храм он ходил молиться. Храм не был нужен спонсорам — ни иконы, ни фрески не нужны. Спонсоры их как бы не видели. Впрочем, старик признался, что и он ни одного спонсора в глаза не видал. Господь уберег. Прожил жизнь, а спонсора не видал. Милицию видал, пропагандистов видал, а настоящего дьявола — нет.

Я внимательно и терпеливо слушал старика. Хоть он повторялся и с каждым днем порции нового в его речах уменьшались.

Рассказы отца Николая меня угнетали. Оказывается, уже пятьдесят лет назад в этих краях не осталось людей. А если так по всей стране и по всему миру? Если я опоздал родиться? Кто мои соратники: бывший служитель бога Иисуса и мальчик, который может плавать под водой? Даже мои друзья по школе гладиаторов уже мертвы...

А пока суд да дело, мы с Сеней продолжали жить в землянке у отца Николая. Наступило лето, болото подсохло, и старик стал втрое осторожен — он боялся, что с неба могут заметить дым от нашего очага. Арсений окреп, загорел — он больше любил воду, чем воздух.

Старик знал, какие грибы съедобные, а какие ядовитые. Он научил меня — полагал, что это знание полезно, если я окажусь в лесу один, без друзей...

И еще я обзавелся зажигалкой — кремнем и огнивом.

Сеня и старик привыкли друг к другу, и отец Николай уже не считал мальчика исчадием ада. Сеня старика любил, но совсем не слушался.

Июнь был в самом разгаре, ночи стали совсем короткими, очень красиво пели маленькие птички, которых отец Николай называл соловьями. До августа, когда спонсоры начнут истреблять людей, оставалось всего два месяца. Я не мог далее жить в лесной землянке, потому что, если погибнет Москва, людей в России останется совсем мало. Я не знал, к кому обратиться за помощью, но надеялся, что если я доберусь до Москвы, то обязательно кого-то найду. Я надеялся отыскать кого-нибудь в метро, а может быть, проникнуть в школу гладиаторов — ведь такие школы еще остались. Я должен ходить и рассказывать об опасности и предупреждать людей.

— Поймают тебя, — говорил мне на это отец Николай. — Народ у нас слабый, вымирающий, как зверь мамонт, сами же тебя властям сдадут. И станешь ты мучеником.

— Я не хочу быть мучеником, — сказал я.

У нас было плохо с солью, отец Николай использовал вместо нее золу от очага. Так что рыбу и грибы мне на дорогу мы сушили. У нас с Сеней было свое хозяйство — и неплохое. Мы собрали всякие вещи по деревенским домам — у нас были и кружки, и бутылки, и кастрюли, и горшки. С одеждой было хуже — ткани почти не сохранились. Но я сделал Сене длинную распашонку из докторского халата, который унес из питомника. Может быть, эта одежда была не очень красивой, но Арсению она нравилась.

Остатков халата хватило мне на заплечную суму.

Сеня не хотел отпускать меня, но я обещал вернуться скоро. Я попросил отца Николая и Сенечку собирать и заготавливать на зиму побольше еды — ведь, может быть, я приведу с собой людей.

Я уже был почти готов к походу и решил начать его с бывшего города Серпухова, как случилось событие, изменившее мои планы.

Странный след я обнаружил возле деревни в низине, у родника.

Я возвращался с добычей, собранной по чердакам. На одном я отыскал сундук, в котором сохранились ремни, высохшие, но крепкие, а также резиновые подошвы. Я был рад такому улову.

День был жаркий, солнце стояло высоко. Я спустился к роднику.

И понял, что недавно здесь кто-то был.

Тонкие ветки у самой воды были сломаны, а на мокрой низине возле воды был виден странный след — будто к роднику подъезжал автомобиль на старых шинах...

Я сразу насторожился. Но вокруг стояла глубокая полуденная тягучая тишина. Жужжали насекомые, пели птицы. Как могла сюда заехать машина?

Я осторожно пошел в сторону, куда вел след. Я должен был выяснить, что это такое. Любой неизвестный здесь — смертельная опасность.

Я вновь увидел след наверху, в траве — трава была примята таким же колесом, как и у родника. Причем это случилось совсем недавно — ведь трава скоро поднимается и забывает о том, что ее примяли.

Следуя за незнакомцем, я вышел из деревни и бывшими огородами дошел до заросшей осиной пашни. Интуиция говорила мне, что чужой рядом.

Я достал кинжал. И замер, прижавшись боком к толстому стволу.

И тогда я услышал голос:

— Не бойтесь меня.

Голос был высоким, будто детским, и в то же время ненастоящим — такие голоса звучат во сне, заманивая тебя в темную чащу леса.

Я повернулся в ту сторону, откуда он донесся. Сплошная листва лещины была недвижна.

— Я не сделаю вам зла, — сказал голос.

— Тогда выходите, — сказал я. — Почему вы прячетесь?

— Потому что вы можете испугаться и убить меня, — ответил голос.

— Почему я должен испугаться?

— Потому что вы меня раньше не видели.

— Смешно, — сказал я. — Мало ли кого я раньше не видел!

Между стеной листвы и мной была небольшая прогалина, метра в три, поросшая невысокой травой.

— Выходите, — сказал я. — А то получается неправильно: вы меня видите, а я вас — нет.

Листья раздались, и на поляну вывалилось чудовище, вид которого неизбежно должен вызвать отвращение у любого нормального человека.

Я отшатнулся от громадной, толстой, метра в полтора длиной, а толщиной в человеческий торс, мохнатой гусеницы, поднявшейся на задние ноги и шевелящей перед блестящим панцирным животом несколькими парами снабженных когтями пе-

редних лап. Глаза этого существа были стеклянными, большими и неподвижными.

Я отшатнулся, но не убежал.

— Вам страшно? — спросила гусеница. — Но я совершенно безобиден.

— Я знаю, — сказал я. — Это от неожиданности. Я и не знал, что вы бываете таким большим... то есть я не знал, что вы умеете говорить! Черт побери...

Ползун опустился, как бы садясь и изгибая в мою сторону нижнюю часть тела.

— Вы меня не боитесь, — сказал он утвердительно. — Вы меня знаете?

— Так вы же ползун! — сказал я.

— Нас так называют здесь, — согласился ползун. — Но я здесь один и я убежден, что мы с вами раньше не встречались.

— А я и не говорю, что встречались, — сказал я. — Только вы ползун, и я никогда не подозревал, что ползуны разумные. Мы же вас тысячами на переработку пускали!

— Что вы сказали?

— Я работал раньше, — сказал я, — на кондитерской фабрике. Там убивали таких, как вы, маленьких. Только я не убивал — я грузил в контейнеры.

— Вы там были! — Голос ползуна поднялся до крещендо. — Вы это видели!

— Но ползуны несознательные, неразумные, — сказал я. — Я это видел. Я знаю.

— Вы там были! — простонал ползун.

Он был мною недоволен.

— А вы там тоже были? — спросил я. — И убежали, да?

После долгой паузы ползун сказал:

— Да.

— А почему вы разумный, а они нет?

— Скажите. — Ползун отвернул голову от меня и стал столбиком, опираясь о землю двумя парами крепких, широко расставленных лап. — Скажите, а если вы родите маленького человека, совсем маленького, и сразу отнесете его на кондитерскую фабрику, он будет разумным?

— Это ваши дети?

— Это совсем маленькие, — сказал ползун. — Они еще не умеют говорить. Они еще не умеют думать. Им надо жить четыре года, пять лет, чтобы научиться говорить. Вы теперь понимаете?

— Так что же, получается, что спонсоры едят ваших детей?

— Вы тоже едите чужих детей, — сказал ползун невесело. —

Вы едите рыб и животных, вы едите яйца птиц, которые еще не умеют говорить.

— Но мы не едим тех, кто разумный.

— А никто не знает, что маленький ползун будет когда-то разумным. Этого никому не говорят. Даже большинство спонсоров об этом не знают. Есть инкубаторы, в них выводят маленьких. Потом их немного растят. Потом их убивают. Это очень полезная пища, спонсоры ее кушают, но они не знают, что они кушают.

Я верил этой гусенице и не боялся ее. Но я же кидал убитых ползунов в контейнеры!..

— Вы не виноваты, — сказал ползун. — Вы не знали. Спонсоры кушают всех. Они кушают вашу планету, они кушали нашу планету.

— Но матери... где матери малышей?

— Мне сложно объяснить систему размножения, — сказал ползун. — Это надо изучать. Если интересно, я потом расскажу.

— Значит, взрослых ползунов здесь нет?

— Взрослый — я, — сказал ползун. — Они завозят сюда оплодотворенную икру — это экономично. И никто не знает.

— Но зачем? Разве на Земле мало пищи?

— Есть пища, а есть оптимальная пища, — сказал ползун, покачиваясь, как кобра, желающая нанести укус. — Наши дети — идеальная пища. Теперь ее потребуется больше. Людей станет еще меньше, а такой пищи надо больше.

— Вы знаете, что людей будет меньше?

— Я немного знаю.

— А почему вы здесь?

Живот у ползуна был хитиновый, блестящий, словно рачий хвост. А на боках и спине росла торчком шерсть. Ползун был некрасивый и даже страшный. Но я привык к ползунам. К тому же если чудовище с тобой разговаривает и даже жалуется тебе — трудно его бояться.

Ползун не хотел отвечать на мой вопрос. Если бы его глаза не были неподвижны, я бы сказал, что он рассматривает травинки.

— Я иду, — сказал ползун наконец.

— Неужели? И куда же вы идете?

— В Аркадию, — сказал ползун.

Это слово мне ничего не говорило.

— Где эта Аркадия? — спросил я.

— Далеко, — сказал ползун.

— Вы пойдете со мной? — спросил я.

— Куда?

— Я тут недалеко живу. Там мои друзья.

— Я не отвечу, — сказал ползун.

— Вместе лучше, — сказал я.

— Вместе лучше, — как эхо ответил ползун, но не двинулся с места.

— Вы идете?

— Нет, извините, — сказал ползун и опустился на лапы, превратившись в самую обыкновенную, правда, крупную гусеницу.

— Я пошел, — сказал я.

Ползун начал отходить от меня задом наперед.

Я подумал, как же он не доверяет людям — всем, потому что на нашей планете убивают его детей.

— Тогда счастливо оставаться, — сказал я, хотя расставался с ним с сожалением. Любое существо, встреченное мною, что-то может рассказать. И ползун тоже, ведь где-то он скрывался, сбежав с кондитерской фабрики, в чем я почти не сомневался, где-то научился русскому языку, зачем-то попал в этот лес, кого-то ждет...

Ползун скрылся в зарослях, я не преследовал его. Я повернулся и пошел прочь из леса. Сзади было тихо.

Я вышел к роднику, а от него, напившись, пошел к храму.

Пройдя несколько домов, я остановился.

Как легкомысленно с моей стороны уйти, ничего не узнав! Ведь недалеко отсюда, за болотом, наша землянка. Там старенький отец Николай и маленький мальчик. А если появление ползуна — одна из попыток выследить нас? И я так легко попался на его речи о зверском уничтожении маленьких ползунов?

Могу ли я ему верить?

Конечно же, ответ был отрицательным.

Я остановился. Заросшая улица спускалась вниз. Было тихо, пусто, жарко.

Почему ползун не захотел пойти со мной? Ведь ему хуже одному, чем с нами? Как он попал в эти пустынные места? А если он не выслеживает нас, может, должен с кем-то встретиться?

Я должен все это выяснить.

Убедившись, что меня от родника не видно, я перебежал к ушедшему в землю, развалившемуся дому. Возле него росла большая сосна, могучие ветви которой начинались невысоко над землей. Я забрался по ветвям в гущу кроны и отыскал такую позицию, с которой я, невидимый, мог с высоты птичьего полета наблюдать за родником и поляной вокруг него. Любой человек или спонсор, который приблизится к деревне со стороны речки, обязательно попадется мне на глаза.

Я устроился поудобнее и решил ждать.

Мой расчет оказался правильным. Прошло несколько минут,

может быть, полчаса, и из леса, постояв осторожно на опушке и оглядываясь, вылез ползун. Он скользнул вниз к роднику — видно, хотелось пить. Он пил, как собака, — приподняв туловище на удлинившихся лапах и опустив морду в воду.

Напившись, ползун медленно пополз к кустам. И вдруг замер. Он что-то услышал — я же был оттуда далеко и ничего не слышал.

Одним прыжком ползун нырнул в кусты. Листья их вздрогнули и замерли.

По широкому броду, перепрыгивая с камня на камень, в нашу сторону двигалась одинокая человеческая фигурка, легкая, быстрая, тонкая. Я не мог разглядеть лица человека на таком расстоянии.

Человек пересек речку и уверенно отправился к роднику.

Не доходя полсотни шагов до родника, человек остановился. Он прислушивался.

Потом сунул в рот два пальца и негромко свистнул. Значит, он знал, что его должны ждать. Значит, ползун и в самом деле пришел сюда не случайно.

Кусты зашевелились, и из них, приподнявшись на задних лапах, вышел ползун.

Подобно пингвину, он, переваливаясь, двинулся навстречу человеку, страшно знакомому мне, но человек стоял ко мне спиной и я не мог разглядеть его лицо. Ну повернись в профиль, просил я мысленно человека, я хочу тебя узнать!

Он повернулся в профиль, и я закричал:

— Эй, стойте, не уходите!

Ободрав грудь, я скатился вниз с дерева и кинулся к ползуну и Ирке, что стояла рядом с ним, подняв пистолет. Мне было видно, что ползун что-то объясняет ей, и когда я подбежал ближе, она уже спрятала пистолет, кинулась ко мне, широко расставив худые руки. Ирка повисла на мне и заревела, тыкаясь мокрым носом в меня и елозя ладошками по спине.

— Я же знала, — говорила она сквозь слезы, — я же знала, что ты живой! Врут они все, что тебя убили. Я же не зря тебя искала.

Волосы Ирки пахли дымом и солнцем.

Ползун стоял за ее спиной и покачивался на хвосте, будто не мог решить — бежать ему отсюда со всех ног или, наоборот, радоваться, что путешествие закончилось.

По дороге через болото Ирка успела мне рассказать, что искала меня, даже пробралась в питомник, она была очень осторожна и не попалась на глаза спонсорам. Одни ей говорили, что меня

отравили вместе с птичкой Марусей, другие — что увезли. Людмила надеялась, что мы убежали, — в ту ночь летало много вертолетов и съехалось несколько машин с милиционерами. Если бы я был убит, зачем такая суматоха?

— Тебя Маркиза послала? — спросил я. — Или ты сама?

— Маркиза знает, что я тебя ищу, но она сейчас так занята своими делами! Спонсор Сийнико везет ее в Аркадию — оттуда ее отправят в Галактический центр!

Слово «Аркадия» я услышал в тот день уже во второй раз.

— Зачем? — спросил я, имея в виду Маркизу.

— Чтобы исправить ее тело.

— А я собирался уже завтра идти в Москву, — сказал я.

— Искать нас?

— Искать кого-нибудь, чтобы сказать — в августе спонсоры начнут ликвидацию населения Земли.

— Знаю, — сказала Ирка.

И она погладила меня по руке.

— Не могу поверить, что это ты, — сказала она. — Ты загорел, стал такой здоровый. Тебя не узнаешь. Волосы совсем выгорели.

— А что такое Аркадия? — спросил я.

— Аркадия — это счастливый город.

— Счастливый город? На Земле?

— Я о нем слышала раньше, но никто из наших туда не мог попасть. Теперь Маркиза попадет туда. И мы тоже постараемся.

— Зачем?

— Чтобы найти правду, — сказала Ирка. — Я тебе все расскажу.

О ползуне я совсем забыл. Он пробирался за нами, стараясь идти след в след — он не выносил болота и открытой воды. Время от времени он издавал высокие скрипучие звуки, и Ирка тогда, не оборачиваясь, уговаривала его.

— Скоро придем? — пискнул он сзади.

— Скоро, — подтвердил я и спросил: — А почему я ничего не знаю об Аркадии?

— Мы сами недавно узнали. Спонсоры хорошо охраняют ее, — вступила в разговор Ирка.

— Но что это?

— Это счастливый город, в котором мы с тобой живем.

— Ирка, не неси чепухи! Ты можешь объяснить по-человечески?

Мне было приятно смотреть на нее. Ни шрамы на лице, ни выбитые зубы не портили для меня эту девушку. Я знал, что она хорошая и добрая. Может быть, Маркиза в тысячу раз красивее, но Ирка — мой друг.

— А ты почему сюда пришла? — спросил я.

— Потому что тебя искала. Маркиза хотела проверить, как ты живешь, как Сийнико держит свое слово.

— Я сам виноват, — сказал я. — Я слышал, как они обсуждали ликвидацию людей.

— И он перепугался? Конечно, он перепугался. Но Маркиза думала, что он не посмеет тебя убить. Ведь она тоже кое-чего знает.

— Она тебя послала?

— Я сама пошла. С ползуном.

— Ты была в питомнике? Говорила с Сийнико?

— Ты думаешь, я совсем глупая, да? Конечно, я с Сийнико не говорила, но я говорила с Людмилой и детьми. Многие не спали, многие слышали. И даже знали, в какую вы сторону ушли. Я решила — поищу вас здесь, в деревне, и на болоте. Вот мы и пошли. Да не пришлось искать — ты сам выскочил.

Она радостно ударила меня кулачком в бок.

— Осторожнее! — откликнулся я, перепрыгивая, балансируя на кочке. — Здесь же глубоко!

Малыш Сеня встретил нас у края болота. Увидев ползуна, он замер, в ужасе сунув в рот свой кулачок.

— Не бойся, мальчик! — крикнула Ирка. — Это мой друг.

Арсений не поверил и задом, задом отступил в чащу. Оттуда и глядел на нас.

Еще больше испугался отец Николай, который возился в своем огороде, поднял голову — и тут мы втроем! Он решил, что дьявол во плоти почтил его своим визитом. Он крестил ползуна лопаткой, которая была у него в руке. Ползун — натура деликатная, застеснялся, что доставляет людям столько неприятных эмоций, и захотел вернуться в деревню. Пришлось мне сказать небольшую речь о благородной и несчастной расе ползунов, чьих детишек, только вылупившихся из яиц, уничтожают спонсоры.

Малыш к тому времени уже пригляделся к ползуну, вылез из кустов, подошел поближе и стал ладонью пробовать шерсть ползуна, который замер, чтобы не испугать мальчика. Отец Николай близко не подходил, часто крестился и никак не мог согреть в себе сочувствие к червяку. Он все равно подозревал нас в страшном розыгрыше, жестокой шутке, но смысла шутки он не понимал и потому на первый план не вылезал, а с темнотой ушел молиться в землянку, где у него стояли иконы. А мы не стали ему мешать и уселись на высоком месте, под сосной. Комаров было мало, костер мы зажигать не стали, чтобы не рисковать.

— Ты нам нужен, — сказала мне Ирка. — Ты не думай, что я тебя искала, потому что к тебе неравнодушна.

— Я не думаю. — Я не смог сдержать улыбки.

— Ты нам нужен, чтобы пробраться в Аркадию.

— Отлично, — сказал я, не задумываясь о смысле слова.

— У нас мало времени. Нам нужно сорвать их планы.

— Хоть сейчас, — сказал я с облегчением. Честно говоря, в последние недели я уж стал бояться, что я единственный человек на Земле, который хочет выгнать спонсоров. Я уж думал, что все остальные довольны. Всем дали колбасу и по пятницам отстреливают.

— А он? — спросил я, показывая на ползуна, который свернулся тугим кольцом, баранкой, размером с шину грузовика.

— Ты помнишь, как мы с тобой на кондитерской фабрике работали? — спросила Ирка.

— Еще бы не помнить!

— Ты не думай, что я случайно там была. Мы там яйца ползунов воровали, помнишь? Потому что этот ползун уже с нами был и все рассказал.

— Спонсоры не дикари, — сказал ползун, приподняв голову, — они цивилизованные правители. Они никогда не поднимут руку на разумное существо. А если у разумного существа есть неразумный младенец, с ним можно делать что угодно — и видимость соблюдена, и голод утолен.

Сказав такую фразу, ползун надолго замолчал.

— Давай я расскажу про Аркадию, — сказала Ирка.

Оказывается, вдали от иных городов и поселков спонсоры построили счастливый, образцовый город Аркадию. В нем живут люди, довольные тем, что спонсоры прилетели на планету и занимаются тут экологическими проблемами.

Если на Землю летят какие-нибудь гости, скажем, инспекция Галактического центра или какие-то ученые с бог знает какой планеты, их отвозят в Аркадию. И там они наблюдают Землю и землян. Все удовлетворены.

Разумеется, остальным жителям Земли знать об Аркадии не положено. Одни захотят туда переселиться, а другие — сжечь или взорвать счастливый город.

Через три дня на Землю прилетает инспекция. Нам надо оказаться в центре Аркадии и любой ценой встретиться с инспекторами. И рассказать им правду. Попытка только одна — второй не будет.

— И я тебе нужен?

— Ты нам нужен, — сказала Ирка. — Ты смелый и сильный, ты умеешь фехтовать и не боишься спонсора. Ты убил спонсора.

— Я убил спонсора, — повторил я негромко. Это было уже туманное, далекое воспоминание. Как будто не имевшее ко мне отношения.

— Но больше всего ты нужен, потому что был в питомнике и все знаешь о любимцах.

— Господи, — вздохнул и начал бормотать в землянке молитву отец Николай, жизнь которого, обязанная течь разумно и с пользой для людей, превратилась в семьдесят лет кошмара, чудовищ, смертей и гибели его мира. Даже и сейчас он не мог довериться нам, потому что рядом с его землянкой сидят мальчишка с перепонками на руках и ногах и говорящий червяк.

— Я тоже с вами пойду, — сказал Сеня.

— Я тебя не возьму, — сказал я.

— А я спрошусь у тети Иры. Мне уже девять лет. Когда рыбой вас корми — тут я нужен. А как в Аркадию — меня не берут. Я все равно пойду.

— А ты что умеешь? — спросила Ирка деловито.

— Не знаешь, что ли? Я же земноводное. Я могу под водой жить.

Ирка немного подумала и потом сказала, обернувшись к ползуну:

— Он нам будет нужен.

— Он нам нужен, — сказал ползун.

— Спасибо, — обрадовался Сеня.

Но мне его не хотелось брать. Он еще мальчишка и слишком смелый. Мальчишки очень легко погибают — тем более в этом чертовом мире. Но кто меня будет слушать? Меня никто не боится.

Ночь была теплая, безветренная, комаров немного. Все, кроме отца Николая, улеглись спать снаружи. Ползун во сне дергался, разворачивался и снова сворачивался в кольцо. Ирка спала, устроив голову у меня на груди, в углублении, где грудь встречается с плечом. Она дышала тихо-тихо и не ворочалась.

Я не выспался, потому что боялся заснуть, неосторожно повернуться и разбудить Ирку.

Мы быстро собрались, но выйти сразу не удалось — над лесом низко и настойчиво кружил вертолет. Ирка решила, что ее заметили в питомнике.

Когда вертолет улетел, мы пошли по тропинке, которая через два часа вывела нас на просеку. Вдоль просеки когда-то стояли металлические конструкции; Ирка объяснила, что башни соединялись проводами, по которым передавалось электричество. Но теперь провода порвались, ажурные вышки покосились и некоторые упали.

Я старался не спешить — я не хотел, чтобы Ирка уставала. Но она шла легко. Мой малыш тоже не подводил нас. А ползун, если уставал ползти, подтягивал хвост к голове и катился, собравшись в кольцо.

Мы шли по просеке, а потом по другой, более широкой, до середины дня. Там, где лес кончился, мы остановились на привал, поели, немного вздремнули, потому что Ирка сказала, что нас должны встретить. Но никто нас не встретил. Ближе к вечеру, когда жара немного спала, мы пошли дальше сами. Я уже разуверился в том, что Маркиза пришлет кого-нибудь за нами, но перед закатом мы увидели на лесной дороге телегу, запряженную парой лошадей. Возле нее стояли двое мужчин, одетых бедно, но удобно. Они не были вооружены.

Эти люди сказали, что первых встречавших задержали милиционеры.

Потом мы пошли за ними. Ползун устал больше других, и Ирка хотела, чтобы ему позволили ехать в телеге, но мужчина, который управлял лошадьми, сказал, что лошади боятся, пускай ползун идет сзади. Я подумал, что он в первый раз видит ползуна, боится его, но из гордости не позволяет себе показать страх или отвращение.

Ползун это понимал и сказал, что и не хотел бы ехать в телеге, потому что его укачивает.

Я шел за телегой и думал, как жаль, что на кондитерской фабрике Ирка ничего не рассказала мне о ползунах. Ведь она нарочно попала туда, чтобы спасать ползунов.

Мужчины с телегой довели нас до заброшенной избушки на краю леса. Там мы переночевали. Малыш поранил ногу, Ирка перевязала его, он хромал, и к утру нога распухла. Она болела, но Сеня терпел.

Наутро к избушке подъехал старый крытый грузовик, словно спеленутый проволокой, чтобы не рассыпался.

На нем мы ехали до самого вечера — устали больше, чем если бы шли пешком, у грузовика, по-моему, вообще не было рессор.

Уже стемнело, когда грузовик затормозил в бывшем городе, у двухэтажного кирпичного дома. В доме были большие комнаты, в них стояли маленькие столы и рядом с ними скамейки — за каждым столом могли сидеть два небольших человека. Ирка объяснила, что раньше здесь была школа — здесь детей учили считать и писать. Все улеглись спать, а я воспользовался тем, что еще не стемнело, поднялся на второй этаж и на полу в одном из классов увидел шар, на котором были нарисованы желтые, зеленые и голубые пятна. Я вертел шар в руке и начал читать надписи. И тогда только догадался, что это — маленькая модель Земли.

Ирке не спалось, она поднялась ко мне, и когда я показал ей шар, она сказала, что он называется глобус.

— Когда мы их выгоним, — сказал я, — мы сделает много школ для детей, и в каждой будет глобус, чтобы дети знали правду про свою Землю.

— Ты веришь, что мы выгоним спонсоров?

— Это не женское дело, — пошутил я. — Но я тебе обещаю, что я это сделаю. И довольно скоро.

— Я знаю. Мы должны добраться до инспекции, которая прилетит из какого-то важного центра, и сказать им правду, правильно?

— Правильно.

— И спонсорам станет так стыдно, что они улетят?

— Не знаю. Но должны же быть на свете какие-то правила. Ведь если они летают между звезд, у них есть какой-то порядок.

— Посмотрим, — сказала Ирка.

На следующее утро к нам пришел милиционер. Я даже испугался, когда открыл глаза и увидел милиционера, стоящего посреди комнаты.

Милиционер снял кепи, и я узнал худенького, морщинистого Хенрика. Я обрадовался ему.

Хенрик пожал мне руку и сказал, что я выгляжу молодцом. Он уже знает о том, что меня хотели убить в питомнике, но я убежал.

— Мы довольны тобой, — сказал он. Его голос звучал покровительственно.

А я подумал, что меня не надо опекать. Я не люблю такого тона. Но я, конечно, ничего не сказал. Мы поднялись следом за Хенриком в класс, где я нашел глобус. Мы — то есть Ирка, ползун и я. Ползун легко поднимался по лестницам — как бы перетекал по ступенькам.

Хенрик вытащил из кармана сложенный лист бумаги. Развернул его на столе. Это оказался план города, представлявшего собой широкий полумесяц.

— Вы видите счастливый город, он же — Аркадия. Слышали?

— Слышали, — сказал я.

Ползуну было неудобно смотреть. Когда он стоял на задних лапах, его глаза поднимались всего на метр над полом. Когтями передних лап он держался за край стола. Хенрик объяснял план, а я смотрел на ползуна и думал о том, как мне трудно привыкнуть

к тому, что имею дело с разумным существом, судьба которого так трагична. Ведь, судя по всему, он тоже был предназначен на убой, но случайно или с помощью Ирки смог избежать дубинки и прожить в укрытии несколько лет... Как мало я знаю еще о жизни на собственной планете!

— Внутри полумесяца вы видите овал, — продолжал Хенрик. — Это наблюдательный центр спонсоров. Сюда нам и надо проникнуть.

— А вокруг что? — спросила Ирка, проведя пальцем по белой полосе, отделявшей полумесяц города Аркадии от овала.

— Это ров с водой.

— Ширина, глубина?

— Насколько я знаю, он неширок, но глубок. Главное в том, что, если вы и переберетесь через ров, это ничего не дает. Вы окажетесь перед вертикальной стеной, которая поднимается из воды.

— А город охраняется?

— Еще как! — сказал Хенрик.

— Кто пойдет? — спросила Ирка.

— Туда пойдут только свидетели — ты, ползун и Тим.

— А Сенечка? — спросила Ирка.

— Он еще ребенок.

— Ему девять лет, — сказала Ирка.

— Странно, а я думал — не больше пяти. Все равно, я думаю, что ему не стоит идти, — сказал Хенрик.

Он говорил авторитетно, и я понял — он привык, чтобы ему подчинялись.

— Он самый главный свидетель, — сказала Ирка, — ты просто не знаешь.

— В чем?

— Он — человек-рыба. Если мы будем говорить об опытах на людях, он — самое лучшее доказательство.

— Пускай идет, — сказал Хенрик.

— Расскажи, пожалуйста, подробнее о счастливом городе, — попросил я Хенрика. — Откуда он взялся?

— Слушай, — сказал он. — Спонсоры — не пираты и не разбойники. Это— цивилизация, достигшая многого, куда больше, чем мы. Спонсоры осваивают ненаселенные миры, устраивают, как и другие цивилизации, свои базы и научные посты на планетах, где есть своя разумная жизнь. Но при этом они должны по мере сил не вмешиваться в жизнь местной цивилизации. И ни в коем случае не наносить ей вреда. Чтобы не было недоразумений, через определенные промежутки времени, скажем, через несколько лет, на колонизированные планеты прибывает ин-

спекция Галактического центра. Такая инспекция прилетит завтра в Аркадию.

— Но почему именно туда? — спросил я, уже понимая, что в ответе на этот вопрос и заключается самое главное.

— Правильно. — Хенрик улыбнулся мне, как, наверное, учитель улыбается сообразительному ученику. — Город Аркадия создан, придуман и построен спонсорами специально для глаз инспекторов! Вот в этом овале, — Хенрик показал на центр города, — завтра опустятся вертолеты и корабли инспекторов, чтобы они могли собственными глазами убедиться, как живут земляне.

— Я ни черта не понял! — воскликнул я. — На что они будут смотреть?

— На счастливый город Аркадию, который ты увидишь завтра утром, — сказал Хенрик. — Главное, что вам предстоит проникнуть сюда, — палец вновь уткнулся в овал, — дождаться появления инспекции и встретиться с ней, чтобы рассказать о происходящем на Земле.

— А откуда вы знаете, что они прилетят завтра? — спросил я.

— Наивный вопрос, не требующий ответа, — сказал Хенрик. — А теперь спать, потому что завтра — трудный день.

Все спали на первом этаже бывшей школы, на полу. Мы с Сеней уже привычно накрылись моим одеялом; я думал, что Ирка тоже придет к нам.

Когда мы утром проснулись, незнакомая пожилая женщина принесла нам горячий чай из душистых трав. Затем появился хромой старик с большим мешком. Он вывалил содержимое мешка на пол, и я удивился, увидев, что это красивые одежды. Таких красивых и разноцветных одежд я не видал.

— Примеряйте, — сказал Хенрик. С помощью старика он выбрал из кучи одежду для каждого из нас. Ирка получила длинное, до земли, синее пышное платье, туфельки, подобных которым я никогда не видел, голубую шляпку с белыми перьями и сумочку в цвет шляпки. Сенечка чуть не лопнул от смеха, когда Ирка вышла, переодевшись, из соседнего класса. Потом пришла очередь смеяться мне, потому что Сенечке выдали короткие штанишки, курточку с откидным полосатым воротничком и белую мягкую шляпу, которую старик называл панамкой. Ползун, конечно, не получил никакой одежды, зато я был вынужден расстаться со своими короткими кожаными штанами — впрочем, они уже совсем истерлись. Мне дали черные узкие брюки, серую рубаху, которую велено было заправить в брюки, мягкие башмаки, в которых хорошо ходить по паркетному полу, но плохо по лесу. И еще

я получил куртку, которая называлась пиджак. Я приспособил свой нож к брюкам, хоть Хенрик был недоволен и хотел, чтобы я пошел к спонсорам безоружным. Но потом он сдался — я обещал без надобности его не доставать.

Потом нам пришлось довольно долго ждать. За нами должны были приехать, но все не приезжали.

— А что это за одежда? — спросил я.

— В такой одежде ходят жители счастливого города, — сказала Ирка. — Мы должны будем стать точно такими же, как и они.

Мы еще подождали.

Потом я спросил:

— А откуда нам ее принесли?

— Из города, — сказала Ирка.

В длинном платье и шляпке она стала совсем другой, более женственной, мягкой. Мне такой она нравилась больше.

— А где Маркиза? — спросил я.

— Ты ее увидишь, — сказала Ирка.

— А ее не отправили к спонсорам? — спросил я.

— Может быть, она сегодня туда улетит, — ответила Ирка.

Быстро вошел Хенрик.

— Выходите, — сказал он. — Все готово.

Перед школой стоял большой фургон, запряженный парой тяжелых коней, фургон был зеленого цвета, на нем были изображены фрукты и овощи в натуральных цветах. Это было очень красиво.

На облучке сидел краснощекий молодой человек в костюме, схожем с моим, только вместо пиджака на нем была куртка. Кроме того, на голове у него была круглая черная шляпа.

— Главное, — сказал Хенрик, — незаметно пробраться в счастливый город.

— В этом фургоне? — спросила Ирка.

Возница обернулся к нам и улыбнулся. У него были белые висячие усы.

Хенрик подошел к фургону и раскрыл его задние дверцы. Там стояли ящики с овощами.

— А где мы устроимся? — спросила Ирка. — Я так платье испачкаю.

— Не здесь, — сказал возница. — Здесь они вас сразу отыщут.

— Но где же мы спрячемся? — спросил я.

Возница подошел к фургону сзади и жестом фокусника повернул какой-то рычажок.

Под фургоном откинулась деревянная крышка, скрывавшая узкий ящик, прикрепленный к днищу фургона. Высота ящика была не более полуметра.

— И мы должны туда забраться? — в ужасе спросила Ирка.

— Иначе к нам не проехать, — сказал возница. — Посты на дорогах — раз, силовое поле — два.

— Может, на вертолете лучше? — спросил я. Мне тоже не хотелось залезать в темную щель.

— Вертолет собьют через минуту, — охотно сообщил возница.

— Не тратьте времени на пустые разговоры, — сказал Хенрик.

— Тебе хорошо, — огрызнулась Ирка, — тебе не надо туда лезть.

— В следующий раз я полезу, — улыбнулся Хенрик.

Мы залезли, вернее, нас затолкали в ящик. Было тесно и темно, свет проникал лишь в тонкие щели. Я лежал на животе, Ирка предпочла лечь на спину. Ползун прижался ко мне — он был прохладным, и мне было неприятно, что он может вцепиться в меня коготками, которыми заканчивались его сильные короткие лапы.

— Ты как, Сеня? — спросил я. Мальчик залез первым в самую глубину.

— Живой еще, — сказал Сеня.

Фургон медленно покатил по неровной дороге, и я почувствовал все неудобства от путешествия в ящике.

— Зачем такой ящик нужен? — спросил я.

— Для контрабанды, — сказала Ирка. — Они давно провозят контрабанду. Но мы смогли внедриться в эту цепочку только недавно.

Фургон не спеша, подскакивая на выбоинах и покачиваясь на грубых железных рессорах, катился по дороге.

Я смотрел в узкую щель, как раз под моим правым глазом. Видна была проселочная дорога, поросшая между колеями редкой травой. Пыль, поднимавшаяся от колес фургона, попадала в щель, и приходилось жмуриться, чтобы не засорить глаза.

— Скажи, — спросил я, поворачивая голову к Ирке, — а как вы узнали, что именно завтра прилетит инспекция?

— Узнали, — туманно сказала Ирка.

Но тут я услышал голос ползуна, знаниям которого я все более удивлялся.

— Вы, люди, — большие хитрецы, — сказал он скрипучим голосом. — Маркиза улетает в Галактический центр. Сийнико сказал, чтобы она была готова сегодня.

— Помолчи! — огрызнулась вдруг Ирка. — Это Тима не касается.

И я понял, что она ревнует. Нет, я был ни при чем, но Ирка считала себя уродливой из-за выбитых зубов и шрама на лице. Ей, наверное, тоже хотелось бы полететь в Галактический центр

и сделать себя красивой. Но ей никто этого не предлагал. Так я понял ее тон.

— А почему Сийнико посылает ее? Разве других людей посылали?

— Посылали, — коротко ответила Ирка.

— Она полетит на космическом корабле? — спросил Арсений.

— Если Маркиза должна быть готова, значит, прилетит корабль из Галактического центра, — сказал ползун.

— Эй! — услышали мы голос возницы. — Помолчите. Скоро пункт проверки.

Трясти стало не меньше, но иначе. В щель были видны округлые булыжники — фургон выехал на мостовую. Послышались неотчетливые голоса. Возница прикрикнул на лошадей, я представил, как он натягивает вожжи. Я люблю лошадей — в школе гладиаторов я надеялся стать хорошим рыцарем и получить коня, а до того всегда вызывался поработать на конюшне — убирать за лошадьми, чистить их, кормить. И лошади ко мне хорошо относились — лошади чувствуют людей.

Фургон остановился.

— Что везешь? — услышал я грубый голос.

— Смотрите.

Фургон чуть качнулся. Я догадался, что возница соскочил с козел. Прямо над нами ржаво заскрипели петли — раскрылись дверцы в фургон.

Фургон снова закачался. Над моей головой доски чуть прогибались — там ходил человек, который двигал ящики, рылся в картофеле, расшвыривал кочаны капусты...

— Вы там поосторожнее, — сказал возница, стоявший за фургоном, — мне все в магазин сдавать.

— Ты только поговори у меня! — пригрозил грубый голос.

Но, видно, осмотр его удовлетворил. Он вылез из фургона.

— Два кочана — много, — сказал возница. — Вы один кочан возьмите.

— Не разговаривать! — рассердился обладатель грубого голоса. — А ну, поехал! Умные все стали — кочан не возьми, тыкву не бери, картошку не трожь. А у меня трое! Чем кормить будешь?

— Всё, — сказал возница. — Успокоились. Разошлись.

Я почувствовал, как он лезет на козлы.

— Н-н-но! — прикрикнул он на лошадей.

Фургон покатился по булыжной мостовой.

— Вот здорово, — сказал Сенечка, — а то у меня нос зачесался, чтобы чихнуть.

— Теперь чихай, — сказал я. — Теперь можно.

— А теперь не хочется, — сказал Арсений.

Мы ехали еще полчаса. Фургон поднялся в горку, потом резво покатился вниз, и возница осаживал лошадей. Булыжник сменился брусчаткой, и стало меньше трясти. Порой слышались голоса, звук колес встречных экипажей. Наконец фургон свернул с большой улицы на узкую, немощеную. Он развернулся и чуть подал назад. В ящике стало темнее.

Фургон окончательно остановился, возница соскочил с облучка и распахнул двери фургона, потом — крышку ящика.

Помогая друг другу, мы с трудом выползли наружу.

Ползун был резвее прочих и первым вывалился на землю. Возница, видно, забыл, как выглядит один из пассажиров, отшатнулся и выругался.

— Такой большой, а боится, — сказал с осуждением Сеня, который забыл, как боялся ползуна.

Фургон стоял задом к открытым дверям склада или сарая.

— А теперь отдыхайте, — сказал возница.

Он с облегчением улыбнулся.

— Я боялся, — сказал он, — что кто-то из вас чихнет или зашевелится. На заставе они лютые — если хоть какое подозрение, стреляют без сомнения. У нас некоторые погибли.

— Кто погиб? — спросил я.

— Кто контрабандой балуется.

Возница вытащил из кармана пригоршню монет и банкнот.

— Это вам, — сказал он. — Если проголодаетесь, можете погулять по городу. Тут, на улице Белых роз, есть кафе, недорогое, а кормят вкусно. Так что пообедайте.

— Как так пообедайте? — удивилась Ирка. — А это не опасно?

— Все, — улыбнулся возница. — Мы же контроль проехали. А теперь мы в Счастливом городе. Здесь всем все до лампочки, поняла?

— Нет, не поняла. Мы, наверное, лучше до вечера посидим в складе.

— Как хотите, — сказал возница, — я вам не нянька. Только как стемнеет — чтобы быть здесь. За вами придут и покажут место, где в пункт проникнуть. Только я очень сомневаюсь.

С этими словами он ушел, оставив нас одних.

Склад был пуст, видно, в нем давно не было никаких товаров — в углах шуршали крысы, углы и потолок были затянуты паутиной.

Уходя, возница прикрыл большую тяжелую дверь склада. Было слышно, как постукивают колеса уезжавшего фургона.

— Мы пробудем здесь до темноты, — сказала Ирка, которая

была в нашей компании главной. — За ночь нам надо будет проникнуть в башню Наблюдений.

— Куда? — громко спросил из дальнего угла Сенечка — он уже вынюхивал, высматривал что-нибудь съестное. Он был всегда голоден. Впрочем, сейчас голод ему не угрожал — у нас был с собой целый мешок с едой.

— Помнишь овал на плане? — спросила Ирка, но не Сенечку, а меня. — Это и есть башня. С ее вершины спонсоры и инспектора, а то и туристы с других планет могут наблюдать естественную жизнь типичного земного города. Туда нам и надо попасть.

— Значит, они не в сам город прилетают?

— Ни в коем случае! — сказала Ирка. — Господа спонсоры и их гости твердо придерживаются принципа невмешательства. Каждая отсталая цивилизация должна развиваться своим естественным путем. Ей можно помогать ускоряться в развитии, но ни в коем случае не мешать, не эксплуатировать ее планету — Галактическое содружество создано для благородных целей.

— А как же они смотрят? — спросил я.

— Скоро увидишь, — сказала Ирка.

— Она сама не знает, — заявил Сенечка.

Он подошел к тяжелой двери и выглянул в щель.

— Здесь никого нет, — сказал он. — Можно я погуляю?

— Подожди, — сказала Ирка. — Пока нельзя.

Но Сенечка, разумеется, не услышал ответа и скользнул в щель.

Она подбежала к двери и стала смотреть наружу.

— Теперь поздно, — сказал я. — Он уже гуляет.

— Я пойду за ним, он может сорвать всю акцию. Неужели ты не понимаешь, как это важно?

Я подошел к двери и тоже посмотрел наружу.

Дверь склада выходила на короткую пустынную улицу, состоявшую из подобных же складов и других служебного вида помещений. В конце улицы была видна вода — река или некий водоем. В ту сторону и побежал Сенечка.

За водным пространством поднималась гладкая бетонная или пластиковая башня, уходившая вверх до самого неба.

Я вышел наружу и поспешил к воде следом за мальчишкой. Мной владела тревога. Я сразу догадался, что башня и скрывает наблюдателей. И если малыш выдаст себя, он погубит всю операцию.

— Сеня! — крикнул я на бегу. — Сеня, немедленно назад!

Мальчишка не слышал или не хотел слышать меня. Он добе-

жал до воды и остановился. Я испугался, что он нырнет, но он медлил.

Я выскочил из прохода между складами и оказался на пологом, поросшем мягкой травой и подорожником берегу реки, которая огибала гладкую высокую башню.

На берегу мы с Сеней были не одиноки — на откосе сидели в ряд рыболовы, все с удочками, все в белых или соломенных шляпах.

При виде нас они вовсе не всполошились, как я того опасался, а продолжали заниматься своим делом, лишь один из них, курносенький господин с седыми усами и бакенбардами в полосатой фуфайке и полосатых штанах, прижал палец к губам, предупреждая, чтобы мы не распугивали рыбу. Я кивнул ему в ответ и возобновил погоню за Сенечкой, которого мне удалось поймать в тот момент, когда он уже изготовился нырнуть в воду. Я так спешил, что нечаянно схватил его за ухо, мальчишка замер и принялся ныть.

Не зная, что делать дальше, я обернулся и увидел, как по откосу, подобрав длинную синюю юбку, изящная до изумления спускается красавица, на которую глазею не только я, но и все рыболовы.

Красавица приблизилась к нам и открыла ротик, обнаружив отсутствие передних зубов, что, конечно же, разрушило ее изысканный образ для тех, кто близко к ней находился.

— Молодой человек, — сказала она негромко, но решительно, обращаясь к Сенечке. — Твое счастье, что Тим тебя поймал раньше, чем я. Сейчас ты, негодяй, чуть не сорвал операцию, ради которой некоторые люди уже погибли, а другие еще погибнут. Операцию, от которой зависит будущее Земли.

Хоть и говорила она тихо, мне казалось, что от ее голоса покачиваются бетонные стены цитадели спонсоров. Рыболовы должны бы разбежаться от этих страшных слов. Но рыболовы ничего не слышали и блаженствовали на солнышке.

Сенечка побледнел от страха. Мне кажется, что он никогда еще в жизни так не пугался.

— Я только окунуться... я сразу назад... я не думал, я больше не буду, — бормотал малыш. Мне стало жалко его. Ирка увидела, что моя рука движется к его головке, чтобы погладить, и в мгновение ока ринулась вперед и дернула меня за руку.

— Не смей, — шепотом закричала она. — Если я делаю ребенку реприманд, то ты, Ланселот, будь любезен, потерпи, не вмешивайся, как бабуся, в педагогический процесс! Песталоцци проклятый!

Мы с Сенечкой рты открыли — оказывается, Ирка знает такие ученые слова!

— Пошли отсюда, — приказала она, — рыболовы нас уже запомнили. Кто-нибудь обязательно сбегает и настучит.

Мы с Сенечкой покорно и виновато пошли за Иркой вверх по зеленому склону. Было жарко, хоть день еще не дошел до половины. Легкие кучевые облака таяли, приближаясь к солнцу, будто оно высушивало их. Мы поднялись обратно к пустым складам и там остановились, разглядывая башню.

Более всего она была похожа на бетонный пень. Диаметром он достигал метров ста, высотой — более того. В верхней части гладких стен были видны узкие окна-бойницы, а верх был увенчан зубцами. Пень уходил в воду — темную, быстро текущую речку шириной, как улица, на которой свободно могут разъехаться четыре автомобиля. Мне показалось странным, что в речке такое быстрое течение, ведь на плане она представляла собой замкнутое кольцо — ров. Я понимал, что нам придется преодолеть эту водную преграду, но как это сделать, я не представлял. Тем более непонятно было, что же делать потом: на стометровую бетонную стену вскарабкаться невозможно.

Тут же обнаружилось еще одно препятствие.

Один из рыболовов привстал, и я увидел, что поплавок, оттянутый до отказа течением направо, ушел под воду, а рыболов подсек и потянул добычу к себе. Серебряная рыбка показалась над водой — но в тот же момент из воды высунулась страшная морда, заканчивавшаяся острым хищным клювом. Открылся большой рот — чудовище схватило рыбку и проглотило ее вместе с крючком и наживкой. Рыболовы дружно ахнули и сбежались к пострадавшему товарищу выразить сочувствие. Но они никак не были удивлены происшедшим — видно, они знали, что во рву водятся такие чудовища. У меня похолодело сердце: я представил себе, как мы войдем ночью в эту воду и как чудовища сожрут Ирку и Сенечку. О себе я не подумал.

— Что это? — спросил Сенечка. — Я никогда не видел.

— И я не видел, — сказал я. — Но я думаю, что ночью они спят.

— Только без паники, — сердито сказала Ирка, — вы уже готовы убежать назад.

— Никто никуда не бежит, — сказал я.

— Ползун с ними расправится, как с котятами, — сказала Ирка.

Мне показалось, что последнюю фразу она только что придумала.

— Пойдемте поглядим на город, — сказал я, чтобы не ссориться.

— Чем меньше мы будем гулять, тем лучше, — возразила Ирка.

— Интересно же посмотреть, как живут люди в счастливом городе Аркадии!

— И мне интересно, — сказал Сенечка.

— Хорошо, — согласилась Ирка, — только руками ничего не хватать, не привлекать к себе внимания, не драться и не спорить.

— Разумеется, — сказал я. — Без сомнения.

Я понимал, что Ирке не меньше, чем нам, интересно погулять по сказочному городу. Ведь даже если мы останемся живы, мы никогда больше сюда не попадем. Ирка оглядела нас, приказала мне вычистить пятно на брюках, а Сенечке отряхнуть шапочку и почистить травой ботинки.

— Если кто-нибудь что-нибудь спросит, — приказала Ирка, — мы — счастливая семья: Беккер-отец, Беккер-мать и Беккер-сын.

— А кто Беккер-сын? — спросил Сенечка.

— Ты, мой ласковый, — сказала Ирка и щелкнула его по лбу.

— Еще чего не хватало! — возмутился малыш и протянул мне ручку. — Я лучше буду с Тимом гулять, он не дерется, — сообщил он ей.

Мы миновали склады. Дорожка, что вела к ним, вливалась в настоящую улицу, замощенную булыжником.

По обе стороны улицы были небольшие палисадники, в которых цвели сирень и тюльпаны. За палисадниками тянулись одноэтажные уютные домики под красными крышами, покрашенные в веселые цвета. Из труб вились дымки, а из кухонных окошек тянуло вкусной пищей. Кое-где в палисадничках копались старушки, сажали рассаду, пропалывали грядки. При виде нас некоторые распрямляли свои старые спины и вежливо с нами здоровались. Мы, разумеется, здоровались в ответ. Из некоторых открытых окон доносилась приятная музыка. Я заглянул в одно из них и увидел, что там, за небольшим пианино, сидит приятная девушка с высокой прической и играет.

Сенечка шел, не закрывая рта — никто из нас ничего подобного не видел, но мы с Иркой как могли скрывали свои чувства, свое удивление, а Сенечка скрывать его не намеревался.

Когда короткая улица особнячков окончилась, мы повернули на другую, где палисадников перед домами, как правило, не было, да и сами дома были крупнее, порой двухэтажными, кирпичными. На подоконниках окон, выходивших на улицу, стояли горшки с цветами, а также аквариумы и клетки с певчими птица-

ми. Порой между ними выглядывала бабушкина или дедушкина голова и улыбалась нам. Мы улыбались в ответ.

На всем, что мы видели, была печать довольства, обеспеченности и аккуратности.

В конце той улицы, которая, судя по табличке на почтовом ящике крайнего дома, называлась «Яблоневая», мы нашли кафе «Уют». Оно занимало первый этаж небольшого розового дома. Перед открытой дверью на тротуаре стояли под полосатыми зонтиками два столика, покрытые клетчатыми скатертями. Мы заглянули внутрь. Там тоже были столики. За одним сидел бледный худой человек в черном костюме. На полу рядом с его стулом лежали моток веревки и высокая черная шляпа, которая, как я потом узнал, называется цилиндром. Черный человек большой ложкой ел из хрустальной вазы мороженое с фруктами.

Внешняя стена кафе была стеклянной, сквозь нее мы видели башню. Вид был красивый.

— Здравствуйте, — сказала Ирка, которая скорее меня осваивалась в неизвестной обстановке. — Можно у вас позавтракать?

— Я трубочист, — вежливо сообщил человек в черном. — У меня сейчас второй завтрак. Меня ждет работа. Но сейчас мы вам поможем. Елена! Елена Константиновна!

Тотчас же занавеска, скрывавшая заднюю дверь, откинулась, и в помещение впорхнула молодая полная женщина в розовом в оборках платье до пола, с высоко забранными кверху волосами, увенчанными высоким, усыпанным блестками гребнем.

— Ах, простите, — сказала полная дамочка. — Я зачиталась на кухне. Новый роман Тургенева! Вы любите Тургенева?

У меня вдруг возникло странное ощущение — настоящие ли люди нас здесь окружают? Может быть, это органчики, счастливые роботы?

— Что будем кушать? — спросила дамочка.

— А что есть? — спросила Ирка.

— Все зависит от того, сильно вы спешите или умеренно? Если сильно, то я предложу вам бутерброды с сыром, кофе с молоком и печенье.

Сенечка проглотил слюну.

— Но мы не очень спешим, — нашлась Ирка.

— Тогда — яичницу из трех яиц для каждого с ветчиной. Вы употребляете ветчину? Она немного жирная сегодня.

— Несите! — сказала Ирка.

— Одну минутку, рада вам услужить.

Дамочка побежала прочь, напевая на ходу. Черный трубочист

поднялся из-за стола, положил на стол банкноту и ушел, не попрощавшись.

— Я хочу жить в этом городе, — заявил Сенечка.

— Наверное, я сплю, — сказала Ирка. — Три яйца на каждого. Я, может, за всю жизнь три яйца съела.

— И я! И я! — засмеялся Сенечка.

— Интересно, а нам денег хватит? — испугался я. — А то мы можем провалить всю операцию.

— Наверное, хватит, — сказала Ирка.

— Одну минутку! — крикнула, высунувшись из-за занавески, хозяйка кафе. — Если хотите, можете посидеть на улице, я туда вам вынесу.

— А точно, интересно, — сказал Сенечка и первым пошел наружу.

Мы уселись за столиком. Я с удовольствием смотрел на моих спутников. Удивительно, как легко люди привыкают к хорошему. Мы сидели, словно благополучная семья из какой-то не читанной мною книжки. Светило мягкое солнце, улица, замощенная ровной, хорошо подобранной брусчаткой, была такой чистой, словно пол в доме. Недаром же все, кто слышал о Счастливом городе, мечтают в него попасть.

По улице изредка проходили люди, некоторые раскланивались с нами. Были они старомодны и казались актерами из старинной пьесы.

— Интересно, — произнес Сенечка, — а до спонсоров все люди так жили?

— По-разному, — сказала Ирка. Я понял, что и она толком не знает, как жили люди.

Из двери вышла с подносом хозяйка кафе.

Она поставила посреди нашего стола большую сковороду с яичницей, расставила тарелки и разложила вилки и ножи. Она собиралась уйти, но тут увидела, как Сеня уже старается подцепить вилкой край яичницы.

Вдруг милая женщина густо покраснела и прошептала:

— Вы с ума сошли! Не трогайте! Не смейте!

Удивленный Сенечка спрятал руки под стол, решив, что женщину испугали его перепонки. Но причина ее волнения заключалась в другом.

Женщина удивленно взмахнула пухлыми ручками:

— Вы что, первый раз в ресторане?

— Чем мальчик вас рассердил? — спросил я.

— Куда он вилкой тычет, а? Он что, копию захотел испако-

стить? А где я новую достану, я вас спрашиваю? Меня же без копий закроют!

— А что же нам есть? — спросила Ирка.

— Сейчас я хлеб принесу, — ответила пухлая дамочка. — А если кто голодный, то могу чаю дать, с овсянкой. От меня голодными не уйдете, не то что из «Савоя». Там только копии — вы представляете!

Я протянул руку и потрогал яичницу. Яичница была холодной и скользкой. Она была сделана из пластика.

— Но зачем вы нас обманываете? — удивился я. — Ведь вы же деньги все равно за яичницу возьмете?

— Не за поросенка же брать! Я вам его не носила.

— Кого вы обманываете?

— Я никого не обманываю! — Пухлая женщина была в гневе. — Я выполняю распоряжение Управления общественного питания Аркадии, которое гласит: «В случае нехватки пищевого продукта или товара приказано заменять его соответствующим муляжом с внешним правдоподобием».

— Но зачем?

— А если оттуда посмотрят? — спросила хозяйка кафе, понизив голос и движением головы показав на башню.

— Ясно, — сказала Ирка, которая соображает быстрее меня, — несите кашу и чай. Не тронем мы вашу яичницу. А у вас большая нехватка?

— И не говорите! Всего не завозят!

Поклонившись, хозяйка с облегчением отошла от нашего столика. Она принесла холодную липкую овсянку и теплую воду — чай, затем остановилась у стены и стала глядеть на нас, не отрываясь. Встретив мой вопросительный взгляд, она произнесла:

— Приходится смотреть. На прошлой неделе тарелку унесли. А что касается чашек, то это просто катастрофа. Нет, я никого не обвиняю, но такой дефицит чашек, что люди идут на преступление. Правда?

— Мы приезжие, — сказал я мрачно. Овсянка была недосоленной, невкусной, словно приготовленной из опилок.

— Знаем мы таких приезжих, — ответила хозяйка кафе.

Взяла эта женщина с нас за невкусный завтрак по шесть рублей — почти все деньги, что нам дал возница.

— В конце концов, — сказала Ирка, — это даже смешно. Ты что, в самом деле поверил, что в нашей стране может быть счастливый город?

Я не ответил.

— А зачем она яйца обещала? — спросил Сенечка.

— Потому что она играет в кафе, — сказала ему Ирка.

И я подумал, что она права. Ведь мы же в городе, который придуман и сделан спонсорами, а спонсорам вряд ли есть дело, счастливы ли на самом деле жители этого города.

«Гастроном «Изобилие» — увидел я вывеску над первым этажом другого дома.

Туда входили люди с пустыми сумками, а выносили полные. Сами сумки были очень красивы: на них были изображены всяческие продукты.

Передняя стена магазина была прозрачной, а внутри горел яркий свет, так что он был похож на аквариум, в котором плавали рыбки.

Мы стояли снаружи, не заходя в магазин, и смотрели, как люди входят в гастроном, подходят к витринам, рассматривают лежащие там товары.

Мне захотелось рассмотреть магазин изнутри, и я предложил моим спутникам составить мне компанию.

Небольшая очередь из прилично одетых по моде Счастливого города людей стояла возле витрины, в которой лежали колбасы разной толщины и цвета. Продавщица в белом переднике и белой кружевной наколке с милой улыбкой отвешивала колбасу.

— Что это? — Сенечка никогда в жизни не видел колбасы. Я же был старше его и один раз угощался колбасой в школе гладиаторов.

— Сейчас я тебе куплю, — сказал я, — и попробуешь. Это колбаса.

Передо мной стоял пожилой мужчина в длинном зеленом пальто и серой мягкой шляпе. Он обернулся, услышав мои слова.

— Вы приезжие? — спросил он мягким, вежливым голосом.

— Да, мы здесь недавно, — сказал я, а Ирка улыбнулась, не разжимая губ. Мужчина потрепал Сенечку по затылку.

— Сегодня не совсем удачный день, — сказал он. — Завтра завезут любительскую и останкинскую колбасу. Мне конфиденциально сообщили. Так что я на вашем месте купил бы завтра.

— Тим! — Сенечка дернул меня за рукав. — А там колбаса ненастоящая лежит. — Он показал на витрину. — Она нарисованная.

Наши соседи по очереди сделали вид, что ничего не слышали, но Сенечка продолжал настаивать, и тогда старуха в мантилье попросила меня:

— Велите, пожалуйста, вашему мальчику помолчать. Он может доставить всем неприятности. Нам бы этого не хотелось.

— Сеня! — приказал я.

Я видел, как люди, чья очередь подошла, показывали на какой-нибудь из колбасных муляжей, лежавших в ярко освещенной витрине, но продавщица в наколке с милой улыбкой отрезала небольшой кусок от единственного толстого колбасного батона, лежавшего перед ней. Когда подошла очередь пожилого мужчины в зеленом пальто, он протянул продавщице квадратный клочок бумаги, и ему также отрезали кусок колбасы.

Неприятное предчувствие овладело мною.

Оно оказалось правильным.

— Ваш талон, — сказала продавщица, занеся нож над батоном колбасы.

— У нас есть деньги, — сказал я.

Ирка молчала. Сенечка высовывал нос, заглядывая за прилавок.

— Я сказала — талон! — повысила голос продавщица.

Но улыбка не исчезла с ее лица.

— Граждане, не задерживайте, — произнес кто-то сзади.

Почтенная старуха в мантилье оттолкнула Ирку и стала оттеснять меня от прилавка.

Мужчина в зеленом пальто, который задержался, обнюхивая кусок колбасы, доставшийся ему, сказал наставительно:

— Мы же не можем делиться колбасой с каждым приезжим.

— Но мы тоже хотим кушать! — сказал Сенечка.

— Кушайте у себя дома, — сказала старуха в мантилье, тоже получившая свой кусок.

Пожилой мужчина вышел вместе с нами. Он чувствовал себя неловко. Он был на вид добрым человеком.

— Вы должны понять нас, — сказал он. — Мы находимся в тисках дефицита. К счастью, нам хватает продуктов для обеспечения нужд населения. И сейчас, скажу я вам, положение постоянно улучшается.

Старуха в мантилье пошла направо, он — налево.

Мы остались стоять у магазина. Сенечка оглянулся на витрину — она была богато украшена пластмассовыми копиями разных продуктов.

— Кого они обманывают? — риторически спросила Ирка.

— Милая, — сказал я, — ты забыла, что наша планета уже сто лет страдает под гнетом пришельцев! Если бы Россией правили мы с тобой, колбасы было бы достаточно.

Еще около часа мы гуляли по городу, который был невелик.

Я обратил внимание на то, что все стены, обращенные к бетонной башне, были прозрачны и помещения за ними были ярко освещены, как гастроном или отдел носков-чулок универмага.

Но помимо магазинов прозрачные стены были у мастерской, где девушки распевали веселые песни, шили платья, и в другой мастерской, где столяры изготавливали стулья. Столяры были как на подбор славные молодые люди. Они улыбались нам сквозь прозрачную витрину так непринужденно, что мы невольно улыбались в ответ.

Наконец мы попали на вокзал. Вокзал оказался небольшим, к нему был проведен лишь один одноколейный путь. Поезд, состоявший из двух открытых вагончиков и сверкающего медными деталями паровоза с длинной расширяющейся трубой, поджидал нас у платформы, по которой носильщик вез тележку с чемоданами и прогуливался дежурный в фуражке с красной тульей.

Стайка девочек в одинаковых коричневых платьях и белых передничках выпорхнула на платформу, и девочки, щебеча, расселись на лавочках первого вагона.

Красивая женщина со сложенным зонтиком в руке глядела на поезд, не изъявляя желания сесть в него.

— Поехали? — спросил Сеня.

— Но мы не знаем, куда идет поезд, — сказал я. — Мало ли куда нас завезут.

— Скажите, пожалуйста, куда направляется поезд? — спросила Ирка у дежурного по станции.

— Вы билет купили? — спросил он.

Я посмотрел почему-то направо и увидел, что передняя стена вокзала — стеклянная.

— По талонам? — язвительно спросил Сенечка.

— Без талонов, — ответил человек в красной фуражке.

Паровоз загудел.

— Залезайте, залезайте! — приказала красная фуражка. — Там заплатите.

Я обернулся к красивой женщине. Она прочла мой безмолвный вопрос и ответила:

— Не беспокойтесь, он вернется на эту же платформу.

Мы вошли во второй вагон. Старинный вагон, лишенный стен, был разделен на небольшие купе. Мы заняли одно из них, и Сенечка принялся прыгать на мягком сиденье. Начальник станции в красной фуражке погрозил ему жезлом и крикнул:

— Перестань хулиганить, высажу!

Потом он поднял жезл, паровоз еще раз загудел и, резко взяв с места, дернул вагон, так что нам пришлось хвататься за скамейки и друг за друга, чтобы удержаться. Девочки в соседнем вагоне завизжали так, что заложило уши.

Со второго раза паровозику удалось сдвинуть поезд, и он за-

пыхтел, отходя от вокзала. Красивая женщина подняла руку с платком, провожая нас. Я помахал ей, мне ее стало жалко.

Поезд побежал, набирая скорость. К путям подходили небольшие огородики, в которых возились люди, но эти огородики вряд ли были видны с башни — они были устроены так, чтобы их прикрывали дома. Вообще нашим взорам предстала как бы изнанка жизни Аркадии. С изнанки город был не так весел, чист и хорошо покрашен.

С другой стороны путей был высокий зеленый откос, отлично видный с башни. На нем не было строений и огородов, но в некоторых местах были разбиты цветники. Затем мы долго ехали вдоль выложенной из бетонных плит гигантской стометровой надписи «Слава экологии!».

Через несколько минут на откосе, ставшем круче и выше, возникла еще одна, не меньших размеров, надпись: «Украсим Родину садами!»

К этому времени поезд совершил уже плавный полукруг, и башня Наблюдений осталась позади. Железнодорожный путь все более углублялся в землю, и вдруг в вагоне наступила темнота — мы въехали в туннель. Сразу стук колес стал громче и резче, паровоз загудел и запахло дымом.

— Далеко отъехали, — сказала Ирка, — как возвращаться будем?

— Вернемся! — радостно откликнулся Сеня. Как и все мы, он никогда еще не ездил на поезде, но если мы с Иркой могли скрывать свои чувства, делая вид, что такое путешествие нам не в новинку, то Сенечка ликовал открыто.

В вагоне было совсем темно. Я протянул руку и нащупал тонкие пальцы Ирки. Мною овладело странно щекочущее чувство полета с горы.

— Ты хорошая, — прошептал я.,

Не знаю, услышала ли Ирка, но она сильно сжала мои пальцы. А Сенечка, не поняв, о чем речь, спросил:

— Что ты говоришь? Что случилось?

— Тебе еще рано об этом знать, — сказал я.

Ирка засмеялась.

Туннель кончился так же неожиданно, как и начался. Слева показались сады, задние стороны домиков, узкая улица, обращенная к нам некрашеной стороной. Над ними совсем близко тянулась к небу твердыня башни.

Значит, железная дорога шла по внешней границе полумесяца, который образует город, затем на конце рога полумесяца шла под землю и, обогнув твердыню, вышла на поверхность у другого рога полумесяца, совершив таким образом круг.

С другой стороны путей снова появился гигантский лозунг: «Своим трудом крепи чистоту Отчизны!»

— Ты видел много книжек, — сказала Ирка. — Все эти люди как-то не по-нашему одеты. И платья до земли, и шляпы, и этот поезд такой странный. Что это значит?

— И лошади! — вмешался в разговор сообразительный Сенечка. — Разве так бывает, что ни одной машины? Ни одного самолета?

— Лошади, — повторил я. — На лошадях ездили раньше, чем на машинах и самолетах.

— Ясное дело, что раньше! Кто такое платье по доброй воле носить будет! В нем не побежишь, не прыгнешь. А как в нем драться на ножах? — произнесла Ирка.

— Или от мента убегать, — сказал Сенечка и засмеялся.

Во дворе домика, выходившего задом к путям, сидел старик с деревянной ногой в полосатой фуфайке. Он погрозил нам кулаком и крикнул что-то непонятное. Девочки в соседнем вагоне громко пели хором. Мы вернулись в центр городка. По главной улице двигалась высокая черная карета, в ней сидела дама, которая обмахивалась розовым веером. Рядом с каретой ехал верхом молодой человек, который разговаривал с дамой, склонившись к ней.

На центральной улице перед самым большим в городе трехэтажным домом с колоннами стояла другая карета, без лошади. Толстяк в синем халате красил ее в синий цвет, а на балконе второго этажа стоял другой толстяк в красном халате и давал указания. Три дворника в ряд подметали улицу. За ними шел человек в мундире с золотыми пуговицами и золотой каске, который следил, чтобы улицу хорошо подмели. Перед магазином стояла длинная очередь.

Низкое здание вокзала отрезало от нас улицу.

Вот и платформа. Только на этот раз мы подъехали к ней с другой стороны. Начальник станции в красной фуражке поднял жезл, приветствуя нас. Женщина со сложенным зонтиком в руке стояла на платформе. Я взглянул на солнце — мы путешествовали полчаса.

Девочки-школьницы с шумом и гомоном посыпались из соседнего вагона. Они промчались к выходу, обтекая бурливым ручейком одинокую женщину.

Мы тоже вылезли из вагона.

— Кондуктор приходил? — спросил начальник станции.

— Нет, кондуктора не было, — сказал я.

— Ничего, завтра будет, — сказал начальник станции. — А пока можете заплатить мне. С вас по шестьдесят копеек.

Он взял деньги, приложил пальцы к фуражке и затем поспешил вперед к паровозу, откуда устало спускался машинист.

— Больше с вами никто не приехал? — спросила женщина с зонтиком.

Она была красива зловещей, роковой красотой. Ее лицо было белым, словно покрытое мукой, и на нем отчаянно сверкали черные глаза.

— Вы же знаете, — сказал я.

— Я ничего не знаю! — воскликнула женщина. — Я жду уже целую вечность!

— По-моему, вы — единственный несчастный человек в этом городе, — сказала Ирка, как бы приглашая женщину ответить. Та ответила не сразу, она смотрела через Иркино плечо вдоль поезда, состоявшего всего из двух вагонов, будто на самом деле надеялась кого-то увидеть.

Затем, убедившись, что и на этот раз никто не приехал, женщина обернулась к Ирке и сказала:

— Я счастлива. У меня есть хорошая работа, отличная зарплата. У меня отдельная комната. Чего вы еще от меня хотите?

— А кого же вы ждете? — спросила Ирка.

— Глупости какие-то! — рассердилась женщина. — Кого я могу ждать?

— Успокойтесь, Мария Осиповна, — сказал, подходя, начальник станции. За ним шел машинист, неся небольшой чемоданчик. — Вас никто не хочет обидеть. Вы же не хотите обидеть Марию Осиповну?

— Если я работаю, честно отрабатываю свой хлеб, если я честно встречаю поезда и никому не мешаю — это не основание, чтобы меня упрекать.

— Вас никто не упрекает, — сказал начальник станции. — Это естественное любопытство приезжих. Вы ведь приезжие? Сейчас мы проверим ваши документики и узнаем, почему вы ходите по городу и задаете провокационные вопросы.

Начальник лукаво улыбнулся, но мне стало не по себе.

— Простите, — сказала Ирка жестко, — но нам некогда с вами разговаривать. Мы тоже на работе. Мы тайно проверяем, как работает железная дорога. Вам это понятно?

Она сделала такое ударение на слово «вам», что начальнику станции все стало понятно.

— Прошу прощения за задержку, — сказал он, не поверив нам, но и не желая искушать судьбу.

Мы вышли на улицу. Хвост длинной очереди в булочную пересекал мостовую. Мы с трудом пробились сквозь толпу. Толпа была веселой, улыбчивой, полной надежды и даже уверенности,

что хлеба хватит всем. Миновав очередь, мы увидели мирного вида бабусю, которая шла по улице, волоча пластиковую сумку, из которой высовывались два батона.

— Нам надо пройти к пустым складам, — сказала Ирка. — Мы приезжие и немного заблудились!

— Пошли, — радостно сказала бабушка. — Нам по дороге.

— А чего такая очередь за хлебом? — спросила Ирка.

— Завтра спонсоры будут наш город инспекции показывать. — Бабуся показала нам твердыню, вознесенную к нему. — А у нас народ какой? Никакой благодарности! Если что будут давать — устроит очереди, не дай бог!

— Значит, сегодня все продают на два дня вперед? — догадалась Ирка.

— А завтра как всегда! — И бабуся лукаво улыбнулась. — Лучше и не суйся!

Я угадал уличку складов, сбегавших ко рву.

Мы покинули бабусю, которая еще стояла наверху.

— Мне интересно, — сказала Ирка, — откуда они набирают таких людей?

— Может, в пробирках выращивают? —спросил Сенечка.

— Я думаю, — сказал я, — что наловили в разных местах и свезли. И теперь они уже давно тут живут, привыкли. Они счастливые, у них колбаса есть.

— Ты прав, — сказала мрачно Ирка, — им всегда повторяют, что за пределами города колбасы нет.

— А разве есть? — спросил Сенечка.

— Я пробовал, — сказал я. — В школе гладиаторов.

— Школа гладиаторов — это нетипично, — сказала Ирка. — У них связи со спонсорами, со спецснабжением.

— Так я и не попробовал колбасу, — сказал Сенечка и проглотил слюну.

— Попробуешь, обязательно попробуешь. Я тебе слово даю, — сказала Ирка.

Глава 8

ЛЮБИМЕЦ НА БАШНЕ

Стемнело, но никто не шел.

На складе было холодно, мыши и крысы суетились по углам, будто переезжали с квартиры на квартиру и таскали мебель.

Сенечка томился бездельем, несколько раз выбегал из склада, потом возвращался и убитым голосом сообщал, что никого нет.

Мы доели наши припасы, потому что понимали, что завтра нас могут и не покормить.

Чтобы не сидеть в темноте, мы прошли по улице до первых домиков. В домиках горели свечи и керосиновые лампы. Над высоким домом была протянута гирлянда фонариков, но электричества в Счастливом городе не было. Какие-то люди, громко и пьяно разговаривая, шагали по улице — на всякий случай мы нырнули за угол и встали там. Возвращаться на склад не хотелось — там было холодно, как под землей.

Отчаявшись дождаться друзей, мы вернулись на склад и сели в углу в обнимку, чтобы было теплее.

Открылась дверь, и возница, взглянув внутрь, спросил хриплым шепотом:

— Вы живые?

Мы разговаривали тихо, чтобы нас никто не услышал.

Возница сказал, что сведения о завтрашнем прилете инспекции подтвердились — за вечер на башню спустилось несколько милицейских вертолетов.

— В городе все знают о завтрашней инспекции, — сказал я.

— А куда денешься? — сказал возничий. В темноте не было видно его длинных усов, но по невнятности речи я представлял, как он жует кончик уса. — Всего за день до инспекции талоны отоваривают. В день инспекции — пусто.

— А почему так? — спросила Ирка.

— Если дают продукты, — ответил возница, — то сразу бывает очередь. Как ты запретишь людям стоять в очереди, когда выкинули продукты? Вот с башни и виден непорядок.

— А плохо с продуктами?

— Мы не жалуемся, — сказал возница. — Как-то достаем, крутимся. Ведь люди знают, что в других городах с продовольствием куда хуже.

— Откуда знаете? — спросила Ирка.

— Как откуда? У нас газета выходит, — сказал возница с усмешкой в голосе. Я понимал, что возница хоть и местный счастливый человек, но уже испорчен общением с Хенриком и нами — жителями другого мира, испорчен скепсисом и неверием.

— А магазины завтра закроются? — спросил я.

— Ни в коем случае! Завтра будет день временной выдачи муляжей. Все мы распределены по магазинам, а некоторые приписаны к рынку. Каждый возьмет, что положено, и отнесет домой. А потом будет карнавал.

— Как жалко! — сказала Ирка. — Я никогда не видела карнавала.

— А я даже слова такого не знаю! — сказал Сенечка.

— Когда нам выходить? — спросила Ирка.

— Скоро, — сказал возница.

— Как вас зовут? — спросил я. Мне показалось неправильным не оставить в своей памяти человека, который так много для нас сделал.

— Густав, — ответил возница. И продолжал: — Сейчас мы выйдем ко рву. Разговаривать там нельзя. На башне уже много милиционеров. Спонсоры не хотят случайностей.

— А как мы поднимемся на нее? — спросил я.

— Этого не надо будет делать. Все равно не забраться.

— А как?

— Под водой во рву есть вход в башню. Он служит для тех случаев, если воду из рва спустят. Для чистки или ремонта. О нем никто не знает. Мы сами узнали случайно — в архиве нашли планы башни.

В вечерней тишине донесся бой часов на здании вокзала.

— Пора, — сказал Густав. — Нам должны принести надувную лодку.

Молчаливой процессией мы спустились ко рву. Вода в нем неслась, как в горной реке.

— Почему это так происходит? — спросил я шепотом.

— Там у них установлена машина, — Густав махнул рукой в направлении башни, — чтобы никто не мог подплыть к башне.

Костяная голова одного из чудовищ, обитавших во рву, высунулась на мгновение из воды и исчезла, унесенная течением.

— А кто эти чудовища? — спросил я. — Драконы?

— Драконы? — Густав меня не понял.

— Если свалишься в воду, живым не выбраться, — прошептала Ирка.

— Здесь нет драконов, — сказал Густав. — Не понимаю, о чем вы говорите.

— Разве вы не видели голову?

Возница улыбнулся — в полутьме сверкнули его зубы.

Он вытащил из кармана хлеб, отщипнул от него кусок и, размахнувшись, кинул в воду выше по течению.

Тут же из воды высунулась голова чудовища. Рядом другая. Кусок хлеба исчез.

— Что это?

— Это большие черепахи, — сказал возница. — Они безопасные. Но если не знаешь, то страшные. У нас в городе все думают, что они едят людей. И кто-то поддерживает эти слухи.

— А где вход в башню? — спросил я.

— Видите вырубленный в башне над водой крест? — ответил вопросом Густав.

Я пригляделся. Кажется, я его разглядел.

— Под ним есть вход в башню. У самого дна рва. Он забран решеткой, которая закрыта на засов.

Время шло. Вышла луна; в маленьком городском парке под гирляндами керосиновых фонариков играл небольшой оркестр.

— Где же ваша лодка? — спросила Ирка.

— Сам хотел бы знать, — ответил возница. — Уже полчаса как они должны были принести лодку.

Мы ждали. Говорить не хотелось. Что-то случилось.

— Может, вы сходите и спросите? — сказала Ирка.

— Это в другом конце города, — сказал Густав, — за вокзалом. А через полчаса город объявляется спящим. И уже нельзя по нему ходить. С этим у нас строго.

— Тогда спешите, узнайте, — сказал я.

Густаву не хотелось идти, но он понимал, что мы правы.

— Никуда не уходить! — с преувеличенной строгостью произнес он.

— Не беспокойтесь.

Его шаги удалились. Было тихо. Из парка доносилась музыка, кто-то высоко над нами засмеялся. Башня поднималась черная и неприступная. На ее вершине между зубцами загорелся маленький, но яркий огонек. Потом расширяющийся луч света скользнул по стене — видно, кто-то перегнулся через парапет и осветил стену сверху. Луч фонарика не достиг воды. Вода мчалась у наших ног беззвучно и быстро. При свете луны я увидел, как к поверхности поднялась гигантская черепаха.

Не знаю, сколько прошло времени — но, наверное, не меньше часа. Густав не возвращался. Сенечка извелся — ребенку трудно ждать.

Оркестр в парке перестал играть, огоньки в домах гасли один за другим. Густав все не шел.

Вдруг издали, сверху, со стороны вокзала донесся короткий предупреждающий крик. Мы замерли, вслушиваясь. Снова крик. Мне показалось, что слышны были быстрые шаги — кто-то убегал. Потом резкий короткий звук — один, два, три...

— Это выстрелы, — тихо сказала Ирка. Она поднялась на ноги.

В городе все умолкло.

— Я поднимусь по течению, — сказал я, — и нырну. С таким расчетом, чтобы меня снесло течением к решетке.

— Ничего не получится, — сказал Сенечка. — Сунь руку в воду. И увидишь.

Я спустился к самой воде и сунул руку в холодную воду. Несущаяся вода ударила по ней, как ударяет водопад. Мою руку буквально выбросило из потока.

Я и не ожидал, что течение такое быстрое.

Ирка тоже попробовала воду.

— Ничего не получится, — грустно сказала она. — Это глупо — столько готовились, а ничего не получится.

Мы еще постояли, прислушиваясь и надеясь, что услышим шаги Густава. Но никто не спускался ко рву.

— На складе я видел веревку, — сказал Сенечка.

— Зачем тебе?

— Мне надо будет добраться до двери, до решетки, и привязать к ней веревку. И тогда вы переберетесь туда, держась за веревку.

— Легко сказать, — ухмыльнулся я, — а ты представляешь, куда тебя вынесет водой?

— Веревки там много? — спросил Сеня.

— Много, — сказала Ирка.

— Это хорошо, — сказал Сенечка голосом умудренного жизнью человека, который не желает тратить время на споры со мной — мальчишкой. — Нам надо много веревки. Только вы меня слушайтесь и не спорьте.

Когда у людей не остается надежды, то даже мальчик-с-пальчик может стать ее источником — главное, чтобы он был уверен в себе.

— Ты скажи, зачем тебе много веревки? — спросила Ирка.

Сенечка без лишних слов поспешил к складу.

— Нам некогда, — сказал он. — Если ваш Густав попался ментам, то они его допросят, и он скажет, что мы здесь.

Это было разумно, и Ирка больше не задавала вопросов. Мы направились к складу.

Там было темно. Я чиркнул кремнем и запалил зажигалку, которую подарил мне отец Николай. Зажигалка была масляная, огонек ее чадил и почти не давал света.

При свете зажигалки мальчик разобрал веревки и объяснил нам свою мысль.

Сеня не будет пытаться переплывать ров — все равно унесет. Но, в отличие от нас, которые не могут дышать под водой, для него вода все равно что воздух. Так что, если мы отыщем камень потяжелее, малыш сможет пробраться к двери по дну, что сделать куда легче, чем плыть по поверхности. С собой он возьмет веревку и привяжет ее к решетке в башне — сделает таким образом мост. Держась за веревку, мы сможем переплыть ров.

К счастью, все вышло так, как разъяснил нам разумный Сенечка. Обмотанный веревкой, держа в руках тяжелый камень, Сенечка ступил в воду. Его шатнуло и понесло вбок.

Я травил веревку, привязанную другим концом к вкопанному в землю столбу. Веревка натянулась под острым углом, и Сенечка исчез под водой. Я отлично знал, что он — рыба, и в то же время с трудом удержался от того, чтобы не броситься за голеньким ребенком, сгинувшим в черной воде.

Веревка рывками вырывалась у меня из рук. Ирка подбежала, чтобы помочь мне удержать конец. Помощи от нее было немного, но я ее не стал отгонять...

Я видел, как страшной обтекаемой массой по воде пронеслось тело черепахи. Хорошо рассуждать о том, что черепахи безопасны, но там, во рву, всего-навсего маленький мальчик.

Веревка то натягивалась, рвалась из рук, то вдруг ослабевала. Мне казалось, что Сенечка должен был давно уже пересечь водную преграду, но он не появлялся на той стороне. Неужели с ним что-то случилось?

Ирка трогала меня за рукав, будто порывалась что-то сказать, но в последний момент удерживалась.

Теперь веревку тянуло вправо по течению, но я вдруг понял, что она уже прикреплена к чему-то на той стороне. И как бы в ответ на мои мысли из воды, у основания башни, высунулась голова Сенечки, который с трудом удерживался на месте.

— Тащи веревку, натягивай, — сказал он. И мне показалось, что голос его прозвучал слишком громко и сейчас сверху вспыхнут фонари.

Но ничего не случилось. Ирка помогала тащить веревку.

Сенечка пропал с поверхности воды.

Наконец веревка натянулась над самой водой, и мы привязали ее к столбу.

Ирка примотала себе на спину всю нашу одежду. Я с ее помощью привязал к себе на спину ползуна. Ползун трусил, он начал вдруг говорить, что если он утонет, то надо обязательно сообщить об этом куда-то... Но мы не слушали его — мы боялись, что не успеем.

Ирка первой вошла в воду, вцепившись в веревку. Ее тянуло течением, отрывало от веревки, но она медленно перебирала руками по ней. Веревка натянулась углом, вода пенилась вокруг Ирки, медленно передвигающейся к основанию башни. Ползун, привязанный к моей спине, вздрагивал.

— Не шевелись, когда поплывем, — предупредил я его как можно решительней.

— Я знаю, — отозвался ползун.

Но когда Ирка, добравшись до башни, помахала мне рукой и подошла моя очередь перебираться через несущуюся реку, ползун стал вести себя безобразно. Он цеплялся мне в спину когтями, и я готов был его сбросить — так было больно.

На середине меня чуть не оторвало от веревки, я ничего не видел, вода завивалась вокруг меня, холодный вал бил в бок, я не помню уж, как добрался до стены. И только когда рука моя уперлась в бетон, я с великим облегчением понял, что переплыл.

Кто-то дернул меня за ноги, я хотел огрызнуться, чуть не нахлебался воды, но потом понял, что Сенечка помогает мне нырнуть. Я сказал ползуну (не знаю, услышал ли он):

— Ныряем, не суетись!

Потом, набрав в легкие воздуха и все еще держась за веревку, я другой рукой повел вниз по стене, и через полметра, не более, моя рука провалилась внутрь и меня сильно дернули за нее. В этот момент ползун, перепуганный и потерявший ориентировку, с такой силой рванул меня когтями по загривку, что я было закричал — вода попала в глотку, я не понимал, что со мной творится, я даже не мог выпустить судорожно сжатую в кулаке веревку, и Ирке пришлось буквально отламывать мне пальцы...

Вода расступилась.

Я выплыл в середину черного, наполненного водой колодца. Вокруг меня отвесно поднимались внутренние стены башни. На стене, одна над другой, горели тусклые лампочки. После темноты они казались яркими, и я сразу разглядел Сенечку, который помог мне выбраться на край колодца.

Помещение на дне башни было велико, и там, помимо колодца, из которого мы вылезли, размещались машины, которые мерно постукивали, крутя громадными колесами. Я подумал, что именно они гонят воду во рву.

Первым делом я стал отвязывать ползуна, проклиная его на чем свет стоит. Сенечка и Ирка помогали мне, а ползун жалко оправдывался, чувствовал свою вину, но утверждал, что не помнит, как пытался меня искалечить.

— Славно он тебя изукрасил, — сказала Ирка, глядя на мою спину.

— Надо бы перевязать, — сказал я. — Может, у него когти ядовитые.

— Я не давал вам оснований так обо мне думать, — почему-то обиделся ползун.

— Перевяжем потом. Ты терпеть можешь? — спросила Ирка.

— Буду терпеть, — сказал я. — Но чтобы я еще когда-нибудь таскал на себе ползунов — увольте!

В башне было теплее, чем снаружи, и если бы не царапины на спине, я бы сказал, что первую часть путешествия мы совершили удачно.

Но что делать дальше, я не представлял.

Нас подвели на том берегу рва — никто не пришел к нам на помощь. А что здесь? Где помощники?

Оглядевшись в поисках пути, которым попадали к работающим машинам спонсоры и их слуги, я увидел, что к стене прикреплена узкая металлическая лестница, которая поднималась, загибаясь, и заканчивалась под самым потолком решетчатой площадкой и железной дверцей. Это был единственный выход из первого этажа башни.

Оставив моих спутников внизу, я быстро взбежал по лестнице наверх и попробовал дверь — дверь была заперта. Впрочем, этого следовало ожидать.

Сверху мои спутники казались мне столь маленькими, несчастными и беспомощными, что любой спонсор их мог раздавить одним пальцем. К счастью, желающего спонсорского пальца в наличии не оказалось.

Мы не решались громко разговаривать — не исключено, что этот зал соединялся с другими помещениями невидимыми для нас ходами.

Ирка сложила руки трубой и громко прошептала:

— Ну и что?

Я развел руками, показывая, что дверь не открывается. И пути дальше нет.

Сенечка обезьянкой взбежал по лестнице и, встав рядом со мной, начал осторожно поворачивать ручку, словно ждал какого-то сигнала, позволившего бы растворить дверь.

Мы возились перед дверью, как глупые животные, а внизу ползун и Ирка стояли у широкого колодца, задрав головы и ожидая от нас благоприятных вестей.

И вдруг мы услышали, как кто-то с той стороны поворачивает ключ. Мы с Сенечкой отпрянули в сторону и прижались спинами к стене. Я поднял руку с ножом, готовый ударить им человека, вознамерившегося войти в зал.

Дверь открывалась медленно, словно тот, кто был по ту ее сторону, тоже не был в себе уверен и трусил.

Я занес руку с ножом, но когда дверь наконец приоткрылась, я не увидел головы там, где ожидал ее увидеть. Сначала мне показалось, что на металлическую площадку вышел еще один ребенок, такой, как Сенечка.

И только когда снизу радостно ахнула Ирка, по буйной шапке волос я догадался, что дверь открыла Маркиза.

Маркиза, которую Сийнико вызвал к прилету инспекции, попала на верх башни в специальную палату еще утром. Но никакой связи с городком она не имела, за исключением того, что должна была ночью спуститься вниз и открыть дверь, соединяющую нижний этаж башни с верхними этажами.

Сделать это оказалось нетрудно. Калек, привезенных на башню по Программе помощи, милиционеры спрятали в палату, а сами благополучно заснули. Маркиза не могла передвигаться по башне в своем кресле и поэтому хромала на костыликах, что давалось ей с трудом.

Она открыла бы дверь и раньше, но, как назло, несколько милиционеров уселись играть в кости как раз перед ее палатой. Маркиза не стала дожидаться, пока они заснут, вышла из палаты и отважно прошествовала мимо них якобы по нужде. Милиционеры и внимания не обратили на увечную карлицу.

Теперь следовало незамеченными подняться на верх башни.

После всех испытаний мною овладело приподнятое нервное настроение, какое может овладевать солдатом после трудного, но удачного штурма вражеского города, когда ему открыты все лавки и квартиры — можно грабить!

Я не чуял под собой ног, и мне хотелось бежать по лестнице наверх. Но Маркиза, естественно, не могла двигаться по ступенькам быстро и отдыхала после каждых пяти шагов.

— Давайте я вас понесу, — сказал я.

— Нет, спасибо, — сказала Маркиза холодно. — Здесь недалеко.

Мы поднялись за ней на верхний ярус башни — выше была лишь смотровая площадка для инспекторов. Этот ярус был разделен на несколько помещений и приспособлен для тех людей, которые обслуживали башню Наблюдений. Здесь были спальни для милиционеров, палата для калек, столовая, туалеты, склады, диспетчерские...

Сейчас здесь царила тишина. Убежденные в том, что башня недоступна, милиционеры мирно спали. А спонсоры прибудут только утром — им нет смысла здесь ночевать.

— Я нашла для вас чудесное место, — прошептала Маркиза. — Даже трудно поверить, что может так повезти.

Она показала на небольшой люк.

— Наверх? — удивилась Ирка. — На самый верх?

— Вот именно, — сказала Маркиза. — Чем ближе воробей жи-

вет к гнезду орла, тем он в большей безопасности. По крайней мере, здесь вас никто не будет искать.

Мы поднялись на самый верх. Вершина башни представляла собой широкую площадку, которая, казалось, плыла в небе под самыми звездами. Здесь было пусто и стояла тишина, которую, наверное, можно услышать только в горах или пустыне — там, где нет ничего живого. Низко-низко пролетали легкие перистые облака, звезды были яркими. Летучая мышь пронзила воздух над нашими головами — она неслась бесшумно, как было бесшумно все на этой высоте.

Маркиза провела нас к небольшой низкой надстройке с маленькими окошками — таких было несколько со стороны, противоположной городу.

— Я не знаю, что здесь было раньше, — сказала она. — Но, судя по всему, сюда никто не заходит.

Маркиза приоткрыла низкую дверцу, и мы оказались в надстройке.

— Здесь будете ждать, — сказала она. — Все решения принимает Ирка. — Сухими руками Маркиза поправила свои волосы и посмотрела на небо. — Как жаль, — сказала она.

— Что? — не поняла ее Ирка.

— Я так мечтала, что меня отправят в Галактический центр...

— Я тоже хотела бы туда, — сказала Ирка.

— Если все получится, как мы задумали, — сказала Маркиза, — мы с тобой еще полетим туда.

Один за другим мы влезли в низкое помещение, где была сложена рулонами плотная материя.

— Я знаю, что это такое, — сказала Ирка, — если дождь, они натягивают над башней тент.

В мокрой одежде спать было неприятно. Я пытался заснуть, ворочался, несколько раз забывался во сне, какие-то кошмарные видения преследовали меня. Потом просыпался. Сенечка бормотал во сне, Ирка тоже спала плохо. О ползуне ничего сказать не могу, потому что не знаю, чем отличается спокойный сон ползуна от тревожного.

Окончательно я проснулся на рассвете.

Снаружи, на смотровой площадке, было тихо. Я выглянул в окошко. Солнце еще не встало, но было светло, звезды погасли — июньские ночи коротки. Я вылез на площадку и принялся прыгать, чтобы согреться.

По краю площадки между зубцами на парапете были прикре-

плены разного рода подзорные трубы и экраны. Они были установлены куда выше человеческого роста и направлены на город.

Экраны соединялись с оптическим устройством. Я встал на цыпочки, чтобы было лучше видно. Один из них показывал участок города, увеличенный во много раз. Было такое впечатление, будто я смотрю на улицу из окна.

Улица была пуста, только одинокий дворник подметал ее щеткой. Мимо шагал человек в черной одежде и черном цилиндре с кольцом веревки через плечо — это был знакомый мне трубочист.

Экран вращался. Я повернул его.

Теперь я смотрел на главную площадь перед большим домом. Три человека на площади сколачивали помост. Два других устанавливали возле него высокий столб. Я подумал, что они готовятся к карнавалу...

А вот и вокзал. На скамейке перед ним, подтянув ноги, спит красивая женщина, зонтик выпал из ее рук и валяется на тротуаре. Мимо проехала высокая карета и закрыла на секунду лавочку с женщиной.

Громко ударили куранты на городской башне.

— Тим! —услышал я предупреждающий оклик.

Я обернулся — на верхнюю площадку выбирались милиционеры.

Я метнулся в укрытие. И вовремя.

Мои спутники разлеглись на сложенных полотнах шатра и глядели в узкие щели окошек под самой крышей. Я присоединился к ним.

Милиционеры в гребенчатых касках, выбежавшие на площадку, быстро осмотрели ее, один даже заглянул к нам, мы замерли, но милиционер не рассчитывал кого-нибудь увидеть — он захлопнул дверь и побежал дальше.

— Все чисто! — послышался крик милиционера, и ему ответили с разных сторон такие же крики:

— Все чисто!

— Все чисто... все чисто!

Застучали окованные каблуки — мне было видно, как милиционеры, толкаясь и спеша, спускаются в люк, ведущий вниз.

И тут же воздух над площадкой потемнел — один за другим спускались вертолеты. Из каждого выходил спонсор, и вертолет тут же автоматически поднимался, освобождая место следующему.

Всего я насчитал более десяти спонсоров. Все они принадлежали к самой верхушке земного общества — это были главы управлений и департаментов. А вот и старый знакомый, госпо-

дин Сийнико. Знал бы он, кто лежит на свернутых рулонах полотна в двадцати метрах от него!

— Это он! — шепнул Сенечка, лежавший рядом. — Я его узнал.

Я положил руку на теплый затылок мальчика, чтобы успокоить его.

— Говорить буду я, — предупредила Ирка.

— Знаю.

Над площадкой завис пассажирский флаер. В его плоском блестящем брюхе открылся люк, выкатилась пологая лестница.

Первым сошел незнакомый мне спонсор в форме военного ведомства.

— Я буду слушать, — прошептал я, касаясь губами уха Ирки. — И когда будет хороший момент, я дам сигнал.

Ирка кивнула.

Один за другим из флаера спустились на площадку три инспектора. Сначала я видел их ноги, появившиеся из люка, затем попытался вообразить себе, что же я увижу, когда инспектор появится целиком.

Я ни разу не угадал. Они были совсем разными.

Первым спустился человек. Вернее, существо, схожее с человеком, но двух с половиной метров ростом. Лицо у человека было желтым, широким, круглым и плоским. Такому лицу соответствовали бы узкие глаза — но у этого человека они были совершенно круглыми, птичьими. Человек опирался на тонкую трость, изукрашенную драгоценными камнями. Под лучами только что поднявшегося солнца камни засверкали, отбрасывая разноцветные зайчики по всей площадке.

Следующий инспектор двигался медленно. У меня создалось впечатление, что у него вообще нет костей — нечто кисельное, забранное в упругую ткань, покачивалось над лестницей, не решаясь сделать шаг. Человек с тростью обернулся и подал спутнику руку.

Слизняк оперся на руку, перелился в сторону человека, и мне было видно, как трудно человеку удерживать этот текущий вес.

— Они очень мудрые, — прошептал ползун. — Паллиоты. Им трудно.

— Что трудно? — спросил я, вовсе не удивившись познаниям ползуна.

— Трудно ходить. Они живут в жидкости.

— Как я, — сказал Сенечка.

Легкое сияние вокруг головы паллиота оказалось оболочкой шлема.

Спустившись на камень площадки, паллиот с облегчением

(или это я за него почувствовал облегчение) растекся по полу, и видно было — если бы не скафандр, инспектор превратился бы в лужу.

Тем временем сверху спустился третий инспектор. Он был ловок, невероятно быстр, по-насекомому худ, на поясе, который можно было бы обхватить пальцами, висел широкий, разукрашенный, в кожаных ножнах меч. Лицо этого существа было узкое, будто сдавленное прессом, вытянутое вперед. Глаза, смотревшие в стороны от блестящего горбатого носа, казались глазами насекомого. Одеждой инспектора был широкий со множеством вертикальных складок плащ, легкий и колышущийся от любого движения воздуха. Ростом третий инспектор был невелик, он уступал даже Ирке.

Спонсоры выстроились в ряд перед инспекторами и поочередно выступали вперед, чтобы представиться. Мне было хорошо слышно, как они произносят свои имена и должности. Они говорили на языке спонсоров, инспекторов это не удивляло — видно, такова была договоренность.

— Ты понимаешь? — прошептала Ирка.

— Да.

— Мы не будем занимать вашего драгоценного времени, — произнес Сийнико после того, как взаимный обмен любезностями был завершен. — Если вы подойдете к экранам и наблюдательным трубам, то получите ответы на многие интересующие вас вопросы.

Инспектора в сопровождении спонсоров двинулись к парапету. Но прежде чем подойти к экранам, насекомообразный худой инспектор в плаще склонился над парапетом, глядя вниз на город и лесные дали, словно желая убедиться, что город существует.

— Кто он? — спросил я ползуна.

— Мудрый владетель легиона, — сказал ползун, совершенно не заботясь о том, способен ли я его понять.

— Откуда он?

Ползун странным образом хмыкнул, будто был удивлен моей серостью:

— Из края Двух зорь, — сообщил он мне наконец.

— Спасибо, — сказал я, не скрывая иронии.

— Как вы уже знаете, — продолжал Сийнико, — наша миссия прибыла сюда в тот момент, когда здесь кипели, и уже не первый год, опустошительные атомные войны, разрушившие практически до основания главные населенные пункты планеты и значительно сократившие число ее обитателей. Те же, кто остался жив, в большинстве своем были заражены различными болезнями.

— Радиоактивными? — спросил паллиот.

— Химическими, генетическими... Перед нами стояла труднейшая задача. Надо сказать, что ничего подобного нашей цивилизации еще не встречалось.

Спонсоры жестами и поклонами подтвердили согласие со словами Сийнико.

— Мы лечим тех, кого не могут вылечить местные врачи. Если же исцеление вообще невозможно на Земле, мы отвозим калек к нам, в наши клиники. Кстати, после окончания осмотра города мы приглашаем вас вниз, там специально для встречи с вами находятся пятеро калек, ожидающих отправки в Галактический центр.

Там Маркиза, подумал я. Она сейчас пребывает в неизвестности, не предполагая, чем кончится наша схватка со спонсорами.

— Все необходимые документы и пленки, запечатлевшие ситуацию на планете, будут предоставлены уважаемым инспекторам по возвращении на главную базу, — продолжал Сийнико. — Сейчас я только сообщу вам, что мы поставили перед собой задачу — возвратить жизнь на Землю, что оказалось куда сложнее, чем мы предполагали.

— С этим мы также ознакомимся на базе, — сказал высокий человек, который по поведению своему показался мне главным среди инспекторов. Он был нетерпелив и резок в движениях.

— Разумеется, — сразу согласился Сийнико. — Мы привезли вас сюда не для того, чтобы вспоминать прошлое и рассказывать о том, каких средств и усилий стоит нам возрождение планеты. Но любой разговор, любая дискуссия будут пустыми, если вы не будете ознакомлены из первых рук с тем, что же представляет собой цивилизация Земли, как живут, к чему стремятся, как проводят свои дни рядовые ее обитатели.

Паллиот подполз, переливаясь, к парапету.

— Придерживаясь строго правила — ни в коем случае не вмешиваться в жизнь землян, — мы построили эту башню рядом с обыкновенным типичным городком. Обитатели его, мирные земляне, и не подозревают, что находятся под постоянным научным наблюдением. Уже многие десятилетия наша экспедиция, которую в настоящее время я имею честь возглавлять, постоянно изучает этот город. Мы его для себя называем Типичным городом.

— А как они его называют? — спросил вдруг худенький инспектор.

— Как? — Сийнико на секунду замялся, вопрос был для него неожиданным. Он обернулся к спонсору из Ведомства пропаганды, стоявшему рядом. Тот медленно наклонил голову, украшенную маленькими черными очками, и кашлянул.

— Половину доходов, которые мы получаем от вывоза с Земли некоторых полезных ископаемых, мы вкладываем в развитие планеты...

— Каким образом? — спросил вдруг паллиот.

— Мы представим документы, — сказал Сийнико. — Есть ряд программ, такие, как «Чистый воздух», «Родник», «Океан». Многие наши ученые плодотворно трудятся, помогая нашим младшим братьям по разуму.

— И это — типичный город? — спросил высокий человек.

— Вот именно!

— И люди никогда не видели ни одного из вас?

— Мы стараемся не показываться на глаза землянам. Они еще не готовы к межпланетным контактам, — сказал Сийнико.

Коротким движением толстой лапы Сийнико направил внимание инспекторов на экраны и подзорные трубы.

— Вы можете убедиться даже по характерным деталям повседневной жизни землян, что они лишь недавно вступили в эпоху пара и построили первые железные дороги.

Инспектора потянулись к экранам...

— Вы можете убедиться сами. — Сийнико переключил экраны, и все они показали перрон, по которому весело бежала стайка школьниц в темных платьицах и белых передничках. Девочки заполнили первый вагон.

Начальник станции в красной фуражке поднял жезл. И тут я увидел красивую высокую женщину с зонтом в руке. Другой рукой она подняла платок, как бы желая счастья отправлявшимся в путь пассажирам.

— И как далеко проходит эта дорога? — спросил узколиций инспектор в длинном плаще.

— Она соединяет этот городок с другими, подобными ему, — пояснил Сийнико. — Ведь больших городов на Земле практически не осталось. Они стали жертвами войн и не восстанавливались. Думаю, что со временем появятся новые. Хотя мы с точки зрения охраны природы ненавязчиво и незаметно для землян проводим идею господства малых поселений.

— Попрошу вас представить документы о том, как вы проводите эту идею, — сказал паллиот.

Сийнико щелкнул себя по гребню, что было выражением недовольства.

— Разумеется, — сказал он. — А теперь мы можем продолжить ненавязчивое путешествие по городу. Вы вправе заглянуть в каждый дом.

Ближайший ко мне экран показывал гастроном, сегодня буквально заваленный различными видами колбас и сыров. Люди

заходили в магазин, и на экране было видно, как улыбаются продавщицы, отрезая от муляжей куски и заворачивая их для покупателей.

— У них существует монетная система? — спросил высокий человек.

— Она была куда более распространена в период кровавых войн. Тогда существовали и большие банки. Сейчас все проще, но и полезнее для здоровья планеты, — ответил Сийнико.

Интересно, подумал я, не кажется ли странным инспекторам, что магазины, мастерские и даже дома схожи с аквариумами, как услужливо смотрят они на башню стеклянными стенами. Но, вероятно, инспектора отнесли эту странность на счет обычаев землян, и она их не удивила.

Экран показывал центральную площадь, помост был готов. И тут я подскочил так, что ударился головой о низкий потолок укрытия. Это была виселица.

Вокруг помоста уже собралась значительная толпа одетых по моде давних времен обывателей. На помост поднялся господин в черном, который развернул свиток и принялся читать его.

— Что там происходит? — спросил худой инспектор.

— Не знаю, — сказал Сийнико. — Мы только изучаем обычаи землян. Порой они нас удивляют.

Он не спешил сдвинуть подзорные трубы и экраны в сторону. Мне показалось, что ему самому интересно, что же происходит на площади.

— Нет, не знаю, — повторил он. Остальные спонсоры и тем более не знали, что там происходит. Я думаю, что они и город-то видели второй или третий раз в жизни, и им были совсем неинтересны маскарадные затеи Сийнико.

На помост поднялся бородач в красной рубахе с закатанными рукавами. Он попробовал, крепко ли держится веревка.

— Сегодня должен был быть карнавал, — сказал Сийнико. — Но это не похоже на карнавал.

Инспектора так же, как и я, видимо, ощутили драматизм и скрытое напряжение сцены. Они стояли неподвижно и ждали, что будет дальше.

На площадь выехала закрытая черная карета, запряженная парой лошадей. Карета остановилась у помоста, закрыв его от нас, и только когда она через минуту отъехала дальше, мы увидели, что на помосте стоит наш возница Густав, пропавший прошедшей ночью.

— Ой! — пискнула Ирка.

Я сжал ее руку.

Руки Густава были связаны за спиной. Человек в красной рубахе повел его к виселице. Петля чуть покачивалась под ветром над его головой.

— Не собираются ли они его убить? — спросил паллиот.

— Вполне возможно, — сказал спонсор Сийнико. — Я думаю, что вы совершенно правы. Таким жестоким образом люди казнят своих преступников.

— Что он совершил? — спросил высокий человек.

— Этого мы никогда не узнаем, — вздохнул Сийнико, — мы не имеем связи с городом.

Я видел, как палач приказал Густаву подняться на скамейку.

— Что делать, что делать? — шептала Ирка.

— Молчи, — сказал ползун. — Мы не можем погубить все сейчас.

— Не все ли равно, — сказал я. — Сейчас или через пять минут. Единственная разница, что Густав будет наверняка мертв.

С этими словами я выскочил на залитую солнцем площадку.

Все услышали, как я выбегаю. Все обернулись и шарахнулись от меня.

Один из спонсоров выхватил пистолет, но, к счастью, я увидел это движение раньше, чем он успел выстрелить, и отпрыгнул в сторону.

— Стойте! — закричал я на языке спонсоров. — Остановитесь! Это обман.

— Ах, это ты, преступник! — Сийнико также пытался достать пистолет.

И я не знаю, удалось ли бы мне сказать еще хоть слово, но тут я услышал резкий голос ползуна, закричавшего на непонятном мне языке.

Он уже стоял на задних лапах, подобно нападающей кобре.

— Не сметь стрелять! — закричал в ответ на крик ползуна высокий человек. Как я понимаю, он обладал неким даром влияния на другие живые существа, потому что в тот же момент я был парализован — я не мог двинуть ни рукой, ни ногой. И только услышал тяжеловатый металлический удар — пистолет выпал из руки Сийнико.

Затем наваждение паралича миновало.

— Кто вы? — спросил высокий инспектор.

— Сначала остановите казнь! — закричал я.

— Это невозможно, — сказал Сийнико. Он смотрел на меня в упор черными очками и хотел меня убить. Но не смел.

— Это возможно! — Я обратился к инспекторам: — Этот город — фикция. Этот город — декорация, придуманная спонсорами. Все, что происходит в нем, придумано, нарисовано и отрепетировано. Но разыгрывают специально для вас умилительную

картинку люди, которые служат спонсорам. И у них есть связь с городом. Они могут приказать. Их послушаются.

— Это так? — Паллиот медленно обернулся к группе спонсоров.

— Это ложь! Это ложь сумасшедшего! — сказал незнакомый спонсор.

— Но сделайте что-нибудь! — кричал я. — Ведь они казнят Густава только за то, что он помог нам проникнуть сюда.

— Остановите убийство, — произнес тонкий инспектор в длинном плаще. — Инспекция вами недовольна.

— Вы верите авантюристам, жителям больной, отсталой планеты. Вы ставите их слово выше, чем слово членов Галактического содружества. Это немыслимо и оскорбительно. И пусть дело решается в суде Вселенной! — гневно произнес вельможа из спонсоров.

Быстро, снова на незнакомом мне языке заговорил ползун.

Инспектора смотрели на него, затем паллиот сказал:

— Мы вам не верим.

Мой взгляд упал на экран.

И ужас холодной рукой сжал мое сердце: Густав был мертв. Он покачивался на виселице, и ноги его, вытянутые носками вниз в последней попытке достать до земли, медленно крутились над помостом. Палач отошел на шаг назад.

— Вы убийцы! — произнес я.

Ирка сделала шаг вперед.

— Уважаемые инспектора, — произнесла она. Странно, никогда не думал, что она тоже знает язык спонсоров. — Я прошу пять минут вашего внимания.

— Эти выступления — оскорбления нам и здравому смыслу, — выкрикнул Сийнико.

— К сожалению, — сказала Ирка, она держалась с достоинством, говорила медленно и возвышенно, мне она показалась даже выше ростом, — наше появление перед вами выглядит излишне драматично, но мы не имели возможности приблизиться к вам раньше. Ведь вас держали на центральной базе спонсоров, куда и отвезут сегодня после этой экскурсии, потому что Земля якобы опасна для вас. Но ведь все это ложь. И мы хотим предъявить обвинения спонсорам, которые, взяв на себя право распоряжаться нашей Землей, не показали себя цивилизованными существами.

— Пора прекратить это издевательство! — закричал Сийнико.

Я смотрел на экран. Там палач в красной рубахе и трубочист в черном цилиндре снимали с виселицы тело Густава.

— Мы не будем отнимать вашего времени и рассказывать о том, что случилось на Земле за последние десятилетия.

— У вас есть обвинения? — спросил паллиот.

— Я обвиняю, — сказал ползун. — Я обвиняю спонсоров в том, что они завозят на Землю яйца моих соотечественников, выводят из них младенцев и убивают их, чтобы съесть.

— Ложь! — закричал Сийнико.

— Ложь! — закричали остальные спонсоры. Они сблизились вокруг нас, они нависали над нами, полные угрозы.

— Я видел это, — сказал я. — Я помогал убивать маленьких ползунов. Я обвиняю спонсоров в том, что они отравили газом и убили несколько тысяч человек только за то, что они наблюдали смерть спонсора.

— Это ты его убил! — услышал я голос Сийнико. Но ответить я не успел, потому что вперед вышел маленький Сенечка.

— Я обвиняю, — сказал мальчик, — в том, что ради развлечения спонсоров проводятся опыты над нами, над маленькими детьми, чтобы сделать из нас домашних любимцев.

— Это правда? — Паллиот обернулся к Сийнико.

— Это ложь! — сказал Сийнико.

— Это ложь! — хором произнесли остальные спонсоры.

— Мы можем полететь на так называемую кондитерскую фабрику, где убивают маленьких ползунов, — сказал я.

Словно почувствовав колебания инспекторов, Сенечка стащил с себя синюю курточку. Все увидели глубокие шрамы жабер на его спине. Так я и запомнил его. Под ярким солнцем он стоит, растопырив соединенные перепонками длинные пальцы рук, и медленно поворачивается, чтобы каждый мог увидеть жабры на его спине.

Именно Сенечка оказался последней каплей для инспекторов.

— Мы требуем, чтобы нас немедленно отвезли в центр, где делают операции над детьми.

— Такого центра не существует, — сказал Сийнико. Он взял себя в руки и говорил тихо.

На экране, глядевшем в город, было видно, как жители города начали украшать помост и саму виселицу гирляндами и фонариками — они готовились к празднику.

— Вы сможете показать к нему дорогу? — спросил у Ирки худой инспектор с муравьиным лицом.

— Я могу, — сказал я. — Я там жил. И там же живет спонсор Сийнико.

Все обернулись к спонсору.

После короткой паузы он неожиданно для меня сказал:

— Я готов опровергнуть клевету. Сейчас же я вызову вертолет.

Он повернулся и быстро ушел с площадки. За ним поспешил еще один спонсор в форме охраны порядка.

— Не дайте им уйти! — крикнул я. — Они убегут.

— Не посмеют, — сказал паллиот.

На площадке воцарилось ожидание. Я сосчитал до ста. Инспектора были совершенно спокойны. Паллиот и высокий человек подошли к парапету и стали двигать изображения на экранах, рассматривая жизнь города.

— Это все ложь, — сказала Ирка. — Вы думаете, это продукты? Это копии продуктов!

Инспектора никак не могли взять в толк, почему нужно людям выдавать копии продуктов.

Несколько спонсоров, которые остались на площадке, тихо переговаривались, я ощущал, какой запас ненависти исходит от них.

Ползун подошел к невысокому худому инспектору с муравьиным лицом и разговаривал с ним.

И в тот момент, когда я понял, что Сийнико никогда уже не вернется, его зеленая жабья голова показалась из люка.

— Сейчас прилетит вертолет, — сообщил он. — И мы полетим туда, куда покажет нам этот убийца! — Осуждающий перст был направлен мне в грудь.

Я думал — а дальше что? Ну, поверят нам инспектора, а что они смогут сделать? Не наивна ли сама наша акция? Я несся в потоке действий и событий и ни разу не задумался, насколько могут быть реальными результаты.

Паллиот подлился ко мне и стал спрашивать о жизни в любимцах, но я объяснял плохо, потому что у нас не совпадали с ним понятия, простые житейские понятия.

Только через двадцать минут после возвращения Сийнико над нами завис большой вертолет — тот самый, который привез инспекторов.

Мы поднялись в него. Мы старались стоять так, чтобы между спонсорами и нами встали инспектора. Мы ведь всегда боимся спонсоров. И я боюсь.

Я прошел вперед, к пилоту. Рядом со мной, как бы ободряя, стоял инспектор с муравьиным лицом.

Я сказал пилоту-спонсору, куда лететь. Тот не хотел слушаться меня и не подчинился инспектору. Только когда пришел Сийнико, вертолет взял курс на усадьбу и питомник любимцев.

Найти его было нетрудно.

Еще через полчаса неспешного полета впереди показался знакомый особняк с колоннами.

— Здесь! — крикнул я.

Вертолет медленно опустился на широкой поляне. Справа был особняк, слева — бетонные кубы лаборатории и домов.

В питомнике было так тихо, что я сначала решил, что там мертвый час после обеда. Но до обеда еще было далеко.

Я повел процессию в особняк.

Спонсоры шли сзади, господин Сийнико делал вид, что попал сюда впервые в жизни.

Все столовые, спальни, коридоры были пусты. Не было не только воспитанников, но и поварих, судомоек и воспитателей.

— Где они? — спросил я у Сийнико. — Что вы с ними сделали?

Сийнико был невозмутим.

Он не сказал ни слова и во втором нашем походе по питомнику, когда я вел инспекторов в лабораторию, где работали Автандил и Людмила.

Там было пусто.

Правда, какие-то приборы стояли у стен и на столах. Но ни одного человека...

Еще через полчаса мы собрались на поляне у вертолета.

— Теперь вы убедились? — спросил Сийнико.

— Да, — сказал инспектор-паллиот. — Мы убедились. Что здесь никого нет.

— И вы поняли, что эти люди лгут?

— Нет, — сказал инспектор с муравьиным лицом, — этого мы не поняли, так как у вас была возможность за час увезти отсюда всех обитателей.

— Так ищите! — закричал Сийнико.

— Нет, — сказал высокий человек. — Мы этого делать не будем. Потому что этим мы поставим под реальную угрозу жизнь этих несчастных. Я думаю, что вы их не успели еще убить и скрываете в лесу. Если же мы станем их искать, вы их убьете.

— Так что же мы будем делать? — спросил Сийнико.

— Мы летим обратно на вашу центральную базу.

— А клеветники? — спросил Сийнико.

— Клеветников вы оставите здесь, — сказал паллиот.

— Нет, они должны быть наказаны.

— Мы трактуем сомнения в пользу слабых, — сказал высокий инспектор. — И просим вас дать им шанс.

— Но они опасны для окружающих!

— Тем не менее... Сейчас мы улетим. Все улетим. Кроме этих людей.

Я был столь удручен провалом нашей миссии, что не заметил, как поднялся в воздух вертолет.

Я сел на траву, я ничего не хотел.

— Бежим! — крикнул Сенечка.

— Куда?

— Конечно, бежим, — сказала Ирка. — Ведь Сийнико сообщит милиции, тем, кто увел из питомника всех людей. Нас догонят и убьют. И никакие инспектора за нас не заступятся...

Мы побежали.

Мы бежали, разумеется, в сторону деревни и болота, где жил отец Николай. Мы все время оглядывались, ожидая погони, и в результате чуть не наткнулись на пропавший питомник.

Их согнали в мелкий густой осинник в ложбину. Они сидели, прижавшись друг к дружке; охраняли их не только милиционеры, но и люди в белых халатах — воспитатели, ученые и повара. Они так старались, они так боялись, что в лесу малыши могут разбежаться, что нас и не заметили, хотя мы подошли к ним на пятьдесят шагов.

— Вот бы позвать инспекторов, — сказал я.

— Не старайся — они улетели, — сказала Ирка.

— Тим, — просил меня Сенечка, — я тебя очень люблю, пожалуйста, давай их освободим. Ты видишь Леонору? Ну посмотри, Тимочка!

— Помолчи, — приказала Ирка. — Неужели ты думаешь, что мы не освободим их?

— А когда? — спросил мальчик.

— Это зависит от всех нас, в том числе от тебя, — сказал молчавший до того ползун.

Мы отошли от лощины, в которой от холода и страха дрожали любимцы. Пора было идти дальше, к отцу Николаю, но мы медлили.

Как будто не могли решить — идти дальше или совершить безумство и напасть на охрану.

Но судьба распорядилась иначе. Вдруг милиционеры и лаборанты зашевелились — они получили сигнал. Они стали поднимать малышей и погнали их, кружась вокруг, как сторожевые собаки, обратно в питомник.

Мы продолжили путь к болоту.

Я еле брел от усталости и тоски. Тоска овладела мной настолько, что колени были слабыми и меня шатало.

Я вновь переживал в памяти события сегодняшнего дня, ища в них ошибку. Где мы поступили неправильно? Почему мы не смогли ни в чем убедить инспекторов? И что будет теперь? Ведь спонсоры отомстят нам и другим людям.

Ползун двигался с той же скоростью, что и я, подтягивая хвост и высоко горбя спину. Он заговорил, и я вздрогнул, потому что голос донесся снизу, от самой земли.

— Тебе кажется, мой друг, — говорил он, — что все плохо. Что мы зря лезли на эту башню и зря погиб Густав.

— Ты подслушал мои мысли.

— Это нетрудно было сделать, от тебя на сто метров печаль распространяется, — сказала Ирка, которая без устали шла впереди.

— Ничего страшного, — продолжал ползун. — Инспектора все выслушали и сделали свои выводы.

— Выводы — улететь к себе и оставить нас на произвол судьбы!

— А что они могли еще сделать? — спросила, не оборачиваясь, Ирка.

— Они... они должны были остаться и вместе с нами искать любимцев в питомнике, — настаивал Сенечка.

— Пока они бы их искали, всех любимцев удушили бы газом, — сказал ползун. — Я попросил инспекторов не принимать мер.

— Ты?

— И я попросил их улететь, не сделав никаких выводов и оставив спонсоров в растерянности. Освобождение Земли — дело многих лет. Делать это должны сами люди. Кому нужны послушные рабы спонсоров?

— Мы — рабы?

— Да, — сказал ползун. — Люди — рабы, и в большинстве случаев — добровольные рабы.

Я хотел огрызнуться, выругаться, но раньше заговорила Ирка:

— Я довольна тем, как все произошло. Я боялась, что инспектора слишком близко к сердцу примут обман.

— И тогда что? — спросил я.

— Тогда? Сначала бы произошла катастрофа с кораблем инспекторов. И они бы не вернулись.

— Кто посмеет?

— Очень высока ставка... Теперь же Федерация предупреждена. Спонсоры потеряли доверие. Они сейчас будут куда осторожнее.

— Ты думаешь, Маркиза улетит к ним? — спросил я.

— Разумеется, — сказала Ирка. — Спонсоры не будут рисковать.

— Ты ей завидуешь?

Ирка широко открыла рот, чтобы я видел дыру — выбитые зубы.

— Не хороша? — спросила она зло.

— Когда как, — ответил я.

Когда она сердилась, шрам, разрезающий бровь и щеку, краснел.

Ирка отвернулась и поспешила вперед. Сенечка бежал рядом

с ней и рассказывал что-то веселое. Потом Ирка засмеялась и взяла его за руку.

Через два часа мы достигли землянки отца Николая. Он обрадовался нам и накормил грибным супом.

Мы намеревались все вместе с утра идти дальше. Ирка знала куда.

До рассвета я проснулся. Меня трясло от холода. Я пытался закутаться в одеяло, но озноб не проходил. А к утру поднялся жар. У меня была сильная лихорадка.

Я пропустил три или четыре дня моей жизни. Я помню лишь то, как возле меня ходили и сидели люди, которых я знал, но не мог вспомнить их имен. Мне хотелось пить. Мне казалось, что пришли милиционеры, чтобы нас увести в питомник и сделать нам жабры. Кто-то стрелял из пулемета, а потом выяснилось, что началась гроза.

Когда я очнулся, то увидел Леонору. Она сидела рядом со мной, согнувшись в три погибели. Я решил было, что Леонора тоже мне приснилась, но, когда на следующий день жар спал, отец Николай сказал мне, что девушка сбежала из питомника и ухаживала за мной. Ирка ушла и взяла с собой Сенечку. Она не могла больше ждать меня. Она оставила ползуна, который знал дорогу в подземелья, оставшиеся от давнишней забытой армии. Там Ирка и будет нас ждать.

Я пролежал еще неделю. Я уже начал вставать, выходить по нужде, я разговаривал с ползуном, он знал многое о том, как устроена Вселенная, какие в ней живут расы и как они общаются между собой.

Вскоре я окреп настолько, что сидел на солнышке перед землянкой с кружкой травяного чая в руке. Я сидел раздевшись, чтобы солнце касалось своими лучами моего тела. Ползун выкапывал земляных червей и жевал их — смотреть на это было неприятно.

Я подумал, что мы с ним уже давно вместе, но не подружились так, как я подружился с Иркой. Может, потому, что ползун не был человеком, он происходил с другой планеты и ему среди нас, наверное, тоже было одиноко.

— А я не верю, что ты с кондитерской фабрики, — сказал я ползуну. — Если бы тебя Ирка утащила оттуда младенцем, ты бы ничего не знал.

— А я ничего не знаю, — сказал ползун.

— Не ври, я за тобой давно наблюдаю, — сказал я. — Ты знаешь какой-то совсем чужой язык — ты с инспекторами разговаривал, а спонсоры тебя не понимали.

— Это мой язык, — сказал ползун.

Показывая, что разговор со мной ему надоел, он отполз в сторону и принялся рыхлить землю в поисках червей.

— Некому было тебя научить.

— Ирка помогла.

— И давно ты скрываешься?

— Недавно, — сказал ползун.

— Все равно я тебе не верю.

— Если я не с кондитерской фабрики, то откуда? — спросил ползун, оборачиваясь ко мне. Изо рта у него высовывался длинный жирный розовый червь, он заталкивал его в пасть острыми когтями.

Я отвернулся.

Потом, когда я допил чай, а он наелся, ползун выровнял участок земли у землянки и стал рисовать мне когтем карту, как мы пойдем в штаб военно-воздушных сил, где нас ждет Ирка.

Он нарисовал лес, реку, поселки и городки, через которые нам следовало проходить или которые следовало избегать. Он рисовал так уверенно, что я еще более убедился, что он не тот, за кого себя выдает, но я не представлял, кто же он на самом деле.

Когда я с упреком в голосе заявил, что гусеница с кондитерской фабрики не может знать земной географии, ползун не стал спорить, а лишь сказал:

— Тим, не отвлекайся, я хочу, чтобы ты запомнил дорогу.

— Зачем, если ты есть?

— Если меня убьют или я заболею, ты попадешь в безвыходное положение, — сказал наставительно ползун. — Так что слушай, что тебе говорят умные люди.

— Ты — умный человек?

— Прости, я пошутил, — сказал ползун.

Он рисовал, а я понял, что мы в нашем путешествии пройдем знакомыми местами, что мы окажемся на той свалке, где я впервые встретил в подземелье Маркизу и Ирку, а значит... значит, мы окажемся недалеко от моего родного городка.

И как только я понял это, я страстно захотел заглянуть в дом Яйблочков, пройти по той улице, где я мечтал о новом ошейнике, а главное... в этом я не сразу признался самому себе, я захотел увидеть юную любимицу из соседнего дома.

Прошло больше года с тех пор, как я убежал от Яйблочков. А кажется, что прошла долгая жизнь.

В последние месяцы я и не вспоминал о доме, но когда вспомнил, у меня сжалось сердце.

Я рассеянно слушал ползуна, делая вид, что внимательно запоминаю все тропинки, и ползун почувствовал, что я витаю в облаках. Со свойственным ему занудством он заставил меня прой-

ти по карте от землянки отца Николая до штаба ВВС, и я вынужден был трижды начинать путешествие, пока все не запомнил. Тогда ползун улегся на спину на прогретом солнцем склоне. Коготки его коротких лап торчали по обе стороны панцирного туловища. Я посчитал: три пары рук и три пары ног. Некрасиво. Брюхо желтое, полосатое, глаза прикрылись белой пленкой, как у спящей курицы. И с этим существом мне идти несколько дней по враждебной стране? И надеяться на то, что он выручит, если мне будет плохо?

— Ты о чем думаешь? — спросил я ползуна.

— Я сплю, — сказал он, — не мешай.

Я сказал ползуну, что прогуляюсь. Ползун ответил: «Осторожнее». Он всей своей шкурой чувствовал опасность. «Обойдется», — сказал я, хотя тоже чувствовал опасность. Но не хотел признаваться. Тем более себе.

Наш тайник находился под громадной кучей валежника, там скрывалась покрытая дерном землянка. Я разделся догола.

— Ты не возьмешь оружия? — спросил ползун.

— Если в городке увидят одетого человека, они будут стрелять без предупреждения. Ты же знаешь, как они нас боятся.

— Опасно без оружия, — сказал ползун.

— Жди меня в двадцать три часа, — сказал я. — Если что, искать меня не ходи.

— Не учи меня, — холодно ответил ползун и свернулся на земляном полу.

Я не люблю ходить нагишом, подобно домашнему любимцу... Перебежками, порой падая в высокую сорную траву, порой пробегая между заросших бурьяном куч мусора, я добрался до окраины городка, чуть приукрашенного сумерками и редкими фонарями. Дальше за кустарником поднимались серые бетонные и титановые шапки укрепленной базы.

Выйдя на улицу городка, я пошел по тротуару, прижимаясь к заборам и стенам домов, пригибаясь и стараясь быть незаметным — как и положено обитателю помоек, еще не угодившему на живодерню, но готовому к такой судьбе. Я даже прихрамывал и тянул ногу.

Я шел осторожно, но уверенно. В тот сумеречный час у меня было немного шансов встретить спонсора — они не любят сумерек и скрываются от них за стальными жалюзи в своих бетонных домах. Но всегда оставалась опасность попасть на глаза милиционеру или мобильному патрулю.

Центр я миновал быстро и без приключений. Универмаг был уже закрыт, хотя окна его светились — там считали выручку. В комнате отдыха, где спонсорши оставляют своих домашних

любимцев, пока занимаются покупками или сидят в кафе, было темно. Я думал, что во мне что-то шевельнется — грусть ли, просто память, но я остался совершенно равнодушен. Впрочем, никто не любит вспоминать о своем животном прошлом — я проверял это на многих моих товарищах. Мы забываем. Этого не было. Этого не могло быть...

А вот и мой дом!

Господи, до чего он уродлив! Бетонный куб с узкими окнами, вокруг запущенный газон и бассейн без воды со слоем ила на дне. В окнах свет. Я не стал приближаться к двери — там поле охраны. Стоит мне подойти — поднимется звон на весь город.

Перепрыгнув через невысокую живую изгородь, я прошел газоном к окну гостиной и заглянул в него.

Гостиная — насколько условно это название! — была, как и положено, пустой и серой комнатой. С одной стороны на стене — экран. На нем показывают официальные новости и официальную развлекательную программу. С другой стороны широкая металлическая скамья, на которой бок о бок сидят спонсоры — господин и госпожа Яйблочки. Одинаковые, чешуйчатые, зеленые, массивные, вдвое превышающие человека ростом и вдесятеро силой. Их морды лишены мышц и потому не способны к мимике. Так что они кажутся статуями, статуями близнецов в кататоническом состоянии.

И это были когда-то мои господа, перед которыми я трепетал? Это были образцы мудрости? Я хотел бы улыбнуться, но не мог — ведь жалок был я, ибо мои глаза были закрыты.

Вдруг госпожа Яйблочко зашевелилась — что-то на полу привлекло ее внимание. Зеленая туша совершила медленное движение, лапа опустилась к полу. Я поднялся на цыпочки и увидел, что у ее ног стоит колыбель, и в ней, задрав ножки, блаженствует малыш. Когтистая лапа Яйблочки нежно дотронулась до головы мальчика и погладила ее, губы малыша шевельнулись, госпожа протянула ему бутылочку.

Это был я? Я — много лет назад?

Сверху донеслось легкое стрекотание. После инцидента на башне милиция демонстрировала бдительность. Можно быть уверенным, что они не прекратят полетов до ночи. Правда, им трудно нас отыскать — особенно когда мы выступаем в обличии домашних любимцев — ни одного металлического предмета! Так что локаторы не вычленяют нас из природы.

Но все же я не хотел рисковать — я прыгнул к кустам и залег там.

Патруль улетел. Я сидел на траве, обхватив руками колени, смотрел на узкие бойницы моего дома... Парадокс, но эти жабы и

есть моя бывшая семья — они растили меня, кормили, купали и лечили, если я болел... И госпожа Яйблочко могла испытывать ко мне материнские чувства? Как мало мы их знаем! Зачем они взяли нового малыша? Их дом им кажется пустым без человеческого присутствия?

Надо возвращаться. А то ползун будет беспокоиться. Я обернулся ко второму дому — за живой изгородью. Я мог сколько угодно уговаривать себя, что пришел поглядеть на стены родного дома, тогда как на самом деле меня тянуло к дому соседнему. Первый раз в моей жизни эмоциональный взрыв, вырвавший меня из мира домашних любимцев, исходил из этого бетонного куба, стоявшего за густыми зарослями бурьяна. Там тоже светились бойницы, за ними тоже ползла упорядоченная жизнь.

...Приоткрылась дверь, желтый прямоугольник света кинул на землю черную тень стройной фигуры Инны. Это было столь неожиданно, что я не успел взять себя в руки и отпрянул. Она услышала шум и, замерев на пороге, тихо спросила:

— Здесь кто-нибудь есть?

Я был недвижим, я даже не дышал. Я боялся, что она в страхе закроет дверь и спрячется в доме.

Она постояла с минуту, прислушиваясь, и, видно, решила, что шум произвела птица... Она покинула освещенный прямоугольник двери и ступила на траву. Теперь я мог ее разглядеть.

В полутьме ее тело казалось голубоватым, а волосы приобрели сиреневый оттенок. Когда она поглядела в мою сторону, то ее глаза показались мне черными окнами в звездное небо. Ее фигура несколько потеряла девичью гибкость и угловатость, грудь стала тяжелее, шире бедра, но эти перемены были лишь движением к женскому совершенству.

Она быстро, словно опасаясь, что ее хватятся дома, перебежала газон, перепрыгнула через изгородь и уже осторожней, озираясь, как воровка, подбежала к дому Яйблочков. Возле окна в гостиную она остановилась и, вцепившись длинными пальцами в край стены, приподнялась на цыпочки, чтобы лучше видеть, что происходит в гостиной.

И тут я все понял. Все было просто, хоть и необычно и недозволено.

Младенец, занявший мое место в семье Яйблочков, это сын ее и Вика. По правилам, новорожденного отнимают у матери, как только она перестает его кормить. Если с точки зрения породы он удовлетворяет селекционеров, его отправляют в распределитель. А дальше как распорядится судьба. Может быть, повезет, и его возьмут в домашние любимцы. А тут... вернее всего, когда он родился, опечаленная моим исчезновением, привыкшая к человеку в доме госпожа Яйблочко решила взять ребеночка себе. Где-то кому-то сделали подарок, кого-то уговорили, и произошло страшное нарушение правил — мать и сын оказались в одном городке, и, главное, мать знала, где живет ее сын.

Вряд ли ее подпускали к сыну, наверное, это было одним из условий... Впрочем, это можно проверить.

— Инна, — тихо произнес я.

Она отпрыгнула от окна, словно ужаленная змеей. Прижалась спиной к глухой бетонной стене и смотрела с ужасом, как я приближаюсь к ней.

Я вытянул перед собой руку раскрытой ладонью кверху.

— Не бойся, — сказал я. — Это я, Тим, ты меня помнишь? Я тут жил.

— Ти-и-им, — напевно произнесла она. — Ты же мертвый.

— Я много раз мертвый, но все равно живой, — сказал я, улыбаясь.

— Это не ты! Не подходи!

— Я тут жил, мы с тобой раз сидели в этих кустах и разговаривали, а ты сказала, что знала свою мать, а я тебе не поверил, а потом меня должны были вести к ветеринару, а к тебе привели Вика...

— Ти-и-им!

— Отойдем к кустам. У меня мало времени. Меня могут выследить.

Она послушно пошла за мной к темной массе кустов, но остановилась, не заходя под их сень. Боялась. Не совсем верила, что я — это я.

— А где же ты? — спросила она. — Кто теперь твои спонсоры? Ты бродяга?

В голосе звучало привычное для домашних любимцев презрение.

— Я хочу, чтобы никаких спонсоров больше не было.

— Как так не было?

— Чтобы они улетели. Или погибли.

— А мы? — Она даже отступила на шаг от меня.

— А мы будем жить.

— А кто нас будет кормить? Кто будет гулять с нами?

Я уже привык к таким искренним филиппикам. А чего вы хотите от людей, которые не знают ничего, кроме пищи, прогулки и хозяйской палки или ласки?

— От тебя плохо пахнет, — сказала она, — как будто ты не мылся.

— Я уже неделю не мылся, — признался я. Мне было приятно дразнить ее — такую миленькую, сладенькую, душистую домашнюю любимицу. — А как твой жабеныш поживает?

— Кто?

— Твой хозяин, жабеныш, которого мадам Яйблочко изметелила.

— Тим, не стоит так говорить о спонсорах.

В ее голосе прозвучала бабушкина интонация.

— Ладно, — сказал я, — я тобой еще займусь. Обязательно вернусь поговорить с тобой серьезно. Жалко оставлять тебя в животном состоянии.

— Я живу в счастливом состоянии! — поспешила она с ответом.

Она была напряжена и мечтала об одном — чтобы я поскорее ушел, растворился, чтобы меня можно было вычеркнуть из памяти.

— Это твой ребенок? — я показал на окно дома Яйблочков.

— Молчи! — Она закрыла мне рот ладонью. От резкого движения ее пышные бронзовые волосы рассыпались по плечам. Она была сказочно хороша! Ради таких женщин совершаются великие безумства и рушатся царства... Только она не подозревала о своем могуществе.

— А кто отец? — спросил я. Сквозь ее пальцы вопрос прозвучал невнятно. Мои губы натолкнулись на нежную ткань пальцев и поцеловали их. Она сразу убрала руку.

— Нельзя так говорить! Если кто-нибудь услышит, меня тут же увезут! Молчи, молчи, молчи!

— Наверное, Вик, — сказал я.

— Он целую неделю болел, когда ты так жестоко побил его.

— Потом он выздоровел. И его снова привели к тебе.

— Потом он выздоровел. И его привели...

— А где он сейчас?

— Я не знаю. Его спонсоры переехали на другую базу. Ты никому не скажешь, Тим? Я каждый вечер хожу смотреть мальчика. Ты его видел?

Я любовался ею, но она не чувствовала моего взгляда.

— А госпожа Яйблочко очень добрая, она его не бьет. Я сначала плакала, но мне сказали, что тогда меня увезут.

— Когда мы их вышибем к чертовой матери, — сказал я, — первым делом мы вернем тебе твоего малыша.

— Не надо! Не думай так, это опасно!

— Неужели и я таким был?

— Каким?

Я погладил ее по плечу, отвел в сторону тяжелые пряди волос.

— Не смей меня трогать!

— Я сейчас уйду, не бойся.

— Я буду кричать! Не смей меня хватать! Ты грязный. От тебя плохо пахнет!

Голос ее опасно повысился— она не контролировала свой страх передо мной, страх завитой болонки перед дворовым псом.

— Уйди, уйди, уйди!

Я с горечью начал отходить от нее, понимая, что она уже подняла тревогу. У спонсоров удивительный слух — нам бы такой!

Первым появился подросший жабеныш. В гневе или страхе спонсоры движутся со скоростью пантеры.

Он пронесся над газоном, как черное ядро, выпущенное из гигантской пушки.

Я его хоть и не видел, но все же успел отшатнуться.

Не успев затормозить, жабеныш врезался в стену, и хоть та была из монолитного бетона, мне показалось, что дом пошатнулся.

Пока жабеныш разворачивался, я кинулся в кусты и замер там.

Отворилась дверь. Мой приемный отец, господин Яйблочко, который, впрочем, никогда меня не любил, потому что не любил ничего, не покрытого зеленой чешуей, обозначился на пороге. По тусклому блеску в его лапе я догадался, что папаша вышел на прогулку хорошо вооруженный. Ну и идиот сентиментальный, сказал я себе. Встретился, называется, со своей легкомысленной юностью.

Спонсоры замерли. Один, воткнувшись лбом в стену, второй на пороге. Они ждали, не вздохну ли я, не шевельнусь ли, чтобы кончить на этом мои дни.

Я не шевелился, не чихал и не дышал. К такой жизни я привык. И все бы обошлось, если бы не догадливый жабеныш, который громадой повернулся к Инночке и, медленно наступая на нее, потребовал:

— Где? Где он? Говори! Говори, не молчи, будешь наказана!

В романах верная возлюбленная стискивает белоснежные зубки и молчит под пытками.

— Он в кустах! Он там! — завопила Инна. — Он хотел на меня, он хотел меня... скорей, я его боюсь!

Ой, как она перепугалась! И в ненависти ко мне она была искренна, потому что хотела угодить хозяевам и спасти свои свидания с сыном.

Я увидел, что папаша Яйблочко переводит рычажок на стволе с прицельного на бой по площади — он намеревался выжечь кусты вместе со мной, и никто ему не противился.

Еще секунда, и мне будет поздно спасаться... На четвереньках, как гончая, я кинулся в просвет вдоль живой изгороди.

Вечер озарился ослепительным зеленым светом выстрела.

Конус убийственного света устремился к звездам, сжигая на своем пути все, что могло двигаться и дышать, — бабочек, птиц,

комаров... Затем последовал глухой тяжелый удар. Силуэт спонсора исчез...

От начавшейся сзади суматохи я умчался и лишь за свалкой, в бурьяне, приостановившись, чтобы осмотреться, задумался — а почему папаша стрелял не в меня, а в небо? Спонсоры таких ошибок не допускают. Рядом звякнула пустая консервная банка.

— Кто? — одними губами спросил я.

— Я, — сказал ползун. — Чудом ушли.

— Это ты был?

— Мне скучно стало, я за тобой пошел. Я успел ему ноги заплести и дернул. Ничего?

Ползун страшно силен, в чем-то он даже мог бы поспорить со спонсором.

— Славно, — сказал я.

Я лежал без сил.

— Пора уходить, — сказал ползун. — Они будут прочесывать окрестности.

— Одну минутку.

Я сел. Голова еще кружилась — видно, я бежал оттуда куда быстрее, чем возможно для обыкновенного человека.

— Славная девчонка, — сказал я. — И мальчика любит.

— Когда-нибудь расскажешь, — сказал ползун. — Меня всегда удивляют ваши человеческие обычаи.

Мы почувствовали себя в безопасности, отойдя от городка километров на пять.

Мы передохнули, выйдя к бывшему шоссе. Его асфальт долго сопротивлялся растительности, но все же сдался, пошел трещинами, ямами, в которые проникали трава и кусты, в провалах поднялись деревья. Но на некоторых участках асфальт еще держался, и по шоссе идти было легче, чем по девственному лесу.

Еще через час мы оказались у реки. Через нее был перекинут железный мост, но его средние пролеты провалились, и перебраться по нему оказалось невозможно.

— Можно переплыть, держась за бревно, — сказал я. — Видишь, лежит на берегу?

Ползун не ответил.

Я обернулся. Он медленно полз по шоссе, отстав от меня метров на сто.

— Ты что? — спросил я. — Устал?

Ползун не ответил. Он мерно полз, подтягивая хвост к передним лапам и поднимая среднюю часть туловища. Большие глаза смотрели вперед. Бурая щетина на спине стояла дыбом.

Отнеся его молчание к плохому воспитанию на кондитерской

фабрике, я стал спускаться к бревну. Но с полпути обернулся к ползуну и спросил:

— Слушай, я так и не знаю, ты за бревно держаться сможешь?

Я почти не сомневался в утвердительном ответе, ведь мы вместе пробирались в башню, цепляясь за веревку, протянутую Сенечкой. Правда, шрамы от того путешествия остались до сих пор.

— Постой, — сказал ползун. Голос его прозвучал странно.

Я хотел уж было подняться к нему, но ползун сам скатился ко мне.

— Что с тобой?

— Мне... трудно, — сказал он. — Трудно идти!

Эти слова меня огорчили — значит, придется искать плот или что-то достаточно надежное, чтобы перевозить его.

Ползун бессильно вытянулся у моих ног, и вдруг я с ужасом увидел, что щетина на его спине частично выпала. Я провел ладонью по спине ползуна — жесткие стебли щетины легко отламывались и падали на берег. Я понял, что это более всего похоже на радиационное облучение — об этом я знал еще от Яйблочков. Они всегда боялись радиационного облучения. Госпожа Яйблочко говорила мне:

— Вот попадешь под облучение, все волосы у тебя вылезут.

— Ползун, — спросил я, — тебе плохо?

— Ничего, — сказал тот с натугой. — Только помоги мне добраться до штаба. Не бросай меня.

— Чепуху говоришь, — сказал я. — Зачем мне тебя бросать?

— Я не могу идти...

— Лежи, — сказал я, — лежи и не болей, а я поищу, на чем перебраться.

Но перебираться было не на чем. Ежу ясно, что не на чем. Бревно? Может быть, если я отойду подальше, за поворот, найду еще одно? Хотя корабля из этого все равно не построишь.

— А веревка? У меня нет веревки!

— Делать нечего, — сказал я. — Придется тебе проехать верхом на бревне.

— Что ты сказал? — Он с трудом понимал меня.

— Я поплыву за бревном, а ты влезешь на него, упрешься когтями и будешь держаться. А я буду толкать. Ясно?

— Ясно, — сказал ползун. — Ты не бросай меня...

— Ползи вниз.

Он старался ползти, но ничего не получалось, словно внутрь его вставили штырь, который не позволял ползуну согнуться.

Пришлось мне обнять его, оторвать от земли и тащить вниз. Проще было бы, конечно, скатить его, как колоду, но я боялся повредить ему какой-нибудь орган.

Я положил его на песок у воды. Потом разулся, сунул башмаки в заплечный мешок, туда же — рубаху. Затянул торбу потуже.

— Ты меня слышишь? — спросил я ползуна.

— Да, — откликнулся тот.

Я попробовал, насколько легко бревно оторвется от берега. К счастью, оно неглубоко вошло в песок. Я поднял ползуна и положил его вдоль бревна.

— Теперь держись! — приказал я ему. Он меня услышал — его когти вытянулись до отказа и вцепились в кору.

— Терпи, — сказал я.

Дно было крутое.

Я толкнул бревно вперед и шагнул за ним. Но не рассчитал, насколько круто оно уходит вниз, — шаг, и я не достал до дна! Я выпустил конец бревна и ухнул с головой в глубину.

Когда вынырнул, то увидел, что бревно довольно быстро уплывает от меня и медленно поворачивается вокруг оси, так что ползун уже не сверху, а сбоку — вот-вот коснется воды.

— Тим! — услышал я испуганный голос ползуна.

Я никуда не годный пловец, но тут с такой силой забил руками по воде, что догнал бревно раньше, чем оно успело окунуть ползуна в воду.

Я плыл, болтая ногами и толкая бревно перед собой, которое все норовило перевернуться и утопить ползуна. А дальний берег все не приближался. Я устал так, что мне казалось — вот-вот я отпущу это проклятое бревно и этого ненавистного симулянта-ползуна, который просто ленится плыть.

К счастью, эти ядовитые мысли не успели полностью завладеть моим сознанием — неожиданно бревно уткнулось в дно. В следующий момент я почувствовал его коленями. Оказывается, дальний берег был пологим, и отмель тянулась чуть ли не до середины реки.

— Приехали, — сказал я ползуну, но он не отозвался. Глаза его были закрыты, щетина на спине почти вся выпала, открыв его хитиновый панцирь.

С трудом я оторвал ползуна. Он мне совсем не помогал. Он как бы окостенел. Тело его было горячим, и рот пульсировал.

— Тим... — услышал я, поднеся ухо к его рту, — не бросай!

Я обулся, надел рубаху и постарался взвалить его на плечо. Я еще не окреп после болезни и потому полуторапудовый ползун мне показался достаточно тяжелым.

Я отыскал на дальнем берегу бывшую асфальтовую дорогу и побрел по ней, обходя ямы и трещины.

Я подумал: так славно, что ползун заставил меня запомнить дорогу. Я знал, что должен идти этой дорогой до большого белого

столба, у которого поверну на проселочную дорогу, а та через лес проведет меня до развалин поселка, где нас и должна ждать машина.

До белого столба было километров десять. Но мне показалось, что вдвое больше. По крайней мере, я добирался до него более трех часов. С каждым шагом проклятый ползун становился все тяжелее, и я все чаще валился без сил на обочину шоссе, и привалы становились все более долгими.

Я боялся, что ползун умрет раньше, чем я донесу его до штаба. И вовсе не был уверен, что там найдется доктор, который разбирается в загадочных болезнях ползунов. Но пока что ползун был жив — он был горячим, и порой по телу его проходила судорога. Но в то же время он окостенел, и как бы я ни переворачивал его, все равно он резал мне плечо.

Я уже разуверился в существовании белого столба, когда увидел его. Возле него я свалился и отдыхал, наверное, полчаса, тешa себя наивной надеждой на то, что Ирка ошиблась и пришлет машину именно к столбу, а не в разрушенный поселок.

Было жарко, хотелось пить. Я понимал, что, лежа здесь, делаю лишь хуже себе и подвергаю дополнительным мучениям больного ползуна. Так что я с проклятиями взвалил на плечо ползуна и, покачиваясь, пошел в лес по узкой вертлявой дорожке, колеи которой были глубоки, а между ними росла трава.

Постепенно местность понизилась, и запахло сыростью. Но жара не уменьшалась, надо мной, больно жаля, вились мухи и слепни. Я не мог даже их отогнать.

Вдруг я увидел, что справа между деревьев мелькнула вода. Я сбросил невыносимую ношу и кинулся к махонькому озерцу, окруженному осокой. Я с трудом добрался до воды — берег был таким топким, что я проваливался чуть ли не по пояс, прежде чем смог напиться. Я пил с наслаждением, но взять с собой про запас не мог, правда, по моим расчетам, идти уже оставалось немного.

Я намочил рубаху, чтобы обтереть влажной тканью моего несчастного спутника, и повернулся, вытаскивая ноги из черной грязи...

И я с ужасом увидел, что мой ползун — не один.

Над ним, деловито переворачивая недвижное тело лапой и стараясь вскрыть его, как ракушку, стоял бурый медведь. Он ворчал и как бы бормотал, потому что никак не мог добраться до вкусного мяса.

— Ах ты, мерзавец! — закричал я, размахивая рубашкой. — Ты его тащил? Ты его носил?

Почему-то именно мои физические усилия казались мне в тот

момент самым главным основанием к тому, чтобы медведь добычу свою оставил.

Медведь обратил на меня внимание, когда я размахивал рубахой, как знаменем. Моя рубаха его не испугала. Он поднялся на задние лапы и натужно заревел, показывая этим, что не намерен делиться со мной своей добычей.

Медведь угрожающе пошел на меня, и только тогда я вспомнил о своем ноже.

Я выхватил его. И вовремя, потому что красная пасть, усеянная желтыми зубами, уже была рядом, и я вонзил нож в живот медведю, но не удержался на ногах — медведь по инерции свалил меня и вышиб из руки нож.

От удара о землю я на какие-то секунды потерял сознание, но тут же пришел в себя, но не в пасти медведя, а на свободе. То ли мой удар медведя испугал, то ли он пожалел нас с ползуном, но я услышал треск сучьев и, обернувшись, увидел спину медведя, исчезающую в зарослях.

Я с трудом поднялся, отыскал нож — крови на нем не было, я думаю, что не смог пронзить слой жира. Потом я подошел к ползуну.

Медведь ничего не успел сделать ему плохого. Только перевернул на бок.

Я наклонился над ползуном. Кровь из моего разорванного плеча капала на его тело. Я прижал рану рубахой, забыв вытереть ею ползуна, взвалил его на плечо и пошел дальше, потому что в те минуты смысл жизни и стимул к движению заключались лишь в том, чтобы дотащить это проклятое насекомое.

Я не заметил, как вышел на прогалину — улицу разрушенного поселка. Впрочем, разница с лесной дорогой была невелика — те же деревья и кусты вокруг. Пойди догадайся, что под ними скрываются руины.

Автомобиля там не было — не нашлось его в штабе. Но, к счастью, нашлась телега, запряженная лошадью. С ней — два человека.

Они увидели меня издали. И не сразу догадались, что я и есть тот благородный рыцарь, которого они встречают. Из леса шло чудовище с желтым бревном на плече, измаранное кровью с головы до пяток и шатающееся, как смертельно пьяный.

Когда они догадались, в чем дело, то уложили меня на телегу и отвезли в штаб. В телеге была навалена солома, и я почти сразу заснул. И спал до самого штаба — то есть два часа.

Когда я проснулся, то спросил у человека, который управлял лошадью, жив ли ползун. Тот не сразу понял, что я имею в виду, потому что ползун ничуть не был похож на самого себя.

Не дождавшись ответа, я заснул снова.

Меня перенесли в госпиталь, где промыли раны. Я продолжал спать.

Проснулся я утром, подземный госпиталь был скудно освещен. В комнату вошла женщина в белом халате, похожая на Людмилу, только черноволосая. Она спросила, как я себя чувствую. Я ответил, что хорошо. Потом женщина спросила, принести ли мне еду в постель или я смогу подняться.

Я сказал, что попытаюсь подняться. Я с трудом встал — голова кружилась. Другой человек в белом халате принес деревянный стол и скамейку. Женщина поставила на стол большую чашку кофе и положила ломоть хлеба. Я позавтракал. Я спросил, что с ползуном.

Женщина в белом халате сказала мне, что все обошлось. Все хорошо.

Вошел человек в кожаном костюме, как одевалась в метро охрана Маркизы. Этот человек спросил меня, могу ли я пройти к командующему. Я сказал, что могу. Я допил кофе и пошел за человеком по подземным переходам. Здесь раньше была военная база. Когда-то здесь военные люди ждали атомной войны. Но война не пришла, а пришли спонсоры.

В коридоре мы встретили процессию маленьких ползунов. Их гнал подросток с хворостинкой. Ползуны мерно и одинаково поднимали мохнатые спины.

— Мы их из ворованных яиц выводим? — спросил я.

Человек пожал плечами — то ли не знал, то ли таился. Он пропустил меня в низкую дверь.

Там была комната, освещенная ярче, чем другие. За большим столом сидела Ирка, перед ней стоял компьютер, неаккуратно были раскиданы бумаги.

— Живой? — спросила она и улыбнулась.

Ирка была одета в кожаный костюм, волосы забраны назад.

— Ты здесь начальница? — спросил я.

— Разве не похоже?

— И надо мной начальница?

— Пока Маркиза не вернулась — берегись! — Улыбаясь, она непроизвольно прикрыла ладошкой рот.

— Как ползун? — спросил я, желая перевести разговор на другую тему. Мне было неприятно, что Ирка теперь вовсе не та, которую я привык видеть.

— Он живой, — сказала Ирка. — Благодаря тебе.

— Там медведь был, — сказал я. — Он хотел его сожрать.

— А я как увидела следы на твоем плече, сразу догадалась, что ты с медведем обнимался.

— Я никогда не догадывался, что ты начальник, — сказал я.

— Кому-то приходится... — ответила Ирка.

Вошел Хенрик. Он положил бумаги на стол Ирке. Она проглядела и подписала, а Хенрик подошел ко мне и сказал, что я молодец и он рад меня видеть.

Хенрик ушел, и я с горечью подумал, что теперь не смогу поцеловать Ирку. Никогда. И мне стало грустно.

— А где ползун? — спросил я. — Я хочу к нему сходить.

— Он сам придет, — сказала Ирка.

Тут прибежал Сенечка, он обнял мою ногу перепончатыми ручонками. Рожица у него была заплаканная.

— Рыцарь Ланселот! — кричал он. — Ты пришел, я так рад, так рад! Ты знаешь, Леонора тоже здесь! Мы пойдем к ней, ладно?

— Я пойду? — сказал я. Теперь было непонятно, должен ли я спрашивать разрешения у Ирки.

Ирка отодвинула бумаги и встала из-за стола. Она хотела подойти ко мне, но тут в комнату вошел инспектор, которого я видел на башне. Тот стройный, с муравьиным лицом, в длинном радужном плаще. Странно, почему он остался на Земле?

Инспектор направился ко мне. Я напрягся. В нем была жесткость и четкость движений почти до механизма.

— Не узнаешь? — спросил он меня голосом ползуна.

— Ползун?

Инспектор подошел ко мне и протянул тонкие, жесткие руки.

Я протянул руки навстречу ему. Я все понял.

— Ты как бабочка? — спросил я.

— Это метаморфозы, — сказал ползун. — Но степень куколки наступает неожиданно, хоть и длится коротко. И в такой момент рядом должны быть близкие. Или друг. Иначе, — коротким движением ползун провел ребром ладони перед своим тонким горлом, муравьиные глаза были неподвижны, — я бы погиб. Спасибо тебе.

— Покажи ему, покажи! — потребовал Сенечка. — Он же не видел. Все видели, а он не видел.

— Покажи, — сказала Ирка. — Это красиво.

Ползун взмахнул руками, и его длинный радужный плащ, как сказочный невесомый занавес, раскрылся, растянулся — и я увидел перед собой громадную перламутровую бабочку.

— Мы умеем летать! — сообщил Сенечка.

Когда они ушли, Ирка подошла ко мне, встала на цыпочки и поцеловала меня в щеку.

— Здравствуй, Ланселот! — сказала она.

ВАНЯ+ДАША= ЛЮБОВЬ

1

Вчера вечером Григорий Сергеевич выступал в передаче «Лицом к лицу с будущим». Ее вел академик Велихов по каналу «Культура». Григорий Сергеевич выглядел очень красиво. Он у нас седовласый, подтянутый, даже стройный, несмотря на свои шестьдесят лет. Григорий Сергеевич ежедневно играет в теннис, а по воскресеньям скачет верхом. Именно для этого у нас на внешней территории держат двух коней. Порой Григория Сергеевича сопровождает доктор Блох, а иногда Лена Плошкина.

— Создание хорошей гистологической лаборатории, — говорил Григорий Сергеевич, — обойдется Академии наук в пятьдесят миллионов долларов, но у академии нет таких денег.

— Но ведь такая лаборатория относительно быстро окупится, — возразил академик Велихов. — Перспективы выращивания органов для трансплантации могут быть финансово оправданными.

— У нас немало наработок в этом направлении, можно сказать, что мы обогнали практически все лаборатории мира, но мы до сих пор ощущаем острую нехватку материала для трансплантации. Сколько страждущих больных погибает, не получив помощи и спасения из-за недофинансирования наших исследований!

— Я надеюсь, что в будущем положение изменится к лучшему, — улыбнулся похожий на Ленина академик Велихов. — Мы еще увидим небо в алмазах.

— Вашими бы устами... — ответил наш шеф.

Когда Григорий Сергеевич завершил беседу, мы, сидевшие в гостиной, не удержались от аплодисментов. И это было искренней оценкой нашего общего труда.

Мы не успели поужинать, как Григорий Сергеевич приехал со студии. Честно говоря, я даже не надеялся на это. Ведь позади ос-

тался большой трудовой день, потребовавший от Григория Сергеевича немалого напряжения.

Первым его приближение ощутил Лешенька.

— Господа, — произнес он. — Ребята! Старики! Надвигается шеф!

Тут и мы услышали шаги в коридоре и вскочили, чтобы приветствовать его.

— Я не мог уехать домой, — сказал Григорий Сергеевич, — не сказав вам спокойной ночи.

— Жаль, что кухня закрыта, — заметил Феденька. — Чайку бы попили.

— Вот такие, как вы, и нарушают дисциплину, — засмеялся Григорий Сергеевич. — Сначала чай не вовремя, а потом?

— А потом приют ограбили, — сказал я.

— Ох, умничаешь ты, Ванюша, — укорил меня Григорий Сергеевич. — Даже слово такое уже не употребляется. Где ты, прости, выкопал такое уродливое слово?

— В «Двенадцати стульях», — признался я. — Там голубые воришки растащили приют.

— Помню, помню. — Григорий Сергеевич положил мне на плечо свою сухую, жесткую и в то же время безмерно добрую ладонь. — Прости старика, запамятовал.

Он поднялся было, чтобы уйти, но спохватился и остановился в дверях. Именно так делает американский актер в бесконечном сериале про лейтенанта Коломбо. Он всегда делает вид, что уходит, удовлетворенный ложью убийцы, но в дверях обязательно замрет и обернется. И спросит: «А кстати, не ответите ли вы мне на один маленький вопрос: где вы были вчера в восемь утра и почему на вашей пижаме пятна крови?»

Григорий Сергеевич задержался в дверях и посмотрел на нас. Взгляд его был строг и печален. Взгляд отца.

Мне стало холодно внизу живота.

— Дети мои, — сказал Григорий Сергеевич, — завтра с утра плановые анализы. Потом привезут нового больного.

Дверь за профессором медленно и беззвучно затворилась.

Свет сразу потускнел, заиграла колыбельная. Щелкнул и погас экран телевизора. Пашенька, который не успел досмотреть передачу «Ольга Павлова и ее мужчины», выругался одними губами.

Мы потянулись в туалетную комнату.

Я люблю нашу туалетную комнату: это совершенство гигиены. Восемнадцать умывальников, над каждым полочка с зубной

щеткой, рядом — два полотенца. Шампунь на вкус (впрочем, вкус у нас одинаковый) и мужской одеколон «Арамис».

Я подошел к моему умывальнику.

На зеркале сидела муха. Я согнал ее. Мухе не место в нашей туалетной комнате.

Я стал смотреть в зеркало.

Я люблю смотреть в зеркало, потому что, простите за искренность, мне приятен мой внешний облик. Мое лицо слегка, в меру загорело, потому что мы проводим много времени на свежем воздухе, занимаясь физическими упражнениями и трудясь на маленьком приусадебном участке. Кожа моего лица чистая, без прыщиков, глаза карие, большие, в темных ресницах, губы в меру полные, зубы — ни одной дырочки! Послезавтра будем стричься, так что волосы чуть длиннее обычного. Я отпустил небольшие усы, Григорий Сергеевич не возражает против этого. Он сторонник индивидуального выражения. Нам даже не возбраняется читать и писать стихи. Я сам в прошлом году написал стихотворение, в котором отразил свое отношение к погоде:

Вот и осень наступила,
Очень грустная пора.
Как кроссовкой наступила.
Я той осени не рад.

Доктор Блох, он еще молодой хирург, прочел мое стихотворение и выразил удовлетворение. Он сказал, что из меня может получиться настоящий поэт. «Вы не шутите?» — спросил я доктора. И тогда доктор Блох ответил, что шутит. «У нас с тобой, — сказал он, — другой смысл в жизни».

Справа от моего умывальника умывальник Лешеньки, а слева умывальник без полотенца, раньше он был умывальником Петеньки, но с тех пор как Петенька ушел, им никто не пользуется. Доктор Блох говорит, что новый клон уже готовится на запасной базе. Но он будет завершен не раньше чем через полгода.

Я посмотрел на Лешеньку.

— Слушай, — сказал я ему, — может, тебе отпустить бакенбарды? У меня будут усы, а у тебя — бакенбарды.

— Боишься, что тебя со мной спутают? — засмеялся Лешенька.

Я смутился, так как он попал в точку. Как объяснял доктор Блох, уровень моей сексуальности несколько превышает норму нашего клона, в этом нет ничего катастрофического, но эту особенность моей натуры следует учитывать. В конце концов каждый из нас, двенадцати оставшихся в Институте из восемнадцати

первоначальных членов клона, обладает особенностями как генетическими, так и психологическими, в частности, в этом смысл нашего эксперимента. Даже тараканы не бывают одинаковыми, как-то заметил Григорий Сергеевич. А люди — не тараканы!

Лешенька, как наиболее проницательный из нас, заметил, что я проявляю знаки внимания к Леночке Плошкиной, нашей стационарной сестре. Мне хотелось поцеловать ее, мне хотелось гулять с ней вечером и дарить ей подарки. Я даже жалел, что мы лишены собственности и потому подарков от нас ждать не приходится. К тому же Леночка привязана к Володичке.

А зубную щетку Петеньки почему-то забыли убрать. Интересно, подумал я, у вещей есть память? Помнит ли та зубная щетка, как она чистила зубы Петеньке? Петенька был самым веселым из нас и хорошо запоминал анекдоты. Вот я, например, могу тысячу раз услышать анекдот, но не запомню, чтобы его вам рассказать.

— Надо убрать его зубную щетку, — сказал Лешенька, но сам ее трогать не стал.

2

Я глубоко уважаю Григория Сергеевича за его откровенность. Это ему не всегда легко дается, потому что каждый из нас для него, как он сам признавался, ближе родного ребенка.

Я не только предполагаю, но теперь знаю наверняка, что в других медицинских учреждениях и даже в других отделениях нашего Института господствуют другие нравы. Но бог им судья!

Мы с вами мужчины и должны не только смотреть правде в лицо, но и сознавать нашу высокую цель, наше предназначение. Жертвенность всегда была свойственна русскому христианину. Если мы не спасем человека, то кто его спасет?

Тогда я сочинил такое стихотворение:

Если я помочь не буду,
Если ты помочь не станешь,
Кто беду руками скрутит,
Кто поможет и спасет?

Я его еще никому не читал.

У нас было два события. Первое — подвиг Олежки. Да, я называю это подвигом по примеру Григория Сергеевича. Он утверждает, что каждая жертва одного из нас — это своего рода подвиг. И мы заслуживаем памятников. Каждый из нас, еще при жизни.

Леша, Лешенька, ты циничен. Ну почему ты вцепился в слово «еще»? Все мы смертны, а те, кто стоит на переднем крае борьбы со смертью, должны быть всегда готовы к встрече с ней. Это судьба.

Вечером перед ужином мы собрались в розовой гостиной.

Все тут были. И наш клон, и Леночка, и доктор Блох. И, конечно же, Григорий Сергеевич. Он пришел, как и положено на проводах, в черном строгом костюме, который шил в Париже у кутюрье Вадима, и сиреневом галстуке с булавкой 2-го меда.

Мы сами раздвинули стол и накрыли его.

Всем шампанское, кроме Олежки. Ему нельзя. Ему, говоря шуткой, завтра почти весь Урал переплывать. Это старый анекдот про Чапаева, который утонул посреди реки.

Олежка попытался улыбнуться. У него дергалось веко. Еще в прошлом году он упал и повредил себе веко. Видно, задел мышцу, которая его держит. Для наших дел это не важно, но отличает Олежку от прочих.

Он повернулся к доктору Блоху, который сидел справа от него, и шепотом попросил сделать ему еще один укол.

— Дружочек, — улыбнулся в ответ доктор, — ты же не хуже меня понимаешь, что это окажет вредное воздействие на твою печень. Она и без того перегружена лекарствами, чтобы уменьшить риск отторжения.

Доктор налил себе кофе. Мне тоже можно кофе.

— Хрен с ним, — тихо сказал Олежка, и мне было непонятно, кого он имеет в виду.

— Тогда наша жертва... — Григорий Сергеевич, конечно же, услышал этот обмен репликами. У него большие, очень белые уши, которые иногда шевелятся, как радары. — Наша жертва станет бессмысленной, а это равнозначно сапогам всмятку. Кстати, детки, кто первым вспомнит автора афоризма? Обещаю, кто вспомнит, пойдет в воскресенье в зоопарк.

Мы начали говорить, и все ошибались. Лично я подумал, что это Ильф и Петров, Лешенька сказал, что Лев Толстой. Кто что читал в последнее время, тот и совал своего автора.

Вдруг Олежка сказал:

— Это Тургенев. Повесть «Отцы и дети».

— Ах, какой ты молодец! — обрадовался Григорий Сергеевич — Недаром я всегда гордился тобой и ставил тебя в пример прочим. Именно Тургенев! Стыдитесь, недоросли!

— Я пойду в воскресенье в зоопарк? — спросил Олежка. Он натянуто улыбался, словно понимал, что его слова — шутка, и в то же время немного надеялся, что Григорий Сергеевич выполнит обещание.

Его кулаки лежали на столе. Кулаки сжались сильнее, и костяшки пальцев побелели.

Вдруг Григорий Сергеевич рассердился.

— Вот этого я от тебя не ожидал! — громко сказал он. — От кого-кого, но от тебя не ожидал. В твоих словах есть посягательство на то святое, ради чего мы с вами живем и умираем.

— Простите, — сказал Олежка. — У меня вырвалось.

— У человека не вырывается то, что в нем не заложено, — отрезал Григорий Сергеевич.

— Я боюсь, — сказал Олежка.

Этого говорить не следовало. Я даже испугался. Какой стыд!

— Боря, займитесь им, — поморщился Григорий Сергеевич.

Олежка поднялся и тут же вновь обессиленно опустился на стул.

Григорий Сергеевич воскликнул:

— Предлагаю спеть. Что-нибудь старое, но приятное. Давно я не пел. Кто запевает? Ты, Иванушка?

Я вздрогнул. Мне казалось, что меня не видно, что я здесь не существую, а наблюдаю за всеми издалека, из-за стекла. А, оказывается, все смотрят на меня и ждут.

Я не мог отказаться. Я знал, что от меня требуется нечто очень бодрое. И я запел песню из очень старого кинофильма, которую любил Григорий Сергеевич и не раз напевал ее нам:

Жил отважный капитан.
Он изведал много стран,
И не раз он бороздил океан.
Раз пятнадцать он тонул
И кормил собой акул,
Но ни разу даже глазом не моргнул!

Некоторые подхватили песню, другие стали пить чай, Олежка прикрыл глаза, и его веко вздрагивало.

— Как мне приятно находиться в родном коллективе, — сказал, когда мы допели куплет, Григорий Сергеевич.

Он вынул большой носовой платок и высморкался. Не потому, что у него начался насморк, а от чувств, уж вы мне поверьте, я знаю этого большого и непростого человека.

— Давайте же попрощаемся с нашим товарищем, — продолжал Григорий Сергеевич. — Слова мои неточные, слишком холодные, чтобы отразить бурю горячих чувств, владеющих мной, но люди еще не выдумали адекватных выражений и точных фраз. Завтра в это время мы соберемся здесь без Олежки, без нашего знатока творчества Тургенева, без доброго, отзывчивого человека, потому что, в то время как мы будем здесь бездумно гонять чаи, он уйдет своим высоким путем, промчится среди звезд, словно настоящий метеор. Счастье свершения, высота помыслов, бескорыстие самоотдачи — все эти слова относятся к Олегу. Вставай же, сын мой, и иди на подвиг!

Голос Григория Сергеевича сорвался, и он всхлипнул.

Он уселся на свое место и шевельнул пальцами, приглашая других занять его место на воображаемой трибуне.

— Сейчас, — быстро, задыхаясь, затараторила глупая Леночка, наша стационарная сестра, — один человек ждет решения судьбы. Это великий человек, дорогой всему обществу и нам всем вместе! Этот человек — маршал авиации, защитник рубежей нашей Отчизны. Если Олежка не придет к нему на помощь, часы его сочтены, а это значит, что в наших границах начнет зиять. И эти самые поползут к нам со всех сторон... Нет, я не могу, я просто не могу!

— Садись, — сказал Леночке Володичка.

Сам он не может вставать, у него кресло, в которое точно вписывается его торс. Он любит Леночку и хочет на ней жениться, но Григорий Сергеевич честно при всех признался, что перспективы Володи пессимистичны. Медицина бессильна его спасти. Но он должен держаться, потому что у него остался мозг, у него осталось хоть и травмированное, но работоспособное сердце.

Леночка присела рядом с Володей. Она называет себя его невестой. Они делают вид, что вскоре сочетаются узами брака, но не верят в это. Никто не смеется, кроме Лешеньки. Лешенька меня раздражает. Иногда я готов ему голову проломить, хотя вы понимаете, насколько у нас строга внутренняя дисциплина! Ведь искалечить одного из нас означает нанести неизгладимый урон всему клону, всему Институту, а может быть, и всему человечеству!

Кто мы?

Мы — скорая помощь.

Когда ничто уже не поможет избранным, чьи портреты висят в коридоре нашего отделения, когда черная дыра подбирается к земной цивилизации, — выходим вперед мы, как паладины в белых одеждах праведников. И своей жизнью закрываем отверстие в плотине.

Простите, что я говорю красиво. Обстоятельства требуют высокого слога.

— Пора, — сказал доктор Блох. Он был лечащим врачом Олежки. На время подготовки к подвигу.

— Ты завидуешь? — спросил меня Федечка.

— Он спешит заменить Олега на боевом посту, — сказал Лешенька.

— Не говори глупостей, — сказал я.

Олежка поднялся, и тут ноги изменили ему. Мне стало стыдно за брата. Нельзя, ни на секунду нельзя терять контроль над собой.

И тут Григорий Сергеевич громко запел:

Жил отважный капитан,
Очень красный, как банан,
Он не раз пересекал океан!

И мы подхватили песенку, нелепую, милую, добрую песенку.

Я подбежал к Олежке и держал его справа. А слева шел доктор Блох.

— Давай, братишка, — сказал я. — Мы все смотрим на тебя!

Олежка сопротивлялся, но не отчаянно, а как будто по обязанности. Мы вели его так, как приятели тащат из кабака подвыпившего посетителя. И с каждым шагом Олежка делал все меньше усилий, чтобы наступить на пол, и в конце концов обвис на наших руках.

— Да скорее же! — закричал Григорий Сергеевич. — Отключите его!

Я вздрогнул и отпустил Олежку.

Блох не удержал его, и Олежка свалился на пол, а Блох сверху на него. Я отпрыгнул в сторону, и тогда Григорий Сергеевич с Леной поспешили на помощь молодому врачу.

Они потащили Олежку к двери.

Именно потащили, держа под мышки и за голову.

Мне было стыдно. И за Олежку, который настолько потерял себя, и, конечно же, за себя самого. Не знаю, почему мой мозг воспринял крик доктора «отключите его» как относящийся ко мне. Ведь я знал, что мне пока ничего не угрожает... Ах, какое неправильное выражение: мне не угрожает!

Откуда могло возникнуть слово «угроза»? Какой стыд!

Я поднялся с пола и сказал:

— Простите, я споткнулся.

Но никто меня не слушал.

Некоторые вернулись к столу и стали доедать печенье и конфеты. И не было рядом врачей, чтобы остановить этот пир, могущий повредить обмену веществ.

Я тоже подошел к столу и уселся на свое место.

— Претендуешь на медаль? — спросил Лешенька.

— Я ни на что не претендую, но делаю то, что подсказывает мне совесть.

Врачи не возвращались. Впрочем, им не нужно было возвращаться. Они заняты.

В помещении постепенно наступила вечерняя тишина и покой. Это не означает, что никто не думал об Олежке. Конечно, думали и даже переживали.

Когда Лешенька предложил мне сыграть в шахматы, я сел напротив него, но продолжал думать, почему же Олежка проявил такую душевную слабость? Я не ожидал от него.

Лешенька сделал первый ход, я, не думая, ответил. Мы разыграли индийское начало, потом Лешенька задумался. И я задумался.

Я думал дольше, потому что меня вернул к действительности голос Лешеньки:

— Может, пойдем спать?

— Сейчас.

Почему-то с потолка стал сыпать мелкий дождик — слишком велика была конденсация пара в гостиной. Григорий Сергеевич как-то предупреждал об этом, но я забыл физическое объяснение явления.

Володичка подъехал к нам на коляске и сказал:

— У тебя конь под боем.

— Извини. — Я убрал коня, а Лешенька сказал:

— Ход сделан.

— Но это же товарищеская партия, — возразил я.

— С каждым днем все меньше товарищей, — заметил Володичка.

— И если мы будем такими же баранами, как Олег, скоро не останется совсем.

— А что ты предлагаешь? — спросил Володичка.

— Тебе уже поздно, ты списанный элемент, — сказал Лешенька.

— Не так все просто. Мне Блох гарантировал, что они регенерируют ноги.

— Скорее из твоих ног кому-то сделают костыли, — уточнил Лешенька.

— Иногда ты меня раздражаешь, — сказал я.

— Кто-то должен раздражать баранов, хотя они все равно пойдут на бойню.

— Лешенька, в такой день! — возмутился я. — Мне за тебя стыдно.

— А чем этот день хуже любого другого? — спросил Лешенька. — Может, именно сегодня и надо говорить друг другу правду.

— Что ты имеешь в виду под правдой? — Это был голос Вадимчика. Хотя мы отличаемся друг от друга, голоса у всех схожие. По телефону я не смог бы различить. Но когда мы в комнате, рядом, то я с закрытыми глазами скажу, Венечка это или Олежка.

— На бойне есть должность барана, который ведет за собой стадо. Он говорит коровам и овцам: «Я здесь давно живу. Там, за углом, есть неплохое зеленое поле с нежной травой. Построимся, дорогие друзья, и в путь!»

— При чем тут Олег? — спросил Володичка.

— Ни при чем. Но еще полгода назад нас было восемнадцать человек. Сейчас — двенадцать с половиной. Завтра будет на одного меньше. Через год на наших мягких койках будут спать другие люди, другой клон. А сколько их было до нас?

— Мы пионеры испытаний, — отрезал я. — Мы — первые.

— А тебя никогда не удивляло, что в коридоре есть галерея спасенных за наш счет и в ней по крайней мере три десятка знаменитостей? Как их могли спасти шесть или семь членов нашего клона?

Каждому из нас приходится переживать минуты сомнений и даже страха. И единственное, что удерживает нас на уровне чистых и высоких помыслами юношей, это уверенность в правильности нашего пути, это понимание истинности нашего дела.

Вот это я и сказал моим одноклеточным братьям. И знал, что большинство разделяют мою точку зрения. Но не Лешенька. Проклятый Лешенька!

— Баран — патриот идеи все равно остается бараном, — сказал Лешенька. — И его мясо не становится жестче.

— Как ты смеешь говорить эти слова, когда наш товарищ и брат в нескольких метрах отсюда сосредоточенно готовится к завтрашнему подвигу!

— Ты называешь это подвигом?

— Я тебя убью! — вскочил я.

— А тебя убьют без моей помощи, — сказал Лешенька. — Тебя не спросят даже, хочешь ли ты жить. Хочешь ли ты жениться, иметь детей...

— Это наш долг! — закричал я.

— Кто тебе это сказал? — спросил Лешенька. Он криво усмехался. Мы все так усмехаемся, когда хотим обидеть, разозлить недруга.

— Это сказал... это сказал мой учитель, Григорий Сергеевич.

— И знаешь ли ты, сколько он получает за каждый наш жертвенный подвиг? Ты задумывался об этом?

Если бы не тот вечер, не прощание с Олежкой, которого только что увели навсегда, я бы никогда не кинулся на своего близнеца. Я любил Лешеньку, даже если он заблуждался. Но не смейте отбирать у меня цель жизни. Человек без цели становится куском навоза в проруби. Недаром Григорий Сергеевич часто приводил нам примеры из истории Советского Союза и в первую очередь Великой Отечественной войны. Она доказала, что в жизни всегда найдется место подвигу. Григорий Сергеевич как-то сказал нам в задушевной беседе: «Я хотел бы, чтобы наш Институт назвали учреждением имени Александра Матросова, который закрыл своей грудью амбразуру, то есть отверстие, сквозь которое вел огонь вражеский пулемет».

— Не смей врать! — кричал я, наскакивая на брата. — Не смей клеветать на моего кумира!

Лешенька, отбиваясь от меня, гнул свое:

— Кумир останется жив и заведет других идиотов, как ты!

— Мне не важно, что случится со мной, я хочу, чтобы продолжался прогресс и во главе прогресса стоял наш Григорий Сергеевич.

Я даже понимал, что слова мои звучат по крайней мере наивно, и мне было неприятно слышать смешки тех, кто растаскивал нас с Лешенькой.

И тут в комнату ворвался доктор Блох.

— Что за шум? — крикнул он от дверей.

Он не вошел в комнату.

У меня создается впечатление, что он нас порой побаивается. Как будто входит в клетку с дрессированными хищниками.

В тот момент нас уже растащили, и мы по инерции размахивали руками, словно дрались с невидимыми противниками.

— Что за шум? — повторил Блох нарочито громко и весело. Натужно спросил, даже голос в конце фразы сорвался. — Что за шум, а драка есть?

— Ничего не случилось, — первым отозвался Володичка. — Шахматный спор.

— Как не похоже на вас, — сказал Блох. — Такие выдержанные люди, гордость нашего общежития.

— Шахматы... шахматный... пустяки... — галдели остальные.

— Не хотите говорить, не надо, — сказал Блох. — Тогда попрошу расходиться по спальням.

Спальнями у нас называются палаты, чтобы все было, как на воле.

В каждой по четыре койки. И больше ничего — что делать в спальнях? Только спать. Правда, некоторые держат журналы или карты для пасьянса.

У нас в спальне одна койка пустует. Уже второй месяц. Но Мишенька спал не с нами.

Мы улеглись, свет погас, но если я хочу, могу включить настольную лампочку, на полчаса, не больше, чтобы не повредить глазам.

Мои соседи — Барбосы, так у нас шутливо называют Бориса с Глебом — что-то задерживались. Они сегодня вообще с утра были молчаливы, может, потому что дружили с Олегом.

Только я вытянулся на кровати, лежа на спине и сложив руки на груди — это оптимальный способ отдыха, — как в спальню кто-то вошел. То есть я с самого начала догадался, что это Григорий Сергеевич. Пришел пожелать нам приятных снов.

— Где Барбосы? — спросил он.

— Куда они денутся, — сказал я. — Возникнут.

— Лешенька тебя достал, — сказал доктор и уселся на край моей кровати, в ногах. — Он меня тоже тревожит.

— А чем он тревожит? — спросил я.

— С тобой я могу быть откровенным, — сказал мой доктор. — Меня тревожит ситуация в группе. Я понимаю, этому есть объективные причины, усталость, потери в личном составе. Но мне кажется, что кто-то один из вас ведет направленную работу по разрушению замечательного духа единства и взаимовыручки, так свойственных нашему коллективу.

У Григория Сергеевича чудесный голос, не то чтобы низкий, но вельветовый, ему надо бы стать папой римским. Смешная мысль? Но я ее придумал всерьез. И постеснялся произнести вслух.

— Ты понимаешь, как мы дороги человечеству? И если кто-то подставит нам подножку, поставит под сомнение благородство наших начинаний... ах, если бы ты знал, как хрупка правда будущего!

В полутьме спальни его глаза излучали странный, добрый свет.

— У меня есть ощущение, что не выдержали нервы у Лешеньки. Чудесный молодой человек, твой брат и мой сын, — а вот может стать для нас смертельной угрозой. А что, если он побежит к моим врагам? Ты же представляешь, сколько у меня врагов?

— Нет, нет, он не побежит! — вырвалось у меня.

— Но ведь он обвиняет меня в корыстолюбии?

— Нет!

— Иван, ты лжешь! — Он редко называл нас грубой формой имени. Он не хотел нас обижать. Он считал, что имя, данное твоей кормящей матерью, должно сохраниться на всю жизнь. Хотя, как вы понимаете, ни у кого из нас не было кормящей матери.

— Он мой брат.

— Я ему дурного не сделаю, но я обязан знать правду! Я не могу быть неосведомленным, когда от моих решений зависит и ваша жизнь, и жизнь дорогих для нас людей! А ведь он не хочет сознаться и этим бросает тень на тебя и других невинных. Так что он сказал?

Я честно молчал, я не хотел Лешеньке зла. Но добрые чувства, которые так настойчиво вызывал во мне Григорий Сергеевич, отомкнули мне уста!

— Кстати, — заметил Григорий Сергеевич, понизив голос, — мне не хотелось тебе говорить об этом, но Лешенька позволяет себе нелестно отзываться о тебе. В обществе нашей Леночки он называл тебя грязным козликом. Разумеется... — Григорий Сергеевич достал носовой платок и грустно высморкался. Именно грустно. Мне стало его жалко. — Разумеется, мне не следовало об этом говорить, но мы должны жить с открытыми глазами. И еще неизвестно, что страшнее для личности: физическая смерть или предательство друга.

— А что! — вдруг услышал я свой голос. — Это на него похоже. Он и про вас говорил, что вы наживаетесь на нашей смерти, что вам процент платят.

Я спохватился, я замолчал, но плохое уже было сделано.

Я ведь уподобился Лешеньке. Чем я теперь лучше него?

— И многие слышали? — спросил доктор.

— Почти все были, — признался я.

Григорий Сергеевич поднялся и подошел к окну. Его обычно прямая спина ссутулилась. Плечи опустились.

— Я подавлен, — сказал он, глядя в темноту окна. — Мне горько. Я думаю о тщетности моих дел.

— Не расстраивайтесь, — произнес я. — Это случайность. Он так не думает. Он в принципе неплохой.

— Вы все неплохие, — отрезал Григорий Сергеевич, — но никто, включая тебя, не пришел ко мне и не сказал честно и открыто: один из нас предал тебя, учитель, за тридцать сребреников.

— А кто ему даст тридцать сребреников? — спросил я.

— Желающие вонзить кинжал в мою спину всегда найдутся.

— Нет, он неподкупный.

— Неподкупных, мой друг, не бывает.

— Только не наказывайте его!

— Я не имею морального права наказывать кого бы то ни было. Даже если этот человек поставил под угрозу само существование нашего дела, я постараюсь пересилить себя... Ах, как сладка месть!

Он не притворялся! Моему богу, моему наставнику, хозяину моей жизни хотелось отомстить одному из бессильных созданий его разума!

— Нет! — Он резко обернулся ко мне. — Нет!

И ничего не успел сказать, потому что сначала донесся страшный, нечеловеческий, утробный крик — что за животное закричало там, за залом? И почти сразу загрохотали шаги, дверь распахнулась, и в комнату влетели Барбосы — мои соседи.

Как влетели, так и замерли посреди комнаты.

Не ожидали увидеть здесь доктора.

Доктор спросил:

— Что произошло?

Крик за дверью оборвался.

— Мы не хотели, — сказал Рыжий Барбос.

— Чего вы не хотели, черт побери?!

— Мы только заглянули в бокс, чтобы попрощаться...

— А Олежка нас увидел и стал рваться, — сказал Черный Барбос.

— Мы побежали, а он чуть не выскочил — а когда его стали обратно класть, он закричал. . но мы же не хотели!

— Понял, — коротко сказал доктор. Он вышел из комнаты.

Хоть я и был подавлен нашей беседой с доктором, у меня нашлись силы спросить этих балбесов, что ими двигало, когда они решили отправиться в «чистилище»? Ведь нельзя же!

Все термины условны, как человеческие клички. Порой и не догадаешься, откуда термин возник и давно ли живет на Земле.

«Чистилищем» называли бокс, в котором герой, идущий на подвиг, проводил последние сутки или ночь. Он подвергается

там полной дезинфекции и обработке седативными и иными средствами, переводящими его мозг в область грез.

Что-то не сработало. Может быть, именно появление Барбосов — ну что их потащило в «чистилище» на ночь глядя? Ну попрощались мы уже с Олежкой, даже не стали повторять высоких слов. Олежке было сказано открытым текстом, что завтра в восемь утра его здоровая молодая печень будет изъята из тела и пересажена страдающему циррозом и неизлечимо больному маршалу Параскудейкину, командующему ракетными войсками особого назначения, знающему столько государственных тайн, что ему просто невозможно умереть. Родина этого не переживет Впрочем, и возразить тут нечего. Кто не знает этого орлиного профиля! Кто не взлетал вместе с ним на первом реактивном самолете! Кто вывез из Ленинграда на Большую землю восемьдесят детей в горящем бомбардировщике? Все он — Александр Акимович! Санитарка тетя Оксана говорила мне, что у них в классе висел портрет Параскудейкина. Покрышкина, Чкалова, Леваневского и его. Потом Леваневского поменяли на Каманина. Потому что Леваневский вроде бы рванул в Штаты. Но это говорила санитарка, обыкновенная женщина, без допуска.

Скажу честно — если бы мне предложили занять место Олежки, я бы сделал это с восторгом. Я хочу пролететь подобно метеору и оставить свой след на Земле.

Олежка страшно закричал.

Барбосы кинулись обратно в спальный блок.

Григорий Сергеевич был глубоко оскорблен поведением Лешеньки, а также поведением всех нас, которые слышали речи Лешеньки, не оборвали его и не доложили о них медикам. Это предательство! И я тоже предатель.

— Мы его видели, — сказал Рыжий Барбос. — И он нас видел. И как закричит!

— Он нам кричал: возьмите меня отсюда, я боюсь, я хочу жить!

— Сейчас он уже спит, — сказал я. — Сейчас ему хорошо.

— А может, они в самом деле за нас деньги получают? — спросил Черный Барбос.

— Помолчи! — огрызнулся я. — Хватит с нас Лешки!

— Жалко Олежку, — сказал Рыжий Барбос.

А я подумал, что Лешенька должен бы зайти. Он всегда заходит перед сном, глупая улыбка во всю физиономию, шахматная доска под мышкой — и сразу: «Иван, даю тебе фору. Ферзя или ладью?»

В конце концов, ничего особенного не произошло.

Я ни в чем не виноват.

Может ли чувствовать себя виноватым человек, который выполнил свой долг? Разоблачил предателя в наших рядах...

Почему же мне так неловко и хочется куда-то бежать, остановить несправедливость?

Я поднялся и сказал Барбосам:

— Сидите и никуда не ходите. И так несладко.

Я вышел в коридор. Свет горел в полную силу, хотя давно пора бы его потушить.

В спальнях тоже слышны голоса. Но свет погашен.

Я пошел по коридору к ординаторской. Там наши доктора обычно чаевничают и болтают по вечерам, когда мы уже угомонимся.

Мне надо было увидеть Григория Сергеевича, пока он не ушел домой. Мне надо было объяснить ему, упросить его забыть мои глупые слова. И не сердиться на Лешеньку.

Ординаторская была пуста.

Врачей я нашел в перевязочной. Или малой операционной — называй как хочешь. Каждому из нас пришлось провести здесь немало часов. Потому что наши тела должны быть безукоризненны! Мы — надежда Земли.

Там был и Лешенька.

Он полулежал в смотровом кресле, глаза прикрыты, вялый, из уголка рта течет слюна.

Руки прикованы к подлокотникам кресла.

Но говорил спокойно, разумно, словно по своей воле.

— Нас не интересуют твои мысли, — сказал доктор Григорий Сергеевич. — Я скажу тебе откровенно — важнее понять, насколько их разделяют твои братья.

— Мы мыслим почти одинаково, — сказал Лешенька, не раскрывая глаз.

— Вот это неправда, — сказал доктор. — Ложь. Мы поймали тебя по доносу твоего брата.

— Иван все же не выдержал! — В голосе прозвучала усмешка, но на лице она не отразилась. — Он влюбчив, он избрал вас отцом, как котенок избирает себе хозяина. Мы же все разные.

— Мне лучше знать, насколько вы разные. Но я был убежден: именно моя политика откровенности и сплачивает нас в общем деле.

— Ах, оставьте, доктор! — возразил Лешенька. — Никакого

общего дела не существует. Есть ваша корысть, есть ложь, ложь и еще раз ложь!

— Алексей, — предупредил Григорий Сергеевич, — остановись, иначе я буду вынужден принять меры.

— А вы их и так примете, — парировал Лешенька. — Потому что вы меня боитесь. Ведь для всего клона я — его член. И с каждой новой смертью доверие к вам съеживается, как шагреневая кожа...

— Ты не мог этого читать! — вдруг завопил, буквально завопил Блох.

— По телевизору смотрел, — признался Лешенька.

На этот раз он говорил неправду. Я знал, откуда у него эта книга. Ее нам санитарка принесла. Ничего в ней такого не было, но почему-то она была запрещена. Может быть, они боялись, что мы ощутим сходство судьбы того человека и нашего клона.

— Не хотите такого сравнения, — сказал Лешенька, — сравните нас с подводной лодкой «Наутилус».

— Почему? — спросил Блох. Он не понял.

— Потому что там становилось все меньше матросов, пока не остался один капитан Немо.

— Остроумно, — заметил Григорий Сергеевич. — Очень остроумно. Меня сейчас интересует еще один вопрос: с чего ты решил, что мы зарабатываем деньги на вашей судьбе?

— Я в этом уверен.

— Но почему?

— Все великие шпионы пробалтываются...

Григорий Сергеевич обратился к сестре Леночке:

— Пройди по спальням, погляди, хорошо ли они спят?

— Сейчас, — отозвалась Лена и осталась на месте. Ей куда интереснее было послушать бунтаря.

А Лешеньку стоило послушать. Я сам слушал его с интересом.

— Я подозреваю, что ваш проект с самого начала был коммерческим.

— Чепуха, чепуха, чепуха! — Доктор Блох легко возбуждался. — Где вы найдете деньги на такой проект? Только государство может поднять наш Институт.

— Государство, — парировал Лешенька, — это скопище людей, заинтересованных в сохранении определенного порядка вещей.

— Мы вырастили философа!

Как будто радостная фраза, но при этом Григорий Сергеевич

так развел руками и склонил вбок голову, что ясно стало — обошлись бы мы без философов.

— Я не знаю, сколько у вас таких клонов, как наш, — сказал Лешенька, — но думаю, что не один.

— Всего три, — ответил Григорий Сергеевич. — Два мужских и один женский.

— Не важно, — сказал Лешенька. — Главное, что вы — убийцы.

— Вот это перебор! — крикнул Блох.

— Вы же создали клон, вы нас вытащили в двадцатилетнюю жизнь, но не для того, чтобы научить и помочь человечеству... хотя бы солдатами! Нет, вам нужны идеальные трупы.

— Лена, — сказал Григорий Сергеевич, — я же велел тебе пройти по спальням. Я не хочу, чтобы какой-нибудь любопытный идиот подслушал нас.

А я находился в каком-то ступоре. Я понимал, что Лена сейчас выйдет в коридор и увидит меня. Понимал, но не двигался с места, так как эта угроза меня не касалась.

И когда Лена вышла в коридор, я шагнул в сторону, чтобы уступить ей дорогу.

— Иван? — удивилась она. — Ты что здесь делаешь?

— Сейчас уйду, — ответил я.

— Надеюсь, — сказала Лена. — Беги быстрей. Ты ничего не слышал.

— Это я на него сказал, — сообщил я.

— Доносчиком больше, доносчиком меньше, — сказала Леночка, круглолицая худышка с широкими бедрами, в туфлях на каблуках. — Вы все тут такие, мотыльки.

— Почему мотыльки? — вдруг обиделся я.

— Потому что дунет погода — и нет вас. А ну, беги!

Нельзя в больнице ходить на каблуках, но сестры, у которых хорошая фигура, носили туфли на каблуках.

Она отнеслась к моему покаянию равнодушно, будто знала. Но слово «доносчик» — обидное слово, я не думал раньше, что мне будет так неприятно его услышать. Тем более что я не был виноват.

Доносчик — это тот, кто сам несет сообщение начальнику. А из меня признание вытащил Григорий Сергеевич, вытащил словно клещами.

— Иди, иди, — сказала Лена, — а я покурю.

— Я возмущен клеветой на Григория Сергеевича, — сказал я.

— Ну и слава богу. Есть еще мушкетеры в нашем королевстве. Иди, ягненок.

— Почему ягненок?

— На меня тебе донести не удастся, — вдруг засмеялась Лена. А один зуб у нее был золотой. Это очень некрасиво. — Я с тобой даже не разговариваю.

Я ушел. Я не выношу, когда меня оскорбляют. Но в самом деле — не побежишь же жаловаться заведующему отделением на обслуживающий персонал!

Барбосы уже спали. Они свое пережили, поволновались, а теперь будут спать.

3

Утром, за завтраком меня ждала неожиданность.

Мы сидели за длинным столом, санитарка Оксана проходила за спинами и наливала каждому в чашку какао с молоком. Лешеньки не было.

В этот момент вошел доктор Григорий Сергеевич. Он был обыкновенный.

Рядом с ним шел Олежка. Сонный, не совсем адекватный, но ступал своими ногами.

Он сел на свое место рядом со слепым Кузьмой.

Теперь за столом не хватало только Лешеньки.

Сестра Лена подошла к пустому месту Лешеньки, взяла его тарелку и ложку, блюдце с булочкой и перенесла к Олежке. Ведь у Олежки не было прибора — он не должен был приходить.

— А где Лешка? — спросил я шепотом у Володички. Они же в одной спальне.

— Не приходил, — сказал Володичка.

Тут подал голос Григорий Сергеевич. Он прихлебывал какао и говорил:

— Судя по вашим вопросительным взорам, вас смущает отсутствие Лешеньки и присутствие Олежки. Я прав?

В ответ послышался легкий гул согласия.

— Случилась медицинская ошибка. Прискорбная, но порой неизбежная. В последний момент при подготовке Олега к операции выяснилась элементарная биологическая несовместимость его печени по трем параметрам. Вина за это полностью лежит на лаборатории. Когда мы узнали об этой неприятности... — Григорий Сергеевич смотрел каждому в глаза, будто стрелял в нас доверием. И мы тоже старались доверять. — Мы были в растерянности. Нам следовало разбудить вас и заняться выбором... Но, на

счастье, мы как раз проводили организационную беседу с Лешенькой. Узнав о нашей беде, Лешенька тут же, без колебаний, предложил заменить собой Олежку. Благо его печень отличается полным здоровьем и по всем параметрам подходит для пересадки. Лешенька ушел в операционную! Вот так...

Григорий Сергеевич допил какао, медленно поставил чашку и вытер губы салфеткой, прислушиваясь к тишине за столом.

Наши мысли были спутаны.

Мы не могли возразить.

Мы понимали, что доктора руководствовались высшими соображениями.

Но почему нам не сказали перед операцией? Ведь никогда прежде ни один из нас не уходил туда, не попрощавшись с товарищами.

Я должен был сказать об этом, но не сказал, потому что был единственный, кто знал, о чем беседовал Лешенька с докторами вчера вечером.

Вернее, я хотел сказать, но встретил внезапно рванувшийся ко мне взгляд главного врача.

И понял, что ничего не скажу.

Барбос Рыжий закричал:

— Ну, Олег, тебе повезло!

— Да? — Олежка еще не все понимал.

— Кому-то повезет, а кому-то нет, — заключил Володичка. — Странно все это.

— Володя! — окликнула его Леночка. — Ешь, пожалуйста, тебе надо хорошо питаться.

Дальше мы продолжали есть, хотя настроение было плохое, лучше бы все шло по-старому и ушел бы Олежка, все равно он уже почти смирился с этим. А теперь ушел Леша. Но виноват ли в этом я?

До Леши подвиги совершили шесть человек. Шесть моих близнецов.

Но только сегодня произошло нечто вроде возмущения. Я-то думаю, что в самом деле каждый из уходивших героев оставлял в нас жалость и страх. Даже если все проходило без сучка без задоринки, это было похоже на русскую рулетку, а я смотрел про нее в американском фильме про Вьетнам. Он называется «Охотник на оленей», правильно? Там герои крутят барабан револьвера, в котором есть одна пуля. И приставляют дуло к виску. Шансы один к шести. Очень страшно.

Раз выстрелил, остался жив. Надо стрелять снова.

И думаешь: наверное, мои шансы уменьшились? И с каждым разом приближается моя смерть.

Нет, не подумайте, что я трус и оппортунист, но я стараюсь понять, что же с нами происходило? Есть такая штука — подсознание. Не слышали? Я хочу быть хорошим и смелым, а внутри мозга, я даже не знаю где, живет страх. Это не я, а он боится выстрела.

Я не знаю, понимает ли это доктор Григорий Сергеевич, но не могу у него спросить, несмотря на все уважение к этому великому человеку. Он решит, что я просто струсил. Но я не струсил, я знаю, что движусь к подвигу, и мне хочется совершить подвиг, клянусь вам, мне хочется погибнуть ради жизни на Земле!

Хочется ли?

Вчера еще хотелось, но сегодня мысли мои сдвинулись, как будто под гнетом.

— Сегодня обычные занятия, — сказал доктор. — Каждый солдат знает свой артикул! — Он засмеялся и тут же оборвал свой смех.

А я подумал, что у него пронзительный смех, как будто ему совсем не смешно. Впрочем, ему, наверное, сегодня не смешно.

— Вечером, — сказал Григорий Сергеевич, — у нас будет небольшой бал. Я давно обещал познакомить вас с нашими соседями... вернее, соседками. Хватит жить анахоретами.

Это, конечно же, нас заинтересовало. Еще бы — в первый раз!

— А таблетки отмените? — спросил Рыжий Барбос.

Все засмеялись. На этот раз искренне. Ведь нам каждый вечер дают таблетки — это не секрет, потому что Григорий Сергеевич — сторонник простоты и искренности в отношениях. Он говорил нам, что сиреневые таблетки призваны понизить нашу сексуальную активность. Это делается для нашего блага, чтобы мы не мучились от недостатка слабого пола. Он показывал нам на кинопримерах и на литературных цитатах, к чему приводит желание обладать женщиной. Его слова не всегда действовали на нас, но мы понимали: в них есть смысл. Я даже знаю, что Пашенька долгое время старался обманывать доктора и выплевывал таблетки. Но потом при уборке койки на ней обнаружились следы этого... и ему пришлось признаться и выслушать выговор.

— Таблетки останутся, — улыбнулся доктор. — Потому что иначе вы начнете тискать девушек и можете их обидеть. Вы ведь этого не хотите?

— Нет, не хотим, — сказал я.

— Девушки придут к нам в гости после обеда, вы им все покажете — и спортивный зал, и классы, — потом будет маленький концерт совместной самодеятельности.

— Пошли, пошли! — весело подгоняла нас Леночка. Мы поднялись из-за стола. Доктор сказал вслед:

— Чтобы быть в форме!

Володя, который ехал позади всех в своем кресле, спросил:

— А Леша не вернется... с нами попрощаться?

— Нет, — сказал Григорий Сергеевич. — Я знаю, что так не принято, но обстоятельства сложились слишком строго. Если бы Алексей не вызвался добровольцем, скончался бы великий человек, гордость Российской Федерации.

В коридоре я приблизился к Олежке, но он не стал разговаривать. Я понимал, ему тяжело. Каждый из нас стремится к идеалу, но не каждому это дано.

Я обогнал его и услышал, как Володичка сказал Олежке:

— Не обольщайся, это только отсрочка.

— Отстань, — сказал Олег.

И правильно сделал.

Он и без Володиной подсказки знал, что это только отсрочка, но надеялся, что его физиологические недостатки не так уж велики. Что пройдет время, его подлечат, и он снова будет готов к подвигу.

Наш клон был выведен именно с этой высокой целью: быть готовыми пожертвовать своими органами, молодыми и здоровыми, ради спасения лучших людей государства. Это наша цель в жизни, это наша радость!

Почему я уговариваю себя, как на воспитательной беседе, проводимой доктором Блохом? Я в чем-то не уверен?

Я знаю, что тому виной — разочарование в моих братьях. Ушел Лешенька, но Володя явно метит на его место — на место брюзги и пессимиста.

А ведь он может плохо кончить!

Я вздрогнул. Чего я желаю своему брату? Ведь нас с каждым днем становится все меньше. Неужели Володя не принес уже своей жертвы? Если бы не здоровое сердце, которое кому-то скоро понадобится, он бы умер...

Смерть.

А почему моя смерть менее важна, чем смерть маршала авиации?

Я прикусил язык.

Барбосы толкнули меня, обгоняя.

— Это правда? — спросил Рыжий.

— Нет, — ответил я, хотя не знал, о чем он хочет меня спросить.

4

Мы встретили наших гостей в розовой гостиной.

Марик играл на пианино. Под потолком висела гирлянда лампочек, оставшаяся с Нового года.

Девушек было десять.

Они были русыми, голубоглазыми, ростом почти такими же, как мы, но худенькими. Блох заранее сказал нам, что их физиологический возраст — восемнадцать лет, на два года моложе нас.

Одеты они были по-разному, но вкусы у девушек были схожими, поэтому, даже не глядя на лица, а только на одежду, можно было догадаться, что они сестры или хотя бы близкие подруги.

С ними пришли два доктора и ассистент. Один доктор был мужчиной, а второй — женщиной. Ассистент тоже был женщиной, но некрасивой и сутулой, чего не скажешь о женщине-докторе.

Ее звали Марией Тихоновной, и в ней была особенная материнская стать и готовые утешить материнские глаза цвета шоколада со сливками.

Девушки чувствовали это обаяние и особенно в первые минуты теснились вокруг своего главного врача (Мария Тихоновна была главным врачом женского отделения и ведала клоном).

Но все равно наш Григорий Сергеевич был главнее. И не только потому, что он доктор наук и всемирный авторитет, но и внешне. У Марии Тихоновны было обаяние, а наш доктор был вождем. Такие люди становятся вождями с того момента, когда входят в помещение.

Сначала мы стояли, как бы две армии на поле боя, но потом ассистент их клона, ее звали Раисой, стала представлять девушек. Мария Тихоновна посмотрела на нас, а потом они уселись в сторонке с Григорием Сергеевичем и принялись беседовать на свои темы.

А со мной случилось происшествие.

Я увидел девушку, которая отличалась от своих близняшек лишь более светлой блузкой и прической. Вернее, все были завиты или изобразили прическу, а та девушка зачесала волосы назад

и получился короткий хвостик. Волосы у нее были такими мягкими, что мне захотелось их погладить, как гладят котенка.

Это было как в сказке, которую я сохранил в генетической памяти: принцу в ней следует выбрать невесту из строя одинаковых красавиц — клона первобытных времен.

И красавица помогает ему. Делает знак...

Моя красавица никакого знака мне не сделала. Посмотрела, а потом стала рассматривать корешки видеокассет на полке — у нас неплохая коллекция.

Рыжий Барбос подошел к ней и заговорил. Я не слышал, о чем он говорит, но сразу расстроился. Почему не подошел я?

А он взял ее за локоть!

Вы бы знали, как я его невзлюбил!

Странно теперь думать — ведь прошло десять минут после появления женского клона в нашей гостиной. Всего десять минут. Не может же человек влюбиться с такой скоростью!

Но что-то со мной случилось.

Именно одна красавица из строя невест вызвала во мне судороги сердца. А остальные были просто девушками.

— Не стесняйся, — сказал Григорий Сергеевич, который незаметно подошел ко мне. — Ты заслужил эту награду.

— Какую награду?

— Внимание этой девушки. Я хотел бы, чтобы у вас возникли личные отношения. Более того, как твой наблюдающий врач заявляю: сексуальный контакт мне интересен и даже желателен.

— Ну что вы говорите! — Честное слово, я смутился.

— И больше никаких таблеток!

Мне захотелось уйти, и я даже сделал движение к выходу, но доктор крепко взял меня за рукав и также вполголоса добавил:

— Учти, мой мальчик, в женском отделении Мария Тихоновна придерживается русской врачебной этики. То есть тяжелый или терминальный пациент не должен подозревать о серьезности заболевания. Принимаются все меры к тому, чтобы пациент оставался в хорошем настроении и убеждении, что дело идет на поправку.

— Но ведь они и так здоровы, — удивился я.

— Они, эти девушки, не подозревают о том, что их цель — подвиг во имя человечества. Что их жизнь относительно коротка, что они — благородные доноры на благо цивилизации.

— А что же они думают?

— Что это Институт, в котором их клон находится под наблюдением. Вскоре будут выведены другие клоны для улучшения

природы человека. А девушки выйдут замуж, родят детей и так далее...

— Надо немедленно сказать правду! — заявил я.

— Остановись, безумный! — горько улыбнулся Григорий Сергеевич. — Представь себе, что ты обрушишь на хорошенькую головку этого ребенка страшную для непосвященного информацию. Ведь даже такие стойкие и закаленные герои, как ты, порой подвергают сомнению свое предназначение...

— А где Лешенька? — спросил я.

— Его спасти не удалось, — ответил Григорий Сергеевич.

— Но это не из-за...

— И не думай, — перебил меня доктор. — Не мучай себя понапрасну. Лешенька в самом деле оказался сильнее и мудрее, чем я о нем думал. Его раздражительность была особого свойства — он был готов к подвигу и смущен отсрочкой... Когда-нибудь мы с тобой об этом поговорим подробнее. Не заставляй Дашу ждать.

— Вы знаете, как ее зовут? Вы их различаете?

— А разве ты не различаешь?

Я промолчал. В голове проскользнула дурацкая мысль, желание сказать доктору: «Когда мы с вами поговорим подробнее? А если завтра вам понадобится мое сердце? Или селезенка?»

Конечно же, я этого не сказал и тут же забыл об этой мысли — зачем думать о плохом? Ведь каждая жизнь кончается смертью. Никто еще не выздоровел от жизни. Умру ли я завтра или через двадцать лет — в чем разница? Годы и дни пролетают с одинаковой скоростью.

А Григорий Сергеевич подвел меня к девушке по имени Даша.

— Хочу познакомить вас, Дашенька, — сказал он тем воркующим низким рокотом, который заменял ему голос, когда надо было кого-то расположить к себе.

Девушка вздрогнула, словно погребенная под лавиной рокота. Она не посмела взглянуть на меня.

— Я доверяю его вам, — сказал Григорий Сергеевич. — Пожалуйста, позаботьтесь о моем приемном сыне. Он только кажется могучим парнем, на самом деле он всего лишь робкий юноша со взором горящим.

— Ну что вы говорите! — сказала Даша. У нее был низкий взрослый голос.

Впрочем, у всех девушек был одинаковый голос. Только я не прислушивался к другим голосам.

— Я вас оставляю, — сказал Григорий Сергеевич. Он улыбал-

ся, как сытый кот. Ну что за гадкое сравнение! Разве можно, хотя бы мысленно, походя, так обидеть своего доктора!

— Вы все это просмотрели? — спросила Даша, глядя на кассеты.

— Нет, не все.

— А что вы больше любите, ужастики или триллеры?

— Я люблю хорошее кино, — ответил я.

— Ах, ну что вы мне отвечаете невпопад! Все понимают, что лучше хорошее, чем дерьмо. А по жанру? Наверное, фантастику?

— Не выношу фантастики, — признался я.

— Как интересно, — сказала Даша, — я тоже не очень люблю фантастику. Зачем они выдумывают без признаков любви? Я поэтому люблю фэнтези. Вы знаете, что такое фэнтези? Ник Перумов — это класс. И Головачев.

— Я уважаю только Стругацких, — сказал я.

— А в детстве?

— У нас слабая генетическая память, — сказал я. — Своего детства у меня не было.

— А я все помню. У нас даже есть занятия на воспоминания. Мы смотрим детские фильмы, чтобы вспомнить, что знали наши физиологические родители. Был такой мультик — «Тайна третьей планеты», я его угадала, как будто смотрела. У вас бывает чувство, когда вы смотрите фильм, а потом понимаете — вы его уже видели? Кадр за кадром...

— Было, — признался я. — А вы лимонада хотите?

Лена принесла нам несколько бутылок лимонада, а еще у нас были конфеты и торт, который мы сами чуть не слопали — так вдруг захотелось.

— Я голодная — жутко. Можно печенья взять?

— Пошли, — сказал я.

Даша взяла меня за руку, словно боялась потеряться в тесно уставленной людьми гостиной.

У нее были прохладные пальцы.

От пальцев исходил слабый ток. Может, это только казалось, но я чувствовал этот ток.

Я смотрел на нее в профиль.

Оттого, что волосы были туго зачесаны назад, голова казалась меньше, чем у других, и четче обрисованной. Нос был чуть вздернут, его кончик как бы потащил верхнюю губу и подбородок. Они выдавались вперед, придавая лицу выражение лукавого упрямства.

Девушка почувствовала мой взгляд и повернулась.

Повернулась, чтобы прямо посмотреть на меня увеличившимися зрачками.

Как будто забралась взглядом далеко внутрь меня, перекрыв горло. Я сглотнул.

Даша сдавила мою ладонь пальцами.

Мы остановились, не в силах двинуться дальше.

Если бы мне сказали о том, что такое возможно, недавно сказали, я бы поднял вас на смех. Это из недорогой книжки.

Мы подошли к столу. Вокруг него уже собрались все или почти все, кроме докторов. Доктора и ассистенты остались в сторонке, на диване у телевизора.

Я успел схватить последние куски торта. Буквально последние. И еще яблоко для Даши. Потом передал ей тарелку, а сам сгреб с блюда шоколадные конфеты.

— Уйдем? — спросил я Дашу.

Возможно, вокруг шумели или пели песни, может быть, ко мне обращались с вопросами — не знаю.

— Куда уйдем?

— К нам в спальню.

— Мария Тихоновна не разрешила, — сказала Даша. — Она просила не оставаться наедине.

— Почему?

— Ты знаешь.

— Честное слово, не знаю. Она боится, что я сделаю тебе плохо?

Видно, удивление мое было настолько искренним, что Даша вдруг засмеялась.

— Предлагаю компромисс, — сказала она. — Рядом с этой комнатой есть перевязочная. Она пустая. Мы проходили мимо, мне надо было носок поправить, и я туда заглянула. Мы дверь закрывать не будем.

— Хорошо.

Она пошла впереди, неся тарелку с кусками торта, а я следовал за ней с остальной добычей.

На полпути в коридоре она остановилась и увидела, что ее ассистентка, некрасивая Раиса, беседует с доктором Блохом.

Она заговорила с Раисой. Я еще не успел подойти, поэтому не слышал, о чем был разговор, зато все понял.

Ассистентка обернулась к Блоху, Блох кивнул, тут и я подоспел, и Блох сказал мне:

— Если вам есть о чем поговорить, почему бы не уединиться.

Тут кто-то включил музыку, оркестр заиграл громко, словно начался новогодний вечер.

Даша включила свет в перевязочной.

Сколько раз я бывал здесь на осмотрах, но впервые увидел эту

комнату без врачей, без делового, свойственного ей антуража и настроения.

Письменный стол с компьютером стоял у стены.

— Ставь сюда, — сказала Даша.

Она поставила тарелку с тортом на стол.

— Чего не хватает, — сказала она, критически осмотрев наш праздничный стол, — так это выпивки.

— У нас не бывает, — признался я.

— Знаю, знаю, не в деревне родилась, — улыбнулась Даша. У нее были жемчужные зубы. Не просто белые, а с внутренним отблеском.

— Схожу посмотрю, не поставили ли чай.

— Поставили, — сказала Леночка, наша медсестра, входя к нам. Она несла две большие кружки, надев их ручки на пальцы левой руки. В правой был чайник.

Она ловко, как официантка, поставила чашки на стол.

— Наливайте, — предложила она, — тут уже заварено.

— Ну, у вас обслуга! — обрадовалась девушка.

— Я бы не стала называть меня обслугой, — улыбнулась Леночка. Улыбнулась улыбкой слез — где-то я это слышал. — Желаю счастья, — сказала Лена. Она закрыла за собой дверь.

— Придется тебе на мне жениться, — засмеялась Даша, — такой заботы я еще никогда не встречала.

Ей было забавно. У нее обнаружилось чувство юмора.

А я за мою относительно короткую жизнь еще никогда не оставался с женщиной один в комнате. У некоторых из моих братьев бывали связи с женщинами — санитарками, сестрами, уборщицами, и Григорий Сергеевич не возражал против них, потому что весь персонал женского пола в нашем Институте подбирался тщательно и женщины проверялись, словно любовницы президента.

В прошлом году я влюбился в нашу повариху Лизавету. Она была веснушчатой хохотушкой, и ни халат, ни платье не могли скрыть больших мягких грудей, что распирали одежду и норовили вывалиться, выскочить из заточения. Мы к ней неслись, как мухи на мед, но в отличие от Лешеньки и Марика я был в нее влюблен и даже писал стихи.

Лизавету уволили после того, как на нее накинулись втроем наши мальчики. Но нельзя сказать, что виноваты были только они. Лизавета сама устроила праздник в своей подсобке, а подробности вам, наверное, известны.

— Ты чего замолчал? — спросила Даша. Она разлила чай по чашкам, развернула «Каракум» и разгладила фантик.

— У нас некоторые девочки собирают фантики, — сообщила она. — А что ваши мальчики собирают?

— Даже не задумывался, — ответил я. — Кажется, Лешенька собирал телефонные карты.

— Совершенно неинтересно, — сказала Даша. — Вас на экскурсии возят?

— Редко, — признался я. — Григорий Сергеевич не хочет привлекать излишнего внимания. Когда столько одинаковых вместе — люди пугаются. Начинают шептаться — клон, клон! — как будто в этом есть что-то стыдное.

— Ничего нет стыдного. Бывают естественные близнецы, а бывают клонированные. Я считаю, что нам повезло.

— Потому что вы красивые?

— Разумеется, красивых людей должно быть как можно больше. Зачем нужны уроды?

— Это наука вашей Марии Тихоновны?

— Ты пей чай, а то остынет.

На Даше была кофточка, розоватая с длинными рукавами, а джинсы в обтяжку. Мне хотелось бы посмотреть, какие у нее колени. Хотя я понимал — нет ничего проще, возвратись в гостиную и погляди на одну из ее клона. У всех коленки одинаковые.

А грудь у нее была небольшая. Плечи широкие.

Даша перехватила мой взгляд и сказала:

— Мы плаванием занимаемся. Я на спине первый разряд проплываю. Можешь себе представить, что я меньше года занимаюсь! И уже первый разряд. Тренер говорит, что я самая способная в группе.

— Мы тоже иногда плаваем в бассейне, — сказал я. — Но я тебя там не видел.

— Разные смены... Но у меня получается недостаток — видишь, какие широкие плечи получились. И мускулистые. Попробуй. Дай свою руку, попробуй. Да не так сильно! Ты мне плечо оторвешь!

— Извини, я нечаянно.

— Верю, что нечаянно. Еще чаю хочешь?

— Нет, спасибо.

— Я себе еще налью. А ты сильный.

— Обыкновенный, как все.

— Довольно скучно, правда?

— Скучно.

— Хорошо, что мы к вам в гости пришли.

— Жалко, что раньше не приходили. Мы еще встретимся?

— Почему ты так спрашиваешь?

— Ведь не каждый день вас будут к нам в гости приводить

— А как нам встретиться?

— Не знаю, я думаю. Еще не знаю, но думаю.

— Можно я конфеты возьму? У нас таких не дают. И знаешь почему? Маруся боится, что мы растолстеем. Она говорит: матери будущих спасителей Земли должны быть стройными, как Венеры.

— Какие еще спасители Земли?

— Ну ты же должен знать! Скажи, какая у тебя цель в жизни?

— Жертвовать собой ради других людей, — проговорился я, хотя обещал о таких вещах не говорить.

— Чепуха. — Она посмотрела на меня в упор, и ее глазищи увеличились до какого-то умопомрачительного размера.

— Я близорукая! — пояснила Даша. — Это ненормальный размер. В пределах клона, как ты знаешь, бывают разночтения. Близорукость — это индивидуально. У остальных наших девочек глаза нормальные. И не надо мне пудрить мозги своей жертвенностью. Жизнь — простая штука. Но я на нее не обижаюсь. Женщина — в первую очередь мать, продолжательница рода. Ты, голубчик, осеменил меня и побежал дальше, а я должна выносить, родить, выкормить и выпустить в свет маленького человечка.

— Значит, вас выращивают как гарем? — спросил я.

— Не хами, или я сейчас уйду. Мы — невесты достойных мужей.

— Значит, вас знакомят, потом выдают замуж? Или без знакомства?

— Иван, ты мне буквально надоел, — сказала Даша. Ее зрачки уменьшились до разумных размеров. Конфеты она ссыпала себе в сумочку. — Можно я твой торт доем?

— Доедай.

Я верил Григорию Сергеевичу Конечно же, в нашем Институте клоны держат не для каких-то будущих счастливых браков. Мы обречены. Но я знаю об этом и готов к этому. Даша ничего не знает и пойдет к своей судьбе, как баран с завязанными глазами. А должен ли я верить Григорию Сергеевичу? А что, если на самом деле в соседнем отделении воспитывают клон будущих идеальных матерей?

— Ты была на свадьбе?

— На какой свадьбе?

Она так спешила съесть кусок торта, что испачкала кремом кончик носа и подбородок.

— Ты говоришь, что твоих сестер выдают замуж...

— Конечно. Но не обязательно. Иногда достаточно искусственного осеменения. Результат тот же самый, правда?

Она лукаво улыбнулась и наконец-то спрятала между алых губ последний кусочек торта.

— А ты уже была... была с мужчиной?

— Ну что за глупости лезут тебе в голову, Ваня! — воскликнула Даша. — Здесь, на товарищеской встрече с соседним клоном, только девственницы. Надеюсь, тебя это не смущает?

Она притворялась. Странная смесь словесного цинизма и робкой неуверенности в себе.

— Извини, я неправильно себя веду, — сказал я. — Тебе неприятно?

Она вынула зеркальце из сумки и, посмотревшись в него, стала вытирать лицо платочком.

— Чего ж ты не сказал, — упрекнула она меня. — Представляешь, если бы я вернулась с такой рожей?

— Когда я тебя увижу?

— А ты этого хочешь?

По коридору кто-то шел.

— Я не знаю. Может, тебе разрешат меня навестить?

В перевязочную заглянула их ассистентка Раиса, некрасивая сутулая женщина.

— Свидание закончено, — сказала она. За ее спиной стоял доктор Блох.

— Чао, бамбино! — проворковала Даша.

И быстро пошла прочь. Я только сейчас заметил, что у нее были туфли на каблуках, и потому ее уход оказался звонким, чечеточным, гарцующим.

В конце коридора, у выхода из нашего отделения, стояли гурьбой наши и гости. Мужские головы были темными, каштановыми, а женские — светлыми, русыми.

— Она понравилась тебе? — спросил Блох.

— Не знаю, — ответил я, потому что не успел решить, что выгоднее: изобразить равнодушие или, наоборот, интерес. Ведь мне надо было придумать, как увидеть ее снова.

Я догнал Дашу у дверей.

Девочки начали шутить — где, мол, была, что делала? Соблазнили ли тебя?

— А мы с ним видео смотрели, — сказала Даша. — Порнуху. Славно время провели.

— Врешь!

— У нас нет порнухи, — сообщил Василек. Но его никто не услышал за охами и писком наших гостей.

Правда, ассистентка спросила Блоха:

— Насколько это соответствует?

— Дети балуются, не обращайте внимания.

Этот ответ можно было понять двояко. То ли есть, но не надо реагировать, то ли мы невинны как овечки.

Мы проводили гостей до большой лестницы. Я ждал, когда Даша обернется. Она обернулась в последний момент, как будто была убеждена, что я гляжу вслед. Она подняла руку, прощаясь со мной.

Но ее взгляда я перехватить не смог.

Я стоял, а мои братья медленно возвращались в отделение, они были возбуждены и веселы, хотя, как я понимаю, никто из них не провел время вдвоем с девушкой.

5

Я сказал Григорию Сергеевичу:

— Можно мне посетить женский клон?

— Хочешь повидаться с Дашей?

— Мне бы хотелось. Мы с ней договорились.

Разговор происходил в его кабинете во время утреннего осмотра.

Григорий Сергеевич похлопал меня по голому плечу и сказал:

— Одевайся, молодец! Хоть на Эверест восходи.

— Хорошо бы...

— Удовольствие не для тебя.

— Скажите, а как себя чувствует маршал авиации?

— Ты имеешь в виду Параскудейкина?

— Командующего ракетными войсками.

— Александр Акимович пошел на поправку. Ему значительно лучше. Его врачи считают, что через две-три недели он вернется в строй. И наша родина должна быть благодарна Лешеньке.

— Неужели нельзя говорить правду? — спросил я.

— Рано. Общественность к этому еще не готова. Я, честно говоря, мечтаю, что наступит день избавления от всех болезней. И мы с тобой скажем: наше дело сделано. Давайте жить долго!

— Я уже не скажу, — заметил я. С сожалением, что раньше мне было не свойственно. Григорий Сергеевич пронзил меня взглядом своих черных бездонных глаз так, что пол качнулся подо мной.

— Что ты хотел спросить у меня? — произнес он.

— Я просил увидеть Дашу.

— Можно я буду с тобой предельно откровенен, как с самим собой? — спросил доктор.

Когда человек, владеющий твоей судьбой, хочет поговорить с тобой откровенно, добра не жди.

— Говорите, — сказал я, разглядывая носки своих кроссовок.

— Вчера возник спор. Он касается не только тебя, но и всей концепции нашего исследования. Есть мнение, что любой из наших медицинских клонов следует делить на две части. Одни, как и прежде, будут жертвовать собой ради жизни на Земле. Другие, один-два индивидуума из каждого клона, будут оставаться для размножения, то есть для продолжения эксперимента в условиях естественного воспроизведения. Я не слишком сложно изъясняюсь?

Я все понял.

У меня даже в животе заурчало от волнения.

— Вы меня выбрали?

— Подожди, Ваня, не все так просто. Честно говоря, я выступал за справедливость. Незачем делить клон на черных и белых. А вдруг сложится ситуация, когда потребуется жизнь или здоровье одного из созданной нами пары?

— А вы вычеркните их насовсем. Забудьте, — подсказал я.

— Я вижу, что ты себя уже определил в производители. Смешно.

— Чего же смешного? — обиделся я.

— Смешно наблюдать за тем, как жизнь меня переиграла, — сказал доктор. — Мой клон не только не один, как мы думали, но с каждым днем его члены набирают индивидуальные черты. С дьявольской скоростью, скажу тебе, мой мальчик. Вчера мы с вами были едины в понимании цели. Сегодня мы вынуждены заменить Олега на Лешеньку, потому что Лешенька стал угрозой для существования эксперимента.

— Вы его нарочно взяли?

— Не делай больших глаз, Ваня. Ты отлично знал, когда рассказывал о недозволенных речах твоего друга и брата, что мы будем вынуждены его наказать. Мы его и наказали. А у истоков наказания стоял ты, голубчик.

— Я ничего не сделал! — почти закричал я. — Я не хотел!

— Да, да, не хотел, не волнуйся. Ты ни при чем. Лучше дослушай меня.

— Я не хочу дослушивать!

— Ты не понял. Я говорю о тебе и Даше. Мария Тихоновна

считает, что твой роман с Дашей мы должны поощрять. Смешно? Тебя не спросили, а уже влюбляют. Тебе смешно?

— Нет, не очень.

— Мне тоже не смешно. Они даже нашли лазутчика, союзника в моем лагере — Елену. Она тоже хотела изолировать тебя. Выделить из клона. Глупо, а я на нее так надеялся.

— Вы позволите мне увидеть Дашу?

— Во-первых, не только я принимаю решения. Как и большинство начальников, я могу запретить, но мне очень трудно что-нибудь разрешить.

— Вы их переспорили?

— Считай, что переспорил. Ты останешься в клоне.

А в спину мне он крикнул:

— Хотя нет ничего окончательного. Не падай духом, сынок!

Я подождал, пока он уйдет, потом попробовал сам проникнуть в женское отделение. Я подумал, что если у меня есть союзники, то они в женском отделении.

Но переходник в женское отделение был закрыт, и, когда я нажал на дверь, тут же изнутри раздался голос охранника:

— Что нужно? Вход без особого разрешения запрещен.

Я так и думал.

Надо подчиниться.

А я все больше сердился на Григория Сергеевича.

Это было неправильно, потому что еще вчера я был самым верным из его подопечных. Я искренне готов был отдать жизнь за благое дело. Неужели можно измениться так быстро?

Я возвратился в наше отделение, из бильярдной раздавались щелчки бьющихся друг о дружку шаров. Рыжий Барбос, как всегда, выигрывал.

И тогда я подумал: надо отыскать Марию Тихоновну. Если она не согласна с моим доктором, то может мне помочь.

Недавно еще я бы и в мыслях не посмел воспротивиться мнению Григория Сергеевича, а сегодня мне это решение показалось правильным.

Я спросил у охранника, как мне увидеть Марию Тихоновну.

Бесплотный голос, в котором мне хотелось уловить сочувствие, сказал:

— Мария Тихоновна отбыла на совещание в министерство. Звоните завтра после десяти часов утра по окончании обхода.

Нет, сказал я себе, отходя от двери.

Еще не все потеряно.

Есть другой путь на женскую половину — через палаты.

Я представлял себе расположение комнат и коридоров наше-

го корпуса. В основе своей Институт был старым зданием, построенным еще при Екатерине Великой. Но с тех пор его корпуса многократно перестраивались, доделывались, модернизировались, реставрировались и приходили в негодность. Сегодня центральная часть главного корпуса после евроремонта приобрела снова классический вид с фасадом о восьми колоннах. Но за пределами парадной лестницы здание было выпотрошено еще в тридцатые годы. Мне говорили, — а чего только не рассказывают ночью в палате, — что под Институтом есть подземные туннели, они выводят к Москве-реке или соединяются с «третьим метро», которое ведет от Котельнического дома под Яузой в Кремль.

Я понимал, что все это сказки, как и то, что в туннелях стоит охрана, стреляющая без предупреждения, но в каждой исторической фальшивке есть доля истины. Туннель может оказаться забытым чуланом, но и забытый чулан может кому-то пригодиться.

Но у меня хорошая зрительная память, к тому же мое любопытство уже увлекало меня в небольшие, ограниченные возможностями нашего брата, путешествия по коридорам.

Я знал, что между нашим отделением и бухгалтерией лежат три операционные. Они к нашим лабораториям отношения не имеют, хотя, конечно же, немыслимы друг без друга.

Там проводятся те операции, ради которых мы и существуем на свете. А именно — пересадка жизненно важных органов. Хирурги, которые работают там, к нашей клинике не относятся. Они приезжают чаще всего вместе с пациентами, потому что это крупнейшие специалисты в своей области и им нечего делать в нашем Институте, где пересадки проводятся от случая к случаю. Только для особо важных больных.

Чаще всего бригада хирургов привозит больного с собой.

Мы их не видим.

И хорошо. Что бы ни говорили о подвигах и славе, смотреть на людей в голубых халатах, наверное, подобно тому, как осужденный смотрит на красную одежду палача.

Операционных три, потому что они специально профилированы для совершенно разных типов операций, и я об этом говорить не буду. Не хочу, да и мало знаю.

Но вдоль операционных проходит служебный коридор и дальше, за ними есть комнаты отдыха для хирургов и боксы, в которых перед операцией лежат доноры и реципиенты. То есть те, кто отдает, и те, кто получает.

После операции реципиент остается на несколько дней в нашем Институте. А что касается донора — то порой изредка они возвращаются. Как Володичка. Если пересадка их не убила.

И они еще могут пригодиться человечеству. Но чаще они не возвращаются. Как Лешенька.

Где-то за операционными лежит в палате командующий ракетными войсками, Герой Российской Федерации и прочая, и прочая, прошедший плен в Афгане и Чечне, Александр Акимович. Герой. Гордость нации.

А что касается Лешеньки, то, вернее всего, некоторые его органы законсервированы, это идеальный материал. И Лешенька возродится не в одном — в нескольких людях, спасенных ценой его жизни. Вот так.

Дальше, за хирургическим, или трансплантационным, отделением находится хозяйственный корпус, он соединен с хирургией старым коридором. Там же расположены комнаты странного назначения, до которых руки не доходят, чтобы их утилизовать и привести в порядок. Например, за хирургией я сам видел пыльный «красный уголок» — небольшой зал с переходящими Красными знаменами, длинным столом, покрытым ветхой красной суконной скатертью, стульями из каменного века и длинными красными полотнами лозунгов по стенам и под потолком: «Слава советским медикам, добившимся решительных успехов в борьбе с туберкулезом!»

Там есть длинная комната, в которую притаскивают — грех же выкидывать! — старые койки и каталки. Они стоят там тесно и ждут войны или страшной эпидемии. Есть просто пустые палаты, подготовленные к ремонту. А в крайней я видел стремянку, ведра с высохшей краской и пилотку на полу, сложенную из газетного листа. Когда-то давно ремонт здесь все же начался, но, видно, о цене не сговорились или украинских гастарбайтеров выгнали из Москвы.

Я помнил о пути за хирургию, хотя дальше подготовленной к ремонту палаты не заходил. Но по моим расчетам получалось, что если за пустыми комнатами я смогу найти ход на верхний этаж, а еще лучше — на чердак, то смогу перейти в главный корпус, где и находится женское отделение.

Наверное, лучше всего пробраться туда поздно вечером или ночью, потому что тогда нет опасности встретить в коридоре случайного человека. Но ночью и охранники бдительнее: возможно, самые важные части коридора контролируются телевизионными камерами, как в американском фильме.

Нет, лучше идти сейчас, пока Институт живет и не собирается спать. И я буду надеяться на то, что в этой части здания всегда народу негусто.

К счастью, мы ходим по отделению в гражданской одежде — в

джинсах и различного вида куртках. Помимо нас в Институте работают или пребывают, очевидно, несколько сотен человек. И врачей среди них меньшинство. Впрочем, за пределами лабораторий и кабинетов многие предпочитают цивильный наряд.

Так что мне и притворяться не нужно. Идет по коридору техник или лаборант...

Я был прав.

Дверь из нашего отделения я открыл — не в первый раз. Время от времени кто-то из нас бегает в киоск на первом этаже или к автомату с кока-колой. Так что дверь между нами и боксами открывать мы умеем. Но в боксы не суемся. Это опасно, могут наказать. Если, конечно, в боксе кто-то есть.

Так что я прошел по коридорам быстро, не смотря по сторонам, на случай, если за мной наблюдают телекамеры.

У последнего бокса я чуть было не задержался.

Но устоял, поборол соблазн.

К матовой двери бокса была прикреплена стандартная табличка с надписью «А.А.Параскудейкин».

Нет, я не буду сейчас рисковать. А вот на обратном пути обязательно загляну в бокс. Я ощущал себя причастным к его спасению. Леша связан со мной теснее, чем просто брат, мы с ним идентичны. И если он отдал жизнь за человека, то и я частично отдал, ну если не жизнь, то что-то дорогое.

В одной из операционных горел свет, оттуда доносились женские голоса. Я решил, что там идет уборка — ведь операционные всегда должны быть стерильно чистыми. Мне не хотелось бы попасть в грязную операционную. Это не значит, что я надеюсь выйти оттуда, в конце концов это меня уже не будет касаться, но все же должны соблюдаться некие важные принципы. Не сочтите меня занудой, я дитя системы воспитания и образа жизни. Как говорится, какой режим, под тем и лежим.

Ободранная белая дверь открылась нехотя, будто знала, что мы с ней совершаем нечто нехорошее.

За ней находилась лестничная площадка, переход наверх был забран решеткой с висячим замком амбарного вида. Маршем ниже я оказался у стеклянной двери, за которой была больничная кухня. Одно из стекол в двери было выбито, и сквозь него тянуло запахом столовских щей, хотя вроде бы щами нас давно не кормили.

На кухне мне делать было нечего, а ниже был подвал.

Я вернулся на этаж хирургии, но сразу двинуться дальше мне не удалось, потому что санитарки, которые шли из операционной, устроили по пути горячий спор из-за салфеток. Я не вслу-

шивался в спор, только досчитал до шестисот, прежде чем они вдоволь наговорились.

Затем я быстро прошел мимо пустых палат и палат, в которых должен начаться ремонт. Миновал площадку главной лестницы и пошел дальше широким коридором мимо старинных палат по двенадцать коек в каждой. По коридору бродили ходячие больные, пробегали сестры, я даже не знаю, что это за отделение. Главное было — не потерять кардинальное направление...

6

Через полчаса я добрался до бассейна. В бассейне как раз купались девушки из клона. Дашу я узнал не сразу, потому что они плавали в шапочках, и все казались совершенно одинаковыми. Она меня сама узнала. И не удивилась. Она подняла тонкую длинную руку и помахала мне.

— Ныряй к нам! — крикнула она.

В бассейне гулко перекликались голоса, и поэтому ее голос не выделялся из прочих.

Весь зал высотой в два этажа с чередой окон под потолком был гулким и обширным, казалось, что такой громадине никак не поместиться внутри нашего скромного здания.

Никто не обратил на меня внимания.

Я сел на бортик и свесил ноги, носки моих кроссовок чуть не касались воды.

Она подплыла и сказала:

— Привет, я рада тебя видеть.

В глазах ее была настоящая радость. Даже такой тупой мужик, как я, ее заметил.

— Я тебя весь день искал, — сказал я.

— Я ночью стихи про тебя придумала.

— Расскажешь?

— Я забыла. Но это были хорошие стихи.

— Про любовь?

— Нет, про шпиончиков, дурак!

Нам было весело. Как будто больше ничего не угрожало. Вот, встретились, а теперь будем гулять сколько хочется.

— Ныряй, — предложила она.

— У меня плавок нет. Лучше ты вылезай.

— У нас скоро ужин начнется.

— Я тебя ждать буду за раздевалкой.

— У Раисы спрашиваться?

— Тогда тебя не пустят.

— Я совершеннолетняя!

Но она понимала, что не пустят.

— Уходи незаметно, — сказала она.

Там, на выходе из раздевалки, стояли деревянные скамейки. Я довольно долго ждал Дашу. Весь зад себе отсидел.

К счастью, никто раньше нее не вышел.

Даша вышла из раздевалки с сумкой в руке, одета, как вчера, только блузка другая, светло-коричневая.

И темные от воды волосы распущены по плечам. Очень красиво.

— Заждался? — спросила Даша.

— Не успел.

— Ты молодец, — ободрила она. — Не психуешь. Я бы на твоем месте умерла от ожидания. Куда пойдем?

— Ты лучше знаешь эти места, — сказал я.

— Нет, если ты пришел со своего крыла, значит, ты все посмотрел. А я что: отсюда на лифт — и в нашем отделении. Как ты думаешь, нельзя в сад пойти погулять?

За нашим Институтом есть старый парк, называется он садом, так принято. Нас туда водили несколько раз работать на приусадебном участке, но по одному ходить не разрешают, и Григорий Сергеевич доступно объяснил: из сада легко выйти на улицу. Мы же не привыкли к жизни в городе и можем погибнуть. Надо учитывать, что Москва — жестокое место, в котором есть опасное предубеждение против клонов. В прошлом, когда люди из самых первых клонов выходили в город и гуляли поодиночке, были случаи нападения и даже убийства. Об этом трудно говорить без волнения, но человечество еще не готово к встрече с людьми будущего. Так что для нашего же блага лучше, чтобы мы не встречались со случайными прохожими, особенно со скинхедами — это современные фашисты.

— Нас не выпустят, — сказал я. — У нас был один парень, Леша, он пытался выбраться в сад — у него был непослушный характер. Он выпрыгнул в сад из окна второго этажа, но его скоро взяли. Там спускают сторожевых собак, чтобы снаружи не пролезли бандиты.

— А где твой Леша? — спросила Даша. Почему ей вдруг захотелось о нем спросить?

— Он улетел, — сказал я. — В другую страну.

— Ты врешь, — сказала Даша. Одна бровь у нее была выше другой.

— Чего мы тут стоим? — спросил я. — Ждем, пока кто-нибудь придет и разлучит?

— Разлучит?

— Нам не рекомендовано общаться, — сказал я. — Механик тобой недоволен.

— Какой механик?

— Это из песни.

— Я ее не знаю.

— Когда ее учили, ты болела.

Даша насупилась.

— Ты опять шутишь?

— Да не шучу я! Была такая старая песня!

— Куда мы пойдем? — спросила Даша.

— В хирургическое отделение, — сказал я. — Там есть пустые комнаты, туда никто не ходит.

— Почему?

— Хотели ремонт сделать, но, видно, нет денег.

— Пойдем, — согласилась Даша. — Это далеко отсюда?

Мы пошли туда и вовремя, потому что как раз в тот момент из раздевалки стали выходить девушки из ее клона, и одна из них успела нас заметить и крикнула вслед:

— Дашка, ты с ума сошла! Скоро ужин.

Я потянул ее за руку.

— Ой, как нехорошо получилось! — проговорила она на бегу. — Варвара обязательно расскажет Раисе. Она у нее в клевретках.

Я не стал выяснять, кто такая клевретка. Слово, правда, было неприятное.

Я уже изучил дорогу верхним этажом, где ход на чердак и дальше — бухгалтерия. Рабочий день кончился, бухгалтерия опустела, двери по обе стороны коридора были заперты, но оставаться здесь не следовало, наверняка есть какие-нибудь сторожа.

Даша шла, вертя головкой — она никогда здесь не была, да вообще не бродила по нашему Институту. Женщины меньше склонны к путешествиям. Обратите внимание — все открытия сделаны мужчинами, которые мечтают покинуть дом и просыпаться черт знает в какой палатке. Мне даже порой жалко, что судьба не подарила мне возможности путешествовать. Я бы попросил Григория Сергеевича: разрешите мне один год попутешествовать, где захочется, а потом я вернусь и выполню свой долг. Нечто подобное как-то при мне сказал Марик. На что Григорий Сергеевич ответил примерно так:

— Голубчик, есть заблуждение, что молодые люди не хотят

умирать и боятся смерти. На самом деле все наоборот — у молодого человека впереди такая длинная жизнь, что ему кажется, будто смерти не существует. На самом деле старики боятся смерти куда больше. Она ведь рядом, она для них реальна. Им так хочется еще немного оттянуть момент прощания с этим миром! Тебе кажется, что если тебя отпустить в пампасы поскакать верхом на бизоне или задушить крокодила, то ты через год смиришься с конечностью жизни. Ничего подобного: я для того и защищаю вас от жизни, чтобы вы не привязывались к ней. Прости за определенный цинизм, но я сознательно держу вас на привязи в конюшне, откуда не жаль уходить на скотобойню.

Может быть, Григорий Сергеевич выражался не так определенно и жестко, но сейчас у меня было ощущение именно таких слов.

— Долго еще идти? — спросила Даша. — Я боюсь далеко отходить от отделения. Вдруг меня хватятся? Ты не представляешь, что будет, что будет!

— Ничего они с тобой не сделают.

— Кроме того, что не разрешат больше с тобой видеться и запрут меня в карцер.

— У вас есть карцер?

— Нет, конечно! У нас же гуманитарное заведение. Но так принято говорить.

— Гуманное.

— Что?

— Надо говорить гуманное заведение, а не гуманитарное.

— Нас так учили... А дальше я не пойду.

Навстречу шли двое мужчин.

Они двигались против света и показались мне очень большими и угрожающими.

— Постой, — сказал один из них, когда мы сблизились.

Даша так крепко схватила мою руку, что ее ногти впились мне в ладонь.

Бежать не имело смысла. За спиной был коридор с запертыми дверями.

Двумя пальцами парень держал листок бумаги:

— Как нам в шестьдесят седьмую комнату пройти, не подскажете?

— Не подскажу! — От внезапного облегчения я проникся презрением к этим парням.

— Ты чего?

— Не знаю я, неужели не ясно, не знаю я никакой комнаты!

— Да ты не кричи. — Рабочие были настроены миролюбиво, к

тому же чувствовали себя неуверенно — все-таки они оказались в больнице, где им попался некто строгий, то есть я. Рабочие остались за спиной.

— А что, если они сообщат о нас? — прошептала Даша.

— Что они могут сообщить?

Я сообразил, что мы проскочили пустую палату, где я хотел посидеть с Дашей.

Мы помчались дальше, в новый корпус, в хирургию.

Слева находилась палата с табличкой «А.А.Параскудейкин».

Я остановился.

Здесь было опасно. Сюда заходить ни в коем случае нельзя. Но так хотелось взглянуть на командующего. Я не могу объяснить, почему именно в тот момент мне понадобилось любой ценой поглядеть на человека, который унаследовал жизнь Лешеньки. Нет, не убил его — он и не подозревал, что получит жизнь ценой смерти молодого красивого человека, моего брата.

— Ты куда?

— Подожди. Я на секунду.

— Я с тобой.

— Я только взгляну на человека. Это знаменитый командующий. Я его видел только на портрете.

— Завтра увидишь.

Я уже ринулся к двери.

И отворил ее как можно бесшумнее.

Она скрипнула.

Палата была невелика. Койка оказалась выше, чем я думал, человек лежал на ней под углом — койка повышалась к изголовью. Из носа человека тянулась и пропадала за кроватью пластиковая трубочка. Рядом стояла капельница. У стены протянулись три или четыре прибора с дисплеями, на экране одного из них пробегали зеленые линии, взбрыкивая, как крутые морские волны.

Это все я увидел за секунду.

Еще я увидел лицо маршала авиации.

Это было не его лицо, чужое лицо.

Смуглое, крупноносое, губы наизнанку, глаза прикрыты, но между черных ресниц видны голубоватые белки, волосы завитые, пушкинские, баранья шкура окружает блестящую потную лысину.

Табличка на палате оказалась ошибочной.

Надо заглянуть в соседнюю, но из-за кровати уже поднялась сестра в голубой наколке и халате.

— Вы что здесь делаете, молодые люди? — спросила она вполголоса.

Я сказал:

— Простите, ошибка.

Я попятился, чуть не свалил Дашу и потянул ее назад по коридору. В пустой сектор.

Сестра не стала выходить за нами. Может, не испугалась, решила, что и в самом деле кто-то ошибся, бывает.

Я запыхался — все-таки надо больше двигаться и тренироваться. Даша и вовсе дышала, как загнанный кролик.

За окном уже темнело, комната от этого казалась больше, чем при дневном свете.

Там стояло четыре койки, с трех были сняты матрацы, и поблескивали голые пружины, зато на четвертой были матрац и одеяло, только без подушки.

— Ты хотел здесь посидеть? — спросила Даша. В палате ей не понравилось.

— А разве здесь плохо?

— У тебя распущенный тон.

— Не бойся, мы только посидим.

— Учти, — она подошла к постели, села на нее и немного попрыгала, чтобы понять, мягкая ли пружинная сетка, — я ненадолго.

Кровать заскрипела, как запела.

— Ты всех перебудишь, — сказал я.

— Я больше не буду. Ты чего-нибудь принес?

— Ты голодная?

— Я всегда после бассейна голодная. И вообще, я часто хочу есть. Во мне все слишком быстро перегорает.

— У всех у вас?

— Я самая активная.

Я сел рядом с ней, сетка подалась, и мы невольно сблизились, как будто съехали с двух горок навстречу друг другу.

— Осторожнее!

Она подняла ладонь, защищаясь от меня. Я поймал ладонь в обе руки. И мы замерли.

А потом я потянул к себе ее руку и поднес к губам. Я осторожно поцеловал ее.

Даша вздохнула, словно с облегчением.

Потом потянулась ко мне и коснулась губами моей щеки.

Но от нашего общего движения пружины совсем прогнулись и толкнули нас еще ближе, настолько, что мне пришлось обхватить ее руками, чтобы не свалиться.

— Ой, ну что ты делаешь! — прошептала Даша. А я стал цело-

вать ее щеку, висок, волосы, которые оказались мягкими и сильно пахли ягодным мылом.

— Что ты делаешь, — повторяла она, — ну что ты делаешь, сумасшедший? Ты слышишь? Ты же сумасшедший!

А потом она замолчала, потому что ее губы нечаянно встретились с моими, они были сначала сухими и даже жесткими, а потом стали очень мягкими, мокрыми и почти жидкими — я никогда не знал, что губы могут быть такими мокрыми и горячими, — обжечься можно.

Если какие-то мысли и скользили внутри головы, они почти не оставляли следа — это потом я задумался о том, какие горячие губы, и понял, что она шептала что-то, но ни слова не запомнил. И вообще, мои руки действовали помимо моей воли, потому что я отлично знал и верил в то, что девушке нельзя делать больно, порядочные люди не распускают рук. Почему-то это было заложено в голову, то ли пришло из загадочной родовой памяти, о которой не раз рассуждал Григорий Сергеевич, то ли было прочитано или увидено на экране.

Но почему-то мои пальцы добрались до ее груди, которая была тугой, но не твердой — ну как передашь словами эти ощущения, — меня так удивил твердый орешек — сосок, и захотелось отыскать второй сосок и даже поцеловать его, а она смогла проговорить:

— И не мечтай, не надо...

Потом она стала говорить:

— Ванечка, милый, ну пожалей меня, не надо сейчас, Ванечка!

Она уменьшилась, потому что вся уместилась в пределах и власти моего, ставшего гигантским, тела, и этому телу было необходимо отыскать вход, какой-то вход, отверстие в маленьком, горячем, податливом и не смеющем сопротивляться теле Даши, Дашеньки... Я почти преуспел в этом, потому что Даша, сопротивляясь, на самом деле помогала мне покорить, уничтожить, пронзить ее.

И вдруг — ну почему так случается?

Вдруг, когда моя ладонь почувствовала горячий, сухой мох под ее последней одеждой — я пишу как будто о другом человеке, потому что в те минуты я был другим, незнакомым самому себе существом, я избегаю называть какие-то части тела или действия известными и обычными словами, потому что тогда я забыл все эти названия и пользовался для самого себя образными сравнениями — кажется, такие слова зовутся эвфемизмами, они заменяют слова настоящие, но стыдные.

И вдруг Даша стала другой.

Она так испугалась, словно я пронзил ее раскаленным железным прутом. Она забилась, стала выскальзывать из-под меня, а так как я не был к этому готов, то она скользнула к краю койки, вырвалась и съехала на пол.

Я грохнулся сверху, но инерция во мне была столь велика, что я был готов домогаться ее.

А она совершенно трезво сказала:

— Ты мне делаешь больно.

— Даша, — взмолился я.

Она вылезла из-под меня.

Все наши действия и движения с этой секунды стали неловкими и некрасивыми. Два человека возились на пыльном полу, один из них старался вырваться и подняться, а второй не пускал...

Даша победила и оттолкнула меня так, что стало не по себе.

И встала.

И не сразу сообразила, что у нее до самого пояса расстегнута блузка, а лифчик разорван, поэтому тугая округлая грудь без стыда видна, как некий плод, сладкий и чистый.

Потом она поймала мой взгляд и стала быстрыми, но неверными пальцами застегивать блузку.

Я сидел на полу.

Потом поднялся, и с каждой секундой мне становилось все стыднее.

— Прости, — сказал я.

— Разве это любовь? — сказала Даша с укоризной. — Разве такая любовь у людей бывает? Ты мне понравился, и я думала, что у нас с тобой все будет очень красиво.

— Честное слово — прости! Я не хотел так.

Все. Она была застегнута, недоступна, она поправила волосы и спросила:

— У тебя зеркала нет?

А сама уже рылась в своей сумке. Это была спортивная сумка, с которой она ходила в бассейн. Из нее, как из матрешки, появилась маленькая черная сумочка, из нее — зеркальце.

— Мне пора идти, — сказала Даша. — Ты меня проводишь?

Когда мы вышли в коридор, она добавила:

— В отделение не провожай. Только выведи из вашей хирургии.

Мы медленно шли по коридору.

К Даше возвращалось хорошее настроение. Видно, теперь она меня не боялась и готова была простить.

— В конце концов, — вдруг заявила она, — ты не успел сделать ничего дурного.

— А я и не собирался делать ничего дурного.

— У девушки есть принципы, — возразила Дашенька. — Один из них — сохранение себя для продолжения рода. Именно для этого создан наш клон. Мы должны стать женами оптимальных мужчин. А я не знаю, прошел бы ты конкурс.

— Конкурс на жениха?

— Не смейся. Это очень серьезно.

— Ты уверена, что вас держат как консервы для женихов?

— А ты можешь предложить другую версию?

Я задумался. Конечно, соблазн был велик. Но я понимал, что Григорий Сергеевич прав. Для меня величие и смысл подвига заключались в жертвенности. Наш клон можно было назвать, будь нам свойственно чувство черного юмора, клоном имени Александра Матросова (был такой герой во время Отечественной войны, который закрыл собой амбразуру). Клон Даши существовал и объединялся на принципе жизни. Наше внутреннее противоречие заключалось в конфликте индивидуального стремления к жизни и социальной значимости смерти. Конфликт Даши был между определением спутника жизни, которого ей выдаст Мария Тихоновна, и желанием ее глаз и тела самой выбрать себе партнера. Вот и сейчас она толком не знает, можно ли поддаться голосу плоти или надо ждать распоряжения свыше?

Вам иногда может показаться, что я размышляю слишком умно и сложно. Но это ведь не только мои мысли, это и мысли моих генетических родителей, унаследованные мною в неполной и порой уродливой форме. Я сам не знаю, откуда вдруг во мне возникают слова, фразы и обрывки мыслей, которых, по здравом размышлении, во мне и быть не может.

Я ловлю себя на том, что я — узурпатор. Даже мысли краденые.

Наверное, поэтому я не имею права на долгую жизнь.

— Ты о чем задумался? — спросила Дашенька.

Глаза у нее горели — мы вышли в коридор, под потолком которого тянулись рядком маленькие яркие лампочки. Вот глаза и отражали их.

Когда мы проходили мимо кабинетов бухгалтерии, Дашенька вдруг спросила:

— А мы еще встретимся?

Вместо ответа я поцеловал ее. Так обрадовался. Не ожидал этих слов. Но этот поцелуй был скорее нежным, чем страстным. Вы понимаете разницу?

— Погоди, — сказала Даша. — Кто-нибудь обязательно пойдет мимо.

— Ну и пускай! — Мне в тот момент и в самом деле было все равно. Я бы не испугался и самого Григория Сергеевича.

— Я скажу Марии Тихоновне, что выбрала тебя в свои мужья, хорошо?

— Погоди, — попросил я.

— Ты не хочешь?

— Я очень хочу. Но я ведь тоже не совсем себе принадлежу. И нам могут запретить встречаться.

— Я очень сильно попрошу!

— Твоя Мария Тихоновна моему доктору — не указ.

— Ты уверен?

Она даже остановилась посреди коридора.

— Боюсь, что так.

— Значит, я не смогу выбрать тебя? Тогда мы убежим отсюда.

— Куда?

— Туда, где можно быть со своим любимым человеком.

— Я не знаю такого места.

— Ваня, дорогой. — Она стала сразу куда старше и мудрее меня. — Мир не заканчивается этой клиникой. А мне кажется, что ты всю жизнь прожил здесь, не выходя на улицу. Люди летают на Луну, кидают бомбы, изобретают компьютеры, а ты сидишь здесь и чего-то ждешь. Ты ведь даже не рассказал, для чего готовили твой клон. Неужели просто так? Никто не живет просто так. У каждого человека есть цель. Даже если ему кажется, что цели нет. Но от тебя зависит очень многое, правда?

У нее была такая милая для меня манера, совсем как у англичан, задавать одним словом вопрос в конце фразы. «Правда?» — говорила она.

— Мне хочется, чтобы ты меня целовал. Видишь, какая я искренняя? Я тебе честно скажу, только не смейся, мне очень хотелось там, на кровати, чтобы ты все сделал, что хотел сделать... Да не красней ты, умоляю! Но я не могла тебе позволить потому, что сама еще не решила, и еще потому, что я очень обязана всем, даже жизнью, Марии Тихоновне. Я не могу обмануть ее доверия. Но я смогу переубедить ее, если она приготовила для меня другую участь.

Мне хотелось сказать: «Голубушка, девочка, твоя участь куда

хуже, чем тебе кажется. И это не выбор мужчины, а выбор жизни или смерти».

— Сколько вас в клоне? — спросил я.

— Десять, — сказала Даша. — А почему ты спрашиваешь?

— И всегда было десять?

— Нет, сначала было пятнадцать. Пятеро уже устроили свою судьбу.

— Ты их видела после этого?

— Это же невозможно! Они в других городах и даже странах. Давай говорить о нас, а не о других.

— Я просто думал, где тебя искать, если тебя отдадут замуж в Австралию?

— Это шутка?

— Шутка.

— Ты слишком часто шутишь. Иногда я даже не представляю, верить тебе или нет. Ну, что ты придумал?

— Скажи, когда вы будете в следующий раз в бассейне?

— Сегодня среда? Значит, в субботу.

— Я не дотерплю!

— Еще как дотерпишь, — возразила Дашенька. — Но попрошу ни с кем больше на свидания не ходить.

— Слушаюсь, мой женераль!

— Я могу быть ужасна.

— Я чувствую.

— Можешь меня поцеловать.

— А обнять можно?

— Ваня, ну кончай свои шутки!

И мы целовались еще минут десять или двадцать, хорошо еще, что все ушли из бухгалтерии.

7

Когда я проходил мимо хирургии, мне захотелось снова взглянуть на того человека, но я не успел этого сделать, потому что в коридоре меня поймал доктор Блох.

— Ну, ты молодец! — сказал он с улыбчивой угрозой. — Все с ног сбились — куда делся наш активист?

— Почему сбились?

— Кто-то не явился на ужин, при условии, что наши апартаменты куда как уступают Тауэру, никуда в них не скроешься. А вот ты скрылся.

Блох засмеялся.

Я боялся его куда больше, чем Григория Сергеевича. Вернее, главного врача я не боялся, а уважал. А Блох был недобрым.

— Ты хочешь, чтобы к тебе приняли меры? — спросил Блох. — И жить торопимся, и чувствовать спешим.

— Я в бассейн ходил, — сказал я. — В бассейн.

— Купался? Без плавок?

— Я смотрел. На девушек смотрел.

— И чего увидел? Вернее, кого увидел?

Я постарался не бояться. Я спросил, как будто ни в чем не был виноват:

— А где Григорий Сергеевич?

— Он давно тебя хватился. Иди в кабинет...

А когда я отошел, он повторил с издевкой:

— На девушек смотрел... Эстет!

Я хотел заглянуть к нам в спальню, потом решил — лучше не буду откладывать. Открою Григорию Сергеевичу правду. А может, не говорить правду? Может быть — как получится.

Григорий Сергеевич у себя в кабинете сидел за столом и разыгрывал задачку на шахматной доске.

— Голубчик, — сказал он. — Ты загоняешь себя в непроходимые моральные дебри. Ты подумал, что эту девочку завтра могут позвать на Голгофу? Или труба выкрикнет твое имя?

— Любой человек живет точно так же, — сказал я, словно говорил не я, а кто-то втрое умней. — Начнется землетрясение...

— Не люблю философов, — сказал Григорий Сергеевич.

— Кто был моим отцом? Моим биологическим отцом?

— Излишняя информация.

Он закурил. Он курил через длинный металлический мундштук — в этом мундштуке было нечто старомодное и неестественное, словно лорнет.

— Ты лишил ее невинности на койке в пустой палате? — спросил он.

— Я никого ничего не лишал.

— Жаль, — сказал доктор. — Значит, тебя плохо учили.

— А кто тот человек в палате?

— Палата пустая.

Мы говорили о разных палатах.

— Это не маршал Параскудейкин.

— Я его не знаю в лицо.

Мой доктор врал. Почему?

— Но спутать невозможно!

— Генерала сразу же увезли в центральный госпиталь Министерства обороны.

У его сигарет был особенный дурманящий запах. Григорий Сергеевич не курил вне своего кабинета.

— Надо будет взять тебя ко мне на дачу. Ты ведь никогда не ходил по грибы?

Я пропустил его слова мимо ушей.

— Позвольте мне видеться с Дашей, — попросил я.

— Сомневаюсь, что это разумно.

— Даже если мне суждено пожертвовать собой...

— Не преувеличивай своей роли. — Григорий Сергеевич пустил душистый дым мне в лицо, даже голова закружилась. — Ты ведь орудие справедливости.

— Но пока я жив, я могу любить, — взмолился я.

— Ты хочешь слишком многого. Ведь и ей никто не позволит играть с тобой в любовь.

— Я не согласен, — сказал я.

Я сдерживался, потому что не смел объявить доктору войну. И не был уверен, что меня поддержат братья. Вернее всего — нет.

— Я прошу вас, подумайте еще. — Голос мой был приниженным и даже умоляющим. Поверит ли он мне?

— Иди, — сказал Григорий Сергеевич, — еще не вечер.

Был глубокий вечер.

Пора спать.

Барбосы находились в спальне, они уже легли.

— Ты где был? — спросил Рыжий. — Ты ее нашел?

Я разделся, не зажигая света.

— Вы ему верите? — спросил я.

— А кому верить? — спросил Черный Барбос.

— Я не могу себе простить, что не поверил Алексею, — сказал я.

— Все знают, что ты на него настучал, — сказал Рыжий Барбос. — И они послали его вместо Олега. Все знают, что виноват ты.

— Я попался. Меня подставили.

— Как знаешь, — сказал Барбос.

— В палате маршала лежит другой человек.

— А что? — спросил Рыжий Барбос.

— Может, и здесь нас обманули?

— Зачем нас обманывать? — спросил Черный Барбос. — Мы же согласны.

— Мы заранее согласны, — сказал Рыжий.

Я лег, но не спал. Я знал, что попробую еще один ход. Может, получится. А может — нет.

8

Когда Мария Тихоновна пришла к себе в кабинет, как раз пробило восемь.

К тому времени я просидел за шторой в кабинете три часа. В пять я вышел из нашего отделения. Это лучшее время. Даже охранники спят.

Если не разбудишь дежурную сестру, то в любое место Института можно пройти незамеченным.

А кабинет Марии Тихоновны находится в углу второго этажа, высокого, старинного, но все равно только второго. И если вылезти на широкий карниз из женского туалета, то через три минуты ты в кабинете, при условии, что окно не заперто.

Окно было открыто.

Когда она вошла, то сразу уселась за письменный стол и включила компьютер.

Я вышел и издали, чтобы не испугать, тихо сказал:

— Извините, Мария Тихоновна, не сердитесь на меня.

Она вела себя как героиня американского фильма.

— Ты один из юношей Григория Сергеевича? Прости, но я вас не различаю.

— Меня зовут Иван, Ванечка.

— Вспомнила. Ты влюбился в мою Дашу. И вчера украл ее из бассейна, за что она сегодня наказана. Мне нужно обследовать ее?

Я не сразу сообразил, что она имеет в виду, и облик у меня был, наверное, глупый, потому что Мария Тихоновна рассмеялась и сказала:

— Между вами не было ничего платонического, только если очень увлекались.

— Василий Аксенов, — сказал я. — Кажется, «Затоваренная бочкотара».

— Ты читал?

— Не знаю. Может, мой отец читал.

— Господи! Если бы не эта чертова бедность! — воскликнула Мария Тихоновна. — Вас надо изучать, как новые планеты! Это же удивительные случаи генетической наследственной памяти! Мы обращаемся с вами, как будто колем орехи паровым молотом.

— Вы знаете, что Григорий Сергеевич все нам рассказывает?

— У нас с ним разные принципы, — сказала Мария Тихоновна.

У нее было круглое розовое и доброе лицо. И волосы она не

красила, потому что ближе к вискам была видна проседь. Впрочем, брюнетки раньше седеют.

— А кто наш отец? — спросил я.

— Вряд ли тебе это пригодится. — Мария Тихоновна ушла от ответа.

— Я пришел к вам с просьбой, — сказал я.

— Знаю. Ты будешь сейчас просить меня, чтобы я, вопреки мнению Григория Сергеевича и повелению дирекции, разрешила вам с Дашей встречаться.

— Ведь мы же люди! — взмолился я. — Люди, а не подопытные кролики.

— Вы — подопытные люди.

— Разве вам не стыдно?

Мария Тихоновна удивилась.

— Гриша говорил мне, что его метод дает замечательные результаты. Если надо взрезать вены, вы всегда это сделаете сами ради жизни на Земле. Он прав?

— Вчера был случай, — сказал я. — Леша, Алексей, один из нас, был не согласен. Он стал спорить. Он стал говорить, что Григорий Сергеевич получает деньги за наши органы.

— Он это говорил доктору?

— Он говорил это мне. А я передал доктору.

— Святая простота. Знаешь, кто такая — святая простота?

— Она... кажется, она кидала хворост в костер?

— На костре был Ян Гус, это были его последние слова.

— Вы уже догадались?

Пальцы Марии Тихоновны летали над клавишами. По дисплею компьютера побежали строчки.

— В последний момент пришлось заменить донора, — прочла она. — По медицинским соображениям.

— Так раньше не было.

— Раньше и не бунтовали. А это опасный сигнал. Идеальная система вашего доктора пошла трещинами.

— Можно мне встречаться с Дашей?

— Я бессильна помочь тебе.

— Тогда я пойду сам!

— Далеко не уйдешь. Тебя выдадут твои же братья. Тебя не пустит охрана, ты полностью во власти... в нашей власти.

Когда она сказала последние слова, ее лицо исказила презрительная гримаса.

Вдруг она, опираясь на ладони, поднялась над столом, словно ей было невмочь поднять тяжелое тело.

— Не исключено, — сказала она, — не исключено, что сегодня или завтра может быть принято решение — нам понадобится одно сердце. К нам поступает Травиата.

— Какая Травиата?

— Певица, эстрадный идол.

— Сама Травиата!

— Даже ты знаешь.

— Но почему Даша? Вычеркните ее!

— Я постараюсь это сделать. Но именно ваш с Дашей вчерашний поход в пустую палату и побудил Григория Сергеевича выбрать из моих девочек именно ее. Так он бережет невинность своего клона.

— Вы шутите? Этого не может быть!

— Я вообще не умею шутить, Ваня.

— Я тут же скажу ей!

— Прошу тебя, не надо этого делать. Ради тебя самого.

— Почему?

— Она уверена: все, что мы делаем, совершается ради ее блага и блага других девочек. Ради приплода, выведения новой людской породы... Я шла на то, чтобы девочки гибли. В конце концов наш Институт создан, чтобы спасать лучших людей нашей страны. Что мы и делаем.

— И вы всегда об этом знали?

Нет, у нее не такое уж и доброе лицо.

— Ради некоторых этических и даже политических проблем приходится идти на жертвы. Наверное, молодому человеку, который зарубил альпенштоком Троцкого, тоже являлись кошмары. Но он просидел в тюрьме, потом получил звание Героя Советского Союза.

— Меркадер, — сказал я.

— Может быть, не помню. Ты перестань в конце концов тыкать мне в лицо своей эрудицией.

— Так вы готовы обрекать девушек на смерть?

— Просто девушек ради великих людей. Есть понятие ценности для коллектива, для страны... Как выйдешь из моего кабинета, поверни направо. Сейчас ты не сможешь ее увидеть — подъем, зарядка и так далее. Ровно в три, в мертвый час, будь в той, вчерашней палате.

— Спасибо!

— Рано благодаришь. Я не знаю, будешь ли ты благодарен мне завтра. Теперь уходи. Меньше всего я хочу, чтобы тебя здесь увидели. И учти, если ты проговоришься хоть одной живой душе, у

меня будут неприятности, а тебя сразу отправят в прозекторскую.

Я пошел было к себе, но не удержался и от двери обернулся, как оборачивается детектив Коломбо, и спросил:

— Я видел другого человека, а на табличке написано, что там маршал. Это ошибка?

— Считай, что ошибка, — сказала Мария Тихоновна. — Ошибка воспитания. Наш Институт, как ты знаешь, не богат. Иногда появляются коммерческие больные. В редчайших случаях. Когда речь заходит об астрономических суммах. По крайней мере, твой кумир Григорий Сергеевич кладет эти деньги не в карман, вернее, преимущественно не в свой карман.

— Они оперировали другого человека?

— Маршал неожиданно скончался за час до операции. Другой пациент тоже достоин операции. Это крупный банкир из Средней Азии. И я уверена, что он не менее ценная фигура для страны, чем один из полусотни маршалов.

— Нет! Что вы! — возмутился я. — Он же герой. Он вывел наши части из Афгана.

— Я преклоняюсь, — сказала Мария Тихоновна. — Однако тебя прошу уйти немедленно. И бегом. Ну!

И я поспешил к себе. Я как раз успел к подъему.

Если кто и заметил мое отсутствие, так только Барбосы, но они железные молчуны.

Мы умылись, сделали зарядку, прошли утренние процедуры, занялись своими делами...

Мне надо было дождаться мертвого часа.

И забыть наконец, что есть на свете певица Травиата! Да знаю я ее! Рот до ушей, глаза — тарелки и разные парики. Неужели у такой пигалицы больное сердце?

Да забудь ты о ней... это все пустые слова, Мария Тихоновна пугала меня.

9

В этот день мы лишились Володички.

Это на нас плохо подействовало.

Ему помогла умереть Лена. Она не отрицала, что сделала ему укол. Только уверяла начальника службы безопасности Института, что давала обезболивающее, но ее позвал кто-то из мальчиков, она забыла кто. А шприц оставила на тумбочке. И Володя заменил в шприце жидкость.

Мы подслушивали из перевязочной, там когда-то в стене был сейф с наркотиками. Потом сейф убрали, нишу заставили шкафом, а кто-то из наших ее отыскал. За стенкой был кабинет Григория Сергеевича.

— Вы подозревали, что такое может случиться?

Начальник службы — отставной полковник из органов. У него узкое скучное лицо, словно он до своего докопается, а вообще-то ему все равно, докопается он или нет.

— Он ждал такого момента, — сказала Лена. Мы не видели ее лица, но по хриплому голосу было понятно, что она долго плакала. — Он бы все равно это сделал. Он так мучился.

— Вы не использовали обезболивающие? — спросил полковник у доктора.

— Мы не хотели вторгаться в функции организма. Он мог еще послужить донором.

Лена заплакала.

— Ну, успокойтесь, успокойтесь, — сказал полковник. — Надеюсь, что служебное расследование установит вашу невиновность.

— Он больше не мог ждать, — всхлипнула Лена.

— И это тоже лишь рассуждения, — сказал Григорий Сергеевич. — Володя был замечательным, мужественным человеком, он нес свой крест достойно, и нечего его оплакивать.

— Даже кошку оплакивают, — возразила Лена.

— Нам придется расстаться с вами, — заявил доктор.

— Я и сама хотела подать заявление об уходе, — сказала Лена.

— Разумеется, с подпиской о неразглашении, — напомнил полковник.

— Хоть десять расписок! — крикнула Лена.

Нам было слышно, как она пробежала по кабинету, как хлопнула дверь.

— Ты куда? — спросил Василек у Рыжего Барбоса. Тот оставил дверь в коридор открытой. И всем было видно, как он перехватил Лену в коридоре у двери.

— Лен, — сказал он. — Не уходи. Ты понимаешь, что тебе нельзя уходить?

— Они меня не оставят, — ответила Лена, как будто ждала этих слов Рыжего Барбоса. — Они меня уберут.

— Из Института? — спросил Черный Барбос, который, конечно же, вылез в коридор за Рыжим.

— Вообще уберут, — сказала Лена.

Я тоже увидел ее от дверей. Лицо ее распухло, а глаза сделались красными.

— Мы тебя не отдадим! — воскликнул Рыжий Барбос.

— Молчи! Ты меня совсем погубишь. — И Лена кинулась бежать по коридору.

Я метнулся обратно к нише, мне хотелось узнать, о чем они говорят. Но речь шла не о Лене. Полковник сказал:

— Я его паспорт вам принесу, чтобы заключение о смерти написать.

— А что писать?

— Как будто не знаешь, доктор. Остановка сердца, диабет. Ну, что ты там обычно пишешь.

— Хорошо, — согласился Григорий Сергеевич, — я буду у себя.

— Ты не расстраивайся, — сказал полковник. — Новых настругаешь.

— Иди уж, — сказал доктор. — Глаза б мои тебя не видели.

— Разбегайся! — сказал я братьям.

Барбосы влетели в перевязочную и закрыли за собой дверь.

— У нас есть паспорта, — сказал я. — Вот никогда не видел.

— А что мы, не люди, что ли? — заметил Василек.

— Это Ленка сделала? — спросил Рыжий Барбос.

— Конечно, Ленка, Володичка так просил ее, — сказал Василек.

— Почему? — воскликнул я. — Раньше ведь не просил.

— Ленка узнала, что для него готовят операционную. Его глаза понадобились.

— А я не знал, — сказал я.

— А ты за своей телкой бегал, — процедил Василек. — Скоро совсем забудешь, как мы живем.

— Не завидуй, — посоветовал я. — Чему тут завидовать?

— Чему? Ты лучше знаешь. — Василек был недоволен.

Хотя не знаю чем.

— А тебе кто мешал бегать? — спросил его Рыжий Барбос. Барбосы мне ближе других, может, потому что живем в одной палате.

Потом я пошел в столовую посмотреть на часы. Время двигалось слишком медленно.

10

В три я был в пустой палате.

Знаете, чем я занялся? Стал искать телеглаз. Наблюдают или нет? Я знаю, что наблюдение идет далеко не во всех палатах, по-

тому что у Института на все не хватает денег. И куда они деваются, догадаться трудно. Слишком много вариантов.

Вроде ничего нет. Просто пустая палата.

Если бы я нашел тележучка, значит, Мария Тихоновна сговорилась с моим врачом, и тогда вся ее доброта — ловушка.

Но тележучка не было.

Или я плохо искал.

Я лег на койку, на ту же самую, и мне казалось, что на ней остался запах Дашки.

Я слышал, как по коридору изредка проходили люди. И ждал, что шаги остановятся перед дверью.

Но дверь открылась неожиданно. Оказывается, Дашка была в тапочках, подошла беззвучно.

Она надела платье.

Под мышкой она держала сверток.

— Я уж думал, что ты не придешь, — сказал я.

— Помолчи, — ответила Даша.

Она закрыла за собой дверь и кинула сверток на койку. Я приблизился к ней, но не посмел дотронуться. Она тоже смутилась.

Оттолкнула меня и подошла к окну. Окно было забрано вертикальными прутьями.

— Меня сегодня отпустили на два часа, — сообщила Даша. — С чего вдруг?

— Я вчера был у твоей Марии Тихоновны.

— Как странно. А почему она меня отпустила?

— Она не согласна с Григорием Сергеевичем.

— Она решила нам помочь?

Сегодня Даша была совсем другой. Вчера она следовала за мной, она была девочкой, пустившейся в шалость.

— Ты недовольна?

— Рискованно было идти к Марии, — сказала Даша. — Ты ведь ее не знаешь. Ее никто не знает.

— Другого выхода не было, — оправдывался я. — Куда деваться? Я же хочу тебя видеть!

— Я боюсь, — сказала Даша. — Мне кажется, что это — ловушка.

Я понимал: все это не просто ловушка. Если бы Даша могла понять, в чем ее жизненная функция, она бы поняла и позицию Марии Тихоновны. Но Григорий Сергеевич прав: нельзя сказать любимой девушке, что она — набор органов для трансплантации. Просто набор органов до востребования. Она бы не поверила и первым делом возненавидела меня.

Я подошел к ней сзади.

Я взял ее за плечи. Она чуть откинулась назад, и я ощутил тяжесть ее тела.

Я поцеловал ее в затылок. Он был теплый, а ниже на тонкой шее были завитки прядей, которые не уместились в хвостике.

Я повернул Дашу к себе.

Она поцеловала меня. Долго-долго.

Я снова начал терять голову, моя рука накрыла ее грудь и сжала ее.

— Погоди, — сказала Даша. — Закрой дверь.

— Разве она закрывается?

— Я не хочу, чтобы кто-то вошел.

Сегодня она командовала мною и не скрывала этого.

И во мне росло сладкое желание подчиняться Дашке.

Я закрыл дверь на задвижку. Даже странно, что там оказалась задвижка — в палатах не делают запоров.

Даша развернула большой сверток, что принесла с собой.

С ума сойти!

В нем были простыни и одеяло. Честное слово.

Она ловко взмахнула простыней, та расправилась и легла на койку. Даша стала заправлять край простыни, а мне велела упрятать одеяло в пододеяльник.

Мы с ней устраивались спать.

— Напротив есть туалет, ты не видел? — спросила Даша. Она сняла с хвостика резинку, и волосы рассыпались по плечам.

— Пойди ополоснись, — велела она. Я послушался ее. В туалете висело чистое полотенце, и на краю рукомойника обнаружился кусок мыла.

— Это ты принесла? — спросил я.

— Да. Раздевайся, — сказала Даша, — я скоро вернусь.

Она убежала в туалет.

Я медлил. Неловко раздеваться днем, в чужой палате. Так не делают. По крайней мере так не делают взрослые люди, оставшись наедине с девушкой. Это неприлично.

Я не знаю, откуда я взял, что это — неприлично.

Я сидел и ждал ее.

Я чувствовал, как бежит наше время.

Она вернулась в халатике, волосы были мокрыми спереди, в палате чуть пахло карболкой, сквозь полузадвинутую выцветшую занавеску пробивались солнечные лучи, и в них колебались тысячи пылинок.

— Ты не разделся?

— Нет. — Я вдруг обиделся на нее. Подчинялся, подчинялся, а тут обиделся. — Я не знаю, зачем мне надо раздеваться.

— Так надо! Чтобы было все, как у людей, а не по-собачьи.

Она подошла ближе и встала между мной и окном. Солнце подсвечивало ее волосы, и они были окружены золотым ореолом.

Ее голос дрогнул, потому что она не ожидала такого от меня и, видно, сама не была уверена, что поступает правильно.

— Тебе так приказали? — спросил я.

— Мне никто ничего не говорил.

— А где простынки выдали?

— Я сама взяла у сестры. А если ты имеешь в виду Марию Тихоновну, то мы с тобой должны быть ей благодарны. Конечно, сестра не дала бы мне простынок, если бы Мария не подсказала. Теперь ты доволен?

— Дашка, — сказал я, — ты мне очень нравишься...

— Но иначе?

— Иначе. Может, нам с тобой нельзя будет встречаться...

— Я тоже об этом думала. И поэтому тебя совсем не понимаю. Убей, не понимаю. Я так хотела, чтобы лучше...

— Но мы с тобой не женимся?

— Почему? В этом цель моей жизни, — заявила Даша. — Моя цель — родить ребенка и делать все, чтобы моему мужчине было приятно. Может, другие хотят делать приятно многим мужчинам или многим детям, но ведь разница только в количестве? Наверное, я очень глупая, но мне хочется жить вот так! И ты первый мужчина, который мне так понравился, что я захотела тебя пустить внутрь!

Она шлепнула себя ладошкой по животу, и это был детский жест, вовсе не связанный с любовью.

Наверное, все, что она говорила, было правильно.

Но я понимал: она несет эту чушь, потому что на самом деле совсем неопытна и не знает, как себя вести. И, вернее всего, ее научили, как надо себя вести. И даже, может быть, ей сейчас в тысячу раз страшнее, чем мне.

Я все это понимал, но страшно злился. И даже объяснить не могу, почему я разозлился на ее слова.

А может быть, я и сам испугался. Как будто человек идет на какую-то страшную жертву ради твоего удовольствия, а ты должен эту жертву принять, а потом тебе станет стыдно.

— Давай лучше поговорим, — предложил я.

— Ты не хочешь, чтобы я стала твоей женой?

Она отступила на два шага, там оказалась незастеленная койка, и Даша опустилась на нее — поднялась пыль, страшно заскрипели пружины. Она вскочила, перепугавшись, и крикнула:

— Ну вот! Ты во всем виноват!

Край халатика попал в ржавую пружину, Даша рванулась, как из пасти злой собаки, халатик затрещал и разорвался.

Я кинулся ей на помощь, хотел освободить край халатика, но девушка со всего маху ударила меня по щеке.

— Уйди! Это все из-за тебя, дурак! — кричала она. — Это же не мой халатик! Мне его Машка дала! Что теперь будет, что теперь будет!

Даша стала быстро собирать с постели простыни, сорвала наволочку с подушки и быстро свернула белье в скатку, потом подхватила сумку, платье, все падало у нее из рук, как у клоуна на арене, который таким образом смешит зрителей. Мне было совсем не смешно, но и останавливать ее я не стал — что бы я сейчас ни сделал, она все равно еще больше рассердится.

— И как я могла! — повторяла Дашка. — Как я могла быть такой дурой! Не подходи ко мне!

Я не подходил и молчал, чем еще больше ее злил.

В конце концов — хотя прошло-то, наверное, не больше минуты — она собрала в охапку все свое добро и кинулась к двери. Еще несколько секунд она воевала с задвижкой, потом вылетела в коридор и почему-то заявила оттуда:

— Никогда!

Кажется, так говорил ворон в стихотворении Эдгара По.

Невермор!

11

Я не хотел возвращаться в наше отделение.

Мне все было противно.

Потому что жизнь прошла и кончилась неудачно. Надо было сказать Даше, каких мужей и детей подготовила ей судьба в лице очаровательной Марии Тихоновны. Но жалко человека.

А меня кто пожалеет?

За последние два дня я преодолел в себе страх перед Институтом. Меня воспитали таким робким: за пределы отделения — нини! Нечего нам там смотреть. Мы — супермены, мы — герои! Паспорта? Какие еще паспорта? Мы живем в центре мира и не желаем его по пустякам покидать.

Здорово нас воспитывал Григорий Сергеевич!

Я поймал себя на том, что готов занять место скептика Лешеньки.

Значит, не так уж глубоко мы были кондиционированы, если я стал другим в считаные часы.

Теперь я уже не боялся.

Я не спеша шел по коридору. Не таясь, заглянул в палату к маршалу.

Рядом с ним у приборов дежурила молоденькая, незнакомая мне сестра.

— Как его фамилия? — спросил я, будто мне положено было задавать такие вопросы.

— Господин Муслимов, — пискнула сестра. — Акбар Махмудович.

— Правильно, — сказал я. — Коммерческий пациент?

В палате было полутемно, чтобы свет не мешал реципиенту.

— Я не знаю, — сказала сестра. — Спросите у завотделением.

— Спасибо, — кивнул я.

И сразу исчез, чтобы не отпечататься в ее памяти. Впрочем, это уже не так важно.

В следующей операционной горел яркий свет.

Дверь приоткрылась, и, когда оттуда выходила хирургическая сестра, я увидел в щель самого Костандиева — ведущего хирурга. «Он — господь бог трансплантации, — сказал как-то про него Григорий Сергеевич. — Он берется только за сложнейшие операции».

Что случилось?

Неужели «Наутилусу» суждено лишиться еще одного матроса? Кто из нас? Почему мне не сказали?

Я поспешил в отделение.

Только не я!

Я испугался?

Да, я испугался. До сегодняшнего дня мне было все равно — умереть или жить. Лучше погибнуть настоящим самураем. А теперь я хочу жить?

Я очень хочу жить.

Я буквально ворвался в наше отделение.

На табуретке возле кладовки сидела, скорчившись, санитарка Оксана. Она тихо плакала, и ее узкие плечи крупно дрожали. Я даже не сразу ее узнал.

— Ты что? — спросил я.

— Иди, дурачок, иди, — ответила она не сразу.

Что еще случилось?!

Должно было что-то случиться. Мой мир начал рушиться, а я ехал верхом на лавине и знал, что в любой момент она накроет меня с головой.

— Ленку жалко!

— Кого?

— Ленку нашу.

— Что случилось?

— Под машину попала.

— Когда?

— А как «бегунок» оформила, вышла, и тут же на улице, перед больницей... И сбежал, гаденыш. Даже номера никто не запомнил! Ну кто на такой скорости по центру ездит? Их же вешать надо!

Только что, утром, она говорила с доктором. Ее уволили.

И сразу погибла?

И никому ничего о нас не расскажет?

Я хотел, чтобы она рассказала?

Да, оказывается, я этого хотел. В глубине души я надеялся, что Лена не станет молчать. Ведь если она сделала Володичке укол, она уже решилась.

Ребята собрались в нашей спальне.

Десять человек.

Нас осталось всего десять... Десять негритят резвились на просторе. Один из них утоп, ему купили гроб...

— Ты про Ленку слышал? — спросил Рыжий Барбос.

— Оксана сказала. Для кого готовят операционную?

— Готовят? — Я их удивил. Они об этом не слыхали.

Василек сказал:

— А ты, Иванушка, сходи к своему доктору. Ты же с ним дружишь! Он тебе и скажет: нужна нам головка Рыжего Барбоса.

— Помолчи! — рассердился Барбос.

— Я не дружу с доктором, — отрезал я. — Я ваш брат.

— А я уж начал сомневаться, — сказал Василек.

— Не лезь к Ваньке, — сказал Черный Барбос. — Будем между собой кусаться, им легче будет нас сожрать. Они же бессовестные.

Кто-то должен был первым сказать такое слово.

Слово упало как камень.

Но не разбилось.

Только пол прогнулся.

— Они Ленку убили, — сказал Костик.

— Может, случайность, — засомневался Барбос. — Она отвыкла ходить по улице. Все-таки год на казарменном положении.

— А они разве не выходят? — спросил Василек.

— Мне кажется, что только доктора могут выходить. Но точно не знаю.

Мне хотелось повеситься. Сначала Дашка с ее глупой свадьбой, потом Лена, да к тому же собственные братья относятся к тебе как к врагу.

— Для кого же готовят операционную? — подумал вслух Василек. — Может, ты, Иван, сходишь спросишь?

— Ну почему я?

— Не обсуждается, — заявил Костик.

Я пошел в ординаторскую. А почему я должен стесняться? Речь идет о нашей жизни.

До ординаторской я не дошел, потому что в коридоре сразу встретил доктора Блоха.

Он брел, глядя под ноги. И чуть пошатывался.

— Простите, — сказал я. — Для кого готовят операционную?

Он не ожидал услышать мой голос и не увидел сразу. Его шатнуло, и он оперся ладонью о стену.

— Операционную? Мне не доложились. Но думаю, что не для нас. Спроси Ленку.

— Что вы говорите! — испугался я. — Лена же погибла.

Оказывается, он об этом не знал.

— Ладно, — сказал он, — шуточки. — И бессмысленно улыбнулся.

— Лену убили, — сказал я.

— Лену убить нельзя. Убивать плохо. Не мели чепуху.

— А нас убивать можно? — спросил я.

— Кого вас? — Доктор отпустил стену, но, видно, она стала валиться на него, потому что он пошатнулся и повис на мне. От доктора пахло плохими мужскими духами. Ботинки были не чищены. Раньше я не обращал на это внимания, я вообще на Блоха обращал внимание только в отсутствие кумира.

— Разве я — не человек?

— Ты?

Эту задачку Блох был не в силах решить. Но его мучила мысль...

— Ленка, ты говоришь? Она где?

— Ее убили. Полковники убили, — сказал я.

— Нет никаких полковников.

— Полковники убили, — услышал я за спиной голос Костика. — Мы больше знаем, чем нам положено.

— А мне, — сообщил нам Блох, — все это надоело. Вы не поверите!

Говорил он с трудом.

— Слушайте меня внимательно, — сказал я, прижав его к стене. За моей спиной стоял Костик. И это было хорошо. Он лучше умел выражать мысли. Я был талантливым, а он умным. В пределах одного клона.

— Слушайте! Ответьте на один вопрос. Только на один. Для кого готовят операционную?

— Это не маршал, — доверительно сказал Блох. — Это большие деньги. Так что ваш Лешенька погиб зазря. А я уйду.

— Никуда ты не уйдешь, — остановил его Костик. — Лена уже пыталась уйти.

— Для кого готовят вторую операционную? Для кого из нас?

— Для кого из нас? — тупо повторил Блох.

И тут подошел заведующий отделением.

— Отпустите его, — сказал Григорий Сергеевич. — Вы совершенно распустились.

Непонятно было, к кому относился последний упрек.

Но в его голосе было столько власти, что даже Блох протрезвел. Отпустил стену и выпрямился.

— Тебя, Иван, интересует, для кого предназначена вторая операционная? Для этого совсем необязательно мордовать лечащего врача. Я предупреждал тебя, Иван, что твои приключения закончатся плохо. Эта операционная не имеет отношения к вашему клону. И немыслимо подозревать меня в том, что я могу что-то утаить от вас. Эта операционная готовится для девицы, которая пищит на сцене под нелепым псевдонимом Травиата и которой месяц назад президент вручил орден «За заслуги перед Отечеством». Потому что она — национальное достояние Федерации.

— Травиата? — В моем голосе, видно, прозвучало столько всего, что Костик тревожно спросил:

— Ты чего, Ваня?

— Надеюсь, тебе есть о чем подумать, Ваня, — сказал Григорий Сергеевич.

Он протянул длинную руку, схватил за плечо своего помощника и повлек к ординаторской.

— Вы хотите сказать?.. — спросил я.

— Именно это я и хотел сказать.

— Но этого быть не может!

— Поверь мне — это решение ученого совета. И я не в силах его изменить. Завтра операция.

— Мне надо вам все объяснить!

— Ой, только не это, — раздраженно бросил доктор. — Мне все это ужасно надоело.

— Ему надоело! — Блох поднял палец к потолку. — На-до-е-ло!

Григорий Сергеевич потащил Блоха по коридору и, когда спиной почувствовал, что я все-таки иду следом, крикнул, не оборачиваясь:

— Я тебе не помогу! Уйди! Я с тобой вообще разговаривать больше не желаю!

Доктора исчезли за дверью, а Костик удержал меня за локоть.

— В самом деле, пустой номер. А что, твою красотку принесут на алтарь Отечества?

— А она, дура, думает, что ее готовят к счастливому браку.

— Браки заключаются на небесах, — заметил Костик.

У нас у всех вместо чувства юмора получилось чувство иронии.

— Там совокупятся ваши физиологически неполноценные души, — закончил он сентенцию.

— Души не бывают неполноценными, — возразил я.

— Что будешь делать? — спросил Костик.

— Думаю.

— Думай скорей. Ужин близится.

— Она решила, что мы с ней должны пожениться, — признался я. — И ей Мария Тихоновна разрешила. Значит, их главврач уже знала, что Дашку выбрали. Назначили на операцию.

— Сердце?

— Сердце.

— Сволочи!

Клон на глазах терял лояльность к власти. Это было плохо для власти, но куда хуже для клона.

— Мы становимся людьми, — сказал я.

Костик кивнул.

— Я пойду к Марии Тихоновне, — заявил я.

— И ничего не добьешься.

— Я скажу ей, что если они не остановятся, то я уйду в город, у нас ведь даже паспорта есть.

— В охране, у полковника, а он скажет, что тебя не существует.

— Но вы-то меня поддержите?

— А не проще им будет нас усыпить — и в мусоросборник?

— Через пять минут здесь будет полно охранников.

— Я побегу к своим, — сказал Костик. — Мы постараемся закрыться. И будем думать. Тем более что многих придется убеж-

дать. Ведь у нас один добрый всемогущий бог — Григорий Сергеевич.

— Я еще вчера был его рабом... И погубил Лешеньку.

— Лешеньку погубил его язык. Беги, пока не поздно. Только не к врачихе. Лучше постарайся проникнуть к ним в клон и рассказать девочкам, какая на самом деле их ожидает семейная жизнь.

Он толкнул меня в сторону хирургии.

И убежал к спальням.

Так началась война клона и людей. Хотя разве это война...

12

Он еще не успел скрыться с глаз, как я уже сообразил, куда пойду.

Туда, где меня не будут искать. Никто не подумает, что я смогу туда направиться.

Я быстро прошел по коридору между операционными. Там уже было людно, но никаких сигналов еще не поступало. Наверное, охране было приказано изъять меня без шума.

Они опасались лишних свидетелей. Возможно, в бригаде хирургов были люди, которые не подозревали, что чужие органы попадают в наш Институт не случайно, а выращиваются вместе с людьми.

Ах, как много было болтовни по поводу появления на свет овечки Долли! Клонирование опасно! Клонирование ужасно! Не ходите, дети, в Африку гулять! Так будут создавать солдат!

Пока что солдат создавать нерационально, потому что ценность нынешнего солдата определяется не его мышцами, а знаниями, которые передать клону сразу не удается. Может, когда-нибудь научатся, и тогда сперма полковника «N» станет продаваться на международных рынках по цене бриллиантов. А пока оказалось, что деньги под клонирование можно получить, если клон тоже будет платить за право существовать.

Я дошел до боксов.

Прошел мимо палаты с маршалом, который оказался другим. Возможно, старшим лейтенантом запаса, не более того. А вот в одном из дальнейших боксов должна лежать, и ее готовят к операции, сама певица Травиата, кумир толпы.

Я отыскал ее бокс.

По оживлению вокруг нее, по суете, закрывающей мне путь внутрь.

Напротив и чуть наискосок была кладовка.

Такие кладовки появляются в нужном месте и в нужный момент, чтобы герой авантюрного романа мог в них спрятаться и дождаться того момента, когда коридор опустеет.

Так случилось и со мной. В конце концов я и есть герой авантюрного романа.

Напротив палаты, в которой поместили Травиату, и чуть наискосок был стенной шкаф, где хранились щетки, швабры, пылесос, банки с краской от какого-то из последних ремонтов и еще масса ненужных вещей, которые не давали возможности уютно устроиться, но по крайней мере помогли мне укрыться от преследования. Охрана отчаянно искала меня по закоулкам нашего отделения, перевернула все у женщин, в бассейне — где только они не рылись! Даже в кабинетах врачей, но вот хирургическое отделение, особенно тот отсек, который был выделен для завтрашней операции, казался им бесперспективным.

Я даже соснул немного. Потому что суета в коридоре никак не утихала.

Движение времени было для меня условным.

Я вылавливал какие-то мгновения, но точно о его течении не знал. Например, уже глубоко вечером в коридоре остановились две сестры, одна из них уходила домой и стала говорить товарке, что спешит, потому что боится опоздать на метро. Метро, я слышал, закрывают за полночь. Я пытался считать, вспоминал стихи, дремал...

Наконец я убедил себя, что пора идти.

Позже Институт уже начнет просыпаться.

Тело мое, хоть и затекло, умоляло меня еще повременить, ему так не хотелось решений и поступков.

Я вылез.

Постоял, готовый в любой момент нырнуть обратно в чуланчик.

Никого. Даже в концах коридора никого.

Я медленно открыл дверь в палату.

На обыкновенной койке лежала обыкновенная девушка.

Она была совсем не похожа на ту Травиату, которую я видел по телевизору и в журналах.

А похожа она была на Дашу.

Волосы прямые, русые. А почему она блондинка на сцене? Лицо бледное, скорее миловидное, но не более того.

Она была подключена к капельнице, за кроватью стояли мо-

ниторы — видно, они хотели перед операцией знать все, что происходит у нее внутри.

Я подошел к кровати.

Кровать была высокая. Куда выше той койки, на которой мы чуть было не поженились с Дашей.

Когда я подошел к ней, Травиата открыла глаза.

— Я не сплю, — сказала она. — Извините. Я знаю, что нужно спать, но ничего не получается.

— Это хорошо, — сказал я. — А как тебя вообще зовут?

— Вообще? Полина.

— А в самом деле?

— И в самом деле... Лариса, а что, не нравится?

— Нормально.

Она устало прикрыла глаза.

Я смотрел на нее и думал: ну ничего в ней особенного, тем более того, что показывают по телевизору. Даже имени у нее своего нет.

— Дышать трудно, — сказала она, приподняла слабую руку, показала на монитор. — Видишь, как прыгает?

— Вижу.

— Мне должны операцию сделать, — сказала она. — А сейчас состояние стабильное.

— А что у тебя?

— У меня врожденный порок, а недавно в нем что-то случилось, и у меня уже клиническая смерть была, честное слово!

Она же совсем еще молодая!

— Мне сердце будут пересаживать, — сказала Травиата. — Интересно, я завтра могу проснуться, а могу и не проснуться. А ты тоже здесь лежишь?

— Нет, — сказал я. — Я здесь работаю.

— А ты садись, — предложила Травиата. — Посиди со мной. Я сестру отпустила поспать. Представляешь, она призналась, что на свадьбе гуляла у подруги и совсем не спала. А сказать никому нельзя — выгонят. Смешно?

У Травиаты был южный говор, она даже ударения ставила неправильно.

— Ты с юга?

— Не, — сказала она, — с Краснодара. А ты?

— Я здешний.

— А я Москву не люблю, — призналась Травиата.

Я понял, что мне хочется говорить с ней и, может, даже по-

дружиться. Хорошая девочка, нормальная. Но у меня совсем мало времени.

— У меня здесь квартира есть и коттедж в Барвихе. Я маму сюда хотела привезти, а она не поехала. У нее там хозяйство. Я ей говорю: на фига тебе хозяйство? А она мне говорит: ты лучше мне материально помогай, а я буду в банк деньги ложить. А то пропадет твой голосок, на что жить будем? Смешно?

Я пожал плечами.

— Ты замужем? — спросил я.

— А ты разве не читал в журналах? Ну, ты смешной. Я же разошлась. Он миллионер, такие букеты мне приносил! Но я в кино решила устроиться, а он стал к режиссеру ревновать, дурачок какой-то, у нас ведь за все платить надо.

— Ты с какого года?

— Я уже не молодая, но только кажусь молодой. Мне скоро двадцать два. А ты чего спрашиваешь?

— А моей девушке восемнадцать, — сказал я.

— Смешно! Когда мне восемнадцать было, кто меня знал? В самодеятельности выступала.

— А ты знаешь, откуда тебе сердце возьмут?

— Ой, я думала об этом! Честное слово, думала. Я думала, а вдруг это мужское сердце, тогда у меня волосы будут расти! Ужас какой-то! Или плохой человек. Я не переживу.

— Но ведь не откажешься?

— Тебя как зовут?

— Иваном.

— Ваня, а ты бы отказался? Я так жить хочу!

— Только ты одна жить хочешь?

Она не совсем поняла мой вопрос, закрыла глаза, лоб у нее был мокрый, она устала. Я взглянул на монитор. Сердце ее билось чаще, но мельче.

— Мое искусство миллионам людей нужно, — сказала она наконец. — Ты не представляешь, как меня все любят! Я сознание вчера потеряла на сцене, говорят, некоторые хотели покончить с собой, а сюда меня перевезли по личному указанию министра здравоохранения. У него мое дело на контроле.

— Так тебе не сказали про сердце?

— Я же тебе говорю, что мандражу! — В голосе возникла и умерла визгливая нотка. — Иди, я спать буду. В меня столько накачали наркоты, даже удивительно, что я с тобой разговариваю.

— А я знаю, чье сердце.

Когда я сказал эту короткую фразу, мне сразу стало легче, как

Цезарь, перешел Рубикон. Теперь можно расправиться с сенаторами.

— Что ты говоришь, Ванечка?

Как женщина, она почувствовала по моему тону: дело плохо.

— Я люблю эту девушку.

— Ты любил ее? Ужас какой-то. Она умерла, да?

Я не смог ответить, а воображение певицы вдруг понесло ее:

— А твоя девушка красивая, да, добрая? Ой, как хорошо! Мне повезло, в натуре. А я так боялась... А что с ней, под машину попала?

— Она живая, — сказал я. — И даже не знает, что завтра умрет.

— Кончай хохмить!

Ее сердце екнуло, и монитор показал лишний пик.

— Я не шучу. Стал бы я шутить. Подумай — здесь и сейчас. Разве это место для шуток?

— Тогда хоть объясни!

— Ты про клон слышала? Про клонирование?

— Овечка Долли, да? Мне Крутой предлагал такой псевдоним взять, а ребята освистали. Это пускай Свиридова про свою овечку пищит.

— Погоди, послушай меня. Клоны уже есть. Я сам из клона.

— Что это?

— Берут клетки донора, отца, и выращивают их в пробирках. Сколько смогут, столько и выращивают. Я знаю, что сначала нас было двадцать семь. Девять забраковали — процент ненормальности очень велик. Восемнадцать осталось. Нас было восемнадцать, и мы были одним клоном, то есть абсолютно одинаковые! Правда, абсолютного ничего нет, но ты бы нас не различила.

Вдруг она захихикала, лицо сразу ожило, стало таким милым и лукавым.

— Вас в одинаковых колясочках возили, — сказала она.

— Нет, — ответил я. — Мы сразу родились взрослыми. Два года назад. Мы родились в том возрасте, в каком был наш донор, наш отец. Ему было восемнадцать, и его никто не знает.

— И вы ничего не знали?

— В следующий раз объясню, — пообещал я. — Кое-что знали, кое-чему нас учили. Мы — часть большой научной программы.

— А где Долли?

— Если заболел очень большой, знаменитый человек или очень нужный нашей стране, то мы приходим на помощь. Мы... отдаем свою печень, сердце, глаза, чтобы спасти человека.

— Но ведь так погибнуть можно!

— Нас было восемнадцать, а осталось десять.

— Это ужасно!

— Были такие стихи поэта Тихонова: «Не все ли равно, сказал он, где. Пожалуй, спокойней лежать в воде».

— Ты смеешься, да?

— Какой уж тут смех. В соседней палате лежит маршал, летчик, великий человек. Лешенька из нашего клона отдал ему свою печень.

— Да точно врешь!

И я подумал — вот она встанет, захочет проверить, пойдет в соседнюю палату, а там совсем другой, коммерческий пациент. Но она же не пойдет.

— И еще есть другой клон, женский. Там есть девушка, которую я люблю. Она должна завтра отдать тебе свое сердце.

— Помолчи ты со своими глупостями! А то я кричать буду.

— Почему?

— Потому что ты нарочно меня пугаешь. Тебе деньги нужны?

— Ты не веришь?

— Так я тебе и поверила!

— Ты откажешься от операции?

— Никогда не откажусь! Врешь ты все.

— Мою девушку зовут Дашей. Она на тебя немножко похожа. Только не умеет петь. А может, просто не училась петь.

— Так не бывает, — сказала Травиата.

Да какая она Травиата — точно, Лариса.

— Почему?

— Потому что их всех давно бы посадили.

— Лариса, — сказал я. — Об этом же не пишут в газетах. Об этом вообще не говорят. Этого нет. И меня нет.

— А у тебя паспорт есть? — спросила Лариса.

— Он лежит в отделе безопасности Института, — сказал я. — Мне так говорили.

— Никто никогда не станет убивать человека.

— А для меня в этом не было ничего удивительного. Я только недавно подумал, что это неправильно. Нас так научили, что человек должен уметь жертвовать собой ради народа, ради родины. Ты знаешь об Александре Матросове, о Гастелло?

— Я знаю про японские харакири, — вдруг сказала Лариса.

— Ничего общего. У нас высокая цель. Я был в этом уверен, но сейчас уже не так уверен. Даже не из-за себя. А потому что моя Даша и ты — вы ничем не отличаетесь. Только ты свое уже

пожила, и в «Мерседесе» каталась, и коттедж построила, а Дашка ничего не видела, но очень хочет выйти замуж и родить ребеночка.

— Ой, я тоже хочу ребеночка, — тихо сказала Травиата. — Только мне нельзя. — Она коснулась длинными тонкими пальцами груди слева, показывая, что виновато больное сердце.

— Ты откажешься от операции!

— Не говори глупостей, Ваня, — сказала она. — Ты псих, но должен понимать, никто меня слушать не будет. Они сделают как надо, даже если бы ты не придумывал, а в самом деле такая фабрика работала, чтобы из людей людей делать. Они же в этом никогда не признаются.

— Тогда уходи, — сказал я.

— Как так — уходи?

— Вставай и уходи.

— Мне нельзя вставать, я умру.

Ну почему я заранее все не продумал? Я решил было, что расскажу правду Травиате, она поймет и уйдет из Института. И Дашку не тронут.

— Но что мне делать? — взмолился я.

— Пускай Даша твоя уходит!

— Она не уйдет. Она мне, как и ты, не поверит.

— Это все твои фантазии. Нет никакой Даши...

— Откажись, а?

— А теперь я и не подумаю. Мне жить хочется, а ты все врешь.

— И пускай Даша умрет?

На мониторе ее сердце билось, как азбука Морзе, — часто и мелко...

— А если бы была, — произнесла Травиата с трудом. — Ой, как больно! Если бы была, я бы все равно согласилась. Я — великая певица, меня вся страна любит, а твоя Даша — искусственная овечка, которую и сделали специально для того, чтоб использовать...

Не знаю, что меня подняло с табуретки, на которой я сидел.

— Нет, — прошипел я, сам не слыша своих слов, — ты этого не сделаешь!

Я рванулся к ней, чтобы убить. Не верите? Я сам теперь не верю, но я хотел только одного — убить ее, чтобы спасти Дашку.

— Ой, как больно! — Она вяло отбивалась, а я отбросил ее руки, чтобы дотянуться до горла.

— Доктора... спаси...

Я клянусь, что не дотронулся до ее шеи.

Но она, видно, думала, что дотронулся.

Она затрепетала, мелко, с хрипом, и мне стало страшно, как будто я ее убил.

Все еще склоняясь над ней, я обернулся к монитору.

Его пересекала прямая линия, как граница моря.

Рот Ларисы был полуоткрыт, и глаза неподвижно смотрели на меня.

И тогда я понял, что убил ее.

Ее сердце было таким слабым, что ему хватило испуга.

Я кинулся бежать из палаты.

Через секунду пойдет сигнал с центрального пульта.

Я побежал в другую сторону, к нашему отделению.

Мимо операционных и палат.

И когда меня схватили охранники на входе в наше отделение, я уже пришел в себя настолько, что сообразил: Даша спасена. Сегодня спасена. Некому отдать ее сердце.

Меня там, в палате, не было. Умру, но не сознаюсь. Ведь Травиата умерла сама по себе.

Значит, мне повезло?

Меня били, толкали, и какой-то из них все повторял, что мне не жить на свете.

Они втолкнули меня в бельевую.

Там уже собрались все наши. Весь клон.

Избитые, в наручниках, некоторые в крови.

— Нас убьют? — спросил Рыжий Барбос у охранников.

— А ты как думал? — сказал полковник, который стоял в дверях за спинами своих подручных. Дверь захлопнулась.

— Ох мы и дрались! — радостно сообщил Костик.

Слепой Кузьма сказал:

— Я палку о кого-то сломал.

Они говорили все вместе, им так хотелось похвастаться своим новым бойцовским статусом. Они не понимали, что нас в самом деле лучше убить. Нужен несчастный случай — пожар или пищевое отравление. Но чтобы мы исчезли. Я хотел сказать, что мы должны дорого отдать свою жизнь. Так говорится в кино.

Но дверь открылась — и трех минут ведь не прошло с начала моего заточения.

Там стоял доктор Блох.

Пьяный, но не настолько пьяный, как утром.

— Выходи, узники тела и совести, — загадочно заявил он.

Мы вышли, но осторожно, как выходит к кормушке битая псина.

— Вам все равно не поверят, но жить будете.

Из кабинета Григория Сергеевича вынесли носилки. Носилки были покрыты простыней, и головы не видно.

— Как так? — спросил Костик.

— Цианистый калий, — пояснил Блох.

— А можно в женское отделение? — спросил я.

— И не мечтай. Ты далеко не уйдешь. Тебя перехватят. И могут убить.

— При попытке к бегству, — глупо засмеялся Костик. Но я не обиделся. Костик был напуган.

— Я надеюсь, — сказал Блох, — что о девушках позаботятся.

Он приложил указательный палец к губам, словно мы играли в прятки.

На черной лестнице, куда он выпустил нас, открыв дверь своим ключом, никто не встретился. Мы помогали спуститься тем, кому было трудно.

— Держитесь вместе, — сказал Блох.

Калитка в тихий переулок, зажатый между высокими глухими заборами, была не заперта.

— Уходите. Вот деньги, — сказал Блох. — На первое время хватит.

Блох захлопнул калитку.

Мы остались одни.

ЛИШНИЙ БЛИЗНЕЦ

НЕОКОНЧЕННЫЙ РОМАН

Часть первая. 1968 год

Некогда наш Веревкин был центром небольшого княжества, за которое боролись могучие соседи — рязанцы и туляки. Городище и сегодня можно различить за взорванным в тридцатые годы собором. Его взрывали, но не до конца, динамит кончился. За перерасход динамита, говорят, репрессировали командование саперной дивизии. Все может быть — времена стояли морозные.

Я патриот Веревкина. Мальчишкой я бегал по зеленому склону за улицей Льва Толстого к запруженной речке Веревке. Там мы купались, а в омуте жил сом гигантских размеров. Мы его иногда видели, он даже уток воровал. Но взрослые нам не верили до тех пор, пока в омуте не взорвалась в сорок первом немецкая бомба. И тогда сом погиб и выплыл светлым брюхом кверху, и был он размером с небольшую подводную лодку. Но всем было не до сома, потому что сначала через Веревкин прошли немецкие танки, а когда выпал снег и танки завязли, на них напала конница генерала Белова. К тому времени сом уже вмерз в лед, местные жители вырубали его изо льда ломтями, тем и жили до весны.

Простите, что я отвлекаюсь, но иногда хочется поговорить неспешно и передать кому-то память о вещах, никого теперь не интересующих. В войну я был мальчишкой, потом окончил пединститут, с тех пор работаю в школе № 2. Школа № 1 расположена по ту сторону рынка, где район пятиэтажек, а наша осталась в здании дореволюционной гимназии на улице Льва Толстого. На гимназии — вы, наверное, обратили внимание — есть мемориальная доска о том, что там учился академик Соснихин, дважды Герой Социалистического Труда, создатель самоходных комбайнов.

В сквере у бывшего собора мы намеревались, как положено, поставить бюст на родине дважды Героя, но оказалось, что ни одной фотографии нашего славного земляка не сохранилось. А когда инициативная группа во главе с нашим завучем Людми-

лой Африкановной ездила в область, ей объяснили, что под комбайнами подразумевалось нечто совсем другое, из-за чего академик Соснихин был настолько засекречен, что было указание сжечь даже его школьные фотографии. И дом, в котором он родился, вместе со всеми свидетелями. Последнее, как вы понимаете, шутка. Дом, конечно, стоит на месте, хотя состояние его оставляет желать лучшего. Но родственников его нашим школьным следопытам отыскать не удалось. К тому же в последние годы выяснилось, что фамилия академика Соснихина совсем не Соснихин, настоящая фамилия была вычеркнута из всех документов, школьных журналов и даже из книг ЗАГСа. Тем не менее мы продолжаем гордиться нашим земляком и раньше устраивали пионерские сборы в его честь.

Я проживаю вместе с моей супругой Ниланилой Федоровной в двухэтажном деревянном доме в переулке Урицкого рядом с бывшей часовней Аники Воина. Мы занимаем две комнаты на втором этаже, и так как у нас нет детей, то жилищные условия у нас более чем хорошие. Вторую квартиру из двух комнат занимают Стадницкие. Коля — мой бывший ученик, после службы в армии он стал работать в райпотребсоюзе, а его жена Клавдия, для нас просто Клава, приходится дальней родственницей моей супруге, и мы считаем ее как бы нашей дочерью. Так что наш второй этаж живет дружно, мы посещаем в праздники друг друга. К сожалению, первый этаж нашего дома занят жестяной мастерской. Там выпрямляют жестяные или иные металлические предметы, которые по какой-то причине погнулись. К счастью, мастерская заканчивает работу в шесть часов вечера.

Вот такая была общая обстановка к моменту странных событий, а о состоянии Веревкина вы можете убедиться сами, стоит вам пройтись по городу. Надеюсь, вы не заблудитесь? Прямо, до собора, там налево до памятника Ленину. А за ним начинается колхозный рынок.

Стадницкие хотели ребенка. Мы тоже хотели, чтобы у них родился ребенок и дома стало бы оживленнее. Мы даже обещали молодым людям, что будем помогать им растить ребенка и сидеть с ним, если понадобится.

Клавдия, которая работала методистом в Доме культуры имени Клары Цеткин, взяла декретный отпуск раньше срока, за свой счет. Мы были с ней согласны.

Коля Стадницкий хотел мальчика, а Клава хотела девочку, это обычный и понятный семейный конфликт. Наш доктор в женской консультации Дина Иосифовна внимательно относилась к будущей матери и уверяла, что беременность проходит

нормально. Затем ребеночек начал двигаться и проявлять признаки жизни.

Сейчас я стараюсь вспомнить, когда же могло произойти то трагическое событие, которое и послужило толчком ко всему. Это событие было незаметным, оно должно было быть незаметным, и все же меня порой мучают мысли, что я мог бы остановить или хотя бы предупредить трагедию.

Мы не раз обсуждали с Нилой эту проблему и пришли к общему мнению, что все началось в консультации, когда Клава пришла к своему врачу Дине Иосифовне с опозданием на полчаса и никого в коридоре не было. Как она сама мне рассказывала, Клава постучала в дверь и вошла. Дина Иосифовна приняла ее с обычным вниманием, сделала укрепляющий укол и затем осмотрела с помощью аппарата, который сама называла портативным УЗИ — то есть аппаратом для ультразвукового исследования, которого раньше в нашей больнице и в помине не было. Клава ощущала какие-то щекотания во внутренней полости, но болезненных явлений не наблюдалось. Затем Дина Иосифовна сказала, что беременность протекает нормально и плод имеет благоприятные формы.

Клава в тот раз не заподозрила ничего неладного, если не считать того, что на следующий день встретила на рынке Дину Иосифовну и та попросила у нее прощения за то, что вчера не смогла прийти в консультацию, потому что провожала в Рязань старушку-маму и ее неудачно сшиб проходивший мимо мужчина так, что она упала и чуть не получила сотрясение мозга, очнулась в зале ожидания, отчего пропустила автобус и пришла в консультацию только к концу приема.

— Как же так? — удивилась Клава. — Я же была у вас, и вы мне УЗИ сделали.

На что Дина Иосифовна засмеялась, полагая, что Клава шутит, но Клава не шутила и вечером рассказала моей жене Ниле как пример забывчивости докторши. Роды у Клавы произошли примерно на неделю раньше срока, по причине дня рождения ее свекрови, на котором было выкушано много разной пищи, в частности роженица налегала на маринованные грибы, которые, как пишут канадские исследователи, в некоторых случаях ускоряют начало схваток, особенно если это бледные поганки.

Схватки у Клавы начались буквально после поганок, когда гости ждали чай с фирменным тортом. Клава, будучи любительницей торта, стала терпеть и не подавать знака, что рожает, однако малыш все настойчивее стремился покинуть лоно своей матери, и, не доев торт, Клава была вынуждена покинуть торжество.

Так с куском торта в судорожно сжатой руке она рожала мальчика, порой, между приступами боли, облизывая пальцы и дожевывая бисквит.

Во время родов в больницу непрерывно звонили по межгороду и спрашивали, каково состояние больной Стадницкой, но ответа не выслушивали, а кидали трубку. К концу был звонок из города Ганновера в Западной Германии, но говорили по-немецки, и пока медсестра бегала в школу за учительницей немецкого языка, линия уже разъединилась. Моя жена Нианила Федоровна утверждала, что слышала в тот день от достойного доверия жителя улицы 26 Бакинских Комиссаров, что над родильным отделением нашей городской больницы в течение двух или трех часов висела летающая тарелка, но других свидетелей этому не нашлось, да и не могло найтись, как я понимаю, потому что шел проливной дождь, а если тарелка и была, то через пять дней после родов. С другой стороны, могла быть и тарелка. Хотя в таком случае ее должны были видеть и на соседней улице имени 28 Героев-Панфиловцев.

Задним числом я беседовал на эту тему с руководителем ДОСААФ Артемом Груздем, почетным пионером и вождем бригады красных следопытов. Он живет как раз на пересечении улиц имени 26 Бакинских Комиссаров и 28 Героев-Панфиловцев и обычно проводит дни в раздумьях о справедливости, глядя на небо. В тот день он тоже глядел на небо, но ничего, кроме дождя, не увидел. А если уж товарищ Груздь не увидел, то, вернее всего, тарелочки и не было. Ведь смог же Артем Артемович доказать на областном уровне, что среди 26 бакинских комиссаров был один провокатор, который, не будучи комиссаром, затесался в ряды расстрелянных и погиб по заданию одной разведки. И ему же принадлежит открытие того, что из 28 героев-панфиловцев двое были нерусской национальности. С тех пор в нашем городе количество героев пересмотрено.

Простите меня за старческие отступления от темы, однако картина странных и пугающих событий в нашем Веревкине раскрывается во всей своей полноте лишь при внимательном отношении к деталям.

Сами роды проходили нормально, без деталей, кроме уже упомянутых, и, когда Клава облизала все пальцы, младенец появился на свет. Младенца отнесли в палату для новорожденных, а дежурная медсестра уверяет, что примерно через три часа, уже глубокой ночью, в родильное отделение пыталась проникнуть высокая худая рыжеволосая женщина, хромающая на правую ногу. Она требовала, чтобы ее провели к роженице или по крайней

мере показали младенца. Получив отказ, она побежала, хромая, прочь по улице Мало-Советской с криком:

— Какой ужас! Я опоздала! Нет мне прощения!

Вот и все, что я могу рассказать о беременности и родах Клавдии Стадницкой.

Радостно и весело готовился наш дом к возвращению Клавы из роддома. Мы с женой, а также Коля Стадницкий встретили Клаву у порога роддома, передали букет ранних тюльпанов, а Коля Стадницкий взял младенца на руки. Так мы и пошли пешком домой, благо городок невелик, и многие останавливались и поздравляли нас с прибавлением.

У входа в наш дом выстроились сотрудники мастерской. Жестянщики держали в руках стаканы и рюмки, а некоторые даже бутылки. При виде нас они стали петь разные песни и пить водку за здоровье малыша. Я постарался их обуздать, но, к сожалению, Коля Стадницкий был вынужден выпить стакан водки под соленый огурец.

Мы уложили младенца в колыбельку, он был веселый, краснощекий, голубоглазый, и я даже прослезился от растроганности. Коля Стадницкий стал делать мальчику пальцами козу, но потерял равновесие, и мы оттащили его тело в другую комнату на кровать. Жестянщики побуянили на радостях внизу и возвратились к работе с энтузиазмом, отчего младенец даже захныкал, а я спустился вниз и предложил нашим соседям разойтись на сегодня по домам. Что они и выполнили. Наступила тишина.

Мы рано уединились в нашей квартире, чтобы не мешать Клаве и Коле привыкать к своей новой жизни. Вечер был приятным, теплым, по-хорошему весенним. Мы посмотрели по телевизору какой-то старый фильм с участием актера Рыбникова, но, к сожалению, я не помню, какой это был фильм. Я хотел было постучать к Стадницким и спросить, не нуждаются ли они в нашей помощи, но Нианила отговорила меня, уверив, что, если помощь понадобится, молодые люди сами к нам обратятся.

Первая ночь прошла спокойно, хотя должен сказать, что несколько раз я просыпался, потому что начинал плакать ребеночек. В ночной тишине каждый звук разносится на много метров, а когда твое сознание настроено на появление в соседней квартире младенца, отделенного от тебя деревянной стенкой, то естественно, что твоя нервная система работает с большой нагрузкой.

На следующий день была пятница, но наши жестянщики не вышли на работу, потому что накануне перепили, и для всех нас наступил счастливый и спокойный день.

С утра мы ходили смотреть на младенца и спорили, как его

назвать, потом заявилась Клавина свекровь, женщина суровая, но была растрогана и принесла недоеденный на празднике торт. Клава как кормящая мать испытывала голод и готова была накинуться на торт, но моя супруга Нианила, благо что женщина маленького росточка, выхватила из ее рук торт и выбросила его лично в поганое ведро. В ответ на крики свекрови она заявила, что как советский человек не допустит, чтобы кормящую мать отравляли третьегодняшним тортом, который кишмя кишит бактериями.

Скандал погасили, потому что на нашу сторону встал Коля, который давно подозревал, что его мама хочет отравить молодую жену. Достаточно вспомнить, что она в прошлом году принесла Клаве на день рождения коробку с итальянскими туфлями, а когда Клава, трепеща от предвкушения, развязала коробку, в ней оказалась гадюка. Коля, ожидавший каверзы, хотел эту гадюку тут же убить, но Клава схватила гадюку за хвост и стала гоняться за свекровью, крича:

— Мы еще посмотрим, кто кого ужалит!

Перепуганная свекровь поклялась, что не открывала коробку, и мы все сделали вид, что ей поверили. И отнесли гадюку в магазин.

Вы бы слышали, какой там начался скандал, когда гадюка искусала директора и бухгалтершу. Пострадавшие лежали в областной больнице, наши с итальянским правительством обменивались нотами протеста, а итальянский посол приезжал в больницу и привозил пострадавшим цветы, дефицитные лекарства и невзрачного вида плоды киви, похожие на яйца зеленой курицы. Потом бухгалтерша заявила, что итальянский посол ее изнасиловал, пользуясь беспомощностью женщины и своим дипломатическим иммунитетом. Посла отозвали, и ему пришлось взять с собой бухгалтершу и ее двоих детей, прижитых вне брака. Теперь, говорят, он снимает ей квартиру в центре города Венеция с видом на канал, бухгалтерша сидит целыми днями у окна и плюет в канал шелуху семечек, которые ей присылают родственники. Посол давно уже повесился, и квартиру оплачивает итальянское правительство. Вот такая у Клавы свекровь, Лилия Юлиановна.

Когда моя Нилочка выкинула наверняка отравленный торт в поганое ведро, свекровь ушла, потому что ее заговор провалился. И мы остались одни.

Клава училась пеленать младенца, и младенец начал писать и какать. А я как человек, склонный к изобретательству, представил себе, что когда-нибудь, может быть, в двадцать втором веке, люди изобретут такие прокладки для младенцев, которые ты под-

кладываешь в штанишки или подгузники, и они впитывают все, что младенец наделал. Он всегда сухой, а ты лишь два раза в день меняешь ему эти штучки... В ответ на мое изобретение Нианила Федоровна сказала, что лучше бы эти штучки придумать для женщин, у которых наступают менструации. И женщинам будет приятно ничего не опасаться и ходить в сухости. Мы стали придумывать названия для таких прокладок, но так и не сговорились. Потом, когда Нианила села распускать мой старый свитер, она вдруг засмеялась и сказала:

— А представляешь, что когда-нибудь по телевизору скажут: «Дорогие женщины, покупайте для себя подгузники!»

— Нет, — засмеялся я, — лучше пускай на экране возникнет такая красавица, как Любовь Орлова, и скажет: «Раньше я в такие дни просто истекала, а теперь хожу сухая...»

— Перестань хамить! — обиделась моя любимая жена. — Такого, к счастью, быть не может.

Мы помирились, но через четверть века оказалось, что в нас тогда бурлил дух предвидения. Вы меня понимаете?

Молока у Клавы было достаточно, и она кормила ребеночка сама.

Мы любовались ею, как богородицей, и Клава совсем не стеснялась, хотя своего мужа Колю стеснялась и гнала.

Часов в шесть вечера случился странный визит.

Перед нашим домом остановился грязный, помятый, я бы сказал, несчастный автомобиль, он был похож на большого породистого пса, скажем, ньюфаундленда, покинутого хозяевами и прибившегося к стае бродячих дворняжек.

Из автомобиля вышел широкий бритоголовый негр в белой майке с надписью по-английски, которую я понял: «Висконсинский университет». Он намеревался войти в наш подъезд, но увидел меня у окна и знаком приказал мне открыть окно. Не знаю почему, но я подчинился его жесту, и негр спросил меня:

— Здесь проживают госпожа Стадницкая и ее семейство?

— А что вам нужно? — осторожно спросил я. Хотя в те дни, тридцать лет назад, преступность была куда ниже уровнем и в нашем городе она ограничивалась пьяными драками, все же в негре я чувствовал нечто тревожное.

— Мне нужно иметь беседу и предупредить об опасности, — сказал негр.

— Сообщите через меня, — сказал я. — Я передам.

— Я должен сделать это лично, доннерветтер! — возразил негр.

Не знаю, что за озорство напало на меня, но клянусь, что оно никак не указывает на мои расистские склонности.

— Скажите, а какой марки ваш автомобиль? — спросил я.

Негр опешил от моего вопроса и сказал:

— Это «Роллс-Ройс», любой нормальный человек поймет это с первого взгляда.

— Стыдно, молодой человек, — сказал я, — такую ценную вещь следует содержать в порядке. И если вы не можете помыть такую ценную машину, как я могу доверять вам в других вопросах?

— Вы категорически не правы, — возразил негр, — вы не представляете, по каким буеракам я вынужден был добираться до этого дома.

— Эй! — донесся до нас женский крик.

Негр резко обернулся.

— Годдам! — воскликнул он, прыгнул в машину, которая не сразу завелась, тогда как по улице, прихрамывая, к нам бежала высокая худая рыжая женщина, размахивая полосатой милицейской дубинкой.

Наконец машина завелась и рванула с места. Женщина встала на ее пути, милицейским жестом подняв жезл, чтобы остановить движение, но негр не послушался женщину, а поехал прямо на нее.

И в этот момент вся эта картинка растворилась перед моими глазами, будто все это привиделось.

— Ты их видела? — спросил я Нианилу.

— Кого видела? — спросила Нианила, которая накрывала на стол.

— А может, ты их слышала? — спросил я.

— Закрой окно, — сказала моя жена.

Если она не видела и не слышала этого конфликта, подумал я, то нет смысла пересказывать его содержание. Она же все равно не поверит.

Больше никаких событий до самой ночи не происходило.

Мы легли спать как обычно, и сначала я крепко заснул, ибо не жаловался в те годы на бессонницу, будучи мужчиной в самом соку жизни. Это теперь, уйдя на пенсию, я провожу ночи без сна и в тревогах.

Ночью мне слышались всевозможные стуки и перезвон, более того, мне снилось, а может, мерещилось сквозь дремоту, как звезды говорят друг с другом, передавая зашифрованные сообщения.

Я проснулся утром ровно в семь тридцать от шума.

Обычно именно в это время начинают работу жестянщики этажом ниже, но так как была суббота, то шума не должно было быть. Что меня и разбудило. То есть мой организм не ждал шума, но шум был, хотя другого типа, нежели обычно.

Шум доносился из-за стены, от соседей, в нем можно было различить человеческие крики различного тембра, удары, звон посуды. Мы с женой вскочили. В окно лилось утреннее солнце, разноголосо верещали и свиристели птички, на деревьях распускались листочки, и среди этих приятных сердцу звуков и пения резким диссонансом выделялись крики от соседей.

— Семен, — сказала Нианила, — мы должны спешить на помощь.

— Ты полагаешь, что наша помощь нужна? — спросил я.

— Они кричат трагическими голосами, — сказала моя жена. — Может быть, случилось... Нет, я не могу произнести!

— Случилось несчастье с ребеночком?

— Замолчи! Немедленно замолчи!

Кое-как накинув халаты, мы побежали на лестничную площадку, затем, улучив паузу в криках и грохоте, позвонили в дверь.

Нам долго не открывали.

Наконец я стал звонить настойчиво, не отнимая пальца от звонка, и через минуту дверь дрогнула и приоткрылась на узкую щель.

В щели я угадал профиль Коли Стадницкого.

— Коля, — сказал я, — доброе утро. Скажи, что произошло?

— Ничего не произошло! — резко ответил молодой человек.

И захлопнул дверь.

Мы остались на лестнице.

— Если мы сейчас не зайдем в какую-нибудь квартиру, — сказала Нианила, — то мы обязательно простудимся.

— Тогда лучше идти к нам, — предложил я. — Хоть мне и грустно сознавать, что появление ребенка ведет к конфликтам в семье Стадницких, я не чувствую себя вправе делать им замечания.

Мы двинулись было к нашей двери, но тут дверь к соседям снова приоткрылась и Стадницкий сказал нам вслед:

— И вообще вас это не касается! Не смейте совать нос в нашу личную жизнь!

— Мы и не суем, — с достоинством ответила Нианила, и мы ушли к себе.

Но недолго мы оставались одни.

Мы не успели запереть дверь, как услышали легкие шаги Клавы.

Она ворвалась следом за нами в нашу квартиру и шепотом закричала:

— Спасите меня! Он весь пошел в свою мамашу!

— Неужели он хочет отравить вас? — спросила Нианила.

— Хуже!

— Он поднял руку на ребенка?

— Ах, я сама не знаю, что говорю, — откликнулась Клава.

Тут же в дверь втиснулся Коля.

— Возвращайся домой, продажная развратная тварь, — сказал он, — не смей общаться с порядочными людьми.

— Коля, прекрати немедленно! — сказала Нианила. — Я тебя выставлю за дверь. Ты что хулиганишь?

— Я? Хулиганю? Да другой на моем месте давно бы ее задушил! Отелло своих жен за меньшие штучки на тот свет отправлял.

Мы замолчали, переваривая страшную информацию. И как назло, моя любознательность опять нас подвела.

— Простите, — заинтересовался я, — а сколько жен задушил Отелло?

Тут Клава зарыдала, а Коля ответил:

— Всех, которые были... как моя!

— Ну ладно уж, — сказал я. — Что плохого могла сделать тебе жена, которая принесла тебе два дня назад из роддома чудесного сынишку?

— Вот именно, — сказал Коля.

— Но ведь я не виновата! — закричала Клава.

— Ах, ты не виновата? Не виновата — так не бойся, покажи соседям свое артистическое мастерство.

— И покажу, — ответила Клава. — Мне нечего скрывать.

— Нечего?

— Нечего! — И Клава обратилась к нам: — Пошли посмотрите, и вы меня реабилитируете.

Все вчетвером мы вновь пересекли лестничную площадку и вошли в квартиру Стадницких, из которой доносился детский плач, сопровождаемый эхом.

Надо сказать, что я входил в квартиру Стадницких с тяжелым предчувствием того, что вступаю в опасную и, может быть, трагическую эру моей жизни. Казалось бы, что такого: ну плачет младенец, ну негры ездят по нашему Веревкину в иностранных автомобилях. Меня, скромного школьного учителя русского языка и литературы, не должно касаться...

— Нас это коснется, — прошептала моя золотоволосая супруга. — Ой как коснется!

Как и положено верной спутнице жизни, Нила порой читала

мои мысли. Молодые люди впустили нас в комнату, которая служила спальней им и младенцу, и подвели к кроватке с деревянными барьерчиками по бокам, купленную на вырост.

В этой кроватке лежали два младенца и пускали слюни.

Я прошу вас, уважаемый читатель, остановиться на этом месте повествования и попытаться встать на мое место.

Повторяю: мы вошли в комнату, где пахло детской мочой, присыпкой, счастливым и скромным бытом. Мы посмотрели на кроватку. В ней лежали рядышком два младенца и пускали слюни.

Вы поняли?

Мы ничего не поняли.

Мы переглянулись, потом посмотрели на родителей.

После тяжелой паузы раздался голос Коли Стадницкого:

— Видите?

Нила кивнула.

— А я так надеялся, — вздохнул Коля Стадницкий, — я так еще надеялся, что у меня ночной кошмар и галлюцинации. А бывают коллективные галлюцинации.

— Коллективные галлюцинации! — воскликнула оскорбленным голосом его молодая супруга. — А кто в меня кастрюлей кидал, убить хотел? Кто осыпал меня оскорблениями и рукоприкладством?

— А что мне оставалось делать? — ответил плачущим голосом Коля. Он уступал жене в размерах, но был жилистым и крепким человеком, так что всегда мог одолеть пышную, белую, мягкогрудую Клавдию.

— Простите, Коля, — спросил я, с трудом оторвав взгляд от кошмарного зрелища. — Но за что вы рассердились на свою жену?

— Как за что? За измену, вот за что! — откликнулся Коля.

— Да не рожала я его! — взмолилась Клава. — Христом богом клянусь, не рожала. Я одного рожала и одного домой принесла. Неужели бы я не заметила, когда второго рожала?

— Вряд ли это возможно, — поддержал я Клаву.

— А я говорю — это заговор! — настаивал Коля. — Ты одного от меня родила, а второго потом, специально, потому что не мой он ребенок, а плод измены.

— Так это с кем я тебе, дурак, изменяла?

Молодые супруги вновь начали сражение, но убежать с поля боя мы с Нилой не могли, потому что присутствовали при странной загадке мироздания, а загадки требуют разрешения.

— Всем известно с кем! — кричал Коля. — С Гасаном из вашей конторы.

— Это чтобы я — с Гасаном?!

— Такие, как ты, только с Гасаном и могут!

— Да ты посмотри, глаза твои слепые! — возмутилась окончательно Клава. — Гасан — черный?

— Еще какой черный!

— И глаза у него черные?

— Ну и что?

— И кожа смуглая?

— Ни у что?

— И нос как дыня?

— Ну и что? Что? Что?!

— А то, что младенцы одинаковые и оба в тебя, подонок! Ты посмотри — глаза серые, носы курносые, губы наружу и уши вертикально!

— Клава права! — быстро произнесла моя жена, чтобы Коля не успел придумать какую-нибудь другую глупую версию. Нила, как и я, понимала, что дело куда сложнее, чем простая супружеская измена При простой супружеской измене близнецы не рождаются с промежутком в пять дней. Не знает такого мировая наука.

— Ясно, — сказал Коля. — Я понял. Это не Гасан, а Пупенченко из Гортопа! И курносый, и глаза серые.

— А уши? — спросила Клава. — Уши у него прижатые, а вертикальные уши только у тебя и отросли, урод лопоухий!

Коля пощупал свои уши. Они и в самом деле выдавались вертикально к поверхности головы.

— Это ничего не значит, — сказал он. — В детстве у меня другие уши были.

— Что же это, я тебя с детства не знаю, что ли?

— И я твой характер с детства освоил! — произнес Коля.

Младенец справа заплакал. Он сучил ножками.

Мы все смотрели на него. Второй младенец повернул головку и тоже посмотрел на него. Господи, они были абсолютно похожи!

Но Коля сделал иной вывод.

— Вот, — сказал он, — правый — это мой. Я чувствую. Он плачет и страдает от твоей, Клавка, подлой измены!

И тут, как бы подслушав обвинения Коли, второй малыш зарыдал так, что правый перестал плакать и воззрился на брата.

И правда, я уже не мог называть их иначе как братьями, близнецами, хотя этого и быть не могло.

— Послушай, Коля, — сказала моя супруга, — ты можешь шуметь и бить посуду, как тебе хочется, но твоя жена здесь не виновата. Она в себе носила только одного младенца, это может Дина

Иосифовна подтвердить. И я сама Клаву у роддома встречала, и ты сам младенца на руках нес. И он был один.

— Сначала был один, — ответил Коля, — а сегодня ночью она еще одного родила. Тайком от меня, потому что это не мой ребенок!

— Ясно. — Я вмешался в этот пустой разговор. — И какой же из них твой, а какой чужой?

— Совершенно очевидно, — ответил Коля. — Справа мой, а слева чужой.

— И почему?

— Разве не ясно? — спросил Коля. — Справа мой, а слева их-ний.

— И как же ты их различаешь? — спросила моя жена Нианила.

— У него мой голос проклевывается.

Клава наклонилась к кроватке, взяла того младенца, который плакал пронзительнее, обнажила полную грудь и дала ее мальчику. Тот сразу замолчал и зачмокал.

Второй заплакал еще громче.

— Прекрати кормить узурпатора! — закричал Коля. — Корми моего ребенка.

Он даже протянул руку к жене, чтобы оторвать младенца от ее груди, но Нианила встала между ним и кормящей матерью и сказала:

— А ну-ка погляди на кроватку. Разве ты не видишь, что она правого взяла, того самого, которого ты за своего держишь?

— Разве? — Коля находился в шоке Руки его тряслись, и взор блуждал. — Вы так думаете, тетя Нила?

— Я уверена, — сказала моя жена. — И думаю, что хватит устраивать здесь базар У тебя родились два близнеца, ты их различить не можешь, оба — точная твоя копия, а ты смеешь кричать на жену!

— Это точно... — Коля потерял боевой пыл, но окончательно не сдался. — А когда же... где он вчера был?

— Вчера он из нее еще не вышел, — сказал я. — В медицине такие случаи известны

Я лгал, но лгал во спасение. Я понимал, что младенцы не виноваты. И Клава не виновата, и Коля не виноват. Тут действует какая-то внешняя сила.

Коля стоял посреди комнаты и думал.

Клава, которая уже смирилась со своим положением, покормила первого близнеца и взяла из кроватки второго.

— Нет, — вдруг согласился Коля. — Мне их не отличить.

— У них даже родинок нету, — сообщила Клава умиротворенным голосом кормящей матери.

Коля подумал и вновь огорчился.

— Но ведь тогда, значит, одного нам подкинули?

— А кто-нибудь заходил? — спросил я.

— Ну если бы кто-то к ним заходил, — вмешалась моя супруга, — то мы бы услышали. Наша лестница скрипит сильно.

— Скрипит, — согласился Коля. Он посмотрел на меня испытующе. Его глаза были красными от недосыпа и огорчения. — Значит, бывают случаи, что второго недосмотрели и он с опозданием родился?

— Мы принимаем это как рабочую гипотезу, — сказала моя жена голосом секретаря обкома.

И как-то все сразу согласились.

Мы сидели на стульях в комнате, смотрели на младенцев, которые заснули, и говорили вполголоса, чтобы их не потревожить.

Никто из нас не верил, что второй младенец родился с опозданием на пять дней, а Клава этого не заметила. Она сама признавала: «Если бы во сне, все равно бы схватки были, без боли не бывает».

Ну ладно, размышлял я, допустим, кто-то подбросил младенца, ловко подбросил, незаметно. Но почему точно такого же? Где он его раздобыл?

— А что, если... — сказал я. Потом осекся. Но все уже смотрели на меня. Пришлось продолжать: — А что, если ты его, Клава, сразу родила? С самого начала их двое было. Но потом его отнесли в палату, где новорожденных держат, а отдать забыли. Вот теперь спохватились — видят: лежит лишний ребеночек. Они стали проверять — получается, что твой, Клава. Вот они с перепугу и подкинули его незаметно. Чтобы скандала не было. Ведь это страшный скандал — в младенцах обсчитаться, тут выговором не отделаешься. У нас каждый советский человек на счету.

— Не очень мне кажется твоя теория, — сказала Нианила. — Но другой пока нет.

— Есть, — вернулся к старой версии Коля. — Есть, если это плод супружеской измены.

— Ну, Коля! Ну не сходи с ума! Ну что ты несешь! — Мы все накинулись на Колю, и он окончательно сдался.

Казалось бы, дело утряслось. Нет, ничего подобного. Ведь мы живем не в вакууме, мы живем в человеческом коллективе. И коллектив уже приходил поздравлять Клаву с родами, коллектив убедился в том, что младенец родился в одиночестве. Ну как теперь убедишь свекровь и других родственников?

— Они потребуют документы, — сказала Клава. — Они же не лучше моего супруга, даже в некоторых отношениях хуже его. Они меня будут упрекать в супружеской измене, вот увидите.

— А мы им документ! — сказал я.

— Какой еще документ? — удивилась Нианила Федоровна. — Где ты найдешь документ о том, что младенцев было двое? Ведь младенец был один!

— Надо проникнуть, — сказал я, — проникнуть и подменить документ. С происхождением младенца мы сами разберемся: куда нам спешить? А вот что касается документации, то без нее не обойтись.

— И что же вы предлагаете, дядя Семен? — спросила Клава.

— Немедленно идти в больницу, в регистратуру родильного отделения, и изменить там число младенцев, — сказал я. — Хорошо еще, что вы в ЗАГСе ему имя дать не успели.

— Тогда пошли, — сказал Коля. — А то стыда не оберешься. Как на службу вернусь, не представляю!

— Может, лучше дождемся ночи? — спросил я.

— Нет, — сказала Нианила, — сейчас вы открыто придете, а ночью надо красться, как воры, и еще в милицию попадете.

Мы оделись и пошли в больницу. По дороге Колей овладела странная надежда, что мы сейчас поднимем документы и в них окажется, что у него с самого начала было два близнеца. И тогда не надо ревновать жену и оставаться на всю жизнь в неведении, ты ли отец одного из своих сыновей.

К счастью для Коли, он — существо ограниченное и приземленное. Так что за пределы земных и реалистических объяснений он не пускался. Я же, шагая рядом с ним, не мог отделаться от тягостных подозрений, что тайна лишнего близнеца не так проста, как может показаться, и вряд ли объясняется ошибкой в документах или неверностью жены. К тому же Коля надоел мне, стараясь выяснить, а нет ли в природе примеров, чтобы самка рожала близнецов порциями? Ну, может, не у людей, а у кошек или морских свинок? На что я не мог ответить. Черт их знает, морских свинок!

В больницу мы пришли около девяти, народу было мало. Я взял разговоры на себя, и Коля был мне благодарен.

Пожилая регистраторша была мне знакома, она приходилась приятельницей моей покойной маме, и поэтому я говорил с ней почти доверительно.

— Дорогая Даша! — обратился я к ней, сунув голову в полукруглое окошко. — Мы к тебе с несколько необычной просьбой.

Дарья Тихоновна высунула голову в окошко, узнала Колю и обрадовалась.

— Поздравляю тебя с первенцем! — сказала она. — Пускай растет богатырем на радость нашей Родине. Пускай им будет гордиться наш город, как новым Павликом Морозовым.

Дарья Тихоновна всю жизнь провела в пионерах. Сначала председателем совета дружины, потом пионервожатой, затем инструктором райкома комсомола по пионерским вопросам, а постепенно, через гороно и совет ветеранов, превратилась в почетную пионерку нашего города. Поэтому ей были свойственны восторженность и громкий голос.

При упоминании об отце Павлика Морозова Коля сразу слинял, сгорбился, исчез, а я затолкал лбом обратно голову Дарьи и перешел на другой, понятный ей тон:

— Слушай, Даша, у нас проблема.

— Давай, дружок, слушаем, — ответила Дарья.

— Ты, наверное, слышала по телевизору, что начался отбор в школу передового пионерского опыта?

— А что? Где?

— В самой Москве, — ответил я. — Записывают с рождения, с первого дня.

— Ну уж они в Москве перегибают палку! — заявила Даша.

— Актив, — прошептал я. — В наши тяжелые времена актив надо готовить с пеленок. Ты же знаешь, какие проблемы с активом.

— Не актив, а сплошная пассивность, — согласилась со мной Даша. Она тряхнула головой, и коротко остриженные скобкой седые волосы рассыпались по лбу.

— Решено создать при центральном совете пионерской организации спецшколу. Отобранных детей фиксируют с момента рождения, а затем подвергают специальному облучению. Нет, не пугайся, все под контролем. Облученные развиваются лучше других детей...

— Какое еще облучение! — рявкнул за моей спиной Коля. — Не позволю моим детям делать облучение.

— Но вот, ты же понимаешь. — Я сурово нахмурился, и Даша послушно прикрыла глаза.

— Сейчас ты дашь нам историю болезни Клавы Стадницкой. Мы спишем все данные на ребенка. Ведь на него отдельную карточку еще не завели?

— Сейчас посмотрим, — сказала Даша.

Конечно, у нас в больнице все попроще, чем в каком-нибудь

московском родильном доме, но все документы подшиты как положено.

Коля жужжал мне в ухо:

— Какое еще облучение?

Даша сказала:

— Видно, история болезни еще в родильном отделении или в консультации у Дины Иосифовны. Ты там, Сеня, посмотри.

— А Дина Иосифовна пришла?

— По расписанию с девяти.

— Ну тогда — будь готов! — Я сделал ей ручкой пионерский салют, и старая пионерка серьезно сделала мне ручкой в ответ:

— Всегда готов!

Я велел Коле сидеть внизу и ждать, а сам пошел в родильное отделение. Там была только сестра, незнакомая, она сказала, что документов на рожениц они не держат. Мне ничего не оставалось, как отправиться к Дине Иосифовне.

Я постучал.

Дверь открылась, и из кабинета вышла высокая рыжая худая женщина. Она уколола меня зеленым взглядом и пошла, хромая, прочь по коридору.

— Простите, — спросил я, — вы Дину Иосифовну не видели?

— Я теперь Дина Иосифовна, — сказала женщина.

— А у вас нет истории болезни Клавдии Стадницкой? — спросил я.

Не оборачиваясь, та женщина помахала тетрадкой, которую держала в руке, и сказала:

— Получите в регистратуре.

Я все-таки заглянул в кабинет. В кабинете было пусто.

Конечно, та женщина не была Диной Иосифовной, но, с другой стороны, она уже не первый раз претендовала на место Дины Иосифовны. И, конечно, она была связана с тайной близнецов.

Размышляя, я спустился на первый этаж. Коля все еще сидел на стуле у гардероба.

— Ты никого не видел? — спросил я.

— А кого я должен был видеть? — спросил Коля.

Я не успел ответить, как меня окликнула Дарья:

— Сеня! Дина Иосифовна вернула мне Клавкину историю болезни. Она тебе нужна?

Дарья протянула мне в окошко историю болезни.

Мы с Колей отошли к окну.

Я перелистал страницы. Оказывается, Клава переболела свинкой, у нее была грыжа и некоторые неприятности с менструальным циклом, — но я не стал задерживаться на мелких дета-

лях — я листал и листал, пока не дошел до последней записи: «25 апреля 1968 года родила двух близнецов мужского пола, вес идентичен — четыре кило двенадцать граммов, длина тела...»

— Ну вот, — сказал Коля, который читал через мое плечо. — Я же говорил, что она родила их вместе.

Он вытер со лба выступивший пот.

— Спасен, — пробормотал он.

— Да, ты спасен, — сказал я без убеждения. Ведь я-то был уверен в том, что еще позавчера у нас был лишь один близнец. А второй появился с опозданием.

Я сел на стул и перелистал все данные о близнецах. При этом я внимательно посмотрел, не был ли вырван лист и заменен другим. Но следов подмены я не обнаружил. Да и не ждал особенно. Ведь если они самого младенца смогли нам подкинуть, неужели они страницу не смогут сделать чисто, как шпионский паспорт.

Я вернул историю болезни Даше, и она по моей просьбе выписала нам справку для ЗАГСа. Ведь нам надо получить на детей метрики.

Как мы вышли на улицу, Коля сразу отобрал у меня справки на близнецов. Он на глазах распухал от гордости.

Смешная вещь — судьба. Она на моих глазах играла человеком.

Навстречу нам шли два мужика в подпитии, они, видно, работали или учились вместе с Колей. Один из них сказал:

— Говорят, ты богатыря родил?

— Не богатыря, — ответил Коля искренне, — а двух богатырей.

— Неужели близнецы? — спросил приятель.

Коля вытащил из бумажника справку, и они втроем начали ее читать.

— Это надо обмыть, — сказал другой приятель.

— Давай справку назад, — сказал Коля и неуверенно поглядел на меня.

— В свете обстоятельств я бы вернулся домой. Порадовал бы Клаву.

— А чего Клавку радовать? Она уж свое отрадовалась, — сказал приятель.

— Мы тебе, дядя Семен, парня не отдадим.

— Тогда отдай справку.

— А что же мы тогда обмывать будем? — удивился второй приятель.

— Коля! — сказал я строгим голосом.

Коля раздумывал. Потом протянул мне справку и сказал:

— Дядя Семен, вы справку домой отнесите, а мы с ребятами пойдем по пиву шарахнем.

— По пиву шарахнем, — поддержали его друзья. — Бочковое привезли, «Бавария», рязанского розлива, не то что наша бурда.

Только мы Колю и видели.

А я принес справку и положил ее перед Клавой.

Конечно, ее беспокоило исчезновение Коли в такой день, но справка ее утешила.

Она стала допрашивать меня, как удалось ее добыть? Кого я подкупил?

— Никого я не подкупал и никого не обманывал, — ответил я. — В твоей истории болезни и в самом деле написано, что ты родила близнецов.

— Но ведь я второго не рожала, — сказала Клава, правда, не очень уверенно.

Вот так на глазах и создаются легенды.

— А в справке написано, что рожала, — сказал я.

— Может, во сне? — спросила Клава. — Может, был наркоз?

— Значит, одного ты родила без наркоза, — съязвила моя жена, — а второго через несколько минут под наркозом. Может, ты его и зачинала под наркозом?

— Нет, что вы, Нианила Федоровна! — покраснела Клава.

Клава всегда хранила верность Коле, впрочем, на ее верность никто и не посягал.

Малыши лежали в кроватке, они казались здоровыми мальчиками, крупными, розовыми, нормальными детьми.

— Но один из них ненормальный, — сказал я Нианиле Федоровне, когда мы остались одни и пили чай.

— И должно же быть этому объяснение, — сказала Нианила. — Скорее всего мистическое.

В этом и заключалось наше противоречие. Я оставался на точке зрения, что все события в природе имеют объективное и научное объяснение. Однако Нианила как более эмоциональная натура допускала существование в природе мистических сил и даже колдовства. И если я, идя по улице VI Съезда комсомола, видел приклеенное к столбу объявление о том, что в Веревкине начинаются выступления члена Международной академии черной и белой магии, излечивающей заговорами и взглядом от онкологических и гинекологических заболеваний, а также наводящей и снимающей порчу, всемирно почитаемой Марьяны Форсаж, я лишь скептически улыбался, а моя жена, хотя на сеансы не ходила, задумчиво замечала:

— Что-то в этом должно быть. Дыма без огня не бывает.

— Так рассуждали обыватели и палачи в тридцать седьмом году! — резко отвечал я, но Нианила не вступала со мной в дискуссии, а принималась вязать мне очередной свитер.

— Надо понять, кому это выгодно, — сказал я.

— Вернее всего, дьяволу, — ответила моя супруга.

— Чепуха! — возмутился я. — Ты знаешь, что дьявола нет. Это научный факт.

— Научных фактов не существует, — отвечала Нила. — Они опровергаются высшими силами.

Таким образом, наша дискуссия зашла в тупик.

— Я полагаю, — произнес я, отступая на заранее подготовленные позиции, — что в этом деле может быть замешана американская разведка.

— Зачем ей замешиваться? — спросила Нианила Федоровна.

— Чтобы внедрить своего агента, — ответил я.

— С такого-то возраста у них агентами работают? — засмеялась моя жена. — Что у них, повзрослее нету?

— Они его будут растить, — сказал я. — И никто не заподозрит в советском ребенке враждебного элемента.

— А он вырастет у нас, пойдет в пионеры, в школу и под влиянием нашего воспитания забудет, что был агентом...

— А когда подойдет срок, — ответил я, — у него в мозгу включится приборчик и он начнет действовать.

— Ты начитался каких-то детективов, — возразила моя жена. — Если бы они могли вставлять приборчики в мозги, то все наши туристы и командированные в иностранные государства уже работали бы на американскую разведку.

— Вот именно! — сказал я, скорее из упрямства, чем по убеждению. — Есть мнение, что большинство наших туристов и загранработников уже работают на них.

— И каков результат?

— А таков результат, — сказал я, — что у нас сплошные провалы с народным хозяйством, что мы, несмотря на обещания партии и правительства, все еще не живем при коммунизме.

— Ну, Хрущев это обещал не на сегодня, а на нынешнее поколение.

— И кем оказался? — спросил я с горькой улыбкой.

— А что такого?

— А такого, — сказал я, — что в нем обнаружился волюнтарист и авантюрист, и его пришлось снять с работы на пенсию.

— А ты в это поверил?

— Я стараюсь верить партии, — сказал я, — иначе жизнь теряет смысл.

Нианила была настроена мирно. Она не стала резко возражать, а, наоборот, с некоторой задумчивостью произнесла:

— А представь себе, что это не американцы, а самый обыкновенный дьявол, враг рода человеческого.

— А дальше что?

— А дальше то, что вырастет дьявол в нашей среде, и мы его будем воспринимать как обыкновенного человека, а он тем временем будет губить наши души.

— Души можно губить у тех, у кого они есть, — возразил я. — А если мы воспитаны атеистами, то душ у нас нет, и поэтому дьяволу у нас нечем поживиться.

— Не шути так, Сеня, — сказала моя жена. — Даже если ты и получил атеистическое воспитание, что меня очень огорчает, то это не значит, что ты должен плевать в души тем людям, у которых души есть. Например, мне.

— Но ты же была комсомолкой!

— И ты был крещен! — отрезала Нианила.

— Я был крещен в раннем детстве, когда не соображал, что со мной делают.

— А если бы сейчас?

— Если бы сейчас, я бы отказался.

— Почему?

— Потому что меня поперли бы с работы! Как можно доверять воспитание детей в советской школе человеку, который пошел и крестился.

— Ох, дожить бы до такого времени, — вздохнула моя жена, — когда снова будет не стыдно верить в бога и когда будут восстанавливать соборы...

Тут мной овладел смех, и я сказал:

— А наш секретарь райкома пойдет в церковь, возьмет свечку и будет молиться! Ха-ха-ха!

— Ой, не спеши с выводами, — сказала моя жена. — Господь видит, да не скоро скажет.

Вот такие споры и беседы происходили в нашей семье по поводу второго близнеца. И, конечно же, споры эти, как любой русский спор, ни к чему не приводили. Спорщики оставались на своих позициях, только с некоторой внутренней обидой друг на друга.

Часть вторая. 1988 год

Время несется быстро. Простите за такое банальное заявление, но если постараться понять, как прошли первые двадцать лет жизни наших близнецов, то покажется, словно только вчера мы принесли их из родильного отделения.

Наверное, вы заметили мою оговорку — я сказал «близнецы». А ведь, пожалуй, за исключением меня и — в некоторой степени — моей супруги Нианилы Федоровны никто не сомневается, что они появились на свет одновременно. Правда, я вспоминаю, какой скандал закатила двадцать лет назад мать Коли Стадницкого, которая испугалась, не появится ли у Клавы еще несколько близнецов, которых та вынашивает специально для того, чтобы претендовать на жилплощадь Стадницких-старших. Смешно? Нет, не так смешно, как кажется, ибо тот конфликт закончился трагически. Свекровь, которая умела водить автомобиль и возила на старой «Победе» картошку из своего подверевкинского имения, угнала «КамАЗ» и спрятала его в переулке, мимо которого Клава проходила на рынок за свежими продуктами. Завидев невестку, она погналась за ней на «КамАЗе». Клава отскочила в сторону, а старуха не справилась с управлением и врезалась в полуразрушенную еще в тридцатые годы церковь Аники Воина. И погибла, погубив при этом чужой грузовик.

А опасения ее оказались напрасными. Клава больше не родила ни одного близнеца. Как их было двое почти с самого начала, так и осталось.

Когда похоронили ее свекровь, на свете не осталось сомневающихся. Могла бы сомневаться Дина Иосифовна, та самая, первая, черная, низенькая, но ее заменила в консультации другая Дина Иосифовна, высокая, хромая и рыжая. Самое удивительное то, что, кроме меня, никто не увидал подмены. И даже Клава, которая носила к ней близнецов на проверку их здоровья и прибавки в весе. Я полагал, что она и есть резидент ЦРУ в нашем

Веревкине, но доказать ничего не смог. Как-то на киносеансе я встретил нашего начальника районного ГБ и спросил, что он думает о докторе Дине Иосифовне. Больше я сказать не мог, потому что никогда не числил себя в доносчиках. Фомичев сказал «проверим», но больше со мной не заговаривал, а хромая продолжала работать в нашей больнице, и никто не принимал мер. Ну скажите, как можно не заметить разницы между столь различными женщинами? И куда делась первая? Никто не дал мне ответа. А я полагал, что его следует искать в архивах ЦРУ.

Сначала я побаивался, не попытаются ли американцы похитить или даже уничтожить первого, настоящего близнеца. Но потом решил, что это не входит в их интересы. Наоборот, они будут стараться, чтобы оба близнеца выросли, и тогда их шпион будет меньше заметен, как меньше заметен любой человек в толпе.

А раз так, то лже-Дина Иосифовна, без сомнения, сделает все, чтобы дети росли здоровыми. Даже если для этого понадобятся импортные лекарства.

Так и было.

Отражая общее стремление в обществе к русификации имен, близнецам дали имена исконно русские, не то что Эдики и Олеги моего поколения. Одного звали Кириллом, второго — Мефодием. А в просторечье — Кирюшей и Митей.

Мальчики были совершенно неразличимы. Даже мать отказывалась отыскать различие. А ведь вы знаете, что любая мать обладает инстинктом и различает всех своих детей.

Клава говорила мне:

— Поймите, Семен Семенович, я их отлично различаю. Они кое в чем разные. Но, к сожалению, я не знаю, к кому из них эти отличия относятся. Так что я их зову и смотрю, кто откликнется. Если на зов «Митя» прибежит Мефодий, я его сразу отличаю от Кирюши.

Коля гордился тем, что у него двойня. Да еще неразличимая. Правда, порой, особенно если выпьет, в его душе поднимались сомнения и даже страх. А мне он говорил так:

— Это, конечно, предмет для гордости, вы меня понимаете? Но в один прекрасный день он меня задушит.

— Кто? — спрашивал я, делая вид, что не понимаю.

— Тот самый, — отвечал он.

Но так случалось редко. Для всех окружающих лучше отца, чем Николай, не сыскать. И с Клавой они жили слаженно — не то чтобы в любви или согласии, но без скандалов.

Быстро проскочило беззаботное детство.

Митя и Кирюша пошли в школу. Учились они в школе № 2,

то есть я имел возможность наблюдать за ними практически каждый день. А от того, что мы жили с мальчиками на одном этаже и они с детства проводили в нашей квартирке немало времени, так как родители оставляли их на наше попечение, им трудно было называть меня Семеном Семеновичем, и бывали, особенно в младших классах, забавные случаи, когда они именовали меня дядей Сеней.

Мальчики сидели за одной партой и порой пользовались своим идеальным сходством для каверз или к своей выгоде. Один из них учил, к примеру, литературу, а другой делал математику. И если вызывали к доске Митю, то в случае необходимости выходил Кирюша.

Но постепенно, по крайней мере для меня, различие между близнецами стало сказываться все очевиднее. Уже к третьему классу обнаружилось, что Кирюша умнее, живее, непоседливее своего близнеца. Митя был скромнее, тише, аккуратнее и больше похож на своего обыкновенного папу.

Но попервоначалу это было очевидно лишь для меня и Клавы, с которой мы обсуждали эту проблему. Остальные видели только двух близнецов, а не двух индивидуумов.

Когда дети учились в третьем классе, случилось событие, для людей заметное, а для судеб человечества очень важное.

Однажды, когда я, закончив урок, который был, кстати, последним, вышел в коридор, я увидел высокого худого молодого человека, которого с некоторой натяжкой можно было бы назвать альбиносом. У него были светло-желтые волосы, белые ресницы, светлые глаза и розовая кожа. Нос выдавался вперед, словно клюв пресноводной птицы, а подбородка почти не было — он был срезан, как у выродившихся королей Австро-Венгрии или Франции.

— Семен Семенович? — спросил он меня. Вроде бы спросил обыкновенно, но в движении туловища, в повороте головы было что-то от заговорщика.

— К вашим услугам, — ответил я.

— Мне нужно поговорить с вами по конфиденциальному поводу, — сказал молодой человек.

Он говорил с акцентом, но правильно.

Я, разумеется, удивился, но виду не подал и сказал, что можно и поговорить.

— Где здесь у вас есть уютное и тихое кафе, — спросил он, — где за чашкой кофе мы можем побеседовать инкогнито?

— Кафе у нас одно, — ответил я. — Называется оно «Кафе-

шашлычная» и расположено на рынке. Но там дают пиво, и поэтому я не назвал бы его ни тихим, ни уютным.

— Что же делать? — спросил молодой человек, почесывая убегающий подбородок.

— Давайте пройдем в парк, погуляем там, — предложил я.

С самого начала он показался мне серьезным человеком и его дело — не пустяковым. Молодой человек согласился, и мы пошли в городской парк, который начинается за спиной памятника двадцати шести бакинским комиссарам и тянется до статуи Геркулеса с веслом.

Мы гуляли с молодым человеком, которого звали, как оказалось, Милан Свазеки, а прилетел он к нам из Чехословакии.

Он был представителем редкой науки — космической биологии и, прежде чем подойти ко мне, заглянул уже в женскую консультацию, где, на его счастье, познакомился с Дашей-пионеркой. Милана интересовала проблема, не зафиксировано ли в нашем городе необычных рождений десять лет назад, в конце апреля.

В ином случае Даша отправила бы Милана к заведующей, и та на всякий случай скрыла бы от Милана всю информацию. Хоть он был из социалистического лагеря, все же оставался подозрительным иностранцем. И несмотря на то что все документы, включая командировку из Пражской академии наук и разрешение на посещение нашего Веревкина из Московской академии наук, у Милана были в порядке, уехал бы он от нас несолоно хлебавши. Потому что не любят в нашем городе любопытствующих иностранцев. Правда, до приезда Милана таковых в нашем городе не наблюдалось.

Но Даша, добрая душа, была уже настолько глуховата и подслеповата, что, когда Милан показал ей командировочное удостоверение, она спутала его с генеральным секретарем комсомола товарищем Косаревым, репрессированным в конце тридцатых годов, потому что он был любимцем молодежи.

Вот и сказала ему Даша, что если кто и сможет рассказать о близнецах Стадницких, о которых она помнила, то это я — Семен Семенович, их сосед и учитель. А к Дине Иосифовне, врачихе, ходить не надо, так как она ведьма, летает на метле и оскорбляет тетю Дашу грубыми словами.

Милан решил воспользоваться советом пионерки Даши и отыскал меня.

И вот мы гуляли с ним по аллее нашего небольшого городского парка, с деревьев падали золотые и бурые листья, ветер был

еще не очень холодным — стоял октябрь. Бабье лето уже завершилось, но неприятная осень еще не началась.

— Я буду с вами совершенно откровенен, — говорил Милан. — Меня интересует конкретная научная проблема, ответа на которую я еще не получил. Давайте сядем на лавочку, и я вам что-то покажу.

Мы сели на лавочку.

Он вынул из своего портфеля карту Западного полушария Земли, по которой была проведена широкая полоса наискосок. Словно полушарие было лицом, а полоса — пиратской повязкой через глаз.

— Мне пришлось столкнуться в моих исследованиях со странным феноменом, — сказал Милан. — В апреле 1968 года Земля была охвачена поясом неизвестного космического газа, лишенного цвета и запаха, однако замеченного в обсерватории моего папы, у которого был лучший спектроскоп во всей Восточной Европе. Мой папа рассказал о странном феномене ряду своих коллег, но оказалось, что, кроме него, никто эту полосу не заметил. Вам есть скучно?

— Мне есть очень интересно, — ответил я.

Туманные подозрения начали шевелиться в моей душе.

— Мой папа написал статью и предложил ее для публикации в журнале «Космическая спектрография». Однако за день до публикации журнала здание типографии сгорело, и весь тираж номера исчез. У нас дома побывали воры и утащили все папины наблюдения. Папа же попал под машину.

— И погиб?

— Да, профессор Свазек погиб...

— Черный «Мерседес»? — спросил я. — За рулем бритый негр?

— Нет, — сказал Милан. — Это была «Шкода», а за рулем рыжая женщина с зелеными глазами.

— Может быть, — согласился я. — Может быть, и Дина Иосифовна.

— Что вы сказали?

— Продолжайте, продолжайте, — попросил я.

— Я тогда был небольшим ребенком, — сказал Милан. — Моя мама увезла меня в деревню. Мы жили простой жизнью. Рядом в доме жила несчастная женщина. Она была одинокая, без мужчины, совершенно невинная. Но незадолго до нашего приезда в деревню и смерти моего дорогого папы эта женщина Божена неожиданно дала рождение одному ребенку. Вы меня понимаете?

— Родила то есть?

— Да, она не была замужем, она не была беременная, но сделала рождение ребенка. Доктор сказал, что так не бывает, однако другие люди не сомневались. И женщина Божена была очень несчастливая. А когда я учился в Карловом университете, то я подружился с одной девушкой, которая рассказала мне о подобном случае в Брно. Однако там ребенка нашли в поле возле дороги, и он был уменьшенной копией совершенно холостого секретаря госхоза.

— И вы предположили козни ЦРУ? — спросил я.

— Какие еще козни? — не понял Милан.

— Американская разведка засылает в социалистический лагерь шпионов, чтобы они с грудного возраста внедрялись в нашу жизнь.

— Почему вы думаете такую чушь? — спросил мой чехословацкий знакомый.

— Но как вы это объясните?

— Я никак не объяснял, пока однажды в подполе не нашел сундук с дневником моего отца, который случайно не сгорел. Мой отец писал, что его покачивает... нет... как это по-русски? Потрясает состав газового пояса, который охватил Землю в те далекие апрельские дни. Он нес в себе чуждые хромосомы, и это выразилось...

— Я понимаю. Они убрали вашего отца!

— Но нет, не американцы! Американцы не умеют делать дети в небеременных женщинах!

— Но кто же?

— И я начал путешествие по этой полосе... — Милан провел длинным худым пальцем по лицу Земли. — И везде, где проходил этот пояс, на свет появились странные дети... и в некоторых случаях детей подменяли...

— Но зачем? — спросил я, все еще не в силах поверить, но в то же время уже готовый поверить, потому что несколько лет ломал себе голову, почему же в нашем доме появился лишний близнец?

— Я сейчас все объясню, — сказал Милан. — Я провел исследование и сравнил относительное положение ряда звезд и кометы Пунктуа-Горрэ...

Закончить фразу Милан не успел.

Все было решено в долю секунды.

Только что рядом со мной сидел молодой человек аристократической внешности, а в следующее мгновение на его месте я увидел метровую глыбу льда, которая рухнула с неба, раздробив в щепки скамейку, отбросив меня на несколько метров в сторону и полностью размозжив попавшего под нее Милана Свазека.

Только ноги и пальцы рук торчали из-под глыбы льда. Я не сразу поднялся на ноги — я был контужен. Я пытался закричать, позвать на помощь, но голос меня не слушался. И прошло несколько минут, прежде чем сбежались люди и стали стараться сдвинуть с тела чешского ученого ледяную глыбу.

— Что это? — спрашивали люди. — Откуда это?

— С неба, — говорили другие.

Наконец я нашел в себе силы произнести нужные слова:

— Это ледяной метеорит. И это не просто ледяной метеорит, а убийство человека, который проник в тайну звездных пришельцев.

Люди оборачивались ко мне, и многие готовы были счесть меня сумасшедшим, но им мешало это сделать то, что я тридцать лет проработал в школе № 2, стал ее завучем и каждый второй в городке в то или иное время был моим учеником.

Кто-то побежал звать пожарную команду, которая располагалась как раз за углом, но, пока бегали, откуда-то появилась ненавистная мне рыжая хромая Дина Иосифовна.

— Доктор идет! — закричали люди. — Доктор идет, расступитесь!

Дина Иосифовна поглядела на останки Милана и сказала:

— Никакой это не метеорит. Принюхайтесь.

Люди стали принюхиваться, и многие, в том числе и я, поняли, что от тающей глыбы пахнет мочой. И, вернее всего, она не могла быть ледяным метеоритом из космоса.

— Разве вы не видите, — продолжала женщина-врач, — что это упало из туалета пролетающего мимо самолета?

— Такого размера из самолета? — крикнул я. — Постыдитесь, Дина Иосифовна!

Тут прибежали пожарные и с помощью ломов откатили глыбу льда в сторону. Еще сильнее стало пахнуть мочой.

На Милана Свазека было страшно смотреть.

Милана положили на носилки и отнесли в морг больницы.

Пока его уносили, кто-то позвонил в часть ПВО, которая стоит за оврагом. Оттуда приехали специалисты, с кем-то связались по рации и сказали, чтобы люди не волновались и расходились. А так как командир роты в этой части Володя Бутт был отцом моего ученика, кстати, очень хорошего и способного мальчика, то он сказал мне по секрету, что ледяная глыба оторвалась от космической станции «Салют», а вовсе не от самолета. По расчетам, она должна была превратиться в пар, не долетев до Земли, но случилось что-то не поддающееся расчетам, из-за чего она даже не растаяла и достигла Земли в виде куска ледяного аммиака.

Я понял, что правды я здесь не добьюсь, и не стал спорить с командиром роты. Охваченный печалью, я пошел домой. На углу нашей улицы меня догнала рыжая докторша.

— Что он успел тебе рассказать? — спросила она зловещим шепотом.

Я знал, что должен сохранить свою жизнь, иначе не удастся разоблачить наших недругов.

— К сожалению, — сказал я, глядя ей прямо в зеленые бесстыжие глаза, — он не успел мне ничего рассказать.

Я ускорил шаги и быстро оторвался от хромоножки. За пазухой у меня была спрятана карта газового пояса, которую я успел вынуть из пальцев моего погибшего соратника. Я смею называть его соратником, ибо у нас была общая цель и если из наших рядов выпадает один боец, другой должен занять его место.

Ужасная трагическая история на этом не закончилась, так как через неделю я встретил моего знакомого капитана Володю Бутта, и тот под особым секретом, под видом беседы об успехах его чада, сообщил мне, что ледяную глыбу, когда она растаяла, разлили по сосудам и отвезли на исследование в Звездный городок. Но по дороге спецгрузовик, который вез сосуды, попал в аварию...

— Понятно, — сказал я.

— Это была случайная авария, — возразил комроты, который не знал о предыдущих событиях и жертвах, если не считать смерти чешского гостя Милана Свазека, которую он тоже считал случайностью — ведь его убило глыбой льда, которая падала сама по себе, а не была направлена злодейской рукой.

Рука руке рознь, хотел сказать я, но сдержался — все равно он мне не поверит.

— По счастливой случайности один из сосудов остался цел, — продолжал мой собеседник. — И его удалось отвезти в лабораторию. Так вот, оказалось...

— Оказалось, что никаких выбросов фекалиев со станции «Салют» не было и не могло быть, потому что она работает на замкнутом цикле, о чем знает каждый мальчишка, — твердо сказал я.

— Ну, Семен Семенович, вы прямо как в воду глядели! — заявил комроты. — Это была совершенно чуждая нам жидкость, и, вернее всего, это все же был метеорит, вечный странник в глубинах космоса, который случайно столкнулся с Землей.

— Чего и следовало ожидать, — сказал я удрученно. — Знаем мы эти случайности!

— Но вы не представляете, какая радость охватила весь наш

научный мир! — продолжал радостно капитан Бутт. — Это означает, что мы не одиноки во Вселенной. Где-то далеко у нас есть братья! Братья по разуму.

Кто-то вошел в учительскую, и комроты стал прощаться. Он приложил палец к губам, показывая, что информация, которую он мне передал, пока еще секретная. Я не стал спорить.

Хотя, надо признаться, мне хотелось выйти на площадь и закричать на всю нашу страну, на весь мир: «Люди, будьте бдительны! На нас надвигается беда хуже американского империализма! Я должен принести мои извинения Центральному разведывательному управлению США, которое при всех его недостатках и подлостях не убивает невинных людей ледяными глыбами из космоса».

Но, конечно же, я не вышел на площадь. Я сделал иначе. Я решил посвятить свою жизнь борьбе с нашествием так называемых «братьев по разуму». Я отстою свободу нашей планеты! Но не открыто, так как мне никто, кроме жены, не поверит, а тайно, яки змей! Вы меня поняли? И пускай они думают, что никто их не раскусил! Кровь Милана Свазека вопиет об отмщении.

Я с того дня стал внимательнее приглядываться к близнецам Стадницким, потому что именно они и были слабым звеном в цепи вселенского заговора. Как только я определю, кто из них космический пришелец, а кто — обыкновенный советский человек, я смогу разорвать цепь.

И я, благо мог практически ни на минуту не выпускать из поля зрения близнецов, принялся контролировать все их шаги.

На что я надеялся? Ну, во-первых, контакты. Так называемая Дина Иосифовна может выйти на контакты с их засланцем, чтобы давать ему враждебные инструкции.

Во-вторых, я хотел углядеть в одном из близнецов отклонения от нормы в поведении. Ведь обыкновенный человек — сын своих родителей. А чужой ребенок неизбежно несет в себе чуждые нам гены.

Что я мог сказать на основе первых недель наблюдения?

Кирюша записался в кружок авиамоделизма. Так, сказал я себе. И стал ждать, что сделает Митя. Митя получил четверку за сочинение и уложился в нормы ГТО на стадионе. Кстати, Кирюша пробежать дистанцию пробежал, а вот гранату кинуть не смог. Кинул, но вверх, а не вперед, и при том цинично хохотал. Может, это о чем-то говорило?

Я завел двойной журнал наблюдений. И день за днем фиксировал свои наблюдения.

В седьмом классе Кирюша записался еще в три кружка и по-

том все их бросил. Странным образом его тянуло узнать как можно больше о нашей маленькой и беззащитной планете, но он быстро менял темы увлечений.

Митя кое в чем обогнал своего брата. Ну я уж не говорю о чистописании и дисциплине, так что близнецов уже начали постепенно различать даже посторонние люди, так как Кирюша был неаккуратен в одежде, словно его мало интересовала человеческая оболочка, а вот Митя рано научился сам гладить себе брюки и стирать носки.

Меня встревожило то, что Кирюша в седьмом классе увлекся стрельбой и даже в составе районной команды выезжал на соревнования в область. Когда я спросил его: «Зачем тебе нужно стрелять?», он ответил: «Дядя Сеня, я готовлю себя к борьбе. Посмотрите, насколько враждебно наше окружение. Вы видели, как зареченские Тимофеева избили?»

«Да, — признался я, — случай с Тимофеевым вызвал у меня негодование, но знаешь ли ты, что на беседе у директора Тимофеев признался, что упал с обрыва в колючий кустарник?»

«Разумеется, — согласился со мной Кирюша. — Где же у нас растет под обрывом колючий кустарник?»

На этот вопрос я не смог дать ответа. Оказывается, об этом слабом месте в показаниях Тимофеева наш учительский коллектив не подумал.

Но в следующем году Кирюша забросил и стрельбу, и собирание птичьих яиц, которыми некоторое время занимался, и начал играть на трубе, заглушая порой шум, который производили жестянщики.

В школе Кирюша оказался на плохом счету. Хотя бы потому, что умел и любил задавать нетактичные вопросы или вопросы, на которые простой советский учитель не может ответить.

Учителя между собой называли его «шпионом» — именно из-за нетактичного поведения. Я сам слышал, как он спросил учителя истории Бибармакова: «Правда ли, что Ленин и его жена Надежда Константиновна прибыли из-за границы в запечатанном вагоне на деньги немецкого генштаба?» Вопрос был задан в коридоре, почти без свидетелей, но я понимаю взволнованность Бибармакова, которому в следующем году идти на пенсию.

«Разумеется, это клевета, потому что Владимир Ильич возглавил борьбу советского народа против фашистской агрессии. Но как пионер и комсомолец ты должен ответить — кто рассказал тебе эту гадость?»

И сам вытащил свою записную книжечку, которую я помню

по заседаниям педсовета за последние двадцать лет. Из нее он черпал все возмутительные факты и слухи школьной жизни.

«Записывайте, — нагло ответил Кирюша, — я услышал об этом в передаче радио «Свобода».

Бибармаков замер с открытой книжкой в руке. Времена были сложные, как раз умер Леонид Ильич Брежнев и серьезно заболел наш следующий генеральный секретарь.

Я подошел к коллеге и сказал шепотом:

«Можно не записывать. И даже лучше не записывать. Нам дорога честь нашей школы».

«Вот именно», — прошелестел Бибармаков. И не записал.

Но если тот случай закончился ничем, то в других ситуациях действия и поступки Кирюши не оставались безнаказанными.

Митя меня беспокоил меньше, но я не спускал глаз и с него, потому что допускал: они могут нарочно сделать своего агента незаметным и тихим. Что им наш патриотизм? Что им наши ценности? Братьев уже нетрудно было отличить, потому что Кирюша отпустил длинные волосы, что недопустимо в городе Веревкине, тогда как Митя стригся под полубокс, носил белую сорочку и темные брюки без всяких там джинсов. Между братьями стали иногда возникать конфликты, и один из них поставил меня в тупик. Дело в том, что некогда, в сорок первом году, под Веревкином шли тяжелые бои, в которых отличились многие части ополченцев, которые, к сожалению, были полностью уничтожены или взяты в плен гитлеровскими захватчиками. В нашем городе была создана дружина красных следопытов, которые под руководством городского ДОСААФ искали места гибели ополченцев, а если находили, то складывали их в братскую могилу, а документы передавали в военкомат. Если же находили останки наших врагов, то их, конечно, оставляли на месте и поглубже затаптывали.

И вот у нас в школе идет комсомольское собрание. Было это в восемьдесят четвертом году, когда мои близнецы учились в девятом классе. Выступает отставной полковник Артем Груздь из ДОСААФ и произносит речь благодарности от имени Родины красным следопытам и их куратору от имени райкома комсомола Мефодию Стадницкому, который стал к тому времени, а я упустил этот момент, внештатным инструктором райкома ВЛКСМ.

Вручают грамоту Мите, а тут выходит на трибуну Кирюша, и его тоже встречают аплодисментами, полагая, что он скажет, как рад за своего брата. А наш Кирюша говорит примерно так:

— Я предлагаю сделать братскую могилу и для немцев. Зачем их затаптывать? Сорок лет прошло, у нас с Германией отноше-

ния нормальные. И разве немецкие простые солдаты были виноваты, что их на нас гнали? А у них тоже были матери и, может, дети. Ведь и ополченцев наших гнали в бой без винтовок.

Сначала зал промолчал, а потом поднялось такое возмущение! Вы должны были бы там оказаться, чтобы понять всю глубину народного негодования, которое обрушилось на Кирюшу.

А он стоит, руки в карманах джинсов, волосы сзади в косицу завязаны, и раскачивается на носках и на пятках, словно на палубе пиратского корабля.

В общем, собрание приняло решение об исключении Кирюши из комсомола за крайний цинизм в адрес памяти народной войны. Правда, дали ему испытательный срок из-за того, что у него такой хороший брат.

Вечером я слышал, как братья разговаривали во дворе, как раз под моим окном. Они разговаривали тихо, но в осеннем воздухе под шепотом ленивого дождика мне было хорошо слышно каждое слово.

— Ты мне жизнь хочешь сорвать? — спрашивал Митя. — Почему ты это сделал? Ведь нарочно? Ты мне завидуешь?

— Я? Тебе?

— У тебя все наперекосяк. То на трубе не можешь научиться, то в баскет тебя из команды вышибают. Ты неудачник, Кирка!

— Разве в этом дело? — ответил Кирюша. — Дело в том, братан, что ты испугался за свою карьеру. А я, будь моя воля, и в самом деле ее бы тебе разрушил!

— Почему? Ну скажи, почему?

— А потому, что ты себе делаешь жизнь, как паровозик на рельсах. Катишься от председателя совета отряда и редактора стенгазеты к инструктору райкома, потом в профком попадешь и будешь всю жизнь по кабинетам бумажки носить. Тебя ведь на большее не хватит — ты всего боишься.

— Ну уж тебя по крайней мере я не боюсь!

— Потому что по утрам гантели поднимаешь шестьдесят четыре раза и отжимаешься двадцать один раз?

— И холодной водой обливаюсь.

— Митя, ты хочешь стать серой личностью. И даже твои обтирания взяты из арсенала ничтожеств. Ничтожество делает все по правилам.

— А ты кто? Наполеон?

— Не знаю, кто я такой.

— Пособник фашистов, вот кто ты такой!

— Дурак ты, Митяй. Я фашистов больше тебя ненавижу. Но и

ваши игры в красных следопытов ненавижу. Вы на все это смотрите, как какие-то бухгалтеры.

— И товарищ полковник?

— И товарищ полковник в отставке. Кто-то там, наверху, получит за инициативу орден, кто-то пониже — медаль, а тебе дадут грамоту с портретом. Плевать вам на ополченцев, как и на немцев. Вы о своих делишках думаете.

— А ты хочешь над нами подняться? — спросил с иронией Митя. — Ты нас судишь, как какой-то инопланетный пришелец! Мы защищали Родину и поливали ее кровью...

— Да катись ты, не поливал ты ничего. Ты хочешь быть как все и кончить жизнь с персональной пенсией.

— Я хочу строить счастливое общество для всех трудящихся!

— Жалко мне тебя, банальный ты человек!

Тут Митя накинулся на Кирюшу, и они стали драться, а я хотел было крикнуть, но моя Нианила Федоровна опередила меня и опрокинула на них кастрюлю холодной воды.

Потом был случай с Зиной Ковалевой. Она к нам в школу перешла из первой, где была признанной школьной красавицей. И за ее чары бились славные наши молодцы — я искренне жалел, что в нашем учебном заведении появилась такая Шемаханская царица. Впрочем, на меня эта девица впечатления не производила, а мальчишек покоряла хамством, рискованной манерой одеваться, высокой грудью и, надо признать, чудесными невинными глазищами, которые совершенно не соответствовали ее духовному миру.

Так как братья Стадницкие были первыми парнями в десятом классе, то всей школе было интересно узнать, чем закончится их поединок.

Сначала она отдавала предпочтение Мите, он был спортивным, подтянутым и пользовался авторитетом среди учителей; что странно, так как учился он посредственно — у него никогда не хватало времени на учебу: заедали комсомольские поручения и общественная работа, которой Митя отдавал все свое основное время.

А потом как-то я увидел, что Зину провожает домой после школы Кирюша. Я шел как раз домой, они обогнали меня, не заметив, и я услышал фразу Зины:

— Он у тебя обыкновенный. Земной.

— А я возвышенный? — спросил Кирюша.

— Ты менее обыкновенный, — осторожно ответила Зина.

Роман Кирюши проходил сокрушительно и кончился крахом. Начиналась перестройка и докатилась до нашего городка. Некий Максудов взял в руки наш рынок. Кирюша в те дни совсем перестал учиться. И я не сразу, к сожалению, догадался, что причиной тому была Зина. Любовь Зины дорого стоила. И если Митя догадался об этом быстро и отступил, потому что в силу своего характера предпочитал всегда оставаться на земле, то Кирюша решил, что станет миллионером. Он пошел к Максудову и предложил свои услуги. Максудов старался укорениться в Веревкине и поставил Кирюшу охранником в пивном ларьке.

Вот это совершенно разрушило все мои теории и гипотезы. Если до этого момента у меня почти не оставалось сомнений в том, что Митя — это первый, земной близнец, весь в отца, а Кирюша ихний, то Кирюша-вышибала меня сбил с толку — разве такими бывают инопланетяне?

В первый же день работы, получив аванс, Кирюша повел Зину сначала в магазин «Французское бордо», чтобы купить ей туфли и платье, а потом в бывшее кафе-столовую «Юность», которая теперь стала рестораном «Эклеро». Они целовались с Зиной в парке, и все это видели, но на следующий день Зина переехала жить к Максудову, который познакомился с ней прошлым вечером в ресторане «Эклеро», которым тоже владел.

Кирюшу после этого окончательно выгнали из комсомола и из школы, прислужники Максудова поколотили его прямо на площади, когда он хотел поговорить с шефом, а в счет аванса отобрали у него видик, которым владела семья Стадницких.

После этого в семье Стадницких был совет, некоторые слова и выражения которого донеслись к нам через стенку.

Среди них выделялись громкие слова типа: «бездельник!», «хулиган!», «убийца собственной матери!»... Потом было слышно, как осуждающе, но успокаивающе лился голос Мити, как визжала Клава...

На следующий день Кирюша исчез.

Я два дня терпел, а потом спросил Клаву — теперь уже весьма полную женщину средних лет, — куда же делся ее близнец.

— Не бойтесь, дядя Сеня, — сказала она, — не закопали мы его. Он сам выбрал свою судьбу.

И тут она зарыдала, потому что любила обоих сыновей и горести, которые доставил ей Кирюша, подкосили добрую женщину.

Оказывается, Митя поставил вопрос ребром — либо Кирюша покидает отчий дом, либо он сам это сделает, потому что пребывание в одном городе с братом губит перспективы его работы. Кирюша, подвергнутый резкой критике в семье, заявил, что и сам не намерен больше гнить в Веревкине. Он намерен путешествовать по всей земле, осмотреть ее, так как мало о ней знает и еще не готов для таких дел, к которым его предназначает судьба. Что долг за видик он семье отдаст, в материальной помощи не

нуждается, а своего ничтожного брата он презирает, потому что тому суждено прожить жизнь робкого пингвина из стихотворения Максима Горького.

Все в доме думали, что Кирюша проспится, а утром все будут решать, что делать дальше.

Но, когда проснулись, сына уже не было.

Он оставил записку, которую мне показала Клава:

«До встречи. Гражданин Вселенной».

Клава плакала и повторяла:

— Ну что же, даже для матери ласкового слова не нашлось. Как будто подкидыш...

Тут она замерла с полуоткрытым ртом и долго смотрела на меня, а в глазах ее замер ужас понимания...

— Еще ничего не потеряно, — сказал я. Это были первые попавшиеся мне слова утешения, не самые удачные, но искренние.

Долгое время ничего не было слышно о Кирюше. След его потеряла даже Дина Иосифовна. Она подошла ко мне как-то в поликлинике, куда я пришел по поводу старческих заболеваний, и спросила:

— Я волнуюсь, где мальчик Кирилл Стадницкий?

— А почему же вы волнуетесь? — спросил я.

— Ты знаешь, старый сморчок! — ответила грубо докторша и скрылась в своем кабинете.

Я приоткрыл дверь в этот кабинет и смело сказал:

— Вам еще отольются слезы родных Милана Свазека!

Весной Зине, которая тоже бросила школу, жила в Туле и оттуда наезжала к своим родителям в «девятке», порезали бритвой лицо. К сожалению, она никогда уже не будет красавицей. А Максудова и вовсе убили. Так проходил дележ собственности в нашем городе.

Зина устроилась на швейную фабрику.

Митя окончил школу почти экстерном. На два экзамена он пришел сам, а на остальных ему поставили твердые тройки. Явиться на них он не мог, так как представлял в Вологде передовиков-комсомольцев нашей области.

Только следующей осенью, когда Митя уже поступил в областную комсомольскую школу, пришла открытка от Кирюши: «Жизнь хороша, жить трудновато». К ней прилагался перевод на стоимость видика. Обратный адрес был — Памир. Хорог.

В областной школе Митя учился средне, но был исполнителен и дружил с сыном секретаря обкома. Так что на следующий год при распределении его отправили вторым секретарем райкома комсомола в Устье. Тогда же пришла телеграмма от Кирюши: КОСМОПОЛИТ — ГОРДОЕ СЛОВО. СПАСИБО ПАПА И МАМА ЗА ЖИЗНЕННЫЕ УРОКИ ПРИВЕТ МИТЕ НАДЕЮСЬ ОН УЖЕ В ПОЛИТБЮРО.

А отдельно пришло письмо нам с Нианилой, за что мы были благодарны Кирюше. Хоть он и оказался инопланетным пришельцем, нам он был не чужой. В письме он, в частности, писал:

«...Когда смотришь на мир с вершин Гималаев, понимаешь, что ты так мал во Вселенной и как мала Земля по сравнению с куполом звездного неба. Я ощущаю в себе цель, задачу, она стучит во мне, как взволнованное сердце, я еще не могу сформулировать эту цель и иногда боюсь собственного предназначения...»

Нианила принялась плакать, и тут к нашему дому подъехал трейлер. Рабочие в униформе начали сгружать и вынимать из него иностранного вида коробки. Они заносили их в квартиру Стадницких, и оттуда доносились различные возгласы. Даже жестянщики перестали стучать и стояли открыв рты. Когда через два часа трейлер, забрав пустые коробки, отбыл, Стадницкие позвали нас к себе, и мы увидели, что большая комната в их квартире заставлена видеооборудованием, включая телевизор с экраном в метр на полтора, различного вида плееры и видео, а также факсы и неизвестные мне приборы.

Оказывается, все это было прислано из Сингапура их сыном Кирюшей, который купил там небольшой корабль, на котором везет в Австралию кокосы.

Вечером из Устья приехал на персональном «газике» брат Митя. Он был очень расстроен, потому что понимал: кто-нибудь обязательно донесет в область, что брат второго секретаря райкома ведет капиталистический образ жизни в зарубежье.

Но Митя недолго расстраивался, потому что вовсю разворачивалась перестройка. Теперь он стал чаще заезжать к родителям и смотреть, какие вести пришли по факсу от брата. Митя покинул комсомол, и вместе со своим первым секретарем они открыли комсомольский кооператив по продаже женских прокладок. Он уже назывался кооперативом «Сахара».

Но Кирюша недолго удержался во владельцах корабля, а разорился и отправился в джунгли острова Минданао на поиски племен каменного века. И вести по факсу перестали от него приходить. Правда, как-то показывали по телевизору, как катера «зеленых» пытались сорвать французское испытание атомной бомбы на атолле, и на катере я точно угадал Кирюшу.

Часть третья. 1998 год

Я все же вышел на пенсию, хоть меня и уговаривали остаться, потому что у нас в Веревкине мало опытных преподавателей, которые соглашаются работать за незначительную плату. Но я устал и решил, что, пока есть силы, я продолжу заочную борьбу с космическими пришельцами, хотя я не знаю, чем они нам грозят. Но в одном я не сомневался — это существа безжалостные, которые мыслят категориями выгоды и своего господства. Да достаточно посмотреть на Дину Иосифовну. Нет, не на ту, которую они давно уже убили, а на подмененную, которая и обеспечивала успех операции «Близнецы» в нашем городке. Она уже седая стала, волосы кое-как красит в оранжевый цвет, хромает пуще прежнего, кошачьи глаза злобой горят. Я как-то ее встретил и спрашиваю:

— Ну что, жизнь прошла впустую? Уж полночь близится, вторжения все нет?

Она буквально затрепетала от злобы и отвечает:

— А ты чего добился, гуманитарный сморчок? Живешь на нищенскую пенсию и даже не знаешь, что тебя ждет.

— Так проговорись, Дина Иосифовна!

— Не на такую напал! — ответила мне гинекологичка.

— Так хоть скажи мне, что вы сделали с предыдущей Диной Иосифовной?

— Она даже ничего не заметила, — туманно ответила космическая злодейка.

— Ну тогда последний вопрос, — взмолился я. — Кто из них ваш, а кто из них наш? Правильно ли я угадал?

— Ты все равно не остановишь судьбы! — воскликнула докторша. — Наши агенты носятся над Землей подобно смерчу. Ты хочешь знать правду? Так знай же...

В этот момент по асфальтированной улице Льва Толстого промчался весь побитый, грязный джип «Чероки». Сидевший в нем пожилой бритый негр поднял пистолет и выпустил две пули.

Одна пуля поразила хромую инопланетянку, а вторая пронеслась так близко от меня, что вырвала клок волос.

Негр захохотал, а я присел на корточки, и он не стал больше стрелять.

В парке у памятника Геркулесу с веслом было безлюдно. Труп худой женщины с оранжевыми с сединой волосами начал растворяться и в течение минуты на моих изумленных глазах превратился в мятую пустую банку из-под кока-колы. Я протянул было руку, чтобы взять банку, полагая, что когда-нибудь на суде народов она послужит вещественным доказательством, но меня так ударило током, что я поспешил уйти из парка.

В 1991 году была как бы запрещена компартия, что позволило некоторым ее деятельным членам перейти в администрацию, а другие занялись крупным бизнесом. Веревкин понемногу менялся, хотя, наверное, перемены в такой глухой провинции не столь очевидны, как в Москве.

Наш Митя работал в райцентре Устье, но уже не секретарем райкома комсомола, а вице-президентом районного коммерческого банка «Престолъ». Он заезжал к своим постаревшим родителям на машине «Ауди» с синим фонарем на макушке. Он немного раздобрел, причесывался на прямой пробор и носил пальто на три размера больше, чем нужно, ботинки сверкали даже в самую дурную погоду, рубашка была белоснежной, а галстук — в синюю и красную полоску с булавкой, на которой было написано английскими буквами «Оксфорд». Митя объяснил мне, что он не оканчивал этого английского университета, но был в делегации деловых людей и там произошел обмен галстуками и булавками. Так что в Англии теперь можно встретить влиятельных людей в красных галстуках со значком нашей областной комсомольской школы.

— Организуем благотворительный фонд, — сказал вежливо Митя. — Будет называться «Дети-путешественники». Хотим, чтобы и лишенные средств родители могли отправить своих детишек посмотреть чудеса света.

Ставший за прошедшие годы циничным пьяницей Коля Стадницкий ввернул свой комментарий:

— Чтоб твоим дружкам под этим видом по заграницам поездить.

Но Митя не обиделся на отца.

— Ты не прав, папа, — сказал он, — сейчас в заграницу может поехать каждый мой дружок. Но мы хотим помочь и остальным Под этим лозунгом меня выдвигают в парламент.

И он направился к своей машине. Его ботинки сияли так, что грязь, что, как обычно, лежит возле нашего дома, расступалась, боясь до них дотронуться.

Из окошка машины он попрощался с нами и сказал, показав на грохочущую мастерскую жестянщиков:

— А это мы уберем. Я с Сидором Вениаминовичем поговорю.

После этого земной близнец уехал бороться за права детей, а космический близнец Кирюша прислал такую телеграмму:

УСТРОИЛСЯ НА КОСМИЧЕСКУЮ СТАНЦИЮ В СОВМЕСТНЫЙ ЭКИПАЖ СЛЕДУЮЩАЯ СВЯЗЬ ЧЕРЕЗ ДВА МЕСЯЦА

Я отнесся к этой телеграмме скептически, но потом прочел в газете, что американский «Челленджер» доставил на наш «Салют» новую смену в составе французского, мозамбикского и русского космонавтов. Фамилия русского — К. Стадницкий.

Я обрадовался и хотел устроить в нашей школе вечер в честь первого космонавта из города Веревкина. Но в настоящее время космические путешествия настолько вышли из моды, что новая директорша сказала мне: «Пускай поскромнее летает. У нас в школе крыша протекает». Я смирился, но подумал, что Митя нам поможет. Я раздобыл его телефон — только уже не в Устье, а в области. Секретарше с голосом фотомодели я представился и объяснил, что по личному делу. Митя откликнулся часа через два.

— Прости, дядя Сеня, — сказал он мне своим добрым голосом, — совещались по вопросам борьбы с демократией, которая очень надоела народу. А что у тебя за проблема?

Я рассказал про школу. Что она протекает.

— Я записал. Уже записал, — сказал он.

На следующий день к нашему дому подъехали несколько грузовиков. С них начали сгружать сверкающее иностранное оборудование. Его установили на первом этаже. Потом сменили вывеску. Вместо старой жестяной, на которой было так и написано «Жестяные работы», появилась новая, горящая неоновым светом: «Предприятие по обработке листовых металлов и золота акционерного общества «Малютка».

Клава Стадницкая, старая кваша, встретила меня и сказала:

— Все-таки Митя у нас заботливый. Это он обещал, что уберет жестянщиков. Так и сделал.

А так как в школе крышу все не чинили, я снова связался с Митей. Он долго мне не отвечал, недели две, — все был занят выборами и дискуссиями, а потом я его увидел у нашего дома Он осматривал жестяную мастерскую. Увидев меня, обрадовался, пожал мне руку и говорит:

— Ну вот видите, дядя Сеня, я выполняю свои обязательства перед народом.

— А как же школа? — спросил я.

— Школа — следующий этап, — ответил Митя. — Сейчас совершенно нет налички. Кризис. Все сюда пришлось вложить,

чтобы спасти вас, дядя Сеня, и моих дорогих родителей от шума и грохота.

Он с гордостью показал на жестяную мастерскую, которая и в самом деле не грохотала, а лишь посапывала, шипела, постукивала — вела себя пристойно.

— Видишь название? — спросил Митя.

— Какое название? — спросил я.

— «Малютка». Так все предприятия нашего фонда защиты детей называются. Эта мастерская теперь наша с тобой, дядя Сеня, народная, то есть моя.

И он уехал на машине «Вольво», такой сверкающей, что даже грязь из-под колес не смела ее коснуться.

Жизнь человеческая пролетает незаметно. За последующие годы многое изменилось в нашей стране и во всем мире. Но я, старея и мучаясь от болезней, продолжал находиться в ужасном ожидании, понимая, что так долго продолжаться не может. Теперь, когда даже Дина Иосифовна покинула наш мир, момент агрессии приближался.

Мои страхи усиливались оттого, что прекратились известия от Кирюши. Он замышлял нечто тайное и потому вдвойне опасное. То ли дело Митя — Митя был обыкновенным, понятным, и когда он приезжал к нам в гости и проверял, как работает жестяная мастерская «Малютка», он рассказывал мне по старой памяти о своих делах и успехах. В Думе он побыл некоторое время независимым кандидатом от национальных сил, потом стал губернатором в соседней с нами области, где обнаружилась вакансия. Теперь он приезжал к нам на трех машинах. Во второй ехали телохранители, одетые скромно, в черное, в третьей — секретари и машинистки. Он вынимал из кармана широкого пальто свой черный «БиЛайн» и сразу начинал давать указания.

Я как-то не удержался и спросил:

— А как Кирюша? Нет от него вестей? Очень меня это беспокоит.

— Почему же? — спросил Митя.

Я понизил голос и произнес:

— Ты же понимаешь, что он на самом деле Оттуда. И это очень опасно для всего человечества.

— К сожалению, ты прав, старик, — сказал Митя. — Ты прав.

— Так где же твой брат?

— В розыске, — ответил Митя. — Во всероссийском розыске. Он от нас не уйдет.

Он по-дружески положил мне на плечо мягкую ладонь.

— Времени терять нельзя, — подсказал я Мите.

— Ты прав, дядя Сеня, — ответил Митя и сел в свой «Мерсе-

дес-650». — Вот проведем президентскую кампанию, изберет меня народ на высший пост, и мы его поймаем.

Ого, подумал я, Митя-то наш! Замахнулся куда! Впрочем, он всегда был тихим, настойчивым и близким к народу. Чувствует наш народ своего человека, плоть от плоти своей и кровь от крови! Кирюшу бы никогда не избрали даже в районную администрацию.

— Эй! — закричал я вслед Митиному кортежу. — Я буду голосовать за тебя, Митя!

Его родителей в тот момент не было. Он переселил их в Москву, купил себе там квартиру в несколько комнат, а отец с матерью берегли жилплощадь и все ждали и надеялись, что Митя женится и пойдут внуки. Но Митя все откладывал этот момент — дела, понимаете, дела! Так что пока суд да дело, Митя отправил их отдохнуть на Канарские острова.

Тем вечером я поздно возвращался домой с собрания ветеранов труда. Нианила Федоровна на то собрание не пошла, потому что у нее разыгрался радикулит.

Я медленно шел через парк, и слова Мити: «Он в розыске», относящиеся к Кирюше, тревожили меня.

А успеют ли остановить его руку?

И тут я почувствовал неприятный запах. Почему? Откуда? Словно тлетворный аромат ада долетел до меня.

Я ступил на какую-то доску, лежавшую вдоль тропинки, и когда я дошел до середины доски, запах стал невыносим, и доска закачалась, треснула, сломалась пополам... и я полетел вниз.

Я не успел даже сообразить и не успел никуда прилететь, как меня схватила на лету крепкая рука, вытащила за шиворот из ямы и посадила на землю.

— Зачем же так? — раздался голос. В тусклом свете далекого фонаря я увидел Кирюшу. Конечно же, это был Кирюша.

— Что случилось? — спросил я, стараясь перевести дух.

— А то случилось, — ответил Кирюша, — что вы, дядя Сеня, умудрились рухнуть в глубокую яму, наполненную негашеной известью. И если бы я случайно не проходил мимо, то к утру от вас бы и косточки не осталось.

— Постой, постой! Откуда у нас в парке на дорожке яма, полная негашеной известью?

— А оттуда. Идти сможете?

— Смогу.

Поддерживая меня под локоть, потому что вскоре мои ноги ослабли и во всем теле началось колотье, Кирюша повел меня домой.

Когда ко мне вернулась способность говорить, я принялся проклинать невнимательных рабочих, оставивших открытой яму с негашеной известью. Я находился в своего рода шоке, ибо меня

не интересовало, почему Кирюша оказался рядом со мной в критический момент.

Видно, Кирюше надоело слушать мою злобную воркотню, потому что он прервал меня довольно нетерпеливо:

— Дядя Сеня, неважно, кто и зачем это сделал. Достаточно того, что эта яма была выкопана, чтобы уничтожить от вас все следы существования.

— Что ты говоришь! — воскликнул я. — У меня нет врагов!

— Кто сказал, что у вас есть враги, дядя Сеня?

— Кто же хотел меня убить?

— Мой родной брат, — ответил печально Кирюша.

— Митя?

— Он самый. Космический пришелец Митя.

— Кирюша, — сказал я учительским голосом, — не мели чепуху. Если кто из вас и пришелец, то ты, а не Митя. Именно сегодня я это заявил Мите.

— Вот и объяснение, — вздохнул Кирюша.

— Какое объяснение?

— Ты выдал себя, дядя Сеня, ты сказал, что догадался — один из нас пришелец.

— Но ведь не он!

— Сегодня не он, а завтра ты еще подумаешь и догадаешься, что он. Ведь для них человеческая жизнь — копейка.

— Погоди, Кирюша, погоди. А может, это твоя провокация?

Представьте себе такую картину: поздно вечером почти в полной темноте, на краю городского парка у статуи Геркулеса с веслом стоят два человека, старый маленький (это я) и крупный молодой (это Кирюша), и ругаются.

— Какая такая провокация? — спросил Кирюша.

— Ты хочешь меня убедить в том, что ты не космический пришелец со злобным заданием, поэтому сначала копаешь яму, а потом меня из нее вытаскиваешь.

— Агата Кристи! — закричал Кирюша. — Агата Кристи умирает от зависти к такому изысканному сюжету. Весь день копал яму, а потом...

— Нет, все равно не получается, — сказал я. — Сравни, пожалуйста, кто ты, а кто твой брат.

— Сравни, — согласился Кирюша.

— Митя — самый обыкновенный предприниматель и политический деятель России, из комсомольских вождей, через кооператив вошел в парламент, а оттуда в губернаторы. Он наш, он плоть от плоти, кровь от крови. Если бы он баллотировался в нашей области, я бы за него голосовал. Он заботится о детях. Он

проводит программу «Малютка» — это целый фонд заботы... Это обыкновенный... Он даже звезд с неба не хватает!

— А теперь, — сказал Кирюша, закуривая трубку, при свете которой я увидел длинный шрам, пересекающий его щеку, и рано поседевшие волосы. — Теперь расскажи, как ты себе меня представляешь.

— Отрезанный ломоть, — твердо сказал я. — Человек, который не может нигде приткнуться, ему, видите ли, удобнее в Сингапуре или в смешанном экипаже на борту «Челленджера», чем в родном городе. В то время когда Митя ночей не спит для блага нашего государства, нашей национальной идеи, Кирюша даже и носа не кажет на Родину! Его мать и отец измаялись, не видавши его уже столько времени, глаза выплакали.

И тут послышался спокойный женский голос:

— Его отец и мать вторую неделю выплакивают глазки на Канарских островах. Перестань лицемерить, Семен!

— Тетя Нила! — обрадовался мой ночной собеседник. — Как я рад вас видеть!

Они обнялись с моей женой.

— Он нам звонил, — сказала Нианила Федоровна, — и я ему сказала, что ты пойдешь домой через парк. И тогда Кирюша сказал, чтобы я не беспокоилась, он тебя в случае чего спасет. Я, конечно, ему поверила, но теперь вот забеспокоилась.

— Ничего плохого не случилось, — быстро сказал Кирюша и положил мне руку на плечо. А я его уже понял — зачем беспокоить мою Нианилу, если у нее слабое сердце? И вот это движение Кирюши, его предупредительный жест все поставил на свои места. Потому что ни один пришелец, ни один марсианин никогда не станет щадить нервы моей несчастной жены.

— Пошли домой, — сказала Нианила, — чайку попьем...

— Не стоит, — сказал Кирюша. — Они могут следить за домом.

— Их губит самомнение, — ответила моя жена, удивив меня до крайности. Никогда она еще не высказывала при мне таких умных мыслей о жителях других планет. — Они вырыли яму, наполнили ее негашеной известью и уже не сомневаются в том, что Сенечка погиб. И не будут они до утра проверять. Водку они пьют.

— Ну уж, инопланетяне — и водку... — усомнился я.

— А ты загляни в казино «Золото инков» — все там!

— Кто все?

— Все хулиганы, — сказала Нианила. — Пошли домой, а то мой Сеня опять простудится.

И мы послушно последовали за Нианилой Федоровной.

Дома мы на всякий случай задернули шторы и пили чай вполголоса. Много интересного поведал нам Кирюша. Уж очень по-

лучалось нелогично: способности у Мити, можно сказать, ниже среднего, зато усидчивость такая, что в классе его не выносили ученики, зато любили все учителя. Никогда не шалит, а уж про драки и не думайте! Если же сделает что-то не так — утащит из шкафа конфету или кусок колбасы, всегда получается так, что виноватым оказывается Кирюша. Чем дальше — тем больше...

Впрочем, то, о чем рассказывал Кирюша, у меня было записано в тетрадках-дневниках. Только все, что Кирюше казалось ненормальным и подозрительным, мне представлялось образцовым и типичным для ребенка. Мне ведь и в голову не могло прийти, что маленький мальчик Митя притворяется именно для того, чтобы все считали его обыкновенным земным существом. Делал ли он это сознательно или в него были вставлены датчики — этого мы не знали.

Когда молодые люди подросли, Кирюша почувствовал опасность. Видно, кто-то сообразил, что при такой близости близнецов Кирюша обязательно разоблачит брата. И тут на Кирюшу начались покушения. И такие настойчивые, что ему пришлось покинуть дом и отправиться в путешествия.

Подобно мне, Кирюша долго не мог сообразить, кто же такой его близнец. Даже после того, как Клава призналась ему, что один из близнецов старше второго на пять дней. Ведь она не знала — какой из них настоящий.

Так вот, Кирюша решил, что он — настоящий, и посвятил свою жизнь разгадке тайн природы. Он многое узнал, но ему не хватало фактов.

Когда мы все выслушали, я сказал:

— Как жалко, что ты, Кирюша, если ты, конечно, не крайне хитрый инопланетянин, не обратился ко мне за помощью раньше. Я ведь знаю кое-какую тайну, которой по причине возраста и незнания иностранных языков не могу воспользоваться. А ведь она может все решить.

— Говорите, дядя Сеня, говорите!

И я рассказал ему о трагической гибели Милана Свазека и о его карте, которую я сберег за шкафом.

Мы развернули карту, и я рассказал, как помнил, теорию несчастного Милана. Кирюша слушал меня, почти не перебивая, а после окончания рассказа произнес:

— Все стало на свои места. Теперь надо проследить их связи.

— Если успеешь, — печально произнесла Нианила Федоровна.

— Я все-таки оптимистичен, — ответил Кирюша. — Не могу сейчас объяснить вам почему. Объясню вскоре.

Он попрощался с нами и пошел к себе спать.

— А как мне быть? — спросил я. — Выходить на улицу можно?

— Завтра из дома — ни ногой! Даже если Нианила Федоровна вас будет уговаривать.

— Это почему же я буду своего мужа на верную смерть уговаривать? — спросила догадливая Нианила.

— Потому что вас и подменить нетрудно. Так что и вы завтра сидите дома.

— Но у нас же молоко кончилось! — воскликнула возмущенная Нила.

— Обойдетесь без молока. Одни сутки. Через сутки я дам сигнал. Вот вам радиотелефон — умеете пользоваться?

И вот впервые за последние десять лет я пил на следующее утро кофе без молока.

Пока я его пил, моя Нианила Федоровна вытащила из ящика газету.

В газете обнаружилась любопытная статья. Она называлась: «День малютки для миллионов детей».

Статью подписал губернатор соседней области, председатель международного фонда «Малютка» Мефодий Стадницкий. В статье рассказывалось, как все честные люди планеты, которые любят малюток и хотят о них заботиться, устраивают во многих городах нашей необъятной Родины и других стран мира праздник для детей с ценными подарками и развлечениями. Послезавтра по телевидению будет дан сигнал и указано время.

— Надо бежать в милицию! — закричал я. — Это и есть их план!

— И что тебе скажут в милиции? — спросила Нианила.

— В милиции? — Ответить я не успел.

Загудел радиотелефон, который лежал у нас на холодильнике.

Звонил Кирюша.

— Имен не называю, — сказал он. — И вы тоже не называйте.

— Ясно, — ответил я.

— Вылезайте через заднее окно жестяной мастерской, — сказал Кирюша.

— Ясно.

— Перебежками вниз к берегу реки Веревки. Там вас будут ждать через сорок минут.

— Одеваться тепло или легко? — спросил я военным голосом.

— Одеваться нормально, как у нас.

— С семьей прощаться? — спросил я.

— Прощаться, но ненадолго, — ответил Кирюша. — До связи.

Я боялся, что Нианила Федоровна будет бросаться передо мной, как Раймонда Дьен на рельсы перед военным поездом в период борьбы за мир. Но Нианила перекрестила меня и сказала:

— И все же я не отпущу тебя без свитера.

Когда я сбежал, пригибаясь, к Веревке, там никого не было. В растерянности я огляделся, и тут сверху вертикально опустился вертолет. Так я не прыгал со студенческих времен.

Перекрывая треск мотора, с земли ударили пулеметы.

Машина пошла вверх, а в полу появились круглые дырочки. К счастью, ни одна не совпала с моим телом.

За штурвалом сидел мой старый приятель, генерал-майор в отставке Володя Бутт.

— Машина у меня особая! — крикнул он, перекрывая шум. — Держись. Сейчас сложим винт и полетим, как континентальная ракета.

Что мы и сделали.

Через полчаса, я бы сказал, утомительного полета мы опустились перед незнакомым вечерним городом.

Генерал-майор помог мне выбраться наружу.

— Я думал — не долечу, — сказал я.

— Я тоже так думал, — коротко ответил генерал.

Черный «Кадиллак» затормозил возле нас. Кирюша открыл дверцу.

Машина рванула с места.

— Где мы? — спросил я.

— В Трансильвании, — ответил Кирюша. — Вы еле-еле успели.

— Нас обстреляли с земли, — сказал генерал. — У меня в ноге два пулеметных отверстия.

Я только ахнул.

— Как же ты вел машину?

— Нам не привыкать, — сказал генерал.

— После окончания ликвидации — на перевязку, — сказал Кирюша.

— Куда мы едем? — спросил я.

— На их последнее совещание.

— Как ты узнал?

— Вы помогли, дядя Сеня. Вы вложили последний кирпич в нашу постройку.

— В нашу?

— А чем же я занимался последние десять лет? Мы готовились дать им отпор.

— Кто — мы?

— Дядя Сеня, ну как же вы не понимаете! Они, со звезды альфа Скорпиона, заслали к нам человеческих зародышей. Внедрили. Запрограммировали их типичными обыкновенными серыми карьерными приспособленцами — идеальными исполнителями. У нас в Веревкине это был мой брат Митя...

— Но почему его подложили через пять дней?

— Чепуха, — ответил генерал-майор, — у нас всегда накладки, вот и у них накладки. Они должны были Кирилла в момент родов подменить на Митю, но Клавдия принялась рожать раньше времени из-за интриг ее свекрови. Помнишь тот торт? В нем было слишком много масла!

— Про торт я помню, но вряд ли допускаю такое подозрение. Ведь свекровь рисковала жизнью собственного внука!

— Что поделаешь! Национальный характер: «Если я чего хочу, то выпью обязательно!» А потом — авось пронесет.

— Но почему этот инцидент сорвал их планы? — Я догадывался, каким будет ответ, но хотел получить подтверждение.

— У них как у вышестоящей цивилизации все рассчитано. Включая время родов. Младенец был подготовлен к определенному моменту. Предусматривалась подмена в родильном отделении.

— И тут этот торт!

— Пока они спохватились и дали сигнал тревоги, Клава уже разродилась и даже домой вернулась. Пришлось младенца домой подбрасывать, подменять врача в консультации и подделывать документы в расчете на то, что советский человек больше верит бумаге с печатью, чем собственным глазам.

— Слава богу, — сказал я, — что настоящего не задушили. С них бы сталось!

— Что-то им помешало. Но не гуманизм, — согласился со мной Бутт.

— Я не знаю — что, — сказал Кирюша. — Они решили, что два младенца даже лучше одного. Если будут вычислять, кто подельный, то Митю никогда не заподозрят. Он же на тройки учился и общественной работой занимался.

Кирюша был прав. Я сам попался на эту удочку.

— А в других местах? — спросил я.

— В других местах накладки нам неизвестны, — сказал Бутт. — Если бы не Кирилл, их диверсия могла бы увенчаться успехом.

— Нет, — возразил я, — Милан тоже догадался. Но как он был одинок!

— Догадался не он один, — произнес Кирюша. — Люди не так уж наивны. Теперь ясно, что в разных странах, на разных континентах появились сомнения. Люди стали подозревать, следить, но не в плохом, а в самом хорошем, человеколюбивом смысле. Некоторые неглупые люди задумались, почему же это на Земле так успешно лезет из всех углов серость? И не только лезет, но и захватывает руководящие посты. Других смущало поведение губернаторов, представителей и парламентариев, которые спешно загоняют народные деньги в какие-то подозрительные фонды...

Нет, если бы не друзья в нашей стране, а также в ближнем и дальнем зарубежье, наши усилия пошли бы прахом.

— И давно идет наша борьба? — Я не случайно оговорился. Я понимал, что, сам того не подозревая, принимал участие в смертельной борьбе, направленной на выживание человечества.

— Наш незримый фронт активно действует уже более десяти лет, — сказал Бутт. — И мы отдаем себе отчет в том, что любая ошибка, небольшой просчет, провал грозят нам неминуемой смертью. Пощады не ждем, но и от нас ее не ждите!

— Я с вами! — вырвалось у меня.

— Мы это понимаем, — улыбнулся мой молодой друг Кирюша. — Ведь мы рассудили, что вы — пионер в борьбе с космическим вторжением. Вы боролись в одиночестве, и Родина вас не забудет. Вы имеете право принять участие в последней решительной схватке. Победить вместе с нами или...

— Или погибнуть на поле боя, — закончил я фразу за Кирюшу.

— Но еще не поздно повернуть назад. Шофер отвезет вас, — сказал Бутт.

— Пути назад нет, — отрезал я. — Спасибо за доверие. Я с вами до конца!

— Не надо благодарить, — вдруг подал голос шофер. Он не оборачивался, поэтому его лица я не запомнил. — Ведь не грибы собирать идем.

Шофер говорил с румынским или венгерским акцентом.

«Кадиллак» замер на небольшой смотровой площадке. С трех сторон она была окружена мрачным еловым лесом, с четвертой открывался вид на лесистые, кое-где затянутые туманом ущелья и гряды гор, негостеприимные на вид. Их голые вершины скрывались в низких рваных, несущихся на юг облаках. День обещал быть ветреным, дождливым и прохладным.

Со смотровой площадки вверх вела асфальтовая тропинка. В лесу было чисто — ни банок от пива, ни оберток от «сникерсов». Именно в тот момент я окончательно убедился в том, что нахожусь за границей.

За очередным изгибом тропинки нас ждали два крупных размеров мужчины в камуфляжных костюмах и черных масках. Впрочем, какие это маски: ты натягиваешь на голову черный носок, делаешь в нем две круглые дырки — и дело с концом!

Везший нас шофер тихо перекинулся с мужчинами несколькими фразами по-румынски или по-чешски. В любом случае язык показался мне иностранным.

В этом месте мы сошли с тропинки и начали карабкаться по склону напрямик. Все шли медленно, чтобы я не отставал. Но метров через двести шофер, который, как я уже догадался, ко-

мандовал операцией, отдал короткий приказ, один из наших проводников быстрым движением — я даже не успел возразить — перекинул меня через плечо и понес дальше, как похищенную невесту. Он молчал, дыхание у него было ровным, поэтому я не стал сопротивляться. Неизвестно, какая схватка ждет нас в конце пути, лучше, если я окажусь там бодрым и сильным.

Замок открылся перед нами неожиданно. Впрочем, я не совсем точен — возможно, все остальные увидели его раньше. Я же — только тогда, когда мой носильщик аккуратно поставил меня на ноги.

Оказалось, что мы стоим у подножия обросшей мхом древней каменной стены. Вершина ее скрывалась в облаках.

Скользя по траве, мы прошли метров сто. В том месте выдавалась круглая башня замка.

Еще два наших союзника вышли из-за башни.

Шофер тихо спросил их о чем-то.

— Он спрашивает, где охрана башни, — перевел мне его слова Кирюша, и надо сказать, что в моем тамошнем нервном состоянии я даже не удивился тому, что Кирюше знаком венгерский, а может, румынский язык.

Человек в камуфляже небрежным жестом указал дулом автомата на две помятые банки из-под кока-колы, что валялись у его ног, нарушая чистоту цивилизованного пейзажа.

Он начал что-то объяснять начальнику, Кирюша хотел мне перевести, но я остановил его:

— Я знаю, как это бывает.

— Что случилось, что? — спросил Бутт, который был не в курсе дела.

— После смерти агенты противника превратились в банки, — ответил Кирюша.

— Остроумно придумано, — заметил генерал Бутт. — Никогда не подумаешь, что трупы лежат.

Видно, находившийся в этой башне ход в замок был резервным, предназначенным для бегства или разведки, — он представлял собой полукруглый люк, забранный толстой ржавой решеткой. Решетка была разломана невероятной силой, не свойственной человеку.

Заметив мой изумленный взгляд, начальник показал на одного из солдат, обычного роста и сложения, и сказал короткую фразу, которую я понял без перевода:

— Сержант Коду, чемпион Олимпиады в Лос-Анджелесе по перетягиванию каната.

Один за другим мы углубились в недра старинной башни. Спустились в подвал и, освещая себе дорогу фонариками, поспе-

шили по низкому тоннелю. Под ногами хлюпало, сверху падали тяжелые холодные капли. Несколько крыс цепочкой пробежали в лучах фонарей, и их глазенки злобно сверкали красными искорками.

Было неуютно и даже страшно. Одно утешало — со мной рядом сильные болгарские или венгерские ребята, в том числе чемпион Олимпиады.

Впереди показались каменные ступени. Они вели наверх.

Чемпион Олимпиады пошел первым. Мы остались ждать.

Вдруг сверху донесся удар, затем грохот.

Мне показалось, что он разнесся по всему замку.

Мы кинулись к стенам и замерли, прижавшись спинами к влажному ледяному камню.

По лестнице скатился чемпион Олимпиады, а следом за ним начали сыпаться многочисленные металлические детали, куски пластика и прочие части какого-то механизма. Единственной целой деталью в этом наборе была рука в рукаве от пиджака. Она сжимала переговорное устройство, из которого донесся резкий голос:

— Что там у вас, черт побери, происходит?

Все замерли.

Кирюша хладнокровно сделал шаг к руке, вынул из ее сжатых пальцев переговорное устройство и ответил:

— Все нормально. Продолжаю наблюдение.

— Ну-ну, — пискнул голос в переговорном устройстве. — Не спать, не отвлекаться. Удвоить бдительность.

Кирюша нажал на кнопку, переговорное устройство отключилось, и он кинул его в карман.

— Поспешим, — сказал генерал Бутт, — они начинают последнее совещание.

— Кто это был? — спросил я у чемпиона Олимпиады, показывая на кучку металлических деталей.

— Не есть понимаем? — лукаво улыбнулся чемпион.

По узкой лестнице мы поднялись на галерею, которая обтекала на уровне второго этажа громадный гулкий овальный зал, в котором некогда знатные обитатели замка, возможно, местные вампиры, собирались на свои шумные безнравственные пиры. Галерея была узкой и пыльной. По стенам довольно тесно висели крупные, в рост, изображения владельцев замка. Самые старые и почерневшие были облачены в латы, новые — во фраки. Освещалась галерея керосиновыми лампами, укрепленными в чугунных лапах, вылезавших из каменных стен.

Потолок зала являл собой паутину из черного мрамора, в центре которой вместо паука находилась гранитная летучая мышь — видно, вампир. Из ее пасти свисала длинная цепь, на конце кото-

рой висела пышная чугунная люстра, кидавшая неясный свет на собравшихся за овальным столом людей.

При всем разнообразии этих особей их объединяло одно — возраст. Все они были тридцатилетними. Но этим сходство ограничивалось, потому что среди гостей этой гостиной нетрудно было различить русских, украинцев, молдаван, негров, китайцев, а также людей неизвестных мне национальностей.

Председательствовал пожилой негр, мой давнишний знакомец, который, как я уже догадался, и курировал всю операцию.

И если все сидели на длинных скамьях без спинок, округло огибавших стол, то негру достался стул с прямой резной спинкой.

Мы появились на галерее в тот момент, когда эти существа заканчивали спор.

— Я настаиваю, — сказал негр, — чтобы переговоры велись по-русски.

— Но почему? — спросила красивая блондинка, напоминавшая мне какую-то американскую актрису. — Разве у нас своего языка нет?

— Русский язык обеспечивает полную тайну переговоров, — отрезал негр. — В этих глухих местах вы не отыщете ни одного человека, который с ним знаком.

— Но с нашим языком...

— А если, — негр поднял ладонь, останавливая блондинку, — если какой-нибудь идиот сунется сюда, он решит, что попал на совещание русской мафии, и убежит отсюда в Гваделупу так, что подметки потеряет.

Негр рассмеялся. Потом сразу стал серьезен и обратился к Мите Стадницкому, который сидел справа от него.

— Докладывай ситуацию, — приказал он.

— Все готово, — сказал Митя. — Завтра в одно и то же время...

— В какое? — спросил монгольский лама.

— В шесть по Гринвичу, — ответил Митя, — в шестистах семидесяти крупнейших городах Земли откроются фестивали «Малютка» и начнется всеобщее веселье. Заиграют оркестры...

— Мстислав Ростропович отказался приехать, — мрачно сказал генерал азиатской внешности.

— Ничего, мы разберемся, — пообещал негр.

Подождав, пока за столом установится тишина, Митя продолжал:

— Под веселую музыку и фейерверки клоуны начнут раздавать детям цветы и усыпляющие конфеты. Наши люди останутся на трибунах и будут обеспечивать спокойствие. Ваша задача — выпустить затем на посадочные площадки усыпляющий газ. Баллончики получите на выходе. Затем вы контролируете посадку

детей в корабли. По нашим подсчетам, улов должен исчисляться примерно полумиллионом ребятишек. И это для начала неплохо.

За столом раздались аплодисменты, которые гулко прозвучали в этом мрачном пыльном зале.

— Главное, чтобы все вы, — закончил пожилой негр, — сохранили свои посты министров, губернаторов, руководителей политических партий и лидеров непримиримой оппозиции. Как вы знаете, нам нужны миллионы и миллионы рабов. Так что в случае успеха операция по изъятию детей...

— Операция «Малютка», — подсказала блондинка.

— Операция «Малютка» должна повторяться вновь и вновь, а мы должны все крепче забирать Землю в свои руки.

— До последнего ребенка, — добавил Митя.

— Сейчас все расходятся и разъезжаются по своим постам. И ничего не бойтесь. Никто не посмеет поднять руку на вождей земного истеблишмента. Я же займусь выявлением и арестом козлов отпущения.

— Кого? — спросил восточный генерал.

— Это старый еврейский термин, и он означает невиноватого виновника. В истории Земли любимое занятие — искать козлов отпущения вместо виноватых и затем спускать с них шкуру.

За столом сдержанно засмеялись.

— Если вы обратите ваши взоры наверх, — продолжал негр усталым голосом мудреца, — то вы увидите первых козлов — это отставной учитель литературы из городка Веревкина некий Семен Семенович, генерал-майор в отставке Владимир Бутт и твой братец, Митя. Они пока еще торжествуют победу, не зная, что есть структуры, на которые не положено поднимать руку.

Белые овалы лиц множества премьеров, президентов, губернаторов и лидеров оппозиции задрались к галерее.

Негр поднял палец, и я почувствовал, как мои ноги приросли к полу, а члены тела сковала отвратительная немота.

Я понял, что все погибло...

— Отнесите козлов отпущения в каземат, — приказал негр, — мы их предъявим суду, когда начнут искать циников, укравших надежду Земли — ее малюток!

И его дьявольский хохот потряс люстру, над которой поднялась туча пыли. Пыль еще не успела осесть, как недалеко от меня послышался знакомый женский голос:

— Пришел ваш последний час, агрессоры!

С громадным трудом я смог повернуть голову и увидел мою жену Нианилу Федоровну с автоматом Калашникова в руках и еще нескольких вооруженных пожилых женщин. Среди них Клаву Стадницкую.

Загремели автоматы...

Премьеры, президенты и лидеры оппозиции кинулись врассыпную, опрокидывая скамейки и сшибая друг дружку.

Те же, в кого вонзались пули, тут же превращались в банки от кока-колы и, легонько позвякивая, катились по каменному полу.

Ноги мои не удержали меня, и я опустился на пол галереи.

Родные лица Нианилы и Кирюши склонились надо мной.

— Ты здоров, мой козлик отпущения? — спросила Нианила.

Я постарался усмехнуться.

— Вы-то почему здесь оказались?

— Потому что мы представляем Всемирный комитет бабушек и матерей.

Кирюша обнял и поцеловал свою маму.

Мы с Нианилой отошли и сели на каменную скамью под портретом пожилого графа в синем камзоле и голубых панталонах.

Мы держались за руки. Мы вспоминали нашу жизнь, которая проскользнула так быстро, но лишь укрепила нашу любовь.

Молодая китаянка баскетбольного роста остановилась возле нас и сказала моей жене:

— Мы отправляемся, госпожа президент. Инопланетные корабли уже приближаются к Земле. Вам предстоят нелегкие переговоры с противовоздушной обороной...

Сейчас наступает утро. Вот-вот поднимется солнце. Я сижу на краю бетонной посадочной площадки для космических кораблей на площади Хосе Марти в Веревкине, прислонившись спиной к ярко раскрашенной площадке для клоунов. В мою задачу входит не пускать детей на развлекательную площадку «Малютка» — а вдруг какая-то часть злодейских кораблей прорвется к Земле? Да и кто их знает — президентов и оппозиционеров, все ли разоблачены и покаялись?

Нианила вылетела в ООН, там она должна выступать в Совете Безопасности, конечно, если ей дадут там слово.

Утро веселое, поют птицы, кричат вороны.

Как там писал поэт?

«Что день грядущий мне готовит? Его мой взор напрасно ловит...»

В КОГТЯХ СТРАСТИ

От шоссе отходила дорога на Веревкин, районный центр Тульской области, некогда городок богатый, торговый, славный зерновой ярмаркой и церквами. Знаменитых людей Веревкин, правда, не дал, но воспитал немало достойных жителей.

Среди тех, кто был воспитан в Веревкине, а потом улетел, расправив крылья, в иные просторы, был и Анатолий Смольный, сорокалетний, склонный к полноте, но еще не расплывшийся коммерсант всероссийского, не побоюсь этого слова, масштаба.

В тот мартовский слякотный, метельный и при этом дождливый день он несся по шоссе из Москвы и торопил водителя Кешу, который не хотел торопиться, боясь погубить шефа. И телохранитель Харитон, кстати, из тех же мест, что и шеф, сидевший рядом с водилой, был того же мнения. Анатолий сердился на своих слуг, но ничего поделать не мог. В России дворня всегда имеет собственное мнение и навязывает его барину.

Чтобы не сердиться на спутников и не повышать содержание адреналина в крови — доктор не велит, — Анатолий вытащил ксерокопию газетной статьи, которая, возможно, изменила его жизнь.

Статья была из центральной газеты, в ней говорилось о том, что после выведения в Англии овечки Долли многие ученые во всем мире принялись выводить что ни попадя. То есть клонировать.

Для необразованных, например для Харитона, приходилось объяснять, что клонировать — значит сделать себе точную копию. Скучно тебе на свете без близнеца — заказал близнеца, сделали тебе близнеца. Один в один, из твоей клетки — больше никто не вмешивается. По большому счету, как бы ты еще раз. А другие, например из Минобороны, смогут сделать генерала Лебедя в ста экземплярах, тогда держись, Афганистан или Жириновский, — смотря на кого генералы коллективно как бы будут наступать.

Харитон при таком объяснении долго думал, проталкивал мысли сквозь узкие сосуды головного мозга, потом спросил:

— А они как, сразу в кондиции будут?

Шеф не понял, в какой кондиции. Переспросил.

Харитон сказал:

— Ну вот, ваш близнец, шеф, он такой же, как вы, в среднем возрасте родится?

— Ну, ты даешь! — рассмеялся шеф. — Ну какая, прости, телка меня родит в таких моих масштабах?

— Ну, может, в банке вас будут выращивать?

— Смешно.

— Может, слониха родит или моржиха? — Харитон долго смеялся, Кеша тогда тоже смеялся, а шеф задумался. Потом велел секретарше Марлен вызвать к нему доктора наук, а может, академика для консультации, но чтобы не заломил.

Профессора привезли, шеф уделил ему полчаса своего драгоценного времени. Допрашивал.

Марлен и другие удивлялись — зачем это шефу?

К тому времени уже все в конторе, на которой было написано неграмотное слово «офис», знали, что если ты хочешь поиметь близнеца и продлить свое существование в полной мере, то женщина, которой предстоит эту копию родить, может родить только новорожденного. И он никогда не станет твоим настоящим близнецом. Поэтому, оказывается, наше Минобороны относится к клонированию спустя рукава — зачем клонировать солдат и ждать двадцать лет до призыва, если можно зачинать и рожать их обычным способом, путем любви?

Но по выходе профессора из кабинета Анатолий Смольный сильно задумался. Так задумался, что опоздал на встречу с монгольскими компьютерщиками. Он что-то бормотал себе под нос, уехал с середины ленча-презентации мисс вице-грудь города Солнцево под патронажем лично Ахмета Гориллы и даже не извинился.

Анатолий возвратился в свой новый престижный дом в самом конце Ленинского проспекта, в котором купил этаж, как раз под этажом, который купила певица Кристина Орбакайте. Потом он выгнал челядь, налил себе стакан виски «Чивас ригал» сорокалетней выдержки, открыл золотым ключиком заветный инкрустированный комод и достал потрепанный альбом, в котором хранилась память о его детстве и юности.

Фотографии были мелкие, нечеткие, сделанные большей частью фотоаппаратом «Комсомолец».

Анатолий листал альбом и разглядывал фотографии, сначала

не задерживаясь на самом себе, лежащем на животике в годовалом возрасте с улыбкой во всю физиономию, затем, когда хронология подошла к школьным годам, стал смотреть медленнее, вглядываясь в горошинки лиц на групповых снимках.

Раису он отыскал на одной групповой фотографии, снятой после окончания шестого класса. Раису можно было угадать по косе, перекинутой вперед через плечо, а вот самого себя Анатолий узнал с трудом, потому что он был худшим вариантом подростка — слюнявый, прыщавый, пучеглазый и глупый.

Другая фотография, на которой он отыскал Раису, относилась к восьмому классу. На ней были сняты участники лыжной вылазки. Так назвал свой урок на свежем воздухе Варпет, старейший физкультурник Москвы. Он был чемпионом Карса по вольной борьбе в 1916 году, затем боролся за независимость Армении, потерпел поражение и всю последующую жизнь скрывался в Москве. Вот он стоит: в центре снимка, вместо лыжных палок костыли, ноги он еще в Гражданскую потерял, но никто над ним не смеялся, а то схлопочешь костылем по шее.

Справа от Варпета, глядя на него влюбленно, как женщины смотрят на героев, стоит Райка, уже почти красавица, только еще худая как палка. Но даже на этой измельченной фотографии видно, что у нее глаза-озера, тяжелая коса и под свитером появилась пока еще небольшая грудь.

А дальше, по краям, стоят остальные одноклассники. И Анатолий, незаметный и некрасивый, с самого фланга.

А третью фотографию Раисы Анатолий украл. Райка подарила ее паршивцу Борьке Губерману, который потом предал Родину и слинял в Израиль. А в классе он был физиком и химиком, правда, списывать у него было бессмысленно: и физичка, и химичка сразу видели, что списано у него, потому что Борька делал все за пределами школьной программы.

На обороте фотографии, маленькой, паспортной, не очень похожей, было написано: «Если нравится — храни, а не нравится — порви. Надеюсь на милость. Твоя неверная Раиса».

Вся эта подпись была сплошной загадкой. Почему Раиса была неверной? Значит ли, что она сначала была верной и что-то имела с Борькой на сексуальной почве, а потом на этой почве имела с кем-то еще?

Борька носил фотографию в верхнем кармане куртки, даже вынимал при людях, чтобы полюбоваться, — устраивал демонстрацию!

Так что, когда Борька снял куртку в гостях у Назарова и повесил на спинку стула, вытащить фотографию оттуда для Анатолия

труда не составило. А раз на обороте не было написано, чьих милостей ждет Раиса, то Анатолий считал, что он и есть ее тайный избранник.

Райке было трудно учиться в школе. Уж очень всем хотелось в нее влюбиться, и даже больше. У нее в глазах был вечный призыв и на губах обещание поцелуя, она ходила так, что вроде и прилично, а на самом деле требовала, чтобы с нее сорвали одежды. Хорошо еще, что Веревкин — город тихий, все всех знают, приезжих мало, беженцев почти нет, так что на улицах на Раису не кидались. Да и отец у Раисы был отставным сержантом ОМОНа и знал приемчики. Так что влюбляться — влюбляйся, а рукам воли не давай.

Но что характерно: она сама давала своим рукам волю.

Незнакомым людям, даже женщинам, Райка казалась ангелом. Лицо ее было доверчивым и открытым, глаза чуть близорукими, растерянными, беззащитными, молящими о заботе. Требовался второй взгляд, а то и четвертый, чтобы женщина осознала опасность, как слабый зверек перед пантерой, которая отнимет у тебя самца, хочешь ты того или нет, нужен он пантере или понравился на минутку.

У Раиски слишком блестели ярко-голубые очи в черном частоколе ресниц, и слишком алели губы, не требующие никакой помады, и слишком часто вздымалась, вздрагивала высокая грудь, словно Раиска остановилась после горячего бега, хотя на самом деле она лишь вытянула, сидючи на стуле, бесконечно длинные, но не тонкие, упругие и прямые ноги.

Вкусы Райки были непредсказуемыми и нелогичными. Вечером, после уроков, уборщица Клава застала ее в физкультурном зале на мате с второгодником и дураком Петушком Ветриловым по прозвищу Жеребец. И этим было все сказано.

Жеребец хотел стать чемпионом мира по штанге или культуризму, и ему некогда было уделять время юной любовнице. Он тренировался и прятался от красавицы, а она сходила с ума, потому что он ей не давался, преследовала его, пока собственный отец ее не выпорол. Как ни странно, она всегда робела перед силой и легко отказывалась от добычи. Весной в девятом классе она забралась по водосточной трубе в комнату физкультурника Варпета, когда он отдыхал, сняв протезы и вынув зубы.

Старик пытался сопротивляться, но потом сдался, потому что даже в столетнем возрасте трудно устоять перед сексуальным водопадом. Раиска осталась у физкультурника на ночь, и утром ее пришлось выводить от него силой. Отец снова выпорол девочку.

Варпету пришлось уйти на пенсию, а Райка сделала свой первый аборт.

Потом она влюбилась в Борю Губермана. Раиска не умела притворяться. Она влюблялась всегда безумно, по прекрасные ушки, и не ведала преград на своем пути. Боря тоже полюбил Райку и решил бросить десятый класс и свои надежды на получение Нобелевской премии ради того, чтобы работать грузчиком и обеспечивать свою с Райкой семью.

К счастью, отец-омоновец выпорол Райку, а в Борю Губермана, который проводил холодную дождливую ночь под окном невесты, запустил каминной решеткой. Борю отвезли в больницу, где с ним случилась амнезия, он забыл о любви и вспомнил о физике. Считайте, что ему повезло.

Другим повезло меньше.

Гога Эксгуменидзе пытался из-за Раиски повеситься, а когда его откачали, но Раиска не раскаялась, он уехал в Приднестровье и погиб там, защищая дачу секретаря обкома.

Анатолий во всех этих горячих событиях участия не принимал, потому что был незаметным мальчиком, средним, даже ниже среднего, учеником. И внешне не производил впечатления. А Раиса относилась к тем женщинам, которых Пушкин припечатал выражением: «Они любят ушами». Если о мальчике или мужчине не говорили, она его не замечала или замечала с трудом.

Анатолия она не замечала.

Он был на полголовы ниже ее.

Он рано начал лысеть, не выделялся физической силой и никак не блистал умом.

Анатолий был влюблен в Раису несколько лет. Безнадежно, но упрямо, потому что был уверен — в конце концов он ее добьется, даже если для этого придется перейти на лыжах через Северный полюс или взлететь в космос.

Его не звали на полюс и в космос.

Анатолий как-то сказал Раисе:

— Выходи за меня замуж, я тебя буду любить.

— А ты дурак, Смольный. Ты ведь ни рылом, ни умом не вышел.

— Берегись, Райка, — сказал он.

Раиса поглядела на него сверху вниз — она уже вытянулась, почти на голову стала выше Анатолия. У Раисы была одна любимая книга, необычная для девушек, которые могут полюбить «Анну Каренину» или про счастливую любовь. Раиса любила «Записные книжки» писателя Ильфа. Или Ильфа и Петрова. Это неважно.

— Утри нос, — сказала она Анатолию. — В соплях запутаешься.

Это была цитата. Анатолий не угадал, потому что у него любимой книги не было, не увлекался.

Анатолий отошел и стал планировать.

Слова Раисы и несбыточное сексуальное влечение к ней переломили его жизнь. С того несчастного дня Анатолий отверг пустые увлечения юности, бросил футбол и карты, перестал давать в долг без процентов, стремился к аттестату зрелости, лишние деньги откладывал — хотя какие могут быть лишние деньги у веревкинского юноши из неблагополучной семьи?

В своих мечтах, которые особенно мучили, когда просыпаешься, Анатолий становился страшно богатым, возвращался в родной городишко на черной «Волге», весь в кожаном пальто, а может, в мундире генерал-майора. Раиска, узнав о его приезде, выбегает на дорогу и машет ему рукой: мол, остановись, я подумала, приняла решение, я твоя невеста, твои желания — мои желания, мое тело — твое тело...

Но потом наступало протрезвление, и Анатолий знал, что его мечты — пока еще фикция. А время идет, и с каждым днем мечта настоящая, Раиса, отдаляется и вот-вот попадет в чужие руки.

И пока Анатолий копил деньги, занимался с гантелями и учил английские слова — причем не по системе, а так, урывками, то начнет, то бросит, — угрозы вокруг Раиски становились все темнее, как грозовые тучи.

Она шла в Дом культуры часов в шесть вечера, в летний светлый день, когда ее догнал «газик», в котором ехал Хаменко, бригадир совхоза имени Второй очереди Московского метрополитена, человек могучий, потому что держал в совхозе подпольный цех по выращиванию каракулевых овец и драл с них шкуры, а в подполе этого цеха, о чем не знали даже его сообщники, находился бассейн с подогреваемой морской водой. Там в специальных садках мирно дремали жемчужные раковины, в которых зрели драгоценные шарики. По пятницам к совхозу подкатывал джип из канадского посольства. Полковник конной полиции Смит, работающий в Москве под псевдонимом Иванов, забирал шкатулку с товаром и в условном месте, под корягой, оставлял пластиковый пакет с долларами.

Всего этого Раиса знать не могла. При всей изысканности своего тела она оставалась простой веревкинской девушкой, средних способностей, доброго, в сущности, нрава. Правда, она не ощущала свою красоту как проклятие. Ей нравилось смотреть на себя в зеркало.

Знать она ничего не знала, но любой человек в Веревкине

сказал бы, что Жора Хаменко, Георгий Филиппыч, большой человек в районе. Когда он проезжает по улице Ленина, секретарь райкома Мария Семеновна подходит к открытому окну и отдает Хаменке честь. Это многие видели.

Хаменко ехал по улице, думая о своих делах, и тут увидел спину девушки, одетой попросту, как многие в русском городке, — в футболку с надписью «Долой СПИД» на английском языке и в джинсах «Версаче». Нет, не наряд привлек внимание Георгия Филипповича, а толстая коса до пояса, длина стройных ног, изумительные по округлости ягодицы, да и сама легкая походка Раиски.

Хаменко сам сидел за рулем.

Так что даже не надо было давать распоряжений.

Он обогнал Раиску, тормознул и спросил:

— Подвезу?

— А пошел ты! — просто ответила Раиска, которая не выносила, чтобы к ней на улице приставали незнакомые старые мужики. А Хаменко ей показался совсем старым — ему тогда уже было за сорок. Недалеко, но за сорок.

— Я Хаменко, — сказал он.

Как назло, а может быть, по высшему велению судьбы Анатолий Смольный в этот момент проходил по той же улице Ленина, по другой ее стороне, с тайной надеждой на то, что Раиска посмотрит в его сторону и наградит своей лучезарной улыбкой.

— Вижу, что не Достоевский, — ответила Раиска.

— Жемчужные бусы хочешь? — спросил Хаменко.

— Не от тебя, — ответила Раиска.

— Получишь от меня, — сказал Хаменко. — Мне еще никто не отказывал.

— Я откажу, — сказала Раиска, так покачивая бедрами, словно ее учили этому в султанском серале. На самом же деле выше школьной самодеятельности Раиска не поднималась. Потому что, по сути дела, была лентяйкой.

— Я их выращиваю, — сказал Хаменко.

— Где же у тебя жемчужное дерево растет?

Раиска не шутила. Ей и в самом деле казалось, что жемчуг растет на специальных деревьях. Хаменко расхохотался.

— Поехали, поехали, — сказал он со смехом, — посмотришь на дерево.

И тут надежды Анатолия, который глядел на эту сцену из-за тополя, на то, что девушка скажет свое твердое «нет» домогательствам старого развратника, лопнули.

— Только чтобы руки не распускать, — сказала Раиска и легко вспрыгнула в «газик».

«Газик» рванул вдоль по улице, и последние слова, что донеслись до Анатолия, звучали так:

— К девяти привезешь меня обратно, а то отец убьет.

— Со мной не тронет.

— Дурак, он и тебя убьет.

Тут они начали смеяться, и Анатолий остался в облаке серой пыли.

Что между ними произошло, Анатолий так и не узнал. Но на следующий день Раиска пришла в школу в жемчужных бусах почти до пупа, правда, никто в школе не мог отличить настоящий жемчуг от пластикового.

Хаменко ждал Раиску у школы с букетом роз, презрев общественное мнение. Он был ей как раз по плечо, но вдвое шире — он был похож на сейф, а волосы совершенно черные, прямые, на пробор, лицо прижатое, из мелких черт под покатым лбом. Некрасивый. Анатолий куда привлекательнее.

Вся школа смотрела, кто из окон, кто со двора.

Он отдал Раиске цветы, потом поцеловал ей руку — вся школа видела, как поцеловал руку, считай, что город будет знать к вечеру. Повел ее к «газику», и Раиска громко сказала:

— У тебя что, на «Волгу» денег нету?

В девять Хаменко привез ее домой, чтобы отец не сердился. Отец еще не знал, сидел с утра дома, опохмелялся, а мать хоть и знала, но молчала — всех боялась.

Анатолий схоронился под сиренью у них в палисаднике.

Он слышал, как подъехал «газик», как хлопнула дверь. Ему было плохо от ревности, даже тошнило. Он хотел убить этого Хаменку, но если убьешь, то пойдешь под суд, и тогда прости-прощай любимая Раиса!

Хаменко подвел Раису к двери.

— Как тебе? — спросил он.

Раиска не ответила, а стала целоваться. Она вздыхала, пускала горячий воздух ноздрями и руками совершала неприличные жесты, так что Хаменко сказал:

— Пошли ляжем в канавку, а то я не удержусь.

Раиска захохотала и побежала в палисадник.

Хаменко стоял в тени забора, все пытался закурить, руки у него тряслись, он грубо матерился, но почти беззвучно. Только Анатолий слышал и размышлял — как бы сейчас убить Хаменку? Но нечем было его убить.

Было тепло, почти жарко, воздух был неподвижен, гудели ко-

мары. Анатолий сидел в кустах под окном Раисы, в занавеске была щель, он смотрел в щель, как Раиска не спеша готовится ко сну. Она стянула через голову платье, совсем легкое, голубое, осталась в одних кружевных трусиках — ничего больше не носила.

Анатолий думал, что завоет от желания.

Он бы комаром влетел в щель и касался бы ее крылышками. Или кусал бы, пил кровь.

Раиска все не ложилась спать, а уселась перед столиком, на котором стояло зеркальце, и стала себя рассматривать. Она всю себя рассматривала по деталям, с удовольствием. Анатолий вместе с ней осмотрел. Словно в глазах у него были сильные линзы и они позволяли видеть даже поры в коже.

Анатолий в тот день заболел Раиской окончательно, на всю жизнь. До этого он был в нее влюблен, а теперь был ею болен.

Это случалось с людьми.

Это случилось вскоре с Хаменкой, но Анатолий не думал о Хаменке, он приклеился к щели в занавеске, а Раиска, которой надоело собой любоваться, поднялась и, проведя ладошками по бедрам, скатала трусики в колбаску и, опустив до колен, приподняла ноги по очереди и сняла трусики. Она провела ладонями по грудям, по животу, ей нравилось ощущение своего тела.

Потом повернулась к окну и запустила пальцы в золотые волосы.

Ничего в ней стыдного не было, было совершенство — ее сделали так, чтобы она ходила голой всегда, а одежды были лишними, ненужными, только отвлекали — это Анатолий понял той ночью и на всю жизнь.

Вдруг она заговорила. Она заговорила сама с собой.

— Помыться, что ли? — спросила она себя.

И сама же ответила:

— Обойдутся, пускай все во мне булькает.

Что она имела в виду, Анатолию понимать не хотелось. Он и не понял.

Она потушила свет и легла.

Не почувствовала, не догадалась, как близко к ней стоял Анатолий, как он тщательно за ней подглядывал...

А вскоре Анатолий торжествовал.

Молчал и торжествовал.

Он подглядел, выслеживая Раиску, ходя за ней, как волк за добычей, как она встретилась с Хаменкой, который поджидал ее после школы, но не у самой школы, а поодаль, в проулке за сквером, хотя что таись, что не таись — все равно узнают.

— Я тебе велела, — сказала Раиса, — чтобы ты сегодня не приезжал и чтобы вообще к школе не приезжал.

— Ну что мне для тебя сделать? — спросил Хаменко. — Чего хочешь? Еще жемчуга? Каракулевое манто?

— Дурак ты, Жора.

— Деньги? Денег нужно? Сколько хочешь, купишь шмоток, сапожки.

— Не надо мне твоих денег.

— Тебе же хорошо со мной, ты же говорила!

— Это я тебе в позапрошлый раз говорила. А теперь ты надоел.

— У тебя есть кто-то другой?

— У меня насморк, — сказала девушка, — а от тебя у меня будет парша.

— Не шути так, Раиса, — сказал заводчик. Он смотрел на нее, закинув голову и выставив подбородок.

— Я не шучу, ты мне по фигу.

— Раиса, я думал...

Она пошла прочь, к своему дому, Жоре пришлось спешить следом.

— Раиса, — повторял он, — я хотел с тобой поговорить серьезно. Я готов развестись и жениться на тебе. У тебя будет положение...

Она шла молча.

У дома ее ждал Петушок по прозвищу Жеребец, который собрался уезжать к тетке в Армению, чтобы избежать призыва в армию — его наконец выгнали из школы и теперь ему грозила государева служба. Он пришел к Раисе прощаться и ничего дурного в виду не имел.

Жора увидел молодого соперника и велел ему сматываться. Не выносил соперников. Жеребец в ответ ударил Жору в скулу, так что у того вскоре заплыл глаз. Раиса засмеялась Это ей показалось забавным.

Жора молча ушел, а Жеребец с Раисой остались на улице, им некуда было деваться, да и расставание было спокойным.

Через пять минут Жеребец попрощался и пошел к себе.

Он прошел метров сто, как из переулка вылетел «газик», за рулем сидел Хаменко, обезумевший от любви, ревности и унижения.

Жеребец не успел отскочить — он и не думал, что его хотят убить.

Раиса все это видела.

Она убежала к себе домой, позвала отца.

Но Жора уже скрылся. Умчался.

Милиция приехала скоро, но Жеребец уже умер. Поехали к Хаменке. Он хоть и был элитой, но непартийной.

Его нашли не сразу.

Он утопился в жемчужном подвале.

На похороны Жеребца Раиса пошла. Правда, в каракулевой накидке, несмотря на летнее время. Больше ничего черного у нее дома не нашлось. Люди говорили, что у нее «хватило наглости». На похороны Жоры она, конечно же, не пошла. Говорят, вдова Хаменки приходила к ней домой со скандалом и желанием посчитаться, но ее встретил отец Раисы, так что ничего из мести не вышло.

Это было главное событие в Веревкине двадцать с небольшим лет назад. О трагедии даже писала областная молодежная газета, но как-то неуверенно, словно не знала, кого надо разоблачать.

Анатолий для себя тогда решил, что у Раисы было два мужчины, которые владели ее юным прекрасным телом. И оба трагически погибли. Значит, любой мужчина, который приблизится к ней и завладеет этим телом, обязательно погибнет.

Это было утешением. Потому что даже ради великой любви Анатолий не был готов погибнуть. И ему казалось, что не все еще потеряно: Жора Хаменко оказался мелковат. Для того чтобы Раиса осталась тебе верна, несмотря на недостаток твоих внешних данных, надо стать богатым на всесоюзном уровне — генералом или даже членом ЦК. Тогда она падет к твоим ногам.

Раиса ушла из школы — осталась на второй год в десятом классе — и уехала на несколько месяцев в деревню к тетке. Если там что и происходило, Анатолий не знал. Он поступал в институт — такой вот замах был у человека, провалился, армии избежал и стал работать в Туле, в торговле. Путь к славе и власти оказался куда труднее и тернистее, чем складывался в эротических мечтаниях, на этом пути даже пришлось жениться на дочери директора базы. Дочь была армянского происхождения, склонная к полноте и усам. Ненавидел он ее страшно, сильно гулял на стороне, не раз заезжал в Веревкин, а новости там были неутешительные.

Раиса вернулась в город, кое-как доучилась в школе, но экзаменов на аттестат сдать не смогла, потому что поехала отдыхать на весенние каникулы на недельку в Гурзуф с подругой Викторией. А там, в Гурзуфе, тренировалась футбольная команда второй лиги «Текстильщик» из Якутска. На третий день отдыха Раиса сбежала через окно дома отдыха «Павлик» на тренировочную базу. Футболист Тема ждал ее на веранде. Они бросились друг к другу в объятия. Затем футболист повлек ее в кусты, но тут их

поджидал второй тренер команды Наум Хулявый, который заботился о здоровье спортсменов. Он стал разлучать влюбленных, Тема отстаивал свою честь. Бывший штангист Хулявый переломил футболисту ногу.

Что и как происходило далее, никому не известно, вернее, никто не пытался реконструировать события. Но почему-то междоусобица в якутской команде распространялась как заразная болезнь. Когда приехала милиция, несколько человек уже находились при смерти. Всех, включая Раису, арестовали и отвезли в гурзуфское отделение милиции.

Остальное не так важно, потому что через два дня Раиса и начальник отделения подали заявление в загс, а через неделю расписались.

Анатолий же потерял на этом следы красавицы.

Он вел скучную жизнь, откладывая деньги, верил в то, что судьба еще сведет его с Раисой. Он разошелся с женой, платил ей алименты за черноглазую дочурку Карину, еще раз женился, и опять по расчету.

И тут подошли к концу восьмидесятые годы. И жизнь изменилась.

Оказалось, что для новой жизни Анатолий был отлично приспособлен.

Он был подобен Илье Муромцу, который сиднем сидел тридцать лет и три года, копил силы богатырские и имел перед собой великую цель — завоевать сердце и тело принцессы Раисы.

А раз до того он уже десять лет крутился в мире полутемном, деловом, то связи были наработаны на зависть любому. Даже секретари райкомов, которые пошли в бизнес рука об руку с начальниками райотделов КГБ, уступали ему в силе духа, умении, опыте и связях.

Через два года Анатолий уже владел небольшой посреднической конторой, вышел на импортные операции, стал на всякий случай председателем артели глухих и союза ветеранов малых войн, освободился от налогов, причем два его конкурента таинственным образом погибли, затем проник в областную Думу в качестве независимого кандидата, сначала голосовал за ЛДПР, потом перешел к коммунистам, купил домик в Швейцарии, чуть не взорвался в машине, зато в этой же автокатастрофе погибла его вторая жена.

В 1995 году депутат Анатолий Смольный посетил Веревкин, открыл там филиал своего банка. На самом деле, конечно же, приехал, чтобы увидеть Раису и себя показать.

Его пожилая мать, которой он высылал ежемесячно пенсию в

размере государственной, сказала ему, что давно Раису не видела, но вроде бы она в прошлом году возвратилась домой после очередного неудачного брака или романа — кто ее, шалаву, разберет! Живут они скудно, ведут себя неразумно, порядочные люди с ними не связываются.

Мать всегда боялась Раису, чутким материнским сердцем понимала, что сын ее — духовный пленник Раисы. Если она свистнет, он поднимет хвост и помчится. Хватило бы духу — давно бы отравила Раиску. Впрочем, мать Анатолия была не единственной женщиной в Веревкине, которая так думала.

Сын поставил на стол подарок — кофеварку фирмы «Самсунг» из Южной Кореи. Он знал, что мать отроду кофе не пила, но кофеварка досталась бесплатно, как рекламный образец, а мать, если нужно, загонит.

Больше он с матерью разговаривать не стал. а вышел на разведку.

Харитон пошел за ним. «Мерседес» остался возле дома, чтобы не привлекать внимания обывателей.

Дом Раисы показался Анатолию безнадежно маленьким, старым, некрашеным, и в то же время сердце сжало неизгладимым чувством.

Анатолий поднялся на крыльцо, Харитон остался в шести шагах, прикрывал от нападения. Мало ли что.

Анатолий позвонил в дверь, никто не открыл.

Он стал стучать, потом повернулся спиной и стал стучать каблуком.

Стук был таким сильным, что из окна соседнего домика высунулась тетка и крикнула, чтобы перестали хулиганить, соседей нету дома, и когда будут, неизвестно. А где они? В Турции, ясное дело.

Пошли домой, Анатолий решил с утра сходить к Виктории, Раискиной подруге, она должна знать.

И тут произошла встреча.

По переулку шли всей семьей — Раиса, ее мать и отец. Каждый нес по две полосатые клеенчатые сумки невподъем.

Анатолий не сразу узнал семью, хоть знаком со всеми был с детства.

Отец ссохся, но жилистости не потерял. и взгляд из-под седых бровей был злобным, как и прежде.

Мать стала квашня квашней, осела, сгорбилась, седые волосы нараспашку. А Раиса, чудо-воспоминание, превратилась в толстую бабу средних лет, притом одноглазую..

И все вместе они принадлежали к жалкому и жадному племе-

ни российских челноков, что бродят по всему миру от Гонконга до Монтевидео и ищут чего второго сорта и списанное, но дешево. И волокут на наши толкучки и оптовки.

Анатолий увидел любовь своего детства и молодости и замер, стараясь угадать неземное существо в этой прихрамывающей бабе. Он смотрел, Раиска на него смотрела, но что удивительно — он ее все же узнал, потому что стремился в Веревкин, чтобы сказать ей: «Я приехал, я сдержал свое слово, я стал самым богатым, меня по телевизору показывают, у меня охрана есть, иди ко мне, и мы будем счастливы». А Раиса никак не узнала в мужике — средних лет, кадровой внешности, в черной шляпе на ушах, сотовый телефон из кармана торчит, ботинки чищеные — не узнала в нем замухрышку из своего класса Тольку Смольного.

Анатолий стоял, потеряв дар речи.

Не надо было ему ехать в Веревкин. Не надо было открывать в нем филиал своего банка, не надо было заказывать в шашлычной «Тульские узоры» банкет для одноклассников. Уж если у тебя есть бабки, то организуй разведку, выясни, получи фотографию-полароид...

Ничего этого Анатолий не сделал, положился на вечность красоты и либерализм времени.

Раиска, хоть и трудно было с таким грузом, который оттягивал руки до земли, повернула голову. Что-то тревожное кольнуло ее — может, какой обманутый любовник? — и все равно не узнала — щеки вылезли наружу и стали красного цвета, глаза спрятались за подушечками, да и шляпа скрывала узкий лоб с залысинами.

Анатолий открыл было рот, чтобы остановить ее. Но смотрел на одноглазую бабу, которая прихрамывала, сгибалась под тяжестью сумок, понимал, что это и есть Раиса, но отказывался сам себе поверить.

— Вам чего? — спросила Раиса вслед Анатолию. Но тот уже повернулся и быстро пошел прочь по переулку. За ним, переваливаясь под тяжестью мышц, топал охранник Харитон.

Анатолий добежал до машины, бросился на заднее сиденье и сказал шоферу:

— Гони в Москву.

В тот день он оставил свою карьеру, целью которой было стать тульским губернатором, закрыл все конторы и отделения в Туле и проникся к областному центру странной ненавистью.

Он начал делать деньги в Москве, он боролся, как злобный

тигр или супершакал, он никого не жалел и получил кличку Анаконда или Толя-Анаконда. Он никогда больше не бывал в родном городе, он даже маме не отвечал на письма, ограничиваясь денежными переводами в размере минимальной пенсии.

Правда, он нанял частного сыщика Хмурого, бывшего подполковника милиции, который заполнил белые пятна в биографии Раисы. Оказывается, ее жизнь складывалась роковым образом. Ее милицейский муж сильно проворовался и был посажен, Раиса попыталась уехать в Париж, чтобы стать фотомоделью, но доехала только до Бухареста, где фотомоделей как собак нерезаных. Там ее полюбил сутенер Ахмет, чеченец по национальности... Через десять лет она очнулась в Веревкине, без правого глаза, с переломанной ногой, отбитыми почками и расшатанными нервами. Потом был еще один неудачный брак, в деревне под Веревкином, но о нем и говорить не стоит.

Без ребенка, без любви, без связей и денег Раиса возвратилась в свою семью и занялась мелким бизнесом. Они все втроем ездили по заграницам, подвергались мучениям и гонениям. Жизнь катилась мимо. Красота погасла. О ней теперь помнил только Анатолий по прозвищу Толя-Анаконда.

А Толя, получив все эти сведения, заплатил подполковнику Хмурому, постарался забыть Раису, но не смог, потому что был травмирован не столько ею, сколько ее предательством: ну как могло случиться, что она в который раз обманула вечного поклонника и стала столь непривлекательной? Ведь он все улучшался — почему она ухудшалась?

После визита в Веревкин Анатолий богател, рос, умножал материальное благосостояние и о Раисе почти не думал.

Пока не открыл газету и не узнал о том, что в Англии выведена овечка Долли — вернее, клон овечкиной мамы. Без помощи папы. А в России Дума приняла постановление вывести свинью. А в Америке появился доктор, который хотел клонировать людей, против чего уже поднялись волнения и демонстрации.

Два года не был в Веревкине Анатолий Смольный, владелец заводов, ларьков, пароходов на бывших просторах СССР.

Он подумал о том, что в прошлый приезд сюда сердце его билось от неведения, а теперь бьется от предвкушения.

Конечно, Анатолий думал не такими умными словами, хотя был неглуп, ему даже привозили учителя из Англии, чтобы учил английскому языку во сне. Учитель ничего не добился и объяс-

нял это тем, что Анатолий якобы не знает родного русского языка. А без этого ему не привить иностранных языков.

Анатолий велел отправить учителя обратно в Англию за свой счет, но гонорар удержать. Учитель до сих пор судится с фирмой ООО «Смольный», но кто одолеет наших адвокатов?

Дорога влилась в крайнюю, Заводскую улицу Веревкина. Завода там, правда, не было. В тридцатых годах собирались построить металлургический гигант, завезли ссыльных, построили Заводскую улицу из бараков, но потом Тула, как всегда, перетянула.

За Заводской повернули к центру. Там, на берегу речки, в бывшем парке при гимназии таился Дом пионеров, построенный некогда секретарем горкома, который брал не по чину и сгинул. С тех пор дом не пустовал, его использовали для сомнительных дел и круглых юбилеев не только веревкинские, но и тульские начальники, для чего там пристроили баню и сделали подземный ход на тот берег, к гречишным полям.

Анатолия ждали.

С подносом, где стояла солонка и лежал купленный в мини-супермаркете кекс «Пасхальный» бельгийского производства, вышел Адольф Турецкий, бывший председатель городской организации ДОСААФ, который, несмотря на отличные показатели боевой и политической подготовки, выше майора не пошел из-за сомнительного имени и фамилии.

Адольф был такой толстый, что его всегда поддерживали два его юных друга, Василий и Шурочка. Друзья были веселыми, заливистыми, розовыми и могли оказать услугу любому гостю.

Анатолий отщипнул от каравая, кинул крошку в мокрый сугроб и прошел к себе в апартаменты не потому, что презирал Адика, а просто не хотел обниматься, боялся некоторых физических контактов.

В гостиной открыл холодильник, порадовался тому, что в Веревкине помнят о его вкусах, налил из бутылочки стакан морковного сока.

Анатолию иногда хотелось завести близкого человека, которому можно доверять, который все поймет и разделит твои планы и сомнения. Говорят, для этого нужно счастливо жениться, бывают такие женщины. Анатолию не везло, пока не встречал.

Пришлось обходиться своей головой. Что он и делал.

Хотя очень хотелось посоветоваться.

За Раисой Анатолий послал Адика Турецкого. Харитона она могла испугаться. Харитона многие пугались. Как-то в прошлом году Анатолий был в Штатах, гулял по Голливуду, встретил Шварценеггера. Анатолий вежливо послал к звезде американ-

ского экрана своего Харитона, чтобы взять автограф. Харитон подошел, хотел сказать о любви, но Шварценеггер при виде Харитона кинулся бежать, бежал и звал полицию. Наши за ним гнаться не стали, только издали смотрели, как Шварценеггер упал в обморок.

У нас Харитона не так боялись, иногда только путали с политиками. Рожа как рожа.

Анатолий послал за Раисой Адика, и тот привел женщину довольно скоро. Раиса была заинтригована, какой это старый знакомый хочет с ней побеседовать в домике у реки.

Она вошла в комнату, где сидел Анатолий, и сказала с порога:

— Ох и давно я здесь не была! Совсем стала невостребованная!

Она хрипло засмеялась, а Анатолий, прежде чем поздороваться, сказал:

— С алкоголем будем завязывать.

Он встал и подошел к Раисе, протягивая руку. На этот раз он был без шляпы и пиджака, так что узнать его оказалось проще. Раиса его и узнала.

— Толька! — воскликнула она. — Ну ты даешь! Кто тебя, блин, в этот развратный домик пустил?

— Раиса, поосторожнее в выражениях перед нашим гостем, — предупредил от дверей Адик Турецкий.

— Пошел отсюда! — мягко попросил его Анатолий.

Они остались одни.

— Я сяду, — сказала Раиса, — и ты садись. Ноги не держат от такой неожиданности.

С прошлого раза она еще более ухудшилась.

Лицо стало краснее, даже какие-то жилки пошли по щекам, под глазами мешки, волосы повылезли и совсем потеряли блеск и пышность, руки были неухоженные, с грязью под ногтями. Но когда она села — нога на ногу, в поношенных кроссовках, — у Анатолия сердце пошло кругом. Так бывает с женщинами — все в них исчезло, а ноги остались прежними.

Вы таких ног не видели! Это архитектура, в учебниках фотографируют.

Как могли сохраниться ноги при общей девальвации организма — это природная тайна.

Раиса перехватила жадный взгляд Анатолия и спросила:

— Что, еще не перевелся порох в пороховницах?

— Есть дело, — ответил Анатолий. — Хотелось поговорить.

— Выпить не найдется? — спросила Раиса. — При твоих возможностях.

— Выпьем потом, — ответил Анатолий.

— А как ты вообще? Ничего мне не рассказываешь. Женат, детишки есть?

— Был женат. Есть дочь, — коротко ответил Анатолий.

— А я вот бездетная, — сказала Раиса. — А чего развелся? Характерами не сошлись?

— Сошлись.

— Под машину попала?

— Ты газеты читаешь? — спросил Анатолий.

— Я тоже в разводе, — сказала Раиса. — Одинокая женщина.

Левый глаз был наполовину прикрыт, это ее сильно портило.

— Я не жениться приехал, — сказал Анатолий.

— А когда-то сох по мне. Многие сохли, ты не представляешь, один мужик другого убил, а сам в бассейне утопился. Смешно?

Она забыла, что Анатолий был свидетелем тех событий.

— Сейчас вряд ли кто из-за тебя утопится, — сказал Анатолий.

— Смешно, — вздохнула Раиса.

— Но есть возможность заработать, — сказал Анатолий.

— Я думала, посидим, старое вспомним, — сказала Раиса. — Неохота о деньгах говорить. Я ведь не нуждаюсь. У нас есть семейная фирма, экспорт-импорт. Небольшая, но на жизнь хватает.

— Раиса, — сказал Анатолий, — я все о тебе знаю. Всю твою биографию изучил. И с кем ты жила, и с кем спала, и кто тебе глаз вышиб, и куда ты с папашей и мешками гоняешь. Так что помолчи, принцесса.

— Принцесса, — тихо повторила Раиса. Она хотела было обидеться на слова одноклассника, а потом передумала.

— Есть такое интересное открытие, — сказал Анатолий. — Называется клонированием.

— Скажи своим мордоворотам, пускай выпить принесут, — попросила Раиса. — Желательно мартини со льдом.

— А мне морковного сока, — сказал Анатолий. Он был уверен, что Харитон таится под боком и сейчас что надо принесут. — Слышала о клонировании?

— Слышала. По телику передавали.

Адик Турецкий принес поднос с мартини, бокалами и бутылку с морковным соком.

— Что? — спросила Раиса. — Проблемы с желудком? В твоем возрасте?

— Пожить хочу, — сказал Анатолий. — Плодотворно.

— Дурак.

Раиса выпила полный бокал мартини, не разбавив и не положив в него лед. Налила еще.

— Мне ты нужна, — сказал Анатолий, — чтобы ты как бы родила ребенка.

Раиса так и замерла со вторым бокалом у губ. Губы у нее тоже сохранились — полные, четко очерченные.

— Ты что, рехнулся? — спросила она наконец. — Сначала меня опозорил, унизил, а потом о ребенке? А ты знаешь, что я на ребенка соглашусь только от настоящего мужа, со штампом в паспорте, понял?

— Ты меня как бы не так поняла, — сказал Анатолий. — Трахать я тебя не буду, еще заразишь чем-нибудь. Рожай без меня.

— И кто же жених? — спросила Раиса, решив, что больше обижаться не будет. Разговор намечался серьезный, и она могла что-то с него поиметь.

— Вообще-то могу обойтись без тебя, но так надежнее.

Раиса отхлебнула мартини. Разговор шел серьезный, и этот бывший замухрышка тоже не шутил. Что-то ему от нее нужно, но главное тут — не продешевить. Уж слишком часто Раиса в жизни спешила схватить золотую птицу счастливой судьбы и все промахивалась — утром проснешься, а птичка уже в небе порхает.

— Рассказывай, Толик. — Раиса старалась говорить мягко, горловым голосом, который стольких сводил с ума. Как хотелось, не вышло, уж очень она прокурила и пропила этот голос.

— Закурить не найдется? — спросила она.

— Курить тоже завязываем, — сообщил Анатолий.

— Перебор, — сказала Раиса. — Курить не завязываем. Рака легких не опасаемся.

— Курить ты бросишь, когда узнаешь, что стоит на карте.

— Тогда говори, что стоит на карте.

— Может, ты догадывалась, что я к тебе неровно дышу, — начал Анатолий. — Со времен средней школы.

— Почти забыла, — призналась Раиса, — растаяло, как дым отечества.

— Не кривляйся, — укорил ее Анатолий. — Тебе это не идет.

— А ну, уберем из общения этот учительский тон, — сказала Раиса, которая за свою жизнь научилась поддерживать беседу в любом обществе. Она легко схватывала слова и понятия, даже зачатки языков. Она в Турции могла лучше любого челнока объясниться. А про Польшу и не говорим.

— Я советовался с докторами наук, — сказал он, — пришлось вложить большие бабки. Они мне как бы надавали советов. Ты слушаешь? Значит, я теперь знаю, как сделать. Бабки у меня как бы есть. Начнем хоть завтра. Я уже договорился с роддомом и

консультацией — возражений не имеется. Но, конечно, абсолютно как бы тайна.

— Слушай, Толик, не мути. Чего тебе от меня надо? А то я уж бояться начала. У тебя в глазах оголтелость.

— Мне ты нужна, неужели не поняла?

— Если я, тогда к твоим услугам, только потраченная молью.

— Мне ты нужна молодая, какую я любил. Ты что, не понимаешь, что у меня к тебе как бы чувство было?

— Обратного пути история, прости, Толик, не знает.

— Теперь знает! Мы берем твою клетку, мы ее, прости, оплодотворяем, и ты выращиваешь. Кто рождается?

— Ты охренел, Толик?

— Спокойно. Я пока терплю. У меня жизненная ставка.

Раиса трясла головой, старалась понять, что происходит. Происходило что-то опасное и даже постыдное для нее. А до конца она не понимала.

Анатолий тоже не мог ей втолковать, чего он хочет — не снаружи, в действительности, а чего он хочет в душе. Что им движет.

Ну как объяснишь этой тумбе, что ты прожил свою жизнь именно так, как случилось, из-за нее! И, может, даже ради нее. А потом узнал, что она его подло обманула. Когда он завоевал половину мира и пришел, чтобы кинуть ее к твоим ногам, оказалось, что твои ноги — единственное, что от тебя осталось. Остальное необратимо исчезло. И тут-то оказалось, что жизнь прожита зазря. И некому кидать под ноги половину мира.

Анатолий разочаровался в жизни, но продолжал жить, потому что в голову ему не приходило, что можно с этой жизнью расстаться. Он, можно сказать, собрал в руках вторую половину мира и тогда узнал, что клонирование возможно.

И озарение пришло к нему почти сразу.

Никто до этого не додумался. Ни один академик или народный артист. Оказывается, теперь можно возвратить в мир утерянную красоту. Нет, не какую-то там Нефертити или Клеопатру в исполнении Элизабет Тейлор — кому это нужно? Можно вернуть в мир самую великую из всех красавиц СНГ и дальнего зарубежья Раису.

Вот все это он и попытался изложить в беседе с Раисой. Раиса высосала всю бутылку мартини и к концу бутылки поняла, что за дело на нее надвигается.

С одной стороны, операция показалась ей противной и отталкивающей.

С другой стороны, она была польщена. Ведь это было как бы победой на конкурсе «Мисс Вселенная», это было свидание с человеком, который ради тебя — ведь это я такой была? — готов пойти на все.

— Ну вот она родится, — спросила Раиса, — ты что же, двадцать лет ждать будешь?

— Ты раньше созрела, — сказал Анатолий.

— Ну уж нет! — воскликнула Раиса. — Не получишь ты, развратник грязный, мою доченьку! Хрен тебе! Иди во Францию, негритянок там... это самое. Но мою дочку — нет!

— Это не твоя дочка, — упрямо сказал Анатолий-Анаконда, — это ты сама. И ты уже в шестнадцать в раздевалке стадиона физкультурнику давала.

— В семнадцать, — поправила, смутившись, Раиса. Хотя была не права.

— Вот я на тебе и женюсь.

— Нет, и не мечтай! Исключено! Я тебя и в школе не замечала, а сейчас тем более не замечу. Ты знаешь, старый козел, сколько тебе лет будет через двадцать лет?

— Сколько?

— Сколько и мне. Шестьдесят без двух месяцев. Тебе на пенсию надо, а не на дочке моей жениться.

— Не на дочке, а на тебе.

— Да не пойду я за тебя! — кричала Раиса, потом кинула бутылку из-под мартини в Анатолия, промахнулась и попала в голову Адику Турецкому, который сунулся было на шум.

Пришел Харитон, унес Адика, а беседа с Раисой продолжалась.

Анатолий стал спокоен. Недаром его Анакондой звали. Он стал стягивать кольца на теле обнаженной жертвы.

— Ты сколько сейчас в месяц получаешь? — спросил он.

— Неважно.

— Важно. Дай бог, всей семьей пятьсот баксов.

— А вот и больше!

— Ну как бы шестьсот.

— А зачем тебе?

— Единовременно получаешь три тысячи баксов, квартиру в новом доме, переезд в Москву, пенсию и звание моей тещи.

— И не мечтай.

— Другой вариант: как только ты ее рожаешь, сразу уходишь в отставку, я нанимаю кормилиц, поилиц и другую обслугу, выписываю из Швейцарии, а может, увожу тебя до совершеннолетия в пансион в городе Цюрих, как бы на родину Ильича.

— Кого?

— А наш вождь там как бы скрывался от клевретов царской охранки. Не читала?

— Я тебе в последний раз говорю: не получишь ты мою дочку.

— А тебя?

— Чего — меня?

— Опять двадцать пять! Сколько тебе за штамп в паспорте?

— Не пойду я за старика.

— В шестьдесят я еще таким орлом буду! Ты и не представляешь. В моем распоряжении все достижения зарубежной медицины. Тебе тоже поможем. Глаз сделаем — ни одна гадюка как бы не отличит.

— Дурак ты! — сказала Раиса, но в ее голосе уже не было первоначального возмущения.

Пока в женской консультации при роддоме готовилась палата и ее уже занимали специалисты, выписанные Анатолием из Южно-Африканской Республики, Раиса нередко встречалась с Анатолием и даже во многом смирилась. Она не могла счесть будущего ребеночка самой собой, внутренне называла дочкой. Но в то же время ей было любопытно, как и любой женщине на ее месте, что же получится? Неужели она сможет наблюдать за тем, как она сама будет снова расти, ходить, произносить первые слова и даже пойдет в школу? И это любопытство оказалось сильнее опасений, тем более что с опасениями Раиса покончила быстро: как и обычный русский человек, она отложила опасения на будущее. Там будь что будет. «Все равно ему дочку не отдам. В случае чего передам дело в суд — он у меня попляшет. Он же отцовство доказать не сможет! Нет в моем ребеночке его отцовства. Только я и господь бог». Тут ей в голову пришла крамольная, но оригинальная мысль: а непорочное зачатие — это, наверное, и было первое в мире клонирование. Как бы в богородицу внедрили божью клетку. Ведь всюду говорят и даже пишут, что Христос — сын божий, но нигде не говорится, что он сын богородицы. И она ему не мать, а только донорша.

С этим открытием Раиса пришла к Анатолию. Он устроил в домике у реки свою резиденцию, кабинет, факсы и компьютеры на каждом шагу. Никто из его персонала не мог понять, что взбрело шефу в голову. Но и не спорили — только те спорили, кто не хотел переезжать или гонять в Веревкин. Ну те потеряли работу. Ясное дело.

Конкуренты суетились, подсылали шпионов. Харитон шпионов разоблачал и скармливал им ложную информацию о находке

под Веревкином месторождения самородной ртути. Так что на биржах Европы зашевелились некоторые акции.

В женской консультации при веревкинском родильном доме жизнь текла внешне, как прежде, без событий. Ходили туда будущие мамы, сдавали анализы, проходили обследования. Но к заднему входу был пристроен бункер, туда тоже подъезжали машины, заходили люди замкнутого вида, некоторые с переводчиками. Заходили люди со стороны. Включая будущих матерей. Официально было объявлено, что там обследуют некоторые генетические осложнения, которых раньше в Веревкине не было, а теперь появились.

Конечно, первой среди равных пациенток была Раиса.

За ней заезжал домой «Мерседес», хотя идти от ее дома до консультации пять минут.

Раиса, когда окончательно опомнилась и смирилась, поставила перед Анатолием ряд условий. И он их принял.

Новый дом в экологически чистом районе, на холме над излучиной речки — два этажа, четыре комнаты с ванной и колодцем — выполнено.

Автомобиль «Нива» белого цвета для папы — выполнено.

Шесть тысяч баксов наличными — получено две с половиной тысячи.

Для извлечения из организма Раисы нужной для потомства клетки и для последующего внедрения в ее организм пришлось Раисе полежать в родильном доме. У нее была своя палата с телевизором, на окнах решетки, питание четырехразовое.

Сначала Раиса думала, что все сказанное Анатолием, да и действия врачей над ее организмом — это какая-то афера. Одно дело — читать в газетах или видеть по телевизору, другое — если это происходит с тобой: жила, жила, а стала овечкой Долли.

Но вдруг, довольно скоро, Раиса поняла — у нее задержка.

Задержка? А ведь никаких совокуплений с мужчинами у нее не было, довольно давно не было. Значит, в ней... это!

И стало страшно. Да, конечно, Анатолий все объяснял, доктор Перруджини тоже все объяснял, все она понимает... но тут в тебе что-то начинает расти. В твоем организме. Но раз это не занесено во время акта любви, как положено у людей, значит, это наведено научным способом. А где гарантия, что это будет в самом деле девочка? Твоя копия? Кто их, таких девочек, видел? А вдруг это, как в русской сказке сказывается, неведомый зверушка?

Раиса похудела, потеряла аппетит, хотя ее откармливали в роддоме диетическим питанием.

Приезжал Анатолий. Был радостен, ходил по палате, потом

предложил погулять в саду. Деревья уже распускались, весна была в полном разгаре. Сад был обнесен высокой изгородью. Анатолий говорил о любви, о том, как, оказывается, всю жизнь страдал от чувства к Раисе. Раиса пыталась отшутиться, говорила: «Если так любишь, значит, тебе недостатки моей сегодняшней внешности не так уж и важны? Женись на мне как я есть». «Я лучше уже нашел», — отвечал Анатолий, показывая на ее живот.

Раиса тоже смотрела на свой живот, ей казалось, что он на глазах раздувается, как в американском фильме ужасов, где в утробе героини таится «чужой», чудовище. Но пока признаков не находила.

Раиса беспокоилась, дома мать начала расспросы, Раиса отбрехивалась, потом сказала:

— Да, беременная я, а от кого, неважно, может, от того турецкого шофера, помнишь, нас подвозил из Трабзона?

Мать помнила и старалась не верить такому позору.

— Я тебя в детстве по ошибке не убил, — сказал отец, — но если родишь, то убью наверняка.

Так что когда доктор Перруджини, который уже немного освоил русский язык, предложил с пятого месяца переехать в стационар, Раиса согласилась. Не нужны ей косые взгляды и семейные свары. Лучше потерпеть, пока не родится... неведомый зверушка.

Она гуляла по распустившемуся, богатому саду за роддомом, за высоким забором. Но спокойствия не было. Мучила интоксикация организма, жить не хотелось.

В стационаре на сохранении она была не одна. Сначала там были еще три женщины, молодые, куда ее моложе, молчаливые, из местных, но незнакомые. Потом появилась Верка Синицина, с Аксаковского переулка, они давно были знакомы. И про нее Раиса знала, что никакого мужика у Верки нет и не было по причине непривлекательности и бедности. И тут — беременная!

— Ты чего мне раньше не сказала? — накинулась на Верку Раиса.

— Я про тебя тоже не знала, — ответила Верка.

Они стали гулять вместе, даже немного загорали. Как-то сблизились. Верка все приставала, а кто отец ребенка? Раиса спросила доктора, можно ли рассказать Верке, что она клонируется, но Перруджини ответил, что ни в коем случае, может случиться выкидыш.

Они еще несколько дней таились, но потом Верка сама проговорилась.

Они курили в кустах у забора — курить им было категорически запрещено, но санитарка Зарема, беженка, с приплатой носила сигареты. Верка сказала:

— Я тебе тайну должна раскрыть.

— Что за тайна?

— Нет у меня мужика, — сказала Верка. — И не было.

— Случается, — ответила Раиса, которая сама откровенничать не собиралась.

— Ты не понимаешь, — сказала Верка, — я без мужика рожать буду.

— Кого же ты рожать будешь, если без мужика? — спросила Раиса, а сама вся напряглась. Ужасная тайна готова была раскрыться.

— Ты не поверишь!

— Поверю.

— Ты побожись, что никому не скажешь.

— Ей-богу под салютом всех вождей, — так божилась еще мама.

— И доктору Перруджини не скажешь?

— Уж ему-то ни в коем случае.

— Я собственную копию буду рожать, — призналась Верка, — из меня клетку взяли, и из нее я девочку рожу, точно как я в детстве.

— Врешь!

— И знаешь, кто меня на это соблазнил?

— Нет, не знаю.

— Такой у нас Толька учился, Толька Смольный, не помнишь?

— Что-то не помню.

— Он, оказывается, был в меня влюблен, — призналась Верка. — Он как прочел про клонирование... ты слыхала про клонирование? — то сразу ко мне: прошу, говорит, тебя, Вера, вернуться ко мне в юном облике.

— А ты?

— А он мне пенсию обещал на ребенка, поклялся признать ее дочкой и тысячу баксов в месяц.

— Зачем ему дочка?

— Детей у него нет. Бог не дал. Хочет удочерить.

— Этот? Удочерить? А вдруг у него другие планы? Он, говорят, за соблазнение малолетних привлекался.

Конечно, этого говорить не следовало, после таких слов Верка полностью потеряла покой и все ждала, когда приедет Анатолий, чтобы выложить ему правду, но и Раису можно понять — она все это сделала от душевного волнения и, можно сказать, шока. Ты думаешь, что ты и есть центр мира, ты идешь на сомнительное мероприятие из-за того, что тебя любят неземной любо-

вью... а оказывается, не только тебя любят. И кого? Верку? Да у Верки в школе никаких поклонников не было — с ее-то длинным носом! Извращенец! Честное слово, извращенец!

Раиска начала уговаривать Верку, чтобы та молчала — если ты устроишь скандал, то только бабки потеряешь и ничего хорошего...

Вроде бы Вера поддавалась, но на нее было мало надежды — проговорится, обязательно проговорится. Ее ведь распирает.

Но пока Анатолий не приезжал, а Вера держалась, закусив губу, Раиса, полная подозрительности, обратила внимание на молодых товарок, которые гуляли по садику, — тоже были на сохранении.

Первая же, по имени Прохорова Дарья, беженка, без жилплощади, через час беседы призналась, что мужа не имеет, любовника тоже, иначе не пошла бы на такое унижение за деньги: родить ребенка без отца и даже без любви. Ей, по ее словам, этого зародыша «впрыснули», обещали за это пенсию и алименты, а также отдельную комнату в доме на Ленинской. Прохорова Дарья не знала имени своего благодетеля, беседовала с доктором, но при том присутствовал наблюдатель... и Прохорова описала Анатолия.

Ситуация становилась все более загадочной и неприятной. Анатолий оказался лжецом, но смысл его лжи оставался непонятным и пугающим.

Раиса таилась, переживала, но продолжала свой детективный поиск. Следующими жертвами стали две подружки — Аля и Галя. Совершенно непохожие. Аля мужеподобная, здоровенная баба, ей бы женской штангой заниматься. Галя — воздушное создание, все жмется к Але. Раисе с ее жизненным опытом не надо было долго разбираться — она поняла, что девицы, хоть и молоденькие, чистой воды лесбиянки, и даже не из самого Веревкина, а из поселка Силикаты в шестнадцати километрах. Их дружба, переросшая в любовь, развивалась еще в общежитии тамошнего кирпичного завода. А теперь, как объяснила Галочка, сбывается мечта их любви — одни добрые и щедрые люди им предложили родить по детенышу без помощи этих грубых, жестоких, вонючих существ по имени мужчины. Их клеточки объединили — наука теперь на это способна, — и теперь они родят девочек, во всем похожих на Алечку и Галочку.

Раиса уже была готова убить Анатолия, но тот, словно зная об этом, все не приезжал.

Тем временем Раиса свела знакомство с только что поступившими новыми пациентками роддома. И все восемь девушек оказались такими же, как и она, жертвами жестокого обмана этого сексуального маньяка и развратника Анатолия Смольного, тюрьма по нему плачет.

Вот об этом она и сказала Анатолию при первой же встрече, которая произошла в начале сентября.

Пошел седьмой месяц беременности, животы у всех девиц и женщин стали очевидными, Анатолий сначала погулял по садику, ни к кому не подходил, ни с кем не разговаривал. Любовался плодами своей инициативы. За ним шли доктор Перруджини, охранник Харитон и всякая местная мелочь.

По окончании осмотра территории Анатолий выбрал из группы гуляющих и взволнованных его появлением женщин Раису и спросил ее интимно:

— Вижу, что ты как бы хочешь со мной поговорить.

— Еще как хочу, — сказала Раиса с угрозой.

Анатолий увел свою бывшую пассию из садика, уединился с ней в кабинете главврача. Из столовой пахло вкусной пищей, санитарки звенели посудой, накрывали на стол.

— В чем проблемы, Райка? — спросил Анаконда.

— В твоей подлости, Толик, — ответила Раиса.

— Конкретнее можешь?

— А конкретнее — ты зачем мне лапшу на уши вешал, а сам по другим девкам бегал?

Анатолий сидел в кресле, разглядывал носок своего ботинка, блестящий, словно он гулял по Парижу, а не по Веревкину.

— Узнала, значит, — вздохнул он.

— Еще бы не узнать! Но ты отвечай, отвечай!

— А то что?

— А то я тебя на весь мир разоблачу!

— И как же ты разоблачишь?

— Тут же еду в Тулу, в газету, а может быть, в Москву — «Совершенно секретно» знаешь? Они таких, как ты, сразу в саунах разоблачают.

— Попробуй, — сказал Анатолий, не двигаясь с места.

— И попробую.

Раиса встала, вышла из кабинета. В пустом коридоре стоял Харитон.

— И далеко собралась? — спросил он.

И так спросил, что Раиса, битая жизнью и чуявшая опасность за версту, сразу же возвратилась к Анатолию и с порога спросила:

— Но зачем ты это сделал? Тебе что, на улицах молодых телок мало?

— Узнаешь, — сказал он усталым голосом. — Ты не представляешь, каких денег это мне стоит... каких денег...

Он встал и ушел.

А Раиса осталась оплеванной. Она же думала, что он станет ругаться, объясняться, оправдываться. А он выслушал и ушел.

Ну зачем, скажите, зачем нужен целый детский сад разных дочек от разных баб и даже молоденьких девчат? Ведь Раиса подсчитала за последующие дни, что всего в спецотделении роддома на сохранении этих самых «неведомых зверушек» состояли девятнадцать «доноров» — так будущих матерей называл с приятным акцентом доктор Перруджини.

В декабре Раиса родила. Родила, находясь в состоянии постоянного ужаса, как и некоторые другие пациентки. Она ждала, что из нее появится чудовище. Доктор Перруджини переубедить ее не смог.

Рожала она под наркозом, по современной технологии.

Когда наркоз уже давали, вошел Анатолий. Он был в голубом халате, как все в операционной, глаза печальные, тревожные — несмотря на ужас своего положения, Раиса успела ему посочувствовать.

Сквозь наркоз она слышала слова акушеров и даже в бессознательном состоянии ожидала услышать что-то страшное. Но ничего страшного не услышала.

Потом очнулась на койке в палате.

Там же лежала еще одна роженица, оказывается, она прибыла в палату за двадцать минут, а может, за полчаса до Раисы. Это была Галочка, из лесбиянок. Она уже получила своего ребеночка — девочку привезли на каталочке, она была раскрытая, голенькая, розовенькая, и Галочка просто зашлась от восторга и все спрашивала медсестру:

— Но до нее ни один мужской ген не касался? Ну дайте мне слово!

— Не касался, не касался...

— А как мой... подруга? Аля?

— Твоя подруга на подходе, — сказала медсестра.

— Я так за нее переживаю! Больше, чем за себя, — сказала Галочка.

— А мне привезут? — спросила Раиса.

Ей уже не было так страшно. За окном сыпал пушистый снег, синело, в палате горел уютный свет, в коридоре слышались мирные голоса, где-то заплакал ребеночек, Галя чуть подвинулась, и медсестра положила младенца рядом с ней на постельку и сказала:

— А теперь, мамаша, будем учиться кормить дите.

— А где мой ребенок? — спросила Раиса.

— Везут, — ответила медсестра, — скоро будет.

И в самом деле через несколько минут дверь в палату открылась и привезли ребеночка Раисы.

Ребеночек сразу заплакал, но потом смирился с существованием на белом свете и оказался никаким не уродцем и не зверенышем — это была очаровательная девочка.

Вечером, совсем поздно, когда последняя из девушек разродилась девочкой, Анатолий разложил на столе в кабинете главврача веер только что сделанных фотографий.

Все девятнадцать девочек оказались совершенно одинаковыми.

Подозревая Анатолия в дьявольских планах и опасаясь страшного подвоха, Раиса не нашла самого простого и логичного объяснения: Анатолий хотел подстраховаться. Он не желал поручить задачу выведения идеальной женщины одной Раиске с ее сомнительными привычками и продвинутым возрастом.

Когда доктор Перруджини получил исходный генетический материал, а в Веревкине была готова научная и практическая база для эксперимента, Анатолий разными способами — от подкупа до увещеваний — привлек к делу еще восемнадцать одиноких женщин и девушек, и в них, так же как и в Раису, внедрили клеточки... такие маленькие клеточки.

И одновременно в организмах матерей-доноров началось развитие одинаковых зародышей, которые постепенно превращались в одинаковых человечков. И вот, почти одновременно, девятнадцать матерей разродились. И на свет появились девятнадцать маленьких Раис.

...Доктор Перруджини вошел в кабинет. Он устал, он работал круглые сутки.

— Я поздравляю вас, синьор Смольний, с успехом нашего эксперимента. Если все сделать как надо — Нобелевская премия есть!

— А вот ты, синьор-помидор, — ответил Анатолий-Анаконда, — получи в кассе что тебе причитается и премиальные из расчета трех процентов оклада и собирай чемоданчик.

— Как так? Как так? — удивился доктор. — Это же труд моей жизни!

— За мои баксы сделаешь еще один труд.

— Но масштаб! Где я найду такой масштаб, блин поганий! — Доктор многому научился в России.

— Поезжай в Китай, — посоветовал Анатолий.

Он раскладывал фотографии на столе и любовался фантастическим сходством девчушек.

Наутро он продал еще два супермакета и заложил замок в Швейцарии. Ему были нужны наличные. Над его будущими женами и их мамами должно быть постоянное наблюдение.

Харитон, который за последние годы многое узнал о шефе, спросил, заглянув в кабинет:

— Перруджини отпускаем?

— Конечно, отпускаем, — сказал Анатолий. — И с благодарностью.

В то же время он показал большим пальцем вниз.

Харитон кивнул и пошел на улицу организовывать автомобильную катастрофу на пути к тульскому аэродрому.

Анатолий, что бывало нечасто, заговорил сам с собой:

— Хорошо раньше было — один сорт колбасы на всю область, и все в очереди стоят. А теперь что — двадцать сортов и все без гороха. Которая из них моя? Ну скажи, зеркальце?

Фотографии молчали.

Анатолий уронил голову на руки и заснул так вот, сидя за столом.

Он спал четыре часа, чуть улыбаясь во сне.

Под утро его разбудил Харитон.

— Прости, шеф, — сказал он, — что беспокою. Но случилось несчастье.

— Говори, говори сразу! — воскликнул Анатолий. — Что с моими девочками?

— С девочками все путем, — сказал Харитон. — Только вот твой итальянский доктор приказал долго жить. Его такси выехало на встречную полосу — и лоб в лоб с «КамАЗом»!

— Надо же, такое невезение, — вздохнул Анатолий. — А я думал, что он еще не раз побывает в нашем городе.

С этого момента моего рассказа в него вторгается фантастический элемент, которого, как вы понимаете, я старался избегать. Но если осеменение девятнадцати женщин в Веревкине имело место в наши дни, то все последующее повествование, каким бы кратким оно ни было, переносится в будущее, которого еще не случилось, и из реалистического становится лишь допустимым.

Так что читатель волен поверить мне, а может, если пожелает, закончить чтение повести на этом месте и возвратиться к своим делам, додумав финал по собственному разумению.

На самом же деле в первые пять или шесть лет, как ни странно, ничего не произошло. Анатолий контролировал эксперимент ненавязчиво, осторожно, ничем не выказывая себя. И если с кем и встречался, то с Раисой, которая жила пристойно, почти не пила, в челночные рейсы не ездила, хотя ее родители этого ремесла не оставили. Теперь она уже поверила Анатолию и клонированию, тем более что в начале XXI века оно, несмотря на противоречивое к нему отношение, уже получило в мире широкое распространение. Появились различные клонированные животные, но главное, что оно дало возможность производить органы для трансплантации, которые наверняка приживались, потому что принадлежали именно самому больному. Но это стало возможно после того, как весь мир охватила сеть отлично организованных мафиозных структур, а медики научились настолько энергично стимулировать рост клонированных младенцев, что они достигали нужного возраста в течение нескольких месяцев.

Пока что в Веревкине всякое клонирование познавали с телеэкрана. И никто не подозревал, что девятнадцать клонированных девочек растут по разным домам. Нет, Раиса подозревала.

А остальные не видели.

Как так? Разве это возможно? Неужели, если на улице Ленина растет пятилетняя девочка, а ее абсолютная близняшка обитает в Демократическом переулке, кому-то придет в голову догадаться об их удивительном сходстве? Так они одеты по-разному, причесаны иначе, одна недокормлена, а другая перекормлена, — не может же Анатолий собрать всех своих будущих невест в общежитие и кормить одинаково? А ему и не нужно. Он же будет выбирать. Подойдет время — будет выбирать. Лучшую из лучших. Раису из Раис.

Раиса не спеша ходила по городу, проверяла своих товарок, выслеживала их и уже в 2002 году догадалась, что Анатолий обманул всех остальных донорш. Не нужны они ему были. И дети их не нужны — ему нужна только Раиса.

И тогда Раисе пришла в голову страшная мысль: не из любви к ней Анатолий все это замыслил, а наоборот. Он будет торговать девочками. Он будет сдавать их в иностранные публичные дома. Самых красивых, самых дорогих.

Когда она пришла к этому выводу, то озверела настолько, что кинулась в Москву, выследила Анатолия и даже смогла прорваться к нему, когда он выходил под охраной из своего банка. Охранники приготовились отшвырнуть ее с пути президента, но главный, Харитон, узнал Райку. Не чужой ведь.

И Анатолию пришлось перекинуться с Раисой несколькими словами.

— Я знаю тебя, блин, — прошипела Раиса, еще более раздавшаяся и неопрятная. Даже глаз не починила, хотя средства ей на это были выделены. — Ты будешь моей девочкой торговать. И всеми будешь торговать. А я тебя убью.

Никто, кроме Харитона, не понял смысла этих слов. Только охранники крепче сжали в карманах свои пистолеты.

Анатолий, от которого ожидали, что он придушит на ходу эту халду, повел себя неожиданно. Он остановился и сказал тихим, разумным голосом:

— Знаешь, я ведь так и решил. Одну оставлю себе. Ну максимум двух. Остальных сдам. Хорошим людям на воспитание.

— И я тебя убью.

— Чужих сдам, твою не трону, — сказал Анатолий. — Тебя куда подвезти?

Толстая женщина повернулась и пошла прочь. Она шаталась как пьяная и утирала слезы тыльной стороной ладони. Потом напилась и приехала домой последней электричкой.

В 2009 году кое-кто стал замечать, что в Веревкине рождаются девочки-красотки. Пятерых взяли в студию художественной гимнастики. Тренерше показалась удачной эта шутка природы. А когда она выводила команду, публика сначала замирала, а потом разражалась аплодисментами.

А девочки тоже тянулись друг к дружке, как будто чувствовали, что они родные.

Раиса переживала. Хотела даже переехать в другой город.

Но тут заявился Анатолий.

Дом приемов у реки уже снесли, там построили шестиэтажный ангар для личных самолетов и вертолетов. Адик Турецкий уехал в Турцию, он думал, что его там примут как родного. Его там вообще не приняли, он и сгинул. Анатолий остановился в отеле «Рай земной». Отель принадлежал ему и назван был так сами понимаете почему.

Он опустился на крышу отеля в своем вертолете.

Затем вызвал соглядатаев. Они же были оставлены в городе — как без них?

Ему доложили о каждой девочке. На каждую было видеодосье.

Анатолий взял бутыль виски и уселся смотреть. Он сильно раздался, деньги его уже не интересовали. Женщины тоже. Но он надеялся, что вот-вот подрастет его суженая и тогда свершится новая молодость.

Он был поражен тем, какие одинаковые и в то же время какие разные получились его будущие жены.

Он просматривал пленку, откладывал направо тех, кто нравился больше, налево тех, кто понравился меньше. Но не был уверен в своем выборе. А когда потом проверил по фамилиям и адресам девочек, оказалось, что отложил в брак дочку Раисы. Ему стало страшно и стыдно.

Он уже принял решение. Он дает невестам расти самостоятельно еще три года, до возраста пятнадцать лет.

Потом отбирает двух. Основного космонавта и дублера.

И увозит их из Веревкина.

В особое место на Адриатическом море. Там он купил для этой цели небольшой остров.

Раисе он, конечно, об этом не сказал.

Уехал он удовлетворенным. Три года — небольшой срок, это можно потерпеть.

В размеренную жизнь вторгаются.случайности. В событиях 2012 года Анатолий оказался среди жертв. Сначала он бежал на Украину, но украинцы на границе выставили кордоны и передавали беглецов нашим пограничникам. У Анатолия не было документов. Всех, кто без документов, тогда, как вы будете знать, расстреливали. Они отсиживались в кустах — сзади враги и спереди смерть. Анатолий застрелил Харитона, взял его документы и выкинул оружие.

Чего обо всем этом рассказывать — сами узнаете.

Возвратился на родину Анатолий в сентябре 2014 года. И поехал в Веревкин, там доживала свой век его мама.

Мама узнала сына, стала ругать, что неправильно устроил свою жизнь. Она все забывала, но трудилась в огороде.

В первый же день, к вечеру, Анатолий пошел к дому Раисы. Раисы не было. В доме жили чужие люди, Анатолий не посмел их допрашивать.

У него была записная книжечка, в ней адреса всех его невест. Они уже созрели и ждали его. Анатолий закопал во дворе маминого дома жестянку с золотыми монетами царского чекана и камешками. Жестянка лежала на месте, он мог не бояться помереть с голоду. При любой власти нужны деньги.

Вечером, совсем поздно, Анатолий пошел по улице, где жили со своими дочками подружки Аля и Галя.

Дом был не освещен. Он разговорился со стариком, который прогуливал собаку. Анатолия он не испугался, потому что он был совсем седой и хромал. Старик сказал, что девочки убежали из города вместе с командой по художественной гимнастике, но под Тулой попались бандитам. Галя и Аля поехали искать дочек и сгинули.

На следующее утро Анатолий пошел к Верке.

Он позвонил. Открыла его невеста, уже созревшая, красивая до умопомрачения. В одном халатике.

Анатолий попросил маму.

— Мама на рынке.

Девушке не понравился Анатолий, он ее испугал, но не настолько, чтобы спрятаться в доме.

— Тогда я у вас подожду, — сказал Анатолий. — Я твой дядя.

— Николай! — позвала девушка.

Вышел здоровый молодой парень, в лучшие времена Анатолий взял бы его в телохранители.

— Разберись, — сказала девушка. Она была такой же холодной, как ее истинная мама. Для нее существовали только ее самец и жизненные блага. Но, конечно, самец был важнее.

— Простите, — сказал Анатолий, — я опоздал. Я ухожу.

Девушка встала на цыпочки, прижалась к Николаю, стала кусать его ухо и ласться к нему.

— Пошел, пошел, — велел парень.

«Я еще вернусь, — подумал Анатолий. — Еще не все потеряно».

К обеду он отыскал еще одну свою невесту. Она работала официанткой. Анатолий уселся за стол в кафе, в меню которого были капуста с сосисками и чай. Заказал пиво. Пиво нашлось. Он стал спрашивать девушку, кто ее мама. Тоже назвал себя дальним родственником, который знал маму в детстве.

Девушка даже не старалась быть вежливой.

— Погодите, — сказал Анатолий. — Вы не имеете права меня игнорировать. Я вам докажу...

Он нервничал.

Официантка позвала повара.

Повар был непростым поваром, а местным бандитом. У Анатолия был на таких наметан глаз. Девушка была его любовницей. Впрочем, с такой иначе нельзя.

Повар выбросил Анатолия из кафе. Хорошо, что не побил.

Анатолий пошел к Виктории, бывшей подруге Раиски. Виктория долго не могла узнать Анатолия, так он изменился и поизносился.

— Ты к ней не лезь, — сказала Виктория. — Она живет у Марининого хахаля. Они круто живут.

— Кто такая Марина? — спросил Анатолий и уже догадался — его невеста.

Он не выдержал.

— Не для них я все это сделал!

Виктория не поняла. Но адрес дала.

Они в самом деле жили в солидном доме, Анатолий не решился звонить. Он долго ждал на той стороне улицы, пока не показалась Раиса.

Грузная старуха, с палкой, в другой руке тащила сумку с овощами. Страшная как смертный грех.

Анатолий окликнул ее.

Раиса сразу его узнала.

— Не смог приехать, как хотел? Где твой боевой конь, господин маршал?

— Это временно, — сказал Анатолий, — то есть я нарочно, чтобы не узнали. Провожу инспекцию.

— И лучше ничего не придумал?

— Мне не надо придумывать.

— А я рада, что ты приполз ко мне, как побитый пес, — сказала Раиса. — Я тебя боялась, ой как боялась. А теперь можно не бояться. И ты больше не будешь мне сниться, как с охраной приезжаешь и увозишь мою девочку.

— Я приеду.

— Нет, — сказала Раиса. — И уходи отсюда, а то увидят тебя — я не буду защищать или врать. Я хочу, чтобы тебя убили.

— Но я подарил тебе дочь!

— Ты отнял у меня все остальное.

Анатолий пожал плечами. Своей вины перед Раисой он не видел.

— Как она... Марина? — спросил он.

— Пока верна своему Эдику. Только пока. Она далеко пойдет. Она шлюха почище меня, но моих ошибок не допустит.

— А ты?

— *Мне и на кухне хорошо. Жизнь ведь недобрая штука.*

— Я хочу посмотреть на Марину.

— Я тебя предупредила.

Марина вышла из-за угла. Они и не заметили.

— Вот ты какой, Анатолий, — сказала она. — Мать мне про тебя все рассказала.

— Как ты могла! — возмутился Анатолий.

— Я от тебя защищалась.

— Так я тебя предупреждаю, работорговец, — сказала Марина, звук голоса которой казался Анатолию зовом флейты, — чтобы ты близко ко мне не подходил. И к моим, так сказать, сестренкам, сколько их осталось, — не приближался. Мы вместе соберемся и яйца тебе отрежем!

— Я думаю, что это уже не актуально, — сказала Раиса.

Они пошли к дому, от дома Марина обернулась и сказала:

— Кыш отсюда. Линяй.

Анатолий отыскал еще двух невест. До одной не смог добраться — она уехала отдыхать со своим хахалем. А последнюю отыскал.

Случайно.

Она шла по улице в платье на просвет — вся фигура видна. Он побежал за ней, тяжело дыша.

Его невеста остановилась и ждала его.

И неясно, может, она уже поговорила с Мариной, а может быть, бредовая теория о том, что клоны могут унаследовать память своей матери-донора, что-то значит... Не знаю. Не скажу. Я описываю только то, что будет.

Она остановилась и ждала его.

А когда он подошел и неуверенно поздоровался, шаря глазами вокруг — не появится ли молодой битюг, она вдруг сказала:

— Толик, утри нос, в соплях запутаешься.

Давным-давно Анатолий слышал эти слова. Из записных книжек Ильфа и Петрова.

— Прости, — сказал Анатолий, — я хотел только напомнить, что я пошел на это ради высокого чувства любви.

— И больше не возникай, старикашка вонючий.

— А если бы я вернулся... если бы я весь ваш городишко купил, с потрохами?

— Купи. Тогда посмотрим.

— Я это сделаю.

— Никогда не сделаешь. Но если бы и сделал, все равно бы ты никого из нас не купил. Мы все, весь клон, — потаскухи, давалки, изменщицы, ради мужика готовые на все... но покупают нас не деньгами. С самого начала надо было понимать.

— А чем? — спросил Анатолий.

Девушка засмеялась.

— Погоди. — Анатолий полез в карман, вытащил горсточку алмазов в газетке. — Вот возьми, это стоит больше вашего города Веревкина.

Но девушка уже уходила прочь, а догнать ее Анатолий не мог — одышка.

Он хотел утопиться, но не решился, потом пошел на станцию, чтобы броситься под поезд, но поезда долго не было.

Его забрали омоновцы. Избили. И он умер в камере под утро.

Там его нашла Раиса, которая чуяла недоброе.

Она взяла у зятя денег. Его похоронили в Веревкине. На похороны привезли его мать, но она так и не сообразила, кого хоронят.

Девушки, а их в городе осталось шесть или семь, на похороны не пришли, да и не пустили бы их — не такое время, чтобы красивые девушки разгуливали по городу без охраны.

ЧУМА НА ВАШЕ ПОЛЕ!

Махонький муравей волочит сосновую иголку, для него эта ноша солиднее, чем бревно для участников субботника.

Неизмеримы возможности и достижения.

За подвигом должно стоять страстное желание его совершить.

В 1998 году чемпионом мира по футболу стала сборная Франции, которая разгромила в финале великих и непобедимых бразильцев. За спинами французов маячили Фермопилы. Поэтому поражение, столь очевидное для всего трезвого мира, оказалось немыслимым.

Миллионы русских людей, просадившие свои ворованные или заработанные доллары в нелегальных ставках на Бразилию и оставшиеся в дураках, принялись сетовать на то, что бразильцы куплены, а великого Рональде отравили французские повара.

В аморальной России, где недорого покупаются министр юстиции и любая футбольная команда, умоляют: «Купите нас, мы недорого стоим!», никто не верит, что муравей дотащит до дома неподъемную иголку, потому что в этом его муравьиный долг. Ведь мы знаем, что Ильич только подставлял плечо, а бревно на субботнике волокли сытые сотрудники Чрезвычайной комиссии.

Однако всеобщая продажность еще не значит, что в России вовсе нет людей, готовых к подвигу. Был бы стимул.

Так случилось в городе Веревкине, где жила Елена Валентиновна Сидорова, преподавательница физкультуры в школе № 2.

Если бы кто-то еще в прошлом году сказал этой скромной миловидной женщине, матери-одиночке, что она своими руками изменит судьбу Земли, она бы первой засмеялась.

Слышали, как Лена смеется? Тихо-тихо, как надтреснутый серебряный колокольчик.

...Но обстоятельства оказались сильнее ее.

Борису, сыну Елены Валентиновны, семнадцать лет. Неизвестно, где он заработал гепатит. Его положили в инфекционную

больницу в Туле, и Елена Валентиновна после школы ездила туда на электричке.

Иногда вместе с ней в Тулу ездила Оксана, девочка Бориса, она учится с ним в одном классе. Оксана происходит из бедной семьи армянских беженцев. Беженцы приехали из Чечни.

Чтобы ехать вместе, Елена Валентиновна встречалась с Оксаной у третьего вагона с конца. Между ними не было дружбы и даже теплоты, но Елена Валентиновна отдавала должное Оксане. Ведь в ее возрасте тащиться на электричке в Тулу, привозить скромные дары — Боря сидит на строгой диете, — ждать, пока нянечка вынесет записку с крупно написанными несколькими словами, и снова спешить на вокзал — своего рода подвиг. И, наверное, на самом деле Оксана лишь старается казаться грубой, циничной, чуть ли не развратной девушкой.

Два раза Оксана проникала на строго охраняемую территорию. Шепталась о чем-то с охранником и шмыгала в дверцу за его спиной. Она даже предложила Елене Валентиновне присоединиться к ней. Но та, хоть и хотелось посмотреть на Борю, не посмела нарушить порядок и осталась снаружи, сердясь на Оксану, которую не беспокоили морально-этические проблемы.

— Ты ему платишь деньги? — спросила Елена, когда Оксана возвратилась с пластиковым пакетом белья, которое надо постирать, и прочитанными книжками. Все это должно было остаться внутри и сгореть, но Оксану проблемы вирусов не волновали.

Оксана ответила не сразу. Потом сказала, глядя в пол:

— Я ему услуги оказываю.

Лена подумала, что у Оксаны чудесные волосы, жаль только, что она их так жестоко завивает и подкрашивает безумным оранжевым тоном. Она была стройной, крепкой, ладной, чуть более крутобедрой, чем следует в семнадцать лет. Вскоре она раздобреет. Но Боря, конечно, об этом не подозревает.

— Какие услуги? — осторожно спросила Елена.

— Не бойтесь, Елена Валентиновна, не сексуальные, — хрипло ответила девица. — Мне этот козел по фигу.

— Я и не думала, — быстро сказала Елена, и получилось, что она будто только об этом и думала. Лучше было бы промолчать.

Когда они возвращались в электричке, Оксана рассказала Елене, что в заразном отделении всегда требуются наркотики. Их приносят с воли. Но далеко не всегда прямо в отделение, можно попасть под шмон, горя не оберешься. Лучше сговориться с ментом, передать ему дозу, а он тебя пустит. Остальное на себе пронесешь. Некоторые заключенные, в смысле больные, тоже выхо-

дят. Но это стоит дороже. Ментам подставляться ни к чему. Такое халявное место где еще найдешь?

— И Боря об этом знает? — спросила Елена.

Она искренне расстраивалась, что так тяжко складывается жизнь у этой девчушки, которая вынуждена ради Бориса идти на подлые сделки.

— Еще бы, — ответила Оксана.

Тут бы Елене догадаться, но она тщательно заткнула уши и глаза. Она не допускала мысли о том, что ее чистый, домашний мальчик Боря может оказаться одним из этих...

Лена молчала, глядя в окно электрички, и считала пробегающие за окном дачи.

Оксана тоже не спешила продолжить разговор.

Когда поезд уже подъезжал к Веревкину, Елена все-таки задала проклятый вопрос. Вернее, он сам задался:

— А ты... или Боря... вы эту гадость не пробовали?

— Что вы несете, Елена Валентиновна! — сказала девушка. — Ваш Боря уж полгода на игле.

— Ага, — согласилась Елена. — А ты?

— Он и меня посадил. Я знаете чего боюсь? По-честному? Я боюсь, что я уже бациллоноситель и скоро туда же загремлю. Ведь гепатит половым путем передается. Вы знаете?

— Ты думаешь, что это связано?

— Вы про меня не ответили.

— А что я могу ответить? — сказала Елена и быстро, не попрощавшись, поспешила домой. Убежала.

Она хотела обернуться, но не обернулась, потому что была уверена, что Оксана стоит и глядит ей в спину как матери наркомана... Мать наркомана.

Елена шла к дому, и в ней по очереди возникали слова Оксаны, которые теперь, на расстоянии, приобретали новый, куда более угрожающий смысл.

«Половым путем передается»... Значит, эта девочка совратила Бориса? Уложила его в постель? И они теперь, как говорится в плохих переводах с американского, «занимаются любовью»? Немыслимо! Какая грязь!

«Боря уж полгода на игле»... Она эти слова тоже слышала. В кино. Это означает, что ее сын наркоман. И, вернее всего, эта девица не врет. Она его затянула в эту компанию, она приучила его к наркотикам, она заразила его гепатитом — страшной прилипчивой болезнью...

Надо будет посоветоваться с врачом, раз больше не с кем советоваться.

Елена пришла домой, рухнула на диван, словно весь день таскала кирпичи, и забылась — организм таинственным образом сам находил способ погасить беду. Если не погасить, то хотя бы отсрочить. Даже если уже поздно.

Она проспала до заката.

Врач был под боком. Николай.

Николай — бывший муж Елены и отец ребенка, то есть Бориса. Работает он не врачом, а сотрудником на станции защиты растений. В свое время, несколько лет назад, у него был выбор остаться участковым врачом или заняться квазинаучной работой. Он и занялся.

С тех пор поднялся до заведующего станцией, получает гроши, но счастлив.

На станции есть лаборатория, невесть какая, денег на оборудование не дают, но Николай чего-то выбивает, у него хорошие отношения в области. Когда специалисты разбегаются, начинаешь ценить оставшихся Благо Николай не стар и даже талантлив. У него есть двадцать с лишним статей в центральных журналах.

В принципе он неплохой человек, но слабый и лишенный самолюбия. Он никогда не защитится и не станет богатым или знаменитым.

Елена Валентиновна разочаровалась в муже на третий год после свадьбы, как раз когда родился Боря. Но, конечно, старалась ничем не показать — терпела. А у Николая были романы с лаборантками и агрономшами в совхозах. Когда Боре было шесть лет, он пришел домой поздно, Елена согрела суп, а Николай, быстро и жадно глотая ложку за ложкой, хвалил суп, а потом признался, что пришел прямо из объятий Верочки, о которой Елена раньше и не слышала. Что он вынужден теперь как честный человек жениться на Верочке, потому что он обещал это сделать в порыве влюбленности.

Елена собрала в чемодан вещи Николая, у него и не было особых вещей. Одежда, шахматы с потерянным белым конем, выходные ботинки... Николай молчал, потом стал связывать в стопку самые нужные книги и бумаги Сказал, что за остальными заедет потом.

Он ушел, и Елена стала себя уговаривать, что все случившееся — к лучшему, так как она давно не любит этого человека. Но было горько.

Недели через две Николай позвонил ей на работу, но не посмел прийти домой. Он сказал, что готов вернуться, потому что ошибся. Елена спросила, правда ли, что Верочка отказала ему?

Николай сказал, что жизнь, оказывается, куда более сложная штука, чем представляется ее участникам.

Елена засмеялась, она чувствовала превосходство над мужем и попросила его больше не приходить.

— А как же Боря? — спросил Николай. — Ты лишаешь меня права общаться с сыном? Моя мама этого не переживет.

— Как ты банален! — воскликнула Елена. — Ты когда придешь за остальными книгами и бумагами? А то я замыслила ремонт, давно пора!..

С тех пор прошло десять лет. Они жили рядом. Николай вернулся в квартиру своей мамы. Свекровь приходила посидеть с Борей и помочь, если надо, она была рыхлой, равнодушной, но разговорчивой женщиной. Она обсуждала с Еленой планы, как бы выгодно женить Николая, не понимая, что Елене эти разговоры неприятны. С Николаем они виделись часто, несколько раз на неделе — ведь городок Веревкин невелик, а главная улица, Советская, по которой все ходят, пересекает его, деля пополам.

Два дня после поездки в Тулу Елена провела в таком глубоком упадке сил, в таком нежелании мыслить и двигаться, что даже не подходила к телефону, хотя ей звонили из школы, да и приятельницы беспокоились, не случилось ли чего плохого с Борей.

На третий день Елена пошла к Николаю.

Он был в одиночестве — все разъехались по отпускам, тем более что платить им было нечем. Даже верной лаборантки не осталось.

Николай оторвался от микроскопа. Он был согнутым, но гибким и, если нужно, вытягивался в струнку. Волосы отросли с весны вдвое и делали его похожим на папуасского вождя — хотелось в эту туго заверченную массу волос сунуть гребень и бедренную кость козленка.

Он узнал Елену по легкой, музыкальной, как кастаньеты, походке и спросил:

— Ты не помнишь, куда я завалил очки? С утра ищу.

— Не лги, мой ангел, — ответила Елена. — Они у тебя в верхнем кармане.

— Садись, — сказал Николай. — Чаю все равно нет.

Елена могла бы ответить достойно, но придумывать остроумный ответ не хотелось.

— Борис попал в больницу, — сказала она.

— Знаю. Мама говорила, — признался Николай — Я обязательно к нему съезжу. Только вот с деньгами полный зарез. Ему нужны фрукты?

— Ты хоть знаешь, чем он болен? — спросила Елена.

— Да, кстати... — Тут Николай смутился. Запустил пальцы в волосы и стал искать в них козлиную кость. Неловко отцу быть столь нелюбопытным.

— У Бори гепатит, — сообщила Елена голосом прокурора. — Но не в этом дело.

И рассказала о наркомании.

Николай елозил на стуле, словно ждал обвинений: «Как ты мог так игнорировать собственного ребенка, как ты мог упустить его?» Но Елена вдруг заплакала, что ей было не свойственно. Николай впервые увидел, что бывшая жена плачет. Он подумал, какая красивая женщина Елена. Она склонила голову, а волосы у нее темно-медного цвета и даже на шее веснушки. И почему она так коротко стрижется? Разве физкультурнице положено носить мальчиковую прическу? Все годы, пока они жили вместе, Николай мечтал о том, чтобы у Лены отросли пышные медные волосы, чтобы можно было гладить их и нюхать. Может, поэтому Николай, обретя одиночество, отпустил такую гриву.

Николай преодолел острое желание обнять Елену и утешить ее поцелуями, потому что понимал — сейчас она все это поймет неверно и решит, что он совсем уж бессердечный сексуальный маньяк.

— Наркомания и гепатит тесно связаны, — сказал он. — Мне приходилось об этом читать.

— Где?

— В газете, где же еще?

— И что же ты предлагаешь?

— А разве я должен что-то предлагать?

— Не могу же я одна с этим справиться.

— Возможно, это не очень серьезно — попробовал, и все. С подростками это бывает. Если хочешь, я с ним серьезно поговорю.

Николаю еще ни разу не удавалось серьезно поговорить с Борисом. Борис не считал его настоящим родителем, имеющим право наказывать.

— Узнай, пожалуйста, какие есть от этого лекарства, — попросила Елена. — У тебя же есть связи среди медиков. Наверняка появились новые средства. Может быть, импортные.

— А ты уверена, что Боренька?. — спросил Николай вместо того, чтобы ответить на вопрос.

— Чем ты можешь помочь? — спросила Елена.

За немытым окном лаборатории торчали покосившиеся после урагана тополя.

— Я сам с ним поговорю, — сказал Николай.

— Тебя не пустят. Это инфекционное отделение.

— У меня в области каждый второй врач знакомый.

— Тогда достань лекарства.

— Но их же нет, — разумно сказал Николай. — Наркомания лечится усердием близких, силой воли больного, разумным медицинским уходом, а в медикаментозные средства я, прости, Алена, не верю.

— Коля, у тебя же хорошая голова. Придумай что-нибудь.

— Хорошо, хорошо, завтра я еду в Тулу.

Елена ждала на скамейке в больничном саду. Ехали они раздельно. Николай в Туле ночевал — он остановился у своего институтского друга, чтобы уже с вечера обзванивать знакомых. Елена приехала ранней, набитой народом электричкой.

Николай сразу прошел внутрь, а о Елене не подумал. Она и не обижалась, но страшно хотела хотя бы поглядеть на Борю.

Два парня подозрительного вида стояли за кустами у анатомички. К ним подошел милиционер. Елена ненавидела их. Она знала, что дозы, которые переходят к охранникам, предназначены и ее мальчику.

Раньше она никогда бы не посмела, да и не позволила себе вмешаться. Но сейчас она защищала сына.

Она поднялась со скамейки и пошла к троице.

При виде приближающейся женщины собеседники прервали разговор. Обернулись к Елене, как оборачивается стадо гиен, когда посторонний прерывает пир у трупа. Милиционер был туп и грузен, один из курьеров (она называла их для себя по-газетному курьерами) — просто громила со скошенным подбородком и симметрично скошенным черепом. Третий был куда значительнее, может, даже привлекателен, если бы не рыжие глаза. Злые глаза. Тигриные глаза. А остальное из плохого американского фильма — выправка, плечи, обтянутые футболкой, чтобы окружающие бабы могли полюбоваться мышцами, узкие бедра, обтянутые джинсами. Наверное, «голубой», подумала Елена.

— Ты чего? — спросил мент.

— У меня там лежит мальчик, — сказала Елена. Она не хотела ничего говорить, даже подходить к ним, разумеется, не хотела. Но все происходило помимо ее желания. Нервы разыгрались.

— Ну и лежит, — сказал мент.

— Он наркоман, — сказала Елена. — И я знаю, что туда приносят наркотики. И если вы с этим связаны, то должны понять, насколько это бесчеловечно.

— И что? — спросил милиционер. — Что?

— Я надеюсь, что вы к этому не причастны. Но если это не так...

— Гражданка, шли бы вы отсюда, — сказал милиционер.

— Психованная, — сказал Скошенный подбородок.

— В конце концов, должна же быть на вас управа, — сказала Елена. — Не может быть, чтобы вас не запретили.

Тигриный глаз чуть сощурился. Был он опасен. Но не рычал и кинуться не собирался. Пока.

Елена почувствовала свою беззащитность. Никого близко, будешь кричать — никто не обратит внимания. Теперь многие кричат вслух.

Мент присвистнул и пошел прочь, размахивая дубинкой.

— Что здесь происходит? — Николай окликнул издали, почуяв неладное. Елена кинула на него взгляд, а когда обернулась вновь к тигроглазому бандиту, тот уже уходил. Он шел впереди, спина у него была прямая, как у балетного мальчика, Скошенный подбородок ковылял сзади, он был так широк, что скрывал товарища.

— Что они говорили? — спросил Николай. — Ты зачем к ним подошла? Или они к тебе подошли?

— Ничего, ничего, я уже забыла, — сказала Елена. И в самом деле уже забыла. — Что с Борей, ты его видел?

— Я его видел, — ответил Николай. — Пошли, сядем на скамеечку.

У него была манера давать предметам уменьшительные названия.

— Тебе подстричься надо. — Елена не выдержала долгой паузы.

— Не понравился мне Боречка, похудел, понимаешь, — сказал Николай. — Но в целом держится. Ослаб, конечно, но держится.

— Когда его выпустят?

— Пока не сказали.

— Но что о перспективах?

— Подлечат. Сначала подлечат, а потом сдадут тебе. Тогда придется нелегко.

— Ты знаешь, что в отделение проникают наркотики?

— Не может быть!

— Разве твои знакомые врачи не знают?

— Знают, — проговорился Николай.

— Я вот с ними сейчас разговаривала.

— Нет, там был милиционер, я видел.

— Кто-то должен передавать.

Николай дернул себя за тугой локон.

— По крайней мере, — сказал он, — будут получше ухаживать. Получше... Что бы они мне ни обещали, я понимаю: у них нет возможностей лечить Борю отдельно от других. Ну какие, скажи, у них возможности?

— А что с лекарствами?

— Я спишусь кое с кем. Спишусь. Завтра же.

Они ехали обратно в пустой электричке. К сожалению, верхние, опускающиеся половинки окон были сломаны, заклинились, и воздух в вагон не попадал, зато его сильно накаляло солнце.

Николай рассказывал о том, как болеет его мамочка. Потом вдруг спросил, положив пальцы на ее кисть, не лучше ли теперь, когда так трудно, когда такая беда с Борей, не лучше ли снова объединиться. Вместе жить лучше. Тем более когда Боря...

— Это шантаж, — сказала Лена.

— Это потому, что мне без тебя скучно, — сказал Николай.

— Сначала надо поставить на ноги Бориса.

— А потом поговорим?

— Ты как ребенок, Николай.

— Может быть. Сегодня же займусь маком.

— Почему маком?

— Героин — производное от макового сока. Есть цепочка: мак — опиум — героин. Я плохой химик, но стал неплохим ботаником.

— Конечно, — согласилась Елена, которой хотелось верить в возможности бывшего мужа. — Не исключено, что есть лекарства, просто никто не задумывался.

— Должны быть.

— Как гомеопатия, правда? Ты берешь капельку героина и потом выбиваешь ею болезнь.

— Даже самая маленькая капелька героина работает как наркотик, — возразил Николай. — Боюсь, что твой путь бесперспективен.

— Но еще важнее, — сказала Лена, — найти какие-то зарубежные лекарства.

— Я постараюсь.

Лене стало легче. Значительно легче. Теперь она была не одна. Можно кому-то поплакаться в жилетку, не стыдясь того, что произошло в семье. Правда же, в семье?

Николай проводил Лену до дома. Потянулся поцеловать в щеку, Лена отстранилась. Ей показалось, что кто-то может заметить.

Николай вел себя достойно. Съездил в Москву, поговорил с какими-то людьми, сказал по приезде, что сам будет лечить ребенка. Лене хотелось верить, что теперь все образуется.

Бориса выписали из больницы под честное слово родителей. Он был слабый, вялый, даже физически так ослаб, что не смог нарубить дров, когда его попросила соседка с первого этажа. Елена накинулась на соседку, чуть не кричала: ребенок только что после заболевания, такого тяжелого, что некоторые умирают, — ему нельзя напрягаться.

Соседка, хоть и стерва, смешалась, забормотала, даже кончик носа покраснел.

Оксана пришла на второй день, они с Борисом долго сидели на диване перед телевизором и о чем-то шептались. Елена была полна подозрений, ей казалось, что девушка пытается незаметно подсунуть Борису какое-то зелье.

Вечером кто-то звал с улицы, из кустов, чтобы Боря вышел.

— Кто это? — спросила Елена.

— Я им бабки должен, — сказал равнодушно Борис. — Они меня достают.

Елена сразу догадалась, что бабки — это деньги, она была к этому готова. Она знала, что наркомафия именно так затягивает в свои сети простаков. Сначала — бесплатно, а потом все глубже и глубже ты тонешь в долгах.

— И сколько ты им должен?

— Не знаю.

— Ты не можешь не знать.

— Честно, мам, не знаю.

— Но приблизительно?

— Они все равно давали.

— А теперь?

— Оксана с ними поговорит.

— Ты не боишься за свою девушку?

— Чего за нее бояться? Ты не знаешь, кто ее брат!

— Кто же?

— Так я тебе и сказал.

— Ты дурак, Борька, — сказала Лена. — Ведь мне все равно придется самой за тебя расплачиваться.

— Я пойду работать, — сказал Борис. — Меня звали. Охранником.

— И кого же ты будешь охранять?

— Кого надо.

— А если тебя ветром сдует?

— Помолчи, ма, ты все равно не понимаешь.

— Куда уж мне.

Борис лег, свернулся калачиком, носом к стене. Его колотила дрожь.

Лена была на кухне, готовила ему диетическую кашу, когда сын постарался незаметно уйти из дома. Она оттащила его за рукав от двери — она стала куда сильнее его, и страх за мальчика удваивал ее силы. Не рассчитав усилия, она так дернула его, что Борис потерял равновесие и ударился спиной о вешалку. И заныл, что было ему не свойственно.

— Ты чего? Размахалась!

Лена его не стала жалеть, даже не помогла подняться — была зла.

— Физкультурник, — сказала она, — метр восемьдесят в высоту! Вы на него посмотрите!

У них с сыном был свой, легкий, подчеркнуто ироничный, игривый тон общения, так бывает у одинокой матери с единственным сыном. Мать как бы играет в старшую сестру, а то и в отца-братишку. Дружит с приятелями, усиленно и даже настырно влезает в их дела, особенно в сексуальные. Но матери не очевидно то, что понятно подросткам: она чужая на их пиру.

И вдруг в одночасье этот тон исчез — он больше не был нужен. Пришла пора выяснить отношения и определить, кто вожак, а кто хроменький аутсайдер.

Той ночью он убежал из дома — со второго этажа выпрыгнул, хорошо еще ногу не сломал. А вот обратно под утро попросился — не лезть же наверх.

Лена сидела у окна и видела, как Борька возвращается домой — уверенно, как здоровый.

Но она знала, что это не Борька, это его болезнь, это нажравшийся наркотиками зверь, который сидит в сыне и грызет его. И пока не сожрет, не успокоится. Или пока не кончатся все наркотики на земле.

Она открыла дверь — он сжался, думал, будет бить.

А Елена спросила с интересом, будто всю ночь ждала задать именно этот вопрос:

— А ты чем колешься?

— Т-ш-ш-ш, — испугался Борис. На лестничную клетку выходили еще две квартиры. Борис охранял честь дома.

— Заходи, — сказала Лена. — Сейчас горячего чайку выпьем, а то я уже спать расхотела, пока тебя ждала.

— Я не хочу чаю, — сказал Борис.

— И не думай — ночь какая холодная! Тебе еще не хватало воспаления легких! Тогда ты точно загнешься.

Елена надеялась, что на рассвете, когда ты с сыном совсем одна во всем мире, он будет открыт для нее, искренен. Ей не справиться с чудовищем, если Боренька не поможет.

Но Борька сказал, что хочет спать. Признался, что колется героином, но потом заскучал, стал заговариваться и ушел. Это очень страшно — видеть, как бормочет твой сыночек, уходя в свой закрытый, больной мир непонятных образов.

На следующую ночь Боренька снова убежал.

Елена видела, как он это сделал, но не стала его останавливать. Она решила выследить его. Заранее надела кроссовки и джинсы.

Боря шел, не оглядываясь, он не боялся погони. Он мерз, переходил порой на трусцу, но ему было тяжело бежать, и он снова шел, согнувшись и прижимая кулачки к груди.

Он дошел до кафе «Свежий ветер» — «Открыто круглосуточно 24 часа».

Он прошел внутрь, сонный мужик у входа знал его — впрочем, не так много встретишь незнакомцев в Веревкине.

Окна в кафе были зашторены, Лена подошла к двери.

— Тебе куда? — спросил мужик.

Было темно, мужик, видно, принял ее за девицу, из приезжих. Порой на каникулы сюда присылают детей из больших городов к бабушкам. Воздух в Веревкине пока еще деревенский.

— Я в кафе, — сказала Елена.

Мужик перекрыл дверь длинной рукой. В полумраке видно было, как блестит золото его зубов.

— Я сказал же, — ответил мужик лениво. Он не желал ей вреда, но пускать незнакомую бабу не хотел.

— Пропустите, — сказала Елена настойчиво.

Он так ее и не узнал, а Елена его узнала — он учился в ее школе, два раза приходил в секцию по самбо, которую она вела когда-то в районном Доме пионеров. Только Лена забыла, как его зовут — он оказался неспособным, ленивым и боялся падать. В спорте мало перспектив у тех, кто боится падать.

Елена протянула руку, чтобы отстранить его, и страж ворот схватил ее за руку, чтобы отбросить, забыв, что у спортсмена две руки и две ноги.

Страж грохнулся о землю. Тяжело грохнулся, тем более что владельцы кафе для красоты выложили квадрат перед дверью керамической плиткой.

Елена вошла в кафе. И тут же увидела Борю.

Он сидел за столом. Напротив — тот, Скошенный, которого

Лена видела в Туле. Скошенный как раз двинул ладонью какой-то белый пакетик.

Лена шагнула к столику и тут же увидела старшего, с тигриными глазами. Он стоял у бара и смотрел на нее.

Она шла сюда, чтобы поговорить с теми, кто снабжает Борю отравой, поговорить, может, убедить их в чем-то, может, откупиться. Но неожиданно для себя она не совладала с рефлексом защиты ребенка. Она кинулась к столику.

От соседних столов, утопавших в полутьме, оборачивались к ней бледные круги лиц.

Прежде чем Боря и его спутник ее увидели, Лена сбросила пакетик на пол. Боря кинулся под стол и пропал — он ползал там, в темноте, разыскивая драгоценный пакетик.

— Ну ты... — зарычал Скошенный подбородок. — Да я тебя...

Он был настолько страшен, что Лена отступила и почувствовала угрозу сзади. Сделала шаг в сторону, кинула взгляд назад — там стоял обиженный ею охранник, что сторожил вход.

Бессмысленно было взывать к рыцарским чувствам: сейчас им все равно — бабушка ты, мужик или цветочек. Растопчут.

Но нельзя уходить без Бори.

Решения не было. Выхода не было.

И тут пришел Тигриный глаз.

— Бери своего мальчишку, — сказал он.

Лена хотела сказать спасибо, но поняла — не место и не время. Тигриный глаз не хочет опасного для заведения скандала. А вдруг ее прибьют?

Это она все поняла и продумала потом, когда шла домой.

А сейчас послушалась бандита — благо Боря как раз вылез из-под стола и старался выпрямиться. Она тащила его за сжатый кулак — в кулаке был пакетик.

Тигриный глаз шел сзади.

Оркестр молчал, в зале царил шорох голосов.

Она опомнилась на улице.

Тигриный глаз сказал:

— Уходи, а то я не ручаюсь.

Они с Борей быстро пошли прочь. Она выцарапывала на ходу пакет с наркотиком. Боря выдергивал руку — словно он был малышом, а в руке — конфетка.

— Разве ты не понимаешь, что я хочу тебя спасти? — Она пыталась достучаться до его заледеневшего сердца. Как звали того мальчика у Андерсена? Снежная королева остудила его сердце. Господи, какая это была страшная сказка! Лена так и не дочитала

ее до счастливого конца. Она не поверила в торжество добра и справедливости.

— А может, я хочу откинуть копыта? — кричал Боря. — Что ты понимаешь? Всю жизнь прожила как положено, от сих до сих, спать, жрать, с отцом трахаться... вот и вытрахала меня!

— Борис, как ты смеешь так говорить?

— Смею. Я за чертой, — сказал сын. — Я там, а ты среди благовоспитанных... Вы тоже наркоманы, вы все наркоманы обыкновенной жизни!

— Это не твои слова. Это тебе сказали.

— Мало ли чьи слова!

— Если с тобой что-нибудь случится, я их всех убью. Ты понял? Я их убью.

— Ну и что? Встанут новые бойцы. Ты в школе училась? У нас историчка — коммуняка. Она говорит, что Ильич пошел другим путем. А почему, знаешь?

— Почему? — глупо спросила Лена.

— Потому что индивидуальный террор, который так любил его братик Саша, ни к чему не вел. Ты убьешь плохого губернатора, пришлют другого губернатора, еще похуже прежнего.

— По крайней мере у тебя голова еще работает, — сказала Лена.

— Некоторое время... — Боря попытался улыбнуться.

На улице было совсем темно, многие фонари разбиты, они шли так, как будто просто припозднились из гостей. Дул несильный прохладный ветер. Лето кончилось. Ночью Боре было плохо. Это была не ломка — он принял дозу недавно, просто организм отказывался от ядов, которые в нем накопились.

Лена почти не спала.

Утром пришел бодрый, пышущий здоровьем Николай.

Вместо того чтобы поздороваться, он с порога сообщил:

— Я нашел Мирошниченко, Сашеньку. Ты его не помнишь?

— Заходи.

Утро было туманным, серым, влага вползала в открытую дверь. Николай был без пиджака, в одной ковбойке. Он не признавал перемен в погоде.

— Боря спит? — спросил Николай.

Он прошел на кухню, сел за стол и стал водить ладонью по клеенке. Когда-то, тысячу лет назад, он сам купил эту клеенку дикой расцветки.

— Значит, так, — сказал Николай. — Они работают над септорией каннабина. Я потому и вспомнил, что читал ссылки на его статью.

— Тебе чаю поставить?

— Нет, я пил. Но от кофе не откажусь.

— Кофе нет. Не купила.

— Нет проблем. Значит, Саша работает над септорией, а американцы узнали — у них тоже проблемы, а у нас финансирования не хватает. Они ему долларов подкинули. Мне бы на сорняки подкинули, а?

— Не шуми, Борю разбудишь.

— В его возрасте я спал, невзирая на шумы. А помнишь, как моя мама отца колотила?

— И что же стал делать твой друг Саша?

— Они теперь перешли на другой грибок. Перспективы умопомрачительные!

— Николай!

— Перехожу к переводу на язык толпы. — Николай засмеялся собственной шутке. — Потерпи, мой Леночек, все поймешь, несмотря на твое физкультурное образование. Итак, септории могут угнетать отдельные виды растений. Мы заражаем грибком плантации, и растения определенного вида теряют способность к фотосинтезу. Они угнетены, они погибают.

— То есть если посыпать этим грибком наркотики, они погибнут?

— Ты не совсем поняла. Мы должны отыскать посевы опиумного мака, внедрить там культуру грибка...

Из своей комнатки вышел Боря, он не удивился, что блудный отец сидит с утра на кухне и мирно беседует с мамой, его мутило, он прошел в туалет.

— Он плохо выглядит, — сообщил Николай Елене.

— Ты прав, — сказала Елена, но Николай не уловил иронии.

— Ему надо больше заниматься спортом... или хотя бы быть на свежем воздухе. Ты совсем не потрясена моим рассказом.

— Не потрясена.

— Это же принципиальный прорыв. Мы покончим со всей этой заразой!

— Мы?

— Сашка сказал, что я могу перейти к нему в лабораторию фитопатологии. Понимаешь, мы с ним в одной системе. Мне дадут койку в общаге...

— Ты уедешь из Веревкина?

— Это настоящее дело! Мы не будем бегать за каждым наркоманом в отдельности...

Каждый наркоман в отдельности в лице его сына Бори стоял в дверях кухни, был он зеленоватого цвета и чуть шатался.

— Пустое дело, — сказал он. — Ты не представляешь, как они

организованы. У них все схвачено, даже в правительстве свои люди.

Николай удивился:

— Ты откуда знаешь?

— Странно, что ты не знаешь, — вмешалась в разговор Лена, — открой любую газету.

— Ох уж эта пресса, — сказал Николай, хотя никакого вреда от прессы не испытывал. Как мама считала, так он и озвучивал.

— Лучше что-то делать, чем ждать. — Лена перешла на сторону мужа.

— Возьмитесь за руки, друзья, — сказал Борис и поплелся к себе.

Николай попрощался, радостный. Даже сказал:

— Пожалуй, нам с тобой лучше жить вместе, мы подходим друг другу.

— Тебе многие подходят, — возразила Лена.

Когда она вышла в магазин, на десять минут, Борис сбежал.

Лена знала, где его искать. Она схватила зонтик — на улице разошелся холодный мелкий дождик — и побежала к кафе «Свежий воздух». Название звучало саркастически. На этот раз охранник ее узнал.

— Елена Анатольевна, — сказал он, завидя ее, — нечего вам у нас делать.

— Ты же знаешь, Буреев, — ответила Лена.

— Сейчас многие на это попадаются, — сказал Буреев.

— Так хорошо учился, — сказала Лена. — Даже жалко. — Не помнила она, как учился Буреев. Вернее всего, плохо.

— Это вы меня заразили, — сказал Буреев, который даже маленьким мальчиком был серьезен. — Привили любовь к спорту. Теперь так и живу: сила есть, ума не надо.

— А то бы уже кандидатскую защищал, — съязвила Лена.

— Вы не заходите, я вам его выведу, — сказал Буреев.

Лена подчинилась. Да и страшно было заходить. Она боялась Скошенного подбородка и еще больше боялась Тигриного глаза.

Боря вышел не один. За ним, в двух шагах, шагал мужчина с тигриными глазами, главный подлец.

— Здравствуйте, Елена Анатольевна, — сказал он, — мне жаль, что так получилось. Но я не могу быть нянькой вашему парню. Другие в его возрасте деньги зарабатывают, а он у вас паразит.

«Наверное, он хочет, чтобы я устроила здесь сцену, все будут смотреть и издеваться».

— Пойдем, мама. — Боря потянул ее за рукав.

— Я обещаю, что буду гнать его, — сказал Тигриный глаз.

Он смотрел на Лену странно, если бы не предмет беседы, она бы решила, что нежно. Что он хочет ей понравиться.

— Но такие лезут в окно, если их гонят в дверь.

— Ма, ну пошли. — Боря вел себя как капризный ребенок.

Они пошли прочь. Буреев вежливо попрощался, но Лена не услышала.

— Я тебя увезу, — сказала она.

— Что ты, мама! — Боря успокаивал ее. — Куда ты меня увезешь? Они же везде. И я их буду искать. Мне больше ничего не надо.

— Но так быть не может! Ты же разумный человек! Я тебя воспитывала.

— Не в твоем воспитании дело, — сказал Борис. — Если хочешь, можешь меня убить, но тебе не будет легче, я тебе обещаю.

Лена невольно улыбнулась.

Они пили чай. Лена понимала, что ей надо возвращаться в школу. Но если она вернется, то Борис останется без присмотра — для него это смерть. Но и не выходить на работу нельзя — дома нет никаких сбережений. Она нарочно не заглядывала в свою маленькую шкатулку, где были все ее драгоценности — обручальное кольцо, которое она не носила, расставшись с Николаем, мамины колечки, подарок Николая — брошка из янтаря, в ней-то и золота — кот наплакал. И наследства ей не досталось. Никакого наследства.

Пришел Николай. Оказывается, он и в самом деле уезжал в Москву.

Лена расстроилась. Сама вроде подтолкнула Николая к этому шагу. Но до этого у нее был хотя бы один, хотя бы бестолковый, но союзник. А теперь она осталась совсем одна.

Николай принес фотографии.

Фотографии были крупные, двадцать на пятнадцать, цветные.

На четных — посевы наркотиков до обработки грибком, на нечетных отпечатках — результаты деятельности грибка.

На первых фотографиях были зеленые поля, обрызганные алой кровью — мелкими капельками крови. Это были, как догадалась Лена, цветы мака.

Растительность на нечетных снимках была бурой, выгоревшей, но не вся. Трава, которая росла в междурядьях, осталась зеленой.

Николай все не верил, что Борис с Леной до конца прониклись важностью открытия.

— А он не боится? — спросил Борис.

— Чего ему бояться?

— Ты не представляешь, папа, какие у них связи. В наши дни человека заказать — как поле перейти — бирюльки... А что такое бирюльки, папа?

— Не знаю, — сказал Николай. — Но нас не запугаешь.

— Вас никто не пугает, — сказал Борис.

И ушел спать. Он был слабеньким, и начиналась ломка. Хоть бы заснул. Николай ушел, оставил фотографии Лене, наверное, чтобы смотрела и радовалась. Она смотрела. На обороте фотографий было написано, когда и где сняты. Лена достала географический атлас, стала искать по списку населенных пунктов, но, видно, это были небольшие населенные пункты, и она ничего не нашла.

Она долго не спала, ей все казалось, что Боря тихонько поднялся и уходит из дома, но потом она поняла, что сейчас, ночью, он никого не найдет, и стала думать, как прожить без работы — так ведь с голоду помрешь. Жаль, что в Веревкине нет панели. Вышла бы на панель улицы Советской или площади Ленина — сразу не переименовали, теперь только попробуй! И мужики будут ходить мимо и говорить: «А это наша учительница физкультуры, у нее мой младшенький учится гимнастике. Может, скинемся на двоих?» Мысли показались самой такими грязными, что она заснула, только чтобы не думать.

Утром проспала. Ни Бори, ни фотографий.

Боря скоро пришел, глаза больные, насосался.

— Ты зачем фотографии взял? Они же отцу нужны!

— Мам, мне же никто в долг не дает, — признался Боря. — Я подумал, а вдруг за фотки дозу заколочу?

— Идиот! Они нужны отцу для работы! Для того, чтобы всю эту гадость истребить.

— Мама, это же не гадость, это радость жизни. — Он был разговорчив, сел на кухне, пить-есть не стал, стал рассуждать о том, как окончит школу и пойдет сразу в бизнес.

Пора заниматься делом.

Он верил чепухе, которую нес.

— Кому ты отдал?

— Аскольд взял, сказал, ему интересно.

— Кто такой Аскольд?

У Бори голубые глаза, а теперь они потеряли яркость и стали цвета неба с молоком. Он никак не мог сфокусировать взгляд.

— Аскольд? — Боря с трудом вспоминает. — Таинственный

человек, не из Веревкина, отдыхает у нас, отсиживается. Авторитет.

— Для кого он авторитет? — Лена уже догадалась, что Боря имеет в виду Тигриного человека.

— Ты не понимаешь, мама. — Боря пытался улыбнуться, но щеки его не послушались, словно у него во рту заморозка после зубного врача. — Авторитет — это значит в законе. Вор в законе.

— Он вор?

— Не обязательно вор. Авторитет может быть разный...

— И торговец наркотиками?

— И торговец. Я спать пойду.

Все, из Бори выпустили воздух.

Вряд ли эти фотографии кому нужны. Но зачем этот Тигриный глаз привязался к Боре?

Днем она все-таки вышла в магазин, нельзя же совсем без продуктов сидеть. В гастрономе встретила Буреева. Вне кафе он был благообразен.

Лена спросила его, кто такой Аскольд.

— Один из этих, — ответил Буреев. — А что?

— Я его знаю?

— У него вид уголовный. Глаза — как у моего Васьки. — Буреев засмеялся.

Значит, это Тигриный глаз.

Николай зашел во второй половине дня. Попрощаться. Он принес пятьдесят долларов. Больше у него не было. И на том спасибо. Он сказал, что сразу позвонит и, как что узнает, сообщит. Потом сказал:

— Погляди в окно, только занавеску не отодвигай.

За окном, разговаривая и вроде бы не глядя на дом, стояли Скошенный подбородок и еще один, молодой парнишка.

— Что им от меня нужно? — спросил Николай.

— Это опасные люди, — сказала Лена.

— Преступник. Я читал, профессиональный преступник, авторитет в уголовном мире.

Лена хотела сказать о фотографиях, но испугалась, что Николай рассердится. И за дело. А так пропали фотографии — и пропали.

Потом пожалела.

— Наверное, они за Борисом следят, — сказала она. — Но ты осторожно ходи по улице. И сразу мне позвони, хорошо?

Николай уехал.

Вечером позвонил из Москвы, что доехал нормально. Устроился, начинает работать. Завтра.

— А этих... этих не видел?

— Не знаю, — сказал Николай. — Может быть, я их видел, а может, и нет. Я, честно говоря, забыл.

Деньги разлетелись за два дня.

Наступил учебный год.

Лена пошла к директору школы и попросила месяц за свой счет.

— Ты с ума сошла! — завопил директор. — Где я в сентябре нового физкультурника возьму? Кто за такие гроши будет вкалывать? Может, ты другое место нашла? Но учти, я все равно прибавить не могу.

— *Я не нашла другого места, у меня мальчик гепатитом болен*, нужна диетическая пища, я его кормлю. Он слабый.

— Ах эти матери-одиночки! — сказал директор. — Ничего с твоим оболтусом не случится.

Он дал в конце концов этот месяц. Даже предложил одолжить немного, из своих. Лена отказалась и чуть не заплакала. Не ожидала хорошего, тем более сейчас, когда готова была к обидам и несправедливости — ведь мир уже был к ней несправедлив: растить одной мальчика, во всем себе отказывать, и теперь мальчик обречен... Не смей так говорить, даже думать не смей!

Она теперь куда меньше встречалась и говорила с людьми, даже делала вид, что не заметила того или иного человека. А это нелегко в небольшом городе, особенно если ты несколько лет проработала в школе. Но вскоре люди и сами перестали подходить к Лене — может, они знают, что Борис наркоман? В этом нет ничего удивительного. *Кафе «Свежий ветер» для всех известный притон.* Только ты, Елена, этого не замечала.

Она уже понимала, что потерпела поражение. Не вытянуть ей Борю. Если она будет вот так гоняться за ним, выслеживать, она станет посмешищем в городе, а мальчика не спасет.

Она снова пошла в «Свежий ветер», попросила Буреева вызвать Аскольда.

— Аскольд, — сказала она, когда тот вышел, на ее маленькую радость — быстро, не заставил ждать на ветру, на улице, где могли пройти мимо знакомые.

— У нас проблемы? — спросил Аскольд. Он всегда улыбался, как будто издевался над собеседником.

— Мне больше не к кому обратиться, — сказала она.

— Вы обращались к бывшему мужу, — ответил Аскольд.

Он завел ее в комнату администратора. Там было душно и тесно, толстый человек, которого Лене приходилось встречать на улице, тут же вышел.

— Но это как бы в перспективе, — сказала Лена. — Вы же понимаете, что те исследования Боре не помогут.

— А вот разбрасывать такие документы не следует — Боря отдал их чужому человеку. Они прошли мимо меня, — ответил Аскольд. — Пить будете?

Он открыл ящик шатучего письменного стола и вытащил из него плоскую бутылку джина. Когда Лена была еще совсем молоденькой, она с юношеской сборной летала в Белград на первенство Европы. Тогда по самолету ездила тележка, и в ней были валютные товары. В том числе вот такие бутылки. Лене тогда больше хотелось духов, но у нее не было валюты, хоть у тренеров и руководителей делегации была валюта и у некоторых спортсменов, которые не в первый раз, тоже была — они вывозили наши товары, икру, например, и в гостинице продавали. Лена дальше юношеской сборной не пошла — надо было начинать всерьез принимать гормоны, а мать взъерепенилась: не хочу дочку делать уродом! Лена получила мастера, но выше не поднялась. И не пускали, и конкуренция была жесткая, а ее тянуло в многоборье, у нее были международные результаты. А кончила она школьной учительницей, правда, с дипломом Московского института физкультуры.

— Задумались? — спросил Аскольд.

Он разлил джин в высокие бокалы, подвинул по столу бокал Лене.

— У нас без церемоний, — сказал он, — льда и тоника не предлагаю.

— *Спасибо, не надо.*

— Уже налито, — сказал Аскольд.

Елена выпила вместе с этим бандитом. Куда денешься? Он — последняя надежда. По крайней мере он может больше, чем муж Николай.

— Вы надеетесь, что я возьму вашего сынка и вытяну за уши? — сказал Аскольд, отпивая джин маленькими глотками — какая гадость!

Елена кивнула: «Надеюсь».

— Если я вытяну его сегодня, то завтра его затянут другие, потому что он сам не хочет завязывать. И не мотайте головой — я с ним разговаривал. Он уже тряпка, он уже кончился. Вам трудно к этому привыкнуть, вам невозможно с этим смириться. — Аскольд говорил правильно, даже книжно, но слишком сухо и казенно. Как очень образованный робот. Хотя Лене не приходи-

лось разговаривать с образованным роботом. — Я теряю на вас время, которое мне никто не возместит, — продолжал Аскольд, не глядя на Лену, словно ее и не было уже, — потому что вы мне нравитесь. Я хотел бы... в общем, хотел бы спать с вами. Да не вскакивайте. Я не сказал ничего оскорбительного. Одинокой женщине должно льстить внимание мужчины.

— Но уж не такого, как вы! — Лена поднялась и пошла прочь. Аскольд не окликнул ее, хотя уже через десять шагов она раскаивалась в своем поступке, но не могла остановиться и вернуться, потому что этим призналась бы в правоте Аскольда и в том, что она в душе панельная девка, поскольку ночами изводится от желания быть с мужчиной, и, вернее всего, с таким, как этот Аскольд.

Теперь не на кого было надеяться.

Но в жизни бывает так: ты стремишься, борешься, добиваешься, а следует выждать. Чаще всего следует выждать, потому что события сами находят свой единственно возможный путь — суетись ты или нет. Мудрецы тем и отличались от обычных людей, что умели терпеть. Терпеть и ждать, когда хочется броситься вприпрыжку.

После неприятного разговора с Аскольдом Елена старалась не выходить вечером на улицу, а с Борисом она стала излишне строга и резка и даже однажды его ударила. Не пощечину отвесила, как делают в драматических кинофильмах, а сильно ткнула кулаком в лицо, расквасила нос, и Борис плакал, потому что был слабее ее и слабее того демона, что сидел внутри него и требовал отравы.

Так прошло три полуголодных, несчастных, безвыходных дня.

А потом пришла телеграмма от Николая. В телеграмме тот коротко написал:

БЛЕСТЯЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ. ТРЕПЕЩИТЕ НАРКОБАРОНЫ. ТЕРПИ. НЕМАЛО ВРЕМЕНИ ПРОЙДЕТ ПОКА ПОЛУЧИМ РАЗРЕШЕНИЯ И ТАК ДАЛЕЕ. ПОКА ЗАНАЧКА. ВОСКРЕСЕНЬЕ БУДУ ЖДИ. НИКОЛАЙ. НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ КАРМАНЕ.

Телеграмма была бестолковой, как сам Николай, но Лену она не обрадовала. Чему радоваться? Где-то придумали средство уничтожать маковые посевы. Через пять лет первый самолет поднимется в воздух над опытным хозяйством, а Бори уже не будет. Она знала, что Бори уже не будет.

Конечно, можно утешать себя, что какие-то другие матери будут счастливы. А может, и не останется уже счастливых матерей.

Телеграмму она спрятала от Бори — мало ли кому он ее отдаст за дозу? Лена не представляла себе, как некто злобный сможет использовать слова Николая, но если Аскольд об этом говорил, лучше подстраховаться.

Лена заглянула в Борину комнату. Сын спал. Свернулся калачиком. Спрятался. Даже во сне.

Лена взяла с собой оставшееся от мамы кольцо с аквамарином. Берегла, как семейную реликвию. Положено было передать кольцо по наследству невесте после Бориной свадьбы. Теперь самое время наступило кольцу принести пользу. Лена знала, кому отдаст кольцо, — ее бывшая соученица его уже много лет выпрашивала, за любые деньги. А теперь она разбогатела, замужем за хозяином веревкинской бензоколонки.

Она прошла всего сто метров, как увидела почтальоншу Александру Ивановну. Александра Ивановна была глупой женщиной без возраста, которая страшно гордилась тем, что исполняет важную работу. Наверное, она единственная во всем городке гордилась своей работой.

— Елена, стой! — сказала она с самоуверенностью идиотки. — Тебя сегодня посланиями завалили. Я прочла, удивилась. Тебя окружают эти самые, правильно?

— Правильно, — тихо ответила Елена.

— Наркобароны! — вспомнила Александра Ивановна.

По другой стороне шел директор школы — ну зачем ему ходить по улицам в такое время?

— А ты не беги, не беги, — сказала почтальонша. — Продолжение следует. Распишись-подвинься.

Елена расписалась в растрепанной книжке. Директор, кивая, отправился дальше. Конечно, он все знает про Борю, наверное, в городе уже все знают.

Почтальонша стояла рядом и ждала, когда Елена прочтет телеграмму, но Елена медлила.

— Ты читай, читай, — сказала почтальонша. — Я все равно уже прочла. И на почте, сама понимаешь, тоже люди. Все читали.

— «Приезжай немедленно, — прочла вслух Елена. — Случилась беда. Тамара».

— Ну вот, видишь, — сказала Александра Ивановна. — Что значит связываться с ними.

— С кем?

— Откуда телеграмма? Из того же отделения, что и первая, — мне Алла сказала, она все сечет.

— А кто такая Тамара? — спросила Елена.

— Ну вот, и не знает, — сказала почтальонша. — Полюбовница наша.

— Наша?

— Николая твоего, значит, наша, — сказала Александра Ивановна и быстро пошла прочь, словно заглянула в глаза Елене и испугалась.

А Елена поняла: Тамара — это не любовница, а жена Колиного коллеги, к которому он уехал работать. Они когда-то встречались, даже ходили вместе в поход на байдарках. Тамара...

Лена быстро пошла дальше. Надо вести себя так, чтобы никто не подумал. Хотя все подумают. Все.

К счастью, Клава была дома, лелеяла свои ногти. Смотрела в них, как в зеркало, хотя с ее данными — что смотри, что нет, лучше не станет. Но чем-то она пленяла крепких глупых мужиков. Клава открыла дверь, не выпуская из руки пилки, и сразу поспешила обратно в гостиную, густо уставленную полированными предметами. Она не предложила Лене сесть, а сказала:

— Показывай кольцо.

— А ты как догадалась? — спросила Лена.

— Еще бы не догадаться. Без крайней нужды разве бы ты опустилась до моего ничтожества?

— Зачем ты так?..

— Плох Борис? Знаю, что плох. Все знают, только ты зря от близких людей скрываешь. Тебе за излишнюю гордость, Ленка, наказание от бога.

— Клава...

— Я теперь стала крайне религиозна. В этом есть душевное спасение. Я всегда за моего молюсь — он на разборке, а я молюсь. Помогает. Хочешь, за твоего помолюсь?

— Спасибо. — Было неловко отказаться.

— Показывай кольцо. То же самое?

— У меня другого и не было.

— Знаешь, Ленка, времена изменились, как сама жизнь. Вот когда мы с тобой девчонками были, это кольцо для меня было мечтой, я думала — надену и стану такая красивая, что все отпадут. А теперь мой Гоша может из Парижа выписать, от Кардена, и будет дешевле, чем в нашем Замухранске.

— Ну тогда покупай в Париже.

— Вот вся ты! Только бы нагадить в душу.

Клава взяла кольцо и пошла в другую комнату. Она изменилась за какие-то несколько месяцев — исчезли все кости и углы, помоечная кошка, черная, кареглазая, дикая, зубастая, округлилась и уже не помоечная, а домашняя, научилась мурлыкать.

— Я в лупу смотрю, — сообщила Клава из той комнаты. — Кольца, Ленка, надо мыть. На будущее знай. Сколько ты за него хочешь?

— Я не знаю.

Лена и в самом деле забыла подумать об этом, оценить, у кого-то спросить.

— Вот и дура, — спокойно отозвалась Клава. — Теперь я тебя обдурю. Будь спокойна. Сто «зеленых» тебя устроит?

— Нет, — сказала Лена, мысленно переводя доллары в рубли. — Нет, наверное, золото там дороже стоит, а еще и камень... — Она словно просила прощения у Клавы.

— Кто в двадцать дурак, тот до смерти дурак, — сказала Клава.

Она возвратилась в гостиную и кинула кольцо на стол. Камень полыхнул голубыми искрами.

— Ты хоть знаешь, что за камешек? — спросила Клава.

— Мама говорила, что аквамарин, — ответила Лена. — Мне бы долларов двести, а потом я достану...

И вдруг Клава разревелась. Ни с того ни с сего. Стояла, издевалась над Леной, а потом как пузырь лопнула. Упала на диван, спрятала лицо в кулаки, черные волосы вздрагивали, как змеи горгоны Медузы, ключица, натянув кожу, торчала наружу. Клава захлебывалась слезами, Лена испугалась и стала уговаривать ее:

— Не надо, пожалуйста, Клавочка. Не бери ты этот камень.

Она кинулась на кухню, еле нашла чистую чашку, а когда вернулась в комнату, Клава сидела на диване, по щекам тянулись вертикальные черные полосы потекшей туши. Она протянула руку и взяла чашку. Она стала пить и закашлялась. Жадно пила.

Лена непроизвольно посмотрела на стол — испугалась, а вдруг это хитрость? В школе у Клавки была цыганская привычка — цап что-нибудь, потом убей, не сознается. Но кольцо лежало на столе.

— Значит, так. — Клава отдышалась. — Слушай сюда, мое сокровище. Про Борьку весь город знает, не надо объяснять, вот и почтальонша у меня только что побывала. А ты, дура, у меня двести баксов просишь. Ну какая же дура!

Клава громко всхлипнула, проглотила слезы, шагнула к стоявшему в углу письменному столу с компьютером, покрытым кружевной салфеткой, вытащила из-за него черный бумажник. Не глядя, вытащила оттуда пачку долларов — все, что там было, и не стала передавать доллары Лене, опасаясь, что та откажется, а грубо заткнула их ей за лифчик, чуть не оборвав пуговку на блузе.

— Здесь тысячи две-три баксов, — сказала она. — Дома по-

считаешь. Это аванс. Завтра мой свозит кольцо в Москву, к специалисту. Разницу заплатим тебе потом. Поняла?

— Клава, ну что... мне столько и не нужно.

— Уходи, Ленка, пока я тебя не придушила! — закричала Клава. — Видеть тебя не могу!

Она ее буквально вытолкала на улицу. И крикнула вслед:

— Лети самолетом. Или такси возьми! Не жалей денег, понимаешь? И своему Борьке ничего не оставляй. Я его покормлю, если надо. Главное, не жалей денег, это все дерьмо.

И Елена отнеслась к этому дару как к проявлению природных сил. И нельзя было бы сказать, что она глубоко растрогана поступком Клавы. Просто дождь перестал и выглянуло солнце — но оно же снова закатится. Сначала она зашла в магазин и купила продуктов — всяких диетических дорогих вещей, чтобы порадовать Борю. Затем с сумками она пришла к своей свекрови, которая сидела у приемника и слушала «Свободу». Это делало ее интеллигентнее.

— Вам придется переехать к нам, — сказала Лена. — На два-три дня.

— Ты с ума сошла! — возмутилась Евдокия Давидовна. — Еще этого не хватало.

— Борису надо давать только диетическую пищу. У него гепатит.

— Это же заразно! Почему он не в больнице?

— Потому что в больнице он умрет.

Евдокия Давидовна принялась отмахиваться от Лены толстыми белыми руками. Она всегда отмахивалась от нее.

— И не мечтай думать о загранпоездках! — кричала она.

— Что-то случилось с Колей, — сказала Лена. — Я скоро вернусь.

— Ничего с ним не случилось. Неужели ты думаешь, что мое материнское сердце не подсказало бы мне?

Ей не хотелось брать внука или тем более ехать к нему. Ей никогда этого не хотелось.

— Я тут принесла продукты, — сказала Лена. — И двести долларов. Это вам с Борисом на еду. Но Борис ни в коем случае не должен знать, что у вас есть эти деньги.

— Ну вот, теперь ты устраиваешь тайны! А откуда у тебя деньги?

«Клюнула, — поняла Лена. — Теперь я тебя, голубушка, добью. У меня нет другого выхода».

— Борис принимает наркотики, — сказала Лена. — Он сейчас тяжело болен. И психически в том числе. Деньги для него — это доза.

— Безумная! — закричала ей вслед Евдокия. — Он же меня убьет.

— Это ваш единственный внук, — сказала Лена с порога. — А я еду к вашему единственному сыну. Вы можете меня ненавидеть, но вам никуда не деться.

В Москве Елена лишь приблизительно помнила, где находится институт. И названия его не знала. Вернее всего, что-нибудь связанное с ветеринарией. Метро «Тульская», а там красное пятиэтажное здание.

Нашла его она легко. Он назывался вызывающе: «НИИ генетической фармакологии».

На входе сидел вахтер. Лена боялась, что в таком институте строгие нравы. И лицо у вахтера было грубое, квадратное.

— Мне нужно видеть Александра... забыла отчество! — Мирошниченко.

— Александра Саввича? А он сегодня и не приходил.

— Почему? — строго спросила Лена. Строгость происходила от испуга. Ты ждешь, что тебя будут гнать, а с тобой разговаривают, как в сапожной мастерской.

— А теперь многие не приходят. Зачем приходить? Зарплату все равно не выдают. Только мне с директором и наскребают.

Вахтер начал смеяться, приглашая Лену разделить его шутку, но она шутки не поняла.

— Они работали вдвоем...

— Конечно, вдвоем, — согласился вахтер. — С Колей, Колей, Николаем Сидоровым.

— А где они? — спросила Лена.

— А ты кто ему будешь? — Вахтеру не нравился требовательный тон Лены, и он начал меняться — на глазах становился официален и даже груб.

— Я жена Николая, — сказала Лена. — Бывшая жена.

— А он с тобой развелся? А мне не сказал. А как вашего сына звать?

— Борисом.

— Все правильно. Давай тогда им позвоним.

— А можно?

— Почему же нельзя? У нас в Москве телефоны даже по карманам лежат.

Он набрал номер. Лена ждала. Она даже успела успокоиться, потому что вахтер был спокоен.

Было позднее утро, но никто не проходил мимо, будто забыли, что надо ходить на работу. Сверху доносилась музыка. Издалека. Пол был грязный, давно не мытый.

— Никто не подходит, — сказал вахтер. — Видно, за водкой пошли. Шучу, шучу... Непьющие они в разумных пределах.

— Дайте мне адрес, — сказала Лена.

— Невозможно, — ответил вахтер. — Совершенно недопустимо.

— Я вам свой паспорт в залог оставлю.

— Паспорт? А там штамп есть?

— Новый паспорт.

— Плохо. Надо было им велеть, чтобы штамп поставили. Давай паспорт. Я тебе адрес на бумажке напишу. Там и подождешь.

Он медленно писал адрес. Списывал его с большой конторской книги, которую вытащил из ящика. Лена покорно ждала. Пожилая женщина с хозяйственной сумкой прошла внутрь здания, не обратив внимания на вахтера.

Вахтер вложил бумажку с адресом в паспорт и протянул Лене.

— Пойдешь направо, — сказал он. — Там останавливается автобус.

Елена стояла на остановке, никого, кроме нее, не было. Она стала думать, как все это странно: телеграмму ей прислала Тамара, а в институте ничего не знают. Впрочем, может, и не хотят знать.

Оказалось, она не права. В институте знали.

Подъехала машина, обыкновенная, «Москвич», вышли два человека и пошли к ней. Лена даже испугаться не успела.

— Сидорова? — спросил молодой человек с розовым гладким лицом и маленькой сережкой в ухе.

Поймали! Выследили!

— Пожалуйста, попрошу в машину. Нам надо поговорить.

— Кто вы такие? — спросила Лена.

— Алексей, покажи документы, — сказал розовый своему напарнику.

Тот не удивился. Вынул книжечку, закатанную в целлофан. Книжечка была красной.

— Теперь у всех красные книжечки.

— А на нашей написано — ФСБ, — сказал розовый.

Они начали допрашивать ее уже в машине. Лена хотела верить, что это не наркоманы, а обычные чекисты. Пускай чекисты.

Они взяли паспорт Лены, изучали его и спрашивали, в каких она отношениях с потерпевшим, давно ли они виделись и, главное, что ее заставило приехать.

Лена вытащила телеграмму. От Тамары. Телеграмма разочаровала сыщиков, Лена поняла, что они надеялись поймать злодеев, а теперь шансы упали.

И тогда она решилась спросить — что же с Николаем? Она

ведь до сих пор не знала и знать не хотела, а теперь пора было сдаться и узнать.

— Он убит, — сказал розовый сыщик, глядя перед собой. — Разве вам не сказала ваша подруга?

— Нет, — сказала Лена. — Мне никто ничего не сказал.

— А чего поехали?

— Вы бы тоже поехали.

— А вы знаете, чем занимался здесь ваш бывший муж?

— Работал в лаборатории, — ответила Лена, которая испугалась, что если они узнают про наркотики, то вцепятся в нее со всей силой. Ведь ясное дело — если бы просто преступление, то занималась бы милиция, а если чекисты, значит, особенное преступление.

Они хотели везти ее на опознание, но Елена отказалась. На нее обрушилась такая тупость, что она не опознала бы и саму себя.

Чекисты пожалели ее — сказали, что встретятся завтра. Их интерес к ней уменьшился.

Они не знали, куда ее отвезти, но она сказала, что лучше об этом узнать у Тамары. Они позвонили Тамаре по мобильнику, и Тамара сказала, чтобы они везли Лену к ней.

Они нехотя согласились. Но паспорт не отдали. Чекисты, что с них возьмешь.

Тамара встретила ее как родную. Она не плакала, а все говорила.

— Я с другими не могу говорить, как с тобой.

— Ты расскажи, как все произошло, — осторожно попросила Лена. У нее оставалась маленькая надежда на то, что Николай не умер. Будто бы Саша Мирошниченко умер, а Коля остался живым. Чекисты ошиблись...

— Никто не знает, как это произошло. Милиция считает, что это ограбление. Но какое может быть ограбление? Они же доклад готовили на конференцию. Саша говорил — подождем, еще не все доделано. Саша у меня такой обстоятельный, ты не представляешь.

Говоря так, большая, теплая, мягкая Тамара поставила чайник, достала из холодильника всякую обильную еду — она словно была рада, что нашелся желающий и ее жизнь обрела какую-то видимость смысла.

— Они были здесь?

— Нет, в институте, чего им здесь делать.

Ах ты, вахтер, партизан!

— И что дальше?

— Ты пей чай. Ты поможешь мне на поминки все собрать?

— Что дальше?

— Не кричи на меня. А то я плакать буду. Дальше... дальше их убили.

— Обоих?

— Ты сумасшедшая, да? С чего ты решила, что одного убили? Моего?

— Извини.

— И ты меня извини, я тоже сумасшедшая стала. Мы же купили путевки в Анталию. Ты была в Анталии?

— И как это случилось?

— Никто не знает. Утром они не вернулись. Я проснулась, стала звонить. Охрана института ничего не заметила. Спали, наверное... Ленка, а вдруг это сами охранники?

— Нет, — сказала Лена. — А как их убили?

— Из пистолета. Смерть была мгновенной. Мне сказали, что мгновенной.

— И что взяли?

— Чепуху взяли. Хулиганы, наверное. Все побили, поломали, записки сожгли, исходные материалы — и те уничтожили. Ты представляешь, какое варварство! Убить людей из-за наручных часов и обручального кольца.

— Нет, — сказала Лена. — Дело не в часах, а в их работе.

— Ну ты как следователь Сергеев, — сказала Тамара. — Он меня достал. А кто из знакомых был в курсе их работы? Даже директора тягали, представляешь?

— Представляю, — сказала Лена.

— Пойдем тогда в морг, — сказала Тамара.

— Зачем?

— Меня пустят, я там всех знаю. Надо же с ними побыть. Раньше мертвец дома лежал, свечки горели, батюшка молитву читал, так все по-настоящему. А они у нас голые лежат, замороженные. Ты представляешь?

Тут наконец Тамара расплакалась, и они обе поплакали. Напряжение спало, но в морг Лена не поехала — все равно завтра ехать.

Ночью она спала на диване, на котором, оказывается, последние месяцы спал Николай. Диван был теплый и вроде бы сохранял его запах. Лена давно отвыкла от Николая, от его запаха, от его тела, а сейчас стала тосковать, понимая, что больше у нее никогда не будет своего мужчины, который может проснуться ночью и разбудить ее, потому что в нем возникло желание.

Утром она проснулась и не сразу сообразила, почему она здесь.

Тамара громыхала посудой на кухне — Лена поняла, что ей хочется разбудить квартирантку.

Но Лена лежала, не открывая глаз, — ее мучило что-то. Какая-то деталь. Ее сумка стояла на стуле, возле дивана. Чекисты взяли паспорт, телеграмму от Тамары, но не взяли телеграмму Николая, потому что Лена о ней не сказала.

Лена тихонько открыла сумку, вынула телеграмму и перечитала ее:

БЛЕСТЯЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ. ТРЕПЕЩИТЕ НАРКОБАРОНЫ. ТЕРПИ. НЕМАЛО ВРЕМЕНИ ПРОЙДЕТ ПОКА ПОЛУЧИМ РАЗРЕШЕНИЯ И ТАК ДАЛЕЕ. ПОКА ЗАНАЧКА. ВОСКРЕСЕНЬЕ БУДУ ЖДИ. НИКОЛАЙ. НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ КАРМАНЕ.

Все в телеграмме было понятно — за нее бы чекисты полцарства отдали. Но одна фраза была непонятна. Для всех, кроме Елены.

«Пока заначка».

Глупая фраза.

Когда они были совсем молодыми и денег не хватало, у них был обычай заводить заначку. Получили какие-нибудь маленькие денежки, клали в заначку, как белка в голодное летнее время в опасении еще более голодной зимы.

Она встала, умылась, поела через силу, чтобы угодить Тамаре, потом позвонили чекисты — пора ехать на опознание, словно можно подменить Николая. Потом поехала в морг, это было хуже всего — там пахло смертью и с ней разговаривали как с убийцей. Или ей показалось, что с ней так разговаривали.

Николай был совершенно чужой, это был не Николай, а тело Николая, она никогда его не обнимала. Она смотрела на Николая и думала, что он хотел сказать про заначку? Потом она вспомнила — заначка всегда лежала во внутреннем кармане Колиного пиджака.

Она вернулась домой, потерпела, пока Тамара наговорится и уйдет к себе плакать, спросила, остались ли от Николая вещи?

Тамара не удивилась и не оскорбилась. Она сказала, что все вещи Николая в чемодане, а чемодан в шкафу. Его чекисты обнюхивали.

Лена сразу увидела старый пиджак — он висел. Его забыли положить в чемодан.

Лена сунула пальцы во внутренний карман.

Там лежал небольшой толстый конверт.

Она вытащила его. На конверте было написано «заначка».

Лена даже улыбнулась, так это слово прозвучало странно.

Тамара затаилась у себя.

Лена открыла конверт.

Там и в самом деле лежала заначка — сто долларов. Настоящая заначка, достойная мужчины. Но там еще было письмо Лене и пластиковый прозрачный пакет с желтоватым порошком.

Лена сразу положила конверт в сумку, а письмо прочла:

«Леночка, дорогая! Я тебя люблю, но это не имеет отношения. Нам удалось сделать больше, чем мы рассчитывали. Я придумал смешное слово «поппифаг». Поппи — это мак по-английски. Правда, смешно? Если ты найдешь эту заначку, значит, меня нет в живых или что-нибудь еще случилось. Неприятное для меня. Ты уже не смеешься — ведь случилось, да? Я вообще-то большой трус. Даже палец боюсь обрезать. Наверное, потому, что был единственным ребенком у сволочной мамы. Надеюсь, она этих слов не увидит. Мы еще не проводили толком полевых испытаний — не вылезали из лаборатории. Сашка хочет сначала доклад, но и с докладом нельзя спешить. Мне кажется, что нас с ним пасут. Он вчера чуть под машину не попал. Нет, это даже смешно — таких, как мы, не убивают. Мы же никому не нужны, правда? Суть дела в том, что зараженные поппифагом растения становятся сами источниками заразы — смерть мака явление лавинообразное, понимаешь? Лучше всего распылять. Дальше природа сама позаботится. Мы пошли работать, готовить доклад. Я все время встречаю человека лет сорока с желтыми глазами, как у кота. И с ним амбал. Они меня пугают. Хотя ничем не выказывают ко мне интереса — просто пасут или сами пасутся по соседству. Не знаю, что ты будешь делать с порошком, но за нас не беспокойся — мы оставили формулы и технологию в институтском сейфе, и об этом никто не знает. По крайней мере, если что, то в институте продолжат. А тебе я оставлю полученную нами дозу, если что-нибудь со мной случится, я тебя прошу — проникни к ним и зарази. Или найди человека, который этим займется.

Твой любящий и глупый бывший муж Николай.

Прощай, моя дорогая».

В конверте был еще листок. С инструкциями. Из глаз Лены лились безудержные тихие слезы — она не плакала, нет, просто лились слезы. Потом она немного поспала. Проснувшись, она позвонила свекрови. Свекровь была недовольна.

— Лена, я буквально требую твоего немедленного возвращения! Я не нянька Борису!

— Где он?

— Он нагло ушел из дома, даже не спросил разрешения.

— Где он? Давно ушел?

— Еще утром — я ему не нянька, о чем официально тебя предупреждаю!

— Скоро приеду.

— Кстати, ты мне не говоришь, что с Николаем?

Лена не смогла ответить сразу. Она так надеялась, что свекровь забудет об этом спросить — о самом главном. А она не забыла. Насколько Лене было бы удобнее иметь совершенно бесчувственную свекровь... Она такой ее и считала — почти.

— Николай умер, — сказала она, не заметив долгой паузы.

— Так я и думала, — сказала свекровь, словно Лена убила бывшего мужа. Надо было спросить еще о Борисе, но язык не поворачивался. Она замерла у телефона — хоть бы линия сломалась! — Под машину попал? — спросила свекровь. — Я всегда этого боялась. Ты уж займись похоронами, я тебе компенсирую расходы.

— Я сегодня приеду, — сказала Лена.

— Лучше оставайся с Колей, — возразила свекровь. — Он больше нуждается в твоей помощи, чем я.

— Нужно найти Бориса, — сказала Лена.

— Ничего с ним не случится.

— Но вы же знаете!

— В этот скорбный момент мы все должны думать о Коле, — сообщила свекровь.

Прости, Коля, сказала Лена мужу. Она с ним говорила долго, ей казалось, что он отвечал ей и даже иногда спорил. Но Коля был с ней согласен: сейчас важнее всего — Борис.

Лена просидела в комнате, пока Тамара не ушла в морг: в ней жила необоримая тяга к моргу — она там была ближе к своему Сашеньке. Как будто он еще не совсем умер.

Потом Лена осмотрела пакет.

Пластиковый пакет, скользкий, порошок кажется тяжелым, словно это золотой песок. Лена никогда не держала в руке пакета с золотым песком, но в свое время читала Джека Лондона.

Поверху пакет был оклеен скотчем. Лене захотелось понюхать порошок. Что с ним делать? Отдать директору? А что, если он тоже на содержании у мафии? Она слышала, что теперь даже научные институты имеют крышу — люберецкую или тульскую, — все делятся.

Может, директор и организовал это убийство? Лена была уверена, что убили друзей наркоманы или наркодельцы. Испугались и убили. А виновата в этом она — ведь это она толкнула Колю на

то, чтобы он занялся поппифагом. И она не проследила — первые бумаги попали к Аскольду. Вот и теория. Можно идти в милицию. При условии, что милиция не находится на иждивении у Аскольда. Появилась цепочка: директор — Аскольд — милиция — мафия... Бред какой-то.

Никому она порошок не отдаст. Наверное, сама решит или обстоятельства за нее решат.

Она не посмела положить пакет в сумку. Ей уже начали мерещиться убийцы. Она даже подошла к окну, как делают в американских криминальных фильмах.

За окном был двор. В нем росли тополя, вдали была площадка, на которой сидели мамаши и возились в песочке дети, пользуясь передышкой в дождях. Недалеко от подъезда стояла машина — джип, из тех перегруженных металлом сверкающих монстров, которых и допускать до честной фирмы не хочется.

«Вот эта машина моя», — подумала Лена.

Теперь надо было выйти из дома черным ходом и пробежать на соседнюю улицу. Но в доме нет черного хода. Товарищ Хрущев не позаботился о черных ходах, наверное, гэбисты не велели.

А куда предусмотрительная женщина прячет пакеты с порошком, из-за которого убили ее бывшего мужа? Потребовалось минут пять, прежде чем она отыскала решение.

Спрятала. И вышла на улицу.

Никто не обратил на нее внимания.

В джипе никого не было. Проходя мимо, Лена дотронулась до радиатора, радиатор был холодный.

Лена дошла до автобусной остановки. На остановке не было ни одного человека. Машины не проезжали. Она дождалась автобуса. Народу в нем было немного. Водитель открыл двери. Лена взялась за дверь, но не поднялась внутрь — тут же оттолкнулась от автобуса и подняла руку.

— Передумала! — крикнула она, чтобы водитель услышал.

Водитель, может, и услышал, а может, и нет. Автобус уехал. Лена пошла обратно, но не прямо к дому, а к детской площадке, где села на скамеечку и просидела минут десять рядом с дремлющей бабкой. Порой ребеночек подбегал к ней, дергал за рукав. Не открывая глаз, бабушка доставала из кармана плаща конфету и совала ребенку, тот бежал к песочнице. Однажды он решил схитрить, а может, его друг проявил инициативу. К бабке подбежал другой мальчик. Дернул ее за рукав и получил конфетку — где-то она читала об этом. Кажется, муравей несет что-то сладкое, другой муравей щекочет несуна усиками, и тот отрыгивает сладкую добычу.

Подбежал настоящий внук, дернул бабку, но конфеты не получил.

— Нельзя так часто, — сказала бабка, — вредно для здоровья.

Малыш тут же открыл рот, чтобы заплакать, и получил свою конфету.

Никто не следил за Леной. Это точно.

Лена вернулась в подъезд, поднялась на третий этаж и на лестничной клетке вытащила из-за батареи пакетик с поппифагом.

Сунула его в лифчик, то есть за корсаж, как делали героини Дюма.

Теперь уж пришлось ждать автобуса полчаса, и он пришел, набитый людьми. Поезда ждала долго, и он тоже был полон. Домой приехала вечером, нервно-усталая — она уже не ждала ничего хорошего.

Дом был пуст и холоден. Свекровь даже не приходила сюда, потому что посуда, вымытая Леной перед отъездом, стояла на тех же местах, если не считать стакана, наполовину полного чаем, — это завтракал Боря.

Лена спрятала пакетик и пошла в кафе — ну куда ей еще идти? У дверей стоял Буреев. Был десятый час, изнутри доносилась музыка.

Буреев не поздоровался. Отвернулся.

— Вы что? — спросила Лена. — Почему вы не хотите разговаривать? Что-нибудь случилось?

Буреев все равно не ответил. Не замечал. Лене и без того было плохо, а сейчас она поняла — Борю убили. Или посадили в тюрьму. А в тюрьму ему нельзя, потому что ему нужна диета, у него живот разболится. Разве они не понимают, что человек болен гепатитом?

Она вбежала в кафе. Там было тесно. На махонькой эстраде, похожей больше на стол для пинг-понга, не своим голосом кричал в микрофон случайный певец. Когда подошел Аскольд, она спросила:

— Это называется караоке?

Ничего глупее она в жизни не говорила — наверное, от страха.

Но Аскольд понял, спрятал свои желтые глаза.

— Вы давно приехали? — спросил он.

— Только что с поезда.

— Мужа похоронили?

— Нет, его будут хоронить позже. Там вскрытие... — Она набралась смелости. Аскольд говорил обыденно — все еще могло обойтись. — А что с Борей?

— Никого у вас дома нет?

— Нет. И его нет. Я свекровь просила, но вы же знаете...

— Не имею чести. И вы прямо сюда?

— Куда же еще?

— Тогда поезжайте в больницу, — сказал Аскольд. — Может, успеете.

— Что успею?

— Он без сознания. В коме.

— Ну да, конечно...

— Я не уследил. Он принял слишком большую дозу, а для его организма это смертельно. Для другого, понимаете, еще не так трагично, а для него смертельно.

— Нет! — закричала Лена, и Аскольд потащил ее наружу, ему помогал Буреев, она не понимала, что происходит и куда ее ведут, она кричала: — Я больше не могу!

Аскольд — единственный, кто понимал, что она потеряла сразу мужа и сына подряд и этого вытерпеть невозможно. А для Лены все сконцентрировалось в образе морга — она не могла снова идти в морг, она о себе думала, хотя и этого не понимала. Боря еще был жив, и она шла к нему в больницу, хотя ее к нему и не подпустят, но она уже думала о морге.

Через неделю Аскольд, которого звали Иваном Тимофеевичем, хотя и это не настоящее его имя, докладывал своему начальству о ситуации в городе Веревкине, одном из незаметных, но важных центров всемирной торговли наркотиками. То, что в том городе жил Николай, что ему, Аскольду, очень нравилась сухая, быстрая и несчастная Елена, учительница физкультуры во второй школе, начальству знать не полагалось, и знало ли оно об этом на самом деле, Аскольд не догадывался. Дело в том, что порой начальство тоже предпочитает не раскрывать пределов своих знаний — идет соревнование обманщиков. Но что такое разведка? Это и есть соревнование обманщиков.

— Что вы думаете, Иван Тимофеевич, — мягко спросило начальство, — о судьбе опытов Николая... как его там?

Аскольд не стал запираться — он догадался, о каком Николае идет речь, и начальство знало, что он догадался.

— Лаборатория уничтожена, образцов вещества не найдено. Но главное — опыты прерваны. Документация изъята из сейфа и изучается.

— Подозреваемых нет?

— Этим занимается милиция, — сказал Аскольд, и начальство

кивнуло, потому что знало об этом раньше Аскольда и лучше Аскольда.

— Несчастная женщина, — сказал Аскольд. — Как человек и чекист я не могу ее не жалеть. Такой букет несчастий.

— Я всегда выступал и выступаю против разводов. Ребенок, лишившись в детстве отца, растет психически неполноценным. Три четверти подростков-наркоманов — плоды неудачных браков, Иван Тимофеевич.

— Но в чем вина этой женщины?

— В том, товарищ полковник, что ни один здравомыслящий мужчина не покинет свою семью без уважительных причин. Эта причина, — начальство взяло с полированного стола остро заточенный карандаш и направило его конец в глаз Аскольду, — может заключаться в личной нечистоплотности супруги, в отсутствии правильного питания и распорядка дня. Да что вам говорить, вы же сами, полковник, разведены... к сожалению.

— У меня другое дело.

— Знаю, знаю... и знаю при этом, что других дел не бывает. Вот так-то, голубчик.

Стороны остались на своих позициях.

В заключение беседы Ивану Тимофеевичу приказали продолжать контролировать мафию в Веревкине и Тульской области, а также не спускать глаз с Елены, потому что она находится в тревожном и нервном состоянии и никто не знает, успел ли ее бывший муж чем-либо поделиться с бывшей женой. Как сказало начальство на прощание? «В нашем деле самое опасное — дилетанты, то есть любители».

Через две недели после похорон к Елене пришел директор. У Лены не было к нему претензий, потому что школа оплатила похороны, все пришли на кладбище, но поминок Лена устраивать не стала. Впрочем, некоторые ее понимали, а другие осуждали, потому что надо соблюдать народные традиции.

Директор пришел и сказал:

— Пора за работу приниматься. Не может больше школа без физкультурника.

— Я думала, что вы уже нашли.

— Где у нас найдешь, за такую зарплату. Поработай...

— Я хочу уехать из Веревкина.

— До каникул, до Нового года поработаешь, и я тебя отпущу.

— Может, не дотерплю.

— Да ты выйди, нельзя дома сидеть. Помрешь с тоски.

Директор ушел, добившись от нее обещания заглянуть в школу. Лена пришла, все делали вид, что она болела ангиной, потому пропустила несколько уроков. Даже в зале дети делали вид, что ничего не случилось. Странно, почему вдруг распространяется такой гуманизм... тактичность? Откуда это?

Лене было приятно осознать, что она помнит учеников по именам.

Недели в школе как раз выпали на период ожидания.

Лена сдала анкету и фотографии — она хотела получить иностранный паспорт. К счастью, в Веревкине нет ОВИРа и ездить надо было в Тулу. А то бы в городе все уже знали, что, не успев похоронить близких, эта женщина собралась в круиз!

К тому же надо было заказать билет. И не просто билет, а сделать это через туристическое агентство. Ведь если она прилетит в Таиланд, то она даже не знает, в какую гостиницу ехать.

Вечерами Лена занималась английским языком — сама, с пластинками, которые остались от попытки сделать из Бори джентльмена. И, конечно же, она изучала географию. На уровне университета. Географию Юго-Восточной Азии. Так называемого Золотого треугольника. Это местность, расположенная рядом с Бирмой, которую правящие там генералы велят всем называть Мьянмой, что могло бы быть даже смешно. Представляете, что англичане вдруг заставят нас именовать их страну «Грейт Бритн». Иначе разорвем с вами всякие отношения!

С Бирмой граничит страна Лаос, которая было построила социализм, но вроде потом отказалась и теперь живет мирно и прилично. Наконец, к этому треугольнику примыкает и Таиланд. Там, на стыке трех стран, лежат горы, где нет государственной власти, а правят только местные вожди и бандиты. Они контролируют все посадки опиумного мака и его переработку в опиум. Есть у них и настоящие фабрики, где опиум переплавляют в героин, потому что героин настолько концентрированный наркотик, что его можно привезти в кармане и погубить сотню таких мальчиков, как Боря.

Вот туда Лена и собралась.

Она не стала оставлять в ОВИРе открытку, боялась, что перехватит Александра Ивановна или кто еще из любопытных почтарей. Раз в неделю она звонила туда, и невежливая девочка сначала отказывалась смотреть, не поступило ли ее дело, но потом соглашалась и говорила, что не поступило. Когда же она сказала,

что документы пришли, Лена так удивилась, что стала переспрашивать. Девочка сказала что-то обидное и бросила трубку.

После уроков Лена поехала в Тулу, еле успела до закрытия и вымолила у девочки, оказавшейся некрасивой и очкастой, свой паспорт, хотя другим она отказала.

На следующий день Лена сказалась больной, ей не терпелось, она с первым же поездом поехала в Москву.

На вокзале в Москве ей почудилось, что за ней следят.

Она не стала рисковать, а села в такси, которое в Москве очень дорого стоит, и велела ехать в Библиотеку иностранной литературы. На ходу придумала.

Возле библиотеки, скучного здания между улицей и набережной Яузы, она увидела скверик, совсем пустой, на холме. Она велела таксисту остановиться возле него, забралась туда, села на пустую лавочку и стала смотреть на высотку на Котельнической и кинотеатр «Иллюзион».

Оказалось, что на этот раз предчувствия ее не обманули.

Через две минуты возле библиотеки остановилось такси — из него вышел парень со скошенным подбородком. Здравствуйте-пожалуйте, давно не виделись!

Как же он выследил ее? Неужели они в нее вкололи какой-нибудь препарат или маячок? При современной науке это вполне возможно.

Ее выследили по номеру такси. Такси было с радиотелефоном, и Скошенный подбородок заметил, как она садится в машину. Из другого радиотакси за десяток долларов узнали, куда повезли клиентку, — к Библиотеке иностранной литературы.

В библиотеке Лену не нашли. Скошенный подбородок вызвал подмогу, обыскали «Иллюзион» и окрестные дворы, проехали по набережной Яузы.

Когда Скошенный подбородок вошел в библиотеку, Лена выбралась из скверика и через дворы старинной больницы на улице Радищева выбралась в тихий переулок. Потом поехала в агентство. Агентство она отыскала через газету, там продавали дешевые билеты и индивидуальные путевки. Дама с волосами цвета красного дерева была любезна, но равнодушна.

Домой Лена возвратилась к вечеру.

Она не скрывалась, и они ее подхватили на вокзале. Там дежурили сотрудники. Они вели ее до дома в Веревкине. Но это уже не играло роли. Ни для нее, ни для ФСБ.

Лена подготовила версию: ездила в Москву заниматься английским языком в библиотеке. С детства она увлекается иностранными языками, а теперь подумывает изменить Родине.

Аскольд пришел к ней на следующий день, в четыре, после уроков.

Было еще совсем светло, и поэтому Лена открыла дверь, не спросив, кто там. Она думала, что соседка или почта.

Оказалось — главный бандит.

Конечно же, Лена не подозревала, что Аскольд, он же Иван Тимофеевич, — полковник госбезопасности, успешно внедренный в наркомафию Веревкина, волею судеб попавшего в самое сердце мировой сети продажи и транспортировки наркотиков. Лена думала, что он бандит, и относилась к нему как к бандиту. И сейчас, когда увидела его перед дверью, испугалась его как бандита, хотя, может быть, она бы испугалась еще больше, если бы догадалась, что он чекист.

— Только не закрывайте дверь, вы можете прищемить мне нос, — пошутил полковник. — Я к вам на минутку. Просто хочу узнать, как живете.

— Я не хочу с вами разговаривать.

— Клянусь вам, что не имею никакого отношения к смерти вашего сына. Я делал все, чтобы его спасти.

— Мне все равно.

— Да вы не бойтесь. — Аскольд как-то ловко отстранил ее и проник внутрь квартиры. Он прошел на кухню, будто знал расположение комнат, бывал здесь раньше, и Лена подумала — он уже ее обыскивал.

Аскольд уселся за покрытый клеенкой стол, за которым уже никогда не будут сидеть ни Николай, ни Боря, и попросил чаю.

Лена даже не сделала никакого движения. Хозяйка всегда автоматически делает движение к плите.

— Не буду навязываться, — усмехнулся Аскольд.

Лена никогда не имела возможности рассмотреть своего главного врага на свету и сейчас удивилась тому, что он куда старше, чем ей казался: у него была кожа как скала на ветру — она осыпалась и вся была в трещинках.

— Как вы намереваетесь дальше жить? — спросил Аскольд. — Не может быть, чтобы вы не строили планов.

— Я уеду отсюда, — сказала Лена. — До каникул доработаю, а потом уеду.

— В Москву или к родственникам в Курскую область?

Аскольд показывал, что от него нигде не скроешься.

— В Москву, — сказала Лена.

— Но надеюсь, что никаких глупостей вы не придумали?

— Нет, не придумала.

Она даже не улыбнулась.

— Учтите, я держу вас под контролем.

— Вот спасибо!

— Не иронизируйте. Мне еще не хватало глупостей. Кстати, вы не нашли тогда никаких записей Николая?

— Вы же знаете, что я ничего не нашла. И даже не искала. Мне было не до этого.

— Стараюсь поверить. Но так трудно верить людям. Знаете, кто лучше всего лжет? Те, от кого этого не ждешь.

— Если вы все сказали, то уходите. Мне некогда.

— Сериал смотрите?

— Уходите.

— Только два последних вопроса. Первый — вы разрешите позвать вас в кино? Нет, не сегодня и не здесь. Мне хотелось бы... можно на концерт. Вы не спорьте. Вы мне очень нравитесь.

Лена отвернулась к окну и спросила:

— А второй вопрос?

— Куда вы вчера ездили?

— В Москву.

— Конкретнее.

— Не ваше собачье дело, — сказала Лена.

— Как грубо.

— И если вы сейчас не уйдете, я открою окно и буду кричать, звать на помощь. Вам это нужно?

Аскольд поднялся, посмотрел ей в глаза, поймал взгляд.

— Вы не шутите, — сказал он. — По крайней мере у вас есть характер.

— И какой! — проговорила Лена

Этого не надо было говорить.

— Не удивляйте меня, красавица, — сказал Аскольд.

И он покорно ушел. Лена из окна смотрела, как он пересек двор, как остановился, обернулся и помахал рукой: был уверен, что она смотрит вслед

Лена даже отпрянула от окна, и ей показалось, что она слышит его смех.

Через неделю она получила билеты — ей дал их в агентстве очень толстый предупредительный молодой человек по фамилии Домашник. Он рассказал ей об опасностях, которые поджидают в Бангкоке молодую привлекательную женщину. Он никак не мог взять в толк, какого черта Лена прется в Таиланд да еще по индивидуальной путевке, когда есть такие чудесные для отдыха места, как Анталия или Канарские острова. К тому же он уже

знал, что Лена — учительница физкультуры из Веревкина Тульской области, следовательно, до каникул ей положено учить детей кульбитам и прыжкам. Странные времена, обрушившиеся на Россию, родили множество странных людей. Их плодили деньги, упадок порядка и анархистские устремления наших сограждан, которым даже во сне не положено было иметь таких устремлений. А так как Саша берег свое место и опасался крашеной наглой бывшей профсоюзной деятельницы, командирши агентства Лили, то он и не задавал Лене лишних вопросов, чего она так боялась. Поняв, что вопросов не будет, Лена прониклась к Домашнику симпатией.

К билетам был приложен путеводитель по Бангкоку, небольшой и не очень полезный, если ты не намерена развлекаться и скупать разные вещи. Но Лена за последние два месяца достаточно вспомнила английский, чтобы разобрать книгу о Таиланде на английском языке, которую взяла в Библиотеке иностранной литературы, к тому же она купила и прочла несколько плохо изданных монографий, созданных сотрудниками Института востоковедения, — о студенческих движениях, о генералах, о королях и сельском хозяйстве той страны.

Как ни странно, она рассчитывала на помощь тайцев. Она смотрела по телевизору английский сериал «Бангкок-Хилтон», о том, как невинную девушку подставил коварный возлюбленный и ее арестовали, когда она вывозила из Таиланда наркотики. Она не поняла в сериале главного: за что девушку собираются казнить, если она ничего плохого в страну не ввезла, а только вывозила? Вроде бы это забота ее собственной страны. Но сериал убедил Лену, что тайские власти по одну с ней сторону баррикады.

Директор школы был расстроен.

— Ну подождала бы до января — съездила бы куда хочешь на каникулы.

— Ничего не могу сделать, — искренне ответила Лена. — Я хотела бы вам помочь, но не могу.

— Так почему же, несчастная душа?

Лена вспомнила старую книгу — «Тиль Уленшпигель», она плакала, когда читала ее в детстве.

— Пепел Клааса, — сказала она, — стучит в мое сердце.

— Ага, — согласился директор. Подчинился тону, а книжку вряд ли вспомнил.

Она нарочно сказала директору, что уезжает на два дня позже, чем собиралась в самом деле. Она понимала, что Аскольд и другие бандиты за ней следят. Чего-то боятся, тем более если это они убили Николая. А следствие по его делу не то чтобы закрыли,

но фактически прекратили. Мало ли людей убивают в наши дни? А если он ученый, а не торгаш? У нас и ученые не застрахованы. Может, у него ценные металлы в лаборатории хранились?

Это сказал следователь Сергеев.

— Вы знаете, что их не было, вы наверняка проверили.

— Может, и проверил. Но допускаю, что он их изготавливал.

— С ума сойти! В биологической лаборатории!

— Вы, может, и не знаете, гражданка свидетельница, но ваш бывший муж занимался не больше и не меньше... — тут следователь вперил в нее взгляд незначительных глаз и понизил голос: — как наркотиками! Секретными делами. Значит, у него они хранились. А их нет.

— Почему вы думаете, что они хранились?

— По самой простой причине. Если у тебя научная тема по биологической борьбе с посевами наркотических растений, — тут следователь вообще перешел на трагический шепот, — то тебе нужны вещества, с которыми ты борешься. Я же не могу допрашивать свидетелей, если свидетелей не имеется, понимаете?

Он был неумен и потому всех вокруг считал дураками — так ему было легче жить.

У следователя даже не было идеи насчет того, что же случилось в лаборатории. А может быть, он работал на двух работах — служил Отечеству и Аскольду. Думая так, Лена, конечно же, не подозревала, как она близка к истине. Ведь, будучи чекистом, Аскольд представлял интересы государства. Следователь, даже если полагал иначе, служил тому же вездесущему господину.

Следователь делал вид, что в чем-то Лену подозревает, даже выяснял, что она делала в тот день и кто может это подтвердить. К счастью, она в тот день была в школе и когда сказала об этом следователю, он расстроился, но отвязался. И хорошо, что отвязался и не узнал, что Боря был болен наркоманией. Иначе она стала бы главной подозреваемой.

Лена вышла в шесть часов, к ранней электричке, уверенная в том, что все бандиты еще храпят. На всякий случай в Москве она путала свои следы, а чемодан сдала в камеру хранения, но не на своем вокзале, а на другом.

Часа два она просидела на ветру в парке, в садике, который ей понравился еще в прошлый раз, возле Библиотеки иностранной литературы, в аэропорт Шереметьево она приехала заранее, но и там никого подозрительного не заметила.

Самолет был полупустой, туристы, какие-то иностранцы... Чего им у нас делать! Все равно долгов мы не отдадим. Лена читала книжку на английском языке и от волнения ничего не пони-

мала. О, если бы знать, что ей предстоит, она бы наверняка зубрила английский с утра до вечера. Но разве увидишь свое будущее? Она была звездой в школе и даже звездой в юношеской сборной. А теперь кто? Озлобленная, выгоревшая изнутри уродина. Как рыба кета, которая идет на нерест и знает (если у нее в голове может уместиться такая простая мысль), что с нереста она уже не вернется. Ей остается мечтать и молиться, чтобы хоть одна из ее икринок достигла моря и выросла, а потом ушла на нерест.

Она совершенно не представляла себе, каким образом доберется до опиумных плантаций. Но была уверена, что это сделает. Даже не сомневалась.

Летели слишком долго, Лена никогда так долго еще не летала, покормили, потом все поспали. Самолет прилетел к вечеру, и когда открыли дверь, в самолет ворвалась волна внешнего воздуха — совершенно особенного воздуха. Если смотреть в иллюминатор, то все аэродромы кажутся одинаковыми и ты не подозреваешь, что воздух здесь совсем другой.

Он был теплый, вечно теплый, и потому запахи спокойно существовали в нем, раскинув ручки и ножки и не боясь, что их выкурят морозом или велят убираться. Запахов было много, и они создавали сладкую, даже приторную симфонию. Лена слышала, что некоторые композиторы считают, что звукам соответствуют цвета, и Скрябин даже писал целые симфонии, которые играл, а над роялем зажигались лампочки. Ему бы в Таиланд, он бы нанюхался и не такое написал!

Таможенник улыбнулся и не стал смотреть вещи. Лена немного боялась, не подложили ли ей наркодельцы героина в сумку — с них станется, особенно если они тоже смотрели английский сериал.

Улицы вблизи аэродрома были тесные, набитые машинами, к запахам аэродрома прибавилась вонь большого города, но сладость и пряность не исчезли.

Гостиница снаружи была современной, но ничего особенного, внутри ее встретили поклонами и улыбками, словно она была американской миллионершей. Лена подумала: «Как здорово, что я уговорила Сашу Домашника забронировать мне гостиницу, в которой русские не живут». Лена только по рассказам знала, что русские, как вырвутся на волю, бросаются покупать что подешевле. Правда, это мнение частично устарело, потому что теперь появились русские, которые спешат побольше истратить. Наверное, потом, бедолаги, приносят в себе СПИД-инфекцию и помирают... А разве нам лучше?

Лене еще не приходилось бывать в таком чистом и благоустроенном номере гостиницы. Она вообще, как и положено русскому человеку, в гостиницах не бывала. Да и попробуй устройся в гостиницу в старые времена! Ищешь родственников или знакомых, а им тоже не в радость принимать гостей в двухкомнатной хрущобе.

Лена попробовала горячую воду — не может быть, чтобы она шла! Должно быть, отключили на самый жаркий месяц. Ничего подобного, вода шла. Да и в самом номере было не жарко, кондиционер работал бесшумно — видно, централизованная система.

Лена вымылась — так приятно после дороги! Потом открыла свои справочники — ее основной багаж, если не считать белья. Белья она взяла побольше, неизвестно еще, удастся ли вовремя постирать.

Перед Леной было две возможности: отправиться по городу погулять, посмотреть, как живут эти тайцы, или сразу же искать билеты на север, чтобы не терять ни минуты.

Разумеется, Лена была полна решимости любой ценой выполнить завещанное Николаем и отомстить врагам, безликим, если не считать Аскольда, и потому еще более страшным и всесильным. Но если тебе куда меньше сорока и в иной ситуации ты бы сутками не спала, рассматривала таинственный город, то совсем ничего не увидеть, даже если близка твоя смерть, невозможно.

Лена решилась на компромисс.

Она тихонько спустилась вниз и вышла на улицу. Она отправилась пешком в контору Тайских авиалиний на Праджипатаи, дорогу туда она выучила дома, по плану Бангкока, который, оказалось, соответствовал реальности.

Вряд ли кто-нибудь в отеле заметил ее уход, потому что в те минуты в просторный холл ввалилась толпа немецких туристов с такими большими и тяжелыми чемоданами на тележках, что все внимание гостиничных служб было приковано к этим новым гостям.

Лена шла быстро, хотя было жарко, и ей казалось, что она гуляет не спеша. Она только один раз спросила дорогу у пожилой женщины, которая показалась ей доброй. Она читала, что мужчины в Таиланде плохо, то есть неуважительно относятся к одиноким женщинам, даже иностранкам. Раньше они думали, что белые женщины — это как бы существа из другого мира, а теперь поняли, что белые женщины не отличаются от своих. Тем более женщины из России. Они были доступны и дешево стоили. Некоторые даже стали работать в публичных домах и стриптиз-клубах. Так что если хочешь, чтобы местные не распоясывались, веди себя недоступно.

Народу на улице было много, европейцев она не встретила — чужие запахи, чужие слова, как будто люди не говорят, а притворяются людьми. Лена прижимала к груди сумку, в которой были все ее ценности — документы, деньги и разведенный порошок, разлитый в несколько флакончиков из-под валерьянки. Так было надежнее. Там лежала и записка от Николая с инструкциями; конечно, ее давно надо было сжечь и прах развеять по ветру — но Лена не смогла, Николай словно разговаривал с ней оттуда. Стеснялся, что находится в таком виде, в смысле мертвый, но что поделаешь — он же не виноват?

Она почему-то представляла себе, что агентство будет прохладным, солидным, с мягкими креслами и столиками. Но там было, как у нас в областном центре, жарко, под потолком поскрипывали фены, небольшая очередь у окошек, где билеты на внутренние линии. Лена купила билет туда, но не стала покупать обратный билет, хоть это было дешевле — она же не знала, где и когда она отыщет свои маковые поля. Она взяла билет до Чиангаре, это город на севере, откуда можно добраться до границы. Ей нужны приграничные районы: Золотой треугольник — это место, где сходятся границы Бирмы, Таиланда и Лаоса, самые дикие места, горы, водопады и горные племена. Ну, вы знаете, вы читали. Там правят жизнью местные наркобароны. Они игнорируют местные законные власти. Лена подозревала, что все не так просто, тем более со стороны Таиланда, который борется с наркотиками. Но самой понять можно будет только на месте.

Лена потеряла в кассе около часа и была довольна тем, что сама разобралась в расписании и получила тот билет, который хотела. И у нее еще осталось достаточно долларов, чтобы добраться до границы и оттуда — домой. И еще кое-что купить для Борьки.

Она чуть не заревела, когда поймала себя на такой простой и банальной мысли. На ужасной мысли. Ей показалось, будто Борис жив.

На улице стемнело — быстро неслись грозовые тучи. Стало очень душно и мрачно. Люди поспешили скорее закончить дела и спрятаться от дождя.

Как же так — в это время года дожди уже кончаются. Наверное, это связано с общими изменениями в климате. Вот спросить бы сейчас вон того странного человека в черном костюме и галстуке с маленькими слониками, что он думает по поводу этого дождя, и он ответит — природа совсем с ума сошла. Это все атомные испытания и промышленность. Наверняка у них такие же газеты, как и у нас. И тоже пугают.

Когда Лена вернулась в гостиницу, немцы уже рассосались по

номерам и их место заняла одна большая европейская семья — там было столько детей, мужей, жен и любовниц, что казалось — это целый автобус из одного города — все были похожи друг на друга. Говорили они по-французски и могли быть французами.

Лена на всякий случай не оставляла ключа у портье, чтобы не привлекать к себе внимания — в конце концов, ее могли выследить в Москве, если у них на аэродроме были свои информаторы. А почему бы и не быть? Аэропорт — самое удобное и нужное место для наркобаронов. Это их храм.

Лена обошла французскую семью, которая гудела, как возбужденный и даже озлобленный пчелиный рой. Она поднялась на третий этаж на лифте, который как раз стоял внизу с открытыми дверями.

Все складывалось как нельзя лучше.

Но так нельзя думать, особенно если ты находишься в сложном и опасном положении, особенно если ты совсем одна на свете.

В коридоре горел яркий свет, ковер под ногами был мягким, розовым, хорошо очищенным — от него даже пахло шампунем.

Лена стала отпирать дверь, а дверь не отпиралась — почему-то ключ не хотел поворачиваться. Ей бы уйти, а она продолжала упрямо бороться с ключом, злясь на него и на тайцев, которые не умеют делать нормальные ключи.

В конце коридора показались первые из французов, коридор откликнулся на их появление эхом. Лена с горя толкнула дверь, и дверь открылась. В комнате было очень светло — она еще утром подняла жалюзи, и солнце светило, как на веранду. Но окно было закрыто, потому что работал кондиционер.

Лена шагнула внутрь.

Из коридора несся семейный французский гул.

Кто-то толкнул Лену так, что она чудом не упала — а может, не толкнул, а ударил, но, видно, сам был растерян и разозлен французским нашествием и спешил уйти. Этот человек — Лена от неожиданности не успела разглядеть его — дернул за сумку, но она крепко ее держала.

Дверь хлопнула. Лена стояла, опершись о стену спиной, комната была разорена, перевернута, растерзана до ниточки.

Лена совсем не испугалась.

Она была к этому готова, хотя не знала, конечно, в какой форме проявятся ее враги. Но они должны были проявиться.

По крайней мере теперь не на что надеяться.

Надо бежать.

Лена не стала трогать чемодан. Она положила в свою сумку нижнее белье, шампунь, крем, еще какие-то мелочи.

Человек, который искал средство Николая, был уверен в себе, ничего не боялся, и если бы не эти шумные французы, может быть, теперь ее и на свете уже не было. А может, ему не велели ее убивать, а только отыскать поппифаг и бумаги.

А может, это был русский? Тайцу труднее разобраться в наших бумагах.

Лена посмотрела на часы.

Она в номере три минуты. Это правильно. Больше у нее времени нет.

Лена вышла из номера, закрыла за собой дверь и взяла ключ, который, впрочем, никому не был нужен — эти люди умеют входить в номера без ключей.

Она спустилась по лестнице и остановилась на последнем пролете, глядя вниз, в холл.

Впрочем, что она может понять? Разве этот бой в мундирчике не может быть их агентом? Или носильщик постарше, тоже в мундирчике? Или сам портье? Или вон тот турист, который читает газету?

Никакой группы возле стойки не было — но ждать нельзя.

В приключенческих романах героиня пробегает подвалами и через кухню, потом через задний ход... но откуда Лене знать, где здесь задний ход и где кухня?

Ничего не оставалось, как спуститься по лестнице.

Никто не обратил на нее внимания, если не считать отколовшегося от французской семьи длинного подростка с блудливым взором, который смотрел на ноги Лены. Ноги у нас красивые, пускай смотрит. Вряд ли они купили такую большую семью. Вернее всего, это личный интерес.

Лена даже нашла в себе силы вежливо улыбнуться сорванцу, хотя не была уверена, получилась ли улыбка лучезарной.

Ну что ж, сумка через плечо, босоножки, лучезарная улыбка — мы отправились в музей.

Главное — не задерживаться. И не смотреть, какая машина за тобой двинется по улице.

Для этого надо повернуть налево — тут широкий пешеходный проход, крытый, и сейчас по стеклянной крыше молотит густой дождь. Народу здесь немного, но впереди улица, по которой течет густой поток тайцев.

Только не надо оборачиваться, Елена! Если они за тобой идут, тебе все равно не убежать.

Лена увидела открытую дверь в магазин, который торговал сувенирами. Там были медные фигурки, длинные гнутые металлические курительные трубки, кривые кинжалы и всяческая чепуха, на которую Лена и не посмотрела бы в нормальном состоянии. Хотя, может, кинжал пригодится?

Она попробовала кинжал. Он был или из цинка, или из алюминиевого сплава, даже муху им не убьешь. Изящная женщина, даже в полутьме видно, как она накрашена, чтобы скрыть следы бурной молодости, подошла поближе, как заговорщица. Она посмотрела на Лену и сказала:

— Нет, вам это не подойдет. Вам нужен настоящий крис, чтобы его убить.

Лена поняла шутку и тоже улыбнулась.

Хозяйка отошла на несколько шагов. Она не хотела мешать.

Лена не удержалась и посмотрела сквозь витрину. Никто не заглядывал снаружи.

Это было отвратительно. «Ну хоть покажитесь! Я хочу знать, кого мне бояться».

Никто не смотрел на витрину. Преследователи таились где-то поблизости.

— Спасибо, — сказала Лена.

Она вышла наружу. Дождь перестал молотить по стеклу, и небо стало голубым.

Лена пошла на соседнюю улицу. Она встала на краю тротуара, и, когда такси притормозило, приглашая ее сесть, она отмахнулась от него. Где-то она читала, что разведчик никогда не садится в первое такси — ни на стоянке, ни на улице.

Второму такси, которое и не собиралось останавливаться, Лена помахала сама и быстро влезла внутрь. Такси было старым, сиденья кожаные, потертые, не совсем чистые, пахнет жареным салом и одеколоном. Толстая спина шофера в футболке покачивалась в ожидании.

— Аэропорт, — сказала Лена. — Дон Маунг. Хау мач?

— Три хандред бате, — сказал шофер.

— Уан хандред, — сказала Лена, хотя ей хотелось согласиться — только бы он помчался. Но согласиться на бессмысленно высокую цену тоже нельзя — потеряешь лицо.

— Но гоинг, — сообщил шофер и сделал вид, что открывает дверь машины, предлагая Лене выйти.

— Уан фифти, — быстро сказала она.

— Ту фифти.

— Ту хандред, — сказала Лена окончательно.

— Ту хандред, — согласился водитель. Он обернулся, лицо было круглым, как спина, только без футболки. Лицо было добрым и красивым. — Ту хандред, — повторил он снова, как бы колдуя и не веря пассажирке.

Лена знала, что больше полутора сотен давать не следовало. Но она спасла лицо.

Машина ехала ни шатко ни валко — еще не наступил час пик, и только взбираясь на эстакады между бесконечными строительными площадками, такси застревало в потоке других машин, автобусов и мини-такси, переделанных из мотороллеров, — тук-тук, так они назывались.

Время от времени Лена оглядывалась. Но разве поймешь, следят за тобой или нет? Сначала ее встревожила красная машина с открытым верхом. Водитель был в черных очках и желтой майке с черным драконом. Но потом машина куда-то свернула. Сзади пристроился автобус.

До аэропорта добрались за час.

Стойку Лена нашла быстро, зарегистрировалась, а потом отошла в тень, издали глядя на других пассажиров. Но ничего не смогла понять.

В самолете она задремала. Самолет был обычный, словно она летела в Симферополь. Небольшой, полный народа, много детей и вещей — обычный самолет.

В Чиангаре на аэродроме ей объяснили, что в Чианг Саен можно полететь завтра с утра. Но лучше ей поехать туда автобусом. А пока можно переночевать — есть отель рядом с аэродромом.

Но Лена уже привыкла делать не то, что ей советовали. Главное — нарушить обычный порядок вещей. Она снова взяла такси — благо было недалеко от города, и отправилась в недолгое путешествие. Таксист спросил:

— В Боонбундан? «Рама» хотел?

— Нет, — сразу ответила Лена.

Таксист был удовлетворен.

— Боонянг, — сказал он. — «Вианг инн», правильно?

И Лена согласилась.

Таксист молчал, Лена смотрела в окно. Дорога шла между зеленых полей, на некоторых урожай был убран. В квадратах, залитых водой, стояли буйволы, на их спинах сидели изящные маленькие белые цапли, которые с грацией избалованных гурманов время от времени наклонялись, чтобы выклевать из шерсти червячка.

Город был средних размеров, но настоящий город, только куда более спокойный и мирный, чем Бангкок. Приятный город.

Дорога шла по берегу большого озера. Близился закат, солнце

опускалось за холмы. Лена увидела высокую пагоду — изящную и женственную. Она была самым экзотическим предметом в Чиангаре.

Никто не обращал внимания на такси, в котором ехала женщина из города Веревкина Тульской области, чтобы нанести удар по наркомафии — бред да и только! Ну кто в это поверит? Впрочем, эта самая наркомафия больше чем поверила. «Я правильно делаю, Коля?»

— Простите? — сказал таксист.

— Нет, это не вам, — сказала Лена.

Гостиница оказалась обыкновенной, современной, небогатой — и это было хорошо. За окном номера росли высокие пальмы, незнакомая золотистая с хохолком птичка сидела на подоконнике. Окно было открыто, и воздух был куда свежее и чище, чем в Бангкоке. «Господи, видела бы меня мамочка!»

На мостовой, на посыпанной красным гравием дорожке стояли три женщины в открытых сарафанах и разговаривали по-русски. Разговаривали громко, не стесняясь тайцев, и говорили, конечно же, о покупках, о том, что кожи настоящей здесь нет, а одну из них, Веронику, черненькую, худенькую, обхамил вчера один чернозадый, наверное, принял за проститутку.

Лена поймала себя на том, что замерла у окна, потеряла счет времени и ей интересно, кто что из женщин купил, какой у них паршивый гид, а сама Лина-люкс, видно, хозяйка фирмы, которая командовала поездкой, наживается бесстыдно на бедных бабах. А второй, толстой, веселой, хамоватой — Лена так и не поняла, как ее зовут, — хотелось поговорить о каком-то Севе, который обращает на нее внимание, но не в том смысле, как ей того бы хотелось, хотя их теперь могут похитить. Обе собеседницы возмутились, но не убедительно, видно, не возражали против похищения.

Значит, в отеле остановилась русская туристическая группа, которой не сиделось в Бангкоке и захотелось настоящей экзотики. И в этом нет ничего удивительного, потому что русские группы теперь шныряют по всему миру. Ничего удивительного, если забыть о погроме, который ее недруги устроили в Бангкоке. Она думала, что убежала от них, но если подумать трезво, а не быть паникующей курицей, то станет ясно, что найти блондинку из России ростом в метр семьдесят шесть сантиметров, худую, гладко причесанную, которая наверняка направляется на север и будет разыскивать плантации опиумного мака, легче легкого. Тем более если ты наркобарон с неограниченными средствами.

Ты можешь даже отправить из России туристическую группу

и внедрить в нее своего человека. Зачем одного? Всю группу составить из своих людей!

Лена отпрянула от окна — а вдруг они посмотрят наверх?

И тут же себя осадила. Она перебарщивает. Такие совпадения бывают только в романах.

Кто мог знать, что Лена отправится именно в эту гостиницу и именно сейчас? А они ведь приехали сюда раньше — туристы как туристы.

Впрочем, лучше всего спуститься вниз и познакомиться с ними.

Хорошо сказать себе это, но труднее в самом деле заставить себя взглянуть на соотечественников, среди которых может оказаться твой будущий убийца.

Может, отыскать автобус? Где останавливаются автобусы к Золотому треугольнику?

Лена знала, что Золотой треугольник — это городок Соб Руак, который лежит в том месте, где речка Мае Сай впадает в великий Меконг. К северу от речки начинаются холмы Бирмы, к востоку лежит Лаос, за спиной — Таиланд. Там правят наркобароны, богатейшие люди планеты, большей частью китайцы или шаны... А она даже не знает, как туда добираться.

Ничего не оставалось, как спуститься вниз. Спросить об автобусе или такси у портье. Сейчас уже вторая половина дня, неизвестно, как часто туда ходят автобусы.

Лена хотела бы переодеться, но она смогла лишь вымыться и постирать белье. Она повесила трусики и лифчик на перилах балкона. Русские женщины ушли. По улице шел самый настоящий слон. Ни он, ни прохожие не делали из этого сенсации. Ну слон, ну идет. Что такого? На слоне какая-то сбруя, а на сбруе сидит голый до пояса мужичок и погоняет слона бамбуковой палочкой.

Портье посмотрел на Лену скучными глазами человека, которому известны все тайны мира. Она не успела и рта открыть, как он, не меняя интонации — словно автоответчик в телефоне, — сообщил, что автобус на Соб Руак, куда госпоже, разумеется, хочется попасть, отходит утром, он едет через Чианг Саен, билет стоит тридцать пять бат, дорога занимает два часа, если не попадете в засаду — говорят, что спецчасти ловят какого-то бирманского бандита. А может быть, бирманский бандит сводит счеты со спецчастью — вы же знаете, какие они!

Лена подозревала, какие они. Она послушно кивнула. Ей не понравилось, что портье так быстро сообразил, куда она стремится. Сейчас надо спросить, а далеко ли оттуда до маковых полей, но Лене не хотелось показаться полной идиоткой.

— И много людей ездит в Соб Руак? — спросила Лена.

Портье сделал странный неопределенный знак рукой, и, проследив за движением его руки, Лена увидела четверых молодых людей в камуфляже, с рюкзачищами за плечами. Длинные космы спускались до плеч.

— Им, — сказал портье, — нужен героин, представляете?

Лена послушно кивнула.

— А вот этим, — портье показал на стайку американских бабушек с фиолетовыми волосиками, — нужна романтика. А вам?

— Я любопытная, — сказала Лена.

— По крайней мере честно, — ответил портье. — Но уверяю вас, что ничего, кроме сувенирных лавок и бирманских диссидентов, вы там не найдете.

— Не говорите, — вмешался молодой человек комсомольского вида, словно сошедший с плаката, который призывает на стройки коммунизма, а вовсе не в чащу наркотического леса, — не говорите так, я там был в прошлом году и могу гарантировать — впечатления незабываемые.

Он обращался к Лене, и она ничего не успела ответить, лишь сделала неуверенное движение, чтобы отойти в сторону, но от молодого человека так легко не отделаешься. Тем более что говорил он по-русски.

— Вася, — сказал он, — просто Вася. Родители наградили меня крестьянским именем, чтобы я сблизился с народом.

Вася откинул назад длинные волосы. Жест был отрепетированным и привычным. Он себя ценил и любил.

— Лена.

— Путешествуете одна или с супругом?

— Одна.

— И еще не решили, как добраться до Соб Руака? Вы романтик?

— Последний романтик, — сообщила Лена.

— Чудесно. Вы отважная русская девушка. Хотя среди землепроходцев не было дам, я отдаю вам сердце.

Глаза у него были очень светлые. Голубые прозрачные отмытые глаза. С плаката.

— А вы что здесь делаете? — спросила Лена.

— Лично я?

— Я поняла, что здесь целая группа.

— А я ее вождь, — сказал Вася.

Чистая белая футболка хорошо обтягивала его грудь, и видны были все детали его мышц.

— Вы — гид?

— Лицо, приближенное к самой Лине-люкс, вам что-нибудь говорит это имя?

— Ничего не говорит.

— Как насчет чашки кофе или бокала пива? Фирма платит.

И в самом деле не имело смысла стоять у стойки. Подходили люди, отель оказался оживленным — и куда только не забираются люди, чтобы увидеть нечто такое, чего дома им не дают!

Бар, в котором они пили прохладное пиво, был полутемным, под потолком, медленно, чуть поскрипывая, кружились громадные белые крылья фена, словно там за потолком скрывался пикирующий бомбардировщик старых времен.

К пиву подали соленые сандвичи, Лена вспомнила, что давно не ела.

Вася был журналистом, но решил повидать мир, пока свобода на Руси не рухнула окончательно. Вот и нанялся в туристическое бюро к мадам Лине, у которой есть голова на плечах и она знает, что за знания надо платить. Так что ему, Васе, удается посмотреть мир и даже при этом немного заработать. В последние полгода он осел в Таиланде, в Бангкоке, здесь оживленное место, сюда тянет «новых русских» на секс-туризм, а забота Васи заключается не только в том, чтобы показать Изумрудную пагоду или королевский двор и, уж конечно, не музей — он должен знать все о приличных и неприличных притонах для холостяков и стараться спасти соотечественников от заразы — уж чего-чего, а СПИДа здесь достаточно.

Вася говорил легко, ему нравилась Лена, он не скрывал этого и сразу начал ухаживать за ней, так как был уверен в себе и в том, что любая из туристок, пожелай он, бросится к нему в постель. Лена не стала с ним пока спорить, но у нее отлегло от сердца — весь ее опыт, вся интуиция подсказывали, что этот человек не следит за ней, что он не имеет никакого отношения к наркобизнесу — *он и есть тот, за кого себя выдает. Даже мышцы не настоящие, накачанные насосом.* Пустой номер, последыш комсомольского племени.

— Чего одна полетела? — После второго бокала пива он перешел на «ты». — Бабок куры не клюют?

— Я любознательная, — сказала Лена.

Он положил ей на руку пальцы с хорошо остриженными ногтями.

— Ты во всем любознательная?

— Разве угадаешь? — Лена улыбнулась. Она его не боялась.

— Значит, завтра едем вместе, — сказал он уверенно. — Полсотни батов сэкономишь, разве не дело? Камешек купишь. Я тебе скажу, где там покупать.

— А наркотики там продают?

— Непохоже, чтобы ты была на игле.

— А я не на игле. Но начитанная.

— Конечно, можно раздобыть. Но я не советую. Здесь с этим строго. Недавно одну австралийку взяли в аэропорту. Я фотографию видел — чудесная девушка, ей бы мужиков любить, зачем польстилась? Расстреляли. Чтобы другим неповадно было.

— Знаю, — сказала Лена. — По телевизору показывали. Сериал.

— Вот именно. Так что давай еще по стаканчику пива и отдыхать.

Он совершил неубедительное движение, словно ищет деньги, потом спохватился:

— Черт, кончилась мелочь, а крупные в сейфе. С собой не ношу.

— У меня есть, — быстро сказала Лена. Ей бы раньше догадаться.

Но зато теперь сомнений не оставалось — таких крохоборов ее враги держать не станут. Впрочем, почему она к нему так жестока? Он ее угостил, теперь ее очередь.

Они выпили еще по высокому бокалу, потом в бар пришли две женщины, из туристок, и с ними пьяный старикан, как объяснил Вася, бывший дипкурьер, который решил перед смертью поглядеть наконец на страны, в которых он многократно бывал, да все недосуг оглянуться — надо было денно и нощно беречь мешок с почтой.

Женщины были из тех, кто разговаривал под окном. Они вовсе не удивились появлению Лены — они уже всяких соотечественников нагляделись.

Лена сказалась уставшей, хотя было совсем не поздно, и попрощалась.

Вася туманно сказал:

— Увидимся, — чем Лену несколько встревожил.

Когда она выходила, то увидела, как в самом темном углу бара вспыхнула зажигалка — Лена напряглась, готовая бежать. Огонек осветил тайское лицо — скуластое, смуглое, с большими черными глазами. Человек внимательно смотрел на Лену, не обращая внимания на горящую зажигалку.

Лена не пошла в номер. Если кто-то следит за ней, он ждет, что она окажется одна.

Она заметила выход на веранду — в стороне от главных дверей. И быстро прошла туда. На веранде сидели люди, пили коктейли, в основном тайцы, но среди них было несколько европей-

цев. Лена старалась понять, следит кто-нибудь за ней или нет. И не поняла.

Вечерняя улица была красива. Солнце отражалось в мягкой невесомой пыли и заполняло красным светом весь этот мир. Белая пагода, что стояла неподалеку, казалась розовым зонтиком, воткнутым ручкой в землю.

Лена прошла к реке.

Она остановилась на покатом берегу — вода в реке была золотой, по ней медленно плыли лодки. Люди в них были неподвижны, словно вырезаны из черной бумаги. Воздух был очень теплым, но нежил, не обжигал.

На том берегу в дымке поднимались лиловые горы — может, это другая страна? И ей предстоит подниматься на одну из гор по узкой тропинке...

И тут как ударило: в сумке драгоценности. Предчувствие заставило прижать сумку к груди.

И вовремя.

Какой-то парень в майке и черных брюках — лица не успела разглядеть, да и плохо она отличала тайцев друг от друга — так сильно дернул к себе сумку, что Лена потеряла равновесие и чуть не грохнулась на землю.

Грабитель еще раз дернул — сильнее.

Он одолел Лену — сумка выскользнула из ее рук, и в пальцах осталась пустота.

Пока Лена пыталась понять, что случилось, грабитель уже успел отбежать на несколько метров и превратился в силуэт, подсвеченный солнцем. Он несся, как в кинофильме, — мелко и часто перебирая ногами.

Ощущение безнадежности охватило Лену — как ударило в сердце.

Сначала Николай, потом Боря... теперь ее очередь.

Лена не бежала, а шла за грабителем, с каждым шагом отставая.

Но некто другой побежал.

Лене хотелось подбодрить помощника — но ведь интеллигентные люди не кричат на улице?

Пускай догонит!

Два силуэта неслись на фоне оранжевого неба. Люди останавливались и смотрели вслед. Но никто, конечно же, не вмешивался.

Преследователь догнал вора. Его силуэт изогнулся над упавшим на землю силуэтом вора. На расстоянии не было видно — а что же с сумкой?

«Сейчас он возьмет мою сумку и уйдет», — подумала Лена.

Она не могла допустить, что эта жуткая история будет иметь хороший конец.

Но случился хороший конец.

Вася возвращался с сумкой в руке... Нет, это не Вася. Это тот человек, который следил за ней в баре.

Он был в черных брюках — здесь очень любили черные брюки — и в рубашке военного вида защитного цвета.

Немолод. Впрочем, и в возрасте Лена не была уверена. Он был ниже ее ростом, но это не ощущалось, потому что таец был строен, широколиц и держался прямо — Лена сразу подумала, что он, вернее всего, военный.

Он протянул Лене сумку.

Господи, бывает же в жизни везение.

— Ой, спасибо, — сказала она, и голос ее прервался от накопившихся в глотке слез.

— Не расстраивайтесь, — сказал военный. У него был птичий говор, его английский было трудно понимать. — У нас много воров. Но я рад.

— Почему? — Лена держала сумку обеими руками.

— Я рад, что этот инцидент дал мне возможность познакомиться с вами.

Черт знает что — надо его осадить, этих тайцев следует осаживать, иначе они тебя посчитают за проститутку. Но как можно осадить этого сержанта?

— Спасибо, — сказала Лена.

— Вас проводить в гостиницу?

— Мне нравится здесь, — сказала Лена. — Здесь очень красивый закат.

— О да, — согласился сержант, — здесь очень красивые закаты. Вы туристка? Вы едете в Золотой треугольник?

— Как вы догадались?

— Вы из России?

— Да.

— Наши парни в прошлом веке учились в русских военных училищах, — неожиданно сообщил сержант.

— Я читала об этом, — сказала Лена.

— Вы знаете об этом?

— Я учительница в школе.

Она не стала говорить, что преподает физкультуру.

— Я бы не сказал. — Сержант улыбнулся — у него были хорошие настоящие зубы. Странно для мужика в сорок лет. — Я бы сказал, что вы фотомодель.

Лена расстроилась. Немного, но расстроилась. Она была обя-

зана этому сержанту спасением своей жизни, а оказывается, он решил ухаживать за ней.

— Я смотрел на вас в баре, — сказал сержант. — Вы отстали от группы?

— Почему вы так думаете?

— Группа приехала вчера, а вы сегодня. Но вы знакомы с мистером Нестеренко.

— Кто это такой?

— Базиль, ваш гид. Я его знаю.

— Нет, я не с этой группой, — призналась Лена. Благо сержант всегда может узнать правду. — Но я завтра поеду с ними на автобусе.

— В Соб Руак? — спросил сержант.

— Конечно. Ведь там Золотой треугольник?

— В Соб Руаке туристы и лавочки сувениров. Это не настоящее место — это Голливуд.

— Голливуд?

— Много декораций. Фанера.

— А есть другое место?

— Есть лучше места. Мае Сай. Я туда еду завтра в семь утра.

— Это далеко?

— Это недалеко, но немного в другую сторону. Если вы хотите, я вам все покажу. Там есть школа слонов. Вы знаете, как долго учат слонов?

— А почему все туристы едут в Соб Руак?

— Там удобства, там сувениры. Разве не понятно? Там можно подвести к речке и показать пальцем — вон страшные военные вожди! Они никого не боятся, они выращивают мак и продают героин.

— А на самом деле?

— Если вы хотите, я вас возьму в Мае Сай, и вы побываете в Бирме.

— А разве можно?

— Если очень попросить, то можно.

Лена опомнилась — они стояли на открытом месте, люди, проходя, смотрели на них. Солнце село, и все вокруг стало синим. Только бесцветное зеркало реки, казалось, источало собственный свет.

— Пора в гостиницу, — сказала Лена.

— Будьте осторожны, — сказал сержант, — здесь очень много воров.

— Как вас зовут? — спросила Лена.

— Наронг, — ответил сержант. — А вас? Елена?

— Вы знаете?

— Я за вами слежу. Вы мне нравитесь, — сказал сержант.

— Спасибо за помощь, — сказала Лена. — Вы меня спасли.

— Я рад, что мог вам помочь. Значит, вы запомнили? Семь часов. У меня джип, ничего особенного. Но доедем быстро.

— Спасибо, — сказала Лена и решила, что ни за что в жизни не воспользуется приглашением сержанта.

Сержант прошел в гостиницу следом за ней и скрылся в баре.

Лена поднялась к себе.

Она положила сумку на кровать. Какая красивая, какая чудесная сумка! Лена пошла в душ и нежилась там полчаса, не меньше. По крайней мере, Вася уверял потом, что стучался и не смог добиться ответа. Сумку Лена повесила на гвоздь в душе, чтобы не спускать с нее глаз.

Вася заявился снова, как только Лена покинула душ. К счастью, у нее был с собой халатик.

Она вышла из душа, вытирая волосы и потому покрытая полотенцем, как греческая плакальщица. Не сразу увидела, что в уютном кресле устроился красавец мужчина.

— Не запахивай халатик! — взмолился он. — Ты хороша под ним сказочно.

Лена кинула в него полотенце, она не хотела, чтобы это получилось игриво.

— Не суетись, — сказал он. — Я приду к тебе позже, а сейчас я хочу пригласить тебя.

— Куда?

— Ты совершенно незнакома с местной ночной жизнью. Мы с тобой пойдем в ночной клуб. Ты танцуешь? Конечно же, ты танцуешь!

— Я не танцую.

— Ну не могу же я прямо сейчас заваливать тебя на койку без красивых слов и объятий!

— Но с чего ты решил, что я этого хочу?

— Не хотела бы — сидела бы дома, — рассудительно ответил комсомольский вождь.

— Уйди, пожалуйста, — попросила она. — Ей-богу, спать хочется.

— Со мной?

— Без тебя.

— Может, ты нашла мужика получше?

— Что ты имеешь в виду?

— Местного бандита. Я видел, как вы по берегу гуляли. Но я бы на твоем месте был с ним поосторожнее. Мне его морда зна-

кома. Точно знаю — где-то я его видел. Убьет — костей не соберете.

— Он меня не испугал.

— Знаешь, что сказал паук маленькой мушке? Он сказал ей добро пожаловать в мою спаленку. Это английская поговорка.

— А чем ты лучше? — спросила Лена.

— Я лучше. Я, так сказать, русскоязычный бабник. Я не болен СПИДом.

Руки его никак не могли успокоиться, пальцы ну просто метались над коленками. Он был не уверен в себе.

— Иди в бар или в какой хочешь ночной клуб. Я сплю.

— Я везу тебя бесплатно на автобусе.

— Я заплачу тебе, зайчик, — сказала Лена.

В ее «зайчике» не было ничего ласкового.

— Хорошо. — Вася попытался сделать хорошую мину. — Я пойду погуляю, только умоляю — не запирай дверь. А то мне придется перебудить всю гостиницу.

— И не надо будить.

Вася был раздражен. Он легко краснел.

Он поднялся.

— Не надо меня обижать, — сказал он высоким голосом. — Родина далеко, Родина не услышит. Подумай, на что ты нарываешься, Елена.

Лена легонько подтолкнула его к двери.

Он показал на замок.

Лена заперла дверь. Конечно, он может завтра отомстить. Не возьмет ее на автобус. Но если за ней здесь следят, то, конечно же, они знают, что она собирается ехать на автобусе. А она... она поедет с сержантом. Если выбирать из двух зол... Впрочем, сержант пока злым себя не показал. Ведь не случайный же воришка напал на нее у реки. А если бы сержант был один из них — какого черта он возвратил ей сумку?

Она рискует? Она рискует здесь все время, каждую секунду. Она ведь не живая. Ей только кажется, что она живая. Она — рыба-кета, которая должна метать икру, а там — что будет.

Лена все это понимала умом, но ее молодое и вполне жизнеспособное тело категорически возражало.

Она легла спать в трусиках, лифчике и халате. Она не хотела рисковать — хотя разве это помогает?

Окно было открыто — в этой гостинице без кондиционирования можно было и умереть.

Лена осторожно выглянула наружу — выключила свет и выглянула. Узкий балкон примыкал к ее комнате, под ним был обрыв — в три этажа.

Лена легла и думала, что не заснет. Она подумала, что сумке под подушкой быть плохо — сразу догадаются, если придут.

А куда еще положить?

Под шкаф?

На шкаф! На шкаф они полезут потом, когда остальное проверят.

Фен под потолком скрипел как астматик — с придыханием и шумом.

Она не подумала, не догадалась, что узкий балкон, который тянется перед ее номером, продолжается и перед прочими номерами на этом этаже. Надо бы догадаться.

И только она задремала — а ведь задремала, — как почувствовала, что в комнате кто-то есть. Сначала она замерла. Может, показалось? Но, приоткрыв глаза, увидела, как некто влезает в комнату с балкона. Это был мужчина. Надо позвонить портье. Или бежать к двери. Но дверь заперта. Секундное колебание все погубило.

Мужчина, горячий и потный, уже сорвал с нее простынку и попытался навалиться на нее, закрывая губами ее губы, прижимая их, придавливая руки — будто был опытен в насилии... А Лена сдуру возрадовалась, что это всего-навсего насильник, а не убийца и не грабитель.

Он оторвал на секунду губы и зашептал:

— Миленькая, дорогая, только не кричи, только не кричи, ты же будешь рада, ты получишь радость!

— Вася! — Спохватившись и сообразив, она стала сильнее и попыталась повернуться так, чтобы спихнуть его с постели, и ему пришлось все силы кинуть на то, чтобы остаться на кровати, которая отчаянно скрипела и даже визжала, недовольная тем, как обращаются с ее хозяйкой. — Вася, не смей! Уйди, да уйди же!

Господи, как слабы резервы защиты у женщины, пойманной в кровати!

А он уговаривает! Он грозит. И грозит по делу.

— Ты только не кричи, ты закричишь — все, тебе в этой гостинице не жить. Ты думаешь, кто-нибудь меня обвинит? Да никто! Даже наши, туристы, тебя обсуждать будут. Полный позор, понимаешь?

Он даже перестал ее тискать, так загорелся ораторским порывом. Она воспользовалась этим, чтобы еще более нарушить равновесие и столкнуть его с кровати.

Он рухнул на пол и грязно выругался. Но при этом захихикал, будто они играли и он пропустил мячик в ворота.

Лена спрыгнула с постели и кинулась к двери.

Он недооценил ее. Они все ее недооценивают. Она же профессиональная спортсменка, вице-чемпионка Союза среди девушек по многоборью. Это значит, что она может перебегать, перепрыгать и переплавать подавляющее большинство мужчин на этой планете.

В два прыжка Лена достигла двери, стала поворачивать ключ, но Вася тоже был не из слабеньких — он рванулся за ней, настиг ее и потянул к себе. Он ругался и царапался, все более возбуждаясь от этой борьбы.

— Я тебя... я тебя... — бормотал он. — Я тебя! — объяснял вкратце, что он с ней сделает.

Все же ей удалось открыть дверь, дверь открывалась внутрь, и от этого ей было еще труднее, но, правда, Вася помог, потому что отрывал ее от двери, то есть помогал ее открыть.

Вдруг он сделал очень больно — ударил ее по шее, наверно, ребром ладони: забыл, что он мужчина, а она всего-навсего женщина, которую он полюбил.

Она начала лягаться, стараясь попасть ему пяткой в коленку. Он тянул ее назад и повторял:

— Только не кричи... не кричи, погибнешь, сука!

Она поняла, что ей не выбраться — он затаскивал ее обратно, но тут из яркого света, бьющего из коридора, возник еще один человек.

Он был черный, вернее, темный — силуэт против света.

Он подхватил Лену под мышки и легко приподнял ее вместе с прилепившимся к ней, как рыба-лоцман, Васей, и когда физиономия Васи появилась на свету, человек в дверях коротким и, видно, болезненным ударом своротил Васе челюсть. Вася охнул, совсем по-детски, и упал внутрь комнаты.

Лена встала, прислонилась к стене.

Ее спаситель оказался тайским солдатом, крупным словно европеец, скорее толстым и, главное, очень могучим.

Его мундир был обшит нашивками и увешан значками.

— Вери гуд, — сообщил он Лене.

— Спасибо, — сказала Лена.

Солдат подхватил бесчувственного Васю под мышки и потащил его по коридору. На ходу он сказал ей:

— Спать, спать, спать хорошо, больше не придет. Я буду тут стоять.

Лена подчинилась. Она закрыла дверь. Она поняла, без со-

мнения, что солдата поставил у ее дверей сержант Наронг. За что ему большое спасибо.

И не будет сержант Наронг нападать на нее по ночам, как пошлый Вася. Здесь встречаются благородные мужчины.

И с такой счастливой мыслью она заснула.

Проснулась почти сразу — так ей показалось.

В комнате было полутемно: горел ночник перед кроватью — она его не выключила или кто-то его включил?

В приоткрытой двери в желтой подсветке маячил силуэт солдата, при всем параде, даже в каске.

— Госпожа, — громко прошептал он. — Время.

Он выговаривал эти слова, словно вызубрил вечером и боялся забыть.

Лена посмотрела на часы.

Половина седьмого. Ей надо сделать выбор — на автобусе с соотечественниками в известный всему человечеству «Центр Золотого треугольника» или с иноземным сержантом, тоже, разумеется, небескорыстным, от которого так легко, как от Васи, не отделаешься — у сержанта небось целый взвод под началом.

Но Наронг уже доказал, что способен ее защитить, а Вася не только не доказал, но и не докажет.

Если за ней следят, а за ней следят, то в семь утра они будут спать и не обратят внимания на сержанта. А вот в русский туристический автобус заглянут обязательно.

Видно, подсознательно Лена уже ночью приняла решение, потому что солдат еще не успел закончить свою краткую речь, как она побежала в гулкий, обширный, облицованный розовой плиткой туалет и пустила воду в душе. Когда еще удастся помыться горячей водой!

Лена быстро привела себя в порядок. Со времен спортивного детства она знала, как плохо последней подняться в ожидающий автобус, когда именно на тебя выплеснется утреннее раздражение.

Когда она вернулась в номер, солдат все еще стоял в полуоткрытых дверях, и Лена сразу выставила его в коридор.

Проверив, что дверь закрыта как следует, она сняла со шкафа пластиковый пакет с заветным зельем и записками Николая. Сунула на дно сумки, затем переоделась — третьей смены белья не будет. Надо вечером постирать.

Сумка была тугой — хоть и мало в ней вещей, но ведь чемодана нет. Лена взяла сумку и взглянула на балкон. Ей показалось, что некто, возможно, Вася, нет, скорее вчерашний грабитель,

метнулся в сторону — значит, подглядывал. А может, показалось? Лучше бы показалось.

Лена вышла в коридор. Солдат улыбнулся ей, как долгожданной приятельнице. Она была чуть выше его ростом.

Солдат показал ей, куда идти, сам пошел сзади.

Но ни у лифта, ни у главной лестницы не остановился, подтолкнул Лену дальше, к винтовой лестнице, служебной, узкой, железной.

Они спустились куда-то в тартарары, по крайней мере у Лены было ощущение бесконечного кружения по серым ступенькам. Кое-где по стенам горели маленькие лампочки, забранные в сетки. Потом они прошли через пустой склад, сквозь строй ящиков и мешков, никто их не окликнул и не заметил.

Летучая мышь сорвалась с потолка и понеслась, суматошно ударяясь о стены, к выходу, будто спеша предупредить там, впереди, что идет Лена.

Они оказались на задворках гостиницы, солдат не закрыл за собой дверь. Он обогнал Лену, будто убедился в том, что она не убежит, и пошел впереди, сквозь непроницаемый в полумраке рассвета строй кустов.

Лена пошла за ним, кусты хватали за платье, за волосы, но через несколько метров кусты кончились, и они оказались на асфальтовой дороге, где стоял открытый джип, не то чтобы военного образца, но довольно старый. Сержант Наронг стоял возле него и курил длинную тонкую сигару. Он был в мундире — куртке и фуражке и форменных брюках, ботинки начищены.

— Вы быстро собрались, — сказал он негромко, как бы поощряя дрессированного медведя конфеткой.

— Я привыкла.

— Тогда поехали, — сказал сержант, показал ей место сзади, сам сел рядом. Солдат, который охранял Лену, сел за руль. Но никуда они не двинулись. И ясно почему — через несколько секунд из кустов выскочил еще один солдат, он нес два термоса и картонную коробку. Он положил добро в багажник, а сам сел рядом с первым солдатом.

Сержант больше ничего не сказал, солдаты и без него знали, куда ехать. Так как Наронг молчал и солдаты молчали, Лена тоже молчала. И даже хорошо было молчать и чувствовать, что ничего тебе не угрожает, а у солдат есть автоматы.

По сторонам дороги росли кактусы — изгороди кактусов, за ними бамбук. Сначала дорога была покрыта асфальтом и казалась темно-лиловой, потом джип съехал на грунтовую дорогу, и сзади джипа возникли почти непроницаемые клубы пыли, их

пронзали горизонтальные лучи утреннего солнца, и где-то в пыли отчаянно брехали местные собаки — голоса у них были как у наших.

— Надо заехать в одно место, — сказал сержант.

Он дремал, повернув лицо к солнцу, и оно казалось бронзовым. Фуражка лежала на коленях.

Они въехали в деревню или поселок, джип затормозил у длинного одноэтажного дома, скрытого высокими деревьями с кронами, как у рыжиков. Сержант в сопровождении одного из солдат быстро зашагал к тому дому. Он не успел подняться на крыльцо, как из дома выскочили несколько военных в небольших, видно, чинах, которые вытянулись при виде сержанта.

Тот прошел в дом, лишь кивнув им, а военные задержались еще на секунду или две, разглядывая Лену.

И тут Лене пришла в голову мысль, что он нарочно приехал в свою часть, чтобы товарищи по оружию увидели, какая красивая женщина поднимается ради Наронга на рассвете.

— Наронг хороший? — решила она спросить у шофера.

Ее старый знакомый сверкнул зубами и согласился.

Тут солдат показал, как сержант умеет стрелять из автомата, и сам обрадовался, как это у него получилось.

Господин хороший сержант вышел из дома минут через десять. За ним — военные. Они уже не глядели на Лену, и она подумала, что им за что-то влетело.

Наронг сел на свое место и сообщил:

— Все. Дела закончены. Можно говорить.

Солнце быстро поднималось вверх, запели многочисленные птицы, большие летучие мыши пронеслись прятаться в чащу леса. Справа была видна река, за ней — голубые холмы.

Лена повернулась к сержанту, ожидая, о чем же он будет говорить. Он заговорил об истории.

— Мы, тайцы, — сказал он, — пришли сюда почти тысячу лет назад. До нас здесь жили моны, у них было государство Дваравати. Великое государство Дваравати.

— А где вы жили? — спросила Лена.

— Мы жили в горах, мы жили в Сычуани. Мы покорили эти места. Вы знаете, что мы никогда не были ничьей колонией? Никто нас не смог победить, а наши короли были очень умные, они все обещали всем, а ничего никому не дали.

Тут сержант рассмеялся. И добавил:

— Хорошая женщина тоже должна обещать. И ничего не давать.

Снова пошел асфальт, машину мягко покачивало, Лену стало

клонить в сон. Сержант говорил ровным, спокойным голосом, как проповедник, который приезжал в Веревкин то ли из Москвы, то ли из Нью-Йорка.

Возможно, Лена заснула, но ненадолго. Когда сержант повысил голос, она сразу проснулась.

— Вам скучно? — спросил сержант.

— Нет, мне очень интересно. Только я плохо говорю по-английски и не все понимаю.

— А я учился в Австралии, — сказал сержант. — У нас есть университет, но нет хорошего военного образования. Мне так хотелось получить хорошее образование, и я уехал в Австралию. По обмену. К нам приезжают изучать буддизм, а мы учимся стрелять из пушек.

Сравнение развеселило сержанта.

— А вы учились? — спросил он, отсмеявшись.

— Я вам говорила, что я учительница.

— У вас есть муж?

— Мой муж умер. Погиб.

— На войне? В Афганистане?

— Нет, на работе. На него напали грабители.

— Он был полицейским?

— Нет, ученым.

Сержант не поверил, но не стал спорить, а принялся рассказывать о том, что раньше русских здесь не было и он знал только, что они победили Гитлера под Сталинградом, но потом много русских стало сюда приезжать, и у них, русских, свои сложные проблемы, среди них много преступников и даже наркоманов, знает ли Елена об этом?

Елена об этом знала.

Сержант оказался разговорчив, страшно начитан, по утрам читал газеты. Эта мысль Лены получила подтверждение в каком-то городке, который они проезжали через полчаса. Без приказания солдат подрулил к лавке, в которой торговали всем на свете, крикнул в полутьму лавки, и через полминуты оттуда выскочил хозяин, держа в руке тугой рулон газет. Джип тут же рванулся с места, и сержант принялся шуршать газетами.

Стало жарко. Лене еще не приходилось ездить по Таиланду без кондиционера и прочих удобств. Очевидно, осенью — не самые жаркие месяцы, но даже быстрая езда не спасала, так как горячий и пыльный воздух высушивал носоглотку, к тому же злые слепни или похожие на них хищники преодолевали поток воздуха, чтобы вонзить свои злобные жала в несчастную женщину.

Не прекращая читать, сержант вдруг спросил

— У вас здесь враги?

— Почему вы так решили?

— На вас нападали.

— Сегодня ночью?

Сержант не ответил.

— Это мой соотечественник. Я ему понравилась. Он хотел большего, чем я способна была ему предложить.

Лена не была уверена, что правильно выразила свою мысль по-английски, но вроде бы сержант понял — он замолк и снова принялся шуршать газетами.

Лена понимала, что этот разговор не закончен. Ведь недаром он поставил ночью солдата перед ее дверью.

— Кстати, — сказал сержант, — молодой человек, который напал на вас на берегу...

— Вор?

— Он не вор. Он из окружения генерала Лю.

— Что это значит? — Лена напряглась. И этот сержант тоже охотится за ее секретами?

— У генерала Лю очень большая сила, — сказал сержант. — Он очень важный человек. Большой человек. Он делает героин. Вот я и подумал — приехала одинокая молодая женщина, не хочет ехать к границе вместе со своими друзьями из Москвы. Хочет ехать с моим ничтожеством. На нее нападает сам Маун Джо, приемный сын генерала Лю. Очень много чести для туристки. Как вы думаете?

Лена многое думала об этой ситуации, но не собиралась делиться своими думами с тайским сержантом, который тоже вроде бы знает больше, чем ему положено.

Солдат впереди что-то сказал.

Лена увидела, что холмы разошлись и показался город. Так как дорога сбегала к нему покато, то он открылся зеленой панорамой, очерченной вдали широким простором Меконга — Лена уже узнавала его. Город когда-то был крепостью — были видны ров и остатки стен. Из зелени поднимались белые пальцы пагод, а одна, старая, похожая на пирамиду, встретила их у въезда в город.

— Это Чианг Саен, — сказал сержант. — Здесь мы повернем на запад. Хорошо?

— Отлично.

— У меня тут дела. Подождите меня в гостинице, в «Чианг Саен», на веранде. Попрошу не отлучаться.

Сержант был предусмотрителен, он поговорил с прибежавшим встретить его портье, и тот провел Лену в номер, где она смогла умыться с дороги.

Мужчина должен быть заботлив.

«Постираю все вечером, — подумала она. — Чего сейчас мокрое белье в сумке везти?»

Она сидела на веранде, громадные пышные деревья окружали ее, и между стволов был виден Меконг. Было относительно прохладно. Не спросив Лену, ей принесли высокий стакан, до половины набитый льдышками и наполненный подслащенным лимонным соком. Чудесно.

Ждать пришлось долго. Лена изгнала из головы все мысли, просто смотрела на реку. Она была как машина, которую надо включить. Она ждала, когда нажмут на кнопку.

Сержант Наронг пришел через два часа. Он даже не извинился.

— Я вымоюсь, — сказал он, — у нас в номере Потом мы будем обедать. После обеда поедем дальше.

Шел одиннадцатый час утра. Обедом поздний завтрак можно было назвать лишь с большой натяжкой.

Еду им подали на веранде. Наронг был спокоен и предупредителен.

Лена подумала, что он оговорился, сказав — наш номер, или в самом деле снял на несколько часов один номер на всех? И ничего дурного в виду не имел.

Когда обед был в самом разгаре — а он состоял из рыбных блюд — может, в Меконге водились такие крабы и креветки? — к гостинице подъехал пыльный автобус. Из него вывалились русские туристы. Злые, потные, усталые. Конечно же, пока что они едут по одной дороге.

— Наши пути разойдутся через несколько миль. — Наронг угадал ее мысли.

Лена смотрела на своих без всяких чувств, она даже не сообразила, что они тоже ее видят.

Вася удивился, посмотрев на веранду. Женщины зашептались.

— Приятная встреча? — спросил сержант.

— Нет, — сказала Лена.

— Они вам не причинят вреда.

— А я их и не боюсь.

— Даже гида?

Вася отвел глаза и быстро прошел в гостиницу.

Конечно, лучше бы их не встречать. Они могут сообщить куда надо.

— Хотите, мы им устроим дорожное происшествие? — спросил сержант. — Ничего страшного, но они никуда сегодня не доедут.

— Разве это что-нибудь изменит?

Сержант посмотрел на нее с искренним сочувствием, она уже была его знакомой, не чужой.

— Ваши дела так плохи? — спросил он. И, не дождавшись ответа, продолжил: — Я осмотрел вашу сумку. И удивился. Ни одного адреса, ни денег — ничего интересного. Где вы храните ваши тайны?

Лена боролась с желанием тут же самой залезть в сумку и посмотреть, все ли на месте. И сержант, который умел угадывать ее мысли, сказал:

— Конечно, я ничего не взял. Это не в моих правилах.

Тогда Лена сказала:

— Может быть, пора ехать дальше?

— Почему?

— Я бы скорее доехала на автобусе.

— Вы бы никуда не доехали на автобусе, — уверенно ответил сержант.

У джипа Лене пришлось подождать своего спутника, который имел обыкновение исчезать без объяснений. Солдаты ждали его безропотно — такая у них служба.

Лена отошла в тень, к кустам, завидев большую оранжевую орхидею, пылающую на фоне темного ствола.

Вася выскочил будто из-под земли.

— Не убегай, — прошептал он. — Я только хотел тебя предупредить.

Он стоял так, чтобы солдаты возле джипа его не заметили.

— О чем предупредить? — спросила Лена.

— Ты попала в ужасную ловушку.

— А тебе какое дело?

— Я здесь несу ответственность за всех российских граждан, — сказал Вася совершенно серьезно. — Не забывай, что у тебя есть Родина. А то некоторые наши соотечественники быстро об этом забывают, и это плохо кончается.

— Странно это слышать от тебя, — сказала Лена.

Страха не было — два шага, и солдаты увидят ее; да что шагать — достаточно повысить голос Вася понимал это и продолжал горячо шептать:

— То, что разрешено между нами, русскими, совершенно запрещено с гражданами другой страны. Тем более с такими. Я боюсь за твою жизнь.

— Почему это вдруг?

— Да ты знаешь, с кем ты пьешь пиво и разъезжаешь в машине?

— Ума не приложу. Он какой-то военный. Он мне помог.

— Идиотка! Это сам полковник Наронг! Поняла?

— А я думала, что он сержант.

— Это заместитель начальника разведки Таиланда, который осуществляет контроль над наркотиками.

— Мне повезло.

— Кончай паясничать. Ты погибнешь! Ты не знаешь, какая у него репутация! Это убийца и садист. Нет преступления, которое он бы не совершил.

Сержант, а теперь полковник Наронг, который незаметно подошел совсем близко, спросил:

— Это русский язык? Это очень красивый язык. Я жалею, что не выучил его.

— Я — гид туристической фирмы, — сказал Вася и достал из верхнего кармана рубашки визитную карточку. — Я привез сюда группу.

— Мне все известно, — сказал полковник с мягким акцентом. — Мне известно, какой вы гид и какую должность исполняете в русском посольстве. А сейчас вы, если не ошибаюсь, предупреждали госпожу Лену, что я — изверг. Я угадал?

— Я не говорю о политике, — сказал Вася. — Мне нужно было только узнать, где наша гражданка будет находиться в ближайшие дни. Наше посольство настойчиво требует информации о наших соотечественниках в Таиланде.

— Очень приятно. Я также забочусь о безопасности иностранцев. Пошли, Елена?

Лена пошла за ним, не оглянувшись на Васю. Тот молчал. Она спиной чувствовала его злой взгляд. Ну вот, теперь Аскольд и его друзья точно будут знать, где ее искать. Впрочем, она ведь не сказала, куда едет. А он не успел спросить.

— Ты не сказала, куда едешь? — спросил Наронг.

— Нет. — Вот и опять он угадал ее мысли.

— Тогда поехали.

Джип рванул с места, и путешествие продолжалось.

Теперь дорога шла по берегу Меконга. Жара разгулялась самая настоящая. Вот они — тропики!

Некоторое время полковник молчал. Вот теперь придется привыкать к тому, что ее милый сержант оказался полковником, садистом и еще начальником какой-то разведки. Впрочем, видно, судьба ее ведет — если кто-то сможет ей помочь, то это, конечно же, Наронг.

— Далеко еще ехать? — спросила она.

— Через час будем на месте.

И в самом деле, через час джип подкатил к очередной стайке

бунгало, но над ними поднимались лесистые горы и не было привычного Меконга.

Воздух был свежее, пыль пропала, гестхауз назывался «Чад», на этот раз полковник оставил с ней одного из солдат, который и занялся устройством в гостинице.

Лене досталось бунгало — деревянный ящик на невысоких сваях, с собственной верандой. В бунгало было несколько комнат, солдат показал ей ее комнату, еще одна досталась полковнику.

Воздух в Мае Сай был свежее, чем в долине, холмы подступали совсем близко и были затянуты дымкой. Полковник сказал, что там — Бирма. Там еще идет гражданская война, о чем Лена и без него знала.

— У тебя есть деньги? — спросил он.

— Есть.

В английском языке нет разницы между «вы» и «ты», но для себя Лена поняла, что с этого момента полковник с ней на «ты».

— Солдат проводит тебя по лавкам. Это интересно. Через границу не ходи.

Солдат не столько должен был ее охранять, сколько присматривать за ней. Но Лена была на это согласна — пускай будет охрана. Ей надо осмотреться.

Солдата звали Сени. Это он прогнал Васю ночью. Он все время улыбался. Глуповато, конечно, но хотелось думать, что искренне.

Лена попросила времени, чтобы привести себя в порядок. Сени ждал ее на ступеньках коттеджа, по-местному бунгало. Он что-то негромко напевал, и от этого было спокойно.

Лена включила душ, заодно выстирала быстренько белье. ведь что будет дальше — неизвестно, пускай высохнет.

Сени повел ее по улице, в центре покрытой асфальтом, но тротуаров там не было — просто вытоптанные обочины.

Прохожие смотрели на нее с удивлением, даже с опаской — высокая белая женщина, не похожая на туристку, шла под охраной солдата. Значит, что-то неладно.

На центральной улице было множество лавок, большей частью небольших. Владельцы лавок сидели в тени, как в норах, курили, иногда болтали, но прохожих не зазывали.

По улице ходили не только тайцы, но и иностранцы — Лена уже угадывала их. Некоторые были в длинных до земли юбках — оказалось, как объяснил Сени, это бирманцы, другие были в синих широких штанах, головы обмотаны полотенцами — шаны. Но больше всего было людей в различного рода военной и полу-

военной одежде. Здесь пролегала неспокойная граница, и камуфляжные костюмы были самым надежным криком моды.

Сени показал Лене, куда ей надо зайти.

Это был нефритовый магазин. Сотни зеленых, розовых, опаловых фигурок стояли рядами на полках. Это было очень скучно, к тому же Лене не хотелось покупать нефритового слоника.

— Я хочу посмотреть на Бирму, — сказала Лена.

— Господин полковник может сводить вас туда, а я не могу.

— Потому что простой солдат?

Сени вдруг обиделся.

— Я не простой солдат, — сказал он, — я лейтенант. Я адъютант туана полковника.

— Я не хотела тебя обидеть, Сени, — сказала Лена. — Я ничего не понимаю в ваших погонах.

Сени дулся недолго и повел ее к мосту через небольшую быструю речку. По мосту ходили тайцы, бирманцы... У того края моста стояли несколько бирманских пограничников, кое-кого они пропускали не глядя, других начинали расспрашивать.

«Я должна туда попасть, — сказала про себя Лена и посмотрела на речку. Речка была горной и мутной, пожалуй, не переплывешь. — Ничего, осталось два шага, и я их сделаю».

Она запустила руку в сумку — что же так давно не проверяла? — пакет с бутылочками и бумагами лежал там. Полковник и в самом деле проверил, но брать ничего не стал.

Они пошли обратно. Жара стояла дикая, хоть и не такая влажная, как в Бангкоке. Они снова миновали торговую улицу. У одной из лавочек утиным выводком стояли русские туристы. Они повернули головы, следя за Леной, но никто ни слова не сказал. Впрочем, она и не успела обзавестись среди них знакомыми.

Вася выскочил из магазина и, увидев Сени, не посмел погнаться за Леной. Только крикнул вслед:

— Елена, ты сильно рискуешь! Еще не поздно вернуться! В ином случае я снимаю с себя ответственность!

Елена обернулась. Туристки — группа почему-то была женская, Лена только сейчас догадалась — согласно кивали. Они вспомнили советские времена и предателей Родины. Лена была предательницей Родины.

— Что они говорят? — спросил Сени. Почему-то он решил, что Вася был не одинок в своем осуждении.

— Они советуют мне вернуться. Они за меня боятся, — осторожно ответила Лена.

— Он тебе говорил, что туан полковник — бандит? — И Сени засмеялся, уверенный в том, что Вася именно так и говорил.

— А разве кто-то так думает?

— Разные люди думают, — ответил Сени. — Господин туан очень много может и много знает. Он будет маршалом.

— Мне повезло, что я его встретила.

— Если ты будешь хорошо себя вести, то повезло.

— Разве я могу себя плохо вести?

— Господин туан не знает. Он не знает, чего тебе нужно. И я не знаю тоже. Я бы не стал выбирать себе такую женщину.

— Судьба, — сказала Лена.

— Судьба, — повторил Сени.

Каждый из них имел в виду свое.

— Жалко, что ты ничего не купила, — сказал Сени, когда они вернулись в бунгало.

— Почему?

— Туан приказал мне платить за все. Но я сэкономил деньги туана.

Эта мысль окончательно развеселила Сени.

Он сообщил Лене, что вернется через десять минут, и велел никуда не убегать. Лена обещала.

Как только он ушел, Лене стало не по себе.

Казалось бы, день еще не завершился, рядом дорога, по ней проезжают машины, сбоку большая веранда — там звенят ножами и вилками, слышны голоса — накрывают к вечеру столы. Солнце пробивает листву горячими лучами... Все равно страшно. Особенно сейчас, в шаге от цели. Скорее бы приходил Сени, а еще лучше — полковник.

Но пришел Аскольд.

Он вошел с веранды, он был спокоен.

— Здравствуй, Лена, — сказал он, — давно не виделись.

Здесь, в Таиланде, его глаза были к месту — здесь много своих тигров. Аскольд загорел — наверное, был в отпуске. Одет он был легко и элегантно. Видный мужчина.

— Здравствуйте, — сказала Лена.

— У нас немного времени, — холодно произнес Аскольд. — Так что без околичностей. Я прошу тебя отказаться от своей глупой затеи и отправиться домой. Немедленно.

— Садитесь, — сказала Лена. Она старалась показать, что не испугалась, а на самом деле страшно перепугалась. Ведь он может свободно убить ее и тут же уйти — в лес, в горы. Ну кто его найдет, если у него все наркобароны в друзьях?

— Спасибо, я постою, — сказал Аскольд и быстро оглянулся. Значит, не совсем уверен в себе.

— Я ничего не замышляла, — сказала Лена.

— Ты прилетела сюда, чтобы испытать опытный образец поппифага. Видишь, от меня нет секретов. Ты надеешься, что это средство погубит посевы мака и в мире наступит благодать.

— Я так не думаю.

Но он ее не слушал.

— Ты решила, что я связан с наркотиками, — сказал Аскольд. — Я могу дать тебе честное слово офицера и гражданина, что я борюсь с наркотиками, с наркомафией. Это моя работа, это мой долг.

— Тогда почему вы с ними?

— Я понимаю, что тебе хочется отомстить этим подонкам за смерть сына и мужа. Это очень тяжело. Но ты никому не отомстишь, кроме бедных крестьян. А им и без тебя плохо.

Лена продолжала упорствовать:

— Я вас не понимаю.

— Ты меня отлично понимаешь... Представь себе: вдруг — это лишь один процент вероятности — это средство будет работать. И ты, как сеятель со старого червонца, будешь ходить по полям и поливать их из бутылочки, которую таскаешь в сумке, если, конечно, твой новый друг не подменил жидкость.

— Вы кого имеете в виду?

— Полковника Наронга, местного разведчика, тесно связанного с мафией. Его называют черным полковником, даже его сообщники. Это страшная личность.

— Для меня он не страшнее вас, — уверенно ответила Лена.

Воздух неподвижно повис над верандой.

Лена поняла, что надо сделать.

Она подошла к двери и уверенно отстранила Аскольда. И оказалась на веранде. Там она остановилась, оперлась спиной о столб, и Аскольд был вынужден последовать за ней. На веранде было тяжело дышать, потому что воздух был абсолютно неподвижен.

— Допустим, — продолжал Аскольд: он торопился выговориться, прежде чем вернется Сени. — Допустим, что действует. Что произойдет? Крестьяне лишатся куска хлеба, но спрос на наркотики во всем мире вырастет и цены поднимутся тоже. Будет нарушен политический и экономический строй, порядок, причем во всем мире. Ты понимаешь, что такое баланс сил?

— И вы говорите, что боретесь с наркотиками.

— Конечно, борюсь. Но борюсь разумно. Мы можем сократить поступление наркотиков в страну, мы можем ловить дельцов и перехватывать транспорты. Но мы способны кого-то спасать и кому-то мешать только потому, что существует определенный поря-

док! Ты его хочешь нарушить? Ты будешь способствовать перемене торговых путей, страшной войне за перераспределение доходов и, главное, — ты толкаешь преступный мир к изобретению и разработке новых наркотиков, химических, куда более страшных, чем несчастный героин, на который ты подняла дамскую ручку.

Ее обидела эта «дамская ручка», и если она склонна была прислушаться к нему и чему-то поверить, то после этого выпада он стал ей противен.

— Я тебя не убедил?

— Нет.

— Если ты отдашь мне поппифаг, то я гарантирую тебе благодарность всей России. Мы будем и дальше бороться...

— И не мечтай...

По дорожке шел Сени, он издали поднял руку, но Аскольда пока не видел.

— Пойми, Лена, я лично ничего против тебя не имею, — быстро сказал Аскольд, — но твое сближение с черным полковником меняет суть дела. Если раньше мы могли быть уверены, что тебе не добраться до маковых полей, то теперь — кто знает... Отдай!

— Нет.

— К сожалению, тебя придется убить, — сказал Аскольд.

— Вы?

— Ну что ты! Разве я похож на исполнителя? У каждого в жизни своя роль. До этого с тобой можно было говорить, и говорил я. Теперь разговоры кончились.

Аскольд повернулся и пошел прочь. На ступеньках веранды он встретился с Сени, улыбнулся лейтенанту, и лейтенант улыбнулся Аскольду, а когда поднялся и подошел к Лене, спросил:

— Это еще один твой знакомый?

— Это мой враг, — сказала Лена. — Он хочет меня убить.

— Что ты говоришь! — Сени обернулся к кустам, срывая с плеча автомат. Это была запоздалая демонстрация чувства долга.

Что, видно, ему и сказал возвратившийся полковник. Он не кричал, он был отвратительно строг.

В результате Сени обиделся на Лену. Словно это она нажаловалась начальству.

Полковник закурил свою сладкую сигару, уселся на стул — спина прямая, — сказал:

— Теперь тебе пора сознаться. Для твоего же блага. Я здесь кое-что могу сделать.

— Они убили моего мужа, — сказала Лена. Она предпочла го-

ворить правду, хотя и не всю. — Теперь они нашли меня здесь. Они думают, что у меня есть бумаги и расчеты мужа. Но это не так.

— Он был атомный физик?

— Нет, биолог.

— Ясно, — сказал полковник. — Генетика.

Он опередил ее, поэтому так и не узнал правды, хотя Лена готова была признаться.

— А я уж подумал, — продолжал Наронг, — что ты связана с наркотиками А это плохо.

— Я не связана с наркотиками.

— Я верю, — сказал полковник, — я понимаю людей. Я знаю, когда они говорят неправду.

Он был самоуверен.

— Но я хотела бы посмотреть, как разводят мак и как делают опиум.

— Зачем это женщине?

— А ты видел?

— Видел, и не раз. Ничего интересного.

— Я любопытная.

— Посмотрим, — сказал полковник. — Это будет зависеть от твоего поведения.

И усмехнулся. Лене не понравилась усмешка. Полковник был хорошим, добрым, щедрым, и в то же время в нем таился и другой человек, хуже первого.

— Пепел Клааса стучит в мое сердце, — произнесла Лена по-русски, как бы заколдовывая себя. В сущности, она была еще нестарой женщиной, и ей хотелось жить, а она себя сделала смертницей. Смертницей или смертником? Интересно, это слово имеет женский род?

— Собирайся, — сказал полковник. — У нас с тобой есть дело.

— Дело?

— Через пять минут мы выходим. Жду в машине.

Он сбежал с веранды — он был легкий и жесткий. Он ей нравился — нравилось смотреть на него.

Лена проверила, хорошо ли выглядит — выглядела она плохо, — и пошла за полковником

Они ехали недолго. За краем торговой улицы, в дальнем от реки конце, Лена увидела просторное двухэтажное здание без всяких украшений — как говорится, стекло и бетон. Оно выглядело тяжело и неуютно среди деревянных строений и пальм городка. Перед зданием стояло множество машин — к удивлению, Лена увидела среди них дорогие «Мерседесы», «Тойоты», даже один

«Ягуар». Борис с раннего детства увлекался автомобильчиками, с ним было легко: если день рождения — подари новую машинку, и ребенок счастлив. Поэтому Лена знала все марки автомобилей, хотя ей это совсем не было нужно.

— Ты плачешь? — спросил полковник.

— Нет, это случайно. Плохая мысль... плохое воспоминание... — Она хотела поделиться с полковником своими мыслями и понимала, насколько это пусто и неинтересно для всех, кроме нее.

И неожиданно для себя сказала:

— Мой сын, который умер... он любил автомобильчики.

— А какая машина у него была? — спросил полковник. Он не понял ее и представил себе молодого человека, который любит гонять в автомобилях.

Не дождавшись ответа, полковник пошел внутрь здания. Несколько угрожающего вида охранников стерегли проход в зал, но полковника никто не остановил. Сени тоже прошел с ним.

Во внутреннем зале по стенам шли подсвеченные витрины, в них на бархате лежали различного вида и размера драгоценные камни.

Возле витрин ходили разного вида люди с записными книжками или даже радиотелефонами и изучали камни. Но, видно, большинство уже насмотрелись, и потому они перешли в комнату со стульями, похожую на просмотровый зал в небольшом доме отдыха, там они сидели и ждали — Лена их видела через открытую дверь.

— Здесь, — сказал полковник, — будет аукцион драгоценных камней. Нет женщины, которой это было бы неинтересно.

— Мне не очень интересно, — сказала Лена.

— Не может быть, — ответил полковник и подошел к крайней витрине. — Вот здесь ты видишь рубины, в центре большой камень, каратов в тридцать, из Верхней Бирмы.

Рубин был неинтересен — темный камешек, как галька.

— Некоторые не отшлифованы, — объяснил полковник. — Но некоторые уже прошли гранильную фабрику.

А Лена смотрела на покупателей.

Рядом с ней стояла пара — сошедшая со страниц какой-то светской хроники. Седой, загорелый, подтянутый мужчина был одет в элегантный костюм, при галстуке — даже уголок платка торчит из верхнего кармана. И леди при нем тоже не поскупилась на строгий английский костюм. Откуда они?

— Сюда приезжают солидные люди со всего мира, — сказал

полковник. — Здесь самые хорошие и дешевые камни. Лучше, чем на Цейлоне. Посмотри на толстого мужчину за нами.

Там стоял толстый пожилой китаец в зеленом камуфляжном костюме без погон или знаков различия. Он навалился животом на край витрины, и казалось — вот-вот раздавит ее.

— Это генерал Лю, — сказал полковник. — Он очень любит камешки, но не выносит меня.

Полковник засмеялся, и толстый генерал услышал смех. Он резко обернулся, как на звук выстрела. Прищурился, разглядывая в полумраке зала источник смеха. Разглядел полковника и поднял толстую, обтянутую тканью руку, приветствуя его.

— Как я рад! — сказал генерал. — Как я рад! Так давно не видел уважаемого туана полковника.

Он говорил по-английски. Негромко, но в благопристойной тишине аукционного зала каждое слово было слышно, как по микрофону

Легонько оттолкнув джентльмена, генерал подбежал мелкими шажками к полковнику, протягивая ему обе руки.

Полковник поздоровался. Лену генерал не замечал. Он перешел на незнакомый язык — тайский или китайский, Лена не разбиралась в этом. Она стояла, не смея отойти, чтобы не сочли это за невоспитанность. Ведь совершенно неизвестно, что же делать честной русской женщине, которая стоит между двумя восточными владыками.

Разговор между полковником и генералом Лю был недолог. Неожиданно они вновь перешли на английский язык.

— Я хочу представить вам мою знакомую миссис Елену.

Генерал расплылся в улыбке, которая была недоброй и зубастой.

— Я знаю все о миссис Елене, — сказал он — У нас есть много общих друзей.

Он поклонился — мотнул головой и тут же откатился — жирным шаром — прочь.

— Что он имел в виду? — спросила Лена.

— Наверное, тебе лучше знать... но, вернее всего, он блефовал. Он готов на все, лишь бы огорчить меня.

Полковник сморщил лицо в плаксивой гримасе. Он шутил.

— Смотри дальше, — сказал он.

Они перешли к следующей витрине. Здесь лежали опалы. Обычные и звездные.

Это полковник сказал ей, что там — звездные опалы. Никогда Лене не приходилось видеть таких камней. Такой красоты

Она не удержалась и ахнула.

Камней было два. Одинаковых, крупных, как волшебные глаза — только вместо зрачка горела звезда, дрожа ослепительными лучами. Словно в эти камни вложили по маленькому солнышку.

— Нравится? — спросил полковник.

— Очень нравится. Я никогда не видела и не знала, что такие бывают.

Вот тогда он и сказал, что это звездные сапфиры. Вообще-то камни не очень дорогие, но такого размера, чистоты и сияния теперь встречаются редко.

— Вот у моей бабушки, — продолжал он, — был звездный сапфир с куриное яйцо. Моя бабушка была женой губернатора Чиангара.

Лена не выразила должного почтения. Полковник не стал уточнять, тем более что и сам, может, не знал, с какой целью можно употребить звездный сапфир размером с яйцо.

Цена была указана в батах. Каждый из сапфиров был оценен, если она правильно поняла, в тысячу долларов или чуть меньше. У Лены таких денег уже не оставалось.

— Хочешь посмотреть, как торгуют камнями? — спросил полковник.

— Конечно, хочу, — согласилась Лена. Все равно до темноты еще оставалось время. Она уйдет от него в темноте — надо подняться выше по речке, ей казалось, что там были привязаны лодки. «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, а от тебя, толстый генерал Лю, который плохо на меня смотрел, я тем более уйду».

Кто-то оставил им два места в первом ряду, но полковник отказался от этих мест — они сели в шестом или седьмом ряду сбоку.

— Я люблю смотреть, как торгуются другие, — сказал полковник, — а впереди все тебя видят, а ты — никого.

— Ты хочешь что-то купить?

— Я люблю красивые камни. Они лучше всего — лучше денег.

Наверное, он был взволнован — кто его поймет. Они здесь как индейцы — каменные лица, никаких эмоций. Только оскалятся иногда — и догадывайся· улыбка это или угроза. Впрочем, у генерала Лю это была угроза.

Начали для разогрева, как объяснил Наронг, с партии рубинов, мелких, для торговцев в Гонконге и Сингапуре. Крупные дельцы и коллекционеры — их полковник показывал Лене — пока лениво ожидали настоящих боев.

И бой начался на партии крупного жемчуга, выведенного искусственно, в Бенгальском заливе, на японской фирме в Бирме. Видно, в жемчужинах было нечто особенное. Но стороннему и случайному наблюдателю трудно следить за аукционом, потому что аукционер говорит слишком быстро, он угадывает мимолет-

ные, почти незаметные движения рук или голов спорщиков в зале. Кидает взгляд направо и налево и произносит, словно торопится поскорее закончить эту неприятную для себя процедуру:

— Сто пятьдесят пять справа... сто шестьдесят слева, сто семьдесят пять по телефону...

С телефонами стояли маленькие аккуратные тайки. Сам аукционер был, кажется, китайцем. Высокий, статный, с очень белым лицом и тонкими усиками под носом, как у Гитлера.

Потный неопрятный мужчина с белыми волосами, веснушчатым красным лицом, в мятом, некогда белом костюме вдруг завелся, когда объявили следующий лот — несколько очень крупных необработанных опалов.

Полковник объяснял шепотом Лене, что происходит и какие камни сейчас идут на продажу.

Мужчина воевал с кем-то не видным Лене и в результате потерпел поражение. Опалы ушли к скуластой махонькой женщине, которая была, как сказал Наронг, любовницей промышленника с голландской фамилией.

Вдруг — а прошло, видно, уже полчаса — оживился и Наронг. Он поднимал указательный палец на уровень груди, но аукционер видел эти движения и прибавлял по тысяче батов.

Полковник покраснел — вернее, потемнел кожей, черный ежик на голове стал частоколом. Лена мысленно переводила баты в доллары.

На шести тысячах долларов он взял верх над генералом Лю.

— Не думай, — прошептал он, — что мне нужен этот паршивый рубин, но я не мог допустить, чтобы генерал Лю его взял — он здесь не хозяин.

— А если он захочет еще что-нибудь взять? — спросила Лена.

— Если захочет, то я покажу ему, какие у меня острые зубы.

Он показал ей зубы. Зубы и в самом деле были волчьи.

И тут дошла очередь до звездных сапфиров.

Генерал Лю, как назло, тоже их возжелал.

Когда цена поднялась до семи с половиной тысяч долларов, полковник в сердцах сказал:

— Они этого не стоят.

— Может быть, откажешься? — спросила Лена голосом жены.

Аукционер крутил головой — то взглянет на Лю, то на полковника. Цена росла.

— Он первый откажется, — сказал полковник. — Он разумный человек. Он очень богат и поэтому считает деньги.

— А ты нет?

— Никогда, — сказал полковник.

Господин, приехавший на «Мерседесе», вмешался в схватку, Лю отступил, и пришлось сражаться с парой англичан — бывших плантаторов, как сказал полковник.

Сапфиры достались полковнику за восемь семьсот.

— Приличная цена, — сказал Наронг. Он был доволен, он улыбался как победитель. — Адреналин увеличивается в крови, знаешь про адреналин?

— Конечно, — сказала она, — я же бывшая спортсменка и учительница физкультуры.

— Ах вот как, — сказал полковник, и Лена не могла вспомнить, говорила ли ему уже о своей специальности.

Они посидели немного, у полковника не было настроения сражаться дальше, а может быть, он исполнил свои желания. Генерал Лю вступил в схватку за следующий лот и поглядывал на полковника, но Наронг сидел, прикрыв глаза, отдыхал. И камни доставались генералу дешево, что, видно, его не радовало.

Полковник послал Сени расплатиться. Сени принес пакет с коробочками. Полковник положил пакет в верхний карман куртки и сказал, что пора уходить.

Лю обернулся им вслед. Лена перехватила его колючий взгляд. Конечно же, он все знает. Значит, удивлен, как она попала в компанию к полковнику. Кто ее покровитель?

Когда они вернулись в бунгало, солнце уже клонилось к холмам за речкой. Оно ночевало в Бирме

Слуга зажег на веранде свет.

Полковника свет не удовлетворил, он приказал принести настольную лампу. Его приказания исполнялись здесь мгновенно

Он уселся на стул, обхватив ножки стула ногами как мальчишка. Разорвал пакет и стал открывать коробочки. Одну за другой. Камни он осматривал со всех сторон, он наслаждался ими как кот, который играет с мышкой.

Одну из коробочек он подвинул по столу к сидевшей напротив Лене.

Там в вате лежал звездный сапфир.

— Спасибо, я его уже видела, — сказала Лена.

— Он твой, я его тебе дарю.

— Не надо.

— Я купил сапфиры, чтобы они не достались генералу Лю. Теперь один камень останется у меня, второй — у тебя. И мы друг друга всегда узнаем по этим камням.

— Как шпионы?

— Точно! Как шпионы.

— Это слишком дорогой подарок.

— Глупая женщина. У меня есть деньги. — Он вытащил из кармана рулон долларов, схваченный резинкой. — Это честные деньги.

— Я и без того у тебя в долгу.

— Я не прошу ничего взамен.

— Возьми камень и иди спать.

Лена была сердита, она в самом деле не хотела никакого сапфира. Зачем он ей: в могилу нести с собой или подарить свекрови — единственному близкому человеку на свете, если не считать мачехи в Курской области.

— Я возьму, — сказал полковник, — но в таком случае я буду обижен.

— Это твое дело, — сказала Лена. — Я тебе не жена и не любовница.

— А жаль, — сказал полковник.

Он медленно собирал со стола коробки, потом одним движением руки свалил их в пластиковый пакет и поднялся. Но одна осталась лежать на столе.

Лена сказала:

— Ну как хочешь.

Полковник не ответил, а пошел — он всегда быстро ходил — на веранду. Лена хотела остановить его, но потом гордыня взяла верх.

Шаги полковника скрежетали по гравию дорожки.

Что же она наделала! Она осталась одна!

Лена непроизвольно сделала несколько быстрых шагов следом за полковником, но тут услышала выстрелы. То есть ей трудно было понять, что следовало за чем.

Она услышала выстрелы. Два или три. Она увидела, как отлетела щепка от столба веранды, а вторая щепка, которую она не успела увидеть, врезалась ей в предплечье, и стало больно.

Лена пригнулась и кинулась обратно в комнату — наверное, лучше было бы бежать в сад.

Она захлопнула дверь и почти сразу услышала, как на веранду кто-то взбежал. Она навалилась на дверь.

— Это я, мадам, — сказал Сени. — Не бойтесь, мадам.

Лена сразу открыла дверь.

— Я буду рядом, — сказал лейтенант. — Это приказ.

В зарослях и там, дальше, на дорожке, слышны были голоса, а потом выстрелы. Крик, снова голоса и беготня...

Лейтенант был напряжен. Он стоял возле окна, прижав затылок к раме и выглядывая одним носом. Но за открытым окном

была освещенная веранда, так что нос лейтенанта был хорошо виден нападавшим, тогда как он не видел ничего.

Какие дикие мысли скользят в мозгу, когда надо думать о другом — надо упасть на пол, зажать уши и ждать, когда кончится это ужас. Ведь лейтенант Сени стоит здесь и держит автомат только потому, что Аскольд и его нарколюди хотят ее убить. Догнать и убить. Они уже всех убили...

На веранде послышались шаги. Быстрые и четкие. Это возвращался полковник Наронг.

Лена только тут сообразила, что сидит на кровати, прижав к груди подушку. Она отбросила подушку, подушка шмякнулась на пол, Сени развернулся и направил на подушку свой автомат. Полковник остановился в дверях и спросил:

— Чего вы без света сидите?

Сени воспринял вопрос как приказание.

Загорелась лампа под потолком.

— Все кончилось, — сказал Наронг.

— Спасибо, — поблагодарила Лена.

— Спасибо — это мало. Ты кому-то очень насолила, — сказал Наронг. — Настолько, что они хотели догнать тебя здесь.

— Кто они? — спросила Лена. — Ты их видел?

— Сейчас и ты увидишь, — сказал Наронг. — Пошли.

Лена открыла рот, чтобы попросить его: не веди меня, я не хочу. Если вы поймали кого-то — это ваше дело. Мне нужно только дождаться, когда ты уснешь, и убежать в Бирму. Вот и все.

Наронг потянул ее к двери.

Они пошли через сад к голосам и шуму, который доносился со стоянки автомобилей, отделенной от бунгало полосой пальм.

Тени от пальм, создаваемые лампами, которые висели на проводах и колебались от легких движений воздуха, медленно двигались по траве и были бесконечны.

На асфальте возле машины с горевшими фарами и заведенным мотором лежали два тела. Возле них стояли шофер полковника, гостиничные слуги и несколько постояльцев.

Один из слуг как раз принес белые скатерти и намеревался закрыть тела ими, как простынями, но полковник остановил его.

— Смотри, — сказал он Лене. — Ты их знаешь?

Вася лежал на спине, раскинув руки. Глаза его были открыты, словно он всматривался в небо. Белая чистая рубашка была заляпана кровью, очень неаккуратно.

Но не он удивил Лену — она, в общем, ожидала, что увидит его, с того момента, когда увидела всю туристическую группу у нефритового магазина на торговой улице. Ведь Вася с туристами

намеревался отправиться совсем в другой город, а оказались они здесь. Случайностей такого рода с туристами почти не бывает.

Лену удивила женщина. Кажется, ее звали Вероникой. Одна из тех, что так беззаботно разговаривали на улице в Чиангаре, из тех, что сидели перед ней в автобусе.

И Лене стало жаль, что она даже не поговорила с этой женщиной. В этом была несправедливость. Ведь ее заставили — как заставляли Лену. Может, у нее остался ребенок или муж — наверное, она должна была гулять рядом с Васей, делать вид, что они — обычные туристы. А Вася тем временем высматривал, на какой из веранд сидит его жертва. Ему не было ее жалко. А может, он тоже боялся?..

— Я не знаю женщину, — сказала Лена полковнику.

— А этого русского я знаю, — произнес Сени. — Он был в комнате мадам. Вчера ночью.

— Надеюсь, — сказал полковник, — что сегодня ночью на тебя никто не нападет.

— С чего ты так решил? — спросила Лена. — Разве у них больше убийц не осталось?

Она имела в виду Аскольда. Хоть он и отказывается от этого звания, это ничего не значит. Прикажут — выстрелит. Может, он и сам наркоман?

— Ты кого-то подозреваешь? Скажи мне. — Полковник понял ее правильно.

— Даже если я и знаю человека — где его искать?

— Я тебя понял. Сени тебя проводит, а я отдам распоряжения.

— Какие?

— Здесь не так много русских. Скажи только, он в туристической группе?

— Вряд ли. Неужели целая группа охотится за мной?

— Ты права. Вряд ли. Сени тебя проводит.

Слуги накрывали тела скатертями, загудела, сворачивая с улицы, карета «Скорой помощи». Заныла вдали полицейская сирена.

— Пойдем, — сказал Сени. — Зачем тебе, мадам, показываться полиции? Они могут удивиться — русские занимаются своими бандитскими делами.

Пока они шли к веранде, Сени допрашивал Лену — а правда ли, что Россией правит мафия и все там куплено бандитами, даже правительство? Но что могла Лена ему ответить — Сени питался газетной и телевизионной пищей.

— Некоторые не куплены, — сказала она. — Пример перед тобой.

— Ты правительственный агент?

— Нет, я сама по себе. Они убили моего мужа и сына.

Сени вздохнул, выражая сочувствие. Он остался снаружи, но не ушел. Лена вошла к себе. Состояние ее было глупым, как будто она посмотрела страшное кино, но оно не проникло в нее, а лишь запомнилось — картинками, сценами, не имеющими к ней никакого отношения. Бунгало было непрочным и ненадежным — бумажный домик в странном лесу.

Лена не знала, останется ли солдат на ночь снаружи. Может быть, полковник решил, что теперь Лене нечего бояться...

Выстрелы и смерть Васи сбили все ее планы. Гостиница полна полицейских и всякого любопытствующего народа. Сейчас и Аскольд прибежит. Как ей уйти незаметно? Как добраться до реки? Надо ждать.

Закрыть окно невозможно — ночь жаркая, задохнешься, хоть и крутится под потолком фен. Но все же Лена сдвинула занавески на окне, потушила свет. Оставила только ночник. Но все равно любой желающий мог подойти к окну, заглянуть в него и пристрелить Лену — даже удивительно, что они выбрали такой неудачный способ разделаться с ней. Вернее всего, были уверены в себе. А может быть... может, если полковник проверит, он узнает, что автобус с туристами ждал за углом и покушение было устроено таким образом, чтобы добежать до автобуса и не спеша уехать из города — кто заподозрит респектабельных туристов?

Полковник подошел к окну со стороны реки, раздвинул занавески и прошептал:

— Не бойся меня, хорошо?

Она не успела испугаться.

Она была рада, что он пришел и ведет себя так пристойно.

— Что нового? — спросила она.

— Их ждал автобус с туристами, — сказал Наронг. — Они думали добежать до него, выкинуть оружие, и тогда доказать что-нибудь было бы невозможно. Да и кто бы стал стараться?

— Одной русской туристкой меньше, — согласилась Лена.

— Молодой человек, — продолжал полковник. — Базиль. Мы его называли Базилем, за час до покушения он встречался с генералом Лю. Это интересно, правда?

— Интересно. Но я догадывалась.

— Я тоже. Можно я влезу в окно? А то меня москиты заедят.

— Не стоит, — сказала Лена. — Я устала.

Полковник спросил:

— Ты собиралась завтра куда-то?

— В Бирму. Ты обещал.

— Боюсь, что не смогу тебе помочь.

— Что ж, я обойдусь без твоей помощи.

— Это будет неразумно. Ты никуда не попадешь. Но я не стану спорить. У вас, русских, особое чувство благодарности. Спокойной ночи.

Он задержался у окна, видно, ожидая, что она его позовет, но Лена промолчала. Полковник повернулся и медленно пошел прочь.

...Наверное, этого не следовало делать. Она не думала, что так поступит. Но она страшно испугалась остаться в комнате одна. Тем более что сейчас ее план добраться до пограничной речки казался наивным.

Вот уйдет полковник, единственный человек, который ей здесь помогает и защищает ее. Но он делает это не потому, что он — добрый дедушка из сказки... Она ему нравится. Как женщина. Наверное, это лестно. Чего же ты, дура! Ты же собралась умирать! Так добивайся своей цели. Без него ты ничего не сделаешь... Он тебе противен? Ни в коем случае! Ей давно ни один мужчина не нравился так, как этот тайский разведчик.

— Наронг, — позвала она, — не уходи.

— Ты предлагаешь мне провести ночь под твоим окном, как Ромео?

— Ну, положим, Ромео никогда не проводил ночь под окном, — вдруг улыбнулась Лена. — Они встречали рассвет в постели.

Полковник не ответил.

Он медленно, не спуская с Лены глаз, вернулся к окну и перепрыгнул через подоконник — хорошо тренирован.

Он сразу обнял ее и замер.

— Ты только не думай, — начал он по-английски, но потом не справился с чужим языком и закончил фразу по-тайски. Она не поняла слов, но значение их было понятно без перевода.

— Скажи, чтобы солдаты ушли, — попросила она шепотом.

— Не сходи с ума, они только этого и ждут, — ответил шепотом Наронг. — Как только Лю узнает, что я здесь с русской женщиной, без охраны... тут нам с тобой и пришел конец.

Он потушил лампу.

Неподалеку все еще шумели голоса, перекликались полицейские или санитары, загудела машина.

«Господи, какая я бездушная... я хочу отдаться мужчине, который... по приказу которого убили глупого Васю. И Вася, и еще одна, почти незнакомая женщина лежат на траве...

Взревел мотор? Может, их увозят?»

— Ты о чем думаешь? — Полковник оторвал губы от ее шеи —

а она и не заметила, что он целует ее... как она могла не заметить — от его прикосновения к груди по спине пробежали мурашки. И он поцеловал ее по-настоящему... «Сколько же лет у меня не было мужчины! Это преступление!»

Она позволила ему раздеть себя и осталась стоять посреди комнаты, пока он раздевался — быстро и ловко, не кидая одежду на пол, где валялись ее платье и трусики, а вешая на спинку стула — он был виден, потому что свет фонаря проникал сквозь окно.

Она села на край кровати.

Он сел рядом.

— Как странно, — сказал он, — я так к тебе отношусь...

— Я понимаю.

Он сильно и приятно нажал на грудь и заставил ее лечь на кровать. Кровать взвизгнула, и она испугалась, что Сени услышит.

Но потом ей уже было не до Сени, потому что на мгновение ей стало больно — будто он был ее первым мужчиной, но тут же она сама отыскала губами его губы, и губы ее стали мягкими, влажными, жадными, а внутри нее все разрывалось от щекотного счастья, которое требовало встречать его, обнимать, ждать и, главное, не закричать от наслаждения, которого она, оказывается, никогда раньше не испытывала.

Она хотела говорить с ним и рассказать ему все, что с ней случилось, но он почти сразу заснул, прижавшись к ней всем телом, и она, придя в себя, спохватилась, что ей повезло — не надо рассказывать, даже Наронгу. Зачем? Что она о нем знает? Он хотел подарить ей камень... за несколько тысяч долларов. Откуда эти деньги?

Вдруг ей страшно захотелось поглядеть на звездный сапфир. Еще два часа назад она и подумать о нем не могла.

Она осторожно отвела руки Наронга, он уютно забормотал во сне на непонятном, как будто детском языке, но не проснулся.

Камень лежал на столе, в коробочке, как она его принесла, так и оставила, не раскрывая.

В окно светила луна. Этого света оказалось достаточно, чтобы в камне вспыхнула чудесная звездочка.

Она смотрела на камень, чуть поворачивая его, и звездочка плавала внутри, дрожа лучами.

Темная тень закрыла свет...

Лена вздрогнула. И тут же поняла, что под окном прошел солдат.

Ну и пускай себе ходит.

Громко звенели цикады и ворковали ночные птицы... а мо-

жет, лягушки. Лена вернулась в постель. Постель была теплой, но не жаркой, у Наронга была прохладная чистая молодая кожа.

Не просыпаясь, он обнял ее крепче, и его губы стали искать ее рот.

— Глупый, я тебя растерзаю, — прошептала Лена по-русски. — Ты не понимаешь.

Он понимал. Или понял потом.

Когда Лена лежала на спине, раскинув руки, она подумала, что ей должно быть стыдно перед солдатом.

— Извини, — сказала она, — что я кричала. Но мне было так хорошо.

— Это хорошо, — промурлыкал Наронг. И сразу заснул.

«Теперь он забудет провести меня в Бирму», — подумала, засыпая, Лена.

Она проснулась утром от того, что полковник Наронг поднялся и, стараясь не шуметь, одевался. Косые лучи солнца били в окно, пронизывая тонкую занавеску, оглушительно пели птицы.

— Чудесное утро, — сказала Лена. — Как ты спал?

Наронг подошел к ней, наклонился, поцеловал в глаза, в щеки — нежно целовал ее, и Лена нежилась, как в теплой воде.

— Мне жаль, что надо уходить.

— Дела?

— Конечно, дела, — сказал он. — Если забудешь о них, тебя съедят.

— Ты обещал мне.

— Я никогда не забываю об обещаниях. Ты ночью встала и смотрела на камень. Он тебе нравится?

— Очень.

— Я рад. Одевайся, иди завтракать, я вернусь через час и тогда скажу тебе...

На веранде уже стоял юный слуга, он принес поднос с завтраком и расставлял на столе приборы.

— Может, позавтракаешь? — семейным голосом сказала Лена.

— Я утром пью только холодную воду, — ответил полковник.

Ночью она даже в мыслях не могла бы назвать Наронга полковником. Какое дело ее губам до чина этого человека? А сейчас назвала.

Белье почти высохло, она переоделась, умылась — все еще было не жарко.

Она вспомнила о смерти Васи — ночью не помнила.

И начали возвращаться черные мысли, и начало овладевать ею чувство долга перед Николаем и Борисом.

Неужели он не обманет ее? Но ведь с его точки зрения глупо

потакать причудам и капризам иностранки. Тем более если дело явно связано с наркотиками.

Вместо Сени в саду разгуливал другой, незнакомый солдат. Наронг возвратился точно через час, как обещал.

— Здесь недалеко, — сказал он, — но, к сожалению, плантации находятся под контролем Лю, помнишь его?

— Помню.

— Так что ты посмотришь и сразу обратно. Большего я тебе не обещаю. И попрошу тебя не жечь, не вытаптывать, не заливать напалмом поля крестьян.

— Что ты знаешь?

— Когда-то я читал, — сказал образованный полковник, — что сделать великую скульптуру просто — надо взять камень и отсечь от него все лишнее. Так же и в деле разведчика. Я ведь хороший разведчик. Я собираю всю информацию и выбрасываю лишнюю.

— Расскажи обо мне.

— О тебе мне трудно рассказывать.

Они вышли к машине, солдат сел за руль, полковник рядом с Леной.

— И все же расскажи. А то я сама расскажу.

Снизу от реки поднимался туман, сверху низко ползли облака, так что дорога очутилась между двумя белыми массами. Солнце пропало, и птицы примолкли, хотя из тумана доносились разрозненные голоса и вскрики птиц.

У Лены уже пропало настроение исповедоваться. Она смотрела на профиль полковника и любовалась его строгостью, точностью линий. «Мне повезло, — думала она, — мне так повезло, что этот мужчина любил меня. И, может, любит сейчас».

— Ты представляешь для них опасность; нужно было стечение обстоятельств, чтобы тебя до сих пор не убили, — у тебя удачная карма...

— Карма?

— Вы называете ее судьбой, но это больше чем судьба.

— Лучше бы мне не существовать.

— Тогда бы я тоже не существовал. Тебе бы этого хотелось?

Она положила руку ему на коленку.

— Хорошо, что ты существуешь, — сказала она.

— Но ты меня отталкиваешь.

— Я думаю, — сказала Лена, — что ты многое знаешь, еще о большем догадываешься. Тебе нужно мое признание?

— Я ломаю голову — в чем твоя угроза? Ты мне кажешься самой безобидной женщиной на свете.

— Так и есть, — призналась Лена.

Машина остановилась, не доезжая до моста, скрытого в тумане.

Из тумана вышли два человека в одежде шанов — бирманских горцев. Наронг заговорил с ними. Они слушали с неподвижными и даже скучными лицами — наверное, им уже давали эти инструкции.

— Вот это, — сказал полковник Лене, — Маун Джо, он говорит немного по-английски. Маун Каун не говорит.

Горцы поклонились. Они не встречались с Леной взглядами.

Полковник был не уверен, как будто не хотел отпускать Лену, но гордыня не позволяла отказаться от обещания.

— Ты где оставила камень? — спросил он.

— Он со мной, в сумке. И это еще не значит, что я хочу убежать. Но у меня все ценное с собой, в сумке.

— Хорошо, — поморщился полковник, — я думал, что ты его потеряла. Я жду вас здесь же через шесть часов. Слушайся во всем этих людей.

— Я уже поняла.

Она пошла к границе, но Маун Джо догнал ее, дотронулся до плеча и сказал:

— Иди туда.

Показал вверх по реке.

Все правильно. Они не хотят идти через мост, они перейдут речку выше, где лодки.

Она оглянулась. Полковник стоял по пояс в тумане. Он смотрел ей вслед. Поймав ее взгляд, улыбнулся, видно, уже не надеялся, что она обернется.

Лена шла между двумя шанами — один спереди, второй сзади. На них были синие куртки, синие же широкие, короткие штаны, которые были еще недавно в моде у наших женщин, головы обмотаны полотенцами — будто это солдаты в униформе очень экзотической армии.

Отвратительный запах догнал ее. Она обернулась — Маун Каун раскурил толстенную сигару в кукурузных листьях — точно как початок. От нее и исходила вонь.

Лена испугалась, что эта вонь всех вокруг перепугает, но второй шан не обратил внимания на этот проступок коллеги.

Скользя по росистой траве, они съехали к реке. Она и здесь была такой быстрой, что, пожалуй, не переплыть. Несколько узких долбленок с высокими загнутыми носами лежали, вытянутые на берег.

— Садись, — сказал Маун Джо.

Лодку было трудно разглядеть. Клочья тумана то скрывали ее целиком, то на несколько секунд открывали.

Они стащили лодку с берега, и она закачалась в неглубокой воде. Лена забралась в неустойчивую лодку — более ненадежного судна ей видеть не приходилось.

Маун Каун толкнул лодку в корму и прыгнул в нее, когда она уже заскользила по воде.

Лодку понесло вниз, все быстрее и рискованнее. Маун Джо подобрал со дна небольшое весло и стал управлять им, Маун Каун раскачивался на корме, как противовес.

Лодку несло на устои моста, но шанов это не беспокоило. Лена решила, что это и ее не должно беспокоить.

Стойки моста, зеленые от лишайников и плесени, пронеслись в нескольких сантиметрах. Ниже по течению река становилась шире и спокойнее. Тогда Маун Джо начал править к дальнему берегу.

Они пристали как раз там, где начиналась узкая тропа. Она круто вела вверх среди кустов, в большинстве своем оказавшихся, как назло, колючими.

Тропинка становилась все уже, Маун Джо не опасался колючек, а о Лене никто и не думал. К тому же из зеленой чащи вылетали отвратительные москиты и даже оводы.

Жарко в этой чаще было так, словно ее не проветривали с прошлого года. И только когда Лена готова была уже повернуть назад к цивилизации, лимонаду и славному возлюбленному, тропинка вывела их на простор — то есть на сельскую дорожку.

По ней они пошли быстрее.

Дорожка забирала все выше и выше, и так продолжалось минут сорок. Лена терпела. Почему, в конце концов, она, профессиональная спортсменка, должна уступать двум необразованным горцам?

Колючки и бананы сменились настоящими деревьями, уже потерявшими листву.

Неожиданно дорожка вывела их на маленький перевал. И с него открылся чудесный вид на долину, частично поросшую лесом, а кое-где лес раздавался, уступая место сухим рисовым полям... И не только рисовым полям.

Маковые поля еще цвели — кое-где отцвели, а так — цвели. И потому казались аккуратными красными заплатками.

Вот они, вот она, Америка Колумба! Неужели нужно радоваться выполненному долгу? Надо. Другого пути нет.

И стало жалко, что она больше никогда не увидит Наронга, не

вернется в то самое бунгало, не говоря уж о городе Веревкине Тульской области.

Маун Джо обернулся к ней и спросил.

Вопроса она не поняла, но поняла, о чем он хочет спросить: какое из полей ей больше по душе?

Она показала на то, которое было ближе других, оно лежало на склоне, как раз под ногами. Заодно Лена отметила положение соседних участков.

Туман разошелся — впрочем, они забрались довольно высоко. Облака также сначала истончились, а потом и вовсе рассеялись.

Спускаться пришлось без дороги, Маун Джо шел медленно и все время оборачивался, проверяя, ступает ли Лена в его след.

Большой жук пробежал по ветке рядом с лицом Лены, паутина покачивалась там, куда он ринулся, испугавшись людей. Паутина была размером с дверь — не только жукам там место найдется.

Сзади похрустывали ветки — спускался Маун Каун.

Без кругозора, без горизонта теряешь ориентацию, и непонятно, сколько прошел и сколько осталось идти. Поэтому поляна, засеянная маком, показалась неожиданно. Отсюда сверху было видно, как она спускается полого к домику или, скорее, шалашу на сваях. Видно, там сидел сторож.

Маун Джо остановился на краю макового поля. Оглянулся, как бы спрашивая, что делать дальше.

Лена пережила несколько секунд тупой растерянности. А что в самом деле делать? Вот она проехала полмира, она добралась до поля, она никогда еще не видела столько маков сразу. Некоторые уже отцвели, и тяжелые, похожие на спелый инжир светло-зеленые коробочки покачивались под ветерком.

Лена прошла к полю, вошла в него. Маки были высокими, куда выше, чем у нас, она раскрыла сумочку, вытащила оттуда платок с завернутым в него пузырьком, заткнутым резиновой пробочкой. Потом поднесла платок к носу, словно намереваясь высморкаться. Тут скромность одолела даму, и она отвернулась от своих спутников.

Пробка поддалась легко, и несколько капель поппифага упали на листья и цветок мака. Лена заткнула бутылочку пробкой.

Вот и все.

Трудно поверить Николаю, но если поверить, то этого достаточно не только для того, чтобы погубить маки на этой плантации, но и на соседних — насекомые, птицы и даже ветер могут разносить вирус.

— Спасибо, — сказала Лена своим спутникам. — А теперь покажите мне другую делянку.

Они поняли не сразу, но, видно, время было, и шаны подчинились.

Они пошли дальше, а когда проходили мимо шалаша, оттуда спрыгнул голый до пояса дикарь и начал что-то яростно выговаривать шанам. Горцы с презрением отмахивались от него. Он вытащил из-за пояса нож и помахал им в воздухе, не намереваясь никого убивать, а Маун Каун вытащил из-под мышки грозного вида пистолет и тоже им помахал.

Молодой дикарь кричал им вслед, а шаны ускорили шаги — видно, им ни к чему был шум.

Когда они вышли к следующей плантации, Маун Джо сказал Лене:

— Быстро, быстро!

Лена кивнула. Лучше вернуться и потом придумать, как с пользой употребить оставшуюся жидкость.

На этот раз пробочка упорно не открывалась, и вроде бы Маун Джо заметил, что белая женщина занимается недозволенными вещами. А может, торопился, пока не прибежали бандиты генерала Лю.

А вдруг в бутылочке не поппифаг? А вдруг его подменили?

Нет, характерный чесночный запах сохранился на пальцах.

— Пойдем вот так. — Лена показала путь вдоль долины, чтобы пройти мимо еще одной поляны. Но ее спутники отказались.

Они велели ей снова карабкаться наверх.

Они карабкались, стало невыносимо душно, они добрались до вершины, и Лена с облегчением подумала, что теперь начнется спуск к речке. Но она ошиблась. Наверху их ждали солдаты.

Сначала она жутко расстроилась. Ведь она только начала губить посевы. А что, если на этих участках ничего не получилось? Ведь она надеялась потеряться, уйти от шанов. Впрочем, замыслы ее были неконкретны, как будто она должна была ужалить, выпустить яд... или сделать как кета. Кета с запасом неиспользованной икры...

Шаны поднимались покорно — они тоже увидели солдат.

Маун Джо сказал:

— Ты иди, женщина. Тебя ловили.

Он подтолкнул Лену вперед, чтобы показать этим, что он здесь ни при чем, проводник и только.

Все было просто, обыденно, никто не собирался Лену мучить и убивать. Шаны куда-то исчезли. Сначала Лена долго шла по

тропинке, по жаре, солдаты шли быстро, не обращая внимания на нее. Хорошо еще, что она так исхудала за последние недели, что мышцам нечего было тащить на себе. Потом тропинка стала шире, превратилась в грунтовую дорогу, разбитую машинами. Лена представляла себе, как ее приведут к генералу Лю и он будет пытать ее, как советскую партизанку. Думать об этом не хотелось, поэтому она думала о том, что полковник Наронг обязательно придумает что-то, чтобы ее освободить. Он должен успеть, иначе наши мафиози до нее доберутся. А ведь они ей будут мстить за Васю.

Через несколько минут они добрались до небольшой деревни или, вернее, базы в лесу, партизанской базы. Там стояли бараки с окнами без стекол под тростниковыми крышами, в зарослях белело каменное здание, но туда Лену не повели. Ее оставили в небольшом бараке, разделенном пополам вертикальной решеткой. По одну ее сторону стояла лежанка, покрытая циновками. Там предстояло томиться Лене, по другую стояли стол и стулья — там сидели ее стражи, которые ни на секунду не выпускали ее из виду. На это можно бы наплевать, если человеку не надо отправлять надобности. Но терпи не терпи — приходится привыкнуть и к тому, что ты снимаешь грязные, отвратительные трусы на глазах у солдат.

Дня через три, когда в барак заглянул офицер, она постаралась объяснить ему, что человеку свойственно мыться. Тот сморщил нос, почуял что-то, и ей принесли целую бадью теплой воды. Хватило, чтобы помыться и постирать. Это был радостный день.

Мешали жить мыши и тараканы — они не кусались, не злобствовали, но чересчур суетились, а давить их было бессмысленно — новые придут.

Потом потянулись одинаковые дни. Она не стала делать с первого дня зарубок, как граф Монте-Кристо, вот и потеряла счет дням.

Никто не приходил и не спешил ее спасать. Никто не интересовался даже содержимым ее сумки.

Лена сидела в тюрьме вторую неделю, когда Аскольда вызвало к себе высокое начальство.

Не для разноса. Его уже разносили после смерти майора Вероники Кротковой. Она была ценным сотрудником, преданным делу защиты Родины, отмечена наградами и поощрениями, со

знанием иностранных языков, близкий человек к самому генералу Прохорчуку. А с ней погиб еще один агент, Василий Нестеренко, человек, правда, пустой, даже выведенный за штат. Но ведь мы не бросаемся людьми! Нам дорог каждый живой человек.

Нет, не для разгона вызвали Ивана Тимофеевича.

— Мы получили сведения, — произнесло начальство, которое воспринимало себя во множественном числе, — это преувеличение или факт?

— Пока, надеюсь, преувеличение, но, сами понимаете, ручаться может только господь бог.

— Докладывайте, не стесняйтесь. Вы уже достаточно напортачили.

— Эта женщина, — Аскольд говорил с искренней печалью в голосе, — связавшись с одним черным полковником, сумела забраться в такие места, где и мужчине трудно...

— Без эмоций, полковник, — сказало начальство. — Мы с вами не чай распиваем. Смог провалить операцию...

— Не я стрелял, а ваша Кроткова, — буркнул Аскольд, но начальство не любит, когда его перебивают, и потому оно стало барабанить пальцами по столу.

— Продолжай, — сказало оно, отступившись.

— Факт остается фактом, Сидорова жива...

— Не тяни, я понимаю, почему она жива. Уже нет резона убивать ее. Уже не остановишь.

— Главное — достать противоядие.

— Надо было не противоядие искать, а на пути этого...

— Поппифаг.

— Надо же придумать название. Уроды!

— Не мы придумали.

— Продолжай. Объясни мне по-человечески, почему ты ее не убрал с самого начала?

— С самого начала? За что? А потом было поздно. Ускользнула. Вы же знаете, что нет хуже любителей, они непредсказуемы. Профессионала я бы тысячу раз просчитал и снял его... Но главный фактор — ну гениальная баба, преклоняюсь! Кинуть такого гуся! Самого полковника Наронга.

— Не отвлекайся. Читал я объективку на твоего полковника. Большая сволочь. Но нас с тобой это не тревожит. Так что доставай противоядие. И без него не возвращайся. Ты понимаешь, что ты делаешь с мировой политикой?

— Никто, боюсь, не понимает.

Поэтому на некий день заточения к Лене снова пожаловал Аскольд

— Ну и миазмы у тебя, — сказал он. — Пора выбираться на свежий воздух.

Лена встретила Аскольда равнодушно, тупо: она уже одурела от вони, духоты, насекомых. Как удивительно, что человек может пережить все это и даже, если удается заснуть, видеть какие-то цивилизованные, даже радостные сны. Это возмущало — не утешало, а возмущало: хуже нет, чем проснуться и провалиться из веревкинской весны в гниль лесной темницы.

— Я тут тебе банан принес, — сказал Аскольд и протянул банан.

Ему была противна эта баба — удивительно, что совсем недавно он видел в ней прелестную, хоть и грубоватую женщину Это было существо, не более того, все узники постепенно превращаются в животных. Если вам будут говорить о чистых, мужественных и причесанных узниках — это инсценировка, липа.

Аскольд ожидал от нее человеческого движения — отказа от банана.

Но Лена вяло протянула руку, взяла банан и начала его чистить.

— Я стараюсь объяснить тебе, — твердил Аскольд, — что ты на свете живешь не одна.

— А кто еще? — спросила она без издевки, без иронии — просто хотела для себя уточнить, кто же, кроме нее, живет на свете.

Аскольд знал, что у Лены опять подвело живот — ее мучил колит, а может, амебная дизентерия — черт его разберет. А при этом Аскольде приходилось терпеть — не пойдешь же к параше, что стоит в углу темницы

Аскольд не смог сразу ответить на вопрос Лены — он понимал, что тут он бессилен. К каждому человеку можно подобрать ключи через родных, близких или любимых. А Лена была защищена своим сиротством. По ней — хоть все жители земли помрут от простуды — все равно.

Аскольд судил профессионально, упуская из виду важный движущий мотив Лены — месть. Месть тем, кто убил Николая и Бориса, и спасение бесчисленных Николаев и Борисов, обреченных на смерть, если она за них не вступится

— Мы с тобой живем в жестоком мире, — произнес он наконец

— Вижу — Она не улыбнулась

— Мы никогда не сможем сделать его идеальным. Но он, видно, не хуже всех других миров.

— Каких? — тупо спросила Лена, но на этот раз Аскольд не стал ей отвечать, а продолжал свою мысль, чтобы не забыть, не сбиться.

— Оттого, что здесь, в Лаосе или Бирме, крестьяне выращивают мак, их дети могут пойти в школу, а они сами наесться досыта. Так что пойми диалектику — не бывает просто плохого или просто хорошего события. Для того чтобы вырастить, обработать мак, превратить его в опиум, многие и многие тысячи людей гнут спину и честно трудятся Пойми же меня правильно и не старайся показаться романтиком — есть еще тысячи людей, которые хранят, распространяют наркотики, тоже имеют детей и жен — и тоже их кормят. Это работа. Это часть экономики нашей планеты. И еще неизвестно, кого больше — тех, кто трудится, производит наркотики, или тех, кто их употребляет

Тут Аскольд лукавил, но он не давал времени Лене подумать и возразить.

— Там, где есть, скажем, крысы, там существуют и собаки, охотники за крысами.

— Кто собаки?

— Я, к примеру, собака. Ищейка. Я положил жизнь на то, чтобы вылавливать наркотики, уменьшать вред от них, ловить особо наглых и опасных дельцов.

— Ты ловишь? А я думала, ты делаешь.

— Нет, я тебе уже говорил — я сотрудник особого отдела ФСБ. Я и мои товарищи рискуем жизнью, здоровьем — всем, чтобы в мире было меньше наркотиков, меньше бед и страданий и погибало меньше мальчиков.

— Вы? — тупо и недоверчиво переспросила Лена.

— Постарайся мне поверить.

— Нет.

— Тогда слушай и понимай! — Аскольд уже почти отчаялся вдолбить что-либо разумное в голову этой скотины. Пора ее списывать — от нее смысла нет и быть не может. — Слушай. Подумай. Вот в этом мире появились вы с вашим бывшим мужем. И тайком, не поставив в известность соответствующие органы, кинулись наводить в мире порядок А в чем ваш порядок?

— Уничтожать, — сказала Лена.

— Не уничтожать, а умножать, — возразил Аскольд, отодвигаясь подальше — от этой женщины воняло. — Вот ты уничтожила посевы на одном, другом, десяти участках..

— На двух.

— Дура! Ты не знаешь, что творится! Оказывается, этот самый поппифаг распространяется как чума. Вирус переносится ветром, насекомыми, дождем... мы не успели пресечь это в первый день. А сегодня вирусом поражены фактически все поля в долине Сальвина и в верховьях Меконга. Сотни тысяч людей остались без дохода, без денег, теперь они бросятся воровать, убивать друг друга. Был худой мир, он был лучше доброй ссоры. Знаешь, что ты наделала, безмозглая кукла? Ты уничтожила мир.

— Не врешь? — спросила Лена и улыбнулась.

Аскольд удивился — занятый собственными речами, он выпустил из головы, что с дьявольской настойчивостью эта женщина стремилась именно к уничтожению посевов — он признался ей в том, что она его победила. Черт побери, начальству в таких ошибках признаваться не следует.

— В общем, ситуацию еще можно взять под контроль, — сказал Аскольд. — И ты должна нам помочь.

— Зачем?

— Я же тебе объяснил! Чтобы спасти сотни тысяч честных тружеников.

— Значит, больше не будет опиума?

— В этом и заключается твоя главная глупость! — закричал Аскольд. — Свято место пусто не бывает. Мы знаем, как бороться с героином, мы знаем пути и методы, мы можем контролировать его... Ты уничтожишь источники героина, тут же появятся химические средства — они и сейчас уже есть, их куда труднее уловить, они действуют как пули: одна таблетка — и человек погиб. Понимаешь ли ты, что в своей слепоте ты губишь весь мир!

Лена отвернулась от него. Она не могла и не хотела задумываться — она сделала, что хотела, доплыла до нерестилища и погибла. Вот и все. А уж другие пускай решают...

Аскольд знал, что должен пристрелить эту женщину, ничего, кроме отвращения, не вызывавшую. Но не мог этого сделать. Он не убийца. Пускай меры принимает генерал Лю. «Я улечу домой, и мы будем думать, как налаживать новые связи, как выпутываться из смертельной ситуации, в которую нас загнала эта злобная цапля».

Аскольд вышел из темницы. Солдат запер дверь. Аскольд пошел по тропинке среди банановых кущей к бараку — временной базе генерала Лю, у которого тоже возникли серьезные трудности в связи с гибелью посевов.

Генерал надеется на Аскольда. Генерал напуган. Конкуренты,

а еще хуже — бирманские гвардейцы могут воспользоваться его бедами. Самое отвратительное заключалось в том, что стали поступать дикие, невероятные новости из лабораторий: вирус уничтожал сырец — не только мак, но и сырец опиума в лабораториях, и как от этого защититься — непонятно.

Аскольд подошел к бараку.

— Генерал здесь? — спросил он у офицеров, что лениво играли в шашки на веранде, начертив мелом доску и используя вместо шашек крышки от коки и лимонада.

— Подожди, — сказал один из офицеров, — генерал занят.

Они не считали Аскольда достаточно важной фигурой. Аскольд и не настаивал на этом.

Он оперся о перила веранды. Лес подходил к строениям — так их труднее найти вертолетам разведки.

Один из них жужжал неподалеку — Аскольд уже привык к этому, — бирманцы, возможно, готовили очередное наступление, неудачное, как и все предыдущие.

Жужжание превратилось в гул, в рев — это был не один вертолет, несколько машин приближалось к лесному лагерю.

Аскольд перепрыгнул через перила и кинулся к банановым зарослям.

Ракеты с вертолетов разрывались рядом с бараками и над бараками. Зрелище было подобно пиротехническим эффектам американского боевика про вьетнамскую войну.

Аскольд вжался в землю — земля была сухой, в горах давно не было дождя. Мягкий толстый банановый куст свалился перед ним, открыв вид на поляну — из вертолетов выскакивали бирманские солдаты и бежали к баракам. Никто не мешал им.

Аскольд лежал и смотрел, как из разрушенного ракетой барака вытаскивают генерала Лю. У толстяка, видно, были перебиты ноги — они волочились по земле, а в пыли оставалась красная дорожка.

Аскольд стал отползать в чащу, к зарослям бамбука.

Наверное, это было лишним — его сразу заметили. Он увидел дуло автомата и стал подниматься.

— Я случайный человек! — закричал он по-английски.

Солдат расстрелял его.

А полковник Наронг отыскал Лену в темнице.

— Не трогай меня, — сказала она, — я очень грязная.

— Не все ли равно, — сказал Наронг. Но нежных объятий не было. Он приказал вызвать медиков.

Когда он через час пришел в вертолет, где кое-как обмытая и перевязанная она лежала на носилках, Лена спросила:

— Как ты меня нашел?

— Совместная операция, — сказал он. — Мы помогли бирманцам, а они отдали тебя мне.

— Зачем я тебе?

— В гарем, — сказал полковник Наронг.

— На меня нельзя смотреть.

— Я тебя откормлю, — сказал Наронг.

— А где Аскольд?

— Кто?

— Русский, который приходил ко мне.

— К сожалению, здесь не было ни одного русского, — сказал Наронг.

Он протянул ей банку пива. Банка была теплой.

— Спасибо, — сказала Лена. — Так что же с ним случилось?

— Его больше нет. С ним случился... несчастный случай.

— Ну и хорошо, — сказала Лена. Ей не было жалко Аскольда. Она так и не поверила тому, что он боролся с наркотиками. Он был одним из них.

— Ты не полетишь со мной? — спросила Лена

— Я прилечу к тебе вечером.

— Куда?

— В госпиталь в Чиангаре.

— Спасибо, — сказала Лена.

— Я не хотел оставлять тебя здесь, — сказал Наронг. — Я тебя люблю.

И подошел к люку, там обернулся и помахал ей, словно стеснялся слов, которые вырвались у него, отважного черного полковника.

Когда вертолет поднялся, она села на носилках. Два солдата и медсестра, что летели с ней, не мешали.

Лена стала смотреть в круглое окошко вертолета. Ей хотелось убедиться в том, что и в самом деле ей что-то удалось.

Внизу были горы, зеленые массивы леса, бурые и зеленые проплешины полей Правда, красных заплат она не заметила.

В госпитале ей сказали, что она истощена, и физически, и морально. Ей надо отдохнуть. В санатории.

Она легла в постель и задремала. Было чудесно, она была чистой-чистой, отмытой, продезинфицированной, даже волосы, хоть их и остригли бобриком, были сказочно чисты. «Вы не поймете, — повторяла Лена, — что значит для женщины стать чистой

после долгих-долгих дней в темнице с тараканами и крысами. Я могу понять графа Монте-Кристо, который так беспощадно мстил своим тюремщикам». Но ее-то тюремщики уже уничтожены. Нет Аскольда, нет генерала Лю.

Ее разбудили два офицера, полицейские. Они принесли ей джинсы, белье — целую сумку, словно кто-то ходил в магазин и выбирал по ее размеру. Она обрадовалась тому, что Наронг продолжает заботиться о ней.

Офицеры попросили ее одеться и подождали в коридоре.

Пришел доктор и вежливо попрощался с Леной. На дорогу он дал ей с собой таблетки в баночке. Велел принимать через четыре часа. Таблетки назывались «валиум» — наверное, вроде валерьянки.

Сандалии немного жали, с белья и джинсов она сорвала этикетки и наклейки.

Один офицер шел впереди, второй сбоку, они не разговаривали с ней, и Лена решила, что она сейчас увидит Наронга.

Серая машина, «Тойота», ждала у входа в госпиталь.

Они доехали до аэродрома. Все было рассчитано точно. Ей вручили билет до Москвы. И сто долларов.

— А где Наронг? — спрашивала она. — Где полковник Наронг?

Ей никто не ответил.

Лена поняла, что так, наверное, лучше всего — она сравнила фотографию в паспорте с собой в зеркальце.

В Шереметьеве пограничница тоже долго сравнивала ее с фотографией, и Лена ее понимала.

Ее так и не пропустили на Родину Пришел лысый майор и отвел ее в белую комнату.

Два часа Лену допрашивали, где она пробыла все это время, не видела ли она там наших граждан и прочую чепуху. Она отвечала, что была больна и лежала в деревне. Так случается — заблудилась и заболела.

Ничего они от нее не добились.

Потом майор и второй, в штатском, вышли, но дверь закрыли неплотно, и Лена услышала, как майор сказал:

— Пока пускай едет, ничего не добьемся.

— Может, изолировать?

— За что?

— Героин?

— Ты ей подсовывать будешь? Да? А санкции ты получил?

— А если он вернется?

— Вот вернется, и решим... А пока...

Что «пока», Лена не узнала, потому что штатский заметил щель и прикрыл дверь.

Может, они не знают, что случилось с Аскольдом? Места там глухие, базу уничтожили полностью...

Майор ей сочувствовал. Неизвестно почему. Прощаясь, передал ей скоросшиватель с ксероксами статей из газет.

— Ознакомьтесь в поезде, гражданка Сидорова, — сказал он.

Лена подумала, что слово «госпожа» произносить неловко, не прививается оно в России.

В поезде Лена начала читать. И удивилась — в суматошном ускоренном движении последних дней она не замечала нарастающего гула лавины, которую сама же столкнула.

Она читала заметки по порядку, с того дня, как она попала на участок опиумного мака, и до последних новостей.

Сначала шли сообщения туманные и не всем понятные:

«По сведениям западных агентств, в известном центре наркобизнеса, так называемом Золотом треугольнике, появилась неизвестная ранее болезнь, поражающая плантации мака...». «Вирус, поразивший посевы опиумного мака в Юго-Восточной Азии, продолжает распространяться. Ученые не торопятся с выводами». «Азиатские наркобароны не могут выполнить обязательства перед рынком. Обострение положения в Золотом треугольнике...». «Передел собственности в мире наркотиков. Бои в районе Сальвина. Гибель диктатора джунглей — генерала Лю». «Бешеный скачок цен на мировых рынках героина. Перестрелка на Шереметьевской таможне. Активизация афганских боевиков на Памире».

Лена, конечно, понимала, что это все — ее месть. Но когда ты сидишь в недотопленной электричке, по проходу спешит продавец газет с криком: «Бои в районе Ходжента. Боевики оппозиции захватили горный перевал», а за ним другой продавец, стараясь перекричать первого, взывает к любителям шоколада с фруктовой начинкой, когда на твоих туфлях лежит чья-то собака, а сверху норовит упасть лопата, в такой момент нельзя, невозможно воспринимать себя спасительницей или губительницей мира.

Лена не смогла дочитать заметки в скоросшивателе, хотя путешествие до Веревкина неблизкое. Но она откладывала их, потом начинала читать снова — ей не было страшно. Это чужое. Даже когда в одной из последних заметок было сообщено, что вирус

мака уже перекинулся на посевы риса, что ставит под угрозу урожай в Юго-Восточной Азии, она не встревожилась. Она стала думать, как ей объяснить свое отсутствие директору школы, а потом вспомнила, что надо сделать камень на могиле Бори... и на могиле Николая, ведь свекровь не поможет... «Что же ты, кета? — спохватилась она уже на платформе в Веревкине. — Выметала икру и собираешься жить дальше?»

«Не знаю, — ответила она себе. — И беспокоюсь — как там полковник Наронг?»

Пошел первый снег. Он падал на грязные лужи, дул пронизывающий ветер — сразу запершило в носу. Организм привык к тропикам.

Ожидая на площади перед вокзалом автобус, она увидела, как Оксана, бывшая подруга Бори, садится в белые «Жигули», а ее там ждет черноволосый парень. Может, брат, может, жених. Окликнуть ее? Захочет ли Оксана вспомнить Борю?

Пока Лена стояла в нерешительности под мокрым снегом, Оксана увидела ее. Она захлопнула дверцу машины, опустила стекло и, когда проезжала мимо, помахала из машины Лене.

— С приездом! — крикнула она.

Это хорошо, что такая плохая погода. Лена никого не встретила ни на улице, ни во дворе. Прошла к себе. Из почтового ящика торчали газеты, те, что не поместились, лежали на полу, под ящиком, аккуратно сложенные в стопку кем-то из соседей.

Лена собрала газеты, прошла в дом.

На кухне на столе стояла чашка Бориса с темным сухим осадком на дне.

Лена села за кухонный стол и заплакала. Она долго плакала.

Потом стала убираться, мыть пол, принялась за стирку — как автомат. И все плакала.

Потом села за кухонный стол и стала читать газеты за последние дни. И почти сразу наткнулась на заметку — ну прямо как судьба распорядилась: «В интервью, которое дал корреспонденту агентства «Рейтер» начальник управления по борьбе с наркотиками Таиланда бригадный генерал Наронг Чинарат, тот заявил, что сама природа пришла на помощь правоохранительным органам, наслав заразу на маковые поля. Генерал Наронг Чинарат заявил, что он надеется на успехи ученых, которые спасут от вируса посевы риса».

«Вот и слава богу, — сказала Лена. — Хоть он жив. Они там так боялись, что Наронг женится на мне...» Ей хотелось верить в

то, что ее выслали враги Наронга. Это было совсем не похоже на предсмертное поведение кеты.

На следующий день Лена пошла к свекрови. Свекровь была ею недовольна. Никакой заботы о семье. «Ты сама виновата в *собственных несчастьях*».

В школе директор обрадовался ей и старался вести себя обыкновенно.

— Когда выходим? — спросил он.

Лена обещала выйти сразу после каникул.

В кафе «Свежий ветер» было пусто. Там открыли окна, покрасили стены в желтый цвет. Стало светло и скучно. Оказывается, кафе перекупил какой-то кавказский человек. Неделю назад была колоссальная для Веревкина разборка, старые хотели получить кафе обратно. Но его уже защищала милиция. Вы помните Буреева? Здоровый такой? В больнице умер, не приходя в сознание.

Через два дня неожиданно приехал майор Виктор Степанович из Москвы. Он сказал, что стали известны обстоятельства гибели Ивана Тимофеевича. Лена с трудом сообразила, что имеется в виду Аскольд. В связи с этим у органов появились новые вопросы — не будет ли любезна гражданка Сидорова на них ответить, ведь она была в тех краях именно в те времена? Что знает? А вдруг встречала Ивана Тимофеевича?

И тут Лена сказала — чего ей бояться? — что он допрашивал ее в лагере генерала Лю. Честное слово. Потому что он сам принадлежал к мафии.

— Чепуха, — ответил неуверенно майор Виктор Степанович, которому далеко не все сообщили, — по моим сведениям, он был внедрен в их системы.

Лена напоила Виктора Степановича чаем. Он был вдовцом, сын *учился в Петербурге, дело с наркотиками ему навесили* из-за болезни другого сотрудника. Виктор Степанович рассказал Лене куда больше, чем положено, но, конечно же, не все.

Виктора Степановича беспокоило распространение вируса. Оказывается, в газетах пишут далеко не все. Уже ООН занялась этой проблемой. Урожай в Таиланде погублен, стране грозит голод, болезнь перекинулась на Лаос, Бирму и даже Вьетнам. Есть случаи гибели посевов в Индонезии. Наступает мировая катастрофа.

— А мак? Опиум? — спросила Лена. Она не осознавала мировую катастрофу, она хотела узнать, исчез ли в мире героин?

— Какой там опиум! — сказал Виктор Степанович. — Конечно же, героин почти исчез. Конечно же, цены подскочили...

— Но молодежь не может купить так дорого, — сказала Лена. — Значит, сокращается...

— Что сокращается? — спросил Виктор Степанович.

— Потребление.

— Может быть, я не специалист, — сказал Виктор Степанович. — Но свято место не бывает пусто. Завтра им подсунут другие наркотики.

— Но не опиум! — закричала Лена.

— Ну, не опиум, — согласился Виктор Степанович, который не понял, почему так взорвалась его собеседница.

Он уехал с вечерним поездом, долго топтался в передней и сказал, глядя печальными карими глазами на Лену:

— Если бы вы позволили, я бы вас навестил снова... или, может, вы приедете в Москву? У меня есть знакомый режиссер, я могу достать билеты в Дом кино.

— Спасибо, — сказала Лена.

Всю зиму ученые то открывали противоядие против вируса, то сдавались. Лена позвонила Виктору Степановичу, тот обрадовался, думал, что Лена хочет встретиться, а она сказала, что вирус называется поппифаг и Николай оставил записи в сейфе института.

Виктор Степанович вздохнул и ответил, что все это было известно органам еще до ее возвращения. Но вирус уже настолько мутировал, что даже если бы нашли против него вакцину, она бы не помогла спасти рисовые посевы. Тем более что болезнь перекинулась на Китай. Вы понимаете, чем это грозит?

Лена сказала, что понимает, но в самом деле хоть и должна была связать свой рейд с мировой катастрофой, этого не делала. Иначе получалось бы, что права не ее ненависть, а Тигриный глаз. Аскольд, оборотень Иван Тимофеевич. А так нельзя...

Весной официально было объявлено, что болезнь распространяется на пшеницу. Страны закрывали границы и объявляли карантин. Первый белковый завод в Москве открылся на базе Останкинского комбината, но работал он на нефти — надо же было кормить скот. Хотя скоту недоставало пищи и коров резали.

У Лены еще оставались доллары. Она поставила камень — общий — на могиле Николая и Бори, хотя свекровь возражала и требовала отдельные памятники.

Зарплата была маленькая, но если ничего не нужно, то и на зарплату проживешь.

Лена собрала все оставшиеся деньги — долларов триста — и пошла к Клаве. Ей сказали в школе, что Клавка живет плохо.

Клавка, увидев Лену, принялась реветь. Она легко ревела. Ее

супруг разорился и от мести подельников свалил в Штаты. Обещал ее вызвать к себе — и с концами! «Ты понимаешь, он меня бросил и теперь трахает фотомодель! Он всегда мечтал о фотомодели».

— Кому он там нужен! — неосторожно сказала Лена.

— Мне-то был нужен, — обиделась Клава. И тут же забыла о бедах, стала спрашивать — что там, в Таиланде, что можно купить? Она собиралась заняться челночным бизнесом, даже нашла себе спутника, но тут начались эти перевороты и беды с пропитанием — даже в Турции! Вот и приходится влачить.

Лена вынула триста долларов и дала их Клавке.

Когда Клавка отревелась, она стала звать Лену в челноки. Ведь людям всегда надо одеваться, даже если вместо хлебушка ты жрешь белковые котлеты.

Лена отказалась, но показала ей звездный сапфир.

Клавка, как сама сказала, отпала.

— Я все продам, — сообщила она, — даже квартиру. Ты его на мои деньги купила?

Если сказать, что так, Клавка умрет, но отнимет.

— Нет, — сказала Лена правду, — мне подарил поклонник.

— У тебя? Был? Такой? Поклонник?

Если бы Клавка посмела, она бы продолжила монолог и рассказала бы Лене, что у той не фигура, а стиральная доска. Но не посмела, а стала просить камешек на время. Лена его, конечно, не оставила. Она любовалась им. Он напоминал Наронга, золото Меконга и звон цикад.

ЗОЛУШКА НА РЫНКЕ

1

— Дашенька, Дашечка, лапушка, лапочка! — с таким криком по зеленой траве космодрома неслась, подпрыгивала, взлетала высоко в воздух и кружилась в вихре веселья Валерия Никодимка.

— Дашенька, Дашечка! — передразнил ее Паскуале, старый ворчун.

Она налетела на Дашу, как большая восторженная собака, как теплый шквал, как рой тяжелых, переполненных нектаром тропических бабочек.

Дарья не удержалась на ногах и сдалась напору жарких поцелуев и тесных объятий.

Они покатились по мягкой траве, и Даша только и могла повторять:

— Ну и толстая ты стала, Валерка, ну и толстая ты!

Они скатились с пригорка в ложбину, где росли стаканчики с мороженым — опасная выдумка Лаборатории Наслаждений, перемазались вишневыми сливками, а Паскуале стоял на пригорке и кричал:

— Только не ешьте, только не ешьте, мороженое еще не поспело! Животами будете маяться.

Это показалось девушкам настолько смешным, что они зашлись в хохоте, и Даша чуть не упустила тихий писк на виске — ее вызывали из подводного Хозяйства — они обещали позвонить в четыре, но только сейчас, в половине шестого, им удалось поймать плезиозавра. Это долгая и не очень интересная история, сплошная палеонтология, правда, имеющая немалое научное значение. Ведь это первая и пока не очень удачная попытка поселить в глубинах Тихого океана морских динозавров, возрожденных из окаменевших ДНК. Скучная история, обещающая немало интересного в будущем.

Платформа со знаком Московской Президентуры нырнула в ложбинку и зависла в метре над травой.

— Только не измажьте ее мороженым, — велел Паскуале.

— Старый ворчун! — сказала Даша.

— Мы ее оближем, — сказала Валера.

Они вспрыгнули на платформу, на мягкий ковер-самолет, который неловко было назвать ковром, ненаучно, потому его по настоянию изобретателя именовали идиотским словом «платформа».

Паскуале летел следом, сам по себе.

— Разгоняет воробьев, — сказала Валера.

— Ты его *помнишь*?

— Еще бы! Но он постарел.

— Ты тоже не помолодела.

— Тридцать лет — роковой возраст. Если не выйду замуж в ближайшие тридцать лет, придется остаться старой девой.

Платформа сбавила ход — они пролетали сквозь пляж воздушных ванн. Здесь на стометровой высоте, как раз над Окой, по уверению модного целителя, имени которого Даша запомнить не могла, получался самый лучший, здоровый загар. Люди верили, висели часами в воздухе, поворачиваясь, как курицы на вертеле, чтобы достичь «равноосмугления». Это же надо придумать такое слово! Человечество неизлечимо.

Платформа пошла вниз, загорающие махали вслед.

— Тебя любят? — спросила Валера.

— Я не задумывалась, — ответила Даша. — Наверное, если бы я начала задумываться, то восприняла бы себя всерьез. А это катастрофа.

В загородном дворце кипели невидимые для окружающего мира, но интенсивные приготовления к празднику.

Президент Московской Федерации Дарья Иванова, тридцати лет от роду, собирала друзей, однокашников, группу, в которой училась в Архитектурном институте.

В большинстве своем выпускники остались на Земле, многие в России, так что они слетятся к началу ужина, но некоторые, как, например, лучшая подруга Валера, оказались вне планеты. Кто по работе, а кто по семейным обстоятельствам. Валера, к примеру, сразу после института выскочила замуж, ради семьи бросила работу, кинулась за мужем осваивать луны Сатурна — ах, какая экзотика! — семья рассыпалась, муж сбежал обратно на Землю, а Валера осталась с двумя детьми на Базе.

Во дворце Дашу уже поджидали Борька Брайнис с Галкой, Дима-Помидор и совсем не изменившаяся Вера Черникова. Вера любезничала с волосатым, но лысеющим бардом, Борька вяло слушал, как его жена спорит с поваром по поводу торта, и при

виде хозяйки дома сообщил, что звонила Марина. Сейчас будет. И все удивятся.

Появилась Марина, и все удивились. Когда учились, в Марине было два метра без малого, она была центровой в институтском баскете, но на дипломе в нее влюбился принц пигмейского племени из Конго. Он буквально проходил ей между ног. Любовь — загадочное чувство. Марина-Марешок чуть не завалила диплом, она не вылезала из коротковатой койки принца, который что-то осваивал или изучал в Москве, она уверяла, что более бурного и настойчивого любовника быть не может, она хладнокровно выдерживала все насмешки однокашников, она не явилась на церемонию вручения дипломов, потому что в тот день улетела с возлюбленным в Африку

А потом, как всем в группе было известно, случилась трагедия.

Отец принца, король племени, а также все влиятельные члены рода категорически воспротивились браку принца с этой белой дылдой. Либо она будет как все нормальные люди, либо пускай уезжает в свою ледяную Москву.

И любовь победила.

Марина-Марешок подвергла себя сложной операции, чтобы угодить родне и остаться на берегах Конго.

В небе материализовался, окутанный облаком протоматерии, катер с гербом Пигмейской автономной области.

Женский голос произнес:

— Снижаюсь в капсуле. Разойдитесь с газона, а то зашибу.

Гости и повара кинулись в разные стороны.

Капсула опустилась, в ней открылся люк, в люке появилась Марина-Марешок, которую было трудно узнать, потому что она была не более ста тридцати сантиметров ростом, чернокожа, курноса и губаста. В остальном она мало изменилась.

— Ах, — сказал Паскуале, — любовь побеждает рост.

— Но природа побеждает законы людей, — поправил его Борька Брайнис, потому что следом за Мариной из капсулы выбежали, резвясь, все пятеро ее детей — наследных принцев и принцесс Пигмейской автономной области республики Конго: шести лет, пяти лет, четырех лет, трех лет и двух лет. Все они, несмотря на нежный возраст, баскетбольного роста, нежной белой кожи и орлиных, *подобно прошлой Марине*, черт лица.

Мама стояла перед своими детьми, как болонка перед стаей борзых.

Дети прибежали пробовать сладкое, что им дома категорически запрещалось, потому что пигмейские принцы и принцессы

должны собирать в лесу грибы, ягоды, червяков и лягушек и этим питаться.

Но самое удивительное произошло потом.

Стоило детям отойти подальше, а соученикам по группе заняться разговорами, как из капсулы вылез маленький пигмей в форме пилота пигмейской авиации. Он принялся жарко целовать Марину, а затем увлек ее обратно в капсулу, которая начала чуть раскачиваться от страстных действий пигмея и пигмейки.

— Это ее муж? — спросил Паскуале, заметивший исчезновение королевы пигмеев.

— Это ее пилот, — поправила Паскуале Валера.

И Паскуале, сторонник католических догматов, приуныл. Он терял веру в людей.

Дарья ждала, когда приедут друзья с Урала — Нектарий и Спок Они скажут ей, куда делся Вадим. Вадим, отвергнутый ею и оскорбленный так жестоко.

А до того ей пришлось вернуться к делам Федерации.

Звякнул вызов, и Даша убежала к себе в кабинет, чтобы не нарушать делами веселье.

Диетологи города Икши били тревогу: средний вес жителей города превысил все допустимые нормы. Но комитет по защите прав граждан отказывался одобрить строгую диету, на которую гражданам положено было сесть. «Или булки, или жизнь!» — под этим лозунгом колонна диетологов вышла на улицы Икши.

Даша связалась с Министерством внутренних дел. Поднять по тревоге Таманскую дивизию, приказала она. Пусть ждет указаний. Мы не можем допустить, чтобы нарушались основные права наших граждан — пить, есть, спать, любить и заниматься творческим трудом.

Тут же откликнулся Верховный суд.

Мнение суда сводилось к тому, что действия диетологов, уже взорвавших несколько кондитерских в городе, диктуются гуманной заботой о гражданах. Следует искать компромисс.

— Не люблю диетологов. В конце концов они придут к власти, и мы все поломаемся от первого порыва ветра, — сказала президент председателю Верховного суда.

— Я сам их побаиваюсь, — ответил председатель, озабоченно почесывая округлое брюшко. — Вот-вот до меня доберутся... Они и в могиле до нас доберутся... Вы не поверите, но у нас появился проект диетологов о недопущении общественных похорон в открытых гробах людей, чей вес больше чем на пуд превышает норму.

— А что же делать? — ахнула Дарья.

— Только в цинковых гробах и только на загородных кладбищах.

— Это бесчеловечно. Пора всерьез заняться диетологами!

— Но это будет нелегко сделать. В конце концов, мы демократическое общество и сами вызвали к жизни этого Франкенштейна!

— Кого?

— Некий Франкенштейн сотворил чудовище. В начале девятнадцатого века. Как бы продолжение самого себя.

— Хорошо, займитесь этим, — быстро сказала Даша и отключила видеофон, потому что наглый Ким Ду, воспользовавшись тем, что Даша поглощена разговором с судьей, обнял ее и принялся нежно, до щекотки, целовать в шею.

— Ким Ду, я тебя убью, — сказала Даша. — Как ты смеешь это делать, когда в любую минуту кто-то может войти. Ты забываешь, что я — президент этой страны, государственный чиновник, можно сказать королева и повелительница. Я тебя посажу в тюрьму и велю отрубить твою наглую голову.

Ким даже не стал смеяться. Ему было некогда, он старался раздеть Дашу, к чему она была совершенно не готова.

— Ты сошел с ума! — воскликнула она, отчаянно борясь со сладким предвкушением любви, которое разлилось по всему телу. — Это платье мне специально привезли из Парижа. А ты его мнешь!

Ким Ду даже не отвечал. Он добрался своими тонкими хваткими пальцами до застежек.

— Ты не артист, ты мерзавец! — шептала Даша, уже почти не сопротивляясь. Она лишь успела нажать на кнопку возле канапе, и на автоматически замкнувшейся двери загорелся красный огонек и под ним — зеленая надпись:

НЕ ВХОДИТЬ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ СОВЕЩАНИЕ

В этот момент на поляну перед дворцом опустился корабль, на котором прилетели Нектарий и Спок.

— Президент занят, — мрачно сказал Паскуале. — Чрезвычайное совещание.

— Надолго? — спросил обросший красной бородой Нектарий.

— Ах, эти женщины! — сказала Валерия, которая как лучшая подруга была к Даше снисходительна. — Им нельзя доверять дела государственной важности, потому что в решительный момент их блудливая натура возьмет верх.

Все вокруг засмеялись, потому что любвеобильность Валерии стала притчей во языцех еще в институте.

Но Даша, как президент страны, никогда не забывала о своем долге. Даже трепеща маленькой птичкой в нежных объятиях музыканта, она не выключила аппаратов внешней связи, которые передавали в ее кабинет все сказанное на поляне перед дворцом.

— Хватит, Кимуля, — сказала президент, чувствуя, что музыкант вот-вот овладеет ею.

— Что случилось? Вы холодны ко мне? — обиделся Ким Ду. — Может, мне уехать? Может, я вам надоел?

— Нет, все не так просто, — ответила Даша. — Помоги мне застегнуть платье. Я жду вестей о мужчине, которого я любила, но отвергла, потому что он показался мне дурно воспитанным дикарем.

— А теперь вы передумали?

— Вот именно. Сейчас меня тянет именно к дурно воспитанному, но искреннему в своих чувствах и словах дикарю.

— Я вас не понимаю, — сказал Ким Ду. — Мне за вас обидно. У вас одна пуговичка отлетела.

— Можно ли сейчас думать о пуговичке?

Президент выключила запретную надпись у двери и вышла к друзьям.

Она поцеловалась с Нектарием.

— У тебя страшно щекотная борода.

— Мне надо перекинуться с тобой двумя словами.

— Можно здесь?

— Какие могут быть тайны от друзей! Наш председатель Собрания просил передать тебе письмо. Он предлагает установить таможенный союз. Наша беда в том, что челноки из Тулы проникают на наши плантации, не платя пошлин.

— Какой стыд! — воскликнула Даша. — Ты знал об этом, Паскуале?

— Нам не доложили, — вздохнул Паскуале.

— Ах, ты опять лжешь, старый негодник, — засмеялась Даша. — И что же предлагает ваш председатель?

— Он бы хотел встретиться с тобой, Дашка, и лично все обсудить.

— Исключено, — возразил Спок. Его тут же поддержал Борька Брайнис. — Этот председатель надеется получить твою руку и сердце. Он женится на тебе и превратит славное Московское княжество в сырьевой придаток своей Марсианской империи. Народ будет недоволен.

— Мы будем недовольны! — захохотали остальные гости.

— Ты лучше скажи мне, — Даша возвратила Нектарию письмо, — где Вадик, что с ним? Здоров ли?

— Он только что покорил гору Эребус на Марсе, — сказал Нектарий. — Пешком, без кислородного прибора на высоту больше десяти километров.

— Больше двадцати, — поправил его Спок.

— Да кто у нас на Марсе считал! Главное, что без прибора. Но его спасли.

— Плохо? Очень плохо? — испугалась за бывшего возлюбленного Даша.

Тут раздался звон тысячи колокольчиков.

— Просим всех к столу! — провозгласил шеф-повар. — Всех гостей к столу.

— Погоди! — отмахнулась Даша. — Где Вадим? Как себя чувствует?

— Он страшно огрубел на высоте без кислорода под палящим марсианским солнцем, — вздохнул Нектарий. — Он на человека не похож.

— Но продолжает любить тебя, — сказал Спок.

— Паскуале, — строго приказала Даша своему премьеру, — немедленно дай правительственную на Марс: «Доставить за счет нашего государства альпиниста Вадима Глузкина в городок Веревкин на минеральные воды для прохождения курса лечения».

Даша закручинилась.

Она понимала, что пропасть между ее изящной и изысканной натурой и грубостью Вадима еще более расширилась и углубилась.

А вокруг никто и не замечал ее печали.

— Соловьиные язычки, соловьиные язычки, — повторял Дима-Помидор, который так и не изменился за десять лет. — Я себя чувствую императором Тиберием. Но боюсь, что меня растерзают экологи!

— Не волнуйся, Димка, — сказала Даша. — Экологи тебя не тронут. Неужели ты думаешь, что в нашем почти сбалансированном, почти счастливом мире кто-то поднимет руку на соловья! О нет!

— А жаль, — сказал Дима-Помидор, которого порой посещали странные прозрения. — Потому что они столь же нереальны, как и весь наш мир. Мы с тобой придуманы, мы придуманы кем-то очень несчастливым, как сладкий сон. Страшно проснуться...

— Не знаю, а мне кажется, что я прожила в нашем выдуманном мире большую часть своих тридцати лет.

— Большую часть! — воскликнул Дима-Помидор. — Но не лучшую.

Даша не успела ответить Диме, так как к ней подошел один из гвардейцев.

— Госпожа, вас немедленно требуют в кабинет.

— Кто требует?

— Некто, кто знает ваш секретный код.

— Он мог бы вызвать меня напрямую.

Гвардеец пожал могучими плечами ватерполиста (именно из ватерполистов набиралась гвардия президента) и произнес:

— Кто их всех знает...

Неприятное предчувствие кольнуло Дашу в самое сердце. Что случилось?

Стоя вокруг овального белого стола, друзья подняли бокалы с шампанским за здоровье Даши, Дарьи, Дарьюшки, их любимой подружки и добрейшего президента славной Московии.

Неужели пора? Неужели так быстро пронеслось время? О нет, как мне не хочется, именно сегодня! Где ты, профессор Тампедуа? Пожалей меня, дай насладиться весельем! Я не хо-чу!

Сколько-то минут у нее осталось.

Даша быстро прошла к себе в кабинет.

Там было полутемно.

— Кто вызывал меня? — спросила она.

— Это я, — прозвучал знакомый хриплый голос.

— Вадим? Как тебя пропустили гвардейцы?

— Я помню секретный пароль.

— Давно следовало бы переменить его.

— Ты не хотела, чтобы я приходил?

— Я всего-навсего слабая женщина, — сказала Даша.

— А я оказавшийся слабым мужчина. Я хочу тебя, я стражду тебя!

Дарья подошла поближе к отвергнутому возлюбленному.

Лицо Вадима было обезображено марсианским ожогом, глубокие шрамы пересекали щеки, делая его почти неузнаваемым.

Он протянул к ней в мольбе широкие, огрубевшие от канатов и ледоруба ладони.

Лишь глаза Вадима оставались прежними — голубыми, небесными, безоблачными.

— Неужели ничего в твоем сердце не шелохнулось?

— Я не могу сказать... — Но сами ноги уже несли Дашу. Она приближалась, желая и не желая того, что должно произойти.

В мозгу зазвенел звонок.

Она не могла, не смела сопротивляться ему.

— Прости, Вадик, — сказала Даша изменившимся голосом. — Прости, я тебе все объясню...

Как Золушка, убегающая с бала, Даша метнулась к внутренней двери, ведущей из кабинета в транстемпоральный отсек.

— Что с тобой? — кричал ей вслед принц.

— Я не могу тебе сказать! — отозвалась на бегу Золушка. — Фея сердится на меня.

Транстемпоральный отсек был безлик, неуютен и официален, как приемная дантиста. Как ни украшай ее искусственными цветами, легче не станет.

Золушка кинулась к карете, пока она не стала тыквой.

Вот он, прикрепленный к стене над кушеткой, плоский серый металлический квадрат.

Надо только приложить к нему ладонь.

Золушка кинула взгляд на часы, тикающие над темпоральным квадратом.

Время! Часы бьют полночь!

И со вздохом Золушка приложила ладонь к квадрату.

Беззвучно в беззвучии отсека загорелись, перемигиваясь, миниатюрные огоньки.

И все пропало...

2

Занавеска была рваной. Когда у тебя хорошее настроение, это даже интересно — можно подсматривать за тем, что там делает тетя Шура.

Тетя Шура — неудавшаяся актриса, может, даже гений. Она играет всегда — и когда одна, и когда в компании. Ее актерские способности выродились в умение разнообразно и щедро врать. На публике она делает вид, что не врет, иначе как поверят! Зато дома, одна, она выступает как Комиссаржевская.

Вот и сейчас она подошла к зеркалу с недопитой бутылкой, но не пьет сразу — видно, только что поднялась, еще не подперло, она держит бутылку в руке и говорит ей:

— Бедный Йорик.

Это что-то знакомое. Дарья смотрела в кино старый фильм, там Смоктуновский играл. Тоже держал черепушку. А потом его самого отравили.

— Хватит кривляться! — Дашу вдруг одолела злость. Ничего не поделаешь — с такой жизнью нервов не осталось.

Даша со злостью отдернула занавеску, та оторвалась от проволоки с таким треском, что кого хочешь испугаешь.

Тетя Шура тоже испугалась. Она ведь глупая.

Тетя Шура завопила и запустила бутылкой в Дашу.

Даша не ожидала, что свекровь сможет расстаться с такой драгоценностью. Видно, в роль вошла.

Поэтому Даша и не отклонилась толком. Бутылка долбанула ей по скуле — синяк будет! — бабахнулась о стенку, и во все стороны полетели осколки. Стеклом Даше поранило руку, которой она хотела закрыться. Кошмар какой-то. Лучше бы и не просыпаться.

— Я тебя убью, — сказала она тете Шуре. — Я тебя, гадюка, собственными руками придушу!

Ей казалось, что она говорит спокойно, но, наверное, завопила, потому что с некоторой оттяжкой в стену замолотил пенсионер Срунов — честное слово, такая фамилия. Он бегает по своей квартире и молотит в стенки — всем соседям надоел, скорей бы его в психушку забрали. Даша ему говорила — будет себя так вести, напустят на него братву, они его в психушку, а квартиру на продажу! Да разве он поймет?

Тетя Шура села на диван и принялась рыдать. Что ее жизнь проклятая, что ей плохо, никто ее не любит и не уважает, и последнюю водку Дашка вылила. Как будто эта водка с Дашиной кровью не смешалась. Конечно, тетю Шуру можно пожалеть. Сын сидит, муж под электричкой пострадал, в доме инвалидов мается, даже внуков бог не послал. И сама артритом измучена. Все ясно, но зачем бутылками умышленно бросаться. Ведь ее счастье, что Даша ей попалась мирная, тихая, все говорят. Другая бы давно выгнала.

Тетя Шура рыдала, от страха или стыда, а может, жалела бутылку. Срунов все еще постукивал в стенку, ждал ответных действий.

Даша пошла в ванную, помылась, потом наложила пластырь на скулу. Надо бы еще и второй — на плечо, но пластыри кончились.

Посмотрела на себя в зеркало — краше в гроб кладут.

Долго причесывалась. И думала, возьмет ее на работу Ахмед или не возьмет. Ахмед человек немолодой, у него семья, может, приставать не станет.

«Ну почему я такая невезучая!» — внутренне закричала Даша. Ведь все было хорошо, жила в Ашхабаде, мать была, отец — бухгалтер. Девчонкой попалась на перестройку. Там, в Туркмении, осталась мать, отца уволили, он от инфаркта умер, а мать живет как-то с сестрой. Не пишет. На марках экономит. А Даша как окончила школу, познакомилась с лейтенантом Костей. Славный парень, танкист, загорелый до черноты, за ним многие ухи-

вались — часть стояла под Ашхабадом, как раз за школой. Вышла замуж, поехали потом с его частью на Север, в Кандалакшу. Кому нужны танки в Кандалакше? Кому-то нужны.

В дверь молотили.

Даша была в халате, кровь проступила на плече, вышла к двери.

Там стояла толстая, как квашня, мать Тамарки, той самой, с которой осенью Даша ездила в Турцию челноками, а их на обратном пути ограбили и изнасиловали в поезде. История противная, но еще и страшная, потому что за груз надо было расплачиваться — ездили на процентах от реализации.

Мария Павловна была заплаканная, вся тряслась. Даша сразу поняла — беда с Тамаркой.

— Что? Говори, что?

Даже не позвала зайти. Сама начала трястись.

— Машиной сбили, — плакала Мария Павловна. — В Туле, возле фабрики, вечером шла, ее и сбили.

— До смерти?

— В реанимации лежит, положение, говорят, средней тяжести. Позвоночник поломали.

Даша поняла, надо звать Марию Павловну внутрь, слушать ее, сочувствовать, а тут еще тетя Шура вмешается со своими глупостями.

Но Мария Павловна заходить не стала. Повернулась и пошла прочь. На лестнице, пролетом ниже, села на ступеньки и стала плакать дальше.

Даша не побежала за ней. Она закрыла дверь, заперла ее на нижний замок. И снова пошла в ванную. Там села на стульчак — санузел совмещенный. На стульчаке хоть думалось — никто не пристает. В санузле было окно — редко так бывает в трущобах, а тут было. Окно открыто, внизу под окном обычный скандал, опять Олеся грозится повеситься от любви к Леше Хруничеву. Она приехала на джипе своего нового парня, крутого, он ничего не понимает — зачем ей Леша? Но может и убить. Надо бы сказать Тане, его сестре, чтобы не выпускали Лешку из дома... Но тут мысли опять закрутились невнятно и бездарно.

Детей у них с Костей не было, что-то у него не так. И, наверное, это здорово — сейчас бы она возилась с малышом, никакой любви не хватит. Детей заводить — дорогое удовольствие, не по карману жене лейтенанта-наркомана. Костя недолго кололся, она даже не догадалась. Он стал воровать — на складе, в части, его поймали, он убежал, с автоматом, в состоянии наркотического опьянения, его догнали, он отстреливался, а потом с обрыва — вниз. Она осталась без копейки, хорошо еще у нее долгов не по-

требовали, но велели убираться из части. Отец-мать не помощники, запасов никаких, даже из Кандалакши не уедешь...

Снова стук в дверь.

Не дадут подумать раненому человеку.

Даша вышла к двери. Жалко глазка нет, давно бы пора поставить, особенно когда такое с Тамаркой случилось... Тамарка в Тулу уехала, думала, что ее не найдут.

— Кто там? — спросила она.

— От Гарика, — ответил голос.

От Гарика так от Гарика. Гарик — это второй муж. Ну почему у нее не жизнь, а сплошное несчастье? Она поступила в Питере в книготорговый техникум. Неважно сейчас, на какие деньги туда выбралась и на чьи деньги жила первое время. У каждой красивой женщины может быть слабость и надежда. А она в двадцать была красивой женщиной. Сейчас, в тридцать, кому она нужна? Может, Ахмеду в ларьке? В Питере, когда с тем человеком рассталась, она встретила Гарика. Он из книжников, то работал, то перепродавал, то в магазине ошивался и шутил. У него комната в двухкомнатной квартире, заставленная, заложенная, заваленная книгами, мать в городе Веревкине Тульской области и отец-алкоголик. Ну она и переехала к нему в комнату, как новая книжка. Гарику не очень была нужна жена — он привык не питаться, а перехватывать, не одеваться, а так, пользоваться обносками, не любить, а спать рядом. Она бы ушла от него, но если работаешь в книжном магазине, не столько платят, чтобы жить самостоятельно. В чужом городе. Так и существовали: Гарик ее использовал, ему были нужны книги для перепродажи, а теперь это стало как будто общим делом — ведь за комнату платить надо, за аборт платить надо, за пальто платить надо. Он увязывался, если ехали смотреть библиотеку, и Даша стала как бы наводчицей — лучшие книги должны были дешево достаться ему, Даше было стыдно, она врать так и не научилась. И, наверное, они бы разошлись, и к лучшему, на нее один профессор смотрел, специалист по сектантам, толстый веселый дядечка, вдовец с квартирой, но Гарик, ничего ей не сказав, ввязался в кражу из Публички. Они брали книги аукционные, сотрудник библиотеки помогал, а Гарик консультировал при продаже. Конечно, он не только консультировал, а несколько томов домой приволок, спрятал в грудах книг. Даша и не подозревала, но ее все равно таскали на допросы, хамили и угрожали, будто это все она придумала. Из магазина ее сразу поперли, наступила безнадега, не на панель же идти, да еще вдовец здороваться перестал — видно, его информировали должным образом. Вот и пришлось временно укрыться в Веревкине. Уже

скоро год как она здесь укрывается, перебивается случайными заработками. Самое время запить и пойти по рукам, но держится.

От Гарика давно нет вестей, ему еще три с лишним года трубить, амнистия на него не распространяется.

За дверью стоял корявый мужчинка, прищурился, голова набок.

— Ты — Дарья?

— Дарья. — Сама насторожилась, но не испугалась.

— Тогда я к тебе. Пропусти, мне некогда.

Человек втиснулся в крохотную прихожую, прикрыл входную дверь.

— Скажи, где вы жили, когда с Гариком поженились. Адрес скажи.

— А вам зачем?

— Проверка слуха.

— На Большой Подьяческой, дом двенадцать.

— Нормально, — сказал мужичок.

От него пахло махоркой и какой-то кислятиной. На нем был ватник, хотя погода стояла теплая, летняя.

— Вот, — сказал он, — возьми и спрячь. Гарик мне сказал, что ты не заложишь. Спрячь как следует. И если будут пытать, не сознавайся. И меня ты не видела. Ясно?

Он не сказал, как там Гарик, не представился, тут же выполз на лестницу и застучал вниз стоптанными каблуками.

Пакет был небольшим, как две книжки, но тугим, замотан в тряпку и для страховки многократно заклеен скотчем. Не порвав ленту, внутрь не заглянешь.

Даша бы выругалась, да язык не поворачивался.

Еще не хватало держать дома такую опасную вещь! А в том, что пакет опасный, она не сомневалась.

Хорошо бы еще не бомба. Впрочем, кому надо ее взрывать?

Она пошла с пакетом в комнату. Куда спрячешь? Вся квартира — комната, кухня, совмещенный санузел и коридорчик. Посреди комнаты на стуле сидит тетя Шура, дремлет, слюни по подбородку.

Ей нельзя пакет показывать, сразу полезет открывать, искать выпивку или деньги.

В какой-то книжке Даша читала, что женщины прячут драгоценности в белье, а мужчины в книги. Книг дома немного, только собрание сочинений братьев Стругацких, которое Даше в магазине как премию дали. Даже у тети Шуры на эти книжки с дарственной надписью рука не поднялась. А в белье нельзя, может,

они тоже ту книжку читали. Значит, надо положить так, чтобы видели, но не догадались.

Даша сунула пакет наверх, на полку над вешалкой, где лежали зимняя шапка, ломаный зонтик и щетка для сапог.

Пора идти, дядя Ахмед будет сердиться, он еще вчера велел не опаздывать. А она забыла чаю разогреть! Раньше по утрам кофе пила с молоком, а теперь на кофе денег нет. После того как они с Тамаркой разорились. Зачем ее убили, если взять нечего? Ну накажи, заставь работать на себя, издевайся, но убивать зачем? Может, рассердились, что Тамарка пыталась убежать? Значит, Дашу не тронут?

Даша вышла на улицу и захлопнула дверь. Спустилась на улицу, по дороге заглянула в почтовый ящик, он без замочка, все равно никто не пишет, и газет они не выписывают. На грязной стенке под ящиками была кровь. Свежая кровь. Даша провела пальцем, и пальцу было липко. Мальчишки, что ли, подрались? Один другого головкой об стенку?

На полу тоже была кровь.

За лестницей был темный угол, оттуда несло мочой и кошками. Даша никогда туда не заглядывала. А сейчас заглянула. Там лежал мертвый человек. И понятно, что мертвый, потому что лежал на спине, а глаза были полуоткрыты. Это был мужчина в ватнике, который приносил ей пакет.

Даша кинулась бежать.

Потеряла контроль над собой. Нельзя бежать, все вокруг чуют твой страх. Но что поделаешь — ты только что говорила с человеком, а он уже мертвый.

Добежав до автобусной остановки, где были люди, было светло и не так опасно, она поняла, что надо вернуться домой, взять этот пакет и выкинуть его подальше.

Но не сделала этого. Не потому, что страшно было возвращаться. Конечно, страшно, но не в этом дело. Она сообразила, что если пакет ищут, то к ней все равно придут, а пакета не будет — нечего отдать, нечем откупиться. Пускай лучше пакет останется, и когда они придут, она его отдаст и, может быть, останется живой. Ведь у мужика не было пакета, его и убрали. Может, сначала замучили, а потом убрали.

Может, вызвать с автомата милицию? Но автомат сломан, Даша знала, что он сломан, уже пыталась звонить. А как ему не сломаться, если в него суют все что ни попадя.

Подошел автобус. Уже набитый. И когда он успевает наполниться, если там и домов нет? Первые настоящие дома в городке — наши четыре пятиэтажки, веревкинские небоскребы, местные Черемушки.

В автобусе было душно и все злые.

Но Даша на злость и толчки не отвечала, она была занята мыслями. Жизнь становилась все сложнее. А тут еще угроза, исходящая от пакета. И нет мужчины, который мог бы о ней позаботиться. Но, конечно, не обычный, беспомощный, а сильный, со связями, может, даже из милиции.

На оптовке, или на рынке — называйте как хотите, между кладбищем и новым Сбербанком — откуда только у них деньги берутся? У нас ведь отнимают! — несмотря на ветреную, чреватую дождем погоду, было много народа. Ахмед сидел у своей торговой точки на ящике, покрытом газетой, и играл в нарды.

Нарды стояли на другом ящике, а незнакомый черномазый сидел на третьем. Вокруг стояли три или четыре бездельника из азербайджанцев. У них в ларьках сидели наши, веревкинские, а они поставляли товар, собирали деньги и контролировали. Но что на них обижаться? Обижайся не обижайся, а виноваты мы сами. Азеры друг дружку поддерживают, помогают, а мы норовим своего же утопить.

— Здравствуйте, Ахмед Рахимович, — сказала Даша.

Вдруг ей почудилось, что ее колготки измазаны кровью, и она посмотрела вниз. Но ничего такого не увидела.

— Ну вот, — сказал Ахмед, обращаясь к зрителям. — Где дисциплина? Я ее с утра жду, в Тулу не поехал, а она дома спит, манную кашу кушает. Почему опоздала?

— Извините, — ответила Даша. — Больше не повторится.

Но Ахмеду хотелось поговорить.

Он был толстый, пожилой, но почти не седой, волосы черные, блестящие. Живот вываливался между ног, будто не принадлежал телу, а был кое-как привязан.

На красной футболке были нарисованы скрещенные американские флаги. Футболка была грязная, зачем чистую на рынок надевать?

— Я теперь сомневаюсь, — произнес Ахмед, — следует ли доверять большие денежные ценности такой неорганизованной девушке? Скажи, следует? Особенно если она с фингалом под глазом нахально на работу выходит. Пьянство подвело?

— Я не пью, — сказала Даша без улыбки.

Здесь не улыбались. Смех доставался только своим.

— Пойди помоги моему племяннику, — велел Ахмед. — Он у меня здесь стажировку проходит, в Америку поедет, в университет поступать будет. Хорошее место ему купили. Роберт, к тебе

девушка Даша идет. Будет твоим ассистентом. Я через полчаса подойду.

Даша поблагодарила Ахмеда и пошла к его магазину.

Магазин представлял собой железный верх грузовика, а может быть, это когда-то был типовой железный гараж.

Племянник Роберт оказался совсем молоденьким парнем, наверное, еще паспорт не получил. Лицо приятное, птичье.

— Ну, что будем делать? — спросила Даша, стараясь выглядеть опытной торговкой.

— Здравствуйте, — формально протянул ей руку Роберт. Она пожала длинные влажные пальцы. — Роберт Магометович.

— Что мне делать? — повторила Даша. А думала все время о теле мужика в подъезде. И о том, что ее ждет.

— Тогда сначала я рекомендую сахар по пакетам сыпать. Вон мешок, видишь? А вон там возьми пластиковые пакеты. В каждый пакет по кило, у нас сахар дешевый, люди покупают.

Роберту Магометовичу нравилось быть начальником.

Он сел на стул, глядя наружу и ожидая, когда придут за сахаром покупатели. Покупателей пока не было, потому что время наступало мертвое — полдень.

В железной коробке было тепло, душно и, наверное, просто страшно будет в жару.

Воздух попадал только через дверь в передней стенке. Там сидел Роберт Магометович, и его узкая спина загораживала половину двери.

Работа двигалась медленно. С непривычки было нелегко отсыпать ковшиком сахарный песок в тонкий и непослушный пластиковый пакет, да сделать это так, чтобы получился точно килограмм.

Роберт Магометович подошел к ней, стоял как столб, и, конечно же, стало совсем трудно, даже рука дрогнула и рассыпала сахар.

Она замерла, боясь крика и выговора, но Роберт отнесся к этому спокойно.

— Ты не спеши, — сказал он. — Привыкай. А у тебя муж есть?

— У меня муж бандит, — сказала Даша. — В лагере сидит.

Она знала, что муж-бандит, хоть и в лагере, бывает неплохой защитой от домогательств.

— Бандит — это нехорошо, — сказал Роберт. — Зачем он тебе денег не оставил? Плохой бандит, бедный бандит.

— Бедных бандитов не бывает, — возразила Даша.

— А где деньги? Любовнице отнес? Давай покажу, как надо песок сыпать.

Он нагнулся и взял у нее ковшик, а другой рукой сжал грудь.

Это было неожиданно, надо было быть к этому готовой. Но совсем мальчик — она и не подумала. И лицо приятное.

Она вырвалась, выпрямилась, вскочила.

— Ну как тебе не стыдно! — сказала она. — Вы же мальчик совсем. Я вам в матери гожусь.

— Не годишься, — засмеялся Роберт. — В России так рано не рожают. Мне уже семнадцать.

Он совсем не смутился.

Наоборот, когда она вскочила, ее лицо оказалось на одном уровне с его лицом. Он сразу потянул ее к себе и поцеловал в губы.

Звякнул ковшик — Роберт уронил его.

Пальцы Роберта побежали, хватаясь и приминая кожу, вниз по спине, к ягодицам.

Даша возмутилась — уже и мальчишки начали приставать.

Она толкнула Роберта.

Роберт ударился спиной о весы, весы свалились со стола, за ними посыпались пакеты с сахарным песком. Роберт взвыл, и тут в дверях показался силуэт дяди Ахмеда.

— Ах ты, пилядь! — Дядя Ахмед очень рассердился. — Ах ты, хулиганка базарная! Я тебя культурного мальчика бить нанимал? Я тебя сахар развешивать нанимал!

Он схватил ее за волосы и так сильно потянул к себе, будто старался спасти мальчика от ее ядовитых когтей.

— Ой, вы что! — Было больно. Даша старалась оторвать его пальцы.

А тут еще, возбужденный видом сражающейся девушки, из завалов сахарного песка выбрался племянник и включился в бой.

Почему-то он выкрикивал:

— Не посмеем дискриминацию! Не позволим, честные люди!

Он рванул за ворот блузки — пуговички полетели в разные стороны, затрещала ткань.

Вот дура, успела подумать Даша, ну кто надевает такую хорошую блузку на базар?

Ее пальцы враждебно переплелись с пальцами дяди Ахмеда и сражались с ними, так что она оказалась беззащитной перед нападением племянника. Тот пытался сорвать лифчик, но лифчик был итальянский, эластичный, видно, в Италии девицам тоже приходится защищать свою честь. Он оттягивался, но не рвался. Словно тетива лука.

Даше бы закричать — все-таки она не в гареме, а в общественном месте.

Но кричать стыдно. Где-то она читала, что люди, когда тонут,

почти никогда не зовут на помощь. Тонут молча. От стыда за свое неумение плавать.

Но на ее лице было написано что-то такое, что дядя Ахмед встревожился и счел за лучшее не рисковать.

Он изловчился, закинул руку за спину и рванул вниз гофрированную крышку своей торговой точки.

Сразу стало темно.

Но Даша обрела голос. В темноте ничего не стыдно.

Она молотила в стенку и кричала: «На помощь! Спасите! Горим!» Еще Тамарка учила: нельзя кричать, что грабят или насилуют, на это в наши дни никто не обратит внимания. А вот если кричишь — пожар, кто-нибудь встрепенется.

Она понимала, что если не придут на помощь — а кто придет? — то они здесь в железной коробке над ней поизмываются. Поэтому Даша отбивалась как могла — царапалась, сучила ногами, даже кусалась и не обращала внимания на боль. Это была драка, и мужчины в ней все больше распалялись.

И когда уже сил больше не было сражаться в этой духоте, в дверь магазина, в его железную крышку, постучали, причем уверенно и сильно.

Ну просто как наша красная кавалерия спасает партизана под самой виселицей!

— Я здесь!

— Открывай, а то взорвем к чертовой матери!

И вдруг сразу все кончилось. Весь кошмар.

Руки исчезли.

— Кто там? — спросил дядя Ахмед. С первого раза не получилось, пришлось сплюнуть слюну и повторить вопрос.

— Знаешь кто! — ответили из-за двери.

— Сейчас, сейчас. — Голос Ахмеда был суетливо высок.

Гофрированная дверь вырвалась из его рук и взлетела вверх.

Свет хлынул внутрь.

Даша на несколько секунд зажмурилась, так больно было глазам от солнца.

Она сама была участницей сцены, представшей глазам небольшой толпы зевак, собравшейся напротив магазина, поэтому не могла оценить зрелища.

Но увидела племянника Роберта Магометовича с расстегнутыми штанами и расцарапанной птичьей рожей, увидела совершенно растерзанного дядю Ахмеда, сама же она была практически голой, даже стало холодно. Она стала натягивать на себя обрывки кофты — какое счастье, что лифчик был эластичным!

Она читала себя и остальных по лицам толпы — сначала

взгляды пораженные, даже испуганные, и тут же начинается смех! Кривятся физиономии, щурятся глаза, руки шевелятся и дрожат — смех охватывает толпу, потому что всем понятно — насиловали девицу, но дверь не вовремя открыли.

Даша отступила внутрь, до отказа, под давлением взглядов и хохота, но бритый парень в тельняшке со странной кличкой Троцкий, из тех, кто держит на рынке порядок, приказал ей:

— Выходи, не бойся, пойдем в контору.

Потом он перевел свой холодный неумный взгляд на Ахмеда, посмотрел на юного Роберта Магометовича и добавил:

— Вы тоже, насильники.

— Как ты смеешь! — пробормотал дядя Ахмед.

— Только причешись сначала, — велел Троцкий.

Ахмед подчинился и достал из кармана брюк расческу. Он причесывался и бормотал:

— Ах, как нехорошо получилось! Ах, как нехорошо! Просто неприлично.

Подошел еще один охранник, пониже ростом, его имени Даша не знала.

Он присвистнул и спросил:

— Помощь понадобится?

— Дурачье разгони, — сказал Троцкий.

Охранник стал гнать зевак, а Троцкий повел пленников в сторожку, благо она стояла за четыре павильона.

Никого в сторожке не было, только потом подошел охранник и сел в углу.

— Будем беседовать? — спросил Троцкий.

— Зачем беседовать? — удивился Ахмед, который уже пришел в себя. — Имело место провокация. Эта женщина украла у нас сахар, мешок сахара хотела утащить, мой племянник ее поймал, она дралась как кошка и еще одежду на себе рвала, чтобы нас обвинить. Ты же понимаешь, на нас каждый может напасть.

И он указал толстым пальцем на Дашу.

Голос у него был печальный и покорный. Совершенно ясно было, что Даша не только сахар украла, но еще и пыталась изнасиловать племянника Роберта Магометовича.

Троцкий ухмыльнулся.

— Разбираться не буду, инцидент налицо. Будешь платить штраф.

— Какой штраф? — возмутился дядя Ахмед. — Воровке штраф не буду платить! По ней тюрьма плачет, алкоголичка проклятая.

— А теперь послушай, Ахмед, — сказал Троцкий. — Я в этом городе родился и на ноги встал. Я Дашку Кузьмину не первый

день знаю. И кого она насилует, а кого не насилует, мне лучше понимать. Не хочешь платить штраф, придется мне передать дело об изнасиловании в милицию. Позвонить сейчас?

— Не было никакого дела! Вы все хороши, всегда на нас кидаетесь, как хищные гиены.

— Я больше люблю на таджиков кидаться, — заметил Троцкий. — Они понятливее, сразу спрашивают, а сколько будет штраф?

Ахмед замолчал. Этого вопроса ему задавать не хотелось.

— Расовая дискриминация, — сказал Роберт Магометович.

— А мы что, разные расы, да? Я что, черный, а ты белый? — Голос Троцкого звучал грознее. — Или, может, ты хочешь сказать, что я еврейской расы?

— Мальчик ничего не хотел сказать, Лев Борисович, — поспешил вмешаться Ахмед, который понял, что дело может стать серьезным.

Ага, вот почему он Троцкий, поняла Даша. Конечно, его Левкой зовут. Левка Семенов.

— Даша, какую компенсацию мы тебе потребуем? — спросил Троцкий.

— Не надо, я домой пойду, — сказала Даша.

— Двести баксов, — сказал Троцкий. — И наличными.

— Двести чего? — Ахмед пошатнулся от удара.

— Двести баксов, или твой племянник идет по этапу, а ты первым самолетом в Баку, без копейки в кармане.

— Но что я сделал? — закричал Роберт Магометович. — Вы на мое лицо посмотрите, это же катастрофа-матастрофа!

— Это оправданная защита от насильника, — сказал Троцкий. — Если бы она молчала, вы бы об нее ноги вытерли.

— Сто рублей, — сказал Ахмед. — Больше она не стоит.

Троцкий взял со стола трубку мобильного телефона.

— Двести рублей! — взмолился Ахмед. — У меня никаких доходов нет.

Но тут вмешался в разговор новый его участник.

В дверях сторожки стоял худой, согбенный и немощный на вид Владилен Максудович, старшина рыночных торговцев.

— Возьми, — сказал он, протягивая Троцкому две зеленые бумажки. — Ты поступил справедливо, надеюсь, претензий нет?

Троцкий чуть оторопел. На лестнице рыночных отношений Владилен стоял выше Троцкого, и не Троцкому решать, сколько платить штрафа. Но тут был случай очевидный, а сам Владилен к разборке опоздал...

— Постыдитесь, — сказал он Ахмеду.

Владилен всегда был вежливым.

— И без того люди плохо относятся к лицам кавказской национальности. Вы играете на руку худшим элементам в русском народе. Мне придется лишить вас моего доверия... — Он вздохнул и сказал погромче: — Накинуться на девушку, собственную продавщицу!

— Она у меня не работает, — сказал Ахмед. — Я такую тварь близко к сахару не подпущу!

— Ты глупый человек, Ахмед, — сказал Владилен, жестом остановив Троцкого, который готов уже был накинуться на Ахмеда. — Уходи отсюда, пока цел. Двести баксов с процентами принесешь мне после обеда. Я твои долги платить не намерен.

И Ахмед ушел. Роберт за ним.

Тогда Владилен сказал Троцкому:

— Лева, дай сюда деньги. Это не твой штраф.

— Конечно, конечно.

Троцкий выхватил из кармашка деньги и протянул Владилену.

— Умный мальчик, — Владилен изобразил удовлетворение, — только спешишь.

Одну стодолларовую бумажку Владилен положил себе в бумажник, а вторую протянул Даше.

— Это тебе, девушка, чтобы ты купила себе новую блузку, а к тому же чтобы забыла обо всем, что сегодня было. Якши?

— Якши, — улыбнулась Даша.

Все-таки бывают справедливые люди.

Владилен вышел.

— Я пошла? — спросила Даша.

— Я бы тебе посоветовал, как старый друг, — произнес Троцкий, — в ближайшие месяцы на рынке не появляться. Я, конечно, этого Ахмеда отсюда выживу, но его родственники останутся. А они ведь люди плохие, не то что мы, русские. Мы ведь всегда друг за дружку держимся?

— Всегда. — Даша почуяла неладное. Вся сжалась внутри.

— Давай сюда деньги. — Троцкий улыбнулся. — Давай, давай, не думаешь же ты за удовольствие трахнуться с двумя мальчиками целых сто баксов получить? Ну, что я тебе сказал!

Даша не стала спорить. Это было жутким разочарованием. Просто ужас. Одеться вообще не во что.

Из заднего кармана джинсов она достала сотню.

Троцкий взял ее и дал ей взамен сто рублей.

— А вот это компенсация.

— Ну и гад ты, Лева, — сказала Даша и пошла к двери.

— Ты мне еще должна за то, что я спас тебя, — сказал Лева, — так что я не обижаюсь, учти.

Владилен стоял снаружи — то ли подслушивал, то ли думал о своем. Как подъемный кран со стрелой, вытянутой под углом наверх.

— Покажи деньги, — велел он.

Даша покорно разжала кулак. В кулаке была сторублевка.

— Ясно, — сказал Владилен. — Жди здесь.

Он поднялся по железным ступенькам в сторожку и тихо говорил с Троцким. Потом Троцкий взвыл, стал просить:

— Отпустите, дяденька, я больше не буду!

Словно стал маленьким мальчиком, которого надо пожалеть.

Даша хотела уйти, но боялась. Владилен может рассердиться.

Потом Владилен вышел, вытирая руки платком.

— А ты иди, — сказал он и протянул ей несчастные сто долларов — уже помятую бумажку.

Даша оттолкнула руку Владилена. Но тот улыбнулся, как дедушка, и сказал:

— Ты его не бойся, я его предупредил. Ты лучше домой иди, помойся, заштопай. Нехорошо так по улице ходить, люди плохо про тебя будут думать, люди злые.

Он печально вздохнул.

Троцкий из сторожки не появлялся. Второй охранник тоже куда-то пропал.

Даша пошла домой.

Она пошла задами, она знала, как пройти, чтобы встретить поменьше людей.

Она очень устала, так что даже доллары спрятать сил не было. Она брела по пыльному проулку и думала: вот бы снова увидеть другой мир, где никто на тебя и руку не поднимет. Вот бы вернуться Золушке на бал...

Она вышла на свою улицу, два шага до дома осталось.

Прошла автобусную остановку. Люди на остановке смотрели на нее с ужасом. Ну и хороша она! Да и чувствуется. Кровь подсохла, стягивала кожу лица, саднило.

Она вошла в подъезд, и как ударило — ведь там, под лестницей, тот мужик лежит.

Кровь на полу под почтовыми ящиками так и не вытерта.

Не хотела заглядывать, но заглянула.

Но никого уже нет, увезли. Ведь часа полтора прошло.

А может, сам ушел?

Вряд ли.

Даша поднималась к себе осторожно, на цыпочках.

Дверь второго этажа отворилась, выглянула Полвина, вообще-то Полина, но ее все Полвиной звали, полбутылки.

— Слышь-ка, — спросила она, — тут под лестницей одного бомжа нашли зарезанного. Не твой знакомый? А то участковый спрашивал.

— У тети Шуры спросила? — вопросом ответила она.

— А тетя Шура давно смоталась. Она еще ходила, стреляла десятку. А ты утром его не видала?

— Никого я не видала.

Даша смелее прошла последний пролет, потому что Полвина стояла на площадке и смотрела вверх.

Дверь в квартиру была не заперта. Это с тетей Шурой случалось — не хотелось ей запирать квартиру. Все равно нечего тащить. А ведь не права — бомжу всегда найдется, что тащить.

И не только тащить. Ломать тоже.

Это она поняла, когда вошла в квартирку.

Все в ней было поломано, все в ней было растерзано, разорено.

Чего искали?

Даша кинулась к полке в прихожей. Полка висела на одном гвозде, под ней скомканная оберточная бумага — все, что осталось от пакета.

Вот незадача! Теперь надо уходить из дома.

Она стояла в коридоре, заглядывала в комнату. Плохи ее дела.

Но все же она задержалась.

Она прошла сначала в туалет и посмотрела на себя в зеркало.

Зрелище было ужасное. Краше в гроб кладут. Как паровым катком по морде проехали.

Один глаз подбит, вокруг синева, щека разодрана в кровь, подбородок расквашен, ссадина на лбу, под волосами. Никакая пудра не возьмет.

Даша в отчаянии смотрела на себя и в то же время размышляла, что надеть вместо разорванной блузки и джинсов — лучше выкинуть сразу.

Она сняла с себя остатки кофты, стащила джинсы.

В трусах и лифчике принялась умываться, просто умываться, без пудры.

И вода лилась так шумно, что Даша не услышала, как в туалет кто-то вошел, и ее так долбанули по затылку, что она ударилась лбом о кран — впрочем, это уже не играло роли. Только больно.

Она постаралась обернуться, но ее крепко держали за шею.

— Слушай внимательно. — Голос был знакомый, голос Брюхатого. — Слушай сюда. Если ты до завтра нам не вернешь триста

баксов, то одно ухо мы тебе отрежем. Ты слышала, что с твоей Тамаркой произошло?

— Так это ты?

— Должен быть порядок. Ссуду брали, верни с процентами.

— Брюхатик, ты же знаешь, что нас ограбили! — взвыла Даша. — Ну пожалей ты нас, ведь отработаем! Мы и свои деньги вложили — все потеряли.

— Производственный риск, — ответил Брюхатый.

— А зачем ты квартиру разорил?

— Должен быть урок.

Он рванул за резинку трусики Даши, хотел снять и попользоваться ею прямо тут, у умывальника, но Даша извернулась и оказалась с ним лицом к роже.

И это ей помогло — потому что Брюхатый как увидел, во что превратилось ее лицо, даже ахнул.

— Как это тебя угораздило?

— А ты хотел со мной любовью заняться, — укорила его Даша.

— Я так, шутил.

— Брюхатик, отдай пакет.

— Чего?

— Брюхатик, это не мой пакет, за ним придут, а меня убьют.

— Тебя давно убить надо, потому что ты ведьма.

— Брюхатик, ну что ты несешь?

Она смотрела на него ласковыми глазами, как сестра на братца. Но Брюхатика не убедила.

— К тебе мужиков тянет, как в болото, — сообщил он. — Из-за тебя Сережка Глухов утопился.

— Ну что ты несешь, Брюхатик, он же в лодке с ребятами утонул. Отдай мне пакет, а?

— Не знаю никакого пакета.

— Но ты же искал у меня?

— Так я ж деньги искал. На что мне пакет.

Тут серые клеточки в голове Брюхатого заработали наконец, и он задал вопрос, который давно пора было задать:

— А что в пакете?

— Я не знаю, Брюхатик. Кем мне быть, не знаю.

— Что-то ты крутишь... — Брюхатик с сочувствием сплюнул. — Не скоро ты в форму вернешься, Дашка. Не видать тебе принца.

И рассмеялся. Потому что сам был красив и совсем не толст, а Брюхатик он, потому что фамилия Брюхатов.

— Я бы тебе еще добавил, — сказал Брюхатик, — но жизнь те-

бя уже искалечила. Значит, чтобы завтра бабки были. Или тебе не жить.

Тут Даша вспомнила, что у нее есть сто долларов. Может, отдать? И тут же поняла: нельзя этого делать. Где сто, там и триста, Брюхатик не отвяжется. Такие времена пошли, теперь жалости нет. Иначе тебя самого затопчут. А жалко.

Она пошла провожать Брюхатика до дверей как будто гостя, а у дверей он остановился, улыбнулся, показал зубы из керамики, по пятьсот баксов каждый, развернулся и врезал Даше в другой глаз, она упала, больно было — страшно. Глаз вытечет? Еще головой ударилась о вешалку.

Брюхатик уже с лестницы сказал:

— Это я тебе для памяти. Увидимся.

Сам захлопнул дверь, и стало тихо.

Ну что так не везет женщине?

На голове наливалась шишка, глаз не видел — наверное, повредил что-то этот красавчик. Главное — без смысла.

Куда деваться?

И она поняла — хватит ей, лучше смерть, лучше что угодно!

И как аккорд сладкой музыки мелькнуло воспоминание о будущем или другом времени. «Глупый, глупый Вадик, ты хоть помнишь меня? А ребята из Архитектурного?» Сколько прошло с тех пор, как она вышла из трансгемпоральной камеры? Часа три, не больше... А где сто долларов? Теперь придется их глазнику отдавать.

И когда она поднялась и отошла от двери, чтобы еще разок поглядеть в зеркало, дверь от могучего удара слетела с петель и упала в коридор.

Это была психическая атака.

Вошли двое, в чулках, натянутых на головы, с прорезями для глаз, как из триллера.

— К стене! — приказал один из них.

Потом увидел рожу Даши и даже присвистнул.

— Кто же это нас обогнал, блин? — спросил он с юмором.

— Желающих больше чем достаточно, — ответила Даша.

— Мы ненадолго, — сказал один из «чулок». — Возьмем свое и по домам.

— Чего свое?

Чулок вроде и не услышал, они втолкнули Дашу в комнату.

— Мы жмурика догнали, — продолжал чулок, — а он пустой. Сбросил товар. Мы пока вычислили, три часа потеряли.

— Значит, неправильно вычислили.

— Он ушел от твоего мужа, из лагеря, — сказал другой чулок,

незлобиво, спокойно, как объяснял урок непонятливой девочке. — У него твой адрес был, но имя не твое — Александра Федоровна.

— Это моя свекровь, — тупо сказала Даша.

— А мы знаем. Теперь мы знаем, кто кому свекровь.

— Не видела я никакого пакета, — устало сказала Даша. — Отвяжитесь. Ко мне сегодня все вяжутся.

— Группа риска, — сказал чулок. — Газеты читать надо. Таких, как ты, всегда бьют. При всех царях и режимах.

— И насилуют, — сказал второй, — только не таких грязных и вонючих.

— Я не грязная! Я не вонючая! — Последние слова оскорбили Дашу так, что она перестала бояться.

— А теперь скажи мне, ангел, — сказал первый чулок, — откуда ты знаешь, что тебе оставили пакет?

— Вы сказали!

— А вот этого мы тебе не сказали. Мы народ осторожный, тертый, мы никогда лишних слов не говорим. Я сказал — товар.

— Мне показалось, что пакет.

— Вот и замечательно, — сказал второй чулок. — Пускай будет пакет. Так где же пакет?

— Не знаю!

— Может, и не было пакета?

— Не было, не было!

Тут чулок ей врезал.

Ну что ты будешь делать! Такого дня давно не было. Наверное, он последний в ее короткой бестолковой жизни. А ведь хотелось как лучше, даже идеалы в жизни были, а в шестнадцать лет стихи писала. И мечтала — вот встретит хорошего человека, желательно старше ее, родит ребеночка...

Чулок ей врезал снова. Безжалостно, сильно и резко, казалось, что голова оторвется. Но голова у человека так просто не отрывается. Только глаз совсем перестал видеть.

— Вспомнила? — спросил чулок.

Она даже кричать не могла, сил не было кричать.

— А даже и будешь кричать, — угадал ее жалкую мысль чулок, — никто не придет. Ваш дом трусливый, половина переселенцы, никогда не высунут носа.

Они ее били ногами, она чувствовала, как трещат ребра, наверное, ломаются — дышать было больно.

Они устали, утомились, все-таки тоже люди.

Она валялась у них в ногах, а они сидели на кровати, рядом, закурили. Запахло дымом.

— Тебе дать покурить? — спросил один из них. А у Даши даже не было сил, чтобы согласиться, а впрочем, так мутило, что сигарета бы не помогла.

— Ты себя утомляешь и наше время тянешь, — сказал чулок. Она так и не научилась их различать. — Мы что, не люди, что ли?

— Зачем вы так меня мучаете? Я, честное слово, не знаю, где ваш пакет. И даже не знаю, что в нем... Я его в коридоре положила на полку, на вешалку, а сейчас его нет.

— Посмотри, — сказал один из чулок.

Второй поднялся и пошел в коридор. Скоро он вернулся, он нес в руке обертку от пакета. Разорванный мятый лист коричневой оберточной бумаги.

— Этот? — спросил он.

— Этот.

— А где товар? — спросил первый.

— Ну не знаю!

Он, не вставая с кровати, наклонился, прижег ей щеку сигаретой.

Она взвыла, а он сказал:

— Вот эта дырка никогда не заживет.

Даша отползла от него.

Она поняла: наступил момент, который уже не оставляет выбора. Они ее убьют. Они отмороженные. Они хотят ее убить. Им уже не так пакет нужен или товар, который был в пакете, им хочется ее убить.

Она поползла от них, а они смотрели на нее сверху, как мальчишки на недобитую крысу.

Если отодвинуть тумбочку в маленькой комнате, если отодвинуть ее хоть на десять сантиметров, то можно будет просунуть в щель руку.

— Ты куда? — спросил чулок.

— Пить, — прошептала Даша.

Ей и в самом деле хотелось пить, страшно хотелось

— Вот и ладушки, — сказал чулок. — Скажешь, куда товар положила, кому отдала, тогда мы тебе нарзану принесем.

— Холодного, — сказал второй. — Или даже квасу.

Они засмеялись.

И когда она поползла дальше, они не дали ей ползти и один из них со всего размаху наступил каблуком ей на пальцы.

Пальцы хрустнули — она слышала этот хруст, она всем умирающим от боли телом чувствовала этот хруст, она не переживет этот хруст...

И тут хлопнула дверь.

Как от ветра.

— Смотри! — приказал один чулок второму и встал с койки, чтобы удобнее встретить возможную опасность.

Сейчас бы рвануть в маленькую комнату, ведь можно и успеть!

Но тело отказалось подниматься — так ему было больно. Наступает момент в болезни или в боли, когда все тело сдается — ему становится все равно.

Тетя Шура бормотала в передней:

— Чего двери не закрываете, твари? Опять по Дашку пришли? Не даст она вам, не даст!

— А ну, катись отсюда, пока цела! — крикнул чулок. А Даша поняла, что пакет нашла ее свекровь и уже сбыла куда-то. Или упрятала. Смотря что там. Но сказать об этом нельзя — они набросятся на тетю Шуру. Ей-то, несчастной, за что такая мучительная смерть?

— Это моя квартира! — закричала свекровь. — Я сейчас всех позову! Я сейчас милицию вызову!

Послышались удары — один из них бил тетю Шуру, а Даша поползла в том направлении, стараясь кричать, а на самом деле еле слышно бормоча:

— Не надо! Она же пьяненькая, она не понимает!

— Выкидывай ее на лестницу! — приказал один чулок другому. — Она в отрубе.

«Сейчас или никогда!» — преодолевая боль, а может быть, лишь отталкивая ее, Даша поползла в маленькую комнату.

Надо было миновать метр коридора...

Кровь лилась из руки и почему-то стекала по боку. по платью — может, голова разбита? Один глаз не видел.

По второму лилось нечто липкое, как цветочный мед. Тоже кровь?

И тут чулок ее заметил.

— Ты куда?

Он кинул в нее что-то тяжелое, она стала терять сознание от удара в затылок, но удар ей помог — он толкнул ее вперед, и Даша упала, ударившись о тумбочку так удачно, что тумбочка сдвинулась.

И за ней блеснул темпоральный квадрат.

Но ей не достать до него. Никогда не достать — потому что чулок стал стрелять. Он стрелял ей в ноги, она содрогалась, но не от боли — боль уже давно завладела всем телом, — а от приближения смерти.

И уже совсем умирая, Даша все же умудрилась — вне сознания — дотронуться ладонью до металлического квадрата.

И тут же она исчезла.

Не только в квартире, но и во всей Вселенной ее уже не было, потому что она была в движении, в пути, когда исчезает масса...

3

Даша пришла в себя в неуютном и суровом транстемпоральном отсеке.

Она старалась не двигаться, понимая, что тогда возвратится боль и она этой боли не выдержит. Поэтому, открыв на мгновение глаза, она закрыла их снова.

Ничего не происходило.

Потом послышался голос:

— На этот раз пришлось нелегко?

Мудрая и оттого скучная тетя Тампедуа сидела на неудобном шатучем стуле у стены. В старомодных очках, с прической «пармезан», которую уж двадцать лет никто не носит, она была похожа на грузного филина.

— Ты же видишь! — простонала Даша. — Я могла там умереть. Я чуть не умерла.

— Не умерла, тогда вставай. Нечего разлеживаться, тебя друзья поджидают.

— Они же рехнутся, если увидят, на кого я похожа!

— Возьми себя в руки.

Даша отказывалась подняться. Ковер был жестким, но надежным и безопасным.

— Они сюда не проникнут? — спросила Даша.

— Не старайся показаться глупее, чем ты есть на самом деле. Мы не на предвыборном митинге.

— Позовите доктора.

— Нет, мой президент. Лучше открой глаза.

Даша открыла глаза.

Тетя Тампедуа держала перед ее лицом небольшое зеркало на длинной прямой ручке.

...Никакой крови, никакого выбитого глаза, никаких синяков и ссадин.

Обыкновенное, милое, приятное, неправильное лицо президента.

Даша знала, что это именно так. Она не в первый раз уходила в виртуальное прошлое.

Но на этот раз все было настолько тяжело, что Золушка еле смогла вернуться во дворец.

Даша поднялась. Все в ней ломило, страдало, ныло.

— Но я и шага ступить не могу.

— Это лишь означает, — цинично сказала тетя Тампедуа, — что все болезни от нервов и только сифилис от удовольствия.

В отсек заглянул Паскуале.

Он знал о «заплывах» президента лишь в общих чертах. Обо всем знали лишь Даша и тетя Тампедуа.

— Заждались, — сообщил он. — Тебя не было больше двух часов.

— Неужели я там пробыла только два часа?

— Около двух часов, — сказала тетя Тампедуа.

— Ты не представляешь, сколько всего произошло!

— Поэтому и существует эта программа, — сказала тетя Тампедуа. — И будет существовать далее.

— Но там я уже, наверное, умерла.

— Думаю, что сегодняшний визит — исключение. Но закономерное.

— Хоть бы кто-нибудь из вас побывал там со мной! Вы бы так не рассуждали.

— Визиты туда — слишком дорогое удовольствие, — сказал Паскуале. — Некоторые даже ворчат, что президент живет не по средствам.

— Пускай они займут мое место, — обиделась Даша.

Никто ей не ответил.

Но и без этого президент знала, что ответит ей профессор Тампедуа. Или те, кто создавал эту программу:

«Ты не можешь позволить себе, голубушка, всегда существовать только в мирной, благополучной реальности. От такой жизни даже кошки тупеют.

Ради тебя и тебе подобных был воссоздан канал в прошлое.

Конечно, это лишь альтернативное прошлое. Такого прошлого не было и быть не могло. Не было и города Веревкина, и рынка в нем.

Раз в месяц на несколько часов тебе положено добровольно проваливаться в страшный кошмар, который нормальному уму придумать невозможно. Там, в черной сказке, ты сталкиваешься с людскими страданиями, получая свою законную долю. Ты должна впитать в себя эту боль, чтобы возвратиться очистившейся от мелочей жизни и достойной высокой участи. Иди к своим подданным, смейся и трудись с ними. Им не грозит город Веревкин. И никогда не забывай, что в глубинах твоего сознания, а

значит, и в альтернативной действительности люди бьют, мучают, убивают своих близких».

Даша вздохнула и подошла к зеркалу.

Косметикой она не пользовалась, потому что у нее была репутация женщины, которая никогда не пользуется косметикой и красота которой в подпорках не нуждается...

Глядеть на профессоршу Тампедуа не хотелось. Словно та знала какой-то гадкий секрет, чего простить невозможно.

Королям и президентам лишь кажется, что они все могут. На самом деле они — игрушки в лапах специалистов и советников

Даша миновала зал и оказалась у бассейна.

В воде плескались друзья и однокашники, которые при виде ее оживились и стали звать к себе.

— Окунись хоть на минутку, Дашка, ты не представляешь, какая чудесная вода!

— Дашка, не зазнавайся и не изображай из себя шишку на ровном месте!

— Где Вадик? — спросила она Нектария.

— Улетел, сказал, что не может ждать.

— Не хочет ждать, — жестко поправила друга Даша.

Как ей его сейчас не хватало!

Беда государственного деятеля — в одиночестве. Никому нельзя доверять, ни на кого нельзя опереться.

Ватерполист подавал знаки от входа в служебные помещения дворца.

— Подождите пять минут, ребята, — сказала она. — Я вернусь.

Она прошла к кабинету.

— На связи Большое Кольцо, — сказал ватерполист. — Неведомая угроза поднимается из глубин космоса. Все разумные существа Галактики должны объединиться.

Мвен Мас, синий гигант с Серебряной планеты, смотрел на Дашу с гигантского экрана. Затем он отложил кисти и палитру, кинул прощальный взгляд на полотно, над которым трудился уже три года, поцеловал подбежавших к нему внучат и снял со стены супербластер.

Он принялся стряхивать с него пыль.

— Мы сами виноваты. — сказал Глава Совета, — мы забыли, как надо защищать наши идеалы. Я даже не знаю, кого назначить командующим космическим флотом. Мы должны избрать одного из нас, способного сражаться и, если надо, убивать и умереть за свободу Галактики.

На стенах кабинета загорелись экраны. На каждом — лицо президента. Лица были разных цветов и форм, но всех Даша зна-

ла, бывала у них с государственными визитами, принимала у себя...

Президенты молчали.

Тогда Даша произнесла, чувствуя, как по спине пробежала струйка нервного пота:

— Я согласна возглавить боевой флот.

— Ты? — В глазах Мвен Маса сверкнуло удивление.

— Я готова, — сказала Даша.

Мвен Мас обратил свой взор поочередно ко всем экранам.

И президенты различных планет склоняли головы перед решением Даши. Она взяла на себя Ответственность.

— Решением Большого Кольца, — произнес наконец Мвен Мас, — президент Московской Федерации возглавит боевой флот.

Формальности были завершены.

Даша выключила экраны.

Затем сказала подошедшему Паскуале:

— Ты слышал?

— Я боюсь за тебя, девочка, — ответил старый министр.

— А я горжусь тобой, — сказала от двери тетя Тампедуа. — Мы не зря с тобой поработали.

— Найди и привези сюда Вадима, — приказала Даша ватерполисту. — Скажешь ему, что он назначен командиром земной эскадры. Совещание с высшим военным командованием соберем в семь тридцать.

С этими словами Даша вышла к бассейну.

— Ребята, вылезайте, — попросила она. — Чай попьете дома. У меня дела.

— Все-таки зазналась, — вздохнул Дима-Помидор.

Даша улыбнулась архитекторам неотразимой предвыборной улыбкой и направилась к лифту. Там, на глубине шестисот метров, находился законсервированный еще сто лет назад стратегический центр управления.

Двери лифта открылись с трудом.

В лифте пахло мышами.

— Ну, Троцкий, держись! — сказала Даша.

Никто из сопровождающих лиц не понял командующего космическим флотом.

ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО

Даже когда мир катится к смерти, когда спасать в нем ничего и не хочется, когда утонули уже все подводные лодки, взорвались последние атомные станции, исчезла любовь и прекратилось деторождение, когда последних детей провожают в последнюю школу автоматчики и устраивают перестрелки с киднепперами прямо возле учительской, когда всех виноватых уже казнили, а невинные сидят по тюрьмам, помирая от голода и болезней, когда армии догнивают в окопах — даже тогда природа способна родить гения.

Другое дело — может ли использовать его погибающая цивилизация или наступает момент, после которого любое ее действие оборачивается ей же во вред.

Это вопрос открытый.

Я не претендую на готовый ответ.

Я лишь могу изложить события, как они были. А вы делайте выводы.

Гений, о котором пойдет речь, родился там слишком поздно, чтобы изменить жизнь. Но он смог изобрести мгновенное перемещение в пространстве и отыскать далеко отстоящую планету, на которой существует разумная жизнь. Больше того, этот гений нашел средство внедриться в тело жителя той планеты, чтобы затем, использовав этот путь, отправить на далекую планету агентов и оккупантов за сырьем и ценной техникой, которая может помочь вести победоносную войну.

Схема, разработанная гением, требовала громадных материальных ресурсов, но отдачи не давала. Видно, потому, что разлад и раздрай на планете зашел так далеко, что путь назад затопило грязью.

Центр Переброски, висевший камнем на шее разоренного государства, пожирал ценные материалы, но все забросы кончались ничем. Агенты, на подготовку которых было ухлопано

столько средств, либо погибали в самом начале операции, либо пропадали без вести.

И вот наступил понятный день, когда было решено проект заморозить, а гения отправить на земляные работы.

Узнав об этом от женераля Симки, гений попросил его разрешения провести последний запуск.

Женераль не выносил гения, потому что все женерали не выносят гениев.

— Нельзя, — сказал он, — ты не имеешь чина и даже допуска.

Что было правдой.

— Допуска нет, мон женераль, — парировал гений, — потому что вы его вовремя не удосужились оформить. А не удосужились, потому что никогда мне не доверяли.

— Я никому не доверял, — сказал женераль Симка. — Потому и жив.

Женераль закрыл вентиляционную решетку, потому что оттуда тянуло дохлыми крысами. Крысы вымирали, так как даже у них в том мире не было перспектив.

— Я все сделаю лучше, чем ваши офицеры. И вы получите орден. Я умный.

— В этом и беда, — сказал женераль.

— А если я провалю операцию и сгину в просторах космоса — туда мне и дорога. А вы спишете на меня все расходы и перерасходы.

— Инструкцию помнишь? — спросил женераль, которому понравилось предложение гения.

— Помню, — сказал гений. — Вместе ее сочиняли.

Женераль сделал вид, что не услышал. Он был службистом.

— По прибытии на место включаете искатель-пси, — произнес женераль. — Как только он обнаружит человека ваших габаритов и физиологии, в котором плохо держится душа, вы проводите над ним операцию по замене разума.

Гений послушно кивнул.

Он сам все изобрел, и женераль надоел ему смертельно. Лучше сгинуть в просторах космоса, чем терпеть этот голос и видеть эту рожу.

Хоть вентиляционная решетка была закрыта, вонь в комнате не уменьшилась. Вернее всего, она была местная, туземная, только женераль ее не замечал.

За бронированным стеклом неслись разноцветные облака Они были раскрашены химическими выбросами и, пожалуй, остались единственными яркими пятнами в том мире.

— По окончании удачно проведенной операции, — продолжал женераль, — вы выходите со мной на связь, и мы начинаем расширять наше присутствие на планете Земля. С целью дальнейшего захвата, колонизации и мобилизации ресурсов.

— Я понял, мон женераль, — сказал гений.

— Надеюсь, что у вас ни хрена не получится, — сказал женераль. — Такие славные ребята уходили на задание — ни одного в живых не осталось. Кошмар какой-то. И все вы виноваты, ваши провальные изобретения, ваши попытки поставить уши поперек простокваши[1].

— Мне искренне жаль тех мажоров и миноров второго класса, которые не преуспели и отдали жизнь за Родину. Я думаю, что они струсили и сдались в плен.

— Вы мне только попытайтесь сдаться! — завопил женераль. — Тогда не советую возвращаться.

— Я обдумаю ваше предложение, — сказал гений, и легкая хитрая улыбка коснулась его бровей Женераль понял, что все пропало. Ему захотелось ликвидировать гения, но это не было предусмотрено инструкцией, и поэтому гений остался жив.

По молчаливому соглашению женераль и гений разулись и проползли соединительным ходом в лабораторию имени Второго Контрольного слета.

Женераль помог гению забраться в трансгелепортатор и помахал ему единственной рукой в нечистой белой перчатке.

Гений надеялся на то, что женераль не догадался подложить в машину бомбу замедленного действия. И угадал.

Гений очнулся на Земле.

В окрестностях городка Веревкин Тульской области.

Для удачи или провала эксперимента не суть важно, оказался ли он в Москве, Самарканде или Индианаполисе. Главное — достичь Земли в одном куске и отыскать подходящего индивидуума, в котором душа еле держится в теле.

Следует сразу отметить, что это выражение не соответствует подобным выражениям, существующим в земных языках Нет, индивидуум не должен быть изможденным и чуть живым Наоборот. Он может физически преуспевать и даже участвовать в

[1]Местная поговорка Конкретный смысл неизвестен — *Примеч автора.*

Олимпийских играх. Но его телу душа не очень нужна, и соединительные нити прогнили или с детства были слабыми.

Проникнув в городок, гений уселся на лавочку в сквере возле памятника Ленину. Того памятника, который стоит, а не того, который состоит из беленой головы на высоком постаменте и находится за фабрикой-кухней.

Было раннее утро. Мимо спешили люди, кто на службу, а кто в школу. Некоторые женщины шли на рынок.

Гений включил искатель-пси, который представляет собой прозрачную коробочку чуть поменьше спичечной. Она жалко защебетала и должна была дать специфический сигнал в тот момент, когда нужная местная особь окажется по соседству.

Пока что никто не мешал гению наслаждаться свежим воздухом, который казался ему ароматным и душистым, что не было чистой правдой, так как он был смешан с угарным газом и бензиновыми парами, вонью прорванной в соседнем доме канализации, ароматом столовой № 2, в которой как раз собирались выкидывать подгнившую с прошлого года кислую капусту, и всякими иными запахами. Но жители Веревкина, которые либо не замечали таких запахов, либо не обращали на них внимания, не знали, насколько они счастливы с точки зрения гения и его компатриотов, потому что гению давно не приходилось сидеть на улице без противогаза и антикислотного костюма. Ему бы хотелось провести остаток жизни на этой лавочке без еды и сна — только дышать, дышать, дышать... Люди проходили мимо гения и выглядели необычно и незащищенно.

Все они, исключая милиционера, были невооружены. Даже страшно за них становилось. А женщины гуляли настолько беззащитными, что хотелось немедленно над ними надругаться.

Нет, вы не думайте, что гений всерьез намеревался наброситься на какую-нибудь женщину. Только кадровые офицеры безопасности и гвардейцы-охранники получают пищу, которая позволяет им думать о женщинах. Гений не относился к таким ценным лицам и к тому же не выносил вида крови. А ведь вы знаете, что после сексуальных домогательств женщин обычно убивали или она сама убивала насильника. Это зависело от того, кто лучше вооружен.

Впрочем, гений уже года два не видел ни одной женщины нормального облика, если не считать картинок в лживых журналах о хорошей довоенной жизни.

Разве можно считать женщиной сотрудницу вспомогательного корпуса стражей боевого содружества в защитных футлярах и железных масках, вооруженных помойными ведрами и железными метлами? И еще как-то гению пришлось попасть в больницу. Была бомбежка, и тут не разбирались, куда вести пострадавших. А у гения на плече был красный треугольник, означающий «спасать и лечить!». То есть если в бомбежку или во время обстрела тебя ранило, то твое тело положено тащить в госпиталь, а не бросать на улице как обыкновенного человека. Так вот, тогда его сильно ранило, кровь хлестала, его потащили в ближайшую больницу, а это был Шестой экспериментальный районный центр воспроизводства. Гения положили в коридоре и срочно перевязали, чтобы остановить кровь. Он не потерял сознания, а глядел сквозь стеклянные двери палаты, где лежали пристегнутые к койкам матери-кормилицы. У них брали клетки для клонирования, а потом приносили на подкормку младенцев, шестьдесят младенцев за эпизод кормления: разок затянулся из настоящей груди, уступи место товарищу!

Женщины были неприятны, лучше бы и не видеть.

Поэтому и местные женщины вызывали лишь удивление и даже отвращение. Но надо привыкать.

Рядом с ним на скамейку опустилась средних лет женщина с сумкой, полной круглых плодов. Названия их гений не знал. Гений отодвинулся, но, вернее всего, женщина не заметила его. В тот момент он был почти прозрачен и схож с роем мошкары, что вьется у фонаря.

Гений чувствовал, как без подпитки энергия постепенно покидает его тело. Надо было торопиться, а не рассиживаться здесь и эмоционально размягчаться.

Он вздохнул, стараясь собраться с духом, и женщина услышала этот вздох. Она посмотрела в его сторону, но ничего не увидела.

Ах, как она беспечна!

«Она не понимает, что мой долг, долг агента, внедрившись в тело твоего соотечественника, приобщить его к славному сонму строителей завершенного военнизма. Мы сделаем эту Землю филиалом нашего сражающегося братства, мы превратим ваших мужчин в солдат, а для женщин найдем иные, достойные, хоть и не очень приятные, области применения.

Что ж, побеждает сильнейший, в этом закон природы.

Мне жаль вас, потому что я умнее и добрее, чем мон женераль и другие женералы, которые правят нами. Мне вовсе не хочется, чтобы эта пожилая добродушная женщина, что сидит рядом со мной на скамейке, стояла в многочасовой очереди за куском докторской колбасы из гороха и спала в бронежилете, ожидая того момента, когда тебя отправят на минное поле, чтобы своим ненужным телом сделать проход для наших доблестных войск.

А я? Я, если вернусь, выполнив задание и открыв дорожку для проникновения сюда сонма наших агентов, и если меня на обратном пути не прихлопнет мон женераль, наверняка получу орден Почета...»

Но надо было двигаться, искать для себя соответствующее тело.

Гений, схожий с роем мошкары, поднялся со скамейки, и женщина, сидевшая рядом с ним, подумала: откуда столько мошкары, ведь еще не осень?

Стоило гению продвинуться на сто шагов, как его искатель-пси изменил тон.

Запищал, словно его ущипнули. Где-то рядом находился по всем параметрам пригодный для внедрения в него.

Если все будет нормально, то надо будет войти в его тело, ликвидировать в этот момент его разум, его душу, его идеальную субстанцию. И заменить своей.

С телом индивидуума ничего не произойдет.

Понимал ли гений, что намеревается убить человека, ибо исчезновение индивидуальности означает смерть невинного человека?

Я думаю, что он отдавал себе отчет в том, что делает, но, несмотря на свою гениальность, не испытывал угрызений совести.

Его жертве, если можно того человека назвать жертвой, и без того оставалось недолго жить. Непрочная связь души и тела означала либо далеко зашедшую душевную болезнь, либо склонность человека к смерти. Не обязательно к самоубийству. Может быть, тот человек попросту не хотел жить, постоянно и равнодушно. Бывают такие люди. Живут и терпят сами себя.

Вот такой тип сознания вынюхивал искатель-пси. А потом передавал информацию агенту. А уж от того зависело, внедряться ли в жертву или поискать другую, может быть, физически покрепче, помоложе.

Распространенная философия планеты, с которой прилетел гений, не знает категорий типа «совесть», «сострадание» или «любовь к ближнему», потому что эти категории мешают бороться за победу Родины в борьбе с внешним врагом либо с врагом внутренним, который находится на службе международного терроризма.

Облачко мошкары, в центре которого поблескивала стеклянная коробочка размером со спичечную, двинулось к вставшему у витрины охотничьего магазина Семену Шпаку.

Как ни странно, при всем внешнем несходстве гения и Шпака они были кое в чем схожи.

Оба уже почти ничего не ждали от жизни. Но гений не ждал,

так как устал бороться с судьбой, злыми силами и несправедливостью. Шпак бороться не пробовал, правда, каждый понедельник с утра намеревался этим заняться.

Во-первых — бросить пить. Во-вторых — бросить курить, в-третьих — выучить английский язык, чтобы уехать в Новую Зеландию и больше никогда не видеть ни Зинки, ни обрыдлой рожи Изи Иванова, в-четвертых — сходить к зубному и вставить два зуба, выбитых по пьянке неизвестно кем, в-пятых... Много ли надо человеку средних лет, типичному осколку империи? Впрочем, осколком Шпак себя не считал и даже некоторое время числил себя в демократах, а потом стал патриотом, что в его жизни ничего не изменило.

Зинка вышла за него по любви. Он был тогда красивым инструктором райкома комсомола с перспективами на область, а она — пионервожатой в школе № 2 без перспектив, но с фигурой.

А теперь, спустя пятнадцать лет, она рада бы перейти к кому угодно, но как отыскать в Веревкине достойного? А родственников или начального капитала, чтобы махнуть в Тулу, не нашлось.

А теперь Семен трудится в районной газете литсотрудником или корреспондентом, а сам себя называет шефом рекламного отдела, хотя мало кто дает рекламные объявления в газету.

Семен пошел побаловаться бочкаревским пивом — надо чаще встречаться! — но никого в стоячке не оказалось, так что он пил без удовольствия.

И тогда к нему подплыл гений в виде облачка мошкары.

Искатель-пси щелкал, как счетчик Гейгера в Чернобыле.

Он! Вот-вот душа улетит сама! Действуй!

У Семена с утра давило в сердце и еще больше на душе — не мог он вернуться в газету, где вчера вечером вытащил сто рублей из сумочки Кати Корзухиной. А она вошла в комнату. А он не успел положить их обратно. Может, в речку кинуться? Да речка у нас мелкая, загрязненная. И нужны были ему эти сто рублей?

Он решил копить на поездку в Анталию. Но зачем таким образом?

Если она рассказала шефу, если Изя его вызовет...

И тогда гений убедился в том, что и в самом деле душу клиента наполняет тупое отчаяние, а его умственные способности настолько подорваны водкой и пивом, бездельем и нелюбовью к человечеству, что готовы вообще испариться.

Хоть бы помереть! — взмолился Семен Шпак и взглянул на небо.

Но на самом деле он помирать не собирался, а просто запрокинул голову, чтобы пиво лучше лилось из горла́ в горло.

И тут-то гений его взял. Можно сказать, без всякого сопротивления.

Семен Шпак ощутил нехватку воздуха, перехват в горле, дурноту и потом уж страх.

Он выронил бутылку, она покатилась под высокий столик, но Шпак, что удивительно, не стал нагибаться. Он не мог нагнуться, потому что нечто заменявшее ему душу — та нематериальная субстанция, которая кое-как уже сорок с лишним лет руководила его хорошими и дурными поступками, — вышло из него через ноздри и уши и улетело к небу невидимым столбиком пара, чтобы там, в вышине, смешаться с другими частицами душ, ибо на Земле постоянно умирают различные люди и животные, и каждый из них оставляет бренное тело, а остальное улетает вверх. В отличие от распространенных заблуждений, оно не продолжает жизни в раю или аду, а участвует в образовании облаков, а потом и дождей. И чем больше на Земле людей и чем реже они чистят зубы, тем грязнее дожди. Впрочем, в общей массе дождевой воды души составляют не более процента, так что лишь приборы могут угадать, насколько эта вода загрязнена.

Пока не очень.

А вот на планете, с которой прибыл гений, она сильно загрязнена.

Выпав на землю дождем или росой, духовная субстанция многих живых существ участвует в образовании растительного покрова или проникает в глубь земли. В любом случае со временем какие-то частицы этой субстанции попадают в организм человека или собаки, а чаще принимают участие в создании новых организмов.

То есть можно сказать, что буддизм, учащий нас о перерождении душ и вечном круговороте жизни, при котором каждое живое существо, в зависимости от суммы дурных или добрых дел, возрождается вновь в образе человека или пиявки, а в лучшем случае — боддисатвы, стремящегося к полному безделью, то есть нирване, можно сказать, что буддизм в чем-то прав.

Наивность буддизма заключается в том, что духовная субстанция с его точки зрения сохраняет индивидуальность предыдущего носителя. На самом деле Природе безразлично, кто родился на планете и кто родится завтра. Ее цели настолько высоки и далеки от судеб людей, что она не догадывается о существовании этих квантов общей биомассы. Человек не может переродиться в пиявку или боддисатву. Но какие-то атомы человека могут войти в новое создание. Какие — никто не знает. Тем более что атом, как вы понимаете, слово здесь условное — ничего материального в этих элементарных частицах идеального мира не наблюдается.

Так что Семен Шпак в коротких, но страшных муках, которые приходится переживать любому человеку в момент смерти, потерял свою душу, то есть, как вы уже поняли, — условный термин, никак не отражающий всей сути проблемы.

Но он не упал вслед за пивной бутылкой, потому что в момент потери им души в его тело вошла идеальная субстанция гения. Гений прекратил свое туманное существование и с той секунды стал Семеном Шпаком, сорока с лишним лет, никому не нужным и даже никчемным человеком.

Гений был убийцей.

По земным законам он должен быть судим, но таких законов еще нет.

По какой статье он у нас проходит?

Он украл живое тело.

И что потом случилось с телом?

Оно пошло погулять по главной улице.

Оно упало, умерло, ему было плохо?

Вроде бы нет.

Оно звало на помощь? Умоляло о пощаде?

Нет, оно производило впечатление вполне обыкновенного живого человека. И отзывалось на имя Семен Шпак. И даже помнило многое из того, что помнил Шпак.

Но существуют законы Галактики, которые нам пока неведомы. Там, вдали, знают о таком типе преступлений, там за них карают сурово и беспощадно, чтобы неповадно было. Там казнят без всякой надежды на возрождение или воскрешение инициатора преступления, а также нового владельца тела, а также всех, кто проводил техническое обеспечение такой кражи.

Гений слышал о таких законах и пренебрегал ими.

Он достиг того, в чем не преуспели лучшие офицеры Главного штаба. Он — первый из агентов Родины, проникших к цели путешествия. Он сам придумал, он сам изобрел, он сам и исполнил. Поглядим, какие глаза будут у женераля Симки, когда придет сигнал, что канал открыт и готов для прохождения первой партии агентов. Он не переживет Он застрелится из арбалета.

И тогда — великое единение...

Так думал владелец тела Семена Шпака. И не был уверен в том, что радость по поводу победы его Родины искренняя. Потому он не спешил сообщать о своих успехах.

Сейчас его волновало другое: информации, почерпнутой в

мозгу Шпака, было недостаточно. Словно гению досталось полотно с дырами и оторванными краями.

Например, кто идет навстречу и кланяется с улыбкой? Почему у другого прохожего на лице недобрая гримаса?

«Зря ты так себя вел», — говорит третий. А гений не мог вспомнить, что вчера случилось.

Шпак — а именно так мы будем отныне называть гения, ибо он живет в чужой шкуре — направил стопы домой. Он рассудил, что будет легче войти в образ убитого им человека в его доме. Там есть документы, фотографии, любимые вещи, предметы обихода.

Дом оказался длинным, когда-то оштукатуренным деревянным бараком. Он свидетельствовал о равнодушии к людям, столь свойственной не только земным властям. Правда, барак был окружен тополями, а в песочнице возились малыши. Такое у него на Родине давно забыто. А скоро с его помощью исчезнет и здесь. Горько. Почему горько? Разве можно встать на пути прогресса?

Шпак позвонил в квартиру № 2 на первом этаже.

Зинаида была дома, но обратила на Шпака не больше внимания, чем обращают на дождик или сквозняк.

— Чего рано? — спросила она. — Выгнали наконец?

Зина и к сорока годам сохранила крепкую стройную фигуру пионервожатой, соблазнившей Шпака пятнадцать лет назад. Она была на четыре года младше мужа.

— Добрый день, — сказал Шпак. — Сегодня хорошая погода, не так ли?

В любой цивилизации разговор о погоде свидетельствует о расположении говорящего к слушателю.

— Опять напился? — спросила Зина с застарелым раздражением.

— Я не принимал спиртных напитков, — возразил Шпак.

Ему захотелось, чтобы эта женщина, которая является его женой, то есть сожительницей и сексуальным партнером, улыбнулась.

— Улыбка тебя красит, — сообщил он, чем поверг Зинку в смущение.

— А пошел ты! — ответила она.

Потом спросила:

— Обедать будешь?

Новый Шпак не знал, что его редко кормили дома, потому что Зинаида полагала, что такой никчемный человек, тем более

пропивающий зарплату, лучше уж пусть питается закуской к водке, все равно ничего домой не принесет.

— Большое спасибо, — сказал Шпак. — Я проголодался.

Он и на самом деле проголодался. И не столько ввиду скудности пищи на его родной планете, сколько от волнения. Он забыл позавтракать с утра, и, хоть завтрак был только условностью — чашка пустого чая и две армейские галеты, — желудок требовал этой пищи, он был к ней приучен.

— Спасибо, говоришь? — Что-то смущало Зинаиду в поведении и словах мужа, которого она знала как облупленного и знала, что так он себя не ведет, и если вел, то только сразу после свадьбы. — Ты еще не пробовал.

— А зачем пробовать, если я заранее уверен в твоих способностях.

— Ну ты даешь!

— Ты позволишь сначала вымыть руки?

Зинаида не смогла ничего ответить. Рук благоверный не мыл с той недели.

— Ты заболел? — спросила она.

— Нет. Насморк.

— Тогда мойся. Только с мылом.

— Разумеется, — улыбнулся Шпак.

И тут Зинаида тоже улыбнулась. Впервые за много дней.

О чем Шпак тоже не подозревал.

Улыбка ему понравилась. Это была смущенная, почти робкая улыбка человека, который рад бы смеяться громко и широко, но опасается, что его неправильно поймут.

Мылся Шпак долго.

Это объяснялось просто: он так давно не видел и не пробовал на ощупь или на вкус чистую воду, что не мог насладиться ею. Воду на его родине пили только после многократной очистки, когда от воды как таковой уже ничего не оставалось.

Это была жидкость.

Как вместо супа, второго или компота каждый получал пайку. Или паек, если находился наверху служебной лестницы. Ведь даже среди нищих есть короли, и они кушают голландский сыр, когда остальные помирают с голода.

В шкафчике он отыскал домашнюю рубашку, давно ею не пользовался, но хотелось чего-нибудь чистого. Ведь к хорошему привыкаешь быстро и хочется всегда мыться чистой водой и ходить в чистом белье.

И когда причесанный, отмытый до голубизны кожи, пахну-

щий Зинкиным шампунем Шпак вышел на кухню, его жена буквально пошатнулась. Такого быть не могло.

Такого на ее памяти не случалось.

Со Шпаком тоже творилось нечто странное и совершенно непривычное.

Он встретился с Зинаидой взглядом и с трудом оторвал его.

Большие голубые глаза в темных, естественного цвета ресницах рассматривали его настолько внимательно и даже упорно, что Шпак задержался в дверном проеме, дыша быстрее и мельче, чем обычно.

— Так проходи, садись, — сказала Зинаида. — Неужели Изю, твоего злейшего врага, выгнали с работы?

— Ты не права, — сказал Шпак. — Изяслав Матвеевич успешно трудится на своем месте.

— Значит, все-таки он тебя выгнал?

— Мне бы этого не хотелось.

В голосе мужа появилась рассудительность и даже расчетливость, словно, прежде чем открыть рот, он прислушивался к внутреннему голосу. А так — весь такой же, даже сивухой немного разит. Значит, с утра принимал.

Семен сел за стол, Зинаида поставила перед ним тарелку. Раньше бы швырнула, кинула, а сейчас не посмела.

Семен зачерпнул ложку супа, медленно покачал головой, держа суп во рту, и проглотил.

Зинаида смотрела, словно он дегустировал вино, выращенное ею на семейном винограднике.

— Знатно, — сказал Шпак. — Чудесный напиток. То есть суп. В жизни не употреблял ничего подобного по сладости ощущения.

— Семен, — тихо сказала Зинаида, — ты здоров? Может, давление подскочило?

— Давление в норме, — ответил муж, как всегда с секунду послушав внутренний голос. — Совершенно нормальное давление. И надеюсь, что в будущем оно не будет выходить из нормы, потому что гипертония чаще всего вызывается неумеренным потреблением алкоголя и жирной, богатой холестерином пищи.

— Вот именно, — сказала Зинаида, которая не раз объясняла это Семену, но он не слушал. А оказывается, запомнил и сделал выводы.

— Ты во мне разочарована?

— Безнадежных людей не бывает, — произнесла Зинаида после паузы. — Добавки хочешь?

— Был бы счастлив.

Котлеты мужу тоже понравились.

Подошла очередь компота. Компот Семен выпил залпом, чем испугал Зинаиду, потому что косточки он забыл выплюнуть. Даже сливовые.

— Ничего страшного, — сказал Шпак. — Выйдут вместе с экскрементами.

— Шутки у тебя дурацкие, — рассердилась Зинаида.

Так всегда со Шпаком. Стоит тебе расслабиться, поверить в возможность исправления этого урода, как он выкинет коленце, и ты понимаешь — случай безнадежный.

— Очевидно, я употребил неточный термин, — сказал Семен. — Ты ожидала слова «дерьмо»?

— Немедленно выйди из-за стола, и чтобы я тебя сегодня больше не видела, пьянь паршивая!

Можно представить себе гнев Зинаиды. Потому что гнев всегда бывает сильнее, если ты расслабился и пропустил неожиданный удар.

— Прости, если не угодил, — покорно произнес Шпак. — А куда мне пойти?

— Сам знаешь. К своим алкашам иди.

И мозг погибшего Шпака подсказал, что алкаши собираются на берегу речки в шашлычной «Английский король». Вот именно так!

Семен не стал спорить, потому что понял, что Зинаида не в том состоянии, когда женщины способны выслушать мужские аргументы.

Он шел по улице. Ноги вели его куда следует.

И тут он увидел киоск «Воды — мороженое».

Вторая сигнальная система сразу выдала ему в мозг ощущение вкуса сливочного мороженого

Рука отправилась в карман, где лежало восемь рублей, как раз на кружку.

Эти деньги нельзя тратить, потому что человек, пришедший в шашлычную без денег, не пользуется уважением товарищей.

Но мороженого ему хотелось куда больше, чем пива.

— Вы чего, Семен? — удивилась девица, которая продавала мороженое. — Я вас здесь никогда не видела!..

— Захотелось, — кратко ответил Семен.

Он развернул мороженое — конус-стаканчик. Бумажку кинул в помойную урну.

Когда гений был еще маленький и его мама заболела лучевым синдромом, от которого не умирают, но мучаются до самой смерти, его отправили на лето к бабушке, в приморский городок

Камни, тогда еще остававшийся в стороне от боевых действий. И там ему давали мороженое. С тех пор городок этот, попавший под водородную бомбу, исчез вместе со своими обитателями и мороженым, а тоска по детской радости осталась.

И можем ли мы осудить Шпака за то, что он предпочел порцию мороженого обыкновенному пиву, которое и сегодня выдается по выходным всем мобилизованным?

Шпак остановился у забора, вид у него был глуповатый и увлеченный.

Это и привлекло Артема Артемовича Груздя.

Артем Груздь, бывший председатель городской организации ДОСААФ, почетный пионер или красный следопыт, относился к славной когорте разоблачителей. Таких не выносят фокусники. Ибо разоблачитель покупает билет в первый ряд, чтобы в самый драматический момент закричать: «Вы смотрите, смотрите, у него из-под мышки нитка тянется!»

Сплетничают, что известный иллюзионист Дэвид Копперфильд, в отрочестве Коткин из Одессы, убил одного такого разоблачителя, но был оправдан судом присяжных. Но это в Америке, у нас убивать разоблачителей не принято.

Я отвлекся.

А если говорить серьезно, то Груздь — фигура опасная и неприятная.

Артем Груздь мучился бездельем, потому что лето еще не кончилось, дети разъехались на каникулы, женщины и мужчины недостойного поведения нежились на курортах или парились в очередях за билетами домой. Единственная радость — пришедшая утром секретная инструкция...

И тут он увидел Шпака.

Со Шпаком Груздь был во врагах.

Шпак как-то накостылял Груздю, несмотря на общественную значимость Артема Артемовича. Груздь с ним судился, но не победил ввиду отсутствия свидетелей.

Шпак ел мороженое.

Груздь почувствовал, что в этом есть подозрительный элемент.

Шпак никогда бы не позволил себе потратить копейку на мороженое, если неподалеку продают пиво.

— Семен, — сказал Груздь, не подходя близко, потому что опасался провокации, — ты чего делаешь?

Выживаемость в условиях тотальной атомной войны и экологической катастрофы возможна лишь для эмфатов, то есть людей с повышенной интуицией.

Гений, а ныне Шпак, относился к породе эмфатов. Он мыслей читать не мог, потому что это мистика, но чувствовал отменно.

И тут он почувствовал злобу, подозрительность и опасность.

Опасность была каким-то образом связана с мороженым. Почему-то его телу нельзя было питаться мороженым. Гений сделал то, что всегда делал.

Он спрятал мороженое в карман.

— Ты чего? — спросил Семен Семенович.

Недаром Груздь был почетным красным следопытом. Он сразу понял, что дело нечисто.

Сделал шаг к Шпаку и велел ему:

— А ну, вынь руку из кармана.

Шпак повернулся и пошел прочь. Он шел прямо, чуть откинув назад голову, чего никогда не делал настоящий Шпак, но в тот момент Груздь еще не заподозрил подмены, он просто решил, что Шпак рехнулся.

Когда Шпак убедился, что этот неприятного вида грузный старик, на котором все висело — и нос, и усы, и живот, — отстал от него, он зашел в первый попавшийся подъезд двухэтажного барака и стал выскребывать из кармана жижу мороженого и совать в рот сладкие липкие пальцы.

В подъезд вошла тамошняя жиличка Светлана, приятельница Зинаиды Шпак, и поразилась, увидев, чем занимается Семен.

— Ты что, рехнулся? — спросила Светлана.

— Нет, спасибо! — Шпак совсем оробел и, оттолкнув с пути Светлану, поспешил домой.

Его путь был отмечен белыми каплями, брызгами и лужицами — мороженое вытекало из кармана и капало с пальцев.

В этом прискорбном виде Шпак и заявился домой.

— Это еще что? — спросила Зина.

— Я купил мороженое, — ответил Шпак. — А потом оно стало капать.

Зинаида была быстра и наблюдательна.

— А зачем ты положил его в карман?

Шпак пожал плечами и опустил взор долу, к маленькой липкой белой лужице.

— Хоть бы газетку подстелил.

Шпак молчал.

— Ты же пиво пошел пить?

— Мне захотелось мороженого.

— А потом?

— Потом я ел мороженое, а пришел человек, который стал на меня кричать.

— Кто стал на тебя кричать? Да говори ты, не мямли, что еще за мужик попался?

— Артем Артемыч, — признался Шпак.

Ему пришлось напрячься, чтобы вспомнить злого старика.

— Похожий на моржа, — добавил Шпак и вдруг улыбнулся.

Потому что гений, живший в нем, осознал, насколько смешны и неопасны для жизни события, конфликты и страхи, которыми питаются жители этой планеты. Ну мороженое в кармане... ну старик, похожий на моржа... ну жена ругается...

— А ты не улыбайся, — оборвала этот сладкий сон Зинаида. — Сам будешь пол подтирать.

Гений улыбнулся, да так искренне и даже задорно, что у Зинаиды схватило под сердцем — таким он был в тот первый вечер на танцверанде. И сам забыл потом о такой улыбке.

А Шпак не притворялся. Он не мог и не хотел отделаться от щенячьего чувства свободы. Ну хоть прыгай и виляй хвостом!

Она велела ему раздеться, сама быстренько постирала брюки, а он сидел в трусах у телевизора, смотрел одним глазом футбол, а сам все оборачивался — в открытую дверь кухни ему была видна жена. Жена убитого им человека... и самому себе страшно признаться — желанная женщина.

Он где-то читал о такой ситуации. Но в отличие от того героя он был рад тому, что у Шпака оказалась такая милая жена. Могла бы оказаться стерва, корова, уродина... Ему везет на этой Земле.

А Зинаиду смущало то, что Шпак никуда не уходит из дома. Сидит трезвый, не ярится, порой обернется к ней и улыбается.

Что-то случилось. Серьезное и даже пугающее. Потому что таких чудес не бывает. А если и бывают, то тащат за собой на веревке неприятности...

Подошло время укладываться.

Ну и что, казалось бы?

Сколько лет они ложились в кровать, а за последние три года он ни разу на нее не покусился. Засыпал и храпел. А она толкала его, пугала, даже будила. Он проворчит что-то — и снова храпеть!

В тот вечер Зинаида долго стояла под душем. Она ничего не могла с собой поделать: это был ее первый мужчина, это была первая ночь — ну хоть плачь, хоть смейся!

Она боялась, входя в комнату, что он похрапывает как обычно, что ей все это почудилось. А он не спал.

Свет луны заполнил комнату и отразился голубым огоньком в его глазах, они стали глубокими и загадочными... ну почудится же такое немолодой женщине!

«А я еще молода...»

— Ты не спишь? — спросила она тихо, почти шепотом. Никого рядом не было и квартира изолированная, а она шептала.

И сразу перехватило дыхание.

— Я не сплю. Иди ко мне.

Он правильно сказал.

Она сбросила ночную рубашку — зачем ей эта хламида! И голой прыгнула под одеяло.

А он протянул ей навстречу руки.

«Боже мой, я же каждую родинку на его теле знаю и ненавижу!»

Он прижал ее к себе, всем телом прижался и замер.

Он дышал часто, и слышно было, как бьется его сердце. Часто-часто.

Ну, сделай что-то...

Она поцеловала его, нежно и щекотно, сначала в щеку, потом, ощупывая губами его лицо, как слепец, ищущий дверь, она дотронулась до уголка губ.

И он застонал, словно впервые ощутил так близко женщину.

— Я так люблю тебя, — прошептал он. — Я так люблю тебя, что не могу, не смею... я умру...

Наконец-то ее губы отыскали его рот.

Она обожглась от этого прикосновения.

Ей казалось, что она молит его овладеть ею, но губы не могли оторваться от его губ, и вместо слов получилось сладкое, низкое мычание.

Она опрокинулась на спину и потянула его к себе... «Ну ляг на меня! Я не могу больше терпеть эту томительную сладость».

— Я не могу! — закричал он. — Я не могу, не смею, я недостоин.

— Нет-нет, не уходи от меня.

— Я не могу.

— Поцелуй меня в грудь. Моя грудь как у молодой, совсем еще тугая, ты попробуй, ну сделай же мне больно! Ты раньше этого хотел!

— Ты с ума сошла. Я не могу причинить тебе боль, моя любимая.

Зинаида знала, что не выпустит его. Пускай себе рыдает, пускай отбивается, как ребенок, которого притащили в ванную и моют ему под краном измазанную вареньем рожицу.

«Почему я думаю о ребенке, о варенье?»

Она протянула вниз, к его чреслам, полную, совершенную, жадную руку.

Господи, как тверда и упруга его плоть! Только она назвала это не плотью, а куда более откровенным словом.

Теперь не упустить! Он хочет вырваться, уйти от нее. Он с ума сошел! Он же хочет ее так, как не хотел все пятнадцать лет жизни!

Главное — поместиться под ним, почувствовать его тяжесть напряженными твердыми сосками..

— Ох, — прошептала она.

Как он скользнул в нее, как ударил и обжег все внутри! Ради этого мгновения она и живет на свете...

«Еще! Еще, только не спеши, умоляю, не спеши, мой любимый!»

Оказывается, она помнит это слово. Неужели она когда-то называла его этим словом?

Нет, его не удержать! Он так спешит, он бьется об нее, как крупный судак о лед.

Не спеши...

Но последних слов она не произнесла, потому что его желание было настолько велико, что она излилась навстречу ему, будто прорвало горную плотину...

И закричала так, что тут же испугалась — как бы не услышали соседи!

— Прости, — сказал он после долгого молчания, — я, наверное, сделал тебе больно.

— Идиот, — ответила Зинаида. — Мой единственный, любимый идиот.

— Ты куда?

— Мне поздно заводить ребеночка, — откликнулась Зинаида из ванной.

— Почему?..

Полилась вода, она бы все равно не услышала. А Шпак больше не спрашивал. Он боялся вызвать подозрения. Он почувствовал по ее голосу, что вопрос показался ей глупостью, даже, может, шуткой.

Впрочем, опасения Шпака понятны и разумны, потому что на планете гения сексуальные отношения между полами теоретически были возможны, однако не одобрялись. Правда, не всех детей кастрировали в младенчестве — это могло отразиться на их поведении в будущем, тогда как стране нужны дисциплинированные, но агрессивные солдаты и немногочисленные, способные к воспроизведению самки или труженицы тыла.

В любом случае женщина не могла понести от сексуального контакта, она была бесплодной. А мужчины об этом не знали по той простой причине, что подавляющее большинство их за всю жизнь ни одного контакта такого рода не имели.

То, что случилось с гением, потрясло его куда больше, чем Зинаиду, потому что эти невероятные ощущения подарило ему тело Шпака. Впрочем, только оно одно было бы бессильно, так как сам Шпак изрядно поизносился и давно уж предпочитал об-

щество пивной бутылки ласкам надоевшей Зинки. Но ведь для гения Зинаида была первой в его жизни Прекрасной дамой, чистой, нежно пахнувшей, доступной, мягкой... хотя он вряд ли сам смог объяснить все, что происходило в его душе... и в теле.

Он лежал, прикрыв глаза, наслаждаясь легкостью в членах тела, дремотой, мягко обнимавшей его, счастливым сознанием того, что не надо сидеть на табуретке и ждать вечерней поверки и сдачи номера в обмен на завтрашний пароль. «Что делать, мы защищаем Родину!»

Но что с ним происходит? Чего он хочет? Не пора ли выходить на связь с Центром?

Если дезертирство и существовало в его подсознании как некий выход из жизненного тупика, он сам себе в этом не признавался.

Теперь же оно материализовалось в образе этого чистого городка, мирного неба, не замусоренного еще крылатыми ракетами, супа, приготовленного Зинаидой, и ее тела, ее шепота, ее стона...

Настоящий патриот своей Родины не может променять ее на луковый суп. Он сам не переживет такого предательства...

Шпак проснулся поздно, то есть поздно по нормам своей планеты, где побудка точно соответствует восходу солнца, чтобы не тратить энергии на освещение улиц и жилых ячеек. Станет светло — встаем. Стемнеет — попрошу по койкам.

Солнце стояло высоко, и его лучи отвесно били по тюлевой занавеске.

Шпак вскочил в ужасе — обход уже состоялся, и он потеряет такие важные для него очки!

И тут спохватился.

Он же не дома.

То есть он в доме своего нового тела.

— Ты чего вскочил? — спросила Зинаида. Она вошла в комнату, волосы накручены на бигуди — зрелище непривычное, несколько механистичное

— Что с тобой? — спросил Шпак.

— В первый раз заметил? — добродушно засмеялась Зинаида.

Она была в халатике, полная грудь распирала его, в овражке между грудей поблескивал золотой крестик.

Он поднялся и сделал к ней шаг.

— Ну-ну, — Зинаида выставила вперед руки. — И не мечтай. Сексуальный маньяк!

Но не отступила.

А обыкновенному эмфату достаточно клочка чужого чувства, чтобы понять, стоит ли забыть о своих поползновениях или настаивать, словно ничего и не слышал.

Он обнял Зинаиду, и она сказала:

— Глупый, дай хоть бигуди из волос вытащу. Да погоди ты!

А сама занялась не бигуди — вот какое легкомыслие, — сама раскрыла на груди халатик, чтобы он догадался, как она хочет, чтобы он поцеловал ее в грудь.

— А грудь у меня, — сказала она, — совершенно девичья. Знаешь почему? Потому что еще не рожала... Ой, ну что ты такой настойчивый!

И в этот момент, как назло, позвонили в дверь.

— Не открывай! — взмолился Шпак.

— Нет, это может быть Клавдия. Она знает, что я не уходила. Ей из окна, гадюке, все видно.

Зинаида запахнула халатик и, придерживая его пальцами, побежала к двери.

Шпак сидел на кровати.

Послышались невнятные голоса. К сожалению, слух Шпака далеко уступал слуху, которым раньше пользовался гений. Слух там, дома, вырабатывался как часть инстинкта самосохранения. Опасность можно услышать.

Он хотел подняться и привести себя в порядок. Но не успел.

В комнату вошел пружинистый, быстрый в движениях, словно гуттаперчевая кукла, Изя Иванов. Шеф Шпака из газеты.

— Опять напился, друг любезный! — запел он от двери. Изя думал, что он очень смешно поет.

— И даже не пил, — откликнулась из-за его спины Зинаида. — Поверь моему слову.

— Ах, мы защищаем своего благоверного!

Изя извернулся и ущипнул Зину за бедро. Привычно ущипнул, не впервые. И Шпак понял, что Зинаида делала с этим толстяком то же, что и с ним. И ему стало очень неприятно. Он никогда не подозревал, что человеку может быть неприятно из-за такого пустяка.

— Ты чего пришел? — спросил Шпак.

Зинаида отпрянула в коридор. Ей не хотелось, чтобы Шпак догадался. Хотя, вернее всего, Шпак об этом знал давным-давно.

Он даже почувствовал, как напряглась Зинаида — враждебно напряглась, будто ее в чем-то справедливо обвинили, но ей не хочется признавать свою вину.

— Вставай, собирай себя по кускам, — сказал Изя. — Большое дело есть. Шанс прославиться на всю Россию. Выполнишь — все тебе прощу.

— Надо еще подумать, — мрачно ответил Шпак, — кто кого будет прощать.

— Он офигел, — сказал Изя Зинаиде. — Ты, Зинка, его приструни. Хороший был журналист, надежды подавал.

— Я сейчас приду на работу, — сказал Шпак.

— Можешь не спешить. Я и не надеюсь. К тому же нечего языками трепать. Задание конфиденциальное. Хоть ты и алкаш, но не дурак, цвет мой. Будешь слушать?

— Говори.

Шпак уловил странный легкий запах. На тумбочке у спального дивана стоял пузырек. Красивый пузырек из золотистого стекла.

Шпак взял пузырек и вынул стеклянную пробочку.

— Есть мнение, — сказал Изя, — что с нами идут на контакт.

— Кто идет на контакт?

— Некая инопланетная цивилизация, — сказал Изя. — И попрошу без глупых ухмылок.

— Я не ухмыляюсь. — На самом деле Шпак ухмылялся, но причиной тому был запах, исходивший от жидкости в пузырьке. Он не мог оторваться, он не мог поставить пузырек на место.

— Причем есть мнение, что луч, по которому к нам перемещаются засланцы...

— Кто это — засланцы?

Изя засмеялся во весь голос.

— Забыл, да? Забыл, что ли?

— Забыл.

— Засланец — это пришелец, который прилетел к нам по заданию.

— А зачем он прилетел?

Странно, но Шпак в тот момент не испытывал тревоги. Как будто эти слова не могли к нему относиться.

— Чтобы нас поработить, — сказал Изя и снова засмеялся.

— Чего гогочешь? — спросила Зинаида.

— Да мы сами кого хочешь поработим. А самих себя — тем более, разве не так? Дай тебя порабощу!

Он демонстративно приставал к Зинаиде, но его забавляла перемена в его сотруднике. Как будто Семен переживает, морщится, недоволен — даже смешно. Раньше даже поощрял и подговаривал, понимая, что, если Изя увлечется Зинкой, ему, Шпаку, будет легче — начальник, любовник жены, неизбежно становится покровителем мужа. Об этом даже писали в художественной литературе.

— Я понял причины твоего прихода к нам, — туманно сказал Шпак. — И я вскоре приду на службу, чтобы выяснить детали, а сейчас мне надо одеться.

Новый взрыв хохота.

— Господин граф, я потрясен вашей щепетильностью. Может, мне покинуть вашу опочивальню на время эксгумации?

Гений не все слова понял — возможно, их не понял бы и Шпак. Но решил игнорировать Изю.

Встал, сунул ноги в ботинки.

— Мы рассеянны, — сказал Изя, показав на ботинки.

Шпак в растерянности поглядел себе на ноги. Все в порядке. Ботинки надеты.

— Пошел, Изя, пошел! — Зинаида выталкивала главного редактора из квартиры, слишком привычно и даже интимно. Гению захотелось убить Изю — чувство, совершенно недоступное настоящему Шпаку, но обычное для засланца с того мира.

Хлопнула дверь.

Вернулась Зинаида.

— Тоже мне, рассеянный с улицы Бассейной, — сказала она. — Не заметил, что ботинки не на ту ногу надел.

— Не на ту?

«У меня две ноги, — лихорадочно думал гений. — Какая из них — та? Можно попасться на пустяке, тем более я до сих пор не понимаю, в чем моя ошибка».

— А впрочем, сними их, — сказала Зинаида, — мы не сказали с тобой последнего слова.

— Какого?

Он не выдерживал нервного и физического напряжения. Голова отказывалась перерабатывать сложную информацию.

Зинаида подошла к нему и ласково обняла.

— Мальчик мой, — сказала она, — трудно начинается новая жизнь?

Он ответил на ее поцелуй.

Было сладко, почти как вечером, но тревожные мысли не уходили. А что с ботинком? Что там случилось с ботинком, почему в памяти нет выражения «не на ту ногу»?

— Ты будешь раздеваться? — спросила Зинаида.

— Он с тобой это делал? — спросил Шпак.

— Что ты имеешь в виду?

Она, конечно же, догадалась — не надо быть эмфатом, чтобы почуять. Но попыталась отговориться непонятливостью.

Она быстро раздела его — впрочем, и раздевать-то почти нечего.

— И ты ему говорила такие же слова?

— Сеня! — Зинаида отодвинулась от него. — Что-то вчера еще эти проблемы тебя не волновали.

— Тебе неприятно, что они волнуют меня теперь?

— Наоборот, дурашка. Любая женщина цветет, когда ее ревнуют.

Она навалилась на него — словно очень мягкое толстое стеганое одеяло. Она мягко и влажно принялась зацеловывать его... и все повторилось... Почти все. Потому что, когда все кончилось, он упрямо спросил:

— Ты с ним это делала?

— Это что, сцена ревности? Наконец-то спохватился. Забыл, что ли, как ты меня ему в койку закладывал, чтобы тебя из газеты не поперли?

Она побледнела от гнева и стала еще красивее.

— Мне это неприятно.

— Послушай, Сеня, если ты мне обещаешь так же любить, как ночью, ну ты понимаешь, на хрен мне другие мужики нужны? Считай, что заполучил самую верную жену в мире. Не баба, а Крупская.

— Кто?

— В школе надо было лучше учиться.

— Извини.

Зинаида ушла на кухню варить кофе, она без чашки и часа прожить не могла, как другие без сигареты.

Он слушал, как она гремит там посудой.

Она — существо низшего порядка. Так устроена Вселенная, что мы превосходим всех прочих. Считай, повезло. Но об этом каждый ребенок знает с инкубатора. Очевидно — впрочем, он не задумывался об этом специально, — сам факт соития с туземкой сродни скотоложству. Само слово пришло в голову неожиданно, оно было чужим словом, из языка Семена Шпака, но смысл его был очевиден — половые сношения с животными.

«Преступление, которого у нас быть не может, потому что нет животных? Что за чепуха крутится в моей голове!

Но ведь я исполняю задание. Я — последняя надежда нашей планеты, я ее последний гений, и дело моей чести совершить подвиг, который оказался не под силу достойным господам офицерам... Я должен подготовить почву, задействовать тела для моих коллег. Земля будет покорена и приобщена к делу...»

— Тебе кофе с молоком или черный будешь? — спросила Зинаида из кухни.

— Как всегда, — осторожно откликнулся Шпак.

Он шел по улице и размышлял.

Не мог выключить свое смятенное сознание.

Наслаждение обретенной свободой, первая в жизни лю-

бовь — а бывает ли любовь столь скоротечной, столь внезапной? А не может ли так быть, что в этой любви участвует лишь его тело и он — раб тела? Тогда он, гений, не может относить себя к числу возлюбленных. И слово-то какое! Откуда оно возникло в голове? Неужели, убив туземца, он стал его рабом?

Дорогу к редакции газеты он знал. Ноги сами несли его туда.

Кое с кем по дороге он здоровался, и сознание отмечало: «Это учитель Илья Филиппович, это наш участковый стоматолог, а это Паша, когда-то я танцевал с ней в парке, а потом она вышла замуж за Митьку, забыл его фамилию, а этот Митька сидит...»

— Здравствуйте, Мария Панкратьевна!

Кто такая эта Панкратьевна?

«А мог ли бы я жить среди этих людей, одним из них? Дышать этим воздухом, поехать с Зинаидой на море. Конечно же, на Черное море, вы любите нежиться на солнце? Да я в жизни не нежился на солнце —солнце обжигает и уничтожает все живое, не успевшее спрятаться в подземных убежищах».

Он обернулся — сзади двигалось нечто злое.

Оказалось, всего-навсего Артем Артемович Груздь из Службы спасения.

Он тяжело дышал, и все в нем покачивалось и вздрагивало — от носа и ушей до живота.

— Что еще? — спросил Шпак.

— Иду, рассуждаю, наблюдаю, — сказал Груздь, — потому что наши враги не дремлют. Знаешь, что не дремлют?

— А черт их знает, наших врагов.

— А может, шутишь?

— Почему вы так думаете?

— Ты вообще, вижу, большой шутник. Какой сегодня праздник?

— Черт его знает.

— А вот Шпак должен знать, потому что сегодня День Военно-морского флота, видишь, гуляют? А ты сам вроде служил на флоте.

— И рад забыть, — сказал Шпак.

Груздь не отставал.

— А ты знаешь, что опасность появилась?

— Какая еще опасность?

Шпак прибавил шагу, чтобы оторваться от Груздя. Тот пыхтел сзади, но не отставал.

— Говорят, что имеется в виду вторжение из космоса. Некая враждебная сила среди нас!

— Ну и хрен с ней.

— Погоди!

Но Шпак уже нырнул в подъезд.

В длинном желтом двухэтажном доме, еще дореволюционном, может, в нем и на самом деле был когда-то приют или богадельня, рассказывали (и даже говорили, что с тех пор остались привидения), всегда было много второстепенных учреждений: собес, ДОСААФ, ветлечебница на первом этаже, редакция городской и районной газеты.

Теперь тоже редакция. Только не на месте старой газеты, а на месте ветлечебницы. И Шпаку порой с перепоя казалось, что запах дохлых кошек остался вместе с белыми стульями и столом, обитом алюминием, на котором раньше осматривали собак, а теперь сваливали остатки тиража и подшивки, которые не уместились в кабинете у Изи.

Шпак прошел к Изе, но его не было, зато Катя, секретарша, отдала Шпаку конверт и сказала:

— Изяслав Тихонович велел передать, тут все, что нужно.

Она не показала вида, что догадывается об украденной сотне.

Шпак пошел к себе, в соседнюю комнату. Там раньше сидела Григорян, отдел писем и откликов. Но она в декрете.

Шпак раскрыл конверт и вытащил оттуда лист бумаги.

Он пробежал текст. Текст мог бы показаться бредом сумасшедшего чиновника, если бы не гриф «Совершенно секретно» и какие-то резолюции, размашистые, наискосок.

Обратить внимание!

Повысить бдительность!

Пресекать провокации!

«Господи, это же один из наших, один из офицеров Главного штаба переметнулся к ним и выдал нашу программу. Так бы они никогда не догадались.

Но кто?

А так ли важно кто?

Некто другой, надежный и трижды проверенный, лучший друг женераля Симки, вдохнул этого воздуха, увидел этих женщин, отпил этой воды, растянулся на этой траве... и понял, что его долг перед Родиной — фикция, пустое заклинание, придуманное женералами ради женералей.

А что он сделал потом? Нашел себе женщину?

Ах, Зинаида, ах, перси твои, лоно твое, ланиты твои!

Что я несу?

А тот, кто предал, неужели он тоже так думает о туземной женщине? Какой ужас, какой позор для вооруженных сил!»

И вдруг Шпак поймал себя на том, что улыбается.

Может, это усмешка? Может быть, движения его души необратимы?

Шпак вновь бросил взгляд на лист бумаги:

«Следует обратить особое внимание на детали поведения известных вам личностей. Человек, который подменен враждебным пришельцем, во всем соответствует своей жертве, но порой не знает или не замечает реалий нашего существования. Например, диверсант может надеть ботинки не на ту ногу, потому что на планете-агрессоре у людей нет различия между правой и левой ногами...»

«Ну конечно же, — понял наконец Шпак. — Я просто натянул правый ботинок на левую ногу, а она заметила».

«Мы призываем удвоить бдительность членов семей тех лиц, которые наиболее подвержены нападениям инопланетян Это лица, идеальная субстанция которых легче, чем у остальных людей, может быть отторгнута от материальной, что позволяет злонамеренному инопланетянину внедриться в организм человека. Как только вы заметили нечто необычное в поведении вашего знакомого или родственника, а то и просто прохожего, настойчиво призываем вас немедленно обращаться к нам по телефону доверия...»

«Конечно же, это один из нас.

Я его осуждаю?

Разумеется, я его осуждаю, потому что он предал нашу Родину.

Я его осуждаю?

Ни в коем случае! Потому что если наш план, мой план, план генерала Симки удастся, то этот мир, эта Земля попросту перестанет существовать. Сила отпетых режимов заключается в том, что они могут схватить, проглотить жертву, которая куда больше их размеров и значения. Вы видели когда-нибудь удава, который заглатывает поросенка? Кажется, что сейчас его тело разорвется пополам... и все же челюсти охватывают животное, и поросенок словно залезает головой вперед в мешок... а потом уж можешь наблюдать за тем, как шар, бывший когда-то свинкой, продвигается по пищеводу и превращается в мясную кашицу.

Мы сожрем вас, земляне!

И тот, кто писал это предупреждение, понимал, чем грозим мы Земле...

Но сколько агентов было направлено сюда за последний год, с тех пор, как я разработал этот метод?

Тринадцать... и два других. И тот... Всего шестнадцать агентов, и ни один из них не вернулся доложить о выполненном долге.

Где же они?

Теперь я знаю — по крайней мере один нас предал.

А вдруг остальных пытают? А вдруг и мне предстоят испытания? Или то, что происходит со мной, — лишь испытание, приду-

манное генералом Симкой? Он давно твердит повсюду, что я — потенциальный предатель Родины, что я только и норовлю куда-нибудь перекинуться. И все шестнадцать агентов, которых мы направили на Землю, сейчас глядят на меня из-за углов. А как угадать их? Почему секретарша Катя уже два раза, проходя мимо полуоткрытой двери в мой закуток, так странно заглядывает сюда? А где гарантия, что Артем Груздь не человек генерала Симки?

Тогда над моей головой идет страшная схватка между разведками Земли и нашей сетью. А я тешу себя глупой мыслью, что это именно мною изобретена система контакта, тогда как остаюсь не более как комаром, попавшим под асфальтовый каток».

— Кофе будешь? — спросила Катя. — Но учти, у меня растворимка.

Семен Шпак снова замер.

Ну что за память у Шпака? Кофе-растворимка? Что это означает?

— Буду, — сказал он. — Конечно, буду.

— Ты себя хорошо чувствуешь?

— Отлично чувствую я себя!

— Ты без меня скучал?

«Почему я должен был без нее скучать? Мы давно не виделись?»

Катя прижалась к нему бедром.

От нее так и разило — если можно сказать об ощущении — желанием, желанием близости.

Но, видно, и Шпак ее не любил, и гений унаследовал его равнодушие.

Он не стал отстраняться. Замер и терпел.

На счастье, в комнату ворвался Изя.

— От руля! — закричал он, вклиниваясь между Шпаком и Катей. — Не соблазняй моих девочек! Я их всех имею, а ты не по этой части. Прочел указания сверху? Что ты думаешь об этом?

— Я никогда не верил в эти бредни, — сказал Шпак. — Для этого есть дешевые журналы.

— Точно! И я так думаю.

Изя сел на край шатучего стола и закурил. Курил он сигару. Сделает затяжку-другую, сигара гаснет, и он сует ее, обслюнявленную, в верхний карман пиджака. Изя был неопрятен, раньше Шпак не обращал на это внимания, потому что всегда чувствовал себя обязанным школьному приятелю... «Ага, я вспомнил, что мы с ним учились в одном классе, оба были учениками средними, наши интересы лежали вне класса...»

— Понимаешь, старичок, — сказал Изя, — сам факт того, что эту штуку официально разослали по редакциям и, я подозреваю,

по другим офисам нашей страны, говорит о многом. Ты думаешь, в Кремле и в области сидят шизофреники?

— Ни в коем случае!

— Вот именно. Значит, сигналы были серьезные. Значит, кого-то они взяли и выпотрошили. Я почему на тебя это взвалил? Потому что ты имеешь репутацию алкаша... Не обижайся, не отпирайся. Репутация — это еще не жизнь. Ты общаешься с людьми, можно сказать, с народом.

Изя любил посмеяться. Он сам говорил, что, когда смеется, у него проветриваются внутренности в мозгах. Такое странное определение.

— И что же я буду делать?

— Если они у нас есть, то проще всего внедриться в бомжи или в пьянь у стояка, где тебя в рабочее время легче всего обнаружить. Как ни спросишь у твоей Зинки, где он, она всегда — ищи в гуще народа!

Тут Изя совсем развеселился, а Семен сказал, сам от себя не ожидая:

— Больше ты у нее спрашивать не будешь!

— Да ты что? Озверел?

— Я пить бросил.

— Ты врешь, да?

— Я люблю Зинаиду. Понял? И пить бросил.

Что-то в тоне Шпака настолько не понравилось Изе, даже напугало его, что он сполз со стола, вытащил сигару и, отойдя к двери, принялся ее раскуривать. Это удобное занятие, когда не хочешь говорить.

Шпак вел себя неправильно. До того, что Изе в нем почудилась опасность.

— Я пошел, — сказал он, раскурив сигару и размахивая ею перед носом. — Если будут идеи, я в кабинете.

А уже из коридора, словно почувствовав себя в безопасности, вдруг игриво крикнул:

— Я так думаю, старичок, что ты и есть пришелец из космоса.

И поспешил, смеясь, к своему кабинету.

Заглянула Катя.

— Он ругался?

— Все в порядке, — сказал Шпак. — Все в ажуре.

Катя вздохнула. Ей хотелось, чтобы Шпак жаловался. Когда не жалуется, нет оснований приголубить.

Шпак снова прочел официальную бумагу.

Он подумал, что с точки зрения обыкновенного Шпака эта бумага должна казаться шуткой. Или бредом. Изя, к примеру, не

хотел задумываться о ней. Казалось бы — сенсация! Но пускай сенсациями занимаются в Москве.

Шпак решил в самом деле сходить в пивную. Если что-то в городке известно, то скорее всего в пивной.

Изя не знает — впрочем, никто не знает, — что, наверное, Шпак лучше любого другого человека на Земле приспособлен для того, чтобы отыскать пришельца. Возможно, даже эмфатически можно будет его угадать. Единственная деталь: нет никакой гарантии, что некто другой окажется именно в Веревкине. Уж кто-кто, а гений знал, что агентов направляли в зону умеренного климата Северного полушария. А это сотни городов. Нет, если ты сам, Шпак, не признаешься во всем, никто не найдет инопланетянина в этих краях.

Шпак заглянул к Изе. Тот смотрел в окно. И вздрогнул при звуке голоса Семена.

— В твоей бумаге, — сказал Шпак, — нет второй части.

— Ты меня напугал, марсианин Сеня. — Смех не получился. — Что ты имеешь в виду?

— Выводы. Какие выводы, какие меры мы будем принимать?

— Ты что, в самом деле думаешь, что их можно поймать?

— Одного-то поймали, иначе как бы эту инструкцию сооружили?

— У тебя идеи?

— Неужели не сказали, что с ними делать?

— Слишком ты сообразительный. Эту инструкцию фельдъегерь привозил. Представляешь — первый раз в жизни!

— И ты никому не рассказал?

— При обнаружении и даже при первом же подозрении немедленно следует сообщить по телефону. Я его где-то записал... забыл. Впрочем, неважно. Надо будет позвонить.

Изя врал. Шпаку это было очевидно и без эмфатии.

— А где у тебя записан телефон? — спросил он.

— Ах, какая чепуха! Я найду и тебе скажу. Так что как только ты что-то разузнаешь, сразу ко мне, и мы отыщем этот проклятый телефон. Это будет мировая сенсация!

— Хорошо, я пошел, — сказал Шпак.

Ему вовсе не хотелось идти в пивную и там искать пришельцев.

— Если, конечно, ты сам не пришелец! — крикнул ему в спину Изя.

— Как вам не стыдно, Изяслав Матвеевич! — воскликнула Катюша.

— В нем все не так! — И тут-то наконец Изя рассмеялся.

Шпак вышел на улицу. Посмотрел направо, налево — не хотелось снова встречаться с Груздем.

Как там Зинаида?

Он знал, что Зинаида ушла на службу, конечно, ушла. А вдруг она дома?

Он обернулся — спиной почувствовал неладное.

Нет, это просто Изя стоит у открытого окна и смотрит ему вслед.

— Что еще? — спросил Шпак.

— Пустяки, — откликнулся Изя, — у тебя в ухе банан.

Шпак непроизвольно шлепнул себя ладонью по уху

— Что и требовалось доказать, — сказал Изя и закрыл окно.

Когда Шпак миновал памятник Ленину, он увидел, как от химчистки к редакции газеты спешит Груздь.

Вот бы спросить его, отыскал ли он своего пришельца?

Нет, он не к газете бежит.

Вот он встретил Илью Филипповича, старого учителя из второй школы. Остановил и достает из потертого портфеля лист бумаги.

Шпак знал, что это за лист.

Значит, ему в Службу спасения, или как она там, тоже прислали инструкцию.

Это какая-то охота на ведьм.

Шпак представил себе, что по всей стране спешат активисты и размахивают листами бумаги с типографским текстом. И по Америке спешат, и по Китаю...

Он быстро пошел назад, Груздь не услышал его приближения.

— Простите, — сказал Шпак, — я телефон забыл. Ну-ка, продиктуйте.

— Какой телефон? — запыхтел, затрясся колбасами жира Артем Артемович.

— Чтобы сообщить при обнаружении.

— А что, правильно, — откликнулся Илья Филиппович. — А то как же я буду действовать, если обнаружу?

— Вы так думаете? — спросил Груздь и тут же обернулся к Шпаку. — А ты уже подозреваешь?

— Номер!

— 788655. Но сначала 0872, понимаешь? Это коммутатор.

Значит, запомнил наизусть, выучил.

Илья Филиппович пошел рядом, он улыбался лукаво, будто они, два мальчишки, провели глупого учителя.

— Вы думаете, Сеня, что это розыгрыш? — спросил он.

Шпак учился у Ильи Филипповича когда-то давно.

— Но колоссальный розыгрыш, — сказал Шпак.

Он попрощался с учителем и повернул к новому зданию Сбербанка — откуда они столько денег набрали, чтобы этот дом отстроить? Ему было любопытно слышать чужие мысли, застрявшие в мозгу Шпака.

Возле Сбербанка стояла будка телефона-автомата. Это был новый телефон, принимавший карточки. А карточка у Шпака была. Он ее еще два месяца назад вытребовал у Изи, чтобы сообщать в редакцию горящие новости или связываться с информаторами... нужна корреспонденту карточка! Изя поскрипел, поскрипел и разорился — альтернативой был «БиЛайн». На это он бы не пошел.

Шпак набрал 0872. Потом 788655.

Сразу раздался щелчок — зафиксирован номер!

Еще три гудка.

Определяют, откуда звонок.

«Вам потребуется время, чтобы меня догнать».

Потом голос:

— Вас слушают.

— Я вас беспокою по поводу полученной от вас инструкции. С кем имею честь?

— Что вы хотели сообщить?

— Это ФСБ?

— ФСБ или не ФСБ — вам-то какое дело?

— Это не телефонный разговор, — сказал Шпак. — Где мы можем встретиться?

— Вы из Веревкина? — выдал себя голос. — Вы обнаружили там пришельца?

— Разве вам еще не сообщили?

— Сообщили, сообщили. Вы сможете его задержать до приезда нашей группы?

— Тогда помогите мне — в чьем теле он находится?

— Если не знаете, зачем звоните?

— Я имею основания подозревать Артема Груздя, вам такой известен?

— Артема Груздя? Не вешайте трубку, мы сейчас проверим.

— Жду, — сказал Шпак, положил трубку на полочку под аппаратом и быстро вышел из кабинки.

Он прошел к рынку, там было побольше народу, и стал оттуда смотреть, появятся ли фээсбэшники.

Они прискакали быстро.

Минуты через три. Недаром в Туле тянули время, чтобы застать его в кабинке.

Они приехали на обычной «шестерке». Двое выскочили — и сразу к кабинке.

Один из них держал руку в кармане. Они не хотели рисковать.

Из телефонной кабинки они вытащили азербайджанца с рынка. Заломили ему руку за спину и стали заталкивать в машину.

Семен одного из них, кто за рулем, знал. Он жил на их улице. Старше Семена тремя годами, даже в одной части служили, 6-я дивизия тральщиков ТФ.

А вот фамилию забыл...

«Они к этому относятся всерьез. Сидят у аппаратов и ловят звонильщиков, думают, что позвонит кто-то из пришельцев. А ведь правильно рассуждают!

Но если я буду вести себя осторожно, угадать человека в толпе невозможно.

Только не попадаться».

В пивную он не пошел. Нечего там делать. Лучше посидеть дома, пока не пройдет шум.

Он подходил к дому, когда увидел, что навстречу по переулку спешит Груздь.

И тут он его обошел!

Какой-то Берия, честное слово.

Семен стоял на другой стороне улицы, и Груздь был так занят собственными мыслями, что не увидел подозреваемого.

«Значит, он был у меня дома?

Еще чего не хватало! А если он расскажет какие-нибудь гадости обо мне моей Зинке?»

Впервые он назвал ее фамильярно — моей Зинкой.

«Я ведь соскучился по тебе, я даже не хочу заниматься детективной работой и искать зловещего пришельца. Оказывается, это не розыгрыш, как думает старый учитель и на что надеялся я сам. Нет, они в самом деле ловят пришельца.

То есть меня?

Но ведь я не злобный! Я тихий гений, вполне штатское существо, даже в цель с пятидесяти метров больше двадцати из тридцати не выбиваю. Я спешу домой, я люблю свою жену. А вы знаете, что такое любовь? Вам это не дано!»

Зинка была дома.

— Ты что так рано вернулась? — спросил Шпак.

— Я и не ходила... А ты не рад?

Он не смог ответить сразу. Он смотрел на нее и думал — почему она такая красивая? Есть такое понятие — моя женщина. Единственная в мире и навсегда. Как хорошо, что не существует

бывшего Шпака, того самого, который мог позволить себе поднять руку на эту женщину, который пренебрегал ею...

— Я рад. Честное слово, я рад видеть тебя.

— Ты изменился.

— Может, тебе это только кажется?

— Нет. Я тебя знаю много лет, Сеня. Что с тобой случилось?

— Обедать будем? — спросил Семен.

— Обедать погодишь. Чего так рано с работы сбежал?

— Задание выполнял. Помнишь, как Изя просил инопланетян поискать?

— Нашел?

Разговор был почти неподвижным. Они делали вид, что знают меньше, чем знали, и не подозревают о правде.

— Откуда мне найти, — сказал Сеня, — если их нет. Илья Филиппович считает, что это розыгрыш.

Зина пошла на кухню, Семен за ней.

Она достала из холодильника кастрюлю с вчерашним борщом, разогрела плиту.

Семен сидел за столом, курил. Он редко курил, только если выпьет как следует. А сейчас захотелось. Пить он не хотел, а закурил.

— Илья Филиппович от старости из ума выжил, — сказала Зинаида. — А вот некоторые считают, что это правда.

— Кто считает?

— Например, Артем Артемович Груздь.

— Надо будет с ним поговорить, — сказал Семен. — Обязательно. Он, может быть, чего-то знает.

— У него и кандидатура есть, — сказала Зинаида. — Он ко мне приходил, выпытывал мое мнение.

Семен ответил не сразу. Не хотелось быть глупее или по крайней мере недогадливее, чем на самом деле.

— И почему же он меня заподозрил? — спросил наконец Семен и откашлялся. Горло предало его — издало хрип.

— Наверное, по тем же причинам, что и я, — сказала Зинаида. — Тебе сметану класть?

— Одну ложку.

Шпак снял пиджак и положил его на пол.

— По каким причинам?

— Большие шпионы попадаются на мелочах. Я где-то читала. Рихард Зорге разорвал донесение агента и бумажки в окно автомобиля выкинул. А контрразведка японская вдоль дороги на карачках ползала, пока все клочки не собрала и не склеила.

— Ну, например! Мне же интересно.

— Я еще не видела человека, который, сняв пиджак, кладет его на пол.

— Но ведь пол у тебя чистый, — сказал Семен.

Он поднял пиджак и повесил его на спинку стула.

— Ты даже говоришь не так, как...

— Не так, как кто? — Семен улыбнулся, поняв, как ей трудно. Она ведь видела Шпака. Она же обнимала ночью Шпака, она борется с собой — пока его не было, она уже поверила Груздю, и ее охватил ужас. А сейчас ею владела скорее растерянность.

— Ну не могу я тебя бояться! — воскликнула Зинаида.

Борщ плеснул через край тарелки.

Он еле успел убрать колено.

— Сметану сам бери, сколько хочешь, — сказала Зинаида.

— И не надо меня бояться, — сказал Шпак. — По простой причине. Я тебя люблю. И ты тоже это знаешь.

— Хотела бы знать... А ты думаешь, почему я поверила этому хмырю?

— Груздю?

— Конечно, Груздю. Потому что я испытала с тобой то, чего не было пятнадцать лет. А может, и никогда не было.

Неожиданно Зинаида растрогалась, резко отвернулась к окну, и Семен понял, что она смахивает слезы.

— И что еще Груздь говорил?

— Он говорил, что уверен — ты и есть пришелец. Ты говоришь иначе...

— Разве я говорю иначе?

— Ну кто сметану пальцами берет?

— Извини.

— Ты даже знаешь, как просить прощение. Это было Шпаку... то есть тебе недоступно. Мне бы, дуре, сразу догадаться, а я растаяла. Ты меня приласкал, и я растаяла.

— А может быть, ничего и не произошло? — спросил Шпак. — Может быть, идет очередная охота за ведьмами?

— Груздь мне телефон оставил, чтобы я позвонила.

— Я знаю, — сказал Шпак. — Это какой-то отдел Тульского ФСБ. Чекисты здесь тоже группу поиска организовали. Я еле ушел от них.

— Ты признаешься?

— А что это меняет?

— Кто-то тебя выдал... А вас в самом деле много?

— Зина, любимая, это все выдумки.

— Ты за два дня ни капли не выпил. Почему?

— Не хотелось.

— Ты ешь борщ, а то остынет.

— Даже настроения нет.

Она уселась за стол напротив него, уткнула подбородок в ладони упертых локтями в стол рук и стала смотреть на него внимательно, как смотрят на огонь.

— Ты убил его? — спросила Зинаида.

— Ты веришь этому Гвоздю?

— Груздю.

Шпак протянул через стол руку и кончиками пальцев провел по щеке своей жены.

— Он так не умел делать, — сказала Зинаида. — Ты убил его?

— Даже если в твоих подозрениях есть доля истины, — сказал Шпак, — я же не убит. Я сижу перед тобой, я смотрю, какие у тебя фиолетовые глаза.

— Это от обоев. Отражение.

— Какая ты красивая и желанная.

— А какой ты на самом деле?

— Клянусь тебе всем святым, и твоим здоровьем клянусь, что я и есть я. Я не монстр, не осьминог, не паук. Я человек.

— Ты убил его?

— Он покинул это тело, потому что ничто не удерживало его здесь. Я мог только поторопить его.

— Я знаю, что ты прав, что ты никого не мог убить. Вот этот телефон.

Она протянула ему бумажку с уже известным номером.

— Они уже кого-то поймали. Но теперь, я думаю, они возьмутся за тебя.

— Что они докажут?

— А им не надо доказывать. Они тебя на детектор лжи посадят или обработают физически.

— Как так?

— Изобьют до полусмерти. Ты сам будешь рад им рассказать.

— Бог не выдаст, свинья не съест.

— Свинья? Ты знаешь, мне Груздь сказал, что у них один из вас есть. Добровольно перешел. Они с его помощью других уже поймали. Беспощадно.

— Будешь жалеть меня?

— Не сходи с ума.

— Может, мне просто пойти к ним и сказать — вы меня подозреваете, исследуйте, осмотрите, делайте что хотите, только чтобы я смог к жене вернуться.

— Ты так в самом деле думаешь?

— Честно.

Она встала и обошла стол, потом села к нему на колени, обняла, прижалась. Щекой к щеке.

— Я готов на все, — повторил он, — только чтобы возвратиться к тебе.

— Тогда тебе нельзя к ним идти, — сказала Зинаида. — Ты знаешь об этом лучше, чем они. Ты для них опасный. Бог его знает, сколько там таких, как ты, только и ждут, чтобы на нас наброситься.

— Честное слово, я не имею с ними ничего общего.

— Вот и дожила, — вздохнула Зина. — Вот ты и проговорился. Значит, твои друзья ждут момента, чтобы на нас накинуться. Но за что? Что мы вам сделали?

— Зина, милая, я сам по себе. Я ничей не слуга и не пришелец. Я сам. Я твой. Я клянусь тебе, что никогда и пальцем тебя не трону.

— Впрочем, — сказала Зина, — у меня нет выбора. Всю жизнь жила с подонком, и если ты окажешься не подонком, а просто убийцей, считай, что мне повезло.

Он не двигался. Он так и сидел — щекой к щеке. И никуда не хотелось уходить, двигаться...

— Почему у меня все не как у людей?

— А у людей — как?

Зинаида улыбнулась. Лицо было зареванное.

— Собирайся, — сказала она.

— Как так — собирайся?

— Мы уходим, — сказала Зинаида. — Пока они не спохватились. Они ведь умные — два и два сложить могут, да еще Груздь с подсказкой прибежит.

— Куда нам уходить?

— Пересидим у тетки Веры.

— У какой тетки?

— Забыл?

...Поле васильков. Как красиво, говорит он. Дурак, толстая тетка сердита, это же сорняки. Почему сорняки красивые? Конечно, это в Васильках. Значит, не зря вашу деревню Васильками называют. По красоте. А может быть, надоели им сорняки, житья от них не было...

— Не забыл я твою тетю.

— Собирай чемоданчик, даю тебе шесть минут на сборы.

— Шесть?

— У вас у всех на вашей планете с чувством юмора кранты?

— У всех.

— Лишнего не бери. Нам надо уехать, прежде чем они дороги перекроют. Представь себе, Груздь уже к ним спешит. Ах, черт!

Она стояла ближе к окну и смотрела наружу.

Артем Артемович семенил по улице, облачко пыли за ним как хвостик по земле.

— Хочет сделать последний штрих, — сказала Зинаида. —

Значит, так, ты сейчас уходишь в поле за дом Астафьевых. Не забыл еще?

— Где кусты у речки?

— Там, у моста. Тебя никто не найдет. И жди меня. Я думаю, что быстро с ним разделаюсь. Но смотри — носа не высовывать! Сам погибнешь, меня за собой унесешь.

— Как так — унесешь?

Она его вытолкала через заднюю кухонную черную дверь — дом старый, дореволюционный.

— А так унесешь, что мне теперь не жить без тебя, дурак старый! Не жить!

— Даже если я убийца?

— А для меня ты не можешь быть убийцей, ты же пятнадцать лет как мой муж, я любому поклянусь... да не любой поверит.

В переднюю дверь постучали. Властно, дробью — Артем Артемович чувствовал свою силу.

Семен быстро пошел вниз, к реке. Сначала улицей, а потом узким огородным проходом, его знали только местные. Дорожка была пыльной — давно не выпадало дождей. Потом за огородами она влилась в другую, что струилась вдоль заросшего вербами берега речки.

Он уже понял, почему Зинаида велела ему ждать там, за домом Астафьевых, — неподалеку мостик, а там леском можно скрытно дойти до остановки автобуса. Если его будут ловить на платформе или автобусных остановках в Веревкине, то за пределами города шансов спастись больше.

Под вербами в кустарнике было душновато, жужжали комары и оводы. Он понял, что предстоит испытание. Но в самом деле надо терпеть. А то скоро поймают.

Кто-то шел по тропинке вдоль речки. Семен присел в кустах и затаился. Комары только и ждали этого.

Они накинулись на него. И ведь даже ладонью себя не хлопнешь.

Двое остановились у реки и стали выяснять, мог ли Кашкин здесь утонуть. Ну какое дело нам до Кашкина?

Зинаида добежала до входной двери. Спросила, запыхавшись:

— Кто там?

— Ты чего не открываешь?

— Я спрашиваю — кто там?

— Да я, я, чего, не узнала?

— Кто — я?

— Груздь, Артем Артемович. Не узнала — богатой будешь.

— Не нужно мне богатство.

— Тогда открывай.

— Ты только что здесь был.

— А я говорю — открывай. Дело есть.

— Какое дело?

Он снова позвонил.

Вроде бы Семен уже ушел. Можно открывать. А дальше тянуть — только возбуждать подозрение.

Груздь вошел, заполнив вялым телом весь коридор.

— Твой дома? — спросил он.

— Мой в газете, — ответила Зинаида. — Его Изя вызвал, задание важное.

— Ну и хорошо, что он на работе, хотя сильно сомневаюсь, — сказал Груздь. — Душит он где-то христианских младенцев.

— Ну что ты говоришь! — возмутилась Зинаида. — Семен никого в жизни и пальцем не тронул.

— Это тебе так кажется по причине совместного проживания, — ответил Груздь. — У меня дело короткое. Могу помочь.

— Как так — помочь?

— Я единственный, кто имеет знания о вас. Моя информация — твое спасение.

— Я вас не совсем понимаю.

— А тебе и не надо понимать.

Груздь не был в себе уверен и внутренне был готов уклониться от заслуженной пощечины. Оттого был даже более агрессивен, чем того требовали обстоятельства. В то же время еще больше он боялся упустить момент, продешевить — ведь такое везение случается раз в жизни, и нужно ухватить свое везде, где могут дать.

С утра Груздь деятельно носился по городу, убежденный, что поймал злоумышленника. Хотя чуял, что поймал-то он за хвост тигра.

— Есть предложение, — сказал он, заполняя собой проход на кухню, — что я могу гарантировать вашу безопасность. Никому ни слова из уважения к памяти твоих родителей и тебе лично.

— Мои родители живы и здоровы, — ответила Зинаида.

Она уже почти знала, зачем он заявился.

— Это не так важно.

— Скорее, Груздь, — сказала Зинаида. — Скорее, я спешу.

— А ты не спеши, потому что от возмездия ты не уйдешь. От справедливого, ты меня понимаешь?

— Или говори, или мотай отсюда.

— А я ведь вдвое тебя старше, по крайней мере.

Зинаида не смела собирать при нем сумки. Может, он с другим пришел, а тут убедится, что прав.

— Вопрос о твоем Семене. Я его, конечно, уважаю.

— Родители его далеко живут, — сказала Зинаида. — Ты их уважать не можешь.

— Я отношусь с уважением к любому живому существу, честное слово. Недаром я представляю собой ведомство гражданской обороны.

— Ага, накройся простыней и ползи на кладбище. И что же ты хотел сказать?

— Тысяча «зеленых». И я твой друг. И молчу.

— Тысяча «зеленых»? А их нет у меня.

— Есть, я все знаю. И две тысячи найдется, но мне всего не надо, я только за услугу возьму и пошел.

— Дурак ты, Груздь, — сказала Зинаида. — Как только я тебе хоть рубль дам, ты сразу на меня донесешь, потому что тогда у тебя сомнения пропадут. Нет тебе ни рубля, нет состава преступления. Пошел отсюда, катись колбаской по Малой Спасской.

— Ты грубо себя ведешь и ошибаешься.

— Считай как знаешь.

— Ты меня толкаешь на сообщение в компетентные органы.

— А ты и без этого побежишь в компетентные органы, — сказала Зина. — Только там тебе не заплатят.

— А может, пятьсот?

Зина подумала, что Груздь сильно постарел. Она его с детства знала, он еще с лекциями по ДОСААФу выступал, как оберегаться от радиации.

— И что ты к моему Семену привязался?

— Потому что он не Семен, — Груздь понизил голос, словно опасался подслушки, — а враг номер один, засланец инопланетных органов.

— Знаешь, что я тебе скажу, — ответила Зинаида. — Плевать мне с высокого дерева, как ты Семена назовешь. Он мой муж, понимаешь? Я люблю его. И таким сволочам, как ты, никогда не отдам. На любом суде его отстою!

— Ох и продалась ты, Зинка, ох и продажная! Выведут тебя на чистую воду, может, ты сама уже укушенная.

— И что же?

— А ты про вампиров смотрела? Вампиры как подсосут твоей кровушки — и все, ты сама вампирка.

— Тронутый ты, Груздь.

— Тронутый не тронутый, а даю тебе час на размышление. В ФСБ меня с распростертыми объятиями ждут.

— Ох и рискуешь ты, Груздь, — сказала Зинаида.

— Через час. Напиться не дашь?

— Не дам!

— Это тебе тоже припомнится.

Она закрыла за ним дверь, даже набросила цепочку.

Дыхание было быстрым, голова кружилась. Он не будет ждать час. Не будет. Он уже побежал. И они ее возьмут, а тогда Сеня сразу им попадется. Ведь долго не протерпит без нее, прибежит за ней. Она же его знает. Он любит ее. А к нашим сволочным нравам не привык и попадется. Он же, наверное, думает, что люди — порядочные...

Она поймала себя на странных размышлениях, будто Сеня — как ребенок, что его нужно охранять от наших органов. Значит, что же, она предательница? Ради мужика готова предать свою Землю?

Думая так, она быстро кидала вещи в сумку, что пригодится, и не только шмотки, шмотки не главное, а вот коробку со своими невеликими драгоценностями, любимую бритву Семена, пиджак...

В окно кто-то смотрел.

Она выпрямилась.

Первым движением было добежать до окна и закрыть штору.

Но на полпути к окну она сообразила, что там — против света *плохо видно — стоит всего-навсего Изя Иванов, редактор* и даже некогда, в отдаленном прошлом, случайный любовник Зины.

Этот еще чего приперся?

Время же идет.

Может, сделать вид, что тебя нет?

Он крикнул в форточку:

— Чего спешишь, красавица? Мне на минутку.

А он там ждет! Сеня волнуется... Хоть убейся!

Она сняла цепочку, открыла дверь Изе. Старый толстяк ушел — пришел молодой толстяк. Тугой, упругий, твердокаменный толстячок.

— Ну чего ты у нас забыл? Семена нету. Он на работе.

— Я на пять минут. Как друг.

— Вечером приходи, как друг, чайку попьем.

Этот не на кухню. Этот сразу вломился в комнату, где на кровати стоит раскрытая сумка, рядом — вещи.

— Не будет тебя вечером, — сказал Изя.

И улыбнулся — рот до ушей, он всегда так глупо улыбается, хоть и не дурак.

— Что ты хочешь сказать?

— Вещички собираешь, а благоверный пришелец тебя где-нибудь в кустах или под мостом поджидает, чтобы когти рвать отсюда. А я одобряю. Правильно делаете — минута промедления смерти подобна. Обложили твоего Сеню. Даже странно, что я сразу не догадался.

Он бухнулся на диван и резким движением руки смахнул на пол сумку, вещи посыпались из нее, как продукты из рога изобилия.

— Ты что, с ума сошел?

— Погоди, не суетись. Научись слушать старших.

— Мне некогда, Изя, честное слово, некогда.

Она опустилась на корточки, чтобы собрать вещи. Ее голова оказалась рядом с его коленями — она не подумала об этом, очень спешила и плохо соображала. Так человек бежит под пулями, зажмурившись, и ему кажется, что в него не попадут...

Изя опустил крепкие толстые пальцы на ее макушку, запутал их в густых волосах, потянул к себе так, что голова запрокинулась.

Нагнулся и поцеловал Зину в губы.

А ей некуда было деваться. Она сидела на корточках, одной рукой упершись в палас, чтобы не потерять равновесия, второй вцепилась в его руку, но тщетно. Он прижал губами ее губы так, что стало больно.

Она мотала головой, а он все же смог разомкнуть ее зубы и залезть языком в рот. Гадость-то какая!

И пахло от него чесноком.

Наконец вырвалась, села на ковер у его ног.

— Ты с ума сошел?

— Нет, не сошел. Сиди, сиди, объясню. Ты сейчас умчишься. Вместе со своим марсианином. Я не вмешиваюсь, но полагаю это легкомыслием, хотя бы потому, что вас скоро настигнут. Пойми же — против вас будет задействована вся машина государства, а вы не опытные урки, вы законопослушные обыватели. Куда вы помчитесь? К тебе в Саратов? К дяде в Тмутаракань? Но, повторю, это твое дело. Действия и поступки любой женщины определяет мужчина, если ей повезло и она себе одного захомутала. Беги. Не мешаю.

— Что ты говоришь, Изя? Я никуда не бегу.

— Один Груздь чего стоит, — сказал Изя. — Он уже такую волну развел, что в любой момент к тебе могут нагрянуть. Но, думаю, полчаса у тебя еще осталось. И советую тебе не бежать к тете или дяде — бегите сразу на юг, куда-то, где нет родни, где вас труднее вычислить. Деньги у тебя есть, я не сомневаюсь.

— Спасибо, — тупо сказала Зинаида и попыталась подняться.

— Не надо благодарности. — Он опять придержал ее, положив на голову ладонь. — Мне грустно расставаться с тобой.

— Мне тоже. Отпусти меня. Сам же говоришь...

— Я ничего не говорю, кроме слов любви. Не поняла?

Он наклонился, потянул ее к себе наверх, на диван, сам опро-

кидываясь на спину, как рыбак, который вытаскивает из реки громадного сома.

Зинаида даже не сообразила, что можно сопротивляться.

— Ты что? — повторяла она. — Ты что делаешь, как тебе не стыдно!

А он уже навалился на нее и стал ее раздевать, расстегивать...

— Да ты с ума сошел! — Она отбивалась, молотила его кулаками.

Тогда он перестал ее мучить, а сказал деловым голосом:

— Зинаида, не сопротивляйся. В конце концов, тебе было со мной хорошо, ты же раньше не возражала...

— Неужели ты не понимаешь? Неужели ты ничего не понимаешь? Он был никакой, но я его всегда любила, я и тебе давала, потому что его любила, чтобы ты к нему...

— Я всегда подозревал это, — тихо ответил Изя.

Он был огорчен. Он был опечален, но не настолько, чтобы отпустить ее.

— Пусти!

— Нет, теперь тем более не отпущу. И учти: каждая лишняя секунда сопротивления уменьшает ваши с ним шансы на спасение.

— Зачем ты так говоришь, Изя?.. Пожалуйста, не надо, Изяка...

— Ты мне не безразлична, — сказал Изя. — И такая вот острая ситуация возбуждает меня. Когда я понял, что ты побежишь за своим псевдо-Сеней, я понял — я должен успеть быть с тобой... хоть несколько минут. Я заставлю тебя это сделать!

— Ну потом, когда-нибудь потом...

— Раньше для тебя это была не проблема. Ты сама говорила: что может быть проще, ноги раздвинуть и потерпеть пять минут.

— Нет!

— Любишь его?

— Да.

— Если любишь, то дашь мне сейчас. Именно сейчас, потому что любишь.

— Пожалуйста, не надо...

— Тогда ты никуда не уйдешь. А пойдешь со мной в ФСБ. Они тут рядом, они ищут вас со Шпаком. Мне стоит только свистнуть.

И она поняла, что его руки уже добрались до тела... а чего добираться, она же в халате и трусах — как была дома.

— Три минуты, — повторял Изя, — только три минуты, и я тебе все прощу... Три ми-ну-ты-ми-ну-ты, — говорил он в такт своим движениям.

Зина плакала и теперь молила об одном — скорее кончи! Ну скорее все сделай! Я тебе помогу, только кончи скорей... там же Сеня с ума сходит.

Комары были беспощадны. И спрятаться тут от них некуда — рядом вода, они, видно, живут здесь и ждут, когда же к ним придет на съедение идиот в человеческом облике. «И почему же я унаследовал тело, не отключил системы его — оно функционирует и страдает, как свое... оно уже стало своим навсегда, и мы умрем с ним, мой дорогой».

Он посмотрел на часы.

Прошло полчаса, как она обещала прийти. Что ее держит?

Он, внутренне улыбнувшись, представил себе, как она старается выбрать любимый шампунь, как смотрит на туфли, потом меняет их на другие... Представив, он вдруг обиделся на нее. Ну почему эта женщина не понимает, что у них каждая минута на счету?.. И могла бы найти для него ухоронку без комаров... «Будь справедливым, она не знала, что здесь комары».

Он встал и выбрался на самый берег, потому что, когда ты в движении, комары отстают. Но долго там быть не пришлось, потому что на том берегу уселись два мальчишки с удочками и стали разматывать снасти.

Солнце припекало, комары догнали его, а когда он нырнул внутрь, накинулись всем кагалом.

Комары мешали думать.

Куда они уедут с ней? Может ли он полагаться на ее здравый смысл и осторожность? Ведь она повезет его к родственникам. Безопасно ли это? Опыта Сени Шпака не хватало — он еще никогда не бежал и не скрывался. Опыт же гения был иным и заключался в том, что служба безопасности отыщет любого опасного преступника в считаные минуты — все зафиксированы и учтены... Как бы они не оцепили город...

Прошло тридцать пять минут.

Невыносимо!

С ней что-то случилось. Она попалась.

Она шла к нему, а по дороге ее схватил тот самый парень, с которым Шпак учился в школе. Ее узнали — а как же не узнать! И ее будут допрашивать. А может быть, уже допрашивают? Ее бьют? Или у них есть более цивилизованные, скажем, более действенные способы разговорить преступника?

Может, они уже подходят сюда — выследили Зинаиду и подходят к кустам?

Шпак на четвереньках вылез к краю кустов.

Никого на дорожке не было.

Но тревога сжала горло — он уже был уверен, что Зина попалась.

Выручать ее?

Это неразумно, это глупо. Ему не выручить ее.

Надо бежать и скрываться.

Без нее?

И он уже шел обратно к дому.

Осторожно, оглядываясь, нет ли погони, выглядывая из-за угла — не ждет ли засада?

Но городок заснул, в истоме летнего дня даже облака повисли, не двигаясь... Жужжали пчелы и гудели шмели, пахло полынью и флоксами.

Он поднялся по огороду почти ползком. Только бы не попасться на последних метрах.

Он физически ощущал давление вражеских глаз.

Вот и окно. Что-то слышно... как будто дышит собака... быстро.

Он медленно приподнял голову, чтобы глаза его появились у стекла в нижнем углу. «Ах, — сказала Зинаида, — иди ко мне, ну иди же! Скорей!»

В комнате было полутемно.

Почти темно. Полумрак. Но шторы не закрыты.

В комнате был беспорядок.

На диване кто-то лежал и ворочался. Двигался. Дергался.

Как это отвратительно видеть со стороны! Это же ее ноги согнуты и подняты вверх. Это ее кулаки колотят по его спине.

По спине Изи Иванова. Он же сразу узнал полысевший затылок и красную шею.

Именно сейчас...

Сеня не стал рассуждать, он не мог рассуждать.

Он отвалился от окна и сел на землю, прислонившись спиной к стене дома.

Она послала его к реке, смеясь над ним, а Изя ждал у дверей, когда Сеня отойдет подальше. Они это делали раньше, но сегодня, когда все так изменилось... Они наверняка уже позвонили по тому телефону. Ведь у Зинки был телефон.

И внутри Сени стало холодно.

Холодно и пусто.

Все кончилось.

Путешествие подошло к концу.

Последний из агентов чуть было не потерпел поражение.

Главное — отрешиться от чувств. Именно от чувств.

Принцип прост: те, кто догадался или готов догадаться и этим ставит под угрозу операцию, должны быть уничтожены. Тем более что они не заслуживают иной участи, потому что могут предать. И убить.

Вопрос в одном — кто убьет первым.

Если ты протягиваешь указательный палец, то луч, вылетевший из него, почти невидим. Тонкий сиреневый луч.

Он пронзает практически любое препятствие.

Семен увидел, как в стекле появилось отверстие, как шляпка от гвоздя, с оплавленными краями.

Изя неловко свалился с дивана и скорчился на полу. Он еще дышал.

Зинаида с секунду лежала в бесстыжей позе, задрав согнутые в коленях ноги, но тут же ноги выпрямились, и она замерла, протянув руки вдоль тела.

Все. Дело сделано. Надо бежать.

Он почти стал одним из них, но они сами предостерегли его от морального превращения.

Ах, как он попался... Свобода! Как говорил женераль Симка? «Такая свобода нам не нужна!»

Он распахнул окно. Оно открывалось наружу.

Перепрыгнул через подоконник.

Уходить с голыми руками неразумно. У него еще есть несколько минут.

Шпак прошел в ванную. Взял с полочки зубную щетку, пасту, мыло, расческу, рассовал по карманам.

Посмотрел на себя в зеркало.

Раньше как-то случая не представлялось. Нет, утром смотрел, но не думал об этом.

«Вот это мое лицо. Неприятное, грубое лицо, мешки под глазами, глубокие морщины к уголкам губ, глаза слишком светлые, волосы поредели, и приходится зачесывать их поперек головы, чтобы скрыть лысину. Но ведь когда выбирал, не задумывался об этом».

Он смотрел на себя и думал, как удобнее всего убрать Груздя. А Груздя придется убрать, потому что он знает его и обязательно будет говорить. Он уже донес, если жадность не удерживает его от последнего шага. Может быть, он будет шантажировать Шпака?

Не стоит ему этого делать.

Сумка лежала в комнате, возле дивана.

Шпак рванул Изю за рукав, чтобы оттащить в сторону.

Он стал класть в сумку свои рубашки, носки — самый минимум.

Вот вроде и все.

Он выпрямился и стал смотреть на Зинаиду.

Ее лицо с закрытыми глазами приобрело покой и благородство, которого ему не хватало.

— Прощай, — сказал Шпак.

— Я это сделала для тебя... ради тебя. Я не могла иначе откупиться от Изи, — сказала Зинаида, не открывая глаз.

— Я знаю, я не сразу понял, но теперь понял. Только это ничего не меняет.

— Я не могла иначе спасти тебя.

— Разумеется.

— Ты уйдешь без меня?

— Иначе не получится. Нам нельзя вместе.

— Ты хоть будешь меня вспоминать?

— Глупый вопрос. Я не собираюсь тебя забывать.

— Ты все еще сердишься?

— Не в этом дело.

Шпак поставил пальчиковый дезинтегратор на земную плоть. И направил его тонкий луч на Изю.

Это было неприятное зрелище.

Комнату окутало паром — стало очень жарко, и сумма запахов, рожденная дезинтеграцией человеческого тела, была почти невыносима

— Ты бы хоть предупредил! — закричала Зинаида, вскакивая с дивана. Она с трудом отыскала на ощупь путь из комнаты.

Но пар скоро исчез, и запахи тоже стихли.

— Все? — спросила Зинаида из кухни.

Ей никто не ответил.

Она заглянула в комнату.

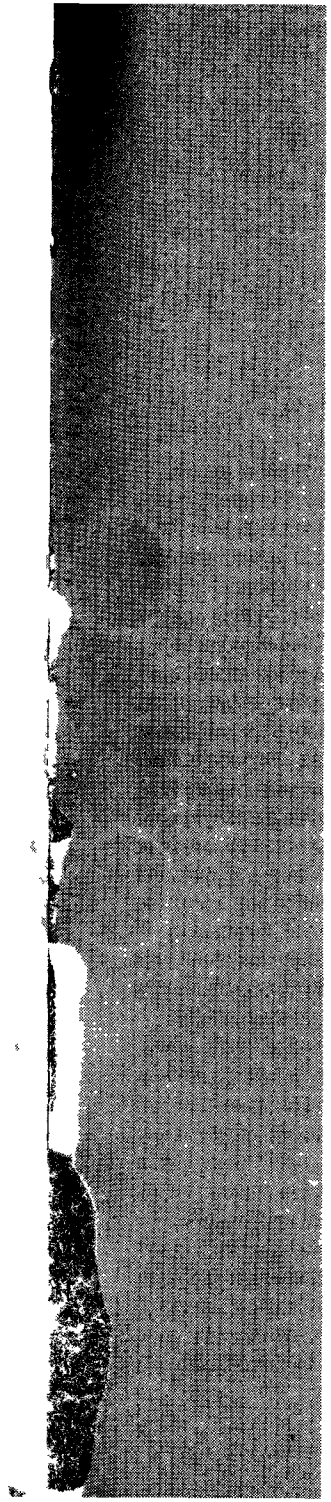
Шпака уже не было.

На полу осталось темное обожженное пятно. По форме человеческой фигуры. Надо будет сейчас же притащить старый палас из кладовки и положить его здесь.

Но сначала она подбежала к окну.

Шпак как раз сворачивал в проулок.

Она не стала кричать ему вслед, потому что он все равно не вернулся бы.

ТАЙНА УРУЛГАНА

Хоть и конец лета, но темнело поздно. Вечерняя синь поглотила дальний берег, а ближний, обрывистый, с тощими елками по скалам, казался нарисованным силуэтом на длинном картоне. Звуков было много, но они лишь подчеркивали бесконечную тишину — если вдруг наступала мгновенная пауза, она была столь пуста, будто этот мир еще не был создан.

На корме «Св. Сергия Радонежского» уныло пели мастеровые, выписанные Ефремом Колоколовым, мерно шлепали по воде лопасти колес, плескала вода, капитан громко отчитывал на мостике матроса, который забыл в Жиганске пустую бочку, внутри парохода, где-то внизу, стучала машина. «Св. Сергий Радонежский» не так велик и шикарен, как пароходы, что ходят по Волге, но нутро у него немецкое, с великими трудами привезенное по частям до Якутска. На верхней палубе есть шесть кают, обшитых деревом, и столовая с бархатными портьерами, блеском медных частей и пианино, на котором не раз музицировала мисс Вероника Смит, а палубные пассажиры толпились, глазели в квадратные окна, обсуждая иностранку и ее жениха, мистера Дугласа Робертсона, красавца-мужчину.

Но поздним вечером, отужинав в обществе капитана Селиванова, которому в молодости приходилось бывать в дальних плаваниях и даже посещать город Сан-Франциско, иностранцы запирались в каюте Вероники Смит, чтобы в спокойствии обсуждать свои дела. Любой человек на пароходе, до последнего кочегара, знал, зачем англичане стремятся в Новопятницк. Некоторые проникались сочувствием, иные посмеивались.

Мисс Вероника Смит, стройная сероглазая девушка с пышными пепельными волосами, собранными в узел на затылке, коротким прямым носом и острым решительным подбородком, сидела на койке, поджав под себя длинные ноги с крепкими икрами, закаленными гимнастическими экзерсисами и верховой ездой. Образ ее полностью соответствовал картинкам в журнале

«Country life», и, разумеется, более всего к лицу ей был костюм амазонки с хлыстиком в руке. Впрочем, следует сказать, что именно такой ее и воспитывал капитан Оливер Смит, и лишь превратности судьбы, связанные с неудачным путешествием отца и смертью матери, заставили ее изменить предначертанному пути. Но, будучи девушкой решительной и целеустремленной, Вероника внешне никогда и никому из бывших светских знакомых не показала, что удручена своим современным положением певички, чему помогли уроки пения, преподанные ей профессором Медиччини, преподавателем музыки в пансионе «Глория» в Берне, где Вероника пребывала до восемнадцати лет.

Спутник Вероники — Дуглас Робертсон также казался сошедшим со страниц светского таблоида. Его тропический загар, полученный, как говорили, во время охоты на слонов в Кении, куда он сопровождал лорда Уорси, сохранился даже здесь, в русской Сибири. Лицо его, украшенное небольшим шрамом — память об одном из романтических приключений, которых на счету у Дугласа было немало, — являло собой образец силы и уверенности в себе. Вытянутое, с четко проведенными ранними морщинами, узколобое, но не слишком, с крупным, но не чрезмерно, подбородком, это было лицо молодого джентльмена, охотника и благородного искателя приключений. Не принадлежа к высокому роду и не имея хорошего образования, он тем не менее был принят в лучших домах Лондона, и его добродушная улыбка, готовность к любому рискованному предприятию, всегдашнее чуть снисходительное спокойствие вызывали к нему инстинктивное доверие с последующим приглашением на ланч, а то и на африканское сафари, чему способствовала его репутация одного из лучших стрелков Лондона.

Дуглас искренне увлекся Вероникой, встретив ее на скачках в Блекшире три года тому назад. В то время Вероника только-только вернулась из Швейцарии и начала выходить в свет.

Красота Вероники, слава ее отца, богатство семьи Смитов совместно выступили противниками молодого мистера Робертсона, по правде говоря (хоть это было известно лишь его кредиторам), не имевшего ни пенса за душой. Тем не менее Дуглас был упорен. В надежде обратить на себя благосклонное внимание девушки он чуть было не вызвался присоединиться к экспедиции, которую готовил капитан Оливер Смит. Однако по здравом размышлении передумал, так как имел бы не много шансов завоевать сердце девушки, находясь от нее в десяти тысячах миль в окружении белых медведей.

Настойчивость мистера Робертсона не принесла плодов. Не-

ожиданно Вероника без памяти влюбилась в талантливого, но беспутного выходца из Трансильвании виолончелиста Милоша Куцку. Ослепление ее этим жгучим брюнетом с усами, подобными бычьим рогам, было настолько велико, что Вероника даже не приехала в Ливерпуль проводить корабль «Венчур», на котором ее отец уходил в Арктику.

Дуглас был огорчен прискорбным поворотом судьбы и принял предложение престарелого лорда Уорси присоединиться к сафари в Кении, после чего направился в Маньчжурию корреспондентом от газеты «Дейли мейл», прожил полгода в Корее, чуть было не проник в Тибет, и прошло более двух лет, прежде чем он вновь появился в Лондоне, ничуть не разбогатевший и не ставший разумнее. Из Маньчжурии он привез слугу-китайца по имени Лю, который был отличным кулинаром и знатоком восточной борьбы, а также любовь к жасминовому чаю, чего обитатели Британских островов понять не в состоянии.

Приехав, Дуглас начал наводить справки о своей бывшей возлюбленной и узнал о драматических переменах в ее жизни.

После отбытия капитана Оливера Смита в путешествие Вероника, как и было договорено, поселилась у своей тети Джейн в Девоншире. Виолончелист Куцка уехал в Милан, жизнь постепенно вернулась в свою колею. Вероника совершала верховые прогулки в окрестностях тетиного дома и поддерживала светские отношения с соседями. У нее даже появился жених — мистер Кренкшоу, член парламента от консервативной партии, которому прочили в недалеком будущем министерское кресло.

И вот в одночасье все рухнуло.

Сначала без вести пропал корабль «Венчур». Последние письма с него были переданы на встречное русское судно в районе Новой Земли через четыре месяца после отплытия из Ливерпуля с целью прохода из Атлантического океана в Тихий в течение одной навигации. Прошел еще год, более писем не было, и уже никто не сомневался, что корабль капитана Смита раздавлен льдами.

И тут произошла трагедия с тетей Джейн.

В свое время, после смерти родителей, наследство Смитов было полюбовно разделено между Оливером и Джейн. Так как тетя Джейн не имела детей, а мать Вероники умерла, сопровождая мужа в неудачном путешествии к Южному полюсу, и оставила пятилетнюю девочку на руках мисс Джейн Смит, та заменила ей мать.

Уверенный в том, что будущее дочери обеспечено, капитан Оливер Смит, отъезжая, не оставил завещания, полагая, что в случае его гибели Вероника, безусловно, унаследует оба имения.

Но жизнь распорядилась иначе.

Никто и не подозревал, что тихая как мышка мисс Джейн Смит играет на бирже, ввергаясь в сомнительные предприятия. Известие об исчезновении горячо любимого брата сильно повлияло на ее душевное состояние, и она, словно горький пьяница, с еще большей энергией ударилась в спекуляции. Нетрудно понять, что вскоре она стала жертвой нечистых на руку дельцов и полностью разорилась. Стыдясь признаться в разорении своей горячо любимой племяннице, мисс Джейн приняла яд.

После ее похорон обнаружилось, что Веронике не осталось ничего, кроме долгов.

Это было бы еще поправимо, если бы капитан Смит, чья половина семейного состояния осталась нетронутой и заключалась в земельных владениях и солидных бумагах, вернулся либо погиб. Но капитан пропал без вести. Он был — и его не было. То есть юридически он не считался умершим лицом, так что Вероника не могла ему наследовать.

Будучи наследницей четырехсот тысяч фунтов стерлингов, мисс Смит оказалась совершенно нищей.

К сожалению, узнав об этом, ее жених мистер Кренкшоу перестал с ней встречаться.

Собрав драгоценности, оставленные ей матерью, Вероника переехала в Лондон, где сняла маленькую квартирку из четырех комнат. Ей пришлось отпустить всех слуг, за исключением горничной Пегги, привезенной некогда ее отцом с Цейлона и бывшей ей более чем горничной. Она была наперсницей, подругой и старшей сестрой Вероники.

Деятельная натура Вероники не смирилась с нищенской долей. Она вспомнила, какие комплименты расточал ей учитель музыки в пансионе профессор Медиччини, и решила зарабатывать деньги, выступая с концертами. Красота и обаяние молодой певицы открыли ей путь в варьете, но несильный, к сожалению, голос не давал надежд на выступления в опере. Воспитание и гордость Смитов не позволяли Веронике опуститься до положения певицы в кабаре, так что ей оставалось лишь исполнять народные баллады и песенки в летних театрах, что, однако, почти не приносило дохода. Прежние знакомые куда-то исчезли, новых не появилось, так как Вероника не могла найти общего языка с богемой. Не раз Веронике приходилось, особенно в поездках, защищать свою честь от поползновений наглецов, полагавших, что любая певичка — доступная и легкая добыча. Дважды она с негодованием отвергала предложения перейти на содержание к пожилым обеспеченным джентльменам... Лишь

надежда на возвращение отца удерживала Веронику от отчаяния. Так прошло почти два года. Каково же было удивление Вероники, когда ей нанес визит бывший поклонник мистер Дуглас Робертсон!

Вернувшись из своего длительного путешествия и узнав о судьбе мисс Смит, тот не замедлил отыскать Веронику, чтобы сообщить ей, что его чувство за годы разлуки не угасло.

Вероника была рада Дугласу. Он оказался той ниточкой, что связывала несчастную девушку со счастливым прошлым. Дуглас никогда не напоминал ей о виолончелисте Куцке и не осуждал за попытки добиться самостоятельности путем, не принятым в хорошем обществе.

Вероника и Дуглас часто встречались. Однако у Вероники не возникало мысли связать свою судьбу с этим красивым молодым человеком. Причин тому было несколько.

Во-первых, мистер Робертсон был беден как церковная крыса, что не укрылось от проницательного взгляда Вероники, хотя они с Дугласом ни разу не обсуждали его имущественные проблемы.

Во-вторых, Вероника не любила мистера Робертсона, а благодарность была, по ее мнению, недостаточным основанием для того, чтобы отдать ему руку и сердце.

Примерно через два месяца после возвращения Дугласа свершилось событие, надеяться на которое Вероника уже не смела.

На берегу Ледовитого океана неподалеку от устья сибирской реки Лены местными дикарями был обнаружен замерзший труп человека. На груди покойного, оказавшегося матросом с корабля «Венчур», было найдено письмо капитана Смита. В этом письме капитан сообщал, что «Венчур» уже второй год затерт льдами северо-восточнее полуострова Таймыр и его команда терпит страшные лишения. Если льды не отпустят корабль, следующим летом они попытаются дойти до берега пешком.

Письмо капитана Смита долго добиралось до Лондона и попало туда лишь в июне 1913 года. Оно вызвало недолгую сенсацию в газетах, но когда полная надежд Вероника обратилась за помощью к Адмиралтейству и Королевскому географическому обществу, она убедилась, что никто в Соединенном королевстве не намерен срочно снаряжать экспедицию на поиски капитана Смита, бедствующего у полуострова Таймыр. Веронике объяснили, что спасательную экспедицию невозможно снарядить менее чем за несколько месяцев, а к тому времени наступит осень. Так что к этому вопросу можно будет вернуться лишь следующей весной.

Убедившись в том, что поддержки ждать не от кого, Вероника

с помощью верного Дугласа попыталась привлечь внимание к участи капитана частных благотворителей, но и в этом не преуспела.

Тогда она заявила, что отправляется в Сибирь одна.

Она спустится по русской реке Лене и там, у Ледовитого океана, встретит отца, который обязательно пойдет пешком к Большой земле.

Намерение Вероники осталось неизвестным для публики, так как не было подкреплено ничем, кроме отчаяния. Вероника продала остатки драгоценностей матери, но их было недостаточно, чтобы добраться до устья Лены.

Дуглас Робертсон, ограничивавшийся до того сочувствием к замыслам своей возлюбленной, в один прекрасный день появился у нее дома на Драйверс-стрит с оригинальным предложением.

Он сообщил, что нашел лицо, согласное финансировать это безумное предприятие. Что он сам намерен отправиться в Сибирь вместе с Вероникой. И он ничего не требует взамен, кроме обещания выйти за него замуж после возвращения в Лондон.

Душевное состояние Вероники было таково, что она восприняла предложение Дугласа как откровение свыше. Она отказалась прислушаться к опасениям служанки Пегги, которая, недолюбливая Дугласа, задавала вопрос:

— Откуда у него появились деньги? Не иначе как источник их сомнителен!

— Нет! — горячо восклицала Вероника. — Раз это единственная возможность спасти моего дорогого отца, который бредет сейчас по ледяным просторам, я не имею права раздумывать. Дуглас вполне достоин моей руки.

И Пегги была вынуждена сдаться.

* * *

Подходил к концу уже второй месяц совместного путешествия молодых людей, тогда как в Лондоне они полагали, что доберутся до места не более чем за месяц.

Казалось, некие злые силы препятствовали их продвижению. Задержка в Петербурге из-за недоразумений с британским консулом, жестокая простуда, заставившая Веронику две недели провести в постели в московской гостинице «Гранд-отель», крушение поезда возле Новониколаевска, задержавшее путников еще на неделю, наконец, долгое ожидание в Якутске парохода до Новопятницка...

Пожалуй, будь на месте Вероники и Дугласа французы и тем

более итальянцы, они давно бы уже рассорились и расстались, непривычные к русским порядкам и сибирской неповоротливости. Но английская нация являет собой собрание особ, умеющих по примеру своих отцов и дедов стоически переносить трудности, не меняя ни своих привычек, ни образа жизни. Иначе как бы этой нации завоевать половину мира, страны, пребывающие в варварстве, отличающиеся бесчеловечным климатом и полным отсутствием удобств цивилизации.

Удивительно, но, несмотря на длительное путешествие, на многочисленные лишения, отсутствие возможности вовремя принять ванну, сменить нижнее белье, ни Вероника, ни Дуглас ни на йоту не отступили от своих привычек, и постороннему наблюдателю они показались бы господами, лишь вчера покинувшими берега туманного Альбиона.

Однако внешний вид, как известно, бывает обманчив. К тому времени, когда «Св. Сергий Радонежский», миновав Жиганск, оказавшийся городом лишь на карте, а в действительности скопищем жалких тунгусских юрт и полуразвалившихся избушек, вот-вот должен был достичь Новопятницка, внутреннее состояние Дугласа Робертсона было критическим, что прекрасно ощущала Вероника, с тревогой наблюдавшая тревожные перемены в своем спутнике. Вероника сознавала при этом, что самая трудная часть путешествия еще впереди. Не сегодня завтра они будут вынуждены окончательно покинуть пределы цивилизации и углубиться в девственные просторы.

— У меня затупилась бритва, — сообщил мрачно Дуглас.

Он сидел на плохо сколоченном стуле, вытянув длинные ноги и разглядывая пятно на башмаке, которое ничем не смог закрасить, хоть и потратил на то более часа.

Вероника кивнула, но не ответила. Она глядела в синий воздух за окном. Черная фигура заслонила вид на луну, и тут же к окну приблизилось пьяное, грязное лицо охотника, взошедшего на борт в Жиганске и не утолившего еще своего любопытства от лицезрения настоящих иностранцев. Дуглас поморщился, сделал шаг к окну и затянул желтые атласные занавески. Комар, пробравшийся в каюту еще днем, взвизгнул, лишенный уютного укрытия, и взвился к потолку, с которого свисал керосиновый фонарь.

— Вы что-то сказали? — спросила Вероника.

Дуглас не ответил. Разговор о бритве он поднимал неоднократно, с тех пор как его собственную, сопровождавшую его во многих путешествиях, украли в Твери.

Вероника почесала щиколотку.

— Простите, — сказала она.

— Я сегодня понял, что нас ждет в этой тайге, — сказал Дуглас.

Вероника кивнула.

Днем пароход простоял часа четыре у берега, потому что надо было напилить дров для машины. Палубные пассажиры помогали матросам, но, разумеется, пассажиров первого класса — англичан, профессора Мюллера и рыботорговца Алачачяна — никто к такой работе не принуждал. Тем не менее застоявшийся в вынужденном безделье Дуглас, будучи спортсменом, вызвался пилить лес, в то время как профессор Мюллер пригласил Веронику пройтись с ним по берегу, где он заметил любопытнейшие известковые отложения, в которых можно найти окаменелости.

Как только нос парохода уткнулся в пологий берег, машина остановилась и работники устремились по сходням к подступающему близко лесу, навстречу им из тайги кинулись полчища комаров, словно они давно уже поджидали людей в засаде. И, выйдя из каюты, Вероника с удивлением поняла, что ее короткое дорожное, выше щиколоток, платье, сапожки и плотная блуза никак не способны защитить от укусов насекомых. Отмахиваясь от них, она проследовала за толстым, подвижным, похожим на мистера Пиквика профессором на берег.

Профессор помог ей ступить на гальку, окаймляющую край воды, и сказал наставительно:

— Вы сетовали, мисс, на то, что попали в эти края слишком поздно ввиду задержек в пути. Однако я должен сказать, что вам повезло. Наступает осень, а ночные заморозки лучше, нежели тучи гнуса и комаров, которые в тайге могут свести человека с ума. Я должен вам сказать, что намеренно не отправлялся в путь ранее, не желая стать добычей этих тварей.

— О да, — улыбнулась девушка, отчаянно стараясь отогнать комаров. — Наверное, вы правы. Но неужели их бывает больше?

— Значительно, — ответил профессор, взбираясь вверх по крутому берегу. — Тем более что здесь, у реки, дует небольшой бриз.

Они говорили по-английски. Профессор отлично владел этим языком, так как в свое время проучился три года в Кембридже.

К тому времени, когда они добрались до увиденных профессором отложений, комары допекли девушку так, что она с трудом удерживалась от унизительной мольбы отпустить ее обратно на пароход. Но профессор словно перестал замечать насекомых. Подобно альпинисту, он смело ползал по обрыву, восклицая от радости, ибо угадывал в известняке формы ископаемых раковин.

Вероника отыскала на берегу, у уреза воды, несколько белемнитов, которые профессор называл по-русски «чертовыми пальцами», объяснив девушке, что они являются частями моллюсков, вымерших за миллионы лет до христианской эры, когда в этих местах плескалось теплое море.

Вероника быстро ходила по берегу, отмахиваясь от комаров. Она старалась терпеть их укусы, так как была по натуре терпелива. Однако к тому времени, когда профессор, наполнив предусмотрительно взятую с собой сумку образцами ракушек и кораллов, решил возвращаться к пароходу, Вероника с ужасом поняла, что мысль о дальнейшем путешествии по тайге ее пугает более чем когда-либо прежде.

— Простите, профессор, — сказала она, — но у побережья Ледовитого океана комаров, надеюсь, нет?

— К тому времени, когда вы туда доберетесь, — ответил профессор, поправляя пенсне, которое, как показалось Веронике, сползло на кончик носа под тяжестью облепивших его комаров, — комаров не станет. Будут морозы. Что заставило вас столь поздно отправиться в путь?

— Мы рассчитывали попасть сюда в конце июля. А вы?

— Цель моего путешествия лежит не столь далеко от Новопятницка. К тому же меня будут сопровождать люди, живущие здесь постоянно. Я рассчитываю на их поддержку, ибо знаю их по университету.

— Они здесь в экспедиции?

— Они здесь не по своей воле, — вздохнул профессор.

Девушка кивнула, показывая тем, что поняла намек профессора, и, чтобы утешить его, сказала:

— Австралию также создали каторжники. И среди них были энергичные люди. Но я бы не решилась идти с такими людьми в глубь леса.

Профессор ничего не ответил.

Почувствовав, что сказала нечто неправильное, и мысленно укорив себя за то, что в очередной раз пыталась судить вслух о русских порядках, непонятных цивилизованному человеку, Вероника сменила тему разговора.

— А вам приходилось когда-нибудь находить болиды? — спросила она.

— Небесные камни, — ответил профессор, осторожно спускаясь с обрыва, — обычные гости с неба. Некоторые из них достигали гигантских размеров. Известный кратер в Аризоне, достигающий нескольких миль в поперечнике, был создан подобным небесным телом.

— Возможно, они представляют опасность для людей? Что, если такой большой болид упадет на город?

— К счастью, болид, который я разыскиваю, — сказал профессор, — упал в совершенно ненаселенной местности. Единственно, кого он мог убить, — медведя.

— Их здесь много? — спросила девушка, невольно поглядев на подступающие к обрыву лиственницы.

Когда они вернулись к пароходу, Дугласа на берегу не было. Не выдержав комариных укусов, он ушел в каюту, раскурил трубку и напустил столько дыма, что тот выполз из-под двери каюты, словно там начался пожар.

Вечером, вспоминая о дневном приключении, Вероника поежилась.

— Отступать поздно, — сказала она. — Однако вы, Дуглас, свободны покинуть меня в любой момент. И я останусь бесконечно благодарна вам за все, что вы для меня сделали. Я убеждена, что никогда бы не добралась до этих мест, если бы не ваше внимание и забота.

— Пустое, — сказал Дуглас. — К тому же, покинув вас сейчас, я потеряю контракт с «Дейли мейл», которой я обещал посылать корреспонденции. Я не настолько богат, моя дорогая.

— Не знаю, чем отплатить вам за вашу доброту.

— Став моей женой, вы отплатите мне сполна, — ответил Дуглас. — Хотя, признаюсь, трудности, встающие впереди, таковы, что я не уверен, смогу ли я дойти с вами до венца.

— Как вы смеете так говорить, мой друг! — воскликнула девушка. — Ведь мы с вами не среди людоедов.

— Сегодня я наблюдал миллионы людоедов, более страшных, чем дикари с острова Фиджи, — печально улыбнулся Дуглас. — К тому же ваш отец был лучше подготовлен для путешествий в этих ледяных пустынях, нежели вы, Вероника. И тем не менее...

— Не говорите так, — вздохнула девушка. — Я не теряю надежды.

— Я тоже, — сказал Дуглас и положил руку на колено Вероники.

Вероника нежно накрыла длинными пальцами его руку, желая передать молодому человеку благодарность, которую она испытывала к нему за его самоотверженность.

Однако Дуглас ложно истолковал жест мисс Смит. Пальцы его, словно получив поощрение, сильно впились в колено девушки.

— Простите, мне больно, — сказала Вероника, стараясь отвести колено в сторону. Но Дуглас не отпускал его.

— Мне нужна лишь одна награда, — сказал он сиплым голосом. — Ваша любовь, дорогая.

— Я к вам отношусь наилучшим образом, — ответила девушка дрогнувшим голосом. — И постараюсь вознаградить вас по окончании путешествия любым приемлемым для вас способом. И если вы захотите получить мою руку, я готова.

— Я не знаю, что будет через год, — сказал Дуглас. — Но неужели вы не видите, что моему терпению приходит конец? Месяц за месяцем я провожу рядом с вами, ощущая ваши взоры, запах ваших волос, видя линию ваших бедер...

— Мистер Робертсон! — прервала молодого человека Вероника, пытаясь вскочить с койки. — Не думаете ли вы, что нам надо попросить чаю? Будьте любезны позвать Пегги...

Но договорить она не успела, потому что Дуглас закрыл ей рот страстным поцелуем.

— О нет! — пыталась сопротивляться девушка. Она отталкивала его жаждущие руки, которые безжалостно рвали ее одежду, отворачивала лицо от его поцелуев. — Я закричу! — шептала она.

— Кричите, — отвечал Дуглас громким шепотом. — Сюда прибегут русские, и вы будете опозорены.

— Как вам не стыдно!

— Во мне проснулся зверь.

— Это не зверь, а грязное животное, — возразила девушка, и тут она поняла, что ее нежная упругая грудь, которой после Милоша Куцки не касался ни один мужчина, обнажена и дрожащие жаркие пальцы Дугласа грубо ласкают ее. — О нет! — застонала Вероника, лихорадочно обдумывая проблему, звать ли на помощь и таким образом сохранить честь, но погубить экспедицию или пойти на жертву ради спасения экспедиции. Пока что она сопротивлялась молча, потому что не теряла надежды вразумить Дугласа либо отразить его нападение. В каюте было полутемно, фитиль керосинового фонаря коптил, равномерно ухала паровая машина, и Веронике вдруг показалось, что все это происходит не с ней, а лишь в ее воображении, на страницах романа Мопассана «Жизнь», прочитанного в транссибирском экспрессе. О господи, мысленно молила Вероника, пришли в каюту Пегги или профессора Мюллера, который обещал принести вечером книгу...

Но никто не шел к ней на помощь.

Причину тому нетрудно усмотреть в тонкости переборок парохода и относительной тишине, которая воцарилась на нем поздним вечером. Страстные вздохи Дугласа, шепот и мольбы

девушки проникали через переборки и даже вырывались на палубу. И если Дугласу и Веронике казалось, что они замкнуты в некоем тесном пространстве, а остальной мир не ведает о той драме, что разыгрывается в каюте, на самом деле остальной мир прекрасно понимал, что за драма происходит рядом с ним, однако трактовал ее не как борьбу девушки за свою честь, а как развлечение иностранцев, утоляющих таким образом свою похоть.

Профессор Мюллер, чья каюта была отделена от каюты Вероники лишь фанерной переборкой, как раз собрался отойти ко сну. Страсти за перегородкой настолько смутили его, что он натянул ночной колпак на уши, а когда и это не помогло, заткнул уши ватой и, сидя на койке, в ужасе смотрел на то, как вздрагивает переборка, когда ее задевают колени или локти англичан, и более всего опасался, что переборка рухнет и тогда ему придется стать свидетелем интимного зрелища.

Стараясь прикрыть от поползновений Дугласа все более обнажаемое тело, Вероника отдавала себе отчет в том, что ее положение с каждой секундой становится все более безнадежным. Наконец она поняла, что придется кричать, но Дуглас настойчиво шептал ей в ухо:

— Не кричите, не надо, уже поздно, уже поздно...

— Нет! — закричала Вероника.

И в этот момент из коридора донесся громкий возмущенный голос рыботорговца Алачачяна, который не смог больше выносить страстных звуков из английской каюты:

— Перестань, понимаешь! У меня семья в каюте, дети, жена. Распустились! Такой вещи надо тихо делать, кричать зачем?

— Что он? Что он кричит? — испугалась мисс Смит, готовая выброситься за борт. В отчаянии она укусила жениха за ухо, тот отпрянул и крикнул по-английски, обращаясь к невидимому рыботорговцу:

— Идите к черту!

И за окном кто-то громко засмеялся, подтвердив этим, насколько тонки стены на ленском пароходе.

Мисс Смит, свалив Дугласа на пол, зарыдала, и профессор Мюллер услышал рыдания заткнутыми ватой ушами и сам готов был заплакать, потому что в нем поднялось сострадание к девушке, а жена Алачачяна закричала на мужа по-армянски, упрекая за невоспитанность. Капитан парохода Селиванов, который слышал далеко не все, ибо стоял на мостике, дал длинный гудок, минуты на три, в котором утопил слезы Вероники, голоса на палубе и шаги ретировавшегося к себе в каюту мистера Робертсона.

* * *

Новопятницкое считалось деревней, потом, когда при государе императоре Александре II там построили церковь, оно стало селом. А городом ему не стать бы еще долго, если бы не радения Ефрема Колоколова. Ефрему мечталось стать почетным гражданином. Но стать таковым можно было только в своем городе. Сколько усилий, расходов, времени потребовалось ему, чтобы превратить Новопятницкое в город, немыслимо представить. Указ последовал лишь 7 января 1911 года. Село Новопятницкое Якутской губернии было объявлено городом. Тем же летом Ефрем Колоколов стал в нем первым и единственным почетным гражданином.

К тому времени, когда пароход «Св. Сергий Радонежский» показался из-за Покойного острова и загудел, завидя сбегающий по откосу к Лене Новопятницк, весь город уже собрался на пристани.

Не было только Ефрема Колоколова.

Пароход оживленно шлепал по воде лопастями колес, сворачивая к пристани. Толпа подалась вперед.

Тогда появились первые признаки скорого приезда Ефрема Ионыча. На склоне остановилась телега. Митька Косой стащил с нее холстину, Ахметка с Молчуном поднатужились, свалили через бок тяжеленный рулон ковровой дорожки и принялись катить его под откос по грязи. Ковра точно хватило как раз до пристани.

Когда пароход, снова загудев, начал пыхтеть и приноравливаться к швартовке, сверху пестрой толпой сбежали цыгане. Те самые, которых еще осенью Ефрем сманил из Якутска и которые всю зиму услаждали его слух. А когда магнату было недосуг, подрабатывали в ресторане «Золотой Урулган», который также принадлежал почетному гражданину Колоколову.

Расталкивая горожан и ссыльных, цыгане нагло пробились к самой воде и тут же затянули песню.

Матросы побежали вдоль борта. По пристани, расталкивая любопытных, застучал деревяшкой инвалид Платоныч, поймал конец с петлей, закинул на тумбу и начал закручивать. Быстрое течение разворачивало пароход, капитан Селиванов заорал с мостика, чтобы крепили второй конец. Машина отрабатывала назад, черный дым повалил до самого неба.

Поднялся галдеж, люди на пристани узнавали знакомых, перекликались с ними, громко пели цыгане. За этим шумом был упущен момент появления Ефрема Колоколова, всегда испол-

ненный смысла для горожан и необыкновенный для некоторых из приезжих.

Ефрем Ионыч подъехал к пристани в красном авто марки «Мерседес-Бенц», запряженном парой белых коней под синими с золотом попонами.

Пароход окончательно пришвартовался именно в тот момент, когда кучер, привстав на переднем сиденье авто, натянул вожжи и остановил горячих коней. Ахметка и Митька Косой одновременно успели к машине и распахнули ее блестящую дверцу. Почетный гражданин Ефрем Ионыч ступил на ковровую дорожку, и тут же цыгане, завидев его, грянули величальную.

Столь странное и эффектное появление Колоколова объяснялось не сумасшедшими чудачествами, какими общество и молва награждают богатых сибирских золотопромышленников, а двумя ошибками Колоколова. Позапрошлым летом он выписал из Германии авто, полагая поднять тем престиж своего города. Но ошибся. К появлению авто единственную достойную такого названия улицу — Николаевскую — не успели замостить, а о прочих дорогах и речи быть не могло. Осмотрев немецкий самоходный экипаж, Колоколов понял, что переоценил его способности и пройдет немало лет, прежде чем он сможет разъезжать на авто по окрестностям. Вторая и тоже понятная ошибка Колоколова таилась в том, что он запас для будущего экипажа несколько бочек хорошего керосина, а обнаружилось, что керосин для авто не годится — нужен бензин, которого даже в Якутске не водилось.

Экипаж оказался удобным и красивым, перепродать его было некому, а держать в сарае до лучших времен неразумно. Так что Колоколов оставил его себе для торжественных конных выездов по Николаевской улице.

Колоколов ступил на ковровую дорожку и пошел к пристани. За ним шел его сын Костя.

Народ на пристани смолк.

Колоколов шел не спеша. Остановился возле городских чинов, что стояли чуть повыше, не смешиваясь с толпой, некоторым пожал руку.

И хоть Ефрем Ионыч был родом из местных старообрядцев, носил бороду, не брезговал появиться на людях в поддевке, внутри он был совсем иным человеком — современным, деловым, грамотным, в меру прижимистым, тихим и вежливым в обращении.

Сына своего Костю, что следовал за ним послушно, он держал в строгости. Отправил его сначала в гимназию в Якутск, затем в Петербургский университет, но через год, узнав, что сын ведет себя скромно, не пожалел денег и послал Костю в Великобританию продолжать образование в Оксфорде. В Оксфорде Костя не преуспел, потому что ему плохо давался английский язык, да и соблазнов было много. Поэтому через два года он был возвращен отцом для помощи в делах, привез много галстуков и шелковых сорочек, а также гонорею, от которой вылечился у ссыльного доктора Шмотоваленко.

Вернувшись в Новопятницк, Костя тосковал по столичной и европейской жизни, втихомолку пил с приказчиками и полагал, что его жизнь погублена, однако не имел силы противиться отцовской воле. Он вел деловую переписку и писал стихи в подражание Надсону, что не вязалось с его могучим обликом, золотыми кудрями и розовым лицом.

Филимонов, будущий городской голова, присоединился к семье Колоколовых, потом за ними увязался пристав. Так они и прошествовали, оживленно беседуя, до самых сходен.

И остановились.

Палубные пассажиры толпились у борта, ожидая, пока сойдут пассажиры каютные.

Первым вышел профессор Мюллер. Федор Францевич был поражен оживлением, царившим на пристани, и счел это знаком уважения к его скромной, но международно известной персоне. Он поклонился толпе, но тут же по пустым, не узнающим взорам господина Колоколова и сопровождавших его персон понял, что торжественная встреча к нему не имеет отношения. Растерянность профессора продолжалась недолго, потому что он услышал справа приветственные возгласы, исходившие от небольшой кучки небогато одетых людей, среди которых, к своему облегчению, узнал своего бывшего студента Андрея Святославовича Нехорошева. Нехорошев кинулся к профессору и нечаянно толкнул Колоколова, который холодно наблюдал за тем, как ссыльные окружили толстого низенького мужчину в котелке и пенсне, отнимают у него саквояж, перехватывают у матроса, шедшего следом, большой и тяжелый ящик.

— Кто такой? — спросил Колоколов у Филимонова. — Почему не знаю?

— Профессор из Петербурга, — сказал за Филимонова пристав.

— Опять бабочек ловить? — ухмыльнулся Колоколов.

Он намекал на позапрошлогоднего профессора, что добирался до Новопятницка в поисках каких-то букашек, чуть не утонул в Лене и был бит по пьяному делу Ахметкой, после чего убрался со своим сачком восвояси.

— Нет, — сказал пристав. — Он едет искать болид.

— Кого? — Колоколов обернулся к сыну.

— Падающую звезду, метеорит, — ответил Колоколов-младший. — Который весной за Урулганом упал.

— Зачем?

— Отец, — сказал с некоторой обидой Костя, — я же в июле просился у вас — пустите меня посмотреть. Могла быть всемирная слава.

— Чепуха! — сказал Колоколов-старший. — Только деньги тратить. Помню, помню, — предвосхитил он возражения сына. — Ты же говорил, что эти... болиды, возможно, бывают из червонного золота. Как же!

— Мы могли прославиться, — упрямо повторил Костя.

— Дурак! — Отец смотрел на пароход, ожидая появления важных гостей. — Я же тунгусам велел посмотреть. Там только тайга паленая, ничего нету.

С парохода сошли торговец Алачачян со своей семьей и миссионер из камчатского братства, к которому сразу поспешил отец Пантелеймон, извещенный о его приезде. Потом хлынула толпа палубных.

— Эй! — крикнул Колоколов капитану Селиванову, что стоял на крыше парохода у своей рулевой будки. — Селиванов, ты англичан-то не утопил?

— Сейчас придут, — сказал Селиванов. — Куда им деваться, Ефрем Ионыч?

Селиванов был расстроен ночными событиями в каюте мисс Смит. Он относился к меньшинству пароходного населения, которое искренне сочувствовало английской девице, и его расстройство усугублялось тем, что Селиванов, не ведая английских обычаев и правил, не знал, как вести себя утром. Он не стал здороваться с Дугласом, когда тот вышел к завтраку, и старался не смотреть на несчастную девушку, темные круги под глазами которой и распухшие от слез веки лучше всяких слов рассказывали об унижении, которому она подверглась...

На пристани появились иностранцы, о которых было еще на той неделе сообщено из Якутска телеграфом.

Первым вышел мистер Дуглас Робертсон, который приостановился на палубе, оглядывая толпу, затем последовала прелестная грустная девушка с бледным напудренным лицом. Наконец вышли слуги англичан — маленький худой китаец Лю и пышногрудая смуглая Пегги. Лю нес футляр с удочками и зонтом Дугласа, Пегги — две круглые коробки с шляпами мисс Смит.

Цыгане еще громче грянули величальную.

Колоколов подошел к самым сходням и сделал знак сыну.

Костя Колоколов замялся, забыл приготовленные слова, потому что образ англичанки поразил его в самое сердце. Даже в Лондоне ему не приходилось видеть подобной нежной и типично английской красоты.

— Говори! — услышал он рассерженный голос отца.

И, не отрывая взгляда от девушки, Костя Колоколов произнес по-английски приветствие, заученное вчера с помощью Ниночки Черниковой.

— Добро пожаловать в наш отдаленный уголок Российской империи! Разрешите представить вам моего отца, негоцианта, почетного гражданина этого города, который вышел на берег для того, чтобы оказать вам гостеприимство.

— Вы говорите по-английски? — удивилась Вероника. — Это невероятно.

Колоколов-старший потряс ей руку, поздоровался с Дугласом, а затем отступил в сторону, чтобы с англичанами могли поздороваться городские власти.

— Ты переводи, переводи, — сказал он сыну, но тот замолчал. Он договорился с Ниночкой Черниковой, что после первых заученных заранее фраз он уступит ей место. Но Ниночка куда-то, как всегда, запропастилась.

— Минутку, отец, — сказал Костя и кинулся искать в толпе Ниночку. Он отыскал ее среди ссыльных, окруживших профессора, и за руку поволок к англичанам.

Когда они поднимались по откосу, Дуглас смотрел по сторонам, разглядывая цыган и местных зевак, потом поглядел себе под ноги и спросил Колоколова-младшего:

— Здесь принято класть ковры на землю?

— Нет, — сказал Колоколов, глядя на профиль Вероники Смит. — Это для вас.

— Мы тронуты, — сказал Дуглас.

А Вероника увидела авто, запряженное белыми конями, и воскликнула:

— Это удивительнее Великой Китайской стены!

* * *

Профессора Мюллера разместили в гостинице «Лена» — двухэтажном каменном здании, построенном недавно на главной площади радением Колоколова. На первом этаже ее помещался ресторан, где порой пели цыгане, а на втором — шесть номеров для приезжих.

Федор Францевич лишь успел разложить вещи, как его потащили в дом к Черникову, где его ждали к обеду.

Домик Черниковых невелик, гостиной в нем не водится, так что все сразу прошли в столовую. Мария Павловна, жена Черникова, еще не старая, кругленькая, добрая якутка, суетилась у стола, накрывала его, стараясь не мешать умным разговорам.

Сам Семен Натанович Черников, поглаживая нервными пальцами широкую с проседью бороду, сидел во главе стола и критическим взглядом оценивал усилия своей супруги. По правую руку от него сидел его закадычный друг отец Пантелеймон, неуемно любознательный и крайне веселый человек. И были они с Черниковым схожи — манерами, вальяжностью, бородами, но Черников был втрое меньше отца Пантелеймона, зато втрое говорливей и бурливей. По левую руку от хозяина посадили петербургского профессора, а рядом с ним уселся Андрюша Нехорошев, бывший мюллеровский студент, худой, носатый, неловкий, влюбленно глядевший на профессора, которому поклонялся в университете и появление которого в Новопятницке было для Андрюши подобно явлению божества, и к этому явлению Андрюша готовился с весны, как только узнал, что, получив сообщение Андрюши о падении метеорита за Урулганским хребтом, Мюллер изъявил желание собственнолично отыскать и изучить небесный камень.

Сведения о падении болида, случившемся в марте, проникли в газеты всего мира. Писалось о небесном свечении, об устрашающем грохоте, якобы долетевшем до Хабаровска. Истина смешивалась со слухами, куда более красочными в Вене или Брюсселе, нежели, скажем, в Новопятницке, откуда по карте до Урулгана рукой подать, а на самом деле так далеко, что за полгода никто в те места не добрался, не считая тунгусов, которых посылал колоколовский приказчик и которые ничего, кроме поваленного леса и пожарища, не отыскали, хотя, возможно, опасаясь злых духов тайги, и не очень старались.

Помимо перечисленных лиц, за столом собрались еще несколько ссыльных, а также учитель словесности из церковно-приходского училища и томный, скучный телеграфист Барыкин. Конечно же, всем хотелось узнать петербургские новости, покопаться в журналах, что привез с собой профессор, услышать о событиях на Балканах и об открытии Южного полюса, о том, что нового написал Леонид Андреев, — в глухой провинции всегда есть думающие люди, которые живут интересами нации и всего просвещенного мира.

Но все терпели. Послушно отвечали профессору о метеорите и возможности путешествия за Урулган.

— Если Колоколов не поможет, людей не достать, — говорил отец Пантелеймон.

Он водил пальцем по карте низовьев Лены, привезенной профессором из столицы.

— Тунгусы сейчас съезжаются в Булун, там начинается ярмарка и дележ рыболовных тоней, — пояснил Барыкин.

— Что такое Булун? — спросил Мюллер.

— Это последнее поселение в низовьях Лены, — сказал Андрюша. — Я там был в прошлом году с землемерами.

— Мне знакомо это наименование, — сказал профессор.

— Без сомнения, — пояснил Черников. — В свое время о нем писали в Европе. В семидесятых годах прошлого века корабль «Жаннета» капитана де Лонга был раздавлен льдами севернее устья Лены, и его команда пошла по льдам на юг.

— Помню, помню, — поднял руку профессор, который предпочитал говорить сам. — Они не дошли до Булуна несколько миль и сгинули в снегах.

— Боцман и несколько матросов добрались до Булуна, — с удовольствием поправил гостя Семен Натанович, который тоже любил говорить сам.

— И что там? — спросил Мюллер.

— Там стойбище тунгусов и несколько изб — в них живут казаки. Там есть изба полицейского начальника.

— Крупный культурный пункт наших мест, — сказал иронично телеграфист Барыкин.

Мария Павловна внесла большую деревянную миску с пельменями.

— Отведайте, — сказала она, — отведайте, батюшка.

Ей в жизни еще не приходилось видеть настоящего профессора.

Младшие дети Черниковых — четверо, все одинаковые, скуластые, с прямыми черными волосами — в мать, глазастые, носатые — в отца, — выглядывали из-за двери, сопели от волнения.

Мария Павловна положила пельменей Мюллеру и полила их сметаной.

— Лучших пельменей вы от Северного полюса до Иркутска не отведаете, — сказал гостю отец Пантелеймон.

— Да-да, это великолепно, — согласился Мюллер. — Скажите, а отправится ли кто-нибудь на ярмарку из Новопятницка?

— Колоколов собирался, — сказал Андрюша.

— Две баржи с товаром, — отец Пантелеймон загибал пальцы, — нет, три. «Иона» потащит.

— У Колоколова есть мощный буксир «Иона», — пояснил Андрюша.

— В честь ихнего батюшки назван, — сказал учитель.

— Можно ли нам рассчитывать на место на барже? — спросил Мюллер.

— Нравятся пельмени? — спросила Мария Павловна, удрученная тем, что высокий гость все еще их не попробовал.

Черников разливал водку из стеклянного графина.

— С приездом, — сказал он. — Со знакомством.

Хлопнула дверь. Вбежала Ниночка Черникова. За ней боком, почти упираясь в притолоку, вторгся неловкий Костя Колоколов.

— Пельмени еще не съели? — спросила Ниночка с порога.

— Неужто тебя у Ефрема Ионовича не покормили? — удивилась Мария Павловна.

— Разве там пища? Костя, подтвердите, разве там пища? — Ниночка была возбуждена, раскраснелась и была так хороша, что даже Мюллер, равнодушный к женским прелестям, залюбовался ее экзотической красотой.

Как и ее младшие братишки, она унаследовала от матери высокие скулы, брови вразлет и густые волосы цвета воронова крыла, а от отца громадные карие глаза, высокий в переносице, тонкий с горбинкой нос и полные яркие губы.

— Отец привез из Якутска повара, — сообщил, смущаясь, Костя. — Теперь питается по системе доктора Леграна. Вегетарианская пища и долголетие.

Костя говорил серьезно, и непонятно было, осуждает ли он отца либо преклоняется перед его передовыми взглядами.

— Вареная морковка под молочным соусом! С ума сойти! — сказала Нина, занимая место за столом, из-за чего телеграфист Барыкин вынужден был отодвинуться в угол.

— Как же басурманы? — засмеялся отец Пантелеймон. — Им же бифштекс с кровью подавай.

— Ели морковку, а Ефрем Ионыч читал им лекцию о пользе натуральных продуктов, — сказала Ниночка, насаживая на вилку сразу два пельменя.

— Глупо, — впервые заговорил Васильев, из ссыльных эсдеков. — В руках торговцев накапливаются колоссальные средства, а они по серости своей не знают, во что их употребить.

— Ошибаетесь, голубчик, — возразил Черников. — Это Иона Колоколов не знал, как употребить, в кубышку складывал. А наш уважаемый почетный гражданин не лишен выдумки и предприимчивости. Он впитывает современные веяния, порой варварски, но впитывает. Прости, Костя.

— А я не обижаюсь, — сказал Костя. — Я даже иногда преклоняюсь перед ним.

— Твоя беда, Костик, — сказала Ниночка, — в том, что ты слабовольный. Ты — диалектическое отрицание собственного родителя.

— Он у нас, как русский народ, — сказал отец Пантелеймон профессору, который мало прислушивался к разговору, продолжая рассматривать карту, придавленную миской с пельменями. — Терпелив к властям предержащим.

— Я его перевоспитаю, — засмеялась Ниночка, положив ладошку на плечо Косте, и тот зарделся, потому что до сегодняшнего дня полагал Ниночку единственным близким себе существом в проклятом городишке, а уютный добрый дом Черниковых был ему куда роднее отеческого. И когда два часа назад он влюбился в англичанку, то тут же согнулся под чувством глубокой вины и невозможности что-то изменить в своей жизни.

Мария Павловна принесла еще миску пельменей погорячее, специально для Костика.

— Прекрасным иудейкам, — загудел отец Пантелеймон, — свойственно в силу ихнего характера распоряжаться мужскими судьбами. Однако Библия учит, что редко это приводило к добру.

Все засмеялись.

Семен Натанович не засмеялся — его беспокоили отношения между его дочерью и купеческим сыном. Сам он был лишен сословных и прочих предрассудков, но знал, как важны они для других. Костя был образован, мягок, но неудачник, прирожденный неудачник, который всю жизнь будет позволять иным людям управлять собственной судьбой. А когда рядом есть отец — человек волевой и спесивый, уверенный в своем праве крутить сыном, как того пожелает, то будущее Ниночки, как ни странно, весьма похожей по властности характера на старшего Колоколова, пугало старого террориста.

Семен Натанович вздохнул, поискал глазами Марию Павловну и знаком велел ей принести еще водки.

Черников потерял счет годам, проведенным в Сибири. Попал он туда в 1879 году, по процессу девяноста шести, еще молоденьким наивным народовольцем, бежал, участвовал в нескольких дерзких акциях, скитался по явкам, бедствовал, спорил в прокуренных комнатах, готовил бомбы, рыл подкопы — было это все одним быстротекущим сном, от которого в памяти остались лишь ненужные частности. В 1882-м он был пойман окончательно, приговорен к смерти, помилован, получил двадцать лет каторги и лишь через десять лет вышел на поселение в Новопят-

ницком — тогда еще деревне и пристани на Лене. И оказалось, что дело, которому он служил, изменилось уже настолько, что и ты ему не нужен, и оно тебе неинтересно. Юношеская энергия и самопожертвенность голодного юноши из Белостока сгорели на каторге — хорошо еще, что сохранилось здоровье. Это не означает, что Семен Натанович изменил своим взглядам или морально опустился. Но он устал и не желал убегать тайгой в Париж, метать бомбы в кареты губернаторов или устраивать голодовки в централе.

В Семене Натановиче проснулся наследственный портняжный талант. Он осел в Новопятницком, там же женился на низенькой разбитной якутской сироте, что сбежала из миссионерского приюта. Родилась Ниночка, и он по настоянию Марии Павловны крестил дочь. Как и остальных своих детей. Был он честен, гостеприимен, начитан и верил в прогресс. Дом его стал центром культурной жизни села. Своим бескорыстием, умением тихо и ненавязчиво помочь любому, обогреть и улыбнуться Семен Натанович вызывал участие многих в Новопятницке. А в Новопятницке обитали разные люди. И всем казалось, что жил он там всегда. И даже железная вывеска с нарисованным на ней масляными красками франтом в котелке и смокинге под надписью «С. Черников. Мужской портной из Варшавы», приколоченная у ворот, совсем облезла от старости. Черников не менял ее. По преданию, она была написана самим князем Кропоткиным.

Ниночку сначала учили дома. Недостатка в ссыльных учителях не было. Девочка проявила удивительные склонности к языкам и выучила их более дюжины. К тому же неплохо музицировала, для чего Черников выписал для нее скрипку. Когда Ниночка подросла, Семен Натанович отправил ее к родственникам в Белосток, где она поступила в частную гимназию.

Он понимал, что Новопятницк не место для интеллигентной девушки, которой надо найти свою судьбу. Он надеялся, хоть и тосковал по дочери, что она останется в Белостоке, у тети. Но Ниночка была дочерью известного террориста Семена Черникова, и хоть мало кто подозревал, что бывший боевик жив и обитает в Новопятницке, рассказы о его похождениях до сих пор бытовали среди революционеров. О нем писали Степняк-Кравчинский и сама Вера Фигнер. Ниночке не исполнилось еще шестнадцати лет, как ее позвали на сходку, а потом она оказалась в группе молодых людей, которые готовили акцию в Варшаве. Ниночка горела желанием освободить народ от притеснения царских сатрапов, даже если за это надо заплатить собственной жизнью.

Погибнуть ей не удалось, потому что ее тетя обо всем прознала и принялась писать тревожные письма брату. Ротмистр Полыхаев, по долгу службы перлюстрировавший переписку ссыльных, был в курсе проблем семьи Черниковых. И когда он пришел к Семену Натановичу заказать новую шинель, то открыл ему свои подозрения, так как не хотел причинять горя единственному в Новопятницке портному. Да и знакомы они были уже более десяти лет. И никто не знает, наверное, как случилось, что Ниночку арестовали за день до того, как она должна была ехать в Варшаву, чтобы убить там полицмейстера, и административным порядком выслали в Сибирь под надзор родителей. Ниночку допрашивали, но она, конечно же, никого не выдала. А ее товарищи, приехав в Варшаву с бомбами, акцию провести не смогли, потому что сатрап уехал на отдых в Гурзуф.

Так что начиная с 1910 года в семье Черниковых было два политических ссыльных.

Понимание характера своей дочери, ее тоски по бурной революционной жизни, ее стремления к знанию, к людям тревожило старого портного. Ниночке шел девятнадцатый год, она расцвела, как экзотический цветок, в этом сером тусклом краю, и неизбежно было, что она потянется к Косте Колоколову, который принес с собой из Лондона европейский лоск, европейскую печаль и такую же тоску по иному миру. Но Костя был всегда готов, тоскуя и страдая, подчиняться сильному характеру, а Ниночка никому и ни за что подчиняться не намеревалась и планировала дерзкий побег в Америку для того, чтобы там снова окунуться в кипящее море революции. Семен Натанович подозревал, что в ее увлечении Костей Колоколовым была не только ностальгия, не только стремление к близкому тебе по духу человеку, но и желание использовать его для того, чтобы вырваться из ленского болота. Эти планы, хоть и не высказанные и, может, даже не продуманные до конца, ужасали Черникова. Он понимал, что старый Колоколов никогда не допустит этого. Скорее убьет и своего сына, и его невесту. Колоколов был спесив и тщеславен, а его сын был наследником империи, в которую входили смолокурни, раскиданные по берегам Лены, прииски у Вилюйска, рыбные тони в дельте, фактории, снабжавшие тунгусов патронами и водкой и скупавшие у них песцовые и собольи шкурки, и небольшой город Новопятницк.

Когда Семен Натанович увидел, как Ниночка, словно ей это было дозволено, положила тонкие пальчики на плечо Кости Колоколова, он вздрогнул от предчувствия беды, а отец Пантелеймон, который все видел и все понимал, сокрушенно покачал головой. Он был внутренне согласен с портным, но, как и его друг, не знал, каким образом отвести от девушки беду.

* * *

— Как вам показались англичане? — спросил телеграфист Барыкин у Ниночки.

— Самые обыкновенные англичане, — ответила Ниночка. — Костя таких, наверное, видел миллионами, правда, Костя?

— Видел, — согласился Костя и чуть-чуть повел плечом, освобождая его от Ниночкиных пальцев. Это движение, не замеченное Ниночкой, не укрылось от отцовского взгляда Семена Натановича, и он еще более опечалился.

— Правда, у Вероники неплохой голосок, — сказала Нина. — Она пела.

— Пела? — удивился отец Пантелеймон. — А я полагал по темноте моей, что английские лорды и леди при народе не поют.

— Какая она леди! — воскликнула Ниночка, принимаясь за вторую тарелку пельменей. — Она зарабатывает в кафешантанах. Подтверди, Костя.

— Я не знаю про кафешантаны, — возразил Костя. — Об этом она не говорила. Но сказала, что выступает с концертами.

— Она, разумеется, не говорила, — сказала Ниночка, — но это подразумевалось само собой. С таким голосом дальше не пойдешь.

— А ее жених? — спросил Барыкин.

— Жених ее — странная личность. Вроде бы журналист. А может, просто светский хлыщ. Он мне тоже не понравился.

— Он журналист, — сказал Костя. — Он здесь по поручению газеты «Дейли мейл». Это очень влиятельная газета.

— Невысокого пошиба, — добавила Ниночка.

— Значит, они тебе не понравились? — спросил отец Пантелеймон.

— Я этого не сказала.

— Меня же, — сказал телеграфист Барыкин, — растрогал образ молодой женщины, которая бросает светские удовольствия и прелести лондонской жизни ради спасения собственного отца.

— Она попросту не представляла, что ее здесь ждет, — сказала Ниночка.

— Ну уж не к дикарям приехала, — сказал эсдек Васильев. — Дальше Булуна ей и ехать не нужно. Комары только покусают, вот и все испытания.

— Они расспрашивали отца, — сказал Костя, — про того тунгуса, который труп нашел и письмо принес.

— Чай подавать? — спросила Мария Павловна.

Андрюша тут же поднялся и пошел с ней в сени, чтобы принести самовар.

Костя сидел печальный. Он рад был уйти, но не знал, как это обставить, чтобы не быть смешным. Ему вдруг показалось, что мисс Вероника может неожиданно уехать и он никогда ее не увидит.

— Матрос погиб примерно в ста верстах от устья Лены, — сказал отец Пантелеймон.

— Я пойду, — сказал Костя. — Отец будет гневаться.

— Никто тебя не ждет, — сказала Ниночка раздраженно. — Кому ты нужен? Твой отец вьется вокруг иностранки. Видите ли, настоящая иностранка в наших краях! Словно у нее ноги иначе устроены.

— Деточка! — попытался остановить дочь Семен Натанович. — Последи за своим языком.

— Мне уже скоро девятнадцать лет, — сказала Ниночка, — и все время я слышу одно и то же — осторожнее, осмотрительнее!

— В вашем возрасте и в самом деле лучше быть осмотрительнее, — сказал отец Пантелеймон.

— Ах вы, со своей лживой проповедью смирения! — огрызнулась Ниночка, которая, разумеется, была последовательной атеисткой.

Костя от чая отказался и раскланялся. Ниночка хотела было проводить его, но не пошла. Если ему хочется бежать к этой каланче — его дело.

А Косте в самом деле хотелось. Весь мир норовил угодить в соперники. И этот лощеный Дуглас, и даже отец. А почему бы и нет? Отец вдов, отец тщеславен, отец может вообразить себе, что у него есть шансы стать английским лордом. А какой сибирский купец откажется стать английским лордом? Все у них есть, а английским лордом еще не пришлось побывать.

Костя несся домой, топая по лужам. Городок был оживлен — не каждый день приходит пароход.

А дома все было мирно. Гости отобедали и ушли отдыхать в отведенные им комнаты. Костя обнаружил лишь служанку Вероники по имени Пегги. Она сидела на кухне в окружении колоколовской челяди, пила чай, ничего не понимала, что ей говорили, но живо отвечала, показывая жемчужные зубы.

Костю никто в доме не боялся. Кухарка, завидя, что он вернулся, попросила объяснить, о чем говорит эта черная девка. Пегги ожгла Костю черными глазами и стала говорить ему. Костя понял не все, но объяснил слугам, что Пегги родом из страны Цейлон в тропиках. Зовут ее вовсе не Пегги, а Пегги — это прозвище, данное молодой госпожой. Пегги не хочет ехать дальше, но поедет, потому что госпожа к ней добра, а мистер Смит ей все

равно что родной отец. Может, Костя не все понял, но слушательницы были довольны. Второй слуга, китаец, сидел в углу, пил чай, с ним никто не говорил, а он и не навязывался. Что китаец, что кореец — одна семья, этим здесь не удивишь: на золотых приисках много работает корейцев, приезжают целыми артелями.

На втором этаже было тихо. Костя прошел, стараясь не скрипеть половицами, до двери в комнату Вероники. Оттуда доносились тихие голоса. Говорили по-английски и невнятно.

Костя ревновал к Дугласу и, подавленный, пошел в кабинет к отцу, который сидел за столом и крутил в пальцах ручку с золотым пером. При виде сына он сказал:

— Живем как варвары.

— Ты им поможешь? — спросил Костя.

— Безусловно, — сказал Колоколов. — Пускай весь мир знает, что мы всегда людям помогаем.

— Они к устью хотят?

— Дальше Булуна не уплывут.

Отец Колоколов поднялся из-за стола — большого, красного дерева сооружения, на нем танцевать можно. Этот стол купил отец в Иркутске за сто пятьдесят рублей и гордился им не меньше, чем роялем, что стоял в гостиной.

— Поет она, стерва, нежно, — сказал он. — Как, понравилась?

— Я не обратил внимания.

— Врешь. Обратил. Но я не возражаю. Ты лучше на нее обращай, чем на Нинку Черникову.

— Отец, не надо.

— Что, я не вижу, что ты к Черниковым частишь?

— У нас общие интересы.

— Знаю, какие интересы. По кустам обниматься. Дело твое, но жениться не позволю. Иди. — В дверях догнал сына строгим голосом: — Смотри, чтобы Нинка не забрюхатела.

— Отец!

— Я не о тебе пекусь. Семена Натаныча уважаю.

* * *

Мисс Смит вышла из своей комнаты уже к вечеру. Костя подстерегал ее в нижней гостиной, читал книгу Герберта Уэллса, привезенную из Лондона, потрепанную, совсем ветхую на первых двадцати страницах и почти новенькую к концу, что свидетельствовало о неудачных попытках молодого человека ее одолеть. Костя сидел на обитом бордовым бархатом диване под фикусом в большой кадке и был почти не виден от лестницы. По

лестнице сбежала, шурша юбками, Вероника. За ней шел Дуглас Робертсон и тихо выговаривал ей, но делал это так по-английски, что Костя ничего не понял.

Гости, разговаривая, приближались к дивану, на котором он сидел, и Костя понял, что они его вот-вот увидят. Поэтому он поднялся, не выпуская книги, и попросил по-английски прощения за то, что оказался на пути гостей. Дуглас был недоволен, вытащил монокль и принялся рассматривать Костю, словно тот был экзотическим животным, хотя за обедом они сидели рядом.

— Ах! — воскликнула очаровательная Вероника. — Мы так виноваты, что потревожили ваше уединение. Вы же понимаете по-английски?

— Немного, — сказал Костя, краснея.

— Садитесь, — сказала Вероника, будто Дугласа не было рядом. — Я, с вашего разрешения, посижу вместе с вами. Что за книгу вы читаете?

Она тонкими пальцами взяла книгу из руки Кости, увидела имя автора и воскликнула:

— Герберт Уэллс! «Война миров»! Чудесный роман. А читали ли вы его произведение под названием «Первые люди на Луне»?

— Вероника, — сказал Дуглас, — мы должны нанести визит полицейскому комиссару. Он ждет нас.

— Сходите один, — сказала Вероника и уселась на диван.

— А как вы относитесь к Энтони Треллопу? — спросила она с улыбкой.

Костя в жизни не слыхал такого имени и потому ничего не ответил, лишь глядел на девушку — воплощение европейской чистоты. От мисс Смит пахло тонкими духами. Дуглас произнес английское проклятие, которого Костя не понял, а Вероника не услышала, и покинул гостиную. Снаружи его ожидал приказчик, который отведет его к приставу, чтобы тот изучил бумаги и паспорта путешественников, потому что в этом и состоит его служба.

А Вероника и Костя начали разговаривать. Вероника специально подбирала простые выражения, чтобы Костя их понимал, а Костя от натуги вспомнил многие английские слова, которых с Оксфорда не вспоминал.

Вероника расспрашивала его об отце, об их деле, о реке Лене, о туземцах, а потом уговорила Костю повести ее на склад, где хранилась пушнина. Отца не было, он ушел по делам на пристань. Костя дал рубль Ахмету, который сидел в тот день на складе. Они прошли с англичанкой в низкий с маленькими зарешеченными окошками сарай. Шкур было не так много: зимние почти все уже вывезли, а летние меха не так хороши. Меха свиса-

ли гроздьями. Вероника гладила их, мурчала, как котенок, была уютная, ласковая. Костя оглянулся, не пошел ли за ними Ахметка. Ахметка не пошел. Костя наклонился к розовому ушку, что выглядывало из-под локона пепельных волос. От волос и уха пахло соблазнительно духами. Вероника замерла, чувствуя приближение Костиных губ. Костя дотронулся горящими губами до уха, и девушка сказала тихо:

— Ах, вы меня испугали!

— Простите, — сказал Костя. — Я нечаянно.

От растерянности он произнес эти слова по-русски, но девушка поняла его правильно и совсем не рассердилась.

— Не надо этого делать, — сказала она тихо. И была в ее голосе и решительность, и беззащитность, и Костя понял, что отныне он посвятит свою жизнь, чтобы защищать и опекать эту несчастную девушку, благородное сердце которой привело ее в сумрачный сибирский край.

Пальцы молодых людей встретились — горячие пальцы Кости и прохладные пальцы Вероники. Костя дрожал и не мог двинуться с места.

— Эй, — позвал Ахметка, входя в сарай, — поглядели, и хватит. Хозяин придет, ругаться будет.

Вероника кинула еще один взгляд на Костю и сожгла его сердце.

Вечером, уже позже, когда Костя был на улице, Косой сказал ему, что матросы с «Радонежского» слышали, что эту английскую девицу ее кавалер ночью бесчестил и она кричала. Костя не поверил, не хотел поверить, но возненавидел холодного Дугласа.

* * *

Мистер Робертсон уже сносно говорил по-русски. Он начал изучать язык еще в Лондоне, решив сопровождать Веронику в дальний путь, и не терял ни одного дня в путешествии. Он не чурался разговоров с попутчиками в поездах и кондукторами, крестьянами и полицейскими чинами. Склонность к подражательству и настойчивость привели к тому, что Дуглас понимал все и мог выразить любую мысль, правда, произношение его оставалось настолько британским, что не каждый мог его понять. А Вероника, которая также изучала язык этой страны, произносила слова правильно, ибо была награждена от природы музыкальным слухом, но, к сожалению, знала мало слов и совершенно не понимала грамматики.

Колоколов-старший в тот вечер часа два беседовал с мистером Робертсоном. Любознательность в сочетании с подозрительностью заставила его быть настойчивым. Ведь англичане впервые приезжают в Новопятницк. И дело у них такое, по какому раньше люди сюда не попадали, — искать пропавшую экспедицию. И девушка хороша собой, так хороша, что Колоколов пожалел, что ему уже шестой десяток. А то бы... А что? Жениться, может быть, и не женился бы, а иметь в любовницах настоящую английскую даму — такого не удавалось ни одному сибирскому промышленнику от Читы до Иркутска. А сомнения тоже были. Сомнения вызывал Робертсон. Молодой, наглый, голову держит высоко, а по глазам лжив. С первого же мгновения Ефрем Иоыч почуял холод между молодыми англичанами — они не похожи на жениха и невесту. А если обман? Тогда искать его надо в Робертсоне — с мисс Смит все ясно. Достаточно открыть газету, чтобы понять — была такая экспедиция, вся Европа читала, что молодая дочь путешественника отправилась в дальнее путешествие. Это понятно, это по-христиански. Но спутник — что за спутник? Какая может быть у него корысть?

Нельзя сказать, что Колоколов не верил в любовь. Сам был молод, совершал глупости и не жалел о них. Потом сообразил, что не женщины ему нужны, а он им. Все они смелые да недоступные, пока ты им даешь волю. А если женщина видит, что ты без нее обойдешься, она начинает беспокоиться и вот уже готова за тобой бежать. Ты только потерпи, не рви зеленое.

Может, и не стал бы Ефрем Иоыч тратить время на разговоры с мистером Робертсоном, если бы Вероника не задела его сердце. Давно такого не случалось, после той цыганки в Новониколаевске, а тому уже шесть лет.

Колоколов знал о ночном происшествии на пароходе — доложили. И происшествие ему было непонятно. Как можно насильничать собственную невесту? И какой мужик позволит себе лезть к женщине, если она не выкажет согласия? Кто в этой паре хозяин, кто слуга? Равных людей не бывает...

Битых два часа Колоколов говорил с Дугласом, но, если не знаешь языка, до сути человеческой не докопаться. Получалось, что мистер Робертсон как бы сделал Веронике великое одолжение, оплатил все путешествие и горит желанием совершить доброе дело.

Так они и расстались, поговорив бесполезно.

Колоколов пошел к себе в кабинет — бумажные дела накопились. Но не работалось. В ушах стоял горловой Вероникин голос, а в глазах — ее внимательный взгляд. Открытый, спокойный и бесстыжий.

Через полчаса Колоколов не выдержал, пошел по дому. А дом был пуст. Ни гостей, ни сына.

Колоколов задул в кабинете лампу, сел у окна и стал смотреть на улицу.

А Костя гулял с Вероникой по набережной. Набережная — пологий спуск к Лене за пристанью. Когда-то ссыльный анархист Прелюбодейко решил высадить здесь аллею из лип — тосковал по своей Украине. Он их укутывал на зиму дерюгой, разжигал костры — и сколько лет он прожил в Новопятницке, столько эти деревья жили и даже выросли выше человеческого роста. Но потом Прелюбодейко сгорел от чахотки. Перед смертью умолял, кричал людям, чтобы не оставили его деточек. И все обещали. Колоколов тоже — аллею хотелось спасти. Но зимой не собрались, забыли закутать — каждый думал, что другой сделает. Весной, когда липы не распустились, переживали. Отец Пантелеймон готов был бороду себе вырвать за забывчивость.

Так что Костя с Вероникой гуляли над рекой среди тонких, уже побитых ветрами и покосившихся, подобно старому забору, липовых стволов. Там лежала здоровая колода — когда-то втащили сюда, чтобы сидеть, смотреть на луну. Так и звалась: лунная колода.

Сидели там те, кто имел серьезные намерения. Если парень в Новопятницке скажет девушке: «Пошли на колоду», можно готовиться к венцу. Вероника про колоду не знала и села на нее без задней мысли. Было ветрено, она прижалась плечом к Косте и молчала — англичанки народ молчаливый. И Косте казалось, что вернулся вечер пятилетней давности, когда он сидел в оксфордском парке на подстриженном газоне и Салли молчаливо жалась к нему плечом. Салли потом прислала письмо, что ждет ребеночка. Костя письмо сжег, чтобы не попалось на глаза отцу.

Английский язык вылезал из Кости, словно изображение проявляемой фотографии. Он даже из Байрона вспомнил, правда, не точно, и Вероника его мягко поправила.

— Я вспоминаю Оксфорд, — говорил Костя, и Веронике было странно, почти сказочно, что неуклюжий русский дикарь говорит об Оксфорде, а рука его все тяжелее жмет на плечо.

— Я так переживаю о судьбе отца, — сказала Вероника.

— Я поеду с вами, — сказал Костя. — Вам нужен защитник в пути.

— О, как я вам признательна!

Вероника легко коснулась губами его щеки, и Косте стало внутри щекотно и горячо. Он отыскал ее губы и впился в них, и они стали падать с колоды, но Вероника легко вскочила и рассмеялась:

— Какой вы неуклюжий!

Костя помог Веронике отряхнуться, она все смеялась, но негромко.

С неба упала звезда.

— Я собирался просить отца, чтобы он отпустил меня с экспедицией профессора Мюллера, — сказал Костя, когда они уже снова сидели рядом на колоде, но не касались друг друга. — Но теперь поеду с вами.

— Профессор Мюллер такой умный, — сказала Вероника. — А вы видели, как падал тот болид, который он собирается отыскать?

— Светло было, как днем, — сказал Костя. — И грохот — стекла повылетали.

— Дуглас тоже хотел на него посмотреть. Он журналист, он должен написать об этом для «Дейли мейл». Но поиски моего отца важнее, правда?

— Разумеется, — сказал Костя. — Пускай ваш Дуглас едет с профессором — мы найдем вашего отца без его помощи.

Вероника поняла и оценила ревность. И засмеялась.

Мелодично, серебряно, только она так умела.

— Мы с ним не близки, — сказала она. — У Дугласа свои интересы, у меня свои.

— Разве он вам не жених?

— О нет! Он неравнодушен ко мне, но ведь для того, чтобы быть женихом и невестой, надо иметь взаимные чувства.

Вероника замолчала, долго смотрела в землю, думала. Костя любовался ее профилем и не смел прервать ход ее мыслей.

— Я должна вам признаться, — голос ее дрогнул, — потому что вы внушаете мне доверие. — Вероника сглотнула слюну. — Этой ночью на пароходе...

— Что? — Костя боялся признания, но и ждал его.

— Этот человек пытался овладеть мною. Вы понимаете?

— Он напал на вас?

— Мне стоило огромных усилий отразить его нападение.

— Я его убью!

— Он не стоит вашего внимания.

Они помолчали.

— Расскажите мне о своем отце, — попросила Вероника. — В нем есть первобытная сила.

Костику вопрос не понравился. Вопрос означал, что в Костике такой силы нет.

— Он совсем необразованный, — сказал Костик.

— А разве это важно?

Они не слышали, как подошла Ниночка. Она подошла, потому что надеялась, что Кости с Вероникой на колоде нет. Это было бы слишком ужасно. И когда она увидела их, плечом к плечу, поглощенных интимной беседой, в ней буквально сердце оборвалось. Она стояла и не смела двинуться с места.

И неизвестно, сколько бы она стояла, если бы не твердые шаги Дугласа, который также был неспокоен и незаметно пошел вслед за Ниночкой, догадавшись, что она будет разыскивать Костю.

Дуглас нарушил спокойствие ночи, сказав громко:

— Вероника, тебе пора спать.

Голос Дугласа был хорошо модулирован, как голос большого концертного рояля.

Вероника вскочила, словно ее поймали на месте преступления.

— Иду, — сказала она. И добавила после короткой паузы: — Костя рассказывал мне о местной жизни.

— Я видел, — сказал Дуглас.

Вероника пошла к Дугласу, а Костя, который только что намеревался вызвать Дугласа на дуэль или растерзать его голыми руками, так и остался стоять у колоды.

Вероника и державший ее за локоть твердыми пальцами Робертсон растворились в синей мгле, а Ниночка осталась. И Костя увидел ее. Она ни в чем не была виновата. И еще вчера Костя мечтал о ее объятиях. И в мгновение ока все трагически изменилось — Ниночка на глазах теряла его. И была ввергнута в пучину ужаса.

— Что тебе надо? — грубо спросил Костя. Он сейчас был зол на Ниночку за то, что подглядывала и присутствовала при его унижении.

— Я нечаянно, — сказала Ниночка. — Я просто гуляла...

Она повернулась и побежала прочь.

И Косте стало еще противнее, потому что он был добрым человеком и не хотел никого обижать. Но как только ему встретился идеал, со всех сторон прибежали люди, которые были этим недовольны и хотели разлучить его с идеалом.

Костю мучило воображение.

В этом воображении подлый красавец Дуглас Робертсон крался в носках и махровом халате к двери Вероники. Вероника покорно открывала дверь, и тот набрасывался на хрупкую девушку, осыпая ее градом страстных поцелуев, терзая ее нежное тело.

Ефрем Колоколов был детищем своего времени и места. Купец, миллионер и тиран. От современного были лишь рояль в гостиной, авто и вегетарианство. Дуглас Робертсон также был

логичен — порождение западноевропейского мира с привычкой к горячей ванне, сухим воротничкам, страстью к деньгам и англиканской трезвостью. Костя Колоколов оказался на перепутье. Вырос, как сын Ефрема, учился, как Робертсон. Полюбил горячую ванну и чистые воротнички, но не смог отказаться от сибирских темных страстей — такой феномен любят живописать сибирские писатели. Костя умел целовать дамам руки, говорить с ними по-английски, спорить с Ниночкой о целесообразности террора и идеях князя Кропоткина, но не забывал о том, как отец брал его в детстве на медвежью охоту, как дрался он в стенке с молодцами с соседней улицы и как убивают колодников и душегубов.

Костя готов был по-английски предложить мисс Смит руку и сердце, но не делал этого, потому что опасался отцовского гнева. Но когда он думал о Дугласе, в нем просыпался сибирский парень, который мог побить любого врага, а если не мог, то знал, кого послать на это дело. Если бы Дугласу пришлось расправиться с врагом, он выбрал бы пистолет или подметное письмо. Костя предпочитал право кулачное.

Уверенности в том, что одолеешь Дугласа один на один, не было. Тот был спортсменом — по всему видно: и в походке, и в стати, и в легкости движений. И Костя сделал то, что сделал бы на его месте любой купеческий сын: если есть слуги, слугам можно приказать.

Костя пошел к Косому и сказал, что надо англичанина немного поучить. Косой не стал спрашивать, за что — не его это дело. Да и кто любит в России иностранцев — от них только пакости. Косой свое отсидел за грабеж и поножовщину, а потом прижился в этих местах, так что человек он бывалый.

Косого смущало другое: дознается Ефрем Ионыч — не жить.

Костя пошел на хитрость — намекнул приказчику, что Ефрем Ионыч против того ничего не имеет, но, конечно, знать об этом не хочет и закроет глаза.

Неизвестно, поверил Косой или не поверил, но позвал Ивана Молчуна. Костя успокоил их еще больше, дав три рубля и добавив, что членовредительства не требуется — поучить, но без следов. А это было делом обычным. Почему не поучить, чтобы без членовредительства?

Мистер Дуглас Робертсон гулял перед сном, пока его слуга Лю надувал резиновую ванну и наполнял ее согретой водой. Ванну поставили за кухней, в пристройке, на нее ходила смотреть вся челядь, смеялись, только Ефрем Ионыч не смеялся, решил, что потом купит себе такую же.

Оставив Лю заниматься делом, Дуглас пошел по берегу Лены,

глядя на воду и небо и печалясь, как печалится любой европейский житель, когда видит такую бескрайность и однообразие — не на чем остановиться взгляду: водная гладь, плоские берега и так до конца земли.

Дуглас дошел до крайних домов, размышляя о том, чем же могут сейчас заниматься их жители: темно, нигде света нет, ложатся спать на закате, встают на рассвете. Какая тусклая, скучная жизнь!

Тут перед ним возникли две фигуры. Фигуры были крупными, плечистыми. До того момента Дуглас полагал, что находится здесь в полной безопасности, так как городом правит порядок, воплощенный в фигуре исправника и господина Колоколова. А если и нет порядка для иных, то порядок для английских гостей будет соблюдаться строго. Да и Колоколов дал понять. «Гуляйте, — сказал он, — ничего не опасайтесь».

В фигурах была напряженность, пьяное покачивание. На своем веку Дугласу приходилось встречаться с темными людьми и рискованными ситуациями, и он инстинктивно ощутил опасность.

— Закурить будет? — спросила одна из фигур — лица разглядеть было трудно, да и все простонародные русские казались Дугласу на одно лицо.

— Я не курю, — сообщил Дуглас и постарался обойти фигуры.

— Он не курит, — сказала одна фигура другой.

И в тот момент, когда Дуглас пытался обойти ее, она дернула англичанина за рукав, и тот, ожидая подобного действия, резко вырвал рукав.

Косой — а это был приказчик — охнул и крикнул негромко своему другу:

— Он меня бьет!

— Бьет?

Ванька Молчун страшно озлился и без лишних разговоров замахнулся. Если бы Дуглас не был готов к такому обороту дел, он наверняка уложил бы его таким ударом.

Но Дуглас успел пригнуться, удар пришелся по плечу, но и такой пошатнул англичанина.

Дуглас отпрыгнул и сказал:

— Я буду звать... — но забыл, как по-русски слово «помощь».

Косой кинулся на него.

Дуглас выхватил свисточек, что висел у него на шее, и короткий негромкий свист разодрал тишину.

— Он еще свистит! — прорычал Молчун, и ему удалось достать англичанина. Тот упал на колено, но от следующего удара Косого увернулся.

Молотя кулаками, нападающие сами себя сердили, и злость их стала искренней.

Костя, который наблюдал за дракой из-за угла сарая, даже испугался, не пришибут ли они Дугласа, — это в его расчеты не входило. Но вмешаться он не мог. Самого пришибут. Такие люди — вахлаки.

Дуглас был ловок, быстр и увертлив, так что лишь пятый удар достигал цели. Да и сам он ловко давал сдачи — удары у него были совсем другие, не размашистые, а боксерские, короткие и прямые. Одним он даже свалил Молчуна. Тот поднялся, шатаясь, и несколько секунд приходил в себя, пока Косой с англичанином катались, сцепившись, по грязи. Опомнившись, Молчун кинулся на них сверху, начал тянуть Дугласа за волосы, хотел оторвать голову.

Костя готов был уже броситься на помощь Дугласу. Не потому, что пожалел его, — об этом думать было некогда, но представил вдруг, что сделает с ним отец, если англичанина убьют. Да и Вероника не простит.

И тут, почти не слышные за вздохами, пыхтением и краткими приглушенными воплями, послышались легкие шаги — к драке кто-то бежал.

Костя испугался, нырнул за сарай, потому что тот человек, маленького роста и худенький, пробежал рядом с ним.

И потому он не увидел, как тот человек остановился на мгновение, чтобы разобраться, что происходит, а затем нагнулся и начал наносить короткие рубящие удары. Один удар — и откатился, хрипя, Косой. Второй удар — и валяется недвижно Молчун.

Человек, в котором Костя узнал, к своему изумлению, маленького китайского слугу Дугласа, вызванного, видно, свистком, помог своему господину подняться, и они тихо и быстро заговорили по-английски, глядя на распростертые тела Косого и Молчуна.

Потом пошли прочь. Дуглас хромал и опирался на плечо Лю.

Когда они поравнялись с сараем, Лю сказал медленно и понятно для Кости:

— Организатор этого нападения, ваша милость, скрывается здесь.

Костя присел за углом.

Но было поздно.

Он поднял голову. Дуглас и китаец стояли прямо над ним, и даже в полумраке было видно, как они улыбаются.

И тут же они исчезли. Ушли.

А Костя еще долго, минут пять, сидел на корточках, переживая унижение и не зная, что делать. Его вернули к действительности стоны товарищей, что пришли в себя. Костя подошел к ним.

Ничего ему не оставалось, как укорять их за плохую работу.

— Что же вы? — сказал он. — Как же вам доверять можно? Двое на одного и не смогли, а?

— Сам бы смог? За сараем корчился, — сказал Косой.

Нравы в Сибири простые, там и подчиненный человек может высказать господину горькую правду.

Молчун только отхаркнулся и побрел прочь.

А Косой добавил:

— Папаша будут недовольны.

— Но ты ему не скажешь?

— Дурак, — сказал Косой. — Я не скажу — он сам скажет. Он же нас узнает. Тебе что, ты — сынок. А мне жить.

И пошел к Ефрему Колоколову каяться.

Дуглас жаловаться не стал. Принял ванну, китаец потер ему спину, сделал массаж. А Колоколов подождал его в гостиной и, когда тот вышел в длинном халате, с трубкой в зубах, гладкий и вроде бы не поврежденный, если не считать припудренного синяка под глазом, сказал:

— Произошло недоразумение. Больше такое не повторится.

Дуглас понял, о чем говорит миллионер. Он сдержанно кивнул.

Тогда Ефрем Ионыч понял, что Костю надо отправлять в другую сторону. Подальше от англичанки и ее спутника.

Ночью Дуглас пытался открыть дверь в комнату Вероники, скребся, но в доме Колоколовых на всех дверях есть внутренние засовы. И Вероника закрыла дверь на засов. Дуглас звал ее, шептал, прижав губы к щели, потом раздались шаркающие шаги, на лестнице зашевелились тени — кто-то шел со свечой. Дуглас на цыпочках кинулся к своей двери. Не сразу нашел ее и вынужден был отвечать на русский вопрос Ефрема Ионыча:

— Кто там шляется?

— Это я. Разыскиваю туалет.

— Горшок под кроватью, — строго сказал Колоколов, который догадался, что разыскивал англичанин, а этого в своем доме не желал.

* * *

На следующий день Мюллер был у Филимонова, они обсуждали, как лучше добраться до болида. Потом вместе пошли за советом и помощью к Колоколову. Колоколов заставил ждать — он наблюдал за погрузкой паузков, что были привязаны у мостков.

Колоколов велел Мюллеру с Филимоновым ждать в конторе, но было жарко, безветренно, они предпочли посидеть на лунной колоде. Мюллер, глядя в жухлую траву, увидел тонкую серебряную серьгу с изумрудиком и подумал, что серьга принадлежит кому-то из горожанок, что камешек в ней не настоящий, и не стал подбирать. Так он и не узнал, что серьгу с утра искала мисс Смит.

Солнце пекло — был один из последних теплых дней в году. Дальний берег Лены едва угадывался, до него было верст пять. Там начинались сырые, поросшие хилыми лиственницами низины. Мюллер хорошо изучил карту, он как бы летел подобно птице над местностью. Ниже к реке подходили справа горы — хребет, к которому надо будет пробираться. Мюллер утром имел разговор с исправником, просил отпустить с ним Андрюшу, но исправник заупрямился, тупо утверждал, что ссыльный убежит в Америку, а ему, исправнику, будут перед пенсией неприятности. Мюллер полагал, что исправник рассчитывает на взятку, но у экспедиции было много бумаг и рекомендательных писем, а денег мало. Андрюша был готов работать бесплатно — только бы вновь прикоснуться к науке.

Колоколов, поднимаясь от пристани, позвал их в контору. Он был вежлив, расположен к профессору, даже выказал интерес к геологии и пригласил Мюллера вечером к себе посмотреть коллекцию минералов, собранную людьми, просил порекомендовать в Петербурге хорошего специалиста, чтобы поискал руды на Урулгане. Мюллер нашелся, сказал, что Андрюша Нехорошев — лучший его ученик. Нет, сказал Колоколов, Андрюша хлипкий, ему не вытянуть, нужен крепкий мужик, чтобы его слушались и боялись. Без страха здесь ничего не сделать. Тогда Мюллер попросил Колоколова походатайствовать за Андрюшу — он ему будет нужен в поисках метеорита.

Колоколов согласился. Легко, как отмахнулся от комара, — пускай профессор не беспокоится, Андрюша с ним пойдет. И он пошлет туда же своего сына и наследника. Ему полезно побывать в тайге с учеными людьми.

Даже Филимонов удивился: Колоколов не любил отпускать сына. И если отпускал, то только по торговым делам.

— А сам я в Булун поеду, — сказал Колоколов. — В этом году ярмарка будет там большая. Без меня не обойдутся.

Филимонов смотрел на миллионщика — и не верил. Какие бы дела ни были в Булуне, они для Колоколова невелики. Торговля с тунгусами да якутами — малая толика его дел. Ни Филимонов, ни профессор не связали этого намерения короля тайги с приез-

дом Вероники Смит. И не поняли, что желание отправить сына за Урулган связано с тем же.

Колоколов сказал, что сам подберет что нужно для экспедиции, лошадей и провизию — все должно быть основательно. А за это профессор будет в тайге поглядывать по сторонам: если какие выходы руды или еще что из геологических находок, он рассчитывает, что профессор не забудет об интересах Колоколова. На том и порешили — профессор был только рад угодить любезному господину негоцианту.

В тот же день, еще до обеда, Колоколов сам пошел к исправнику, хотя мог бы позвать его к себе в контору. Пил чай, спрашивал, как здоровье супруги, как дети в Иркутске. Потом сказал, что ему нужны двое из ссыльных. Андрей Нехорошев полезен петербургскому профессору. А Ниночка Черникова позарез нужна для англичан. Без нее они как немые.

— Но ведь этот лошак английский, он же по-нашему бормочет, — возразил с тоской исправник. Он понял, что ничего от Колоколова за ссыльных не получишь. И это было грустно. Исправник сердился на профессора — наверняка нажаловался. Да что поделаешь?

А как прочие встретили это решение Колоколова? Ниночка даже обрадовалась. Она на все была готова, только бы не оставлять вдвоем Костика и развратную европейку, типичную представительницу господствующего буржуазного сословия. Пускай Костик пойдет в тайгу с профессором, пускай там комары выпьют из него лишнюю кровь.

Дуглас также был рад — еще не хватало, чтобы Вероника увлеклась всерьез этим русским медведем.

О Веронике ничего сказать было нельзя: ее мысли трудно поддаются разгадке, да чаще она и сама не знала, что ей лучше, а что хуже. Ей был свойствен фатализм, хотя она пыталась, плывя по воле случая, дожидаться благоприятного стечения обстоятельств. В первую очередь она искала отца. Или хотя бы его могилу. Все остальное приложится. Костя в ее мыслях занимал куда меньше места, чем его отец.

Плохо было Косте.

Он даже полез в спор с отцом, чем утвердил его в правильности своего решения и сделал то решение незыблемым. Костя в отчаянии готов был уже признаться отцу, что влюбился в английскую мисс, но в последний момент испугался. И смирился.

А отец пожалел его — всегда надо давать жертве надежду, пускай пустую.

— Если придется английского капитана по берегу моря искать, я тебя вызову.

И с этой надеждой Костя пошел к профессору, уже официально, как член маленькой экспедиции. Колоколов-старший, хоть и готов был поспособствовать развитию отечественной науки, своего терять не терпел. Поэтому за лошадей, шитик, место на барже, за продукты и даже за комариные сетки — за все взял с Мюллера, полагая, что делает правильно, так как у Мюллера деньги государственные. Правда, сына придал вроде бы бесплатно.

Сначала проводили «Св. Сергия Радонежского». На следующее утро он загудел, запыхтел, отвалил от пристани и, борясь с течением, пополз вверх по реке. Ему еще надо вернуться в Новопятницк до ледостава, привезти грузы, забрать пушнину и золото с приисков и, если все будет хорошо, профессора Мюллера с камешками, отколупнутыми от болида, и мисс Смит с ее спутником, а может, и с капитаном Смитом, если его удастся отыскать и спасти.

Костя весь день избегал Ниночки. А Ниночка делала вид, что не хочет видеть Костю, и страшно страдала. Ее страдания были очевидны для Семена Натановича и удручали его необыкновенно.

— Все к лучшему, — уверял его отец Пантелеймон. — Твоя дочь забудет о неверном Косте, и это лучше для всех. Будем надеяться, что детское увлечение минет, как послеполуденный сон.

— Да-да, — рассеянно согласился Черников, но он-то знал, что дочь страшного в прошлом террориста и нигилиста сделана из особого теста. Она из тех, кто роет подкопы под железнодорожные пути, чтобы безжалостно взорвать самого императора.

При этом Семен Натанович приводил в порядок одежду для Ниночки — ночи будут холодными, особенно в Булуне. Он призвал на помощь все свое портновское искусство и, не разгибаясь, шил, чтобы его дочь даже у полюса была одета не хуже, чем одеваются дамы в Варшаве. При условии, если те дамы соберутся на Северный полюс.

Всю ночь Ниночка простояла у окна своей комнаты. Рядом сопели во сне братишки. Она смотрела в окно, и ей казалось, что Костя, который одумался и раскаялся, придет к окну, стукнет в него дрожащими пальцами и попросит прощения за все муки, которые он ей доставил. Она тихо плакала, чтобы не разбудить братьев или отца, что спал в соседней комнате. Но Мария Павловна, конечно, не спала и все слышала, каждый вздох дочки она слышала. Но лежала тихо, затаившись, словно толстенькая мышка.

А Костя не спал, но он не пошел к дому Черниковых, а сидел на лунной колоде. И тоже надеялся. Представлял себе, как Веро-

ника выскальзывает из отцовского дома и спешит на берег. О Ниночке он совсем не думал.

Вероника спокойно спала, потому что она была натурой, склонной к фатализму. Она закрыла дверь на засов и спала.

Дуглас не спал. Он неоднократно выглядывал в коридор. Но безуспешно, потому что перед дверью Вероники горела свеча и стоял стул. А на стуле клевал носом, но не спал приказчик и телохранитель Колоколова Ахметка.

Сам Колоколов спал. Он верил в бдительность Ахметки.

* * *

Утром загудел буксир «Иона», названный так в память отца Ефрема Колоколова. Буксир был мощный, приземистый, во всем схожий с покойником. Буксир торопил пассажиров и грузчиков. Правда, основные грузы были уложены на паузки — плоскодонные широкие баржи с низкими бортами еще со вчерашнего дня. Но немало оставалось. По сходням носились грузчики. Колоколов приехал в автомобиле, сидел, откинувшись, на сиденье, грыз морковку и зорким глазом обозревал погрузку.

Иностранных гостей он привез на авто, и они теперь сидели рядышком на берегу. Ветер прижимал недлинную юбку Вероники к ногам, обрисовывая стройную фигуру и обнажая тонкие щиколотки, затянутые высокими шнурованными ботинками, — она была готова к трудному путешествию к Северному полюсу.

Колоколов поглядывал на англичанку и радовался своей мудрости — разделить всех противников, как волка, козу и капусту, по разным лодкам. И не терял никого из виду.

Вот пришли к паузку ученые. Профессор Мюллер — животик вперед, котелок на бровях, словно вышел на Невский проспект. Но толщина и мирность облика обманчивы — Колоколов уже догадался, что профессор обладает характером: видно стало, когда они торговались из-за паузка и лошадей. За ним длинный, сутулый, очкастый Андрюша Нехорошев. На нем старая студенческая тужурка, даже полупогончики не срезал, может, надеется, что вернется к своим наукам, может быть, по рассеянности. Парня этого надо будет оставить в Новопятницке. Женить и оставить. Только жену подобрать попроще, решительную, чтобы сопли ему вытирала, а голова у парня хорошая. Пригодится. Костя все не появляется — переживает разлуку. Жалко, что бог сыном не побаловал, но ничего, годы есть, пообломаем. За учеными шли добровольцы из ссыльных. Семен Черников тащил большой ящик — какие-то приборы. Надо будет их купить, когда профессор домой соберется. Даже отец Пантелеймон — а уж ему не к лицу — тоже какую-то профессорскую суму тянет. Вроде бы с виду солидный человек и голос, как у дьякона, а вот сблизился со ссыльными, не видит, что это властям не нравится. Не иначе как на него уже пишут — а где найдешь сюда попа? Это все от гордыни и суетности. Надо будет потом с Пантелеймоном поговорить, внушить ему, что его ученые затеи — от лукавого. Чем хочешь прославиться, слабый человек? Ссыльным это положено — науками заниматься, книги читать, спорить про политику и жить надеждами. Пускай занимаются. Сколько жил Колоколов на свете, всегда здесь были ссыльные. И есть. И будут. Нельзя России без ссыльных. В других странах есть лошади, паровозы, горы и вокзалы. Обязательно. А в России ссыльные. Обязательно. Кончатся ссыльные — рухнет государство. И промышленник улыбнулся собственным мыслям.

А вот и Ниночка Черникова. Вот плутовка! Огонь! Но огонь опасный. Если что — сама сгорит и тебя сожжет. Пока тепло от близкого пламени — приятно. А когда займешься — поздно будет, тушить некому. А сама мрачнее тучи, чернота под глазами темнее волос — ревнует. Господи, нашла кого! А впрочем, Костя тоже добыча не последняя, только не сам по себе, а отцовскими трудами.

Вот спешит к паузку, разгружает телегу с добром китаец Лю. Говорят, это он раскидал чалдонов. А не догадаешься — наверное, знает китайские штучки. Слышал Колоколов от золотоискателей, что есть среди китайцев знатоки ихней тайной борьбы — голову могут человеку двумя пальцами своротить. Смотри-ка, Дуглас-то не промах, знал, кого себе в слуги брать!

Ох ты! Даже грузчики остановились. Глазеют — прикрикнуть бы на них, но Колоколов все понимает, людские слабости ему как на ладони видны. Он и сам глазеет на эту черномазую. Ну и баба! Что грудь, что сзади — камень, не ущипнешь. Волосы — впору целую перину набить. А зубов, наверное, на троих хватит. И все хохочет, заливается. Несет на плече сундук с англичанкиными тряпками да туфлями — наверное, не всякому грузчику по плечу, а она даже не сгибается. Увидела Андрюшу Нехорошева, залепетала что-то, будто забыла о ноше. А он зарделся, очки снял, протирает их и снова на длинный нос надел — смешно. Если бы не черная да наша — ей-богу, заставил бы студента жениться. А так нельзя — не иначе как она мусульманской или иудейской веры. Надо будет у Кости спросить — он знает.

Подошел шкипер с буксира. Недовольный, но вида не показывает. И понятно: кому нужно, чтобы большой хозяин у тебя на

борту шел, да какие-то гости, когда у тебя всего-то кубрик для матросов и кочегаров да две каюты — своя и механика.

— Значит, так, — сказал ему Колоколов строго, словно недовольный, чтобы шкиперу и в голову не пришло возражать. — Значит, свою каюту отдашь мне. Вторая койка — англичанину. Поставили койку?

Шкипер кивнул.

Пьет много, подумал Колоколов, надо будет другого выписать, да трудно с людьми. А этот рано или поздно посадит на мель. Или еще хуже — найдет каменную щеку... Колоколов поморщился — воображение нарисовало ему такую картинку.

— Во второй — англичанка и черниковская дочка.

— Знаю.

— Кубрик ваш — размещайтесь, как можете. И еще Ахметке место найдите.

— Невозможно, Ефрем Ионыч.

— Возможно. А ихние слуги на корме палатку поставят.

— Не положено.

— Как я сказал, так и положено. На первой барже профессор. Лошадей туда загонят.

— Тесно будет.

— Знаю. Не на бал едем. Иди, чтобы к обеду отчалили.

— Не от меня зависит.

— А спрошу с тебя.

И Колоколов стал смотреть, как китаец ставит на корме буксира палатку — палатка, видать, шелковая, желтая, как цыпленок.

* * *

Отвалили после обеда, в четвертом часу. Колоколов не сердился, знал, что так и будет.

Он вышел на нос буксира, смотрел на бескрайнюю Лену и радовался. Хорошо, думал он, что отправился в Булун. И не потому, что для дела, а радовался, что снова почувствовал себя моложе, даже похолодело в груди от неизвестности. Где наша не пропадала!

Потом прошел на корму. Там на складных стульях сидели англичане. За их спинами стояла палатка желтого цвета. Между ними — складной столик, на нем чай, китаец подает.

— Добро пожаловать, — сказал Дуглас. Выучил, правильно сказал.

— Не откажусь, — согласился Колоколов.

Он присел на третий складной стульчик, который сразу принесла Пегги. Стульчики были легкие, простые. Колоколов, прежде чем сесть, покрутил стульчик в руках, сложил, разложил, запомнил, как делается. Не потому, что нужен такой стульчик таежному человеку, но когда знаешь, что пригодится, а что нет?

Сел он так, чтобы видеть ближайшую баржу. Там был Костя. Ему бы книжку читать или у профессора ума набираться. А он бродит по барже, перебирается через тюки и ящики, словно дикий зверь в тайге. Переживает. Вот увидел, как они втроем чаи гоняют, даже кулаком по борту стукнул. Стучи, сынок, стучи. Воспитывай характер.

Пегги сбегала в каюту, позвала Ниночку. Для нее тоже стул нашелся. И чашка из голубого фаянса. Чай был душистый, но крепости мало. Ниночка сразу увидела Костю и стала смотреть в его сторону. Колоколов велел ей переводить, рассказывал о местной жизни, а она переводила кое-как, невнимательно.

— Нина Семеновна, — сказал тогда Колоколов, — ты не думай, что я тебе позволю даром хлеб есть. Если ты с нами ехать согласилась, чтобы денег заработать, отцу помочь, то работай, толмачь. А если на Костю глазеть будешь, ни пользы тебе, ни денег.

Ниночка вскочила со стульчика, чуть за борт не упала. Колоколов молчал.

Ниночка спохватилась, овладела собой, вернулась.

— Пожалуйста, — спросил по-русски Дуглас, делая вид, что не заметил ничего. — Как далеко есть место метеорита от река?

— Недалеко, — ответил Колоколов. — Дня три верхом, однако. Если дождей не будет. Может, четыре.

— Это очень интересно.

— Что ж там интересного? — удивился Колоколов. Дуглас продолжал по-английски:

— Небесные тела такого размера не попадались в недавней истории человека. Не исключено, что это целая планета, что сорвалась со своей орбиты и столкнулась с Землей. Есть такая точка зрения некоторых астрономов.

— Да хоть две планеты. Мне без разницы.

— На той планете могли сохраниться следы инопланетной жизни.

— Видел я как-то метеорит. В Иркутске, в музее, — возразил Колоколов. — Черное железо. И камень. Не бывает в них ничего.

А сам подумал: «Хорошо, что я велел Мюллеру Костю взять. Свой глаз там нужен. Мало ли что!»

— Я мечтал бы увидеть собственными глазами это небесное тело.

— Хочешь — иди, смотри, — сказал Колоколов равнодушно. — Нам с Мюллером не по пути.

— К сожалению, не могу. Я связан словом с Вероникой.

— Ну раз связан, тогда и говорить нечего. Спасибо за чай.

Вероника в разговоре не участвовала, только переводила взгляд ясных серых глаз с одного на другого и подольше останавливала его на Ефреме Ионыче — ее все больше привлекал этот широкий, уверенный в себе, сильный мужчина. Настоящий конкистадор, золотоискатель. Ей привелось недавно прочесть книгу американского писателя Джека Лондона, который столь романтически писал о золотоискателях на Аляске. Колоколов был из этих людей. А она? Там у Джека Лондона были такие, как она, — стройные, сильные, решительные женщины.

Хорошо, что мистер Ефрем едет с ними. Так спокойнее. Он знает всех, все его уважают и даже боятся. Если кто-то и может помочь, то только мистер Ефрем.

* * *

Ночью к берегу приставать не стали. Фарватер широкий. Колоколов смотрел, чтобы шкипер не выпил лишнего. Потом пошел в каюту. Лег на койку. Дугласа не было. Видно, прохлаждался на палубе со своей Вероникой. Ничего, время терпит.

А сон не шел. Навалились заботы — приходится все в голове держать, всякую мелочь, никому нельзя довериться. Приказчика в Булуне сменить надо — ворует, песец в том году плохой был, какая-то болезнь напала. Слышал, что шайка у Вилюйска объявилась, надо бы охрану у рудника увеличить. А Дуглас все не шел. Давно спать пора. Ведь не у барышень сидит так долго. А может, сидит? Мало ли что! Вдруг за борт упал? Колоколов улыбнулся такой мысли, но все же поднялся, накинул тулуп — на палубе холодно, — вышел. Вторая каюта напротив. Постоял, прислушался. Тихо.

Вышел на палубу.

Синь вокруг, ночь настоящая, звезды. Из высокой трубы вырываются красные искры и летят низко над палубой.

На самой корме видны два человека. Согнулись, чтобы не видно, отмахиваются от искр, долетающих из трубы. Шепчутся. Колоколов сразу узнал, что это Дуглас и его слуга.

В этом разговоре была неправильность. Слуга с хозяином не шепчутся без особой на то надобности ночью, тайком от людей. Им и днем шептаться не положено. Два вывода сразу сделал Ефрем Ионыч. Первый — англичанину есть что скрывать и что замышлять. Второй — отношения между слугой и господином совсем не такие, как кажутся днем да непосвященному взгляду. Куда ближе. Колоколову хотелось подобраться поближе, послушать. Но заметят, да и не поймешь, о чем говорят. Колоколов еще немного поглядел на иностранцев и пошел спать.

Дуглас вернулся только через полчаса. Колоколов сделал вид, что спит. А скоро и в самом деле заснул.

* * *

Второй день прошел тоже без приключений.

Один раз пристали к берегу — покидали дрова со второй баржи на буксир.

Костя перешел на буксир, обедал с отцом, ходил кругами вокруг Вероники. Колоколов велел подтянуть шитик, что плыл за буксиром на канате, и отправил сына обратно на баржу. Чтобы разговаривал с Мюллером, ума набирался. А сам снова пошел пить чай к англичанам.

На этот раз внимательно присматривался к китайцу. Но ничего не заметил. Тихий, кланяется. Чай готовит добрый.

После чая велел Ниночке переводить разговор с Вероникой.

Ниночка чуть успокоилась. Хоть и поглядывала на паузок, как там Костя, но уже не так нервничала — это Ефрем Ионыч заметил. И хорошо. Колоколов стал расспрашивать англичанку про ее жизнь с отцом, как они в Африку ездили и в Индии жили. Англичанка отвечала с готовностью, улыбалась.

Они смело глядели друг на друга — Колоколов и Вероника, словно уже знали что-то недоступное другим.

Непонятно было Колоколову, чувствует ли это Дуглас или занят своими рассеянными мыслями? Но китаец заметил — Ефрем Ионыч перехватил его внимательный черный взгляд.

— Дуглас сказал, — заметила Вероника, — что вы предложили ему присоединиться к профессору Мюллеру, чтобы обследовать упавший метеорит?

— Если ему хочется, я не возражаю, — сказал Колоколов.

А глазами показал: даже мечтаю об этом, чтобы убрать его подальше.

— Я тоже не возражаю, — сказала Вероника, — но Дуглас считает своим долгом сопровождать меня. Это так благородно с его стороны.

— Если что, мы о вас позаботимся, — сказал Колоколов. — Не хуже, чем господин Робертсон. Он наших мест не знает, а нам все ходы и выходы известны.

— Но, может быть, на обратном пути мы заедем поглядеть на этот камень?

— От Лены до того камня дикой тайгой идти несколько дней, — возразил Колоколов. — И то верхами. Тут нужно быть к тайге привычным. Иначе не дойдешь.

— Нет, — сказал Дуглас. — Я дал слово мисс Смит и сдержу его.

— Ну и держи, — вздохнул Колоколов.

И опять перехватил взгляд китайца. Словно тот хотел вмешаться, но сдержался.

К вечеру задул ветер, он гулял по морю Лены, поднимал волну, баржи болтались за кормой. Потом пошел дождь. Он шел зарядами, будто плескало небо. Ночью ветер утих, дождь полил ровно, мирно. Берега скрылись за водяной завесой. Колоколов поставил Ахметку следить, чтобы шкипер не прикладывался к бутылке. Дуглас сидел в каюте — всю задымил своей вонючей трубкой. Проходя между каютами, Колоколов услышал, как девушки разговаривают в каюте — значит, примирились. Вероника говорила оживленно, подолгу, Ниночка отвечала коротко.

Если бы Колоколов знал английский язык, он наверняка бы улыбнулся: за прикрытием мирных слов девушки вели разведку, вежливые, но настороженные.

— Как я вам сочувствую! — говорила Вероника. — Здесь, наверное, страшные холода. А правда ли, что несколько месяцев вообще не поднимается солнце?

— Несколько месяцев — это севернее, — сказала Ниночка. — Конечно, мы располагаемся за Полярным кругом, но настоящая ночь длится лишь несколько недель.

Мисс Смит ахнула:

— Вы должны быть очень отважной девушкой, если решились на такой подвиг! Это из-за отца? Вы похоронили себя в этой глуши, чтобы не оставлять родителей?

— Нет, мой отец проходил по другому делу, — сказала Ниночка.

— Простите, я вас не поняла. Вы хотите сказать, что и вы, и ваш отец преступники?

— Отец — террорист. Он совершил покушение на императора.

— Не может быть! Я его видела на пристани. Это тот седой бородатый мужчина...

— Он самый. Это было давно. Можете не опасаться. Здесь все достойные люди — государственные преступники. Как в Австралии.

— И господин Колоколов?

— Колоколов — местный житель.

— Но его сын говорит по-английски, и он утверждает, что учился в Оксфорде.

— Да? — Ниночка выразила голосом удивление, словно не слышала этого никогда в жизни. Вероника уловила фальшь в ее восклицании, но не показала виду.

— Как жестока судьба, которая забрасывает вас, русских, в эту дикую пустыню!

— Это не судьба, — возразила Ниночка. — Это царское правительство, скопище тиранов и угнетателей, достойных смерти. И они падут!

Ниночка распустила свои вороные волосы и причесывала их перед сном, глядя в настольное зеркальце.

— Вы не боитесь таких слов?

— Почему я должна бояться? Куда меня засылать дальше? — спросила Ниночка невнятно, потому что губами зажимала заколки.

— Засылать?

— Я тоже политическая преступница, — сказала Ниночка.

— Такая молодая?

— Правительство не смотрит на такие мелочи, — горько усмехнулась Ниночка.

— Вы убили кого-то? — прошептала Вероника.

— Еще нет, — сказала Ниночка с некоторым сожалением. — Но если партия социалистов-революционеров прикажет мне убить тирана ради освобождения народа, я готова пожертвовать собственной жизнью.

— Я полагаю, — Вероника неловко улыбнулась, будто разговаривала с прирученным тигром, — что вы уже пожертвовали, раз живете здесь. Это большая жертва.

— Я не отчаиваюсь, — сказала Ниночка. — Пройдет от силы пять лет, и власть императора рухнет. Россия станет свободной.

— Разумеется, — согласилась покорно Вероника, содрогаясь, что ей приходится делить каюту с убежденной террористкой. К счастью, подумала она, мечтания Нины далеки от реальности. Вероника уже проехала почти всю Россию и убедилась, насколько тверда и всеобъемлюща власть государственной машины и как покорен и послушен ей русский народ.

Девушки замолчали. Керосиновая лампочка стояла на столе между их койками, отбрасывая на стены громадные нелепые тени. «Я даже не успею закричать, — думала Вероника. — У нее, наверное, есть кинжал. А вдруг Ниночка ревнует меня к мистеру Колоколову-младшему?»

Ниночка почувствовала, что англичанка ее боится. Сначала ей стало даже приятно — пускай боится, не будет засматриваться

на Костика. А потом Ниночке стало неловко: «Наверное, она думает, что я вытащу нож и начну ее резать. Что бы такое сказать, чтобы успокоить эту иностранную дурочку?»

— Вам приходилось видеть в Лондоне пьесы господина Шоу? — спросила она. И Вероника не сразу поняла, потому что ждала любого иного вопроса. А услышав и осознав, что скрывается за этим вопросом, она с глубоким облегчением поняла, что останется жива. Дикий палач не спрашивает жертву о пьесе Бернарда Шоу.

Разговор покатился по цивилизованному руслу, обжитому и правильному, как голландский канал Они говорили о последних книгах, причем Вероника выразила сожаление, что не догадалась, какие образованные люди живут в Новопятницке, и потому не захватила с собой новых романов, вызвавших интерес в Лондоне. Потом Вероника стала рассказывать о своей жизни, об одиночестве и разорении, о том, как встретила Дугласа Робертсона, который показался ей настоящим джентльменом, — это было сказано в прошедшем времени.

— Что вас привлекло в нем? — спросила Ниночка.

— Он знал, что я разорена, но не покинул меня.

— Но он имел за то награду? — спросила Ниночка не без умысла.

А Вероника решила, что Ниночке известно о событии на пароходе, и почти гневно ответила:

— Я берегу свою честь. У бедной девушки нет ничего более. Потерять ее для меня было бы трагедией.

— Вы не любите его, — сказала Ниночка с тревогой.

— И никогда не любила.

— И ищете другого? Богаче?

— Об этом я буду думать, когда найду отца, — ответила Вероника. Но этим ответом она Ниночку не утешила. Ведь если отца не найдут...

Ниночка вскоре уснула, успокаивая себя тем, что Костя уходит в тайгу.

Вероника еще долго не спала. Лампа была потушена, в каюте темно, стучит машина, и кажется, что Ниночка неслышно поднимается с ножом в руке. «Господи, зачем ты заставил моего отца потерпеть крушение возле берегов страны, населенной террористками?»

* * *

Утром пошли ближе к правому берегу. Искали, где впадает в Лену Власья речка. Там раньше жил рыбак по имени Влас. От него осталась избушка. Оттуда по речке идти к Урулгану, невысокие округлые вершины которого видны в хорошую погоду.

Избушку чуть не пропустили — она скрывалась за дождем. Буксир ткнулся носом в песок у впадения речки в Лену, баржи подтащили к берегу. Кони боялись воды, но потом, когда первый из них, гнедой жеребец, вышел на твердь, он, видно, что-то сказал остальным — те послушно пошли за ним. Матросы вытащили на песок ящики и мешки экспедиции. Скрипели мостки, мелко стучал по палубе дождь, люди переговаривались негромко, словно неловко было пугать тишину. Избушка Власа стояла чуть выше, рядом с ней согнутая ветром лиственница. Комаров было мало — дождь и холод их разогнали.

Колоколов подошел к избушке, отодвинул деревянный брус, которым словно засовом была перекрыта дверь, заглянул внутрь. Там было почти темно — свет падал сквозь два маленьких окошка. Человеческого запаха не осталось. Но пахло мышами. На отполированной столешнице стояла пустая бутыль, в углу висела рваная сеть, из-под лавки торчал носок рваного сапога. На тарелке высохшие окурки. Кто-то, видно, здесь останавливался — рыбаки или промышленники, да не убрали за собой. И соли не оставили. Народ портится, подумал Колоколов, совсем плохой народ стал.

Он попрощался за руку с профессором, сына обнял, похлопал по спине.

— Смотри, — велел он, — ничего не упускай. Профессор человек ученый, может, найдете чего нужное для хозяйства.

— На обратном пути...

— Не брошу вас, не брошу, — сказал Колоколов. — Возьмем вас и камень небесный погрузим.

Ивану Молчуну и Андрюше Нехорошеву тоже руки пожал, приказал трудиться на благо.

В тот же день экспедиция профессора Мюллера отправилась вверх по Власьей речке. Сначала была тропа — там ходили промышленники, но затем тропа стала пропадать, и продвижение вперед замедлилось. Дождь лил занудно и беспрестанно.

Первым ехал Иван Молчун — он знал эти места, сам бывал за Урулганом. Он вел груженную тюками лошадь. Затем трясся в седле кругленький профессор, замыкали Андрюша Нехорошев и Костик Колоколов. Они тоже вели на поводу вьючных лошадей

Если дорога позволяла, разговаривали Андрюша все хотел узнать о жизни в университете, об общих знакомых Но знакомые Андрюши, большей частью молодые люди, профессора не интересовали и были ему неизвестны. К тому же профессору были куда интереснее обнажения, что встречались на пути, камни, что торчали из воды в быстрой мелкой речке, — ему трудно было от-

влекаться и даже непонятно, зачем говорить о скучном Петербурге, когда вокруг столько интересного.

Отчаявшись, Андрюша прекратил расспросы. Костя тоже оказался неинтересным собеседником. Он все еще мысленно пребывал рядом с англичанкой и на вопрос Андрюши, что он полагает об исходе балканской войны, ответил, что у мисс Смит удивительная походка — словно летящая. Этого Андрюша не заметил. Ему показалось, что у англичанки слишком большие ноги.

На привал остановились у невысокого обрыва, может, раньше, чем хотел того Иван Молчун, но профессор Мюллер пополз по обрыву словно муха, забыл обо всем, так что все равно ждать. Андрюша с Иваном соорудили костер, а Костя пошел к скале смотреть на обнажения. Интереса в них не было, но отец велел от профессора не отходить, и Костя не без основания полагал, что Иван поставлен доносить о Косте. Отец всегда так: одному велит следить за кем-то, а второму следить за первым.

Так что привал затянулся, и Иван сказал профессору:

— Если так будем идти, за неделю до поваленного леса не доберемся.

— Молодой человек, — строго ответил профессор, — я первый геолог, который идет этим путем. И еще неизвестно, что важнее для человечества — находка метеорита или то, что откроется моим глазам в пути.

— Ну, как знаете, — сказал Иван Молчун. — Нам бы до снега вернуться.

И больше ничего не говорил до вечера.

Андрюша устал — он редко ездил верхом — и к вечеру сбил себе внутреннюю сторону бедер. Почти до крови. Но стеснялся кому-нибудь об этом сказать, чтобы не осудили. Он был из слабых физически, но крепких духом людей. Из таких чаще всего получаются мученики или гении.

Ночевать остановились на вершине плоской скалы. Там было кострище, рядом большое обтесанное бревно — здесь не раз останавливались те, кто шел вверх по речке. Правда, зола была старой, размытой — давно здесь никто не проходил.

Ночью волновались, храпели кони. Иван Молчун поднимался к ним, а утром сказал, что неподалеку бродил медведь. Но медведи сейчас сытые, нестрашные.

* * *

Тот первый день, что экспедиция поднималась к отрогам Урулгана, на буксире тоже прошел мирно.

Уже наладился быт, люди как-то притесались друг к другу,

буксир, освобожденный от части груза, быстрее шлепал лопастями по воде. Не зная языка, китаец и Пегги каким-то загадочным образом обучили колоколовского приказчика Ахметку карточной игре. Они сидели на корме, ругались, смеялись, потом к ним пришел шкипер, тоже играл. Выиграл китаец. Но немного, никто не обиделся. Ахметка все приставал к Пегги, спрашивал:

— Замуж за меня пойдешь?

Она не понимала и отвечала по-английски, что она крещеная сенегалка и не может сблизиться с явным магометанином.

Колоколов поднялся на мостик, стоял за рулевым, смотрел вперед. Лена была как сама жизнь — как будто бесконечна, но если ты умен, то знаешь: еще несколько дней, и она вольется в океан, растворится, пропадет. Все одна видимость...

Колоколов обернулся, громко позвал Ниночку. Девушка поднялась к нему.

— Красота! — сказал Колоколов.

— Я больше люблю город, — сказала Ниночка. — В такой пустыне можно умереть от тоски.

— Замуж тебе пора, — сказал Ефрем Ионович. — Заботы будут, дети, а то все небось читаешь?

— Читаю! — с вызовом ответила Ниночка.

— Запрещенное достаешь?

— Откуда?

— Знаю. Привозят. Ничего, выйдешь замуж — успокоишься. Это в тебе кровь иудейская играет. От вас все беспокойство в империи. Недовольны вы своей жизнью.

— Во мне половина крови якутская.

— То-то и получается. Ну ничего, выйдешь замуж — успокоишься.

— За кого прикажете?

— А Костю ты из головы выбрось, — ответил на невысказанный вопрос Колоколов.

— Не вмешивайтесь в мою жизнь, — отрезала жестко Ниночка.

Колоколов смотрел на ее профиль, выглядывающий из-под низко завязанного платка, любовался его четкостью — не здесь бы ей жить, а то как птичка в клетке.

— У меня к тебе просьба будет, — сказал Колоколов. — По службе.

— Я вам не служу.

— Ты, Нина Семеновна, не огрызайся. Деньги получаешь за труд — значит, служишь. А я у тебя плохого не попрошу... Англичане эти для нас люди чужие, не очень я им верю.

— Вы хотите сказать, что их цель — не поиски капитана Смита? — удивилась Ниночка.

— Капитан Смит есть. И полагаю, что дочка его — настоящая. А вот этот красавец английский и особенно слуга его...

— Вы тоже заметили, какой странный этот китаец? — спросила Ниночка.

— А ты заметила?

— Мне иногда кажется, что он вовсе не слуга.

— Так. Молодец, Нина Семеновна. Одинаково мы с тобой думаем. Так что не в службу, а в дружбу: если они будут с китайцем укрываться, шептаться, обсуждать — ты не отворачивайся. Я тебя не неволю. Не захочешь мне передавать — не передавай. А если подумаешь, что дело важное, я тебя всегда жду. А сыщика из тебя или доносчика какого я делать не намерен, не бойся. Знаю, как вы, бунтовщики, доносчиков не терпите. Хуже, чем нас, миллионеров.

И Колоколов засмеялся.

На мостик поднялась Вероника. Она куталась в прорезиненный плащ — таких в Сибири еще и не видали, — на голове капюшон.

— Я вам не помешала? — спросила она.

— Постой, у нас секретов нет, — сказал Колоколов.

— Скажите, мистер Колоколов, — спросила Вероника, — а в лесу опасно?

Колоколов дождался, пока Ниночка переведет, потом ответил с улыбкой:

— Ничего с Костей не случится. Там тунгусы кочуют, становище у них. Одна молодая тунгуска есть: Костя с ней еще тем летом баловался. Утешится.

Хоть некоторые слова перевести было трудно, Ниночка постаралась перевести точнее, чтобы донести смысл слов до англичанки. Хотя знала, что никакой тунгуски тем летом не было.

* * *

Ночью на руле стоял Гайкин. Рулевой он был хороший, немолодой, всю жизнь водил суда по Лене.

Да и путь неопасный — Лена шире десяти верст, течет ровно, берега низкие. Да и темноты еще полной нет, так что трудно чему плохому с кораблем произойти.

Но произошло.

Все уже отошли ко сну. На корабле тишь. Только дождик стучит да пыхтит машина. На мостике — махоньком — умещается штурвал и труба вниз в машину, чтобы машинисту кричать, да

стол, на котором карты лежат. Не было бы Колоколова на борту, не стал бы шкипер карт брать, но Колоколов велел, чтобы все как на настоящем корабле. И сам каждый день смотрел, где плывем, как плывем, сколько осталось.

Карта была шкиперская, ценная. На ней вся Лена от Якутска расписана — и фарватер, и мели, и притоки, и каждая избушка на берегу, а то и отдельное дерево. Чудо-карта на сгибах протерлась.

В час ночи или около того рулевой, что клевал носом, напевал, чтобы не заснуть, увидел, что рядом с ним в боковой двери появился китаец.

Рулевой был рад живой душе.

— Не спится? — спросил он.

— Не спится, — ответил китаец по-русски, но рулевой, человек необразованный, не удивился. Он, как и любой простой человек, полагал, что, когда иностранцы не понимают русского языка, они притворяются. Как же по-русски не понимать?

— Скоро дожди кончатся, — сказал рулевой, — похолодает. Заморозки пойдут.

— Очень печально, — сказал китаец.

Он был маленький, безобидный и, видно, в самом деле расстроился, что заморозки начнутся.

— У твоих господ, наверное, и одежи доброй нет, — сказал рулевой.

— Совсем нет, — сказал китаец.

— Зря вы в Булун едете, — сказал рулевой. — Нет там ничего.

— Зря едем, — согласился китаец.

Помолчали. Потом китаец спросил:

— Пить хочешь немного?

— Чего пить?

— Водка есть.

— Нет, на руле нельзя. Вот отстою вахту, тогда выпью.

Китаец вытащил из-за пазухи плоскую стеклянную флягу, поболтал в ней звонкой жидкостью.

— Холодно, — сказал он. — Скучно.

— Ну ладно, — согласился рулевой. — Только немножко.

— Совсем немножко, — сказал китаец.

Он отвинтил крышку. Она была сделана как небольшой стаканчик — английская работа.

Рулевой взял стаканчик, сказал:

— Только учти, если кому скажешь, что я на руле пил, откажусь, а тебя задушу и в воду сброшу. Понял?

— Спасибо, — сказал китаец. — Еще налить?

— Последнюю, — сказал рулевой.

Он выпил вторую, потом китаец бутылку завинтил и сказал:

— Я домой пойду. Спать буду.

— Спокойной ночи, — сказал рулевой. — Спасибо тебе. Я в Булуне тебе добром отплачу.

Китаец ушел. Было тихо. От водки рулевому стало теплее. Приятнее. Рулевой подумал: как бы минутку соснуть? Одну минутку. Он прилег головой и плечами на штурвал — неудобно. А все его члены постепенно охватывало сладким дурманом. И сил не было противиться. Так что рулевой сел на пол, прислонился к ножке стола и заснул.

И тут же — может, через минуту, словно ждал рядом, — на мостике появился китаец Лю, огляделся, взял со стола карту, сложил ее, спрятал за пазуху и незаметно ушел. Будто его и не было.

А буксир «Иона», лишенный управления, стал понемногу сворачивать к берегу. Только некому это было заметить: шкипер, который по долгу службы мог бы проверить, спал. Колоколов тоже спал. Доверился людям. А про остальных и говорить нечего.

Скорость у буксира была немалая — вниз по течению шел, так что врезался он в берег на полном ходу.

Китаец Лю, когда свой злодейский план исполнял, предполагал, что дойдет буксир до берега, ткнется в него — осадка небольшая — и остановится. Рулевой признается, что заснул, — с кем не бывает? А потом буксир сойдет с мели и дальше поплывет.

Но произошло другое.

Буксир на полном ходу вошел в берег. Только берег в том месте был не гладкий, из него исходила каменная гряда, на которую наталкивались бревна, что оторвало от плотов или угнало с лесопилки. Бревна торчали концами, как иглы ежа. Вот на эту гряду и вынесло «Иону», и бревна принялись корежить борт да ломать колеса.

Все, кто спал, вскочили, думали, что конец пришел. Кто в чем есть выскочили на палубу с криками. Машина остановилась не сразу, колеса еще вертелись, шкипер с пьяных глаз выполз на палубу и свалился за борт. Вокруг синь — непонятно, откуда бревна, что за камни...

Рулевой проснулся, голова трещала. Соображал он плохо, стал спросонья штурвал крутить, чуть не выломал.

Порядок навел Колоколов.

Накричал на людей, послал фонари зажигать, смотреть, что случилось.

Но только с рассветом удалось осознать размеры беды.

Буксир разве что не утонул. Корпус, железный, толстый, погнулся, разошелся в одном месте, стал пропускать воду. Три лопасти правого колеса — к чертям собачьим. Одно бревно, что

торчком стояло, ударило в надстройку, вышибло иллюминатор в каюте Колоколова, чуть Дугласа не убило, вторым бревном с палубы сбросило несколько ящиков — они вниз поплыли. Лодку спустили, да нашли не все — как найдешь под дождем, в полутьме, на таком просторе?

С рулевого что возьмешь — рыдал, божился, что и не спал вовсе, бес попутал. Правда, про китайца сказать испугался, понимал, что Колоколов убьет, узнавши, что у штурвала пил. С китайца взятки гладки.

Буксир приткнули к берегу. Колоколов с протрезвевшим шкипером — синяк под глазом, то ли Колоколов под горячую руку врезал, то ли при крушении досталось — все облазили, обстучали, закрылись в каюте, стали соображать, можно ли починить буксир или придется бросить его здесь, а это страшный убыток.

Остальные мучались несказанно — дождь стих, потеплело, и комарье, словно увидело сигнал, бросилось на пароход. Закроешься в каюте — душно, воздуха нет, вылез на палубу — жрут.

Для Колоколова это была проблема: если возвращаться в Новопятницк против течения — дня три, даже при хорошей машине, а на поврежденном корабле, да еще с баржами, и того больше. А там и ярмарка в Булуне кончится, тунгусы и якуты разъедутся — убыток велик. Колоколов решил привести «Иону» в божеский вид хоть как-нибудь, только бы до Булуна добраться. Оттуда в крайнем случае можно на селивановском буксире вернуться, он туда раньше ушел. Хоть и конкурент Селиванов, все же свои люди, не бросит у Ледовитого океана. А там Колоколов пришлет из города мастеровых, чтобы успеть до ледостава вернуть буксир.

Весь день Колоколов людей гонял, сам поесть забыл. Днище проверяли, машину налаживали, разошедшиеся швы, как могли, паклей забивали, новые лопасти из досок выпиливали — только бы дошлепать.

На одной из барж тоже образовалась пробоина, воды набралось на аршин. Пришлось груз сушить — хорошо еще, что дождь кончился.

Но внешне Колоколов казался спокойным. Его сила в том, что в трудные моменты умеет не показать людям своего смятения. Вероника любовалась бородатым мужиком, что умел приказывать и все слушались беспрекословно.

К вечеру все уморились.

Горел большой костер, дым светлый до самого неба, искры, как от пароходной трубы. Китаец по приказу Дугласа не пожалел — вынес целую банку хорошего чая. Заварили славный чай — на всех, такой крепкий, что англичане его кипятком разводили.

То ли от крепкого чая, то ли от близости Колоколова Вероника слышала, как бьется ее сердце, часто и громко.

Колоколов пил жадно, не боялся обжечься.

— Не горячо? — спросила Вероника.

— Чего она говорит? — спросил Колоколов у Ниночки. И сам же ответил: — Нет, не обожгусь, у меня глотка луженая.

И засмеялся.

— Правильно я понял? — спросил он у Ниночки. Та кивнула.

— Скажи им, чтобы не переживали, — велел Колоколов. — Завтра с утра отчаливаем. Если господь не оставит, будем в Булуне вовремя.

Дуглас ответил:

— Мы не сомневались в вашей энергии, господин Колоколов.

— И правильно сделали.

Колоколов смотрел на Веронику. В полутьме, подсвеченные костровым пламенем, его глаза казались черными ямами, в которых горел красный огонь.

Гайкин протянул руку к чайнику, попросил Ниночку долить.

Колоколов заметил, резким движением выбил кружку из руки рулевого, кружка звякнула, покатилась в сторону.

— Еще смеешь чаи распивать? — спросил Ефрем Ионыч негромко, но со страшной угрозой. — Не дай бог тебе живым до Новопятницка добраться.

Вскоре все разошлись. У костра осталась Вероника. Она велела Пегги принести ей шаль.

— Я еще посижу, — сказала Вероника, — костер такой красивый.

Пегги ушла вслед за остальными.

Вероника знала, что Колоколов не спит, он куда-то ушел по берегу.

С буксира и барж доносились голоса. Усталые люди устраивались спать. Тонко звенели комары.

Вероника поднялась и пошла по берегу, по гальке, прочь от корабля.

Было громко от хруста камешков под башмаками. Ветер был сырой и холодный. Вероника прошла уже далеко, обернулась — огоньки буксира были звездочками, а костер — красным пятнышком. Надо возвращаться — наверное, разминулась с Колоколовым.

Но Колоколов ждал ее.

— Я здесь, — сказал он негромко, чтобы не испугать.

— Хорошо, что вы здесь, — ответила по-английски Вероника.

Дальше они разговаривали каждый на своем языке, но не чувствовали от этого неудобства. Не столь важны были слова.

— Устал я за сегодня. Что за день такой неудачный!

— Я полагаю, — сказала Вероника, — если бы не это несчастье, у нас с вами не было бы возможности встретиться без свидетелей.

— Не боишься меня?

— Наверное, никому не придет в голову, что я как девочка побежала искать вас по берегу.

Колоколов подошел к девушке ближе, посмотрел ей в глаза. Она не отвела взгляда.

— А я как тебя увидел, — сказал Колоколов и чуть ухмыльнулся, — сразу понял, что будешь ты, голубушка, моей.

— Нет, мне не холодно. — Веронике показалось, что ее спросили об этом.

— Ты небось к мягким постелям привыкла?

— В вас есть удивительная сила. Я не могу ей противостоять.

Колоколов протянул руку, и Вероника вложила в нее свою ладошку. Рука как бы утонула послушно в руке Колоколова.

Он повел ее вверх от воды, где начиналась трава.

У Ефрема было странное ощущение, что это все уже было, но давно, в детстве, с одной тунгуской, в тайге, и тоже не надо было языка или объяснений. Ничего не надо было.

Колоколов потянул Веронику за руку, и мисс Смит послушно уселась рядом с ним на влажную редкую траву.

— Только не думай, — сказал Колоколов, — я на тебе не женюсь. Нельзя это. Ты и религии другой.

Вероника незаметно провела пальцами за своей спиной — нет ли там камней. Но трава была без камней. Только сучок. Сучок она отбросила в сторону. Сучок упал, было слышно. Колоколов резко повернул голову в ту сторону.

— Не бойся, — сказал он. — Это мышь пробежала.

— Я думаю, что никого раньше не любила, — сказала Вероника.

— Цыганки были, — сказал Колоколов. — Тунгуска была, а чтобы англичанка — это даже удивительно. И в такой день, правда?

— Вы сильный человек, — сказала Вероника. — Но вам нет дела до других. И меня вы бросите, как наиграетесь.

Колоколов нажал на ее плечо, положил рядом с собой на землю. Вероника почувствовала сквозь платье влажность земли и подумала, что наверняка схватит насморк.

Колоколов принялся целовать ее, и Вероника стала отклонять голову, повторяя:

— Не надо, не надо...

Но поцелуи становились все более настойчивыми.

— Вы так уверены в себе, — прошептала Вероника.

Комар очень больно укусил ее под глазом, но руки были заняты. Вероника стала вертеть головой, чтобы потереться глазом о щеку Ефрема.

Но тут же другой комар злобно ужалил ее в лоб. Вероника стала освобождать руки, оказавшиеся на спине Ефрема Ионыча, и так спешила, что застонала, и Колоколов принял этот стон за выражение крайней страсти. Вероника же с ужасом думала о том, что Колоколов намерен обнажить ее ноги, а комары только и ждут этого момента. Колоколов бормотал русские нежные, непонятные слова. А Веронике стало жалко, что она будет сейчас вынуждена его горько разочаровать, потому что комариные укусы уже изгнали желание любви из ее искусанного тела.

Упершись руками в плечи Колоколова и оттолкнув в отчаянии от себя его тяжелое жилистое тело, Вероника, царапая спину о камешки, выбралась из-под Ефрема Ионыча, но не убежала с криками, чего он испугался, а принялась с наслаждением расчесывать бедра.

— Простите, — сказала она. — Не примите это за оскорбление. Мое чувство к вам неизменно, но эти укусы выше моих сил.

Колоколов мрачно поднялся, привел себя в порядок и сказал:

— Не желаете — не неволим.

Вероника улыбнулась ему, оправляя юбку, и ноготком показала, куда ее кусают комары, пришибла одного на щеке и, взяв пальчиками, протянула Колоколову.

— Это же тигры, — сказала она, продолжая улыбаться.

И тогда Колоколов понял, захохотал и сказал:

— Меня они тоже достали.

И осторожно прихлопнул еще одного кровопийцу у нее на щеке.

Они оба стали смеяться.

— Никому не расскажешь, — говорил Колоколов, — как я с англичанкой из-за комаров амур нарушил.

Он на нее уже не обижался. И что странно — с этого момента их отношения стали секретными, доверительными, словно то, что не случилось, на самом деле произошло.

— Ничего, — сказал Колоколов, когда они подошли к костру. — У нас еще все будет, правда?

— Мне приятно, что вы отнеслись к этому как джентльмен, — сказала Вероника. — Иной мужчина на вашем месте постарался бы меня возненавидеть.

— Все-таки разница в воспитании, — ответил на это Колоколов. — Русская баба комаров бы перетерпела.

— Я тоже надеюсь, что мы с вами останемся друзьями, — ответила Вероника.

В проходе между каютами Колоколов знаком велел Веронике ждать, заглянул к себе, взял со столика у койки тунгусскую смесь от комаров. Вонючую, но полезную. Вынес ожидающей Веронике, показал рукой, что смазывает тело.

— Вы так добры, — прошептала в ответ Вероника. — Но если вы надеетесь, что я, употребив это средство, вернусь на берег, вы ошибаетесь.

— Спокойной ночи, — сказал Колоколов.

Ниночка не спала.

— Моя ночная прогулка чуть не кончилась трагически, — сообщила Вероника, быстро сбрасывая с себя одежду и протягивая пузырек Ниночке. — Моя милая, — попросила она, — будьте любезны, потрите меня этой мазью. Иначе я погибну от зуда.

Ниночка послушно начала растирать тело Вероники.

— Я слишком далеко зашла, не заметила, — сказала Вероника. — Но потом мне показалось, что кто-то за мной следит. И я побежала обратно.

— Вы падали и ушиблись, — сказала Ниночка.

— Почему вы решили?

— Ваша спина вся в царапинах.

— Да, я упала, — быстро согласилась Вероника.

* * *

С утра матросы под руководством совершенно трезвого и мрачного шкипера прилаживали новые лопасти к поломанному колесу. Механик пробовал машину — не сдвинулся ли с места от удара котел. Тучи неслись над самой водой, сизые, вот-вот пойдет дождь. Колоколов велел грузить так и не просушенные товары обратно на баржу. У Вероники болела голова и начался насморк. С ней в каюте была Пегги. Вероника держала ноги в тазу с горячей водой.

— Господин Робертсон не верит, что вы гуляли по берегу одна, — сказала Пегги хозяйке.

— Если бы не отец, я бы повернула обратно, — сказала мисс Смит.

Пегги губкой мыла госпоже ноги. От комариных укусов остались красные пятна.

Мистер Робертсон помогал матросам ставить лопасти, у него

были умелые руки. На Колоколова поглядывал странно. А вдруг она ему все рассказала? Оробел Колоколов. У него и пистолет может быть. Все же невеста. Колоколов поглядел, где Ахметка. Ахметка был неподалеку. Он стоял у воды, приложив ладонь ребром к глазам, смотрел вдаль.

— Ты чего там увидел? — спросил Колоколов.

У Ахметки глаза, как у коршуна, — за две версты муху видят.

— Лодка плывет снизу, — сказал Ахмет.

Скоро лодку стало видно всем. Небольшой квадратный парус помогал ей идти против течения. Один человек греб, второй сидел на корме.

— Тунгусы? — спросил Колоколов.

Ахметка прищурился.

— На корме тунгус сидит, — сказал он. — А гребет казак.

Лодка подплывала долго — может, полчаса. Но уж было не до работы.

Она еще не дошла саженей ста до берега, как Колоколов забрался на нос буксира, сложил ладони трубой и крикнул:

— Откуда вы?

— Из Булуна, — ответил казак. — Здравствуй, Ефрем Ионыч.

— Куда?

— В Новопятницк, — ответил казак. — Человека везем.

Колоколову уже виден был человек на дне лодки. Он был закутан, один нос наружу.

— Что за человек? Раненый, что ли?

— Нет. Больной.

— Ваш, что ли? Казак?

— Нет. Чужой человек, — сказал казак. — Его тунгусы в устье Лены подобрали. Не наш человек. С океана. Больной шибко. Урядник велел: вези в Новопятницк, а то помрет у нас. Фелшара нету, никто не знает, что за болезнь. Только он все равно не жилец.

Лодка ударилась о борт буксира.

Колоколов смотрел сверху на лицо незнакомца. Было оно одутловатым, обросшим рыжей нечесаной бородой и очень бледным, в синь. Рваный синий воротник обрамлял тонкую шею.

— Отец! — раздался крик. — Отец, что с тобой? Ты живой?

Рядом с Колоколовым была Вероника. Она рвалась к человеку в лодке. Пегги успела подхватить госпожу, а то бы та, верное дело, прыгнула в лодку.

Вероника билась, тянула руки.

— Поднимай его, — приказал Колоколов.

Рыдающая Вероника была еще милей его сердцу, чем вчера.

— Ты не плачь, — сказал он как мог ласково, положив ей руку на плечо, но Вероника этого не заметила. — Это же такое счастье — не искамши, нашла. Видно, бог тебя отличает. А если бы мы крушения не потерпели, то наверняка бы ночью с лодкой разминулись.

* * *

Капитан Смит пришел в себя. Но ненадолго. Видно, сознание его было затуманенным, он даже не удивился, что видит дочь, может, решил, что это ему мерещится, потому что стал вдруг спрашивать, как дела дома, как себя чувствует его покойная жена. Женщины хлопотали над ним, согрели воды, вымыли его, может, впервые за много недель. Пегги притащила шкатулку с лекарствами, а Колоколов расспрашивал казака.

Капитан Смит вышел к устью Лены с западной стороны дельты. Там и остановился. В палатке. А кроме него в палатке были еще двое. Последние из тех, кто дошел до суши. Однако цинга и истощение вскоре лишили капитана его спутников. И, оставшись в одиночестве, Смит побрел вперед, вдоль берега, но дошел лишь до первого ручья, свалился в него и потерял сознание.

Тунгусы, что ехали на ярмарку в Булун, по счастью, увидели его и довезли живым. Правда, в сознание он почти не приходил. В Булуне ясно стало, что незнакомец скоро помрет, а урядник этого не хотел. Одно дело — свой. Но незнакомец бредил по-иностранному, и с ним были бумаги, написанные на непонятном языке.

Чтобы не оставлять на своей душе греха, урядник приказал погрузить полумертвого иностранца в лодку и везти к Новопятницку.

Вероника за встречей с отцом, столь невероятной и неожиданной, забыла о Колоколове. Она провела более часа у изголовья капитана Смита, а когда вышла на палубу, ее было трудно узнать: глаза ввалились, волосы спутаны — можно подумать, что она не англичанка, а простая русская баба.

На палубе Колоколов разговаривал с казаком, который привез Смита, выяснял, как дела в Булуне. Увидев Веронику, он сразу оставил казака и поспешил к девушке с искренним выражением сочувствия.

Дуглас стоял в стороне — как-то получилось, что теперь он не был нужен и незаменим. Он был искренне задет невниманием Вероники, ведь сам в мыслях своих он представлял себя героем, который спасет во льдах погибающего капитана Смита и будет вознагражден искренней любовью.

Ниночка вышла вслед за Вероникой на палубу. Она была потрясена соприкосновением человеческих судеб. Как же могло случиться, что, словно в авантюрном романе Луи Буссенара, лодка с капитаном Смитом встретилась с буксиром, на котором находились приехавшие с другой половины Земли его спасители!

— Отцу нужен доктор, — сказала Вероника Колоколову. — Его состояние такое тяжелое, что моих медицинских знаний не хватит, чтобы его спасти.

Ниночка все это перевела и от себя добавила, что согласна с Вероникой.

— Дело такое, — сказал Колоколов Ниночке. — Ты не переводи пока. Капитан помрет. Точно знаю. Можешь поверить, я разных людей навидался.

Ниночка кивнула. За свой короткий век на Лене она тоже немало видела. И как люди умирают, и как убивают их.

— Но если оставим его здесь или повезем в Булун, будет на нас грех. Проклянет нас его дочка.

— Что он говорит? — спросила Вероника.

— Он размышляет вслух о лучшем пути в этой ситуации, — ответила Ниночка.

— Даже если бы я хотел, буксиру обратно не вернуться. В таком виде ему супротив течения, дай бог, две недели колупаться.

Колоколов немного лукавил, и Ниночка это понимала. Не повернет он вверх по реке — дела его в Булуне куда важнее капитана и даже его дочки. Может быть, он с ней ночью и насладился и питает к ней чувства, но чувства эти отступят перед делом. Иначе бы не стать Колоколову миллионером, знатным промышленником и почетным гражданином Новопятницка.

— Так что ничего иного не остается, как отправиться твоей мадемуазель Веронике вверх по реке на лодках. Я вторую дам и матросов, чтобы гребли. Ты ей все объясни и скажи, что это самый быстрый способ ее отцу помочь. А там уж все в руках божьих.

Пока Ниночка переводила, Колоколов смотрел на Веронику. Та рассеянно кивала, потом переспросила, видно, не сразу поняла, почему Колоколов не поворачивает корабль обратно. Ниночка показала ей на разобранное колесо парохода. Напомнила о состоянии «Ионы».

Вероника все сомневалась — обернулась к Колоколову, глаза блестели от слез, щеки ввалились. Но тут на помощь пришел Дуглас.

Он сказал целую речь. Ворковал — они, англичане, в отличие от наших не говорят, а словно воркуют.

Вероника возражала. Ниночка сказала Колоколову:

— Мистер Робертсон с вами согласен. Он тоже считает, что на лодках больше шансов спасти капитана.

— Еще бы, — вырвалось в сердцах у Колоколова.

Ведь если быть честным, то встреча с капитаном Смитом была ему не с руки. Будь все как прежде, доплыли бы до Булуна с Вероникой. Еще день-другой, она бы смирилась — все же он не последний мужик. А может, лучше так? На что тебе, Ефрем, на старости лет такие приключения? На дуэль, что ли, с англичанином выходить? Это хорошо для мистера Робертсона не кончится. Он как кот на чужом дворе — или убегай, или растерзают. Видно, мистер Робертсон это учуял. Помрет капитан Смит, не помрет — какая разница! Главное, чтобы Вероника в руках осталась.

Колоколов позвал шкипера и приказал готовить лодку для англичан. Тот было стал возражать: лодка одна, а буксир в плохом виде, если что случится, без лодки не обойтись. Но Колоколов был непреклонен. Он согласен был идти на риск. Потом приказал не скупиться, положить в лодку припасов, чтобы с лихвой хватило до Новопятницка.

Все спешили: Колоколов — плыть дальше, Вероника — вернуться в Новопятницк. Как отрезало вдруг все, что было вчера, словно началась новая жизнь.

Колоколов сказал Ниночке:

— Я, конечно, тебя неволить не могу...

— Без меня им трудно, — сказала Ниночка. — Да и в вашем Булуне мне делать нечего. Чем скорее вернусь домой, тем лучше.

— Ты за ними присматривай, — сказал Колоколов.

— Вы опять?

— Все не так просто.

— Просто, — ответила Ниночка. — Миром правят деньги. И в этом главная несправедливость. Вы как представитель класса угнетателей не можете понять этой несправедливости.

— Не всегда я был угнетателем, — сказал Колоколов серьезно. — Ты же знаешь, в тайгу ходил, зверя бил, золотишко искал — все было.

— Это история. И я не имею вас в виду. Я имею в виду весь несправедливый строй.

— Строй, может, и несправедливый. Но он для сильных. Это я тебе когда-нибудь объясню. С тобой он, конечно, несправедливый.

— Вам легко уходить от разговора, — рассердилась Ниночка. — Если бы я была русской, что бы вы мне тогда сказали?

— То же сказал бы. Дело не в вере, не в нации. Дело в силе.

— Силу можно победить.

— Когда власть возьмешь, что со мной сделаешь?

— Мы отнимем у вас неправедно нажитое состояние. А вы... вы можете работать, если захотите. Только сам, своими руками.

— А я чьими же? — удивился Колоколов. — Да я сегодня больше всех перетаскал, хотя всю эту команду купить могу.

— Вам надо читать, — сказала Ниночка. — Вам нужно заняться образованием. То, что вы темный, вас не оправдывает.

Колоколов хотел обозлиться на девчонку, а потом засмеялся, махнул рукой.

— Твой Костик образованный, а что толку?

Так и сказал — «твой». Но в шутку.

Сначала отплыли лодки вверх по течению. К счастью, ветер дул снизу, помогал, можно было поставить паруса.

На первой лодке поместились три девушки и больной капитан. Гребли казак с тунгусом Илюшей. Колоколов им хорошо заплатил, чтобы старались. Во второй плыли Дуглас с китайцем, а гребли два матроса.

Колоколов стоял на берегу. Ждал, обернется ли Вероника.

Та обернулась. Но позже, чем ему хотелось. Словно вспомнила не сразу, как не о самом важном. Подняла руку.

— Увидимся в Новопятницке, — сказал Колоколов. — Через две недели.

Но сам не очень в это верил Думал, что капитан помрет, а англичанка вряд ли будет его ждать — с первой оказией отплывет в Якутск. А если догнать — не узнает

— Ну, мать вашу, пошевеливайтесь! — закричал он на матросов. Те даже удивились: Колоколов редко позволял себе сквернословить.

* * *

За второй день все устали дальше некуда.

Приходилось то и дело спешиваться, вести лошадей на поводу. Тропа прервалась. Иван Молчун каким-то особым чутьем находил дорогу в буреломе и на проплешинах топи. Андрюша, у которого не было опыта таежных походов, да и телом был не силен, совсем скис, опух от укусов комарья, готов был плакать, но не жаловался. Костя в первую же ночь предложил вернуться. Не пробиться, сказал он, за Урулган. Надо с той стороны идти, от Вилюйска, там тропа есть. Мюллер выслушал его равнодушно и сказал, что легких путей в тайге не бывает. Как на лекции — словно и не выходил из своего кабинета. Первым забрался в палатку и заснул.

На второй день после обеда снова вышли к речке и, к своему удивлению, натолкнулись на людей. Людей было трое — корейцы золото мыли. Таких партий в тайге — десятки. Припас колоколовский, и добычу ему сдавать. Колоколов лучше других хозяев, не обманывает, следит, чтобы люди были довольны. Так говорили корейцы, но неизвестно, правду или нет, потому что они знали Костю в лицо. А уж Ивана Молчуна — точно. С ними и заночевали на вторую ночь.

Корейцы эти места знали. И сказали неожиданное: оказывается, экспедиция идет неправильно. Если завтра они перевалят через хребет, то никакого небесного камня там не найдут.

Сами корейцы камня не видели — зачем им туда ходить? Но тунгусы им объяснили, что упал камень в распадке между двумя горами, куда южнее долины Власьей речки. Там он и лес повалил.

— А что тунгусы говорили о самом камне? — настаивал Мюллер. — Они же видели?

— Не видели они камня, — сказал старший кореец, который сносно говорил по-русски. — Нет там камень. Болото. Если он упал, в болоте утонул.

— Может, они не там смотрели?

— Моя не знает, — сказал кореец. — Моя туда не ходил.

Костя лег спать недовольный — ему не хотелось переться в горы. Андрюше было неловко идти спать, когда корейцы с профессором не ложатся, разговаривают. Ноги и промежность болели жутко, спина ныла, сейчас бы умереть — вот сладко-то. Увидела бы сейчас мама своего сына-студента, тихоню, чистюлю! Лучше бы не видела, даже во сне, — у мамы слабое сердце. Андрюша сидел у костра, что горел перед шалашом золотоискателей, мерный разговор убаюкивал его, он клевал носом.

Говорил старый кореец. Молчун переспрашивал, если не понимал. Долину корейцы знали хорошо — исходили всю, но к вершинам не поднимались. А экспедиции завтра придется. Мюллер, несмотря на трудный путь, доволен. Путь к камню оказался вдвое короче, чем он предполагал. И если бы они вышли от реки верст на пять-шесть южнее, то до места, где поваленный лес, день ходу

Андрюша незаметно заснул сидя, свалив голову на грудь.

Молчун подхватил его, поволок к палатке, а Андрюша спросонья рвался искать потерянные очки. Очки нес сзади профессор

* * *

Ветер снизу дул постоянно, помогал плыть. Но все равно двигались вперед куда медленнее, чем спускались на буксире. Часа через четыре пристали к берегу. Капитан Смит пришел в себя

только однажды, выпил глоток горячего чая, что вскипятили на костре, бормотал о льдах, о сжатии и о том, что какой-то Джонс должен прыгать на льдину, а то затянет в воду.

— Боюсь, что отца вам не спасти, — сказал Дуглас Веронике, когда они остались одни.

Он был любезен и предупредителен.

— Не говорите так, Дуглас, — попросила Вероника. — Я уверена, что господь не оставит нас. Ведь мы столько всего перенесли.

— Я знаю и надеюсь, — сказал Дуглас. — Я не покину вас.

— Я вам благодарна. До конца жизни, — искренне сказала Вероника. Ей было страшно, потому что вместо отца, память о котором потускнела, в лодке лежал другой человек, старый, страшный и чужой. И теперь никого не было рядом, кроме Дугласа. И плохо, если он ее оставит.

— Я не хочу показаться нескромным, — сказал Дуглас, — но мы не знаем, что в сумке вашего отца. К счастью, ее не украли эти дикари.

— Мой отец жив.

— Не будьте наивной, выслушайте меня! Если завещания нет, возникнут трудности с наследством. Еще не поздно его составить по форме, при свидетелях.

— Отец жив, жив, жив!

— Мистер Смит может скончаться в любой момент.

— Я не хочу думать об этом.

— Тогда подумайте обо мне. Я вложил в ваше путешествие все свои наличные деньги, я залез в долги...

— Дуглас, не заставляйте меня еще более разочаровываться в вас!

— Но есть выход. Надо открыть сумку капитана. Может быть, завещание лежит там. Тогда не будет оснований для беспокойства.

Не ответив, Вероника решительно отошла от Дугласа и забралась в лодку, к отцу. Она взяла кружку с остывшим чаем и старалась напоить его.

Дуглас вернулся к своей лодке.

Ниночка в это время отходила к кустам, а когда возвращалась к берегу, чуть ошиблась и вышла как раз к лодке, где тихо беседовали Дуглас и его слуга. Голоса их звучали так странно, что Ниночка замерла, не выходя из кустов.

Оттого, что она остановилась, ей волей-неволей пришлось подслушивать.

— Если вы этого не сделаете, — тихо говорил китаец, — я сделаю это сам. Сегодня ночью.

— Но почему не подождать до города? Капитан может выздороветь, и если он узнает...

— Он не должен выздороветь.

— Ну почему?

— Мы не знаем, что будет завтра. А что, если сюда нагрянет отряд полицейских?

Случайное открытие ужаснуло Ниночку. Если они сейчас ее заметят, то не остановятся ни перед чем! Минуту назад Ниночка была убеждена, что знает джентльмена неясной репутации и его исполнительного слугу. И вдруг оказалось, что господином был китаец. Дуглас Робертсон ему подчиняется!

Но кому скажешь об этом? Веронике? Она не поверит. А поверила бы, ничего не смогла бы поделать. Казаку? Тунгусу? И что тогда?

Китаец почувствовал неладное — как зверь, до которого донесся запах жертвы.

— Там кто-то есть, — сказал он, показывая на кусты. — Надо проверить.

Ниночка не стала ждать, пока китаец настигнет ее в кустах, а бросилась прочь, не разбирая дороги.

Шагов через сто она споткнулась о поваленное дерево и, упав в труху, замерла, прислушалась: близка ли погоня?

Погони не было. В тайге тихо.

Понятно, догадалась Ниночка. Они сейчас поспешат к лодкам, проверят, кого нет. И тогда догадаются.

Ниночка снова побежала к берегу. По крайней мере рядом с казаком ей будет спокойнее. Она скажет, что боится китайца, казак ее защитит.

Завидя реку, Ниночка прошла немного вверх по течению, чтобы выйти из леса с другой стороны лагеря.

На ее счастье, китаец и Дуглас еще не вернулись — значит, ищут ее в лесу. Лучше и не придумаешь.

Что же они замыслили? Что им нужно от капитана? Этого Ниночка не знала. Но решила пока ничего никому не говорить. Она подошла к казаку, что сидел на обкатанном водой пне и пришивал пуговицу.

— Михей Кузьмич, — сказала она, — а места здесь спокойные?

— У нас все места спокойные, — ответил казак философски, — да во всех убивают.

— На нас не могут напасть?

— Добычи от нас мало. Если бы мы золотишко везли, тогда надо оберегаться. А так... вряд ли.

— А ночью все будут спать?

— Ты не бойся, я чутко сплю, — сказал казак. — Чуть что, вскочу. И Илюша — человек таежный.

Тунгус вычерпывал воду из лодки и, услышав свое имя, поднял голову и широко улыбнулся.

— Не бойсь, — сказал он. — Лена как большая дорога. Закричишь — кто-то прибежал.

Ниночке сразу стало спокойнее, потому что эти люди были уверены в себе.

Из леса вышла служанка Вероники. Пегги несла в руке хилый букетик поздних цветов — мелкие, беленькие, они еще встречались на полянках.

И тут же, почти следом за ней, появились китаец с Дугласом.

Дуглас окликнул Пегги. Та остановилась.

Китаец стоял на шаг сзади Дугласа. Здесь они были на виду, и китаец сразу ушел в тень. Конечно, он тень, но тень, как у Андерсена, куда более реальная, чем ее хозяин, подумала Ниночка.

Дуглас говорил с Пегги тихо, неслышно. Но по тому, как он наступал на нее, как склонился, как она подняла руки с зажатыми цветочками, словно защищалась от неминуемого удара, как она трясла головой, отрицая, Ниночка поняла, что подозрения пали на нее.

И хоть Пегги приходилось несладко, Ниночка почувствовала несказанное облегчение. Теперь она вне подозрений, сможет следить за заговорщиками и защитить, если нужно, капитана Смита.

Пегги вырвала руку у Дугласа и побежала к лодке.

— Что случилось? Чего они от тебя хотели? — спросила Вероника.

— Они обвиняли меня в том, что я подслушивала их разговор. Что я шпионка. Но это неправда! Он грозился меня убить!

— Кто?

— Мистер Робертсон. Он всегда был так добр ко мне, а сегодня прямо меня возненавидел.

— Не переживай, перестань плакать. Я с ним поговорю.

Говорила ли Вероника с Дугласом или забыла, Ниночка так и не узнала.

Спать устроились рано. Палатка была только одна. Ее поставили на берегу для капитана Смита и Вероники, которая осталась с ним. Остальным пришлось устраиваться в лодках. Только тунгус улегся у костра — сказал, что боится на воде спать.

Ниночке не спалось — вода часто била по днищу, порывами налетал ветер, и тогда борта лодки скрипели и ныли от его ударов. Было холодно, а проклятые комары все не унимались — их было немного, но злость их утроилась.

Сна не было, но заволакивала дрема. Ниночке казалось, что она плывет по большому холодному океану и волны норовят утопить утлую ладью... Потом она проснулась. Небо над головой было серым, по нему мчались облака, холодно было, страшно, даже тулуп, что дал в дорогу Колоколов, не согревал. На берегу скрипела галька — кто-то там ходил. Ниночка хотела окликнуть, но тут проснулась окончательно и осторожно чуть-чуть приподняла над бортом шитика голову.

Недалеко от лодки разговаривали Дуглас и Вероника. Они говорили тихо, ветер уносил слова. Вероника куталась в одеяло, в руке у нее было ведерко — видно, пошла к реке, но Дуглас ее подстерег. Какое Ниночке дело до их разговоров и переживаний? Только она собиралась снова накрыться с головой и постараться уснуть, как увидела, что из палатки, где был Смит, выскользнула темная тень и метнулась к кустам. Китаец!

Ниночка хотела крикнуть, позвать на помощь.

Но сдержалась, прижала ладонь к губам. Она ничем не поможет, никого не спасет...

Видно, и Дуглас увидел, что китаец убежал из палатки.

Он громче, так что Ниночка услышала, сказал:

— Я не буду больше вас отвлекать... Простите, дорогая.

Вероника кивнула и медленно пошла к палатке. Дуглас остался стоять на берегу. Сверкнул огонек. Он раскуривал трубку. Тунгус приподнялся от тлеющего костра и спросил:

— Кто ходит?

— Это я, — ответил Дуглас.

— Карашо.

Ветер налетел шквалом. Дуглас еле устоял на ногах. Он выругался и пошел к своей лодке.

Ниночка продолжала смотреть на палатку. Если китаец сделал что-то ужасное, сейчас она услышит крик Вероники.

Но в палатке было тихо.

Сон совсем ушел. Ниночка дрожала под тулупом, но не только от холода. Надо было что-то делать. Натура деятельная, Ниночка не могла оставаться сторонним наблюдателем. Ей нужен был союзник.

Если рядом с Ниночкой были друзья, если она принадлежала к какой-то группе, союзу, компании — она была отчаянно храброй и предприимчивой. Но, оставшись одна, Ниночка терялась, робела, легко впадала в отчаяние. В белостокской эсеровской ячейке никто не мог соперничать с ней отвагой. Но если бы ее

увидел сейчас кто-либо из старых друзей, он счел бы, что лицезреет лишь бледную тень прошлой Нины Черниковой, подпольная кличка которой — Оса.

Ниночка протянула руку и дотронулась до завернувшейся в тулуп Пегги, что мирно похрапывала рядом. Конечно, рискованно открыться ей, но Пегги была приятна Ниночке с первого же дня, и Ниночке хотелось рассчитывать на ее лояльность хозяйке.

Пегги не хотела просыпаться. Она отталкивала во сне руку Ниночки, что-то сказала на непонятном языке. Но, когда Ниночка произнесла шепотом ее имя, Пегги тут же открыла глаза и спросила:

— Да, мисс?

— Пегги, — шептала Ниночка, — мне нужно с тобой поговорить. Только ты должна поклясться, что сохранишь тайну.

— Что случилось?

— Ты любишь мистера Смита и Веронику?

— Они добрые. Я их люблю.

— А мистера Робертсона?

— Мистер Робертсон джентльмен, я не могу любить его или не любить.

— Скажи, о чем он говорил с тобой сегодня на берегу?

— Он был очень грубый. Он говорил, что я подслушиваю их разговоры с Лю. Он хотел меня побить.

— Пегги, они что-то замышляют против твоей госпожи.

— Я не понимаю вас, мисс Нина.

Ниночка постаралась передать Пегги содержание разговора между Дугласом и китайцем, хотя, пока говорила, все более понимала, что ничего особенного и не слышала — это только подозрения...

Пегги слушала внимательно, некоторые слова она не понимала и тогда переспрашивала.

— Только что я видела, как мистер Робертсон отвлекал Веронику, а этот китаец был в палатке.

— И мисс Смит не заметила?

— Она смотрела в сторону реки.

— А что он делал?

— Я не знаю.

— Может, он убил мистера Смита? — Глаза Пегги стали круглыми от страха — даже в полутьме это было видно.

Ниночка отрицательно покачала головой:

— Там тихо.

— Мне страшно, — призналась Пегги. — Это ваша страна, это

ваши солдаты там спят, вы им скажете: убей китайца, и они убьют. А меня кто будет слушать?

— Но что я им скажу?

— Вы скажете, что он плохой, что он совсем не китаец.

— Не китаец?

— Он даже китайский язык не знает. У нас на Цейлоне есть китайцы, рядом с нами жил китаец, я от него научилась разным словам. А Лю слов не знает. Он не китаец.

— А кто же он?

— И он не слуга. Слуга другой. Слуга разные вещи должен уметь. А Лю старается, но не всегда. А когда он один — он совсем другой. Я говорила госпоже, что он другой, а она только смеялась. Ты говоришь, что он совсем не слуга, а мистер Робертсон его слуга, — я не знаю, Лю со мной совсем не говорит. Он только говорит, что я черная.

Они шептались, сдвинув головы и накрывшись тулупом. Было душно. Вода стучала в днище шитика, но Ниночка вдруг почувствовала подъем энергии: у нее теперь был союзник, группа, организация. А в таком случае Нина — боевик, стоящий целой роты.

— А что теперь делать? — спросила Пегги. — Может быть, Лю задушил мистера Смита, а мисс Смит пришла и легла спать и не догадалась? Ой, святая дева, как страшно!

У Пегги даже зубы стучали от страха.

— Пойдем к Веронике?

— Пойдем. Она должна знать.

Осторожно, стараясь не качать лодку, они выбрались из-под тулупов и спрыгнули на берег.

Луна мелькала в разрывах несущихся облаков. По реке бежали барашки. Ветер был ледяной, и под светом луны были видны белые мухи — первые снежинки осени.

Ниночка неосторожно спрыгнула с носа лодки и попала ногой в воду. Вода была ледяная. Ниночка еле сдержала крик.

Они побежали, пригибаясь, к палатке. В башмаке у Нины хлюпало.

Пегги первой откинула полог и втиснулась в палатку. Она шепнула:

— Это я, мисс Смит.

— Что случилось? — отозвался сонный голос Вероники.

— Тише, — сказала Пегги и добавила: — Мисс Нина, входите.

В палатке было так тесно. Они уселись в рядок, заняв половину палатки. У ног лежал, вытянувшись, капитан Смит. Было поч-

ти совсем темно. Пегги горячо и быстро шептала Веронике на ухо. Смит пошевельнулся, застонал. Вероника протянула ему воды.

— Но если он был здесь, — сказала потом Вероника, — то ему нечего взять.

Она приподняла голову отца, чтобы ему было удобнее пить.

— А сумка, мисс Смит? — спросила Пегги. — Сумка капитана здесь?

Раздалось шуршание — Вероника копалась в ворохе одежды в дальней части палатки.

— Ой! — сказала она наконец. — А я испугалась, вдруг в самом деле она пропала. Мне показалось, что я клала ее совсем в другое место.

Вероника достала плоскую кожаную сумку. Нажала на кнопку, но сумка не открылась.

— Заперта, — сказала она. — Вы зря беспокоились.

Она провела рукой по груди отца. Ключик был на месте, на кожаном ремешке.

— Идите, — сказала Вероника. — А то очень душно. Спите.

— Только не говорите ему, — взмолилась Ниночка. — Не говорите, что мы к вам приходили.

— Как знаете, — сказала Вероника, наклоняясь снова к отцу.

Ниночка с Пегги заснули, обнявшись, чтобы не замерзнуть.

* * *

Утром на траве был иней. Костер долго не разгорался. Казак ворчал на тунгуса, что он ничего не может сделать толком. Тот добродушно огрызался.

А недалеко, верстах в шестидесяти, на склоне Урулгана, в то же время проснулась экспедиция Мюллера. Там уж на траве был не иней — настоящий снег. И ручеек, что протекал рядом с лагерем, покрылся закраинами льда. Иван Молчун быстро разжег костер. Лошади жались к палатке — ночью по соседству ходили волки, и Молчун, который спал у костра, просыпался и кидал в ту сторону головешки.

* * *

Лодки отплыли часов в семь утра. Ветер стих, снова зарядил дождик, и гребцам приходилось туго.

Пегги, как и Ниночка, воспрянувшая духом, обретя подругу, рассказывала о своем доме, потом о доме капитана Смита. Ее английский был странным, птичьим, не все понятно — но разве это важно?

Оглянувшись, Нина посмотрела на вторую лодку.

Китаец сидел, прислонившись к мачте, и читал какие-то бумаги. Прочтя, передавал их Дугласу. И движения его были столь точны и уверенны, будто он был помещиком, а Дуглас управляющим, что отчитывался за расходы.

Какие бумаги — конечно, не разглядишь.

Дуглас поднял голову, встретил взгляд Ниночки, улыбнулся, помахал ей рукой. Потом сказал что-то китайцу. Тот, оборачиваясь к первой лодке, прикрыл бумаги рукой — то ли от дождика, то ли от взгляда Ниночки.

— Вероника, — спросила Ниночка, — а что было в сумке вашего отца?

— Не знаю. А что?

— Я все думаю, — парус надулся от неожиданного порыва ветра, и Ниночка вытянула руку, защищаясь от него, — зачем китайцу было забираться в палатку?

— Это могло вам показаться.

— Нет, мне не показалось, — твердо сказала Ниночка, и Пегги, верная подруга, тут же подтвердила:

— Ей не показалось.

Мерно скрипели уключины, тунгус все время поглядывал на Ниночку. Он знал, что она своя, русская, а вот говорит на их языке — странно.

— Наверное, карты, дневник...

— Что еще? Вы не хотите сказать? Или не знаете?

— Я знаю. — Пегги выдала свою госпожу. — Там завещание капитана Смита.

— Зачем китайцу завещание отца? — спросила Вероника.

— Я не знаю. Я ничего не знаю. Но я не верю этим людям.

— А я хочу верить, — сказала Вероника, из чего нетрудно было сделать заключение, что она не верит тоже, но гонит от себя эту мысль.

Сумка лежала сверху, на сложенной палатке.

— Можно? — спросила Нина.

— Она заперта, — сказала Вероника.

— Я знаю.

Нина пощупала сумку. Кожа была толстая, свиная. Ниночка попыталась прощупать, что там внутри, — ничего не поймешь.

— Мне кажется, — сказала она, — что сумка пустая.

— Не может быть!

— Откройте и посмотрите, — предложила Ниночка.

— Без разрешения нельзя.

— Спросите разрешение, — сказала Ниночка, показав на лежащего у их ног капитана.

— Он же не слышит.

— Попробуйте. — В голосе Ниночки звучала такая спокойная настойчивость, что Вероника удивленно вскинула на нее усталые глаза: она ведь не знала, какой могла быть Нина Черникова на совещании подпольной группы боевиков.

— Отец... — сказала послушно Вероника. — Папа, ты меня слышишь?

Веки капитана дрогнули, будто он силился открыть глаза.

— Папа, можно я открою твою сумку? Я хочу убедиться, не трогал ли ее один человек.

— Да, — шевельнулись губы капитана. Потом они шевельнулись вновь, будто он хотел сказать что-то еще. Но не сказал.

Вероника оглянулась на заднюю лодку. Но оттуда никто не смотрел на них. Она поднесла сумку к груди капитана, осторожно расстегнула ворот, достала ключик и открыла сумку.

Она откинула клапан — из сумки выглянули какие-то бумаги.

Вероника вытащила их. Это были сложенные вчетверо якутские газеты за прошлый месяц.

Ниночка ничего не сказала. Пегги начала быстро спрашивать:

— Что это? Это газеты? Это русские газеты?

— Помолчи, — оборвала ее мисс Смит. Она медленно закрыла сумку и положила у изголовья отца.

— Все в порядке, — сказала она, и Ниночка поняла, что она надеется, что отец ее слышит. — Все на месте.

Тунгус смотрел на них с интересом, казак греб, глядя в воду, задумавшись. Они гребли галсами, чтобы поймать ветер, который мог им помочь. Если ветер хорошо подхватывал лодку, они сушили весла и отдыхали. Тогда казак, осторожно ступая, чтобы не раскачивать лодку и не беспокоить больного, проходил на корму и садился за руль. А когда ветер стихал или сильно изменял направление, он возвращался к веслам.

Вот и сейчас казак прошел на корму. Лодка пошла быстрее. Ниночка заглянула за борт, вода кучерявилась вдоль борта.

— Мы не одни, — сказала Ниночка. — Я поговорю с Михеем Кузьмичом. Он казак, он военный. Он нам поможет. И матросы помогут.

Вероника смотрела на нее.

— Подождите, — сказала она. — Нельзя ничего показывать. Если Лю заподозрит...

— Он такой же китаец, как и я, — громко сказала Пегги.

И засмеялась. Она вообще была смешливой, но давно не было повода посмеяться от души. И она принялась смеяться.

— Я сейчас тебя ударю, — сказала Вероника. — Замолчи.

Пегги давилась от смеха.

— Это нервы, — сказала Ниночка.

— Как не вовремя!

— Почему? Пускай они думают, что нам смешно. Они будут спокойнее.

Как старый конспиратор, Ниночка одобрила решение Вероники дождаться, пока они не причалят к берегу. Если поднять тревогу сейчас, китаец может выкинуть бумаги за борт.

— Они вооружены? — спросила Ниночка.

— У Дугласа есть пистолет, — сказала Вероника. — Он мне его показывал. А про этого... китайца, не знаю.

— Конечно, есть. У разбойников всегда есть пистолеты. Но у мистера военного есть ружье, — сказала Пегги.

— Я поговорю с казаком? — спросила Ниночка. — Я осторожно.

Вероника кивнула.

Ниночка прошла на корму и села рядом с казаком, который, не говоря ни слова, чуть подвинулся, чтобы Ниночке было место.

— Порулить хочешь? — спросил он. — Только нельзя тебе, девка. Ветер потеряешь.

— У меня к вам серьезный разговор, — сказала Ниночка.

— Валяй.

— Мы скоро к берегу будем приставать?

— Я так думаю, что к вечеру будем у Власьей заимки. Там и остановимся. А что, плох твой капитан?

— Сейчас дело не в нем. Хочу посоветоваться. Вы здесь главный.

— Я главный веслом махать, а так я даже и не знаю, кто главней — я или ты, если тебе Ефрем Ионыч этих англичан поручил.

— Этот капитан нес с собой документы, — сказала Ниночка. И медленно, внятно — боялась, что казак может чего не понять, — она рассказала ему о том, что случилось. И спросила потом: — Как вы думаете, что делать?

— Вот не думал, что в такой переплет попаду, — ухмыльнулся казак. — Думать будем. Сначала я с Илюшкой поговорю. Он мужик разумный, недаром всю тайгу обошел. Ты не спеши, не спеши.

Время тянулось страшно медленно, и казак словно тянул его еще более. Ниночка вернулась к Веронике, а казак еще час сидел у руля, напевал, словно ничего не случилось. Только когда ветер стих, он перешел к веслам и начал неспешно беседовать с тунгусом Илюшкой. Они мерно гребли — весла одинаково и дружно

взлетали над водой — и перебрасывались словами, словно речь шла о погоде.

Ниночка порой оборачивалась назад, стараясь делать это незаметно, чтобы перехватить взгляды Дугласа или китайца. Но китаец сидел к ней спиной, согнувшись, и было непонятно, читает он или просто дремлет.

Ниночка достала из кармашка часы, три года назад подаренные самим Савинковым, очарованным ее молодым пылом. Половина второго.

Она вглядывалась вперед — не покажется ли обрывчик, за которым устье Власьей речки. И хотелось, чтобы показался скорее, и хотелось оттянуть этот момент — обратного пути не будет.

Вдруг до Ниночки долетело восклицание — со второй лодки.

Она оглянулась.

Китаец вскочил, размахивая толстой тетрадью в черной ледериновой обложке, звал Дугласа. Тот склонился к нему. Видно было, как Лю водит пальцем по странице, читает что-то вслух.

— Вы видели? — спросила Ниночка.

— Воры. Я их готова убить, — сказала Вероника.

— Теперь вы не сомневаетесь?

— Я дала себе слово, — сказала Вероника, — что, когда найду отца, возмещу Дугласу все расходы, которые он понес за время путешествия, и дам ему достойное вознаграждение.

— Все, кроме руки и сердца? — спросила Ниночка. Не без доли иронии, которую никто не уловил.

— Теперь он не получит ни пенса!

Снова зарядил дождик, стало холоднее. Тунгус соорудил над головой капитана нечто вроде шалашика, чтобы брезент не касался лица.

Даль реки была затянута сеткой дождя.

Казак сказал, что скоро Власья сторожка. Ниночка, как ни напрягала зрение, ничего, кроме серой мглы, впереди не видела. Казалось, что лодка плывет в бесконечном сером водном пространстве, где мокрое небо сливается с рекой, не имеющей берегов.

Казак, что опять сидел на корме, достал из-за пояса широкий кинжал и стал править его о железную скобу, и девушки поглядывали на него с опаской — усатый, небритый, в низко надвинутой на глаза серой фуражке, он был похож на пирата.

Капитан Смит застонал. Он стонал тяжко, хрипел. Вероника откинула брезент. Пальцы капитана лихорадочно суетились на груди. Вероника покрыла их ладошками, но капитан вырывал их, словно искал что-то.

— Он ищет сумку, — сказала Пегги. Она взяла сумку и вложила ее в пальцы капитана. Тот ощупал ее. Немного успокоился. Потом начал говорить, невнятно, лихорадочно. Щеки его раскраснелись. Вероника дотронулась губами до его лба и сказала:

— У отца жар.

— Кончается он, — сказал тунгус. — Моя знает.

— Помолчи! — огрызнулась Ниночка.

— Сообщите его превосходительству лорду Адмиралтейства, — говорил капитан. — Берег очень низок, там есть мели — на десять миль. Николсон был не прав, я же тебе говорил! Не ходи туда! Это не может быть естественным феноменом. Вы такое видели? Уйди! Уйди, тебе говорю...

— Надо пристать к берегу, — сказала Вероника. — Мы разобьем палатку и согреем воду. Прошу вас!

— Потерпи полчаса, — сказал казак. — Во Власьей сторожке лучше будет. Все-таки крыша над головой.

Следующие полчаса были тяжелыми. Капитану становилось все хуже, ему казалось, что он то на мостике своего корабля, то на каком-то берегу, то он видел, что проваливается в трещину, — события последних месяцев смешались в его воспаленном сознании.

Ниночка с Пегги держали, растянув, брезент, а Вероника старалась унять его боль, то предлагая воды, то гладя его щеки, и не могла сдержать слез от своего бессилия перед лицом надвигающейся смерти.

Руки Ниночки совсем затекли, она промокла, болела спина, из носа лило. Казак спросил:

— Как пристанем, бумаги сразу отымать будем? — Ниночка даже не сразу сообразила, о чем он. И с ненужным раздражением ответила:

— Какие еще бумаги! Разве вы не видите?

— Я, конечно, вижу, — ответил казак и добавил: — Но мы люди служивые.

Ниночка бросила взгляд на заднюю лодку, но та почти скрылась за дождем, только темное пятно виднелось.

— Бери правей! — закричал тунгус.

— Вижу, — ответил казак. Тунгус взялся за весла.

Казак обернулся, крикнул на заднюю лодку, чтобы правили к берегу, оттуда донесся глухой голос, что слышат.

Совсем неожиданно, словно плыли навстречу, появились темный склон, лиственницы и избушка на берегу речки.

Лодки зашли в устье реки, заскрипели днищами по песку.

Тунгус поднял весла, а казак выпрыгнул в воду, заплескал са-

погами, потянул нос лодки на берег. Тунгус выскочил за ним. Рядом, борт в борт, замерла вторая лодка.

— Эй! — крикнул казак. — Помогите человека нести.

Капитана Смита понесли в избушку на брезенте, он сопротивлялся, кричал что-то, рвался спрыгнуть. Девушки удерживали его. Вероника все повторяла:

— Отец, отец, это я! Неужели ты меня не узнаешь?

Но Смит ее не узнавал.

Китаец с Дугласом сошли с лодки последними, они не спешили к капитану, будто теперь они были лишь зрителями. Но в избушку вошли вместе со всеми.

Капитана уложили на широкую скамью, казак ловко и быстро разжег в печи огонь, дым заструился по избе, потом нашел все же путь наверх, в отверстие посреди крыши. Печка была простая, без трубы, сложенная из камней.

— Дикость, дикость, — печально произнес Дуглас, усаживаясь на свободную скамью. Он смахнул со скамьи паука. Китаец стоял поодаль, глядел на капитана, который продолжал бредить. Он внимательно слушал. Ниночка наблюдала за ним, но лицо китайца было равнодушным и каким-то покорным...

Тунгус притащил из лодки свой чайник — гнутый, луженый, с приваренным носиком, сыпал туда травки, какие-то порошки, приговаривал. Вероника спросила казака:

— Скоро вскипит вода?

Казак понял, сказал, что надо немного погодить.

Смит впал в забытье.

Тунгус сказал:

— Пускай мой чай отведает.

Он сам снял закипевший котелок с огня, заварил в своем чайнике и улыбнулся Веронике:

— Пускай настоится.

— Что он говорит?

— Это лекарственный чай, — сказала Ниночка. — Не бойтесь.

— Я сомневаюсь, — сказала Вероника.

— Простые люди в лесу знают волшебные травы, — сказала Пегги. — Если бы мы были у меня дома, я бы тоже нашла старую женщину, которая знает травы.

Казак насыпал в котелок крупы — стал готовить ужин. Пегги сходила к реке за водой, поставила на огонь свою английскую кастрюлю. В избушке было холодно, но очень душно, потому что набилось много народу.

Дуглас сказал:

— Надо выгнать лишних людей. Они привыкли жить на улице. Капитан Смит задохнется раньше времени.

Вероника беспомощно поглядела на Ниночку, но та поняла, что никогда не скажет людям таких слов: они весь день гребли под дождем.

Но казак Михей Кузьмич и без ее помощи догадался, о чем разговор.

— Вы, барышня, — сказал он, — не беспокойтесь. Мы в лодках поспим, мы привычные.

— Спасибо, — сказала Ниночка смущенно. Будто сама выгнала людей на улицу, под дождь.

Тунгус передал чайник Ниночке. Сказал:

— Маленькими глотками пей. Не спеши. Пока горячий. Силы будут.

Ниночка поставила чайник на стол — пускай чуть остынет. Пегги достала из дорожного ящика чашки и тарелки, китаец тоже принес саквояж и вынул оттуда обеденный прибор мистера Робертсона.

Матросы переглядывались, шептались. Казак снял с огня котелок с кашей, сказал:

— Пошли, братва, на свежий воздух. Там костер разведем, чаю попьем.

— Ты потом чайник нам отдай, — строго сказал тунгус. — Нам самим надо.

Вероника вдруг полезла в дорожный ящик, достала оттуда жестяную коробку с чаем. На коробке были изображены белый слон и пагода.

— Скажите ему, пускай возьмет, это хороший чай, — сказала она.

— Спасибо, — ответил тунгус, принимая коробку. — Наверное, хороший чай.

Пока Пегги готовила ужин, Ниночка оглянулась и спохватилась. Как же так? Еще часа два назад они думали, как отнять у Дугласа и китайца бумаги Смита. Неужели все, кроме нее, об этом забыли? Вот сидят в избушке — Дуглас за столом, стучит ложкой о белую тарелку, Пегги возится у печки, кашляет, отмахивается от дыма. Китаец зашивает рубаху — то ли свою, то ли господскую. Вероника налила тунгусского целебного чая в фарфоровую чашку с видом моста через Темзу и дует на него, чтобы остыл. Может, и не исчезали бумаги, а зловещий образ китайца, словно сошедший со страниц романа Жаколио, — лишь плод Ниночкиного воображения? Мало ли какие бумаги мог читать Лю в лодке!..

Смит не мог пить из чашки, и потому Пегги с Вероникой поили его с ложечки. Нина почувствовала, что страшно голодна. От маленького котелка, который Лю поставил специально для Дугласа, вкусно пахло.

И тут Ниночка поняла, что о ней сейчас никто не вспомнит: Вероника и не думает о еде, Пегги перекусит что-нибудь, а ждать милости от Дугласа — нет, никогда!

Ниночка тихонько поднялась и вышла на берег.

Там уже горел костер. Вокруг сидели гребцы. Дождь перестал, от реки поднимался туман. Когда Ниночка подошла к костру и остановилась, протянув к нему замерзшие руки, тунгус сказал:

— Ты садись, кушай будем.

— Спасибо. — Ниночка уселась на обкатанное водой белое бревно.

Здесь было лучше, спокойнее, среди своих.

— Так что же, барышня, — сказал казак, — англичане между собой помирились или что?

— Не знаю, — проговорила Ниночка равнодушно. — Пускай сами разбираются.

— И то правильно, — сказал казак. — Наше дело маленькое.

Ниночке положили в миску каши. Каша была недосолена, пахла дымом. Было очень вкусно.

Тунгус стал петь — словно подвывал, никто не мешал ему.

Ниночка выпила крепкого чая и задремала, привалившись к плечу казака. Потому она и пропустила те важные события, которые произошли в избушке.

А там вскоре после того, как Ниночка удалилась, пришел в себя капитан Смит. Впервые за два дня. То ли подействовал тунгусский чай, то ли отогрелся в избушке.

Он долго смотрел на дочь, что поила его с ложки, потом губы его шевельнулись, и он спросил:

— Вероника? Ты почему здесь? Мы на «Венчур»?

— Ты не на «Венчур», отец, — ответила Вероника, не в силах сдержать радости. — Вспомни, ты же ушел с корабля, ты дошел до земли. Ты в безопасности, среди друзей.

— Ты здесь, моя дочь, — прошептал отец. — Мне трудно поверить. Конечно же, я не на корабле, здесь тепло... Как трудно, когда всегда холодно! Ты знаешь, дочь моя, как там холодно? Мы согревались коптилками с моржовым жиром. Всегда темно, всегда холодно... Где я? Скажи, мне это снится?

— Отец!.. — Слеза Вероники упала на грудь капитана Смита. — Я нашла тебя! Мы в России, в Сибири, на берегу Лены, через два дня мы будем в городе, там есть врач, он тебе поможет.

— Это очень важно! — Капитан Смит заговорил быстро, словно боялся, что не успеет все сказать. — Мы открыли большую землю, это громадная земля, я назвал ее землей покойного короля Эдуарда. Тут, в сумке, все мои записи, все расчеты... Я сделал все как положено — мы шли вдоль нее к северу от Таймыра. Там есть небольшой остров — это твой остров, девочка, остров Вероники... в сумке. И очень важно...

Вероника и Пегги смотрели на капитана. Никто из них не заметил, как китаец открыл висевший на груди медальон в форме дракона, высыпал в чашку с тунгусским чаем щепотку белого порошка.

Но это заметил Дуглас. Он сделал шаг к китайцу.

— Нет, — сказал он шепотом. — Только не это!

— Он должен замолчать... — прошептал в ответ китаец, отводя дрожащую руку Дугласа Робертсона.

— Возьмите, мисс, — сказал он, протягивая чашку Веронике. — Вашему отцу надо подкрепиться.

— Спасибо.

Вероника поднесла чашку к губам отца, но тот отстранил чашку.

— Спасибо, не надо, — сказал он. — Что бы со мной ни случилось, ты должна знать... я так счастлив, что ты встретила меня.

— К вашим услугам, сэр. — Над Смитом возникла чуть склоненная фигура Дугласа. — Будучи другом и женихом вашей дочери, я счел своим долгом сопровождать ее в этом дальнем путешествии.

— Долой, долой! — отмахнулся от него Смит. — Некогда. Я вас не знаю. Вероника, скажи, чтобы он ушел, мне так важно сказать тебе сейчас...

— Мистер Робертсон, — сказала Вероника, — оставьте нас, пожалуйста.

— Давайте я помогу вам, — сказал китаец, беря чашку из руки Вероники. — Вашему отцу надо отдыхать, надо пить чай. Я могу, я ему дам чай.

— Вероника, я же просил! — закричал отец тонким голосом. — Пускай все они уйдут. Я должен тебе передать... Все передать. И объяснить.

— Отец, может, тебе лучше отдохнуть? — спросила Вероника.

— Я сказал. Только скорее!

— Идите, идите. — Пегги стала подталкивать к двери Дугласа и китайца, но те как зачарованные не двигались с места. В руке у китайца была чашка.

— Ему надо выпить. Это лекарство, — настаивал китаец. Он передал чашку Пегги.

— Простите, — сказала Вероника. — Я должна выполнить волю отца, мистер Робертсон. Прошу вас выйти, или я вынуждена буду позвать русского солдата.

— Вероника! — воскликнул Дуглас, пожалуй, громче, чем следовало в этих обстоятельствах. — Неужели ты мне не доверяешь?

Смит откинул голову на подушку, он дышал мелко и часто, лоб его покрылся капельками пота.

— Дай чашку, — сказала Вероника.

Пегги протянула чашку, капитан отпил, поморщился...

Дуглас и китаец все еще стояли в дверях.

— Пегги, позови казака! — приказала Вероника.

Дуглас сказал:

— Идем, мы подождем снаружи.

— Достань мою сумку, — сказал Смит. — Ключ от нее у меня на груди.

— Нет! — воскликнула Вероника.

Она обернулась к Дугласу и произнесла в отчаянии:

— Дуглас!

И тот ринулся к двери.

Китаец выскочил еще раньше.

— Мне плохо! Как мне плохо... — простонал капитан Смит. Но этих его слов китаец и мистер Робертсон не слышали. Они уже были на берегу Власьей речки.

Ниночка, которая мирно дремала на плече у казака, проснулась оттого, что потеряла равновесие, ударилась локтем о камень... Казак вскочил.

От избушки к лесу бежали Дуглас и китаец.

Ниночка поднялась и смотрела вслед беглецам, понимая, что их бегство — плохой знак, но не зная, что надо делать.

Дуглас обернулся и громко сказал:

— Не беспокойтесь, мы сейчас вернемся. Важное дело!

— Что? Что он сказал? — спросил казак, оборачиваясь к Ниночке.

Но ответить она не успела — из избушки выбежала Пегги.

— Мисс Нина! — закричала она. — Мисс Нина, скорее!

Нина вместо того, чтобы бежать за китайцем и Дугласом, бросилась к избе.

Когда она вбежала, капитан Смит был в агонии. Судороги сотрясали его изможденное тело. Вероника пыталась как-то успокоить его, но он ничего не понимал. Поток бессвязных слов

рвался из его посиневших губ, но вскоре оборвался, и капитан лишь стонал и вскрикивал от приступов боли.

Веронике удалось разжать его губы и влить в них еще немного чаю, но чай потек по подбородку.

Капитан вытянулся, попытался поднять руку. Рука бессильно упала. Он был мертв.

Когда Вероника закрыла ему глаза, ее первые слова, будь они переведены, сильно бы изумили казака и матросов. Она сказала:

— Как хорошо, что он не успел увидеть, что сумка пуста!

И Ниночка с ней согласилась.

* * *

Капитана хоронили следующим утром.

Сначала Вероника возражала. Она хотела везти тело отца на родину.

— Рехнулась, — сказал Михей Кузьмич.

Матросы вырыли яму за избой. Там уже были две могилы. Огороженные слегами холмики. Говорили, что там лежат жена и дочка Власия, что жил когда-то в избушке. Цветов Пегги не нашла, принесла из лесу охапку пихтовых ветвей, и ими покрыли могильный холмик.

Вероника весь день сидела возле могилы отца, она отказывалась есть и пить. Только один раз очнулась, когда казак принес столбик с прибитой к нему доской. На доске было написано по-русски: «Капитан Смит почил в бозе 18 сентября 1913 года».

— Что такое? — спросила Вероника. — Что он делает?

— Это надгробная надпись, — сказала Ниночка. Ей было стыдно, что у нее такой аппетит, она только что вместе с матросами съела целую миску макарон с солониной. — Она написана по-русски.

— Да, конечно, — сказала Вероника. — Я потом закажу памятник. Мраморный памятник. Правильно?

— Конечно, закажете. Может, вы чего-нибудь поедите?

— По-моему, это грешно, — сказала Вероника.

Ниночка ушла на берег.

Туман, что был таким густым на рассвете, плыл по реке белыми клочьями. Ниночку одолела страшная тоска. Все соединилось в ней — и смерть капитана, и бесконечность серой воды, и запах нежилой избушки, и низкие тучи. Но еще главнее — страшная отдаленность этой избушки не только от настоящего человеческого мира, но даже от ненавистного Новопятницка, дикой окраины дикой страны.

В той тоске не было ненависти, была безысходность и недоброе чувство к Веронике, которая, отряхнув со своих крылышек горе, отправится к себе в чистенькую Англию, в свой белый домик, окруженный подстриженными газонами, и домик этот будет не тюрьмой, как дом Черниковых на Лене, а лишь центром, из которого люди ездят в Ниццу или Мадрид и куда возвращаются, загоревшие, веселые, разгружают индийские или итальянские сувениры, чтобы планировать новое путешествие или прогулку на яхте. Впрочем, Ниночке не нужны яхты, она предпочла бы войти в полутемную гулкую пустоту библиотеки Лондонского музея...

— Барышня, — сказал казак, незаметно подойдя к Ниночке, — этих-то, что сбежали, ждать будем или без них поплывем?

— Не знаю, — сказала Ниночка, возвращенная из Лондонской библиотеки на берег Лены раньше, чем успела подобрать там себе книгу по вкусу. — Я теперь ничего не знаю.

— А то нам здесь рассиживаться нету резона, — сказал казак. — Если вы до Новопятницка поплывете, мы вас отвезем — чего не отвезти. А может, в Булун вернемся? Там Ефрем Ионыч вас встретит, потом на пароходе обратно привезет. Вы уж решайте, а у нас тоже, простите, дела есть.

— Я поговорю с Вероникой, — сказала Ниночка.

— А если этих не дожидаться, сгинут они в тайге, ей-богу, сгинут, — сказал казак. — Они тайги не знают — либо с голоду подохнут, либо медведь задерет.

— Медведь не задерет, — сказала Ниночка, которая как-никак сама была таежным жителем, — медведи сейчас сытые.

— Какой сытый, а какой и не так, — ухмыльнулся казак. — По-христиански, конечно, надо бы за ними сходить — вернуть.

— Они плохие люди, — сказала Ниночка.

— Тебе ли, барышня, судить?

— И мне тоже, — твердо сказала Ниночка. — Судят люди.

— Не мала судить?

— Я судила, — сказала Ниночка. И сказала правду, потому что тут же вспомнила, как они сидели всю ночь в доме Сташинских в Белостоке и спорили, убивать ли варшавского полицмейстера.

Казак постоял рядом, помолчал.

— И куда они побегли? — сказал он потом. — Там мест населенных нету. И тунгусы там не ходят — место плохое. Там весной еще камень упал с неба — боятся тунгусы. Слыхала?

— Конечно. — И тут же мысли Ниночки приобрели иное направление. — Конечно же, туда отправилась экспедиция. Профессор Мюллер, Костя Колоколов и еще двое. Они этот камень ищут.

— Чудеса! — сказал казак. — И на что он им сдался?

Ниночка не ответила. Вдруг все, что происходило, предстало перед ней в новом свете. В тайге Костик. В тайге страшный китаец.

Тоска уступила место тревоге. Ниночка поняла — она хочет увидеть Костика, она боится за Костика. Костик в тайге, он такой беспомощный...

Вечером Вероника согласилась выпить чаю и съесть галету. Она оторвалась от могилы — и хорошо, еще час, и всю кровь из нее высосали бы комары, даже лицо распухло.

Пегги намазала лицо Вероники прованским маслом, лицо блестело.

Сейчас Вероника была совсем не так хороша, как в тот день, когда сошла на пристань в Новопятницке. Но кому до этого дело?

Вероника совсем ослабла. Она пошла в избу, Пегги уложила ее на скамью, ту самую, где умирал ее отец, и накрыла пледом.

— Попробуйте поспать, мисс, — уговаривала Пегги госпожу. — Вы не спите уже двое суток.

— Не хочется, — тупо отвечала Вероника и отвернулась.

Ниночка села на скамью в ногах у Вероники. Надо было поговорить. Вроде бы Вероника уже пришла в себя настолько, что могла рассуждать. Ниночка спросила ее, когда можно отплывать. Вероника спросила, не вернулся ли Дуглас.

— Казак говорит, что они погибнут в лесу, — сказала Ниночка.

— Они это заслужили, — сказала Вероника. — Но мы не можем этого допустить.

— Разумеется, все же живые люди, — согласилась Пегги, сложив полные руки на высокой груди. — Наш христианский долг взять их с собой.

— Если они сами этого захотят, — сказала Ниночка. — В чем я сомневаюсь.

— Мы должны их найти, — произнесла Вероника, глядя в потолок.

— Мы ничего никому не должны, — сказала Ниночка. — Я не согласна с христианскими догмами.

— Дело не в догмах, — возразила Вероника. — У них все бумаги отца. Я обязана привезти их в Лондон. Отец просил меня... Отец сделал какое-то большое открытие. Он открыл землю короля Эдуарда. Мой отец должен получить ту честь, которой заслуживает.

— Вы приедете в Лондон и расскажете обо всем.

— Глупо, — возразила Вероника. — Мне никто не поверит.

Она приподнялась на локте и посмотрела в упор на Ниночку.

— Мне никто не поверит! — сказала она громче. — Мне даже не поверят, что я нашла отца. У меня нет доказательств!

— Но в Новопятницке вам напишут документ, — сказала Ниночка. — Официальную бумагу о том, как погиб ваш отец. И все ее подпишут. Вы же были не одни.

— У меня нет ни строчки, написанной отцом.

— Завещание они украли, — сказала Пегги. — Завещание! Как моя госпожа докажет, что мистер Смит умер и она его наследница?

— Неужели документы...

— Документы, документы! — воскликнула Вероника. — Русские документы из дикого русского местечка! Мне скажут, что я заставила вас написать их и заплатила вам. Может, даже своим телом!

— Но могила вашего отца?

— Могила? Кто найдет ее через год? Никто даже не знает, как называется это место! Его нет ни на одной карте!

— Что же вы предлагаете? — спросила Ниночка раздраженно. Ей были неприятны тон Вероники и презрение, прозвучавшее в ее голосе.

— Я найду их, — сказала Вероника. — Я пойду в лес, найду Дугласа и отниму у него бумаги.

— А он отдаст? — спросила Ниночка.

— У вас есть здесь солдат. Он пойдет с ружьем. Он их застрелит.

— О, госпожа, русский солдат не будет стрелять ради вас, — сказала Пегги.

— Тогда я пойду одна. Я догоню Дугласа. Я скажу ему, что согласна стать его женой. Я буду его рабой... Он же этого хочет?

— Я не знаю, чего хочет мистер Робертсон, — сказала Ниночка, — но не исключено, что он хочет вовсе не вас.

— Но что? Что?

— Допустите, что с самого начала он поехал сюда не ради вас, — холодно сказала Ниночка. — Обстоятельства заставляют подозревать такую возможность.

— Нет. Он меня любит!

— Любящий человек не ворует документы и завещание у любимой женщины, — сказала Ниночка и знала, что она права.

И Вероника тоже знала это.

Наверное, с минуту в избушке было тихо. Потом Вероника негромко сказала:

— Мы поплывем вниз. К тому месту, где находится мистер Колоколов. Мистер Колоколов мне не откажет.

Ниночка не ответила. За нее ответила Пегги:

— За эти дни мистер Робертсон и его китаец или погибнут, или уйдут... далеко.

— Уйдите, — сказала Вероника. — Я вас не хочу видеть. Я никого не хочу видеть! У меня только что умер отец, а вы со мной говорите о мелких суетных вещах.

Ниночка сразу поднялась. Ей и самой больше не хотелось разговаривать с этой англичанкой, которая сама не знает, чего хочет. То ли доказать всему миру, что ее отец — великий путешественник, то ли отнять завещание у Дугласа, то ли... Черт их всех разберет, подумала Ниночка, выходя наружу. Она тоже сутки не спала. Но спать в избушке с Вероникой не стала. Она устроилась в лодке, между казаком и тунгусом. Так было тепло.

* * *

Поросшие лиственницей, с выступающими зубцами скал, пологие мохнатые спины урулганских вершин в том месте разошлись, чтобы разместить обширную тоскливую топь. Туда корейцы-золотоискатели направили экспедицию Мюллера, и вскоре Мюллер убедился, что сведения, сообщенные ими, правильны.

Шли они по невысокой гряде, предпочитая пробираться сквозь чащобу, чем хлюпать по топи, и Молчун первым заметил неладное. Он придержал лошадь и показал нагайкой вправо — между деревьев виднелась широкая полоса поваленного леса.

Трудно описать, на что это похоже, — никто еще из путешественников подобного не видел. Может, на бесконечное поле карточных домиков, сваленных движением пальца.

— Будто богатырь дунул, — сказал Андрюша.

— Это ураган был, — спорил Костя.

— Не исключено, — согласился Мюллер, приставляя к глазам бинокль. — Но ураган валит деревья кое-как. Ветер непостоянен, да и вряд ли можно увидеть, чтобы ураган свалил все без исключения лиственницы полосой в версту. Видите, какая ровная полоса?

— Значит, вы допускаете, что это метеорит? — спросил Андрюша. — Но какой же он должен быть?

— Да, я почти уверен, что это метеорит, — сказал профессор. — Только сила воздушной волны, поднятой громадным падающим телом, могла вызвать такой эффект.

— Чего же мы медлим? — Костя забыл о своей тоске и постоянном желании скорее вычеркнуть из жизни эти две недели, чтобы снова увидеть Веронику.

— Туда пойдем? — спросил Молчун.

— Туда.

— Правее возьмем, чтобы в топи не завязнуть.

Переночевали на невысоком холме, в самом начале полосы сваленного леса. Ночью опять подморозило, сыпал мелкий снежок. Хоть и устали — весь день спешили, вязли в топи, измучились, перепачкались, не единожды промокли, — но спать не ложились долго, сидели у костра. Мюллер рассказывал о знаменитых метеоритах, о суевериях, которые связаны у человечества с этими небесными телами. Молчун добавил от себя, какие слухи в этих местах ходили: будто наступил конец света, что это антихрист на своей золотой колеснице пролетел. А тунгусы в эти места не ходят, боятся.

Андрюша отошел от костра, долго стоял на склоне холма, глядел вперед. Перед ним открывалась невероятной ширины дорога, проложенная космической силой, осознать которую человеческому разуму невозможно, даже если ты видел результаты ее деятельности.

Там, вдали, в нескольких верстах отсюда, они увидят погрузившийся в топкую землю черный, обугленный небесный камень. Сколько миллионов километров он промчался по черной пустоте космического пространства, чтобы в конце концов найти успокоение на краю света! Беспощадной рукой рока он уничтожил тысячи и тысячи деревьев, убил множество зверей и птиц, а может, и случайного охотника, не вовремя забредшего в эти края. А зачем? Чтобы стать камнем среди камней? Так и человеческая судьба, судьба Наполеона, пронесшегося ослепительным метеором по человеческой истории, оказалась бессмысленной, как судьба метеорита. Ненужно и жестоко уничтожив множество людей, он стал лишь прахом среди камней острова Св. Елены.

— Размышляете? — спросил профессор Мюллер, подходя к Андрюше.

— Да, я думал, — сказал Андрюша.

— Вид, наводящий на размышления, — сказал профессор. Его голова доставала Андрюше до плеча, и профессору приходилось закидывать голову, чтобы заглянуть собеседнику в глаза. — Я полагаю, что удачное завершение нашей экспедиции может благоприятно сказаться на вашей судьбе. Я буду ходатайствовать перед губернатором о вашем досрочном освобождении.

— Спасибо, профессор, вы очень любезны.

— Пустое! Это мой долг, долг учителя. Вы пропадаете здесь, когда могли бы сиять на небосклоне петербургской науки. Минута неосторожности — и годы раскаяния. Я тоже был молод...

Профессор не закончил фразы, и можно было дополнить ее как заблагорассудится. Допустить, что он был в декабристах... Нет, остановил себя Андрюша, декабристы были раньше. Может быть, профессор ходил в народ? Вряд ли. Для него наука всегда оставалась на первом месте.

Андрюша так и не догадался, что, говоря о неосторожных поступках молодости, профессор имеет в виду свою подпись под ходатайством студентов об усилении борьбы с тараканами в библиотеке. За такое проявление свободомыслия студенты были вызваны пред очи ректора и получили строжайший выговор.

— Каким бы вы пожелали увидеть метеорит? — спросил профессор, вглядываясь в даль, словно мог увидеть его с холма.

— Не знаю, — сказал Андрюша.

— А я мечтаю, — сказал профессор, — увидеть на нем отпечатки растений или полипов, подобно тем, что бывают на земных породах, что свидетельствовало бы о множественности обитаемых миров.

Если профессор не забудет — это означает, что можно будет вернуться в Петербург на два года раньше срока, думал Андрюша. И снова поступить учиться. Какое счастье!

Путешествие по поваленному лесу заняло весь день.

А прошли всего верст десять.

Падая, деревья переплетались ветвями и вывороченными корнями. Отыскать путь в этом буреломе, не поломав ног лошадям, было почти немыслимо. Шли пешком, ведя лошадей на поводу. Рад этому был только Андрюша, который все равно не смог бы дальше ехать верхом.

Порой деревья становились реже, а то и вовсе пропадали. Но это не облегчало путь — значит, шел участок топи, на котором не только лиственница, но и осина расти не могли.

Даже упрямый профессор устал настолько, что, когда уже к вечеру впереди показалась синяя стена леса, что означало конец поваленной дороги, он не припустился вперед, а устало прислонился к упавшему стволу и спросил Молчуна:

— Может, переночуем здесь?

— Как скажете, — сказал Молчун. — Тогда я лошадей буду развьючивать?

— Нет, погодите, — взял себя в руки профессор. — Осталось всего две-три версты.

Но тут взбунтовался Костя и сказал, что останется здесь.

Андрюша слушал спор равнодушно, все перед ним было в тумане, в глазах пошатывался лес, пошатывалось небо...

* * *

Ночь провели в низине. Даже костра не разжигали.

А до места падения метеорита добрались к полудню следующего дня.

По полосе упавших деревьев можно было точно определить место, где рухнул болид. Полоса заканчивалась гигантским, версты в три диаметром, цирком, где деревья лежали верхушками наружу. Видно, при ударе о землю метеорит вызвал такое сотрясение воздуха, что деревья словно кинулись в разные стороны. Но, будучи прикреплены к земле корнями, вынуждены были упасть. Такой картина открылась бы с птичьего полета, но для наблюдателя, стоявшего на земле, картина была куда менее очевидной.

Никакой возвышенности на пути не встретилось, и неоткуда было обозреть общий вид места падения. Поэтому путь к этой точке занял куда больше времени, нежели предполагалось, и вышли они не к самому метеориту, а в полуверсте от него.

Отчаявшись сразу отыскать метеорит, путешественники остановились на свободной от стволов полянке, там они оставили лошадей и груз. Там же остался и Молчун, который должен был разжечь костер и поставить чай. Остальные двинулись дальше, стараясь не терять друг друга из виду.

Наконец они нашли наиболее вероятное место падения. Там недавно бушевал пожар, который не распространился дальше только потому, что падение метеорита произошло весной, когда еще лежал снег и деревья были мокрые.

— Как жаль, что мы не умеем летать! — сказал Костя, присаживаясь на камень, торчавший из жухлого мха.

С утра он был, как и все, охвачен надеждой вот-вот увидеть небесное диво, но за часы поисков уморился и потерял к метеориту интерес.

— Воздушный шар нам бы не помешал, — согласился Андрюша, останавливаясь рядом и пользуясь возможностью перевести дух.

— Скоро ваше предсказание сбудется, — откликнулся профессор, который продолжал идти впереди. — Следующий метеорит мы будем искать с помощью аэропланов. Я вам должен сказать, что в Европе и в Петербурге наблюдается буквальное умопомрачение от этих аэропланов. Некоторые оптимисты берутся предсказывать, что со временем аэропланы достигнут больших скоростей.

— Каких?

— До двухсот верст в час, — откликнулся профессор. Он ушел

далеко и, видно, хитрец, рассчитывал, что, заинтересованные его рассказом, молодые люди последуют за ним.

— Нет, с цеппелинами им соперничать не удастся, — сказал Костик, который видел в Кельне полет цеппелина и сам чуть было не полетел на нем. К счастью, не решился, а на следующий день прочел в газетах, что цеппелин сгорел над Триром.

Когда они наконец догнали профессора, тот стоял на краю понижения в почве, заваленного обгоревшими древесными стволами. Он сделал шаг вперед, под ногами заурчало — профессор провалился по пояс в замаскированную стволами яму с водой, и пришлось его оттуда вытаскивать. Костик предложил профессору вернуться к лошадям и там обсушиться.

— Потом, — отмахнулся профессор. — Мы стоим на пороге важнейшего события в нашей с вами жизни, господа.

И он смело двинулся дальше.

Еще несколько минут пробивались они сквозь пожарище и стали похожи на негритянское войско или самых обычных чертей.

Но в конце концов их упорство было вознаграждено:

Впереди показался невысокий широкий вал земли, перемешанной с черными стволами деревьев. И когда они, подобно муравьям, преодолевающим дорожную колею, перевалили через вал, то увидели впереди погрузившийся в землю и закрытый от постороннего взора обломками деревьев серый, а местами почти черный, с металлическим отблеском метеорит. Если не знаешь, что искать, можно пройти в трех шагах — еще один камень, еще одна скала.

Добраться до метеорита оказалось непросто, потому что, ударившись о землю, он выбил в ней глубокую воронку, разметав во все стороны землю, воду и деревья. Воронка вскоре заполнилась грязной болотной жижей, перемешанной с кусками дерева. Над поверхностью топи остался лишь самый верх метеорита, схожий со спиной большой черепахи, почти погрузившейся в болото.

Радостно поспешив к метеориту, Андрюша чуть было не поплатился за свою неосмотрительность жизнью. Он не сообразил, что под ряской глубина, и рухнул в топь с головой, лишь круги пошли по воде.

Но Костик не потерял присутствия духа. В руке у него оказался длинный сук, и, когда голова обалдевшего от неожиданности и наглотавшегося холодной воды Андрюши показалась над поверхностью, перед самым его носом уже покачивался конец сука. Только ухватись — и ты спасен.

Андрюша ничего не соображал и сука не увидел, несмотря на то, что Костик кричал ему:

— Хватай! Ты чего! Держи!

К счастью, его руки, бившие по воде, сами натолкнулись на сук и бессознательно ухватились за него. Через минуту промокший до нитки, оглушенный, чудом не потерявший очки, что болтались на одном ухе, Андрюша был извлечен из воронки.

Пока Андрюша выжимал одежду, а потом отчаянно плясал, чтобы согреться — костра в болоте не разведешь, — остальные обсуждали, как пробраться к камню. Им удалось подтащить туда длинный ствол, который, как ненадежный мостик, тянулся от края воронки к ее центру, и профессор Мюллер, рискуя последовать примеру Андрюши, дошел, подобно канатоходцу, до макушки метеорита. В изнеможении он упал животом на покатую поверхность, затем сел, встал, топнул ногой и крикнул остальным, как капитан Гаттерас, жюльверновский герой, добравшийся до полюса:

— Победа! Виктория!

— Отколупните, Федор Францевич! — закричал ему Андрюша. — Хоть маленький кусочек.

Мюллер опустился на корточки и принялся стучать геологическим на длинной ручке молотком. Звук ударов — гулкий, звонкий — далеко разносился по тайге.

— Не получается! — сказал он наконец. — Это металл.

— Слышно, что металл, — откликнулся мрачно Костя, который предпочел бы, чтобы метеорита и не было. Теперь придется здесь сидеть, пока его не изучишь. Впрочем, он был несправедлив к профессору и судьбе, потому что в ином случае ближайшую неделю они провели бы, блуждая по болотам, ведь профессор Мюллер — настоящий геолог, то есть человек, обладающий крайним упрямством.

Мюллер молотил по верхушке метеорита, потом поглядел на молоток и сообщил товарищам, что маячили на валу, среди обгоревших сучьев:

— На молотке вмятины!

— А на метеорите? — спросил Андрюша.

— На метеорите вмятин нет! — ответил Мюллер гордо, словно сам отлил такой неподатливый метеорит.

— Так что? — спросил Костик. — Обратно пошли?

Так и не одолев метеорита, профессор совершил обратное путешествие через воронку. Он был страшно искусан комарами, но весел и полон радужных надежд.

— Коллеги, — сообщил он, — впервые в истории человечества

нами обнаружен полностью металлический метеорит уникального размера. Наши имена будут вписаны золотыми буквами в историю науки. И ваше имя, господин Костя, также.

Последние слова относились к Костику, который ответил:

— Обойдемся.

Мюллер, который решил, что Костик чрезмерно скромен, сказал:

— Не скромничайте.

Костик не скромничал. Он упрямился, хотя в иной ситуации был бы счастлив.

Когда возвращались к поляне, где были намерены провести ночь, Мюллер с Андрюшей рассуждали о том, как бы им расколоть этот сказочный метеорит. Ни пороха, ни динамита у них не было. За ними, если иного пути не найдется, придется возвращаться в Новопятницк, то есть переносить экспедицию на будущий год.

— Думайте, думайте, — обернулся Мюллер к молодым людям. — История глядит на вас.

— А может, отвести воду? — спросил Андрюша.

— Куда ее отведешь? — возразил Костя. — Вокруг низина.

— А что? Мы прокопаем канал, — сказал Мюллер. — Пускай он будет длинный, но узкий. И спустим воду в речку.

Костя только пожал плечами — до ближайшей речки было больше версты.

— Прокопаем вал, — сказал Мюллер. — В воронке вода выше, чем в болоте.

В лагере, пока Костя с Андрюшей разбивали палатку, Мюллер соображал, чем можно прокопать канал. Лопата у них была одна, короткая, саперная, привезенная Молчуном с японской войны. Был топор — тоже пригодится. Еще Молчун нарубил и заострил несколько толстых кольев.

И в ожидании завтрашних открытий они рано отошли ко сну.

* * *

Ниночка проснулась оттого, что стало холодно. И казак, и тунгус уже встали, и хоть они оставили ей два тулупа, все равно без человеческого тепла стало зябко.

Ниночка постаралась снова заснуть, сунула нос под тулуп, но не помогло. Тулуп был покрыт инеем, борта лодки побелели. С берега тянуло дымом костра.

Ниночка вылезла из лодки. Лодка закачалась, заплескалась вода.

С берега было видно, что Вероника стоит на маленьком кладбище над могилой отца. Рядом — верная Пегги с чашкой в руке, вероятно, уговаривает ее согреться.

Со смертью капитана Смита и бегством Дугласа что-то оборвалось в отношениях Нины и иностранок. Словно рассказали всю историю, а теперь можно по домам. Пегги увидела, что Ниночка поднялась. Она замахала издали — показывая на чашку, звала пить чай. Но Ниночка лишь отрицательно покачала головой и пошла к костру, к своим мужчинам. И те приняли ее как должно — она тоже была для них своя, а англичанки — чужими. Что они есть, что их нет.

Вероника ушла в избу.

— Будем собираться? — спросил казак.

— Конечно, будем собираться, — сказала Ниночка. Потом спросила: — А далеко до того места, где упал метеорит?

Она и не ожидала, что кто-то ответит. Но тунгус сразу сказал:

— За Урулган ходить не надо — туда вон идти надо, за ту горку. Он там упал. В болото. Деревья повалил. Много деревьев повалил. Злой человек, однако.

Ниночка посмотрела на серую, в дымке, горную цепь. Там Костик.

— Туда не дойти, однако, — угадал ее взгляд тунгус. — Лошадка нужно. Плохой место.

Один из матросов привстал.

— Люди, — сказал он. — Идут сюда.

— Правда твоя, — сказал тунгус. — Два люди идут.

— Это они возвращаются, — сказал казак и, протянув руку, поднял с земли ружье, с которым никогда не расставался.

— Другая люди, — сказал тунгус, продолжая прихлебывать из кружки чай.

Казак поднялся, пошел к Власьей речке.

Сверху спускались два человека.

Одеты они были скудно, на спинах несли большие мешки.

Когда подошли ближе, Ниночка поняла, что это корейцы. Она видела в Новопятницке корейцев-золотоискателей — рабов великой колоколовской империи.

— Золотишко ищут, — сказал казак. Он тоже их узнал.

Корейцы спешили вниз, но при виде лагеря остановились. Будто испугались. Так и стояли.

Из избушки выглянула Пегги — тоже, видно, решила, что возвращается Дуглас.

— Чего стоишь, Хван? — спросил тунгус. — Или не знаешь меня?

Он сказал негромко, но слова его донеслись до корейцев.

И они, настороженные, сгорбившиеся под гнетом мешков, как-то сразу распрямились, пошли быстро, почти побежали к тунгусу. Не доходя нескольких шагов до костра, остановились.

— Кто это тебя? — спросил казак, глядя на старого корейца, у которого была окровавлена щека и темное пятно подпирало заплывший, вовсе не видный глаз.

— Плохие люди, — сказал кореец.

Больше он ничего не сказал. Положил на землю мешок. Второй последовал его примеру.

— Садитесь к костру, — сказал казак. — Чай пить будем.

Корейцы подошли близко, присели, протягивали руки за кружками, которые им давал тунгус Илюшка. Они смущенно улыбались и все кивали, благодарили.

— Как добыча? — спросил казак.

— Плохая добыча, — ответил старый кореец с подбитым глазом.

Снова помолчали. Тунгус долил чаю.

— Кушать будете? — спросил казак.

Он был здесь главный. Все с этим были согласны. Ниночка тоже.

— Мы сытые, — сказал старый кореец. Второй кивнул, соглашаясь.

— Плохие люди, говоришь? — спросил наконец казак. Этот вопрос давно вертелся у Ниночки на языке.

— Вчера вечер приходили, — сказал старый кореец.

— Что делали? — спросил казак.

— Велел вести к камню.

— К какому камню?

— Камню, который небо падал. — Кореец показал на небо.

— Ясно, — сказал казак и посмотрел на Ниночку.

Ниночка кивнула — поняла.

— Чего от вас хотели?

— Они говорили: веди тайга, показывай камень. Мы не хотел. Они ружье вынимал, Ким уводили.

Казак кивнул. Снова все замолчали.

— Один белый был, — сказала тогда, не выдержав, Ниночка, — а второй китаец, да?

Кореец с удивлением обернулся к Ниночке, но отвечать не стал, а посмотрел на казака, как бы спрашивая, надо ли говорить с этой девочкой?

— Говори, — сказал казак.

— Один большой, белый, — сказал кореец. — Второй не китаец, нет.

— А кто? — спросила Ниночка.

— Второй ниппон. Мой знает. Мой китаец знает. Мой ниппон знает.

— Японец? — удивилась Ниночка.

— Что он сказал? — Пегги стояла за ее спиной.

— Мистер Робертсон и его слуга были там, выше по реке, — перевела Ниночка. — Они заставили одного из золотоискателей вести их к метеориту. Они говорят, что Лю не китаец.

— Я же говорила вам, мисс, что он не китаец, — обрадовалась Пегги. — Я китайцев хорошо знаю. Они совсем другие.

— Они говорят, что японец.

— Таких людей я не знаю, — сказала Пегги.

— Мы знаем. Мы с ними воевали, — сказала Ниночка

— Вы их победили?

— Это было позорное поражение царского самодержавия! — Ниночка постаралась выразить эту сложную фразу по-английски, но не смогла и не стала переводить, потому что поняла: все остальные молчат, ждут, пока она кончит разговаривать на чужом языке.

— Я ей перевела, — сказала Ниночка казаку, чувствуя, что нарушила течение важной беседы.

— Понимаю, — сказал казак. — Ей тоже не все равно.

— И что дальше делать будете? — спросил тунгус у корейцев

— Лодку ждать будем, — сказал старый кореец. — Ким ждать будем

Чаепитие продолжалось. Ниночка поднялась, отошла от костра. Пегги за ней.

— Зачем они пошли к метеориту? — спросила Пегги.

— Я не знаю, — сказала Ниночка. — Может, в дневнике капитана Смита было что-то сказано о метеорите?

— Я скажу мисс Смит об этом.

— Конечно, скажите.

Пегги побежала в избушку. Старый кореец глядел ей вслед.

— Совсем черт, — сказал он. — Откуда такой?

— Веселая, однако, — сказал тунгус. Ему Пегги нравилась.

Ниночка представила себе, как Дуглас с Лю бредут по тайге. Лю держит пистолет, угрожая корейцу. Сейчас они придут к метеориту, там Костик. Костик оборачивается на хруст ветвей, но поздно! Предательская пуля настигает его...

— Чего кричишь? — спросил казак. — Глаза открытые, а спишь.

— Я иду в тайгу, — сказала Ниночка. — И не пытайтесь меня удержать.

— Смешно говоришь, — ответил казак. — И далеко собралась?

— Я должна найти экспедицию. Им грозит опасность

— В Новопятницке все господину исправнику скажешь. Или господину Филимонову. Они людей снарядят — поймают этих бандюг.

— А если они за это время всех убьют? И корейца тоже? — Ниночка смотрела при этом на старого корейца.

— Ой, плохо, — сказал кореец, но никакого желания спешить в тайгу на выручку своего товарища не изъявил.

— Их надо было на берегу взять, — упорствовал казак, — пока они не подозревали. А теперь они ждут погони.

— Но в экспедиции ничего не знают.

— А с чего ты взяла, что они убивать будут?

— Вы ничего не понимаете! — горячилась Ниночка, которая не могла изгнать из сознания образ падающего под пулями Костика. — Вам совершенно все равно! Я расскажу Ефрему Ионычу. Он будет сердиться.

— Ты меня Колоколовым не пугай. Я ему не подвластный. Я вольный русский казак

Кузьмич обиделся, даже борода растопырилась.

— Я все равно уйду! — сказала Ниночка

— Твоя воля, барышня, — ответил казак. — Только далеко не уйдешь.

— Пускай я погибну. — Ниночка была готова к жертвам. Она уже вышла на улицу Варшавы с бомбой в руке — держитесь, сатрапы! Единственным сатрапом на сто верст кругом был казак Кузьмич. Но и он не подозревал, какую бурю поднял в маленьком горячем сердце Ниночки.

Она побежала к избе, там был ее мешок, который она вчера принесла с лодки. Мужчины глядели ей вслед как на блаженную.

Ниночка ворвалась в избушку. И прямо к скамье — схватила свой мешок, высыпала его содержимое на пол, чтобы понять, что нужно брать в тайгу

Вероника сидела за столом. Когда Ниночка вбежала, она разговаривала с Пегги.

— Пегги мне обо всем рассказала, — услышала Ниночка голос Вероники — Дуглас узнал что-то о метеорите.

— Там люди, — сказала Ниночка. — Там Костик. Вы его знаете. И профессор Мюллер. А ваши друзья вооружены.

— Вы хотите идти туда, в лес? — спросила Вероника.

— Да.

— Но это опасно. Русский солдат пойдет с вами?

— Никто не пойдет.

— Но вы не найдете нужное место. Дуглас имеет проводника. А вы?

— Я поговорю с корейцами, — сказала Нина. — У отца есть немного денег. Он меня любит. Он мне даст. Я заплачу.

— Очень хорошо, — сказала Вероника. — Я иду с вами.

— Что?! — Это была самая большая неожиданность.

— У меня нет другого выхода, — сказала Вероника. — Все бумаги отца, вся его слава, его репутация, его честь — в руках у негодяев.

Ниночка вдруг увидела Веронику. Она ее не замечала за последние сутки. То есть видела, замечала, но не вглядывалась. За столом, вытянув перед собой тонкие сильные руки, сидела молодая женщина с бледным изможденным лицом. Густые пепельные волосы туго зачесаны назад и собраны на затылке в тяжелый узел. Серые большие глаза смотрят спокойно и даже равнодушно. И говорит Вероника обо всем так, словно собралась в соседний магазин за хлебом. И, впрочем, не столь важно, в магазин за хлебом или в непроходимую тайгу, главное, что она решила и ее решения никому не поколебать.

— Наше завещание у них, — сказала практичная Пегги. — Мистер Дуглас скажет госпоже: у меня завещание, у меня бумаги, я буду делать что хочу, а вы, мисс Смит, выходите за меня замуж или отдайте мне деньги.

— Это не столь важно, — решительно сказала Вероника.

Но Ниночка понимала, что это тоже важно. И не столько потому, что Вероника не могла возвращаться такой же нищей, как уехала, сколько потому, что она должна была восстановить свою справедливость и состояние было частью этой справедливости.

— Но в тайге очень трудно, — сказала Ниночка. — Я сама в тайге ходила. Правда, с мужчинами. А вы никогда там не были.

— Когда-то надо начинать, — сказала Вероника без улыбки. — Я была с отцом в Африке, в бассейне Конго. И думаю, что все леса одинаково неприятны.

— Начнутся ночные морозы.

— Значит, не будет комаров. И давайте, дорогая Нина, прекратим этот пустой спор. Я уверяю вас, что, не будь вашего решения отправиться в лес, я бы сделала это одна. Пегги может подтвердить.

— Да, мисс Смит сказала мне об этом до вашего прихода, — подтвердила Пегги. — И я иду с ней.

— Еще этого не хватало! — воскликнула Ниночка. — Это вам не Африка!

Пегги победоносно улыбнулась.

Ниночка отбросила свой мешок в сторону и пошла наружу. Она понимала, что не отговорит упрямых иностранок. А раз так, то ей придется стать самой разумной в этой компании. И договориться с казаком.

Вслед ей донеслись слова Вероники:

— Если вы будете договариваться, имейте в виду, у меня хватит денег, чтобы щедро заплатить русским солдатам.

Ниночка вернулась к костру. Ее ждали. Встретили взглядами, но ни о чем не спросили. Ниночка тоже молчала, не зная, как лучше начать разговор. Наконец первым нарушил молчание Михей Кузьмич.

— Передумала, барышня? — спросил казак.

— Нет, — сказала Ниночка. — Только я иду не одна. Англичанки идут тоже.

— Час от часу не легче, — сказал казак. — Что же я господину Колоколову скажу, когда вы сгинете?

— Послушайте, Кузьмич, — сказала Ниночка. — У моего отца — вы его знаете — есть немного денег. Если вы пойдете со мной, в Новопятницке отец заплатит вам сколько нужно.

— Так, — удивился казак. — Значит, я за бесплатно позволю тебе в тайге сгинуть, а если заплатишь из отцовских денежек, то живи? Так, что ли, получается? Да я тебя свяжу, паскуду, в избе запру. Никуда не пойдешь!

Матросы засмеялись, тунгус тоже засмеялся. Корейцы не все поняли, но улыбнулись.

— Я не шучу, — сказала Нина. — И богом клянусь, что это не прихоть. В тайге, куда они пошли, — экспедиция. Там люди ничего не подозревают. А Дуглас и китаец готовы на все. Я даже не знаю почему. Но вы-то знаете, какие они люди. Если они могли ограбить умирающего, если они могли избить корейцев и заставить одного из них быть проводником, значит, для них игра стоит свеч.

— Это так, — согласился казак.

— Мы не только должны идти туда, чтобы предупредить наших людей, но должны идти сразу, немедленно, может, даже обогнать Дугласа и китайца. Конечно, если мы втроем пойдем туда, это смешно, мы ничем не поможем, но хоть предупредим...

— Чего уж вы предупредите... — вздохнул казак.

Опять замолчали.

— Если вы не хотите брать денег у меня, — сказала Ниноч-

ка, — то Вероника готова платить. У нее осталось немного денег. Кстати, Дуглас украл у капитана Смита и завещание, по которому он отказывает все свои деньги дочери.

— Много денег, да? — спросил тунгус.

— Не знаю. Наверное, много.

Тунгус сощурился и затянулся из длинной тонкой трубочки.

— Мы дороги не знаем, — сказал казак. — Все равно опоздаем.

— Дорогу я знаю, однако, — сказал тунгус.

— И ты пойдешь, Илюшка?

— Зачем не пойти? Дорогу знаю. Дорога недалекая. Послезавтра будем. Только идти шибко надо.

Из Ниночки словно выпустили воздух — она была готова отчаянно спорить и сражаться с мужчинами. А оказалось, сражаться и не надо. Казак сказал, что матросы и корейцы останутся у лодок. Если кто из начальства или казаков проплывет мимо, позовут на помощь.

Когда Ниночка вернулась в избу, чтобы собираться в поход, Пегги спросила негромко, видно, не хотела, чтобы мисс Смит слышала:

— А студент Андрьюша там?

— Там. Ты же знаешь.

— Он хороший, — сказала Пегги. — Только несильный. Если мистер Робертсон убивать будет, жалко.

— Всех жалко, — сказала Ниночка. «Странно, — подумала она, — я никому не сознаюсь, что спешу в тайгу из-за Костика. А Пегги может сказать об Андрее». И к стыду своему, Ниночка поняла, что, хоть и встречалась не раз с Андрюшей Нехорошевым, помнила его плохо. Нечто худое, нескладное, в очках. К тому же из другой партии — из эсдеков.

Собирались недолго. Через два часа вышли. Как только казак проверил, как уложены у женщин заплечные мешки, взята ли еда, ладно ли сидят башмаки, — в тайге шутить с этим нельзя.

Тунгус повел в сторону от реки, по тропке из тех, что известны только тунгусам — хозяевам тайги.

* * *

С утра они копали траншею в валу. Это только на словах было просто. На самом деле широкий оплывший вал был набит сломанными деревьями, как компотная гуща ягодами. Только к полудню — уже и время остановилось, и сил не осталось, и радость открытия пропала — вода вяло потекла из воронки. Молчун продолжал упрямо и методично копать, молодые люди вяло тыкали

кольями в гниль и грязь, расшатывая и раздвигая стволы и сучья, а Мюллер неловко, но без устали тюкал топором, стараясь помочь остальным.

А вода текла сначала тонким ручейком, затем, найдя дорогу, потекла шустрее.

Далеко не сразу кто-то догадался обернуться, и они, к своему изумлению, увидели — и поняли мгновенно, что метеорит, открытый ими, вовсе не метеорит, а создание человеческих рук.

Это была верхняя половина шара, хоть и покрытого грязью и прилепившимися к нему сучьями, все равно правильная, точная, немыслимая в природе.

Обернувшись, они так и остались стоять в изумлении, а потом все сразу начали говорить, переспрашивая друг у друга, действительно ли остальные видят то же, что и ты, может быть, подвели усталые глаза?

Наконец, прерывая суматошные возгласы, Мюллер сказал твердо:

— Неоднократно я возвращался к разговору о множественности обитаемых миров, однако мои коллеги старались поднять меня на смех. Я открою вам тайну, мои друзья: как только я услышал о падении урулганского метеорита, мои надежды увидеть подтверждение моим взглядам получили новый толчок. Изучение мною сообщений газет и очевидцев о манере падения этого предмета убедило меня в том, что, вернее всего, мы имеем дело с управляемым кораблем иноземного происхождения. Однако я не говорил вам об этом, потому что насмешки коллег перенести куда легче, нежели насмешки моих спутников по этому путешествию.

— Там, внутри... — начал Андрюша и осекся.

Тут и Костю проняло. Он продолжил мысль Андрюши:

— Если это корабль со звезд, то внутри него были некие инопланетные существа.

— Почему были? — воскликнул Андрюша.

— Потому что в ином случае они бы вышли на поверхность, — сказал Мюллер. — Надеюсь, что их гибель в момент крушения — а чем иным, как крушением, мы можем объяснить падение этого тела в ленской тайге? — была мгновенной.

Молчун между тем подошел к краю воронки и стал подтаскивать обнажившийся под водой ствол, чтобы сподручнее подобраться к металлическому шару, что лежал на поломанных стволах, как птичье яйцо в гнезде.

Потом обернулся, подождал паузы в речи профессора и спросил:

— А как же она летала? Железяка эта?

— Для меня это такая же загадка, как и для вас, молодой человек, — сказал Мюллер.

— Я читал, — вспомнил Костя. — У английского писателя Уэллса. У него они на Луну летали в подобном аппарате.

— Возможно, принцип движения этого тела был реактивным. Это вам что-нибудь говорит? — спросил профессор у Молчуна.

— Нет, — сказал тот.

Он поднатужился, ствол сдвинулся и лег рядом с первым. Теперь до метеорита можно было дойти, не рискуя свалиться в воронку. Молчун первым пошел к шару, который, судя по обнажившейся его части, должен был в диаметре превышать десять саженей, и деловито постучал по нему кулаком.

Звук был глухой. Если внутри шара и была пустота, то оболочка была толстой — кулаком не простучишь.

Тем временем к Молчуну присоединились остальные.

— Не надо стучать, — остановил Ивана профессор.

— А чего?

— Все равно не откроют, — ухмыльнулся Костик. — Мертвяки не открывают.

Молчун стучать перестал, перекрестился. Стоял, ждал, что придумает профессор.

А профессор ничего не придумал. Пауза затягивалась. Тогда Андрюша спросил:

— А может, все же еще постучать?

— Чепуха какая-то, — сказал Костик.

— Знаю, что чепуха.

— Надо осмотреть его со всех сторон, — сказал наконец Мюллер, перепрыгивая на соседний ствол, чтобы увидеть шар справа.

Костик с Андрюшей постарались пробраться налево, а Молчун остался, где стоял, потому что происходящее настолько превышало возможности его ограниченного разума, что инстинкт самосохранения подсказал ему единственный выход: ничего не делать.

Он стоял и думал: врет, наверное, профессор. Мало ли какие камни бывают! И, может, он не с неба свалился, а всегда здесь лежал. Наверху что? Звезды. Господь бог и ангелы. Им незачем в железных шарах летать. Сейчас бы вернуться к палатке, достать из профессорского мешка флягу с коньяком. А почему бы и нет?

Рассуждая так, Молчун скреб толстым грязным ногтем по железному камню. Грязь облетала. Под ней был тусклый, очень гладкий серый металл. По нему тянулась тонкая, как нитка, округлая полоска. Молчун скреб по полоске — любопытно было,

куда она ведет. Но она вела под воду. Тогда Молчун плюнул и пошел прочь, пока, обойдя камень, не вернулись другие.

Костик, выходя из-за полушария, увидел его и спросил:

— Ты куда?

— По нужде, — ответил Молчун и пошел дальше, не оглядываясь.

Он перевалил через земляную насыпь и поспешил к лагерю. Там сразу полез в рюкзак к профессору, достал оттуда флягу и приложил к губам. Коньяк был горячий, славный, только слишком быстро влился в глотку. Жалко. Но все равно приятно. Молчун потряс флягой, еще несколько капель упало в рот. Молчун аккуратно завернул крышку и спрятал флягу на место. Пускай что хочешь думает, но не сознаемся, сказал он себе и успокоился. Так он никогда и не догадался, что очередное великое открытие — открытие входа в космический аппарат — принадлежало ему, беглому каторжнику.

А Костик, который первым вернулся к исходной точке, сразу увидел тонкую полоску, очищенную Молчуном.

— Глядите! — воскликнул он. А впрочем, восклицать и не было нужды, потому что Андрюша с профессором уже были рядом и тоже увидели тонкий, будто проведенный иголкой круг.

Сразу стало ясно, что если и удастся проникнуть в космический корабль, то надо еще более спустить воду из воронки, хотя бы на сажень. Принялись звать Молчуна, но тот не откликался. Тогда лопату взял Костик, Андрюша помогал ему топором, а профессор ворочал стволы колом. Углубить отводную канаву было трудно — чем глубже копали, тем шире становился вал и плотнее набит деревом. Часа два прошло, прежде чем канаву углубили настолько, что вода опустилась ниже возможного люка.

Вернулись к шару и стали думать, каким образом этот люк открыть. Андрюша не удержался и снова постучал. И, конечно же, без всякого результата.

Они тщательно расчистили и даже протерли рукавами весь люк и металл вокруг него в надежде увидеть какую-нибудь зацепку или замочную скважину. И ничего, конечно, не нашли.

— Давайте рассуждать логически, — сказал Мюллер, отмахиваясь от озверевших вконец комаров. — Разумеется, любая дверь открывается в первую очередь изнутри. Но если ты уходишь из дома или дома никого нет, а тебе надо обезопасить его от возможного похитителя, ты ее запираешь. А если мы так делаем на Земле, то и они, в небесных далях, должны делать то же самое.

— А если «сезам»? — спросил не без ехидства Костик.

— Какой «сезам»? — Профессор забыл о восточной сказке.

— В переносном смысле, конечно, — сказал Андрюша.

— А! Звуковой сигнал! — понял профессор. — Не исключено. Но давайте надеяться на нечто более обычное, потому что их слова «сезам» нам никогда не узнать.

Костик достал свой ножик и пытался всунуть его острие в нитяную щель. Безрезультатно. Они нажимали на разные места люка, и также ничего не выходило.

— Нет, — сказал наконец Мюллер. — Способ должен быть прост, и в то же время он должен исключать случайности.

— А если так? — спросил Андрюша и нажал обеими руками на люк, совершая при этом круговое движение, словно отвинчивая его.

Костик улыбнулся. Зрелище было нелепое. Когда у Андрюши не получилось движение в одну сторону, он, нисколько не смущаясь, стал поворачивать люк в другую сторону. И когда люк довольно легко двинулся и стал вывинчиваться, это было так необыкновенно, что Мюллер с Костиком замерли и затаили дыхание, будто боялись спугнуть корабль или помешать Андрюше.

Вывинтившись на три оборота, люк остановился — дальше не шел. Андрюша стал толкать его в разные места, и люк утопился правой стороной, повернулся вокруг вертикальной оси и замер.

Перед ними было темное отверстие, из которого исходил странный, легкий и чуть дурманящий запах, словно аромат экзотического цветка.

— Эй, — негромко произнес Андрюша, — там есть кто?

Внутри было полное молчание.

Никто не решался сделать следующего шага.

Вдруг Костик спросил, совсем не по делу:

— А как ты догадался этот круг вертеть?

— Не знаю, — сказал Андрюша. — Что-то меня натолкнуло.

— Ты думал об этом?

— Ни о чем я не думал.

— Молодые люди, — сказал Мюллер, — вы отвлекаетесь на частности.

— Мы ждем, когда вы, профессор, заглянете внутрь своего метеорита, — сказал Костик. — Там уже на стол накрыли.

— У меня создается ощущение, что вы не осознаете всего значения того, что происходит, — обиженно сказал профессор. — Мы с вами встретились с могущественной иноземной цивилизацией, преодолевшей немыслимые расстояния, чтобы достичь нашей планеты.

— Или ухлопать ее, — сказал начитанный Костик, который вспомнил выразительные картинки, виденные им в журнале

«Мир приключений», иллюстрировавшие повесть любимого им писателя Герберта Уэллса «Борьба миров».

— Я полагаю, — возразил профессор, — что цивилизация, которая постигла межзвездные сообщения, не может быть злобной.

— Почему? — спросил Костик.

— По той простой причине...

Но причины профессор не нашел и еще более рассердился.

— Я пошел, — сказал он, не двигаясь с места. — Нас ждут.

— Нас ждут мертвые тела, — сказал Костик.

Профессор не понимал, что за внешней грубостью и даже развязностью Костик скрывает страх, владевший им. Черное отверстие люка в космический аппарат представлялось входом в преисподнюю. Но так как Косте казалось, что спутники никоим образом не разделяют его страха, то и самому показывать его было нельзя.

— Я пойду, профессор? — тихо спросил Андрюша, поправляя грязными пальцами очки. — Я худее вас, мне сподручнее.

— Идите, Андрюша, — с облегчением сказал профессор. — И говорите нам оттуда обо всем, что увидите.

— Я увижу, — сказал Андрюша, словно находился в каком-то трансе. — Я увижу нечто подобное гробу.

— Андрей! — остановил его Мюллер. — Идите, не надо фантазировать. Если вы боитесь, я пойду первым.

— Нет, я не боюсь. Мне ничто не угрожает, — ответил Андрюша, взялся пальцами за края люка и, подпрыгнув, перенес ноги через нижний край люка. Потом он выпрямился, и голова его исчезла из виду.

И тут же внутри аппарата зажегся свет, так что торс Андрюши стал черным силуэтом.

— Осторожнее, Андрюша! — воскликнул профессор, отступая от люка. — Возвращайтесь.

— Ничего страшного. — Андрюша наклонился, чтобы выглянуть из люка. — Аппарат устроен таким образом, что появление человека включает приборы, которые обеспечивают его светом, теплом и прочими жизненными функциями.

— Ты сам говоришь? — вдруг спросил Костик.

— А кто же за меня?

— Ты говоришь как-то не так. Будто тебе внушают эти мысли.

— Костя, вы отвлекаете Андрюшу, — сказал Мюллер.

— Я опасаюсь, — сказал Костик, — не проникла ли в мозг Андрюши чужая сила, таящаяся в этом аппарате.

— Это чистая мистика, — сказал профессор. — Но если вам страшно, то вы можете вернуться в лагерь.

— Мне страшно. Но не за себя, — сказал Костик. — Мне страшно за все человечество.

— Почему? Нам ничто не угрожает. Мы ученые. И движимы гуманными побуждениями.

— Что ваш гуманизм по сравнению с тем, о чем мы не можем иметь представления?

— Гуманизм одинаково свойствен всем разумным существам. Он рожден христианством.

— А когда конкистадоры убивали ацтеков, — сказал Костик, — они тоже были гуманными?

— Это были нецивилизованные люди.

— Когда я иду по лесу, — сказал Костик, — и наступаю на муравейник, я не знаю, сколько муравьев я задавил. И не интересуюсь этим. Не потому, что я гуманный или негуманный, а потому, что я не замечаю всякую пакость под ногами.

— Это не аргумент, — вскипел профессор, — потому что муравьи не относятся к человеческому роду.

— А они? — Костик показал на отверстие люка, где скрылся Андрюша. — Они относятся к человеческому роду?!

— Подождите, — остановил его профессор. — А где Андрюша?

— Боюсь, что он их пленник, — мрачно произнес Костик.

Только тут профессор увидел, что Костик сжимает в руке топор, которым они расчищали водослив.

— Андрюша! — позвал профессор, заглядывая в люк.

Там внутри было светло. Но свет был ровным и никаким, ниоткуда. И не было видно никаких предметов или дверей, как положено. Впрочем, остановил себя профессор, почему положено?

— Андрюша! — повторил он.

Никакого ответа.

Профессор обернулся, потому что услышал, как сзади плеснула вода.

— Вы куда, Костя? — спросил он.

— Мне надоело быть пищей для комаров, — ответил тот, поднимаясь на вал, присаживаясь на поваленное дерево и доставая портсигар. — Здесь ветер. Приятнее.

— Но Андрюша не отзывается!

— Я вижу, — согласился Костик.

— Может быть, пойти за ним?

— Я бы не советовал, профессор, — сказал младший Колоколов, — потому что вы сгинете так же, как ваш студент.

— Но что дает вам основания так думать?

— Ничего. И я предлагаю вернуться к реке и сообщить в Якутск, чтобы вызвали войска. Желательно с артиллерией.

Профессор отмахнулся. Он решил, что Костик говорит от своего имени, но живое воображение Костика напомнило ему, что все это он уже читал в романе Герберта Уэллса. Потому ему хотелось бежать куда глаза глядят. Но он остался, ибо для бегства нужен толчок. А такого толчка не было. А без толчка человеку убегать стыдно. Перед собой стыдно. Костик лишь оглянулся и глазами нашел за валом неглубокую, относительно сухую яму, в которой можно будет в случае чего укрыться.

— Андрюша! — снова позвал профессор.

Ответа не последовало.

— Костик, — сообщил поникшим голосом профессор, — я пошел внутрь. Если я не вернусь, нашему примеру не следуйте. Как можно скорее уходите отсюда.

— Не бойтесь, — сказал Костик. — Обязательно уйду. Но и вам лазить не советую.

— Надо, — сказал профессор. — Я как начальник экспедиции отвечаю за ее сотрудников.

И профессор, зажмурившись от тошнотного страха, чего Костик, конечно, не ощутил, переступил через край люка и оказался внутри метеорита.

Ничего не случилось. Вокруг царили спокойствие и тишина, которая может показаться громче пушечного выстрела. Не было звука шагов, потому что пол не был твердым. Впрочем, он не был и мягким, а чуть пружинил. Свойство рассеянного света заключалось в том, что невозможно было определить ни форму, ни размеры помещения, в котором стоял профессор. В нем не было двери, за исключением открытого люка, и непонятно было, куда идти. А тишина стояла такая окончательная, что профессор потерял дар речи и не смог заставить себя снова позвать Андрюшу.

Его вывели из затруднительного положения следы Андрюши — грязные мокрые следы, что тот оставил на упругом белом полу. Они каким-то загадочным образом постепенно впитывались в пол, растворяясь в нем, но все же их еще можно было разглядеть, и профессор с облегчением от того, что взгляд может хоть за что-нибудь зацепиться, пошел вперед, выставив руку, так как казалось, что стена может оказаться рядом.

Но стены не было, а было как бы перемещение окружающей преграды — профессор все время оставался в центре пространства. Но когда он обернулся и поглядел назад, то люка и тайги за ним не увидел. Но уже не испугался, так как находился по ту сторону страха.

Профессор почувствовал, что пол под ногами стал понижать-

ся, но это не было склоном или лестницей — это было ощущением спуска.

И тогда он увидел Андрюшу.

Сначала он увидел Андрюшу, а только затем понял, что попал в центральное помещение межзвездного аппарата, куда более реальное и понятное, чем то беспространство, которое он миновал за последние минуты.

Андрюша стоял посреди круглого белого помещения, к стене которого был приделан широкий наклонный пюпитр. Его поверхность была не гладкой, а украшенной рядами кнопок и окошек. Некоторые окошки были темными, в других горел зеленый свет, однако стекла были непрозрачны, по ним лишь пробегали тени и искорки. Посреди комнаты возвышался продолговатый саркофаг — иного названия этому крупному предмету профессор дать не смог. Представьте себе стеклянное либо металлическое — понять нельзя, — будто бы прозрачное, но на самом деле совершенно непрозрачное пирожное эклер длиной в три сажени, правильно облитое глазурью, но покоящееся не на тарелке, а повисшее в воздухе. Были в том помещении и другие предметы, но Мюллер не увидел их, а обратил взгляд к Андрюше, который был задумчив, но не испуган. Он спокойно обернулся к вошедшему профессору и сказал:

— Я знал, что вы не оставите меня. Спасибо, Федор Францевич.

— Что это? — спросил Мюллер. А когда Андрюша промедлил с ответом, добавил: — Мы беспокоились, почему вы не отвечаете.

— Здесь... — сказал Андрюша, подходя к саркофагу и протягивая руку в направлении его, но не дотрагиваясь пальцами. — Здесь покоится обитатель этого корабля.

— А кто же его похоронил? — спросил профессор.

— Он не мертв, — ответил Андрюша. — Но мне трудно подыскать слова, чтобы объяснить вам его состояние.

Андрюша снял очки и стал протирать их рукавом. Из этого ничего не вышло, так как рукав был влажным и грязным. И тут профессор, приглядевшись к Андрюше и увидев, насколько тот жалок и измучен, насколько грязен и промок, представил себе, как мало сам отличается от студента. И то, что не видно в тайге, в этой стерильной белоснежной комнате стало не только очевидным, но и постыдным.

— Этот человек, — продолжал Андрюша, — находится в состоянии глубокого сна, подобного тому, в какой могут ввергать себя индийские йоги. Тело его охлаждено, а пульс почти не слышен. В таком состоянии он может пребывать многие годы без вреда для здоровья.

— Что вы говорите! — воскликнул профессор Мюллер, глядя на Андрюшу, который говорил медленно и тихо, словно находился в глубоком трансе. — Неужели фантастичность окружения столь подействовала на вашу психику?

— Я говорю о том, что есть.

— Вы полагаете, что тело иноземного авиатора находится внутри этого «эклера»?

— Да, он там. И он жив.

— Но вы не можете знать об этом.

— Я знаю.

— Как?

— Я не могу объяснить, Федор Францевич, честное слово, — это знание входит в меня... — Андрей постучал себя согнутым пальцем по виску, чем никак не убедил профессора.

— Я противник любой мистики, — сказал тот. — Любое явление имеет физическое объяснение.

— Здесь нет никакой мистики, — сказал Андрюша. — А где Костик?

— Он отошел в сторону.

— Он не захотел сюда идти?

— Ни в коем случае.

Профессор провел пальцем по поверхности саркофага. Саркофаг был холодным, ледяным.

— Но если обитатель этого аппарата жив и не пострадал, значит, он может отсюда выйти?

— Только с нашей помощью, — сказал Андрюша.

Он вздохнул и проговорил другим тоном, виновато:

— Простите, Федор Францевич, но я за секунду до ответа не знаю его. Меня самого это пугает.

— У вас возникает какое-то чувство? — заинтересовался профессор. В нем проснулся исследователь. — Или это слуховая подсказка?

— Не знаю, честное слово, не знаю.

— Но ощущаете ли вы какое-либо чувство опасности? Может быть, ловушки, угрозы?

— Я ничего не ощущаю, я ничего не знаю.

— А как тогда вы можете помочь этому неизвестному существу?

— Я для этого... должен подойти к пульту управления.

— Как вы сказали?

— Вот этот пюпитр именуется пультом управления анабиозной камерой.

— Простите меня великодушно, Андрюша. Приходилось ли вам ранее сталкиваться со словом «анабиоз»?

— Смутно вспоминаю... Не связано ли это с зимней спячкой жаб?

— Хорошо. Оставим этот предмет. Вы убеждены, что нам это ничем не грозит?

— Убежден.

— Но вдруг это ловушка?

— Ловушка какого рода? — удивился Андрюша. — Вы хотите сказать, что этот корабль сознательно потерпел крушение, чтобы привлечь нас в этот дикий край? Не проще ли тогда было опуститься незаметно, без шума и грохота, и завоевать Землю?

— Что мы знаем об образе мыслей столь чуждых для нас существ? — возразил Мюллер. — Мне пришлось как-то услышать сравнение: представьте себе человека, который идет по лесу и наступает на муравейник. Заметит ли он, что раздавил нас с вами?

— Что же вы предлагаете, профессор? Уйти?

— А он похож на человека?

— Я не знаю.

— Надо посмотреть. Возможно, здесь находятся какие-либо документы, возможно, фотографии его близких.

— Это что-либо изменит?

— Но вдруг там находится тигр? Или еще хуже — паук?

— Если Вселенная населена разумными пауками, — сказал Андрюша, напяливая на длинный нос очки, — то, значит, нам нужно готовить себя к тому, что придется с ними общаться. Кстати, а что, если мы им тоже неприятны?

— Мы? — Эта мысль сбила с толку профессора. Он никогда еще не пытался увидеть себя с точки зрения разумного паука.

Он поглядел на Андрюшу иным, чем прежде, взглядом. Андрюша, который, по мнению профессора, не отличался живым и быстрым умом, проявлял завидную рассудительность, и неясно было — то ли это упущение профессора, не замечавшего этого в Андрюше ранее, то ли следствие внутреннего голоса, руководившего Андрюшей.

— Мы можем теперь приступить к пробуждению астронавта, — сказал Андрюша. — Вы не возражаете, Федор Францевич?

— Ну что вы, разумеется, приступайте, — сказал профессор. — Смогу ли я при этом находиться?

— Разумеется, почему бы нет?

— Несмотря на разумные опасения, — сказал профессор, — мне как ученому необходимо наблюдать как само появление иноземца, так и ваше, Андрюша, поведение, ибо вы, очевидно, контролируетесь загадочной внешней силой.

— Наверное, — согласился без радости Андрюша. — Начиная

с того момента, как догадался повернуть люк. А как вы думаете, почему эта сила действует только на меня?

Так как Мюллер не ответил, Андрюша пошел к пюпитру, который он загадочно называл пультом управления, и остановился перед ним в замешательстве.

— Не знаю, что делать, — сказал он.

— А вы закройте глаза, — посоветовал профессор, — сосредоточьтесь, а потом расслабьтесь.

Профессор вытащил записную книжку, надеясь, что ему удастся записать то, чего еще не наблюдали глаза человека.

Андрюша закрыл глаза, сосредоточился, потом открыл их снова и сказал:

— Ничего не снизошло.

— Подождем, — сказал профессор

Он спрятал записную книжку в карман плаща, а сам пошел вдоль округлых белых стен, изучая их и стараясь отыскать проход в следующее помещение.

Тут его путешествие было прервано неприятным скрипящим звуком.

Он вздрогнул, резко обернулся и увидел, что Андрюша склонился над пультом и нажимает на нем кнопки.

— Андрюша! — предупреждающе крикнул профессор. — Осторожнее! Вы же все поломаете!

— Погодите, — огрызнулся Андрюша и продолжал свое дело. Только тогда профессор догадался, что Андрюша действует по указаниям внутреннего голоса.

— Не спешите, — предупредил профессор. — Не ошибитесь. Прислушайтесь внимательно.

Он подошел ближе, чтобы помочь Андрюше, если возникнет надобность, и все прислушивался к себе — не возникнет ли внутренний голос в нем, что было бы справедливо и правильно, потому что жизненный и научный опыт профессора мог пригодиться иноземцу более, чем незначительный опыт Андрюши.

Неприятный звук сменился другим, не менее неприятным — скорее схожим с продолжительным визгом.

Профессор был убежден, что Андрюша все делает неверно, и боролся с желанием вмешаться и остановить юного помощника, но что-то приковало его ноги к упругому полу. Может быть, страх, а может, и высшая сила — профессору так и не суждено было разобраться в этом. Да и некогда разбираться, потому что освещение в круглой комнате стало меняться — тускнеть и в то же время становиться все более тревожным. Остро и сильно запахло озоном, словно в комнате взорвалась шаровая молния, по

белым бесплотным стенам пробежала дрожь, связанная с изменениями в их цвете. Странная дрожь господствовала и в воздухе. Воздух багровел, будто наполнялся кровью, и тут с легким шорохом крышка саркофага начала сдвигаться, не падая при этом на пол, а оставаясь подвешенной в воздухе. Она полностью отошла вперед, отрезав таким образом профессора от Андрюши, который, не оборачиваясь, внимательно следил за огоньками и значками, возникавшими в овальных окошечках на пульте. А профессор обратил свой взор к открывшейся внутри саркофага картине. Там, полностью погруженный в некую полупрозрачную жидкость, лежал подвешенный словно в насыщенном соляном растворе молодой человек замечательного гармоничного сложения с чистым правильным лицом... И, что смутило профессора и заставило его на мгновение отвести взор, совершенно обнаженный. Человек спал или был мертв.

— Андрюша! — воскликнул профессор, но и на этот раз Андрюша не оглянулся.

Тихо и настойчиво, словно метроном, начался стук, исходивший откуда-то сверху. В окошечках на пульте побежали зигзагообразные линии. Жидкость, наполнявшая саркофаг, начала опускаться, выливаясь вниз, профессор даже бросил взгляд туда, но не заметил никакой трубы.

Еще минута — и молодой иноземный астронавт уже лежал на дне саркофага. Медленно поехал вслед за металлической крышкой прозрачный внутренний колпак саркофага. Профессор увидел, что грудь человека вздрогнула, приподнялась и опустилась вновь.

— Андрюша, он дышит, — счел нужным сообщить студенту Мюллер, так и не отыскав записной книжки.

— Знаю, — откликнулся Андрюша.

Человек лежал перед Мюллером. Спокойно лежал. Мокрый человек. Ничем не прикрытый.

Он ровно дышал. Потом дыхание стало чуть быстрее, человек нахмурился, пожевал губами, что сразу сделало его обыкновенным и совершенно не страшным, а потом открыл глаза.

— Все, — сказал Андрюша. — Я страшно устал.

Он уселся на упругий пол у пульта и прислонился спиной к его основанию.

Человек в саркофаге легким движением поднял руки, схватился за края саркофага и сел. Сев, он стал осматривать комнату и людей в ней. Затем, не говоря ни слова, он протянул руку, взял со дна саркофага нечто круглое, черное, похожее на фасолину, и вставил себе в ухо. Прикрыл глаза, словно прислушиваясь. Затем вновь открыл их и уставился на Мюллера.

Мюллеру стало неловко — взгляд был слишком настойчивым, неземным.

Губы человека шевельнулись.

— Спасибо, — сказал он.

Лицо его оставалось неподвижным и гладким.

— Я благодарен вам за помощь.

Слова произнесены были правильно, но как-то автоматично, как произносит их учитель русского языка перед иноязычной аудиторией.

— Здравствуйте! — Профессор Мюллер понял, что наступило его время и молодой астронавт ждет его рассказа. — Мы были движимы гуманными соображениями, желая оказать вам помощь. Вы потерпели крушение на планете Земля. Это вам что-нибудь говорит?

— О да! — ответил с чувством незнакомец. — Мое путешествие чуть было не завершилось трагически. Как благодарен я вам, жители планеты...

— Земля, — подсказал Андрюша.

— Жители планеты Земля, за то, что вы сделали для меня.

Говоря так, молодой человек вышел из саркофага, подошел к пюпитру, провел рукой над ним, и на туманной, загибающейся, как внутренность шара, стене возникло цветное изображение окружающей метеорит тайги — версты и версты поваленных деревьев, обгорелые стволы, болота, скалы и горы за ними. Словно у метеорита появился глаз, который видел все вокруг. Вот направление его взгляда изменилось, и он, пронзив, как лучом, завалы деревьев, увидел — и все увидели — лагерь экспедиции: жалкую палатку, тлеющий костер, кучку лошадей и посреди этой унылой картины — мрачный, насупившийся, руки в карманах штанов, усталый Иван Молчун.

Наблюдатели не могли знать, что он только что выпил флягу профессорского коньяка и весьма разозлен, потому что нет хуже положения, чем у человека, который начал пить, но не имеет возможности это продолжить.

— Каким образом вам удалось отыскать меня? — спросил аэронавт. — Я не вижу воздушного корабля, с помощью которого вы могли бы преодолеть бесконечные леса и горы, которые окружают место моего неудачного приземления.

Тем временем наблюдавший за тайгой «глаз» как бы поднялся в немыслимые дали, выше, нежели мог бы подняться орел, и оттуда, с высоты, они увидели бесконечное море тайги и гор и даже широкую гладь Лены.

— Мы шли пешком, — ответил Мюллер, — а частично на лошадях.

— Как так — на лошадях? Я этого не понимаю.

— У нас есть способ, — сказал Андрюша. — Если путь далек и труден, мы взбираемся на домашних животных, именуемых лошадьми, которых вы видели у нашей палатки, и они везут нас.

Астронавт кивнул и, опустив свой «глаз» ниже, приблизил его к лошадям.

— Как это немыслимо трудно! — сказал он.

— У нас есть воздушные корабли и автомобили, — сказал Мюллер. — Не следует недооценивать нашей цивилизации. Я убежден, что каждый инопланетный агрессор, намеревающийся покорить и поработить нашу планету, столкнется с решительным отпором.

— Разумеется, разумеется, — сразу согласился астронавт. — Он сразу столкнется. А простите, зачем ему порабощать вашу планету?

Мюллер пожал плечами.

— Это теоретический вариант контакта между жителями разных планет, — сказал он. — Но, как я понимаю, вы прибыли к нам с развитой и гуманной планеты. И мы рады вам.

Астронавт был смущен.

— Разумеется, — сказал он. — В великом галактическом содружестве, частью которого является и моя родная планета, иного образа жизни не бывает. Разумеется, мне приходилось читать исторические труды о войнах и раздорах. Я даже видел орудия убийства в археологическом музее. Но я не думал, что попаду на планету, где это не отдаленное воспоминание, не давний сон, а реальность.

— Но лучшие люди, — сказал Андрюша, — лучшие люди нашей планеты полностью разделяют вашу точку зрения и стремятся к прекращению войн и вражды, к уничтожению эксплуатации человека человеком. Это наши идеалы.

— Если вы позволите, — сказал пришелец, — я бы желал продолжить этот полезный и поучительный для меня разговор через некоторое время. Я хотел бы осмыслить услышанное, обозреть жизнь на вашей Земле. И немного отдохнуть — я еще так слаб после долгого анабиоза.

— Разумеется, — согласился Мюллер. — Мы придем к вам позже.

Вдруг астронавт поднял руку, будто желал остановить профессора, чтобы вместе прислушаться к чему-то происходившему неподалеку.

— Там злость, — сказал он, опуская руку и показывая перед собой. — Там смерть.

— Где? — не понял Мюллер. — Вы имеете в виду нашу Землю?

— Близко, сто шагов.

Он сделал шаг вперед, но тут профессор не выдержал.

— Простите, — сказал он, — на улице очень холодно и идет дождь. Вы наверняка простудитесь. Вы должны одеться.

Разумеется, профессора не столько беспокоило здоровье астронавта, сколько собственный ужас перед видом обнаженного тела. Мысль о том, что тот намерен нагишом бегать по тайге, была невыносима.

— Вы правы, — согласился астронавт, но не остановился, а как бы вошел в стену.

Остальные послушно последовали за ним.

Стены не были стенами — это были занавесы тумана, что лишь щекотали, когда проходишь сквозь, и смыкались сзади.

И когда они прошли первую стену, астронавта не было.

Мюллер остановился и тут же услышал:

— Идите.

И в следующее мгновение они оказались у люка. Астронавт уже был снаружи, он легко стоял на бревне. Он был одет в облегающий серебристый костюм, украшенный голубыми квадратиками, разбросанными по нему без смысла, но красиво.

Он быстро пошел в сторону лагеря. Остальные, не возражая, поспешили следом.

* * *

Иван Молчун, пошуровав в мешках Мюллера и молодых людей, больше ничего спиртного не нашел и, так как все еще оставался в неприятном положении человека, начавшего пить, решил поспать. Но сон не шел, а было глубокое раздражение. Из сорока с небольшим лет, прожитых на божьем свете, Молчун около двадцати провел по тюрьмам и каторгам не потому, что был особо склонен к злодейству, а так получилось. С первой же тюрьмы дорога его была определена и друзья известны. Он был клейменый, поротый, битый плетьми — нерчинскую каторгу знал, сахалинскую видел. Для него вся Россия была большой каторгой — там был центр мира, а между каторгами существовали как бы хлевы, там стояли коровы и ждали, пока волк их зарежет.

Лет шесть назад бежал Молчун с каторги — надоело. Решил, что больше не вернется. Пристал к золотоискателям, таился, потом попался на глаза к колоколовскому приказчику, тот его оп-

ределил к хозяйскому дому. Вроде бы как телохранителем. В помощь Ахметке.

С тех пор служил. Колоколова уважал. Документы ему выправили новые. Выпивал, правда. Нечасто, но если начнет — удержу нет.

Вот и сейчас — самое время начать.

Уйти, что ли? Да куда уйдешь? И оттого Молчун сердился.

Он вышел к лошадям, посмотрел, нет ли язв, не сбиты ли ноги. Спокойнее не стало. Сколько еще в тайге сидеть?

Молчун со злости подобрал с земли тяжелый обгорелый сук и кинул его в кусты.

Сук с треском влетел в перепутанность горелых ветвей и сучьев, оттуда послышался крик. Молчун даже замер от неприятного предчувствия: если профессор с той стороны идет да ему по макушке угодило — что тогда? Придется снова бежать, в тайге скитаться...

И пока Молчун в удручении глядел перед собой, из чащи вышли три человека.

Впереди шел кореец, из золотоискателей. Его Молчун знал, днями встретили у Власьей речки. Второй был высокий англичанин, который приехал в Новопятницк с девкой. А третий шел — злобы не хватает — косоглазый, который с ним таким подлым образом разделался в Новопятницке.

— Ты чего кидаешь? — спросил кореец испуганно. — Зачем убить хочешь?

— А кто знал, что вы здесь шляетесь? — взревел Молчун. — Чего вас сюда несет?

И тут он увидел в руке китайского слуги небольшой черный пистолет.

Молчуну бы испугаться, сообразить, что не зря эти иностранцы, которым в Булуне надо быть, в тайгу забрались. Но полупьяная нерастраченная злость, память об унижении, которому его, первого силача в городе, подвергли в Новопятницке, настолько овладели им, что он заревел словно медведь и двинулся к пришельцам.

— А ну, брось! — крикнул он китайцу. — Брось, тебе говорю!

Высокий англичанин что-то заквакал по-своему, кореец кинулся в сторону, попал между корней в лужу — только грязь столбом!

Китаец улыбнулся, холодно так, спокойно оскалил зубы. Поднял пистолет, и Молчун понял: сейчас выстрелит. Ему бы остановиться, смириться. Но смириться он не мог и продолжал идти на китайца, сжав кулаки и глядя на него в упор почти белыми яростными глазами.

И тогда китаец выстрелил. Раз выстрелил, потом еще и еще, потому что Молчуна убить трудно — его на всех каторгах убивали, да не убили, а пистолетик маленький, вроде детский.

Он упал только после четвертого выстрела.

Но еще не был мертвый, только неподвижный и немой, потому что ему перешибло хребет.

— Ну зачем вы это сделали, маркиз? — сказал по-английски мистер Робертсон. А китаец Лю, не пряча пистолета, ответил на том же языке:

— Вы предпочли бы, чтобы он меня задушил? Разве вы не видите, что я только защищался?

— Я помню этого человека, — сказал Дуглас. — Он напал на меня в том городке.

— Он маньяк. Бандит.

— Это, к сожалению, не оправдание, маркиз, — сказал Дуглас.

— У меня не было выхода.

— Сейчас появятся профессор и другие русские. Что мы им скажем?

— Мы скажем правду, — ответил маркиз. — Мы скажем, что вы, защищаясь, убили этого бандита.

— Но я не убивал его! Вы хотите, чтобы я попал в тюрьму в этой стране?

— Вас никто не обвинит. Слугу же...

— Но наш проводник! Он все видел.

— Тогда он тоже должен умереть.

— Маркиз! Остановитесь. Вы погубите и себя, и меня.

— Я не верю в бессмертие души, — сказал маркиз.

Молчун вздрогнул, из его полуоткрытого рта вырвался стон. Маркиз был скор. Его рука не дрожала. Раздался сухой выстрел.

Но, вместо того чтобы замереть, Молчун начал подниматься. Боль, одолевавшая его, была столь велика, что ему казалось — вырваться из нее можно, лишь взлетев. И он хотел взлететь и был близок к тому... Он не видел своего убийцу, но в последнее мгновение жизни его взору предстал ангел, который вышел из горелой чащи. Был он светел ликом и скорбен, а люди, что стояли рядом с ним — профессор, Костя Колоколов и Андрюша, — казались малыми детьми, робкими, испуганными, но преисполненными жалости к нему — к Молчуну. И Молчун был благодарен господу, что прислал за ним ангела, и боль отпустила его, и пришла смерть...

Но пришла она не от лицезрения ангела, а от того, что китаец, которого Дуглас называл маркизом, продолжал всаживать в его

битое, искалеченное тело пулю за пулей — пока не кончилась обойма. И только тогда он оторвал взгляд от дергающегося в агонии тела и увидел людей, которые стояли в двадцати саженях от него.

В тот момент маркиз не способен был думать. Он был охвачен страхом, который заставлял уничтожить источник страха. Он поднял пистолет, навел на пришедших и продолжал нажимать на курок, хотя пустой пистолет молчал...

От поднятого пистолета люди шарахнулись было в сторону.

Но тут же все прекратилось. Как будто сгинуло наваждение.

Маркиз начал отступать от трупа. Костик побежал к Молчуну, но дотронуться до него не посмел. Дуглас спохватился первым и почти закричал:

— Мой слуга защищал меня! Мой слуга защищал меня!

Кричал он на странной смеси русских и английских слов. Нужно было убедить сейчас, немедленно — и даже не самого профессора и не мальчишек, что были с ним, а того непонятного человека, которого Молчун в предсмертной надежде принял за ангела.

А тот человек только что был и вдруг начал тускнеть — словно растворялся в воздухе. Но не растворился весь, а как бы потерял реальность и перестал присутствовать при этой сцене.

— Что здесь произошло? — Профессор Мюллер смог найти тот официальный, холодный тон, что подслушал когда-то у ректора, производившего дознание о крамольном студенческом возвании.

— Этот человек напал на нас. Совершенно без предупреждения. Мой слуга, защищая меня, выстрелил — в последний момент. Он уже занес надо мной палку... — Дуглас говорил быстро, настойчиво.

— Мы видели иное, — сказал Мюллер. — Мы видели, что ваш слуга стоял над поверженным человеком и стрелял в него, хотя никакой нужды в этом не было.

— Но вы же не знаете, как все началось. Вы не знаете! Кому вы верите — мне или этому жалкому корейцу?

— Какому корейцу? — не понял Мюллер.

— Он в него стрелял раз сто, — сказал Костик.

— Он это сделал от страха.

— Подождите, — сказал Мюллер, — давайте выслушаем его самого.

— Я стрелял от страха, — сказал китаец, оскалившись. — Я защищал мистера Робертсона. Это совершенно очевидно.

Мюллер насторожился — китайский слуга слишком хорошо и правильно говорил по-английски.

— Не знаю, — сказал Мюллер. — Я никогда еще не сталкивался с убийством.

— Его надо повесить, — сказал Костик. — По закону тайги.

— Конечно, мы обязаны его арестовать...

Они стояли, разделенные лежащим на земле телом. Дуглас и его слуга — по одну сторону, экспедиция Мюллера — по другую.

И в тот момент мертвый, начавший холодеть, задравший к небу нечесаную сивую бороду Молчун был важнее инопланетных астронавтов.

— Но где мы его будем держать? — спросил Андрюша.

— Мы его свяжем, — сказал Костик. — Свяжем, и пускай лежит. Потом, когда будем в Новопятницке, скажем уряднику, где его оставили, пускай за ним людей посылают.

— Это верная смерть, — сказал Мюллер.

— А почему он должен жить? — спросил Костик. — Он убил. И его надо убить. Закон тайги.

— Мы не имеем права брать на себя миссию правосудия, — сказал Мюллер. — Мы не в Америке. Это будет суд Линча.

— Если всякой мрази ходить безнаказанно, тайга бы давно стала пустыней.

— Я могу дать честное слово джентльмена, — послышался голос Дугласа, — что он никуда не убежит. И по возвращении к цивилизации предстанет перед законным судом.

— Может, это выход? — с облегчением спросил Мюллер. — И в самом деле, господин Робертсон дает слово джентльмена.

— Я сомневаюсь, что он джентльмен, — сказал Костик.

— И прекратим эту тяжелую сцену, господа, — сказал Дуглас, не поняв слов Костика. — Наш христианский долг — похоронить этого несчастного. Да, именно так. И, наверное, все мы заинтересованы в том, чтобы забыть, по крайней мере на время, этот прискорбный инцидент.

— Сначала пускай твой ходя отдаст пистолет, — сказал Костик. — Иначе вообще разговора с вами не будет.

— Я предпочел бы оставить его себе, — ответил на приличном русском языке китайский слуга. — Он мне может пригодиться. Я не люблю быть беззащитным.

И тогда Андрюша спокойно подошел к китайцу и протянул руку:

— Отдайте оружие, прошу вас.

— Только подойди еще на шаг! — крикнул китаец.

— Почему же нет? — Андрюша спокойно шел к китайцу, и тот

стал отступать назад, оступился, пошатнулся, привалился спиной к стволу, но пистолета не выпустил.

Дуглас полез в карман.

— Мистер Робертсон, — увидел его жест Мюллер, — надеюсь, вы не бандит?

Рука Дугласа осталась в кармане.

Понимая, что отступать некуда, китаец высоко вскрикнул и нажал на курок — Андрюша был всего в шаге от него.

— Пистолет пуст, — сказал Андрюша. — Я же видел, как вы расстреливали мертвого Молчуна.

Он быстро, по-кошачьи протянул тонкую руку и рванул пистолет. Китаец выпустил его. Он был растерян. Он был зол на себя.

— Дуглас! — приказал он.

Но Дуглас не вынимал руки из кармана.

— Знаете, маркиз, — сказал он, — я и в самом деле не бандит. Если я помогу вам и убью этого милого молодого человека, нам придется убивать всех остальных. А когда мы убьем всех, вы убьете меня. Потому что вам не нужны свидетели.

Андрюша спрятал пистолет в карман. Костик стоял рядом, приподняв топор, но не приближаясь, потому что помнил, какой быстротой и коварством обладает слуга Робертсона.

— А теперь, — сказал Андрюша, — скажите, где у вас патроны?

— Патроны? — Маркиз широко и невинно улыбнулся.

Движение его было коротким — он выхватил из кармана две обоймы и сильно метнул их в наполненную водой яму.

— Отлично, — сказал Андрюша. — Вы подсказали мне решение.

И пистолет последовал за патронами.

— Мистер Дуглас, — Андрюша обратился к Робертсону, — я полагаю, что для вашей и нашей безопасности следует так же поступить и с вашим пистолетом.

— Возможно, — сказал Дуглас, — но я умею только стрелять, а маркиз Минамото может убить человека голыми руками. Без пистолета я буду игрушкой в его руках.

— По-моему, вы уже игрушка, — сказал Андрюша.

— Брось пистолет! — грозно сказал Костик.

— Вот видите, — сказал японский маркиз Минамото. — Наступила ваша очередь.

— Впрочем, я подчиняюсь большинству, — сказал Дуглас и выбросил свой пистолет вслед за пистолетом японца. И все смотрели, как он летит, и каждый желал, чтобы он упал в неглубоком месте, и каждый думал, что, может быть, удастся его вытащить. Пистолет гулко булькнул, уходя в тину.

Потом похоронили Молчуна. Дуглас предложил кинуть его тело в глубокую воронку, но Андрюша воспротивился, и Костик поддержал его. Они вырыли неглубокую яму, в которую сразу налилась вода, и вычерпывать ее было бесполезно. Копали Костик с Андрюшей не потому, что остальные отказались. Этим они как бы старались загладить вину перед Молчуном, которого давно знали, не любили, но все-таки это был свой человек, знакомый, пожалуй, ближе даже, чем профессор Мюллер. Мир как бы разделился на отринутых от него и баловней, заглянувших сюда мимоходом, свободных покинуть его в любой момент и потому чужих.

Костик обернул голову Молчуна куском брезента, будто сохраняя от воды. Потом Андрюша прочел над ним молитву, прося бога, чтобы принял душу грешника. Он же не знал, что Молчун умер в мире с богом, увидев ангела. Когда стали заваливать могилу кусками грязи, Мюллер пришел на помощь. Дуглас и маркиз оставались в стороне.

Мюллер отошел от могилы и приблизился к Дугласу и японцу. Теперь, когда Молчун исчез в земле, вернулась будничность.

— Что вас привело сюда? — спросил он. — Вы должны были плыть к Булуну. Ничего не случилось?

Костик услышал этот вопрос и подошел ближе. Для него Молчун тоже перестал существовать, а Вероника возникла, будто стояла рядом.

— Произошло многое, — сказал Дуглас. И, повернувшись к маркизу, добавил: — Правда, произошло многое?

— Буксир потерпел крушение, — сказал слуга. — Он налетел на камни.

— Кто-нибудь пострадал?

— Мы не знаем, — сказал слуга. — Это случилось у дальнего берега, а мы были вдвоем на барже, ее оторвало и вынесло к этому берегу.

Дуглас покорно кивал, подтверждая рассказ японца.

— Мы кричали, звали на помощь — нас не услышали, — сказал бывший слуга. — Тогда мы пошли искать вас, мы опасались оставаться одни в лесу.

— И как же вы нас нашли? — спросил недоверчиво Мюллер.

— Нас провел к вам кореец, золотоискатель. Мы встретили его у берега.

— Надеюсь, что мы не найдем еще один труп? — спросил Мюллер.

— Нет, не найдете. Он убежал. — Слуга закрыл глаза.

— Из всех путей, — сказал профессор Мюллер, — вы выбрали самый странный. Идти в глубь тайги, тогда как любой нормаль-

ный человек остался бы на берегу и ждал бы, когда проплывет какое-нибудь судно.

— Мой друг, — сказал Дуглас, кивая на маркиза, которого перестал называть слугой, — очень интересовался упавшим метеоритом. У нас оказалось свободное время, мы решили присоединиться к вам. Любознательность — вполне понятное чувство.

— А что с Вероникой? — спросил Костик. Он не спрашивал о том раньше, зная наверное, что Дуглас отговорится неведением. Но не задать вопроса не смог.

— Мы не знаем, — вздохнул Дуглас. — Был туман. Но буксир сел на камни в мелком месте.

— Чепуха, чепуха! — сказал Андрюша, подкидывая в костер полешки, еще вчера нарубленные Молчуном. — Я не верю этим господам. Когда произошло крушение?

— Два дня назад, — ответил Дуглас, подумав.

— Так я и думал, — отмахнулся от него Андрюша. — За это время буксир ушел верст на двести.

— Вы можете нам не верить... — сказал Дуглас. — Но должен признаться, что мы ужасно замерзли.

Костиком овладело беспокойство за Веронику. Утешала надежда, что бандиты попросту удрали с ночной стоянки. И все же успокоить себя не удавалось. Будь на месте Костика другой человек, более настойчивый и решительный, он бы поспешил к реке на поиски дамы сердца. Но Колоколов боялся отцовского гнева, боялся рассердить Мюллера. Мысленно он давно ушел с этого болота, мысленно он был уже у реки и благодарная Вероника уже бросилась в его объятия. Но он знал, что это ложь. Что он не летит, а стоит посреди болота.

— Чай? — Мюллер пожевал губами. — Ну что ж, можно выпить чаю.

Он ранее других пережил щок убийства и вернулся во власть эйфории, охватившей его после встречи с инопланетянином. Но возвращение в корабль осложнялось тем, что к экспедиции присоединились чужие люди, причем при драматических обстоятельствах. Как быть с ними? Возможно ли скрыть астронавта от их недоброго взгляда? Астронавт открыт Мюллером, астронавт до определенной степени собственность Мюллера. Заголовки английских газет, возвещающие о том, что мистером Робертсоном отыскан в сибирской тайге пришелец со звезд, разумеется, не упомянут какого-то русского профессора. Европа восславит Робертсона...

Андрюша, ощущавший постоянную, хоть и слабо уловимую связь с астронавтом и даже знавший его имя — Рон, хотя тот имени своего и не сообщал, находился в подавленном состоянии, которое передалось ему от астронавта. Тот знал о смерти Молчуна, видел, как это произошло, и впал в ужас от нравов планеты, на которой потерпел крушение. Благородная миссия его — принести людям этой планеты счастье и мир — получила неожиданный тягостный удар. Астронавт был растерян. Андрюша был подавлен его растерянностью.

— Чай так чай, — сказал профессор. Он уселся на сваленный ствол и подумал: «Как глупо, что мы вырыли эту могилу так близко. Ее все время видно».

Согласие чаевничать подразумевало перемирие.

Маркиз Минамото достал из вещевого мешка чайник, жестяную банку с чаем и принялся колдовать над костром, стараясь быть незаметным, но его быстрый черный взгляд порой вылетал стрелой и колол прочих. И эти уколы чувствовались физически.

Некоторое время на поляне царило молчание. Его нарушил Дуглас. Он огляделся, будто надеясь увидеть искомое рядом, не нашел ничего, кроме горелых стволов и топи, и спросил:

— А каковы ваши успехи, профессор?

— Что вы имеете в виду? — Профессор ждал этого вопроса.

— Нашли ли вы ваш метеорит? Судя по всему, он упал именно здесь.

— Как вам сказать? — Профессор обернулся к Андрюше, будто просил поддержки, и Андрюша понял, что профессор сейчас попытается неумело солгать.

— Скажите правду, профессор. — Дуглас улыбнулся, показав все свои тридцать два белых зуба.

— Метеорит найден, — сказал Андрюша раньше, чем профессор принял решение. — Он в ста саженях отсюда.

И Андрюша увидел, как замерли руки слуги. «Интересно, — подумал Андрюша, — почему Дуглас назвал его маркизом? Я никогда не слышал, что у китайцев есть маркизы. А если есть, зачем им наниматься в услужение к английским журналистам?»

— Тогда покажите мне, где он, — сказал Дуглас. — Пока чай будет готов, я смогу удовлетворить свое любопытство.

— Туда сейчас нельзя, — сказал профессор.

— Там таится тигр? — усмехнулся Дуглас.

— Нет, нельзя, нельзя!

— Дорогой коллега, — сказал Дуглас, — вы, как я понимаю, опасаетесь конкуренции. Уверяю вас, я вам не конкурент. К тому времени, как мои телеграммы достигнут Лондона, вы уже сообщите о находке в Петербург. Я же, со своей стороны, клянусь

вам, что первым возвещу миру ваше имя — имя открывателя метеорита.

— Нет, дело не в том, — сказал профессор. — Проблема иная, но я не вправе открыть вам секрет.

Слуга насыпал чаю в закипевший чайник, снял его с огня, поставил на угли, чтобы доходил. Он спросил тихо, очень вежливо:

— Простите, пожалуйста, а это метеорит?

— Что же это еще может быть? — сказал профессор, чувствуя, как у него холодеет в груди.

— Погоди, погоди, — сказал Костик. — А с чего ты решил, что это не метеорит?

— У меня есть сведения, что это не метеорит.

— А что?

— А это космический аппарат, прилетевший на Землю, — сказал слуга, глядя в упор на Костика черными вишенками глаз.

Была короткая пауза, потому что профессор мечтал, чтобы англичанин со слугой провалились под землю, а Костик никак не мог построить фразы, которая бы раздробила на кусочки наглых иностранцев.

— Да, это космический аппарат, — сказал Андрюша. — И в нем нами найден астронавт.

— Мертвый? — спросил Дуглас.

— Он спал. Спал особым сном. Он проснулся, и мы говорили с ним.

— Вы убеждены, что он прилетел с другой планеты? — спросил Дуглас. Дуглас знал, что метеорит — искусственное тело. Об этом он узнал из дневника капитана Смита. Тот наблюдал его падение и видел, как «метеорит» менял курс.

— Он так сказал, — ответил Андрюша.

— И он похож на человека? — спросил Дуглас.

— Он человек.

Андрюша бросил взгляд на слугу. Тот выпрямился, забыл о чае. Рука его лежала на бедре, как бы искала отсутствующий пистолет.

— Он человек, — повторил Андрюша. — И обладает способностями, весьма превышающими наши.

— Он вооружен? — спросил Дуглас.

— Только не думайте, что сможете снова начать войну, — сказал Костик.

— Ничего подобного и не было в моих мыслях, — сказал Дуглас. — Но как журналиста эта новость меня поразила и обрадовала. Я счастлив — это сенсация века!

Господи, подумал Костик, все они уже забыли о Ване Молчуне. Навсегда забыли. А стоят ли этот метеорит и его обитатель смерти одного человека, пускай забубенного, нехорошего, но божьей души? И Костику показалось, что внутри его прозвучал голос пришельца: «Я согласен с тобой, человек. И мне так же горько, как и тебе».

— Подождите, господа, подождите! — Мюллер попытался взять инициативу в свои руки. — Астронавт, находящийся в метеорите, просил нас не приходить к нему без его разрешения. Он устал, он должен прийти в себя.

— Почему мы должны подчиняться его приказаниям? — спросил Дуглас.

Костик, который до того сам бы мог сказать такое, тут же озлился и громко ответил:

— Потому что, к счастью, этот астронавт может стереть вас в порошок.

— Я об этом не знаю.

— Попробуйте раз в жизни задуматься! — ответил Костик. — Если он смог преодолеть межзвездное пространство, значит, его цивилизация на много столетий опередила нашу. Впрочем, идите, и, если погибнете, я буду рад.

— Господа, не надо спорить. Костик совершенно прав, — сказал Мюллер. — Но сомневаюсь, что наш гость намерен пользоваться своим могуществом. Насколько я понял, он представитель благородной и гуманной цивилизации.

— Какие доказательства? — спросил Дуглас. — Его заверения?

— Профессор прав, — сказал Андрюша.

— Волей судьбы, — сказал профессор, шагая по поляне, заложив руки за спину, как делал, когда читал лекции в университете, — здесь собрались различные люди. Я не намерен сейчас никого судить, но это не меняет дела... — Мюллер дошел до могильного холмика, чуть не споткнулся об него. Замер с приподнятой ногой, смутился, повернулся и пошел обратно, к костру. — Представьте себе, что этот господин лишь первый из космических странников, или культуртрегеров, как я позволю себе его именовать. От его представления о нас зависит весьма многое. Да, многое!

Мюллер встретился взглядом со слугой Дугласа и отвел глаза. Он потерял мысль и, прежде чем нашел ее снова, стоял с минуту у костра, жевал губами и сердился на себя.

— Мы должны показаться достойными первой встречи. Пускай мы еще находимся в детстве по сравнению с этим астронавтом. Пусть мы дики и отсталы. Но именно сегодня мы несем ответственность за все человечество. От того, какими мы будем, от того, как он нас поймет и как мы его поймем, зависит, может

быть, судьба всей Земли. Мы должны открыть свои души навстречу будущему!

— Слушайте, слушайте! — воскликнул Дуглас и захлопал в ладоши, что показалось Костику совершенно неуместным.

— Он сейчас призовет нас...

— Он нас зовет, — сказал Андрюша. — Я слышу.

И тут остальные также услышали непроизнесенный призыв, приглашение прийти в корабль пришельца.

— Да, — ответил вслух Мюллер. — Мы идем. Мы готовы.

Костик обернулся к слуге.

— Он пускай остается.

— Почему? — спросил слуга.

— Потому что вы под арестом. Вы убийца. Я не могу идти на встречу с представителем внеземной цивилизации в компании с убийцей.

— Костя прав, — сказал Мюллер. — Разумеется, присутствие вашего слуги, мистер Робертсон, совершенно нежелательно.

— Что желательно, решаю я, — сказал японец.

— Голубчик, ты сейчас без пистолета, — заметил Костик, приближаясь к слуге. — И я тебя жалеть не буду.

— Остановитесь! — воскликнул Дуглас. — Господин маркиз владеет приемами борьбы карате, о которой вы уже знаете.

— Пускай идут все, — произнес голос. — Пускай идут все. Я хочу увидеть и понять всю правду.

Японец чуть улыбнулся Косте, раздвинув губы. Глаза его оставались холодными.

И они пошли гуськом к кораблю.

* * *

Серое полушарие возвышалось черепашьим панцирем над замерзшей серой водой, из которой криво торчали обгорелые бревна.

Мюллер первым прошел по бревнам к кораблю и смело углубился в его белое безмолвие.

Двери, словно отверстия в тумане, открывались перед ним, стены чуть клубились, словно легкий пар.

В центральном помещении, где раньше стоял саркофаг и где астронавт Рон ожидал их, все изменилось, приобретя твердость, осязаемость и предметность.

Сам саркофаг исчез, лишь контур в полу указывал на место, куда он опустился. Пюпитр светился елочными разноцветным огоньками. Именно там стоял пришелец, на этот раз облаченный в серебристые свободные одежды. Напротив него вдоль округло

стены стояло пять низких сиреневых кресел — прием был рассчитан на всех.

— Прошу вас, — сказал астронавт, не раскрывая рта, что было несколько неприятно, но к этому быстро привыкаешь.

Гости расселись в креслах.

Астронавт разглядывал гостей, те — астронавта.

Мюллеру показалось, что он несколько изменился. Стал как бы суше, старше, может, жестче, потерял неподвижную гладкость лица.

— Да, — сказал астронавт, глядя на профессора. — Мое тело может несколько изменяться, подчиняясь моей воле. Раздумья накладывают отпечаток на мой внешний вид.

— Простите, — сказал профессор. — Я не хотел вмешиваться...

— И не следует, — сказал Дуглас с улыбкой, которую считал очаровательной. Но это было дело вкуса. — Каждый должен оставить себе небольшие тайны.

— Тайны? Нужны ли они? Возможны ли? Уже сейчас я знаю о вас больше, чем вы того желаете, — сказал астронавт печально. И в этой печали было нечто заставившее Дугласа согнать с лица улыбку.

— Я хотел бы представить вам тех, кто пришел сюда, — сказал профессор Мюллер, вспоминая о своей роли хозяина.

— Не надо, — ответил пришелец. — Я всех знаю. Я наблюдал за вами, когда вы были там... — Пришелец показал рукой на стену, и на ней снова вспыхнул большой экран, как в синематографе, но цветной и даже объемный. На нем видна была поляна и на краю ее — холмик над могилой Молчуна. — Я слышал все, что вы говорили.

— Это неэтично, — сказал Костик, которому было стыдно за себя и остальное человечество.

— Этично, — ответил астронавт уверенно. — Я нахожусь здесь в беспомощном положении. Я даже не знаю, смогу ли улететь отсюда. Вы мне чужды и непонятны. Вы закрытые.

— У вас там... — спросил Костик, которому пришелец нравился теперь больше, чем раньше, — нет тайн?

— Зачем они человеку?

— Человек хочет тайн, — вдруг сказал японец. В последние минуты его положение, взгляд и даже посадка головы столь разительно изменились, что трудно было угадать в нем покорную тень, следовавшую за Дугласом. — В мозгу его есть ниша, приспособленная для чувства тайны.

— Вы убеждены? — заинтересованно спросил пришелец.

— Все религии, — сказал слуга, — строят свое могущество на простой тайне — тайне смерти. Это главная тайна мироздания.

— Тайн много, — неожиданно поддержал маркиза Мюллер. — Тайна бесконечности Вселенной и ее начала, тайна рождения...

— Разумеется, — согласился астронавт таким голосом, что всем расхотелось далее обсуждать тайны.

Мюллер поморгал и, так как остальные молчали, промолвил:

— Позвольте сказать несколько слов от имени собравшихся здесь жителей Земли.

— Говорите.

— Несмотря на то что встреча наша была не запланирована и произошла до определенной степени случайно, мы счастливы приветствовать здесь от имени человечества первого гостя с неба. Добро пожаловать!

— Спасибо. — Астронавт чуть склонил голову, слушая Мюллера. За его спиной звякнуло — словно пюпитр вызвал его. Не оборачиваясь, астронавт нажал на одну из кнопок, звук пропал, но по потолку комнаты пронеслась светящаяся полоса.

— Мы надеемся, что те прискорбные моменты, которые вам пришлось пережить, — от вашего крушения до гибели Ивана Молчуна, — не отвратят ваш взор от нашей планеты. Люди в принципе хорошие. Все они — божьи создания и как таковые слабы, заблуждаются, грешат, но стремятся к добру. В каждом вы можете отыскать добро. Я убежден в этом.

— Слушайте... — начал было Дуглас, но под обжигающим взглядом своего слуги смешался и замолчал.

— Это Константин Колоколов. Он житель этих мест, учился в Оксфорде, сейчас помогает своему отцу.

— Пожалуй, столь подробные представления мне неинтересны, — сказал астронавт. — Вряд ли мне удастся познакомиться с его отцом.

— Андрей Нехорошев, — сказал Мюллер, показав на студента. — Он здесь находится не по своей воле. Он сослан в Новопятницк за участие в студенческих волнениях.

— Вы задаете мне загадки, — сказал астронавт. — Смысл слов, будто бы понятных, до меня не доходит. Он наказан за то, что волновался. Так?

— Государственный строй и порядки нашего общества, — постарался объяснить астронавту Андрюша, — не всех устраивают. Я принадлежал к тем людям, которые хотели его изменить, чтобы сделать справедливым. Я и мои товарищи по университету говорили об этом вслух. И за это меня послали в отдаленные от городов места.

— Значит ли это, что вы прервали свое обучение? — спросил астронавт.

— Разумеется.

— Но государству это невыгодно.

— Почему?

— Государству нужны специалисты. Государство учит молодых людей для того, чтобы они делали нужные открытия и изготовляли нужные вещи. Зачем же государству наказывать себя, лишаясь специалиста?

— Потому что государство боится, что мы изменим его и построим другое.

— Еще более странно, — сказал астронавт. — Как государство может бояться?

— Боятся люди, которые стоят во главе его.

— Я верю в силу и окончательное торжество прогресса, — вмешался профессор. — Я верю в то, что вы принесете к нам на Землю плоды вашей цивилизации и человек станет богаче, могущественнее, разумнее. И сам мало-помалу достигнет состояния цивилизованного существа.

— Хотелось бы верить... — сказал Костя. — Но пароход был создан Фултоном для того, чтобы перевозить грузы. Ныне же линейные дредноуты, способные одним залпом уничтожить город, встречаются чаще, чем пароходы. Я видел в Петербурге соревнования аэропланов. Пилоты ставили рекорды высоты. А что будет завтра? Можете ли представить себе ужасное зрелище: аэроплан, вооруженный пулеметом «максим», который сможет поливать пулями мирные города? Или цеппелин, который сбросит бомбу на Лондон?

— Цеппелины перевозят почту и пассажиров, — сказал Дуглас наставительно.

— Сегодня — да. Завтра — не знаю.

— Мой юный друг, — сказал профессор, — вы рисуете слишком мрачную картину. Вы начитались романов фантазера Жюля Верна. Аэроплан никогда не сможет стать орудием убийства.

— Я стараюсь глядеть в будущее. Дайте нам ваш корабль, который может летать быстрее любой птицы, дайте его ему, — Костя показал на маркиза, — и он тут же поставит на нем пушку.

— Костя, ты не имеешь оснований! — сказал Мюллер.

— Мой собственный дорогой отец, — отмахнулся от него Костик, — с помощью такого корабля задавит своих конкурентов.

— Туда им и дорога, — сказал Андрюша.

— Вот ты уже и забыл о милосердии. А моя подружка Ниночка начинит его бомбами, чтобы разорвать на куски всех российских

губернаторов. Нет, я не верю в прогресс. Я убежден, что и через полвека люди будут убивать друг друга.

— Господа, ваш спор беспредметен, — сказал астронавт. — Вы строите в воображении будущее, не представляя, каким действительно оно может стать, ибо прогресс, как учит нас галактическая история, не поддается воображению. Вам не с чем сравнивать. Я же могу поставить диагноз, так как Земля не уникальна. Приземлившись столь неудачно и не зная в тот момент ничего о вашей планете, я был введен в заблуждение поведением тех первых людей, которые проникли в мой корабль. Когда они помогали мне выйти из анабиоза, я заглянул к ним в сердца, — астронавт чуть склонил голову в сторону Мюллера и Андрюши, — и решил, что Земля куда более развита, куда более гуманна, нежели оказалось на самом деле. Я решил было, что она находится на пороге вступления в галактическое братство. Но последующие события разуверили меня. Буквально сразу мне пришлось стать свидетелем того, как люди убивают друг друга. — Астронавт склонил голову в сторону японца. — Я ощутил вашу злобу и страх. Тогда же, вернувшись в корабль, я включил системы наблюдения и смог обозреть жизнь вашей планеты. На основании этого мой корабль, обладающий мыслительным устройством, которому еще нет названия в ваших языках, сделал прискорбные выводы о будущем вашей цивилизации.

Астронавт замолчал, словно собираясь с мыслями, как доктор, который должен сообщить пациенту роковой диагноз. В помещении воцарилась гробовая тишина.

— Ваши рассуждения, — на этот раз последовал поклон в сторону Костика, — хоть и продиктованные лишь чувством противоречия, несколько ближе к истине, нежели надежды уважаемого профессора Мюллера. Вы правы, достижения науки и техники будут направлены на истребление людей.

— Это каждому ясно, — сказал Костик.

— Надеюсь, что это преувеличение, — возразил профессор.

— Мне самому было страшно, — продолжал астронавт, — заглянуть с помощью моей мыслительной машины в будущее Земли. А оно высчитывается, элементарно высчитывается...

Астронавт замолчал, и никто не посмел нарушить паузу.

— Уже через год, — произнес он, — или чуть более ваша планета окажется ввергнута в мировую войну.

— Это невозможно! — воскликнул профессор.

— Это вероятно, — сказал маркиз. — Мы планируем свою политику в расчете на близкий мировой конфликт. И это одна из причин, заставивших меня оказаться здесь.

— Маркиз Минамото прав, — подтвердил астронавт.

— Как? Маркиз Минамото? — удивился профессор.

Слуга мистера Робертсона встал, вытянулся, как на параде, и произнес:

— Полковник разведывательного управления японской императорской армии Сюдзо Минамото — к вашим услугам.

Он склонил голову.

— Значит, ты не только убийца, но и шпион, — сказал Костик. — Виселица по тебе плачет.

— Костик, Костик, — профессор Мюллер положил руку на колено Колоколова, — сейчас не место и не время.

— Я выполняю свой долг, — заявил полковник, опускаясь в кресло.

Астронавт терпеливо ждал.

— Я продолжу? — сказал он, когда вновь установилась тишина. — Мой рассказ не займет много времени. Я многого не знаю сам и не могу рассчитывать на то, что вы поймете мой рассказ. Но я убежден в том, что мировая война на вашей планете продлится несколько лет, унесет миллионы жизней, разорит Европу, опустошит ее города. Вы говорили, — он обернулся к Костику, — о самолетах, аэропланах, на которых будут установлены пулеметы. Нет, не только пулеметы, но и пушки. А бомбы... бомбы станут проклятием следующей войны. На полях сражений будут использованы бронированные наземные машины, подобные морским крейсерам и вооруженные пушками, отравляющие газы будут губить целые армии...

— Отравляющие газы запрещены Гаагской конвенцией, — возразил Мюллер.

— Кто будет слушаться этой конвенции, — удивился астронавт, — когда речь пойдет о победе?

— Вы убеждены в этом? — спросил Андрюша, хотя знал, что астронавт говорит чистую правду.

— Так же, как убежден в том, что мировая война будет не последней. Что наступивший двадцатый век принесет и другие войны, по сравнению с которыми Первая мировая война покажется чудом гуманизма...

— А дальше? — спросил Дуглас. Он уже представлял себе сенсационный материал в «Дейли мейл» — «Прогноз человека со звезд: мировая война на пороге!».

— Люди овладеют тайной атомного распада.

— Вы имеете в виду опыты супругов Кюри с радием? — спросил Мюллер.

— Я имею в виду естественное продолжение этих и других

опытов, — сказал астронавт. — Я имею в виду атомные бомбы, каждая из которых может стереть с лица земли такой город, как Лондон.

— Невероятно! — Глаза Дугласа горели.

— Ужасно! — сказал астронавт.

Он обвел слушателей печальным взором и добавил:

— Я не надеюсь на ваше осознание того, что вы услышали. Будущее неподвластно воображению. Но, повторяю, оно ужасно. И мне известны случаи в истории Галактики, когда планеты, шедшие по такому пути, погибали без следа.

— Я вам не верю, — сказал Костик. — И не знаю, почему вы нам рассказали эту сказку.

— Верите, — отозвался астронавт. — Я знаю, что вы поверили мне, может, более, чем другие. И лишь ваше всегдашнее стремление спрятаться от жизни, от страха перед ней заставляет вас спорить.

Костик отвел глаза.

— Но неужели человечество не найдет в себе разума, чтобы выжить? — спросил Мюллер. — Неужели силы зла непобедимы?

— Я не могу ответить на этот вопрос, — сказал астронавт. — Моя мыслительная машина показывает лишь тенденции, общее направление развития, наиболее вероятные перспективы. Но вероятность велика...

— Когда это может случиться? — спросил маркиз Минамото.

— Мировая война?

— О мировой войне я уже знаю. Я имею в виду атомное оружие.

— Его разработка займет примерно тридцать лет, — ответил астронавт.

— Надеюсь, — сказал маркиз, — что оно будет разработано именно в моей стране и поразит наших врагов. Да, так и будет!

— Как все это глупо! — сказал Андрюша. — Разве можно так спокойно рассуждать о смерти!

— Я профессиональный военный, — ответил маркиз. — Мой долг — защищать мою страну. Если бы у нас не было современной армии, Япония была бы давно покорена или стала, подобно Китаю, игрушкой европейских держав.

— Территория вашего государства невелика, — сказал астронавт. — Оружие массового уничтожения для вас наиболее опасно.

— Значит, мы должны создать его первыми, — сказал маркиз.

— А может, не надо создавать? — сказал Костик. — Может, хватит? Я видел, как вы обращаетесь с пистолетом.

— Есть ли выход? — спросил профессор Мюллер.

— Я один ничем не смогу помочь Земле, — сказал астронавт.

— Может быть, лучше, если вы поедете с нами? — сказал Андрюша.

— Разумеется, — поддержал его Дуглас. — Вы выступите в разных городах, вы расскажете всему миру о том, что знаете.

— А что дальше? — спросил Костик. — Нашего друга объявят самозванцем и в лучшем случае упрячут в сумасшедший дом.

— Но мы можем подтвердить, — возразил Дуглас.

— Вам никто не поверит, — сказал маркиз Минамото. — Я бы первым приказал изолировать эту сомнительную личность.

— Но вы почините свой корабль, — сказал Андрюша. — Вы поднимете на нем и облетите все столицы мира...

— Нет, — ответил астронавт. — Мой корабль не приспособлен для полетов в атмосфере. К тому же я плохо себя чувствую, я болен, я подозреваю, что микроорганизмы вашей планеты, неизвестные нашей медицине, не позволят мне оставаться здесь. Выход один.

— Да, — согласился профессор Мюллер. — Выход один. Вам нужно как можно скорее вернуться домой.

— И через год, — сказал астронавт, — я вернусь сюда. Но не один. Со мной прилетят сотни спасательных кораблей. Судьба вашей цивилизации небезразлична Галактике. Мы спасем вас.

— Многие не захотят, чтобы их спасали, — сказал Костик.

— Я согласен с вами, — сказал астронавт. — Пьяница тоже сопротивляется врачу, потому что не верит в свою скорую гибель. Но мы умеем убеждать. В Галактике уже есть несколько планет, спасенных от гибели. Благоденствуя в гармонии с природой, их население лишь с улыбкой вспоминает о временах своего трудного детства.

— Через год? — переспросил Дуглас.

— Примерно через год.

— Тогда не тратьте времени, — сказал Андрюша. — Мы не будем вам мешать.

* * *

Дуглас Робертсон уселся у костра и, рассеянно отмахиваясь от комаров, энергично исписывал страницу за страницей большой записной книжки.

— Чай будет? — спросил он, не поднимая головы. Не получив ответа, Дуглас поглядел через костер, где сидел на корточках в полном безделье, не обращая внимания на комаров и холодный ветерок, его слуга. Встретился с ним взглядом. Сказал: — Ах да, совсем забыл. Как забавно!

— Ничего забавного, — ответил маркиз. — Вы могли бы и сами позаботиться о чае.

— Сюдзо, — сказал Дуглас, поднимая автоматический карандаш и тыча им в костровый дым, — очевидно, вы понимаете, что наши отношения отныне потеряли смысл.

— Нет, не понимаю, — ответил японец, глядя на Дугласа сквозь прищуренные то ли в дремоте, то ли от дыма глаза.

— Я выполнил свои обязательства, доставил вас живым и здоровым в эти края. Не я открыл ваше инкогнито. Вы сами сочли нужным это сделать. И если положение вашего нанимателя меня устраивало, то положение помощника японского военного шпиона меня никак не устраивает. Разве не понятно?

— Непонятно.

— Какой вы непонятливый! Отныне я сам по себе, вы сами по себе. Я не желаю вам зла, но добра, разумеется, тоже.

— Дуглас, вы нищий подонок. Вам нельзя возвращаться в Англию. Все до последней тряпки на вас куплено за мои деньги.

— Я вам отдам все, когда женюсь на Веронике.

— Сомневаюсь, что она захочет это сделать.

— А почему нет? Завтра я — самый знаменитый журналист в мире. Я открыл инопланетного пришельца в недрах Сибири. Это сенсация века. И не мешайте мне работать — я боюсь пропустить хоть слово.

— Вы пожалеете, Дуглас.

— Не угрожайте, вы у меня в руках. Но я могу вас помиловать и свидетельствовать перед местными властями, что вы в самом деле защищали меня, когда убили несчастного русского.

— Ах, как вы пожалеете, Дуглас! — вздохнул полковник Минамото и прикрыл глаза.

* * *

Костик с Андрюшей рубили и ломали сухие сучья для костра.

— Когда он намерен улететь? — спросил Костик.

— Как только он починит свой корабль, — ответил Андрюша.

— Он тебе об этом поведал?

— Иногда я слышу его мысли.

— Почему именно ты?

— Я не знаю.

— Тоньше устроен, что ли?

— Может быть, Костя. В любом случае я в этом не виноват.

Они никогда не были близки и в Новопятницке только раскланивались, встречаясь на улице или у отца Пантелеймона.

Костя отломал от поваленного ствола сухой сук. Тот треснул — с него посыпались хлопья уже подсохшего пепла.

— А как ты думаешь, — спросил Костя, — Рон может из своего корабля увидеть Лену?

— Он может далеко видеть, но не знаю точно, насколько. Ты беспокоишься о Ниночке?

— Что? — Костик совсем забыл о том, что она тоже на Лене.

По его тону Андрюша понял, как глубоко ошибся.

— Прости, — сказал он. — Я не вмешиваюсь в твою внутреннюю жизнь.

— Еще чего не хватало, — сказал Костик.

Он первым поволок охапку сучьев к костру.

Там застал лишь иностранцев — они сидели по разные стороны костра. Дуглас записывал, японец дремал. Мюллер был в палатке, он устал и заснул — от его молодецкого храпа стенки палатки раздувались и опадали вновь.

Костик свалил у костра сучья и пошел прочь. Никто на него не смотрел. Незамеченным он дошел до корабля пришельца и остановился перед открытым люком.

— Простите, — сказал он. — Можно войти?

Никто не откликнулся. Костя вошел внутрь.

Через минуту он был в центральном помещении, и зрелище, представшее его взору, было неожиданным и сказочным.

Тело пришельца, поддерживаемое неведомыми силами, покоилось горизонтально в воздухе, глаза были закрыты, руки по швам.

— Вы живы? — спросил Костя, так как не придумал лучшего вопроса.

Пришелец мгновенно открыл глаза и принял вертикальное положение.

— Я отдыхал, — ответил он. — И мне жаль, что вы меня побеспокоили.

— Я на минутку, — сказал Костик.

— Придите через час, — сказал Рон. — У меня болит голова, и я не могу сейчас разговаривать.

— Не знаю, смогу ли я через час, — сказал Костя. — Другие увидят. А у меня конфиденциальное дело.

Пришелец поморщился.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели на Лену. Мне кажется, что Дуглас и японец врут. Я беспокоюсь о судьбе женщин, что остались на реке.

Пришелец молча подошел к пюпитру и нажал на кнопки.

Движения пришельца были замедленны и даже неуверенны.

Зажегся знакомый экран. Был ранний вечер, и солнце пробивалось сквозь облака, не отбрасывая теней, но придавая предметам некоторый объем и разноцветность.

Они смотрели на тайгу сверху, с птичьего полета.

Затем они пронеслись над полосой поваленного леса, и через три минуты однообразного путешествия глаз корабля оказался над берегом Лены, в том месте, где на берегу речки стояла Власья сторожка.

Возле сторожки горел костер. Там сидели двое мужчин. На берег были вытащены две лодки.

Открылась дверь избушки, вышел еще один мужчина, но сверху не разберешь кто.

— Кто они? — спросил Костя.

— Я не знаю.

— Тогда опуститесь пониже, — велел Костя. — Я многих знаю в этих местах.

Пришелец поиграл пальцами по кнопкам. Изображение увеличилось.

— Так, — сказал Костя. — Этого я знаю. Он матрос на буксире. Как же его... Впрочем, неважно.

— Вы удовлетворены? — спросил нетерпеливо пришелец.

— Спасибо. Я встревожен, — сказал Костя.

— Понимаю, — сказал пришелец, глядя вслед Косте, который поспешил к выходу. — Человек глядит в море, но видит лишь каплю.

Рон постарался снова принять горизонтальное положение, чтобы заснуть. Но сон не шел.

* * *

Костя вернулся в лагерь. Вечерело. Андрюша расхаживал по полянке. Остальные набились в палатку — от комаров. Оттуда доносились нестройные звуки затянувшегося спора.

— Я пойду в лес, — сказал Костя. — Может, подстрелю кого-нибудь.

— Рону это не понравится. Он не понимает, как можно убивать.

— Плевал я на твоего Рона, — сказал Костя.

Его легкий бельгийский карабин лежал под отвесом палатки, завернутый в клеенку. Там же лежало ружье Андрюши.

Он проверил, полон ли магазин, сказал Андрюше:

— Ты бы свое спрятал. Как бы японец его не стянул.

— Правильно, — сказал Андрюша. — Ты прав.

Он направился к палатке.

— Только далеко не ходи, — сказал он Костику вслед. — Рон может нас позвать.

— Позовет — бегите к нему. Я приду, когда сочту нужным.

Костя быстрыми шагами направился в чащу.

Он не стал объяснять Андрюше и прочим, что пойдет обратно к Лене. Он должен найти Веронику. Может быть, он и не решился бы на это, но разговор в корабле о судьбе Земли толкнул его к действиям. Он бы сам не смог объяснить почему. Но объяснение было. Он не хотел верить астронавту, но поверил ему. И осознал, насколько микроскопично его существование на Земле, мчащейся к губительным переменам. И тогда страх перед отцом, желание пройти стороной по жизни, которая установлена навечно, лишались смысла. И отец, и его владения — тоже песчинки... И что же тогда имеет смысл?

Костя оседлал свою лошадь, взял и лошадь Молчуна, закинул карабин за спину, но садиться в седло пока не стал — по такому бурелому лучше идти пешком. Он шел быстро и тянул лошадей за собой, те переступали медленно, осторожничали.

Версты через три, когда кончился пал, Костя сел в седло и погнал лошадей. Вторая еле успевала, порой веревка натягивалась, и Костя материл лошадь и грозил ей, что оставит ее в тайге, пускай волки жрут. Лошадь, словно понимая, шла быстрее.

Когда он вышел в верховье ручья, уже начало темнеть, надо бы остановиться, да и лошади устали, но Костя, подгоняемый беспокойством, решил ехать, пока не станет совсем темно.

В полутьме деревья смыкались, приближались, двигали сучьями, пугали. Костя запел, чтобы разогнать зловещую тишину.

А когда замолчал — забыл куплет, — ему показалось, что неподалеку хрустнула ветка. Он поборол желание хлестнуть лошадь, поспешить прочь.

— Эй, кто тут есть? — крикнул он, поворачивая коня в ту сторону и свободной рукой стаскивая с плеча карабин.

Снова хруст, будто кто-то убегал.

— Стой! Стрелять буду! — крикнул Костя, увидев среди ветвей темную тень, и сразу осмелел, понял, что тот, другой, тоже боится.

Человек присел.

— Не стреляй! — крикнул он. — Мой хороший, мой кореец.

— Ты что здесь делаешь? — удивился Костя. — Иди сюда, не бойся.

Кореец был изможден, напуган.

Он ближе не подходил, глядел из-за лиственницы.

— Чего один ходишь по тайге? — спросил Костя.

— Шибко плохой человек, — сказал кореец. — Моя убивать хочет.

— Это ты иностранцев вел, которые Молчуна убили?

— Моя, моя, — сказал кореец, словно обрадовался. — Я не убивала. Я убежала.

— Знаю. А ты меня знаешь?

— Как не знаю? Знаю. Хозяин малый.

— На лошади ездить умеешь?

— Мало-мало умею.

— Тогда садись.

— Куда поехали?

— К Лене. Покажешь прямую дорогу. К Власьей заимке. Людей ищу.

— Бабу ищешь? — спросил кореец.

— Ты что-то знаешь?

— Моя ходил. Казак стрелял. Моя не ходил.

— Да объясни ты!

— Много баба здесь спать будет.

Кореец показал вниз по ручью.

Оказалось, он всего час назад увидел, как остановились на ночь три девушки и казак с тунгусом, хотел было к ним подойти, но казак услышал шум и стал стрелять. Кореец убежал.

Так что когда Костя подъезжал к палатке девушек, он издали закричал:

— Эй, Кузьмич, мать твою перетак! Не стреляй, Костя Колоколов едет, слышь?

* * *

Первой бросилась к Косте, обезумев от счастья, Ниночка. И Косте хватило разума, а может, не хватило смелости бежать к Веронике, что сидела у костра. Он позволил Ниночке прижаться к груди черной лохматой головкой, от которой пахло костром и смолой. Ниночка рыдала, как гимназистка.

— Ты живой! — причитала она, и Косте было неловко, что его будто оплакивают. Жалко глупую Нинку. Над ее головой он смотрел на Веронику, будто хотел взглядом высказать: я ради тебя шел, я тебя искал, я за тебя переживал.

Но Вероника не поняла или не захотела понять.

Зато Михей Кузьмич обрадовался:

— Я уж и не чаял их на себе дотянуть! Ну, дети, право слово, дети.

— Чайку попей, барин, — сказал тунгус Илюшка. Он тоже радовался.

И Косте показалось — такое славное чувство, — что вернулся домой. И нет никаких идиотских астронавтов, японских маркизов и прочей нечисти. Только как все объяснить Веронике?

Объяснить и не удалось. Разговор был общий — никто не уходил, никто не хотел оставить его вдвоем с Вероникой, всем было интересно узнать про метеорит, но сначала, и еще интереснее, рассказать самим, какими драматическими событиями сопровождалась кончина капитана Смита. И почему иностранки в погоне за дневниками капитана, а Ниночка — и не скрывала она этого — в страхе за судьбу своего ненаглядного Костика полезли в тайгу. Хорошо еще, что Кузьмич с Илюшкой с ними были.

Но когда подошла очередь Костика рассказывать, начались охи и ахи. Больше всех волновалась Ниночка.

— Вы не понимаете! — перебивала она Костика. — Завтра начинается новая эра! Смогут ли эксплуататоры и грабители народов удерживать в своих когтях человечество, которое поймет, что его высокие идеалы воплощены в жизнь на многих разумных планетах?

— Боюсь, что смогут, — сказала Вероника.

Тунгус и Кузьмич английского разговора не понимали. Что нужно, они уже узнали у Костика и теперь спокойно улеглись спать у костра, как бы передавая этим господскому сыну командование над своим войском.

— Да, допускаю, что процесс этот будет идти не сразу и в борьбе. Но борьба лишь закаляет. И я надеюсь дожить до того момента, когда последний капиталист сгинет с лица земли.

— Это буду я, — сказал Костик вроде бы в шутку, а на самом деле лишь сейчас осознав, что в восторженных словах Ниночки есть правда. Он не спрашивал Рона о том, какие у них отношения на далеких звездах, но по глупому виду этого астронавта можно допустить...

И Костик добавил:

— Если они, не дай бог, и в самом деле победят, то нам суждена растительная жизнь.

— Растительная? Почему? — Ниночка была не согласна. — Именно в свободном от эксплуатации и каторжного труда обществе расцветут все способности людей. Все будут равны от рождения.

— Так не бывает, — сказала Вероника, и Костик с нежностью посмотрел на англичанку, потому что уже полностью разделял ее точку зрения. — И, может быть, лучше, чтобы не было.

— Ясно, — сказала Ниночка сердито. — Вы, Вероника, все еще надеетесь раздобыть завещание и стать богатой. А зачем?

— Чтобы стать богатой, — вежливо ответила Вероника, — и ни от кого не зависеть.

— Но бедный зависит на земле от богатых только потому, что есть богатые. Когда их не будет, когда все будут равны, только ваши способности, только ваша душа будут критерием успеха. Правда, Костик?

Костик пожал плечами и выразительно посмотрел на Веронику, как бы приглашая ее присоединиться к молчаливому осуждению Ниночкиной наивности. Но Вероника не поняла значения его взгляда. Она смотрела на костер. Снежинки, редкие и пышные, медленно падали с неба, долетали до встречного тока горячего воздуха и мгновенно исчезали.

— Пора спать, — сказала Вероника, — а то я сейчас засну у костра.

Она пошла в палатку, а пышногрудая веселая Пегги, что робела при своей госпоже, спросила Костика:

— А он страшный?

— Нет, он сам не страшный. Но боюсь, что будущее, которое он сулит на Земле, может оказаться страшным. Мы к этому не готовы.

— Мы не готовы к справедливости? — спросила Ниночка. — Тогда мы недостойны того, чтобы называться людьми.

— Терминологический спор, — сказал Костик. — Иди спать.

— Подожди, я так взволнована, — сказала Ниночка, прижимаясь к его плечу. Но Костик осторожно отодвинул ее и поднялся.

— Завтра рано вставать, — сказал он.

— А как Андрьюша? — спросила Пегги. — Он здоров?

— Он совершенно здоров, — сказал Костик. — И, по-моему, сильно подружился с астронавтом.

Костя спал у костра вместе с казаком и тунгусом. Кореец просидел всю ночь, подкладывая в костер сучья, а на рассвете ушел вниз по ручью. Ночью Костя проснулся от злости на Ниночку. Если бы она не поперлась в тайгу, он был бы один с Вероникой. Тогда бы все могло сложиться иначе. Ничего, утешил он себя, главное, что Вероника жива и он ее нашел.

* * *

Вероника и Ниночка ехали верхом, остальные шли пешком. Ниночка умчалась вперед — ее несло как на крыльях, и лишь незнание дороги заставляло ее иногда останавливаться и ждать, пока Костик ее догонит. Она сразу начинала говорить, она совершенно не ощущала холодного к ней отношения Кости. Радость,

потому что она его спасла — а Ниночка была убеждена, что она нашла и спасла Костика, — смешивалась с радостью по поводу скорого падения царского самодержавия.

Костик дождался, что Ниночка уехала вперед, а сам подошел к Веронике и пошел рядом с ней, придерживаясь за стремя. Тонкая в щиколотке, сильная нога мисс Смит, затянутая в высокий зашнурованный ботинок, начищенный служанкой, хотя, казалось бы, нужды в этом в тайге не было, была совсем рядом. От этой странной близости Костик взволновался. Вероника посмотрела на него сверху, чуть приподняв брови.

Костик сказал:

— Я готов умереть, но достать завещание вашего отца, мисс Смит.

Вероника нагнулась и протянула руку. Она дотронулась прохладными пальцами до его щеки и сказала:

— Я вам бесконечно благодарна.

* * *

Рон проснулся ранним утром. Обычно он мог не спать несколько суток подряд и даже не любил спать, потому что сон отвлекал его от более важных дел. Человеку жизнь дается лишь однажды, любил он повторять мудрые слова, и она коротка. За двести лет жизни надо успеть сделать столько, чтобы, умирая, можно было сказать: я прожил четыреста лет!

Вечером он, превозмогая недомогание, усиленно работал. Повреждения корабля были столь велики, что компьютер не смог найти того оптимального варианта приведения его в порядок, который Рон вычислил сам. Из минимизатора — аппарата, способного уменьшать размеры предметов, не изменяя их массы, он извлек набор анализаторов и запрограммировал вторую вспомогательную систему на воссоздание, к сожалению, также поврежденного при посадке дупликатора — пожалуй, наиболее сложного прибора во всей Вселенной, который не положено иметь на кораблях индивидуального исследовательского типа. К счастью, порядок — не обязательное свойство высокоразвитых цивилизаций, и это даже поощряется, ибо иной путь ведет к энтропии.

У Рона был жар. Он сбросил температуру тела до нормы, но осталась слабость. И пока началась работа по расплавлению поврежденных частей корпуса для приведения их в должную форму, Рон с помощью компьютера, правда, куда медленнее, чем надеялся, привел дупликатор в рабочее состояние.

Усилием воли он поднял его из вспомогательного отсека и не мог отказать себе в наслаждении полюбоваться этим замечательным изобретением человеческого ума, ставшим возможным лишь после объединения усилий нескольких планет. Именно создание дупликатора и стало самым очевидным плодом галактического содружества.

Дупликатор был невелик — его можно было удержать на ладони. Рон нажал на выпуклость в нижней части его яйцеобразного корпуса, и спереди развернулся широкий, почти метровый, раструб поглотителя. Легкая вибрация сказала Рону, что прибор готов к работе.

Теперь надо было выйти наружу — под мокрый снег, ветер, к этим неприятным многочисленным запахам земного леса.

Обоняние Рона заранее было возмущено этим выходом. Оно было и без того травмировано густыми противными и многочисленными запахами людей, что, конечно, свидетельствовало о низкой ступени их социального развития. Человека космического отличает отсутствие любого запаха, могущего травмировать окружающих. Но ничего не поделаешь — надо идти.

Рон взглянул на экран внешнего наблюдения.

В лагере людей все еще спали. Лишь лошади переминались за палаткой, понуро и покорно слушая, как шепчет снег на ветвях обугленных лиственниц. Рон подумал, что катастрофа, происшедшая с ним, — очевидное экологическое преступление и на любой цивилизованной планете он, безусловно, подвергся бы строжайшему наказанию за тот ущерб, который падение его корабля нанесло лесу. Но на Земле никто еще не думает об этом.

«Ничего страшного, — улыбнулся мысленно Рон — Зато теперь, когда мы поможем этой планете достичь вершин цивилизации, они ужаснутся, во что превращают свои леса. Так что мое преступление обернется для планеты невиданным благом».

Чуть взбодрившись от этой мысли, Рон вышел из корабля.

Снег в самом деле был мокрым. Рон включил силовое поле вокруг себя, но сразу стало жарко. «Да, со мной творится что-то очень неправильное», — подумал Рон. Он обошел корабль, стараясь не касаться ногами мокрых бревен и не дотрагиваться до воды, и нашел, что искал. Невидная непосвященному взгляду, на корпусе корабля была круглая заплатка, чуть более светлая, чем остальной корпус. Проведя указательным пальцем над «заплаткой», он заставил отойти в сторону крышку внешнего датчика индикатора направления и заглянул в образовавшееся отверстие. Вот он, сломанный датчик: розовый хрусталик, распавшийся на части при ударе.

Рон собрал вместе части датчика и вложил их в раструб. «Великая Галактика, — шептал он, — помоги мне, не оставь в беде!»

Раздался легкий щелчок. Ему сопутствовала вспышка — энергия, трансформированная прибором, вызвала смещение воздушной массы.

Рон выкинул в воду уже ненужный оригинал. В руке у него был новый, целый и готовый к употреблению датчик.

Рон, облегченно вздохнув, вставил его в паз и закрыл крышку.

Главное — дупликатор работал. Теперь можно быть уверенным, что он восстановит корабль и вскоре улетит отсюда.

Рон почувствовал чье-то постороннее присутствие.

Он обернулся — на краю воронки стоял маркиз Минамото и внимательно наблюдал за пришельцем.

— Вы занимаетесь исследованиями? — спросил он.

Рон понимал, что не имеет морального права на дискриминацию: если ты пришел миссионером добра к дикарям, то не должен делить их на грязных и менее грязных. Поднимая из грязи социум, нельзя заранее искать в нем неравенство, раз именно с неравенством ты намерен покончить.

— Я хочу восстановить двигательные способности моего аппарата, — ответил пришелец.

— И для этого у вас есть специальные приборы? — спросил маркиз.

— Разумеется. Каждому аппарату соответствуют приборы для управления им и приведения его в порядок.

— Я завидую нашим потомкам, — сказал Минамото, — которые смогут использовать эти приборы так, как сегодня они используют чашки и лопаты.

— Возможно, это случится еще при вашей жизни, — ответил Рон, отворачиваясь, ибо человеческий запах преодолевал водную преграду и травмировал обоняние. — Ведь ваша жизнь увеличится втрое.

— Что же за прибор в ваших руках, уважаемый гость? — спросил маркиз.

— Название его можно условно перевести как дупликатор, — сказал пришелец. — Он призван дублировать предметы, то есть изготовлять их точные копии.

— Как? Он может это делать без вашего участия? — Маркиз отличался быстрым умом.

— Да, — ответил Рон. Желание поделиться с человеком великими достижениями родной цивилизации оказалось выше отвращения к физиологическим отправлениям человеческого тела.

Рон быстро пересек водную преграду, не замочив при этом подошв, и приблизился к японскому шпиону.

— Глядите, — сказал он, наклонившись и подбирая с земли обломок ветки.

Он включил дупликатор и поднес ветку к широкому раструбу прибора. Послышалось жужжание, в выемке воздух озарился вспышкой света, дупликатор чуть дрогнул в руке астронавта, и тут же в продолговатой выемке сверху возник точно такой же сучок.

Маркиз был поражен, и даже его обычная выдержка ему изменила.

— Этого быть не может! — воскликнул он. — Это волшебство.

— Да, это волшебство, — подтвердил профессор Мюллер, который подошел к беседующим, к неудовольствию японского шпиона. — Какое счастье, что мы смогли вас спасти!

Рон отвел рукой прибор в сторону, и тот завис в воздухе. Он взял оба сучка и протянул их японцу, чтобы тот мог сравнить их.

— А что еще может ваш прибор? — спросил профессор.

Он был еще сонный, лицо мятое. Как проснулся, он, не помывшись и не справив нужду, поспешил к кораблю Рона, потому что его вдруг одолело сомнение, существует ли тот в самом деле?

— Он может дублировать любой предмет.

— А из чего?

— Может быть, вам приходилось слышать, — сказал Рон, стараясь перевести сложные понятия на язык, понятный людям, — о том, что все на свете состоит из мельчайших элементарных частиц?

— Из атомов! — ответил профессор. — Разумеется, это принятая концепция строения вещества.

— Атомы одних элементов, — сказал Рон, — могут изменяться, ибо в основе своей элементарные частицы как бы выстроены из одних и тех же кирпичиков. При необходимых обстоятельствах из атомов кислорода можно выстроить атомы золота.

— Это из воздуха? — Японский маркиз показал на сучки, что лежали рядом на его ладони.

— Разумеется, — сказал Рон, обрадованный тем, что его собеседники способны понять объяснение.

И он пошел обратно к кораблю, потому что не хотел терять время на пустые разговоры, к чему, как выяснилось, люди этой планеты весьма склонны.

— Господин Рон! — догнал его неуверенный призыв профессора.

— Я надеюсь, — ответил пришелец, не оглядываясь, — что, когда на вашу планету прибудут первые корабли галактического центра, вы увидите куда более интересные и впечатляющие при-

боры и устройства. Но чем раньше я починю свой корабль и улечу, тем скорее вы достигнете счастья.

И пришелец пропал, словно прошел сквозь оболочку своего корабля.

Ему было гадко, очень гадко. Он вновь включил лечебный комплекс, разумеется, маленький и немощный, какой еще может быть на индивидуальном корабле? Разве что способный вырезать аппендицит или ампутировать руку. Но с болезнью Рона он справиться не мог, утверждая, что не обладает нужной информацией.

Повиснув в воздухе и чувствуя, как диагност, схожий с многоногим жучком, ползает по его телу, Рон глядел на экран, следил за тем, что происходит в лагере экспедиции. Вот возвращаются японец и профессор. Каждый несет по сучку. Они оживленно беседуют. Навстречу им из палатки вылезает заспанный Андрюша. И первый взгляд — на могилу Молчуна. За ночь могильный холм еще более оплыл и почти сровнялся с окружающим болотом. Андрюша достает лопатку и начинает подваливать к холмику землю и мох. Рон понимал его чувства и разделял их. Живые всегда должны помнить о тех, кого уже нет. Андрюша был ближе других и понятнее Рону, недаром между ними сразу же возникла внутренняя связь. Когда Земля будет в борьбе и страданиях приобщаться к галактическому содружеству, вся надежда на таких людей, как Андрюша.

И тут внимание Рона привлекли новые действующие лица земной драмы, свидетелем которой и даже участником стал пришелец.

Из-за бурелома показалась лошадь, которую вел под уздцы коренастый, средних лет бородатый мужчина в ладном полушубке, синих штанах с желтой полосой по шву и грязных сапогах. На лошади сидела молодая девушка, черноволосая, худенькая, с живым нервным лицом, большими, чуть выпяченными губами и яркими черными глазами. Девушка крутила головой, словно искала что-то потерянное. Затем появилась еще одна лошадь, которой также управляла женщина — совсем иного склада. Эта особь была крупнее размером, ее светлые волосы были спрятаны под платком. Она ехала спокойнее, но руки нервно теребили повод — эта женщина чего-то боялась.

Далее шли три человека. Пешком. Один из них был Рону знаком — его звали Костя, он был слаб характером, склонен к необдуманным решениям и являл собой психологический тип человека, задавленного авторитетом вышестоящего в социуме индивидуума. Рон предположил, что это проблема семейного характера.

Затем рядом шли, оживленно беседуя жестами, два существа

незнакомого ранее типа. Черноволосая, закутанная в какие-то немыслимые тряпки молодая полногрудая смуглая женщина и человек с широким, плоским, улыбчивым лицом, одетый удобно и тепло.

Рону потребовалось не меньше минуты и концентрация внутреннего слуха, чтобы разобраться как в причинах появления этих людей здесь, так и в их отношениях между собой. Хотя кое-что еще оставалось неясным. Рон решил не покидать пока корабль, а наблюдать за тем, что произойдет в лагере, со стороны, тем более что работа автоматов по починке корабля требовала его постоянного присутствия на борту.

И наблюдение дало ему много интересных сведений о нравах и обычаях обитателей Земли.

* * *

Первым увидел Веронику маркиз Минамото.

Он ничем не выдал своего волнения, лишь дублированный сучок выпал из его пальцев, и японец быстро наклонился, разыскивая драгоценную веточку. Мюллер, который еще не увидел приехавших, так как был поглощен проблемой дупликации, опустился на корточки рядом с японцем и тоже стал шарить руками во мху, повторяя:

— Ну что же вы, голубчик, вам ничего нельзя доверить.

Ниночка между тем спрыгнула на землю и не заметила, что Костик подставил руку Веронике, чтобы та могла сойти с лошади.

— Где он? — спросила Ниночка громко. Она капризно надула губы, будто была обижена на тех, кто скрывает от нее космический аппарат.

А Вероника смотрела в упор на Дугласа. Он как раз в этот момент вылез из палатки в халате, несмотря на студеную погоду, держа в одной руке зубную щетку, а в другой — махровое полотенце.

Вероника медленно пошла к нему. Костик поспешил за девушкой.

Дуглас так и не распрямился. Он стоял, наполовину высунувшись из палатки и приоткрыв рот. Его обычно безукоризненный пробор был нарушен ночными кошмарами, и потому обнаружилась ранняя длинная лысина.

И хоть Вероника молчала, ее движение к палатке было настолько значительным и неотвратимым, что все остальные замерли, глядя, как поднимается ее тонкая рука с зажатой в ней нагайкой.

Нагайку Вероника выпросила у Кузьмича заранее, и тот, ничего не подозревая, отдал ее англичанке.

Нагайка засвистела, как прижатая рукой оса. Свист оборвался.

На щеке мистера Робертсона протянулась, вздуваясь, красная полоса. Дуглас старался прикрыться от ударов полотенцем, но почему-то ему не пришло в голову спрятаться в палатке. Удары приходились по его руке, плечам, даже лысину пересек красный след.

Трудно было сказать, сколько это продолжалось. Может быть, минуту, может, меньше. Неподвижно глядел на экзекуцию маркиз Минамото, даже не стараясь подняться и прийти на помощь своему бывшему господину.

Первым опомнился Михей Кузьмич.

Он сделал два шага, обхватил Веронику сзади и сказал:

— Барышня, не женское это дело.

Андрюша, подбежавший следом, вынул из руки девушки нагайку. Вероника и не сопротивлялась.

И только когда Вероника была обезврежена, Дуглас уполз в палатку — исчез. Так же бессловесно.

— Молодец, Верочка! — сказала Нина. — Его счастье, что ты успела первой. Я бы воспользовалась ружьем.

— Господа, господа! — Мюллер даже забыл о потерянном сучке. — Ну почему такое самоуправство? Немедленно расскажите мне, что произошло? Что побудило вас, мисс Смит, к таким резким действиям?

— Пускай она расскажет, — сказала Вероника, указав на Ниночку. — Она все знает. А я должна сделать еще одно дело.

Но японского маркиза и след простыл.

* * *

Ниночка, как ей ни хотелось скорее побежать к космическому аппарату и посмотреть на астронавта, все же пересилила себя — долг прежде всего. Она подробно рассказала о том, как пропали бумаги капитана Смита и как потом сбежали от них Дуглас и его слуга.

Порой она обращалась к палатке Дугласа, закрытой пологом, понимая, что он отлично слышит каждое слово.

— Господи! — сказал, когда рассказ закончился, профессор Мюллер. — Представляете, что он о нас думает?

Профессор имел в виду пришельца, и все его поняли.

— Вряд ли это что-то изменит, — сказал Андрюша. — Он к этому готов.

Пегги смотрела на Андрюшу умиленно. Он был такой хилый, некормленый, что ей хотелось носить его на руках и согревать на своей высокой груди. Такого чувства у нее никогда еще не возникало по отношению к англосаксам, и она осмелилась на него, хотя бы в мыслях, оттого, что ей неоднократно приходилось слышать как от мисс Смит, так и от мистера Робертсона и даже китайца Лю, который вовсе не китаец, что русские — это дикие варвары. Но она сама тоже относилась к варварской породе людей, так что нежно думать об Андрюше ей было можно.

— В конце концов, господа! — воскликнул приободрившийся Костик — Все эти гадости — дело рук японского шпиона. И его пособника. Почему мы должны отвечать за этих морально нечистоплотных людей?

— Разумеется, разумеется, — устало согласился Мюллер, который совсем иначе представлял себе эту экспедицию еще два дня назад. Это была уже не экспедиция, а Ноев ковчег, и трудно было понять, сколько же здесь нечистых.

— А вы, господин Робертсон, — обратился Костик к закрытому пологу палатки, — будьте любезны немедленно возвратить владелице принадлежащие ей бумаги отца и его завещание

— Какие бумаги? — донесся после довольно долгой паузы голос из палатки.

— Он ничего не знает! — с сарказмом сказал Костик, обращаясь к аудитории — Тогда выходите, мистер, и вы испытаете силу моих кулаков Сейчас с вами не будет вашего прислужника. Выходите, если вы не последний трус.

— Господин Колоколов, — послышался из палатки слабый голос Дугласа, — клянусь вам, что не имею никакого представления о том, где находятся бумаги моей невесты

— Невесты! — фыркнул Костик. — Вы недостойны целовать пыль у ее ног.

— Мистер Костя совершенно прав, — сказала Пегги.

В руке у нее был кусок копченой курицы, положенный между двух ломтиков черствого хлеба. Она протянула его Андрюше и сказала по-русски:

— Добро пошаловат.

— Спасибо. — Андрюша рассеянно взял сандвич, не заметив голодного укоризненного взгляда профессора Мюллера.

— Этот вопрос решать не вам, — ответил Дуглас.

— Правильно! Этот вопрос мисс Смит уже решила. Надеюсь, следы ее решения надолго останутся на вашем лице.

— Трусливый насильник! — сказала Вероника.

Она не подумала, что эта фраза может оказать такой эффект

на ее поклонника. Костя сразу сник, и ненависть его к Дугласу приняла иную форму — форму рокового молчания.

— Господа, — полог палатки чуть приоткрылся, но наружу Дуглас вылезти не решился, — не будем устраивать самосуд. Если вы позволите, я сам все вам расскажу. Ничего не утаивая. И вы тогда решите — прав я или виноват

— Костя, — спросил профессор Мюллер, — вы можете держать себя в руках?

— Да, — ответила за него Вероника.

— Мы дадим ему слово, — сказала Ниночка. — Но и сами вынесем приговор.

Исповедь свою мистер Дуглас Робертсон произносил, чуть высунув из палатки исполосованное лицо.

Слушали его внимательно. Как на поляне, так и в космическом аппарате. Рон записывал на специальную видовую пленку все явления земного мира, коим был свидетелем, не без основания полагая, что его кадры станут на родине сенсацией.

— Да, я разорен, — говорил Дуглас. — Но разорен давно и привычно. И в общих интересах — моих и моих кредиторов — представлять дело таким образом, словно я все же обладаю некими неизвестными источниками доходов. Однако я должен дать слово джентльмена, что в тот день, когда я увидел мисс Смит, выступающую на эстраде, я менее всего думал о том, что она богатая наследница. Да и как я мог подумать об этом, видя девушку, вынужденную ради куска хлеба выступать перед скопищем недостойных мещан — простите, мисс Смит! Мое искреннее увлечение Вероникой — ему суждено будет уйти в могилу вместе со мной — не было связано с путешествием в Сибирь. Да и откуда мне было достать денег на такое путешествие? Правда, идя навстречу горячим просьбам мисс Смит, я обращался в редакции некоторых крупных газет, надеясь, что они пошлют меня корреспондентом, но сумма, потребная для путешествия, и отсутствие у меня репутации крупного журналиста обратились против меня... Простите, там не осталось чашки чаю?

Дуглас вылез из палатки почти по пояс.

Андрюша сделал было шаг к костру, чтобы налить чаю англичанину, но натолкнулся на столь гневный взгляд Костика, что остановился.

— Простите, я и не ожидал великодушия, — сказал Дуглас — Тогда я продолжу. Итак, я беспомощен, Вероника нервничает, так как надеялась на мою помощь.

— И согласилась терпеть ваше общество, надеясь, что вы мне поможете, — сказала Вероника.

— Я догадывался, — вздохнул Дуглас. — Но что я мог поделать? И вот тогда маркиз Минамото предложил мне нужную сумму...

— Вы его знали раньше? — спросил Андрюша.

— В некотором роде... Он был моим слугой еще со времени моего путешествия в Маньчжурию...

— Значит, вы его давнишний сообщник! — сказал Костик. — Вероника, мистер Робертсон — давнишний японский шпион!

— Это ложь! — обиделся Дуглас. — Раньше я об этом не подозревал. Учтите, что я джентльмен!

— Нет, он не джентльмен, — сообщила Пегги Андрюше.

Дуглас совсем осмелел, поднялся, подошел к костру и налил себе из чайника чаю. Ну и рожа, подумал Костик без сочувствия и даже с некоторым удовлетворением, глядя на руины недавно еще совершенного лица и идеальной прически.

— Мы с Вероникой должны быть ему благодарны, — сказал Дуглас. — Без его помощи нам бы сюда не добраться.

Вероника подняла руку, и Дуглас закрылся ладонью.

— Да, — сказал Костик. — Чего-чего, а японских шпионов в наших краях еще не было.

— Я могу не продолжать, — сказал Дуглас.

— Продолжайте, — приказала Вероника.

— Господин Минамото крайне интересовался результатами экспедиций по северо-восточному проходу, ибо генеральный штаб его страны не имел достаточных сведений об этой перспективной, но удаленной области Российской империи, — сказал Дуглас. — В этом он мне признался. Он сказал, что война будущего окажется совсем иной, нежели прежние войны. Она примет всемирный характер, и морские пути сообщения в ней приобретут особый смысл.

— Странно, — сказал профессор Мюллер, — северный путь настолько далеко отстоит...

— Не отвлекайте мистера Робертсона, — сказала Ниночка, которой не терпелось увидеть астронавта, а рассказ Дугласа все оттягивал этот момент.

— Разумеется, его интересовали и документы капитана Смита, — послушно продолжил Дуглас, кончиками пальцев осторожно трогая щеку — видно, щипало. — Когда оказалось, что капитан Смит нашелся и, возможно, открыл какую-то большую землю к северу от Таймыра, он украл документы капитана.

— Вы ему в этом помогли, — сказала Ниночка.

— Это беспощадный человек. Он не остановится ни перед чем ради достижения своих целей. А меня в первую очередь беспокоила судьба мисс Смит. Лучше отдать этому негодяю все, чем рисковать жизнью Вероники. Неужели я не прав?

Голос Дугласа оборвался.

Он жадно глотал теплый чай.

— Что же привело вас сюда, в глубь тайги? — спросил Мюллер.

— Самые невероятные вопросы могут быть объяснены просто, — улыбнулся Дуглас, подливая в чашку из чайника. — Читая записки капитана Смита, маркиз натолкнулся в них на рассказ о падении метеорита, которое капитан наблюдал, когда его корабль был затерт льдами у берега новооткрытой земли. Там говорилось, что метеорит вместо того, чтобы падать, как и положено небесному камню, совершал над землей различные движения, будто старался замедлить падение и избежать падения в океан. Эти эволюции метеорита привели капитана к убеждению, что он является рукотворным телом, скорее всего небесным кораблем. Когда маркиз прочел эти строки, он решил любой ценой добраться до метеорита и увидеть его собственными глазами. Не знаю, зачем ему понадобился этот небесный камень...

— А теперь? — спросил Костя.

— А теперь я понимаю, что маркиз был куда предусмотрительнее меня. Я же последовал за ним, не желая оставлять в его руках документы Вероники. Я ждал момента, чтобы вернуть их. Потому мне особенно обидно было подвергнуться вашему нападению. Но, право же, на вас я уже не сержусь.

— Простите, я вам не верю, — ответила Вероника холодно.

— А где же бумаги? Где бумаги мистера и моей госпожи? — спросила Пегги.

— Они у Минамото, — ответил Дуглас. — Он их спрятал еще прошлой ночью. И я не знаю где.

Вероника окинула Дугласа презрительным взглядом и отвернулась. Ниночка подошла к ней и обняла за плечи.

— Мы его найдем, не беспокойтесь, — сказала она. — В тайге не спрятаться. Она большая, но просматривается насквозь.

— Нина права, — сказал Андрюша. — Человеку в тайге не потеряться. До Вилюйска через хребты ему не пробиться. А по Лене он далеко не уйдет.

— А я полагаю, — сказал профессор, — что он и без того не уйдет. Есть приманка, которая его подманивает, как нектар пчелу, — это астронавт по имени Рон.

— Вы правы, — раздался голос, который все услышали. Это был голос астронавта. — Он далеко не ушел. Он скрывается в лесу неподалеку от вас.

— Скажите, где? — крикнул в ответ Костик. — Я его найду!

— Это опасно, — ответил астронавт. — К тому же я знаю, что вновь прибывшие люди хотят увидеть меня. Я готов с ними встретиться.

* * *

Удивительно, но в корабле оказалось на этот раз больше кресел для гостей — для каждого по креслу. Пришли все, за исключением Кузьмича с тунгусом и убежавшего маркиза. Сама комната стала больше.

Астронавт плохо выглядел. Он осунулся, пожелтел, руки его чуть дрожали, на лбу выступили капельки пота.

— Как продвигается починка вашего летательного аппарата? — спросил профессор Мюллер.

— Благодарю вас, — ответил Рон. — Она близится к завершению.

Ниночка вертелась в кресле. Она ощупывала материал, из которого была сделана его обшивка. Ей жутко хотелось расковырять его пальчиком и поглядеть, не перья ли внутри, а если перья, то какие — какие птицы, прекрасные и ширококрылые, живут на той планете? Она вытягивала шею, чтобы увидеть, как перемигиваются огонечки на пюпитре, она хотела подбежать к стене, к светящемуся экрану, направленному на лагерь экспедиции, и узнать, теплый он или холодный.

Потом Ниночка обращала свой взгляд к пришельцу, и он казался ей удивительно красивым и романтическим. Ей представлялось в нем сходство с поэтом Надсоном, а то и с поэтом Блоком, фотография которого висела у нее над кроватью в Новопятницке. Движения астронавта, несколько вялые и замедленные от дурного самочувствия, казались ей особо изящными и совершенными. В общем, он приближался к Ниночкиному мужскому идеалу.

— Когда же вы намерены отбыть от нас? — спросил Мюллер.

— Мне хотелось бы улететь завтра, — сказал Рон. — Я плохо себя чувствую и боюсь, что дальнейшее пребывание здесь может угрожать моей жизни.

— Не может быть! — воскликнула Ниночка. — Что с вами случилось?

— Только сегодня после серии анализов мой диагностический аппарат пришел к окончательному выводу, что местные микробы, не представляющие для вас опасности, оказываются крайне вредными для меня.

— У меня есть аптечка, — сказала Вероника. — Может быть, в ней отыщется нужное для вас средство?

— Влияние ваших лекарств на мой организм непредсказуемо, — ответил Рон. — Так что для меня единственный выход — как можно скорее вернуться к себе в состоянии анабиоза и проснуться вновь уже у себя дома.

Астронавт почувствовал приступ тошноты — ему пришлось достать из стены пилюлю и проглотить ее. Запахи, которые принесли с собой люди, набившиеся в отсек управления, были невыносимы. Рону казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Но он не мог оскорбить этих людей, потому что понимал, что ничем нельзя выказать отвращения к дикарям.

— В таком состоянии лететь опасно, — высказал вслух сомнения профессор Мюллер. — Мы, конечно, желаем вам благополучного возвращения...

— Ах, нет! — ответил с легким раздражением астронавт. — Вы, профессор, сейчас печетесь о своей земной славе. Позвольте мне восстановить ход ваших мыслей. Вы полагаете себя моим открывателем. Разумеется, рассуждаете вы, на моем веку уже не будет столь великого открытия, как открытие иноземной цивилизации. Но, когда я улечу, не останется ничего. Даже фотографии. Ничего, кроме показаний ваших спутников. И неизбежно ваши слова будут поставлены под сомнение коллегами. Вы даже рискуете оказаться объектом насмешек.

— Нет! — воскликнул профессор. — Я так не думаю. В конце концов, у меня есть свидетели!

— Свидетели? — вмешался Костик. — Ссыльный студент? Сынок местного промышленника? Бывшая террористка? Или эти англичане, которым и дела нет до вашей славы? Вы будете в Петербурге один, Федор Францевич. Даже кусочка метеорита не нашли!

— Но... — Профессор тут осознал то, что до этого момента бродило лишь в глубинах его мозга. И понял, что его оппоненты правы. — Но господин Рон может оставить нам на память какие-то сувениры, предметы, назначение которых докажет...

— Что он оставит? — сказал Костик быстрее, чем пришелец успел возразить. — Пуговицу? Подтяжки? Кусок тумана? Кнопку?

— Ну не надо так упрощать, — сказал Мюллер. — Господин Рон может оставить нам какой-нибудь прибор, который мы обещаем сохранить до его возвращения.

— Прибор? — удивился Рон.

— К примеру, вы показывали нам действие прибора, именуе-

мого вами дупликатором. Никто не сможет поставить под сомнение его иноземное происхождение.

— К сожалению, я не могу этого сделать, — сказал астронавт. — Без дупликатора мне никогда не вернуться домой. Конструкция моего двигателя такова, что именно дупликатор создает гранулы неведомого вам вещества, которое и движет мой корабль.

— Ну тогда какой-нибудь другой прибор, — сказал профессор.

— Но у меня на корабле нет ненужных приборов, — сказал Рон. Он оперся на пульт.

— Господа, господа, — сказал Андрюша, — не надо спорить. Нашему другу очень плохо. Я чувствую, как ему плохо.

— Вы вернетесь через год? — спросила Ниночка. — Мне важно это знать.

— Если не умру в пути, — серьезно ответил астронавт.

— Это ужасно! — сказала Ниночка.

Она поглядела на Веронику, ожидая встретить в ее глазах сочувствие, но Вероника на нее не смотрела. Она едва слушала весь этот спор. Ее воображению представлялся маркиз Минамото, который бежит по тайге, унося завещание и бумаги капитана. Несмотря на уверения астронавта, что японский шпион никуда не денется, она до конца ему не верила.

— Может, я сделаю мистеру массаж? — спросила Пегги. — Я знаю очень хороший массаж. Он всем помогает. И капитану Смиту помогал.

— Конечно, — послышались возгласы. — Пускай Пегги сделает вам массаж! В их стране все делают массаж.

— Вряд ли это мне поможет, — сказал Рон, но настойчивость людей была велика и они так искренне хотели его выздоровления, что он почел за лучшее согласиться.

— Тогда вы все уходите, — сказала Пегги, страшно гордая тем, что именно ее избрала судьба для столь важного дела.

— Вам не понадобится помощник? — спросил несколько осмелевший Дуглас.

— Нет, — отрезала Пегги, не скрывавшая теперь своей ненависти к бывшему жениху хозяйки. — Но Андрюша пускай останется. Он мне будет немного помогать.

— Идите, — сказал Рон, который был бы рад, если бы ушли все. Но счел благоразумным не спорить. К тому же ему хотелось поговорить с Андрюшей без лишних свидетелей. Роном владело душевное смятение. Он понимал, что не может остаться здесь, да и не было никакого смысла оставаться — это бы погубило все надежды на спасение Земли. Но, если он не долетит, он обманет надежды человечества.

Когда гости выходили из корабля, Вероника задержалась.

— Господин астронавт, — сказала она, — меня привело сюда не пустое любопытство, как прочих. Вы знаете об этом.

— Он никуда не ушел, — сказал Рон.

Рон протянул руку к экрану на стене, и его взор как бы поднялся над землей. Вероника увидела маркиза Минамото, сидевшего в сплетении стволов в ста саженях от воронки с метеоритом и наблюдавшего за ним в небольшой театральный бинокль.

— Он не собирается уходить, — сказал Рон.

— Спасибо, — сказала Вероника и быстро покинула корабль.

— Раздевайтесь, — сказала Пегги. — И не стесняйтесь меня.

— Стесняйтесь? — повторил недоуменно пришелец.

Он повел плечами, и одежда упала с него на пол.

— Ложитесь.

— Как?

— Давайте составим два кресла, — предложила Пегги.

— Не надо, — ответил Рон и лег в воздухе на уровне груди Пегги.

— Хорошо, — сказала та, ничуть не удивившись, потому что в детстве насмотрелась схожих трюков, на которые щедры заезжие индийские факиры. — Только чуть пониже.

Пришелец как бы упал на вершок.

— Повернитесь на спину, — сказала Пегги. — Ах, какой вы бледный и тощий! Ну прямо как мой Андрюша.

Андрюша потупился. Оговорка Пегги не то чтобы ему не понравилась, но была неожиданна.

Пегги более ничего не сказала, а принялась осторожно дотрагиваться до груди астронавта, затем ее пальцы поднялись выше и начали давить на плечи.

— Не больно? — спросила Пегги.

— Нет, — ответил астронавт. — Продолжайте.

Облегчения он не чувствовал, но и вреда от массажа быть не должно. Хотя вряд ли кто-либо в Галактике смог изгнать из человека враждебные вирусы, разминая его мышцы.

— Что это за дупликатор, о котором они говорили? — спросил Андрюша.

— Посмотрите, — сказал Рон и шевельнул пальцами. Овальный прибор с широким раструбом и длинной выемкой на верхней части показался из стены и подплыл к рукам Андрюши.

Андрюша взял его.

— Теперь положите в раструб предмет, который хотите скопировать, — сказал астронавт.

Андрюша покопался в карманах, нашел там гривенник. Послушно положил его на полочку внутри раструба, и тут же послышалось легкое жужжание. В углублении возникла вторая, точно такая же монета. А воздух в корабле как бы качнулся, и на секунду стало светлее.

— Она точно такая же?

— Разумеется, — сказал Рон.

Пальцы Пегги двигались все быстрее и энергичнее. Приятная слабость распространялась по всему телу.

— Очень интересно, — сказал Андрюша. — Куда положить?

— Отпустите его.

Андрюша разжал пальцы, дупликатор уплыл обратно к стене и скрылся в ней.

Оба гривенника беззвучно упали на упругий пол. Андрюша подобрал их.

— Жаль, что не империал, — пошутил он.

— Вам нужны деньги? — спросил Рон.

— Когда как, — улыбнулся Андрюша. — Порой бывает туго.

— Если вы найдете у кого-нибудь взаймы монету, называемую вами империал, я рад буду помочь вам, — сказал Рон.

— Перевернитесь на грудь, — приказала Пегги.

Андрюша подумал: у кого может быть империал? Может быть, у Вероники? Или у Костика? Но как попросишь? Этим вызовешь недоумение, а то и зависть. И встреча с гостем из космоса превратится в шабаш фальшивомонетчиков.

— В чем-то вы правы, — сказал пришелец. — Человеку на ранней стадии развития свойственны собственнические чувства. Ну ничего, я вернусь, и мы завалим землю империалами. Так, чтобы они стали никому не нужны.

— Это была мечта гуманистов — выстилать золотом мостовые, чтобы освободить человечество от гнета денег.

— Но сама по себе эта мера не поможет, — сказал Рон. — Только создаст беспорядки.

— Я понимаю, — согласился Андрюша.

— В первую очередь надо будет изменить социальные отношения.

— Вам лучше, мистер? — спросила Пегги. А глядела на Андрюшу. И не выдержала: — Вам тоже надо сделать массаж, — сказала она. — Это чрезвычайно полезно.

— Но не сейчас? — спросил Андрюша.

Хоть Рону было нехорошо, он не удержался от улыбки. Разумным существам в разных концах Вселенной свойственно чувство юмора. И некоторые исследователи всерьез утверждают, что именно это качество и отличает человека от прочих божьих созданий.

Поняв, что процедура массажа закончена, Рон попросил людей уйти. Ему следовало закончить ремонт, а это требует не столько физических усилий, сколько умственных. Как сказал пришелец Андрюше, большинство работ в галактическом центре производится механизмами, однако усилием воли и мысли люди научились не только управлять самими процессами производства, но и изменять форму и движение предметов.

Андрюша пропустил Пегги вперед, она остановилась в дверях корабельного помещения и посмотрела на Андрюшу призывно и нежно. А тот сразу отвел глаза, но не смог отвести своей руки — Пегги задержалась в проходе, и им пришлось выходить одновременно, отчего их руки соприкоснулись, что ударило Андрюшу словно током.

А когда они оказались снаружи и он помогал Пегги перебраться через водную преграду, руки их сплелись уже надежно и вроде бы привычно и взгляды сплетались также, отчего они чуть не упали в воду и, уж конечно, не заметили маркиза Минамото, который следил за входом в корабль, ожидая момента, когда астронавт останется один.

* * *

А в это время Костик в сопровождении Кузьмича, с ружьем на изготовку, прочесывал бурелом в том месте, где должен был таиться японский маркиз. Но безуспешно. Казак уговаривал вернуться: не дурак же японец, чтобы на месте сидеть, комаров собой кормить. Хоть и были ночью заморозки, комар еще в спячку не ушел.

Но Костик упорствовал, проваливался в ямы, исцарапался весь — все ему казалось: близок японец, вот-вот попадется. Он это делал ради Вероники. А казаку объяснил, что ради порядка.

* * *

Японец вошел в корабль.

Вошел спокойно, он умел собой владеть.

Рону бы заметить его раньше, но даже такие всемогущие люди, как Рон, могут ошибаться. Астронавт так углубился в показания экранов и кнопок на своем пюпитре, что голос японца, стоявшего рядом, заставил его вздрогнуть.

— Господин, — сказал японец, — мне надо поговорить с вами.

— Зачем вы здесь? — спросил астронавт, внутри сжимаясь от понимания, насколько холоден и жесток ум вошедшего в корабль человека, насколько серьезны его намерения.

— Если я правильно вас оцениваю, — сказал японец, — то вы уже догадались, зачем я здесь. Продолжайте сидеть как сидели, я владею приемами тайной борьбы, и потому вы мне не ровня.

Рон хотел одеться. Нагота — а он и не подумал одеться после ухода Пегги с Андрюшей — стала его слабостью, так как непроницаемое поле, которое он мог создать вокруг себя, генерировалось лишь специальным костюмом, лежавшим на полу в двух шагах от Рона.

— Я могу вас сейчас убить, — сказал японец, — и никто меня не остановит. Следует признать, что, наблюдая за вашим кораблем, я рассматривал эту возможность. Но я не убийца и иду на крайние меры лишь в случае необходимости. Прошу вас, господин, не вызывать такую необходимость.

— Я не сопротивляюсь, — сказал Рон, — и готов выслушать вас.

— Меня менее всего интересует, — сказал Минамото, — прилетите вы или нет. Пожалуй, лучше, чтобы вы умерли. Восторженные крики людей, собравшихся здесь, о том, что вы и ваши друзья изменят жизнь на Земле к лучшему, мне неприятны. И я вам не верю.

— Но это правда.

— Вы ничего у нас не измените. Вы принесете новое насилие, новые беды и новые смерти. Вы не нужны Земле. Мы разберемся без вас. Поэтому я советую вам: улетайте и не возвращайтесь больше.

— Дети не могут решать, что для них хорошо, а что плохо, — ответил астронавт. — Вы же — испорченный ребенок.

— Я старше вас, господин Рон, — сказал маркиз. — Потому что в отличие от вас я знаю, что мне нужно. И что нужно другим.

— Другим?

— Хотя бы моей стране.

— Что же?

— Мы — небольшое государство, окруженное врагами, — сказал Минамото. — Для того чтобы спасти то великое, что объединяет нас и дает возможность в течение тысячелетий выжить и одолеть стихии и врагов, мы должны быть сильнее всех. Несколько скалистых островков — вот наше убежище. Мы закованы в нем, словно в тесной камере. А рядом лежат пустые земли, не нужные их формальным хозяевам, но с которыми они ни за что не расстанутся. Одна из этих земель — здесь, это Сибирь. Мы

придем сюда не сегодня, так через двадцать лет. Мы придем для того, чтобы земля эта разбогатела и стала плодородной, чтобы ее недра отдали трудолюбивым людям свои богатства. Благо моего народа в конечном счете — это благо всего мира, потому что нет более талантливого, достойного народа, чем мой. Мы ничего ни у кого не намерены отнимать, но мы стремимся оплодотворить своим трудом чужие пустыни.

— Но что вам нужно от меня? — Рон никак не мог пробиться сквозь переплетение мыслей и настроений маркиза. Ему казалось, что с приходом его в корабль ворвался холодный и в то же время душный сквозняк, отнимающий дыхание и дурманящий голову.

— Дупликатор, — сказал маркиз. — Отдайте мне его — и можете улетать, куда захотите.

— Зачем?

— Вы решили, наверное, что я хочу делать таким образом золото?

— Да, я заподозрил вас в этом.

— Это путь для человека, но не для государства. Мне нужен дупликатор, чтобы мы могли сделать много таких дупликаторов, тысячи, сотни тысяч. Только тогда мы станем сильнее всех.

— Это невозможно, — ответил Рон. — Технология изготовления подобного прибора далеко превышает возможности вашей технологии.

— Тогда мы обойдемся одним.

— Опять же делать золото?

— Нет. Снимать копии с того, что сделали другие. Я не один. Подобных мне идеалистов, разведчиков, одержимых патриотической идеей, немало. И если мы сможем, проникнув в лаборатории и на секретные базы, заводы наших врагов и соперников, унести с собой у ничего не подозревающих хозяев образцы их продукции, копии их бумаг и расчетов — это великий шаг вперед.

Маркиз нахмурился.

— Впрочем, это лишь один из путей использования дупликатора на благо отечества. Мы придумаем и другие.

— К сожалению, я должен отказать вам в вашей просьбе, — сказал, задыхаясь, Рон. — Без него я не смогу улететь.

— В этом тоже не будет трагедии для меня и моей страны, — сказал Минамото.

— Уходите.

— Ничего подобного.

Коротким резким движением маркиз захватил руку Рона и начал ее выворачивать.

— Вам, наверное, никогда не делали больно, — сказал он. — Вы очень гуманные — люди со звезд. Вы добрые. Я недобрый. Я думаю о чести и величии моей родины. О миллионах моих соотечественников, жизнь которых я смогу улучшить. Я, а не ваша постыдная и жалкая филантропия.

И тогда Рон закричал. Ему в самом деле никто никогда не причинял боли — это немыслимо в мире, где он обитал.

— Что вы делаете?

— Дупликатор!

— Я не могу... я умру.

— Вы все равно умрете.

* * *

Андрюша, сидевший у костра и уплетавший очередной сандвич, сооруженный Пегги, вдруг отбросил его в сторону и схватился за голову.

— Что? — закричал он. — Такая боль!

Мюллер вскинул голову от записной книжки:

— Вам плохо?

— Вам плохо? — Пегги старалась поддержать Андрюшу, которого скручивала судорога.

— Нет! — Андрюша вырвался из ее рук. — Скорее! Это Рон.

Андрюша побежал к кораблю, спотыкаясь о сучья, налетая на деревья.

Пегги бежала за ним. Мюллер поднялся, сделал несколько шагов вслед, но остановился, потому что не был уверен, правильно ли поступает Андрюша, нарушая покой астронавта.

— Это японец, — сказала Вероника. Она тоже выбежала из палатки.

И кинулась следом за Андрюшей. Дуглас за ней.

— Осторожнее! — кричал он. — Ты не знаешь этого человека!

* * *

Маркиз полагал, что в корабле он в безопасности. Что никто не придет туда по собственной воле.

Он не получал никакой радости от того, что причинял боль этому чужому существу. Он предпочел бы, чтобы обошлось без пытки. Лишь высокая цель, которой он служил, заставляла маркиза, получившего образование в Сорбонне и читавшего Бодлера в подлиннике, выламывать пальцы пришельцу.

— Возьми... возьми, — прохрипел пришелец.

И дупликатор, покачиваясь в воздухе, возник у самого лица Минамото.

Тот отпустил Рона, чтобы подхватить падающий прибор.

Прибор был теплым.

— Вот и хорошо, — сказал маркиз.

Он смотрел на пришельца, который корчился у его ног, и с некоторой фаталистической грустью понимал, что сейчас он будет вынужден убить этого человека, который, отдав прибор, из источника благодеяний превратился в нежелательного свидетеля.

Эти секунды размышлений чуть не погубили полковника императорской армии, потому что, истязаемый болью и отчаянием Рона, в корабль ворвался Андрюша.

— Мерзавец! — кричал он, налетев на Минамото и свалив его на пол. Тот, хоть и был втрое сильнее студента, выпустил дупликатор из рук. Прибор, не падая, отплыл в сторону и слился со стеной, потому что Рон не потерял сознания и способности понимать, что происходит.

И когда после секунды промедления Минамото собрался с силами и кинулся на Андрюшу, Рон, тоже слабый и немощный, вцепился в ноги маркиза, и они втроем покатились по полу, сливаясь с мягкими креслами, которые тщетно пытались принять форму тел, что вторгались в их мягкие объятия.

Маркиз, несомненно, победил бы в этой схватке, если бы не англичане. Дуглас и Вероника оказались на поле боя через минуту. Быстро разобравшись в перепутанных телах, Дуглас, в молодости неплохой боксер, прицелившись, точно ударил японца в челюсть. Голова того дернулась и упала.

— Нокаут, — сказал Дуглас. — Можно не считать до десяти.

— Он хотел вас убить? — спросила Вероника пришельца, помогая тому подняться.

— Нет. Сначала он хотел меня ограбить. Не знаю, стал бы он меня убивать...

— Он бы убил вас, — сказал Дуглас. — Вы не представляете, что он за человек.

— Я представляю это лучше вас, — сказал Рон, — потому что и слова, и мысли его были так близки, что перемешивались с моими. Он человек, одержимый высокой идеей. Идеей, опасной для других людей, но ценной для него. Он ее раб, и потому все, кто не владеет этой идеей и не разделяет ее, должны стать его рабами.

— Вам плохо? — спросила Вероника.

— Спасибо. Мне... — Пришелец захрипел и начал оседать на пол.

Как будто на сцене, где все происходит в нужный момент, в комнате возникла Пегги с чашкой горячего чая.

— Пейте, — сказала она, опускаясь на корточки рядом с пришельцем. — Это тунгус Илюшка сделал. Он хороший доктор.

Все смотрели на пришельца, и на какие-то секунды маркиз оказался без присмотра.

Он приподнялся на руках и медленно полз к двери. Затем встал, сделал два или три неверных шага, и это движение заметил Андрюша, который сам сидел на полу, держась за ушибленную голову.

— Держите его! — крикнул Андрюша.

Но было поздно.

Японец выбежал из корабля.

Дуглас, побежавший было следом, остановился, не решившись преследовать японца в буреломе.

* * *

Напоив тунгусским спасительным чаем пришельца, которому вовсе не стало от этого лучше, Пегги занялась ушибами и травмами своего Андрюши. Ее повышенное к нему внимание вызвало у Вероники усмешку и некоторую, как ни странно, ревность. Хоть ей и дела не было до тщедушного студента, а тем более до амуров служанки, интересы которой в Лондоне не поднимались выше полисмена, что стоял на углу их улицы, в отношениях Андрюши и Пегги злило проклятое и недостижимое бескорыстие, к которому внутренне стремится каждая женщина и тем более, чем она красивее, желаннее и предпочтительнее как объект обладания.

Прибежала Ниночка. Она опоздала, она ушла далеко, размышляя о том, каким завтра станет свободный мир. А когда вернулась к костру, то встретила там Мюллера и Дугласа, рассказавшего о злодейском нападении японца на инопланетянина. Ниночка возмутилась этим коварством и испугалась — от жизни Рона зависела судьба Земли.

Увидев совершенно обессилевшего, серого астронавта, Ниночка вдруг поняла, что нападение маркиза — последняя капля, переполнившая чашу терпения астронавта, соломинка, как говорят англичане, сломавшая спину верблюду.

Этот человек уже никогда не полетит к звездам и никогда не приведет с собой сверкающие корабли галактической справедливости.

Даже ее малого медицинского опыта было достаточно, чтобы

понять: Рон умирает, как умирал только что капитан Смит, потому что у него нет сил более жить.

И потому, выйдя со всеми остальными из корабля, Ниночка отстала от них и остановилась в одиночестве. Голоса людей удалялись к лагерю, они оживленно обсуждали события и пугались каждого куста — нет ли за ним японца.

Когда голоса стихли, Ниночка повернулась и решительно вошла в корабль.

Стоило ей сделать два шага внутри него, как она натолкнулась на невидимую, теплую, чуть упругую непроницаемую стену.

Она не удивилась, потому что, отправляя людей в лагерь, Рон сказал, что он примет меры, чтобы никто не мог войти в корабль без его разрешения.

— Это я, — сказала Ниночка, уверенная, что астронавт ее слышит. — Мне нужно поговорить с вами. Это очень важно. Я не займу много вашего времени.

— Мне плохо, — ответил голос у нее в голове. — Может быть, завтра?

— Завтра может не быть, и вы это знаете лучше меня, — сказала Ниночка твердо.

Она знала, что не уйдет, пока астронавт не впустит ее. И он понял это. Стена пропала. Ниночка вошла в корабль.

Инопланетянин устроился на кресле. Он был одет — силовое поле окружало его, поскольку чисто физический страх боли и смерти не покидал его. И угрозу, исходившую от людей, он видел во всем — даже в глазах этой девушки, даже в мягких движениях рук Пегги.

— Говорите, — сказал он, когда Ниночка остановилась на пороге.

— Я много думала, — сказала она.

— Говорите. И короче. У меня на счету каждая минута.

— Именно об этом я и хотела говорить. Я буду откровенна. Я имею медицинское образование.

— Неоконченное, — сказал Рон. Он порой проявлял информированность, куда превышающую разумные возможности.

— Мне очень грустно говорить об этом, — продолжала Ниночка, глядя прямо в глаза пришельцу, — но я боюсь, что вам не удастся вернуться к себе.

— Вы думаете, я умру?

— Вы умрете очень скоро.

— Зачем вы мне это говорите?

— Потому что это трагедия для меня и для всей Земли. Потому что я возлагала на вас все свои надежды, но вы их не оправда-

ли. Нет, не улыбайтесь. Вы лишь оружие в руках природы. А я обязана использовать его. Пока злобные силы реакции не сделали этого.

— Простите, — голос Рона был еле слышен, — под злобными силами вы имеете в виду маркиза Минамото?

— Разумеется. Вы понимаете, зачем ему нужен дупликатор? Для того, чтобы японские империалисты могли расширить свою империю. Вы знаете, как они захватили Корею, разгромили отсталый Китай, как они нанесли удар царскому самодержавию...

— Простите, но мне не приходилось еще читать об этом.

— Неважно. Можете мне поверить.

— Вы опасаетесь, что японец...

— Дело не в японце. Он не главная опасность. Главная опасность — царское самодержавие. Наша страна, я должна сказать вам, это тюрьма народов, это грандиозная машина угнетения, разрушить которую наша с вами задача. Я была уверена, что вы это сделаете, когда приведете с собой своих друзей. Теперь же я поняла — я не могу на это надеяться...

— Вам тоже нужен дупликатор? — спросил астронавт.

— Да, вы должны отдать его.

— И умереть здесь?

— Вы все равно умрете. Не здесь, так в пути. Лучше, как говорили древние, синица в руках, чем журавль в небе. Синица — это маленькая птичка...

— А журавль — большая.

— Правильно. Имея дупликатор, я смогу связаться с моими товарищами по подполью. И все начнется на новом уровне. Мы наладим производство патронов, мы будем делать золото, чтобы финансировать наши боевые организации, мы сможем делать подложные документы... И, будьте уверены, ваша жертва будет не напрасной. В освобожденной России вам будет поставлен монумент.

— Вот это лишнее, — сказал печально Рон. — И я не вижу большой разницы между вашими намерениями и намерениями японца, который бил меня. Он хочет убивать людей ради своей идеи, вы — ради своей.

— Весь вопрос в том, кого убивать.

— Для меня это вопрос риторический, потому что я не имею возможности сравнивать. Я здесь слишком недолго. И, кроме того, меня смущает сам принцип разговора со мной. Собираясь убивать иных людей, вы намерены начать почему-то с меня, который не сделал вам ничего дурного.

— Если будет нужно, я пожертвую собой! — воскликнула Ниночка. Глаза ее сверкали, щеки раскраснелись. — Ради народа.

— И все вы говорите о народе... Нет, для меня любое убийство недопустимо. В первую очередь убийство меня самого. Мне хотелось бы жить и вернуться домой.

— Если прогресс общества приведет в конце концов к такому массовому эгоизму, примером чего вы являетесь, — сказала Ниночка, — то не нужен мне такой прогресс.

Рон услышал легкий звоночек, донесшийся с пульта. Он с трудом приподнял тонкую руку, и от этого движения огоньки на пульте замелькали чаще и веселее.

— К счастью, ремонт корабля фактически закончен и я смогу улететь от вас.

— Испугались? — В глазах у Ниночки стояли слезы.

— Испугался, — кивнул Рон.

Ниночка резко отвернулась от него, сделала несколько шагов к двери. Рон молча смотрел ей вслед. «Только не останавливайся, — молил он ее мысленно. — Не надо останавливаться у двери и предпринимать еще одну атаку на меня».

Ниночка остановилась и обернулась.

— Я согласна, — сказала она. — Я согласна на участь худшую, чем смерть.

Она резким движением сбросила пальто, затем рванула за ворот строгой, черной с белым воротничком, блузки. Хрусталики-пуговки покатились по полу. Замутненное сознание Рона никак не могло подсказать ему, что же намерена делать эта девушка.

— Я готова, — срывались с побледневших губ Ниночки отрывистые слова, — я ваша. Любая жертва ради народа...

Корсет никак не поддавался хрупким пальчикам Ниночки, шнуровка путалась, по щекам девушки катились крупные слезы. Но вот еще усилие — и взору астронавта предстала небольшая девичья грудь, а пальцы продолжали расшнуровывать это бесконечное женское одеяние...

— И вы что, каждый день так раздеваетесь и одеваетесь? — спросил заинтересованно пришелец. — Сколько же это занимает времени?

— Не знаю... Я никогда... Не все ли равно...

Теперь юбка. И тоже крючки — шестнадцать крючков...

— Но что вы намерены делать? — так и не догадавшись о цели столь сложного действия, спросил Рон.

— Я отдаюсь вам, — прошептала Ниночка. — Я ваша... Я люблю Костю, я никогда не переживу измены ему, но ради свободы...

— Вы желаете вступить со мной в сексуальные отношения? — сообразил наконец пришелец.

— Называйте как хотите. Я знаю, что мужчины готовы на все ради этого...

— Но разве возможны подобные отношения без любовного чувства? — спросил пришелец.

— Я не знаю. — Ниночка шла к нему, опустив руки, но тут расстегнутая юбка, шурша, упала на пол, Ниночка хотела подхватить ее, запуталась в складках и села на пол.

— Значит, вы полагаете, что я, вступив с вами в сексуальные отношения, — размышлял вслух Рон, — соглашусь расстаться не только с дупликатором, но и с собственной жизнью? Мне приходилось читать о том, что трагическая любовь приводила к гибели партнеров либо партнера. Но сделать это без любви?

— Это ужасно, — согласилась Ниночка, не поднимаясь с пола.

— А вы не подумали о том, что я сейчас могу удовлетворить свои сексуальные потребности, но после этого не захочу жертвовать своей жизнью?

— Не может быть! — Ниночка в ужасе попыталась подняться, но наступила на край юбки. — Вы не посмеете! Это нечестно...

* * *

Вероника отошла к ручейку, вяло текущему по болоту, чтобы умыться. Ее окружала грязь, грязь, грязь... Вода в ручейке была ледяной и пахла лесной гнилью.

— Мисс Смит! — окликнул ее из-за дерева японец.

— А! — Вероника готова была закричать, но японец поднес палец к губам, и Вероника кричать не посмела.

— Мисс Смит, у меня к вам есть деловое предложение.

— Отдайте мне бумаги, а то я позову Костика и казака. Они вас убьют.

— Они меня убьют, и вы ничего не получите.

— А в каком случае получу?

Вероника была хладнокровной молодой женщиной и привыкла к самостоятельности. Ничего, кроме разочарования, мужчины, претендовавшие на то, чтобы оберегать ее, не приносили.

— Я передам вам все бумаги отца, ваше завещание — все. При одном условии: если вы возьмете у пришельца прибор под названием дупликатор.

— Тот, из-за которого вы пытались убить невинного человека?

— Я могу сейчас убить вас раньше, чем вы позовете на помощь.

— А какие гарантии, что я получу бумаги?

— Мое слово самурая.

— Оно существует?

— У вас нет выхода.

— У меня есть выход. Я позову на помощь...

— Не успеете. Через час я буду ждать вас здесь же. Бумаги будут со мной.

Маркиз исчез.

— С кем вы разговаривали, мисс? — спросила Пегги, которая подошла к ручейку за водой.

— Тебе показалось, — отрезала Вероника.

* * *

Когда профессор Мюллер подходил к кораблю Рона, он еще толком не знал, что скажет. Он знал, чего хочет, но не знал, что скажет.

У входа в корабль он обернулся. Менее всего ему хотелось бы ставить под угрозу жизнь пришельца, зная, что здесь скрывается опасный убийца.

Потому он совсем не ожидал, что какая-то растрепанная, полуодетая фигура вылетит ему навстречу из корабля — волосы взлохмачены, блузка расстегнута, юбка тянется по земле, пальто в охапку...

— Мадемуазель Черникова? Это вы? — спросил профессор, но ответа не получил. Рыдая, девушка скрылась в буреломе.

«Не может быть, — сказал себе профессор, останавливаясь перед люком корабля. — Неужели он напал на девушку и пытался ее обесчестить? А производит впечатление хорошо воспитанного молодого человека. Впрочем, что мы знаем о нравах на дальних планетах? Не исключено, что они проповедуют у себя свободную любовь и распущенность нравов. Как известно, поздняя Римская империя, с точки зрения цивилизации бывшая передовым государством Земли, тем не менее отличалась именно распущенностью нравов».

Рассуждая таким образом, Мюллер все не решался войти в корабль.

Но тут слабый голос Рона прозвучал у него в ушах:

— Вам что-то нужно, профессор?

— Нет, — смутился Мюллер. — Я так, проходил, хотел проверить, как вы себя чувствуете.

— Вам ничего не нужно от меня?

— Ни в коем случае, — искренне произнес профессор.

— Тогда заходите. Я как раз закончил ремонт корабля и могу позволить себе краткий отдых.

Астронавт лежал на диване, составленном из мягких кресел. Он еще более осунулся и производил впечатление человека, находящегося при последнем издыхании.

— Простите, — сказал Мюллер, — я не хочу вмешиваться в вашу жизнь и не мне судить о ваших нравах, но, входя к вам, я увидел мадемуазель Черникову в странном виде...

— Я не причастен к ее виду, — ответил печально пришелец. — Дело в том, что она предлагала мне свое тело в обмен на... дупликатор.

— Дупликатор? А он ей зачем?

— Для революционной борьбы, — сказал Рон.

— Но это же несерьезно, — сказал в сердцах профессор. — Что она, пули в нем будет отливать, что ли?

— Очевидно, и пули тоже.

— Надеюсь, вы ей не отдали этот прибор?

— Вы же знаете, что я не смогу без него улететь. Я умру.

— И умрет надежда Земли? — спросил Мюллер.

— Хорошо, что хоть вы понимаете ситуацию, — сказал Рон. — Мне начинает казаться, что всем и дела нет ни до меня, ни до судьбы планеты.

— Человек слаб, — согласился Мюллер. — И сегодняшний день ему кажется куда более реальным, нежели отдаленное будущее. Если бы вы сказали, что вернетесь через месяц, люди бы согласились ждать. Но поверьте мне, старому человеку: как тяжело ждать и не быть уверенным!

— Вам тоже нужен дупликатор? — спросил Рон.

— Я ничего у вас не просил.

— Но будь ваша воля?

— Нет! Люди, пришедшие сюда с этой же целью ранее, скомпрометировали саму идею. Я согласен ждать. Даже если не дождусь.

— И что бы вы сделали с дупликатором?

— Я бы не стал его использовать в корыстных целях. О нет! Я скромный человек, и профессорского жалованья мне хватает на жизнь. Но мысль о том, что мне не поверят, что меня поднимут на смех, невыносима. Мне нужно доказательство вашего существования!

— Тогда подождите. Подождите год, дайте мне жить!

— Я ничего не прошу, — возмутился профессор. — Вы сами задали мне вопрос.

— Я понял: если бы я сейчас умер, вы бы почувствовали боль-

шое облегчение. И не возражайте, профессор. Если вы заглянете в свою добрую маленькую душу, вы увидите, что я прав. Судьбы Земли для вас — это актовый зал университета, вы, стоящий там на кафедре, и гром аплодисментов. А затем через сколько-то лет славы — похороны по первому разряду.

— Вы слишком много о нас знаете, господин Рон, — рассерженно ответил профессор, который был категорически не согласен с пришельцем.

— Да, и с каждой секундой узнаю все более и все более сомневаюсь, достойна ли Земля нашей помощи. Или в ней есть некий генетический изъян, который погубит любую попытку вывести ее на путь гуманного прогресса.

— Я повторяю, что ничего не просил у вас! Не знаю, чем все кончится: вы умрете в пути, не вынеся путешествия...

— Возможно.

— Тогда лучше отдайте дупликатор мне. Он хотя бы останется достоянием науки и не попадет в руки дельцов или террористов.

— Еще один такой визит... еще один, и я сам отдам вам этот прибор! Я уже хочу умереть!

— Не мне вас судить, — сказал возмущенно Мюллер. — Вы жестокий эгоист, вот вы кто, сударь! Вы могли бы помочь реально земному прогрессу, но предпочли бегство!

Мюллер пошел прочь и на выходе столкнулся с Вероникой.

Та вошла спокойно, не торопясь, точно так, как положено заходить к занемогшему родственнику. Казалось, что в руке у нее небольшой домашний пирог, испеченный специально к такому случаю.

— Простите, если я вам помешала, — сказала Вероника. — Но я на минутку. Мне хотелось справиться о здоровье мистера Рона.

— Сами справляйтесь, — буркнул Мюллер. Ему было все противно. Да, скорее противно, чем стыдно. Он был унижен излишней откровенностью, даже цинизмом этого инопланетянина, забывшего, что он обязан жизнью именно профессору Мюллеру.

Вероника проводила чуть насмешливым взглядом надутого, как обиженный индюк, профессора и присела в кресло в ногах астронавта.

— Вы плохо выглядите, — сказала она.

— Я знаю об этом, — ответил Рон. — И должен вам сказать, что, если вы намерены предложить мне сексуальное общение, я заранее отказываюсь. Я вас не люблю. И я тяжко болен.

— Почему я должна предлагать вам такое... общение?

— Потому что вы пришли говорить со мной о судьбах Земли, о

братстве гуманных галактик, а на самом деле вам нужен дупликатор, без которого мне не улететь.

— Как я понимаю, — сказала куда более опытная, чем Ниночка, Вероника, — кто-то вам предлагал уже свое тело, и безрезультатно. Так как Пегги вряд ли нуждается в дупликаторе, значит, это была русская анархистка. Наивная девочка — цыпленок. Таких мужчины не любят, потому что они спешат повиснуть у них на шее.

— Что же вы мне предложите за дупликатор? — спросил Рон.

— Рассказ, — ответила Вероника. — Рассказ о моем отце, о моей безнадежной жизни, о том, что без дупликатора мне никогда не увидеть отцовского дома, который без завещания займут дети его обнаглевшего жадного брата, о том, что я буду бедной и вынуждена буду пойти на панель, так как я никуда не годная певица.

— Как так — пойти на панель? — не понял Рон.

— Торговать своим телом, — пояснила Вероника.

— А что с ним будет делать покупатель? Или у вас еще есть случаи каннибализма?

— В переносном смысле — да.

— Я ненавижу вашу планету, — сказал Рон.

— И не намерены ей помогать?

— Ненависть не подразумевает отрицательных действий, — туманно ответил пришелец.

— Я обращаюсь к вашей жалости, — сказала Вероника. — Я молода, красива, я добрый нормальный человек. Я любила моего отца, хотя он не заслужил этой любви. Я хочу получить от жизни лишь то, что мне положено получить.

— И ради этого вы готовы убить меня?

— Я буду счастлива, если вы останетесь живы. Но вы можете умереть в любой момент. И сделаете тогда меня несчастной. Я не говорю о судьбах Земли — их не изменишь. Только о моем скромном счастье.

Рон закрыл глаза.

Веронике показалось, что он умер.

— Рон, — позвала она, — господин инопланетянин! Очнитесь! Нет, этого не может быть...

— Считайте, что я уже мертв, — ответил Рон, не открывая глаз.

Вероника не выдержала. Она готова была кинуться на него с кулаками. Она кричала на пришельца, обвиняла его в жестокости, в коварстве... Но Рон спал. Или делал вид, что спит.

Не видя ничего вокруг от гнева, Вероника выбежала из туман-

ного, слишком белого и слишком расплывчатого корабля. Все погибло. Все погибло из-за этого бездушного мерзавца!

Но внешне она оставалась спокойной.

Перебежав по бревну на сухое место, Вероника поняла, что должна взять себя в руки. Иначе... иначе все потеряно.

А сейчас? — задала она себе вопрос.

Сейчас, ответила она себе, остается один шанс.

Она направилась к лагерю. И через несколько шагов человек, которого она искала, вышел из-за груды поваленных стволов.

Костик нес под локтем ружье — он не оставил надежды отыскать японца.

— Костья, — позвала его Вероника, останавливаясь и поправляя пепельные волосы, — у вас есть для меня секунда времени?

— Разумеется, — обрадовался тот. — Хоть вся жизнь.

— Мне не нужна жизнь. Мне нужна помощь, — сказала Вероника. — Вы единственный человек, который может меня спасти.

* * *

Костик вошел в корабль, и ничто ему не помешало. Рон лежал без сознания, он не слышал Кости до тех пор, пока тот не подошел к нему совсем близко и не наклонился, стараясь понять, дышит пришелец или уже помер.

Рон открыл глаза. Костя казался частью тумана.

— Господин Рон... — сказал Костя, нависая над пришельцем. Ружье он продолжал держать в руке. — Я пришел к вам за прибором. За дупликатором. Вы меня слышите?

Рон чуть заметно улыбнулся. Все это было слишком похоже на дурной сон.

— Я не буду вас пытать или бить, — сказал Костя, — хоть я думаю: лучше бы вы вообще сюда не прилетали.

— Почему?

— Потому что до вас мы жили как могли, хорошо ли, плохо ли, а теперь старой жизни нет. Неужели не понятно?

— Понятно.

— Если вы отдадите мне дупликатор, Вероника, от которой я без ума, наверное, согласится выйти за меня замуж.

— А если обманет?

— У меня есть шанс. Я его должен использовать...

— Я больше не могу... — сказал Рон. — Я даже не могу улететь... я потерял время... Поздно... все поздно... все потеряно...

Дупликатор нехотя отделился от стены и подплыл к Костику. Тот шарахнулся в сторону, подняв ружье, чуть не выстрелил.

Рон не слышал. Рон заснул... он угасал.

Костя отбросил ружье. Он схватил дупликатор и побежал к выходу. Он не знал, что придумает астронавт, когда придет в себя. Но он может и убить...

Прижимая аппарат к груди, он вышел из корабля.

Начало темнеть... Сумерки были исчерчены частыми снежинками, которые падали на землю и покрывали ее белым саваном. От этого провалы воды и черные стволы казались еще чернее.

Костя постарался засунуть сложенный дупликатор за пазуху, но тот не помещался. Выйдя на сухое место, Костик остановился. Он не знал, где отыщет Веронику, и не хотел, чтобы кто-то другой догадался, с какой добычей он покинул корабль. Надо спрятать...

Крючки на кожухе отстегивались с трудом, Костик спешил...

Дуглас ударил его по голове тяжелым суком, и Костя послушно и беззвучно улегся у его ног.

Дуглас и не ожидал такого везения. Он шел к кораблю пришельца, уверенный в неудаче, в провале своей миссии, потому что был неудачником с детства. Если кто-то крал яблоко в саду пастора, то пороли всегда хорошенького, но бедного Дугласа. Слишком много было соперников. Слишком много. И этот... прищелец, он не хочет умирать. Дуглас отлично понимал его, но все же пошел к кораблю, пошел, как бы выполняя тяжкий родственный долг.

Ему дупликатор был нужнее всех. В этом путешествии он потерял все — и покровительство японской разведки, ссудившей его деньгами, и руку Вероники, и деньги, взятые в долг, и, возможно, доброе имя... Дупликатор был богатством. И для Дугласа он имел конкретное и очень простое применение: бриллианты его двоюродного дяди, которые никогда не перейдут к нему по наследству, лежали в дядином имении, и раз в году, на день рождения дедушки, их вынимали и соседские сквайры приезжали посмотреть на чудеса Индии. Двух-трех карбункулов будет достаточно... а если мало, то можно будет повторить. И всегда найдется ювелир, который согласится распилить слишком известные, но все же не краденые камни.

Когда Дуглас увидел Костика, который стоял, полускрытый голыми ветвями, и пытался засунуть за пазуху дупликатор, голова его стала ясной, а движения четкими, как на боксерском ринге. Одно движение — и в руках тяжелый сук, второе — и Костя падает к его ногам.

Дуглас держал дупликатор в руках, любовался изяществом его линий и ощущал приятную тяжесть прибора. Несказанная радость охватила его: отныне он сможет целиком отдаться единственно любимому и достойному делу — он закончит свою поэму о Нельсоне, написанную классическим гекзаметром, он подарит изящной словесности все оставшиеся годы жизни, он учредит пенсии для престарелых писателей и стипендии для нуждающихся молодых литераторов.

Этим благородным и вполне искренним мыслям вряд ли удалось бы воплотиться в жизнь, даже если бы мистер Робертсон сказочно разбогател, ибо на нем была роковая печать человека, у которого никогда не будет в кармане лишнего фартинга. Его мысли были жестоко прерваны.

Если бы не случайность — если бы не последний комар, проспавший снегопад и возжелавший перед зимней спячкой набить желудок человеческой кровью, если бы не ярость, с которой Дуглас раздавил этого комара, изменив при этом позу, нож, пущенный верной рукой маркиза Минамото, без сомнения, поразил бы Дугласа в сердце.

Неожиданное движение Дугласа спасло ему жизнь.

Нож вонзился ему в предплечье, и острая боль заставила выпустить дупликатор.

Тот выпал из рук, ударился о черный ствол, отлетел в сторону и, подняв небольшой фонтан брызг, скрылся в воронке.

— Что вы наделали? — закричал Дуглас маркизу, имея в виду пропажу прибора, а не собственную рану.

Японец уже бежал к тому месту, где дупликатор скрылся в черной, отороченной белым снегом воде.

Не обращая внимания на раненого Дугласа, японец принялся бегать по краю воронки, стараясь заглянуть внутрь, потом стал вытягивать из кучи сучьев длинную слегу, сломал ее, принялся за другую — он хотел выяснить, насколько здесь глубоко. При этом он непрестанно приговаривал что-то по-японски, из чего Дуглас заключил, что Минамото совершенно не в себе и напряжение последних часов нарушило его психическое равновесие.

Но большего Дуглас заметить не смог, потому что ему стало дурно. Не сама боль, хотя боль и была, заставила его потерять сознание — мистер Робертсон не переносил вида крови, а его собственная горячая кровь струилась по рукаву и штанине, стало мокро и горячо ноге, а возле башмака быстро натекала красная лужа, растапливая тонкий слой снега.

И Дуглас, тихо застонав, рухнул на землю.

Вот эту картину и застала Вероника, которая разыскивала Костю.

Ее взору предстала страшная картина, которую при опреде-

ленной доле воображения можно было бы назвать «После боя». На прогалине возле озера-воронки лежали два недвижных тела. Скорчился, прижав колени к животу, Костя Колоколов, а совсем недалеко от него в луже крови лежал, распростершись, Дуглас Робертсон.

Японца Вероника не заметила. Она как зачарованная смотрела на тела молодых людей, прикрыв ладонью рот и не смея закричать.

Кто убил их? Минамото? Где же он?

И тут она увидела японца. Не обращая на нее внимания, он стоял на краю воронки и часто опускал в воду длинный кривой шест, стараясь достать им до дна.

И тогда Вероника стала медленно, на цыпочках, отступать — только бы Минамото не увидел ее. И только когда деревья скрыли ее от японца, она побежала к лагерю.

* * *

Впереди пошли казак Кузьмич и тунгус Илюшка. У них были ружья.

Затем шли Андрюша и Ниночка.

Чуть в отдалении — Пегги, которая не хотела оставлять Андрюшу одного перед лицом страшной опасности. Она держала в руке столовый нож — иного оружия ей не досталось. Последним семенил Мюллер.

Вероника, несмотря на силу характера, лишилась чувств, как только рассказала в лагере о том, что видела.

К прогалине возле воронки подошли осторожно.

Казак выглянул из-за поваленных стволов. Поднял руку, предупреждая остальных, чтобы стояли на месте.

Впереди, в отдалении, возвышалось полушарие космического корабля, окруженное широкой полосой черной воды. Ближе на белом снегу лежали тела Кости и Дугласа. А у края воронки они увидели маркиза. Маркиз был раздет, и его маленькое жилистое тело посинело от холода. Рядом была аккуратно сложена его одежда.

Маркиз опустил в воду шест и, держась за него, намеревался сам спуститься в воду.

— Эй, человек, руки вверх! — крикнул казак.

Слова казака громом прогремели над тайгой.

На японца они произвели неожиданное действие.

Он даже не обернулся, а со всего размаху прыгнул в воду.

Брызги воды разлетелись во все стороны, пятная снег и окатив оба беспамятных тела.

Холодная вода оказала резкое воздействие на молодых людей. Застонал, схватившись за голову, Костик. Приподнялся, ахнул при виде крови и снова упал Дуглас.

Но остальные бросились к воде, не обращая внимания на Дугласа и Костика.

Вода в воронке покачивалась, как в стакане, куда кинули кусок рафинада.

Казак наставил дуло на воду и строго сказал:

— Вылазь, не балуй!

И как бы послушавшись его, вода расступилась — из нее выскочила голова маркиза с выпученными глазами, рот открылся, забирая воздух, и голова скрылась вновь.

— Ничего, — сказал Кузьмич, не опуская ружья, — он теперь далеко не уйдет.

Но в следующий раз голова показалась совсем в другом месте — у самого корабля.

— Стреляю! — крикнул казак, но не выстрелил.

— Он за корабль поплыл! — крикнул Андрюша, бросаясь перелезать через стволы, чтобы обогнуть воронку.

Остальные побежали за ним.

Вода по ту сторону была мертвенно-спокойной.

— А может, он вылез? — утешила себя пустой надеждой Ниночка. — Он вылез, а мы не заметили.

— С ними это бывает, — согласился тунгус. — Нырять надо?

— Там ничего не отыщешь, — сказал казак. — Дно-то все бревнами и сучьями завалено. Упало — пропадет, однако.

Теперь можно было обратить внимание на раненых. К счастью, оба пострадали несильно. На голове у Костика вздулась большая шишка, а Дуглас был ранен в мякоть руки. Больно, неприятно, но опасности для жизни никакой.

Андрюша пошел в корабль, Мюллер за ним. Кто-то должен был сообщить пришельцу весть.

Как смертный приговор.

* * *

Астронавт встретил их стоя. Нашел в себе силы.

— Я все уже знаю, — сказал он. — Я наблюдал.

— Мы выражаем вам искреннее сочувствие, — сказал Мюллер.

— Верю, но завтра вы будете благодарить судьбу за то, что все так закончилось.

— Вы не правы, — сказал Андрюша.

— К сожалению, прав. И так как я мертвый человек, то мне нет смысла говорить неправду.

— Казак сказал, что дупликатор не отыскать.

— Отыскать можно, — сказал равнодушно пришелец, — но нет смысла стараться. Я думаю, что вы приведете сюда рабочих, осушите воронку и возьмете дупликатор. Правда?

— Мне он был не нужен, — сказал Андрюша.

— Вы не правы, — возразил астронавт. — Так как у нас с вами наблюдается определенная близость, мне не представляет труда заглянуть в ваши мысли. Простите, Андрюша.

— В моих мыслях...

— Именно это примирило меня с собственной судьбой. Сегодня ночью я увидел ваш сон. Это был не сон — видение, вызванное вашими подсознательными желаниями...

— Я не хотел.

— Значит, вы помните эту смесь сна и ваших мечтаний?

— Да, — сказал Андрюша. — Мне снилось, что у меня есть дупликатор, что мы с Пегги...

— Пропустите этот момент.

— Что с помощью дупликатора я сделал себе новый паспорт — скопировал паспорт Кости. И мы имеем много денег, и мы уехали в Россию. Я учу детей в школе...

— Не надо рассказывать. Главное, чтобы вы вспомнили. Вы первый искренне полагали, что Земле нужно спасение. И что надо сделать так, чтобы я мог улететь и привести с собой помощь.

— Я и сейчас так думаю.

— И не уверены в этом... Вы были последним.

— Я никогда не настаивал на том, чтобы завладеть дупликатором, — сказал Мюллер.

Рон не ответил.

— Может быть, вас найдут, — сказал Андрюша. — Вас ищут...

— Вы не представляете себе размеров Вселенной, — сказал пришелец. — И ее неизведанности. Я еще одна песчинка, сгинувшая в ней без следа.

— Ваш прилет не прошел бесследно для Земли, — сказал Андрюша. — В наших сердцах останется понимание Галактики. Мы будем ждать новой встречи с существами высшего порядка, подобными вам, господин Рон. Теперь для нас звезды, видимые в небе, не мертвы и не абстрактны. Мы знаем, что на них — наши друзья.

— И если через десятилетие или полвека до нас долетит новый космический корабль, его встретит лучшая, чем сегодня,

Земля. Мирная и гуманная. Я хочу в это верить, — сказал Мюллер.

Воцарилась тишина. Пришелец тяжело, прерывисто дышал. Андрюша подумал, что надо будет позвать Пегги — может, она напоит его чаем.

— Нам всем надо будет с вами проститься, — сказал Мюллер, борясь с желанием заплакать. — И выразить вам благодарность за все...

— За что?.. Уходите.

Они покорно вышли.

Почти стемнело, снова повалил снег. Он был мягкий, беззвучный, снежинки, достигнув воды, несколько мгновений, прежде чем растаять, белели на черной глади. Следы японца возле места, где он нырнул, засыпало снегом, и лишь шест, воткнутый им, указывал на могилу столь нужного всем прибора.

Костер горел ярко и сильно. Рои снежинок окружали его, как розовое зарево.

Сквозь стенку английской палатки желтым кругом проникал свет переносной лампы.

У костра были только Кузьмич и тунгус Илюша. Они мирно беседовали, как охотники на привале. Подняли головы, увидев, что подходят ученые, но Андрюша заметил, как рука казака легла на ложе карабина. Кузьмич не забывал, что где-то рядом бродит обезумевший маркиз.

— Не замерзли? — спросил Мюллер делано бодрым голосом. — Молодцы!

Может, он ждал, что казак отзовется: «Рады стараться», но для казака Мюллер не был настоящим начальником. У него здесь вообще начальников не было, даже молодой Колоколов не в счет.

Андрюша оглянулся — за завесой снега скрывался безмолвный космический корабль с умирающим астронавтом.

— Ты не замерз, Андрьюша? — спросила Пегги, когда он залез в свою палатку. Кроме них, в палатке никого не было.

— А где все остальные? — спросил Андрюша.

— Они у мисс Смит. Они читают дневники капитана Смита.

— Она их нашла?

— Пакет был в одежде, которую оставил китайский японец. А ты покушай. — Пегги протянула Андрюше очередной сандвич. Он был теплым от ее рук.

— Не хочется.

— Надо, обязательно надо, будешь здоровый, — сказала Пегги.

В палатке было тесно, до верха затылком можно достать. Пег-

ги быстро дышала, в полутьме были видны только белки глаз и ровные зубы.

— Спасибо, — сказал Андрюша и вложил бутерброд в руку Пегги.

Пегги чуть склонилась и прижалась щекой к его щеке.

— Рон совсем умирает, — сказал Андрюша.

— Хочешь, я к нему пойду? Я ему снова массаж сделаю. Или слова скажу.

— Боюсь, что он этого уже не хочет. — Андрюша пытался услышать в себе голос или хотя бы присутствие пришельца. Но пришелец не отзывался. Он не был мертв — Андрюша знал, он почувствовал бы это.

Сопя и кашляя, в палатку залез Мюллер, долго приглядывался, потом спросил:

— Я не помешал?

— Разумеется, нет, Федор Францевич.

— Вас не интересует обсуждение дневника капитана Смита? — спросил он. — Там, говорят, очень интересные сведения.

— Нет, не интересует.

Пегги отодвинулась от Андрюши. Не дай бог, если этот серьезный господин что-нибудь заметил! Он накажет Андрюшу.

— Там очень тесно, — сказал Мюллер. — Надеюсь, что я увижу эти документы потом. Они представляют большой интерес для науки.

* * *

А в другой палатке в самом деле было тесно.

Дуглас лежал, занимая чуть ли не треть свободного места, но не хотел, чтобы остальные переходили в другую палатку. Вероника листала страницы дневника, кое-что зачитывая вслух.

Никому это чтение сейчас не было интересно, даже Веронике. Но это было действие, занятие, которое оправдывало их пребывание в палатке, придавало смысл бессмысленному ожиданию.

— Я продолжу, — сказал Дуглас. — Вы устали.

— Не двигайтесь, — ответила Вероника. — Вам вредно.

Костик смотрел на Дугласа испепеляющим взглядом, но тот этого взгляда не чувствовал.

— Завещание, — спросил Дуглас, — завещание цело?

— Оно здесь. — Вероника показала себе на грудь. Все поняли, что завещание читать не будут.

Когда Вероника устала читать, стала читать Ниночка. Пошли записи о трагическом переходе по льду.

Дуглас закрыл глаза, у него начинался жар. Но он терпел. Возвращение дневника как бы позволило ему вновь приблизиться к Веронике. Страшный, злобный гений, который разлучил их, исчез... Но исчез ли?

Потом читал Костик. Ниночка перестала слушать. Она видела взгляды, которые Костик кидал на Веронику. «Ничего, — утешала она себя, — борьба не закончена. Мы обойдемся без дупликаторов. И без Колоколовых, любовь к которым не более как слабость революционного бойца».

Так думала Ниночка, но на самом деле ее классовая ненависть к отпрыску эксплуататорского рода никак не уменьшала ее любви к Костику. И это было ужасно.

Костик порой поднимал руку, трогал шишку на голове. Дотрагиваться было больно. Ниночка сбегала, принесла ему полотенце, смоченное холодной водой. Но Костик не стал его прикладывать к шишке, потому что ему казалось, что Вероника будет смеяться над ним. Он полагал, что завтра утопит Дугласа. Вот так, возьмет и утопит.

Никому не нужное чтение продолжалось, потому что все ждали, хотя не могли признаться себе, что ждут смерти пришельца.

* * *

Они сидели, набившись в палатку. Хоть стенки ее были матерчатыми прорезиненными, но, пропитанные каучуком, они плохо пропускали воздух, и было очень душно. И они все ненавидели друг друга. По-разному и за разное.

Дуглас ненавидел Веронику, потому что знал, что потерял ее.

Костик ненавидел Дугласа, потому что понял, как далека от него Вероника.

Ниночка ненавидела Костика, потому что любила его.

Но все оставались вместе и делали вид, что заинтересованно изучают дневник капитана Смита, до которого никому из них не было дела.

* * *

Компьютер выдал Рону последнюю информацию: возможная длительность его жизни при настоящих условиях — семь часов плюс-минус десять минут.

И все.

Порой он терял сознание, продолжая при этом ощущать, как движется время. И в его сознании отщелкивали секунды — слишком быстро.

Все, что происходило с ним, было немыслимо, он не мог умереть здесь, на краю Вселенной. Бесследно.

Впрочем, нет. Профессор Мюллер со временем вытащит его корабль на сухое место, даже перевезет в музей и будет водить к нему экскурсии, а сам станет мирно стареть возле своего Великого открытия. Впрочем, успеет ли он вытащить корабль из болота? Ведь на Земле скоро начнется мировая война, а к концу ее никому не будет дела до инопланетных кораблей. А еще через несколько лет болото окончательно затянет в свою глубь металлический шар, и когда в конце двадцатых годов сюда доберется новая экспедиция, она так и не сможет разгадать тайны урулганского метеорита...

Все глубже погружался пришелец в бесконечный холодный сон, в котором не будет знания о судьбе тех людей, что ждут его смерти, думая о своих человеческих мелких делах, и которых в скорые годы разобщит, уничтожит судьба...

Вот и конец этой истории. Первый конец, привидевшийся всем.

* * *

Словно во сне кто-то подсказал выход.

Воспаленному умирающему мозгу решение показалось простым.

Надо встать и пойти к краю воронки, там, на дне ее, лежит дупликатор. Лежит и ждет. Надо только вынуть его из воды и стартовать.

Потом снова было затмение.

И жуткий, жгучий холод, мелкие, но болезненные ожоги снежинок по голой коже — наверное, он не оделся, когда покидал корабль?

Астронавт знал нужное место — там из воды торчал шест.

Он присел на корточки, стал вглядываться в воду, надеясь своими обостренными органами чувств ощутить присутствие прибора и точное место, где он лежит.

Но чувства отказывались подчиняться. Они лишь обманывали — они говорили, что снег обжигает, а вода горяча...

Астронавт присел на край воронки и опустил в воду ноги. Конечно же, вода горячая, но не настолько, чтобы свариться...

Он оттолкнулся от обрывчика и пошел вглубь.

Вода сразу сдавила, стараясь забраться в ноздри.

Когда-то, далеко отсюда, на той планете, куда не вернуться, Рон был хорошим пловцом. Его руки и ноги, лишенные управления, двигались инстинктивно — надо было достать до дна... Но там были лишь спутанные бревна.

Рон вынырнул.

Холод воды привел его в чувство. Как ни странно, он чувствовал себя лучше — к нему вернулось сознание, но вместе с ним и отчаяние, понимание того, что дупликатор ему никогда не найти.

* * *

Андрюша выбежал из палатки.

— Опять, да? — кричала вслед Пегги. — Он зовет тебя?

Она кричала так громко, что Ниночка выглянула из другой палатки и спросила вслед:

— Что случилось? Он умер?

Пегги не ответила — она уже скрылась в снегопаде.

Ниночка не думала, что побежит к кораблю, — ее это уже не касалось. Но побежала. Сзади топали сапоги Костика.

Андрюша добежал до воронки и почти в полной темноте увидел на поверхности воды голову пришельца. Тот нырнул снова.

— Нельзя, вы же больны! — крикнул ему Андрюша, но, конечно же, Рон не услышал.

Андрюша стал быстро раздеваться, путался в башмаках, в штанах. Пегги повисла на нем — пыталась оттащить от черной воды.

Подбежала Ниночка, она не поняла, кто и с кем борется, и кинулась кому-то помогать...

Андрюша вырвался, так и не раздевшись толком, нырнул вслед за Роном. Тот как раз поднимался, чтобы вдохнуть воздуха, хотя уже и не чувствовал, что поднимается, — он несся по темному туннелю к далекой звездочке света впереди.

Андрюша даже не понял, холодная ли вода. Он тянул неподатливое, мягкое, упрямое тело астронавта и, когда понял, что теряет силы, почувствовал, как рядом в воду плюхнулось что-то тяжелое — Костик помог ему вытащить Рона на берег.

Мюллер стоял с фонарем — он оказался предусмотрительнее прочих. Потом, когда Рон уже лежал на пальто Вероники, которая успела его расстелить, появился тунгус Илюшка с факелом — головней, обмотанной просаленной тряпкой.

Пришелец что-то бормотал.

Андрюша поднялся и снова шагнул к воронке.

— Нет! — завопила Пегги.

— Чего уж, — сказал Костик. — Поздно так просто стоять.

И пока Андрюша отчаянно, но безуспешно вырывался из

цепких отчаянных рук Пегги, Костик, которого никто не удерживал, вновь ушел в черную ледяную воду. И тогда Ниночка поняла, что он погибнет, если она не придет ему на помощь...

Ниночку удержал Кузьмич. Казак крепко схватил ее на лету, потащил обратно от воды, страшно матерился, а Андрюше удалось извернуться и вырвать руку у Пегги. Он протянул ей мокрые очки, которые чудом не потерял под водой, и сказал строго:

— Береги. Я без них как без рук.

И пока Пегги растерянно брала очки, он уже был в воде.

Отчаянное, сумасшедшее желание найти этот проклятый дупликатор охватило всех, как припадок истерии. Мюллер бегал по берегу, размахивая фонарем, и что-то кричал ныряльщикам, даже Дуглас забыл о своей простреленной руке и начал сползать по откосу в воду, но задел руку, и боль привела его в чувство. Тут с берега метнулась в воду еще одна фигура — это была Пегги. Она должна была спасти Андрюшу. Но она понимала, что Андрюша не вылезет из ледяной воды, пока не найдет этого прибора. А раз так, она найдет его сама. Нырнуть она не смогла — вода была такой обжигающе холодной, что тело Пегги, не послушавшись ее, выпрыгнуло обратно на берег...

Вероника сорвала с себя теплую кофту и растянула над пришельцем, чтобы снег не падал ему на лицо.

— Потерпите, господин Рон, — уговаривала она его, — не умирайте. Они обязательно найдут.

— Есть! — прохрипел, вынырнув в четвертый или пятый раз, Костик. И нырнул снова.

Они столкнулись с Андрюшей под водой. Но оба уже знали, что отыскали — руками, в переплетении ветвей, сучьев и бревен, они трогали и ужасались этому — нечто мягкое и податливое...

Костик, задерживая из последних сил дыхание, стал обламывать сучья, что держали эту мягкую массу. Андрюша старался делать то же самое.

* * *

Вода раздалась, и медленно, как в тягучем кошмаре, из нее показалось белое, блестящее под светом факела и фонаря обнаженное тело. Рядом две головы — Андрюши и Костика.

Костик, ухватившись одной рукой за торчавший из воды ствол, перевернул тело.

Мертвые глаза маркиза Минамото были открыты.

Его скрюченные пальцы прижимали к груди дупликатор.

* * *

Казак и Дуглас вытащили тело японца на берег, положили рядом с пришельцем.

Тунгус и девушки помогли вылезти из воды ныряльщикам.

Пегги сразу накинула на Андрюшу свое пальто и потащила его к палатке, но он не давался. Ниночка говорила Костику:

— Ты прыгай, прыгай, миленький, только не простудись.

Костик услышал и начал подпрыгивать на месте.

Веронике вдруг захотелось засмеяться — смеяться было нельзя, она подавляла в себе приступы смеха. Руки, в которых она держала над головой пришельца кофту, дрожали.

Дуглас здоровой рукой вырвал из пальцев маркиза дупликатор.

— Мистер Робертсон, — сказал профессор Мюллер, — если вы полагаете...

— Не говорите глупостей, профессор, — сказал Дуглас. — Я отнесу его на корабль.

— Лучше я сам, — сказал Мюллер. — У вас болит рука.

Дуглас покорно передал профессору дупликатор, а тот Дуглас — фонарь. Дуглас пошел впереди к кораблю, освещая бревна, чтобы профессор не свалился в воду.

Труднее было нести астронавта. Бревна покачивались — от снега они были мокрыми и скользкими. Голову его поддерживала Вероника, под плечи подхватил Кузьмич. Андрюша и Костик держали его под бедра.

Они пронесли Рона в корабль и положили на сдвинутые кресла.

В корабле было тепло, но на Андрюшу напала дрожь, стучали зубы, тряслись руки.

Ниночка, не стесняясь, подолом юбки вытирала Костику руки, а он говорил ей, широко улыбаясь:

— Сейчас твой революционный студент концы отдаст, ей-богу!

Пегги старалась привести Рона в чувство. Она знала какие-то свои, цейлонские слова и движения рук.

— На вид пустяковый прибор, — сказал Дуглас. — Давайте скопируем что-нибудь на прощание.

— Может, он и не проснется, — сказал Мюллер.

— Ах, оставьте! — сказал Дуглас. — Они там страшно живучие.

Он был прав. Рон приоткрыл глаза, чуть-чуть, словно ему мешал свет.

— Господин Рон, — сказал Андрюша, — вы меня слышите?

Скажите, как поднять этот саркофаг? Как запустить ваш корабль? Мы не знаем.

— Поздно...

— Мистер Рон, — сказал Дуглас, — мы нашли эту игрушку. Видите?

Он показал дупликатор Рону, но неясно было, понял ли тот, что хотел сказать Дуглас.

Андрюша почувствовал жжение в голове — словно мысли Рона пытались вгрызться в его мозг. Он не понимал слов, но он знал, что надо делать.

Неуверенно, прислушиваясь к дальнему неразличимому голосу, он подошел к пюпитру и начал нажимать на нем кнопки. Дупликатор вырвался из рук Дугласа, подлетел к стене и исчез в ней.

Средняя часть пола начала подниматься, стоявшим там пришлось расступиться. Длинный саркофаг поднялся на аршин от пола, его крышка съехала в сторону и осталась висеть в воздухе.

— Помогите мне, — сказал Андрюша.

Мужчины помогли перенести Рона в саркофаг. Тогда он открыл глаза шире.

— Я... — прошептал он.

Некоторым показалось, что он сказал: прилечу — другим докажу.

— Надо уходить, — сказал Андрюша. — Он должен войти в состояние летаргического сна, прежде чем последние силы оставят его.

— А как же он будет управлять аппаратом? — спросила Ниночка.

— Аппарат будет сам собой управлять.

— Мы будем ждать вас, — сказал Мюллер, глядя, как надвигается на саркофаг матовая выпуклая крышка. Рон смотрел на него, потом перевел взгляд на Ниночку.

— Мы будем ждать вас, — повторила Ниночка.

То же сказали Вероника, Дуглас, даже тунгус Илюшка — как будто иные слова говорить в таких случаях не пристало.

Потом все вышли.

Пегги вышла предпоследней и остановилась, держась за край люка, ждала Андрюшу — она вдруг испугалась, что Андрюшу увезут на небо.

Потом вышел Андрюша, и крышка люка сама задвинулась.

Андрюша помог Пегги перейти по бревнам на берег, где лежал, глядя мертвыми глазами в черное облачное небо, маркиз Минамото. Там же стояли остальные. Вероника опиралась на

здоровую руку Дугласа. Ниночка стояла рядом с Костиком, но не дотрагивалась до него.

Мюллер был ближе прочих к краю воронки. Он старался, хоть и с запозданием, определить размеры и точную форму космического аппарата. Вдруг он сказал Андрюше:

— В следующую экспедицию никогда не отправлюсь без фотографического аппарата.

Сначала вздрогнула вода, как бы утекая вниз и обнажая нижнюю часть корабля. Но это был обман зрения — на самом деле он начал подниматься.

Затем с хлюпающим, поцелуйным звуком вода отпустила его, и он начал бесшумно и мерно стремиться точно вверх. Он стал большим темным пятном, а затем еле различимой темной точкой на фоне ночных облаков. В том месте, куда он уходил, образовалось белое пятно. Оно вытягивалось, превращаясь в белую, словно из пара, дорожку. Никому из смотревших на это не доведется дожить до эры реактивных самолетов, и никто из них так и не узнает, что для Земли такие белые полосы станут обычны, как полеты голубей или дым паровоза.

Высоко сверкнула звездочка.

— Все, — сказал Андрюша. Первый и единственный из всех он почувствовал страшную, невосполнимую пустоту в душе.

* * *

Старший Колоколов встретил их у Власьей заимки.

Что-то грызло его — даже не доделал всех дел в Булуне, оставил за себя приказчиков, нанял за большие деньги быстроходный катер у золотопромышленника Аганбегяна и помчался обратно.

Ему первому обо всем и было рассказано.

И он первым вроде бы и поверил, но и не поверил до конца. Потому что даже если несколько достойных доверия людей рассказывают тебе о событии, которого быть не может, побеждает чаще всего твое собственное трезвое мнение. А профессору, прощаясь с ним в Новопятницке, он сказал:

— Я бы на вашем месте, Федор Францевич, поостерегся в Петербурге это рассказывать. Мы-то еще поверим, а там смеяться будут. Теперь, как мне Костик рассказывал, в моде фантастические истории про всяких марсиан. Охота вам портить себе репутацию?

А в первый вечер, у Власьей заимки, Колоколов позвал Веронику поговорить. Они пошли вдвоем по берегу.

Вероника сказала Колоколову:

— Я буду с вами откровенна. Из всех мужчин на свете вы мне ближе всех. Несмотря на разницу в возрасте. И если бы не находка завещания, я бы осталась здесь вашей женой, наложницей — кем угодно. Я уже решила это перед тем, как увидела умирающего отца. Но теперь я состоятельная женщина. И намерена жить в той обстановке, которая мне приятна.

Колоколов не понял слов, но понял смысл речи.

— Я тебя осыплю золотом, — сказал он.

— Я сама, — рассудительно сказала Вероника, — могу осыпать вас казначейскими билетами лондонского казначейства. Да вы и не захотите, чтобы я умерла от тоски в этой дикой стране, где меня всегда будут преследовать ужасы, пережитые за последние дни.

Колоколов тоже понял смысл ответа.

Они поцеловались с Вероникой.

Колоколов решил подарить ей авто. Что и сделал по возвращении в Новопятницк. И за свои деньги отправил его в Лондон.

Костик ждал Веронику у избы. Та не прятала взгляда. Взгляд ее был доброжелателен, пуст и спокоен. И больше Костик ничего спрашивать не стал. Вероника вошла в избу. При виде ее Дуглас, у которого был жар — воспалилась рана, — попытался подняться.

— Не беспокойтесь, мой друг, — сказала Вероника. — Постарайтесь не умереть от гангрены. Мне нужен верный спутник во время моего долгого путешествия в Англию.

Дуглас облегченно откинулся на свернутую валиком медвежью шкуру.

На обратном пути Дуглас написал серию статей для «Дейли мейл». Из тех, что повествовали о путешествии по Лене и встрече с умирающим капитаном, получилась затем книга, ставшая бестселлером. Две главы этой книги, где говорилось о находке метеорита и последующих приключениях с астронавтом, редактор серьезной газеты печатать не стал. Поэтому Дуглас не включил их в свою книгу. Он сказочно и быстро разбогател. И так же сказочно и быстро растратил эти деньги. Тогда уже началась война, он ушел добровольцем в армию и погиб под Верденом в середине 1916 года.

Вероника рассталась с ним, как только они добрались до Лондона. Через два года она вышла замуж за Патрика Сайлса, второго баронета Уолсбери, который был старше ее на двадцать шесть лет. До самой своей смерти, последовавшей в 1943 году, она жила в Уолсберийском замке. У нее было двое детей. Она также опубликовала книгу «Приключения в Сибири. Девушка ищет отца».

В ней она тепло отзывалась о Колоколове, который в 1920 году уехал в Харбин и погиб через шесть лет, убитый грабителями, которые так и не сумели вскрыть его сейф.

Как ни странно, раньше всех сгинул Костик Колоколов. Он жестоко простудился в ту ночь и заболел чахоткой. Притом он пил. У Костика были частые припадки безумия, и в такие моменты он признавал только Ниночку, которая безропотно и преданно ухаживала за ним. Во время одного такого припадка он утопился в Лене. Это случилось за месяц до Февральской революции.

Вскоре Ниночка и Андрюша покинули Новопятницк.

Ниночка сразу окунулась в революционную работу, вступив в августе 1917 года в партию большевиков. На Южном фронте она служила в политотделе 2-й армии, а при отступлении в 1919 году попала в плен к махновцам, которые ее замучили. Андрюша стал трудиться на ниве народного просвещения. Они с Пегги жили сначала в Москве, а потом, когда после Гражданской войны у кого-то возникли сомнения по поводу происхождения жены товарища Нехорошева, уехали в Поречье, где Андрюша несколько лет учительствовал в местной школе. После смерти Пегги он уехал из Поречья, и его следы теряются.

Профессор Мюллер, по здравом размышлении, в докладе о поисках урулганского метеорита не стал упоминать о его истинной природе. Астронавт Рон оказался провидцем — научные интересы Мюллера требовали, чтобы Рон умер, а корабль его остался на Земле в качестве вещественного доказательства.

На случай, если Рон вернется, Мюллер подробно описал все события на Урулгане и спрятал записи на квартире у двоюродного брата. После смерти Мюллера в 1936 году брат, опасаясь ареста, на всякий случай сжег все бумаги.

Долетел ли Рон до своей планеты или умер в пути, неизвестно.

Летят ли к нам корабли галактического центра, чтобы помочь Земле выйти из эпохи варварства и приобщиться к гуманным цивилизациям космоса, или там и не подозревают о нашем существовании, пока сказать нельзя.

СОДЕРЖАНИЕ

АГЕНТ КФ. *Повесть* 5
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ. *Повесть* 163
ЛЮБИМЕЦ. *Повесть* 267
ВАНЯ + ДАША = ЛЮБОВЬ. *Повесть* 537
ЛИШНИЙ БЛИЗНЕЦ. *Неоконченный роман* 613
В КОГТЯХ СТРАСТИ. *Повесть* 669
ЧУМА НА ВАШЕ ПОЛЕ! *Повесть* 707
ЗОЛУШКА НА РЫНКЕ. *Повесть* 815
ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО. *Повесть* 849
ТАЙНА УРУЛГАНА. *Повесть* 897

Литературно-художественное издание

Кир Булычев

ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Т. Жарикова*
Корректоры *Н. Сгибнева, О. Ямщикова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника В. Терминатова

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать 25.08.2006.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага тип.
Усл. печ. л. 57,12. Уч.-изд. л. 59,9.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 2420.

Отпечатано с готовых монтажей издательства
на ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@tverpk.ru